

Типографія и Литографія А. Траншеля,
на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, домъ № 45 — 1.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 4-го Декабря 1870 года.

№ 27. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

VIII.

Женихъ.

Посреди просторной, широкой вежи Прасковьиной горѣла жаровня съ угольями; въ дверь, съ которой было сдвинуто завѣшивавшее ее одѣяло, лились яркіе, холодные лучи ноябрскаго солнца. Прасковья и оба ея пріемыша, Русалка и Маринушка, сидѣли за своей обыкновенной работой, за вышиваньемъ, поджавши ноги по татарски—и всѣ трое молчали. На небольшомъ деревянномъ латкѣ стоялъ деревянный жбанъ съ медомъ и маленькій серебряный ковшикъ. Всѣ трое съ нетерпѣніемъ ждали желаннаго гостя, почти что помолвленнаго за Марину, Великаго Князя Всея Руси, Юрія Даниловича.

— Голова что-то болитъ, пойти добре на свѣжій воздухъ поохладиться, сказала Прасковья, приподнялась, выползла изъ подъ разноцвѣтныхъ войлоковъ и присѣла у вежи, пытливо вглядываясь въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться Великій Князь.

Русалка тоже бросила работу, ласково усмѣхнулась въ глаза Маринѣ, хлопнула ее по плечу, поцѣловала и сказала:

— И я тоже уйду.

Марина зардѣлась, потупила голову — и усерднѣе прежняго молча заработала иголкой. Она крѣпко, безумно, всей душой любила Юрія; но эта любовь, съ самаго начала ея, съ самаго убіенія Михаила Ярославича, когда въ ея дѣтской душѣ вспыхнуло благоговѣніе предъ этимъ желѣзнымъ человѣкомъ,—не приносила ей радости. Она не чувствовала въ себѣ той мощи, которую въ немъ слышала и которую именно потому любила въ немъ, что сама была ея лишена; она сознавала, что она не можетъ быть—если онъ и дѣйствительно женится на ней—ни помощницей ему, ни совѣтницей; она—точно муха на его багряномъ плащѣ; она готова за него умереть, но—она ему не равна. Она любила Юрія, потому что Юрій слѣпилъ ее своимъ блескомъ, подавлялъ ее своей мощью; она любила слушать его, но говорить съ нимъ ей было нечего. Простая, чистая, безхитростная отъ природы, степная лилія, чего не дѣлала Марина, чтобы быть ему полезною? Интриговала въ его пользу у ханшъ, заискивала для него у вліятельныхъ мурзъ, наконецъ умышленно обратила на себя вниманіе тверскаго великаго князя, для того только чтобы слѣдить за его поступками. Все это выходило натяжкой, а пуще всего — было ей самой въ тягость. Если бы пытать стали эту полудѣвочку за Юрія, она бы ни слова не сказала; но она чахла отъ того, что ее истомляло сознаніе этого страшнаго неравенства. У Юрія была цѣль совершать убійство за убійствомъ, крупныя историческія злодѣянія за крупными историческими злодѣяніями. Онъ дѣлалъ это для того княжескаго рода, къ которому принадлежалъ по рожденію, для собранія земли русской—и для того чтобы хоть дальніе потомки его могли отомстить Ордѣ за его униженія, и могли помянуть его добрымъ сло-

вомъ, что онъ взялъ на себя столько преступленій ради избавленія Руси отъ ея явныхъ враговъ и некстати-услужливыхъ друзей. Но угнаться за этой ширью его мысли, за его страшной діалектикой, она была не въ силахъ. Всѣ ея помыслы и стремленія сводились на весьма скромное желаніе обзавестись маленькимъ домкомъ, гдѣ всего было бы въ довольствѣ и куда Юрій приходилъ бы отдыхать и разсказывать ей о своихъ страшныхъ кровавыхъ успѣхахъ—разсказывать ей, какъ предъ нимъ все гнется, какъ каждая мысль его въ дѣло приводится. Съ другой стороны и Юрій давно усталъ отъ этой любви къ безродной дѣвушкѣ, подвернувшейся ему въ вежѣ Прасковьи, куда онъ пришелъ разъ по дѣлу. Съ самаго начала эта любовь была ему въ тягость—потому что она, кромѣ непрочныхъ связей съ Ордою, ничего ему не приносила. Жениться на какой-нибудь Гедиминовнѣ, или, пожалуй, ханской сестрѣ, даже съ тверскими породниться—было несравненно выгоднѣе для дѣла, а внѣ дѣла для Юрія и жизни даже не было.

— Вотъ тебѣ, господине княже, толковалъ ему не разъ другъ его, осторожный и разсчетливый торговый гость новгородскій, Ѳедоръ Колесница,— не побрезгуй ты этой Мариной; не смотри ты, что она рода простаго—царь и царица ее крѣпко любятъ, а тебѣ она во всемъ будетъ правая рука.

И дѣйствительно, эта пятнадцати-лѣтняя дѣвочка столько разъ совалась въ несвойственную ей политическую роль, столько разъ сбивала съ толку не то что тверскихъ, но даже закаленныхъ въ подвохахъ московскихъ бояръ, что нельзя было не признать за нею огромной даровитости. Но одно, что̀ возмущало Юрія и что̀ заставляло его отыскивать себѣ другую помощницу, это—сознаніе, что она не дѣлу служитъ а ему, Юрію, что умри онъ—дѣло перейдетъ въ другія руки, потому что она или броситъ его, или станетъ продолжать только для того чтобы *ему* угодить. Ни ея молодость, ни ея миловидность—не зажигали въ груди Юрія той пылкой всепоглощающей любви, которая развивается въ мужчинахъ именно въ лѣта ихъ полнаго цвѣта, между 35—50 годами. Въ этомъ возрастѣ мужчина ищетъ въ женщинѣ—или простой игрушки, ребенка,—или товарища, на котораго можно было бы опереться. Марина близко подходила къ идеалу Великой Княгини Всея Руси, но она все же не равнялась ему. Юрій сознавалъ, что дѣлается все для него; что какъ ни пріятна для нея каждая услуга ему, но все-таки это услуга, все таки онъ становился обязанъ ей,—словомъ сказать, обоимъ имъ было далеко не весело. А ханша, Прасковья, Чобуганъ, мурза Четъ и даже самъ Колесница вполнѣ полагали, что Юрій не сегодня — завтра явится къ хану съ челобитной о дозволеніи ему жениться на Маринѣ. Узбекъ былъ вполнѣ согласенъ на подобный бракъ и даже рѣшился возвести Марину (вслучаѣ сватовства Юрьева) въ санъ своихъ царевенъ. Санъ этотъ до сихъ поръ на Востокѣ считается отнюдь не предосудительнымъ, потому что монархъ возводитъ тамъ дѣвушекъ въ санъ царевенъ вовсе не для того чтобы быть въ связи съ ними, а просто чтобы дать имъ высокій титулъ, несравненно выше званія нашихъ статсъ-дамъ и почти что равняющійся тому, что̀ называется въ Европѣ «принцессами крови». Въ Ордѣ ждали, чтобы Юрій началъ свое ходатайство о возстановленіи хотя бы и фиктивнаго родства съ ханскимъ семействомъ,—и Юрій, скрѣпя сердце, направлялся, 20 ноября 1325 г., къ Прасковьиной вежѣ, рѣшившись жениться, если только ему удастся обдѣлать давно-задуманное дѣло съ Дмитріемъ Михайловичемъ, къ которому самъ Узбекъ тоже былъ крѣпко расположенъ, тѣмъ болѣе что чувствовалъ себя виноватымъ въ смерти его отца. Юрій шелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ отроковъ, накинувъ на себя простой плащъ и заворотивъ длинный воротникъ, висѣвшій почти до самой поясницы, на голову,—а тверскіе, рязанскіе и черниговскіе бояре и ихъ отроки такъ и слѣдовали за нимъ по пятамъ. Уже цѣлый мѣсяцъ не могъ Великій Князь Всея Руси шагу ступить въ Ордѣ безъ этихъ соглядатаевъ. Дѣло дѣлать они ему не мѣшали, но надоѣдали они ему до невозможности, а пуще того сильно роняли его во мнѣніи татаръ — тѣмъ, что ставили его въ смѣшное положеніе. Желчный, озлобленный, подошелъ онъ къ Прасковьиной вежѣ, а Прасковья чуть завидѣла его—тотчасъ же сдѣлала видъ, будто она хлопочетъ съ Русалкой около сосѣдней ставки.

—Батюшка князь! говорила Прасковья,—здравствуй, кормилецъ нашъ, здравствуй! Милости просимъ! Ужь не къ намъ-ли, родной?

— Здравствуй, матушка, отвѣчалъ Юрій,—что, никого гостей нѣтъ у тебя?

— Никого, батюшка, господине великій княже,—кто же у насъ у сиротъ бываетъ? — Пройди, пройди въ вежу-то; тамъ я тебѣ и медку поставила, господине великій княже, и вотъ сейчасъ съ Русалочкой угощеньице тебѣ приготовимъ. Поди, посиди съ Маринушкой; только она, бѣдная, хвораетъ какъ будто.

Юрій Даниловичъ быстро вошелъ въ вежу и сѣлъ у жаровни.

— Ну, Марина, здравствуй!.. сказалъ онъ, по мѣрѣ возможности весело.

Марина, не говоря ни слова, обвила руками его шею, спрятала лицо на груди и зарыдала.

— Что ты? Что ты? Господь съ тобой, говорилъ Юрій, укладывая ее къ себѣ на колѣни,—что ты? Марина, что ты? О чемъ ты?

— Крѣпко... люблю... тебя...

— Ахъ, ты глупая дѣвка! глупая! говорилъ Юрій, —о чемъ же плакать, что любишь?

— Не могу... видитъ Богъ, не могу!.. захлебывалась Марина:—все ждала...

Юрій ласкалъ и нянчилъ ее какъ ребенка.

— Да вѣдь дождалась же наконецъ?

— Да, говорила сквозь слезы Марина,—дождалась... только вѣдь ждала... Милый мой! золотой мой! возьми ты меня къ себѣ; не надо мнѣ... не женись на мнѣ—такъ просто возьми меня къ себѣ, въ вышивальщицы. Кто тебѣ сорочки-то вышиваетъ, и ручники, и скатерти? Возьми меня къ себѣ въ вышивальщицы — вѣдь я хорошо вышиваю. Ты меня къ себѣ возьми, только одну не оставляй.

Юрій улыбнулся, поцѣловалъ ее, взялъ подъ мышки и посадилъ подлѣ себя; она опустила свое заплаканное лицо къ нему на плечо.

— Не гони ты меня, господине княже, перстень мой золотой!

Юрій, съ веселой, доброй отеческой улыбкой, взялъ ее обѣими руками за голову, улыбнулся ей, поцѣловалъ ее въ глаза,—такъ крѣпко, что разомъ снялъ съ нихъ слезы,—потомъ въ губы ее поцѣловалъ и, покачивая головою, сказалъ:

— Нѣтъ, касаточка моя, орлица моя русокудрая, не въ вышивальщицы тебя я возьму, а пришелъ я къ тебѣ новость сказать и дѣло тебѣ задать.

Марина смотрѣла на него вопросительно. Сердце у нея колотилось, а почему колотилось — она сама не знала.

— Сегодня Дмитрій будетъ у тебя.

— Опять?.. рванулась Марина у него изъ рукъ.

— Опять, только ужь послѣдній разъ.

Марина опять разцвѣла.

— А завтра или послѣзавтра, продолжалъ Юрій серіозно и внушительно,—я иду къ хану и буду просить у хана, чтобы онъ меня женилъ; только, знаешь на комъ?

Марина знала на комъ, а все-таки струсила, и сердце у нея остановилось въ груди. Слегка раскрывъ ротъ и неподвижно смотря заплаканными глазами сквозь длинныя русыя рѣсницы, она силилась прочесть на его смѣющемся лицѣ отвѣтъ, который рѣшилъ бы: жить ей или помирать.

— На Прасковьѣ на твоей, смѣялся Юрій,—на матери твоей названной. Старуха она хорошая, пироги печетъ славные, вышиваетъ она лучше тебя; я на ней женюсь, а тебя съ собой возьму на Русь, въ Володимиръ стольный городъ и въ Новгородъ къ Св. Софіи. Ты мнѣ дочкой будешь.

— Княже, сказала дѣвушка трепещущимъ голосомъ,— не мучь ты меня, и безъ того изныла душа моя. Ни о чемъ я тебя не прошу, ничего я не хочу, только быть бы при тебѣ: быть слугой, рабой твоей.

Юрій отнялъ ея руки отъ лица, нагнулся къ одѣялу завѣшивавшему входъ въ вежу, приподнялъ его и, быстро оглянувши нѣтъ ли кого подслушивающаго, махнулъ рукой Прасковьѣ и Русалкѣ, которыя стояли въ нѣсколькихъ шагахъ,—одна съ пирогомъ въ рукѣ, другая тоже съ какимъ-то кушаньемъ,—и не знали войдти ли имъ или не входить къ влюбленнымъ.

Прасковья была женщина очень недалекая: умомъ она понимала вообще чрезвычайно мало; но, какъ большинство женщинъ, она понимала смѣткой, сердцемъ. Она знала какой плохой шутникъ—Юрій. Она знала подробности убіенія въ Москвѣ ея рязанскаго великаго князя, Константина Романовича,—знала какъ Юрій стоялъ надъ нимъ, когда тотъ-же Иванецъ держалъ ножъ у самаго сердца связаннаго плѣнника. Она знала, что у Юрія бровь не дрогнула, черта въ лицѣ не шевельнулась, на мольбы несчастнаго, который уже давнымъ давно уступилъ Коломну московскому князю,—и знала, какъ Юрій сказалъ спокойно, хладнокровно: «прости меня, господине Константинъ Романовичъ; молись за меня на томъ свѣтѣ Богу и Спасу нашему съ Пресвятою Богородицей, а тебя мнѣ на свѣтѣ живымъ терпѣть не приходится—потому что если, Константинъ Романовичъ, не я тебя зарѣжу, такъ ты меня рано или поздно на тотъ свѣтъ отправишь»;—и, не смотря на всѣ мольбы и клятвы узника, велѣлъ Иванцу всадить ножъ ему въ сердце,—и до тѣхъ поръ не ушелъ изъ той избы, гдѣ происходила эта страшная сцена, покуда не остыло тѣло и покуда не натекла на полъ такая лужа крови, что если бы даже не было перерѣзано сердце, то жизнь во всякомъ случаѣ не могла бы воротиться. Прасковья знала также, какъ случилось подъ Дербентомъ убійство великаго князя тверскаго Михаила Ярославича; знала, какъ Юрій унижался предъ Кавгадыемъ; знала потомъ за Юріемъ пропасть мелкихъ дѣлъ; знала, что между множествомъ труповъ, разбрасываемыхъ Волгой по полымъ берегамъ, очень многіе очутились въ водѣ по приказу ея гостя. Но она понимала и то, что безъ умысла, для своей прихоти, изъ минутной вспышки, изъ личной страсти, этотъ человѣкъ не обидитъ влюбленную въ него дѣвушку—и что всякій, кто не становится ему на дорогѣ, можетъ полагаться на него какъ на каменную гору. Самъ по себѣ—понимала Прасковья—Юрій честенъ, великодушенъ, личную обиду всякому простить готовъ, послѣдней рубашкой подѣлиться,—но у него есть какіе-то непонятные для нея замыслы, онъ отдалъ себя подавленію тверичей; онъ можетъ простить имъ искренно всѣ старыя и прежнія обиды, но стоять имъ на дорогѣ онъ не позволитъ. Одного человѣка она боялась въ Ордѣ; это—тверскаго великаго князя Дмитрія Михайловича Грозныя Очи. Онъ тоже жилъ для чего-то высшаго, но жилъ также и для себя, для минутной прихоти, для увлеченья. Юрій былъ медвѣдь, который губилъ живое или съ испугу или съ голоду; Дмитрій способенъ былъ, отъ нечего дѣлать, для препровожденія времени, шутить съ Русалкой и крѣпко приставать къ Маринѣ. Зачѣмъ онъ бывалъ у нихъ—она понять не могла, какъ не могла понять, за которою изъ дѣвушекъ онъ ухаживаетъ. Она принимала его только потому, что этого требовалъ Юрій, а «что Юрій Даниловичъ совѣтуетъ—говорила она—то навѣрное не лишнее».

Увидѣвъ, что онъ машетъ ей рукой, Прасковья быстро взошла въ вежу.

— Тетка, сказалъ Юрій Даниловичъ, посмѣиваясь на Марину,—больно хотѣлось бы мнѣ обзавестись *великою княгинею*. Что въ самомъ дѣлѣ, сама разсуди, два раза былъ женатъ, человѣкъ еще не совсѣмъ старый, а одинъ вотъ по свѣту мыкаюсь. Сосватай ты мнѣ какую нибудь царевну-королевну!

Прасковья взглянула на него такъ тоскливо, что Юрію стало совѣстно своей шутливости.

— Вотъ что, сказалъ онъ, заговоривъ совершенно серіозно,—побывай-ка ты завтра у ханши и спроси ты ее, отпуститъ ли она тебя съ Русалкой на Русь, если я женюсь на Маринѣ; а я завтра, нѣтъ! не завтра, а послѣзавтра — завтра мнѣ нужно еще одно дѣльце сдѣлать—можетъ даже вечеромъ завтра пойду съ челобитьемъ къ хану.

Марина и Прасковья молчали; обѣимъ было не въ диковину ждать этого откровеннаго объясненія, и обѣ обдумывали то, что въ самомъ дѣлѣ надобно прежде узнать отъ ханши, не задержитъ ли она Прасковьи, потому что у ханши вышивальщицы все-таки другой не было.

— Да, сказала Прасковья, — спасибо тебѣ, господине княже, мнѣ безъ Маринушки-то точно здѣсь оставаться съ Русалочкой не приходится.

— Ну вотъ такъ-то, сказалъ Юрій, приподнимаясь,—завтра можетъ самъ я не зайду — такъ вы дайте мнѣ знать... или, нѣтъ, лучше я къ вамъ пришлю спросить. А теперь вотъ въ чемъ дѣло: сегодня Димитрій зайдетъ къ вамъ; по всей вѣроятности онъ теперь у мурзы Чета сидитъ. Ты, Марина, сослужи мнѣ послѣднюю службу. Не хочется мнѣ губить Димитрія — парень онъ хорошій, только горячій, глупый. О томъ, что я женюсь, сегодня ему не говори, а прими его хорошенько, съ честью, и поговори съ нимъ по душѣ. Скажи ему, что я на него больно сердитъ, и что бороться со мною ты ему не совѣтуешь. Такъ и ты, тетка, ска-

жи ему тоже, будто слышала ты стороною, что какъ онъ ни хлопочи, а въ Ордѣ я все-таки сильнѣе его; что меня и ханъ и ханша похваливаютъ; что я ему все прощу старое. Такъ ему скажите, что вотъ, дескать, у васъ сердце болитъ, что такихъ двое самыхъ сильныхъ русскихъ великихъ князей между собою не ладятъ; что старое надобно забыть; что надъ нами татары смѣются; что мы съ нимъ не другъ друга топимъ, а топимъ мы съ нимъ Мать Святую Русь,—да впрочемъ тебѣ, Марина, не впервые это говорить. А ужъ только, подожди ты, моя лебедь бѣлая, станешь ты Великою Княгинею Всея Руси — вдесятеро больше тебѣ работы будетъ, совсѣмъ тебя загоняю; веди за меня всѣ эти переговоры, въ Думѣ боярской, даже на Вѣче выходи!

Онъ сталъ прощаться, Марина прыгнула ему на шею, опять спрятала лицо на груди и опять расплакалась.

Прасковья сидѣла молча. Бѣдная женщина достигала наконецъ своей цѣли — пристраивала одну изъ своихъ дѣвочекъ, да еще какъ пристраивала, хотя за подчиненнаго а все-таки за монарха! Недавняя невольница отдавала дочку другой такой же невольницы, простой деревенской бабы, норуганной, умершей отъ голода и истощенія въ колодкѣ торговца русскимъ полономъ, жида Ицека...

— Ну, о чемъ же теперь-то ты плачешь? ласкалъ Юрій Марину:—давеча ты говорила, глупая, что ждала долго; ну, теперь дождалась; ну, теперь послѣ Рождества Великой Княгиней станешь. Ну полно же, перестань! Что же я больше могу сдѣлать? Ну научи.

— Страшно мнѣ, страшно! рыдала Марина.

А Прасковья, отвернувши лицо въ уголокъ, тоже плакала; плакала и Русалка, не изъ зависти, не изъ того, что ея названная сестра Великой Княгиней дѣлалась, — этому-то она рада была, потому что это ей самой открывало широкую дорогу: на названной сестрѣ Великой Княгини Всея Руси женился бы лучшій русскій бояринъ, или даже какой нибудь изъ тѣхъ сильныхъ и могучихъ князей галицкихъ, литовскихъ, которыхъ она всѣхъ знала по именамъ, вращаясь при дворѣ великаго хана, Вольнаго Царя, Узбека. Она плакала о томъ, что разбились свѣтлыя мечты ея дѣтства,—что женатъ, что не съумѣлъ отстоять ее (противъ своей матери) другъ ея дѣтскихъ игръ, тверской Константинъ Михайловичъ;- плакала о томъ, что онъ изныветъ въ Твери со своей молодой женой. А онъ такой же мощный человѣкъ какъ и Юрій Даниловичъ, казалось ей,—и помнились ей его большіе голубые глаза, его тихая рѣчь, его слезы на разставаньи съ нею; а послѣ какъ ни увивались за нею татарскіе богатыри, русскіе князья и бояре—всѣ ей были чужды, и ни по комъ изъ нихъ не билось ея дѣвичье сердце! Одинъ Димитрій Грозныя Очи пуще другихъ могъ бы ей понравиться, но у Димитрія ничего не было кромѣ личной ненависти къ Юрію, кромѣ непониманія Юрія и нежеланія понять его; да къ тому-же (не смотря на всю его удаль и отвагу) его честность и его благородство выходили какими-то безцвѣтными, безцѣльными, черезчуръ себялюбивы и вмѣстѣ безличны. Онъ былъ честенъ для честности, удалъ для удали, да наконецъ и женатъ,—а Русалка даже и понять не могла, какъ это можно быть полюбовницей женатаго человѣка, дѣлить грудь его съ другой женщиной. Тихо, молча сидѣли вышивальщицы въ вежѣ, у всѣхъ сердце было полно, говорить было нѐчемъ. Только Марина улыбалась—и какъ-то лукаво, торжественно, окидывала глазами Прасковью и Русалку, а на глазахъ у нея то и дѣло навертывались алмазныя росинки веселыхъ слезъ. Грудь ея дышала теперь вольно, легко, чѣмъ-то весеннимъ; сердце было такъ полно, что даже на шею никому броситься не хотѣлось, точно изъ нея самой лились повсюду какіе-то лучи радости, свѣта, довольства, спокойства. Быть подругой этого сильнаго, несокрушимаго, неумолимаго человѣка! быть его товарищемъ!

— Ахъ, кабы я только могла въ самомъ дѣлѣ такъ полюбить Русь, чтобы сдѣлаться его товарищемъ!

— Эхъ, Маринушка, засмѣялась Прасковья, — будутъ дѣтки, а дѣтки будутъ Юрьевичи — вотъ и полюбишь его дѣло для дѣтокъ своихъ.

Марина расхохоталась, бросилась ей на шею, но въ это время дверной пологъ приподнялся—и показалась голова Димитрія, въ бѣлой шапкѣ съ павлинымъ перомъ.

— Что̀ вы тутъ обнимаетесь? сказалъ онъ: — эхъ, вы! народъ женскій! Отчего вы такъ обниматься любите, и что вамъ за охота обнимать другъ друга? Вотъ обнимайте меня!

И онъ тяжело опустился на сидѣнье, только-что оставленное Юріемъ. Въ головѣ у него немножко шумѣло отъ угощенія мурзы Чета. Онъ долго съ нимъ спорилъ о русскихъ дѣлахъ и много сердился. Русѣющій татаринъ толковалъ ему битыхъ три часа, что не годится ссориться съ Юріемъ,—что можно было бы съ Юріемъ ссориться, если бы новгородцы были на сторонѣ тверичей.

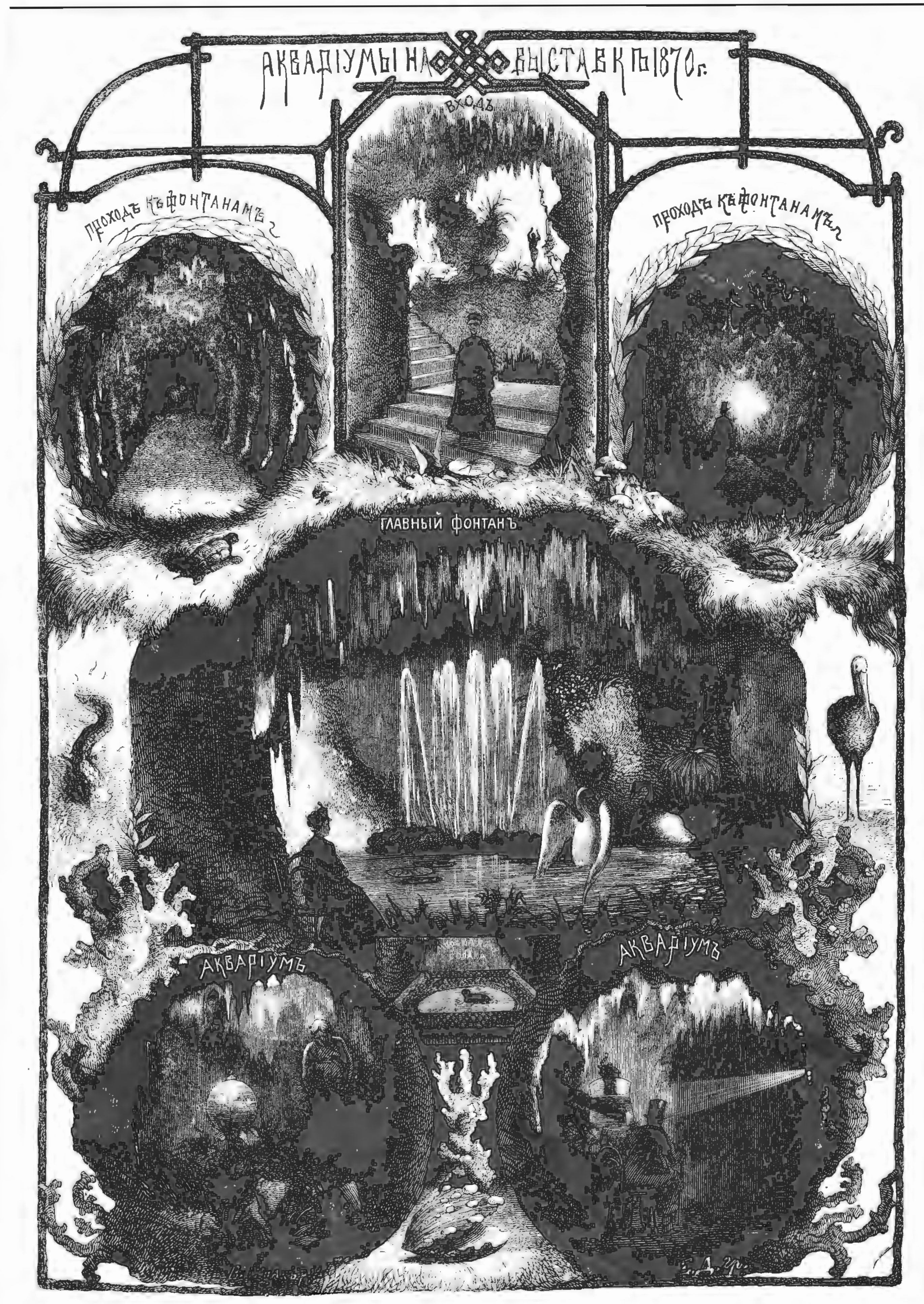
— Да ты, вижу, заключилъ мурза Четъ,—такъ же упрямъ какъ покойникъ твой батюшка. Мало я ему говорилъ: «сиди, великій княже, въ Новгородѣ,—а бояръ туда не посылай, потому что это противъ новгородской грамоты, и новгородцы не терпятъ, чтобы княжескіе люди мѣшались въ ихъ дѣла!» А твой батюшка больно Тверь любилъ и хотѣлъ силой поднять ее. Новгородцевъ обидѣлъ, москвичей самъ на себя натравилъ. Ну, теперь ты-то чтожь дѣлаешь? Съ новгородцами не въ ладахъ, Москву изобидѣлъ. А ты былъ бы, княже, похитрѣе да поразсчетливѣе!.. жилъ бы себѣ душа въ душу съ Юріемъ и не стращалъ бы его!..

— Да какъ же мнѣ жить душа въ душу съ Юріемъ, говорилъ Димитрій, — когда онъ на верху рѣки Москвы можайское княжество къ себѣ прибралъ, а тамъ гдѣ Москва-рѣка въ Оку впадаетъ—коломенское взялъ? Теперь Москва-рѣка вся его, такъ что московское княжество—какъ отдѣльное царство: своя рѣка, свои земли; московскій родъ съ новгородцами дружитъ — не спать же мнѣ, надо и мнѣ за Тверь стоять. Ужь подсажу я эту лису, Юрія Даниловича. Каждый шагъ его мнѣ теперь извѣстенъ.

— Эй, говорилъ мурза Четъ, — русская пословица говоритъ: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись».

— А вотъ посмотри что перетягаю!.. говорилъ Димитрій, и сталъ за тайну разсказывать Чету всѣ свои связи съ Ордою, съ мурзами; говорилъ, что всѣ—на его сторонѣ, а что теперь полюбовницу Юрьеву, Маринку, онъ чуть что не отбилъ у него, и что Маринка съ Прасковьей за него у ханши хлопочутъ, всякія ему вѣсти передаютъ.

— Эй, эй, не вѣрю я, чтобы Маринка была полюбовницей Юрія Даниловича; а тому еще я больше не

Всероссійская мануфактурная выставка.

Подземные акваріумы.

(Рисовалъ съ натуры В. Шпакъ, гравировалъ Е. Даммюллеръ).

вѣрю, чтобы онѣ крѣпче дружили съ тобою, чѣмъ съ Юріемъ.

Спорили долго, толковали много, наконецъ разстались, и Димитрій (какъ предвидѣлъ Юрій) не утерпѣлъ чтобы по сосѣдству не зайти къ Прасковьѣ,—тѣмъ болѣе не утерпѣлъ, что, какъ только вышелъ онъ изъ вежи мурзы Чета, ему тотчасъ же доложили, что у Прасковьи былъ Юрій.

— Ну, Маринка, говорилъ весело Димитрій,—красота ты моя неписанная, дай-ко ты мнѣ ковшъ меду, да скажи-ка ты мнѣ, чтò толковалъ тутъ съ тобою супротивникъ мой, Юрій-супостатъ?

Прасковья и Русалка сидѣли молча и насупившись; Марина, напротивъ того. приняла веселый видъ, налила ковшъ меду, отхлебнула и подала Димитрію.

— Твое здоровье, княже! сказала она,—пей на здоровье и носи голову на плечахъ покрѣпче.

Это сказала она такъ смѣло, такъ твердо и такъ внушительно, что Димитрій уставился на нее глазами.

— За здоровье и за голову челомъ бью тебѣ, спасибо; только чтò же Юрій толковалъ? о моей головѣ, небось?

— О твоей, княже, сказала Марина игриво, укладывая шитье и вынимая изъ сундука парчевую душегрѣйку, подаренную ей Димитріемъ; тутъ же она вынула монисты, подарокъ Димитрія, и надѣла на шею. —О твоей головѣ, господине великій княже тверской; говорилъ, что жалѣетъ тебя больно — больно ты удало себя держишь здѣсь: татаръ бранишь на всѣ стороны, Юрія Даниловича сбить съ Великокняжескаго стола Всея Руси похваляешься, караулы за нимъ повсюду разставилъ,—а того не знаешь, что онъ тебя здѣсь вдесятеро сильнѣе.

— Экая змѣя подколодная — чтò плететъ!.. вспыхнулъ Грозныя Очи.

— Вотъ что, княже, сказала Марина, вставая и накидывая на голову платокъ, — коли я тебѣ люба, помирись ты съ Юріемъ Даниловичемъ. Онъ не такой злой, какъ ты; для тебя это будетъ лучше, для меня вдесятеро, а для нашей общей матери, Святой Руси, въ тысячу кратъ лучше того. А я иду къ ханшѣ, прощай!

Димитрій изумился. Очевидно, Марина говорила не спроста; очевидно, она знала больше чѣмъ говорила. Димитрій хотѣлъ удержать ее за руку, но ловкая дѣвушка мигомъ перепрыгнула черезъ жаровню и уже бѣжала къ золотой ханской вежѣ.

— Что она такое плететъ? спросилъ Димитрій Прасковью, глядя на нее строго.

— А что-жь, батюшка, княже великій тверской, сказала Прасковья, — что-жь ей плести-то? Развѣ хорошее дѣло ссориться? Ты только слово скажи, что не прочь будешь, а Юрій Даниловичъ радъ будетъ тебя за младшаго брата имѣть.

Дмитрій вспыхнулъ.

— Скажи, Прасковьюшка, Юрію Даниловичу такъ: *я* за младшаго брата ему радъ идти, только чтобы *онъ*-то мнѣ въ самомъ дѣлѣ за мѣсто отца роднаго былъ. А покуда прощай!

Раздраженный, обиженный, Дмитрій вышелъ изъ вежи. Направляясь къ своимъ ставкамъ, онъ по дорогѣ послалъ провожавшаго его отрока—звать къ себѣ Александра Новосильскаго, черниговскаго князя, одниxъ съ нимъ лѣтъ, смѣлаго, храбраго, мастера и пѣсню спѣть и ковшъ вина осушить, явившагося въ Орду жаловаться хану на разбои татаръ, которые пуще всего нападали на южныя княженія, потому что эти южныя княжества были ближе къ Ордѣ. Оба князя кипѣли одной единой думой, какъ бы собраться всѣмъ русскимъ князьямъ вмѣстѣ—и разомъ стряхнуть съ плечь напасть бусурманскую. Новосильское княжество было маленькое, бѣдненькое; денегъ у князя не водилось — и онъ поѣхалъ въ Орду именно за тѣмъ, чтобы тамъ столковаться съ Юріемъ или съ Димитріемъ. Юрій принялъ его гордо и далъ ему понять сразу, во-первыхъ, что онъ (Юрій) Великій Князь, а не какой-нибудь мелкій черниговскій отчинникъ; а во-вторыхъ, сказалъ, что если онъ (Юрій) только услышитъ о затѣяхъ черниговскаго князя подняться противъ татаръ, то для спасенія Руси велитъ его связать и, не спрашивая Узбека, *казнить*. Затѣмъ Юрій ему объяснилъ весьма здраво и толково, что Русь именно потому и попала подъ иго татарское, что князья ея не слушались Великаго Князя, что каждое княжество хотѣло занимать роль самостоятельнаго,—а что единственная политика, которой слѣдуетъ держаться, это безусловно гнуться передъ татарами и подъ татарской рукой сливать всѣ русскія области въ одно цѣлое.

— Васъ, маленькихъ князей, трогать никто не станетъ; княжьте себѣ, володѣйте судомъ, дѣлайте все чтò угодно, — но противъ татаръ подыматься вамъ заказываю.

Александръ Новосильскій, человѣкъ еще очень молодой (ему было всего лѣтъ 25 — 26), вышелъ отъ Юрія разумѣется неубѣжденный ни въ чемъ—и мигомъ сошелся съ Димитріемъ, съ которымъ его сближала жажда дѣятельности, вражда къ Великому Князю Всея Руси, а пуще всего, ихъ молодость. Весь вечеръ просидѣли новые пріятели, и весь вечеръ бранили систему Александра Невскаго, называли москвичей низкопоклонниками, сребролюбцами, даже отступниками отъ вѣры христіанской, святошами,—и разсчитывали, гдѣ и какія силы есть на Руси чтобы встать противъ Москвы и противъ татаръ. Новосильскій толковалъ много объ общемъ недовольствѣ народа южныхъ княжествъ, не замѣчая того, что народъ въ сущности роптал не на татаръ (на которыхъ смотрѣлъ какъ на слѣпое орудіе судьбы, какъ на бичь Божій), а на князей, которые своими дрязгами то накликали татаръ на Русь, то не умѣли собраться чтобы отстоять Русь отъ татаръ. Затѣмъ, уже за шестымъ ковшомъ меду, они принялись разсчитывать, насколько вражда рязанскихъ князей можетъ помочь борьбѣ съ Москвою,—и затѣмъ, когда Димитрій, съ окончательно отяжелѣлой головой, уже ложился спать, они сообразили, что вѣдь суздальскіе князья точно такъ же недовольны, а что Новгородъ въ сущности выѣденнаго яйца не стоитъ, что новгородскихъ торгашей можно молчать заставить, что двинется на нихъ рать осенью или зимою, когда болота и топи не препятствуютъ, то Новгородъ и смирится; а въ Новгородѣ серебра и золота много;—и наконецъ Димитрій заснулъ полонъ новой вражды къ Юрію, который, какъ казалось ему, опять-таки воротилъ къ себѣ лукавую Марину; во снѣ рисовались ему боевыя картины и царскій вѣнецъ да благословенія народа освободителю отъ татаръ. А ночь была глухая, черная; тучи висѣли на небѣ; въ воздухѣ было душно. Наступалъ великій праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы; послѣзавтра нужно было служить панихиду въ память убіенія отца Димитріева, великаго князя Тверскаго, Михаила Александровича.

(*Продолженіе будетъ*).

В. Кельсіевъ.

Лондонскіе воры.

I.

Происхожденіе воровства—одновременно съ началомъ человѣчества. По мѣрѣ скученія людей въ городахъ, воровство естественно должно было возрастать постоянно, нетолько вслѣдствіе деморализаціи, неизбѣжно проистекающей отъ такого скученія, но и вслѣдствіе переполненія рынка рабочими силами и скопленія имущества въ рукахъ немногихъ. Если о лондонскихъ ворахъ говорится болѣе, чѣмъ о ворахъ всѣхъ другихъ городовъ, причина тому, во первыхъ, въ колоссальныхъ размѣрахъ этой столицы; а во-вторыхъ—въ сознаніи публики и самой полиціи, что многимъ тысячамъ людей необходимо воровать, если они не хотятъ умереть съ голода. Въ годичныхъ полицейскихъ отчетахъ перечисляются только тѣ кражи, виновники которыхъ привлечены къ суду; слѣдовательно, это только отрывокъ изъ статистики воровства. Изъ двадцати кражъ едва одна открывается, изъ десяти воровъ едва одинъ подвергается наказанію. Офиціально-заявленныя кражи за 1867 г. распредѣлены на слѣдующія рубрики: 214 кражъ совершено ночными ворами, 220 со взломомъ, 72 уличными разбойниками, 1329 ворами-карманниками, 5931 простыми ворами, 21 конокрадами, 168 собачниками, 6 поддѣлывателями подписей, 28 фальшивыми монетчиками, 519 распространителями фальшивыхъ денегъ, 282 шуллерами и мошенниками, 691 укрывателями и 18,971 погибшими женщинами — итого 28,452 кражи, на сумму равняющуюся 171,968 фунт. стерл. (по номинальному курсу). Если поближе разобрать эти разнообразно-распредѣленные проступки и преступленія, получатся отдѣльные разряды, почти касты воровъ. Большая часть выше-приведенныхъ кражъ исполнены ворами по профессіи, съ которыми мы и постараемся поближе ознакомить читателей.

Обширный классъ тѣхъ людей, которые въ Лондонѣ не находятъ работы или пренебрегаютъ трудомъ, извѣстенъ на воровскомъ языкѣ подъ общимъ названіемъ Prigs или Gadders. По способу промышленія—modus operandi—они дѣлятся на разряды. Rampsman, drummer, mobsman, sneaksman, chofulman — вотъ прозвища придуманныя самими ворами и означающія различныя отрасли благородной профессіи.

«Рэмпсмэнъ» (Rampsman) — уличный воръ, ночной воръ; онъ грабитъ силой. Это—человѣкъ въ лучшей порѣ жизни, высокаго роста, отлично сложенный, съ крупными костями, большой мускульной силой, молчаливый, обладающій большой самонадѣянностью. Онъ кое-что смыслитъ въ механикѣ, кое къ чему приглядывается въ мастерскихъ, знакомъ съ употребленіемъ разныхъ орудій, изучаетъ новѣйшія изобрѣтенія физики и механики, и всегда водитъ знакомство съ рабочимъ людомъ—особенно съ машинными заводами. Съ ворами другихъ разрядовъ онъ не знается. Неустрашимость, съ которою онъ идетъ на опасность, ловкость, съ которою онъ производитъ свои операціи, внушаютъ ему презрѣніе къ трусливымъ, крадущимся мошенникамъ (по нашему, мазурикамъ), шуллерамъ, карманникамъ и ужъ подавно къ хилому, слабосильному собачнику, рыщущему полунагишемъ по улицамъ. Онъ принадлежитъ къ высшей воровской аристократіи и сторонится отъ стоящихъ ниже его, какъ милліонеръ отъ нищаго.

«Дроммеръ» (drummer, т. е. буквально — *барабанщикъ*) грабитъ, предварительно лишивъ жертву сознанія или застращавъ. Онъ обыкновенно «работаетъ» съ помощію женщины, городской доки, хотя они никогда не показываются вмѣстѣ, до самой катастрофы. Если жертва изъ низшаго класса, ее заманиваютъ въ пивную или кабакъ, примѣшиваютъ дурмана въ ея питье, и затѣмъ, сонную, обираютъ. Если жертва изъ болѣе высокаго круга, способы ограбленія мѣняются смотря по обстоятельствамъ. Какъ «барабанщикъ» обдѣлываетъ свои дѣла—всего виднѣе будетъ изъ слѣдующаго разсказца, въ свое время надѣлавшаго порядочнаго шума, такъ какъ пострадавшая личность пользовалась извѣстностью. Это былъ американецъ. Однажды подъ вечеръ гуляетъ онъ въ паркѣ, видитъ—изъ проѣзжающей мимо кареты вываливается прелестная комнатная собачка. Сидѣвшая въ каретѣ дама громко вскрикнула; карета остановилась, американецъ подскочилъ, поднялъ собачку и подалъ ее дамѣ, которая не знала какъ благодарить его. Она была молода, хороша, богато одѣта, имѣла обаятельно-пріятный голосъ и манеры указывающія на хорошее воспитаніе. Раскланявшись, она приказала ѣхать далѣе; но едва лошади успѣли тронуться, она снова велѣла остановиться, какъ бы о чемъ-то забывъ, высунулась въ окно кареты и негромко сказала снова подбѣжавшему американцу: «ахъ, извините; не знаю, право.... можетъ-быть не слѣдовало бы.... но вы будете добры — не истолкуете мой поступокъ въ дурную сторону: вотъ вамъ моя карточка; если бы вы оказали намъ любезность своимъ посѣщеніемъ, мужу моему навѣрно было бы очень пріятно лично поблагодарить васъ». Въ восторгѣ отъ этого милаго и, по всѣмъ признакамъ, знатнаго знакомства, нашъ американецъ не преминулъ отправиться съ визитомъ. Домъ оказался въ отличной части города—Сентъ-Джонъ-Вудѣ, прекрасной архитектуры; квартира—великолѣпно убранной. Хозяйка приняла гостя радушно, выразила искреннее сожалѣніе, что мужа ея не случилось дома, и снова пригласила. Слѣдующій разъ гость засталъ ее опять одну, сталъ бывать чаще, знакомство приняло болѣе серіозный характеръ: кончилось тѣмъ, что онъ навѣщалъ красавицу ежедневно. Въ одно прекрасное утро, служанка, докладывавшая о немъ, возвратилась и объявила, съ поклономъ отъ своей госпожи, что у той голова болитъ, и что она завтракаетъ у себя въ спальнѣ,—но что, если ему это не будетъ непріятно, она все-таки приметъ его. Мы забыли, что американецъ нашъ былъ докторъ. Онъ засталъ даму въ прелестнѣйшемъ негливе, съ распущенными волосами, нѣсколько блѣдною. Она приняла его еще милѣе обыкновеннаго, любезно выслушивала утѣшенія своего гостя, предоставила ему свою хорошенькую ручку. Это придало ему нѣкоторую смѣлость, онъ обнялъ рукою ея станъ и только хотѣлъ поцѣловать ее, какъ вдругъ она начинаетъ кричать и шумѣть, будто обороняясь отъ непріятной назойливости. Въ это самое мгновеніе въ комнату влетаетъ мужчина, дама бросается въ его объятія, восклицая «мужъ мой!» Легко представить себѣ положеніе американца. Никакія оправданія не могли помочь; онъ попался въ положеніи явно-предосудительномъ, и радъ былъ убраться отдавъ «оскорбленному супругу» свои золотые часы,

брильянтовый перстень, да еще написавъ ему чекъ на лондонскій банкъ, на 200 ф. ст. Онъ обратился къ полиціи, но та могла только разузнать, что дама нанимала квартиру на одинъ мѣсяцъ и заплатила всѣ деньги впередъ; болѣе ничего не удалось вывѣдать. Такъ-то и на разные подобные лады промышляетъ «барабанщикъ».

«Мобзмэнъ» (mobsman) грабитъ буквально ловкостью рукъ своихъ. На пятомъ или шестомъ году жизни, онъ уже начинаетъ карьеру свою уличнымъ мальчишкой. Не легко найти ему ровню въ отношеніи тонкости зрѣнія и слуха, гибкости членовъ и крадучей, тихой, кошечьей поступи. Играетъ онъ съ дѣтьми и задумается: воображаешь, что онъ углубился въ какія-нибудь свои соображенія — ничуть не бывало: онъ думаетъ, какъ бы стащить у прохожаго платокъ. Дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ сдѣлать то-то, а сдѣлаетъ совсѣмъ другое—вотъ къ чему направлено его воспитаніе, вотъ идеалъ, къ которому онъ стремится. Бóльшая часть мобзмэновъ начинаютъ свою дѣятельность трубочистами. Тутъ много представляется отличныхъ случаевъ для упражненія, и конечно у него есть къ кому таскать раздобытое. Онъ начинаетъ съ ножей, вилокъ и ложекъ, а кончаетъ дерзкимъ взломщикомъ, котораго не остановятъ даже толстыя стѣны. Есть еще разрядъ «мобзмэновъ»—то не мальчики, а взрослые. Эти работаютъ всегда вдвоемъ, втроемъ или шайками; это — карманники, которые тогда только могутъ «работать» съ успѣхомъ, если подъ рукой есть компаньонъ. Часы или кошелекъ вытащенные изъ кармана, брошку отщипнутую отъ цѣпочки—нужно немедленно сдать въ другія руки, чтобы не попасться съ краденымъ предметомъ. Карманникъ всегда франтовски одѣтъ по послѣдней модѣ, старается затесаться въ порядочную публику—и на видъ его скорѣе всего можно принять за закройщика высшаго сорта. Онъ—театралъ, правильно посѣщаетъ концерты, ораторіи и модную церковь, а также не пропускаетъ ни одного митинга, ни одной проповѣди съ благотворительной цѣлью, если присутствуютъ представители аристократіи. На пожарѣ онъ первый, отъ неожиданнаго ливня онъ укрывается вмѣстѣ съ толпою. Попасть въ собраніе богатыхъ людей, охваченныхъ паническимъ страхомъ—верхъ его желаній. Относительно «работы» и одежды, «мобзмэнъ» причисляется къ третьему разряду преступниковъ и никогда не осмѣливается присосѣдиться къ «рэмпсмэнамъ» и «дроммерамъ». Онъ смолоду труслив ъ— и остается трусомъ до гроба. Если его поймаютъ и отколотятъ, онъ не смѣетъ пальцемъ шевельнуть, хотя бы на его сторонѣ было превосходство силы.

Четвертый въ воровской іерархіи—это «сниксмэнъ» (sneaksman); характеръ его опредѣляется достаточно яснымъ названіемъ: to sneak по англійски значитъ красться, трусить. Онъ грабитъ не силой и наглостью, а хитростью и обманомъ. Начиная отъ маленькаго пропыры мальчишки, который старается стянуть булку или колбасу, до сильнаго ловкаго конокрада — это все одна птица. Ужь у кого *характеръ человѣка* кладетъ печать на лицо — такъ это у «сниксмэна»: у него настоящая висѣльная физіогномія. Его можно найти не только въ Лондонѣ, но и по окрестностямъ каждаго городка и каждаго деревенскаго полицейскаго зданія. За исключеніемъ однихъ только собакъ (которыя составляютъ спеціальность обнищавшихъ грумовъ), ничто отъ него не безопасно. Онъ воруетъ въ фруктовомъ саду, въ огородѣ, въ большихъ магазинахъ, на корабельныхъ верфяхъ, продаетъ краденое добро; онъ закадычный другъ съ несчастными слугами и рабъ закладчика. Численностью разрядъ его превосходитъ всѣ прочіе, но никто съ нимъ не знается, и каждый считалъ бы за позоръ даже понести наказаніе вмѣстѣ съ нимъ. Онъ обокрадетъ своего лучшаго друга съ тою же охотою, какъ всякаго другаго. Онъ въ особенности наровитъ стянуть билеты на заложенныя вещи — и чрезъ это самый опасный воръ для бѣднаго люда. Къ тому же разряду принадлежатъ мазурики, продающіе фальшивыя кольца (извѣстные своей необыкновенной хитростью и умѣніемъ распознавать физіогноміи), шуллера, и мошенники подстрекающіе къ пари; всѣ эти подраздѣленія имѣютъ свои особенныя названія.

«Чофульмэнъ» чеканитъ фальшивую монету, подделываетъ банковые билеты и подписи. О немъ извѣстно меньше, чѣмъ о другихъ разрядахъ, не потому чтобы онъ былъ менѣе интересенъ, но онъ болѣе удаляется отъ общества—и до него труднѣе добраться. Онъ дичится людей, даже лучшаго своего друга не посвящаетъ въ свою тайну; это по бóльшей части человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ созрѣвшимъ и испытаннымъ умомъ и ловкостью. Онъ день и ночь запирается въ своей мастерской, которая помѣщается обыкновенно гдѣ нибудь въ отдаленной, глухой части города, въ подвалѣ, въ концѣ длиннаго корридора, и имѣетъ секретный выходъ. Онъ молчаливъ, постоянно задумчивъ и изобрѣтаетъ новые химическіе составы,—въ чемъ вѣроятно и заключается причина, что даже полиціи такъ мало извѣстно о немъ. Если онъ и попадется, то рѣдко когда проболтается; онъ сдѣлаетъ признаніе, но въ объясненія не пустится. Всѣ открытія и осужденія знаменитыхъ шаекъ фальшивыхъ монетчиковъ, захваты ретортъ, штемпельныхъ машинъ, печатныхъ станковъ—полиціей; всѣ изобличенія лондонскихъ и парижскихъ тайнъ—Диккенсомъ, Викторомъ Гюго и другими — не могли приподнять завѣсы, окутывающей фабрикацію звонкой монеты, ассигнацій и векселей, когда она производится въ большихъ размѣрахъ. Англійскій государственный банкъ держитъ машинку для распознаванія фальшивой монеты, черезъ которую проходятъ ежегодно до девяти милльоновъ гиней и полугиней. Зачастую случается, что въ одну недѣлю бракуется двѣсти золотыхъ: кто дѣлаетъ ихъ? еще не такъ давно банкъ черезъ поддѣлку потерялъ разъ 320,000 ф. ст., другой разъ — 360,000: кто былъ въ этомъ виноватъ? «Чофульмэнъ» умираетъ на висѣлицѣ, но профессія его продолжаетъ процвѣтать. Вѣдь все равно—полное признаніе не спасло бы его отъ казни.

Мы упомянули о собачникахъ. Такъ какъ число ихъ не велико, то нельзя сказать, чтобы они составляли особый классъ; однако и у нихъ есть свои особенности, и они занимаются своимъ дѣломъ безъ большаго риска и съ огромной прибылью. Уже триста лѣтъ тому назадъ Англія славилась прекрасными породами собакъ, и теперь еще англичанинъ имѣетъ страсть къ хорошимъ собакамъ. Въ рѣдкомъ порядочномъ домѣ нѣтъ комнатной собачки—даже двухъ, которыя сопровождаютъ леди на прогулкѣ. Во время сезона всѣ парки полны ими. Тутъ-то раздолье собачникамъ. Только барыня заговорится съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, какъ ужь кингъ-чарльзъ или пудель исчезаетъ подъ плащемъ или пальто вора, который проворно нырнетъ въ толпу и скрывается за деревья. На слѣдующій день въ «Times» печатается объявленіе, съ обѣщаніемъ награды тому, кто принесетъ потерянную собачку; въ кухню вскорѣ затѣмъ яв-

ляется обтерханный грумъ и даетъ знать, что ее можно получить въ такомъ-то трактирѣ. Отправляются въ указанную трущобу, и тамъ дѣйствительно оказывается потерянный баловень. Бывали случаи, что за собаку давали 20 ф. стерл. награды; обыкновенная цѣна — 2 ф. ст.

Мы привели классификацію придуманную самими преступниками. Тюремное начальство признаетъ совсѣмъ другую: оно раздѣляетъ воровъ по различной степени развитія. Въ этой классификаціи первую степень занимаютъ поддѣлыватели денегъ и подписей, вторую — шуллера и карманники, третью—мелкіе воришки, мазурики и овцекрады. Въ тюрьмахъ больше всего сидитъ членовъ первой категоріи; члены второй, хотя не способны къ искреннему исправленію, умѣютъ притворно исправляться. Возрастъ отъ 15 до 25 лѣтъ, т. е. самая пора умственнаго развитія, доставляетъ тюрьмамъ ихъ главный контингентъ. Молодые люди 15-ти — 25-ти лѣтъ составляютъ 15% населенія всей Великобританіи; число же осужденныхъ преступниковъ этихъ лѣтъ —равняется 49% всѣхъ преступниковъ; другими словами, изъ молодыхъ людей этихъ лѣтъ состоитъ одна пятая доля населенія и половина преступниковъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о различныхъ видахъ четырехъ крупныхъ категорій воровъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое особое прозвище. Изъ «рэмпсмэновъ» нѣкоторые вламываются въ дома, другіе останавливаютъ на улицахъ, третьи грабятъ при помощи погибшихъ женщинъ. Изъ «дроммеровъ» одни примѣшиваютъ дурманъ въ крѣпкіе напитки, другіе обираютъ людей почему-либо потерявшихъ сознаніе, третьи выдаютъ себя за людей хорошаго общества, чтобы удобнѣе обкрадывать и надувать. Есть «мобсмэны» спеціалисты на тасканіе вещей изъ кармановъ у мужчинъ, и другіе занимающіеся исключительно тасканіемъ изъ дамскихъ кармановъ; есть и такіе которые крадутъ только часовыя цѣпочки и брошки, тогда какъ другіе промышляютъ одними часами, а опять другіе стягиваютъ товаръ изъ лавокъ. Разные виды «сниксмэновъ» еще многочисленнѣе; главныхъ видовъ два: одинъ крадетъ товаръ, другой—животныхъ. Къ первому виду принадлежатъ тѣ господа, что таскаютъ товаръ съ фуръ, обозовъ, изъ экипажей, ночуютъ въ отеляхъ и уносятъ съ собою платье, постельное бѣлье и зонты, и пр. и пр. Ко второму виду причисляются господа, которые уводятъ лошадей, таскаютъ птицу съ птичьихъ дворовъ, кошекъ и собакъ. Есть еще одинъ сортъ воровъ, столь же иррегулярный какъ стая хищныхъ птицъ; о немъ другіе не знаютъ, однако онъ весьма не маловаженъ. Это—безчисленныя прачки и швеи, которыя закладываютъ бѣлье или полотно довѣренныя имъ и оставляютъ себѣ деньги; домашняя прислуга, которая воруетъ посуду и разную разность; фабричные рабочіе, которые уносятъ съ собою металлы, винты и цѣлыя части машинъ, и т. п.

Естественно является вопросъ: куда всѣ эти воры дѣваютъ добычу? Для этого существуетъ множество трущобъ въ восточныхъ кварталахъ Лондона. Войдемъ въ первую попавшуюся. У входа нагромождены въ безпорядкѣ старые столы и стулья, и образуютъ какъ бы баррикаду, охраняющую пестрый сборъ товаровъ: тутъ и золотыя вещи, и искусственные цвѣты, и старое платье, и столярные инструменты, и мореходные инструменты, и кашемировыя шали, и спиртовые самовары изъ накладнаго серебра, и бѣлье съ выпоротыми мѣтками, и зеркала, и часы, и серебро,—словомъ сказать, все что угодно, и что имѣетъ хоть какую нибудь цѣнность. Тысячи людей въ теченіи многихъ лѣтъ обогащаютъ себя этимъ барышничествомъ, и оставляютъ своимъ дѣтямъ состояніе, больше состоянія многихъ крупныхъ фирмъ, въ торговлю которыхъ никогда не попадало краденой иголки.

(Окончаніе будетъ).

Фельетонъ.

Лѣтнія партіи петербургскаго общества, ихъ споры и примиренія. — Загородныя гулянья: заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ. — Семейный садъ и г-жа Филиппо. — Городскія увеселительные сады. — Канунъ Иванова дня на Крестовскомъ островѣ. — Общественное гулянье въ Лѣтнемъ саду 28-го іюня.

Каждое лѣто раздѣляетъ петербуржцевъ на двѣ партіи: на дачниковъ и городскихъ жителей. Партіи эти можно уподобить, при нѣкоторой развязности фантазіи, классическимъ партіямъ либераловъ и консерваторовъ: болѣе подвижные или передвижные обитатели дачъ могутъ представлять собою элементъ прогресса, движенія; устойчивые горожане—элементъ покоя, охраненія, инертности. Между этими двумя партіями ежегодно идутъ усердныя пререканія на ту тему, гдѣ лучше лѣтомъ: на дачѣ или въ городѣ? Тема, которая, благодаря повтореніямъ и невозможности быть разрѣшенной въ абсолютномъ смыслѣ, грозитъ уподобиться одной изъ вѣчныхъ темъ, въ родѣ «кто лучше: мужчина или женщина, или что тяжелѣе: ждать и не дождаться, или имѣть и потерять» (Островскій: «Праздничный сонъ до обѣда»), доставляющихъ предметъ размышленій и діалектическихъ упражненій для любознательныхъ женскихъ умовъ Замоскворѣчья и другихъ патріархальныхъ пригородовъ земли русской. Пререканія эти и споры носятъ впрочемъ характеръ очень миролюбивый, совершаются въ видѣ добродушнаго подтруниванья, при частыхъ уступкахъ другъ другу. На такія взаимныя уступки или «компромиссы» (чтобы не пропустить иностраннаго словечка), вынуждаютъ спорящихъ безпрестанныя измѣненія погоды. Пріѣзжаетъ напр. какой-нибудь горожанинъ, въ каретѣ и плотно закутавшись, къ знакомымъ дачникамъ. Кугается онъ и ѣдетъ въ закрытомъ экипажѣ, потому что дождь безъ отдыху мочитъ вотъ уже нѣсколько дней; на дворѣ сыро и вѣтряно. Колеса экипажа грузно вязнутъ въ грязи. Видъ дачъ необыкновенно жалкій: домики похожи на подмоченный картонъ; деревья—и тѣ кажется съежились и полиняли отъ дождя; на дачныхъ улицахъ и въ садахъ пустынно: все попряталось, закуталось и съ тоскою взглядываетъ на небо — не яснѣетъ-ли съ какого-нибудь конца? Добрый хозяинъ даже собаку свою прибралъ; изрѣдко только пробѣгаетъ въ лавочку или изъ лавочки какая-нибудь горничная или кухарка, высоко поднявши платье и лавируя между лужами. «Ну пріятно, нечего сказать»! под-

трунивает горожанин: «прелести дачной жизни, чистый воздух, ха, ха, ха!.. Нѣтъ, да вы мнѣ скажите, какъ можете вы это переносить? вѣдь это не дождь, а насморки, флюсы, лихорадки и прочая благодать льется съ неба!

— Да, да!.. печально соглашаются дачники въ невзгодѣ,—вотъ и то уже Машенька кашляетъ, а Петенька вчера всю ночь былъ въ жару. Кто же зналъ? Мы и то уже подумываемъ—не перебраться-ли обратно въ городъ.—Вотъ видите, говорилъ я вамъ, говорилъ!.. торжествуетъ горожанинъ:—кто-же не знаетъ петербургскаго климата? Вѣдь это такой климатъ... такой что наконецъ лучше если-бы никакого климата не было чѣмъ такая мерзость.—Охъ, правда! подтверждаютъ справедливость этой смѣлой мысли дачники. Но вотъ картина перемѣняется. Наступаютъ дни зноя, нестерпимаго петербургскаго зноя. Нѣтъ отъ него спасенія. Несчастный горожанинъ и засыпаетъ, и просыпается, и цѣлый день себя чувствуетъ какимъ-то ракомъ свареннымъ, разваренымъ и облитымъ собственнымъ соусомъ. На улицахъ, въ разныхъ мѣстахъ бьютъ высокія и сильныя струи изъ трубъ городскаго водопровода—и, право, надо нѣкоторое усиліе воли, чтобы не кинуться, во всемъ какъ есть, подъ эти фонтаны или чтобы не высунуть отъ жару языкъ, какъ это принято у друзей человѣка. Собакъ зной доводитъ до отчаянія, до состоянія близкаго къ бѣшенству. Въ такой то землѣ, вечеромъ, отправляется несчастный мученикъ петербургскаго климата на дачу. На этотъ разъ онъ ѣдетъ на пароходѣ—и такъ радъ рѣчной свѣжести, что не жалуется ни на давку, благодаря которой ему весь переѣздъ пришлось простоять на ногахъ,—не въ претензіи и на то, что труба пароходная все время безжалостно обсыпаетъ его свѣтлый костюмъ сажей и углями, а подъ мостами пышетъ на него горячимъ дымомъ и паромъ. Онъ заранѣе предвкушаетъ сладость чистаго воздуха.—Какъ хорошо здѣсь у васъ, говоритъ онъ дачникамъ, къ которымъ пріѣхалъ,—просто благодать, даже совсѣмъ не жарко!—Воображаемъ, что дѣлается теперь у васъ въ городѣ, поддразниваютъ дачники.—Ахъ, не говорите! — А вы вотъ еще браните дачи, смѣетесь надъ ихъ любителями! — Да, кто же зналъ, Господи! Вѣдь это такой климатъ... такой что (см. выше).—Вотъ тото-то и есть!.. торжествуютъ дачники:—посмотрите какъ поправились Машенька и Петинька... Такъ мирно спорятъ и добродушно мирятся двѣ главныя лѣтнія «фракціи» нашего общества, не имѣющія въ себѣ къ счастію никакого политическаго оттѣнка. Да и до политики-ли лѣтомъ? Нѣтъ, время каникулярное—время вакацій. «Довлѣетъ дневи злоба его», а лѣту довлѣетъ отдохновленіе, сладостное ничего недѣланіе, наполняемое такъ-называемыми невинными удовольствіями. Степень ихъ невинности—другой вопросъ, который мы здѣсь обойдемъ, не чувствуя въ себѣ высокихъ качествъ моралиста — и находясь въ эту минуту болѣе въ расположеніи хвалить, чѣмъ порицать или обличать кого или что бы то ни было.

Невинныя удовольствія или увеселенія петербуржцевъ, какъ городскихъ какъ и дачныхъ (первыхъ преимущественно), обрѣтаются ими главнымъ образомъ въ разныхъ загородныхъ и городскихъ садахъ, садикахъ и заведеніяхъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ безспорно «Излеръ» или «Заведеніе искуственныхъ минеральныхъ водъ». Это первое мѣсто принадлежитъ ему и по выслугѣ лѣтъ, по старшинству; Излеръ Иванъ Ивановичъ—старѣйшій, чуть-ли не первый изъ предпринимателей подобнаго рода увеселительныхъ заведеній, съ легкой руки котораго они пошли множиться и наполнять собою территорію Петербурга. Съ него мы начнемъ нашъ обзоръ мѣстъ веселія. Въ этомъ году заведеніе искуственныхъ минеральныхъ водъ никакой особенно замѣчательной новинкой петербуржцевъ не подарило. Главный интересъ вечеровъ этого заведенія заключается какъ извѣстно во французскихъ пѣвицахъ, во вкусъ «плѣнительнаго» искусства которыхъ мы входимъ все болѣе и болѣе. Искусство это—совсѣмъ особаго рода искусство; кто его не видѣлъ, очень ошибется, если подумаетъ, что къ нему приложимы сколько нибудь общія требованія отъ искусства пѣнія — ничуть: такъ напр. голосъ и его качества играютъ тутъ очень второстепенную роль; голосъ, разумѣется, не будетъ лишнимъ если есть у пѣвицы, но далеко и не необходимъ; оригинальность и блескъ въ манерѣ передачи пѣсенки, шикъ и ловкость пѣвицы какъ женщины,—вотъ качества, которыя съ лихвой могутъ выкупить всѣ недостатки исполнительницы какъ пѣвицы. А указанными качествами не особенно отличаются новоприглашенныя въ этотъ сезонъ пѣвицы Перрье, Ловато и другія,—и потому, не смотря на то, что являются для публики заведенія иск. мин. водъ новинкою, пользуются гораздо меньшими оваціями и вызываютъ слабѣйшія восторги чѣмъ старыя-знакомыя. Послѣднія, по прежнему продолжаютъ оставаться любимицами, каждая пѣсенка, жестъ, выходка которыхъ награждается щедрыми знаками ободренія. Лучшія силы мужскаго персонала принадлежатъ также прошлогоднему ангажементу — г.г. Поли и Жуайе. Опасной соперницей всѣмъ указаннымъ пѣвицамъ является г-жа Филиппо, одной своей особой представляющая всю французскую музыку на сценѣ «Коломенскаго Излера» или Семейнаго Сада и сразу преобразившая весь характеръ этого когда-то дѣйствительно-лишеннаго нѣкотораго семейнаго или патріархальнаго оттѣнка увеселительнаго мѣста. Она привлекла въ этотъ садъ до сихъ поръ невиданныхъ тамъ поклонниковъ и тонкихъ цѣнителей каскаднаго культа. Коломенскій Излеръ сталъ неузнаваемъ. На улицѣ у входа въ садъ стоятъ теперь по вечерамъ богатые экипажи, тысячные рысаки, изящныя кареты и коляски. На площадкѣ и въ аллеяхъ сада брящаютъ шпоры и палаши, слышится чистѣйшій парижскій языкъ дамъ полусвѣта—и не видится болѣе мирныхъ обитателей Коломны, со чады и домочадцы, сходившихся на незатѣйливыя увеселенія семейнаго сада, не видно почтенныхъ маменекъ чинно прогуливающихся съ добродѣтельными и скромными дочерьми. Филиппо все преобразила! Еще-бы? Филиппо! Да выдержать пѣніе Филиппо впору не всякому мужчинѣ,— выдержать, т. е. выслушать его спокойно, не опустивши ни разу глаза внизъ отъ той «реальной правды», съ какою эта артистка передаетъ воспѣваемую ею любовь. Съ каждымъ изъ слушателей должно, по всей вѣроятности случиться что нибудь одно изъ двухъ: иной придетъ сначала въ недоумѣніе, потомъ смутится и сконфузится, точно услышавъ объ себѣ что нибудь дурное; смущеніе это попробуетъ скрыть неловкой улыбкой и, замѣтивъ ея принужденность, скромно опуститъ глаза долу, а когда пѣвица кончитъ, то такой примѣрный мужчина только и найдется сказать своему сосѣду или сотоварищу: «Ну батюшка, вѣдь это.... однако-же....», сопровождая эти

слова вопросительнымъ и недоумѣлымъ выраженіемъ. Но такихъ мало. На большинство-же слушателей Филиппо пѣніе ея дѣйствуетъ иначе: оно приводитъ ихъ въ бѣшеный восторгъ, свойства столь неприличнаго, что онъ значительно превосходитъ самое пѣніе. Нѣкоторые на эфектныхъ мѣстахъ пѣсни или ритурнели не выдерживаютъ и начинаютъ сами подпѣвать или подтягивать пѣвицѣ, другіе какъ-то мычатъ и ревутъ въ яромъ экстазѣ, третьи ломаютъ стулья и полъ, словно рѣчь шла объ Александрѣ Македонскомъ. Вотъ какія чудеса творитъ Коломенская артистка. Слово «артистка» мы употребили въ томъ смыслѣ, что ужь если признавать пѣніе французскихъ любовныхъ шансонетокъ за своего рода искусство, хотя-бы и очень маленькое и узенькое, то Филиппо надо сознаться столь въ немъ преуспѣла, что вполнѣ достойна быть признанной артисткой *этого искусства*.

Кромѣ пѣвицъ и оркестровъ музыки, въ программу вечеровъ всѣхъ почти увеселительныхъ заведеній входятъ танцы, т. е. частичка балета, и акробатическія и гимнастическія упражненія. Наиболѣе замѣчательны, по новизнѣ и смѣлости исполняемыхъ штукъ, двѣ акробатки, сестры Братцъ, дающія свои представленія на Крестовскомъ островѣ.

Таковы-то невинныя удовольствія и зрѣлища, которыми тѣшутся достаточные обитатели Петербурга въ главныхъ загородныхъ садахъ; но кромѣ этихъ садовъ существуетъ еще—на потребу менѣе прихотливыхъ классовъ общества—не мало городскихъ садиковъ при разныхъ трактирахъ, въ которыхъ ежедневно, часовъ съ 7 и до поздней ночи, гремитъ музыка («гремитъ» потому что военная), заливаются пѣсенники и кувыркаются гимнасты. Такіе музыкальные садики—явленіе послѣднихъ годовъ; число ихъ съ каждымъ лѣтомъ увеличивается, на радость праздношатающагося люда и, какъ думаемъ мы, къ досадѣ и огорченію тѣхъ, кому судьба судила жить вблизи этихъ садовъ и кто такимъ образомъ осужденъ каждый вечеръ, въ теченіи часовъ пяти-шести, быть невольнымъ слушателемъ дароваго концерта. Полагаемъ, что подобная привилегія должна порою не мало отравлять существованіе. Такой сосѣдъ веселаго мѣста можетъ въ иной день быть нездоровъ, въ другой—занятъ, огорченъ, — словомъ, совсѣмъ не въ расположеніи внимать музыкальной гармоніи музыки; но никто не спрашиваетъ объ его желаніи—и въ семь часовъ вечера звукъ турецкаго барабана нахально ворвется въ его квартиру и будетъ въ ней звучать по крайней мѣрѣ до полночи, доводя до отчаянія нервнаго человѣка. Но что дѣлать? «Одинъ смѣется, плачь другой, и такъ на свѣтѣ все ведется».

Петербужцы, почти всѣ, безъ различія пола, званія, состоянія и возраста, страхъ жадны на всякаго рода увеселенія и зрѣлища. Черта достойная, или, по крайней мѣрѣ, напоминающая древнихъ римлянъ. Доказательствомъ чему можетъ служить извѣстное куллербергское гулянье, ежегодно совершающееся въ ночь подъ Ивана Купалу, продолжающееся при благопріятныхъ условіяхъ весь этотъ день и постепенно затихающее только на слѣдующую ночь. Мѣстомъ для этого гулянья служитъ Крестовскій островъ, т. е. собственно та небольшая часть его, которая называется Татарскимъ островомъ и составляетъ противоположный Петровскому острову берегъ одной изъ Невокъ. Мѣстность эта потому вѣроятно предназначена владѣльцами острова для гулянья, что она совершенно для этого неудобна, представляя собою кочковато-болотистое и почти безлѣсное пространство. Года три-четыре назадъ, куллербергское гулянье происходило на другомъ мѣстѣ Крестовскаго острова, гораздо лучшемъ, сухомъ, и среди котораго существуетъ маленькій холмъ или холмикъ, давшій свое имя всему гулянью и на которомъ гулявшіе и подгулявшіе нѣмцы тѣшились вбѣгая и сбѣгая съ него, падая, наваливаясь другъ на друга, кувыркаясь. Несмотря на то, что празднованіе кануна Иванова дня или ночи подъ Ивана Купалу очень распространено по всей Россіи и преимущественно Малой, въ Петербургѣ введеніе этого празднества, въ видѣ куллербергскаго гулянья, историческая справедливость заставляетъ приписать нѣмцамъ.

Долгое время главный контингентъ гулявшихъ составляли нѣмцы, отправлявшіеся изъ города съ семействами, прислугою и провизіей, для того чтобы, примостившись какъ-нибудь подъ одною изъ елей Крестовскаго острова, насладиться отдохновеніемъ и легкимъ разгуломъ ins grüne. Теперь это значительно измѣнилось; нѣмцовъ на праздникѣ стало менѣе русскихъ; русская рѣчь, пѣсни и ругань совсѣмъ вытѣснила нѣмецкія. Кулербергъ обрусѣлъ. Нѣмецкія цуги или потѣшно-торжественныя шествія, безъ чего у нѣмцевъ торжество не въ торжество, замѣнились самодѣльнымъ русскимъ трепакомъ. Пиво и водка потребляются въ огромномъ количествѣ—и на утро пустырь гулянья, усѣянный разбитою посудою, скорлупами яицъ и поверженными тѣлами, напоминаетъ поле, передъ которымъ можно бы запѣть извѣстную арію Руслана:

О поле, поле! Кто тебя
Усѣялъ мертвыми *тѣлами?*

Тѣламъ этимъ въ нынѣшнемъ году пришлось отдыхать почти совсѣмъ въ водѣ, потому что дождь, лившій нѣсколько сутокъ сряду до дня гулянья, совсѣмъ запрудилъ и безъ того болотистое мѣсто, и не переставалъ изрѣдка накрапывать, освѣжая гулявшихъ и въ ночь веселья.

Гораздо болѣе куллербергскаго удалось другое «общественное гулянье», устроенное подъ покровительствомъ ихъ императорскихъ высочествъ: великой княгини Елены Павловны и великаго князя Николая Николаевича старшаго, въ воскресенье, 28 іюня, въ Лѣтнемъ саду, въ пользу 25,000 сиротъ, оставшихся безъ призрѣнія послѣ голода въ Финляндіи. Гулянье это сопровождалось хорами военной гвардейской музыки, военными пѣсенниками, иллюминаціею, которую въ точное исполненіе программы начали зажигать дѣйствительно въ $8^1/_2$ часовъ вечера, т. е. когда яркое солнце было еще высоко, что дало возможность получить понятіе о совершенно новомъ эфектѣ иллюминаціи при солнечномъ свѣтѣ. Въ саду была устроена лотерея аллегри и дѣтскіе сюрпризы. Малая плата за входъ и прекрасная погода, стоявшая въ тотъ день, привлекли въ Лѣтній садъ несмѣтную толпу народа. Несмотря на величину этого сада, въ немъ было тѣсно — приходилось двигаться и пробираться шагъ за шагомъ. Около же оркестровъ музыки или пѣсенниковъ, благодаря тому, что большинство такъ-называемой «простой публики» не только любитъ слушать, но непремѣнно хочетъ при этомъ и *видѣть музыку*, и лѣзетъ для этого только-что не въ самый оркестръ, — была совсѣмъ давка. Такъ что гулянье это удалось какъ нельзя болѣе, и благотворительная цѣль его вѣроятно вполнѣ достигнута.

А.

Палестина.

Въ исторіи христіанства Палестина занимаетъ первое мѣсто. Изъ этой небольшой страны, бывшей провинціею Римской Имперіи, вышло то великое ученіе, которое, не смотря ни на какія препятствія, восторжествовало надъ язычествомъ и легло въ основаніе цивилизаціи современной Европы.

Іерусалимъ, Виѳлеемъ, Назаретъ, Капернаумъ — вотъ мѣста, въ которыхъ проходили главные моменты земной жизни Іисуса Христа. Говоря о Палестинѣ, слѣдуетъ начать съ Виѳлеема — мѣста рожденія Спасителя.

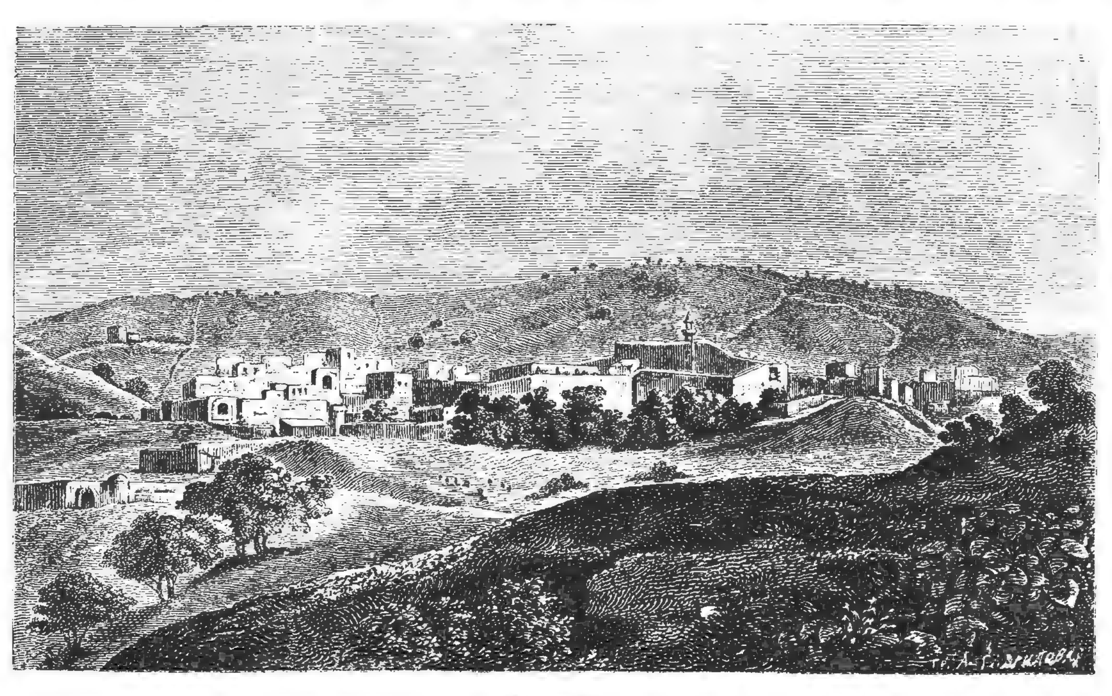
Дорога, ведущая изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, проходитъ чрезъ равнину Реѳаимскую, затѣмъ чрезъ высоты св. Иліи. Кое - гдѣ вдоль пути виднѣются древнія развалины башень, оградъ или столбовъ, которыми нѣкогда были окружены виноградники. У подошвы горы св. Иліи находится, по правой сторонѣ дороги, круглый колодезь древняго построенія, и при немъ водопойня. Эта такъ-называемый колодезь «трехъ волхвовъ». Судя по обломкамъ, которые сохранились вокругъ него, можно полагать что онъ былъ украшенъ скульптурою, и даже говорятъ что здѣсь была церковь. Съ высоты горы въ дальнемъ разстояніи виднѣется монастырь святаго Иліи, а за нимъ Виѳлеемъ, разстилающійся по горному хребту, который склоняется къ югу въ долину. На одной изъ возвышенностей этого хребта виденъ храмъ, построенный, какъ полагаютъ, во времена Юстиніана, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ родился Спаситель. Первые христіане имѣли также небольшой храмъ на этомъ мѣстѣ; но римскій императоръ Адріанъ приказалъ соорудить здѣсь капище, запретивъ іудеямъ жить въ Виѳлеемѣ и Іерусалимѣ. Императрица Елена снова воздвигла храмъ надъ этимъ священнымъ мѣстомъ. Входныя двери главнаго фасада храма, построеннаго крестомъ, нѣсколько узки, но искусно отдѣланы и красивы, хотя уже отъ времени много попортились. При входѣ въ храмъ открывается обширная паперть, соединенная длинною галлереею, по обѣимъ сторонамъ которой возвышаются, въ два ряда, мраморныя колонны коринфскаго ордена. Стѣны храма были сначала обшиты мраморомъ и мозаиками, остатки которыхъ еще видны до сихъ поръ, но мраморъ большею частью снятъ для украшенія дворцовъ калифовъ и Омаровой мечети въ Іерусалимѣ. Потолокъ состоитъ изъ огромныхъ балокъ кипариснаго и кедроваго дерева. Главный алтарь, посвященный Рождеству Христову, составляетъ верхнюю часть креста, и возвышается на нѣсколько ступеней. Съ обѣихъ сторонъ главнаго алтаря сходятъ по 15 мраморнымъ ступенямъ въ подземную церковь, находящуюся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родился Спаситель міра.

Іерусалимъ.

Это обширный гротъ, изсѣченный въ скалѣ и выстланный мраморомъ; помостъ вертепа обвѣшанъ 16 великолѣпными серебряными лампадами;

надъ ними находится мраморная доска, которая служитъ престоломъ. Направо отъ этого алтаря находится пещера «яслей», въ которую сходятъ по тремъ ступенямъ. Ясли изсѣчены въ природномъ камнѣ и одѣты мраморомъ. Противу этой колыбели Спасителя устроенъ престолъ, на томъ мѣстѣ гдѣ волхвы поклонялись Младенцу Іисусу.

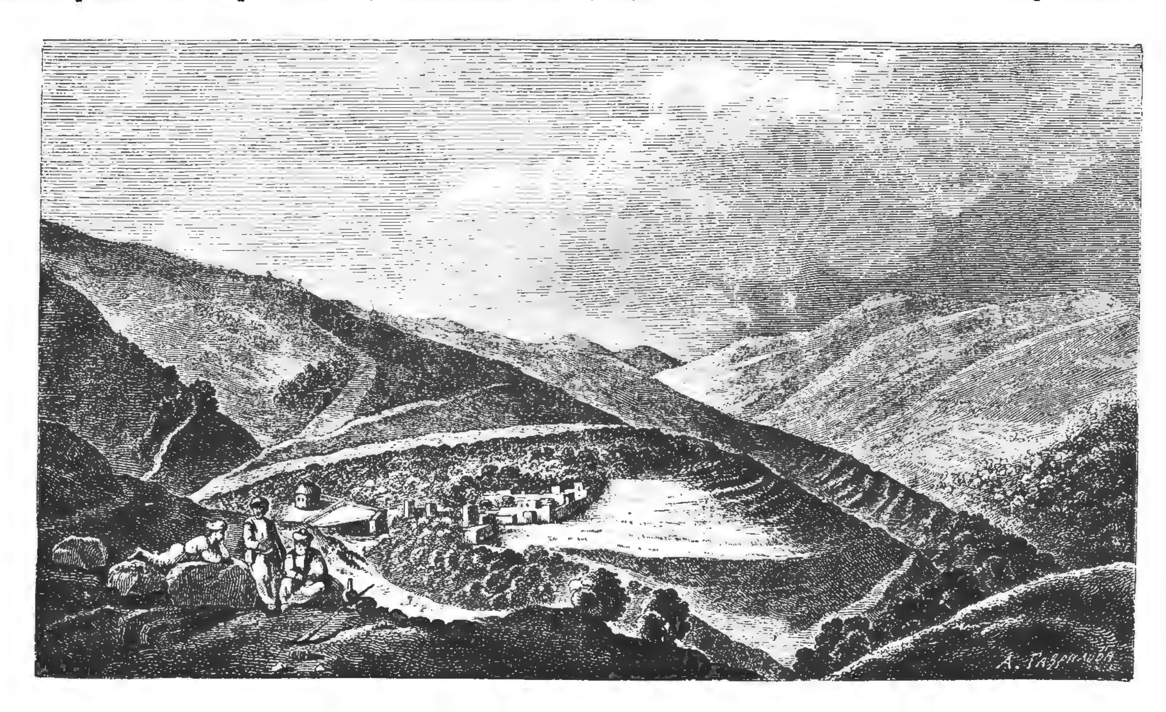
Городъ Іерусалимъ, какъ колыбель іудейства и христіанства, принадлежитъ безъ сомнѣнія къ знаменитѣйшимъ городамъ въ мірѣ. Войны, извѣстныя подъ именемъ Крестовыхъ Походовъ, велись съ цѣлію завладѣть этимъ городомъ. Всѣмъ извѣстно, какое вліяніе имѣли эти войны на историческія судьбы Европы. Значительно также было вліяніе ихъ и на творческія силы Италіи, которой поэты воспѣли подвиги Готфрида Бульонскаго и Балдуина—этихъ героевъ безсмертной средневѣковой эпопеи.

Назаретъ.

Въ настоящее время Іерусалимъ расположенъ на возвышенностяхъ Сіона и по склонамъ горъ: Акры, Моріи и Голгофы. Онъ окруженъ высокою стѣною изъ тесанаго камня и довольно высокими башнями; дома жителей не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Древній Іерусалимскій храмъ былъ построенъ на горѣ Моріа; онъ замѣнилъ собою древнюю скинію, находившуюся на библейски-знаменитой горѣ Сіонѣ. У подножія горы Моріа скрывается въ глубокой пещерѣ источникъ дѣвы Маріи. Онъ проходитъ сквозь всю оконечность горы Моріа къ водоему Силоамскому. Сюда приходила Пресвятая Дѣва почерпать воду вмѣстѣ съ бѣдными жителями предмѣстія Офели. Въ пещеру, гдѣ находится

Горняя.

источникъ, ведутъ два спуска состоящіе изъ нѣсколькихъ мраморныхъ ступеней.

Гора «Вознесенія» или Елеонская есть самая высокая изъ горъ облегающихъ Іерусалимъ; съ вершины ея открывается обширнѣйшій видъ на Іерусалимъ, растилающійся вдали за глубокимъ оврагомъ. Этотъ оврагъ есть долина Іосафатова, покрытая могилами и прорѣзанная безводнымъ русломъ потока Кедронскаго. Съ высоты этой горы предсказалъ Спаситель паденіе Іерусалима. На этомъ мѣстѣ нѣкогда возвышалась прекрасная церковь, построенная св. Еленою; въ настоящее время здѣсь находится большее осьмиугольное зданіе, изъ бѣлаго мрамора съ колоннами. Верхъ купола этого зданія не сведенъ: преданіе говоритъ, что это мысль св. Елены, которая желала чтобы молящіеся могли видѣть небо. У подошвы этой горы находился садъ Геѳсиманскій, въ которомъ послѣдній разъ молился Спаситель и гдѣ онъ былъ преданъ Іудою. Немного далѣе, къ востоку, лежитъ Виѳанія, гдѣ по словамъ преданія показываютъ мѣсто дома Лазаря, мѣсто его погребенія, домъ Симона прокаженнаго, жилище Маріи Магдалины и Марѳы, и смоковницу проклятую Іисусомъ. Изъ общественныхъ зданій замѣчательна Омарова мечеть; это, собственно говоря, собраніе нѣсколькихъ мечетей, которыя окружены оградой. Наиболѣе замѣчательная изъ нихъ—это мечеть эль-Акса, большое зданіе построенное параллелограммомъ и украшенное куполомъ. Христіане думаютъ, что это храмъ построенный св. царемъ Константиномъ или св. Еленою, или же Іустиніаномъ, въ честь Богородицы, именно Введенія Ея во храмъ. Изъ христіанскихъ зданій замѣчателенъ храмъ гроба Господня, построенный императрицею Еленою на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ похороненъ Іисусъ. Часть этого храма сгорѣла въ 1811 году; часовня гроба Господня и другія восемь часовень принадлежащія христіанамъ различныхъ исповѣданій — остались невредимы; часть храма, истребленная пожаромъ, была возобновлена въ 1812 году. Въ настоящее время этотъ храмъ, равно какъ и самая часовня гроба Господня, богато украшены приношеніями христіанскихъ народовъ и ихъ государей. При храмѣ находятся греческій и католическій монастыри. Армянскій монастырь чрезвычайно обширенъ: въ немъ до 1,000 келій.

Изъ остатковъ древности — существуютъ еще до сихъ поръ развалины дворца Пилата. Съ высокихъ террасъ этого зданія, теперь необитаемаго, взоръ обнимаетъ всю мѣстность бывшаго храма Соломонова и большую часть Іерусалима. Остатокъ отъ входа съ улицы въ этотъ дворецъ видѣнъ еще донынѣ: это входъ въ «преторію». Онъ былъ сдѣланъ изъ большихъ мраморныхъ плитъ; теперь осталась только послѣдняя ступень отъ прежняго круглаго крыльца, выходившаго на улицу. Другія ступени, одѣтыя бѣлымъ мраморомъ, перенесены крестоносцами въ Римъ, гдѣ и помѣщены въ церкви называемой la Santa Scala (Святое Крыльцо), близь собора св. Іоанна Латранскаго. По этимъ-то ступенямъ вели Іисуса на судилище, по нимъ сводили его на распятіе. Небольшая арка соединяетъ верхъ дворца съ другими зданіями, находящимися по другую сторону улицы; говорятъ, что изъ одного окна этой арки Пилатъ показалъ народу Іисуса. Налѣво, подъ самою аркою показываютъ небольшое углубленіе въ стѣнѣ, въ которомъ стояла Пресвятая Дѣва во время суда надъ ея Сыномъ.

Съ высоты террасъ этого дворца видѣнъ былъ храмъ Соломона, въ которомъ поучалъ Спаситель народъ іудейскій. Древній Іерусалимскій храмъ, возобновленный послѣ плѣна Вавилонскаго Зоровавелемъ, и называвшійся *вторымъ*, во времена Спасителя, въ отличіе отъ Соломонова,—много уступалъ этому послѣднему во внѣшнемъ блескѣ; старики видѣвшіе первый храмъ, при сравненіи его со вторымъ, не могли удержаться отъ слезъ. И первый и второй храмы имѣли въ своей окружности кромѣ священныхъ зданій, какъ-то «Святое» и «Святая святыхъ», много дворовъ и притворовъ; въ этихъ послѣднихъ проживали лица, исполнявшія какую либо священную службу. Тамъ же хранились священные сосуды и запасы. На служеніе въ этомъ храмѣ была посвящена Дѣва Марія. Блаженный Іеронимъ пишетъ, что крыльцо этого храма имѣло пятнадцать высокихъ ступеней.

Родители Пресвятой Богородицы проживали въ Назаретѣ, который лежалъ на откосѣ горы и отстоялъ на три дня пути отъ Іерусалима, и на восемь часовъ отъ Генисаретскаго озера. Въ древности онъ принадлежалъ къ нижней Галилеи.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ нигдѣ не упоминается объ этомъ городѣ; онъ былъ такъ незначителенъ, что евреи говорили: можетъ ли быть что доброе изъ Назарета? Въ Новомъ Завѣтѣ этотъ городъ весьма знаменитъ, такъ какъ въ немъ жила св. Дѣва, и здѣсь возвѣстилъ ей архангелъ Гавріилъ о зачатіи Богочеловѣка. Въ настоящее время на мѣстѣ Благовѣщенія находится латинскій монастырь—обширное зданіе обнесенное высокою стѣною. Церковь Назаретская великолѣпна: стѣны и полъ выложены мраморомъ; главный алтарь возвышается на 17 ступеней—и образъ Благовѣщенія, находящійся надъ престоломъ, господствуетъ съ высоты надъ всей церковью. Храмъ этотъ заслоняетъ собою скромное жилище Богоматери, которое изсѣчено въ скалѣ и состоитъ изъ трехъ небольшихъ комнатъ. Туда сходятъ съ лѣвой стороны алтаря, по нѣсколькимъ ступенямъ изъ бѣлаго мрамора. Подъ сводомъ этого святилища устроенъ католическій престолъ, подъ мраморною доскою котораго висятъ богатыя лампады, а внизу на священномъ помостѣ вырѣзана надпись: «Hic Verbum carno fuit» «здѣсь слово плоть бысть»! Въ Назаретѣ кромѣ этого храма есть еще арабско-православная церковь, лежащая въ концѣ города, по дорогѣ къ горѣ Ѳаворской. Она построена пожертвованіями россійскихъ царей, надъ развалинами храма, воздвигнутаго св. Еленою. Поднимаясь въ верхъ города отъ монастыря Благовѣщенія, путешественнику показываютъ мѣстность, на которой стоялъ плотничій домъ Іосифа. Здѣсь устроена небольшая католическая церковь; надъ престоломъ, во имя св. Іосифа, виднѣется образъ, изображающій Іисуса, занимающагося плотничьею работой. Въ настоящее время Назаретъ — небольшое селеніе, въ которомъ считается до 300 каменныхъ домовъ съ плоскими крышами и до 3,000 жителей — грековъ, католиковъ, евреевъ, маронитовъ и магометанъ. Всѣ путешественники согласны въ томъ, что мѣстоположеніе его прекрасно и грандіозно: съ вершины горы, къ склонамъ которой онъ прислонился, открывается величественная панорама долины Эздрелонской и горъ — Ѳавора, Кармила, Ермона; въ глубинѣ перспективы виднѣется Средиземное море. Эздрелонская долина была нѣкогда самою плодоносною въ землѣ Ханаанской, она была покрыта богатыми пастбищами. На ней Варакъ разбилъ Сизара, а царь іудейскій Іосія сражался съ египетскимъ царемъ Нехао и умеръ пронзенный стрѣлами;

вообще, на этой долинѣ, отъ временъ Навухудоносора до французской экспедиціи въ Египетъ, стояли лагеремъ войска очень многихъ народъ—евреевъ, сарацинъ, египтянъ, персовъ, друзовъ, турковъ, арабовъ, французовъ. Помимо этихъ историческихъ традицій, Назаретъ важенъ для всякаго путешественника-христіанина какъ мѣсто, гдѣ жило святое семейство и воспитывался Спаситель.

Отправляясь изъ Іерусалима по дорогѣ чрезъ первый хребетъ іудейскихъ горъ. покрытый маслинами и виноградниками, путешественникъ видитъ слѣва, среди обработанной лощины, селеніе Малха, и затѣмъ вступаетъ въ плодоносную долину горняго города Іудина, гдѣ находится теперь селеніе св. Іоанна.

Городъ Іута или Горняя расположенъ въ горной лощинѣ, на нижнемъ склонѣ горъ, посреди роскошныхъ садовъ и обработанныхъ полянъ. Онъ отстоитъ на разстояніи 2-3-хъ часовъ отъ Іерусалима. Теперь—это селеніе, въ которомъ воздвигнутъ великолѣпный католическій храмъ на мѣстѣ рожденія Іоанна Предтечи. Живопись образовъ прекрасная; стѣны и полы выложены мраморомъ. Эта церковь выстроена католиками въ 1621 году. Мѣсто рожденія Предтечи есть также гротъ — но не подземный. Туда сходятъ по 7-ми или 8-ми мраморнымъ ступенямъ. Внутри находится великолѣпный престолъ. Отличные барельефы бѣлаго мрамора украшаютъ стѣны алтаря; они изображаютъ различные моменты изъ жизни Іоанна Крестителя. Вокругъ храма расположенъ католическій монастырь, въ которомъ живутъ до 20-ти братій. При выѣздѣ изъ селенія, виденъ водоемъ, куда приходила Богородица черпать воду, во время пребыванія своего у Елисаветы.

Говоря о Палестинѣ, нельзя не упомянуть о селеніи Капернаумъ. Здѣсь большею частію провелъ три послѣдніе года своей жизни Іисусъ.

Это селеніе было любимымъ Его мѣстопребываніемъ, здѣсь Онъ поучалъ народъ, проповѣдуя слова любви, вѣры и всепрощенія.

Прилагаемые рисунки Іерусалима, Назарета и Горней заимствованы нами изъ прекраснаго изданія Аѳонской горы; «Сказанія о земной жизни Пресвятой Богородицы». Изданіе это, къ которому приложено множество рисунковъ, запечатлѣно тѣмъ изяществомъ печати и художественнаго исполненія, которымъ отличается типографія А. И. Траншеля.

О всероссійской мануфактурной выставкѣ

(Продолженіе).

Къ сожалѣнію нашему, мы не могли добиться отъ Комитета выставки, чтобы намъ было дозволено произвести фотографическій снимокъ съ Отдѣленія машинъ; а такъ какъ, при чрезвычайной сложности различныхъ механизмовъ, копированіе отъ руки оказывалось почти невозможнымъ и во всякомъ случаѣ не удовлетворяло строгимъ требованіямъ, — то мы рѣшились отказаться отъ намѣренія помѣстить этотъ рисунокъ, и въ замѣнъ его прилагаемъ изображеніе внутренности акваріума, надземныя части котораго, гротъ съ фонтаномъ и входъ, уже извѣстны читателямъ (см. Нива, № 21).

Хотя ожиданія публики и прессы относительно подводныхъ чудесъ акваріума далеко не сбылись, за отсутствіемъ въ немъ не только рѣдкихъ рыбъ и земноводныхъ, но даже и значительныхъ водоемовъ, тѣмъ не менѣе изъ прогулки по темному царству его выносится не мало удовольствія.

Спустясь по ступенькамъ входа, изображеннаго въ верхней трети прилагаемаго рисунка межъ двухъ круглыхъ медальоновъ, вы видите предъ собою въ полумракѣ длинную галлерею изъ сталактитовъ, а въ концѣ ея — бѣлую мраморную статую (лѣвый верхній медальонъ рисунка). Сквозь сталактитовые пиластры, поддерживающіе сводъ галлереи и назначавшіеся служить рамами зеркальныхъ стеколъ морскаго акваріума, несутся звуки расположеннаго тамъ оркестра—и вдругъ, точно повинуясь чарующему вліянію музыки, вся галлерея съ ея сталактитами освѣщается кроваво-огненнымъ свѣтомъ; алая окраска даетъ статуѣ сходство съ Прозерпиной—вѣчно-грустной богиней Аида. Нѣсколько мгновеній трепещетъ этотъ адскій колоритъ подъ сводами импровизированнаго тартара—и также внезапно переходитъ въ ярко-зеленый свѣтъ, который придаетъ всей галлереѣ видъ окаменѣлой сталактитовой рощи, а статуя преображается въ задумчивую дріаду, отдыхающую въ родимомъ пріютѣ нимфы лѣсовъ. Еще мгновеніе — лиловый оттѣнокъ разлился по всей галлереѣ; статуя кажется Авророй въ облакахъ, составляющихъ подножіе богини денницы... Такъ, чередуясь, мѣняются различные эффекты освѣщенія,—и только подойдя къ самой статуѣ и оглянувшись, вы видите, что ихъ производитъ огромный аппаратъ электрическаго свѣта у самаго входа, незамѣченный вами въ началѣ (правый верхній медальонъ на рисункѣ).

Отъ статуи галлерея загибается подъ прямымъ угломъ влѣво—и этимъ переходомъ, въ которомъ продаются фрукты, конфекты, цвѣты, раковины, комнатные акваріумы со всѣмъ ихъ мелкимъ населеніемъ, вы проникаете въ обширную подземную залу, освѣщенную сверху въ разноцвѣтныя стекла, обставленную кругомъ небольшими зеркальными водоемами вдѣланными въ сталактитовыхъ стѣнахъ, гдѣ плаваютъ стерляди, угри, золотыя рыбки и проч. Множество комнатныхъ акваріумовъ (подобныхъ двумъ изображеннымъ въ нижнихъ медальонахъ нашего рисунка) разставлено всюду.

Около средины залы помѣщается небольшой металлическій водоемъ съ тюленемъ, такъ-называемой морской собакой. Мы не знаемъ, что побудило экспонента устроить такое мелкое плаваніе довольно крупному морскому звѣрю; но, во всякомъ случаѣ, вода не покрываетъ даже спины земноводнаго, которое то и дѣло погружаетъ свою голову, стараясь избавиться отъ несноснаго для него жара.

Срединная часть нашего рисунка представляетъ большой фонтанъ, помѣщающійся въ той-же подземной залѣ ближе къ выходу изъ акваріума. Освѣщенныя электрическимъ и дневнымъ свѣтомъ, струи его искрятся въ полумракѣ подземелья; водоемъ обставленъ красивыми растеніями и чучелами птицъ и земноводныхъ, которыхъ изображенія мы помѣстили вокругъ рисунка. На поверхности водоема плаваютъ два лебедя; имъ особенно нравится держаться подъ мелкимъ дождемъ брызга фонтановъ, который освѣжаетъ ихъ.

(Продолженіе будетъ).

Смѣсь.

Цвѣты животнаго царства. — Въ числѣ зоофитовъ (т. е. органическихъ существъ, рождающихся подъ водою, и обнаруживающихъ черты общія и растительному и животному царству) кромѣ кораллов, полипняковъ, и пр. есть весьма богатый и распространенный родъ *діатомей*; замѣчательны и драгоцѣнны для наблюдателя діатомеи между прочимъ тѣмъ, что онѣ водятся не только въ морѣ, но въ каждомъ ручьѣ, особенно же пруду или даже лужѣ стоячей воды; образуются даже въ стаканѣ воды, если дать ему постоять въ теплые лѣтніе дни. Профану это можетъ показаться невѣроятнымъ, но при помощи микроскопа и профанъ увидитъ эти нѣжныя, изящныя, иногда безконечно малыя порожденія влаги.

Подъ микроскопъ кладется изъ лужи частичка тины оливковаго зеленоватаго цвѣта — какое обворожительное зрѣлище представляется намъ! Цѣлый рой прелестнѣйшихъ прозрачныхъ кремнистыхъ кристалликовъ: одни въ формѣ челнока, другіе въ формѣ полумѣсяца, или клина, или мандолины, и пр. и пр., и всѣ такіе правильные, аккуратненькіе, точно выточенные или отшлифованные. Мы усиливаемъ увеличеніе микроскопа. На поверхности этихъ вещицъ выступаютъ дивные узоры, рельефомъ, — по большей части тянется продольное, узловатое ребро, отъ него исходятъ къ краямъ безчисленныя, тончайшія боковыя черточки, часто еще соединенныя между собой поперечными линіями, съ которыми мѣстами чередуются ряды точекъ, а между ними расположены особые штришки. Вся работа такъ безконечно нѣжна, что при каждомъ новомъ увеличеніи выступаютъ новые, дотолѣ невидимые узоры: штришки оказываются рядами точекъ и между ними являются опять новые штришки. Нѣтъ въ природѣ микроскопическихъ произведеній, доведенныхъ до такой тонкости и художественности. Это такъ-называемыя кремнистыя оболочки діатомей, ихъ богато разукрашенный панцырь изъ чистой кремневой кислоты, по милости котораго онѣ съ перваго взгляда кажутся просто нѣжнѣйшими кристаллами. Но это только внѣшняя, твердая, неподвижная оболочка, а подъ нею — кроется жизнь. Діатомеи разнятся отъ настоящихъ кристалловъ тѣмъ, что онѣ полы, состоятъ изъ двухъ половинокъ, соединенныхъ по краямъ въ родѣ того какъ половинки раковинъ, а внутри наполнены растительнымъ зеленымъ веществомъ, крахмаломъ и, мѣстами, капельками масла. Вотъ почему естествоиспытатель относитъ ихъ къ области ботаники, къ семейству водорослей, и называетъ ихъ (такъ какъ онѣ не имѣютъ ни корней, ни стебля, ни листьевъ, ни цвѣтовъ, а состоятъ изъ одной только кремнистой клѣточки) первообразомъ водорослей.

Любопытныя растеньица! Видовъ ихъ многое множество, и онѣ плаваютъ совершенно свободно и независимо, ничѣмъ не поддерживаемыя, повиснувъ въ водяной пѣнѣ и ведутъ истинно-бродяжническую жизнь; даже подъ самымъ микроскопомъ онѣ безпрестанно такъ и юркаютъ точно одушевленные кристаллики. Если поставить ихъ вмѣстѣ съ тиной, въ плоскомъ сосудѣ на солнце, онѣ постепенно выбираются изъ тины, вскорѣ покрываютъ всю ея поверхность и массами множатся.

Каждое созданіе особо въ своемъ родѣ, и природѣ такъ ужъ угодно было создать діатомеи, недопускающія сличенія ни съ какими произведеніями ея. Профессоръ Гэксли создалъ изъ нихъ, да еще нѣкоторыхъ никуда не подходящихъ созданій — нѣкоторыхъ инфузорій, слизяныхъ грибовъ, губокъ и пр. — особое, четвертое царство, котораго главная характеристика въ томъ заключается, что оно обнимаетъ органическія существа, лишенныя половаго расположенія.

Какъ бы тамъ ни было, и куда бы ни отнести ихъ, онѣ сами по себѣ достаточно занимательны, чѣмъ и объясняется особенное пристрастіе къ нимъ многихъ новѣйшихъ ботаниковъ. Самый способъ ихъ развитія раскрываетъ цѣлый міръ совершенно особаго вида размноженія. Помимо упомянутыхъ выше, заражающихся въ тинѣ видовъ, есть множество видовъ, которые чужеядничаютъ на водяныхъ растеніяхъ, и часто сплошь обкладываютъ ихъ кристаллическими, зеленоватыми или изжелто-коричневатыми, прозрачно-блестящими лентами или цѣпочками, въ родѣ свертковъ золота, которые все растутъ въ длину. Но эти скаты или цѣпочки ничто иное какъ колоніи безчисленныхъ, описанныхъ выше, прелестныхъ особей. Со временемъ онѣ разсыпаются, какъ тотъ же стертокъ золота, смотря по виду, тоненькими пластинками въ формѣ полумѣсяцевъ, или челночковъ, или скрипочекъ и пр., на плоской сторонѣ которыхъ красуются описанные безподобные узоры. При такомъ, изумительно быстромъ размноженіи, діатомеи одарены сверхъ того чрезвычайной терпкостью, и вопросъ о температурѣ для нихъ не важенъ. Зиму онѣ преспокойно переносятъ, только не растутъ и не плодятся, за что онѣ съ тѣмъ большимъ усердіемъ принимаются какъ только наступитъ весна, — и съ другой стороны какъ нельзя лучше благоденствуютъ въ такой жаркой температурѣ, гдѣ прерывается почти всякое другое проявленіе жизни; такъ напр. въ горячихъ ключахъ водятся даже нѣкоторые особые виды, которые исключительно тамъ живутъ. Существованіе ихъ даже можно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, назвать вѣчнымъ; смерть для нихъ не есть совершенная погибель, и когда онѣ перестаютъ прозябать, кристаллическая оболочка ихъ остается нетронутой и красота ея не портится. Вѣка и тысячелѣтія ничего съ ней не могутъ сдѣлать, — и тѣ, которыя накоплены массами съ незапамятныхъ, неисчислимыхъ временъ, ничѣмъ не различаются отъ тѣхъ, которыя мы собираемъ изъ только-что высохшей лужи. Благодаря этой несокрушимости своей оболочки, діатомеи въ теченіи времени, при своей громадной силѣ размноженія, произвели невѣроятныя накопленія, и во многихъ мѣстахъ весьма значительно повысили поверхность земли — и это не смотря на свою крохотность: вѣдь нужно сложить рядомъ много тысячъ особей разныхъ видовъ чтобы составить одинъ дюймъ въ длину. Относительно формаціи земной коры онѣ исполнили и еще исполняютъ ту же удивительную задачу какъ и полипняки, выдвигающіе своимъ нагроможденіемъ со дна морскаго цѣлые острова. На многихъ такихъ слояхъ діатомей, отчасти ископаемыхъ, отчасти же (въ верхнихъ пластахъ) еще донынѣ живыхъ, иногда достигающихъ 100 футовъ глубины, построены города — между прочимъ Берлинъ, въ которомъ, къ общему великому ужасу, нѣсколько лѣтъ назадъ провалился цѣлый рядъ домовъ поставленныхъ на этомъ обманчивомъ базаментѣ. Стертыя въ порошокъ оболочки діатомей, въ отношеніи твердости, не уступаютъ брильянтовой пыли, такъ что въ Чехіи ихъ употребляютъ на заводахъ для шлифовки и полировки стекла.

Діатомеи оказываютъ еще другую практическую услугу самой наукѣ. Такъ какъ нѣтъ въ природѣ предмета, разработаннаго до такой безконечной тонкости и который бы, подобно имъ, при каждомъ новомъ увеличеніи, обнаруживалъ бы все болѣе и болѣе богатые узоры, то на діатомеяхъ всего удобнѣе испытывать доброкачественность микроскопа. Микроскопъ, который на нихъ показываетъ все ясно и отчетливо, можетъ исполнить все, что отъ него требуется. За то въ послѣднее время препарированныя для изслѣдованія, діатомеи сдѣлались любимой и необходимѣйшей принадлежностью микроскопа не только у спеціалиста естествоиспытателя, но и простаго любителя, такъ какъ едва ли что нибудь можетъ доставить больше наслажденія, чѣмъ созерцаніе этихъ до невидимости малыхъ, и въ тоже время доведенныхъ до послѣдней степени оконченности художественныхъ произведеній вѣчно изящно-творящей природы.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 3 Іюля 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П.-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 28. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(Продолженіе).

IX.

Смерть Юрія Даниловича.

Былъ уже часъ съ восхода солнца, а солнца не было видно на небѣ, поддернутомъ тяжелыми лиловыми облаками; воздухъ былъ спертъ, душенъ; листъ не двигался; Волга лежала не зеркаломъ, а тянулась какимъ-то пузыристымъ стекломъ. Грудь давитъ, головѣ тяжело. Дмитрій Михайловичъ лежалъ въ своей ставкѣ, на перинѣ, закинувши руки подъ голову, и угрюмо смотрѣлъ въ холщевый потолокъ, къ которому плотно прижались запоздавшія осеннія мухи; холстъ висѣлъ между веревками — и какъ будто силился еще глубже вдавить въ землю толстые шесты, поддерживавшие ставку. Когда проснулся Дмитрій, онъ освѣжилъ себѣ голову ковшемъ меду, стоявшаго на полу,—вчерашній хмѣль прошелъ, но мысли, какъ-то не вязались въ головѣ—и не то что переходили одна къ другой, а будто перескакивали.

Думы великаго князя тверскаго само собою разумѣется сосредоточивались на Юрьѣ. Маринка много коечего вчера ему пересказала: Юрій больше его значитъ въ Ордѣ, со всѣми князьями ордынскими другъ и пріятель, вездѣ его хвалятъ. Юрій прикидывается сторонникомъ Дмитрія, извиняетъ его съ братомъ Александромъ Михайловичемъ въ грабежѣ ханскаго выхода, и играетъ роль чуть что не покровителя его и опекуна.

— Одно чѣмъ Юрій не доволенъ, разсказывала вчера Маринка,—это тѣмъ, господине княже, что ты отъ него сторонишься, не принимаешь его въ отца мѣсто, и потомъ подсылаешь къ нему соглядатаевъ. Юрій хитеръ, внушала она князю,—не такая простыня, какъ ты, Дмитрій Михайловичъ; онъ не о себѣ радѣетъ, а о цѣломъ княжествѣ русскомъ, о всей землѣ русской, и напрасно ты его обижаешь недовѣріемъ, не хочешь дѣйствовать съ нимъ за одно. Не приведи Богъ, обидишь ты этимъ Великаго Князя Всея Руси, станешь ему супротивникомъ—всей святой нашей Руси будетъ плохо.

Что-то лживое и натянутое слышалось въ этихъ словахъ ордынской красавицы, и мысли Дмитрія окончательно путались и сбивались.

Въ это же самое время Юрій Даниловичъ былъ уже на ногахъ; онъ успѣлъ помолиться на образъ Пречистой Дѣвы Богородицы и на образъ Св. Софіи, Премудрости Божьей, поднесенный ему новгородцами давнымъ давно; онъ умылся, одѣлся, кудри расчесалъ и убрался въ оксамитный кафтанъ, въ объяринную поддевку, высокіе сапоги натянулъ, на голову надѣлъ соболью шапку съ коническимъ бархатнымъ верхомъ; къ этой шапкѣ было приколото аметистовой запонкой перо райской птицы. Онъ вышелъ изъ ставки, сѣлъ на скамеечку и задумался.

— Вѣдь тверскіе погубятъ, думалъ онъ, — ни за что ни про что погубятъ русское дѣло. Опять что-ли подкапываться подъ нихъ у ханскихъ вельможъ? Нѣтъ, это дѣло не подходящее! Братъ, Иванъ Даниловичъ,

пускай дѣлаетъ что̀ ему угодно. Вѣдь у насъ русскихъ князей, если строго говорить, на родовомъ правѣ все и держится. Дмитрій Михайловичъ тверской—теперь великій князь владимірскій; изъ за чего я боюсь его и изъ за чего враждую съ нимъ,—не изъ за того, что съ отцемъ его мы не поладили— помяни Господи душу его!—а все мнѣ разсчета нѣтъ Москвы держаться. По совѣсти говорить, братъ Иванъ Даниловичъ далеко умнѣе и хитрѣе меня; храмы Божіи и обители святыя строитъ, святителя къ себѣ изъ Владиміра перевелъ—да кому польза изъ того: Москва-ли, Тверь-ли—верхъ на Руси возьметъ? Я же теперь вдовецъ, третій разъ жениться безъ ханской воли мнѣ не приходится, да и невѣсту-то подходящую подобрать себѣ трудно—кромѣ Марины; а Маринку до княгини пожалуй и подымешь, да родъ-племя наше острамишь ею. Острамишь не тѣмъ, что безродная—а тѣмъ что слава дурная по ней идетъ. Надо помириться съ Димитріемъ, былъ бы онъ мнѣ правою рукою, пособникомъ во всякомъ дѣлѣ; а тамъ, кому Великое Княженье послѣ меня достанется,—брату-ли, ему-ли,—по мнѣ все равно. Онъ правдивѣй брата, дерзновеннѣй, можетъ скорѣе татарву эту съ русскихъ плечъ стряхнуть. Только молодъ онъ крѣпко, горячъ куда, а пошелъ бы ко мнѣ въ науку, я бы его повоздержалъ. Былъ бы я ему въ отца мѣсто, онъ былъ бы у меня сыномъ названнымъ, и не давалъ бы я ему кричать противъ Орды; но теперь съ Ордою первое дѣло—покоряться.

Юрій кликнулъ отрока.

— Плащь подай! сказалъ онъ.

— Куда идешь, княже? спросилъ его одинъ изъ бояръ.

Другіе подходили снявъ шапки.

— Къ Димитрію Михайловичу иду, къ благовѣрному тверскому великому князю, сказалъ Юрій.

— Это зачѣмъ? спросилъ Ѳедоръ Колесница, ходившій чуть не по пятамъ Юрія.

— Одинъ на одинъ хочу разговоръ съ нимъ имѣть, отвѣчалъ Юрій.

— Помимо насъ, княже? спросилъ тотъ же старикъ-бояринъ.

Юрью стало неловко; въ это время безъ бояръ государственныхъ дѣлъ не дѣлалось. Онъ замялся.

— Вотъ что, сказалъ онъ помолчавъ,—хочется мнѣ глазъ на глазъ съ нимъ поговорить: что̀ мы съ нимъ другъ друга тѣснимъ? Пусть будетъ все по старому. Я буду Великимъ Княземъ Всея Руси—онъ останется великимъ княземъ тверскимъ и владимірскимъ; о землѣ русской вмѣстѣ радѣть станемъ.

— Не поладишь, княже, сказалъ качая головой новгородецъ.

— Попробую, отвѣчалъ Юрій, —была бы честь приложена, а тамъ что Богъ пошлетъ,—коли поладимъ, васъ на совѣтъ позову.

— Такъ намъ съ тобой идти, господине княже? спросили бояре, невольно переглянувшись.

— Пойдемте, отвѣчалъ Юрій.

— Не было бы только въ зазоръ намъ, сказалъ Кочева,—къ тверскимъ-то съ челобитьемъ явиться? Вѣдь изъ-за этого, господине княже, можетъ выдти охулка на весь родъ Александра Невскаго, да и на насъ, бояръ московскихъ.

— Не стало бы, господине княже, и нашей новгородской чести въ зазоръ? промолвилъ Колесница, почесывая за ухомъ.

— Ну такъ оставайтесь, сказалъ Юрій,—я не неволю!.. и, накинувъ плащъ, зашагалъ своей легкой походкой, по направленію къ ставкѣ тверскаго великаго князя.

— Идти или не идти? спросилъ Кочева.

— Пойдемъ, отвѣчали бояре.

— А по моему выходитъ: не идти, возразилъ Колесница,—зачѣмъ на себя лишній отвѣтъ передъ людьми брать? совѣтъ мимо бояръ — не совѣтъ.

— Нѣтъ, идти, рѣшилъ Кочева,—потому что какъ мы, бояре, не поприсутствуемъ при княжескомъ переговорѣ, такъ значитъ можно будетъ и безъ насъ князьямъ обходиться. Идемте.

Онъ откинулъ рукава на спину и зашагалъ за удалявшимся княземъ; — облака все ниже спускались и все становились лиловѣе да лиловѣе, приближалась осенняя буря съ громомъ и молоніей, которая даже на югѣ (недалеко отъ нынѣшней Астрахани, гдѣ тогда стояла Орда) была на рѣдкость.

Сильно парило; грудь спирало, на плечахъ словно свинцовая гора лежала. За Юріемъ шли московскіе бояре, а за ними Колесница съ новгородцами, которыхъ онъ какъ-то очень проворно успѣлъ извѣстить о неожиданномъ свиданіи князей.

— Княже, а княже! ворвался въ ставку Дмитрія Михайловича толстый Морозъ:—вотъ, господине, ты собирался сегодня заупокойную служить по отцѣ, а посмотри-ка какой къ тебѣ гость идетъ.

— Кто еще тамъ? спросилъ лѣниво Дмитрій, не шевелясь даже на своемъ пуховикѣ.

— Великій Князь Всея Руси!

— Ты съ ума сошелъ, что ли, или опять перепился?

— Глянь! отвѣчалъ обиженный Морозъ, откинувъ пологъ палатки.

Дмитрій поблѣднѣлъ; глаза его сверкнули тѣмъ недобрымъ блескомъ, по которому его прозывали Грозные Очи; онъ вскочилъ и мигомъ безъ помощи отроковъ и Мороза одѣлся. Черезъ плечо мечъ перевѣсилъ и за поясъ заткнулъ топоръ съ золотой насѣчкой, который столько годовъ ржавѣлъ въ его тверской оружейной кладовой—и по преданію былъ тотъ самый, которымъ дѣдъ Димитрія, Ярославъ Ярославичъ, отбилъ себѣ чужую невѣсту. Анна Дмитріевна не хотѣла, чтобы сынъ ея бралъ этотъ именно топоръ — но Грозныя Очи настоялъ — старуха покачала головой и замолчала. Лицо тверскаго князя передернуло, плечи дрожали, въ ногахъ чувствовалась какая-то неловкость. Пологъ ставки еще разъ отпахнулся—и на порогѣ явился маленькій, сѣдой Кочева, съ шапкою въ рукахъ, въ пунцовой собольей шубѣ, въ синемъ полукафтаньѣ, — и низко поклонился.

— Господине княже, сказалъ Кочева, прикасаясь рукой къ землѣ,—господине великій князь тверской и владимірской Дмитрій Михайловичъ! Двоюродный братъ твой Великій Князь Всея Руси Юрій Даниловичъ московскій, сынъ великаго князя московскаго Данилы Александровича, внукъ Великаго Князя Всея Руси Александра Ярославича, правнукъ Великаго Князя Всея Руси Ярослава Всеволодовича, праправнукъ великаго князя Всеволода, проситъ тебя, благовѣрнаго великаго князя тверскаго и володимірскаго Дмитрія Михайловича, сына великаго князя тверскаго и володимірскаго Михаила Ярославича, внука великаго князя Ярослава Ярославича, правнука Великаго Князя Всея Руси Ярослава Всеволодовича,—выдти къ нему на ма̀лое время поговорить съ нимъ глазъ на

глазъ, безъ бояръ великаго княжества Тверскаго, безъ бояръ великаго княжества Володимірскаго, а также и безъ насъ, бояръ великаго княжества Московскаго и безъ бояръ земли Новгородской, безъ дружинъ, и его и твоей, — поговорить одинъ на одинъ, по-просту, по родству и по старой дружбѣ великаго князя тверскаго и отца твоего Михаила Ярославича съ великимъ княземъ московскимъ и отцомъ его Данилой Александровичемъ. Посла, господине великій княже Дмитрій Михаиловичъ, не казнятъ не обижаютъ, съ честью его принимаютъ и съ отвѣтомъ его отпускаютъ.

Дмитрій Михаиловичъ выслушалъ посла, стоя безъ шапки, и велѣлъ тутъ же подать ему ковшъ меду, своею рукою снялъ съ гвоздя шубу, самъ набросилъ ее ему на плечи и, отступивъ шага на четыре, сказалъ офиціально и торжественно:

— Низкій поклонъ отъ меня брату старшему, Великому Князю Московскому и Всея Руси, Юрію Даниловичу, отъ меня, посолъ, передай, и скажи благовѣрному Великому Князю Всея Руси, что я, великій князь тверской и володимірскій, не мѣшкая, безъ волокиты, иду къ нему на свиданіе съ полнымъ довѣріемъ: что онъ въ засаду меня не зоветъ, какъ зазвалъ ласковымъ словомъ отецъ его, Данила Александровичъ, рязанскаго великаго князя Константина Романовича, которого Великій Князь Всея Руси Юрій Даниловичъ въ Москвѣ, по смерти отца своего, зарѣзалъ, какъ моего родителя здѣсь въ Ордѣ. Молю я Христа Спаса нашего, чтобъ мы съ нимъ поговорили по любви и пришли къ вѣчному окончанію вражды нашей—на пользу всего Христіанства. Пойду я, какъ зоветъ меня Великій Князь Всея Руси, безъ бояръ моихъ,—но все, что онъ мнѣ скажетъ, боярамъ моимъ я потомъ передамъ, потому что безъ боярскаго совѣта что нибудь дѣлать я не привыкъ и отъ блаженной памяти родителя моего не наученъ.

Кочева поклонился еще разъ и сказалъ:

— Великій княже тверской и владимірскій, Дмитрій Михайловичъ,—господинъ мой, Великій Князь Московскій и Всея Руси, Юрій Даниловичъ, ждетъ твою милость въ ставкѣ твоего тверскаго боярина Елистрата Петровича Макуна, который, какъ завидѣлъ Князя и узналъ, зачѣмъ онъ идетъ къ твоимъ ставкамъ, тотчасъ же опросталъ и въ порядокъ привелъ свою ставку, и сталъ къ сторонкѣ съ твоими тверскими боярами; московскіе наши тоже въ сторонку стали, а новгородцы стоятъ особо между нами и Тверичами.

Дмитрій Михайловичъ поклонился на это молча— и сказавъ послу: «сейчасъ иду,» сталъ прибираться.

Юрій Даниловичъ стоялъ у ставки Макуна; около него на весьма значительномъ разстояніи стояли бояре московскіе и новгородскіе, шептались и подсмѣивались надъ тверскими, которые были совершенно растеряны отъ неожиданности.

Изъ Тверскихъ пуще всѣхъ суетился толстенькій и коротенькій Морозъ, перебѣгавшій отъ одного боярина, къ другому, острившій и дѣлавшій свои соображенія.

— Ай да москвичи, говорилъ онъ,—вотъ народъ такъ народъ, ну ей Богу люблю молодцевъ — вчужѣ любо дорого смотрѣть. Мы, тверскіе, всѣ тутъ сидимъ, какъ звѣри какіе; одно что понадѣлали, соглядатаевъ за московскими приставили: куда московскіе пойдутъ, мы за ними; чихнуть безъ себя имъ не даемъ. Подстерегаемъ ихъ подстерегаемъ, а все ничего не знаемъ, что они говорятъ,—а они къ намъ первые пришли ровно на поклонъ. Намъ завтра панихиду служить, да поминки справлять: великому князю Михаилу Ярославичу пятая годовщина, а москвичи тутъ какъ тутъ,—ровно вмѣстѣ съ нами хотятъ поминки справлять, душу его поминать.

Ставка Дмитрія Михайловича распахнулась; онъ вышелъ, слегка поклонился своимъ боярамъ и направился прямо къ Юрію Даниловичу. Юрій Даниловичъ, лѣвой рукой придерживая пологъ ставки, правой указалъ ему войти внутрь. Дмитрій Михайловичъ, стиснувъ зубы, молча поклонился—ему и не глядя на него, скользнулъ въ ставку. Юрій Даниловичъ указалъ Дмитрію Михайловичу на небольшую скамеечку, оба перекрестились предъ висѣвшею на среднемъ шестѣ иконою, и сѣли другъ противъ друга.

Дмитрій Михайловичъ смотрѣлъ въ землю; Юрій Даниловичъ смотрѣлъ на него прямо, откинувъ кудри за уши и вглядываясь въ его лицо.

— Спасибо за честь, княже, что ты удостоилъ придти на зовъ мой, началъ онъ.

Дмитрій Михайловичъ не глядѣлъ на него.

— Хотѣлось мнѣ, и давно хотѣлось, потолковать съ тобою по душѣ, продолжалъ Юрій Даниловичъ.—Знаю, что ты на меня крѣпко сердитъ. Слышу я, какъ вы, тверичи, хулите и порочите меня: мнѣ объ этомъ толковать съ моими московскими — точно оправдываться; съ твоими Тверскими толковать — самъ знаешь, сану нашему княжескому не приходится. Думалъ я, думалъ, много думалъ и рѣшилъ, княже Дмитрій Михайловичъ, поговорить съ тобою по душѣ и по совѣсти раскрыть тебѣ прошлое, какъ брату моему младшему. Надоѣла мнѣ эта вражда между нашимъ родомъ и вашимъ—и пуще всего меня томить стало, что ни вамъ, ни намъ отъ нея толку нѣтъ; только народу христіанскому разоренье и только намъ съ тобою хлопоты.

Дмитрій взглянулъ на него изъ подлобья.

— Ты, Юрій Даниловичъ, сказалъ онъ, — завѣдомо человѣкъ хитрый, я — человѣкъ простой и терпѣть я не могу всей твоей эллинской премудрости! Ты говори прямо и толкомъ: зачѣмъ ты меня позвалъ? Коли на доброе дѣло для христіанства, я готовъ тогда забыть старое; а коли опять на какое твое московское безпутство, такъ пусти и уволь меня назадъ. Видишь ты, не одинъ Князь попадалъ къ тебѣ въ засаду точь въ точь такимъ вызовомъ, — я не побоялся и пошелъ, но признаюсь, оружьеце кое какое съ собою прихватилъ. Такъ говори ты прямо и короче: чего ты отъ меня хочешь?

— Мнѣ вотъ что отъ тебя нужно, Дмитрій Михайловичъ, сказалъ Юрій, и лице его приняло строгое выраженіе. — На смѣхъ мы, чтоли, татарамъ дались? Чего твои бояре и отроки и татары, твои сторонники, шагу не дадутъ мнѣ здѣсь ступить? куда ни повернусь, непремѣнно кто либо изъ за угла торчитъ.

Дмитрій поднялъ глаза и усмѣхнулся:

— Начинай со своихъ, сказалъ онъ:— ужъ нечего сказать москвичи съ новгородцами первые на свѣтѣ согладатаи.

— Я и не говорю, отвѣчалъ Юрій, чтобъ я не слѣдилъ за тобою, только слѣжу то я иначе; черезъ твоихъ собственныхъ бояръ доходитъ до меня, что у васъ на Твери и здѣсь въ Ордѣ дѣлается. Ужъ такихъ сорокъ-трещетокъ какъ твои бояре за деньги не найдешь. Какъ вздумали они за мною слѣдить, такъ только Русское имя срамятъ, а за Русское имя, я думаю, и ты, княже, стоишь.

— За Русское имя я стою, отвѣчалъ Дмитрій, — только не за такого Русскаго какъ ты, княже. Отца моего ты зарѣзалъ; подъ меня тоже подкапываешься. Скажи, не правда?

— Зачѣмъ я стану говорить, что неправда? сказалъ Юрій, сложивъ руки на груди.—Ты вотъ научи меня самого, путь мнѣ укажи, какъ мнѣ быть. Вотъ ты кричишь, чуть что не на вѣчѣ: «долой татаръ», бояре твои и отроки пуще твоего кричатъ. Съ поджигателемъ Руси на татаръ, съ княземъ Александромъ Новосильскимъ, всѣмъ завѣдомо дружбу водишь. Теперь, какъ же не стану я въ твое тверское дѣло мѣшаться, когда до татаръ все это доходитъ? меня татары не сегодня завтра за бокъ возьмутъ, велятъ мнѣ твою область пустошить — кому плохо изъ этого будетъ? Намъ съ тобою, или народу христіанскому?

Дмитрій вспыхнулъ.

— Кричимъ мы потому, что душѣ неймется, сказалъ онъ,—больно ужъ зазорно твоей Ордѣ кланяться. Кричимъ потому, что Орда заполонила Русь,—и не будь васъ, москвичей, была-бы вся Русь вольною землею. Отъ васъ вся бѣда пошла: отъ дѣда отъ вашего, Александра Невскаго; онъ первый на томъ настоялъ, что надо съ татарами въ мирѣ жить, въ Орду ѣздить, Хану кланяться.

— Да вѣдь у меня тоже своя спина, сказалъ Юрій,—знаю я, тоже, каково гнуть ее передъ ордынскимъ Ханомъ; знаю я, что и у насъ на Руси могъ бы возстать вольный царь;—да вѣдь, если мы станемъ пугать ихъ, насъ князей всѣхъ повырѣжутъ, а земли русскія разорятъ....

— До тѣхъ поръ разорять будутъ, отвѣчалъ Дмитрій Михайловичъ, — пока вы, Александровъ Родъ, въ ноги татарамъ кланяетесь и насъ къ тому же неволите. Кто-бы вамъ не поклонился, кто-бы передъ вами не смирился, кто-бы не пошелъ за вами, если-бы вы впереди русской земли стали и всѣмъ-бы намъ только кличъ кликнули: «пойдемте бить татаръ!»

— И встали-бы мы впереди русской земли, говорилъ Юрій,—и кликнули-бы кличъ: «пойдемъ татаръ бить!», да кто-бы за нами пошелъ? Новгородцы, чтоли, которые насъ московскихъ только потому и держатся, что мы отъ нихъ за Тверью сидимъ? Вы, тверскіе пошли-бы, чтоли?—да вы спите и видите: родъ свой возвеличить, Великими Князями Всея Руси подѣлаться. Рязанцы, чтоли, пойдутъ? объ нихъ и говорить нечего; а Кіева ужъ и на свѣтѣ почитай нѣтъ. Смоленскіе съ галицкими князьями, что тамъ теперь подъ Карпатами дѣло дѣлаютъ? да у нихъ своя бѣда съ поляками да съ уграми; къ тому же и бояре у нихъ чуть-что не плоше тверскихъ будутъ: ихъ бояре больше о себѣ чѣмъ о землѣ Галицкой думаютъ. Мы одни одинешеньки на всей святой Руси....

— Дольше кланяетесь, сказалъ Дмитрій, — больше народу губите. Одинъ бы конецъ нуженъ былъ.

— Изъ за чего распря идетъ? возразилъ Юрій, разсматривая свои перстни,—распря идетъ изъ за того, какому роду Великое Княженье Всея Руси достанется: намъ или вамъ.

— Ты первый изъ-за этого кровь пролилъ, сказалъ Дмитрій, и глаза его сверкнули.

Юрій не дрогнулъ.

— Пролилъ кровь, отвѣчалъ онъ тихо и спокойно,—и опять пролью, если нашъ родъ будутъ обижать и Хана слушаться не станутъ.

— Руки не доросли, отвѣчалъ Дмитрій.

— Это дѣло другое: доросли или нѣтъ, говорилъ медленно и внушительно Юрій. — До тѣхъ поръ Русь нельзя отъ татаръ избавить, пока мы, московскіе князья, татарамъ въ поясъ кланяемся. Теперь намъ въ этомъ дѣлѣ новгородцы помогаютъ; какъ мы станемъ сильнѣе, какъ мы для нихъ новой Тверью станемъ, такъ новгородцы будутъ намъ первые враги.

— Ну? продолжалъ Дмитрій.

— Ну а до тѣхъ поръ, говорилъ Юрій, — надо татарамъ кланяться.

Дмитрія взорвало.

— Нѣтъ, да ты скажи, за чѣмъ меня позвалъ и чего отъ меня хочешь?

Онъ былъ раздраженъ, весь трясся; спокойствіе Великаго Князя смущало его.

— Позвалъ ты меня затѣмъ, чтобъ я добровольно передъ тобою тверскимъ княжествомъ поклонился?

— Нѣтъ, совсѣмъ не затѣмъ, отвѣчалъ Юрій.—За тѣмъ чтобъ мы съ тобою здѣсь, въ Ордѣ, не губили имя Русское. Ты вотъ черезъ Щелкана всякую брань обо мнѣ доводишь до Узбека....

Дмитрій покраснѣлъ и смутился.

— Ты до Узбека довелъ, будто бы я самъ говорилъ, что отецъ твой не отравилъ Кончаку; ты подъискалъ свидѣтелей, что отецъ твой съ Римомъ не сносился; ты докопался до всего, что въ Москвѣ творится. Ты на новгородцевъ Узбеку пожаловался;—ты, княже Дмитрій Михайловичъ, обѣщалъ два выхода Ордѣ заплатить, если меня и брата Ивана московскаго изведутъ.

— Откуда ты все это знаешь? изумлялся Дмитрій.

— Можетъ быть ты того не знаешь, что я знаю и что мои бояре знаютъ, продолжалъ Юрій, упорно глядя ему въ очи.—Дураки твои бояре ходятъ по Ордѣ да Русь хаютъ. Про твои дѣла, про твои разговоры съ Маринкою и съ Русалкою болтаютъ. Такія дѣла про васъ до моихъ ушей доходятъ, что мнѣ ничего не остается, какъ взять да и попросить у царя татаръ на васъ, и стереть съ лица земли ваше тверское княжество; — а мнѣ бы этого не хотѣлось.

Дмитрій былъ блѣденъ; губы начали у него вытягиваться и прилипать къ зубамъ. Онъ всталъ;—всталъ и Юрій Даниловичъ.

— Слушай, княже, продолжалъ Юрій, — опомнись ты! Отца твоего я не могъ не загубить,—а тебя, молодаго человѣка, мнѣ жалко. Тебѣ вѣдь всего двадцать седмой годъ идетъ, а я ужь въ пятомъ десяткѣ стою;—каждое твое слово я знаю; каждый твой замыселъ у меня на ладони;—выйду я отсюда, да и пойду къ хану, загублю я васъ: не выѣдешь ты изъ Орды, какъ отецъ твой. Слова да храбрость ваша безтолковая губятъ Русь; будетъ тебѣ участь отца:

Взглядъ полный ненависти, мести и отвращенія блеснулъ на лицѣ Дмитрія; Грозныя Очи стали дѣйствительно грозными, онъ запустилъ руку за поясъ и выдернулъ топоръ. Юрій приблизился и взялъ его за руку.

— Слушай, Дмитрій, сказалъ онъ, — ты не разбойникъ, чтобъ убивать меня вотъ такъ въ ставкѣ, куда я пришелъ къ тебѣ въ гости. Давай такъ разсуждать.

Онъ улыбался спокойно, открыто, а между тѣмъ именно это спокойствіе, эта открытость и логика его словъ бѣсили Дмитрія.

В. Кельсіевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Рака св. Александра-Невскаго.

Александроневская Лавра.

Существуетъ печатное заявленіе объ одновременности учрежденія этого монастыря съ основаніемъ Петербурга, но такое указаніе мы находимъ имѣющимъ мѣсто подъ условіемъ считанія Петербурга столицею, что̀ случилось, какъ извѣстно, въ 1712 году,—тогда какъ въ теченіе первыхъ шести лѣтъ существованія Петербурга, какъ военнаго пункта и порта, обстоятельства сложились такимъ образомъ, что о чемъ-либо-другомъ думать, кромѣ отпора врагамъ, уму дѣятельнаго Петра I не представлялось досуга. Полтавская побѣда, по богатству слѣдствій, драгоцѣнныхъ и можно сказать вполнѣ непредвидѣнныхъ, потребовала опять цѣлаго года для закрѣпленія ея Россіи союзными трактатами съ владѣтелями Германіи. А за тѣмъ уже начатіе наступательныхъ дѣйствій противъ шведовъ, лишенныхъ главы—за пребываніемъ Карла XII въ Турціи—отняло годъ слишкомъ у Петра и Россіи.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ, въ то время еще когда Петръ I готовился вступить въ рѣшительную борьбу съ соперникомъ, вторгшимся въ Украйну,—случайно поселился человѣкъ замѣчательнаго ума, одаренный твердою волею и умѣвшій хорошо пользоваться обстоятельствами и направлять волю людей сильныхъ, куда находилъ онъ нужнымъ, не давая замѣчать своего водства. Это, былъ—Хутынскій архимандритъ Ѳеодосій (Яновскій), въ мартѣ 1708 г. вызванный въ Невскій городъ въ качествѣ «Духовнаго Судіи». Скоро от. Ѳеодосій сталъ необходимъ князю А. Д. Меньшикову, разумными, благовременными совѣтами, блистательною исполнительностью и превосходнымъ пониманіемъ своей роли и обязанностей. Обстоятельства указали ему легкость пропаганды католицизма, лютеранства и другихъ заграничныхъ толковъ исповѣданій, въ средѣ неразвитыхъ служилыхъ людей русскихъ, при иновѣрныхъ начальникахъ и полной свободѣ мнѣній на невскихъ берегахъ, гдѣ большинство осѣдлаго населенія были неправославные. Славолюбіе и любочестіе Меньшикова, всѣмъ извѣстные, служили для Ѳеодосія надежнымъ рычагомъ, который съумѣлъ онъ направить, обративъ вниманіе князя на подвиги героя невскаго, христіанское имя котораго онъ носилъ и память котораго сталъ высоко чтить, не безъ внутренняго удовольствія принявъ къ сердцу историческія судьбы края, ввѣреннаго его главному начальствованію державною волею Петра I. Чрезъ посредство Меньшикова, въ 1710 г. Ѳеодосію удалось внушить монарху необходимость ввѣрить юный Петербургъ молитвенному храненію Св. Александра Невскаго. Затѣмъ, скоро, склоняясь на желаніе Меньшикова: удѣлить часть пожалованныхъ ему, подъ Петербургомъ, земель на заведеніе обители, посвященной памяти того святаго князя,—государь далъ соизволеніе учредить и монастырь. Ѳеодосій развивалъ передъ своимъ патрономъ дальновидный планъ: ученаго братства, посвящавшаго бы свое время наукамъ и переводамъ полезныхъ книгъ на отечественный языкъ,—чѣмъ Петръ I упражнялъ многихъ ученыхъ въ своей службѣ, во все продолженіе своего царствованія. Представлялъ онъ и то еще, что вызывая въ петербургскій монастырь лучшихъ людей изъ всѣхъ другихъ обителей, можно было выбирать изъ нихъ кандидатовъ на каѳедры епархіальныя, какъ людей наиболѣе отвѣчающихъ видамъ правительственной администраціи. Съ своей стороны, въ ученыхъ братіяхъ своей обители—Ѳеодосій думалъ найдти достаточные элементы для противодѣйствія иновѣрческой пропагандѣ, и для распространенія, между неразвитыми членами паствы, истиннаго свѣта духовнаго просвѣщенія, посредствомъ устной поповѣди въ храмахъ, послѣ богослуженія.

Мѣсто, данное Меньшиковымъ на отведеніе подъ монастырь, архимандритъ Ѳеодосій обозначилъ на берегу Черной рѣчки крестами деревянными, съ надписью. Это была пустошь, подъ самымъ Петербургомъ, на планахъ шведскихъ называвшаяся финскимъ именемъ *Вихтула*, которое носила и самая Черная рѣчка. Нѣмцы петербургскіе исказили это финское слово въ *Виктори*.

Принявъ, затѣмъ, это новое сочиненное самими же ими слово за подлинное, исконное, и объясняя его латинскимъ языкомъ, мудрецы прошлаго вѣка порѣшили, что тутъ должно - быть одержана побѣда Александромъ Невскимъ подъ Биргеромъ Ярломъ (15 іюля 1240 г.).

Не пускаясь въ безполезныя препирательства, ни о мнимомъ мѣстѣ Невскаго сраженія,—зная, что происходило оно при впаденіи въ Неву р. Ижоры,—мы не станемъ спорить и нахожденіи будто-бы, на мѣстѣ лавры, древней шведской крѣпости Ландскрона. На самомъ дѣлѣ находилась она, скорѣе всего, далѣе къ завороту Невы; а именно у Смольнаго монастыря. Замѣтимъ только, что зданіе существовавшее въ эпоху застройки Петербурга на берегу Черной рѣчки, на мѣстѣ стараго лаврскаго кладбища, былъ шведскій пороховой магазинъ. Указанная государю полезная цѣль монастыря, заставила его заботиться о скорѣйшемъ осуществленіи, дарованіемъ новой обители достаточныхъ средствъ для постройки и содержанія. Кромѣ участка подгородной земли (отъ Черной рѣчки внизъ по Невѣ, поперегъ 200 сажень, въ вверхъ 800 сажень, въ длину же по Черной рѣчки до 10 верстъ), даны еще указами царскими 1713 года, изъ новгородскихъ и тверскихъ помѣстьевъ, бывшихъ прежде за Троицко-Сергіевскою лаврою, 1654 двора и приписано нѣсколько монастырей, какъ напр. Старо-Ладожской, Новгородской, Духовъ, Валдайской, Иверской (Никоновъ), съ ихъ угодьями и участками въ Выборгскомъ уѣздѣ. На строеніе монастыря княземъ Меньшиковымъ въ 1715 и 1716 годахъ выпрошенъ еще ежегодный отпускъ изъ суммъ строительной канцеляріи с.-петербургской. Когда же и этого всего оказывалось недостаточнымъ, приписаны къ Александроневскому монастырю еще старорусскія соляныя варницы.

Приписныя обители дали первыя средства обзаведенія Александроневскому монастырю, въ которомъ, съ освященіемъ первой деревянной церкви Благовѣщенія (25 марта 1713 г.), началось и общежительство братіи, набранной тоже изъ другихъ монастырей. Въ слѣдующіе годы, выборъ лучшихъ и достойнѣйшихъ представителей иночества, съ цѣлью нами указанною, производился на основаніи высочайшаго указа административнымъ путемъ, поселяя недовольство въ средѣ епархіальныхъ іерарховъ. Непріятно это было и самому мѣстоблюстителю патріаршества—митрополиту Стефану (Яворскому), но дѣлать было нечего; приходилось исполнять требованія монастырскаго приказа, по заявленіямъ настоятеля новой обители. Сооруженіе ея Петръ I желалъ вести съ возможнымъ великолѣпіемъ—и въ 1716

году утвердивъ красивый планъ архитектора Трезани, повелѣлъ немедленно приступить къ работамъ. Рабочіе вызывались изъ вотчинъ монастырскихъ, матеріалы доставлялись по подрядамъ, и строеніе возводилось дѣятельно. По плану Трезани, зданія монастыря должны были представлять форму ближе всего подходящую къ опрокинутой трапеціи, грани которой были выгнуты. Въ срединѣ, между расходящимися зигзагами, двухъ этажными корпусами келій со стороны Невы, должна была возвышаться соборная церковь Пресв. Троицы, съ высокими, тонкими, двумя колокольнями надъ западнымъ входомъ и съ широкимъ куполомъ надъ срединою. По угламъ на Черную рѣчку и на каналъ, окаймлявшій всю площадь монастыря—стояли двѣ другія церкви съ башнями, похожими на куполъ церкви Св. Симеона (что въ Моховой улицѣ). Западная часть проэкта восполнялась садомъ, разбитымъ въ формѣ шестиугольника, съ аллеями вдоль отъ каждаго угла къ паперти и соборной церкви, пересѣченными еще діагоналями, поперегъ Черной рѣчки канализировалась—и отъ нея, между монастыремъ и Невою, должно было выкопать обширные пруды, которыми съ одной стороны окончательно осушалась болотная пустошь, а съ другой стороны достигалось полное отдѣленіе обители отъ сосѣдней мѣстности. Каналы отъ прудовъ обходили затѣмъ, по наружности изгиба плана, до самой Черной рѣчки, впадая въ нее съ юго-западной стороны. По фасу къ Невѣ возведена была, въ линію съ прудомъ, стѣна монастырская съ главными воротами и пристанью. На стѣнѣ разставлены были пушки, изъ которыхъ въ торжественные дни производилась салютація. На южной сторонѣ монастыря (на мѣстѣ нынѣшняго стекляннаго завода, или еще ближе, у обводнаго канала) заведенъ скотный дворъ, начало которому положилъ Государь пожалованіемъ пятидесяти коровъ. Близь скотнаго двора впослѣдствіи помѣщалась семинарія. Въ первое же время, начальное училище и типографія монастырская, заведенныя въ 1720 году, расположены были на сѣверномъ берегу Черной рѣчки, близь монастырской слободы. Слобода эта, съ 1715 г. построилась на счетъ обители, для жительства служителей и мастеровыхъ на монастырской землѣ, по берегу Невы и по дорогѣ отъ города, построенной для сообщенія со столицею тоже на монастырскій счетъ, съ правомъ взиманія съ проходящихъ и проѣзжающихъ по ней извѣстной платы, чтобы воротить деньги издержанныя на проложеніе искуственнаго пути, черезъ страшную трясину, постройкою плотины и деревянной мостовой. Дорога монастырская — конецъ нынѣшняго Невскаго проспекта — доводила къ самымъ воротамъ обители, гдѣ поставлена была гауптвахта и гдѣ осматривали паспорты; такъ же какъ въ Ямской нынѣшней, въ Волковой деревнѣ и по берегу Невы рѣки, вверхъ, у кирпичныхъ заводовъ. Нужно прибавить, что заводы для дѣланія кирпича голандскимъ способомъ тоже устроены были монастыремъ, и впослѣдствіи давали доходъ; близь Невы продавали кирпичь желающимъ. Архимандритъ Ѳеодосій жилъ на сѣверномъ берегу Черной рѣчки, въ саду, противъ кладбища (теперь *стараго*-лаврскаго, что при церкви Св. Лазаря) — въ зданіи занимаемомъ теперь духовными цензорами. За кладбищемъ же, на дорогу къ Невѣ, противъ монастырской слободы построенъ былъ домъ одноэтажный, —каменный, на подвалахъ,—гдѣ останавливались послы передъ въѣздомъ въ столицу и, отсюда, начинали торжественное шествіе. Большею частію останавливались здѣсь надолго турецкіе и вообще восточные послы, такъ какъ въѣзды ихъ большею частью отсрочивались, равно и аудіенціи, ожидавшіяся по цѣлымъ мѣсяцамъ. Помѣщеніе здѣсь пословъ началось со временъ Пѣтра I, такъ же какъ и погребеніе иновѣрцевъ на лаврскомъ кладбищѣ, начавшееся генераломъ Вейде. Устроивъ монастырь, заведя при немъ школу и типографію, соорудивъ три каменныя церкви, Петръ I устроилъ въ лаврѣ семейную усыпальницу—и утвердивъ уставъ новой обители, рѣшилъ наконецъ, перенести въ новую свою столицу мощи Св. Александра Невскаго изъ Владиміра, ввѣряя молитвенному храненію святаго воителя свое любимое созданіе — Петербуръ. Событіе это совершилось въ послѣдній годъ жизни безсмертнаго монарха, можно сказать въ послѣдніе даже мѣсяцы, когда болѣзненные припадки, постепенно проявляясь съ усиленною жестокостью и съ болѣе кроткими промежутками отдыха, заставляли уже сильно задумываться врачей государя. Можно даже сказать, что Петръ I, въ день торжества перенесенія мощей Александра Невскаго, въ послѣдній разъ чувствовалъ себя здоровымъ или казался такимъ, по наружности. Коммисія духовная отправлена была въ Владиміръ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1724 года, и поднявъ мощи, везла ихъ сухимъ путемъ до Новгорода. Къ концу августа уже святыня приближалась къ столицѣ; 30 числа этого мѣсяца, утромъ, Петръ I выѣхалъ на встрѣчу драгоцѣнной ноши къ устью Ижоры—и принявъ съ яхты, собственноручно перенесъ на свою галеру, самъ взявшись за тѣмъ управлять рулемъ, и посадивъ въ весла ближайшихъ своихъ сотрудниковъ по государственному управленію. Съ приближеніемъ галеры съ мощами къ новой обители, на встрѣчу шествія выведенъ былъ баркъ «дѣдъ русскаго флота», раздался колокольный звонъ и громъ орудій со стѣнъ монастыря. Пристали къ берегу—и самъ императоръ первый взялся за раку, и съ сановниками перенесъ ее въ освященную въ этотъ же, день во имя Св. Александра Невскаго, церковь. Торжество продолжалось три дня. День же перенесенія Петръ I выбралъ памятный—годовщину Ништадтскаго мира, передавшаго Россіи не только Неву но и Выборгъ.

На рисункѣ нашемъ изображена эта рака благовѣрнаго князя св. Александра Невскаго, печальника и собирателя Земли Русской. Рака вся серебряная, равно какъ и украшенія, расположенныя вокругъ.

Лондонскіе воры.

II.

Изъ безчисленнаго множества миссіонеровъ, которыхъ Англія отправляетъ во всѣ концы свѣта, командируемые въ восточные кварталы Лондона получаютъ далеко не самую легкую задачу. Хотя они знаютъ языкъ народа, его нравы и обычаи, однако ихъ старанія увѣнчиваются весьма малымъ успѣхомъ. Приводимъ подлинный разсказъ одного изъ такихъ миссіонеровъ, г. Артура Мёрзеля:

Черезъ долголѣтнее пребываніе въ восточной части

Лондона, я познакомился со всѣми слоями тамошняго населенія. Я зналъ всѣхъ воровъ, по крайней мѣрѣ также хорошо какъ полиція. Я въ точности зналъ, гдѣ они собираются. Сначала они меня чурались, но потомъ попривыкли, такъ какъ я многимъ изъ нихъ помогъ въ бѣдѣ, — и кончилось тѣмъ, что они пригласили меня на митинги, на которыхъ обсуждались интересы общины. Само собою разумѣется, я, какъ гость, не имѣлъ права голоса и не зналъ о замышляемыхъ грабежахъ и разбояхъ. Въ полуразвалившемся, убогомъ домѣ собралось 60 — 80 человѣкъ обоего пола — привѣтствовать молодаго человѣка, только что возвратившагося съ *вѣчной лѣстницы* (т. е. колесо-мельница, которая двигается руками и ногами каторжниковъ, приговоренныхъ къ тяжелой работѣ). Нѣсколько юношей, почти что мальчиковъ, говорили, какимъ-то грубымъ хриплымъ голосомъ, задорнѣйшія рѣчи противъ полиціи, карательныхъ учрежденій и противъ меня. Ихъ выслушивали спокойно, но особеннаго вниманія на слова ихъ не было обращено. Женщины, если говорили, должны были очень остерегаться, чтобы не согрѣшить противъ приличій, иначе ихъ безпощадно осмѣивали. Юноша лѣтъ 17, съ коротко обстриженными и стоячими какъ жнивье волосами, произнесъ длинную рѣчь, въ которой онъ съ гордостью сообщилъ что вчера кончилъ полуторагодовой срокъ и пришелъ прямо съ колеса. Въ выраженіяхъ назвалъ онъ себя мученикомъ праваго дѣла, бѣдной птицей, которой съ двѣнадцатаго года полиція строила всевозможныя ковы, пока онъ наконецъ не попалъ въ смирительный домъ, и тамъ не былъ принятъ въ качествѣ новаго члена, въ общество своихъ сострадальцевъ. Онъ горько жаловался на тюрьмы и тюремныя постановленія, проклиналъ строгость тюремщиковъ и тяжелую работу, въ доказательство которой онъ показалъ собранію свои сильно распухшія, во многихъ мѣстахъ изъязвленныя икры. Видно было однако, что онъ смотрѣлъ на знаки, оставленные его наказаніемъ, съ такой гордостью и самосознаніемъ, съ какими солдатъ смотритъ на раны, полученныя въ честномъ бою, — и я едва ли ошибусь, если скажу, что онъ считалъ свои коротко остриженные, ножницами тюремнаго цирюльника, волосы, особая стрижка которыхъ была всѣмъ хорошо извѣстна, украшеніемъ гораздо болѣе почетнымъ и драгоцѣннымъ, нежели какимъ индѣйскій вождь считаетъ орлиныя перья. Я былъ уже готовъ вскочить, и, не обдумывая какія послѣдствія такой поступокъ могъ бы имѣть для меня, перебить его рѣчь, которая возбуждала во мнѣ смѣсь отвращенія, негодованія и жалости, — какъ вдругъ поднялся человѣкъ лѣтъ 36, съ умнымъ лицемъ и трагикомическимъ выраженіемъ, одинъ видъ котораго исполнилъ меня надежды. Я зналъ, что онъ членъ воровской общины, и самъ одинъ изъ отважнѣйшихъ воровъ, однако успокоился — и не ошибся. Уже съ первыхъ его словъ я убѣдился, что онъ, хотя не сталъ говорить о Богѣ и религіи, гораздо лучше меня достигалъ моей же цѣли: указать юношѣ на несостоятельность и несправедливость его обвиненій. Рѣчь его, сказанная легкимъ и мѣткимъ слогомъ безъ всякихъ грамматическихъ ошибокъ и почти безъ тарабарскихъ выраженій, былъ приблизительно слѣдующаго содержанія.

«Ваше преподобіе, уважаемые леди и джентельмены! (*Смѣхъ*) Мы сегодня имѣемъ высокую честь видѣть въ числѣ нашихъ гостей — достопочтенныхъ лицъ, и потому я считаю долгомъ показать имъ, что и мы время отъ времени устроиваемъ митинги, въ родѣ тѣхъ которые они созываютъ; рѣчь моего уважаемаго предшественника представляетъ мнѣ случай показать имъ, какъ мы это дѣлаемъ. Я не начну своей рѣчи распѣваніемъ псалма, а прямо приступлю къ поученію и увѣщанію нашего юнаго «мельника», какъ того требуетъ его же польза. Онъ жаловался на труды, съ которыми сопряжено вѣчный помолъ, и на послѣдствія которыя онъ имѣлъ для его ногъ. Надѣюсь, что онъ меня поблагодаритъ, если я, послѣ того какъ онъ научился молоть, выучу его употребленію вѣтряной мельницы, дабы дать ему возможность вывѣять наконецъ мякину, накопившуюся въ его маленькомъ мозгу, и сдѣлать его способнымъ правильно мыслить и говорить. Могу его увѣрить, что ноги его нисколько не пострадаютъ, но за то сердце его расширится, пульсъ шибче забьется, и онъ познаетъ величіе своего призванія. (*Смѣхъ и крики «аминь».*) Ваше преподобіе (*обращаясь ко мнѣ*), нужно вамъ сказать, что эта молодая дѣвушка (*указывая на дѣвушку съ привлекательными чертами*) принимаетъ огромное участіе въ юномъ мельникѣ, моемъ предшественникѣ. Не знаю, находитъ-ли она, что искусство мельничнаго художника много прибавило къ его красотѣ, или нравятся ли ей его ноги (*ноги у него были колесомъ*), но я вполнѣ увѣренъ, что онъ не выигралъ въ ея мнѣніи своей непомѣрно безсмысленной, невѣрной рѣчью. (*Громкій смѣхъ.*) Нашъ дорогой молодой другъ (*принимая умиленный тонъ*) въ такихъ годахъ, что можетъ уже знать, что вступая въ наше общество, онъ заключаетъ договоръ. Договоръ заключаетъ онъ съ публикой, властями и полиціей. Каждый договоръ, какъ извѣстно, имѣетъ двѣ стороны, если каждая сторона исполняетъ свои обязательства, никто не вправѣ жаловаться, и каждая должна остаться довольна. Разсмотримъ же поближе эти обязательства. Договоръ Тома съ публикой, когда онъ вступилъ въ нашу профессію, былъ слѣдующій: «Моя цѣль: пользоваться всякимъ случаемъ обирать тебя. Я буду опустошать твои карманы, взламывать твои кассы и даже подушка, на которой ты спишь, не будетъ безопасна.» Вотъ обязательство, которое онъ принялъ на себя. Обязательство публики слѣдующее: «Прекрасно, Томъ. Но если я тебя поймаю на опустошеніи моихъ кармановъ, взламываніи моихъ кассъ или кражѣ моей подушки, я тебя отдамъ на мельницу, чтобы ты выучился гимнастическому искусству, и на будущее время умѣлъ зарабатывать себѣ хлѣбъ на другой ладъ.» Обязательство очевидно гораздо выгоднѣе для Тома, чѣмъ его обязательство для публики. Съ судебной властью договоръ, со стороны Тома, такого рода: «я буду держаться какъ можно дальше отъ тебя,» а со стороны власти: «берегись, если мнѣ удастся уличить тебя въ преступленіи, ты попадешь на мельницу». Полиціи Томъ говоритъ: — «Поймай меня, коли можешь,» а та отвѣчаетъ. «Очень хорошо, любезный другъ.»

«Леди и джентлемены! я убѣжденъ что вы вполнѣ со мной согласитесь, что никакой договоръ не можетъ быть короче, яснѣе и справедливѣе; согласно съ этимъ договоромъ мы всѣ живемъ, какъ... (*иронически*) какъ почтенные люди. Я думаю, что если мы поближе вглядимся въ этихъ людей, съ которыми у насъ заключенъ договоръ, то мы убѣдимся, что они всѣ почтенные люди, — такіе же какъ и нашъ юный другъ, Томъ. (*Громкій смѣхъ.*) Перехожу теперь къ его ошибкамъ. Онъ соблюлъ статьи договора, какъ это можетъ сдѣлать

только джентльменъ (*смѣхъ*); онъ пользовался всѣми возможными случаями, чтобы доказать, какъ серьозно онъ относится къ своимъ обязательствамъ. Но публика, съ своей стороны, поймавъ Тома, тоже въ точности исполнила свои обязательства; судебная власть уличила его, полиція лишила свободы,—всѣ исполнили статьи договора, какъ вполнѣ почтенные люди. Но развѣ публика, власть и полиція ругали Тома? развѣ онѣ ему дѣлали упреки? Нѣтъ! Какое же право имѣешь ты, нахальный юноша, наскучать намъ длинными рѣчами, исполненными несправедливыхъ жалобъ? Или ты имѣешь претензію мѣшать людямъ исполнять свои обязательства? Ну что, господа, чѣмъ же это дурная проповѣдь! Другъ и достойный ученикъ. Выслушай мой отеческій совѣтъ: прошлаго не поминай, а думай о будущемъ. (*Ораторъ тутъ принимаетъ торжественный, наставническій тонъ.*) Передъ тобой два пути: жить твоимъ вновь выученнымъ ремесломъ, или вернуться къ старому промыслу. Я знаю, что есть здѣсь люди, — которые скажутъ тебѣ: выбери новое свое ремесло, ибо это путь къ вѣчной жизни (*онъ взглянулъ въ нашу сторону*). Они съ Богомъ въ болѣе близкихъ сношеніяхъ, и имъ это лучше извѣстно, чѣмъ намъ. Я ничего не говорю, не даю тебѣ совѣта—за совѣтъ получаешь только неблагодарность. Лучше выйди отсюда, потолкуй съ Сузанной и послушай что она тебѣ скажетъ. Если она скажетъ: «останься при мельницѣ», такъ и сдѣлай. Если же она скажетъ: «будь осторожнѣе, Томъ, другой разъ лучше поберегись,» поцѣлуй ее за прелестный совѣтъ и снова попытай счастіе. Но чтобы ты ни дѣлалъ, не вздыхай, а носи крестъ свой съ покорностью и терпѣніемъ. (*Громкое одобреніе.*)

«Леди и джентльмены, вы должны извинить меня за то, что я отнялъ у васъ столько времени, но я не могъ иначе поступить. Я настолько филантропъ, что не могу пропустить случая сдѣлать доброе дѣло. Проповѣдь моя кончена, и если которая нибудь изъ леди затянетъ гимнъ, я буду очень радъ.» (*Бурныя рукоплесканія.*)

Такова приблизительно была рѣчь вора. Вся форма ея, правильная конструкція, тонкое остроуміе ея привели меня въ изумленіе. Я впослѣдствіи узналъ, что онъ получилъ хорошее образованіе и даже учился въ какомъ то высшемъ учебномъ заведеніи, что онъ знаетъ не мало языковъ, дѣлалъ большія путешествія на континентѣ по дѣламъ своей профессіи, бѣжалъ изъ берлинской тюрьмы, что теперь во всемъ цехѣ никто ловче и отважнѣе не вламывается въ дома, и что онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ натягиваетъ полиціи всевозможные носы. Всѣ эти факты я узналъ только годъ спустя, прощаясь съ нимъ, когда его приговорили къ ссылкѣ на двадцать лѣтъ.

Дѣйствительно, далеко не всѣ воры такіе невѣжи и безпутные субъекты, какъ обыкновенно воображаютъ. Между ними есть не мало такихъ, которые пользовались хорошимъ воспитаніемъ и образованіемъ—и могли бы вращаться въ хорошемъ обществѣ, и однако добровольно остаются въ этой гнусной средѣ. Почему? Тутъ многіе молодые люди, которые любятъ постоянное возбужденіе, ищутъ сильныхъ ощущеній, и находятъ что запретный плодъ слаще дозволеннаго. Они занимаются больше умственнымъ трудомъ, а матеріальный предоставляютъ простякамъ, которыхъ они употребляютъ въ видѣ орудіевъ. Образованные обыкновенно хорошо знаютъ большую часть европейскихъ языковъ, и потому предпринимаютъ большія путешествія: весной ѣздятъ на континентъ, въ декабрѣ—въ Манчестеръ на ярмарку, лѣтомъ на воды, и на гладкомъ паркетѣ они чувствуютъ себя также дома какъ въ воровскихъ кварталахъ Лондона. Живутъ они всегда на большую ногу, держатъ экипажи, лошадей, останавливаются въ самыхъ лучшихъ и дорогихъ гостинницахъ. Это-то обстоятельство, т. е. присутствіе между ворами образованныхъ и довольно высоко-развитыхъ личностей, всего болѣе приводитъ въ отчаяніе миссіонеровъ, убѣждая ихъ, что вся ихъ дѣятельность не имѣетъ никакой цѣли,—потому что, если ужь воспитаніе и образованность не помогаютъ, то какое же вліяніе можетъ имѣть миссіонеръ? Единственная личность, которую воръ во-что нибудь ставитъ, это—сыщикъ; да и то есть исключенія.

«Я однажды имѣлъ разговоръ съ однимъ изъ образованныхъ воровъ,» разсказываетъ Мёрзель: «и онъ мнѣ сообщилъ такія полицейскія тайны, что мнѣ понятна стала одна изъ причинъ, по которымъ источникъ воровства неизсякаемъ. Онъ сильно жаловался на жестокость и н справедливости нѣкоторыхъ изъ должностныхъ лицъ полиціи. Я остановилъ его и напомнилъ о митингѣ, на которомъ мы оба присутствовали, замѣчая, что полиція только исполняетъ свою сторону договора. «Знаю я этотъ договоръ,» отвѣчалъ онъ, «но дѣло въ томъ, что именно полиція обходитъ его и поступаетъ нечестно. Если сыщику нужно представить нѣсколькихъ преступниковъ на судъ, ему стоитъ пальцемъ кивнуть и будетъ поймано ихъ десять — пятнадцать. На это у него довольно полицейскихъ, бывшихъ когда-то сильнѣйшими мошенниками. Этого мало. Деньги играютъ страшную роль. Деньгами можно заставить молчать почти любаго полисмена. За деньги воръ перваго класса узнаетъ все, что ему нужно». Я былъ крѣпко удивленъ подобными сообщеніями, которыя должно быть, если и преувеличены, однако не лишены всякой основательности,—такъ какъ, вскорѣ послѣ этого разговора, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ сыщиковъ былъ смѣненъ за то, что воры чрезъ него узнали такія вещи, которыя никогда не должны были бы дойти до ихъ свѣдѣнія.

Посѣтимъ еще въ заключеніе одинъ изъ такъ называемыхъ «молитвенныхъ митинговъ», которые устроиваются миссіонерами въ восточныхъ кварталахъ. Пусть читатель послѣдуетъ за нами въ одну изъ самыхъ мрачныхъ улицъ этой части города. Мы дойдемъ до открытаго пространства, названнаго «Ангельскимъ лугомъ», вѣроятно въ сатиру на наполняющую ее грязь и окружающія его кривыя улицы, расползшіеся дома. Осмотримъ публику, собравшуюся вокругъ миссіонера. Старики и старухи, юноши и дѣвушки, дѣти, пестрой толпой, въ рваныхъ, истасканыхъ костюмахъ, съ бѣлыми глиняными трубочками во рту, пускаютъ намъ въ лицо вонючій дымъ своей махорки и нагло выдерживаютъ наши испытующіе взоры. Священникъ очевидно хорошо извѣстенъ, потому что группа попорядочнѣе одѣтыхъ людей тѣснится около него и отговариваетъ его держать проповѣдь, такъ какъ далеко не безопасно читать мораль этимъ людямъ. Но онъ ихъ не слушается, забирается на полуразвалившуюся, низенькую стѣну, раздѣляющую «ангельскій лугъ» отъ стараго кладбища, и затягиваетъ псаломъ. Шумъ мгновенно замолкаетъ и раздается какъ будто бы благочестивое пѣніе. Наконецъ миссіонеръ хочетъ говорить, ему не даютъ.

Гвалтъ, хохотъ, насмѣшки, свистъ, угрозы поднимаются дикимъ содомомъ—мы точно попали къ хищнымъ звѣрямъ. Камни и гнилыя яблоки летятъ въ священника, который не трогается съ мѣста, пока довольно большой камень ранитъ его въ руку. Чернь повалила къ стѣнѣ, и знакомымъ проповѣдника едва удалось удержать ее, столько мгновеній чтобы онъ успѣлъ соскочить на ту сторону и скрыться въ темныхъ, кривыхъ проулкахъ. «Я впослѣдствіи имѣлъ случай поговорить съ миссіонеромъ» прибавляетъ авторъ статей, изъ которыхъ мы заимствуемъ эти подробности, «и онъ увѣрялъ меня что онъ не сошелъ бы и тутъ съ мѣста, если бы не хотѣлъ предотвратить кровопролитія, такъ какъ тѣлохранители его, хотя сами всѣ воры, однако не позволили бы тронуть на головѣ его ни одного волоска, такъ какъ онъ уже болѣе двадцати лѣтъ живетъ въ ихъ средѣ. Нужны истинная любовь къ дѣлу и твердая вѣра, чтобы рѣшаться на подобные подвиги, и чего же добиваются эти герои своими трудами? Я имѣю возможность привести примѣръ «обращеннаго» вора. Въ прошедшемъ году я, вмѣстѣ съ тѣмъ же миссіонеромъ, посѣтилъ одну больницу—и мы тамъ, между прочими больными, нашли молодаго вора. Любопытствуя узнать какая у него можетъ быть религія, я просилъ моего пріятеля поговорить съ нимъ на эту тему. Онъ исполнилъ мою просьбу. Онъ заговорилъ съ больнымъ о грѣховномъ состояніи человѣка, о необходимости спасенія души, объ искупленіи людей Спасителемъ, и прочелъ ему по этому поводу нѣсколько мѣстъ изъ Евангелія. Больной слушалъ его съ набожнымъ видомъ. На каждый вопросъ миссіонера онъ отвѣчалъ: «конечно, сэръ; разумѣется, сэръ!» Обрадованный этой податливостью, мой пріятель увлекся и долго говорилъ, пока я наконецъ не перебилъ его и не сказалъ.—«Теперь, любезный другъ, я тебя кое о чемъ спрошу. Скажи мнѣ, кто былъ Іисусъ Христосъ?»—«Сэръ», отвѣтилъ онъ: «это, я думаю, довольно трудно сказать. Я по крайней мѣрѣ, не знаю»—«Знаешь ли,» продолжалъ я спрашивать: «что разумѣется подъ Тройцей?»—«Нѣтъ, сэръ».—«Грѣшникъ ли ты?»—«О конечно, сэръ; мы всѣ грѣшники, мы всѣ жалкіе грѣшники».—«Сдѣлалъ ли ты когда что-нибудь дурное?»—«Я? нѣтъ, сэръ, никогда, насколько мнѣ извѣстно».—«Грѣшникъ-ли ты?»—«Разумѣется, мы всѣ грѣшники».—«Что такое грѣшникъ?»—«Чортъ возьми — этого я не знаю.» — Мальчикъ не притворялся — хотя онъ впрочемъ былъ грамотный: онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія обо всемъ, о чемъ я его спрашивалъ!

Древнія и новыя сказанія о собакахъ.

(*Продолженіе*).

II.

Теперь познакомлю читателей моихъ съ личностями и похожденіями моихъ собственныхъ собакъ. У меня въ настоящее время живутъ въ дружелюбномъ согласіи, представители трехъ изъ научно опредѣленныхъ 195 собачьихъ породъ: Пинчеръ Питтъ, бульдогъ Боксъ и лягавая, Ундина.

Первый представляется читателю Питтъ; по одной его рѣшительной, остренькой мордочкѣ видно, что онъ дѣлаетъ честь своему имени: подобно великому англійскому государственному человѣку, онъ чрезвычайно уменъ. Но умъ моего Питта нисколько не похожъ на изощренное, заученое фокусничество собакъ-феноменовъ, которыя съ кѣмъ угодно играютъ въ домино и каждый разъ выигрываютъ, безошибочно указываютъ часъ и день и творятъ мало ли еще какія чудеса—съ голоду и побоевъ. Нѣтъ, мой Питтъ не изъ такихъ — онъ уменъ, но уменъ изъ любви. Какъ настороживаетъ онъ свои коротенькія ушки, какъ подрагиваетъ вся его мордочка, какъ свѣтятся его большіе, темные глаза, когда я ласково говорю ему: «Питтъ! будь уменъ, дружокъ — принеси мнѣ сигару, ты вѣдь знаешь, гдѣ стоитъ ящикъ... нѣтъ, Питтъ, не тѣхъ крѣпкихъ, что для гостей—хотя пріятель мой Иванъ Иванычъ находитъ ихъ такими вкусными, что уходя еще набиваетъ ими сигарочницу—а одну изъ моихъ экстренныхъ гавановыхъ». Питтъ вскакиваетъ на угловой столикъ, на которомъ я держу весь курительный аппаратъ, ловко приподнимаетъ мордочкой крышку ящика съ перламутровой инкрустаціей, опрятно вынимаетъ сигару и приноситъ мнѣ ее съ радостными прыжками. Не дожидаясь приглашенія онъ бѣжитъ назадъ и тащитъ мнѣ спичечницу и пепельницу, причемъ не разсыпетъ ни одной пепелинки. Съ тихимъ, вкрадчиво-веселымъ визгомъ садится онъ передо мною, кокетливо помахиваетъ своимъ коротенькимъ курчавымъ хвостомъ и не сводитъ съ меня глазъ... Ахъ да, вѣдь я его еще не поблагодарилъ! «Ну хорошо, Питтъ! умница—все исправно исполнилъ... Ну да, можешь — только, Питтъ, не изъ моихъ, тридцати-рублевыхъ—жирно будетъ; возьми изъ тѣхъ, что для гостей, Ивану Иванычу много чести...» И вотъ—Питтъ проворно становится на заднія лапки противъ меня съ сигарой въ зубахъ. «Ну чего тебѣ еще? огня, что-ли? Только смотри не подпали баки!» И мы съ Питтомъ дружно куримъ послѣобѣденную сигару. Питтъ тутъ, собственно говоря, немножко таки кривитъ душею: Сигара, по совѣсти, противна ему до тошноты, но честолюбіе заставляетъ его не отставать отъ своего господина. Радость изъ радостей для него, когда я скажу ему: «Позвони-ка Егора—поѣдемъ гулять!» Онъ, каждый разъ, съ ликующимъ лаемъ кидается къ двери, вскакиваетъ на стулъ, весьма ловко продѣваетъ лапку въ ручку снура и звонитъ какъ лучше не надо. Какъ обдуманно онъ все это дѣлаетъ, я имѣлъ случай убѣдиться не далѣе какъ вчера. Я говорю ему по обыкновенію: «Позвони Егора гулять»! Онъ бросается къ двери—но на полдорогѣ останавливается въ недоумѣніи и сконфуженный плетется назадъ ко мнѣ. «Что съ тобой Питтъ? А вижу у двери нѣтъ стула, и тебѣ не достать до звонка. Плохо дѣло—дома придется сидѣть... или ты что придумаешь? Попробуй—понапряги ка свою мохнатую головку». Питтъ задумчиво направляется снова къ двери; карабкается передними лапками вверхъ по стѣнѣ, буквально изъ шкуры вонъ лезетъ—все-таки до звонка далеко! Онъ важно садится и сидитъ, пристально уставивъ взоръ въ звонокъ: ничего въ голову нейдетъ. Пристыженный онъ опять ползетъ ко мнѣ и глядитъ на меня съ просьбою. «Нѣтъ,

Питтъ! не могу помочь тебѣ—попробуй еще разъ». Съ примѣрнымъ терпѣніемъ, Питтъ опять принимается за дѣло—осматриваетъ дверь и звонокъ со всѣхъ сторонъ—старается притащить одинъ изъ тяжелыхъ стульевъ съ подушками—силенки не хватаетъ... Вдругъ—что съ нимъ сдѣлалось? онъ весело, прыжками кидается къ большой медвѣжьей шкурѣ, на которой покоится другъ его Боксъ, безъ всякаго уваженія къ его кейфу теребитъ лѣниваго бульдога за ухо, дружески, не то тянетъ, не то пихаетъ его со шкуры—дальше дальше—пока не притащилъ его къ стѣнѣ подъ звонокъ; тогда Питтъ однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на широкую спину бульдога—и начинается трезвонъ... Это ужъ, какъ хотите не инстинктъ—это уже размышленіе.

Я сажусь на лошадь и выѣзжаю за городъ. Питтъ съ короткимъ звонкимъ лаемъ выплясываетъ около моей лошади: въ полѣ онъ собственно въ своемъ элементѣ. Дѣло въ томъ, что онъ—страстный охотникъ—это умъ въ крови каждаго пинчера. Кто не слыхалъ о знаменитомъ пинчерѣ — англичанинѣ Билли, который въ 12 минутъ и 48 секундъ избивалъ до 200 крысъ? Прикусъ желѣзными клыками, мѣткій ударъ лапкой—и готово. Къ такимъ подвигамъ, моему Питту рѣдко представляется случай, потому что ему къ счастію негдѣ взять такой благородной дичи, но въ охотѣ на мелкую дичь—полевыхъ мышей, сусликовъ, хомяковъ, хорьковъ мнѣ чуть не каждый день приходится дивиться проворству и ловкости его, его пылкому темпераменту, а также терпѣнію и хитрости. По возвращеніи домой, Питтъ самъ тащитъ мнѣ мальчика и туфли, не ожидая за это особенной благодарности...

Но, увлекаясь добродѣтелями моего маленькаго Питта, я рискую забыть о достоинствахъ другого моего вѣрнаго пріятеля — Бокса, что было бы въ высшей степени несправедливо. Я долженъ, однако, предварительно замѣтить, къ разочарованію моихъ читателей и особенно читательницъ—что достоинства эти исключительно нравственнаго свойства, такъ какъ физическими прелестями онъ не взялъ. Да, другъ Боксъ, некрасивъ ты, что грѣха таить! Голова толстая, угловатая, черепъ плоскій, точно придавленный, уши обрѣзанныя подъ корень, косо какъ то вставленныя, сонные глаза, окруженные висячей, морщинистой кожей, навислыя вѣки, удивительно выгнутый носъ уступами, раздвоенная верхняя губа, и вслѣдствіе того — обнаженные, торчащіе впередъ рѣзцы, обвислыя щеки и сердито наморщенный лобъ—вотъ его ни мало не преувеличенный портретъ. Если далѣе прибавить къ этой физіономіи неуклюжія кривыя ноги, такое же неуклюжее, повидимому неповоротливое туловище, облеченное въ свѣтлополовую шубу съ жесткимъ, короткимъ волосомъ—не одна изъ моихъ юныхъ читательницъ вздернетъ презрительно носикъ и вымолвитъ обычное, но всегда равно страшное для мужскаго самолюбія, безпощадное слово: «Можно же быть такимъ уродомъ»! Да, согласенъ вполнѣ, бѣдный Боксъ обиженъ красотой, за то обладаетъ тысячью другими драгоцѣннѣйшими и милыми качествами, которыя дѣлаютъ его красавцемъ въ моихъ глазахъ; я его крѣпко люблю—но онъ любитъ меня еще во сто разъ больше—а это такіе очки, что хоть кого прикрасятъ! Но кромѣ того, другъ мой Боксъ вѣренъ по гробъ, храбръ до послѣдней капли крови, и въ то же время миролюбивъ, нѣженъ, впечатлителенъ—и вовсе не такъ глупъ какъ кажется.

Для моего деньщика Боксъ сущій кладъ—онъ положительно состоитъ у него на посылкахъ. Каждое утро въ 7 час. ему привязывается на шею салфетка, и онъ немедленно отправляется въ булочную, Никогда еще не случалось, чтобы онъ обронилъ или далъ стянуть у себя хоть одну булку. Вздумалъ было, однажды какой-то малолѣтный юноша позавтракать на даровщинку, развязавъ салфетку съ шеи моего гофъ-фурьера, но поплатился за сіе покушеніе весьма непріятнымъ образомъ. Не разъ доводилось рыцарямъ темныхъ улицъ и публичныхъ гуляній, которыми преизобилуетъ нашъ омываемый моремъ градъ Одесса, знакомиться съ Боксомъ. Гуляю я съ нимъ однажды, душнымъ лѣтнимъ вечеромъ по бульвару, — онъ увлекся погоней за промелькнувшей мимо кошкой. Вдругъ на меня направляются, шатаясь двѣ дюжія фигуры, съ шумомъ, смѣхомъ, очевидно на седьмомъ небѣ пьянаго блаженства. Съ подобными субъектами я обыкновенно бываю очень вѣжливъ и охотно сторонюсь. Но на этотъ разъ тактика моя меня не спасаетъ—добрые люди сворачиваютъ какъ будто невзначай, наталкиваются мнѣ прямо на грудь, отскакиваютъ, и шумно проходятъ мимо, точно колеблемые невидимой силой. Къ счастію, я опомнившись, сразу схватился: часовъ нѣтъ, цѣпочки какъ не бывало. Оборачиваюсь—мои пьяные трезвехонькіе удираютъ, и увидѣвъ меня, отпрыгиваютъ въ сторону. Я кричу: «Боксъ! Боксъ! Воры! Бери» и Боксъ вихремъ мчится за ними. Вмигъ одинъ сшибленъ съ ногъ и почти задушенъ, онъ уже принимается за другаго и я съ трудомъ спасаю отъ его ярости мошенника, который съ умоляющимъ видомъ подаетъ мнѣ мои часы. Немалое удивленіе возбудили мы съ Боксомъ, когда привели въ полицію своихъ плѣнниковъ, которые оказались пресловутыми мошенниками. Это былъ далеко не единственный подвигъ въ этомъ родѣ моего стараго друга—онъ въ короткое время сдѣлался ужасомъ всей высокопромышляющей братіи, члены которой отлично знали и уважали девизъ на его ошейникѣ: «Nolime tangere» (Не тронь меня).

А вѣдь какимъ милымъ и терпѣливымъ этотъ самый Боксъ, страшный въ гнѣвѣ до кровожадности, умѣетъ быть со всѣми, кого онъ любитъ или чья слабость внушаетъ ему состраданіе. Съ дѣтьми онъ чрезвычайно нѣженъ, въ особенности любитъ онъ малолѣтокъ моей хозяйки. Онъ—любимый товарищъ игръ ихъ и позволяетъ имъ теребить и таскать себя съ неистощимымъ терпѣніемъ. Лѣтомъ, когда они играютъ на дворѣ, онъ смотритъ за ними, какъ самая заботливая нянька. Онъ не позволяетъ чужимъ подходить слишкомъ близко, но и маленькихъ шалуновъ не выпускаетъ на улицу. Если меньшой, двухлѣтній крошка, споткнется и упадетъ, Боксъ осторожно поднимаетъ его. Если его маленькіе друзья обвѣшаютъ его вѣнками изъ полевыхъ цвѣтковъ, онъ бережется какъ бы не потерять и не испортить этого, весьма для него неудобнаго украшенія. Тѣхъ, кто побольше, онъ аккуратно провожаетъ въ школу и оттуда, и ходитъ съ ними гулять. Удивительно то, что онъ никогда не пропуститъ часы: начнетъ смотрѣть на меня вопрошающими глазами и все подбѣгаетъ къ двери. Какъ только я скажу: «Боксъ, можешь идти за твоей Катей, онъ радостно скачетъ мнѣ на грудь, самъ отворяетъ себѣ дверь, прихлопываетъ ее за собою и мчится. Два раза уже онъ спасалъ совершенно незнакомыхъ ему дѣтей изъ подъ лошадей, и однажды, когда въ то время какъ онъ гулялъ со «своими» дѣтьми, на нихъ набѣжалъ бѣшеный быкъ, онъ бро-

сился на него, ухватился за носъ его зубами и повисъ, такъ что быкъ довольно далеко протащилъ его, пока его не схватили. Челюсти у Бокса, какъ у всѣхъ бульдоговъ, устроены особымъ манеромъ, такъ, что онъ не можетъ сразу разжать ихъ, и пришлось раздвинуть ихъ желѣзнымъ прутомъ. Онъ даже играя такъ крѣпко иной разъ уцѣпится за полотенце, что я его подниму высоко на воздухъ, положу на спину и протащу по комнатѣ.

Свое великодушіе относительно маленькихъ собакъ, переходящее относительно крошечныхъ собачекъ въ трогательную нѣжность, Боксъ унаслѣдовалъ отъ своего прадѣда по отцу. Его звали тоже Боксомъ, это былъ чистокровный англійскій бульдогъ. Въ имѣніи моего отца, этотъ родоначальникъ всѣхъ грядущихъ Боксовъ былъ моимъ любимымъ товарищемъ. Къ великому моему горю приходилось держать его днемъ на цѣпи, вслѣдствіе его непримиримой ненависти къ нищимъ, и всякимъ плохо одѣтымъ бродягамъ; за то на ночь его спускали и онъ неутомимо обходилъ дворъ дозоромъ. Какъ теперь слышу я страшные вопли, разбудившіе насъ однажды ночью: это Боксъ поймалъ двухъ мошенниковъ, пробиравшихся въ хлѣбный амбаръ, на мѣстѣ преступленія, и держалъ ихъ зубами и лапами. Онъ также ни зачто не пускалъ по ночамъ работниковъ со двора, какъ ни подкупали они его лакомствами, которыя онъ принималъ съ благодарностью—и только. Этотъ дѣдушка Боксъ сочетался нѣжной дружбой съ болонкой моей сестры; они были неразлучны, когда приносили имъ обѣдъ онъ, не смотря на прожорливость свойственную ему и всему его племени, не подходилъ къ блюду, прежде чѣмъ Фанька не насытилась лучшими кусками. Послѣ обѣда она всегда отдыхала на его широкой спинѣ и ужь онъ тронуться, бывало, не смѣетъ пока Фанька не проснется. Любо было смотрѣть какъ колосъ игралъ съ хорошенькой крошкой, давалъ ей теребить себя за уши или кусать за короткій толстый хвостъ. Иногда онъ притворялся сердитымъ, бралъ ее за шиворотъ зубами, задавалъ ей легкую встряску—и уносилъ въ свою конуру. Однажды онъ схватилъ ее видно не довольно осторожно; когда онъ положилъ ее на полъ—она уже не встала: онъ перешибъ ей шейные позвонки! Онъ сначала стоялъ какъ вкопанный, потомъ встряхнулъ головой — ему все не вѣрилось. Трогательно было глядѣть, съ какой нѣжностью и терпѣніемъ онъ лизалъ бѣдную крошку; онъ тихонько расталкивалъ ее, жалобно визжалъ—напрасно! Маленькій другъ его не вставалъ, не игралъ съ нимъ, не тормошилъ. Тогда онъ понялъ, что самъ убилъ ее, и испустилъ душераздирательный вой—не дикіе, не свирѣпые, а протяжные, печальные звуки, и все продолжалъ стоять надъ маленькимъ трупомъ и глазъ не сводилъ съ него. Когда хотѣли отнять у него Фаньку, онъ сердито заурчалъ и оскалилъ зубы—насилу наконецъ позволилъ мнѣ взять ее, какъ своему любимцу. Онъ сначала страшно бѣсновался на цѣпи, наконецъ затихъ и печально улегся. На слѣдующее утро, маленькую могилку, въ которую мы дѣти положили Фаньку, нашли взрытою и пустою: мертвую собачку я отыскалъ въ Боксовой канурѣ, подъ соломой. Землю онъ всю слизалъ съ ея мягкой шубки. Онъ смотрѣлъ на меня такимъ грустнымъ, умоляющимъ взоромъ, что у меня духу не хватило опять отнять ее у него. Съ той поры онъ болѣе не тронулъ пищи, а лежалъ передъ своей канурою угрюмый и смирный. Въ одно прекрасное утро мы нашли его мертвымъ. Мы дѣти торжественно схоронили друзей въ саду и посадили плакучую иву надъ ихъ могилою.

(*Продолженіе будетъ*).

Изъ дѣтства Моцарта.

Декабря 5 числа 1791 г. Моцартъ скончался.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя сестра его писала, «княжескому придворному трубачу» Шахтнеру въ Зальцбургъ, и просила этого стараго друга дома ея родителей чтобы онъ сообщилъ ей все, что онъ еще помнитъ изъ дѣтства и ранней молодости ея покойнаго брата.

Шахтнеръ въ своемъ отвѣтѣ разсказалъ цѣлый рядъ характерныхъ анекдотовъ изъ Моцартова дѣтства, со всей наивностью и свѣжестью простодушнаго очевидца. Анекдоты эти быстро разошлись, онѣ вошли въ народъ какъ настоящія народныя сказанія, потому что въ нихъ какъ въ зеркалѣ вѣрно въ тоже время сказочно-невѣроятно отражался геній ребенка — художника божьей милостью. Поэтому-то мы находимъ ихъ въ началѣ всѣхъ біографій Моцарта.

Письмо придворнаго трубача сохранилось цѣликомъ, и составляетъ драгоцѣнный перлъ музыкально-исторической литературы. Въ объясненіе прилагаемаго рисунка, приведемъ одинъ изъ этихъ маленькихъ разсказовъ, само собою разумѣется, собственными словами стараго Шахтнера, потому что перевести его на современный гладко причесанный книжный языкъ — значило бы лишить его всей прелести. И такъ, вотъ что придворный трубачъ между прочимъ разсказываетъ сестрѣ покойнаго Моцарта:

«Вотъ нѣсколько изумленія достойныхъ чудесъ изъ жизни вашего покойнаго брата въ четырехъ или пятилѣтнемъ возрастѣ, подлинности которыхъ я могъ бы присягнуть.

«Однажды я пришелъ съ вашимъ папенькой домой въ четвергъ послѣ службы. Мы застали четырехъ-лѣтняго Вольфганга за работою съ перомъ.

«*Папенька*: Что ты дѣлаешь?

«*Вольфгангъ*: Пишу концертъ для клавикордъ: первая часть скоро готова.

«*Папенька*. Покажи.

«*Вольфгангъ*: Еще не готово.

«*Папенька*: Покажи—должно быть хорошо.

«Папинька взялъ у него и показалъ мнѣ пачкотню нотъ, по большей части написанныхъ на размазанныхъ чернильныхъ кляксахъ. (NB. Маленькій Вольфгангъ по незнанію макалъ перо каждый разъ до самаго дна чернильницы, поэтому каждый разъ какъ онъ это перо переносилъ на бумагу, изъ него капалъ кляксъ, но онъ сейчасъ же находился; размазывалъ его ладонью и продолжалъ тутъ же писать.) Мы сначала смѣялись этой какъ будтобы галиматьѣ, но папенька затѣмъ началъ разбирать главное — т. е. самые ноты, композицію; онъ долгое время пристально изучалъ листокъ, наконецъ изъ глазъ его скатились двѣ слезы — слезы

Изъ дѣтства Моцарта.

Гравировано съ рисунка Г. Лоссова.

удивленія и радости. «Поглядите, герръ Шахтнеръ», сказалъ онъ, «какъ все вѣрно и правильно поставлено только не годится, потому что такъ ужасно трудно, что ни одинъ человѣкъ не въ состояніи играть.» Вольфгангъ перебилъ его: «Оттого-то это и концертъ; надо до тѣхъ поръ экзерсировать, пока пойдетъ. Посмотрите, вотъ какъ надо.» Онъ началъ играть, но могъ справиться лишь на столько, что мы поняли, куда онъ клонитъ. Онъ тогда имѣлъ такое понятіе, что играть концертъ и дѣлать фокусъ—одно и тоже.»

Эту-то исторію изъ дѣтства Моцарта изобразилъ намъ художникъ хотя въ нѣсколько болѣе идеализированномъ видѣ чѣмъ она представляется изъ разсказа стараго друга дома. Удивленіе придворнаго трубача, когда онъ вглядывается въ исписанный нотами листокъ, глубокое волненіе на чертахъ отца, просвѣтленная творческая радость на личикѣ малютки—все это прекрасно выражено и лучше говорить душѣ, чѣмъ всякія слова.

Но писателю, задумавшемуся надъ этимъ рисункомъ, невольно представляются еще три картины, которыхъ за то художникъ не въ состояніи изобразить, потому что это туманныя картины вызываемыя мыслью, переходящей отъ одной эпохи къ другой и опять возвращающейся къ первой исходной точкѣ — разсказу изъ дѣтства.

Отецъ застаетъ четырехъ-лѣтняго композиста за работою и въ первый разъ ясно сознаетъ, то, что онъ конечно давно уже подозрѣвалъ: изумительный талантъ мальчика. Только онъ понимаетъ талантъ этотъ по своему, потому что никто не можетъ отрѣшиться отъ себя самаго и своего времени, и наше воображеніе всегда росписываетъ намъ будущность красками настоящаго. Такъ и Леопольдъ Моцартъ видитъ въ маленькомъ Вольфгангѣ будущаго виртуоза, который съ еще большей легкостью будетъ выводить трели и фіоритуры чѣмъ знамѣнитѣйшіе современные пьянисты,— будущаго композиста, который будетъ писать еще гораздо слаще и нарядпѣе въ свѣтскомъ стилѣ, гораздо искуснѣе и глубокомысленнѣе владѣть церковнымъ контрапунктомъ, чѣмъ лучшіе современники. По духу того трезваго переходнаго періода, къ которому почтенный старикъ, какъ художникъ, всецѣло принадлежалъ, онъ не можетъ ни чѣмъ другимъ даже представить себѣ будущность сына, потому что, если бы могъ, то онъ бы самъ попробовалъ ступить на новыя стези. Удивительнѣе всего для него безъ всякаго сомнѣнія то, что дитя его шутя усвоиваетъ себѣ то самое искусство, которое онъ пріобрѣлъ лишь тяжкимъ трудомъ взрослаго человѣка. На то, чѣмъ ребенокъ Моцартъ превзошелъ всѣхъ когда либо жившихъ диковинныхъ дѣтей — enfants prodiges—и что намъ кажется всего изумительнѣе въ немъ, а именно что его юношескія пробы пера не только были сдѣланы имъ такъ рано, но еще такъ рано носили моцартовскій отпечатокъ, — этого старикъ Моцартъ естественно не могъ даже подозрѣвать, и еще менѣе могъ онъ предчувствовать, что именно передъ этимъ самымъ моцартовскимъ стилемъ поблѣднѣетъ и устарѣетъ та музыка, которая ему самому старику представлялась образцомъ и идеаломъ.

Итакъ онъ, пожалуй и основываетъ прорицаніе на концертѣ для клавикордъ съ чернильными кляксами — но это только тѣнь истины. Онъ пожалуй и видитъ духовнымъ окомъ сына на блестящемъ поприщѣ, богато надѣленнымъ матеріальными благами, и, можетъ быть, предаваясь такимъ мечтамъ, надѣется и самъ получить отъ славы сына позднюю мзду и вознагражденіе за свою собственную смиренную долю. Странная прелесть въ этой мысли: что мы въ лицѣ нашего дитяти достигнемъ той художнической цѣли, до которой самимъ намъ не дано было достичь.

Такъ разсказывающій очевидецъ говоритъ о «слезахъ удивленія и радости», скатившихся изъ глазъ отца — и изъ упоминанія объ этихъ слезахъ видно, что Зальцбургскаго придворнаго трубача уже слегка коснулось литературное вѣяніе того времени. Судя по одному намеку въ письмахъ Леопольда Моцарта, къ избытку удивленія и радости подчасъ примѣшивалось и другое чувство: страхъ чрезмѣрно большаго счастія: онъ говоритъ, что когда ребенокъ занимался музыкой, черты лица его принимали выразительность и осмысленность далеко обгонявшія его года, такъ что окружающимъ почти казалось, будто на лицѣ его, вмѣстѣ съ ранней зрѣлостью, написана и ранняя смерть.

Но этотъ страхъ отцовскаго сердца не сбылся; сынъ выросъ и еще въ глазахъ отца созрѣлъ изъ юноши въ мужа. И когда Вольфгангъ Моцартъ, тридцати-шести лѣтъ, четыре года послѣ старика, былъ отозванъ съ земли, онъ прожилъ не даромъ: онъ натворилъ на цѣлую человѣческую жизнь, хотя прожилъ только полжизни.

Но какъ различно должны были друзья его отнестись по этому же случаю изъ его дѣтства, когда они узнали о немъ послѣ его смерти! Въ разсказѣ Шахтнера они видѣли туже картину, которую видѣлъ когда-то отецъ — но въ то же время и другую. Они уже знали, что такое моцартовскій стиль, плѣнившій всѣ сердца, и пойманный за сочиненіемъ концерта четырех-лѣтній композистъ по тому самому долженъ былъ представиться еще гораздо загадочнѣе, чѣмъ нѣкогда отцу.

Но какъ уже въ ребенкѣ блеснулъ моцартовскій лучъ, такъ съ другой стороны въ великомъ Моцартѣ сохранилась дѣтскость, которая впослѣдствіи, даже когда имъ овладѣла трагическая муза съ ея потрясающими образами, съ просвѣтляющей улыбкой косилась надъ его твореніями и надѣлила его дивнымъ даромъ: соединеніемъ эллинской веселости съ сѣверной глубиной душевной. Именно потому-то такъ любили вспоминать о его пророческомъ дѣтствѣ и находить развитіе того же начала въ томъ, что намъ далѣе разсказываютъ изъ его отроческихъ лѣтъ.

Къ этому взгляду на свѣтлую зарю его жизни однако примѣшивается горечь. Зрѣлые года Моцарта были не таковы, чтобы въ минуту смерти его можно было назвать баловнемъ счастья. Борьба съ житейской нуждою грубо коснулась его, прибыль отъ его твореній была ничтожна въ сравненіи со славой, зависть и злоба много разъ загораживали дорогу ему—незнавшему зависти, а когда онъ скончался войны разразились надъ Европою и если не уничтожили его твореній, не снесли памяти о немъ, то все-таки заглушили своимъ шумомъ непосредственное впечатлѣніе отъ его смерти, дѣйствіе и вліяніе послѣдняго, самаго послѣдняго періода его творчества. Друзьямъ его тогда казалось, что художникъ поднявшійся изъ задушевнаго пѣвца въ трагики, самъ подъ конецъ сдѣлался жертвой трагической судьбы. Мрачная дума, воплощенная въ «Реквіемѣ» бросила тѣнь свою обратно на всю предъидущую жизнь Моцарта, и если сравнить конецъ съ началомъ: смертный одръ съ дѣтской,—то въ серьоз-

номъ, чрезмѣрно выразительномъ личикѣ маленькаго музыканта усматриваешь не гиппократовскую линію, предвѣщающую раннюю смерть, а пророческое выраженіе будущей душевной борьбы, страданій великаго мастера. Шестьдесятъ лѣтъ назадъ Моцартъ считался романтикомъ; надъ его жизнью тоже занялась грустная прелесть романтизма и великій художникъ прежде всего является трогательнымъ образомъ генія при жизни непознаннаго, неоцѣненнаго по достоинству, — также какъ нынѣ многіе сѣтуютъ на современниковъ Бетховена не достаточно по ихъ мнѣнію цѣнившихъ его.

Въ сущности же ни Моцарта ни Бетховена при жизни не цѣнили ниже ихъ достоинствъ. Оба пользовались любовью и нашли случай развернуть своеобразную богатую дѣятельность: ни того ни другаго не нашли бы они, еслибы были непоняты. Непонятые геніи погибаютъ, но вообще и сами не понимаютъ свѣта. Геніи, отмѣчающіе эпоху всегда поняты лучшими изъ современниковъ, иначе они бы не могли отмѣтить эпохи; а одобреніе плохихъ судей или людей, неимѣющихъ собственнаго сужденія — кому же нужно? Только потомство всегда понимаетъ великаго мастера въ болѣе высокомъ смыслѣ, чѣмъ непосредственно окружавшіе его, потому что оно въ состояніи измѣрить и взвѣсить общее вліяніе его на культуру, которое современники могли развѣ только смутно предугадывать.

Такъ и вліяніе Моцарта на музыкальную, даже на общую культуру цѣлыхъ поколѣній. Ясно и величественно развертывается передъ нами — и въ виду этого величія тѣнь, лежавшая на его личныхъ отношеніяхъ, блѣднѣетъ и отступаетъ на задній планъ. При его смерти обозрѣвали только то, что онъ самъ творилъ, теперь уже мы обозрѣваемъ то, что̀ творили его творенія — его, такъ сказать, посмертное творчество, и тѣмъ охотнѣе признаемъ за художникомъ это обширное значеніе, что онъ проявлялъ силу свою такъ непретендательно, такъ дѣтски простодушно, хотя и имѣлъ въ ней сознаніе. Мы его, въ полномъ смыслѣ слова, называемъ счастливцемъ, только совершенно въ другомъ смыслѣ, чѣмъ отецъ, когда въ первый разъ увидѣлъ, какими дарами надѣленъ малютка, и въ болѣе глубокомъ чѣмъ современники, которые при смерти его, сожалѣли о печаляхъ, примѣшавшихся къ столь великому счастію.

А оцѣнка этого генія, хотя уже вошла въ исторію человѣческой культуры, еще и теперь далеко не закончена: могли ли греки предугадывать, чѣмъ будетъ Гомеръ для всего индо-европейскаго міра? Мы незнаемъ, чѣмъ будетъ Моцартъ для будущихъ временъ.

Итакъ загадка, которую представляетъ нами улыбающееся личико ребенка на рисункѣ, отчасти разрѣшена, но много еще остается разгадать позднѣйшему потомству. Маленькій разсказъ стараго придворнаго трубача, маленькая семейная картинка, нарисованная современнымъ художникомъ — кажется, много ли тутъ? А между тѣмъ три поколѣнія уже прочли въ нихъ троякій смыслъ; поколѣнія, грядущія послѣ насъ, прочтутъ въ нихъ еще новое; но самая глубокая черта: какъ Божій даръ генія уже можетъ пускать ростки въ четырехълѣтнемъ младенцѣ — всегда останется тайною.

Дешевые дома.

Цивилизація много сдѣлала для людей, но много, чуть-ли не болѣе еще, ей остается сдѣлать: на первой очереди надлежитъ ей разрѣшить вопросъ о жилищахъ, т. е. о доставленіи каждому возможности пользоваться удобнымъ и здоровымъ жильемъ за дѣйствительно умѣренную плату — требованіе, казалось-бы, довольно скромное, которое однако въ состояніи удовлетворить (за исключеніемъ послѣдней статьи его — мечтѣ пока для всѣхъ одинаково несбыточной) только богатѣйшее меньшинство, баловни фортуны. Надо пріискать въ арсеналѣ цивилизаціи новыя средства и дѣльнымъ разрѣшеніемъ вопроса о жилищахъ подготовить разрѣшеніе и многихъ другихъ общественныхъ вопросовъ. Необходимо обновить строительное искусство на новыхъ началахъ. Безъ новыхъ семейныхъ жилищъ невозможно разрѣшеніе современныхъ соціальныхъ и политическихъ задачъ. О національныхъ началахъ тутъ къ сожалѣнію не можетъ быть рѣчи: они вездѣ потеряны въ архитектурѣ—ни въ чемъ такъ ощутительно не далъ себя чувствовать гнетъ условныхъ законовъ искусства. Пять древнихъ архитектурныхъ орденовъ, да прибавленный къ нимъ такъ называемый готическій, поглотили и стерли болѣе скромные но и болѣе приспособленные къ повседневнымъ нуждамъ извѣстные роды строенія и они погибли подъ чужимъ владычествомъ. Гдѣ теперь въ Германіи живописные, просторные дома съ выдающимися изъ корпуса зданія цѣлыми комнатами на манеръ балконовъ (Ecken), гдѣ такъ привольно и въ то-же время уютно могла сложиться домашняя жизнь бюргерства, положившаго основаніе всему новѣйшему благосостоянію? Съ насильственнымъ прекращеніемъ нашего стариннаго семейнаго быта съ ограждающими домашнюю святыню теремами и русское строительное искусство отошло въ вѣчность. Подъ всеуравнивающимъ вліяніемъ вѣка вездѣ расплодилось ничѣмъ другъ отъ друга неотличающіяся казарменныя, тѣсныя, неудобныя, не въ мѣру дорогія помѣщенія. Въ одной только Англіи, благодаря исключительному благоговѣнію населяющей ее массы къ семейной жизни,—*home* сложился болѣе разумный, менѣе стереотипный способъ домостроенія. Тамъ же и по той же причинѣ всѣми смутно сознаваемая, но ни кѣмъ опредѣлительно не высказываемая потребность, впервые формулировалась и заняла мѣсто на ряду съ такъ называемыми «вопросами дня», да еще съ самыми неотложнѣйшими. Тамъ же сдѣланы первые шаги къ разрѣшенію его — разрѣшенію блистательному, вполнѣ удовлетворительному, для котораго каждый находчивѣе и настойчивѣе заимствуются безчисленными богатыми средствами, представляемыми изобрѣтеніями и усовершенствованіями новѣйшей промышленности—такъ что даже въ самомъ Лондонѣ, съ его тремя милліонами жителей, бѣдныя рабочія семейства могутъ жить въ собственномъ домикѣ или нанимать за немыслимо у насъ дешевую цѣну отдѣльные домики съ садиками сзади и спереди. Изъ такихъ съ обѣихъ сторонъ зарытыхъ въ зелени цвѣтахъ «коттэджей» и «виллъ» составлены въ Лондонѣ дюжины предмѣстьевъ, съ живописно вьющимися улицами, и сотнями маленькихъ скверовъ, а между этими предмѣстьями кромѣ того простираются до двадцати обширныхъ парковъ.

Въ Англіи дѣятельно работаютъ тысячи строительныхъ обществъ, о которыхъ у насъ еще нѣтъ и помину. Общества эти, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ съумѣли доставить безчисленнымъ небольшимъ семействамъ возможность пріобрѣсти собственный домъ не входя въ долги, одной выплатой наемной цѣны, и благодать отъ этого, сколько въ нравственномъ, столько и въ экономическомъ отношеніи возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Въ одномъ южномъ предмѣстьи Лондона, одно такое общество въ настоящее время строитъ одновременно не менѣе 300 такихъ домиковъ, стоимостью отъ 600 до 1000 руб. сер., которые, одной уплатой отъ 60 к. до 1 р. сер. въ недѣлю, въ 15—20 лѣтъ сдѣлаются полной собственностью жильцевъ. Это, однако, не влечетъ за собою безвыходнаго обязательства: каждое семейство когда угодно можетъ продать свое право другому, если ему понадобится перемѣститься.

Но сельское населеніе Англіи все еще большей частью живетъ въ возмутительной тѣснотѣ и грязи. Ими тоже стали заниматься съ постоянно возрастающими отрадными результатами. Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ особая строительная комиссія трудится для сельскихъ рабочихъ, и до сихъ поръ выстроила уже 509 образцовыхъ домовъ, за 73,000 фунт. стерл. или немного болѣе. Каждый такой домъ слѣдовательно стоитъ среднимъ числомъ немного болѣе 140 ф. ст. т. е. около 1000 р. сер. Но такъ какъ сельскій рабочій круглымъ счетомъ получаетъ не болѣе 3 р. сер. въ недѣлю, а изъ заработка нельзя класть болѣе седьмой части на наемъ квартиръ, то онъ не могъ воротить употребленный на постройку капиталъ съ достаточной скоростью. Практическій англичанинъ же знаетъ, что благотворительность возможна въ большихъ размѣрахъ только тогда, когда обѣ стороны имѣютъ отъ этого выгоды. По этому дѣлали все новые опыты, все съ большимъ успѣхомъ — и цѣль наконецъ достигнута.

Необходимыми условіями для благосостоянія, при постройкѣ этихъ дешевыхъ образцовыхъ домовъ, спеціалисты ставятъ слѣдующія статьи:

1) Общая «чистая» комната, 12 футовъ шириною, 12 ф. длиною, 9 ф. вышиною,—т. е. 1296 кубическихъ футовъ.

2) Спальни, по 650 кубическихъ футовъ каждая.

3) Подлѣ кухни—хозяйственное помѣщеніе.

4) Подлѣ этаго помѣщенія, на дворѣ — клозетъ (по превосходной системѣ Муля).

5) Предъ дверью—портикъ или сѣни, съ окномъ, скамейкой, гвоздями для мокраго платья и входной дверью въ двухъ половинахъ, такъ чтобъ можно было отворять и затворять одну нижнюю половину, по желанію.

6) Вентиляція во всѣхъ комнатахъ; при двухъ спальняхъ, душники въ одной, при трехъ—въ двухъ.

7) Достаточно высокія окна съ устройствомъ для впуска воздуха въ верхнихъ углахъ.

8) Печь и очагъ для стряпанія съ возможно-меньшей тратой топлива и устройствомъ для отопленія комнатъ.

9) Совершенная сухость.

10) Устройство для собиранія дождевой воды въ цистернѣ при каждомъ домѣ.

11) Деревянный полъ на сухой подстилкѣ.

Эти одиннадцать статей почти что никогда всѣ не соблюдены въ нашихъ самыхъ лучшихъ и дорогихъ квартирахъ, а въ Англіи предлагается соблюдать ихъ въ дешевыхъ домикахъ рабочихъ! Между тѣмъ задача не только предложена — она разрѣшена съ избыткомъ. Съ помощью новыхъ, геніальныхъ механическихъ работниковъ и строительныхъ матеріаловъ, — швейныхъ машинъ, соломы, бумаги и желѣза—теперь строять за 85 ф. с. т. е. около 600 руб. сер. — прочный, удобный, приличный, здоровый домъ съ четырьмя комнатами, хозяйственными принадлежностями и всякими удобствами. Не баснословно-ли? И дома не кой-какіе, а дѣйствительно образцовые. Хотя отчасти сшитые и сдѣланные изъ соломы, они ужъ во всякомъ случаѣ прочнѣе дурно сложенныхъ домовъ, лучше защищены отъ воды, отъ огня, отъ воровъ, теплѣе зимою, прохладнѣе лѣтомъ.

(Окончаніе будетъ).

Смѣсь

Исполинская постройка новѣйшаго времени.—Желѣзнодорожное сообщеніе развилось до колоссальныхъ размѣровъ въ одинъ человѣческій вѣкъ. Расчитано, что въ 1875 г. на всѣхъ европейскихъ рельсовыхъ прямыхъ будетъ не менѣе 36—37000 локомотивовъ. Англія и тутъ, какъ вообще въ развитіи техники, всѣхъ опередила; ея сѣть желѣзныхъ дорогъ всѣхъ плотнѣе, ея машинный и вагонный составъ всѣхъ богаче. Необходимость строить на главныхъ пунктахъ громаднаго сообщенія такія зданія, которыя поѣздамъ принимающимъ оставляли бы пассажировъ и поклажи нужную защиту отъ непогоды, вызвало совершенно новую отрасль архитектуры,—архитектуру вокзаловъ. Это громадные своды, подъ которыми вползаютъ и выползаютъ могучія паровыя змѣи, шипя и повиваясь, толпятся тысячи людей. Изъ всѣхъ построекъ этого рода, самая громадная и великолѣпная—поистинѣ осьмое чудо,—это—лондонская центральная станція, близь св. Понкратія. Внутренность этого мастерскаго произведенія совершенной архитектурной техники; лучшая краса его—кровля, изумительная не только по смѣлости рисунка, но и по красотѣ исполненія. Въ цѣломъ свѣтѣ не существуетъ другаго кровлянаго свода такой ширины; покрытое имъ пространство имѣетъ 240 англійскихъ футовъ ширины при 690 футахъ длины. Вся эта площадь равняется 165,000 квадратнымъ футамъ, такъ что, мѣста вполнѣ достаточно для десяти линій, съ платформами и извощичьей биржей. Величайшая вышина свода—160 футовъ. Въ цѣломъ это титаническая работа. Пусть судитъ читатель по нѣсколькимъ даннымъ. Островъ строенія образуютъ 25 главныхъ реберъ, изъ которыхъ каждое вѣситъ около 1,000 центнеровъ, т. е. 7,500 пудовъ. Эти ребра помѣщаются другъ отъ друга на разстояніи 29 футовъ и 4 дюймовъ, съ соотвѣтственными переплетами и поперечными ребрами. Середина свода—на 140 футовъ ширины,—покрыта стекломъ, бока—толстыми пластами аспида. Общее исполненіе и отдѣлка исполнены вкуса и трудно представить себѣ что нибудь величественнѣе. Даже самыя прославленныя постройки древняго міра не выдержатъ сравненія съ такимъ зданіемъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 8 Іюля 1870 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13.** Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1

№ 29. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

X.

Смерть Юрія Даниловича.

Ты то подумай: ну ты убьешь меня, молодой человѣкъ, самъ ты пропадешь, на свой родъ безчестье положишь, а Руси ты этимъ не поможешь. Пойдемъ мы къ хану вмѣстѣ, я буду за старшаго брата, ты будешь за младшаго. Оба ему поклонимся, скажемъ: что раздору между нами нѣтъ больше, что завтра мы вмѣстѣ поминки отцу твоему справимъ, а нето Дмитрій Михаиловичъ.... Юрій отступилъ и лицо его приняло зловѣщее выраженіе.

— Я одинъ пойду къ хану и вотъ что ему скажу. Ты меня выслушай, да выслушай толкомъ. Въ Петровъ день,—припомни,—сидѣлъ ты вечеромъ въ саду, былъ у тебя гость Ливинскій, мать твоя, бояринъ Морозъ были при тебѣ, и братъ твой, Александръ Михайловичъ, при тебѣ былъ.

— Почемъ ты знаешь все это?—спросилъ Дмитрій, отступая шага на два.

— Знаю я больше, говорилъ торжествующій Юрій. Черезъ жену твою, Гедиминовну, идутъ у тебя съ Литвой переговоры, и затѣялъ ты дѣло дѣльное, только въ твоихъ рукахъ оно не выгоритъ. Затѣялъ ты тогда, и потомъ былъ у васъ разговоръ,—съ разу не скажу когда, а что-то вскорѣ послѣ Ильина дня,—съ посломъ тестя твоего Гедимина, что такъ какъ Рюриково племя въ Полоцкомъ княжествѣ и Минскомъ пропадетъ, а литовскіе князья надъ нами верхъ берутъ,—это надъ нами, надъ Рюриковичами — а такъ какъ отъ Рюриковичей Русской землѣ бѣда, и за народъ христіанскій стоять надо, то пусть бы Гедиминъ сдѣлалъ тебя великимъ княземъ Всея Руси, отъ сыновей бы отъ своихъ отрекся, а ты бы съ его войскомъ всю Русь завоевалъ; татаръ бы перебилъ, а по смерти ея и Гедиминовой на линію Руси вольнымъ царемъ-бы сталъ.

Дмитрій стоялъ пораженный изумленіемъ.

— Откуда ты это знаешь? повторялъ онъ машинально, подавленный и уничтоженный страшнымъ врагомъ его рода.

— Нѣтъ постой, все это еще ничего,—продолжалъ Юрій. Знаю я, какъ ты ѣхалъ сюда въ Орду, какъ около Казани старикъ волхвъ тебя посѣтилъ и какіе вы заговоры дѣлали на жизнь хана Узбека.

Дмитрій опустился на скамеечку, блѣдный, какъ полотно.

— Сатана ты, или человѣкъ? сказалъ онъ наконецъ.

— Само собою разумѣется — человѣкъ, такой же христіанинъ, какъ и ты,—отвѣчалъ Юрій,—да только бояре у меня толковѣе твоихъ, а ихъ отроки ихъ сторону держатъ, потому что московскіе бояре за московскую землю стоятъ и своей земли не чуждаются, а тверскіе бояре — вертопрахи; отъ народа уваженія не имѣютъ. Соглядатаевъ мнѣ нанимать нечего; черезъ твоихъ сѣнныхъ дѣвушекъ, княже, знаю я о чемъ у тебя разговоры съ Княгиней твоей идутъ. Ну такъ ты

поймишъ теперь, что ты, по рукамъ — по ногамъ, въ моей волѣ, поэтому я тебѣ и говорю: не корись мнѣ, а давай, — не для меня, а для святой Руси, для христіанства, добро сдѣлаемъ,—помиримся, къ царю пойдемъ; отступись ты на вѣки вѣчные отъ великаго княжества всея Руси, а мы тебѣ и роду твоему, Тверское и Владимірское, на вѣки - вѣчные отдадимъ. Вотъ тутъ крестъ лежитъ, давай сдѣлаемъ мы крестное цѣлованіе.

Какъ смерть блѣдный поднялся Дмитрій.

— Нѣтъ, постой: сказалъ онъ, задыхаясь,—нѣтъ, постой, это, значитъ я къ тебѣ въ холопья попалъ? это значитъ нехотя я и крестное цѣлованье тебѣ дамъ, всегда буду у тебя въ страхѣ ходить? стало быть я пропалъ? Такъ ужъ нѣтъ же, Великій княже Всея Руси, Юрій Даниловичъ, ужъ пусть же, кромѣ моихъ ушей, этого никто не услышетъ!

— Ты не горячись: сказалъ ласково Юрій — ты подумай сначала!

— Чего тутъ думать: крикнулъ Дмитрій,—и Юрій покатился навзничь съ головой, разсѣченной чуть не по самыя плечи, тяжелымъ топоромъ великаго князя тверскаго. Дмитрій ударилъ его въ темя, топоръ, какъ бритва, раскроилъ черепъ и вывалился у него изъ рукъ.

Онъ стоялъ и не понималъ самъ, что сдѣлалъ, — онъ убилъ своего великаго князя. Онъ пожертвовалъ Русскимъ дѣломъ своимъ личнымъ счетамъ. Онъ нарушилъ завѣтъ отца и мольбы матери не мстить ворогу... «Будьте вы прокляты, будьте вы прокляты» послышалось ему—и точно зловѣщая тѣнь бабки пронеслась мимо его бѣлымъ облакомъ. Обезображенное лицо Юрія было залито кровью; онъ не крикнулъ, падая; онъ лежалъ раскинувъ руки—онъ, такъ довѣрчиво пришедшій на свиданье. Какъ сумашедшій выскочилъ Дмитрій изъ ставки, и бросился къ московскимъ боярамъ.

— Вы свидѣтели,—сказалъ онъ,—никто изъ тверскихъ не виноватъ, я одинъ виноватъ—я убилъ Юрія, я за отца отомстилъ.

Всѣ бояре стояли въ недоумѣніи, неподвижно, всѣ были блѣдны; никто не ожидалъ такой развязки; потому что изъ ставки не было слышно ни шума, ни громкихъ голосовъ.

— Ахъ, батюшки свѣты! возопилъ Макунъ,—изгубилъ-таки нашъ Дмитрій Михайловичъ своего недруга.

И онъ бросился было цѣловать руки Дмитрія.

— Отстань, сказалъ тотъ,—отстань, христа, ради. Уберите, бояре, какъ нибудь тѣло и пусть тамъ кто нибудь царю доложитъ что я сдѣлалъ.

И онъ пошелъ въ свою ставку, а московскіе и тверскіе бояре, забывъ все прочее кинулись посмотрѣть на трупъ и хлопотать, что съ нимъ дѣлать и куда дѣвать. Прежде всѣхъ подбѣжалъ къ тѣлу князь Александръ Новосильскій:

— Конецъ и слава Богу, сказалъ онъ перекрестясь. Прощай, Юрій Даниловичъ, молись за насъ, какъ мы за спасеніе твоей грѣшной души молиться станемъ. Завтра—бояре: обратился онъ къ смущенной толпѣ,— значитъ двѣ панихиды будемъ служить, за двухъ убіенныхъ, за праведнаго и за нечестивца.

— Княже, прервалъ его Кочева, не при покойникѣ бы.

— И то не при покойникѣ, спохватился Александръ и перекрестился—Дай Богъ ему царство небесное, грѣковъ отпущеніе,—а Руси отъ татаръ освобожденіе.

— Да, теперь, вотъ теперь-то, Дмитрій Михайловичъ, дастъ имъ себя знать! затараторилъ Морозъ, широко размахивая руками, — теперь нѣтъ ордынскаго наушника на христіанскихъ князей....

— Наушника нѣтъ: сказалъ угрюмо Колесница, прикладываясь къ покойнику, — а языки длиннѣе еще стали.

— Ну, ну, душа новгородская, смѣялся Морозъ...

— Да какъ это вышло?—Съ чего? — Кто началъ-то? — спрашивали всѣ другъ друга.

— Что-жъ—извѣстное дѣло,—затараторилъ Макунъ, Царь велѣлъ Юрію идти къ нашему великому князю съ повинной, головой,—значитъ его намъ выдалъ.

— Развѣ поднялъ бы на него руку Дмитрій Михайловичъ—еслибъ мы тверичи не въ такой чести у Царя были—разводилъ руками Морозъ.

— Еще бы подхватили тверичи, — мы теперь въ Ордѣ первые люди.

— А отчего первые: сказалъ Александръ.

— Оттого, что боятся здѣсь Дмитрія Михайловича.

Москвичи съ новгородцами ничего не говорили. Они молча положили тѣло на доску, молча понесли его къ велико-княжеской ставкѣ, духовенство позвали. Они съ жалобою къ хану не пробирались, даже не спрашивали, что въ Ордѣ говорятъ объ этомъ убійствѣ.

Одинъ Кочева еще нѣсколько суетился и толковалъ по очереди съ каждымъ изъ почтеннѣйшихъ бояръ, да Колесница ушелъ въ Новгородскій рядъ и засѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ своей лавкѣ, гдѣ около него немедленно собралась толпа народа, разспрашивать о подробностяхъ страшнаго дѣла.

— Знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю, говорилъ Колесница — тверичи теперь въ такой силѣ въ Ордѣ, что мы новгородскіе купцы, возмемъ да и уѣдемъ отсюда ко двору, отъ грѣха дальше. Царь перепуганъ, Русь теперь вся встаетъ на него подъ Дмитріемъ Михайловичемъ — будетъ новое разоренье татарское—нѣтъ, мы отъ грѣха дальше.

— Да ты отъ кого знаешь это? кричала толпа.

— Подите вы прочъ, люди честные: говорилъ Өедоръ, не губите вы моей головы сиротской...

— Нѣтъ, да ты скажи, отъ кого ты узналъ это?

— Вонъ тверичи идутъ—спросите ихъ. Они вамъ все раскажутъ.

Всѣ обратились къ тверичамъ—только Суета стоялъ передъ Колесницей растопыря ноги и усиленно таращa глаза. Дмитрій Михайловичъ нарочно взялъ его въ Орду, въ досаду Юрію.

— Безпутица! сказалъ онъ.

— А намъ-то съ тобой что? спросилъ его Колесница. Проваливай!

— Куда проваливать-то? некуда, говорилъ Суета смотря въ сторону.

— Тфу ты, волчья сыть, ругался Колесница — ну стой что ли и таращь глаза, благо дураку охота пришла.

X.

Ордынскіе замыслы.

Маринка сидѣла за вышиваньемъ. Ей было весело. То же свѣтлое чувство, какое вчера наполняло ея душу и которое давало ей такой покой и такое счастье, воодушевляло ее и теперь. Затѣмъ она встала, вышла изъ вежи и посмотрѣла на тѣ лиловыя облака, кото-

рыя такъ тяжело висѣли надъ землей въ Введеніе 1324 года.

Въ воздухѣ было тихо; изрѣдка какъ будто падали капли теплаго дождя; ни одна былинка не двигалась; всѣмъ было тяжело кромѣ Маринки, Прасковьи и Русалки. Одѣлись Прасковья съ Русалкою, вышли и направились къ золотой вежѣ ханши Баялынь. Баялынь встала поздно и была въ этотъ день какъ-то молчалива; она и такъ была хворая, а теперь ей особенно нездоровилось, вслѣдствіе тяжелой погоды. Въ ставкѣ ея сидѣло нѣсколько татарокъ, калякавшихъ про всякія ордынскія сплетни. Баялынь слушала ихъ, зѣвая, и даже не ѣла русскихъ пряниковъ; тогда какъ истребленіе русскихъ пряниковъ составляло ея любимое препровожденіе времени;—она, какъ всѣ женщины того времени, была невѣроятная охотница до ѣствы сахарной, до питей медовыхъ. Трескотня двора ея надоѣла ей; она махнула рукой, повернулась на подушкѣ, закинула руку подъ голову, и легла, уставивъ глаза на входъ въ свою вежу, увѣшанную внутри персидскими и царьградскими коврами. Вдругъ, входъ въ ставку освѣтился яркой молніей, Баялынь въ ужасѣ вскочила и начала звать на помощь — татары очень боялись грозы — на помощь ни кто не явился, но между тѣмъ, въ ту самую минуту,когда послышались глухіе раскаты грома, крестясь, вскочили къ ней въ вежу Прасковья съ двумя названными дочерьми. Ханша бросилась къ нимъ, охватила ихъ; Маринка мигомъ опустила пологъ, дала ей напиться, усадила ее, укрыла ее подушками; ханша билась, кричала, но другаго удара не было, а только слышалось мѣрное паденіе крупныхъ дождевыхъ капель и вой откуда-то сорвавшагося вѣтра.

— Останьтесь здѣсь со мною, говорила Баялынь— не уходите отъ меня, и не впускайте ко мнѣ никого. Ахъ, какъ я перепугалась!

Прасковья прогнала набѣжавшихъ на помощь къ Баялынь татарокъ, которыя воспользовались этимъ случаемъ, чтобы забиться въ свои вежи, потому что грозы онѣ также трусили, а еще потому что по степи бушевалъ страшный ураганъ и около самаго стана носились смерчи. Кто не видалъ смерчей, тотъ представить себѣ не можетъ страннаго впечатлѣнія, которое производятъ эти конусы пыли, поднимающіеся съ земли, кончающіеся острыми завитыми концами точно штопоры, а къ этимъ штопорамъ спускаются тяжело нависшія облака, такими же конусами, — и все это кружится, несется, ломаетъ все встрѣчное, а небо черно и земля освѣщается какимъ-то красновато-синимъ свѣтомъ. Смерчъ шелъ крутя, разрываясь и опять сливаясь, то припадая сплошмя къ землѣ, то смѣшивая пыль съ облаками и, двигался прямо на Орду. Подойдя къ Ордѣ, онъ пошатнулся, повернулъ направо, очищая степь отъ множества остововъ людей и скота, всякихъ костей и всякаго сору. Сорвало съ мѣста нѣсколько досчатыхъ жидовскихъ балагановъ, взнесло доски ихъ куда-то очень высоко и тамъ избило ихъ въ щепы, а изъ поднятой къ небу собаки воротило на землю безобразный блинъ мяса, шкуры и шерсти. Затѣмъ смерчи прошли куда-то дальше. Въ воздухѣ стало легче. Дождь загудѣлъ и забарабанилъ, нѣсколько капель его прошибло потолокъ вежи, а ханша сидѣла дрожа всѣмъ тѣломъ и смутно сознавая, что страшная буря пронеслась мимо Орды, что она была всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ гибели. Маринка первая увидѣла какъ понесся смерчъ, но ничего не сказала; смерчъ этотъ напомнилъ ей Юрія, который также идетъ, казалось ей, гордо, смѣло, ломая и уничтожая все по дорогѣ. Ей стало опять страшно и она, поглощенная мыслію о смерчѣ—Юріѣ, сидѣла молча и улыбалась.

— Мы къ тебѣ, ханша, съ просьбою, замѣтила наконецъ Прасковья—за Маринку женихъ сватается.

Ханша улыбнулась и взяла пряникъ, чтобы дать какое-нибудь занятіе рукамъ и зубамъ покуда дождется полнаго сообщенія.

— Юрій Даниловичъ, Великій Князь Всея Руси! сказала Прасковья самодовольно, и погладила Маринку по головѣ.

Ханша притянула Маринку къ себѣ и крѣпко поцѣловала.

— Ну, сказала она, —не люблю я Юрія, а теперь горой за него буду стоять во всякомъ дѣлѣ.

— Когда же онъ посватался?

— Да вчера.

— Ну, а свадьба когда будетъ?

— А это отъ тебя, государыня, зависитъ, говорила Прасковья — пожалѣй ты мои сироту, Маринку, возвеличь ты ее въ царевны, чтобы ему, Великому Князю, она ровня пришлась.

— Хорошо, сказала Баялынь—это я завтра же сдѣлаю, или даже сегодня, вотъ какъ перейдетъ дождь, сейчасъ пошлю къ Узбеку, и не то, что попрошу, а просто велю ему сдѣлать ханшей мою бѣлокурую серну.

Маринка молчала и плакала съ радости.

— Да ужъ за одно, сказала ханша—ужъ если мнѣ хлопоты на себя брать, такъ я сдѣлаю и другое дѣло. Я и Русалку въ царевны возведу. Можетъ найдется еще какой нибудь царевичъ, который на ней женится, такъ и будутъ мои козочки, одна будетъ Великая Княгиня Всея Руси, а другая будетъ великою ханшею гдѣ нибудь въ Самаркандѣ или въ Крыму или, на худой конецъ, въ Казани.

— Государыня, благодѣтельница ты наша, говорила Прасковья, — ужъ я просто ума не приложу, за что это меня съ твоей легкой руки Богъ милуетъ? Только одно горе есть у меня большое: увезетъ отъ меня мою Маринку Юрій Даниловичъ; увезутъ отъ меня Русалку — куда я-то пропащая баба, дѣнусь?

— Эхъ, старуха, говорила Баялынь—это уже наша старушечья участь такая, будемъ здѣсь, въ Ордѣ, сидѣть; за ними, за молодыми, не угнаться намъ.

— Безъ нихъ-то съ тоски умру! плакала Прасковья.

— Зачѣмъ умирать съ тоски? говорила Баялынь— ѣздить будешь къ нимъ.

Прасковья поцѣловала ей руку, довольная и этимъ разрѣшеніемъ, какъ вдругъ пологъ вежи отпахнулся и вошла жена мурзы Чета, поклонилась ханшѣ, сѣла и сказала отрывисто:

— Сейчасъ Дмитрій убилъ Юрія!

Всѣ сидѣли неподвижно, не понимая ни словъ, ни возможности такого происшествія; всѣ были ошеломлены, но не испуганы, не смущены; всѣмъ казалось, что это непріятная шутка, только слово такъ сказанное—вздоръ.

— Мимо насъ, продолжала Авдотья—(жена Мурзы-Чета была русская, и она самого его тянула въ христіанство и на Русь) сейчасъ пронесли его тѣло. Онъ прошелъ къ тверскимъ, заперся въ ставкѣ съ Дмитріемъ, долго о чемъ-то говорили; бояръ къ себѣ не

Люблинскій сеймъ 1569 года.

Съ картины Іоанна Матейко.

пускали — Дмитрій вышелъ одинъ и сказалъ, что онъ убилъ Юрія.

— Онъ его топоромъ по головѣ ударилъ, поспѣшила прибавить третья татарка, ворвавшаяся къ ханшѣ съ свѣжей новостью.

— Такъ сильно ударилъ, что до самаго носа голову ему раскроилъ; Юрій даже и не крикнулъ, продолжала третья изъ приближенныхъ, съ досадою поглядывая на всѣхъ сидѣвшихъ у ханши, что успѣли прежде ея сообщить новость.

— Московскаго князя Тверской убилъ? Вздоръ, сказала Баялынь, очнувшись какъ-бы отъ столбняка, — вздоръ.

— Разумѣется вздоръ, сказала поблѣднѣвшая какъ полотно Маринка и расхохоталась.

— Разумѣется вздоръ, подтвердила ханша, а Маринка все хохотала, безсмысленно откидывая что-то руками и твердила только два слова: «смерчъ—вздоръ» — «вздоръ—смерчъ».

Цѣлые полгода кромѣ этихъ словъ ничего нельзя было добиться отъ сумасшедшей. Она вышивала какъ слѣдуетъ, не путая; но говорила только: «вздоръ» да «смерчъ». Аппетитъ у нея былъ страшный, но въ одно утро ее нашли въ сильномъ жару, и въ жару она начала произносить и другія слова: «пить хочу, — жарко, — Юрій зналъ замыслы Тверскихъ, — Юрій не позволялъ Тверскимъ губить Орду, — Юрій зналъ про новгородскихъ волхвовъ, — ливонскимъ нѣмцамъ теперь весело будетъ» — и слова эти тотчасъ же доносились до раздраженной противъ Тверскихъ и больной съ испугу Баялынь, а чрезъ нея до самаго Узбека, который все хмурился.

Когда Узбеку доложили объ убійствѣ Великаго Князя Всея Руси великимъ княземъ тверскимъ, онъ только плюнулъ съ досады, — такъ ему надоѣла эта борьба москвичей съ тверичами.

— Пусть ихъ рѣжутся, сказалъ онъ, — Юрій отца убилъ, Димитрій отомстилъ за отца. Хоть бы всѣ они перерѣзались, право стало бы легче.

— Такъ никакихъ распоряженій на счетъ Димитрія? спросилъ его докладчикъ.

— Никакихъ, рѣшительно никакихъ, и чтобы даже слова объ русскомъ князѣ ни отъ кого не слышалъ. Пусть ихъ рѣжутся, пускай дѣлаютъ, что хотятъ; мнѣ ужъ не въ моготу. Кромѣ сплетень ничего до меня не доходитъ. Они другъ на друга взводятъ такія обвиненія, что всѣхъ ихъ въ мѣшокъ, да въ воду слѣдовало-бы. Наконецъ, эти убійства — ихъ личный родовой счетъ — а законъ мусульманскій не отнимаетъ права платить кровью за кровь. Ничего, рѣшительно ничего, даже и не знаю я ничего — и Узбекъ дѣйствительно не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

— Тверичи и рязанцы поняли изъ этого будто Узбекъ доволенъ убійствомъ Юрія и мигомъ прокричали по всей Ордѣ, что Димитрій въ большой чести у царя, и что москвичи съ новгородцами въ конецъ пропали: Тверичи и рязанцы были народъ изумительно говорливый, хотя рязанцы все-таки были посдержаннѣе тверичей. Москвичи и новгородцы были какъ Москва и Волховъ одиноки и сосредоточены; тверичи и рязанцы, точно Волга или Ока, уносились въ безконечность — давно говорятъ, что народные нравы много зависятъ отъ географическихъ условій. Верховье Волги принадлежало Ржеву — княжеству враждебному Твери; далѣе по Волгѣ стоялъ Угличъ, не подчинявшійся Твери; притоки Волги, Тверца и Молога, были наполовину въ новгородскихъ рукахъ. Тверь поэтому была перепутьемъ, веселой гостинницей, мѣстомъ всякихъ сплетень и пересудовъ и какъ ни бились ея бояре, ни какъ не могли они при такомъ невыгодномъ положеніи своего княжества сдѣлать изъ него что-нибудь опредѣленное, а кольми паче центръ Россіи.

В. Кельсіевъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ висбаденскихъ воспоминаній.

Была, должно быть, середина іюня. Въ числѣ пріѣзжающихъ значилось имя барона Б. изъ В. Господинъ, которому принадлежало это звучное имя, остановился въ первой гостинницѣ; онъ былъ блѣденъ, имѣлъ интересную наружность, маленькія бѣлыя руки, рѣдко являвшіяся безъ лайковыхъ гласированныхъ перчатокъ, — былъ настоящимъ львомъ по части туалета. Обѣдалъ онъ поздно, передъ его приборомъ всегда красовалась бутылка рейнвейна по вечерамъ онъ сидѣлъ въ живописно небрежной позѣ на балконѣ театра и лорнировалъ все и всѣхъ, кромѣ сцены и актеровъ. Въ ресторанѣ онъ расплачивался не глядя и великодушно оставлялъ слугѣ мѣлочь, которую тотъ приносилъ ему сдачи. Послѣ обѣда, у игорнаго стола, онъ понтировалъ въ банкъ только наполеонами. Словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ любятъ, и которыми интересуются на водахъ.

Утреннія прогулки у источника, правильность, съ которою онъ посѣщалъ концерты и собранія, не пропуская ни одного, а главное — его извѣстное старинное имя и красивое новое золото, которое онъ такъ ловко умѣлъ тратить, въ скоромъ времени доставили ему входъ и знакомства во всѣхъ кружкахъ. Не одна пара прекрасныхъ глазъ привѣтливо поднималась на него, когда онъ входилъ, онъ же, повидимому, весьма мало заботился о благоволеніи молодой части дамскаго общества и скорѣе посвящалъ свое вниманіе болѣе зрѣлымъ цвѣткамъ и — какъ замѣчали — преимущественно тѣмъ, которые цвѣли въ золотыхъ вазахъ. Онъ, въ отношеніи дамъ, былъ антикваръ и кумизматикъ — что же, на свѣтѣ всякіе бываютъ вкусы.

Въ числѣ тепличныхъ растеній, особенно отличенныхъ имъ, первое мѣсто занимала супруга одного первостатейнаго банкира, возведеннаго въ дворянское достоинство. Мать нѣсколькихъ дочерей, которыхъ она поочереди возила каждый годъ на какія нибудь воды, сама еще отнюдь не отказавшаяся отъ свѣта, особенно отъ ухаживаній, готовая пользоваться всѣми удовольствіями сезона, пока супругъ дома занимался своими дисконтами — она принимала вниманія г. барона Б. съ большимъ удовольствіемъ, и очевидно ставила себя на первый планъ, а старшую дочь свою — на второй. Мать звали Леа, дочь Люси. Первая фамильярно сошлась съ барономъ, какъ эмансипированная женщина, послѣдняя о немъ мечтала и, можетъ быть, вдвойнѣ мечтала потому что его звали Рудольфомъ — именемъ напоми-

нающимъ ей Парижскія Тайны, сочиненіе бывшее въ то время въ большей модѣ.

При такихъ-то условіяхъ прошло на водахъ четыре недѣли. Рудольфъ между нѣкоторыми женщинами сдѣлался яблокомъ раздора; Леа и Люси торжествовали, потому что когда онъ не обѣдалъ и не игралъ, его всегда видѣли съ ними. Въ немъ не замѣтно было ни малѣйшаго измѣненія — развѣ надо было бы дѣлать кое какія сближенія. Онъ часто освѣдомлялся объ извѣстныхъ окрестныхъ финансистахъ; въ почтамтѣ нѣсколько разъ справлялся о письмахъ, которыя все не приходили; неоднократно ѣздилъ въ Франкфуртъ, гдѣ, между прочимъ сдѣлалъ визитъ мужу Леи и долго у него просидѣлъ; наконецъ увѣряли, будто его видѣли играющимъ на однѣхъ сосѣднихъ водахъ — можетъ быть для того, чтобы тамъ попытать легковѣрную фортуну, которая упорно не благопріятствовала ему здѣсь. Счетъ отъ гостинницы за послѣднюю недѣлю баронъ забылъ заплатить; прачка въ интимныхъ бесѣдахъ выболтала, что бѣлье г. барона не гармонируетъ съ остальными статьями его туалета; въ игорной залѣ замѣтили, что онъ понтируетъ, хотя все еще золотомъ, однако уже не наполеонами а дукатами, да и то такими иногда легкими и тонкими, которые заставляютъ нерѣдко принимать при извѣстнаго рода выдачахъ или займахъ — словомъ все такія вѣщи, которыя, собранныя вмѣстѣ, могли бы насторожить школьнаго доку, оберкельнера, если бы совершенное спокойствіе, господствовавшее въ кругахъ, въ которыхъ вращался баронъ, и неизмѣнявшееся обращеніе съ нимъ не заставляли молчать всякое подозрѣніе.

Протекло еще двѣ недѣли. Посѣщеніямъ Рудольфа Леи и Люси стали придавать опредѣленный смыслъ, отъ котораго онѣ уже не рѣшались положительно отпираться. Въ игорныхъ залахъ его видѣли рѣдко, и всегда разсѣяннымъ; игралъ онъ уже только на серебро — ясно было, что его занимало что нибудь посерьознѣе. Не ошибались. Въ одно прекрасное утро, когда Люси ушла къ какимъ то пріятельницамъ, баронъ велѣлъ доложить о себѣ Леѣ и былъ, само собою разумѣется, принятъ, потому что на водахъ не подчиняться же всѣмъ нелѣпымъ условіямъ городскаго этикета. Свиданіе было продолжительно. Рудольфъ наконецъ удалился съ весьма довольнымъ лицемъ. Вскорѣ затѣмъ маменька приняла дочку сильно взволнованная и растроганная; когда обѣ поуспокоились, онѣ заперлись и каждая съ своей стороны написала длинное посланіе папенькѣ.

Мы живемъ въ вѣкѣ, до того дошедшимъ по части быстроты и удобства сообщеній, что, вмѣсто франкированныхъ отвѣтовъ на наши письма, намъ нерѣдко доставляютъ на домъ франкированныхъ людей прямо съ желѣзной дороги. Такъ случилось и теперь: на слѣдующій день явился папенька банкиръ собственной персоной; послѣдовалъ конфиденціальный семейный совѣтъ къ которому, былъ привлеченъ и баронъ а Леа постановила рѣшеніе. Ея горничная разсказывала, что предъявлялись и просматривались какія-то бумаги и что засѣданіе кончилось трогательнымъ финаломъ — семейной группой съ объятіями. Папенькѣ надо было вернуться въ контору, потому что подходило послѣднее число, и баронъ уѣхалъ съ нимъ, но прежде было объявлено о помолвкѣ его съ Люси, за которою, черезъ три недѣли, должна была послѣдовать и свадьба.

Когда Рудольфъ, спустя два дня, воротился отъ нареченнаго тестя, онъ пріѣхалъ не по желѣзной дорогѣ, а съ мальпостомъ. Швейцару, помогавшему ему вылѣзть изъ кареты, онъ поручилъ принести на верхъ свою шкатулку, которая оказалась такой тяжелой, что тѣнь подозрѣнія, отуманившая умы властей въ гостинницѣ «Льва» уступила мѣсто обильнымъ солнечнымъ лучамъ вѣжливости и предупредительности, тѣмъ болѣе что о предстоящемъ бракѣ его на дочери богатаго банкира было извѣстно уже во всѣхъ кружкахъ.

Начались свадебныя закупки. Баронъ рѣшился послать невѣстѣ великолѣпную свадебную корзину, и хотѣлъ непремѣнно угодить на ея вкусъ: неудивительно что онъ сначала посылалъ своей тещѣ на осмотръ и выборъ все, что таскали къ нему отъ ювелировъ. Продавцы были счастливы,—если и немного товара выбирали,—потому что брали только самыя крупныя и цѣнныя вещи. Объ уплатѣ на первыхъ порахъ никто не думалъ: положеніе людей, съ которыми имѣли дѣло, ручалось за выгодный торгъ. Въ виду такой блестящей партіи и такихъ блестящихъ приготовленій въ большинствѣ кружковъ естественно толковали о предстоящемъ бракѣ барона Б. не смотря на разгаръ сезона и постоянные пріѣзды и отъѣзды, и общее вниманіе все болѣе на него обращалось.

Вдругъ, въ одно прекрасное утро, баронъ на людномъ гуляньѣ встрѣтился съ однимъ французомъ въ кругу молодыхъ франтовъ. Они были знакомы, ихъ даже не рѣдко видѣли вмѣстѣ, но на этотъ разъ въ нихъ замѣтно было какое-то сдержанное раздраженіе, которое высказывалось въ колкихъ рѣчахъ. Нашъ левъ долгое время оставался совершенно спокоенъ и по видимому не обращалъ вниманія на нападки; молодежь усмѣхалась и находила въ порядкѣ вещей, что счастливый женихъ старается уклониться отъ непріятностей, но французъ сдѣлался грубъ, и рѣчей его уже нельзя было игнорировать. Баронъ схватилъ его за руку и они отошли на нѣсколько шаговъ въ сторону, тамъ онъ шепнулъ ему что̀-то на ухо, и получилъ въ отвѣтъ: «Вы меня тамъ найдете!». Разошлись—молодые люди знали, что̀ далѣе будетъ и вечеромъ, въ *réunion dansante* говорили о случившемся какъ о пріятномъ эпизодѣ, о продолженіи котораго надѣялись скоро узнать.

Но до вечера было много времени и баронъ съумѣлъ употребить его съ пользою. Локомотивъ мигомъ принесъ его въ Франкфуртъ; мимоѣздомъ онъ навѣдался къ отцу своей невѣсты и поспѣшилъ въ одну изъ богатѣйшихъ конторъ, гдѣ онъ предъявилъ кредитный циркуляръ отъ знаменитаго дома Каутсъ и К° на 100,000 франковъ и потребовалъ половины этой суммы. Бумагу осмотрѣли и нашли удовлетворительной; привлекательныя манеры владѣльца, прожившаго довольно долго въ Лондонѣ и знавшаго лично главъ англійской фирмы, какъ оказалось изъ его разговора, точное согласованіе паспорта съ другими предъявленными имъ бумагами — все устраняло возможность сомнѣнія. Къ этому прибавилось еще и то благопріятное обстоятельство, что на документѣ уже красовалась одна хорошо извѣстная подпись: однимъ знакомымъ амстердамскимъ банкирскимъ домомъ было уже выдано барону по этому самому кредитному письму 10,000 фр., но сумма эта, по его просьбѣ, — вслѣдствіи неожиданно подошедшей большой наличной получки,—была взята назадъ, съ помѣткой на документѣ: «Платежъ уничтоженъ по желанію подателя». Не задумались выдать требуемые деньги и часъ спустя герой нашъ катилъ назадъ съ вечернимъ поѣздомъ, съ пятью тысячами золотыхъ. Тотчасъ по

пріѣздѣ, онъ отправился къ невѣстѣ, которая, также какъ и мать ея, ожидала его одѣтая на балъ. Люси была счастлива, что явится въ обществѣ подъ руку съ своимъ женихомъ; она не обратила вниманія на то, что онъ увелъ мать ея въ другую комнату и тамъ долго о чемъ-то съ нею разговаривалъ—она подумала, что ей, можетъ быть, готовятъ сюрпризъ. Баронъ, между тѣмъ, счелъ за лучшее, сказать своей будущей тещѣ объ утренней ссорѣ съ французомъ. Онъ увѣрилъ ее, что ея имя было непочтительно произнесено нахаломъ и что дѣло не можетъ быть улажено иначе какъ оружіемъ, присовокупляя, что строгость мѣстныхъ законовъ ставитъ противниковъ въ необходимость уѣхать на границу сосѣдняго маленькаго княжества, куда они завтра и отправляются. Maman—Леа, польщенная тѣмъ, что ради нея затѣвается ратное дѣло, и весьма уважавшая предписанія рыцарскаго кодекса, какъ и подобаетъ супругѣ новоиспеченаго барона, побѣдила свою тревогу, тѣмъ-болѣе когда Рудольфъ завѣрилъ ее, что дѣло кончится многомного царапиной, и не лишитъ его удовольствія провести вечеръ въ кругу общихъ знакомыхъ съ нею и Люси. Такъ и было сдѣлано. Люси не узнала о томъ, что на завтра предстоитъ. Послѣ весьма интимной бѣседы на балу, женихъ и невѣста разстались далеко за полночь, и едва успѣло общество разойтись по домамъ, какъ разразилась ужаснѣйшая гроза. Но не смотря на вѣтеръ, дождь и молнію, запоздалые прохожіе еще долго видѣли барона въ окна его квартиры. На слѣдующее утро онъ ранехонько уѣхалъ въ чужомъ экипажѣ.

Теперь, когда Рудольфъ покинулъ городъ—мы уже не можемъ скрыть отъ нашихъ читателей печальной истины, что въ лицѣ его мы познакомили ихъ съ однимъ изъ отмѣннѣйшихъ мошенниковъ новѣйшихъ и древнихъ временъ. Наступилъ часъ разочарованія ювелировъ, и другихъ поставщиковъ, содержателя гостинницы почтенной его присутствіемъ, сосѣднихъ банкирскихъ домовъ и двухъ несчастныхъ, безхитростныхъ женщинъ, вопіющимъ образомъ скомпрометированныхъ имъ.

Первые дни его отсутствія маскировалъ слухъ о его мнимой ссорѣ, тѣмъ болѣе что и французъ исчезъ; къ тому же положеніе родителей казалось торговцамъ достаточнымъ ручательствомъ. Но на четвертый день, полицейскій директоръ явился къ Madame Lea и въ секретномъ свиданіи показалъ ей только что полученный приказъ объ арестованіи одного, бѣжавшаго изъ Гамбурга, банкирскаго прикащика, подлежащаго подозрѣнію въ мошенничествѣ, примѣты котораго удивительно подходили къ барону Рудольфу Б. Это было громовымъ ударомъ. Впрочемъ еще можно было предположить случайное стеченіе обстоятельствъ и начальникъ полиціи обѣщалъ пока еще безъ огласки обслѣдовать дѣло. Недолго, однако, возможно было сомнѣніе: нѣсколько дней спустя, пришла жалоба франкфуртскаго банкирскаго дома, у котораго мнимый баронъ вытянулъ 50,000 франковъ по англійскому кредитному письму, поддѣланному такъ искусно, что подлогъ всѣхъ обманулъ. По такой же точно подложной бумагѣ, этотъ задорный французъ, называвшій себя г. де-Пендрэ, взялъ значительную сумму у мѣстнаго банкира: ясно было, что оба дѣйствовали за одно. При обыскѣ, произведенномъ въ комнатахъ барона, оказалось, что чемоданы его набиты кирпичами, комоды — всякимъ хламомъ. Темная дождливая ночь очевидно благопріятствовала транспорту вещей въ окно, а постройка на заднемъ дворѣ доставила матеріалъ для наполненія чемодановъ.

Взволновались жители, какъ постоянные, такъ и пріѣзжіе. По самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ того, что Леа и ея супругъ выдали обманщику, и чѣмъ они, конечно теперь уже не хвастались, онъ ихъ ограбилъ покрайней мѣрѣ на четверть милліона франковъ. Когда молва, уже и скрываемая матерью, дошла до Люси, она заболѣла, но не смотря на болѣзнь ея надо было поспѣшить отъѣздомъ, чтобы спастись отъ насмѣшекъ и злобныхъ демонстрацій.

Деликатный начальникъ полиціи, въ свой послѣдній визитъ печальнымъ дамамъ, выразился при прощаніи, въ слѣдующихъ словахъ: «Вотъ это-то и грустно въ нашемъ положеніи, что мы чуемъ мошенника, покрытаго аристократическимъ лоскомъ въ самомъ лучшемъ, незапятнанномъ обществѣ — и тронуть не смѣемъ его, пока не представится уважительнаго подозрѣнія—а тогда, большей частью, поздно.

Прошелъ годъ. Мнимаго г. де-Пендрэ поймали въ Парижѣ на новомъ мошенничествѣ, онъ былъ узнанъ за бѣглаго каторжника и приговоренъ, но не выдалъ передъ судомъ ни одного изъ своихъ сообщниковъ. Мнимый баронъ Рудольфъ Б. съ тѣхъ поръ нигдѣ не показывался и, какъ видно, благополучно переправилъ плоды своихъ трудовъ за океанъ, въ Новый Свѣтъ. Люси, по выздоровленіи, вышла за старшаго бухгалтера своего отца, который поселился въ далекомъ городѣ сѣверной Германіи. Говорятъ, что она исцѣлилась отъ всякаго романтизма и что уста ея никогда не произносятъ нѣкогда столь привычныхъ ей нѣжныхъ словъ.

Дешевые дома.

(*Окончаніе*).

На лондонской рабочей выставкѣ этого года, мы познакомимся съ такими домами въ различнѣйшихъ степеняхъ величины и совершенства. Въ огромной массѣ великолѣпія и всякой ненужной роскоши, наполнявшей всемірную парижскую выставку, они обратили вниманіе лишь немногихъ, понимающихъ дѣло, въ особенности практическаго англійскаго присяжнаго Эдвина Чэдвикка, который такъ энергически рекомендовалъ ихъ англійскимъ членамъ коммиссіи земледѣльческаго строительнаго искусства, что они взялись за умъ—и тотчасъ послѣ выставки принялись строить ихъ въ большихъ размѣрахъ. Дома эти изобрѣтены г. Николлемъ, живущимъ въ Лондонѣ *Regent-Circus*, 12. Изготовленіе ихъ слѣдующее.

Въ нихъ совершенно не входитъ ни кирпичъ ни камень, а составляются они изъ плитъ особаго рода цемента, которыя свинчиваются какъ панцырныя плиты на военныхъ судахъ. Плиты эти обыкновенно четвероугольныя и имѣютъ 9 фут. длины, 3 ширины и 3 дюйма толщины. Обращенная внутрь сторона состоитъ изъ трехъ слоевъ соломы, прошитой большей швейной машиной, которые тяжелыми валами пресуются и вы-

глаживаются, потомъ погруженіемъ въ кремнисто-кислую жидкость дѣлаются несгараемыми. Эти три слоя соломы аккуратно обрѣзываются и получаютъ такую форму, чтобъ какъ разъ приходились въ желѣзную раму, которая перекладинами, накрестъ-положенными на разстояніи 8—12 дюймовъ другъ отъ друга, сама поддерживается и даетъ крѣпость соломѣ. Далѣе солома съ обѣихъ сторонъ вымазывается штукатуркой изъ *асфальтоваго кремня,* на $^1/_4$ дюйма толщины,—такъ однако, чтобъ оставались небольшія свободныя мѣста для винтовъ, которыми впослѣдствіи скрѣпляются плиты. Послѣ скрѣпленія, эти мѣста съ винтами также покрываются штукатуркой. Такимъ образомъ ставятъ стѣны и, послѣ постановки, на нихъ съ обѣихъ сторонъ наводится еще смѣсь лучшаго портландскаго цемента съ мелко-исколотымъ камнемъ на полдюйма толщины и придается имъ такая гладкость, что маляръ или обойщикъ удобно могутъ приняться за свое дѣло. Эти стѣны, толщиною въ три дюйма, по меньшей мѣрѣ также крѣпки какъ обыкновенныя стѣны въ пять-шесть разъ толще,—но гораздо выгоднѣе. По милости того обстоятельства, что матеріалъ изъ котораго онѣ сдѣланы—дурной проводникъ теплоты,—онѣ, какъ мы уже замѣтили, лѣтомъ гораздо прохладнѣе, зимой гораздо теплѣе обыкновенныхъ стѣнъ, и кромѣ того застрахованы противъ огня, сырости и всевозможныхъ насѣкомыхъ. Отъ огня домъ обезопасенъ тѣмъ, что онъ почти весь, не исключая и крыши, составленъ изъ вышеописанныхъ плитъ, напитанныхъ жидкостью, сообщающей свойство несгараемости, притомъ ни снаружи ни снутри не представляетъ дерева или другихъ легко загорающихся веществъ. Крыша, почти плоская, можетъ (при недостаткѣ мѣста) быть употребляема для развѣшиванія бѣлья, или даже можно устроить на ней садикъ. Внутреннее устройство, по планамъ генерала Морена, обезпечиваетъ зимою возможную теплоту съ вентиляціей и небольшой тратой топлива, особое помѣщеніе для сушенія платья. Такой домъ, готовый, стоитъ, какъ мы уже сказали, 85 ф. ст.; наемная плата за годъ — 3 ф. 18 шиллинговъ, т. е. 50 коп. сер. въ недѣлю, причемъ строители получаютъ 5% на свой капиталъ. У насъ и въ другихъ большихъ городахъ охотно-бы стали платить вдвое больше за счастіе имѣть такое жилище, и все-таки это было-бы меньше того, что теперь платится за одну комнату подъ крышей или въ подвалѣ. Такіе домики поменьше можно построить даже за 300—400 р. сер., а если положить 1000. подавно 2000 р.,—можно получить настоящія маленькія виллы съ садами и всѣми удобствами для самыхъ утонченныхъ потребностей тѣхъ образованныхъ семействъ, которыя теперь толкутся и задыхаются въ нездоровыхъ, тѣсныхъ, лишенныхъ всякаго комфорта квартирахъ, гдѣ нибудь въ пятомъ этажѣ обширныхъ казарменныхъ зданій.

Въ Англіи нѣсколько компаній уже въ видахъ спекуляціи занимаются построеніемъ цѣлыхъ группъ такихъ домовъ—въ особенности «Центральное Общество усовершенствованія коттэджей» (Central-Cottage-Improvement-Society). Самый маленькій домъ изъ нѣсколькихъ плитъ обходится въ 50 ф. — 300 р. Смотря по числу комнатъ и по прочимъ болѣе или менѣе изысканнымъ удобствамъ цѣна возвышается до 200 ф. — 1200 руб. За эту цѣну уже имѣются дома съ восемью большими топлеными комнатами, кухней, прачешной и пр. У насъ еще не имѣютъ и понятія о подобной благодѣтельной спекуляціи,—и спеціалисты увѣряютъ, что по близости большаго города нечего и думать поставить домъ сколько нибудь сносный, для одного небольшаго семейства, менѣе 5000 р. сер. Надо учиться — вотъ и все. Плиты Николля и употребляемыя уже въ Америкѣ стѣны изъ бумаги—должны-бы покрайней мѣрѣ настолько послужить намъ поощреніемъ, чтобы побудить нашихъ технологовъ поискать у насъ лучшихъ и болѣе дешевыхъ строительныхъ матеріаловъ, въ которыхъ едва-ли будетъ недостатокъ въ землѣ столь богатой непочатыми сокровищами и неизвѣданными средствами, какъ наша Россія. Одно слово «бумажныя стѣны» многихъ насмѣшитъ, однако въ Японіи живутъ же милліоны людей въ цѣлыхъ домахъ изъ бумаги. Понятное дѣло—это не почтовая и не писчая бумага, а густая крѣпкая масса, не боящаяся ни огня ни воды, добываемая изъ бумаги съ прибавленіемъ другихъ веществъ, придающихъ составу твердость. Масса берется въ два слоя, съ промежуткомъ наполненнымъ желѣзной или деревянной рѣшеткой и разными веществами—дурными проводниками тепла,—и соединяетъ всѣ выгоды обыкновенной стѣны со многими другими, которыхъ послѣдняя не представляетъ.

Все это, скажутъ, очень хорошо—но гдѣ взять деньги, мѣсто, матеріалы? Найдутся — была-бы охота! Такія плиты не мудрость сдѣлать и у насъ, а капиталы—на всякое своевременное, хорошее дѣло, приносящее вѣрный, хотя-бы и умѣренный барышъ, непремѣнно являются—это доказанный фактъ.

Люблинскій сеймъ.

Въ Люблинѣ, 11 августа 1569 г. въ государственный архивъ поступилъ документъ, имѣвшій міровое значеніе: актъ соединенія Польши съ Литвою, составленный Сигизмундомъ Августомъ и принятый собраніемъ чиновъ Литвы и Польши. Задолго передъ тѣмъ уже существовалъ личный союзъ между обоими государствами, притомъ они имѣли одинакіе интересы въ борьбѣ противъ турокъ и Россіи; царствующіе дома ихъ, съ брака Ягеллона литовскаго на польской принцессѣ Гедвигѣ, состояли въ тѣсномъ родствѣ,—и сверхъ того Литва, въ видахъ собственныхъ выгодъ, должна была искать постоянно дружбы своей могущественной, благоденствующей и опередившей ее въ культурѣ, сосѣдки и стараться поддерживать эту дружбу. Такимъ образомъ унія подготовлялась уже двѣсти лѣтъ; окончательному совершенію ея противились гордыя главы литовскихъ магнатскихъ родовъ. Этимъ феодаламъ не по нутру было, чтобы государство, котораго они привыкли считать себя хозяевами, слилось съ сосѣднимъ и впредь образовало съ нимъ одно цѣлое. Но духъ времени былъ сильнѣе воли отдѣльныхъ лицъ. Съ теченіемъ времени свивалось все болѣе нитей, соединяющихъ оба народа: нравы, обычаи, языкъ, даже самые юридическіе институты все болѣе отождествлялись, браки и переселенія становились все чаще. Такимъ образомъ союзъ все скрѣплялся на скрѣплялся,

—и когда наконецъ Сигизмундъ Августъ добровольно отрекся отъ литовскаго престолонаслѣдія, гордыня магнатовъ смирилась, и реальный союзъ вмѣсто личнаго былъ торжественно признанъ на упомянутомъ общемъ сеймѣ въ Люблинѣ представителями свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ обоихъ государствъ.

Эту самую минуту — т. е. ту, когда на люблинскомъ сеймѣ польскіе и литовскіе магнаты присягаютъ уніи — даровитый художникъ Матейко выбралъ сюжетомъ своего послѣдняго творенія, составляющаго съ нѣкотораго времени предметъ удивленія истинныхъ цѣнителей искусства. Надѣемся, что прилагаемый рисунокъ дастъ нашимъ читателямъ понятіе объ этомъ замѣчательномъ произведеніи. Не смотря на множество фигуръ, изъ которыхъ каждая пластически выступаетъ, во всей картинѣ господствуетъ изумительная стройность въ сочетаніи лицъ и пышныхъ костюмовъ — чудо искусства. Посрединѣ зала стоитъ король Сигизмундъ Августъ съ поднятымъ въ рукѣ распятіемъ, кругомъ его — духовные и свѣтскіе чины, справа — епископъ краковскій, который вслухъ читаетъ формулу присяги; примасъ Уханскій, въ полномъ облаченіи, держитъ на табуретѣ раскрытое Евангеліе: передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ кастелланъ Сборовскій, который держитъ въ одной рукѣ документъ Уніи, и два пальца другой руки положилъ на начальныя буквы Евангелія; подлѣ него, со шлемомъ и жезломъ въ рукахъ, на колѣнахъ же, стоитъ Мѣлецкій, а рядомъ съ нимъ на первомъ планѣ—съ опущеннымъ мечомъ— князь Радзивилъ, прозванный Рыжимъ, и нѣсколько другихъ сановниковъ. На право, на возвышенномъ мѣстѣ, на заднемъ планѣ, является королева Анна съ ея дворомъ; въ правомъ углу, какъ бы для украшенія, хорошенькій пажъ, полурастянувшійся на коврѣ. Справа же, почти на первомъ планѣ, поэтъ Модржевскій восторженно вводитъ въ залу крестьянина и показываетъ ему величественную сцену; а около центра рядомъ, обнявшись, стоятъ два брата Острогскіе. Съ лѣвой стороны, на первомъ планѣ медленно поднимается со своего кресла старецъ, епископъ литовскій, поддерживаемый кастелланомъ Ласкимъ. Сзади его сидитъ, съ поднятыми руками и съ благословляющимъ жестомъ, знаменитый Гозій, епископъ эрмеландскій, въ кардинальскомъ облаченіи; на его кресло опирается воевода Гурка; совсѣмъ въ сторонѣ стоитъ великій маршалъ Фирлей, глава недовольныхъ, и надменно, почти съ презрѣніемъ смотритъ на происходящее; слѣва же, на заднемъ планѣ—пестрая толпа шляхтичей съ руками, поднятыми жестомъ присяги. Въ выраженіи этихъ многочисленныхъ лицъ художникъ съумѣлъ представить величайшее разнообразіе. Изъ полной достоинства осанки короля и строгаго съ примѣсью грусти выраженія его лица, изъ непреклонной мины рыжаго Радзивила, ироническoй полугримасы коновода недовольныхъ Фирлея и восторженности присягающаго Сборовскаго—можно наглядно представить себѣ всю предварительную исторію уніи, предшествующую совершенію ея борьбу партій со всѣми ея оттѣнками. Различные типы старинныхъ поляковъ тоже переданы съ удивительной исторической вѣрностью и характеристичностью.

Изложивъ содержаніе картины, скажемъ слово о талантливомъ живописцѣ. Іоаннъ Алоизій Матейко родился въ Краковѣ, 30 іюля 1838 г.; въ его родномъ городѣ было положено начало его артистическому образованію: онъ занялся живописью въ краковской художнической школѣ подъ руководствомъ Адальберта Штаттлера. На двадцатомъ году онъ получилъ отъ мюнхенской академіи художествъ бронзовую медаль. Въ 1860 году онъ поступилъ въ вѣнскую академію и съ безконечнымъ усердіемъ посвятилъ себя своему искусству. Въ то же время онъ изучалъ исторію, преимущественно польскую, и знакомился съ типами старинныхъ поляковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ собраніе его этюдовъ—все польскіе національные типы и костюмы. Спеціальностью его всегда была историческая живопись—и въ своихъ этюдахъ и композиціяхъ онъ изобразилъ всѣ главные моменты польской исторіи. Изъ наиболѣе значительныхъ его твореній приведемъ: «Отравленіе королевы Боны», «Іоаннъ Казиміръ на пожарѣ въ Краковѣ», «Проповѣдь Скарги», наконецъ «Гродненскій сеймъ». Въ одномъ изъ ближайшихъ №№, будетъ помѣщена обширная статья о Люблинскомъ сеймѣ.

Политическое обозрѣніе.

Гроза, висѣвшая надъ Европой, разразилась наконецъ, и 15-го (3-го) іюля телеграфъ разнесъ повсюду роковую вѣсть: «Война объявлена!».... Отношенія между Франціей и Пруссіей были такъ натянуты съ 1866 года, что столкновеніе должно было произойти неизбѣжно; тѣмъ не менѣе разрывъ послѣдовалъ въ такую минуту, когда его менѣе всего ожидали. Настоящая причина войны—это усиленіе Пруссіи, которая съ 1866 года поглотила почти всю Германію: въ такъ-называемомъ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ она полная распорядительница, а государства Южной Германіи (Баварія, Виртембергъ и Баденъ) связаны съ ней такими трактатами, что имъ осталась только тѣнь независимости. Франція не могла смотрѣть безъ зависти на возрастающее могущество своего сосѣда, голосъ котораго сталъ первенствующимъ на материкѣ Европы,—и національное самолюбіе французовъ, изъ которыхъ чуть ли не каждый мечтаетъ о естественныхъ границахъ, то-есть о присоединеніи всего лѣваго берега Рейна, было возбуждено до крайности. Горючіе матеріалы національной вражды и соперничества скоплялись все болѣе и болѣе, и одной искры достаточно было чтобъ произвести страшный взрывъ, послѣдствіемъ котораго должно быть потрясеніе всей Европы. Искрой этой была кандидатура принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ.

Читателямъ извѣстно, что временное испанское правительство, въ главѣ коего стоитъ регентъ Серрано, но въ которомъ распоряжается маршалъ Примъ, давно уже отыскивало себѣ короля между членами царствующихъ домовъ;—но къ кому ни обращался Примъ, дѣло не устроивалось, и наконецъ онъ остановилъ свой выборъ на принцѣ Леопольдѣ гогенцоллернъ-зигмарингенскомъ.

Принцъ Леопольдъ, старшій сынъ князя Антона (отрекшагося въ 1849 году отъ владѣтельныхъ правъ на свое княжество въ пользу Прусскаго короля и получившаго право принца крови царствующаго дома),

родился въ 1835 году, въ супружествѣ состоитъ съ принцессой Антоніею португальскою, сестрою царствующаго короля донъ-Люиса, отъ которой имѣетъ уже трехъ сыновей. У него два брата: Карлъ, нынѣ князь румынскій, и Фридрихъ, котораго сначала газеты сочли кандидатомъ на престолъ Испаніи. Объ избраніи принца гогенцоллернскаго ходили слухи въ прошедшемъ году, но формальное предложеніе принцу и принятіе имъ престола—все-таки поразили неожиданностью французское правительство и возбудили его опасенія. Принцъ прусскаго царствующаго дома на испанскомъ престолѣ могъ сдѣлаться самымъ опаснымъ сосѣдомъ Франціи на югѣ, имѣя поддержку въ Пруссіи, столь грозной для Франціи на востокѣ. Въ обѣихъ палатахъ представлены были запросы министерству о кандидатурѣ принца гогенцоллернскаго. Въ законодательномъ корпусѣ 6-го іюля герцогъ де-Грамонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, отвѣчая на запросъ, объявилъ, что подробный отчетъ о положеніи этого столь-важнаго вопроса онъ дастъ въ засѣданіи 15-го іюля, но что во всякомъ случаѣ правительство съумѣетъ поддержать честь и достоинство Франціи; такое же заявленіе сдѣлано было министромъ и въ сенатѣ. Между тѣмъ, тюилерійскій кабинетъ предписалъ послу своему въ Берлинѣ графу Бенедетти отправиться въ Эмсъ, испросить аудіенціи у короля прусскаго, находившагося тамъ на водахъ, и потребовать у него, чтобы онъ приказалъ принцу Леопольду отречься отъ кандидатуры на испанскій престолъ. Въ отвѣтъ на представленіе г. Бенедетти король отвѣчалъ, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ качествѣ главы семейства, но отнюдь не въ качествѣ короля прусскаго,—что онъ не давалъ принцу Леопольду приказанія принять испанскую корону, и слѣдовательно не можетъ и дать таковаго на отреченіе отъ оной. На на второй аудіенціи 11-го іюля, на настоятельное требованіе г. Бенедетти, король отвѣчалъ, что принцъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и что королю даже неизвѣстно, гдѣ находится въ настоящую минуту послѣдній, имѣвшій намѣреніе предпринять поѣздку на Альпы. 13-го утромъ, во время гулянья на водахъ, когда получено было извѣстіе объ отреченіи принца Леопольда, король сказалъ г-ну Бенедетти, что онъ считаетъ это дѣло покопченнымъ; но посолъ потребовалъ у короля положительнаго увѣренія, что и впредь его величество не дастъ своего согласія на испанскую кандидатуру. Король отвѣчалъ положительнымъ отказомъ, и потомъ, когда посолъ испрашивалъ новой аудіенціи, то онъ приказалъ сказать г-ну Бенедетти черезъ своего адъютанта, что ему нечего обсуждать этотъ предметъ, и что дальнѣйшіе переговоры должно предоставить министерству.

Между тѣмъ объ отреченіи принца Леопольда извѣстился тюилерійскій кабинетъ телеграммой отца принца, принца Антона, и почти одновременно представилъ о томъ же офиціальное увѣдомленіе испанскій посолъ въ Парижѣ г. Олосага.

Этимъ дѣло, казалось бы, должно было естественно кончиться. Но въ это самое время герцогъ Грамонъ пригласилъ къ себѣ прусскаго посла, барона Вертера, на свиданіе съ собою и министромъ Олливье, и объявилъ ему, что отреченіе принца Франція считаетъ «обстоятельствомъ второстепеннымъ» («Nebensache» сказано въ подлинной депешѣ Вертера къ королю по этому поводу), «такъ какъ она во всякомъ случаѣ никогда не допустила бы принца сѣсть на испанскій престолъ», и что для успокоенія встревоженнаго общественнаго мнѣнія и взволнованныхъ палатъ требуется экстренная миротворная мѣра со стороны короля Вильгельма, которому вѣроятно его «рыцарское сердце» внушитъ лучшій исходъ. Въ то же время, однако, министры не преминули и указать на единственное, по ихъ мнѣнію, средство къ сохраненію мира, а именно: чтобы король написалъ императору письмо съ выраженіемъ сожалѣнія о случившихся недоразумѣніяхъ, съ объясненіями, завѣреніями могущими служить гарантіями на будущее время,—однимъ словомъ, почти формальное извинительное письмо. Вотъ это послѣднее требованіе раздражило до крайности національное чувство въ Германіи и сдѣлало всякій исходъ кромѣ войны невозможнымъ. Баронъ Вертеръ за слишкомъ умѣренный, даже кроткій отвѣтъ французскимъ министрамъ получилъ строжайшій выговоръ отъ союзнаго канцлера и не только лишился настоящаго званія, но потерялъ всю свою дипломатическую карьеру. Олливье и Грамонъ съ другой стороны, въ засѣданіи законодательнаго корпуса 15-го іюля, по прежнему упорно отказывались предъявить или даже прочитать документы, относящіеся къ переговорамъ и объявленію войны, которыхъ настойчиво требовали Араго, Жюль Фавръ, Тьеръ и другіе члены враждебной войнѣ оппозиціи,—и только изустно разсказали ходъ переговоровъ. Въ заключеніе министры объявили: «при такихъ обстоятельствахъ дальнѣйшія попытки къ примиренію были невозможны: это значило бы забыть о достоинствѣ Франціи. Мы не пренебрегли ничѣмъ, чтобы устранить войну; но будемъ готовиться къ ней, коль скоро насъ къ тому вынуждаютъ».

Обѣ палаты отвѣчали громкимъ одобреніемъ на рѣчи министровъ, и въ тотъ же день утверждены были почти единогласно чрезвычайные кредиты по министерствамъ военному и морскому. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало созваніе резервовъ, и начались дѣятельныя передвиженія войскъ и вооруженія судовъ.

Немедленно послѣ разрыва, въ Пруссіи созванъ былъ рейхстагъ въ чрезвычайную сессію, которая и открылась 19-го іюля рѣчью короля, тотчасъ же прибывшаго изъ Эмса въ Берлинъ. По словамъ прусскихъ газетъ, населеніе столицы встрѣтило его восторженными кликами, пѣніемъ народнаго гимна, иллюминаціями и проч., что ясно свидѣтельствовало, какъ популярна война, которую прусское правительство предпринимало противъ Франціи. При открытіи рейхстага, король произнесъ рѣчь, въ которой онъ сказалъ между прочимъ слѣдующее:

«Кандидатура на испанскій престолъ, въ принятіи и устраненіи которой не участвовали союзныя правительства, представляла для Сѣверо-германскаго Союза лишь тотъ интересъ, что, посредствомъ ея, дружественная нація, испытанная многими бѣдствіями, надѣялась установить у себя прочное и мирное правительство; но она подала правительству императора французовъ предлогъ къ войнѣ, которымъ это правительство и воспользовалось въ формахъ, доселѣ невиданныхъ въ дипломатическомъ мірѣ. Если въ прежнія времена Германія безмолвно переносила такія нарушенія правъ и оскорбленія чести, то потому только, что она была разъединена и не сознавала своей силы. Нынѣ, когда союзъ юридическій и духовный твердо скрѣпилъ ея разрозненныя части, она сознаетъ въ себѣ достоинство силы и воли, чтобы дать отпоръ притязаніямъ и честолюби-

вымъ замысламъ Франціи. Союзныя правительства, такъ же какъ и я самъ, дѣйствуютъ съ сознаніемъ, что побѣда и пораженіе находятся въ рукахъ Бога браней. Мы яснымъ взоромъ измѣрили отвѣтственность, которой подлежитъ тотъ, кто возбуждаетъ губительную войну между двумя великими народами въ самомъ средоточіи Европы. Оба народа — германскій и французскій — равно пользовались благами христіанскаго существованія и развитіемъ современнаго прогресса. Но повелитель Франціи воспользовался въ своихъ личныхъ интересахъ щекотливостью національнаго чувства, возбужденнаго имъ во Франціи. По примѣру отцовъ нашихъ, мы будемъ сражаться за наши права и свободу противъ насилія иноземныхъ завоевателей. Въ этой борьбѣ, которая должна упрочить постоянный миръ въ Европѣ, Богъ будетъ съ нами, какъ Онъ былъ и съ отцами нашими!»

Рѣчь эта вызвала бурное одобреніе рейхстага, который отвѣчалъ королю патріотическимъ адресомъ, выразивъ готовность принести всевозможныя жертвы на пользу отечества,—и, утвердивъ всѣ кредиты, которые требовало правительство на военные расходы, закрылъ свои засѣданія до 31-го декабря 1870 года. Между тѣмъ сдѣланы были немедленныя распоряженія о поставленіи арміи и ландвера на военную ногу, начались передвиженія войска; но на какомъ пунктѣ послѣдуетъ столкновеніе—теперь еще рѣшить трудно. До сихъ поръ мы имѣемъ только извѣстіе, что 19-го іюля французскій отрядъ, вѣроятно самый незначительный, производилъ рекогносцировку около Саарбрюкена (недалеко отъ Кельна), и что 21-го іюля войско Саарбрюкенскаго гарнизона обмѣнялось выстрѣлами съ французскими стрѣлками, причемъ однако дѣло обошлось безъ кровопролитія; да еще изъ послѣднихъ французскихъ газетъ узнаёмъ, что прусскіе солдаты появлялись на французской территоріи близь Тіонвилля.

Важный вопросъ, какое положеніе примутъ великія европейскія державы въ настоящей войнѣ между Франціей и Пруссіей, повидимому не подлежитъ сомнѣнію: сколько можно судить по всѣмъ извѣстіямъ, то онѣ будутъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Что касается южно-германскихъ государствъ, то связанныя съ Пруссіей военными трактатами, онѣ уже объявили себя на ея сторонѣ и предписали (Баварія и Виртембергъ) поставить на военную ногу свои войска, надъ которыми главное начальство приметъ наслѣдный принцъ прусскій. Бельгія, положеніе которой особенно опасно, несмотря на нейтралитетъ, обезпеченный ей трактатами, получила удостовѣреніе отъ Франціи и Пруссіи, что война не коснется ея территоріи; въ томъ же самомъ, какъ слышно, поручилась ей и Англія, которая, по всей вѣроятности, тогда лишь приметъ участіе въ войнѣ, когда нарушена будетъ неприкосновенность Бельгіи.

Въ виду начинающейся войны, читателямъ, конечно, будетъ интересно знать, какими силами обладаютъ обѣ воюющія державы.

Въ отчетѣ, представленномъ законодательному корпусу передъ открытіемъ нынѣшней сессіи, сказано, что число французскихъ войскъ простирается до 647,172 человѣкъ, изъ которыхъ 434,356 въ дѣйствующей арміи, а остальные въ резервѣ. Изъ числа дѣйствующихъ войскъ, около 63,000 находится въ Алжиріи и 5,252 въ Папской Области. Передъ объявленіемъ войны въ сборѣ было уже 365 тысячъ и значительная часть резерва, созванная для обычныхъ лѣтнихъ экзерцицій. Сверхъ того, закономъ 1-го февраля 1868 года положено: организовать подвижную національную гвардію, въ составъ которой входятъ всѣ французы отъ 20-ти до 25-лѣтняго возраста. Гвардія эта назначается, въ случаѣ войны, для защиты крѣпостей и отправленія службы внутри государства. Въ подвижную національную гвардію уже записано 560,174 человѣка, и на многихъ пунктахъ она уже сформирована окончательно. Военныя приготовленія Франціи, по указанію того же отчета, сдѣланы въ огромныхъ размѣрахъ. Къ 1-му января 1870 года было уже готово 1,973,115 ружей новой системы и болѣе двухъ мильярдовъ патроновъ. Въ войскахъ и складахъ еще въ 1868 году было болѣе $3^1/_2$ милліоновъ ружей. Число новыхъ пушекъ доходитъ до десяти тысячъ. Крѣпости на восточной и сѣверной границѣ, Валансьеннъ, Мезьеръ, Верденъ, Мецъ, Бельфоръ, Страсбургъ, Безансонъ и другія, значительно усилены въ послѣднее время. Въ инженерныхъ полкахъ люди спеціально обучены разрушенію и возстановленію желѣзныхъ дорогъ; приняты всѣ мѣры для быстрой посадки войска въ вагоны, устроены новые госпитали и магазины для запасовъ всякаго рода.

Войска Сѣверо-германскаго Союза въ мирное время простираются до 320,000 человѣкъ; въ военное цифра эта можетъ быть доведена до 552,000. Вмѣстѣ съ ландверомъ армія Союза доходитъ до 977,000—и полагаютъ, что она можетъ быть вся собрана въ двѣ недѣли. Сверхъ того, южныя государства Германіи могутъ выставить слѣдующія силы: Баденъ—25 тысячъ дѣйствующаго войска и 8 ландвера; Виртембергъ—33 тысячи перваго и 10 тыс. втораго; Баварія—86 тыс. арміи и 26 тыс. ландвера; значитъ южно-германскія государства доставятъ всего 166 тыс. дѣйствующаго войска и 144 тыс. ландвера.

Такимъ образомъ читатели видятъ, что силы, которыми можетъ располагать Пруссія, численностью значительно превосходятъ силы Франціи. Но зато морскія силы Германіи ничтожны передъ французскими. Франція имѣетъ слѣдующій совершенно готовый флотъ: 55 панцырныхъ, 233 винтовыхъ и 48 колесныхъ пароходовъ и 100 парусныхъ кораблей. На нихъ 4.780 пушекъ, 72,000 экипажа и до 28 тыс. морской пѣхоты. Сверхъ того, 27 судовъ строятся и могутъ быть легко вооружены и пущены въ море. Что касается до сѣверо-германскаго флота, то онъ весь состоитъ изъ 89 судовъ, большею частію мелкихъ съ 563 пушками.

Грозныя военныя событія отодвинули на второй планъ всѣ прочіе вопросы, занимавшіе общественное мнѣніе Европы. Даже ватиканскій соборъ, обратившій на себя такое напряженное вниманіе, потерялъ всякій интересъ,— а между тѣмъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, догматъ о папской непогрѣшимости, для котораго собственно и созванъ былъ соборъ, утвержденъ на торжественномъ засѣданіи 18-го іюля большинствомъ 533 голосовъ противъ двухъ. Какія послѣдствія будетъ имѣть утвержденіе этого догмата — покажетъ будущее, но теперь оно увѣнчало всѣ желанія Пія IX и руководящихъ имъ ультрамонтановъ и іезуитовъ.

Изъ нѣсколькихъ только-что полученныхъ нами писемъ изъ Германіи, очевидно, что народный энтузіазмъ достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. «Война—вотъ нынче единственный лозунгъ, пишутъ въ одномъ изъ нихъ.— Надо видѣть, какую чертовщину вызвало это одно слово! Это святая война, это—крестовый походъ!»

Лиса съ добычей.

Древнія и новыя сказанія о собакахъ,

(*Продолженіе*).

III.

Разсказываютъ объ одной собакѣ, которая переломила себѣ лапу и была исцѣлена въ ветеринарной клиникѣ, что она однажды явилась къ воротамъ съ другой собакой—тоже съ переломленой лапой. Швейцаръ понялъ ея намѣреніе—и товарищъ ея былъ опредѣленъ и также исцѣленъ. Такимъ добрымъ самаряниномъ другъ мой Боксъ еще не заявилъ себя, однако доброта и сострадaніе—добродѣтели далеко не чуждыя ему. Рядомъ со мною живетъ бѣдный точильщикъ, у котораго большой черный песъ. Бѣдный Арапка въ потѣ морды своей заработываетъ себѣ скудный кусокъ чернаго хлѣба—таская съ примѣрной охотой и самопожертвованіемъ телѣжку, на которой господинъ его возитъ свой точильный аппаратъ. Этому-то достойному труженику Боксъ таскалъ не одну вкусную кость, не одинъ кусокъ мяса или свѣжаго хлѣба, который онъ и самъ съ удовольствіемъ бы уплелъ. Правдивость заставляетъ меня признаться, что эта ненасытимая прожорливость кладетъ нѣкоторую тѣнь на характеръ его, и иногда побуждаетъ его къ ничѣмъ не оправдываемымъ посягательствамъ на съѣдомую собственность моей хозяйки—добро бы еще только на мою.

Заключу свою біографическую замѣтку забавной исторійкой о моемъ другѣ Боксѣ и почтенномъ пріятелѣ Иванѣ Иванычѣ,—томъ самомъ, который (если помнитъ читатель) находитъ сигары мои такими вкусными.

Я прошлымъ лѣтомъ долженъ былъ уѣхать на два дня къ одному знакомому, а съ нимъ—на охоту. Бокса брать было неловко, потому что жена моего знакомаго питаетъ къ нему нѣкоторую нервную антипатію. Пріятель мой Иванъ Иванычъ тотчасъ же вызвался побыть съ нимъ для компаніи;—«знаете, оно на всякій случай лучше,» объяснялъ онъ мнѣ: «чтобъ на вашей квартирѣ остался вѣрный человѣкъ, а то—знаете—мазурики здѣсь бѣдовые—какъ разъ пронюхаютъ что васъ нѣтъ—воспользуются». Я поставилъ на столъ ящикъ съ сигарами, дружески пожалъ Ивану Иванычу руку а Боксу лапу—и поѣхалъ на дачу, въ сопровожденіи моего деньщика, Питта и Ундины. На слѣдующій вечеръ я, въ наилучшемъ расположеніи духа, возвратился домой. Звоню—никто не отворяетъ; только Боксъ, слышу, воетъ гдѣ-то вдали. Приходитъ хозяйка и докладываетъ, что Иванъ Иванычъ вѣрно, дескать, передумалъ, и не ночевалъ у меня въ квартирѣ, потому, что, какъ она ни звонила и ни стучала утромъ, онъ ей не отпиралъ, да и весь день не показывался; только Боксъ каждый разъ вылъ, а такъ какъ ей ключа не оставлено, она не могла даже покормить его. Ключъ сидѣлъ въ замкѣ, стало быть и я со своимъ ключомъ не могъ ничего подѣлать. Значитъ, Иванъ Иванычъ тутъ—чего же онъ не отпираетъ? Неужели несчастіе случилось?... Съ помощью слесаря мы наконецъ вошли. Все въ порядкѣ. Боксъ воетъ въ спальнѣ. Отворяю дверь не безъ біенія сердца—вѣдь ударъ чего добраго, хотя пріятель мой Иванъ Иванычъ и очень худощавъ—и глазамъ моимъ представляется зрѣлище, котораго я во вѣки не забуду. На моей постели, въ полнѣйшемъ неглиже, смертельно-блѣдный, со впалыми глазами, съ крупными каплями пота на лбу—сидитъ мой почтенный пріятель; а другъ мой Боксъ стоитъ передъ нимъ, положивъ переднія лапы на постель и смотритъ на меня большими, свѣтящимися недобрымъ огнемъ, торжествующими глазами.—«Господи помилуй, Иванъ Иванычъ, что это за комедія? Еще восьми часовъ нѣтъ, а вы уже легли, хоть бы отворили—неужто не слыхали, какъ я звонилъ и стучалъ?»—«Я, Петръ Петровичъ, эти сутки буду помнить, хотя бы дожилъ до ста лѣтъ. Я въ Севастополѣ стоялъ подъ градомъ пуль—и ничего; а это—это чортъ знаетъ что такое! Да сжальтесь же наконецъ и отзовите это чудовище отъ постели... Я думаю: я посѣдѣлъ, а? вѣдь есть примѣры—Марія-Антуанета—а она того не пережила что я... О, Господи, что-то скажетъ моя Марья Ивановна!»—«Да разскажите же наконецъ толкомъ»...—«Сначала дайте хоть кусочекъ хлѣба, глотокъ вина—во всѣ эти сутки у меня во рту ничего не было.» Не скоро удалось мнѣ настолько подкрѣпить и успокоить моего пріятеля, чтобы услышать отъ него связный разсказъ. Оказалось слѣдующее. Онъ наканунѣ пришелъ домой въ наилучшемъ настроеніи, закурилъ сигару и легъ въ постель съ нумеромъ «Голоса». Боксъ спокойно лежалъ на своей медвѣжьей шкурѣ и зѣвалъ. Но вдругъ, когда Иванъ Иванычъ хотѣлъ встать за второй сигарой, Боксъ поднимается съ гнѣвно-сверкающими глазами и сердитымъ ворчаньемъ, точно его озарила внезапная мысль. Сколько разъ ни пробуетъ Иванъ Иванычъ ублажить его ласками и добрымъ словомъ и сколько разъ ни высовываетъ изъ подъ одѣяла ногу—Боксъ кладетъ лапы на край постели, ворчитъ и скалитъ зубы. Иванъ Иванычъ полумертвый падаетъ на подушки: онъ ужь думаетъ—собака взбѣсилась. Боксъ какъ церберъ какой стоитъ у кровати. Нѣсколько разъ еще несчастный плѣнникъ пробуетъ задобрить его и сползти съ постели—напрасный трудъ! Какъ показывается его нога, такъ ужасныя лапы опять являются на краю постели, страшно сверкающіе глаза вперяются въ него, горячее дыханіе касается его щеки. Дѣло въ томъ, что Бокса вдругъ съ чего-то обуяла мысль, будто-бы Иванъ Иванычъ своевольно расположился у меня и не имѣетъ законнаго права курить мои сигары. Испугъ и подобострастіе его арестанта еще пуще утверждаютъ въ немъ эту *idée fixe*. Наступаетъ день, но спасенія не приноситъ, ибо Боксъ по прежнему ему не даетъ шевельнуться, и при малѣйшей его попыткѣ закричать на помощь—поднимаетъ неистовый вой. «Ни кусочка чего нибудь, ни глотка воды сумасшедшій не далъ мнѣ достать—ни даже сигары, хотя ящикъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ кровати!» Такъ кончилъ мой пріятель свою трогательную повѣсть, и съ тѣхъ поръ все какъ-то не довѣряетъ Боксу—но сигаръ у меня значительно меньше выходитъ.

Чтобы не надоѣсть читателямъ третьей панегирикой какъ первыя двѣ, ограничу свой хвалебный гимнъ моей старухѣ Ундинѣ замѣчаніемъ, что она въ свое время была да и теперь есть (насколько позволяютъ ей престарѣлые года) идеалъ охотничьей собаки, а сколько рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ качествъ содержатъ въ себѣ эти три слова—знаетъ каждый кто хоть нѣсколько разъ съ ружьемъ ходилъ. Впрочемъ, она обязана своимъ существованіемъ такому умному, превосходно-воспитанному отцу и такой образцовой матери, что иначе и быть не могло—потому что унаслѣдованіе дѣтьми качествъ родителей, которое мы часто видимъ

у людей, у собакъ—общее правило. Стоялъ я однажды съ полкомъ въ небольшомъ городкѣ, и былъ приглашенъ въ имѣніе за нѣсколько верстъ на имянины. Я взялъ отпускъ на три дня, и передъ отъѣздомъ нѣжно простился съ Ундиной (матерью) и ея четырьмя прелестными малютками. Она хотѣла было идти за мною, но я поспѣшно заперъ за собой дверь. На слѣдующее утро слышу—скребъ и тихій визгъ у двери моей комнаты; отворяю—Ундина, да не одна а всѣмъ комплектомъ! Щенята рѣзвились около нея, свѣжохоньки и здоровехоньки. Только мать была до смерти измучена—и едва имѣла настолько силы, чтобы полизать мнѣ руку. За то ужь и ходилъ я за нею какъ за ребенкомъ. На третій день мы всѣ вмѣстѣ поѣхали назадъ и благополучно прибыли домой къ немалой радости моего деньщика, который сильно горевалъ и недоумѣвалъ объ исчезновеніи нашей любимицы и ея хорошенькихъ малютокъ. Я долго не могъ въ толкъ взять, какъ могла она сдѣлать такое путешествіе, и только впослѣдствіи, при помощи разныхъ опытовъ, удостовѣрился, что она тихонько вытащила щенятъ на улицу, когда стемнѣло, потомъ одного за другимъ пронесла—стало быть восемь разъ въ втеченіи четырнадцати часовъ пробѣжала пяти-шестиверстное разстояніе между нашимъ городкомъ и имѣніемъ, въ которое я былъ приглашенъ. Послѣ этого подвига я уже оставилъ ей только одного щеночка, а къ другимъ пригласилъ кормилицу - дворняшку, чтобы дать бѣднягѣ оправиться вполнѣ.

Въ дополненіе къ разсказамъ о моихъ собственныхъ собакахъ, подѣлюсь съ читателями еще нѣсколькими собачьими куріозами, комическими или трогательными случаями изъ собачьихъ біографій, видѣнныхъ, слышанныхъ или читанныхъ мною, которые я вспомнилъ послѣ того какъ писалъ свою первую статью, трактующую о знаменитыхъ собакахъ и собакахъ знаменитыхъ людей. Въ числѣ послѣднихъ собакъ непростительной несправедливостью было бы забыть собачку Шиллера.

Когда великій поэтъ писалъ въ Мангеймѣ, для театра, въ 1783 г. онъ изъ актеровъ особенно близко сошелся съ молодымъ талантливымъ Гейнрихомъ Беккомъ и его хорошенькой, милой женой. Ему отрадно было бывать у юной, счастливой четы. Ему давно хотѣлось сдѣлать молодой женщинѣ маленькій подарокъ — на большой не хватило бы его кармана. Г-жа Беккъ какъ-то въ разговорѣ сказала, что ей хотѣлось бы имѣть хорошенькую комнатную собачку. Шиллеръ тотчасъ же въ умѣ рѣшилъ исполнить ея желаніе. Въ слѣдующій разъ какъ онъ вечеромъ вошелъ къ друзьямъ, изъ подъ его плаща раздался громкій лай: это была прелестная болонка, съ мягкими какъ шелкъ волосами, длинными ушами, бѣлая съ темно-желтыми пятнами, Молодая женщина какъ ребенокъ обрадовалась дорогому подарку и милому вниманію друга: не знала она что на цѣпочкѣ съ большими брелоками въ этотъ вечеръ у Шиллера не было часовъ, — ему пришлось заложить ихъ, чтобы заплатить за собачку. Прошло два года, Шиллеръ гостилъ у пріятеля своего Кёрнера, на его прекрасной дачѣ, докапчивалъ Донъ-Карлоса и писалъ исторію Отпаденія Нидерландовъ. Вдругъ къ нему явился прекуріозный гость: директоръ кочующаго обезьяньяго и собачьяго театра, который выражался напыщенно, съ паѳосомъ, называлъ поэта «любезный собратъ» и пригласилъ его на представленіе своей трагедіи, свободно передѣланной съ Шиллеровой, подъ названіемъ «*Амалія, невѣста разбойника*», причемъ онъ не двусмысленно давалъ понять, что твореніе Шиллера значительно выиграло отъ этой передѣлки. Шиллеръ съ большимъ юморомъ вналъ въ тонъ г. директора; въ назначенный вечеръ, онъ сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ и смѣялся, какъ въ жизнь свою не случалось ему смѣяться, надъ уморительными прыжками разбойничьяго атамана Карла Моора, страшно безобразной обезьяны — и надъ поправками его достойнаго «собрата». Наконецъ открылась сцена, давно съ нетерпѣніемъ ожидаемая, особенно женской половиной юной публики: первое появленіе невѣсты разбойника, Амаліи. На сцену вышла прелестная собачка, болонка, бѣлая съ темно-желтыми пятнами, въ длинномъ красномъ платьѣ со шлейфомъ, въ бѣлой шляпкѣ съ зелеными лентами и пестрыми перьями, съ маленькимъ ружьемъ черезъ плечо — и сыграла свою роль премило, къ великому восторгу публики, особенно малолѣтней. Но вдругъ Амалія запнулась въ своей пантомимѣ, по ней пробѣжала дрожь, она поднялась еще выше на заднихъ лапкахъ, ноздри ея раздулись, все напряженнѣе глядѣла она въ партеръ — она громко залаяла, полурадостно, полупечально, однимъ скачкомъ очутилась за рампою, на колѣняхъ у Шиллера; дрожа и визжа ластилась она къ нему, лизала ему руки и лицо, и вдругъ упала — мертвая... По справкамъ оказалось, что жена актера умерла вскорѣ послѣ отъѣзда Шиллера изъ Мангейма, а собачка ея перешла въ другія руки, наконецъ въ руки директора обезьяньяго и собачьяго театра. Послѣ долгой, мучительной дрессировки внезапная радость свиданія со старымъ другомъ, напомнившимъ ей давнишнія счастливыя времена, убила Амалію.

Знаменитый американскій романистъ, Фениморъ Куперъ, тоже очень любилъ собакъ, а также и другихъ животныхъ. Онъ держалъ трехъ прирученныхъ зайцевъ, и его большая умная собака изъ любви къ нему съумѣла побѣдить свою врожденную антипатію къ этому благородному но трусливому племени. У лорда Байрона, какъ извѣстно, была великолѣпная ньюфоундлендская собака, къ которой онъ былъ страстно привязанъ и которую онъ схоронилъ въ своемъ паркѣ, съ надгробной надписью въ прекрасныхъ стихахъ, исполненныхъ глубокой мизантропіи.

Меня можетъ - быть многіе изъ моихъ читателей обвиняютъ за долгое молчаніе о пуделяхъ — этихъ «ученыхъ» собачьяго племени, у которыхъ фокусничество такой врожденный талантъ, что дрессировка ихъ достается сравнительно легко и имъ и хозяевамъ, и не оставляетъ слѣдовъ на нихъ неизмѣнно веселомъ безпечномъ ласковомъ характерѣ. Я видалъ пуделей, которые играли въ домино — и выигрывали, стояли на часахъ въ мундирѣ, дѣлали накараулъ, продѣлывали солдатское ученіе по командѣ, тихимъ или скорымъ шагомъ, стрѣляли по военнымъ трубнымъ сигналамъ, даже палили изъ маленькихъ мѣдныхъ пушекъ. Въ циркѣ Ренца я видѣлъ прелестныхъ бѣлыхъ пуделей, которые взбирались по крутымъ лѣстницамъ, плясали на канатѣ; танцовали польку-мазурку, вольтижировали на пони, прыгая черезъ обручи; составляли какія угодно имена изъ картонныхъ буквъ, а одинъ такъ даже съ важностью какого нибудь Вьетана игралъ на скрыпкѣ, на самыхъ высшихъ нотахъ. Я нарочно обращаю на это особенное вниманіе, какъ на невѣроятнѣйшій подвигъ, потому что именно пудель одаренъ чрезвычайно нѣжнымъ слухомъ—и когда слышитъ высокія, рѣзкія скрипичныя ноты, то обыкновенно горбитъ

спину, поджимаетъ хвостъ между ногъ и затягиваетъ раздирающій вой, точно всю шкуру дерутъ съ него. Я однажды былъ свидѣтелемъ потѣшнаго представленія — два пуделя, въ мундирахъ флотскихъ капитановъ, держали въ переднихъ лапахъ по рупору и въ рупоръ лаяли другъ на друга, пока нервы одпаго не выдержали этого оглушительнаго шума, и онъ упалъ въ обморокъ по всѣмъ правиламъ искусства — хоть бы любой барынѣ. Уморительнѣе я никогда ничего не видалъ.

Это наблюденіе—что собаки не любятъ музыки—однако противорѣчитъ наблюденіямъ нѣкоторыхъ естествоиспытателей. Виньель-Морвиль, между прочимъ, говоритъ слѣдующее о дѣйствіи музыки на разныхъ животныхъ:

«Я велѣлъ исполнить подъ моимъ окномъ миленькую пьеску на струнномъ инструментѣ, и наблюдалъ какъ это дѣйствовало на кошку, лошадь, собаку, осла, оленя, быковъ, маленькихъ птичекъ и куръ съ пѣтухомъ. Кошка, повидимому, не ощущала ровно ничего, и я ясно видѣлъ, что она отдала бы всѣ симфоніи и инструменты въ мірѣ за одного крошечнаго мышенка. Она не обнаруживала ни малѣйшаго удовольствія или неудовольствія, и заснула на солнцѣ на самомъ лучшемъ мотивѣ. Лошадь остановилась передъ окномъ, и сначала время отъ времени поднимала умную морду съ насторожеными ушами, точно прислушиваясь, потомъ продолжала спокойно щипать траву. Собака усѣлась напротивъ музыканта и смотрѣла на него не сводя глазъ —цѣлый часъ, да съ такимъ серіознымъ выраженіемъ— точно тончайшій критикъ. Оселъ, несмотря на свои, казалось бы, воспріимчивыя къ звукамъ уши, невозмутимо и равнодушно предавался своей страсти — къ репейнику. Олень навострилъ свои большія широкія уши и внимательно слушалъ. Быки на мгновеніе удивились, уставились на музыканта глупыми, выпуклыми глазами— и потащились дальше. Маленькія птички, въ изгородяхъ, деревьяхъ и клѣткахъ подняли такой шумъ, что какъ только у нихъ горлышки не надорвались: звуки очевидно были слишкомъ грубы для ихъ нѣжнаго слуха. Султанъ-Петька думалъ только о своемъ сералѣ, а куры выкапывали изъ песка червяковъ и зернышки какъ ни въ чемъ не бывало».

(Окончаніе будетъ).

Смѣсь.

Прогрессъ у ласточекъ.—Принимаютъ вообще за неоспоримую истину, что искусство, обнаруживаемое животными, особенно въ построеніи себѣ жилищъ, врожденно имъ—и потому неизмѣнно, неспособно къ усовершенствованію. Новѣйшія наблюденія какъ будто противорѣчатъ этому мнѣнію и приводятъ къ заключенію, что этотъ художественный или, пожалуй, техническій инстинктъ совершенствуется по мѣрѣ преуспѣянія цивилизаціи. Французскій ученый Путе по этому поводу сдѣлалъ въ Руанѣ крайне интересное наблюденіе на ласточкахъ. Онъ велѣлъ принести себѣ гнѣздо ласточекъ, чтобы срисовать ихъ, и вдругъ замѣтилъ, что оно совсѣмъ не похоже на тѣ гнѣзда, которыя онъ самъ, сорокъ лѣтъ назадъ, доставалъ въ томъ же Руанѣ изъ старинныхъ зданій: современные архитекторы значительно измѣнили и усовершенствовали зодчество своихъ отцевъ. Чтобы удостовѣриться, что это не исключеніе, не игра случая, естествоиспытатель самъ осмотрѣлъ зданія, памятники и скалы во всемъ околодкѣ. Въ числѣ гнѣздъ, помѣщающихся подъ арками, надъ главными дверями руанскихъ церквей, онъ нашелъ еще многія, построенныя по старой модели, но многія также совсѣмъ другой формы. За то въ новыхъ улицахъ, ласточки вездѣ держались новаго архитектурнаго плана, который у нихъ, совершенно какъ у людей въ своихъ новыхъ постройкахъ, состоитъ въ томъ, чтобъ пропускать больше воздуха и свѣта, и въ тоже время лучше защитить гнѣзда отъ дождя и холода. Г. Путе для большей вѣрности сравнилъ эти новыя гнѣзда съ рисунками давнишнихъ естествоиспытателей. На всѣхъ этихъ рисункахъ гнѣзда имѣютъ форму шарообразную, съ очень маленькимъ круглымъ отверстіемъ, сантиметра въ 2—3 въ діаметрѣ, какъ разъ только достаточнымъ для того, чтобъ хозяева могли вползать и выползать. Нынѣ совсѣмъ не то. Новыя гнѣзда уже не шарообразны, а скорѣе имѣютъ форму половинки яйца и прилѣплены къ стѣнѣ, только не верхней стороной, потому что тамъ отверстіе—тоже уже не простая круглая дыра, а длинная поперечная щель съ круглымъ вырѣзомъ по серединѣ; сверху гнѣздо защищено карнизомъ или вообще какимъ нибудь выступомъ. Щель имѣетъ въ длину 9—10 сантиметровъ, въ ширину только два. Этотъ новый фасонъ даетъ жителямъ больше простора, и птенцы тоже свободнѣе могутъ двигаться; кромѣ того длинная щель даетъ имъ возможность высовывать головки и дышать свѣжимъ воздухомъ даже въ присутствіи старыхъ птицъ, чего прежде имъ нельзя было дѣлать. Кромѣ того гнѣздо лучше защищено отъ холода, дождя и внѣшнихъ враговъ. Интересно было бы разузнать, замѣчены ли у ласточекъ гнѣзда этого фасона и въ другихъ мѣстахъ кромѣ Руана.

Лиса съ добычей.

(См. стр. 461)

Рейнеке-лисъ, этотъ герой средневѣковаго животнаго эпоса и главное дѣйствующее лицо древнегреческихъ басенъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Эзоповыхъ», недаромъ пользуется всемірной славой въ качествѣ первостепеннаго хитреца. Въ той истребительной войнѣ, которую человѣкъ издревле велъ противъ хищныхъ животныхъ, лиса избѣгла участи, постигшей большую часть этого обширнаго семейства (по крайней мѣрѣ, въ Европѣ), и уцѣлѣла до нашихъ дней единственно благодаря своей находчивости въ изобрѣтеніи различныхъ хитростей. Всякому охотнику извѣстно, какъ лиса обманываетъ гончихъ, сбиваетъ ихъ со слѣда, и наконецъ въ крайности, настигнутая борзыми, ложится на спину и отыгрывается отъ собакъ. Но это хитрости такъ-сказать *оборонительныя*. Хитрости же *наступательныя*, которыя лиса пускаетъ въ ходъ, преслѣдуя собственную добычу, — еще разнообразнѣе.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ лису, только что завладѣвшую такой добычей: это утка, съ птичьяго двора или дикая. Если нѣтъ возможности пробраться на птичій дворъ, то чтобы обмануть пугливую и осторожную птицу, лиса прикидывается мертвою, и лежитъ нѣсколько часовъ неподвижно на виду. Гуси, утки и другія домашнія птицы понемногу приближаются къ ней и совершенно привыкаютъ къ ея присутствію, а та улучивъ минутку бросается на ближайшаго ротозѣя и тащитъ его къ себѣ въ нору.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

№ 30. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(Продолженіе).

X.

Ордынскіе замыслы.

Тверичи бродили по Ордѣ съ пѣснями, съ ликованьемъ, съ похвальбами на москвичей и новгородцевъ, которые все-таки сильно трусили,—особенно когда возникло дѣло Иванца и Романца, двухъ Юрьевыхъ отроковъ, убійцъ Михаила тверскаго и Константина Романовича рязанскаго. Эти два отрока—Романцу было уже лѣтъ шестьдесятъ, а Иванцу во всякомъ случаѣ не менѣе пятидесяти — состояли при Юріѣ въ черномъ тѣлѣ. Иванецъ былъ его конюхъ, а Романецъ—сокольникъ. Иванецъ былъ маленькій сѣденькій человѣкъ, съ рѣденькою бородкою, съ мышиными глазками, сухой, сутуловатый, скромный на видъ, подобострастный, но такой же большой ругатель и гуляка какъ Романецъ—дюжій, бѣлобрысый человѣкъ, съ широкими плечами и сильно развитыми мускулами, прежде переяславскій смердъ, потомъ по временамъ то коновалъ, то пѣвчій, то разбойникъ. Юрій всюду бралъ этихъ двухъ молодцовъ,—во-первыхъ, потому что они были ему преданы душой и тѣломъ, а во-вторыхъ, потому что онъ зналъ за ними такія дѣла, въ отношеніи ихъ прежнихъ князей, за которыя ихъ мало было повѣсить. Служба ихъ въ отрокахъ у Юрія давала имъ кусокъ хлѣба, возможность получать подарки, куда бы они ни пріѣзжали. Первымъ движеніемъ ихъ, когда они узнали, что ихъ покровитель погибъ, было броситься къ Чолъ-Хану и объяснить, что они принимаютъ мусульманскую вѣру. Чолъ-Ханъ былъ фанатикъ и большой пропагандистъ, но въ то же время онъ былъ настолько искренній и честный мусульманинъ, что ему не совсѣмъ понравилось предложеніе этихъ двухъ молодцовъ—принять вѣру Магометову. Какъ они ни толковали ему, что они давнымъ давно сдѣлали бы это, да боялись Юрія,—онъ на всякій случай причислилъ ихъ къ своей дворнѣ и сталъ ихъ выспрашивать о дѣлахъ Юрія. Чолъ-Ханъ вообще сильно интересовался русскими улусами. Тверскіе бояре навели его на мысль, что изъ допросовъ Иванца и Романца могутъ раскрыться обстоятельства весьма невыгодныя для московскихъ князей, а московскихъ князей онъ отъ души не терпѣлъ за ихъ ничѣмъ непоколебимую привязанность къ Церкви и за ихъ стараніе выгородить эту Церковь изъ подъ безусловнаго подчиненія Ордѣ. Тверичи тоже недолюбливали Петра Митрополита и его предшественниковъ Кирилла и Максима, которые громко заявляли себя поборниками Руси, не одобряли свѣтской науки или *эллинской мудрости*, видя что, съ одной стороны, изученіе Платона и Аристотеля, знакомство съ классиками, ведетъ молодое поколѣніе или къ желанію войти въ систему западныхъ европейскихъ государствъ, т. е. по просту, къ признанію папы и рыцарскихъ феодальныхъ порядковъ, или же къ распространенію на Руси индиферентизма, за которымъ легко могло слѣдовать принятіе мусульманства, отрицающаго святыхъ, чудеса, мощи, иконы, обрядность и т. д. По этому святители XII и XIV

вѣка заповѣдывали просто вѣрить, молиться и строго запрещали вдаваться въ книжную житейскую мудрость, которая производитъ равнодушіе къ Церкви, въ то время когда только Церковь представляетъ единство русскаго народа. Сверхъ того «эллинская премудрость» уже принесла свои плоды въ Западной Руси, гдѣ христіане князья Рюриковичи такъ быстро смѣнялись язычниками литовскими. Книжная мудрость вторгалась съ огнемъ и мечемъ ливонскими рыцарями въ Псковскія и Смоленскія области, являлась шведами на берегахъ Ладожскаго озера и въ устьяхъ Невы, а у подножья Карпатовъ, на границѣ съ поляками, она, тогдашняя наука обращала бояръ въ своекорыстныхъ магнатовъ, хлопотавшихъ уже не о величіи русской земли, а о своихъ собственныхъ личностяхъ.

Чолъ-Ханъ самъ допрашивалъ Иванца и Романца. Они раскрыли ему множество темныхъ дѣлъ Юрія, и изъ показаній ихъ вышло, что нѣкоторые новгородскіе бояре, нѣсколько рязанскихъ да одинъ московскій померли не своей смертью. Затѣмъ темное дѣло, отчего умерла сестра хана, Кончака, опять всплыло наружу. Иванецъ сказалъ, что Юрій во время ея плѣна не разъ посылалъ его въ Тверь справиться объ ея здоровьѣ, и что, когда приносилъ ему Иванецъ хорошую вѣсть оттуда, Юрій на него гнѣвался и говорилъ ему, что «если бы ты принесъ мнѣ такую вѣсть какъ слѣдуетъ, я бы тебя наградилъ». Тверскіе бояре участвовали при этихъ раскрытіяхъ и понимали важность ихъ, но не умѣли ими воспользоваться. Предполагая, что Иванецъ и Романецъ еще что-то знаютъ, они стали требовать отъ Чолъ-Хана пытки. Чолъ-Ханъ сообщалъ обо всемъ Узбеку, долго не хотѣлъ пытать Юрьевыхъ отроковъ— и вмѣсто того, пользуясь ихъ показаніями, призвалъ на допросъ рязанцевъ и новгородцевъ, чтобы провѣрить показанія отроковъ, дѣйствительно-ли такъ тяжело поступалъ съ ними Юрій. Рязанцы и новгородцы, изумленные неожиданнымъ разъясненіемъ загадочныхъ смертей ихъ лучшихъ и великихъ людей, забожились и закрестились, что все это неправда, что Юріемъ они всегда были довольны,—что если даже и правда, что такой-то бояринъ умеръ насильственной смертью, то этотъ бояринъ такую смерть и заслужилъ; только не вѣрятъ они, чтобы Иванецъ и Романецъ правду говорили. При этомъ они ссылались на старинное русское право, что *слуга не можетъ быть свидѣтелемъ своего господина*, и затѣмъ упорно стояли на томъ, что они были какъ нельзя болѣе довольны московскимъ княземъ.

Это заявленіе было съ толку и тверичей и татаръ.

Тверичи ругали ихъ за раболѣпство передъ московскими, за раболѣпство даже совершенно лишнее, потому что московскіе теперь на вѣки-вѣчные обезсилены,—а татары все-таки стали думать, что Иванецъ и Романецъ въ самомъ дѣлѣ врутъ.

Дѣло въ томъ, что какіе бы ни были счеты у новгородцевъ и у рязанцевъ съ московскими, какъ бы подчасъ не притѣсняли ихъ, все-таки Москва представлялась выгоднѣе Твери—и если сплошь да рядомъ обижала новгородцевъ и рязанцевъ, то обижала ихъ въ мелочахъ, а Тверь грозила гибелью и тѣмъ и другимъ. Москвичи были ласковы въ обращеніи, уступчивѣе, медлительнѣе; тверичи были народъ крутой, задорный, да гораздо выгоднѣе было придерживаться стороны слабѣйшихъ чѣмъ усиливавшихся. Раздраженные тверичи добились наконецъ, что Иванца и Романца стали пытать, сдавливая имъ щиколки въ деревянныхъ тискахъ. Тутъ у отроковъ, желавшихъ до сихъ поръ выслужиться у татаръ и у тверичей, рѣчи пошли другія. Мигомъ явились опять совсѣмъ-было забытые Крестоносцы, Литва съ Гедиминомъ и его дочерью, женой Дмитрія Тверскаго, Папа Римскій и, — словомъ сказать — чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ пошло.

Пытка раскрыла такую массу не то чтобы интригъ, а замысловъ, и доказала такую непримиримую ненависть къ татарамъ и Юрія и Дмитрія, что наконецъ въ Орду были позваны всѣ «беги» т. е. родовые представители мелкихъ улусовъ, и началось совѣщаніе, какъ поступить съ Димитріемъ. Димитрій оказался крайне виноватымъ; оказалось, что онъ дѣйствительно расчитывалъ на помощь тестя своего, Гедимина, — и только тутъ спохватился Грозныя Очи, что сдѣлалъ большую ошибку, убивъ своего противника. Тайна въ рукахъ Юрія умерла бы съ нимъ, но ударъ топора точно выпустилъ ее на свѣтъ Божій—и она сдѣлалась его обвинительницей. Татары стали положительно чуждаться Димитрія; новгородцевъ и москвичей опять стали хорошо принимать у ордынскихъ вельможъ. Чобуганъ попрежнему посмѣивался, корилъ Димитрія въ непрактичности, обѣщая сдѣлать для него все что можетъ — а это все «что можетъ» состояло въ томъ, что, когда расходились судьи, уже приговорившіе Дмитрія къ смерти, Узбекъ, вообще не любившій крови, сталъ откладывать со дня на день исполненіе приговора — стало-быть была возможность выиграть время, а этого даже одного было очень много. Дмитрій не спалъ, не дремали и бояре его, а ханъ не позволялъ никому напоминать себѣ объ его дѣлѣ.

Ханъ совѣщался съ Чолъ-Ханомъ о способѣ преобразованія Руси разъ навсегда.

— Оставить Русь, говорилъ Чолъ-Ханъ, — слѣдуетъ все-таки въ рукахъ тверскихъ князей, потому что прямой путь изъ Орды на Русь все-таки идетъ Волгою; затѣмъ, въ Твери народъ не такъ изувѣренъ какъ москвичи и новгородцы. Неудачныя похожденія тверскихъ князей въ Ордѣ уже и безъ того должны пошатнуть въ тверичахъ вѣру въ княжескую власть и примирить ихъ съ мыслью, что княжеская власть сама по себѣ ничего не значитъ безъ постоянно-живущихъ въ Твери ханскихъ пословъ, которые будутъ въ то же время защитниками народа противъ князей, бояръ и духовенства. Такимъ образомъ русскіе привыкнутъ къ татарскому управленію — и рухнетъ гибельная система Александра Невскаго, по которой татары управляютъ Русью только чрезъ посредство русскихъ князей и русскаго духовенства.

Затѣмъ, дальнѣйшій планъ Чолъ-Хана преобразованія Руси состоялъ въ томъ, чтобы окончательно, при поддержкѣ русскаго простонародья, низвергнуть князей и владыкъ, а на мѣсто ихъ посадить татаръ.

— Русскіе то и дѣло твердятъ, говорилъ Чолъ-Ханъ,—что татарамъ не слѣдуетъ являться на Русь — потому будто бы, что татары обижаютъ простой народъ, раззоряютъ города и села. Во-первыхъ, это потому неправда, что города болѣе раззоряются княжескими отроками; а если между татарами и русскими происходитъ много дракъ и непріятныхъ столкновеній, то надо смотрѣть на подобнаго рода столкновенія не какъ на вражду къ народу, а просто-на-просто какъ на драки черни между собою,—потому что рѣшительно нельзя доказать, чтобы русскіе чувствовали какое-нибудь отвра-

щеніе къ татарамъ. Напротивъ того, когда они, нечестивые, показываютъ татарамъ конецъ полы и называютъ это *свинымъ ухомъ*, то и это дѣлаютъ съ такимъ добродушіемъ, съ такимъ искреннимъ смѣхомъ, что очевидно у нихъ существуетъ расположеніе къ татарской народности. Наконецъ, даже просто изъ любви къ человѣчеству, необходимо исполнить древнее историческое призваніе татарскаго племени — владѣть Русью, что уже начато было хозарами, половцами, и до такой степени вошло въ русскіе нравы, что даже кіевскіе великіе князья назывались *каганами*, т. е. ханами. Устройство, которое могутъ дать Руси татары, во всякомъ случаѣ принесетъ ей благо уже тѣмъ однимъ, что обуздаетъ ее отъ пьянства, отъ страшной распущенности и т. д.

Чолъ-Ханъ былъ человѣкъ ученый, отлично знавшій по арабски и посѣщавшій лучшія мусульманскія академіи того времени. Онъ много путешествовалъ, былъ не только въ Дамаскѣ, но и въ Кордовѣ, видѣлъ мавританскую цивилизацію во всемъ ея блескѣ и знакомъ былъ не съ одними мусульманскими писателями;—такъ что широкій его замыселъ вовсе не былъ бредней дикаго степняка, а былъ плодомъ долгой мысли и многосторонняго образованія. Ему хотѣлось сдѣлать изъ Россіи то самое, что было сдѣлано маврами изъ южной Испаніи; онъ толковалъ о томъ, о чемъ толкуютъ представители нынѣшней «молодой турціи», мечтающіе покорить Стамбулу и Донъ, и Аму Дарью съ Кавказомъ, и Кіевъ, и Пештъ съ чешской Прагой. Впослѣдствіи турки именно тѣмъ и утвердились на Балканскомъ Полуостровѣ, что истребили или перевели въ мусульманство сербскихъ бояръ, а на мѣсто туземныхъ владѣльцевъ насажали своихъ пашей-помѣщиковъ и чиновниковъ.

Марина гасла, но вмѣстѣ съ нею гасла и Баялынь. Болѣзненная, нервная женщина, она сильно перепугалась бури—и ей не прошло даромъ неожиданное извѣстіе, что Дмитрій убилъ Юрія. Съ нею сдѣлалась горячка, и какъ ни кружили около нея всякіе волхвы багдадскіе и ганзейскіе доктора, она умерла — и общій голосъ въ Ордѣ приписывалъ смерть ея испугу. Смерть Баялыни была смертнымъ приговоромъ Дмитрію Грозныя Очи и его пріятелю Александру Новосильскому. Чолъ-Ханъ, тогдашній любимецъ и правая рука Узбека, первый потребовалъ казни этихъ князей,—во-первыхъ, какъ самоуправцевъ, нарушителей воли царской, во-вторыхъ, какъ людей сильно приверженныхъ къ христіанству и склонныхъ своими связями съ Литвой войдти въ сношенія съ желѣзными *божьими дворянами* (рыцарями), съ которыми такъ плохо приходилось справляться всѣмъ степнякамъ въ верховьяхъ Дуная. Уже передъ тѣмъ стали являться случаи гоненія за вѣру. Въ Болгарахъ, тамъ гдѣ Кама впадаетъ въ Волгу, замучили одного богатаго гостя Ѳедора Іерусалимлянина, человѣка очень ученаго, который препирался о вѣрѣ съ муллами. Ѳедоръ Іерусалимлянинъ погибъ 21 апрѣля 1323 года, и вслѣдъ за его мученичествомъ погибло много другихъ русскихъ, грековъ и генуэзцевъ, потому что ордынская аристократія съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе бусурманилась.

Дмитрія Михайловича заковали точно такъ же какъ и отца, какъ впослѣдствіи закованъ былъ братъ его Александръ Михайловичъ, надѣли на него и на Новосильскаго такія же колодки, судили его тѣмъ же самымъ ордынскимъ порядкомъ,—и 15 сентября 1325 года тѣ же самые Иванецъ и Романецъ, въ сопровожденіи Чолъ-Хана, вырвали, на рѣкѣ Кандраклеѣ, у нихъ сердце.

А тѣло Юрія Даниловича велѣно было отвезти на Русь и похоронить его въ отчинѣ его, въ Москвѣ. Хоронилъ Юрія Даниловича самъ преосвященный Петръ, митрополитъ Кіевскій и Всея Руси, и тогда же заложилъ онъ у двора, построеннаго ему Иваномъ Даниловичемъ, первую каменную церковь московскую: Успенія Пресвятыя Богородицы. Тамъ же заложилъ онъ себѣ гробъ, своими руками, въ стѣнѣ близь жертвенника, гдѣ и былъ впослѣдствіи положенъ этотъ великій святитель, первый перенесшій престолъ митрополичій изъ Владиміра въ Москву.

Петръ митрополитъ, какъ и его предшественники Кириллъ и Максимъ, были великими поборниками объединенія Руси, или, какъ уже тогда начали называть, собиранія земли Русской. Долго колебался онъ, къ которому изъ тогдашнихъ великихъ княжествъ русскихъ примкнуть церкви, и остановился на Москвѣ, потому что московскіе князья были дѣйствительно благочестивы,— потому что въ нихъ не было той безшабашной отваги, которою отличались тверскіе и рязанскіе, не было у нихъ того консерватизма, которымъ дышалъ Новгородъ, хлопотавшій только о своей грамотѣ и никогда не затѣвавшій раздвинуть свои предѣлы на счетъ другихъ русскихъ земель, стало-быть неспособный сдѣлаться собирателемъ земли. Перенесеніе митрополичьяго престола въ Москву — давало этому княжеству огромное первенствующее значеніе въ системѣ русскихъ государствъ, потому что у церкви, не подчиненной никакимъ мірскимъ юрисдикціямъ, повсюду были свои земли, свои села,—у митрополита были свои бояре, боярскіе дѣти и отроки, т. е. собственное войско и дворъ. Все бѣлое и черное духовенство, отъ Карпатъ до устья Невы, становилось такимъ образомъ въ нравственную зависимость отъ Москвы—и чрезъ его посредство московскія стремленія дѣлались стремленіями всѣхъ молодшихъ Всея Руси, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣхъ людей образованныхъ, которые, отринувши мудрость эллинскую, читали и списывали только книги духовнаго содержанія, въ родѣ Іоанна Лѣствичника, именно въ то самое время появившагося въ первый разъ въ славянскомъ переводѣ. Монашество стало развиваться на Руси съ неслыханной дотолѣ силою. Изъ Москвы раздавалась щедрая милостыня монастырямъ; всюду молили Бога за здравіе благовѣрнаго великаго князя Ивана Даниловича; всюду возникала мысль, что безъ Москвы ничего подѣлать нельзя. Что Калита и святитель Петръ очень хорошо понимали это значеніе церкви—свидѣтельствуетъ слѣдующее завѣщаніе Петра митрополита. При закладкѣ Успенскаго собора, онъ сказалъ Ивану Даниловичу: «Аще меня, сыну, послушаешь, и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнешь, и меня упокоешь въ своемъ градѣ — и самъ прославишься паче иныхъ князей, и сыновья и внуцы твои въ роды. И городъ сей славенъ будетъ во всѣхъ городахъ русскихъ, и святители будутъ жить въ немъ, и возыдутъ руки его на плещи врагъ его, и прославится Богъ въ немъ: еще же и мои кости въ немъ положени будутъ.

Зажилъ Петръ-святитель съ благочестивымъ великимъ княземъ, котораго онъ называлъ своимъ сыномъ; но не долго пришлось сыну отца покоить. Еще не отстроили Успенскій соборъ, какъ было святителю видѣніе, извѣщающее ему «исхожденіе къ Богу живота сего». Онъ сталъ крѣпко недомогать, но все еще ежедневно ходилъ въ соборъ совершать божественную службу, мо-

литься о православныхъ царяхъ, князьяхъ и о своемъ сынѣ возлюбленномъ, благочестивомъ великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ, о всемъ благочестивомъ христіанскомъ множествѣ Всея Русской земли; воспоминанія творилъ по умершимъ и причащался Св. Тайнъ Господнихъ. Выходя изъ собора, святитель сзывалъ весь причетъ и народъ, говорилъ поученія и непрестанно творилъ милостыню всѣмъ: и нищимъ, и людямъ страннымъ и убогимъ; наконецъ сталъ окончательно недомогать и понялъ, что смертный часъ его приходитъ. Ивана Даниловича въ Москвѣ не было. По старому обычаю, ею управлялъ тысяцкій Протасій, другъ и правая рука Ивана Даниловича, человѣкъ пользовавшійся большимъ уваженіемъ святителя.

— Чадо, сказалъ митрополитъ, — азъ отхожу отъ житія сего; оставляю сыну возлюбленному, князю Іоанну, милость, и миръ, и благословеніе отъ Бога и сѣмени его до вѣка, елико же меня мой сынъ упокоилъ. Да воздастъ ему Господь Богъ со сторицею въ мірѣ семъ, животъ вѣчный да наслѣдитъ, и да не оскудѣетъ о сѣмени его, обладая мѣстомъ его и память его да упространится».

Все имущество, какое было у святителя, онъ передалъ Протасію, завѣщавъ употребить на построеніе храмовъ Божіихъ, благословилъ всѣхъ, простился, началъ пѣть вечерню и со вздѣтыми къ небу руками опустился на землю. «И тѣло убо на землѣ оста, душею же возлетѣ на небеси къ желаемому Христу» — въ ночь на 21-е декабря 1325 года.

Новый митрополитъ, поставленный для русской церкви въ Цареградѣ, грекъ Ѳеогностъ, поѣхалъ уже прямо въ Москву, къ Ивану Даниловичу. Самъ Иванъ Даниловичъ (у котораго въ этомъ же году родился сынъ Иванъ, впослѣдствіи великій князь и отецъ Дмитрія Донскаго) былъ тогда въ Ордѣ, гдѣ тягался съ Александромъ Михайловичемъ за великое княженіе Всея Руси — и было горько ему, что Чолъ-Ханъ держитъ руку тверскихъ. И крѣпко не понравилось Ивану Даниловичу высокомѣріе и бойкость тверскаго его соперника — и понялъ онъ, что борьба съ Тверью только кровью тверскихъ можетъ кончиться, потому что Александръ крѣпко и упорно добивался Владимірскаго стола. Было ясно теперь, что потомкамъ двухъ родныхъ братьевъ, Александра-Невскаго и Ярослава тверскаго, тѣсно другъ отъ друга — и спрашивалось только: кто кого изведетъ?

А въ Прасковьиной вежѣ шелъ плачь и рыданіе. Священникъ читалъ отходную умиравшей Маринѣ.

— Ласточка, ты моя, касаточка! цвѣточекъ, ты мой, лазоревый! На кого ты меня, старую, оставляешь? На кого ты меня, сироту, покидаешь? Зачѣмъ твоя душенька отъ насъ отлетаетъ, старую меня забываетъ. Али мало тебѣ было явствъ сахарныхъ? али мало тебѣ было питей медовыхъ? али цвѣтныя платья твои всѣ поизносились? али камни твои самоцвѣтные потускнѣли? али злато-серебро твое поистерлось?

Русалка тоже причитывала, но причитывала она машинально, потому что этого обрядъ требовалъ. Со смертью Дмитрія и Баялыни ей было все равно; она была возведена Узбекомъ въ званіе царевны, и ее выдавали замужъ за одного кабардинскаго князька изъ ордынскихъ вассаловъ. Не понравилось это вышивальщицамъ, и стоило Русалкѣ и Прасковьѣ попросить Узбека — онъ охотно отмѣнилъ свое распоряженіе, въ память Баялыни, которую онъ и любилъ и уважалъ; онъ и свадьбу эту затѣялъ исключительно для того, чтобы пристроить сироту, сдѣлать ей доброе дѣло. Другое выпросили себѣ старуха и дѣвушка у милостиваго вольнаго царя ордынскаго — поселиться въ вежахъ старика Мурзы-Чета — онъ принималъ христіанство и ждалъ удобнаго, безопаснаго времени креститься и перебраться на Русь.

А Чобуганъ хмурился, кусалъ усы; ему было тяжело, невыносимо тяжело. Съ каждымъ днемъ пропадала у него вѣра въ Орду и въ возможность сдѣлать что-нибудь изъ нея путное; онъ не могъ равнодушно слышать христіанскаго напѣва, и въ вежѣ своей, подъ войлоками, сталъ держать крестъ съ частицею животворящаго древа. Орда же мусульманствовала; Щелканъ Дюденевичъ собирался Русь пересоздать при помощи неспособности тверскихъ князей, а въ тверскихъ хоромахъ сидѣла пасмурная великая княгиня Анна Дмитріевна, отпустившая сына Александра въ Орду — ставиться въ великіе князья тверскіе и Всея Руси. Она хмурилась и дивилась, что за проклятье надъ тверскимъ родомъ, что погибъ въ Ордѣ ея мужъ, ея старшій сынъ, — и не знала она, что тамъ же придется погибнуть, только не въ этотъ разъ, а послѣ долгаго мытарства, ея второму сыну, Александру Михайловичу! Не видѣла и не понимала она, что не удалью царства созидаются, а молчаливымъ расчетомъ, умѣньемъ поклониться когда надо, выждать минуту, сноровкой сѣть закидывать.

В. Кельсіевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Рюриковъ замокъ.

Прилагаемымъ рисункомъ мы начинаемъ рядъ изображеній нѣкоторыхъ мѣстностей нашего отечества, замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи: археологическомъ, историческомъ, промышленномъ и пр. Изъ коллекціи фотографическихъ видовъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны снятые нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ, членомъ географическаго общества, А. П. Шевяковымъ, мы выбрали для начала именно Рюриковъ замокъ, какъ древнѣйшій изъ памятниковъ, относящихся къ временамъ основанія русскаго государства.

Въ виду того переворота, который за послѣдніе 3 — 4 года совершился въ умственной жизни русскаго общества, — переворота, характеризуемаго общимъ стремленіемъ къ всестороннему изученію Россіи и всего русскаго, — мы надѣялись доставить удовольствіе нашимъ читателямъ, посильно содѣйствуя этому движенію. Нынѣ мы вошли въ сношенія со многими иногородными фотографами и художниками, а также заручились сотрудничествомъ мѣстныхъ корреспондентовъ, дабы описательная сторона нашего предпріятія шла рука объ руку съ художественной.

Ред.

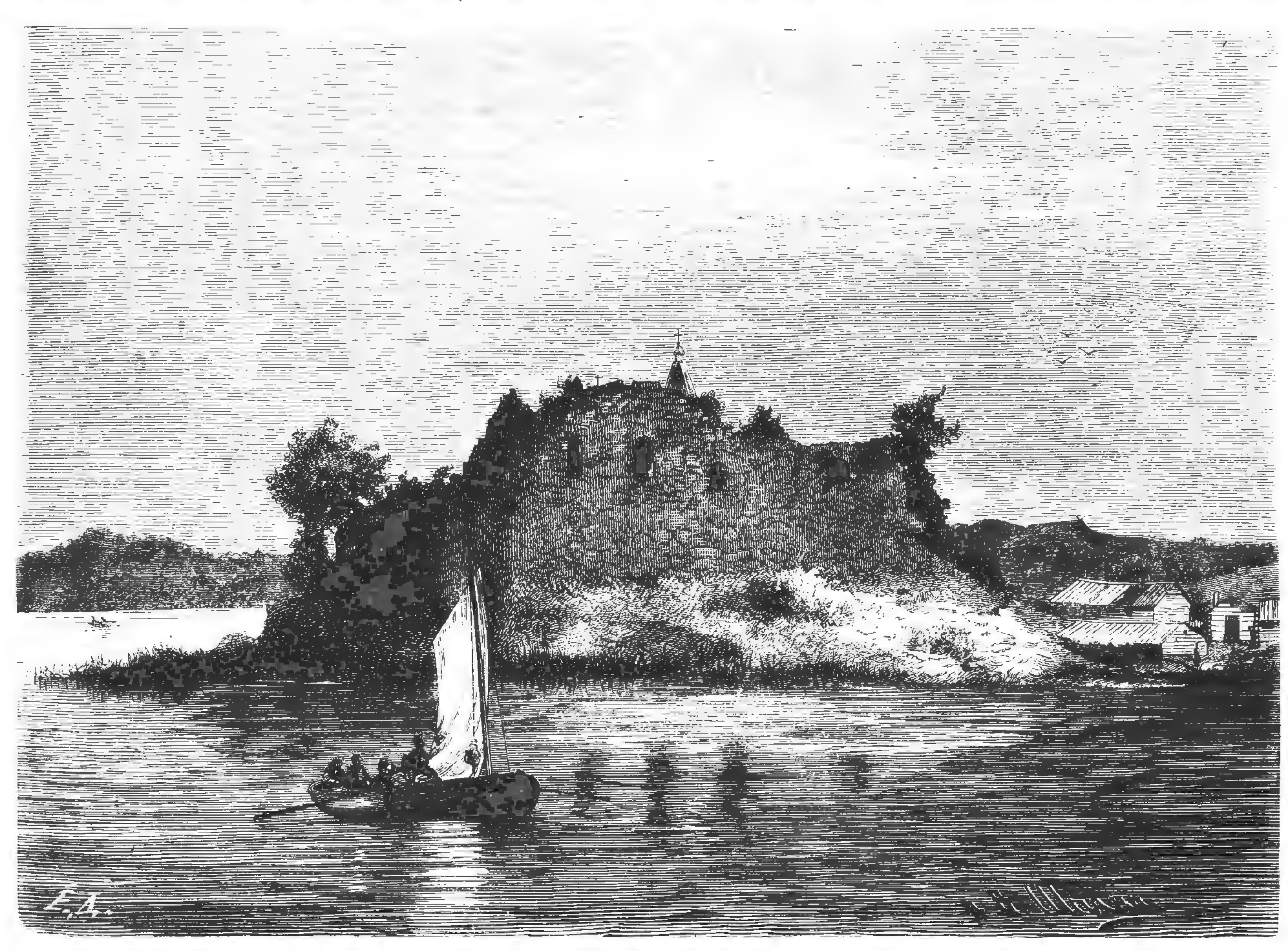
При впаденіи рѣчки Ладожки въ Волховъ (въ 150 верстахъ отъ Петербурга и въ 12 верстахъ отъ Новой

Ладоги) видны развалины Староладожской крѣпости, построенной изъ плитняка и булыжника. Внутри крѣпости помѣщается небольшая церковь, воздвигнутая Великимъ Княземъ Ярославомъ I-мъ. Мѣстные обыватели утверждаютъ, что изъ крѣпости подъ Волховъ былъ прорытъ подземный ходъ, который теперь засыпанъ, но за достовѣрность этихъ слуховъ трудно поручиться.

По преданію, Староладожская крѣпость называется Рюриковымъ замкомъ. Замокъ этотъ служилъ мѣстопребываніемъ перваго Русскаго Великаго Князя (въ 862 г.), прежде чѣмъ онъ избралъ Новгородъ своею столицею. Извѣстно, что славяне, жившіе около Ильменя (Весь и Чудь), отправили въ 862 г. къ Варяго-Руссамъ посольство съ такими словами: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, идите княжить и владѣть нами». На этотъ призывъ явились съ дружинами знаменитые родомъ три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Старшій — Рюрикъ прибылъ въ Старую Ладогу, Синеусъ—въ Бѣлоозеро, а Труворъ—въ Изборскъ. Въ лѣтописи Нестора сказано: «*Избрашась три братья и пріидоша къ словеномъ первое и срубиша городъ Ладогу и сѣде въ Ладозѣ Старѣй Рюрикъ*». Нѣкоторые изъ историковъ, въ числѣ ихъ и извѣстный нашъ исторіографъ Карамзинъ, полагаютъ, что Рюрикъ прибылъ *прямо въ Новгородъ;* но новѣйшими изслѣдованіями подтверждается, что Рюрикъ жилъ въ Ладогѣ до смерти братьевъ т. е. до 864 г., и тогда уже поселился въ Новгородѣ.

Спустя 252 года послѣ основанія Старой Ладоги, Князь Мстиславъ велѣлъ перенести ее на новое мѣсто: ближе къ рѣкѣ. Тогда новгородскій посадникъ Павелъ обнесъ Ладогу каменными стѣнами, устроилъ башни и каменную церковь. Въ 1164 г. окрестности Ладоги и даже самый городъ были опустошены шведами, приходившими на 60-ти судахъ къ Ладогѣ, но княземъ Святославомъ Ростиславичемъ съ новгородцами и посадникомъ Азоріемъ были отражены съ великою потерею. Въ 1214 году шведы сожгли Ладогу, а въ 1337 помогая кореламъ, побили многихъ ладожскихъ купцовъ и выжгли предмѣстье города. Съ этого времени Старая Ладога не могла достигнуть цвѣтущаго состоянія, не смотря на средства, доставляемыя самою природою къ распространенію промышленности. Въ 1704 году Петръ Великій основалъ городъ Новую Ладогу: тогда Старая Ладога начала приходить въ совершенный упадокъ—и большая часть жителей переселилась въ новый городъ. Нынѣ Старая Ладога, подъ названіемъ слободы, принадлежитъ новоладожскимъ купцамъ и мѣщанамъ.

Вешнія льдины и воды размыли берега рѣки Волхова до того, что бревна, служившія для связей подъ стѣнами Рюрикова замка, теперь находятся уже въ водѣ; стѣны годъ отъ году все болѣе и болѣе разрушаются, и сглаживаются слѣды *первой русской* крѣпости, которая была началомъ русскаго государства. Рюриковъ замокъ, безъ сомнѣнія, древнѣйшій изъ русскихъ памятниковъ,—а потому отрадно было бы, еслибъ онъ поддерживался и не приходилъ въ упадокъ. Грустно видѣть, какъ разваливаются эти стѣны; вѣдь онѣ ровестницы нашей—болѣе нежели тысячелѣтней—Россіи!

Рюриковъ замокъ.

Рисовалъ на деревѣ В. Шпакъ, гравировалъ Э. Даммюллеръ.

Новые пути къ сѣверному полюсу.

Экипажъ «Германіи» и «Ганзы» — двухъ кораблей, отправленныхъ экспедиціей на сѣверный полюсъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ настоящую минуту приступаетъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Если все шло благополучно, храбрые піонеры науки перезимовали на восточномъ берегу Гренландіи и теперь должны пользоваться краткимъ лѣтомъ, допускающимъ движеніе по каналамъ, образовавшимся между льдами. Въ долгую стоянку, смѣльчакамъ вѣроятно не было недостатка въ случаяхъ къ наблюденіямъ по части естествознанія и географіи, но разрѣшеніе ихъ главной задачи еще впереди; послѣ благополучнаго ихъ возвращенія, мы надѣемся узнать отъ нихъ: есть-ли открытая вода за ледянымъ поясомъ, столько мѣшавшимъ всѣмъ мореплавателямъ,—или самая сѣверная полоса нашей земли покрыта сплошнымъ, вѣчнымъ льдомъ.

Предполагаемъ, что всѣ наши читатели болѣе или менѣе знакомы съ вопросомъ о томъ, открыто ли полярное море. Сообщимъ имъ отвѣтъ на этотъ интересный вопросъ—одного опытнаго сѣверо-американскаго моряка, капитана Сайласа Бента, результатъ тридцатилѣтнихъ наблюденій и изученія, къ которому статья, вышедшая въ ученомъ журналѣ «Putnam's Magazine», присовокупляетъ говорящія въ его пользу зоологическія доказательства. Начнемъ съ послѣднихъ.

Въ офиціальномъ дневникѣ Гриннельской экспедиціи на сѣверный полюсъ—есть замѣтка Кэна, писанная во время поѣздки на саняхъ, подъ 79° сѣверной широты. «Нигдѣ не видали мы такого множества птицъ», говоритъ онъ: «вода чернѣетъ отъ нихъ, и каждый утесъ ими покрытъ». Еще далѣе къ сѣверу подъ 79° 35′ Кэнъ замѣчаетъ во всемъ дневникѣ. «Здѣсь мы нашли арктическую «бурную птицу», которую видѣли въ послѣдній разъ 200 миль южнѣе. Она достаетъ себѣ пищу изъ моря—и ее рѣдко гдѣ можно встрѣтить въ значительномъ числѣ, кромѣ только *открытыхъ водяныхъ мѣстностей*, посѣщаемыхъ китами и большими сортами рыбъ». На своей зимней стоянкѣ, Кэнъ охотой не могъ добыть дичи, но подальше, на 350 (англійскихъ) миль къ сѣверу, его удивило слѣдующее зрѣлище: «Красные гуси, гаги и царскія утки сидѣли такъ плотно, что нашъ эскимосъ однимъ выстрѣломъ изъ ружья убилъ двухъ птицъ. Гуси летѣли черезъ море по сѣверному и восточному направленію». Красный гусь посѣщаетъ сѣверо - американскіе берега, пока его не прогонитъ холодъ. Это — морская птица, питающаяся морскими растеніями. Царская утка высиживаетъ яйцы по близости къ Бостону, и гага тоже живетъ въ умѣренныхъ полосахъ Новаго Свѣта. Одюбонъ о ней говоритъ, что она ныряетъ глубоко подъ водою, за раковинами. По словамъ того же естествоиспытателя, арктическая «бурная птица» питается мягкотѣлыми, мелкой рыбой, раковидными и морской водорослью. Мыслимо ли, чтобъ эти птицы, которыхъ Кэнъ видѣлъ летающими на сѣверъ и востокъ, искали тамъ море покрытое льдомъ, не доставляющее имъ прокормленія? Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ направляли полетъ свой къ открытому водяному пространству, о существованіи котораго имъ было извѣстно. Этого доказательства не хотятъ признавать. «Ной повѣрилъ показанію одного голубя», замѣчаетъ по этому поводу авторъ статьи: «неужели тутъ цѣлыя стаи птицъ поставить ни во что?»

Еще свидѣтель изъ животнаго царства въ пользу существованія открытаго полярнаго моря, это—обыкновенный китъ. Его встрѣчаютъ въ большомъ множествѣ то на тихоокеанской, то на атлантической сторонѣ арктической полосы. Значитъ онъ переплываетъ съ одной на другую. Обогнуть мысъ Горнъ или мысъ Доброй Надежды онъ не можетъ, потому что сварился бы въ тропическихъ моряхъ; стало-быть маршрутъ его изъ одного океана въ другой—гдѣ-нибудь на самомъ дальнемъ сѣверѣ, т. е. открытымъ моремъ, потому что подъ льдомъ онъ не можетъ существовать. Что онъ тамъ имѣетъ свободный проходъ—не подлежитъ сомнѣнію послѣ того, какъ на атлантической сторонѣ убили гарпуномъ кита, на которомъ нашли знакъ китолова, работающаго въ Беринговомъ проливѣ.

Чѣмъ кормится великанъ въ арктическомъ морѣ? Пищею, которую приносятъ ему Гольфстрёмъ изъ Атлантическаго Океана и Куро-Сиво изъ Тихаго Океана. Пища эта главнѣйше состоитъ изъ водорослей всевозможныхъ сортовъ. Микроскопическія водоросли придаютъ арктическому снѣгу кровяно - красный цвѣтъ; другіе сорта, крупнѣе, варятъ и ѣдятъ. Діатомеи, самые крошечные изъ обитателей морей, живутъ на этихъ водоросляхъ. Діатомеями опять питается животное разряда немножко повыше (Foraminifera), и такъ продолжается этотъ процессъ истребленія, пока не доходитъ до тварей, годящихся въ пищу аристократіи моря, въ особенности киту. Саргасское море — большая кладовая арктической полосы, Гольфстрёмъ — путь сообщенія, доставляющій транспорты къ полюсу. Точныя изслѣдованія подъ микроскопомъ доказали присутствіе въ зеленомъ илѣ Гольфстрёма водорослей, діатомей и другихъ инфузорій. Въ арктическомъ обратномъ теченіи, возвращающемся съ полюса на югъ, этихъ органическихъ веществъ не находили. Значитъ, арктическое море должно кипѣть жизнью. Могли ли эти массы морскихъ организмовъ существовать подъ ледяной корою? А еслибы была ледяная кора—эти инфузоріи проточили бы ее. Самое твердое дерево противъ нихъ не устоитъ, и даже плимутская плотина (при всемъ томъ, что она сложена изъ крѣпкаго камня) могла бы кое что поразсказать о ихъ нападеніяхъ.

Тѣ же самыя теченія, которыя приносятъ ихъ на сѣверъ, приносятъ туда же и болѣе высокую температуру. На сѣверо-западномъ берегу Норвегіи, омываемомъ Гольфстрёмомъ, въ трещинахъ приморскихъ скалъ находятъ прекрасные кораллы съ длинными розовыми вѣтвями. Если Гольфстрёмъ въ Норвежскомъ морѣ, лежащемъ въ 23° широты отъ полюса, производитъ климатъ, въ которомъ могутъ водиться кораллы, то и на полюсъ онъ долженъ принести довольно высокую морскую температуру. Страшная масса теплой воды, которую Гольфстрёмъ изливаетъ въ арктическое море, не одна туда стремится. Изъ Тихаго Океана проникаетъ не меньшая масса черезъ Беринговъ проливъ. Куро-Сиво, приносящее ее, еще недавно намъ извѣстно. Точное изслѣдованіе это «чернаго теченія» (буквальный переводъ японскаго названія) первый произвелъ капитанъ Сайласъ Бентъ, когда онъ съ Коммодоромъ Перри участвовалъ въ японской экспедиціи.

Куро-Сиво, продолженіе экваторіальнаго теченія, начинается у острова Формозы. Его «черныя» воды значительно превосходятъ теплотою синія какъ индиго воды Гольфстрёма. Величественной массой претъ онъ впередъ—и даже сильнѣйшая буря не заставитъ его уклониться

отъ пути. Направленіе его идетъ къ сѣверо-востоку, и до Беринговаго пролива его легко прослѣдить. Если Гольфстрёмъ одѣваетъ Исландію изумрудной зеленью, то Куро-Сиво даетъ тоже благодѣяніе Алеутскимъ и Аляскскимъ островамъ. Стада тамъ зимою едва нуждаются въ прикрытіи. У Алеутовъ нѣтъ лѣса, но Куро-Сиво приноситъ имъ строительный лѣсъ и топливо. По его милости въ сѣверной части Тихаго Океана нѣтъ ледяныхъ горъ. На русскомъ берегу, котораго онъ не касается, поразительно холоднѣе, чѣмъ на американскомъ. Коцебу говоритъ: «переплыть съ американскаго берега на азіатскій — точно изъ лѣта попасть въ зиму». Если корабли торгующихъ съ Петропавловскомъ одолѣваетъ ледъ, садящійся на дерево и снасти, они поднимаются выше къ сѣверу, къ американскому берегу, и тамъ оттаяваютъ.

Что Куро-Сиво черезъ Беринговъ проливъ въ самомъ дѣлѣ проникаетъ въ арктическое море—многими оспаривается. Приводимъ слѣдующее мѣсто изъ доклада американской экспедиціи на сѣверъ Тихаго Океана (1854 и 1855 г.): «Тогда какъ мы къ С. З. отъ Берингова пролива натолкнулись на ледяную преграду, пройдя проливъ на сѣверъ или на востокъ, насколько далеко проникла экспедиція, море было свободно отъ льду, съ теченіемъ, идущимъ къ сѣверо-востоку, и гораздо болѣе теплымъ, нежели, по широтѣ, приходилось». Коммодоръ Джонъ Роджеръ, начальникъ этой экспедиціи, дошелъ до 76° и обошелъ кругомъ, потомъ накрестъ проплылъ два круга, имѣющіе въ поперечникѣ по 150 англійскихъ миль. На западѣ онъ видѣлъ ледъ, на сѣверѣ и востокѣ не видалъ.

Слѣдующее краткое положеніе, заимствуемое изъ письма Бента къ предсѣдателю географическаго общества въ Нью-Йоркѣ, излагаетъ сущность его выводовъ: «Гольфстрёмъ и Куро-Сиво — главныя, если не единственныя причины существованія—у сѣвернаго полюса—открытаго моря, температурой значительно превышающаго теплоту, обусловливаемую широтою. Суда могутъ достичь этого открытаго моря и сѣвернаго полюса только слѣдуя этимъ теплымъ теченіямъ. Для того чтобы отыскать ихъ и держаться ихъ—достаточно указаній водяннаго термометра. Эти два теченія, поэтому, можно бы назвать термометрическими воротами полюса».

Прибавимъ въ заключеніе, Бентъ приводитъ неопровержимое, по его мнѣнію, доказательство, что вѣчнаго льду на полюсѣ не можетъ быть. «Метеорологическими наблюденіями», говоритъ онъ, «вѣрно дознанъ тотъ фактъ, что средняя высота осажденія влаги во всѣхъ частяхъ свѣта равняется ежегодно пяти футамъ. Еслибы снѣгъ и ледъ постоянно накоплялись у полюса въ теченіе 6000 лѣтъ, то составилась бы, на поверхности, обнимающей $1\frac{1}{2}$ милліона англійскихъ миль, ледяная гора въ 30,000 футовъ вышиною. Подобное накопленіе воды въ твердомъ видѣ на одномъ концѣ земли нетолько ощутительно понизило бы уровень немерзлыхъ морей, которыя должны бы были поставлять эту влагу способомъ испаренія, но удаленіемъ столь тяжелыхъ массъ отъ центральныхъ полосъ земли и накопленіемъ ихъ у полюса нарушилось бы ея равновѣсіе».

Сайласъ Бентъ писалъ о томъ, что хорошо бы отправить американскую экспедицію къ сѣверному полюсу. Она дѣйствительно состоится и начнетъ свои изслѣдованія съ Берингова Пролива. Въ Германіи обсуждали, не принять ли это направленіе, но рѣшили иначе. О замышляемой-было французской экспедиціи больше не слыхать. Года два или три назадъ собирали на нее деньги, но изъ газетъ не видно, чтобъ пришли къ какому-нибудь результату.

Древнія и новыя сказанія о собакахъ.

(*Окончаніе*).

До введенія въ Берлинѣ налога на собакъ, тамъ можно было видѣть пуделей-тряпичниковъ; они таскали своимъ господамъ не только кости, бумагу, тряпки, битое стекло, но очень хорошо умѣли распознавать вещи болѣе цѣнныя и тщательно собирали золотыя вещи, кольца, часы, носовые платки. Когда въ Вѣнѣ стали вводить налогъ и начали съ переписи собакъ, вслѣдствіе чего казна обогатилась на 80,000 гульденовъ ежегодно, многіе бѣдняки просили не брать съ нихъ пошлины, такъ какъ они не могли бы существовать безъ своихъ собакъ. Тотчасъ же нашлись хорошіе люди, которые вызвались платить за нихъ. Между прочимъ много говорили о собакѣ, принадлежащей нѣсколькимъ бѣднымъ, глухонѣмымъ женщинамъ, живущимъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ и снискивающимъ себѣ скудное пропитаніе смиреннымъ трудомъ рукъ своихъ. Собака день и ночь охраняетъ ихъ малое имущество. Если къ двери подходитъ чужой, умное животное не лаетъ, зная что его госпожи не услышали бы, а подходитъ къ нимъ и тихо дергаетъ ихъ за платье. Какъ-то разъ въ домѣ вспыхнулъ довольно большой пожаръ, и никто не вспомнилъ о бѣдныхъ глухонѣмыхъ — но собака до тѣхъ поръ не давала имъ покоя, до тѣхъ поръ теребила и дергала ихъ, пока не заставила ихъ выйти и спастись. Кромѣ того получили даровыя контрмарки двѣ собаки, которыя водятъ старыхъ слѣпцовъ, приносятъ имъ палки, сапоги и пр. и трогательно заботятся, чтобъ они не попали на улицѣ подъ лошадей; затѣмъ большая собака, спасшая троихъ дѣтей изъ Дуная; другая, отличавшаяся смышленостью и храбростью въ битвѣ при Кустоццѣ; прелестный маленькій пинчеръ, получившій медаль на промышленной выставкѣ въ Пратерѣ; двѣ собаки принадлежащія братству «братьевъ милосердія», которые содержатъ пріютъ для выздоравливающихъ, дѣлая много добра при крайне ограниченныхъ средствахъ, и садъ которыхъ охраняется отъ воровъ единственно бдительностью собакъ,—и еще нѣсколько добродѣтельныхъ собакъ.

Привожу еще слѣдующій разсказъ о пуделѣ, сообщенный мнѣ однимъ изъ моихъ товарищей — такимъ же собачникомъ какъ я; я предвижу, что многіе усомнятся въ правдивости этого разсказа — могу только сказать, что, по всему извѣстному мнѣ объ этихъ удивительныхъ животныхъ, въ немъ нѣтъ ничего превосходящаго ихъ способности. Вотъ что пишетъ мнѣ мой товарищъ:

У меня есть пудель, Азоръ, который по истинѣ хлѣба даромъ не ѣстъ. Это даже собака высоко-нравственная, и ей одной обязанъ я привычкой рано вставать, по-

тому что она утромъ мнѣ не даетъ покоя, пока я не поднимусь съ постели, а вечеромъ, если я засижусь въ пріятной компаніи позже 11 часовъ, до тѣхъ поръ треплетъ меня за платье и визжитъ особеннымъ меланхолическимъ манеромъ, и съ упрекомъ на меня смотритъ, пока я не скажу: «ну да, понимаю — пора на боковую? ну пойдемъ!» Прибавь къ этому, что Азорка однажды спасъ меня отъ ужасной смерти. Я воротился домой съ товарищеской пирушки немного навеселѣ, легъ въ постель, и уснувъ за чтеніемъ газеты, безсознательнымъ движеніемъ опрокинулъ свѣчу отъ которой загорѣлись простыни. Азоръ вскочилъ на пылающую постель и, рискуя собственной шкурой, да не щадя и моей, до тѣхъ поръ теребилъ меня зубами и лапами, пока я проснулся, прежде чѣмъ задохся отъ дыма. Но прелестнѣйшую исторію объ Азорѣ я оставилъ на закуску. Я долго стоялъ въ Харьковѣ и.... надо сперва сказать, что я имѣю несчастіе быть страстнымъ охотникомъ до нюханія табаку. Отъ этой дурной привычки не могъ отучить меня даже строгій блюститель моей нравственности, Азоръ. Напротивъ, онъ даже потворствуетъ моей слабости. Въ Харьковѣ, черезъ улицу отъ меня, была табачная лавка съ любимой вывѣской: турокъ въ чалмѣ и костюмѣ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, выпускающій изъ длиннѣйшаго чубука истинно олимпійскія облака дыма. Изъ этой лавки Азоръ каждое утро носилъ мнѣ на пять копѣекъ нюхательнаго табаку. Я завертывалъ деньги въ бумажку, Азоръ бралъ ее въ ротъ, перебѣгалъ черезъ улицу, ловко самъ отворялъ дверь, напирая лапой за ручку, клалъ деньги на конторку,—и если торговецъ, чтобъ подразнить его, давалъ ему сигару или табакъ для папиросъ, ничего не бралъ, пока не получалъ свой фунтикъ съ нюхательнымъ табакомъ. Эта исторія продолжалась больше года. Наконецъ меня перевели въ Черниговъ. Случилось такъ, что наискось отъ моей квартиры опять была табачная лавка, почти съ такой же вывѣской какъ въ Харьковѣ. Мнѣ захотѣлось подвергнуть смышленость Азора новаго рода испытанію. Не представивъ его лично содержателю лавки, какъ я это дѣлалъ въ Харьковѣ, я подвелъ его къ окну, показалъ ему курящаго турка, далъ ему въ ротъ пятакъ, погладилъ ему кудрявый лобъ, и сказалъ ему: «Allons, Азоръ — щепотку свѣженькаго табаку!» Азоръ впродолженіи секунды поглядѣлъ на меня съ неописаннымъ выраженіемъ — въ его взорѣ смѣшивались любовь, грусть и въ тоже время какъ бы укоръ свѣтился въ его грустныхъ, блестящихъ темныхъ глазахъ; онъ точно говорилъ этимъ взоромъ: «Неужели я заслужилъ отъ тебя такое мученіе?.. За что?...» Но въ слѣдующую минуту онъ нѣжно лизнулъ мнѣ руку, взялъ бумажку съ деньгами въ зубы, въ дверяхъ еще разъ печально оглянулся на меня—и тихонько, точно въ раздумьи вышелъ на улицу. Передъ курящимъ туркомъ онъ на минутку присѣлъ по собачьи, вдругъ энергически потрясъ курчавой головою,—и короткой, ровной рысью повернулъ за уголъ. «Что же это такое?» подумалъ я—и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать возвращенія Азора. Проходитъ много времени — моего добраго друга нѣтъ какъ нѣтъ. Когда наступилъ вечеръ а его все не было, я началъ серіозно безпокоиться и отправился розыскивать его и спрашивалъ всѣхъ собачниковъ, въ полиціи былъ—никто не видалъ Азора, ни того чтобъ брали его. Я всю ночь не могъ глазъ сомкнуть отъ горя и упрековъ совѣсти. Слѣдующіе дни розыски мои оставались такими же безплодными, хотя я напечаталъ объявленія въ газетахъ, и вывѣсилъ по всѣмъ угламъ большія красныя объявленія съ обѣщаніемъ награды. Такъ прошло пять дней и я уже терялъ всякую надежду когда либо опять увидѣть моего добраго, умнаго, вѣрнаго пуделя, — какъ вдругъ, вечеромъ пятаго дня, въ сумеркахъ — слышу, что-то въ мою дверь царапается, визжитъ, лаетъ — Азоръ! Въ самомъ дѣлѣ—онъ! Весь въ пыли, въ грязи, прыгаетъ онъ около меня, отъ радости готовъ рехнуться— а въ зубахъ держитъ фунтикъ нюхательнаго табаку, а на фунтикѣ — штемпель харьковской табачной лавки!.. Милый мой Азоръ пробѣгался въ Харьковъ — сразу въ точности не скажу сколько именно верстъ. За то онъ бѣдняга страшно исхудалъ за эти пять дней. Признаюсь, не стыдясь—я былъ тронутъ до слезъ!

Мы говорили уже, что древніе германцы ставили хорошую собаку выше даже лошадей. Прибавимъ, что по положеніямъ ихъ уголовнаго закона, укравшій пщейку долженъ былъ не только возвратить ее хозяину, но въ придачу, въ видѣ штрафа дать ему еще быка. У арабовъ понынѣ еще существуетъ законъ: тотъ, кто убилъ борзую собаку, долженъ въ вознагражденіе за нее дать ея хозяину столько пшена перваго сорта, сколько нужно, чтобы совсѣмъ покрыть тѣло собаки, если ее привѣсить за хвостъ къ дереву, такъ чтобы она носомъ касалась до земли. Если сообразить длину борзыхъ собакъ, окажется что штрафъ далеко не незначительный. О цѣнности этихъ арабскихъ собакъ свидѣтельствуетъ не такъ давно явившееся въ «Times» извѣстіе слѣдующаго содержанія: «Съ послѣднимъ пароходомъ отъ западнаго берега Африки, въ Англію прибыла великолѣпная собака, подарокъ маршала Макъ-Магона императору Наполеону. Она величиной съ молодаго теленка, черна какъ уголь, съ желтыми пятнами на груди и на спинѣ. Этихъ собакъ имѣютъ только знатнѣйшіе арабскіе вожди; имъ нѣтъ цѣны, вслѣдствіе ихъ необыкновенной быстроногости на охотѣ, и шейхи часто отвергаютъ предлагаемыя за нихъ огромныя суммы».

Въ заключеніе приведу еще двѣ достовѣрныя собачьи исторіи, которыя нѣкоторымъ изъ моихъ молодыхъ читателей можетъ быть извѣстны, а многимъ, вѣроятно нѣтъ.

Понятно, что при извѣстныхъ своихъ качествахъ, собака должна быть драгоцѣнной помощницей не только честному охотнику, но и контрбандисту. Изъ этой стороны собачьяго быта можно-бы позаимствовать не одинъ занимательный разсказъ — удовольствуемся однимъ, глубоко трагическимъ. Происшествіе разыгралось на берегахъ Нѣмецкаго моря въ Помераніи, близь мекленбургской границы, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Контрабанда изъ Мекленбурга въ то время процвѣтала въ громадныхъ размѣрахъ; множество семействъ кормилось исключительно этимъ опаснымъ промысломъ. По ночамъ мужчины крались черезъ границу, накупали колоніальныхъ товаровъ, вина, шелковыя матеріи за грошевыя цѣны, а днемъ женщины довольно открыто разгуливали по домамъ и сбывали товаръ. Въ одномъ приморскимъ городкѣ, жилъ молодой парень, — красавецъ, веселый, отважный до сумазбродства, который прославился своей ловкостью и подвигами, и задавалъ тонъ своимъ товарищамъ. Самыя блестящія контрабандныя дѣла ужъ непремѣнно онъ обдѣлывалъ, и въ его карманѣ всѣхъ больше перебывало денегъ. Въ его экспедиціяхъ черезъ границу его неизмѣнно сопровождалъ одинъ товарищъ, вѣрный, надежный, неутоми-

мый, удобный еще тѣмъ, что съ нимъ не нужно было дѣлить барышей—его большой, желтый бульдогъ. Онъ былъ до того уменъ, что когда господинъ его иной разъ предпочиталъ потанцовать съ хорошенькими дѣвушками, вмѣсто того чтобы въ дождь и бурю перебираться черезъ границу, бульдогъ по приказанію самъ отправлялся. Купцы сосѣдняго мекленбургскаго города знали его, и когда онъ царапался къ нимъ въ дверь, впускали его, наполняли мѣшокъ (прикрѣпленный къ его спинѣ) товаромъ и спокойно опять отпускали его. Съ удивительной смышленостью и ловкостью собака умѣла не попадаться пограничнымъ жандармамъ. Такъ продолжалось до одной злополучной мѣсячной зимней ночи. Чудная собака по обыкновенію бодро, неторопливо выступала по снѣгу, съ тяжелымъ грузомъ кофе, какъ вдругъ изъ-за куста сверкаетъ выстрѣлъ—и она окрававленная, съ раздробленной челюстью валится на землю. Жандармъ подскакиваетъ, и не только отнимаетъ у стонущаго безпомощнаго животнаго его добычу, но—разсказывать претитъ!—вынимаетъ ножъ и, съ утонченной жестокостью, перерѣзываетъ несчастной собакѣ сухожилья на всѣхъ лапахъ,—затѣмъ, гордый своимъ подвигомъ, возвращается къ посту. Бѣдная, изувѣченная собака, несмотря на ужасную муку, медленно, съ несказаннымъ трудомъ ползетъ по знакомой дорогѣ домой. Ея господинъ, встревоженный долгимъ отсутствіемъ добраго товарища, выходитъ ей на встрѣчу, и находитъ ее на дорогѣ, уже полумертвою. Собака лижетъ ему руки и испускаетъ духъ. Контрабандистъ поклялся въ страшной мести—и сдержалъ слово. Какими-то путями вывѣдалъ онъ, который именно изъ жандармовъ такъ безчеловѣчно замучилъ его бѣднаго друга—можетъ-быть тотъ и самъ похвастался своимъ геройскимъ поступкомъ. Какъ бы тамъ ни было, контрабандистъ зналъ «палача своей собаки»—иначе онъ его съ той ночи не называлъ—и продолжалъ заниматься своимъ промысломъ больше для того чтобы мстить за нее—и мстить не одному убійцѣ ея, а всѣмъ вообще пограничнымъ жандармамъ. Мщеніе его было ужасно, и до сихъ поръ не забыто въ тѣхъ краяхъ. Въ темную холодную осеннюю ночь онъ смѣло переходитъ границу и проноситъ, почти не скрываясь, большой тюкъ полотна на спинѣ. Одинъ изъ жандармовъ тотчасъ за нимъ гонится—онъ бросаетъ тюкъ и исчезаетъ. Жандармъ поднимаетъ его, взваливаетъ къ себѣ на спину и направляется къ таможнѣ, радуясь части, которую ему прійдется получить изъ секвестрованнаго имъ товара. Вдругъ — точно огненная змѣя промелькнула во мракѣ—глухой взрывъ, дикій вопль отчаянія — громкій, сатанинскій хохотъ—затѣмъ все тихо. На слѣдующее утро пограничные стражи нашли разбросанными на большомъ разстояніи другъ отъ друга кровавые лоскуты мундира и частички тѣла своего несчастнаго товарища, а на землѣ—длинную черную полосу обугленной травы—больше ничего. Тюкъ полотна былъ просто на просто мѣшокъ съ порохомъ; прежде чѣмъ бросить его, контрабандистъ проколол его ножемъ. Жандармъ въ потьмахъ этого не замѣтилъ, и взвалилъ себѣ на спину собственную смерть. Сыпавшійся за нимъ тонкой струйкой порохъ образовалъ какъ бы фитиль къ минѣ... Самому «палачу» онъ отомстилъ еще жесточе, еще утонченнѣе. Въ одно прекрасное утро несчастнаго нашли на полѣ, плавающимъ въ крови и страшно изувѣченнымъ. Жилы на сочлененіяхъ ногъ и рукъ были перерѣзаны, совершенно также какъ у бульдога, и этимъ еще не ограничивалось изувѣченіе. Онъ прожилъ въ ужасныхъ мученіяхъ еще три дня. Онъ могъ бы и назвать своего мучителя: дѣло рукъ его было все равно, что подписано—его узналъ весь околотокъ. Самъ онъ исчезъ и больше не являлся утоливъ свою месть. Ходили слухи, будто онъ пошелъ на пиратское судно, какихъ осталось еще много послѣ недавнихъ темныхъ наполеоновскихъ временъ.

Кто не слыхалъ о знаменитой, умной швейцарской собакѣ Лулу? Но извѣстны-ли всѣмъ моимъ читателямъ подробности ея исторіи?

Лулу была большая, сильная, красивая собака, изъ тѣхъ что ходятъ на волковъ, съ длинной желтой шерстью, умными, добрыми глазами, и всегда сопровождала одного швейцарца, который заработывалъ себѣ хлѣбъ—провожая иностранцевъ въ экскурсіяхъ по Альпамъ и показывая имъ дорогу. Въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ ледниковъ и снѣжной полосы, Лулу всегда бѣжалъ впередъ, и съ рѣдкимъ искусствомъ обходилъ скользкія или нетвердыя глыбы скалъ или льду и занесенныя снѣгомъ щели, такъ часто навѣки поглощающія неосторожнаго пѣшехода, да кромѣ того при случаѣ несъ легкую поклажу туристовъ. Когда вожакъ вдругъ умеръ, Лулу остался единственнымъ другомъ и кормильцемъ оставленныхъ имъ пятнадцати и шестнадцатилѣтней дочерей. Имѣя его провожатымъ онѣ могли спокойно браться за дѣло отца, и блестящая репутація Лулу служила приманкой для туристовъ, не говоря уже о томъ, что его внушительная наружность и смышленость избавила ихъ отъ назойливости не одного господина.

Въ одну изъ такихъ экспедицій съ Лулу познакомился и можно-сказать влюбился въ него одинъ богатый англичанинъ. Онъ упрашивалъ сестеръ продать ему собаку и предложилъ имъ 500 талеровъ; но онѣ отказали ему, сколько изъ любви къ собакѣ, столько и сообразивъ, что разставшись съ ней, и израсходовавъ полученную за нея сумму, онѣ останутся не только безъ друга но и безъ заработковъ. Тогда англичанинъ рѣшился украсть Лулу—и ему не трудно было уговорить на это одного провожатаго, который давно уже съ завистью смотрѣлъ на значительный доходъ, получаемый сестрами благодаря умному животному. За первую попытку онъ поплатился страшно искусанной рукою; вторая удалась, и Лулу достался образованному англичанину, который, связаннаго, повезъ его съ собою. Сестры были безутѣшны. Пять дней оплакивали онѣ вѣрнаго товарища, котораго не надѣялись уже видѣть—какъ вдругъ вѣрный песъ, весь въ крови, съ израненными лапами явился передъ ними. При помощи своей удивительной силы и смышлености онъ высвободился изъ опутывавшихъ его веревокъ, ночью выскочилъ въ окно цюрихскаго отеля (гдѣ англичанинъ стоялъ въ первомъ этажѣ), пробивъ большую стеклянную раму и благополучно добрался домой. По исцѣленіи его, сестры съ его помощью опять съ прежнимъ успѣхомъ принялись за свой промыселъ. Однажды онѣ забрались съ цѣлой компаніей далеко въ садъ, какъ вдругъ имъ встрѣчаются другіе туристы. Мигомъ Лулу бросается на провожатаго ихъ—и если-бы не вмѣшались во время его госпожи, разорвалъ бы своего врага на клочья. Провожатый долженъ былъ сознаться, что онъ укралъ собаку и доставилъ ее англичанину. Пока путешественники еще съ удивленіемъ толковали объ этомъ происшествіи, Лулу поднялъ голову втягивая въ себя воздухъ,

затѣмъ испустилъ жалобный вой, началъ дергать своихъ госпожъ за платья и побѣжалъ впередъ, по большой скалѣ. «Опасность грозитъ — лавина — идите скорѣе!» крикнули дѣвушки, схватили дамъ за руки и бѣгомъ потащили ихъ за спасительную скалу. Едва успѣли всѣ укрыться за нее, какъ лавина съ грохотомъ уже катилась по тому самому мѣсту, на которомъ путешественники стояли минуту назадъ. Этого, почти чудеснаго, избавленія не забыло одно изъ спасенныхъ семействъ, проживавшее въ недалекомъ оттуда городѣ: оно упросило молодыхъ дѣвушекъ переселиться къ нему вмѣстѣ съ героемъ Лулу и бросить столь трудную и опасную подчасъ жизнь....

Утомленный кладу перо — по крайней мѣрѣ до поры до времени, не потому чтобы былъ истощенъ мой запасъ, а изъ боязни наскучить читателямъ; матеріала же у меня хватило-бы, какъ у Шехерезады, на тысячу одну ночь.

О заразительныхъ болѣзняхъ,

съ особеннымъ примѣненіемъ къ оспѣ.

Если разсматривать всѣ тѣлесныя страданія, которымъ подверженъ родъ человѣческій, съ точки зрѣнія причинъ вызывающихъ ихъ, — намъ представляются двѣ рѣзко различныя группы. Болѣзни одной группы имѣютъ причины самыя разнороднѣйшія, которыя мы обыкновенно называемъ случайностями, тогда какъ болѣзни другой группы всегда проистекаютъ отъ извѣстной, совершенно опредѣленной причины. Психическія причины, нездоровая пища, разгоряченіе, простуда, дождь и вѣтеръ, холодъ и жаръ причиняютъ разнообразнѣйшія болѣзни, — но никогда ни одной изъ тѣхъ, которыя мы называемъ прилипчивыми или заразительными. Въ основѣ послѣднихъ лежитъ извѣстная, особая причина, которую мы называемъ *заражающей матеріей*. Болѣзни этого рода имѣютъ большое сходство съ отравленіями, съ той однако разницей, что въ нихъ — т. е. въ болѣзняхъ — отрава вызываетъ сперва едва замѣтныя явленія и только постепенно причиняетъ нарушеніе общаго состоянія, которое оканчивается опредѣленной болѣзнью. При этомъ ядовитое (заразительное) вещество умножается въ организмѣ, и больной начинаетъ заражать окружающихъ. Послѣднее не случается въ заразахъ отъ маларіи, т. е. въ такъ-называемыхъ холодныхъ лихорадкахъ, къ которымъ принадлежатъ и опасныя болотныя лихорадки жаркихъ странъ. Заразительныя болѣзни въ которыхъ человѣкъ можетъ, прямо или косвенно, заражать другихъ: коклюшъ, корь, скарлатина, оспа, различные виды тифа (сюда относится также чума или черный моръ), желтая лихорадка, диссентерія, холера и дифтерія. Много другихъ болѣзней подозрѣваются въ заразительности, но еще не имѣется неопровержимыхъ доказательствъ.

Каждая изъ этихъ болѣзней имѣетъ свою особую причину, т. е. заразительная матерія диссентеріи производитъ опять диссентерію же, заразительная матерія желтой лихорадки — желтую же лихорадку, и пр., и пр., — совершенно такъ, какъ изъ яблочнаго сѣмяни выростаетъ опять яблоня, изъ пшеничнаго зерна — пшеница.

Каждая изъ этихъ болѣзней имѣетъ виды самые легкіе, и опять чрезвычайно свирѣпые и пагубные; большее или меньшее ли сосредоточеніе заразительной матеріи, или большая или меньшая сила сопротивленія недугу со стороны заболѣвшаго — тому причиной, или чтò другое, покуда еще не разъяснено.

Болѣзни этого разряда называютъ также эпидеміями, потому что ими заболѣваютъ обыкновенно не отдѣльныя личности, а массы; разъ появившись, болѣзни эти вдругъ быстро болѣе или менѣе распространяются.

Каждому мыслящему человѣку понятно, что врачу никогда не удастся сдѣлаться господиномъ надъ всѣми тѣми случайностями, которыми вызываются всѣ болѣзни незаразительныя. Поэтому навсегда останется невозможнымъ совершенно предотвратить эти болѣзни, избавить отъ нихъ родъ человѣческій. Между тѣмъ первая, главнѣйшая задача врача состоитъ въ томъ, чтобы предотвращать болѣзни, т. е. отстранять причины, имѣющія заболѣваніе неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. Съ другой стороны также понятно и то, что гдѣ дѣло идетъ объ общихъ опредѣленныхъ причинахъ болѣзней, предварительной дѣятельности врача открывается широкое поле. До самаго новѣйшаго времени толковали о «заразѣ» и «міазмахъ», какъ о причинахъ прилипчивыхъ болѣзней, хотя никто не давалъ о нихъ нагляднаго представленія, — и химикъ такъ же мало, какъ и физикъ, былъ бы въ состояніи сказать что нибудь о ихъ свойствахъ. Итакъ, причинами столь значительныхъ нарушеній нормальнаго порядка въ человѣческомъ организмѣ принимались вещи, матеріальнаго существованія которыхъ никто не могъ доказать или даже представить себѣ. Потомъ стали сравнивать болѣзненныя явленія, представляемыя эпидеміями, съ явленіями, представляемыми органическими жидкостями когда онѣ находятся въ броженіи, и назвали заразительныя болѣзни зимотическими (отъ греческаго слова *зимоси* — броженіе), хотя такъ же мало знали чтò такое броженіе, какъ и то чтò такое зараза, — пока, восемь лѣтъ назадъ, французскій химикъ Пастеръ разъяснилъ намъ, что микроскопическіе организмы суть причина всякаго броженія. Въ 1867 году вѣнскій профессоръ Клобъ дѣйствительно нашелъ въ испражненіяхъ больныхъ холерою организмы, однородные съ Пастеровыми «ферментами» или «возбудителями броженія молочной и масляной кислоты». Эти организмы, которымъ Негели далъ названіе *Schizomyceten*, принадлежатъ къ водорослямъ, чисто растительное свойство которыхъ еще только весьма недавно доказано. Итакъ о грибѣ тутъ не можетъ быть рѣчи, какъ утверждалъ Галлье, чтò впрочемъ вполнѣ опровергнуто уже ученымъ де-Бари, два года назадъ. Давно уже Давенъ находилъ подобные организмы въ крови животныхъ, больныхъ селезенкой, — и приписывалъ имъ воспаленіе селезенки. Эти открытія, которымъ наука обязана микроскопу, покрайней мѣрѣ дали осязательную основу для опредѣленной теоріи заразы, хотя болѣе ничего не доказывалось, кромѣ того что испражненія больныхъ холерою содержатъ маленькіе микроскопическіе организмы въ громадномъ количествѣ. Невольно приходила мысль, что эти самые микроскопическіе организмы — причина холеры, при видѣ того что каждая капля холерныхъ испражненій формально кишитъ ими.

Но такіе же точно организмы—одинаковые покрайней мѣрѣ на нашъ глазъ — оказались въ испражненіяхъ больныхъ диссентеріей и даже простой діарреей. Изъ этого невольно заключили, что эти открытые Клобомъ Schizomyceten не могутъ быть причиной холеры, такъ какъ они являются и у нехолерныхъ. Но если принять въ соображеніе, что величина этихъ организмовъ равняется $^1/_{800}$ долѣ линіи и даже меньше,—что они вообще на границѣ возможности изслѣдованія подъ микроскопомъ,—то мы легко можемъ себѣ то представить, что для нашего глаза можетъ не быть разницы между организмами, являющимися при разныхъ болѣзняхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ разница есть и причиняетъ разницу въ результатахъ. Если же разъ найдена опредѣленная причина одной изъ столь же загадочныхъ, сколько и опустошительныхъ болѣзней, то мы должны признать такія же причины и для всѣхъ прочихъ,— совершенно такъ же, какъ въ броженіи жидкостей свойство фермента обусловливаетъ продуктъ. Въ выдыхаемомъ воздухѣ и выплевываемой слизи коклюшныхъ дѣтей—одинъ французскій и два нѣмецкихъ изслѣдователя нашли органическія формаціи, хотя въ описаніи не сходятся.

Если принять то мнѣніе,—хотя далеко еще не доказанное неопровержимо,—что эти низкія, безцвѣтныя водоросли — причина заразительныхъ болѣзней, можно представить себѣ процессъ приблизительно слѣдующимъ. Отъ больнаго человѣка, или отъ центра заразы, большее или меньшее количество этихъ водорослей попадаетъ еще неизвѣстнымъ хорошенько способомъ въ организмъ здороваго человѣка, гдѣ онѣ начинаютъ быстро размножаться въ ущербъ соковъ всего тѣла. Это размноженіе совершается самымъ простымъ способомъ: каждая единица раздѣляется надвое, изъ этой пары опять каждая надвое, и т. д. безъ конца. Пока этихъ организмовъ въ немъ завелось еще сравнительно мало, заболѣвающій мало ощущаетъ отъ нихъ неудобства; но по мѣрѣ размноженія—нарушеніе нормальнаго состоянія даетъ себя чувствовать болѣе или менѣе быстро и сильно, пока наконецъ разражается формальная болѣзнь и идетъ уже своимъ порядкомъ.

Эта теорія и для практики представляетъ много драгоцѣнныхъ указаній. Что можно, строгимъ отдѣленіемъ больнаго и строгимъ соблюденіемъ запретительныхъ мѣръ, помѣшать распространенію эпидеміи, даже совершенно прекратить ее — извѣстно давно уже по опыту. Сибирская язва, эта страшно опустошительная болѣзнь скота, была быстро остановлена въ западной Европѣ, точно такъ же чума уничтожена въ Европѣ и на Востокѣ. Что рѣшительныя мѣры въ состояніи остановить распространеніе холеры—теперь тоже положительно извѣстно. Тому же самому научаетъ опытъ въ отношеніи къ оспѣ. Успѣхъ, которымъ мы обязаны научнымъ открытіямъ, состоитъ въ томъ, что мы теперь можемъ сдѣлать себѣ хоть какое-нибудь представленіе о врагѣ, угрожающемъ нашей жизни и здоровью,— стало-быть, что мы принимаемъ за причину эпидеміи уже не какія-то туманныя атмосферическія вліянія, а дѣйствительно существующія, микроскопически малые организмы. Мы теперь можемъ объяснить себѣ, почему, наприм., нервно-горячечная эпидемія идетъ вдоль рѣки или ручья, почему заносятъ оспу и скарлатину съ платьемъ, бумагами, и проч., почему вода извѣстнаго колодца можетъ дѣйствовать заразительно, почему черезъ водосточную трубу, выходящую прямо въ канаву, заразительная матерія проникаетъ въ домъ, почему вообще присутствіе заразительныхъ болѣзней или эпидемій находится въ обратномъ отношеніи къ чистоплотности, соблюдаемой въ обитаемой людьми мѣстности. Вѣдь подумать только: организмы, величиною непревышающіе и иногда недостигающіе $^1/_{800}$ доли линіи, и съ чрезвычайной быстротой размножающіеся путемъ безграничнаго раздвоенія, лишь только найдутъ вещества, въ которыхъ они могли бы развиться! А эти вещества — испражненія людей и животныхъ. Какъ же мала должна быть трещина, черезъ которую врагамъ нельзя было бы пробраться! Какого слабаго теченія воздуха достаточно, чтобы ихъ поднять вверхъ въ трубу! Сколько милліоновъ ихъ содержится въ одной чайной ложечкѣ холернаго испражненія! При этомъ ихъ жизненная сила чрезвычайно велика: опытами доказано, что растворъ желѣзнаго купороса ихъ не убиваетъ.

Врагъ очевидно опасенъ и труднопреодолимъ, но одолѣть его всегда удавалось, когда за это принимались усердно и добросовѣстно. Что́ возможно разъ — всегда возможно,—и, надѣемся, не далеко время, когда цивилизованныя націи энергически зададутся истребленіемъ эпидемій. Международная холерная коммиссія—предвозвѣстница новой эпохи, когда люди будутъ стыдиться, вслѣдствіе позорнаго фатализма, терпѣть у себя болѣзни, возможныя только по милости равнодушія и безхарактерности тѣхъ, которые отъ нихъ страдаютъ. Конечно, если бы всѣ эпидеміи были такія страшныя какъ чума, и влекли за собою такой чувствительный убытокъ, какъ сибирская язва,—мы давно преодолѣли бы ихъ или покрайней мѣрѣ дѣлали бы величайшія усилія, чтобы избавиться отъ нихъ.

Какія же есть средства: во-первыхъ—мѣшать распространенію эпидемій, во-вторыхъ — не давать имъ являться?

Прежде всего необходимо съ крайней тщательностью наблюдать, чтобы испражненія людей и скота были какъ можно скорѣе удалены отъ сосѣдства людскихъ жилищъ, или сдѣланы безвредными,—чтобы всякая нечистая вода и помои немедленно уносились, чтобы нигдѣ не было накопленія нечистотъ и чтобы улицы содержались опрятно. Для этого прежде всего необходимо имѣть подъ рукою чистую воду въ достаточномъ количествѣ, чтобы постоянно смывать, споласкивать всякую нечистоту. Если въ чистосодержанномъ мѣстѣ и представится случай заразительной болѣзни, то заранѣе устранены главнѣйшія условія распространенія заразы. Если же въ домахъ неопрятность, если воду добываютъ пумпами, получающими ее струями, просачивающимися сквозь нечистую землю или, чего добраго, состоящими въ соединеніи съ грязными ямами или канавами,—то это одно уже даетъ весьма сильныя данныя для возникновенія заразы. По этому городскія власти прежде всего обязаны наблюдать за возможно большей опрятностью, и содѣйствовать ей доставленіемъ обильнаго количества воды, и пр., и пр.

Если же какъ нибудь случится кому заболѣть заразительной болѣзнью, необходимо заболѣвшаго сдѣлать безвреднымъ для другихъ, живущихъ въ томъ же мѣстѣ, въ томъ же домѣ. Исполненіе нужныхъ для этого мѣръ—дѣло врача, которому въ подобныхъ случаяхъ должно быть предоставлено довольно обширное полномочіе. При коклюшѣ ему придется иначе дѣйствовать чѣмъ при скарлатинѣ, при тифѣ иначе—чѣмъ при холерѣ. Во всякомъ случаѣ ему непремѣнно нужно бы предоставить рѣшеніе: что́ именно дѣлать, отъ самаго простаго соблю-

денія опрятности до уничтоженія предметовъ, могущихъ быть проводниками заразы, отъ присовѣтыванія нужныхъ предостереженій до совершеннаго блокированія квартиры или даже дома. Это, конечно, смѣлое требованіе, съ которымъ весьма многіе будутъ несогласны; но если кто потрудится освѣдомиться о санитарно-полицейскихъ порядкахъ въ Англіи, то онъ убѣдится, что тамъ это смѣлое требованіе перешло въ дѣйствительность—и уже никакъ не ко вреду англичанъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ статистики.

Изъ всѣхъ заразительныхъ болѣзней займемся спеціально оспою, столь справедливо возбуждающею такой ужасъ. Оспа, какъ извѣстно, не только крайне прилипчива, но обладаетъ кромѣ того (если она развивается въ сильной степени) непріятнымъ свойствомъ обезображивать лице, вслѣдствіе чего ея боятся болѣе скарлатины и кори,—хотя отъ послѣднихъ двухъ болѣзней въ Европѣ умираетъ въ настоящее время больше людей, чѣмъ отъ оспы: напр. въ Лондонѣ, съ его почти трехмилліоннымъ населеніемъ, съ 1850 г. умираетъ ежегодно, среднимъ числомъ, отъ оспы 760 человѣкъ, отъ скарлатины же—3000, отъ кори—1000. Что всего интереснѣе и нужнѣе знать для массы публики, это—когда и какъ заражаетъ больной оспою, какъ можно отъ заразы уберечься, и насколько предохраняетъ отъ нея искусственное прививаніе.

Можно съ достаточной вѣрностью сказать, что больные оспой во всякое время болѣзни могутъ распространять заразу, но что самое опасное для окружающихъ время—время отпаденія шелухи. Не безъ основанія обвиняютъ въ распространеніи заразы платье и тому подобные предметы — даже грязныя деньги, въ особенности ассигнаціи; неоспоримо также и то, что можно передать заразу, самому не заразившись. Какимъ образомъ заразительная матерія попадаетъ въ организмъ человѣка — мы не знаемъ, но кажется что больше черезъ ротъ и носъ, чѣмъ черезъ поры остальной кожи. Поэтому небезполезно лицамъ, по обязанности или случайно приближеннымъ къ больному, закрывать себѣ носъ и ротъ платкомъ. Не мѣшаетъ еще соблюдать слѣдующія предосторожности: безъ нужды долго не оставаться около больнаго оспой, отъ него идти на свѣжій воздухъ, провѣтрить платье, умывать лицо, руки и волосы одеколономъ, и развѣшивать на воздухѣ вещи могущія быть зараженными. Если подозрительные предметы подвергнуть жару, превышающему 50°, напр. гладить,—заразительная матерія навѣрное уничтожится, такъ какъ доказано опытомъ, что коровья оспа теряетъ силу если нагрѣть ее выше 50°. Нужныя мѣры въ самомъ домѣ и комнатѣ больнаго—каждый разъ укажетъ врачъ.

Прививаніе коровьей оспы—явленіе единственное въ медицинѣ. Какимъ образомъ этотъ процессъ имѣетъ такое удивительное, предохранительное дѣйствіе, объясняется тѣмъ, что настоящая и прививная оспа — крайне между собою сходны. Извѣстно, что тифъ, коклюшъ, скарлатинъ и корь рѣдко вторично посѣщаютъ человѣка, хотя бы первый разъ посѣщали его въ самомъ легкомъ видѣ. Изъ этого приходится заключить, что организмъ, разъ уже принимавшій заразу, не легко вторично ее принимаетъ. Прививная оспа имѣетъ такое же точно дѣйствіе на организмъ относительно настоящей, какъ будто онъ перенесъ послѣднюю.

Излишне было бы ратовать за эту мѣру осторожности, употребляемую теперь уже всѣми цивилизованными народами, но для большаго поученія приводимъ слѣдующія цифры. Въ Вестфаліи, до введенія прививанія, на 100,000 человѣкъ ежегодно умирало 264 оспою, послѣ введенія ея—только 11; въ австрійской Силезіи, до прививанія на 100,000—581, послѣ—20; въ Берлинѣ, до прививанія—342, послѣ—18. По приблизительнымъ исчисленіямъ въ прошломъ вѣкѣ оспой умирали $^1/_{12}$—$^1/_{10}$ населенія. Нѣкоторые говорятъ: оспенная смертность убавилась, за то больше людей умираетъ другими болѣзнями. Понятное дѣло: дѣти, остающіеся въ живыхъ потому что они убережены отъ оспы, не застрахованы отъ другихъ болѣзней. Такъ какъ ужь всѣмъ намъ умирать, то тѣмъ изъ насъ, которые не умрутъ оспой, придется умирать отъ другихъ болѣзней.

Что касается обвиненія, будто вмѣстѣ съ прививной матеріей, въ тѣло вносятся и другія болѣзни, то доказательствъ въ этомъ никакихъ не имѣется. Возможности наука не отрицаетъ, но трудно себѣ представить (по самому свойству этихъ болѣзней), какимъ образомъ можно внести въ организмъ этимъ процессомъ чахотку, золотуху и пр.,—какъ можетъ расположеніе къ накопленію сырныхъ массъ въ легкихъ и желѣзахъ переноситься прививаніемъ оспы съ одного человѣка на другаго—пусть растолкуетъ кто можетъ. Это, однако, вовсе еще не значитъ, чтобы слѣдовало безъ разбора прививать оспу откуда и отъ кого попало. Напротивъ въ выборѣ должно быть крайне осторожнымъ—и пользоваться только оспой отъ здоровыхъ дѣтей здоровыхъ родителей. Еще лучше—заводить побольше такихъ заведеній, какія имѣются въ Австріи, Пруссіи и Россіи (въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ), гдѣ производится искуственно оспа на вымени молодыхъ коровъ. Это даетъ возможность всегда получать какое угодно количество чистой матеріи.

Вопросъ еще незатронутый, это—сколько наколовъ слѣдуетъ дѣлать прививая оспу. Всего вѣрнѣе, кажется, мнѣніе тѣхъ врачей, которые находятъ, что одинъ прыщъ ничѣмъ не менѣе подѣйствуетъ, чѣмъ четыре, шесть прыщей или больше. Дѣлать на ручкѣ годовалаго ребенка три-четыре большія ранки—ни чѣмъ не оправдываемое варварство. Достаточно сдѣлать ихъ на каждой рукѣ много-много двѣ, повыше надъ локтемъ, чтобы при обнаженіи руки, не видно было рубца. Для дѣвочекъ эту осторожность необходимо соблюдать.

Такимъ образомъ оспа, этотъ нѣкогда страшный бичъ человѣчества, равно проникавшій въ хижины и дворцы (извѣстно, что французскій король Людовикъ XV умеръ именно отъ этой ужасной болѣзни), нынѣ имѣетъ такъ-сказать лишь фиктивное существованіе; въ дѣйствительности же встрѣчается весьма рѣдко—и въ этомъ послѣднемъ случаѣ тяжкая вина падаетъ на родителей, которые, вслѣдствіе невѣжественныхъ предразсудковъ или непростительной оплошности, лишаютъ своихъ дѣтей возможности воспользоваться благами оспопрививанія.

Правда, въ медицинской практикѣ отмѣчены случаи естественной оспы у людей, которымъ въ дѣтствѣ была привита искуственная; но случаи эти до того исключительны и такъ рѣдки, что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на одну изъ тѣхъ непредотвратимыхъ случайностей, которыя составляютъ удѣлъ всякаго смертнаго и къ которымъ всѣ болѣе или менѣе привыкли. Каждый изъ насъ, напр., можетъ лишиться жизни при паденіи съ лошади, закусившей удила, но безумно было бы не вѣрить вовсе въ предохранительную силу узды и мундштука.

Пріютъ для лошадей принадлежавшихъ государямъ.

(Въ Царскомъ Селѣ).

Немногіе изъ гуляющихъ въ Царскомъ Селѣ знаютъ, что въ одномъ уголкѣ этой прекрасной императорской лѣтней резиденціи помѣщается заведеніе вѣроятно единственное въ Европѣ, если не въ цѣломъ мірѣ: это пріютъ для лошадей, которыя возили нашихъ государей. Въ Англіи есть пріютъ въ этомъ родѣ для частныхъ лицъ, желающихъ обезпечить своимъ любимцамъ безпечальную старость и мирный конецъ, но и там нѣтъ ничего подобнаго кладбищу, изображенному на нашемъ рисункѣ. Тутъ правильными рядами стоятъ надгробныя плиты, и на каждомъ своя обстоятельная надпись: имя лошади, имя государя, которому она принадлежала, часто день рожденія и смерти ея, иногда, наконецъ, упоминаніе объ интересныхъ историческихъ событіяхъ. Такъ на одной изъ этихъ плитъ надпись гласитъ что подъ нею покоится прахъ коня, «или вѣрнѣе друга», на которомъ императоръ Александръ, въ мартѣ 1814 г., въѣхалъ въ Парижъ во главѣ союзныхъ армій. Это заведеніе образцово устроено. Каждая лошадь имѣетъ свое отдѣльное стойло, со всякимъ комфортомъ, отличнымъ кормомъ и уходомъ. Ихъ пускаютъ гулять на большой лугъ, обведенный палисадникомъ съ кладбищемъ.

Въ 1859 г. два французскихъ писателя, сотрудники журнала «Magasin Pittoresque,» съ удивленіемъ разсказывали, что онив идѣли въ этомъ пріютѣ пять пансіонеровъ, въ томъ числѣ семнадцатилѣтнюю, но еще отлично сохранившуюся англійскую кобылу Викторію, на которой императоръ Николай Павловичъ особенно любилъ ѣздить. «Вообще», говорятъ они въ своей замѣткѣ по этому поводу, «лошади, служащія личному употребленію россійскихъ императоровъ, долго живутъ, потому что пользуются удивительнымъ уходомъ. Надо видѣть какъ содержатся царскія конюшни, чтобъ имѣть объ этомъ понятіе.

Пріютъ и кладбище (въ Царскомъ Селѣ).

Фельетонъ.

О московскихъ актерахъ и актрисахъ и о нашихъ. — Театры въ «Лѣсномъ». — Толки о войнѣ.

Весна и лѣто этого года останутся надолго въ памяти всѣхъ петербургскихъ любителей драматическаго искусства. Вмѣсто обычнаго прежнимъ лѣтнимъ сезонамъ театральнаго затишья, настоящее лѣто отличается особеннымъ оживленіемъ русской сцены, благодаря пріѣзду къ намъ артистовъ и артистокъ московской труппы. Не успѣли мы проститься съ г-жею Ѳедотовою и г. Садовскимъ, какъ на смѣну ихъ явились: уже хорошо знакомый Петербургу и высоко имъ цѣнимый г. Шумскій, г-жа Васильева и наконецъ г. Живокини, участвовавшій впрочемъ только въ двухъ спектакляхъ. Интересъ къ представленіямъ Михайловскаго театра снова возобновился; театръ опять бываетъ полонъ и гремитъ рукоплесканіями. Въ лицѣ указанныхъ артистовъ и артистокъ мы видѣли большую часть силъ московской сцены—и по нимъ имѣли случай провѣрить и убѣдиться, что добрая слава о московскомъ русскомъ театрѣ ни мало не преувеличена. Будучи разныхъ размѣровъ дарованія, разныхъ степеней и складовъ таланта, всѣ указанные московскіе артисты стоятъ на одинаковой почти степени искусства или покрайней мѣрѣ на одинаковой степени пониманія сценическаго искусства, пониманія его задачъ и требованій,—и равно добросовѣстно и серіозно къ нему относятся. Въ игрѣ всѣхъ ихъ есть нѣчто общее, заключающееся, по нашему мнѣнію, въ стремленіи уяснить себѣ прежде всего характеръ и нравственную физіогномію изображаемаго лица, построить роль на ея главнѣйшихъ, существеннѣйшихъ чертахъ, довести изображаемое лицо до полноты типа, дать представляемой личности возможно большее по ходу піесы развитіе, оставаясь при этомъ всегда вѣрнымъ разъ усвоенному образу. Когда это достигнуто, то обаяніе искусства бываетъ самое полное; на сценѣ остается не актеръ или актриса произносящая извѣстныя слова и находящаяся въ различныхъ драматическихъ положеніяхъ, а а именно то лицо, которому авторомъ даны эти слова, которое живетъ и дѣйствуетъ въ піесѣ,—являются, словомъ, живыя лица, поражающія своей правдой и реальностью. Но къ наслажденію, которымъ теперь пользуются всѣ люди эстетически развитые, посѣщая спектакли московскихъ артистовъ, примѣшиваются грустныя мысли о скоротечности этого наслажденія и о томъ что съ нами, театралами, будетъ когда москвичи уѣдутъ— и намъ придется снова вернуться на родное пепелище «Александринки». Вкусивши сладкаго, не пожелаешь горькаго. Надѣяться-же на то, что пребываніе на нашей сценѣ московскихъ артистическихъ гостей не безъ пользы пройдетъ и для самой сцены, что наши артисты и другія лица, прикосновенныя къ сценическому дѣлу, воспользуются хорошими образцами, преподанными имъ московскими гостями, — надѣяться на это, говоримъ, было бы слишкомъ легкомысленно. Это преполагало бы въ нашихъ актерахъ и актрисахъ сознаніе своихъ недостатковъ, стремленіе къ усовершенствованію, способность думать и работать. Но, увы! въ серіозномъ и осмысленномъ отношеніи къ искусству еще никто не упрекалъ нашихъ артистовъ, подобно тому какъ упрекнулъ въ этомъ одинъ театральный критикъ г-жу Ѳедотову; никто также не находилъ въ нашихъ актерахъ недостатка въ самоувѣренности и самодовольствѣ, а при указанныхъ качествахъ плохо надѣяться на развитіе и совершенствованіе. Все разумѣется останется по прежнему—и даже въ забывчивой публикѣ, восторгающейся теперь дѣйствительно превосходной игрою москвичей, постепенно изгладится объ ней воспоминаніе; вкусъ этой публики снова понизится до уровня туземнаго искусства, и тѣ самые люди, которые ходили на бенефисы г-жи Ѳедотовой, г. Шумскаго и г-жи Васильевой, возвратятся къ своимъ.... старымъ знакомцамъ.

Нашему театру, для того чтобы онъ поправился, необходимы средства рѣшительныя, героическія.

Такимъ средствомъ было бы безъ сомнѣнія разрѣшеніе частныхъ театровъ или свобода театровъ. Но до этого повидимому еще очень далеко; писано же и говорено объ этотъ было столько, что ни языкъ, ни перо не поворачиваются чтобы въ тысячный разъ доказывать доказанное. Что общество вполнѣ готово къ этой великой «реформѣ», что много въ немъ любви къ сценическому дѣлу и готовности посвящать ему свои силы и время,—доказываютъ многіе временно существующіе частные театры, въ томъ числѣ и театры Лѣснаго Института. Въ такъ-называемомъ «Лѣсномъ» находится два театра, одинъ въ самомъ паркѣ, другой за чертою города въ «Беклешовкѣ». Каждый изъ нихъ имѣетъ свою отдѣльную труппу, въ которой найдется нѣсколько лицъ несомнѣнно талантливыхъ или по меньшей степени способныхъ къ тому искусству, которому они себя посвятили; каждый изъ этихъ театровъ собираетъ свою публику и находитъ средства къ приличной постановкѣ піесъ и скромному существованію. Публика этихъ театровъ составляется не исключительно изъ однихъ лѣтнихъ обитателей Лѣснаго; интересный спектакль привлекаетъ многихъ зрителей изъ города или другихъ его окрестностей, и тогда залы и ложи театра наполняются съ избыткомъ. Такъ, напримѣръ, было на спектаклѣ въ паркѣ Лѣснаго Института въ бенефисъ лучшей артистки этого театра—г-жи Борисовой. Главною піесою спектакля шла оперетка Офенбаха «La Perrichole» или въ переводѣ «Птички пѣвчія», одно изъ граціознѣйшихъ созданій Офенбаха. Роль Периколы исполняла бенефиціантка и была въ ней очень мила. Почти каждый номеръ, пропѣтый ею, она повторяла по требованію публики, и была безъ счета вызываема въ концѣ спектакля. Видно, что г-жа Борисова пользуется большимъ и заслуженнымъ расположеніемъ публики того театра, на которомъ она играетъ. Оперетка же прошла довольно ровно, оставляя только желать побольше веселости, развязности, пожалуй даже буфонства въ исполненіи, — качества, необходимыя для передачи произведеній Офенбаха.

Въ настоящую минуту неловко писать замѣтки объ общественной жизни, безъ того чтобы не сказать хоть нѣсколько словъ о томъ, что наиболѣе занимаетъ общество, т. е. о возгорѣвшейся между Франціей и Пруссіей войнѣ. Война же эта способствовала отчасти оживленію петербургской жизни—тѣмъ во-первыхъ, что вернула къ намъ многихъ обитателей и обитательницъ, устремившихся-было на воды, купанья и рулетки,—во-вторыхъ тѣмъ, что дала новый и обильный матеріалъ для разговоровъ и толковъ. Толки эти, впрочемъ, рѣд-

ко переходятъ въ споры, а тѣмъ болѣе въ горячіе споры. Петербуржцы, правду говоря, довольно равнодушно и индиферентно относятся къ войнѣ. Если они не высказываютъ ни малѣйшаго желанія «travailler pour le roi de Prusse», то еще менѣе слышится въ нихъ симпатій къ французамъ.

Политическое обозрѣніе.

Война между Франціей и Пруссіей, началомъ которой должно считаться 19 іюля, когда послѣдовало формальное объявленіе оной, есть событіе такой громадной важности, что она исключительно занимаетъ дипломатію, публику и печать. Объявленіе это, переданное французскимъ правительствомъ прусскому повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи г. Лесуромъ, прочтено было графомъ Бисмаркомъ, послѣ рѣчи короля Вильгельма, уже извѣстной читателямъ (см. № 29 «Нивы»), въ засѣданіи сѣверо-германскаго рейхстага 19 іюля. Второе засѣданіе рейхстага 20 іюля открылось внесеніемъ проекта адресса на тронную рѣчь, который былъ принятъ безъ преній, и собраніе поручило передать его королю. Адрессъ этотъ, выражающій общее патріотическое настроеніе германскаго народа, удостовѣряетъ короля, что призывъ его нашелъ громкій отголосокъ во всемъ германскомъ народѣ. «Нація исполнилась радостной гордости,—сказано далѣе въ адрессѣ,—узнавъ, съ какимъ нравственнымъ мужествомъ, съ какимъ великимъ достоинствомъ ваше величество отвергли неслыханныя притязанія врага, который задумалъ унизить насъ, а теперь подъ разными нелѣпо придуманными предлогами начинаетъ войну противъ нашего отечества. Германскій народъ имѣетъ лишь одно желаніе — жить въ мирѣ и дружбѣ со всѣми націями, уважающими его честь и независимость». Далѣе адрессъ вспоминаетъ дружное дѣйствіе германской націи во время войны за освобожденіе при первомъ Наполеонѣ и выражаетъ мысль, что честолюбивые замыслы нынѣшняго властителя Франціи ввели въ заблужденіе часть французскаго народа, и что разумной части этого народа не удалось отвратить грозящаго бѣдствія. Заявивъ увѣренность въ храбрости сыновъ Германіи и въ твердой рѣшимости ихъ пожертвовать всѣмъ для блага отечества, адрессъ говоритъ въ заключеніе:

«Мы возлагаемъ наши надежды на судъ Всевышняго, карающаго кровавыя преступленія. На единодушный призывъ нашихъ государей, народъ нашъ возсталъ отъ береговъ моря до подошвы хребта Альпійскаго. Онъ не тяготится никакими пожертвованіями. Мнѣніе всего цивилизованнаго міра признаетъ справедливость нашего дѣла. Въ нашей побѣдѣ дружественныя съ нами націи видятъ освобожденіе отъ тяготѣющаго надъ ними бонапартовскаго господства и отмщеніе за всѣ бѣдствія, которымъ оно ихъ подвергаетъ. Наконецъ, германскій народъ на боевомъ полѣ найдетъ себѣ почву мирнаго и свободнаго объединенія. Ваше величество и союзныя правительства Германіи убѣждены, что мы и наши гонимые братья готовы идти въ битву. Дѣло идетъ о нашей чести и свободѣ, о спокойствіи Европы и о благѣ народа».

По принятіи адреса рейхстагомъ, графъ Бисмаркъ вноситъ въ оный документы относящіеся до войны, причемъ заявляетъ, что со стороны Франціи имѣется только одинъ письменный документъ, а именно объявленіе войны; все остальное заключается въ бесѣдахъ графа Бенедетти съ королемъ Вильгельмомъ въ Эмсѣ, имѣвшихъ частный характеръ. Прочіе документы суть: 1) газетная телеграмма о послѣднемъ разговорѣ короля Вильгельма съ французскимъ посломъ и объ отказѣ его величества дать ему аудіенцію; телеграмма эта, какъ замѣтилъ графъ Бисмаркъ, которой придано было французскимъ кабинетомъ названіе *ноты*, и послужила предлогомъ къ объявленію войны; 2) изложеніе всего происходившаго въ Эмсѣ; 3) отчетъ барона Вертера отъ 12 іюля о совѣщаніи, которое онъ имѣлъ съ гг. де-Грамономъ и Олливье, при которомъ послѣдніе сдѣлали невозможное требованіе о томъ, чтобы король написалъ «извинительное письмо»; требованіе это показалось до такой степени невѣроятнымъ графу Бисмарку, что онъ отвѣчалъ барону Вертеру, что тотъ вѣроятно «дурно понялъ» желаніе французскаго правительства,—и по этому предложилъ, чтобы оно высказало свои требованія черезъ посредство своего посла; 4) письмо англійскаго посланника лорда Лофтуса, отъ 18 іюля, съ предложеніемъ посредничества; 5) отрицательный отвѣтъ на это предложеніе, данный потому что и Франція отклонила упомянутое посредничество, и 6) циркуляръ къ агентамъ Сѣверо-германскаго Союза о причинахъ войны.

Въ тотъ же день, 20 іюля по полудни, было второе засѣданіе рейхстага, гдѣ утвержденъ былъ чрезвычайный кредитъ въ 120 милліоновъ на военные расходы. Затѣмъ въ слѣдующіе два дня было также по два засѣданія, гдѣ были приняты и утверждены различныя мѣры по случаю войны, и положено отсрочить засѣданія рейхстага до 31 декабря 1870 г., причемъ депутаты онаго сохраняютъ свои полномочія. Сессія закрыта графомъ Бисмаркомъ, выразившимъ отъ имени короля благодарность членамъ рейхстага за быстрое и единодушное исполненіе дѣлъ ему предложенныхъ.

Одновременно съ закрытіемъ сѣверо-германскаго парламента послѣдовало и закрытіе сессіи французскихъ палатъ, послѣдними занятіями коихъ было утвержденіе чрезвычайныхъ кредитовъ въ 440 милліоновъ франковъ на военные расходы; по окончаніи сессіи, депутаты законодательнаго корпуса отправились къ императору Наполеону въ Тюльерійскій дворецъ, причемъ президентъ г. Шнейдеръ произнесъ рѣчь, съ выраженіемъ преданности императору и готовности всѣхъ французовъ жертвовать всѣмъ для блага отечества. Въ отвѣтной рѣчи императоръ благодарилъ депутатовъ и объявилъ имъ, что онъ становится самъ во главѣ арміи и беретъ съ собою своего сына, чтобы тотъ, не смотря на свои юные годы, привыкъ служить Франціи на боевомъ полѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ издана была 23 іюля прокламація къ народу о войнѣ, въ которой императоръ слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность и заявляетъ, что война вызвана захватами Пруссіи, водворившими общее недовѣріе въ Европѣ.

Положеніе европейскихъ государствъ уже опредѣлилось; великія державы объявили себя нейтральными; ихъ примѣру послѣдовали Голландія, Данія, Швеція. Бельгія получившая удостовѣреніе, какъ отъ Франціи,

такъ и отъ Пруссіи, что нейтралитетъ ея, утвержденный трактатами, нарушенъ не будетъ, выставила однако для огражденія этого нейтралитета войско на границы; точно также поступила и Швейцарія. Вообще, сколько можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ война будетъ «локализована», т. е. ограничится Германіей и Франціей.

Германскія войска, быстро приведенныя въ движеніе и направляемыя къ границѣ, раздѣлены, сколько извѣстно, на три арміи. Главнокомандующими ихъ назначены: первою арміей (правое крыло) генералъ Гервартъ фонъ-Биттенфельдъ, второю (центръ) принцъ Фридрихъ-Карлъ, и третьею (лѣвое крыло) наслѣдный принцъ. Всѣ эти войска будутъ дѣйствовать на Рейнѣ. Сверхъ того организуется особый корпусъ для защиты морскихъ береговъ. Вся армія раздѣляется на 12 корпусовъ, которыми командуютъ слѣдующіе генералы: 1-мъ — Мантейфель, 2-мъ — Франсицкій, 3-мъ — Альвенслебенъ 2, 4-мъ — Альвенслебенъ 1, 5-мъ — Кирлбахъ, 6-мъ—Тюмплингъ, 7-мъ—Застровъ, 8-мъ—Гебенъ, 9-мъ—Манштейнъ, 10-мъ—Фойхтсъ Реецъ, 11-мъ — Буссе, 12-мъ наслѣдный принцъ Саксонскій; сверхъ того, гвардейскимъ корпусомъ командуетъ принцъ Августъ Виртембергскій.

Французская армія, главнокомандующимъ коей объявилъ себя императоръ Наполеонъ и большая часть которой уже находится на границѣ, раздѣляется на семь корпусовъ. Главная квартира императора въ Нанси, и при немъ начальникомъ штаба назначенъ военный министръ маршалъ Лебефъ, который собственно и будетъ распоряжаться военными дѣйствіями. Французскими корпусами командуютъ: 1-мъ—маршалъ Макъ-Магонъ (главная квартира въ Страсбургѣ); 2-мъ — генералъ Фроссаръ (въ Сентъ-Авольдѣ); 3-мъ—маршалъ Базенъ (въ Мецѣ); 4-мъ — генералъ Ладмиро (въ Тіонвиллѣ); 5-мъ — генералъ Фальи (въ Бичѣ); 6-й корпусъ подъ командой маршала Конробера (сформированный въ Шалонскомъ лагерѣ) составляетъ вторую линію а равно и 7-й, въ составъ коего входятъ войска вызванныя въ Алжирію; командиромъ его назначался генералъ Дуэ, внезапно умершій. Гвардія, подъ начальствомъ генерала Бурбаки, будетъ находиться при главной квартирѣ императора.

До сихъ поръ, 22 іюля (3 августа), не было еще между воюющими сторонами никакой серіозной встрѣчи; все дѣло ограничивалось нѣсколькими перестрѣлками на аванпостахъ близь Саарбрюкена и Форбаха.

Между тѣмъ вся европейская печать продолжаетъ обсуждать причины войны и разбирать, которая изъ враждующихъ сторонъ виновна въ возбужденіи оной. Разумѣется, нѣмецкія газеты возлагаютъ отвѣтственность на Францію, а французскія на Пруссію; вся англійская журналистика, за весьма немногими исключеніями, рѣзко порицаетъ императора Наполеона и его правительство за желаніе начать войну во чтобы то ни стало,—и *Times*, первенствующій органъ Лондона, прямо называетъ дѣйствія Франціи *преступленіемъ*; почти въ томъ же смыслѣ, хотя не столь рѣзко выражаются и многія газеты италіянскія, бельгійскія и австрійскія. Всѣ онѣ спѣшатъ воспроизводить на своихъ столбцахъ различные документы въ подтвержденіи высказанныхъ ими мнѣній. Изъ этихъ документовъ особенно замѣчательны два, изъ коихъ первый выставляютъ на видъ сторонники Франціи, а второй (по поводу котораго, были запросы въ англійскомъ парламентѣ) сторонники Пруссіи. Первый есть циркулярная депеша французскаго министра иностранныхъ дѣлъ герцога де-Грамона къ дипломатическимъ агентамъ: въ ней говорится между прочимъ, что еще въ мартѣ 1869 года, при первомъ слухѣ о кандидатурѣ принца Гогенцоллернскаго, французскій посолъ въ Берлинѣ обратился къ графу Бисмарку и потомъ, за его отсутствіемъ, къ исправляющему должность министра иностранныхъ г. фонъ-Тиле съ запросами по этому предмету—и получилъ отъ нихъ удостовѣреніе, что принцъ Гогенцоллернскій никогда не можетъ быть серіознымъ кандидатомъ на испанскій престолъ и что о кандидатурѣ этой и тревожиться нечего. Этимъ герцогъ де-Грамонъ старается оправдать настойчивость г. Бенедетти въ Эмсѣ и требованіе своего правительства, чтобы король обязался и впредь не покровительствовать Гогенцоллернской кандидатурѣ.

Второй документъ, разоблачающій честолюбивыя притязанія Франціи, появился въ *Кельнской Газетѣ*, отъ 26-го іюля; это проектъ трактата, предложенный Франціей Пруссіи въ 1866 году (черновая его, какъ увѣряетъ *Кельнская Газета*, писана рукой самого г. Бенедетти), въ которомъ Франція предлагаетъ Пруссіи признать всѣ пріобрѣтенія и перемѣны, совершенныя послѣднею, и дѣйствовать съ нею за одно, если Пруссія согласится облегчить Франціи пріобрѣтеніе Люксембурга и поможетъ ей завоевать Бельгію.

P. S. По послѣднимъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, документъ, содержащій въ себѣ собственноручно писанный г-номъ Бенедетти проектъ союзнаго договора Франціи съ Пруссіей относительно Бельгіи, сообщенъ (въ точномъ автографическомъ снимкѣ) графомъ Бисмаркомъ послу Сѣверо-германскаго Союза въ Лондонѣ, съ тѣмъ чтобы англійскій первый министръ могъ убѣдиться въ подлинности почерка г. Бенедетти.

По нашему мнѣнію, Бенедетти никоимъ образомъ не могъ сдѣлать подобнаго предложенія Бисмарку, не будучи уполномоченъ на то самимъ Наполеономъ. Во всякомъ случаѣ, оставленіе такого компрометирующаго документа въ рукахъ графа Бисмарка — свидѣтельствуетъ о крайней дипломатической неспособности г. Бенедетти.

Почтовый ящикъ.

Редакція «Нивы» симъ доводитъ до свѣденія гг. подписчиковъ, что жалобы на недоставку гг. подписчикамъ нумеровъ «Нивы», заявленныя чрезъ два или три мѣсяца послѣ ихъ выхожденія, редакціею не будутъ принимаемы во вниманіе — на томъ основаніи, что почтамтъ по истеченія такого продолжительнаго времени отъ редакціи жалобъ не принимаетъ; поэтому редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не получившихъ своевременно какого-либо нумера, тотчасъ заявлять о томъ въ редакцію. Со стороны редакціи, каждый нумеръ еженедѣльно отправляется съ самою точною аккуратностью, и редакція получаетъ отъ почтамта квитанцію о числѣ отправленныхъ экземпляровъ въ каждый городъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 25 Іюля 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 31. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

XI.

Успеньевъ день 1327 года.

Давнымъ давно замѣчено, что всѣ великія происшествія на свѣтѣ происходятъ отъ малыхъ причинъ: участь Тверскаго Княжества рѣшилась, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, 15 августа 1327 года, по милости дьякона Дюдко и нашей старой знакомой, пьяной бабенки Аринки, жившей въ самой дрянной избушкѣ, на самомъ дрянномъ концѣ стольнаго города Твери.

«Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ». Для Аринки каждый день былъ праздникъ, а Успенье и кольми паче; она уже съ вечера выпила столько браги и меду у разныхъ покровителей подобныхъ ей личностей, сильно развеселилась и плясала передъ татарами, тоже подпившими, не смотря на бусурманство, о которомъ они столько тогда толковали и въ которое собирались переводить тверичей. Аринка плясала, пѣла и до самаго утра не могла протрезвиться. Но тверичи въ этотъ день были угрюмы. Каждый, кто шелъ въ церковь, особенно старательно запиралъ дворовую калитку, спустивъ предварительно собакъ съ цѣпи, и у каждаго подъ плащемъ, кромѣ обычнаго топора за поясомъ, былъ подвязанъ мечъ, или по крайней мѣрѣ ножъ былъ привѣшенъ къ поясу.

Цѣлую недѣлю изъ боярской думы доходили до горожанъ вѣсти нехорошія. Щелканъ явно хвалился, что только его добродѣтелями и стараніемъ возведенъ на Великокняжеской престолъ Всея Руси Александръ Михайловичъ, что только имъ Тверь и держится, но что онъ, вмѣстѣ со своимъ дядей Узбекомъ, рѣшительно довѣрія не имѣетъ къ русскимъ князьямъ, что все это народъ строптивый—и потому въ Ордѣ рѣшили управлять Русью татарами. «Пусть только шевельнутся ваши князья», говорилъ Щелканъ боярамъ: «пусть только малѣйшее самовольство сдѣлаютъ противъ насъ, пословъ Вольнаго Царя, такъ всѣхъ ихъ мы перебьемъ и продадимъ въ Самаркандъ, а князьями на Руси сдѣлаемся мы сами».

— Да наши князья, говорили Щелкану тверскіе бояре,—народъ, кажется, ужь чѣмъ не покорный?

— Кабы покорный они были народъ, возражалъ желчный Щелканъ, — давнымъ бы давно въ царскую, бусурманскую вѣру перешли.

— Намъ этого нельзя, говорили тверичи,—потому что и отъ отцовъ нашихъ, да потомъ въ писаніи сказано... Наконецъ, самъ вольный царь—Церкви христіанской на Руси ярлыкъ далъ.

— Далъ ярлыкъ, точно, задорился Щелканъ, — и царь отъ своего слова не отступалъ, да ярлыкъ данъ не вамъ, а Петру Митрополиту. Тамъ такъ и сказано, что всякая вольность дается церкви Петра Митрополита,—а теперь Петръ Митрополитъ умеръ, стало быть и ярлыку конецъ.

— Не трогай ты нашей вѣры, посолъ царскій, говорили ему великій князь и бояре и владыко твер-

ской Варсонофій.—Мы въ эту вѣру бусурманскую не пойдемъ, потому что намъ эта вѣра не указана, и народъ ее не хочетъ.

— А вотъ посмотримъ, задорился ханскій посолъ,—вотъ скоро будетъ у васъ въ Твери на Успеньевъ день ярмарка, соберется простая чадь,—вотъ мы и увидимъ, захочетъ она царю противиться и крамольничать, какъ князья и бояре, или нѣтъ? А мы знаемъ, что простая чадь русская—люди смирные, покорные, царя любятъ, всѣ за него головы готовы положить. Мало васъ, русскихъ, въ басурманскую вѣру въ Ордѣ переходитъ?—это только князья, да бояре всему помѣха. Вотъ — сказываютъ—у васъ въ русскихъ книгахъ написано, что вы и въ христіанскую вѣру вышли по царской волѣ: велѣно было собраться къ рѣкѣ и креститься — всѣ и крестились. Вы вотъ покрамольничайте только!... Собирались бояре у великаго князя, собирались у владыки, у тысяцкаго собирались торговыя сотни, между собой переговаривали; черная чадь думы думала, и никогда еще въ Твери такъ ярко не горѣли свѣчи предъ иконами, никогда постъ такъ строго не соблюдался и никогда не сыпали такъ искрами оселки и напилки — оттачивая ножи, мечи и топоры. Возставать никто не хотѣлъ, но каждый хотѣлъ—въ случаѣ чего—живьемъ не сдаться. Женщины были испуганы, мужчины молчали или говорили отрывисто, будто готовились—въ случаѣ крайней нужды—перебить свои семьи.

Все могъ стерпѣть, все могъ вынести русскій народъ: поруганье женъ, дочерей, сестеръ, постоянное избіеніе русскихъ князей въ Ордѣ,—но насильнаго обращенія въ мусульманство — онъ бы не вынесъ! Тысяцкій, или говоря нынѣшнимъ языкомъ, городской голова и начальникъ народнаго ополченья, выборный отъ народа человѣкъ,—lord mayor, пользовавшійся и значеніемъ и вліяніемъ англійскаго Лорда-мера,—подъ рукою повѣстилъ горожанъ, чтобы, не подавая виду и не затѣвая драки, были бы на всякій случай готовы къ ярмарочному дню; а между тѣмъ татары, болѣе на словахъ грозившіе мусульманствомъ, чѣмъ серіозно думавшіе объ обращеніи русскихъ въ вѣру Магометову, вели себя на Твери буйно и нахально.

У татаръ, какъ у русскихъ, жалованья служащимъ въ государственной службѣ не полагалось; государственная служба считалась наградою и средствомъ кормиться.

Щелканъ былъ посланъ Узбекомъ, во-первыхъ потому что былъ честенъ душою и дѣйствительно радѣлъ о томъ, чтобы всѣ владѣнія Золотой Орды соединить въ одно крѣпкое государство—обузданіемъ ея улусниковъ, въ родѣ Великихъ Князей Русскихъ. Мысль о пользѣ распространенія мусульманства между русскими—раздѣлялъ также и Узбекъ, хотя плохо вѣрилъ въ ея осуществленіе.

Щелканъ пріѣхалъ въ Тверь съ огромною свитою людей, поступившихъ къ нему на службу для того чтобы поправить свои дѣлишки, или запросто не даромъ небо коптить. Что касается до ихъ содержанія и проѣзда, за все это разумѣется должны были платить великіе князья Всея Руси. Большого убытка отъ этого бы не понесли и нисколько не стѣснялись бы прокормленіемъ въ Твери тысячь трехъ человѣкъ, если-бы татары, смирные и кроткіе дома, не были жадны и нахальны на чужой сторонѣ и не безпутствовали-бы до невозможности.

Изъ великокняжеской казны каждый день отпускались имъ съѣстные припасы на содержаніе; подарки давались всѣмъ поголовно, отъ большаго до малаго; жизнь ихъ была безбѣдна, безпечальна;—но они забирались съ устьевъ Волги на ея верховье не для того, чтобъ воротиться домой въ Орду съ пустыми карманами — и потому тащили все, что попадалось на глаза. Кромѣ того, вѣчно грязные, вѣчно пьяные, татары портили на улицахъ все, что могли испортить, сшибали коньки съ крышъ, замки въ воротахъ ломали, для препровожденія времени стрѣлы пускали въ окна, за свиньями гонялись, собакъ били, прохожимъ давали подзатыльники. Тверичи все терпѣли, потому что терпѣть отъ татаръ вошло уже въ привычку. Татарскіе послы были всегда попущеніемъ Божіимъ—и какъ ни хлопотали русскіе князья, начиная съ Александра Невскаго, чтобы изъ Орды не посылали къ нимъ этихъ контролеровъ ихъ дѣйствій, наблюдателей за ихъ поступками и представителей верховной власти,—изъ Орды ихъ все-таки продолжали посылать, отчасти изъ недовѣрія къ русскимъ, а отчасти потому что нельзя же было лишать татарскую аристократію средствъ къ обогащенію. Чтобъ какъ-нибудь умаслить, умилостивить Щелкана, великокняжеское семейство уступило ему свои собственныя хоромы, выстроенныя покойнымъ Михаиломъ Ярославичемъ; затѣмъ бояре и богатые гости отдали имъ свои дворы. Татары жили нечисто: разводили огонь не въ печахъ, а на полу, посреди свѣтлицъ и горницъ; стѣны, полы и потолки портили, лѣстницы зачѣмъ-то ломали; отъ занятыхъ ими помѣщеній несло всевозможнымъ смрадомъ. Но тверичи все терпѣли, покуда баба да дьяконъ не разрубили Гордіевъ узелъ.

Народъ шелъ въ церковь угрюмый, смирный, сторонился отъ татаръ, не отвѣчалъ ни на пинки, ни на брань, ни на насмѣшки. Арина, чуть-ли не единственная женщина на этой далекой улицѣ, одна юлила между русскими, прося у каждаго на выпивку,—а татары, сидѣвшіе у воротъ и на заборахъ и плевавшіе для препровожденія времяни на прохожихъ, хохотали на нее и что-то кричали по своему. Арина улыбалась имъ, раскланивалась, выплясывала, отпускала имъ разныя остроты,—а прохожіе все подвигались къ небольшой, бѣдной церковкѣ Покрова Пресвятой Богородицы, какъ вдругъ въ толпѣ раздался крикъ. Арина стояла блѣдная, выпучивъ глаза и съ развалившимися жидкими косами.

Какой-то татаринъ, сидѣвшій у воротъ и державшій хворостину, смѣясь ударилъ ее по кикѣ — кика слетѣла, Арина закричала, прохожіе остановились въ ужасѣ.

— Батюшки свѣты!... кричала она, схватившись руками за голову, — батюшки свѣты, отцы родные, христіане православные, опростоволосили меня! опростоволосили предъ цѣлымъ міромъ! что же это будетъ? пропала моя голова!

Она подняла съ земли камень и пустила имъ въ татарина: татары, не знавшіе правила, что величайшее оскорбленіе женщины, сорваніе съ нея головнаго убора, имѣетъ такое огромное значеніе въ глазахъ русскихъ,—хохотали, а одинъ изъ нихъ бросилъ въ лицо бабенки комъ грязи.

Арина взвизгнула и пустила въ татарина еще камнемъ: камень попалъ въ плечо одному низенькому старому татарину — тотъ вскрикнулъ, однимъ прыжкомъ очутился возлѣ Арины и вцѣпился ей въ волоса.

— Батюшки свѣты, народъ православный! рѣжутъ мучители!

Толпа стояла молча... Вдругъ изъ нея выдвинулся молчаливый знакомецъ Арины, Суета,—и сказавъ: «безпутица», снялъ шапку, перекрестился на крестъ церкви виднѣвшейся въ концѣ улицы, ровнымъ шагомъ подошелъ къ Аринѣ и таскавшему ее за волосы татарину, поднялъ кулакъ, опустилъ его на шею татарина—и тотъ какъ снопъ повалился на землю, закативши глаза.

Въ толпѣ татаръ раздался дикій вопль — и нѣсколько человѣкъ выскочило на мѣсто схватки. Только что размахнулся одинъ высокій, рыжій татаринъ ударить Арнинина защитника, какъ тотъ пырнулъ его ножемъ въ брюхо, поддалъ колѣнкой и татаринъ свалился; Арина бросилась на татарина, выхватила у него саблю и треснула по плечу другаго.

Еще раздался крикъ съ татарской стороны, ворота ихъ двора растворились, нѣсколько длинныхъ татарскихъ стрѣлъ прожужжало, русскіе топоры поднялись— и на встрѣчу имъ замелькали длинные татарскія копья съ крюками, которыми можно было и колоть и захватывать за головы, за плечи, и сваливать съ ногъ противниковъ. Чтó тутъ происходило, описать трудно: русскіе крестились; впереди ихъ молча, съ ножемъ въ лѣвой рукѣ и съ топоромъ въ правой, шелъ молчаливый Суета съ безстрастнымъ, все и вся отрицающимъ выраженіемъ лица,—и какъ-то неторопливо, полусонно, поднявъ локоть лѣвой руки и держа въ ней ножъ черешкомъ къ груди, чтобы отстранить каждаго встрѣчнаго, правой рукой махалъ топоромъ и ловко отшибалъ имъ удары татарскихъ сабель и копій. Подлѣ него, точно выглядывая у него изъ подъ мышки, вертѣлся маленькій, заплатный, безпокойный человѣкъ изъ черныхъ сотенъ, по прозванью Муха, котораго мы тоже видѣли; онъ одной рукой держалъ мечъ и билъ имъ татаръ по ногамъ.

Татаръ прибавилось, узкая улица была запружена русскими; какой-то старикъ съ топоромъ въ рукахъ крикнулъ: «за мной, христіане православные!»—и бросился къ воротамъ татарскаго двора. Человѣкъ двадцать двинулось за старикомъ. Тяжелые русскіе мечи и топоры рубили татарскія копья и оттѣсняли татаръ отъ воротъ. Татаръ было человѣкъ двадцать, русскихъ до двухъ сотъ, но въ такомъ узкомъ переулкѣ битва была ровна; не прошло пяти минутъ схватки, какъ передовая стѣна русскихъ смѣнилась другою, уже вооруженною щитами, въ шлемахъ и панцыряхъ. Вездѣ распахивались ворота, отовсюду бѣжали вооруженные люди, а ничего не ожидавшіе татары отступали съ своими копьями и саблями.

Съ русской стороны, съ заборовъ, съ крышъ сыпались на нихъ стрѣлы и камни.

— За домъ Святаго Спаса, кричали русскіе, — за вѣру христіанскую, за народъ православный! Вотъ вамъ, собаки-бусурманы!

И въ то же время въ маленькой церкви Покрова Пресвятой Богородицы проворно застучало деревянное било, замѣнявшее рѣдкія тогда еще на Руси колокола; застучало било въ сосѣдней церкви Святителя Николая; набатъ слышался по всему городу—и отовсюду, изъ всѣхъ воротъ, изъ всѣхъ закоулковъ сыпались вооруженные русскіе, посвѣчивая на солнцѣ желѣзными и мѣдными шлемами, съ мечами у поясовъ, съ топорами позади, съ луками за спиною, съ красными кожаными щитами на лѣвой рукѣ,—но въ драку не вдавались, а устанавливались на перекресткахъ, дѣлали завалы, засѣки, или какъ теперь мы говоримъ, баррикады, чтобы отстаивать городъ и свои улицы.

Въ это же время, на другомъ концѣ города, на самомъ берегу Волги, изъ воротъ очень красиваго двора выходилъ отецъ-дьяконъ соборной церкви Спаса Преображенія, Дюдко, и велъ за собою на водопой кобылу.

Дюдко ростомъ былъ съ знаменитаго Измайловскаго тамбуръ мажора, въ плечахъ косая сажень, а въ широкой груди его мѣстился тотъ самый невѣроятный голосъ, который изъ этого богатыря сдѣлалъ дьякона. Кромѣ дьяконской должности, Дюдко исправлялъ въ Твери должность общественнаго силача. Когда нужно было знать, крѣпко-ли чтó сдѣлано, выдержитъ-ли лукъ и не порвется-ли тетива, или не сломится-ли древко боеваго топора,—звали Дюдко; крѣпко-ли сваи вбиты— спрашивали его; сколько простыхъ смертныхъ нужно, чтобы какой необыкновенный грузъ поднять, — Дюдко былъ единственнымъ авторитетомъ. Ко всему этому онъ былъ человѣкъ чрезвычайно смирный, мало общительный, кроткій, тихій и имѣлъ нѣкоторую привязанность ко всякаго рода животнымъ.

Мѣсто соборнаго дьякона давало ему само по себѣ хорошіе доходы; пробованье силы, гнутье подковъ и ломовъ для увеселенія общества на пирахъ и братчинахъ—тоже приносило ему малую толику благъ земныхъ въ видѣ мѣшковъ овса, полотенъ и (что пуще всего было для Дюдко) телятъ, жеребятъ, котятъ, щенятъ, невѣроятныхъ курочекъ и невѣроятныхъ голубей. Страсть Дюдки ко всякаго рода крупнымъ и мелкимъ животнымъ — дѣлала его извѣстнымъ по всей Волгѣ, отъ Твери вплоть до Казани, до Орды, а въ другую сторону по Тверцѣ до великаго Новгорода. Кто ни увидитъ какого-нибудь диковиннаго звѣря заморскаго, всякій говоритъ: «вотъ отвести бы это тверскому дьякону»—и тверскому дьякону дѣйствительно привозили много диковинокъ, но какъ христіанинъ православный онъ уважалъ и берегъ только животныхъ чистыхъ, почему не допускалъ у себя ни черепахъ, ни ручныхъ лисицъ; а отъ обезьяны, которую ему хотѣли привести изъ Орды, даже наотрѣзъ отказался и глубокомысленно заявилъ, что это дѣло нечистое. Попробовалъ было онъ что-то изъ писанія привести въ подтвержденіе этого, но никакъ не могъ припомнить и все ждалъ пріѣзда святителя, который въ книгахъ силенъ и за отвѣтомъ въ карманъ не полѣзетъ.

Достатку Дюдки помогало еще то обстоятельство, что онъ какъ церковникъ, въ силу ярлыка, даннаго митрополиту Петру, не платилъ подати—и дворъ его былъ свободенъ отъ татарскаго постоя. Послѣднее обстоятельство не нравилось Щелкану и его приближеннымъ, потому что дворы соборнаго духовенства (игравшаго въ то время на Руси такую же роль, какую теперь играютъ священники англиканской церкви въ Англіи) были изъ лучшихъ въ городѣ. Впрочемъ, зачѣмъ татарамъ были нужны именно эти лучшіе дворы въ городѣ—они и сами не съумѣли бы сказать; но имъ было досадно, зачѣмъ ихъ туда не пускаютъ.

Князья и бояре пробовали было потолковать объ этой уступкѣ съ владыкою Варсонофіемъ; Варсонофій поговорилъ съ духовенствомъ, а духовенство рѣшительно отказало и князю и тысяцкому, заявивъ что если разъ оно согласиться на нарушеніе татарами правъ церковныхъ, то Церковь совсѣмъ пропадетъ.

Кромѣ того, что дворъ Дюдко, поставленный въ лучшей части города, близь великокняжескихъ хоромъ, вѣчевой площади, боярскихъ дворовъ и затѣйливаго, на нѣмецкій ладъ построеннаго, каменнаго дома тысяцкаго,—возбуждалъ зависть татаръ, пуще всего задорила ихъ историческая дьяконова кобыла.

За большія деньги купилъ Дюдко эту кобылу еще жеребенкомъ, у одного Божьяго дворянина, ливонскаго рыцаря. Кобыла эта была изъ породы колоссальныхъ нормандскихъ лошадей, тяжелыхъ на ходу, копытомъ закрывающихъ тарелку и возившихъ (въ тѣ средніе для Запада вѣка) желѣзныхъ рыцарей на войну. Какъ боевыя лошади, нормандскіе кони никуда не годились по ихъ непроворству, и годны только въ теперешнемъ ихъ примѣненіи — ломовыми. Не будь этихъ коней у рыцарей, гораздо болѣе сдѣлали бы они въ Крестовые походы, гдѣ ихъ такъ допекали легкіе бедуины на подвижныхъ, неутомимыхъ, сытыхъ подножнымъ кормомъ, арабскихъ лошадяхъ. Дюдко купилъ кобылу жеребенкомъ, выхолилъ ее и строилъ на ея счетъ множество воздушныхъ замковъ.

По жеребенку отъ нея думалъ онъ дать въ приданое своимъ дочерямъ, и въ случаѣ войны съ бусурманами хотѣлъ самъ на нее сѣсть; съ русскими онъ не пошелъ-бы воевать, — какъ всѣ духовные, онъ былъ врагъ усобицъ.

Но съ бусурманами побиться онъ былъ не прочь, а особенно пустить въ ходъ свою сѣкиру. Какъ всѣ великаны и силачи, онъ любилъ все исполинское.

Сѣкиру, подходящую ему по рукѣ, отыскивать онъ не могъ,—и потому, послѣ долгихъ и многолѣтнихъ толковъ съ мастерами, наконецъ самъ себѣ заказалъ огромный боевой топоръ, пуда въ три вѣсомъ, шириною въ полъаршина, на которомъ была вычеканена золотой насѣчкой молитва: «Да воскреснетъ Богъ, и (какъ читалось въ старину) разъидутся врази Его».

Больно завидна была татарамъ кобыла — и каждый день выходили они смотрѣть, какъ дьяконъ водитъ ее на водопой; а на водопой онъ ее всегда водилъ самъ, сначало просто по любви къ животинѣ, а послѣднее время, на всякій случай, изъ боязни татаръ.

Давно уже татары думали подтибрить эту кобылу— и, какъ на грѣхъ,—узнавъ, что въ Твери ихъ очень боятся,—именно въ Успеньевъ день, 15 августа, думали, что утромъ никого на улицахъ не будетъ, и что человѣкъ двадцать все-таки справятся съ исполинскимъ дьякономъ, который кстати никогда не носилъ съ собою оружія.

Только что взошло солнце изъ за Волги — загремѣли засовы дьяконскихъ воротъ,—и тяжелый Дюдко, въ легонькомъ стихарѣ изъ сѣраго деревенскаго сукна, въ легкой сѣрой войлочной шапочкѣ, босикомъ, творя крестное знаменье и кланяясь на всѣ четыре стороны, вышелъ съ кобылой. Не успѣлъ онъ сдѣлать и пяти шаговъ, какъ вдругъ раздался татарскій гикъ,—между имъ и кобылой скользнуло нѣсколько человѣкъ. Одинъ изъ нихъ на бѣгу пересѣкъ саблей недоуздокъ, другой вскочилъ на его дорогую скотину, ударилъ ее пятками— и прежде чѣмъ Дюдко успѣлъ оглянуться, онъ былъ оттѣсненъ отъ нея толпою маленькихъ, широкоплечихъ хохлатыхъ татаръ, которые гнали и стегали кобылу нагайками, кололи ее наконечниками копій. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ... Взлелѣянная въ стойлѣ кобыла, выходившая на улицу только съ своимъ хозяиномъ, и никогда не бывавшая въ толпѣ и не слыхавшая дикаго степнаго гиканья,—испугалась, взвилась на дыбы, ударила задомъ и сшибла татарина, который (хотя и былъ отличный наѣздникъ, но отъ роду не сидѣвшій на подобной лошади) скатился назадъ. Кобыла ударила еще разъ, откинула его сажени на двѣ въ сторону и какъ вкопанная стала на мѣстѣ, тяжело дыша и дико поводя глазами, налившимися кровью. Другой татаринъ вскочилъ на нее, но въ ту же минуту Дюдко провелъ около себя кулакомъ: одна татарская голова стукнулась о другую, третій повалился со стономъ на землю съ вывихнутою челюстью, четвертаго Дюдко поймалъ за шиворотъ и бросилъ его какъ кошку на остальныхъ. Нѣсколько человѣкъ татаръ побѣжало; Дюдко пошелъ грудью на оставшихся и кричалъ своимъ невѣроятнымъ голосомъ, который былъ слышенъ даже за Волгою.

— Сюда, христіане православные, не давайте изобидить Церковь Божію!.. Взялъ Дюдко свою кобылу одной рукой за холку, а кулакомъ сталъ чистить толпу, давая въ то же время татарамъ такія пинки ногой, что они какъ снопы валились. Татары валились какъ снопы около богатыря дьякона, но вставали съ ножами въ рукахъ; дьяконъ прислонился спиною къ кобылѣ, ударилъ по одному татарину лѣвымъ кулакомъ, правой выхватилъ у него ножъ—и въ одно мгновеніе разсѣкъ ему шею отъ уха до уха. Злобно гикнули татары, — но растворился занятый ими дворъ боярина Куска, и нѣсколько человѣкъ татаръ съ длинными копьями въ родѣ багровъ, сломя голову, бѣжали къ мѣсту схватки. Въ ту же минуту, заслышавшая голосъ дьякона, дьяконица его спустила съ цѣпи его шестерыхъ, тоже исполинской невѣроятной породы, псовъ и растворила имъ калитку; татары дрогнули предъ новымъ непріятелемъ, отъ котораго и бѣжать было некуда. Они рубили псовъ саблями, кололи ножами,—псы только рычали и стервенились.

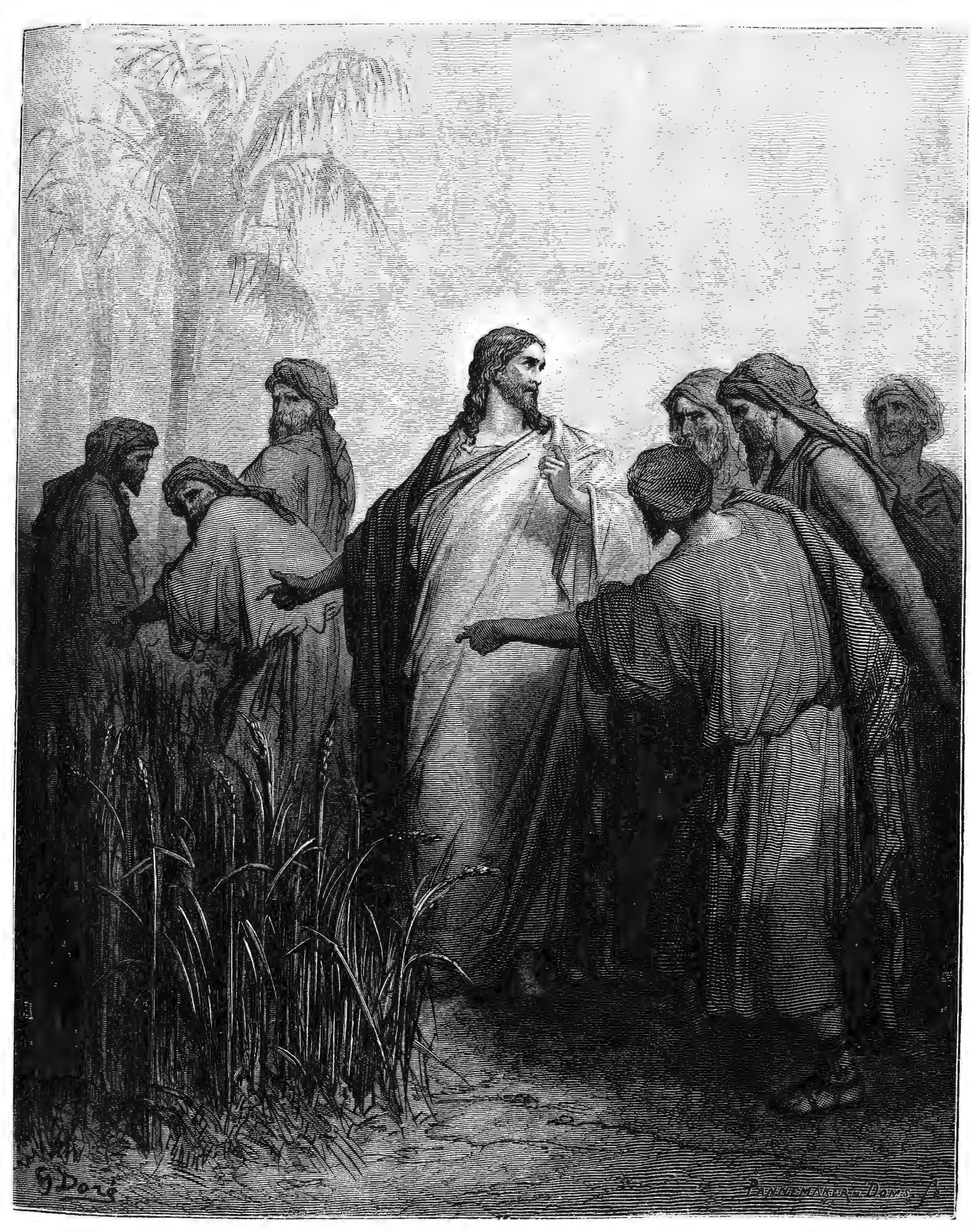
Вдругъ черезъ голову дьякона, мимо уха его, зажужжала стрѣла. Одному татарину вышибло глазъ, другому стрѣла въ горло впилась; послышался звонъ панцырей — на голосъ дьякона шелъ пономарь Вавила, гнусившій что есть мочи: «съ нами Богъ, разумѣйте языце и покоритеся». Весь въ мѣдной бронѣ, впереди причетниковъ и соборныхъ пѣвчихъ, какъ звѣрь глубоко врѣзался Вавила въ толпу татаръ, сбитыхъ въ кучу собаками, а глубже его врѣзался въ горячее человѣчье тѣло его легонькій топоръ на длинномъ древкѣ.

— Вотъ, спохватился, медленный на движенья и соображенья, дьяконъ,—пришло время постоять за вѣру христіанскую и за Церковь Божію!

— Томиловна, крикнулъ онъ своимъ невѣроятнымъ голосомъ, — вышли-ка мнѣ сюда топоръ!.. Не обращая вниманія на приступавшихъ, онъ подвелъ кобылу къ калиткѣ; калитка растворилась, дьяконица своими руками подала ему топоръ, и сказавъ: «спаси тебя Богъ, Даниловичъ!» снова захлопнула ее.

Всѣ ворота растворились; отовсюду татаръ валило видимо не видимо, ихъ остроконечныя шапки мелькали, копья свѣтились; они кричали, что русскіе—крамольники, хотятъ избить ихъ, что они хотятъ отъ хана отложиться, всѣхъ татаръ извести. Навстрѣчу этимъ остроконечнымъ шапкамъ выѣхалъ на своей кобылѣ отецъ Дюдко, держа одной рукой свой трехпудовый топоръ.

— «Да воскреснетъ Богъ и разъидутся врази Его!» провозгласилъ онъ тѣмъ голосомъ, которымъ, въ со-

Спаситель на засѣянномъ полѣ.

Рисунокъ Доре.

борѣ Спаса Преображенія, провозглашалъ многолѣтіе благовѣрному великому князю, святѣйшему патріарху, благочестивому митрополиту,—и голосъ его поднялъ всю пристань; отовсюду замелькали желѣзные шлемы, боевые топоры, красные щиты изъ жесткихъ сыромятныхъ кожъ, усѣянные мѣдными и серебряными гвоздиками, засверкали въ воздухѣ обоюдоострые мечи; загудѣли кремлевскіе колокола, — и, какъ бы въ отвѣтъ мѣдному благовѣсту, изъ далекаго конца города неслись звуки деревянныхъ и чугунныхъ билъ, глашатаевъ другой схватки. Въ воздухѣ стоялъ крикъ; деревенскіе люди, пріѣхавшіе на праздникъ и на ярмарку съ возами и остановившіеся на торговой площади, мигомъ повытаскивали изъ возовъ мечи, копья, простенькіе шлемы и легкіе панцыри, — каждый крестился, и всѣ толпились въ кучу, не зная, съ которой стороны будетъ нападеніе.

В. Кельсіевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Спаситель на засѣянномъ полѣ.

«Въ то время проходилъ Іисусъ въ субботу засѣянными полями; ученики же Его взалкали, и начали срывать колосья и ѣсть. Фарисеи, увидѣвъ это, сказали Ему: вотъ, ученики Твои дѣлаютъ, чего не должно дѣлать въ субботу. Онъ же сказалъ имъ: развѣ вы не читали, что сдѣлалъ Давидъ, когда взалкалъ самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ онъ вошелъ въ домъ Божій, и ѣлъ хлѣбы предложенія, которыхъ не должно было ѣсть ни ему, ни бывшимъ съ нимъ, а только одн имъ священникамъ? Или не читали вы въ законѣ, что въ субботы священники въ храмѣ нарушаютъ субботу, однако не виновны? Но говорю вамъ, что здѣсь Тотъ, кто больше храма. Еслибъ вы знали, что значитъ: милости хочу, а не жертвы; то не осудили бы невиновныхъ (Осіи, 6, 6). Ибо Сынъ человѣческій есть господинъ и субботы». (Матѳ. 12, 1).

Таково содержаніе рисунка Доре, заимствованнаго нами изъ Гальбергерова (нѣмецкаго) изданія его всесвѣтно-извѣстной Библіи въ картинахъ.

Кто не знаетъ этихъ геніальныхъ иллюстрацій къ священному тексту!... сказали бы мы, еслибъ цѣнность роскошнаго изданія и неимѣніе его въ русскомъ переводѣ — не дѣлали его достояніемъ исключительно богатыхъ людей, особенно во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Намъ не разъ приходилось слышать, что еслибы и нашелся въ Россіи предприниматель этого изданія, оно едва ли было бы разрѣшено, — но мы рѣшительно отказываемся вѣрить подобнымъ слухамъ. Мы слишкомъ хорошо понимаемъ, какъ осмотрительно слѣдуетъ относиться къ изданіямъ картинъ религіознаго содержанія, но именно съ этой точки зрѣнія возможно-большее распространеніе Библіи, иллюстрированной Гюставомъ Доре, и было бы желательно у насъ. Ничто въ такой мѣрѣ не способствуетъ благоговѣйному отношенію къ извѣстному предмету, какъ высоко-художественное изображеніе его; ничто такъ рѣзко не запечатлѣваетъ идей въ памяти юношества, какъ изящныя образныя ихъ представленія;—а что касается образности, изящества и высокой художественности, то исполненіе рисунковъ Доре почти не оставляетъ желать ничего лучшаго. Онъ одинъ способенъ творить подобныя чудеса граверскаго искусства; его рѣзецъ обладаетъ едвали не исключительнымъ свойствомъ придавать гравюрѣ ту жизненность и движеніе, которыя такъ рѣдки даже въ масляной живописи,—не говоря уже о строгой граціи въ постановкѣ фигуръ, о прозрачности воздуха и его перспективѣ, о той лучезарности, которой проникнуты у него изображенія безплотныхъ существъ, являющихся въ его созданіяхъ какъ бы частицами солнца, облака или самой атмосферы.

Взгляните, напр., на прилагаемый рисунокъ:

Какимъ зноемъ полуденныхъ странъ дышатъ эти сверкающіе колосья, эти туманныя очертанія пальмъ въ раскаленной мглѣ воздуха—именно мглѣ не смотря на обиліе и даже преизбытокъ свѣта! Какъ это ни парадоксально кажется: «мгла при обиліи свѣта», но тѣ, кому случалось бывать на дальнемъ Юго-Востокѣ, подтвердятъ точность этого выраженія. Эта та самая мгла, въ которой отражается степное марево, которая въ меньшей степени замѣтна и въ нашихъ широтахъ въ жаркіе лѣтніе дни, если передъ нами открывается обширный горизонтъ—вершины деревьевъ и дальнихъ башенъ какъ бы дрожатъ въ струящемся воздухѣ. Но все это можетъ дать лишь слабое понятіе о свѣтопреломленіи и разнообразной игрѣ солнечныхъ лучей въ такихъ мѣстностяхъ, какова, напр., Палестина. Здѣсь всѣ предметы буквально искрятся и сверкаютъ, призрачно сглаживаясь въ своихъ очертаніяхъ, — и это мастерски передано рѣзцомъ Доре.

Обратите вниманіе на постановку фигуръ: сколько строгой, классической простоты въ каждой изъ нихъ! отказываешься вѣрить, чтобъ это было созданіемъ одного изъ представителей французской школы—школы отличающейся крайнею манерностью и битьемъ на дешевые эффекты. И дѣйствительно, Гюставъ Доре составляетъ блестящее исключеніе изъ числа своихъ собратьевъ; будучи еще очень молодымъ художникомъ, онъ успѣлъ прославиться кромѣ необыкновенныхъ успѣховъ и тщательнымъ изученіемъ древности, работалъ и въ тоже время не переставалъ учиться, — и вотъ передъ нами плоды этой истинно-художнической жизни. Въ каждой складкѣ одежды, въ малѣйшемъ жестѣ, въ едва замѣтной чертѣ лица — сквозитъ то великое мастерство, которое дается лишь крупному таланту при постоянномъ трудѣ. Какимъ неземнымъ спокойствіемъ и величіемъ запечатлѣна фигура Спасителя, напоминающая тиціановское: «кесарю кесареви»,—сколько разнообразія въ позахъ и мимикѣ учениковъ и фарисеевъ, при всемъ кажущемся однообразіи еврейскаго типа! Но то что составляетъ крайнее торжество искусства—гармоническое сочетаніе частей рисунка въ стройное цѣлое — еще поразительнѣй: видно, что время кропотливыхъ подготовительныхъ трудовъ давно миновало, и художникъ необыкновенно легко и свободно набрасываетъ на бумагѣ свою зрѣлую, выношенную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, могло ли быть иначе, если сообразить громадное число рисунковъ къ Ветхому и Новому Завѣту, Божественной комедіи Данта, Донъ-Кихоту и проч., не считая безчисленныхъ мелкихъ работъ, разсѣянныхъ во всевозможныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ? Соображая цифру произведеній Доре съ числомъ лѣтъ

его художественной дѣятельности, и принимая во вниманіе, что артистъ не поденщикъ и не способенъ работать изо дня въ день какъ бы по заказу — приходишь къ мысли, что Доре случалось иногда выполнять 2 — 3 рисунка въ сутки.

Нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ и объ изданіи, изъ котораго мы заимствовали прилагаемый рисунокъ. Оно гораздо дешевле французскаго (почти на $^1/_3$ цѣны), и стòитъ въ Россіи около 30 рублей. Текстъ точно такъ же печатанъ (по нѣмецки) въ два столбца, раздѣленныхъ ленточками узенькихъ виньетокъ, изъ которыхъ каждая сама по себѣ есть уже художественное произведеніе граверскаго искусства; о разнообразіи украшеній и стиля въ этихъ виньеткахъ почти нѣтъ возможности дать понятіе описаніемъ,—надо видѣть— и восхищаться.

Кладбища и уединенныя могилы

древнихъ и новыхъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ, народовъ Забайкальскаго края *).

Всякій народъ хоронилъ и хоронитъ своихъ умершихъ, руководствуясь правилами своей религіи, обычаями, освященными давностью, и примѣняясь нѣкоторымъ образомъ къ мѣстности. Описаніе могилъ и кладбищъ различныхъ народовъ весьма любопытно и назидательно,—особенно, если мы взглянемъ на то, чтò погребено въ нихъ. Я, по крайней мѣрѣ, люблю могилы, какъ пріютъ вѣчнаго успокоенія человѣка—богатаго и бѣднаго, добраго и злаго, умнаго и невѣжды; люблю смотрѣть на разсыпавшіяся кости, на очертаніе череповъ, на вещи погребенныя вмѣстѣ съ ихъ владѣльцемъ. Я вижу въ этихъ могилахъ характеръ религіи каждаго усопшаго; я вижу, какъ всякій, просвѣщенный и дикарь, собирая въ дальній замогильный путь человѣка ему милаго и близкаго, заботливо окружалъ покойника всѣмъ, чтò по его мнѣнію было необходимо для успокоенія и могло доказать любовь и послѣднюю ласку. Забайкальскій край весьма бѣденъ древними могилами— и я нигдѣ не находилъ народныхъ кладбищъ отжившихъ племенъ. На степяхъ изрѣдка встрѣтится уединенная могила въ видѣ небольшаго бугра, обставленная двумя или четырьмя невысокими камнями. Часто этотъ бугоръ (или *бутанъ*, какъ называютъ его за-Байкаломъ) совершенно сравнялся съ землею и едва замѣтенъ. Въ бассейнѣ рѣки Унды, впадающей справа въ рѣку Ононъ, и по нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ, орошающимъ степи, подобныя могилы мелькаютъ передъ глазами проѣзжаго и останавливаютъ на себѣ его вниманіе; но такъ какъ онѣ не отличаются никакою наружною особенностью, не имѣютъ ни надписей, ни знаковъ на камняхъ, стоятъ большею частью уединенно и весьма рѣдко сгруппировавшись по двѣ или по три, а внутренность ихъ намъ неизвѣстна и мы не имѣемъ права обнажать ее,—то мы не можемъ сдѣлать объ нихъ никакого заключенія, не можемъ даже сказать, чтò это такое: могилы, пограничные знаки, или религіозные памятники? Если это могилы, то кому принадлежатъ онѣ? Мы можемъ отвѣчать почти утвердительно, что онѣ не принадлежатъ народамъ, исповѣдающимъ шаманство и ламство, потому что сейчасъ опишемъ могилы послѣдователей обѣихъ религій,—и въ этомъ случаѣ должны приписать ихъ народамъ, жившимъ здѣсь въ глубокой древности, или только прошедшимъ по Сибири, чтò кажется всего вѣроятнѣе.

Подробное описаніе могилъ и могильныхъ остатковъ, разбросанныхъ по Азіи и Европѣ, можетъ указать намъ приблизительно: гдѣ и какія жили племена; а сравненіе ихъ озаритъ новымъ свѣтомъ исторію народовъ. Кромѣ уединенныхъ могилъ или *бутановъ*, въ Забайкальскомъ краѣ изрѣдка встрѣчаются *курганы*, стоящіе такъ же уединенно, иногда по-два и по-три вмѣстѣ. Осматривая ихъ со вниманіемъ, мы находимъ, что по наружному виду они не отличаются отъ множества подобныхъ памятниковъ, разбросанныхъ по всей Сибири и Россіи; но будутъ ли это могилы воиновъ, въ которыхъ хоронились убитые послѣ сраженій,—будутъ ли это курганы сторожевые, указатели въ военное время путей для арміи, пограничные, жертвенные и тому подобные, — мы также утверждать не можемъ, потому что внутренность ихъ для насъ неизвѣстна—кромѣ нѣкоторыхъ кургановъ (видимо покрывающихъ развалины древнихъ сооруженій, древнихъ окоповъ, валовъ, городковъ и тому подобнаго), которыхъ мы не должны смѣшивать собственно съ курганами, повидимому могильными, и объ которыхъ не будемъ здѣсь говорить. Мы знаемъ, что нѣкоторые изъ кургановъ насыпаны во время завоеванія Сибири казаками; слѣдовательно, это курганы военные;—но повѣрить ихъ и отдѣлить отъ древнѣйшихъ не было бы кажется излишнимъ для науки, а по положенію костей усопшихъ мы могли бы сказать, кто похороненъ въ нихъ.

Въ другихъ мѣстахъ Сибири я знаю могилы, въ которыхъ люди были похоронены въ сидячемъ положеніи, въ каменныхъ ящикахъ; или они лежали головою на югъ, на сѣверъ, на востокъ, бокомъ, съ поджатыми руками и ногами; или прямо на спинѣ, съ руками, вытянутыми по солдатски. Въ могилахъ военныхъ я насчитывалъ болѣе 25-ти покойниковъ на четырехъ квадратныхъ аршинахъ площади; я находилъ могилы, раздѣленныя внутри каменными крестообразными стѣнами, съ костями, сожжеными въ урнахъ или горшкахъ. Въ Сибири есть племена, которые хоронятъ своихъ усопшихъ на деревьяхъ. Но ничего подобнаго я не встрѣчалъ въ Забайкальскомъ краѣ.

Народное Ламайское кладбище.

Народы, исповѣдающіе нынѣ ламайскую вѣру, недавно стали предавать землѣ своихъ покойниковъ вслѣдствіе настоянія и надзора начальства; но мнѣ неоднократно случалось встрѣчать на широкихъ степяхъ гробы и гробики взрослыхъ и дѣтей, вывезенные далеко отъ юртъ и покинутые среди необозримыхъ равнинъ на произволъ судьбы. Въ нихъ лежали покойники, очень часто непокрытые крышками, завернутые въ лоскутья шубъ и холста; самые гробы были сколочены изъ бѣлыхъ досокъ, или выдолблены изъ дерева, какъ водопойныя колоды. Стаи собакъ, хищныхъ птицъ, иногда волковъ — собраніемъ своимъ указывали на печальную картину трупоѣденія. А назадъ тому 12 лѣтъ я слу-

*) Эту статью В. Титова, уцѣлѣвшую въ числѣ прочихъ по смерти автора, мы пріобрѣли отъ родственниковъ покойнаго, извѣстнаго литературными трудами по русской этнографіи.

чайно наѣхалъ въ Верхнеудинскомъ округѣ на ламайское народное кладбище—и разскажу объ немъ для того, чтобы показать, что подобное кладбище также не могло оставить намъ никакихъ памятниковъ старины. Кладбище это было расположено вдали отъ жилыхъ мѣстъ, затаено въ такихъ горахъ, гдѣ бы не могли отыскать его русскіе и окружено мелкимъ березникомъ. Проѣзжая верхомъ съ однимъ только проводникомъ, для осмотра мѣстности, я сбился съ тропы и наткнулся на это мѣсто. Множество небольшихъ разноцвѣтныхъ флаговъ, блеснувшихъ между зеленью березъ и зыблемыхъ вѣтромъ, невольно бросилось въ глаза и подстрекнуло мое любопытство. Я въѣхалъ на площадку, обращенную склономъ своимъ къ югу, и увидѣлъ до 50 китайскихъ ящиковъ, раскрашенныхъ вычурными цвѣтами и узорами, порожденными въ умѣ монгольскаго живописца его плодовитою азіатскою фантазіею. Каждый ящикъ стоялъ на 2-хъ подкладкахъ или брускахъ, вышиною въ $^1/_4$ арш. отъ земли, былъ обставленъ въ квадратъ деревянными пиками (числомъ до 20, вышиною до 4-хъ арш.), на верхнихъ концахъ которыхъ вѣяли продолговатые красные, зеленые, желтые, бѣлые, однимъ словомъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, шелковые, нанковые и холщевые флаги. Этотъ лѣсъ, или, говоря по азіатски, *море* цвѣтныхъ флаговъ красиво волновалось въ воздухѣ, зыблемое вѣтромъ и освященное яркимъ полуденнымъ солнцемъ. На многихъ флагахъ были написаны крупными тибетскими и монгольскими буквами заупокойныя молитвы. Пики были воткнуты въ землю и перевязаны между собою вверху и внизу деревянными неширокими рамами. На обѣихъ рамахъ, вокругъ покойника, глиняныя чашечки съ водою, масломъ и хлѣбными зернами, печеныя изъ бѣлаго тѣста пирамидки, лепешки и разные пряженики; это жертва или угощенье духамъ на память почившаго. Въ головахъ покойниковъ вертѣлся маленькій берестяной барабанъ, или цилиндръ на деревянной оси, оперенный четырьмя деревянными ложками, или горизонтальными крыльями, какъ у вѣтреныхъ мельницъ. На ложкахъ были написаны монгольскія молитвы. Внутри барабана была навернута на оси бумажная лента, длиною болѣе 3-хъ сажень, испещренная какими-то тибетскими знаками и молитвами. Нѣкоторые монголы говорятъ, что барабанъ этотъ вертится не отъ вѣтра, но его вертитъ душа покойника—и этимъ движеніемъ молится о своемъ успокоеніи; его вертятъ родные и друзья, приходя на могилу, души облагодѣтельствованныхъ умершимъ, которымъ онъ сдѣлалъ добро, и духи, которыхъ онъ угощаетъ на своей могилѣ. Другіе прибавляютъ, что царь (или духъ—тегріи) вѣтровъ — *Салкину Хаганъ Китэнъ Ши Тынгиры*—вертитъ его также въ свою очередь, умилостивленный друзьями и родными покойника. Барабанъ этотъ монголы называютъ *Хурдою* или *Курду (колесо)*, и разумѣютъ подъ нимъ круглый небесный и земной міръ. *Хурда*, поставленная передъ идолами при жертвоприношеніи и имѣющая форму колеса, означаетъ, что этимъ изображеніемъ приносится въ жертву богамъ весь міръ. *Курдою* называется и то деревянное большое колесо, вертящееся на стоящемъ щитѣ, которое ставится горизонтально въ сѣняхъ каждой кумирни и наполняется религіозными книгами. Всякій богомолецъ, входя въ кумирню, долженъ повернуть это колесо, по крайней мѣрѣ однажды, грѣшники и набожные люди вертятъ безъ счета,—а какъ оно во многихъ кумирняхъ дѣйствительно похоже на огромный, пустой барабанъ, вышиною въ діаметрѣ болѣе печатной сажени, набитый книгами (въ деревянныхъ толстыхъ доскахъ, вмѣсто переплета), составляющими порядочный грузъ, болѣе 30 пудовъ, и повернуть его руками нѣтъ возможности, то къ нему прикрѣпляютъ на веревкѣ толстый рычагъ длиною въ сажень, и этимъ рычагомъ, какъ воротомъ, грамотный и неграмотный вертитъ въ потѣ лица колесо или барабанъ съ книгами. Для чего это? для того, что буддійское выраженіе: *вертѣть колесо ученья*, т. е. проповѣдывать ученье или переводить священныя книги съ таинственнаго языка, — по Буддійски *Ном-Унъ курдун-й Эркигкулку* или *Орчигулху*,—понимается буквально, исполняется механически и означаетъ: молиться. Кто вертитъ этотъ барабанъ *колесо ученья*, тотъ значитъ молится за свои грѣхи, или иначе сказать, съ каждымъ поворотомъ колеса, обращая на оси всѣ книги, лежащія въ барабанѣ, онъ какъ будто прочитываетъ все, что̀ въ нихъ написано: молитвы, житія святыхъ, догматы вѣры, проповѣди и прочее. Вѣроятно добрые ламы (идолослужители) придумали это средство для того, чтобы доставить безграмотнымъ и невѣжественнымъ мирянамъ легчайшее средство спасенія, лѣнивыхъ заставлять дѣлать хотя маленькое движеніе, а можетъ быть и сами такъ поняли это выраженіе. Чѣмъ быстрѣе вертится барабанъ, тѣмъ покойникъ больше замаливаетъ за грѣхи свои, а при сильномъ вѣтрѣ движеніе быстрѣе всякой мельницы. «Что написано на бумажной лентѣ?» спрашивалъ я Бурятъ. «Молитва», отвѣчали они: «*Ом-мани падмэхумъ*». «Что это значитъ?» «Господи помилуй». «Значитъ, покойникъ молится о своемъ помилованіи?» «Да;—всѣ объ немъ молятся». «Это хорошо».

Что именно значитъ эта молитва — предоставляю судить знатокамъ дѣла; а теперь останемся при толкованіи бурятскихъ ламъ. Крышки могильныхъ ящиковъ не были даже приколочены, но только придавлены камнями. Всѣ ящики были прогрызены съ боку—и покойниковъ не было въ гробахъ; только въ двухъ, недавно поставленныхъ ящикахъ лежали усопшіе на правомъ боку, съ поджатыми руками и ногами, завернутые въ бѣлые каленкоровые мѣшки, завязанные надъ головою. На вопросъ: гдѣ же остальные покойники? проводникъ отвѣчалъ, что ихъ утащилъ шайтанъ. Но по осмотрѣ мѣстности оказалось, что ихъ уноситъ не шайтанъ, — а волки и собаки, сбѣгаясь на запахъ, прогрызая ящики, вытаскиваютъ по частямъ усопшихъ, съѣдаютъ, и кости ихъ разносятъ по полю. Ящики въ нѣсколько лѣтъ сгниваютъ, флаги и пики тоже—и отъ покойника не останется даже горсти земли.

Шаманская могила.

Теперь посмотримъ, какъ хоронятъ лицъ шаманскаго исповѣданія и что̀ отъ нихъ остается потомству? я нигдѣ не находилъ народныхъ кладбищъ шаманскаго исповѣдыванія; но близь караула Алтангана или Саганъ Олыя, находящагося между Аргунью и Ономомъ въ Нерчинскомъ округѣ,—на южномъ склонѣ горы *Кадаи*, между гранитными утесами, на половинѣ пути, — я нашелъ однажды могилу шаманки. Она была сложена на землѣ изъ камней гранита вышиною до 5 четвертей, въ видѣ круглой стѣны, покрыта шатромъ тонкихъ прутьевъ березника и травою. Въ срединѣ ея была посажена умершая шаманка лицомъ къ югу, съ поджатыми ногами, *съ коньками* въ рукахъ (*мори*, въ родѣ посоховъ, или длинныхъ палокъ, употребляющихся

при шаманствѣ и называемыхъ *коньками*). Противъ лица покойницы, въ стѣнѣ было сдѣлано 4-хъ угольное небольшое отверстіе; позади ея стоялъ ящикъ, въ которомъ она хранила свои вещи (по тунгузски *Укакъ*). Она была одѣта въ шубу (*Делъ*) и шаманское платье (*Орго*). Всѣ принадлежности шаманства были размѣщены возлѣ могилы. На двухъ палкахъ висѣлъ большой бубенъ (*Квице*) и колотушка; возлѣ него стояла на камнѣ шапка (*Малагай*), состоящая изъ желѣзныхъ обручей съ 2 рогами; чугунная большая чаша и желѣзный ковшикъ; немного подалѣе висѣли на вѣтвяхъ небольшой группы березъ 5 длинныхъ желѣзныхъ цѣпей (*Амитай*), которыми опоясывалась шаманка, какъ веригами, со всѣми къ нимъ мѣдными и желѣзными побрякушками; *маска*, выбитая изъ листоваго желѣза съ отверстіями для глазъ, носа и рта (*Авагалда*, въ буквальномъ переводѣ *дядя*), которую надѣвала она во время большаго шаманства и мѣдный кругъ *Толи* съ изображеніемъ 12 знаковъ, соотвѣтствующихъ мѣсяцамъ, носимый на груди.

Ни одной вещи, употребляемой шаманами и шаманками, родственники умершихъ не смѣютъ присвоить себѣ какъ освященной и оставляютъ на нихъ могилахъ. Мѣсто погребенія было выбрано очень удачно, на прекрасномъ возвышенномъ склонѣ, обращенномъ къ югу, въ кругу вѣковыхъ утесовъ гранита; предъ глазами покойницы, въ 75 верстахъ разстоянія, виднѣлась далекая Монголія; шаманка сгнила не въ землѣ, но въ простомъ склепѣ, какъ въ юртѣ. Родные ея могли приходить къ ней и смотрѣть въ окошечко на ту, которую они любили; они видѣли ея постепенное разрушеніе, какъ подгнивъ, она свалилась головою къ окну. Тѣло разрушилось, кости разсыпались, одежда истлѣла — и бѣлый черепъ головы откатился, какъ бы просясь въ родную юрту. Но замѣтьте характеръ религіи: здѣсь никто и ничто не молится объ усопшей. Ничто не напоминаетъ, какъ у ламайцевъ, чтобы умершая сама молилась о себѣ. У шаманцевъ есть поминовенія усопшихъ и только. Шаманы и шаманки признаются лицами, вышедшими изъ круга обыкновенныхъ людей, — полубогами, равными тѣмъ духамъ или силамъ, которые управляютъ міромъ; слѣдовательно, не объ нихъ, но имъ надобно молиться, по понятіямъ дикаря. Заблужденіе весьма не утѣшительное для такого бреннаго созданія, какъ человѣкъ, который отказалъ себѣ даже въ замогильныхъ молитвахъ. Я хотѣлъ взять черепъ шаманки, чтобъ разсмотрѣть его устройство, и всѣ заржавѣвшія металлическія принадлежности шаманства; но проводники не дозволили, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряя, что эти вещи закляты умершею и приносятъ съ собою болѣзни и несчастія тому, кто рѣшился бы взять ихъ, — что это испытали и русскіе. Шаманскія *маски* доказываютъ, что вещь эта давно извѣстна дикарямъ Сибири. Мѣдные, изрѣдка серебряные круги *Толи* попадаются на берегахъ Байкала и въ степяхъ Сибирскихъ съ различными изображеніями, и до насъ доходитъ только одинъ этотъ памятникъ шаманскаго исповѣданія. Эти *Толи* едва ли не тоже самое, что *Тахиль* (круглое блюдечко или подносикъ съ ушкомъ) у ламайцевъ — и надобно предполагать, что одна вѣра приняла его отъ другой. *Тахиль* изображаетъ кругомъ своимъ *Мандалъ* — объемъ или обширность — земной міръ, и поставленный предъ идолами означаетъ, что все или весь міръ приносится имъ въ жертву, какъ объясняютъ ламы. На немъ изображаютъ въ срединѣ гору *Сумэру*, кругомъ ея 4 большихъ части свѣта и 4 малыхъ — *Двипа* или *Твиба*. Но, не желая распространяться здѣсь о Буддизмѣ, мы не будемъ разъяснять и дальнѣйшаго значенія сумэру и двиповъ. Желѣзныя вещи на воздухѣ чрезвычайно скоро окисляются, ржавѣютъ и уничтожаются, все остальное дѣлается прахомъ — и шаманскія могилы также не существуютъ для потомства.

Воспоминанія объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ.

Весною 1818 года, главнокомандующій грузинскимъ корпусомъ прибылъ на р. Сунжу, къ собранному противъ непокорныхъ горцевъ отряду, и выбравъ мѣстность, заложилъ крѣпость Грозную. Земляная эта крѣпость, о шести бастіонахъ, началась постройкой въ іюнѣ мѣсяцѣ, и приведена къ совершенному окончанію къ октябрю, при частыхъ набѣгахъ горцевъ, затруднявшихъ постройку крѣпости. Когда привезли орудія для вооруженія крѣпости, А. П. Ермоловъ, желая наказать непокорныхъ горцевъ, приказалъ одно изъ этихъ орудій отвезти, въ сумеркахъ, отъ крѣпости на 150 сажень, и окруживъ его 50-ю удалыми казаками, составлявшими ночной караулъ, далъ лично наставленіе начальнику этой полусотни: съ разсвѣтомъ допустить къ себѣ горцевъ на сто сажень, и въ этотъ моментъ, какъ-бы отрубивъ постромки, оставить орудіе на мѣстѣ и удирать отъ горцевъ вправо, по направленію на первый бастіонъ крѣпости. Эта военная хитрость увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; на разсвѣтѣ, горцы, въ числѣ около тысячи человѣкъ, съ гикомъ бросились на слабый отрядъ казаковъ, — а тѣ, въ точности исполнивъ наставленіе главнокомандующаго, оставили орудіе на мѣстѣ и ретировались по указанному пути. Горцы, желая захватить оставленное орудіе, спѣшились, чтобъ увезти его; но въ этотъ моментъ шесть батарейныхъ орудій бригады полковника Базилевича, прежде еще наведенныя на оставленное орудіе, сдѣлали залпъ ближнею картечью, чѣмъ привели горцевъ въ такое смятеніе, что они стали подбирать убитыхъ, и тѣмъ дали возможность еще разъ повторить залпъ. Преслѣдуемые, послѣ втораго залпа, усиленнымъ отрядомъ казаковъ и батальономъ кабардинскаго пѣхотнаго полка, они понесли значительный уронъ; орудіе же, послужившее въ этомъ дѣлѣ приманкой, было привезено кабардинцами обратно въ крѣпость. При этомъ случаѣ горцы потеряли до 200 человѣкъ убитыми, и уже на крѣпость — дѣйствительно Грозную — болѣе не покушались.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, не помню котораго числа, Алексѣй Петровичъ, оставя приличный въ крѣпости гарнизонъ, повелъ отрядъ, въ числѣ 5,000 человѣкъ, подъ личною своею командою, для усмиренія бунта въ Дагестанѣ. По прибытіи его въ Тарки, резиденцію шамхала, на берегу Каспійскаго Моря, начался проливной дождь, который не переставалъ лить цѣлую недѣлю, такъ что рѣшительно препятствовалъ дальнѣйшему походу, и заставилъ весь отрядъ испытать на дѣлѣ пословицу: «сиди у моря, да жди погоды».

По грязной, гористой и незнакомой дорогѣ тянулся къ отряду транспортъ съ снарядами и провіантомъ; онъ, въ продолженіе такого ненастнаго времени, много претерпѣвалъ бѣдствій, и чрезъ это не могъ прибыть вòвремя къ отряду; 9-го же ноября, верстахъ въ 25-ти отъ Тарковъ, транспортъ рѣшительно остановился, заметенный снѣгомъ, который выпалъ, въ тотъ день, буквально на полтора аршина. На разсвѣтѣ, съ 9-го на 10-е ноября, было дано знать объ этомъ главнокомандующему, чрезъ одного жителя Тарковъ. Алексѣй Петровичъ въ то же время призвалъ меня къ себѣ, рано утромъ, и давъ мнѣ въ команду 600 человѣкъ жителей города, приказалъ: начиная отъ Тарковъ, прочищать дорогу на встрѣчу транспорту. Взявъ съ собою того самаго проводника, который привезъ непріятное извѣстіе объ остановкѣ транспорта, съ командою горцевъ, снабженныхъ набранными въ городѣ лопатами,—въ тотъ же день, т. е. 10-го ноября, я отправился исполнить приказаніе главнокомандующаго,—и 11-го ноября, къ пяти часамъ пополудни, явился къ Алексѣю Петровичу съ словеснымъ рапортомъ о благополучномъ прибытіи транспорта. Алексѣй Петровичъ, не давъ мнѣ окончить своего донесенія, обнялъ меня и, поцѣловавъ, сказалъ: «ты, братъ, отнынѣ директоръ путей сообщенія». Этимъ шутливымъ названіемъ я пользовался до кончины Алексѣя Петровича.

12-го ноября слегка подморозило, и отрядъ, выступя изъ Тарковъ, верстъ на 50 вглубь Дагестана, на разсвѣтѣ 14-го ноября прибылъ къ городу Большому Джангутаю, гдѣ собралось большое скопище бунтовавшихъ лезгинъ. Отчаянная храбрость ихъ доходила до изступленія; каждый шагъ земли былъ обагренъ кровію сотенъ людей. Усиленная пальба картечью, на отвозахъ впередъ, продолжалась почти два часа; наконецъ, непріятель, громимый дѣйствіемъ артиллеріи и преслѣдуемый штыками, долженъ былъ оставить городъ и бѣгствомъ искать спасенія въ горахъ.

Тогда главнокомандующій приказалъ ударить отбой, сѣлъ на разостланную бурку, облокотился на камень, спросилъ себѣ карандашъ и бумаги, и собственноручно начерталъ слѣдующій приказъ: «Труды ваши, храбрые товарищи, усердіе къ службѣ, проложили намъ путь въ средину владѣній акушинскихъ, народа воинственнаго и сильнѣйшаго въ Дагестанѣ! Страшными явились вы предъ лицомъ непріятеля, и многія тысячи не противостали намъ, бѣгствомъ снискали спасеніе, и благодарны за великодушную пощаду! Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ предлежать горы неприступныя, пути непроходимые! Скажу волю Императора — и препятствія исчезаютъ предъ вами! Заслуги ваши смѣло свидѣтельствую предъ Государемъ Императоромъ, и кто достойный изъ васъ не одаренъ Его милостію? Генералъ Ермоловъ».

Такъ кончилась экспедиція 1818 года, и отрядъ возвратился на зимнія квартиры, частію въ крѣпость Грозную, а частію въ станицы гребенскихъ казаковъ, легкая артиллерія въ г. Моздокъ, а батарейная въ г. Георгіевскъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1819 года, главнокомандующій, желая окончательно возстановить покорность въ Дагестанѣ, подъ личною своею командою вновь собралъ прошлогодній отрядъ, усиленній куринскимъ пѣхотнымъ и 8-мъ егерскимъ полками,—и войско, по трудному пути, преодолѣвая всѣ преграды, прибыло къ деревнѣ Андреевой, гдѣ русская нога, съ завоевательной силой, явилась въ первый разъ.

18-го іюня, близь этой деревни, заложена крѣпость Внезапная, съ блокгаузами въ два яруса; стѣны возведены были изъ стараго кирпича, руками солдатъ, приготовлявшихъ и новый кирпичъ, изъ глины съ соломенною трухою, или, какъ туземцы называютъ—съ саманомъ. Эта крѣпость, какъ и Грозная, должна была строиться съ боя, при безпрерывныхъ набѣгахъ горцевъ, упорно тревожившихъ работы.

Находясь при построеніи какъ Грозной, такъ и Внезапной крѣпостей, я съ удовольствіемъ всегда смотрѣлъ на веселость и игривость солдатъ, находящихся на работѣ. Водку имъ давали почти каждый день, но какъ-то прошло два дня, что водки они не получали. Возвращаясь съ работы всегда съ пѣснями мимо ставки главнокомандующаго, они запѣли одну военную пѣсню, и такъ принаровили куплеты, что возлѣ самой ставки Алексѣя Петровича пришлось имъ пѣть слѣдующій куплетъ:

Говорятъ умнѣй они,
Но что слышишь отъ любаго?
Жомини, да Жомини.....
А объ водкѣ — ни полслова!

Алексѣй Петровичъ вышелъ изъ ставки и сказалъ: «Здорово, ребята! водка передъ кашицей». И дѣйствительно, о выдачѣ рабочимъ водки распоряженіе уже было сдѣлано.

Августа 18-го, непріятель, въ массѣ до 10,000 человѣкъ, сдѣлалъ формальное на крѣпость нападеніе, но былъ отбитъ мужествомъ храбрыхъ ея защитниковъ, и отступилъ съ большимъ урономъ. Самую злостную непокорность оказывали жители качалыковскихъ деревень. Главнокомандующій, желая наказать ихъ примѣрно, выступилъ изъ крѣпости Внезапной, настигъ горцевъ при селеніи Горячевскомъ и истребилъ качалыковскія деревни. Вознамѣрившись вторгнуться во владѣнія коварнаго врага нашего, Сурхая-Хана, главнокомандующій направилъ отрядъ свой въ глубь Дагестана, къ селенію Лаваши, пролагая себѣ путь почти непроходимый, самымъ усиленнымъ трудомъ и прорубкою дремучихъ лѣсовъ. Силою воли и благоразумія главнокомандуюшаго, отрядъ достигнулъ Лавашей, гдѣ горцы, сосредоточенные въ большихъ силахъ и возмущаемые Амулат-Бекомъ, рѣшились защищаться до послѣдней капли крови, подъ прикрытіемъ возведенныхъ ими огромныхъ заваловъ.

Здѣсь да будетъ дозволено маленькое отступленіе, ради названной выше, замѣчательной личности, одного изъ предводителей непокорныхъ—того самаго Амулат-Бека, который впослѣдствіи былъ пойманъ, обреченъ на смерть, но спасенъ великодушіемъ главнокомандующаго, пораженнаго безпримѣрнымъ присутствіемъ духа своего плѣнника. Въ этомъ любопытномъ случаѣ оба дѣйствующія лица возбуждаютъ сильное и невольное сочувствіе. Когда плѣннаго Амулат-Бека привели къ ставкѣ Алексѣя Петровича, главнокомандующій приказалъ спросить его: «какъ онъ дерзнулъ, послѣ данной тарковскому шамхалу присяги быть вѣрнымъ Россіи—вновь возмутиться?». Амулатъ спокойно и твердо отвѣчалъ на вопросы переводчику; но какъ только измѣна его была положительно доказана, свидѣтельствомъ родственниковъ его, тутъ же присутствовавшихъ, то главнокомандующій приказалъ его повѣсить. Когда сентенція главнокомандующаго была объявлена, черезъ

переводчика, Амулат-Беку, то онъ, наклонившись, сталъ гладить въ это время принадлежавшую Алексѣю Петровичу собаку (кличка Ципушка) и восхищаться ёю; при чемъ оставался, повидимому, совершенно-равнодушнымъ къ приговору, надъ нимъ произнесенному,—и, отходя смиренно отъ ставки, пошелъ на смерть, какъ-бы на пиръ, безъ малѣйшаго признака безпокойства или волненія. Это обстоятельство такъ поразило Алексѣя Петровича, что онъ тутъ же воскликнулъ: «да сохранитъ меня Богъ лишить жизни человѣка съ такимъ возвышеннымъ духомъ!». Амулат-Бека арестовали, и, впослѣдствіи, обер-квартирмейстеръ грузинскаго корпуса, Евстафій Ивановичъ Верховскій, выпросилъ у Алексѣя Петровича дозволеніе взять Амулат-Бека на свое попеченіе. Такимъ образомъ, онъ жилъ съ нимъ года два, какъ другъ, какъ братъ. Но минута неумолимаго мщенія приближалась быстро и грозно. Сопровождая постоянно полковника Верховскаго на лошади, Амулат-Бекъ отсталъ отъ него однажды и, сдѣлавъ по немъ выстрѣлъ сзади, убилъ своего благодѣтеля наповалъ и ускакалъ въ горы. Это событіе, какъ извѣстно, послужило Марлинскому темою для его повѣсти: Амалатъ-Бекъ.

Говоря о несчастной и внезапной смерти полковника Верховскаго, не могу умолчать о судьбѣ супруги командира 44-го егерскаго полка, полковника Пузыревскаго. Полковникъ Пузыревскій измѣнническимъ образомъ былъ убитъ Конхаре-Гуріаломъ, въ 1819 году. Черезъ годъ, къ оставшейся послѣ Пузыревскаго вдовѣ посватался полковникъ Верховскій, и, будучи женихомъ, за два мѣсяца до свадьбы, измѣнническимъ же образомъ убитъ Амулатъ-Бекомъ. Вотъ судьба несчастной женщины и несчастной невѣсты.

Обратимся теперь опять къ сраженію подъ селеніемъ Лаваши.

18-го декабря 1819 года, отрядъ, подъ личною командою А. П. Ермолова, до 12-ти часовъ пополудни долженъ былъ стоять безъ всякаго дѣйствія, на одномъ мѣстѣ, ибо въ это время такой былъ сильный и густой туманъ, что въ двухъ а много въ трехъ шагахъ нельзя было различать предметовъ; доказательствомъ тому служитъ то, что авангардъ нашъ набрелъ неожиданно на одинъ завалъ и завладѣлъ имъ безъ выстрѣла, потому что испуганный непріятель, принявъ его за атаку преднамѣренную, убоялся превосходства силъ и ретировался.

Къ двумъ часамъ прояснилось, и непріятель, увидя русскихъ, открылъ такой жестокій огонь, что главнокомандующій, не откладывая ни минуты, приказалъ штурмовать завалы. Пукъ Георгіевскихъ крестовъ, сжатыхъ въ рукѣ Алексѣя Петровича, былъ самою блистательною рѣчью; войско наше ринулось впередъ, штыки склонились грозно стальнымъ гребнемъ—и сонмъ горцевъ обратился вспять, какъ вихремъ гонимое стадо. Въ селеніи Лаваши нашли множество убитыхъ, жители всѣ выбрались въ горы.

Такъ кончилась знаменитая экспедиція 1819 г., продолжавшаяся до 12-го января 1820 года.

Нельзя здѣсь умолчать объ одномъ несчастномъ случаѣ, постигшемъ насъ въ продолженіе этой экспедиціи.

Верстахъ въ двадцати за Андреевой деревней, отрядъ нашъ имѣлъ роздыхъ, въ мѣстѣ удобномъ, но окруженномъ непріятелемъ; при этомъ приняты были всѣ мѣры осторожности. Пикеты и даже секретныя цѣпи охраняли спокойствіе отряда. Главнокомандующій, въ ночи, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба генералъ-маіоромъ Алексѣемъ Александровичемъ Вельяминовымъ, осматривая мѣстность, замѣтилъ, что одинъ солдатъ, изъ рекрутъ, поступившій въ 8-й егерскій полкъ, заснулъ, лежа въ секретной цѣпи. На другой день Алексѣй Петровичъ сдѣлалъ за это выговоръ полковому командиру, полковнику Шульцу *), который того же дня, съ наступленіемъ вечера, вмѣстѣ съ батальоннымъ командиромъ, майоромъ Ганеманомъ, поѣхалъ осматривать секретную цѣпь; разговаривая между собою по нѣмецки, ни тотъ, ни другой не разслышали секретнаго лозунга, сдѣланнаго лежащимъ въ секретѣ солдатомъ, который, не получивъ отзыва и принявъ нѣмецкій языкъ за татарскій, выстрѣлилъ изъ ружья, и пулею ранилъ въ ногу, близь живота, своего полковаго командира. Шульцъ упалъ, и происшедшая въ отрядѣ тревога обнаружила тотчасъ этотъ несчастный случай.

Полковникъ Шульцъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, подававшій большія надежды въ будущемъ, любимый и уважаемый всѣми товарищами и подчиненными, на третій день отъ полученной раны скончался. На смертномъ одрѣ, призвавъ того солдата, который поразилъ его выстрѣломъ, онъ наградилъ его деньгами.

Сколотили четыре доски, и съ подобающею почестью и пальбою похоронили этого достойнаго человѣка, на вблизи находящемся курганѣ.

Весь церемоніалъ похоронъ былъ видѣнъ окружавшему насъ непріятелю, который многочисленными толпами слѣдилъ за нашими дѣйствіями.

На другой день послѣ похоронъ Шульца, отрядъ выступилъ, какъ выше сказано, къ селенію Лаваши, и съ боя занялъ его. На возвратномъ пути тою же дорогою, отрядъ проходилъ мимо того кургана, гдѣ Шульцъ былъ похороненъ, и остановился съ тѣмъ, чтобы отслужить панихиду по покойномъ — но увы! тѣла покойнаго не нашли: его украли татары, предполагая получить за выкупъ большія деньги. Отслуживъ панихиду, отрядъ двинулся въ путь, на зимнія квартиры.

Т. Р.

*) Бывшій адъютантъ графа Ланжерона въ 1812 году.

Хамелеонъ.

Въ какомъ уголкѣ міра не извѣстно это животное? «Это совершенный Хамелеонъ», говорятъ о человѣкѣ двуличномъ, измѣнчивомъ, непостоянномъ, намекая на игру и переходы красокъ, сквозящихъ въ кожѣ вышеназванная пресмыкающагося; несчастный любовникъ, разочарованный въ прекрасной половинѣ рода человѣческаго, дерзко подводитъ ей итогъ и называетъ ее «хамелеонами». Есть химическое соединеніе, отличающееся постепеннымъ переходомъ цвѣтовъ и потому называемое «минеральнымъ хамелеономъ», и проч., и проч.

Небольшая ящерица, носящая это названіе, водится лишь на крайнемъ югѣ Европѣ, въ Андалузіи, и по

берегу Африки, часто попадается въ пустыняхъ около Александріи, но ея вовсе нѣтъ въ долинѣ Нила, хотя растительность приблизительно одна и та же, а тиміанъ, любимое мѣстопребываніе хамелеона, ростетъ и тамъ и здѣсь въ изобиліи. Дѣло въ томъ, что существованіе хамелеона зависитъ не отъ однихъ растеній, но главнѣйшимъ образомъ отъ количества влаги, выпадающей въ видѣ дождя или росы, которая освѣжаетъ его языкъ, что̀ для хамелеона необходимо по крайнѣй мѣрѣ однажды въ день.

Тамъ гдѣ они водятся — хамелеоновъ довольно много, но это не такъ легко бросается въ глаза. Зеленая окраска ихъ кожи, совершенно одинаковая съ цвѣтомъ листьевъ родимаго кустарника, служитъ имъ лучшею защитою — и малой смышленности совершенно достаточно хамелеону для того соображенія, что защита эта значительно выигрываетъ отъ неподвижности. «Хамелеонъ, котораго увидали, погибъ» гласитъ мѣстная поговорка, — ибо для отраженія вражескихъ нападеній у него нѣтъ никакого оружія. Напрасно своей мордочкой грозитъ онъ приближающемуся человѣку, стараясь придать себѣ свирѣпый видъ и даже пытаясь куснуть: слабые зубы его не въ состояніи поранить даже нѣжную кожу человѣческой руки; что же можетъ онъ противопоставить хищной птицѣ, голодному ворону или аисту? Понятно, что такое безсиліе повлекло бы за собою полнѣйшее истребленіе хамелеоновъ, еслибъ не чрезвычайная ихъ плодовитость: самка кладетъ обыкновенно 20 — 30 яичекъ — и это обиліе повидимому находится въ тѣснѣйшей связи съ замѣчательной прожорливостью и легкостью пищеваренія, которыми отличается хамелеонъ.

Если ихъ не безпокоятъ, хамелеоны ведутъ чрезвычайно тихую жизнь. Они дѣлаютъ весьма мало движенія — безъ нужды почти вовсе не шевелятся. Крѣпко утвердясь цѣпкими лапками и обмотавъ хвостъ на вѣтви, хамелеонъ выжидаетъ добычу, неподвижно и терпѣливо, со спокойнымъ достоинствомъ, которому могъ бы позавидовать любой охотникъ. Какъ бы вылитый изъ бронзы, недвижно застываетъ онъ по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, но непрестанно посматриваетъ и поводитъ большими глазами, которые до самой зѣницы покрыты жесткою кожею вѣкъ. Одинъ глазъ глядитъ впередъ и внизъ, другой — вверхъ и назадъ; первый поворачивается вправо, второй налѣво; на мигъ оба глаза сосредоточиваются въ одномъ полѣ зрѣнія, и затѣмъ вновь принимаютъ независимо другъ отъ друга разныя направленія. Вотъ кузнечикъ стрекочетъ, или мушка жужжитъ и садится на ближнюю вѣтку. Одинъ глазъ подозрилъ ее, другому это впечатлѣніе передано мозгомъ — и оба направляются на добычу. Она довольно близко, всего въ какихъ-нибудь пяти дюймахъ отъ конца рыльца, но могла бы быть и дальше, отъ шести до семи дюймовъ, — языкъ хамелеона досталъ бы ее. Ящерица разѣваетъ пасть насколько надо, булавообразный кончикъ языка виднѣется между губъ — и вдругъ, буквально съ быстротою стрѣлы, выскакиваетъ по направленію къ жертвѣ, почти никогда не промахиваясь, и возвращается въ пасть уже съ добычей, прилипшей къ его влажной поверхности. Если стоянка прибыточна, хамелеонъ ни на волосъ не двинется съ мѣста; если же охота въ теченіи нѣкотораго промежутка времени была неудачна, онъ съумѣетъ и разыскать себѣ дичи. Послѣднее онъ впрочемъ дѣлаетъ всякій разъ, когда ему вздумается поохотиться за *красной дичью*, наприм. за гусеницей жука и т. п., — ибо онъ знаетъ, что эти животныя не снуютъ безъ толку всюду какъ мухи, кузнецы и бабочки, а слѣдуютъ по неизмѣнному разъ-принятому пути, и должны быть преслѣдуемы. Тутъ-то проявляетъ хищникъ свою поразительную ловкость, все искусство лазанія, всѣ способности гибкихъ своихъ членовъ. Не одни лапы, но и цѣпкій хвостъ оказываетъ ему при этомъ великія услуги. Нерѣдко хамелеонъ виситъ на одномъ хвостѣ, качаясь и вытягиваясь, дабы извлечь добычу даже изъ глубины листвы. Весело смотрѣть на эту охоту, когда она производится во время недостатка въ дичи, на стоянкѣ. Медленно-ползущая гусеница скоро становится добычей хамелеона, юркою мухой не такъ легко завладѣть. Вонъ она сидитъ, грѣясь на солнышкѣ, охорашиваясь передними лапками, внѣ выстрѣла, не двигаясь и повидимому вовсе не думая сходить съ мѣста. Зоркимъ глазомъ хамелеонъ давно уже слѣдитъ за нею, какъ-будто не теряя надежды, что добыча сама собою достанется ему, безъ особеннаго напряженія силъ. Она же не шевельнется — и можетъ-быть останется неподвижной, если попробовать подкрасться къ ней. Осторожно, нога за ногу, переступаетъ охотникъ, приближаясь къ жертвѣ; тихо подвигается онъ впередъ, дюймъ за дюймомъ; зорко вперяются глаза его въ намѣченную цѣль; онъ уже разѣваетъ челюсти — муха снялась жужжа и уносится прочь. Иной хищникъ на его мѣстѣ отказался бы отъ всякаго преслѣдованія; но хамелеонъ обладаетъ не одной стойкостью, а также и безграничнымъ терпѣніемъ, — спокойно идетъ вслѣдъ за вспуганной дичью, какъ ни трудно отыскать ее вновь, снова приближается и, снова обманутый, еще разъ начинаетъ преслѣдованіе, пока не завладѣетъ добычей.

Хамелеоны весьма легко уживаются между собою небольшими партійками, что̀ впрочемъ объясняется малымъ интеллектуальнымъ развитіемъ представителей этого рода. Но когда они собираются въ бо̀льшемъ числѣ, въ средѣ ихъ происходятъ раздоры и битвы — особенно въ брачное время, самцы бѣшено дерутся, впрочемъ не нанося другъ другу серіознаго вреда.

При такихъ столкновеніяхъ, какъ и при всякомъ волненіи, всего нагляднѣе проявляется пресловутая игра цвѣтовъ въ окраскѣ ихъ кожи, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ измѣненіе колорита происходитъ быстрѣе обыкновеннаго. Ошибочно думаютъ, что перемѣна цвѣта не зависитъ ни отъ какихъ особенныхъ причинъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Игра красокъ несомнѣнно происходитъ вслѣдствіе нервнаго раздраженія, чѣмъ бы оно ни было обусловлено: внѣшними ли вліяніями или внутреннимъ возбужденіемъ. Относительно окраски и рисунка на кожѣ хамелеона, можно сказать лишь вообще, что по зеленому фону расположены болѣе свѣтлыя или болѣе темныя полосы и неправильныя пятна разнообразныхъ цвѣтовъ, которыя выступаютъ то явственнѣе, то мутнѣе. Часто этотъ покровъ постепенно принимаетъ пыльный темносѣрый цвѣтъ, повидимому въ то время, когда животное находится въ бездѣйствіи или спитъ, — между тѣмъ какъ при возбужденіи цвѣтъ его становится живѣе и можетъ принимать самые разнообразные оттѣнки. Въ недовольствѣ или въ болѣзненномъ состояніи естественный цвѣтъ хамелеона переходитъ въ желто-сѣроватый или кожано-желтый. Свѣтъ и мракъ, тепло и холодъ проявляютъ рѣшительное вліяніе на измѣненіе цвѣтности хамелеона, вызывая довольство или недовольство животнаго. Вообще же игра цвѣтовъ, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, до того раз-

Хамелеонъ.

лична въ отдѣльныхъ особяхъ, что подвести ее подъ общія правила нѣтъ никакой возможности.

Въ Андалузіи хамелеоновъ держатъ въ домахъ, для истребленія мухъ. Весьма легко перенося неволю въ родномъ климатѣ, хамелеоны не выдерживаютъ зимы въ умѣренной полосѣ Европы. Кромѣ того, что ихъ надо постоянно держать въ температурѣ не менѣе +15°, главное затрудненіе состоитъ въ доставкѣ имъ надлежащаго корма, преимущественно мухъ.

По мѣрѣ того какъ осень подходитъ къ концу, хамелеонамъ приходится хуже и хуже. Они перестаютъ ѣсть, чахнутъ и умираютъ. Лучше всего сохраняются они въ теплицахъ, которыхъ равномѣрно теплая и сыроватая атмосфера помогаетъ хамелеонамъ переносить даже долговременный голодъ; въ комнатахъ же они уцѣлѣваютъ весьма рѣдко—и то въ исключительныхъ случаяхъ.

Политическое обозрѣніе.

Война, до сихъ поръ ограничившаяся приготовленіями и движеніемъ войскъ къ границѣ, приняла болѣе грозный характеръ. Никогда еще можетъ-быть не бывало такого страшнаго единоборства (говоримъ, единоборства, предполагая, что европейскія державы всѣ безъ исключенія останутся вѣрны провозглашенному ими нейтралитету), какое предстоитъ въ настоящее время: два великія государства, обладающія громадными арміями, какихъ не бывало ни въ какую эпоху военной исторіи, снабженныя самыми убійственными орудіями, располагающія средствами передвиженія, о которыхъ не могли мечтать полвѣка тому назадъ самые смѣлые полководцы,—становятся лицомъ къ лицу и вступаютъ въ бой за первенство на европейскомъ материкѣ. Которое изъ нихъ восторжествуетъ? Вотъ вопросъ, естественно представляющійся каждому, кто внимательно слѣдитъ за ходомъ событій,—и отвѣта на этотъ вопросъ никто не рѣшается высказать даже приблизительно: до такой степени равны и грозны силы обѣихъ сторонъ. Арміи, какъ прусская, такъ и французская, почти равныя численностью, одинаково превосходно организованы, вооружены одинаково усовершенствованнымъ оружіемъ, и состоятъ изъ солдатъ одинаковаго достоинства—ибо неистовый порывъ, такъ-называемая *furia francese*, которою отличаются французскіе солдаты, вполнѣ замѣняется у прусскихъ солдатъ необыкновенною стойкостью; послѣдніе имѣютъ еще то преимущество, которое престарѣлый фельдмаршалъ Врангель называетъ «умѣньемъ быть побитыми», то есть умѣньемъ перенести пораженіе и не придти въ уныніе, чѣмъ не обладаютъ французскіе солдаты, нерѣдко падающіе духомъ при первой неудачѣ. Что касается до полководцевъ, то въ этомъ отношеніи рѣшительное преимущество остается на сторонѣ пруссаковъ, во главѣ которыхъ находятся едва ли не лучшіе генералы нынѣшней Европы—наслѣдный принцъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ; при нихъ состоитъ хотя и старый (ему слишкомъ 70 лѣтъ) но отличный тактикъ, генералъ фонъ-Мольтке, которому принадлежалъ планъ кампаніи 1866 года, имѣвшій столь блистательный успѣхъ. Что касается до французской арміи, то во главѣ ея стоятъ правда храбрые и мужественные генералы, каковы Макъ-Магонъ, Канроберъ, Базенъ, де-Фальи, но ни одинъ изъ нихъ не слыветъ тактикомъ, что̀ должно сказать и о маршалѣ Лебёфѣ, занимающемъ, какъ извѣстно, постъ начальника штаба при императорѣ Наполеонѣ, и пользующемся репутаціей отличнаго артиллериста. Лучшими тактиками французской арміи слывутъ генералы Трошю и Монтобанъ (графъ Паликао—титулъ данный ему во время китайской экспедиціи), но оба они въ немилости и до сихъ поръ еще не получали никакого назначенія. Что касается до одушевленія народа, то оно, судя по всѣмъ извѣстіямъ, одинаково въ Германіи и во Франціи; правда, сначала въ Парижѣ война была непопулярна, и при извѣстіи о ней на парижскихъ улицахъ слышалось почти столько же криковъ: «да здравствуетъ миръ!» сколько и возгласовъ: «война, война! въ Берлинъ!»,—но потомъ, когда начались боевыя приготовленія, то восторгъ овладѣлъ массой народа до такой степени, что по 27-е іюля уже записалось въ армію 125,000 волонтеровъ.

Король Вильгельмъ и императоръ Наполеонъ равно чувствовали это равенство силъ, и не убаюкивали себя надеждами на скорую и легкую побѣду, что̀ мы видимъ изъ приказовъ, данныхъ ими по арміямъ. 27-го іюля былъ для всего Сѣверо-германскаго Союза «день молитвы» (Bettag), который отличался особенною торжественностью въ Берлинѣ; король со всѣмъ семействомъ присутствовалъ при богослуженіи въ соборѣ, и затѣмъ передъ отъѣздомъ къ арміи издалъ прокламацію объ амнистіи за политическія преступленія. По прибытіи въ Майнцъ, онъ издалъ слѣдующій приказъ по войску, отъ 2-го августа:

«Солдаты! Вся Германія безъ исключенія вооружилась противъ сосѣдственной державы, которая внезапно и безъ повода объявила ей войну. Дѣло идетъ о защитѣ отечества, которому угрожаютъ враги,—о защитѣ нашей чести и нашихъ жилищъ. Я принимаю сегодня начальство надъ соединенными арміями, и съ полною надеждой вступаю въ бой, подобный тому, изъ котораго вышли побѣдителями наши отцы. Вмѣстѣ со мной все наше отечество взираетъ на васъ съ довѣріемъ. Богъ Всемогущій защититъ наше правое дѣло».

Съ своей стороны, императоръ Наполеонъ, прибывшій въ сопровожденіи императорскаго принца въ Метцъ, издалъ слѣдующую прокламацію къ войску:

«Солдаты! я принимаю начальство надъ вами для защиты чести и территоріи отечества. Вамъ предстоитъ сражаться съ одною изъ лучшихъ армій въ Европѣ; но другія, не ниже ея достоинствомъ, уступали вашей храбрости. Тоже будетъ и нынѣ. Начинающаяся война будетъ тягостна и продолжительна, потому что театромъ ея будутъ мѣстности, наполненныя препятствіями и крѣпостями; но нѣтъ ничего недоступнаго для солдатъ Африки, Крыма, Китая, Италіи и Мексики. Вы докажете еще разъ, что̀ можетъ совершить французская армія, одушевленная чувствомъ долга, сдерживаемаго дисциплиной, воспламеняемая любовью къ отечеству. Куда бы мы ни направили путь за наши границы, мы вездѣ встрѣтимъ славные слѣды нашихъ отцовъ. Мы покажемъ себя достойными ихъ. Вся Франція сопровождаетъ васъ пламенными желаніями, и взоры цѣлаго

міра устремлены на васъ. Отъ нашихъ успѣховъ зависитъ судьба свободы и цивилизаціи. Солдаты! пусть каждый исполняетъ свой долгъ—и Богъ браней будетъ съ нами!».

Серіозныя военныя дѣйствія начались сраженіемъ при Саарбрюкенѣ 2-го августа, при которомъ присутствовали императоръ Наполеонъ съ императорскимъ принцемъ. Три дивизіи корпуса генерала Фроссара напали на Саарбрюкенъ, гдѣ находился сравнительно-слабый прусскій отрядъ. Послѣ краткой битвы, пруссаки оставили городъ и заняли наблюдательную позицію къ сѣверу отъ него. Потери въ этомъ сраженіи со стороны пруссаковъ (по прусскимъ источникамъ) состоятъ изъ двухъ офицеровъ и 70 рядовыхъ, а потери французовъ (по французскимъ источникамъ) изъ одиннадцати убитыхъ и одного офицера. Показывая эти цифры, мы конечно должны оговориться, разъ навсегда, что достовѣрность ихъ сомнительна. Во всякомъ случаѣ, побѣда осталась на сторонѣ французовъ; но 4-го августа въ Вейсенбургѣ (по французски Wissambourg), въ департаментѣ Нижняго Рейна, на границѣ Рейнской Баваріи, произошло гораздо болѣе значительное сраженіе, въ которомъ побѣда осталась за пруссаками. Полки прусскихъ корпусовъ 5-го и 11-го и 2-го баварскаго, подъ предводительствомъ наслѣднаго принца прусскаго, разбили дивизію генерала Дуэ изъ корпуса Макъ-Магона, которая отступила въ безпорядкѣ, оставивъ свой лагерь. Генералъ Дуэ убитъ, и (по прусскимъ источникамъ) въ руки побѣдителей досталось 800 плѣнныхъ и въ томъ числѣ 18 офицеровъ. При извѣстіи объ этомъ пораженіи, весь корпусъ Макъ-Магона сосредоточился при Вёртѣ, къ юго-западу отъ Вейсенбурга; 6-го августа прусскія войска сошлись съ нимъ и нанесли ему рѣшительное пораженіе. Первая баварская дивизія, генерала Стефана, направлена была противъ лѣваго крыла французовъ. Въ три часа атака была сосредоточена противъ французовъ, а въ половинѣ пятаго часа по полудни позиція ихъ была взята послѣ ожесточеннаго боя. Кавалерія преслѣдовала французовъ, отступавшихъ къ Бичу въ сильномъ смущеніи. Артиллерія намѣревалась задержать наступавшую германскую армію, но была взята баварцами. Виртембергская кавалерія взяла четыре французскія пушки и множество запасовъ. Убитые, раненые покрывали собою путь отступленія французовъ. Пруссаки заняли Гагенау, Саргемюнде, Форбахъ. Трофеями послѣдней побѣды пруссаковъ были: 30 французскихъ пушекъ, 6 митральёзъ, 2 орла, и кромѣ того 4,000 плѣнныхъ. Телеграмма, сообщившая это извѣстіе, присовокупляетъ, что, на полѣ сраженія, король Вильгельмъ соединился съ наслѣднымъ принцемъ.

Другая телеграмма отъ того же числа сообщаетъ, что французскія войска очистили Саарбрюкенъ и отступили по всей линіи внутрь страны, но передъ выступленіемъ зажгли городъ. Прусскія войска снова заняли Саарбрюкенъ.

Между тѣмъ дипломатія Франціи и Пруссіи продолжаетъ свои пренія и разоблаченія. Въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи мы упомянули о проектѣ трактата, появившемся въ «Times», который будто бы предложенъ былъ въ 1866 г. французскимъ посломъ г-мъ Бенедетти графу Бисмарку, и въ которомъ г. Бенедетти предлагалъ Пруссіи оборонительный и наступательный союзъ съ тѣмъ, что Франція утвердитъ всѣ пріобрѣтенія Пруссіи и перемѣны произведенныя ею въ Германіи, если Пруссія поможетъ ей пріобрѣсти Люксембургъ и Бельгію. Противъ этого документа французскій «Journal Officiel», отъ 27-го іюля, напечаталъ замѣтку въ такомъ смыслѣ, что «послѣ Пражскаго трактата въ Берлинѣ дѣйствительно происходили многіе переговоры, между г. фонъ-Бисмаркомъ и французскимъ посольствомъ, о проектѣ союза, но французскому правительству не было извѣстно ничего о проектѣ изложенномъ письменно; сверхъ того, Наполеонъ III отвергнулъ всѣ предложенія, о которыхъ было говорено». Въ отвѣтъ на эту замѣтку французской правительственной газеты, графъ Бисмаркъ обнародовалъ циркулярную депешу отъ 29-го іюля къ представителямъ Сѣверо-германскаго Союза при нейтральныхъ дворахъ, въ которой онъ доказываетъ, что еще до войны 1866 года французскій посолъ дѣлалъ ему различныя предложенія о союзѣ,—и между прочимъ приводитъ копію съ проекта трактата, въ которомъ Франція (за содѣйствіе Пруссіи въ войнѣ противъ Австріи) выговаривала себѣ территоріальныя пріобрѣтенія на Рейнѣ; затѣмъ французскій посолъ возобновилъ и послѣ войны свои предложенія, гдѣ требовались для Франціи Люксембургъ и Бельгія; послѣдній проектъ трактата былъ писанъ рукой самого г-на Бенедетти и остался въ рукахъ у графа Бисмарка (текстъ его и обнародованъ былъ въ «Times»). Далѣе союзный канцлеръ говоритъ, что, въ случаѣ несогласія съ его стороны, ему угрожали даже войной; но онъ считалъ войну невозможною—и потому, не разрушая «иллюзій французскаго правительства, не произносилъ однако ни одного слова, изъ котораго можно бы заключить, что онъ соглашается на сдѣланныя ему предложенія», и дѣлалъ это, желая выиграть время, въ надеждѣ что перемѣна во французской конституціи измѣнитъ и политику Франціи. Въ заключеніе графъ Бисмаркъ говоритъ, что считаетъ невѣроятнымъ, чтобы проектъ трактата, писанный рукой французскаго посла, не извѣстенъ былъ императору, и что въ началѣ спора по поводу бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ прежніе переговоры возобновила «одна высокая особа», разумѣя подъ этимъ названіемъ принца Наполеона.

Отвѣтомъ на эту депешу служитъ депеша герцога де-Грамона, отъ 3-го августа, помѣщенная въ «Journal Officiel»; въ ней французскій министръ иностранныхъ дѣлъ утверждаетъ, будто бы графъ Бисмаркъ, говоря съ принцемъ Наполеономъ, выразилъ мысль, что Франція не можетъ взять рейнскихъ провинцій, такъ какъ онѣ принадлежатъ Германіи, и самъ совѣтывалъ взять Бельгію; то же предложеніе повторилъ французскому двору покойный графъ Гольцъ. Далѣе г. де-Грамонъ утверждаетъ, что единственными переговорами тюльерійскаго кабинета съ берлинскимъ были переговоры о разоруженіи, и вызываетъ графа Бисмарка представить доказательства его заявленій; къ этому г. де-Грамонъ присовокупляетъ, что союзный канцлеръ объявилъ, что онъ не можетъ согласиться на разоруженіе, въ виду возможности союза Австріи съ южными государствами, въ виду стремленій Франціи къ захватамъ, и въ особенности потому, что его тревожитъ политика Россіи».

Этимъ пока заключается замѣчательная дипломатическая полемика между Франціей и Пруссіей—замѣчательная въ особенности потому, что она происходитъ одновременно съ военными дѣйствіями.

P. S. По послѣднимъ телеграммамъ изъ Парижа, тамъ пало министерство Оливье и составилось новое подъ предсѣдательствомъ графа Паликао, бывшаго въ немилости.

Смѣсь

Монашенка, опустошительница лѣсовъ.—Въ числѣ ночныхъ бабочекъ (*Nocturna*) есть одна, которая въ іюльскіе и августовскіе вечера—а иногда даже днемъ—порхаетъ подъ тѣнью хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ: Это—красивая *Liparis Monacha*—попросту: монашенка. Она имѣетъ дюймъ длины, а въ ширину—съ распростертыми крыльями два дюйма. Она бѣлая съ черными крапинками, и туловище ея нарядно исписано поперечными полосами, поочередно черными и розовыми. Верхнія ея крылья—бѣлыя съ черноватыми, зубчатыми поперечными линіями, пятнышками и точками; а нижнія—бѣловатосѣраго цвѣта, но къ корню темнѣютъ—и вдоль задняго края ихъ, усѣяннаго черными пятнами, тянется полоска изъ частыхъ сѣрыхъ пятнышекъ. Личинки, выползающія изъ коричневыхъ яичекъ съ бронзовымъ отливомъ, первые дни не разлучаются, а образуютъ кучки; сначала онѣ совсѣмъ свѣтлаго цвѣта, но когда онѣ достигаютъ полнаго роста—полтора дюйма—онѣ оказываются красновато или зеленовато сѣрыми, съ большой головой, съ темной полоской и свѣтлыми крапинками вдоль спины, и шестью бородавками съ длинными волосами на каждомъ кольцѣ. Въ этомъ видѣ, монашенка—одинъ изъ злѣйшихъ враговъ лѣсовъ,—и нѣтъ стараній, которыя не употреблялись бы чтобы ее выводить. Но это трудъ далеко не легкій, потому что она плодится въ страшныхъ размѣрахъ. Самка кладетъ 150—200 яичекъ, кучками, въ которыхъ ихъ отъ 5 до 50, и прячетъ ихъ въ трещинки древесной коры, на вышинѣ человѣческаго роста; весною являются гусеницы. Въ два или три года цѣлыя лѣсныя полосы покрываются ими, а тогда уже никакими усиліями не истребить ихъ. Изъ отчета, помѣщеннаго въ прусской офиціальной газетѣ въ 1840 г., видно что въ лѣсахъ вокругъ Стрельзунда было собрано, отъ октября 1839 г. до 18 февраля 1840 г., 1014 фунта и 4 лота яичекъ: на лотъ приходится 15—16,000 штукъ, значитъ всего—около 500 милліоновъ, на что истрачено 3160 талеровъ, такъ что милліонъ яичекъ обошелся приблизительно въ 6½ талеровъ.

Кромѣ этой страшной плодовитости, гусеница монашенки еще обладаетъ способностью питаться почти безразлично всякой зеленью, и отличается рѣдкой прожорливостью. Наконецъ она имѣетъ скверную привычку съѣдать только нижнюю половину листьевъ и хвои (особенно у сосны) т. е. ту что ближе къ вѣткѣ, а верхнюю половинку откусывать и бросать, вслѣдствіе чего присутствіе ея на вершинѣ дерева всегда можно узнать по лежащимъ на землѣ половинкамъ листьевъ безъ стебля и свѣжимъ кончикамъ хвои. Лиственныя деревья имѣютъ хотя то преимущество надъ хвойными, что они легко могутъ замѣнить отъѣденные листья новыми; но сосновыя и пихтовыя лѣса страдаютъ безусловно. Въ 1838 г. въ Средней Франконіи усерднѣйшимъ манеромъ истребляли и гусеницъ и бабочекъ; однако въ слѣдующемъ году казеннаго лѣса было до гола объѣдено такое пространство, что на срубку требовалось бы 22,000 дней одному человѣку. Потомъ нѣсколько лѣтъ полегче стало, но въ 1853 оказалось такое опустошеніе литовскихъ, польскихъ и восточно-прусскихъ лѣсовъ, какого никто и не запомнитъ, причемъ постоянно оказывалось, что всѣхъ больше страдали сосновые и пихтовые лѣса. Продолжалось это десять лѣтъ и началось слѣдующимъ образомъ.

29 іюля 1853 г. въ Швальгерскомъ лѣсномъ округѣ (въ восточной Пруссіи) вдругъ появилась монашенка безчисленными стаями, тучами пригоняемыми съ юга вѣтромъ. Въ нѣсколько часовъ стаи эти распространились и по сосѣднимъ округамъ; это была такая невѣроятная масса, что дома лѣсничихъ казались сплошь залѣпленными бабочками, а поверхность находящагося тамъ же озера была покрыта утонувшими бабочками, точно снѣгомъ или пухомъ. Очевидцы, заслуживающіе вѣры, разсказываютъ, что во льну творилось нѣчто похожее на сильную метель, что деревья были точно въ снѣгу. По наведенію справки оказалось, что монашенка уже нѣсколько лѣтъ водилась въ частныхъ лѣсахъ, болѣе къ югу, особенно на польской границѣ,—и тамъ такъ размножилась, вслѣдствіе непринятія противъ нея никакихъ мѣръ, — что многіе помѣщики въ 1852 г., съ отчаянія рѣшились выжечь цѣлые лѣса, чтобъ только избавиться отъ ужаснаго насѣкомаго. Какими массами оно нагрянуло въ 1859 г. доказывается тѣмъ фактомъ, что въ одномъ лѣсномъ округѣ, съ 8 августа по 8 мая 1854 г. собрано было до 300 фунтовъ, т. е. считая по меньшей мѣрѣ по 15,000 штукъ на лотъ—около 150 милліоновъ яицъ. Кромѣ того, во время налета набрали 2½ четверика однихъ матокъ, т. е. около 1½ милліона! И не смотря на эти энергическія мѣры, слѣдующей весною явилось множество кучекъ личинокъ—и пришлось убѣдиться, что собрана развѣ половина яицъ. Это не мудрено, потому что яйцы, на смѣхъ всѣмъ наблюденіямъ, были на этотъ разъ положены даже у корней и во мхѣ на землѣ, или же на самыя вершины сосенъ, такъ что отыскивать ихъ почти не было возможности. По сдѣланнымъ исчисленіямъ, для истребленія личинокъ на одной десятинѣ лѣса понадобилось 100 работниковъ и 20 надсмотрщиковъ. Пришлось признать всякую человѣческую помощь недостаточною. Мѣры все-таки продолжались посильныя, но ничто не помогло—и въ 1855 г. бѣдствіе повторилось въ небывалыхъ еще размѣрахъ. Гусеницы не дѣлали уже никакого различія между лиственными и хвойными деревьями: на протяженіи 16,354 десятины, лѣса въ этомъ году погибли окончательно; а на 5,841 десятинахъ оказались настолько поврежденными, что пришлось немедленно срубить ихъ на дрова. Но этимъ далеко еще не кончились напасти: за монашенками послѣдовали жуки, истребители мухъ.

Убытокъ былъ оцѣненъ круглымъ числомъ въ 290,000 сажень нераспиленнаго, цѣльнаго лѣса; опустошенное пространство равнялось 32,931 десятинамъ въ одномъ округѣ, т. е. почти что цѣлому округу. Еще прибавить сюда другія мѣстности, посѣщенныя этимъ бичемъ, то составится около 418,244 десятины т. е. такая картина разоренія, которую нѣтъ возможности наглядно себѣ представить.

Свѣтская благовоспитанность въ XVII вѣкѣ. Вотъ текстъ одного приказа вѣнскаго двора отъ 1624 г.: «Его королевско-императорское высочество соблаговолили пригласить къ обѣду нѣсколько офицеровъ и часто имѣли случай замѣтить, что большинство этихъ офицеровъ ведетъ себя крайне вѣжливо и благовоспитанно; но тѣмъ не менѣе его высочество считаетъ не лишнимъ сдѣлать наименѣе опытнымъ младшимъ офицерамъ слѣдующее предписаніе: 1) Они должны, тотчасъ какъ войдутъ, засвидѣтельствовать свое почтеніе его королевско-императорскому высочеству, быть мило одѣты (hübsch gekleidet), въ верхнемъ платьѣ и въ сапогахъ, и не должны войти въ комнату въ полупьяномъ видѣ; 2) За столомъ они не должны качаться на стульяхъ или потягиваться на нихъ, или вытягивать ногъ во всю длину; 3) Не должны запивать каждый кусокъ виномъ, потому что иначе скоро опьянѣютъ; должно выпивать кубокъ каждый разъ не болѣе чѣмъ на половину, и прежде чѣмъ пить—чисто остереть ротъ и усы; 4) Не должны лѣзть руками въ блюдо и бросать кости подъ столъ; 5) Не должны облизывать пальцевъ, выплевывать на тарелки, а равно и утирать носъ о скатерть; 6) Не должны такъ скотски напиваться чтобы валиться со стула или не быть въ состояніи держаться на ногахъ и пр. и пр. и пр. въ томъ же родѣ. Если молодые офицеры изъ первыхъ домовъ нуждались въ такихъ внушеніяхъ, спрашивается: что такое были низшіе классы того времени?...

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 31 Іюля 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13 Типогр. А. Траншеля Невск. и Влад. д. № 45—1

№ 32. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Отъ Редакціи.

Многіе изъ гг. желающихъ подписаться на „Ниву“ обращаются къ намъ съ просьбою увѣдомить ихъ, имѣются ли еще въ конторѣ редакціи полные экземпляры нашего журнала съ 1-го января 1870 года.

Редакція симъ имѣетъ честь извѣстить, что №№ „Нивы“ за первые три мѣсяца (январь, февраль и мартъ 1870 г.) вновь отпечатаны (третьимъ изданіемъ), и каждый новый подписчикъ получитъ полный экземпляръ нашего журнала, къ которому подъ конецъ года будетъ приложена изящная обертка съ общимъ указателемъ статей и рисунковъ.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(Продолженіе).

XI.

Успеньевъ день 1327 года.

Вдругъ, среди крика, безтолковаго боя набата, раздался серебристый и протяжный, рѣзкій звукъ, непоходящій на звукъ простыхъ церковныхъ колоколовъ, но близко знакомый уху каждаго тверича — это ударилъ вѣчевой колоколъ со спасовской колокольни.

— Вотъ оно — начинается! сказалъ каждый въ душѣ.

Татары переглянулись: имъ стало страшно; вѣчевой колоколъ никогда не звонитъ по пустому: гдѣ раздается его серебристый голосъ, тамъ дѣло перестаетъ быть личнымъ, — тамъ все сводится не на дьякона Дюдко и не на пьяную бабу Арину, — тамъ рѣчь идетъ даже не о городѣ Твери, а о цѣломъ тверскомъ великомъ княжествѣ. Вѣчевой колоколъ рѣдко звучалъ въ тѣ времена, когда и Тверь, и Рязань, и Москва рядились уже не вѣчами, а правительствами князей и ихъ бояръ. Ударить тогда въ вѣчевой колоколъ — значило тоже, что созвать земскій соборъ, т. е. что правительство не полагалось на свои силы и нуждалось въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія. Еще разъ хлынулъ густой, торжественный звукъ съ вѣчевой площади, — схватка прі-

остановилась. Дьяконъ Дюдко выдернулъ стрѣлу изъ плеча своей кобылы, поплевалъ ей на рану, и опять встряхнувъ топоромъ, провозгласилъ: «съ нами Богъ и разъидутся врази Его!» Татары едва успѣвали оттаскивать убитыхъ и тяжело-раненыхъ; они хотѣли бѣжать,—но саженяхъ въ двадцати отъ нихъ, не принимая участія въ схваткѣ, стояла молча и недвижимо, какъ бы готовясь предстать предъ страшнымъ судилищемъ Божіимъ, толпа вооруженныхъ русскихъ. Колокола гремѣли, билы торопливо говорили о тревогѣ — и раздался третій ударъ спасоваго вѣчеваго колокола.

Съ каменнаго помоста (на которомъ висѣлъ у собора этотъ колоколъ) одинъ одинешенекъ, снявъ шапку и крестясь, сходилъ Парамонъ Семеновичъ, тверской тысяцкій...

Услыхавъ утромъ тревогу, и получивши съ одной стороны вѣрныя вѣсти, что татары наносятъ женщинамъ послѣднее изъ оскорбленій, а съ другой — что они уже напали на Церковь Божію, въ лицѣ соборнаго дьякона,—онъ перекрестился на икону, не взялъ съ собой ни топора, ни меча, не надѣлъ ни шлема, ни кольчуги, а просто, какъ былъ, взялъ въ руки рѣзной посохъ съ серебрянымъ набалдашникомъ, знакъ своего высокаго званія, да на грудь одѣлъ золотую цѣпь и пошелъ по пустымъ улицамъ (потому что и татары и христіане одинаково попрятались) прямо во дворъ, занимаемый великокняжескимъ семействомъ.

Великій князь—и безъ того всю ночь не спавшій и даже похудѣвшій въ ожиданіи праздника—самъ вышелъ къ нему на крыльцо.

— Владыка здѣсь, сказалъ онъ тысяцкому и пошелъ предъ нимъ въ покои. Тысяцкій безъ шапки вошелъ за княземъ, положилъ земной поклонъ иконамъ, земной поклонъ Варсонофію, и прибавилъ просто: «благослови, владыко, народъ собирать—за христіанство стоять.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвами Пречистыя Его Матери и всѣхъ святыхъ, аминь, сказалъ блѣдный какъ смерть епископъ.

Минута была торжественная; разговаривать и объясняться много не приходилось—и безъ разговора все было понятно.

Затѣмъ тысяцкій помолился, поклонился—и опять тѣмъ же самымъ, медленнымъ, спокойнымъ шагомъ, вышелъ на улицу,—дошелъ до избы, гдѣ бирючи жили, постучалъ къ нимъ подъ окномъ своимъ посохомъ и провозгласилъ торжественно, на распѣвъ:

— Господа бирючи тверскіе, не расходиться никому, не разъѣзжаться, на вѣчевую площадь собираться, владыко благословилъ въ колоколъ бить; кто куда пойдетъ или поѣдетъ — головой тверскому народу поплатится!

Мигомъ распахнулась калитка; бирючи, уже бывшіе въ сборѣ, выскочили каждый съ рогомъ въ рукѣ, поклонились тысяцкому—и въ почтительномъ разстояніи пошли за нимъ, безъ шапокъ, къ колоколу.

Вѣчевая площадь была почти пуста; кое-гдѣ у воротъ, или сквозь полуотворенную калитку, черезъ заборъ виднѣлись русскіе хозяева, или татары, занявшіе ихъ дворы.

Всѣ прислушивались къ набату, крикамъ, гулу оружія. Медленно, спокойно взошелъ тысяцкій на помостъ, снялъ шапку, перекрестился, положилъ земные поклоны на всѣ четыре стороны, подошелъ подъ колоколъ, взялъ его за веревку, качнулъ языкомъ и ударилъ.

Густой, серебристый звукъ наполнилъ воздухъ—и предъ этимъ звукомъ замолчали церковные колокола и била, какъ будто прислушиваясь, что́ скажетъ вѣче, опора Церкви и Государства.

Колоколъ гудѣлъ долго: казалось, во вѣки не замолкнетъ онъ; между тѣмъ, остановленные было его голосомъ, громче прежняго, какъ-то нервно забренчали дерево и чугунъ, какъ-то похоронно загудѣли мѣдные колокола.

Послѣ каждаго удара тысяцкій клалъ земные поклоны.

Распахнулись ворота хоромъ велико-княжескихъ, занятыхъ Щелканомъ, и оттуда бѣжалъ его переводчикъ, обусурманившійся русскій, Мустафа; за нимъ тоже бѣгомъ, почти сломя голову, летѣло человѣкъ двадцать татаръ, тѣлохранителей ханскаго посла.

— Стойте! стойте! кричалъ Мустафа.—Посолъ царскій не велитъ звонить! Какъ ты смѣешь звонить безъ воли царскаго посла?

Тысяцкій, не обращая на него никакого вниманія, положилъ земной поклонъ—и въ ту минуту, какъ всѣ татары были уже на полдорогѣ къ помосту, ударилъ въ третій разъ. Бирючи окружили помостъ и затрубили, тысяцкій медленно сходилъ съ семи высокихъ ступенекъ помоста.

— Ступайте сейчасъ къ послу —всѣ ступайте! Владыку и князя тоже къ нему во дворъ!

Тысяцкій медленно сходилъ съ помоста, какъ будто не слыша и не видя никого; бирючи во второй разъ протрубили.

— Вязать его!.. говорилъ Мустафа, подбѣгая къ тысяцкому и кладя ему руку на плечо. Татары были испуганы и не знали что́ дѣлать; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ стали снимать ремни.

— Поди, Мустафа - толмачъ, къ господину послу царскому и скажи ему, что тысяцкій въ его волѣ не ходитъ и къ нему не идетъ. Скажи ты еще ему, что пусть онъ самъ на вѣче придетъ и дастъ отчетъ христіанамъ православнымъ, зачѣмъ онъ дозволилъ своимъ татарамъ грабить и кровь проливать людей невинныхъ, вѣрныхъ слугъ царскихъ.

— Взять его!.. кричалъ Мустафа.—Что же вы его не вяжете?

Онъ оглянулся, татары были окружены русскими.

— Отвести ихъ назадъ, сказалъ тысяцкій, — и пальцемъ ихъ съ Мустафой не изобидить; проводите же ихъ къ Щелкану съ моимъ отвѣтомъ.

Бирючи между тѣмъ разсыпались—каждый въ свой конецъ—повѣщать народу о вѣчѣ, а тысяцкій спокойно стоялъ у приступка, ожидая полнаго собранія.

Весь въ парчѣ, въ сіяющихъ латахъ, въ золоченомъ шеломѣ, опираясь на высокій золотой посохъ, въ багряномъ плащѣ, подбитомъ горностаемъ на плечахъ, съ золотою цѣпью на шеѣ, шелъ князь съ дѣтьми боярскими. Въ святительскомъ облаченіи, рука объ руку съ нимъ шелъ владыка Варсонофій. Бояре, въ золотыхъ наплечникахъ, шли со своими отроками; соборный протопопъ шелъ съ крестомъ, а со всѣхъ сторонъ валило видимо не видимо народу, одѣтаго по праздничному - но вооруженнаго. Поклонившись князю и владыкѣ у ступенекъ вѣча, тысяцкій впереди ихъ взошелъ на помостъ и сталъ у колокола; князю и владыкѣ принесли вызолоченыя кресла, бояре сѣли по верхнимъ ступенямъ, наблюдая счетъ—чей родъ старше, чей моложе; по серединѣ стали тысяцкіе другихъ

концевъ города, головы черныхъ и гостиныхъ сотенъ, старосты посадскіе; внизу стали, наблюдая тотъ-же счетъ, прочіе лучшіе люди, представители родовъ. Последнимъ взошелъ на верхъ помоста соборный протопопъ; за нимъ аналой внесли, и свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ поставили.

Тысяцкій опять ударилъ въ колоколъ; всѣ сняли шапки, перекрестились и опустились на колѣна.

Начался молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Протискиваясь сквозь толпу, добрался до помоста Мустафа съ бумагой въ рукахъ, и не снимая шапки, принялся всходить на ступени. Его остановили.

— Ты самъ знаешь, сказалъ ему тихо одинъ бояринъ,—что когда Богу молятся, такъ всякое дѣло откидываютъ; мы не жиды, чтобы молитву перерывать. Тогда постой немного!

Мустафа началъ ругаться; но, не смотря на то, что онъ называлъ христіанство свиной вѣрой, никто не прерывалъ его, никто будто не слыхалъ,—и какъ онъ ни кричалъ, какъ ни бранился, какъ ни грозилъ гнѣвомъ ханскаго двоюроднаго брата Чолъ-Хана посла,—молебенъ шелъ своимъ порядкомъ. И когда князь и бояре приложились къ кресту, а народъ соборный протопопъ окропилъ святой водой, только тогда—и то послѣ удара въ колоколъ, давшаго знать чтобы все стихло,—среди массы головъ, съ которыхъ были, какъ и у самаго князя, сняты шеломы и шапки, два дюжихъ отрока взяли Муссафу подъ руки, взвели его на подмость и поставили на среднюю ступеньку, какъ онъ ни силился взойти на верхъ.

— Ты не горячись, сказалъ ему великій князь, принимая отъ него письмо, — на верху мѣсто только посламъ царскимъ, а ты пословъ посолъ; если тебя сюда на верхъ пустить, то господина твоего Щелкана куда же мы поставимъ, развѣ на колокольню посадимъ! Какое ты письмо принесъ?

— Такое письмо, сказалъ Мустафа,—что если вы сейчасъ не разойдетесь, такъ Чолъ-Ханъ велитъ васъ всѣхъ перебить, а Тверь вашу выдастъ московскому Ивану Даниловичу, или самъ сдѣлается тверскимъ княземъ, а вмѣсто вашихъ бояръ ордынскихъ князей поставитъ.

— Это все тутъ написано? спросилъ вѣчевой дьякъ, принимая свитокъ изъ рукъ Мустафы.

— Тутъ написано по татарски, а вотъ и переводъ тутъ, сказалъ Мустафа,—подъ посольскою печатью.

— Читай, сказалъ дьяку князь.

Дьякъ началъ:

«Собакѣ нечестивому, свиноѣду, крамольнику, противнику Великаго Царя, господина моего Азбяка хана, посолъ его Чолъ-Ханъ посылаетъ этотъ листъ, говоря: ежели ты собака, бывшій тверской и Всея Руси великій князь Александръ,—и ты собака, начальникъ тверскихъ волхвовъ Варсонофій,—и ты собака, противнаго людямъ и Богу города Твери крамольниковъ глава Парамонъ, — сейчасъ-же, вѣрныхъ царевыхъ слугъ и великой бусурманской вѣры поборниковъ избіеніе не прекративши, собачьяго крамольнаго собранія не разогнавши, всѣхъ виноватыхъ не перевязавши, пятьсотъ рублей серебра не принесши, оружія не отдавши,—во дворъ ко мнѣ на мой судъ и на милость не придете, то я, сейчасъ-же, всѣмъ вѣрноподданнымъ великаго хана Золотой Орды Узбека, какъ вашего христіанскаго закона, такъ и бусурманскаго, всѣхъ васъ перебить приказавши, городъ вашъ истребить, женъ и дѣтей въ полонъ взять,—говорю,—велю! Это же письмо мое прочесть всему народу громко, ясно и немедленно, и всѣхъ вѣрноподданныхъ царя Узбека призвавши, взять васъ и выдать мнѣ головою, для совершенія надъ вами суда и заслуженной вами казни—велю! Всѣмъ вѣрноподданнымъ Узбека хана объявляю, говоря: что съ настоящего времени княземъ у нихъ поставилъ я себя, боярами—моихъ мурзъ; народъ же отъ всякихъ несправедливыхъ поборовъ собаки Александра и свиньи Варсонофія освобождаю и не позволяю имъ платить дань на свиньи кумирни, которыя ихъ раззоряютъ!».

Дьякъ прочелъ это письмо твердо, громко, во всеуслышаніе, и поклонившись отдалъ его князю.

— Мое слово такое, сказалъ князь,—поди ты къ послу и скажи ему, что если ему жалко крови человѣческой, такъ пусть онъ сейчасъ же усмиритъ татаръ и сдастся мнѣ въ полонъ; держать я его буду какъ слѣдуетъ, обиды ему и татарамъ его мы никакой не сдѣлаемъ, а я завтра же ѣду въ Орду и предстану предъ ясные очи самаго великаго царя, разскажу ему, что здѣсь его посолъ дѣлаетъ. Еще скажу царю, продолжалъ онъ Мустафѣ, что всѣ мы—его слуги вѣрные, но издѣваться надъ нами холопамъ его мы не позволимъ и за вѣру нашу постоимъ!

— Ладно, ладно! раздались изъ толпы голоса.

— А теперь, вотъ что еще скажи, прибавилъ тысяцкій,—что ты самъ видишь: коли хочетъ народъ русскій въ бусурманскую вѣру идти, ни князь, ни я, ни владыка, мы его отъ этого не держимъ,—и коли любы ему татары, пускай выдастъ насъ вамъ, мы отъ этого никуда не уходимъ.

— Ладно, ладно! закричали со смѣхомъ изъ толпы, и вся площадь захохотала.

— Скажи, Мустафа, твоимъ татарамъ отъ насъ, отъ черныхъ сотень, сказалъ одинъ изъ стоящихъ на нижней ступенькѣ, сѣренькій мужичекъ, — что мы его крѣпко благодаримъ за память, что спимъ и видимъ только въ бусурманство пойти, князя, владыку и тысяцкаго ему выдать, дань на Церковь не платить, только пускай прежде онъ всѣхъ своихъ татаръ перебьетъ, да и самъ повѣсится!

Всѣ захохотали. Тысяцкій опять ударилъ въ колоколъ. Вѣче смолкло. Мустафа плюнулъ, повернулся и пошелъ въ великокняжескія хоромы. Все молчало.

— Эхъ, бѣда будетъ! сказалъ шепотомъ князю епископъ.

— Знаю, что бѣда будетъ, отвѣчалъ князь,—знаю, что не сносить мнѣ за это головы своей, да не выдать же мнѣ людей православныхъ; выпишу хану по правдѣ все какъ было.

— Христіане православные! сказалъ онъ,—къ вечеру пускай дьякъ напишетъ все что было по правдѣ, и всѣ мы подъ присягой подпишемся.

Ворота хоромъ распахнулись, изъ нихъ вышелъ Чолъ-ханъ и Мустафа. Чолъ-ханъ заговорилъ по татарски, Мустафа переводилъ.

— Я велю татарамъ, говорилъ Чолъ-Ханъ,—бить васъ до тѣхъ поръ, пока ни одного не останется. Кто вѣренъ хану, тотъ переходи на мою сторону; съ этой минуты—я вамъ князь!.. Вѣче молчало. Чолъ-Ханъ отошелъ въ сторону—и изъ распахнувшихся воротъ посыпались стрѣлы. Тысяцкій ударилъ въ колоколъ, а Александръ Михаиловичъ провозгласилъ:

— За Спаса всемилостиваго, за храмы Божіи, за вѣру христіанскую, за землю русскую, за Тверь славный городъ!

Онъ быстро сошелъ въ толпу. Ворота хоромъ захлопнулись, но черезъ ворота летѣли стрѣлы татарскія; русскіе, собравшись въ кучу и накрывшись щитами, шли выбивать ворота.

Помостъ опустѣлъ, остался только тысяцкій у колокола, да соборный протопопъ съ причтомъ молился; затѣмъ и они сошли, сошелъ и тысяцкій.

Колокола гудѣли, слышны были крики, вопли; началось поголовное избіеніе татаръ — и правыхъ и виновныхъ: избивали купцовъ хивинскихъ и бухарскихъ, давно жившихъ въ Твери; избивали татарокъ, всегда сопутствовавшихъ мужьямъ въ походахъ и въ поѣздкахъ.

Кровь лилась. Погреба и подвалы съ медомъ и съ пивомъ были разбиты, пьяный народъ свирѣпѣлъ, грабилъ по дорогѣ — и всѣмъ, даже своимъ доставалось. Дьяконъ Дюдко всюду являлся на своей кобылѣ, работая страшнымъ топоромъ; палъ онъ, пала его кобыла, палъ маленькій задорный посадскій въ заплатномъ кафтанишкѣ; до конца стоялъ молчаливый, безстрастный Суета, весь облитый кровью, — и за нимъ ходила толпа посадскихъ; тверская чернь обшаривала всѣ подвалы, закоулки, отыскивая: нѣтъ ли гдѣ татаръ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ, а Чолъ-Ханъ — гордый, непоколебимый, фанатичный Чолъ-Ханъ, — все думалъ, что это только начало, что сейчасъ пристанетъ къ нему простой народъ, что это не народъ противъ татаръ ратуетъ, а князья да бояре; онъ въ простотѣ души былъ увѣренъ, что русскіе съ ума сходятъ отъ иноземцевъ, что ихъ ропотъ на дѣйствія княжескихъ и владычныхъ тіуновъ, на прижимки выборныхъ властей, непреложно свидѣтельствуетъ о готовности броситься въ чьи бы то ни было объятія и въ какую бы то ни было другую вѣру, — и все ждалъ. Смѣло и храбро бились его татары, стрѣлы носились тучами въ воздухѣ; татарскія стрѣлы всѣ были изстрѣляны, но русскихъ столько попадало на княжой дворъ, что татары стали русскими стрѣлять.

Завалы подѣлали они, и на завалахъ бились, — завалъ за заваломъ брали русскіе и кричали имъ «сдавайтесь!» Татары не сдавались. Въ огромной бѣлой чалмѣ, въ дорогой атласной, собольей, въ рукава надѣтой шубѣ, въ шелковомъ самаркандскомъ халатѣ, Чолъ-Ханъ переходилъ отъ одного завала къ другому; грозно сверкали его впалые глаза, онъ распѣвалъ стихи изъ корана. Муллы дрались, и за перевязкой раненыхъ разсказывали татарамъ о пророкѣ, о святости войны съ гяурами, о великомъ счастіи пасть за исламъ, — и живыя впечатлительныя души татаръ пламенѣли. Изъ погребовъ княжескихъ вытаскивали еще нетронутыя бочки столѣтняго меду; всѣ были пьяны, съ обоихъ сторонъ ругались, кричали и всѣ дрались съ ожесточеніемъ. Изба за избой, амбаръ за амбаромъ заливались кровью.

Уже солнце заходило, когда татарамъ пришлось запереться въ хоромахъ погибшаго въ Ордѣ великаго князя; а Чолъ-Ханъ все не сдавался. Русскіе начали-было рубить хоромы, но ихъ иступившіеся топоры плохо брали столѣтній дубъ; подкопаться хотѣли — силы не хватило.

— Сдавайся, Щелканъ! кричали ему бояре.

Отвѣта не было; изъ каждаго оконца сыпались стрѣлы и выдвигались копья.

— Сдавайся Чолъ-Ханъ, говорили ему его приближенные, — наши всѣ побиты.

— И мы погибнемъ, отвѣчалъ онъ, — а не посрамимъ чести ордынской; Пророкъ уже ждетъ насъ и причислитъ къ лику мучениковъ за его святую вѣру.

Закатилось солнце; городъ былъ пьянъ отъ меду и крови. Изъ сѣноваловъ княжьяго двора тащили сѣно, солому, — высоко взвивалось пламя по потемнѣвшему небу, трещали стропила, и не слышно стало стиховъ изъ корана. Рухнуло старое зданіе — ни одного татарина не осталось въ городѣ; улицы были покрыты пьяными и трупами. Мало кто спалъ въ эту ночь, всюду слышались пѣсни, крики, ругательства... Точно бредъ какой нашелъ на Тверь — и въ бреду этомъ многіе видѣли проклинающую старуху.

В. Кельсіевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Городъ Солигаличъ.

Въ сѣверо-восточныхъ частяхъ Костромской губерніи, почти у границы съ Вологодской, лежитъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Костромы красиво-разбросанный уѣздный городокъ Солигаличъ. Въ прежнее время онъ имѣлъ большое экономическое значеніе для цѣлаго Галичскаго княжества, какъ ближайшій источникъ для выварки соли. Вѣроятно еще племя Чуди, жившее по берегамъ Чухломскаго озера (тогда Чудскаго озера), разработало источники соли въ княжествѣ Галичскомъ. Это предположеніе основывается на томъ, что ближайшее добываніе соли только и было извѣстно въ Галичскомъ княжествѣ; а Пермскія и Уральскія копи, если и были разработаны, то принадлежали враждебному племени, подвластному тогда Казани. Историческихъ данныхъ о вываркѣ соли въ княжествѣ Галичскомъ не имѣется, кромѣ духовныхъ завѣщаній великихъ князей Іоанна Даниловича Калиты и Дмитрія Іоанновича Донскаго; но краткость этихъ актовъ не выясняетъ ни количества добываемой соли, ни качества самыхъ источниковъ въ то время, почему невозможно опредѣлить числа рабочихъ рукъ на варницахъ и приблизительнаго тогдашняго народонаселенія. Изъ нѣкоторыхъ церковныхъ источниковъ и книгъ видно, что первый шагъ къ постоянному заселенію этой мѣстности сдѣланъ княземъ Галичскимъ Θеодоромъ Симеоновичемъ, по поводу случайнаго видѣнія *). Въ 1335 году, въ страстную субботу, князь, выходя изъ церкви съ своимъ духовникомъ Афанасіемъ послѣ заутрени, увидѣлъ на сѣверо-западной сторонѣ необыкновенный огненный столбъ и сіяніе; явленіе это повторилось черезъ нѣсколько дней снова. Тогда князь, по предположенію мѣста явленія, поѣхалъ въ варницы и основалъ здѣсь монастырь во имя Воскресенія Христова; съ этого времени народонаселеніе варницъ стало увеличиваться. Устроенный монастырь былъ нѣсколько разъ раззоряемъ разными пришельцами — до того времени, пока князь Дмитрій Іоанновичъ не назначилъ удѣ-

*) Конечно, онъ могъ имѣть въ виду отъ заселенія солигаличскихъ варницъ и большую выработку соли, что отражалось бы на финансовый и вообще экономическій бытъ цѣлаго народа и княжества.

ла галичскагоЮрію, а соли галичскія, т. е. колодцы и заводъ, отдалъ во владѣніе Симонова Московскаго монастыря.

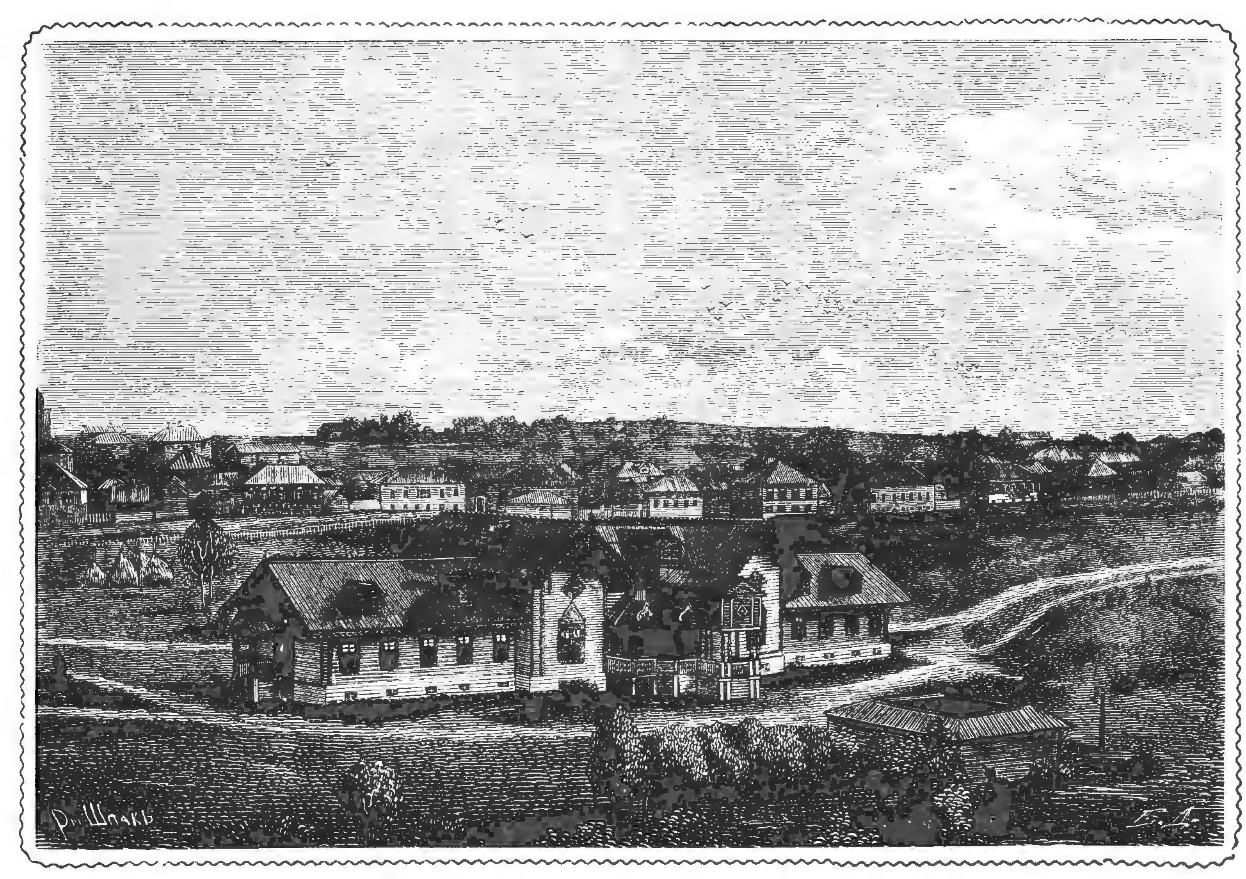
Воскресенскій монастырь былъ возобновленъ. Теперь находится на этомъ мѣстѣ Приходская церковь; рядомъ съ нею помѣщается соборъ во имя Рождества Богородицы. Это лучшія украшенія города какъ по древности, равно и по стилю построекъ.

Въ 1532 году, когда Василій Іоанновичъ сталъ защищать сѣверо-восточныя части московскаго государства и строить крѣпости, — Казань, видя возрастающее могущество русскаго сосѣдняго народа, напала на южную часть Костромской губерніи, и прошла до Солигалича. Войско казанскихъ татаръ простиралось до 150,000 человѣкъ. Жители Солигалича, забравъ кое-какое имущество и припасы, ушли въ устроенную крѣпость, и выдержали осаду, во время которой (какъ говоритъ мѣстное преданіе) явился святой Макарій Унженскій, — и татары, убоявшись необыкновеннаго явленія, бѣжали изъ Солигалича преслѣдуемые жителями. Въ память этого избавленія, въ крѣпости при находящейся тамъ церкви, устроенъ придѣлъ во имя святаго Макарія Унженскаго, отчего и самая церковь извѣстна подъ именемъ Макарьевской. Остатки укрѣпленія и самый валъ сохранились по настоящее время. Около церковной паперти находится небольшая часовня, въ ней помѣщаются сохранившіеся до сихъ поръ котлы, въ которыхъ кипятилась вода для обливанія непріятеля во время осады въ 1532 году.

Солигаличъ много претерпѣвалъ основныхъ разрушеній, какъ вслѣдствіе возникавшихъ въ то время междуусобій, равно и отъ близкаго сосѣдства казанскихъ татаръ даже послѣ ихъ покоренія.

Изъ нѣкоторыхъ данныхъ статистики видно, что въ XVIII столѣтіи въ Солигаличѣ соль добывалась въ значительномъ количествѣ, но въ нынѣшнее время вываркa соли прекращена; именно, съ 50-хъ годовъ источники стали мало давать солянаго разсолу. Для увеличенія массы воды содержащей соль, владѣлецъ солеварни, г-нъ Кокоревъ, приказалъ вырыть на мѣстѣ источника Артезіанскій колодезь. При исполненіи послѣдней работы, на глубинѣ 40 или 50 сажень найдено большое количество минеральной воды, оказывающей пользу въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Послѣднее обстоятельство заставило г. Кокорева построить около колодцевъ обширное зданіе минеральныхъ ваннъ (см. рисунокъ), а колодецъ обратить въ резервуаръ, снабжающій минеральной водой 36 отдѣльныхъ №№ купаленъ. Зданіе воксала устроено въ русскомъ стилѣ, имѣетъ прекрасные залы для временнаго помѣщенія приходящихъ больныхъ, снабжено паровою машиною, и вообще содержится въ очень хорошемъ состояніи. Къ несчастію, при всѣхъ этихъ удобствахъ къ солигаличскимъ минеральнымъ ваннамъ, несмотря на ихъ доказанное опытами цѣлебное свойство, происходитъ равнодушіе вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія—какъ отъ Костромы такъ равно (даже хуже) и отъ прочихъ пограничныхъ городовъ; не смотря на всѣ старанія распорядителей, эти ванны не могутъ войдти въ моду.

Въ верстѣ отъ Солигалича впадаетъ рѣка *Святица*, на которой велъ сподвижническую жизнь св. Іона митрополитъ московскій. На берегу этой рѣки находится деревня *Одноушево* — мѣсто рожденія этого святителя. Берега Святицы очень живописны, особенно мѣстечко *Сидориха*, гдѣ жители города Солига-

Воксалъ минеральныхъ водъ въ Солигаличѣ.

Съ фотографіи А. Шевякова рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ Э. Даммюллеръ.

лича и пріѣзжіе нерѣдко сбираются для прогулокъ цѣлыми семейными группами, и оживляютъ дикій, далеко тянущійся, старый лѣсъ, своими веселыми возгласами а иногда и пѣснями.

Народонаселеніе Солигалича съ уѣздомъ простирается до 30,000. Исключительную промышленность жителей кромѣ хлѣбопашества составляютъ: торговля лѣсомъ, обработка *извести*, добываніе *смолы* и *дегтя*; послѣднія производства, при большомъ количествѣ лѣса, исполняются самыми старинными способами, не щадя обильную растительность и не заглядывая въ будущее. Продукты обработки весною отправляютъ по рѣкѣ Костромѣ на баркахъ въ Волгу. Здѣсь уже менѣе встрѣчается, противъ другихъ уѣздахъ Костромской губерніи, пптерщиковъ. Мѣстные жители, крестьяне, занимаются болѣе около своихъ полей, и еще промышляютъ бурлачествомъ по рѣкѣ Костромѣ и Волгѣ. Хотя Солигаличскій уѣздъ—рядомъ съ Чухломскимъ, но здѣсь нерѣдко бываютъ неурожаи, особенно въ сѣверныхъ его частяхъ, отчего по деревнямъ проглядываетъ довольно значительная бѣдность сравнительно съ уѣздомъ Чухломскимъ.

А. Шевяковъ.

Очеркъ исторіи развитія музыки.

Впечатлѣнія слуха, какъ и всякія другія впечатлѣнія, подлежатъ анализу—и въ настоящее время наукою уже опредѣлены какъ физическія, такъ и физіологическія основанія звуковыхъ явленій. Въ этой области мы имѣемъ дѣло съ явленіями чисто-механическими, которыя у всѣхъ живыхъ существъ, имѣющихъ ухо, образованное по тому же анатомическому принципу какъ наше, необходимо должны проявляться одинаковымъ образомъ. Вездѣ, гдѣ существуетъ механическая необходимость и невозможенъ произволъ, отъ науки можно требовать, чтобы она выработала точные законы явленій и показала строгую связь между причиною и дѣйствіемъ. Какъ въ явленіяхъ природы, такъ и въ законахъ, управляющихъ ими, не заключается ничего произвольнаго; по этому и въ бъясненіяхъ, даваемыхъ имъ теоріею, тоже не должно заключаться ничего произвольнаго. Но если бы и случилось, что въ послѣднихъ замѣшалось что нибудь произвольное, то задача науки и состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій исключить все произвольное изъ объясненій, даваемыхъ теоріею.

Такъ, въ акустикѣ, именно въ физіологической ея части, при изученіи консонансовъ, если и говорится о пріятномъ и непріятномъ впечатлѣніяхъ, то это говорится только для того, чтобы показать непосредственное впечатлѣніе, производимое какимъ нибудь созвучіемъ на ухо, — безъ всякаго отношенія къ художественнымъ контрастамъ и къ способу выраженія,—однимъ словомъ, чтобы показать пріятность впечатлѣнія, а не эстетическую красоту. При опредѣленіи же основныхъ правилъ музыкальныхъ композицій, поле изслѣдованій уже не есть чисто научное; хотя взглядъ, выработанный наукою, на сущность слышанія еще и здѣсь имѣетъ различныя примѣненія,—но здѣсь задача, по сущности своей, принадлежитъ къ области изящнаго.

Измѣняющееся свойство музыкальныхъ композицій замѣтно уже въ признакѣ чисто внѣшнемъ: именно въ томъ, что почти въ каждой изъ нихъ мы встрѣчаемся съ историческими и національными различіями вкуса. Будетъ-ли одно созвучіе казаться болѣе или менѣе рѣзкимъ чѣмъ другое—это зависитъ только отъ анатомическаго строенія уха, а не отъ психологическихъ мотивовъ. Но насколько слушатель способенъ переносить эту рѣзкость — это зависитъ отъ вкуса и привычки; поэтому опредѣленіе границы между консонансами и диссонансами много разъ измѣнялось. Точно такъ же гаммы, сами звуки и ихъ модуляціи подвергались многочисленнымъ измѣненіямъ—не только у необразованныхъ и грубыхъ народовъ, но даже въ тѣ періоды всеобщей исторіи и у тѣхъ народовъ, гдѣ проявлялись величайшіе плоды человѣческаго развитія.

Изъ этого видно, что система гаммъ, звуковъ и ихъ гармоническихъ комбинацій основывается не на неизмѣнныхъ законахъ природы, но что они представляютъ послѣдовательное проведеніе принциповъ изящнаго, которое при дальнѣйшемъ развитіи человѣчества подвергалось и впредь будетъ подвергаться измѣненіямъ.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы выборъ такъназываемыхъ элементовъ музыкальной техники былъ бы чисто - произвольный и чтобы онъ совершенно не вытекалъ изъ общихъ законовъ. Напротивъ того, въ искусствѣ, правила каждаго стиля представляютъ очень связную систему,—конечно, если только она достигла достаточнаго и окончательнаго развитія. Такая система правилъ искусства развивается художниками не по преднамѣренному плану и не послѣдовательно, а напротивъ того чутьемъ и посредствомъ игры фантазіи,—потому что свои художественныя произведенія они пробуютъ выразить то такъ, то иначе, и такимъ образомъ посредствомъ опыта постепенно узнаютъ, какой способъ выраженія имъ понравится лучше всѣхъ. Но наука все-таки можетъ стараться опредѣлить тѣ мотивы, которые употреблялись художниками, если только эти мотивы имѣютъ психологическій или техническій характеръ. При этомъ, научная эстетика занимается изслѣдованіемъ психологическихъ мотивовъ, а естествознаніе — техническихъ. Если вѣрно понята цѣль, къ которой стремятся художники извѣстнаго стиля, а также и главное направленіе того пути, по которому они идутъ къ этой цѣли,—то бываетъ возможно, по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе, доказать положительно, почему они были принуждены слѣдовать тѣмъ или этимъ правиламъ и употреблять то или другое техническое средство. Именно въ музыкѣ—гдѣ большую роль играетъ разнообразная физіологическая дѣятельность уха, которая непосредственно раскрыта для сознательнаго самонаблюденія,—научному объясненію представляется обширное и богатое поле, для того чтобы въ развитіи этого искусства доказать необходимость техническихъ правилъ для всякаго отдѣльнаго направленія.

Задачею естествознанія конечно не можетъ быть характеризованіе главной цѣли, къ которой стремится каждая школа искусства, но эта цѣль должна быть дана наукѣ изъ результатовъ историческихъ и эстетическихъ изслѣдованій.

Для того чтобы болѣе пояснить это отношеніе, намъ лучше всего послужитъ сравненіе съ архитекту-

рою, которая, подобно музыкѣ, выработала нѣсколько направленій, существенно различныхъ одно отъ другаго.

Такъ греки, при постройкѣ своихъ каменныхъ храмовъ, подражали первоначальнымъ деревяннымъ постройкамъ ихъ, что и составляло основной принципъ ихъ архитектурнаго стиля. Это подражаніе деревяннымъ постройкамъ яснѣе всего замѣчается въ цѣлыхъ частяхъ зданія и въ расположеніи украшеній. Отвѣсное положеніе колоннъ и большею частію горизонтальное положеніе стропилъ—заставляли и всѣ другія второстепенныя части располагать преимущественно по горизонтальнымъ и вертикальнымъ линіямъ. Для греческаго богослуженія, главнѣйшіе акты котораго совершались подъ открытымъ небомъ, было достаточно такихъ построекъ, которыхъ внутренній объемъ ограничивался длиною употребляемыхъ деревянныхъ или каменныхъ стропилъ. Этруски же напротивъ того нашли средство строить своды изъ клиновидныхъ камней. Вслѣдствіе этого техническаго открытія стало возможно покрывать сводомъ гораздо болѣе обширныя зданія, чѣмъ это могли дѣлать греки при помощи деревянныхъ стропилъ. Среди этихъ строеній, покрытыхъ сводами, базилики имѣли вліяніе на дальнѣйшее развитіе архитектуры. Поэтому въ романскомъ искусствѣ, при сводистмъ потолкѣ, главнымъ мотивомъ сочетанія и украшенія являются дуги.

Въ сводѣ, камни, обсѣченные на подобіе клиньевъ, сдавливаютъ другъ друга, потому что всѣ они съ одинаковою силою давятъ квнутри и такимъ образомъ не позволяютъ другъ другу падать. Самое сильное и опасное давленіе эти камни производятъ на горизонтальную часть свода, потому что здѣсь они уже не имѣютъ опоры въ косвенномъ направленіи. По этому, въ очень большихъ сводахъ, горизонтальная часть ихъ опрокидывается при малѣйшей податливости сосѣднихъ камней. Вслѣдствіе этого, когда постройки средневѣковыхъ церквей принимали все большіе и большіе размѣры, архитекторамъ вспала на умъ мысль: совершенно устранить горизонтальную часть свода, для чего было необходимо сторонамъ свода дать подниматься до тѣхъ поръ, покуда онѣ не сойдутся вмѣстѣ въ видѣ острой дуги,—и такъ, теперь преобладающій принципъ архитектуры состоялъ въ остроконечныхъ сводахъ. Рѣзкія формы острыхъ дугъ и необыкновенная вышина церквей гармонировали съ суровыми чувствами сѣверныхъ народовъ; а первыя, при помощи той удивительной послѣдовательности формъ готическаго собора, которая обвораживаетъ зрителя пестрымъ великолѣпіемъ его деталей, можетъ-быть даже совершенно подчиняли себѣ чувства молящихся—и способствовали увеличенію и безъ того сильнаго и могущественнаго впечатлѣнія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ, при увеличивающихся потребностяхъ, возникли одно за другимъ техническія изобрѣтенія трехъ совершенно различныхъ стилей: именно, стиль прямыхъ горизонтальныхъ линій, круглыхъ дугъ и острыхъ дугъ,—и какъ, при всякомъ измѣненіи въ главномъ планѣ конструкціи, измѣнялись и всѣ второстепенныя детали до самыхъ малѣйшихъ украшеній. По этому отдѣльныя техническія правила построекъ дѣлаются понятны только изъ принциповъ конструкціи цѣлаго. Хотя готическій стиль развилъ самыя богатыя и гармоническія, самыя сильныя и поражающія архитектурныя формы,—подобно тому какъ наша современная музыкальная система, въ сравненіи съ другими системами, отличается этими же свойствами;—но все-таки не всякому вспадетъ на умъ мысль утверждать, что острыя дуги составляютъ естественную основную форму всѣхъ архитектурныхъ красотъ и что поэтому онѣ должны быть введены повсюду, какъ это часто утверждали про современную музыкальную систему. Въ настоящее время всякій понимаетъ, что если къ строенію въ видѣ греческаго храма прибавить готическія окна, то это будетъ художественный абсурдъ. Точно такъ же, наоборотъ, всякій можетъ убѣдиться на большей части готическихъ соборовъ, какъ въ нихъ не гармонируютъ съ цѣлымъ маленькія капеллы—времени возрожденія искусства, построенныя въ греческомъ или римскомъ стилѣ. Какъ готическія острыя дуги, такъ и наши Moll'ныя гаммы нельзя считать естественными продуктами, или ужь только въ томъ смыслѣ, что какъ тѣ, такъ и другія представляютъ необходимое слѣдствіе избраннаго принципа стиля и притомъ обусловленнаго природою самыхъ вещей. Подобно тому, какъ къ греческому храму мы не рѣшимся прибавить готическихъ украшеній, точно такъ же мы не можемъ желать улучшенія композицій, написанныхъ въ церковномъ тонѣ, тѣмъ что тоны ихъ передѣлаемъ по схемѣ нашей Dur'ной и Moll'ной гармоніи. Но такое пониманіе историческаго смысла искусства у музыкантовъ и музыкальныхъ историковъ до сихъ поръ сдѣлало еще мало успѣховъ. Древнюю музыку они разсматриваютъ большею частію съ точки зрѣнія новѣйшаго ученія о гармоніи—и всякое отклоненіе отъ послѣдняго считаютъ за неразвитіе древнихъ или за ихъ варварское безвкусіе.

Теперь мы разсмотримъ принципы стилей въ главныхъ фазахъ развитія музыкальнаго искусства. Въ музыкѣ можно различать три главные періода: во первыхъ, гомофонную (одноголосовую) музыку древнихъ, къ которой примыкаетъ современная музыка восточныхъ народовъ; во вторыхъ, полифонную (многоголосовую) музыку среднихъ вѣковъ, еще неимѣющую притязанія на самостоятельное музыкальное значеніе созвучій, которая была въ употребленіи съ 10 до 17 столѣтія и съ этого времени переходитъ въ третій видъ: современную музыку, характеризуемую самостоятельнымъ значеніемъ, которое она имѣетъ въ смыслѣ гармоніи.

Гомофонная музыка была первоначальною музыкою всѣхъ народовъ. Въ настоящее время она существуетъ еще у китайцевъ, турокъ и ново-грековъ, хотя у этихъ народовъ частію существуютъ и очень развитыя музыкальныя системы. Теперь можно считать рѣшенымъ, что музыка цвѣтущаго періода грековъ (за исключеніемъ можетъ-быть отдѣльныхъ инструментальныхъ украшеній, каковы кадансы и антрактная игра) была вполнѣ гомофонная, т. е. голоса, выполнявшія мелодію, аккомпанировали другъ друга не иначе, какъ октавами или въ унисонъ.

Гомофонная музыка, будучи взята сама по себѣ, безъ содѣйствія поэзіи, бѣдна какъ формами такъ и варіаціями, для того чтобы въ ней могли возникнуть большія и богатыя произведенія искусства. Поэтому въ этотъ періодъ чисто-инструментальная музыка должна ограничиваться короткими танцами или маршами. Дѣйствительно, у народовъ, не имѣющихъ гармонической музыки, это такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Хотя, на пиѳійскихъ играхъ, игроки на флейтообразныхъ инструментахъ и разнообразили возвѣщеніе побѣды различными повтореніями, но все-таки ихъ искусство ограничивалось только скудными формами композицій, какъ

напримѣръ, варіаціями одной коротенькой мелодіи. Что принципъ варіацій мелодіи, съ сохраненіемъ драмматическаго выраженія, былъ извѣстенъ грекамъ, то это видно изъ сочиненій Аристотеля, именно изъ его проблеммъ.

Выполненіе большихъ пьесъ для гомофонной музыки было возможно только посредствомъ пѣнія, т. е. въ соединеніи съ поэзіею. Дѣйствительно, въ классической древности музыка и употреблялась такимъ маноромъ. Тогда пѣлись не только пѣсни и религіозные гимны, но даже трагедіи и большія эпическія сочиненія выполнялись посредствомъ пѣнія, подъ аккомпанементъ лиры. Теперь намъ трудно понять, какъ все это дѣлалось,—потому что, по нашему современному вкусу, отъ хорошаго декламатора совершенно наоборотъ требуется только драматическая истина въ повѣтствовательномъ тонѣ, причемъ чтеніе на распѣвъ считается грубѣйшею ошибкою. Поющій тонъ итальянскихъ декламаторовъ и литургическія речитаціи римско-католическихъ священниковъ представляютъ примѣры подражанія древней декламаціи на распѣвъ. Нѣсколько внимательное наблюденіе тоже показываетъ, что и въ обыкновенномъ разговорѣ, гдѣ поющій тонъ голоса болѣе маскированъ оттѣнкомъ, характеризующимъ отдѣльныя буквы, гдѣ не держатся строго одной и той же высоты тона и гдѣ въ высотѣ тона часто происходятъ стушевывающіе переходы,—все-таки непроизвольно возникаютъ нѣкоторыя измѣненія тона, происходящія по правильнымъ музыкальнымъ интерваламъ. Когда произносятся простыя предложенія, безъ содѣйствія чувства, то при этомъ большею частію удерживается извѣстная средняя высота тона, которая измѣняется только на словахъ съ удареніемъ, окончаніяхъ предложеній (на кварту ниже) и ихъ отдѣловъ. При торжественной же декламаціи, измѣненіе въ пониженіи тона бываетъ разнообразнѣе и сложнѣе чѣмъ въ обыкновенномъ разговорѣ. Современный речитативъ произошелъ вслѣдствіе подражанія такому измѣненію тона въ поющихся нотахъ. Яковъ Пери, изобрѣтатель речитативовъ, совершенно ясно высказывается на счетъ этого, въ предисловіи къ своей оперѣ «Эвридика», изданной имъ въ 1600 году. Тогда посредствомъ речитатива думали воскресить декламацію древнихъ трагедій. Но древняя речитація во всякомъ случаѣ отличалась отъ современнаго речитатива тѣмъ, что въ ней строже придерживались метра стихотворенія, и кромѣ того ей не доставало аккомпанирующихъ гармоній речитатива. Во всякомъ случаѣ посредствомъ нашего речитатива, когда онъ хорошо выполняется, мы можемъ составить лучшее понятіе о томъ, какъ, при помощи такой музыкальной речитаціи, можно усиливать выраженіе словъ, что и достигается монотонною речитаціею римскаго богослуженія. Эта послѣдняя можетъ быть и сходнѣе съ древнею речитаціею, чѣмъ оперный речитативъ, потому что уставъ пѣнія римской литургіи папа Григорій Великій (между 590 и 604 годами) взялъ изъ того времени, когда воспоминаніе о древнемъ искусствѣ хотя и было уже ослаблено и искажено, но все-таки еще могло быть передано примѣрами. Именно, онъ утвердилъ только одни образцы римской школы пѣнія, введенной со временъ папы Сильвестра (314—335 г.). Большая часть этихъ формулъ пѣнія ясно подражаетъ измѣненію звуковъ при обыкновенномъ разговорѣ. Такъ онѣ развиваются съ одною и тою же силою тона, а слова съ удареніемъ (или слова не латинскаго происхожденія) въ нихъ нѣсколько измѣняются по силѣ тона.

Смотря по торжественности праздника, важности предмета, сану служащаго, или отвѣчающаго на эти формулы священника,—эти и подобныя заключительныя формулы украшались болѣе или менѣе. Въ этомъ ясно видно стремленіе подражать естественному измѣненію голоса при разговорѣ, но притомъ такъ чтобы эти формулы были освобождены отъ индивидуальныхъ неправильностей и чтобы они звучали торжественнѣе. Конечно, при такихъ неизмѣнныхъ формулахъ не обращали вниманія на грамматическій смыслъ предложеній, который посредствомъ удареній измѣняется очень различно. Можно полагать, что древніе авторы трагедій тоже опредѣляли интонацію для декламаторовъ своихъ произведеній, которая при этомъ поддерживалась музыкальнымъ аккомпаниментомъ. А такъ какъ древнія трагедіи, по внѣшнему выполненію, были удалены отъ естественности произношенія гораздо болѣе, чѣмъ наши новѣйшія трагедіи (какъ это показываютъ искусственныя ритмы, странно звучащія слова и тому подобное) то къ ихъ декламаціи поющій тонъ шелъ больше, чѣмъ насколько онъ могъ бы нравиться нашему уху. Чтобы понять это—стоитъ только вспомнить, что отъ ударенія на отдѣльныхъ словахъ, отъ быстроты или медленности произнесенія и отъ пантомимики вносится много жизни въ декламацію, которая дѣлается невыносимо-монотонною, если декламаторъ не умѣетъ оживить ее такимъ маноромъ.

Гомофонная музыка во всякомъ случаѣ (даже въ древности, когда ею аккомпанировались большія поэтическія произведенія) имѣла самую подчиненную роль, потому что въ ней музыкальные обороты зависятъ отъ измѣняющагося смысла словъ, а безъ него не имѣютъ самостоятельнаго значенія и связи. Поэтому въ гомофонной музыкѣ наиболѣе самостоятельными и независимыми были только мелодіи пѣсенъ. Для пѣсенъ существовали даже такія мелодіи, названія которыхъ частію сохранились еще и теперь, и по которымъ постоянно писались и новыя стихотворенія.

Такимъ образомъ, при выполненіи большихъ произведеній искусства, музыка играла совершенно подчиненную роль, а самостоятельно могла производить только коротенькія пьесы. Отъ этого въ сущности и зависитъ развитіе музыкальной системы гомофонной музыки. Вообще у тѣхъ народовъ, гдѣ существуетъ такого рода музыка, установленъ извѣстный рядъ гаммъ, въ которыхъ и вращаются ихъ мелодіи. Эти гаммы бываютъ очень различны, а частію и весьма произвольнаго характера, почему многія изъ нихъ совершенно чужды и непонятны намъ,—между тѣмъ какъ у тѣхъ народовъ, у которыхъ онѣ возникли (какъ напримѣръ, у грековъ, арабовъ и индѣйцевъ), онѣ разработаны очень тщательно и разнообразно.

При разсматриваніи такой системы тоновъ, съ научной точки зрѣнія, важно знать: были ли поставлены въ ней всѣ тоны гаммъ въ опредѣленное отношеніе къ главному, или основному, тону (тоникѣ), служащему основаніемъ гаммы. Въ новѣйшей музыкѣ чисто-музыкальная внутренняя связь всѣхъ тоновъ одной и той же гаммы достигается тѣмъ, что всѣ ея звуки бываютъ приведены въ такое сродственное отношеніе къ тоникѣ, которое по возможности легко воспринимается ухомъ. Вмѣстѣ съ Фети, за принципъ тональности мы можемъ считать господство тоники, какъ связующаго звѣна всѣхъ звуковъ гаммы. Этотъ ученый музыкантъ вполнѣ справедливо указываетъ на то, что въ мелодіяхъ

различныхъ народовъ тональность развита въ весьма различной степени и притомъ очень разнообразна. Такъ, въ пѣсняхъ ново-грековъ, въ формулахъ пѣнія греческой церкви и въ грегоріанскомъ пѣніи римской церкви тональность развита не такимъ образомъ, чтобы мелодіи ихъ легко гармонизировались;—тогда какъ древнія мелодіи сѣверныхъ народовъ германскаго, кельтическаго и славянскаго происхожденія, какъ это нашелъ Фети, легко могутъ сопровождаться гармоническимъ аккомпаниментомъ.

(Продолженіе будетъ).

Антонъ Рубинштейнъ.

Большинству русской публики конечно не безъизвѣстенъ Антонъ Рубинштейнъ, какъ прекрасный піанистъ, концерты котораго слушаются многими съ удовольствіемъ. Но также можно предположить, что большинству восхищающихся имъ неизвѣстны тѣ обстоятельства, при которыхъ развился и достигъ настоящаго совершенства этотъ необыкновенный талантъ.

Мы постараемся познакомить читателя, въ краткихъ чертахъ, съ жизнію этого даровитаго человѣка.

Антонъ Рубинштейнъ родился 18 ноября 1829 года, въ деревнѣ Веэмотимецъ близъ гор. Яссъ, на границѣ Россіи.

Дѣдъ его былъ иновѣрецъ отецъ же принялъ православіе, въ которомъ воспиталъ и сына. Сначала родители его имѣли порядочное состояніе и жили безбѣдно; но позднѣе, вслѣдствіе тяжбы изъ-за права пользованія имѣніями, обстоятельства ихъ значительно поразстроились. Еще въ ранней юности обнаружилъ Рубинштейнъ тѣ главныя качества, которыя потомъ обусловили теченіе всей его жизни, — необыкновенную любовь къ музыкѣ и энергію съ какой онъ стремился къ достиженію избранной цѣли: развитія своего таланта.

Рубинштейнъ.

Мать его, очень образованная женщина, руководила начальнымъ обученіемъ музыкѣ, которую она знала очень хорошо, обоихъ своихъ сыновей, потому что и Николай Рубинштейнъ, старшій братъ Антона, выказывалъ большую любовь и способность къ музыкѣ.

Отчасти обстоятельства, отчасти желаніе дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе побудили родителей Рубинштейна переселиться въ Москву. Здѣсь дѣти стали правильно учиться музыкѣ; Антону Рубинштейну было тогда 6 лѣтъ. Уже черезъ $2^1/_2$ года онъ далъ свой первый публичный концертъ. Удивленіе и восторгъ, которые этотъ мальчикъ возбудилъ во всѣхъ, навели родителей его на мысль отправить его, подъ руководствомъ учителя Виллуана, въ августѣ 1839 года, въ Парижъ. Хотя и здѣсь 10-лѣтній мальчикъ возбуждалъ во всѣхъ удивленіе и восторгъ, отецъ его все-таки не рѣшался дозволить ему избрать эту карьеру,—зная очень хорошо, что только обладая необыкновеннымъ талантомъ, можно было сдѣлаться замѣтнымъ

на этомъ поприщѣ. Но случай, о которомъ мы сейчасъ разскажемъ, рѣшилъ дѣло положительно. Антонъ Рубинштейнъ давалъ свой второй концертъ. Въ числѣ слушателей былъ и знаменитый въ то время піанистъ Листъ. Игра геніальнаго мальчика поразила его до такой степени, что по окончаніи одной пьесы онъ поднялъ его на руки, и поцѣловавъ воскликнулъ: «этотъ будетъ наслѣдникомъ моей игры».

Все собраніе пришло въ восторгъ—и въ Парижѣ въ продолженіи недѣли только и говорили, что объ этой сценѣ.—Полтора года были употреблены Рубинштейномъ на занятія и серіозное ознакомленіе съ музыкой, которыми руководилъ самъ Листъ. Послѣ этого была предпринята поѣздка по Германіи, Франціи, Англіи и Голландіи, которая доставила ему славу и средства къ жизни. Вернувшись на родину, Рубинштейнъ около году прожилъ у отца.

Въ 1844 году оба сына, въ сопровожденіи матери, отправились въ Берлинъ, чтобы тамъ у Дэна и въ высшемъ учебномъ заведеніи окончить свое теоретическо-музыкальное и научное образованіе.

Николай, старшій братъ, посвятилъ себя дѣлу преподаванія музыки и въ настоящее время управляетъ консерваторіею въ Москвѣ. Антонъ же Рубинштейнъ, развиваясь все болѣе и болѣе, въ продолженіи своего двухъ-годоваго пребыванія у Дэна, съ жаромъ занялся изученіемъ капитальныхъ музыкальныхъ твореній и композицій. Въ высшей степени благодѣтельно вліяло на него знакомство съ Мендельсономъ-Бартольди, который оказывалъ горячее сочувствіе этому 15-ти-лѣтнему юношѣ. Около этого времени умеръ его отецъ. Мать Рубинштейна должна была ѣхать въ Москву, чтобы устроить тамъ воспитаніе своихъ остальныхъ дѣтей. Рубинштейнъ видѣлъ себя лишеннымъ ея дальнѣйшей поддержки и предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ. Онъ возвратился въ 1845 году въ Вѣну, гдѣ преподаваніемъ заработывалъ себѣ скромное содержаніе, причемъ все свое свободное время удѣлялъ композиціямъ. Здѣсь-то и отчасти въ Венгріи, которую онъ посѣтилъ вмѣстѣ съ Гейндлемъ, такъ несчастно кончившимъ, явилось большинство его композицій, обнародованныхъ позднѣе и при другихъ обстоятельствахъ. Неудачи и недостатокъ средствъ навели-было его на мысль ѣхать въ Америку, гдѣ онъ надѣялся поправить свои средства и найти больше сочувствія, но эта мысль являлась только подъ вліяніемъ иппохондріи, которая иногда посѣщала его и никогда долго не продолжалась. Гроза 1848 г. заставила удалиться его изъ Вѣны въ Берлинъ, откуда въ скоромъ времени онъ возвратился на родину.

Съ этого времени обстоятельства его приняли болѣе благопріятный оборотъ. Своимъ талантомъ онъ заслужилъ расположеніе Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны, которая назначила его своимъ придворнымъ піанистомъ, послѣ чего вскорѣ онъ получилъ эту-же должность у Ея Величества Государыни Императрицы.

Странный случай заставилъ его снова написать свои отчасти оконченныя, отчасти проектированныя композиціи. Во время его путешествія въ Петербургъ, ящикъ, въ которомъ находились всѣ его ноты и сочиненія, былъ остановленъ на границѣ. Рубинштейна признали за эмиссара революціоннаго клуба, а въ нотахъ заподозрили особые условные революціонные знаки, которыми дѣйствительно тогда переписывались. Ему уже грозила серіозная опасность, но благодаря заступничеству графа В....., который, все это дѣло довелъ до свѣденія Великой Княгини, преслѣдованія противъ него были прекращены. Но ящикъ со всѣми его композиціями пропалъ—и не смотря на всѣ розыски не могъ быть найденъ. Такимъ образомъ, пришлось писать все снова, что ему и удалось благодаря его обширной памяти. Дѣятельность эта удержала его въ Петербургѣ до 1857 г.

Благодаря содѣйствію своихъ покровителей, Рубинштейнъ могъ теперь самостоятельно предпринять путешествіе по Европѣ. Какъ виртуозъ, онъ вездѣ пользовался громаднымъ успѣхомъ, но композиціи его критика (за рѣдкими исключеніями) встрѣтила холодно, даже враждебно. Одни только лейпцигскіе издатели платили хорошо за его произведенія. Въ настоящее время сочиненій Рубинштейна появилось чрезвычайно много, что и дало нѣкоторымъ поводъ называть его слишкомъ плодовитымъ композиторомъ. Но если вспомнимъ, что сочиненія эти писались годами — и только благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ могли быть изданы всѣ разомъ, то упрекъ въ излишней плодовитости окажется безосновательнымъ. Сжатость этого очерка не позволяетъ намъ подробнѣе коснуться его путешествій. Упомянемъ только о главныхъ моментахъ его дѣятельности. Въ 1856 г., ко времени коронаціи, онъ возвратился въ Петербургъ. По случаю этого торжества, онъ написалъ большую увертюру, посвятивъ ее Государю Императору, за что и былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ.

Послѣ, когда Великая Княгиня Елена Павловна отправилась въ Ниццу, то и онъ въ числѣ свиты сопровождалъ ее. Отсюда онъ сдѣлалъ вторичное путешествіе по Европѣ, не переставая вмѣстѣ съ тѣмъ компонировать свои по большей части большія пьесы, какъ напр., ораторія «Потерянный рай» и большая опера для вѣнскаго театра «Дѣти степей».

То высокое положеніе, которое занялъ Рубинштейнъ въ Петербургѣ, и другія благопріятныя условія позволили ему выполнить давно задуманный планъ: организаціи русскаго музыкальнаго общества, а также и консерваторіи. Благодаря содѣйствію многихъ вліятельныхъ лицъ, общество это, въ которомъ приняло участіе большинство нашихъ музыкантовъ-артистовъ, начало свою дѣятельность. Годъ спустя открыта была и консерваторія. Рубинштейнъ, какъ основатель, былъ назначенъ директоромъ и принялъ на себя трудъ организаціи и распредѣленія занятій, репетиціи ученическихъ упражненій и проч., и проч. Вообще дѣятельность его въ этомъ учрежденіи была чрезвычайно обширна и благодѣтельна. Позже, когда ему пришлось на этомъ новомъ пути дѣятельности встрѣтиться съ людьми, убѣжденія которыхъ противорѣчили его взглядамъ, онъ отклонилъ отъ себя обязанность директора и руководителя консерваторіи, и всецѣло отдался своимъ произведеніямъ.

Къ этому времени относятся слѣдующія его сочиненія: Feramors, лирическая опера (данная въ Дрезденѣ), два большихъ концерта для фортепіано, двѣ фантазіи изъ которыхъ одна для двухъ рукъ, а другая для четырехъ, симфоніи A и E-dur, пѣсни, хоры и другія мелкія пьесы.

Оцѣнки отдѣльныхъ его произведеній мы не будемъ дѣлать; она была часто дѣлана въ нашихъ періодическихъ, а въ особенности ежедневныхъ изданіхъ; мы

бросимъ только бѣглый взглядъ на характеръ всѣхъ вообще его произведеній.

Отличаясь своеобразностью, оригинальностію, они вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты глубоко-прочувствованными идеями; тонкій вкусъ и благородное направленіе тоже могутъ служить общими признаками ихъ всѣхъ. По своему направленію произведенія Рубинштейна примыкають къ произведеніямъ Мендельсона и Шумана, но въ нихъ гораздо менѣе элегически - сентиментальнаго элемента чѣмъ у Мендельсона и болѣе ясности чѣмъ у Шумана. Въ нихъ, впрочемъ, Рубинштейнъ не влагаетъ высшихъ философскихъ идей, въ нихъ вы не услышите отчаянныхъ воплей, мукъ и страданій; мелодіи большею частію весело-игривы, отчасти тихи и серіозны. Варіаціи темъ и тысячи самыхъ причудливыхъ фантастическихъ переливовъ напоминаютъ нѣсколько геній и искусство Бетховена, отчасти же глубоко-прочувствованные мотивы Шуберта.

При неистощимой силѣ творчества все новаго и новаго, трудно сказать, когда Рубинштейнъ достигнетъ въ своихъ произведеніяхъ той высшей точки развитія, дальше которой нѣтъ пути. Всѣ же произведенія, написанныя имъ до сихъ поръ, вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ современнаго искусства и даже отчасти служатъ выраженіемъ этихъ послѣднихъ. Какъ композиторъ Рубинштейнъ стоитъ въ ряду лучшихъ современныхъ; какъ піанистъ, онъ послѣ Листа почти не имѣетъ себѣ равнаго соперника. Тотъ, кто слышалъ его, можетъ судить — насколько это вѣрно.

Обезьяны.

Въ неволѣ обезьяны на половину теряютъ свою природную живость и веселость; тѣмъ не менѣе ихъ способности значительно развиваются отъ сближенія съ людьми, особенно же изощряется пониманіе. Въ зоологическихъ садахъ цивилизованныхъ странъ онѣ избавлены отъ тѣсноты, которая почти неизбѣжна въ походныхъ звѣринцахъ. Въ этихъ садахъ ихъ высокія, свѣтлыя и просторныя помѣщенія снабжаются необходимыми удобствами и составляютъ привольныя мѣста для ихъ затѣй и забавъ. Хотя, конечно, наши искусственныя мачты и болтающіеся канаты не могутъ вполнѣ замѣнить имъ чащи дебрей ихъ родины, гдѣ веревки изъ ліанъ растянуты самою природою, — но зато наши качели, колокольчики, боченки, кольца и лѣстницы, достаточно вознаграждаютъ ихъ за игрушки привольныхъ лѣсовъ, которыхъ они лишаются въ неволѣ.

При всѣхъ этихъ удобствахъ выигрывается еще весьма немаловажное, необходимое этому подвижному народцу, не менѣе пищи и питья, — именно: общество. Жизнь ихъ — постоянная забава. Каждая обезьяна, всегда занята чѣмъ нибудь: или упражненіемъ изощряющимъ ловкость, или шуточною ссорою, или же просто отчаянною гимнастикою, несмотря на то что за это веселіе многія изъ нихъ платятся здоровьемъ и даже жизнью.

Оккенъ уподобляетъ обезьянъ человѣку съ самыми дурными и неблагопристойными наклонностями. Онъ говоритъ, что онѣ злобны, лукавы, коварны и непристойны до безобразія. Будучи изобрѣтательны на забавы, онѣ нерѣдко своимъ своенравіемъ портятъ свои игры и нарушаютъ миръ. Нельзя указать ни одной добродѣтели, которую можно бы было приписать обезьянѣ,—а еще менѣе можно сказать, чтобы она была склонною служить на пользу человѣку. Врожденную бдительность, изворотливость и ловкость обезьяна обращаетъ въ цѣлую систему дурачества и шалостей. Словомъ, эти подвижныя созданія обладаютъ только недостатками присущими человѣку, насколько въ тѣлесномъ, настолько же и въ нравственномъ отношеніи. Смотря на безпорядочную путаницу составляющую обезьянье существо и присущія ему свойства, въ которыхъ болѣе всего выдается поразительное наружное сходство съ человѣкомъ, и вникнувъ въ образъ жизни обезьянъ, такъ отличающійся отъ другихъ животныхъ, приходится мириться съ вѣроятностію ихъ близкаго родства съ людьми.

Любопытство — составляетъ кажется основаніе ихъ существа. Наблюденіе указываетъ, что это качество свойственно однимъ только животнымъ одареннымъ пониманіемъ; а какое животное любопытнѣе и смѣтливѣе обезьяны?

Положите обезьянѣ въ клѣтку что-нибудь, совершенно ей незнакомое—она удивитъ своею способностію оцѣнить примѣнимость вещи съ перваго почти взгляда, особливо если прежде хотя однажды ей случалось видѣть эту вещь между бездѣлушками, находящимися у многочисленныхъ ея посѣтителей. Глубоко вкоренилось въ ней любопытство—не даетъ покоя. Вотъ, кажется, она успокоилась, отвернулась, — но она продолжаетъ коситься на вещь, наблюдаетъ; она непремѣнно обернется: какъ ей не знать, что̀ дѣлается въ вещью. Ужь не съѣдобное ли это что-нибудь? Вотъ она пододвинула вещь поближе,—но впрочемъ весьма осторожно; этотъ веселенькій народецъ очень любитъ выжидать похвалъ отъ зрителей за свои лукавыя шутки, но зато весьма не нравится ему—быть предметомъ насмѣшекъ. Вотъ, наконецъ, она подняла вещь; тутъ начинаетъ она всѣми возможными и невозможными способами разглядывать ее, глубоко удивляясь,—для большаго удобства поворачивается она вмѣстѣ съ нею, и снова пристально вглядывается. Грызетъ ея любопытство, очень хочется ей поживиться; но досадуя, что предметъ не поддается ея выдумкамъ, сердится до того, что съ презрѣніемъ бросаетъ бездѣлушку - мучителя. Картина измѣняется, приближается отецъ съ своими возлюбленными баловнями-дѣтками. Шалунья давно уже замѣтила его, — будетъ чѣмъ поживиться — думаетъ она. Съ затаенною надеждою на лакомую добычу обезьяна осматриваетъ пришельцевъ. Вотъ одинъ изъ сыновей уже запустилъ руки въ карманъ отца, разсчитывая отыскать орѣхъ, но вмѣсто него вынимаетъ свернутый кусокъ бумаги, который и остается на время у ребенка. Вскорѣ и обезьяна протягиваетъ свою руку черезъ рѣшотку, хватаетъ бумагу и тянетъ къ себѣ; конечно, дѣло не обходится безъ сопротивленія, но уже поздно: бумага разлетается въ клочки—и сторожъ съ большимъ трудомъ и усиліями отбиваетъ болѣе достойные вниманія клочки, на которыхъ виднѣются еще нумера государственнаго билета. Конечно той же участи подвергаются и другія ближайшія къ шалуньѣ и болѣе достойныя ея вниманія вещи наприм. очки, лорнеты, сигары, цѣпочки, ленты на

шляпахъ, которыя всегда находятся въ опасности подвергнуться исчезновенію, а потому надпись при входѣ въ звѣринецъ, гласящая: «слѣдуетъ остерегаться воровъ», можетъ быть примѣнима къ обезьянамъ въ такой же степени какъ и къ людямъ. Любопытство обезьянъ вошло въ поговорку, и по своему особенному оттѣнку получило названіе обезьянства. По поводу этого свойства—всѣ читатели знаютъ вѣроятно сотни анекдотовъ, басенъ и зачастую еще и теперь повторяющихся разсказовъ. Здѣсь, для сокращенія статьи, мы должны ихъ обойдти. Несмотря на всѣ выдумки обезьянъ, никогда, кажется, переимчивость не обуреваетъ ихъ въ такой степени и не усиливается настолько ихъ любопытство какъ въ то время, когда попадется имъ зеркало. Тутъ ужимки ихъ чрезвычайно выразительны и комичны. Обезьяна вся дрожитъ и вертится поминутно передъ зеркаломъ; она радуется, видя подобнаго себѣ товарища. Едва обратитъ она къ зеркалу свои глаза, какъ уже собственное ея изображеніе передразниваетъ ея, въ движеніяхъ, въ выраженіи рожи. Это отраженіе сильно поражаетъ ее; она начинаетъ искать его, ощупываетъ пальцами зеркало, надѣясь достичь изображенія. Наконецъ, послѣ долгой возни, обезьяна остроумно рѣшила, что всему помѣхою стекло, такъ какъ ея милый, живой и занимательный товарищъ находится подъ нимъ.... и вотъ зеркало обернуто. Обратная сторона сдѣлана изъ жести: итакъ — рѣшаетъ наша философка — ея будущій другъ сидитъ между стекломъ и жестью.—Пора разнять ихъ!—какъ ни казалась легка работа, а потребовала много терпѣнія — и усилія все еще продолжаются.

Наконецъ трудъ оконченъ. Снова ничего не нашлось; но за то одинъ взглядъ внушаетъ уже обезьянѣ, что хитрецъ котораго она ищетъ—опять издѣвается надъ ней въ зеркалѣ. Опять явилась надежда — ртутная обложка легко соскабливается. Прекрасно. Какая-же прилежная работа началась! Наконецъ и это препятствіе удалено, но къ несчастію съ нимъ удалилась и надежда найти гдѣ нибудь любезнаго друга. Смотрите, какъ понуро вглядывается обманувшаяся обезьянка въ стекло, за которымъ виднѣется только лукаво подсмѣивающійся ребенокъ, отъ насмѣшки котораго ее коробитъ.

Обезьяны сильно падки на лакомства.

Нѣкоторые роды обезьянъ, а изъ нихъ особенно немногія выдающіяся особи, напримѣръ, не рѣдко размачиваютъ въ водѣ данный имъ сахаръ и лакомятся его сладкимъ сокомъ; другія, видя безполезность трудовъ своихъ надъ разбиваніемъ скорлупы орѣховъ, съ благодарностію принимаютъ помощь людей—и получая отъ нихъ очищенныя ядра, тотчасъ передаютъ имъ весь свой запасъ орѣховъ въ скорлупѣ. Тотъ кому извѣстны недовѣріе и жадность этихъ животныхъ къ лакомствамъ—согласится что эту черту, свойственную роду обезьянъ-капуциновъ, надо отнести къ замѣчательнымъ исключеніямъ.

Обезьянамъ не чужды человѣческія побужденія и дѣйствія; можно полагать, что въ обезьянахъ они отличаются только лишнею особенностью, именно — игривостью; за исключеніемъ этого, способъ выраженія этихъ побужденій весьма близко подходитъ къ человѣческому.

За то въ умственномъ отношеніи въ нихъ замѣчается какая-то тупость, неполнота, будто-бы ихъ преимуществамъ передъ другими животными именно тутъ то и положенъ предѣлъ.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена одна изъ самыхъ крупныхъ обезьянъ стараго свѣта — орангъ-утангъ; слово это, какъ извѣстно, значитъ: «лѣсной человѣкъ», и дано въ прозвище орангу его соотечественниками — жителями острова Борнео. Старые оранги свирѣпы, дики и неукротимы; молодые легко ручнѣютъ, сживаются съ человѣкомъ, и многое перенимаютъ у него, какъ напр., употребленіе посуды, вилокъ и ложекъ при ѣдѣ, одѣяла во время сна и т. п. Нашъ рисунокъ представляетъ продѣлку одного оранга, видавшаго, какъ пишутъ масляными красками, и вздумавшаго перенять пріемы живописца. Животное забралось на стулъ, открыло ящикъ съ красками, захватило кисти — и не замѣчаетъ ни сторожа слѣдящаго за нимъ, ни самого живописца, который тутъ же набрасываетъ портретъ своего импровизированнаго собрата по ремеслу.

Фельетонъ.

Толки о войнѣ. — Закрытіе выставки. — Закрытіе театровъ. — Прошедшія гулянья. — Близость осени.

Война поглотила вниманіе всѣхъ и каждаго. О войнѣ только и говорятъ, о ней только и читаютъ. Саарбрюкенъ, Вейсенбургъ, Мецъ, Штейнмецъ и прочіе нѣмецкіе и французскіе города и люди интересуютъ насъ гораздо болѣе всевозможныхъ отечественныхъ событій и лицъ.—Слышали? а? каково?—Да, признаюсь не ожидалъ.—Нѣтъ, вы мнѣ скажите, что же изъ этого будетъ? вѣдь это уже слишкомъ, вѣдь это способно нарушить наше равновѣсіе...—Ну, Богъ милостивъ, можетъ быть до этого и не дойдетъ.

— А вы кому бы желали побѣды?

— Да какъ вамъ сказать,—по правдѣ никому, лучше всего по моему, чтобы обѣ стороны были поражены и ни одна не побѣдила; тогда настоящими побѣдителями остались бы тѣ, кто не дрался, а сидѣлъ себѣ спокойно, занимаясь своими дѣлами,—дерущіеся же получили-бы достойное возмездіе за нарушеніе общаго спокойствія.—Да какъ же такъ?.. вѣдь это невозможно, хотя, пожалуй, и справедливо было-бы... Это, знаете, напоминало-бы извѣстное мудрое правило Пушкинской капитанши, какъ судить двухъ тяжущихся—разбери кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи. Очень бы оно было хорошо – да трудно. Это только анекдотъ такой есть, какъ два волка погрызлись съ такимъ остервѣненіемъ, что съѣли другъ друга по самый хвостикъ,—да вѣдь это сказка, и въ дѣйствительности невозможно.—Ну, не говорите; невозможное для волковъ—возможнѣе для двухъ воюющихъ державъ; иная неловкая побѣда стоитъ любаго пораженія. Я вѣдь впрочемъ не политизирую, а высказываю вамъ одно мое желаніе, можетъ быть и утопическое; для насъ впрочемъ, кто бы ни побѣдилъ, въ концѣ концовъ все выгода, autant de pris sur les ennemis,—и потому намъ остается только присутствовать простыми зрителями при этой европейской драмѣ и провѣрять, правильно-ли замѣтилъ одинъ римскій писатель (забылъ на эту минуту, кто именно), что очень пріятно, сидя на берегу, смотрѣть на погибающій въ волнахъ корабль.—Богъ

знаетъ, что вы говорите! ну что тутъ пріятнаго?.. Такіе и подобные разговоры вы можете слышать сплошь и рядомъ. Одного только не услышите вы ни отъ кого, никогда — это желанія нашего вмѣшательства въ пруско-французскую распрю, вмѣшательства вооруженнаго; никто не горитъ желаніемъ преломить русское копье ни за Вильгельма, ни за Наполеона — и оно конечно не преломится.

Интересъ къ войнѣ отвлекъ совсѣмъ вниманіе и отъ кончившейся выставки мануфактурной и отъ начинавшей было разгораться, но теперь заглохшей междоусобной брани между экспонентами и экспертными коммисіями. Выставка, открывавшаяся съ такимъ шумомъ, возбуждавшая столько ожиданій, окончилась при значительномъ охлажденіи къ ней, — и теперь, когда надъ нею опустился уже занавѣсъ, слышится ей вслѣдъ даже легкое шиканье, незаглушаемое ни чьими апплодисментами. Покойную выставку поругиваютъ многіе: во первыхъ, тѣ которымъ надоѣло ее хвалить. Выставку вначалѣ, безъ сомнѣнія, слишкомъ уже расхвалили — и теперь только поэтому, по естественному закону реакціи, спохватившись, начинаютъ ругать. Кромѣ посторонних посѣтителей выставки поругиваютъ ее экспоненты. Бранятся и тѣ которые не получили награды, и тѣ которые получили; послѣдніе — въ томъ случаѣ, когда имъ присуждена не высшая награда. Въ общество и печать проникли слухи объ обнаружившихся несправедливостяхъ, то по пристрастію, то по незнанію дѣла въ опредѣленіи достоинствъ выставленныхъ предметовъ и ихъ оцѣнки; говорилось даже, что со стороны недовольныхъ экспонентовъ поступило къ министру финансовъ болѣе 200 жалобъ на неправильное присужденіе наградъ; — но потомъ всѣ такіе слухи умолкли. Кто тутъ былъ правъ, кто виноватъ — рѣшить à priori невозможно. Извѣстное дѣло, что изъ двухъ тяжущихся одна сторона бываетъ почти всегда недовольна рѣшеніемъ дѣла; а тутъ тяжущихся были сотни, изъ которыхъ выигрывало только самое небольшое число лицъ. Съ другой стороны, эксперты и не непогрѣшимы какъ Папа, и небезгрѣшны какъ люди вообще; а потому отрицать возможность съ ихъ стороны ошибокъ было бы странно, тѣмъ болѣе что возмож-

Орангутангъ.

ность эта не всегда была отстранена правильнымъ устройствомъ оцѣночныхъ коммисій. Такъ напр. мы слышали, что достоинства столярнаго и обойнаго производства опредѣлялись художниками; нѣтъ сомнѣнія, что со стороны изящества произведеній указанныхъ ремеслъ—художники могутъ быть признаны судьями компетентными, но врядъ-ли они состоятельны въ опредѣленіи техническихъ качествъ этихъ производствъ. И подобныхъ примѣровъ говорятъ было не мало. Лучшимъ послѣдствіемъ выставки будетъ то, если она (какъ это уже и предполагается) положитъ основаніе постоянному русско-промышленному музею, или музею прикладныхъ наукъ, въ томъ же зданіи Соляного Городка и со многими изъ предметовъ бывшихъ на выставкѣ, пожертвованными этому музею. Расходы на устройство выставки, какъ мы и предполагали при ея началѣ, далеко не покрыты сборомъ съ посѣтителей. Устройство выставки, т. е. одного только помѣщенія для нея, не считая расходовъ самихъ экспонентовъ, стоило какъ слышно до 360,000; всего же собрано съ открытія выставки 91,394 руб. 5 коп. Что касается до одного изъ отдѣленій выставки, именно русскаго музея, устроеннаго с.-петербургскимъ собраніемъ художниковъ, то онъ окончилъ свои дѣла довольно хорошо: выручено имъ болѣе 6,00: руб., устройство же музея и содержаніе стоило менѣе половины этой суммы. Акваріумъ, говорятъ, скоро будетъ преобразованъ и впослѣдствіи откроется для публики. Теперь по улицамъ, прилегающимъ къ выставкѣ, тянутся возы съ разными предметами выставки, носильщики съ болѣе мелкими вещами и, наконецъ, черепашьимъ шагомъ ползутъ домой по передвижнымъ рельсамъ вагоны и локомотивы.

Съ закрытіемъ выставки совпало и закрытіе русскихъ спектаклей Михайловскаго театра на недолгое время успенскаго поста. Съ 15 же августа снова откроется русскій театръ, и начнутся представленія русской оперы. Московскіе гости г-жа Васильева и г. Шумскій уѣхали уже обратно въ Москву, но не прощаясь съ Петербургомъ навсегда, а оставляя намъ надежду снова увидѣть ихъ на нашей сценѣ; они будутъ, вѣроятно, не разъ приглашаемы къ намъ на нѣкоторое время—а можетъ-быть иные изъ нихъ, кто этого пожелаетъ, останутся и совсѣмъ на нашей сценѣ. Но все это покуда слухи; вѣрно только то, что дирекція, довольная громаднымъ успѣхомъ москвичей, намѣревается пользоваться ими еще не разъ, къ нашей величайшей радости. Толки-же распространившіеся по Москвѣ—о состоявшемся будто бы уже переводѣ съ московской сцены на петербургскую г-жъ Ѳедотовой и Васильевой и г.г. Шумскаго и Садовскаго—совершенно неосновательны. Для насъ, петербургскихъ театраловъ, такая новость была бы разумѣется отрадною,—если бы мы, какъ дѣти, радовались только настоящей минутѣ, не думая о завтрашнемъ днѣ и не заботясь о другихъ. Дѣло въ томъ, что московская сцена есть наше общее русское достояніе; успѣхъ и процвѣтаніе ея близки всѣмъ любителямъ русскаго драматическаго искусства наровнѣ съ присяжными театралами Москвы; пока существуетъ московскій Малый Театръ, съ его труппою, съ его преданіями и уровнемъ художническаго развитія артистовъ, до тѣхъ поръ не умерло на Руси сценическое искусство, есть для него дѣйствительная школа, академія, есть образцы. Между тѣмъ, переводъ главныхъ силъ московскаго театра въ Петербургѣ не могъ бы не подѣйствовать гибельно на московскую сцену—и врядъ ли бы настолько-же улучшилъ петербургскую насколько повредилъ-бы московской. Дѣло въ томъ, что труппа артистовъ извѣстной сцены, какою она должна быть и какова московская, не есть простой, случайный сборъ людей на извѣстное дѣло; хорошая труппа есть нѣчто цѣльное, органическое, связанное общими взглядами на дѣло, одинаковымъ его пониманіемъ, общими пріемами, образующее—однимъ словомъ—то, что называется школою въ искусствѣ. Такая школа складывается годами, десятками лѣтъ, - и то не всегда, а только при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ. Московскіе артисты, приглашенные въ Петербургъ, труппы собою здѣсь не создали-бы; московская была-бы разбита ихъ отсутствіемъ. Въ силу-то всѣхъ такихъ соображеній и приходится подавить въ себѣ эгоистическое желаніе—видѣть тѣхъ московскихъ артистовъ, игрою которыхъ мы наслаждались это лѣто, нашими постоянными жителями—и охранять хотя московскую труппу отъ разрушенія и паденія. Будемъ утѣшаться хоть тою мыслью, что если не у насъ, такъ въ Москвѣ, а есть-же превосходный русскій театръ.

Закрытіе выставки, закрытіе театровъ создало изъ теперешней лѣтней поры — пору затишья и покоя, да и во-время, а то петербургская публика и народъ неумѣренно что-то уже разгулялись. Въ послѣднее время гулянья слѣдовали за гуляньями. Гулянья въ Лѣтнемъ саду, въ крѣпости, въ Петергофѣ, на островахъ, на кладбищахъ, съ иллюминаціями и фейерверками и безъ оныхъ, шли одно за другимъ. Надо-же и отдохнуть. Изъ всѣхъ перечисленныхъ гуляній самое грандіозное было, безъ сомнѣнія, петергофское. На устройство его была пожертвована сумма свыше 20 тысячъ. Сады Петергофа были буквально залиты свѣтомъ и народомъ. Теперь пусть собственное воображеніе читателей представитъ себѣ, что происходило при отправленіи (а еще болѣе при возвращеніи съ гулянья нѣсколькихъ десятковъ тысячъ народа) на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, и на пристаняхъ пароходовъ. Билеты брались съ бою—и съ бою-же врывались по этимъ билетамъ на пристань или платформу дебаркадера. Крикъ, визгъ и мычанье стояли надъ толпою. «Батюшки! ребенка задавили!» вдругъ раздавался отчаянный мужской голосъ; движеніе въ толпѣ пріостанавливалось; ближайшіе къ тому мѣсту откуда раздался крикъ—пятилась назадъ, толпа раздавалась на сколько было можно... «Гдѣ-же ребенокъ-то?» спрашивали въ толпѣ.—«Да это я и есть, совсѣмъ грудь окаянные сдавили», говорила ухмыляясь какая-то бородатая фигура шмыгая впередъ.—«О что бъ тѣ!... вишь шутъ этакій придумалъ—ребенокъ, хорошъ ребенокъ!», смѣялись кругомъ, а авторъ шутки тѣмъ временемъ было уже далеко и ухмылялся себѣ въ бороду. Подобныхъ комическихъ сценъ было не мало, но всѣхъ не перескажешь.

Подъ стать къ утихающему лѣтнему сезону и въ погодѣ чувствуется уже поворотъ на осень—лѣто переломилось; начинаетъ порою повѣвать изряднымъ холодкомъ—плэдъ при лѣтнемъ пальто становится необходимой вещью; бѣлыя ночи пропали до будущаго года; зажглись на улицахъ и по аллеямъ парковъ фонари, дачники поговариваютъ о переѣздкѣ въ городъ, и уже появляются на улицахъ возы нагруженные дачнымъ хламомъ. Обидно коротко петербургское лѣто: четыре, пять недѣль, вотъ и весь его размѣръ, а до этихъ недѣль—сколько весенней грязи и распутицы, а за ними—какіе сумрачные непогодливые унылые дни осени!

Политическое обозрѣніе.

Военныя событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ—и все грознѣе и грознѣе становятся для Франціи. Необыкновенные успѣхи прусско-германскаго оружія ясно свидѣтельствуютъ о превосходствѣ прусскихъ полководцевъ и стройной правильной организаціи арміи, далеко оставляющей за собой все что представляла до сихъ поръ современная военная исторія. Прусская армія очевидно дѣйствуетъ по заранѣе-составленному и зрѣло-обдуманному плану, которому слѣдуетъ неуклонно,—между тѣмъ какъ со стороны французовъ замѣтно или совершенное отсутствіе плана кампаніи, или по меньшей мѣрѣ неумѣнье выполнить его.

Въ прошедшемъ обозрѣніи нашемъ (см. Нива, № 31.) мы говорили о двухъ первыхъ сраженіяхъ при Саарбрюкенѣ и при Вейсенбургѣ. Въ первомъ, 2-го августа Французы одержали преимущество; во второмъ дивизія генерала Дуэ, изъ корпуса Макъ-Магона, потерпѣла рѣшительное пораженіе, не смотря на всю храбрость съ которою дрались французскіе солдаты. Правда, французскій отрядъ стоявшій отъ 8 до 10-ти тысячъ человѣкъ былъ раздавленъ прусско-германскими войсками, число коихъ простиралось до 40,000; но это самое и доказываетъ всю оплошность французскихъ генераловъ, отдавшихъ на жертву дивизію Дуэ, и повидимому вообразившихъ, что сраженіе при Вейсенбургѣ было только случайностью, тогда какъ въ дѣйствительности оно было началомъ исполненія опредѣленнаго плана, какъ то и доказали послѣдствія. Узнавъ о пораженіи Дуэ, маршалъ Макъ-Магонъ двинулъ свой корпусъ на встрѣчу наслѣдному принцу прусскому—и подкрѣпляемый нѣсколькими полками изъ корпусовъ Канробера и Фальи, сошелся съ прусскими войсками при Вертѣ; здѣсь повторилась прежняя ошибка: французскіе генералы (или правильнѣе, маршалъ Лебефъ состоящій, какъ извѣстно читателямъ, начальникомъ главнаго штаба всей французской арміи при императорѣ Наполеонѣ) вообразили, что они имѣютъ дѣло съ отдѣльными корпусами, тогда какъ передъ ними была вся армія наслѣднаго принца прусскаго, въ числѣ 140 тысячъ человѣкъ. Иначе нельзя себѣ объяснить малочисленности французскихъ войскъ, принявшихъ участіе въ битвѣ 6-го августа, — по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, ихъ было не болѣе 40 тысячъ. Битва продолжалась шесть часовъ, была упорна и кровопролитна, и окончилась совершеннымъ пораженіемъ французовъ. И здѣсь повторилось тоже самое, но еще въ большихъ размѣрахъ, что было при Вейсенбургѣ: французская армія была раздавлена превосходными силами непріятеля. Пораженіе было рѣшительное, и потери съ обѣихъ сторонъ огромныя; пруссаки взяли въ плѣнъ болѣе 6000 человѣкъ, захватили два знамени, шесть картечницъ, 30 пушекъ, весь обозъ корпуса Макъ-Магона и нѣсколько желѣзнодорожныхъ поѣздовъ съ провіантомъ. Убитыхъ и раненыхъ со стороны французовъ было около 5,000, со стороны пруссаковъ около 4000. Въ тотъ же день при Шпихернѣ, близь Саарбрюкена, корпусъ генерала Штейнмеца (изъ арміи принца Фридриха Карла) разбилъ французскій корпусъ генерала Фроссара, очистилъ Саарбрюкенъ и оттѣснилъ французскія войска внутрь страны. Такимъ образомъ побѣдоносныя германскія войска съ двухъ сторонъ ступили на французскую территорію, и идутъ все впередъ передъ отступающимъ непріятелемъ, захватывая по пути непріятельскіе склады и запасы. По послѣднимъ извѣстіямъ, кавалерія наслѣднаго принца прусскаго подошла уже къ Мецу и Нанси, а другіе отряды его арміи заняли желѣзныя дороги, ведущія къ Парижу, отрѣзали сообщенія французской арміи со Страсбургомъ, постоянно разбивая французскіе отряды.

Извѣстіе объ этихъ пораженіяхъ произвело потрясающее впечатлѣніе въ Парижѣ, и заставило правительство принять крайнія мѣры. Тотчасъ изданы были прокламаціи императрицы и министровъ къ народу, въ которыхъ говорилось, что хотя потери французовъ велики, но армія одушевляема храбростью и патріотизмомъ; всѣ жители приглашались содѣйствовать этому дѣлу и сохранить порядокъ. Между тѣмъ приняты были всѣ мѣры, свидѣтельствующія о крайней тревогѣ правительства: предписано было вооруженіе парижскихъ укрѣпленій, созваніе ополченій, и созваны палаты, которыя и открылись 9-го августа. При самомъ открытіи ихъ, обнаружилось въ нихъ почти революціонное движеніе, посреди котораго даже сдѣлано было въ законодательномъ корпусѣ предложеніе объ отреченіи императора... Тотчасъ же по открытіи палатъ пало министерство Олливье—и 11-го августа новый кабинетъ поручено составить генералу Монтобану (графу Паликао); вотъ составъ этого новаго кабинета: графъ Паликао назначается военнымъ министромъ; сенскій префектъ г. Шевро—министромъ внутреннихъ дѣлъ; г. Мань—министромъ финансовъ; г. Клеманъ Дювернуа—министромъ торговли; адмиралъ Риго де Женульи—морскимъ; князь де Латуръ д'Овернь—министромъ иностранныхъ дѣлъ; генеральный прокуроръ Парижскаго императорскаго суда г. Гранперре—министромъ юстиціи; г. Брамъ—министромъ народнаго просвѣщенія и г. Бюссонъ-Бильйо — министромъ-президентомъ государственнаго совѣта.

Вслѣдъ за сформированіемъ министерства, палатами утверждены были были всѣ принятыя правительствомъ мѣры—и сверхъ того предписано поголовное ополченіе съ нѣкоторыми ограниченіями въ пользу женатыхъ, назначенъ военный кредитъ въ мильярдъ франковъ, предписанъ принудительный курсъ банковыхъ билетовъ, и отсрочены платежи по долговымъ обязательствамъ.

Въ арміи произведены важныя перемѣны; маршалъ Лебефъ уволенъ; три корпуса соединены подъ начальствомъ маршала Базена, на котораго повидимому возлагаетъ свои послѣднія надежды императоръ Наполеонъ. Въ засѣданіи законодательнаго корпуса, 11-го августа, графъ Паликао извѣстилъ, что 70,000 готовы идти на подкрѣпленіе дѣйствующей арміи, что формируются въ Шалонѣ и Парижѣ новые корпуса. Въ этомъ же засѣданіи г. Шевро, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, сдѣлалъ предложеніе, свидѣтельствующее до какой степени озлобленія довели Францію побѣды пруссаковъ—онъ предложилъ изгнать всѣхъ нѣмцевъ съ французской территоріи.

Въ виду этихъ поразительныхъ событій блѣднѣютъ всѣ частныя происшествія во внутренней жизни государствъ: на всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ отражается тревога, возбужденная грознымъ столкновеніемъ двухъ великихъ военныхъ державъ. Читателямъ извѣстно уже, что всѣ европейскія государства объявили о сво

емъ твердомъ намѣреніи соблюдать нейтралитетъ, а между тѣмъ въ газетахъ то и дѣло появляются слухи о вооруженіяхъ и передвиженіяхъ войскъ, особенно въ Австріи и Италіи. Послѣдняя можетъ сдѣлаться скоро театромъ волненій, вслѣдствіе выхода французскихъ войскъ изъ Рима, который послѣдовалъ окончательно 4-го августа. Французское правительство успокоило папу, въ томъ что безопасность его территоріи не будетъ нарушена, такъ какъ король Викторъ-Эммануилъ обязался строго соблюдать сентябрскую конвенцію. И дѣйствительно, италіянское войско расположилось у границъ папскихъ владѣній — съ твердымъ повидимому намѣреніемъ соблюдать обязательства, принятыя на себя италіянскимъ правительствомъ. Ватиканскій соборъ закрытъ, но не окончательно, такъ какъ члены онаго, распущенные послѣ провозглашенія догмата непогрѣшимости, получили предписаніе собраться опять 11-го ноября. Единственнымъ важнымъ слѣдствіемъ этого собора была отмѣна конкордата въ Австріи, уже офиціально возвѣщеннаго папскому престолу.

Въ Англіи, по утвержденіи ирландскаго поземельнаго билля, въ парламентѣ происходили пренія по поводу послѣднихъ событій; наконецъ засѣданія его были закрыты 10-го августа тронною рѣчью королевы, въ которой сказано, что британское правительство приняло всѣ мѣры для обезпеченія нейтралитета Бельгіи, для чего подписанъ особый трактатъ съ Пруссіей и Франціей; что оно всѣми силами старалось отвратить войну, возгоравшуюся между Франціей и Пруссіей, но такъ какъ соединенныя усилія великихъ державъ не привели къ желанному результату, то Англія будетъ постоянно и энергично противодѣйствовать расширенію нынѣшняго театра войны и способствовать возстановленію прочнаго мира.

Въ Бельгіи 8-го августа открыта была палата представителей тронною рѣчью короля, въ которой онъ выразилъ надежду, что война пощадитъ Бельгію, ибо онъ получилъ отъ Франціи и Пруссіи увѣреніе, что онѣ обѣ будутъ строго соблюдать ея нейтралитетъ; къ этому король присовокупилъ, что со стороны его правительства приняты всѣ необходимыя мѣры, чтобы выдержать предстоящее испытаніе. Рѣчь короля была принята съ восторгомъ, и вся палата отвѣчала на нее громкими возгласами: «Да здравствуетъ независимая Бельгія!»

P. S. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Понт-а-Муссона, Генералъ-лейтенантъ Альвенслебенъ съ 3-мъ корпусомъ двинулся, 4-го (16 го) августа, отъ Меца на линію отступленія французовъ къ Вердёну. Онъ выдержалъ кровопролитное сраженіе противъ дивизій генераловъ Декана, Ладмиро, Канробера, Фроссара и императорской гвардіи. Послѣдовательно поддерживаемый 10-мъ корпусомъ и частями 8-го и 9-го корпусовъ, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла, онъ отбросилъ французовъ къ Мецу, несмотря на ихъ численное превосходство, послѣ двѣнадцати-часовой битвы. Потери въ войскахъ (всѣхъ родовъ оружія) съ обѣихъ сторонъ весьма значительны. Со стороны прусаковъ были убиты генералъ Дёрингъ и Ведель, а генералы Раухъ и Грютеръ ранены. Прускія войска остались на полѣ битвы.

Смѣсь.

Тигры-людоѣды. Что въ Остиндіи нѣтъ недостатка въ хищныхъ звѣряхъ, достаточно доказываетъ хоть бы одинъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Gazette of India». Въ немъ описываются по истинѣ замѣчательные факты, которые пожалуй не вполнѣ извѣстны даже многимъ читателямъ того края. Знаютъ, конечно, такъ-сказать отвлеченно о существованіи такъ-называемыхъ людоѣдовъ; но рѣдко кто имѣетъ понятіе, какимъ бичемъ для цѣлаго края можетъ быть одинъ такой тигръ. Самыя важныя свѣденія объ этомъ предметѣ можно почерпнуть изъ годичныхъ отчетовъ о доходахъ и дѣйствіяхъ топографическаго землемѣрнаго вѣдомства. Отчетъ за 1867 — 68 г. говоритъ слѣдующее: «Дѣйствіямъ землемѣровъ серіозно мѣшаетъ тигръ, опустошающій цѣлый округъ. Объ одномъ тигрѣ разсказываютъ, что онъ истребилъ 127 человѣкъ, такъ что по его милости въ теченіе многихъ недѣль было прервано сообщеніе по дорогѣ между Мооллемъ и Шандатомъ, пока его не убилъ поручикъ Кодрингтонъ. Въ Чиндваррахѣ одна тигрица была причиной тому, что 13 селъ были покинуты жителями, и землю перестали воздѣлывать на протяженіи 250 квадратныхъ англійскихъ миль». Читая такія повѣствованія, понятно становится, почему Геркулеса возвели въ полубоги. Другая старая тигрица въ Курноолѣ съѣла 64 человѣка, разстроила почтовыя сношенія и разъѣзды полицейскихъ патрулей, и разогнала рабочихъ занимавшихся публичными работами. Одна телеграмма изъ Нандиканама-Готъ гласитъ: «Главный констэбль унесенъ тигромъ. Среднимъ числомъ въ три дня погибаетъ по одному человѣку. Уговорите правительство обѣщать большую награду». Правительству стоило больше 130 ф. стерл. освободить край отъ этого ужаснаго гостя. Статистическія таблицы, приложенныя къ этимъ отчетамъ, показываютъ, что предметъ этотъ крайне важенъ. Въ одномъ Баугульпорскомъ округѣ (Баугульпоръ — большая станція желѣзной дороги у Гангеса, не очень далеко отъ Калькутты), въ продолженіи шести лѣтъ, 1434 человѣкъ было убито хищнымъ звѣрьемъ, а во всей области (подвѣдомственной намѣстнику бенгальскому) за тотъ же періодъ произошло 13,400 смертей, о которыхъ офиціально заявлено; изъ этого устрашающаго числа жертвъ, 7,000 погибли отъ тигровъ и леопардовъ, и болѣе 4,000 — отъ волковъ. Если къ этому прибавить много сотенъ, ежегодно убиваемыхъ хищными звѣрями въ Ѳудѣ, въ Пенджабѣ, въ центральныхъ провинціяхъ, въ Мадрасѣ и пр. — волосы дыбомъ становятся при мысли о томъ, какіе ужасы творятъ эти «благородныя животныя», на которыхъ обыкновено смотрятъ какъ на даръ провидѣнія любителямъ охоты съ сильными ощущеніями. Надо замѣтить еще то, что въ отчетахъ не упоминается объ опустошеніяхъ производимыхъ во владѣніяхъ мѣстныхъ государей, гдѣ человѣческая жизнь цѣнится гораздо ниже. Если въ сравнительно-зеленыхъ лѣсахъ Бенгала, гдѣ выдаютъ награды за головы и шкуры тигровъ и волковъ, столько людей гибнутъ отъ нихъ, то что же должно дѣлаться въ сухихъ лѣсахъ Деккана и другихъ государствъ, управляемыхъ туземными князьями, гдѣ ничего не дѣлаютъ для истребленія звѣрей? Премія за головы и шкуры конечно приноситъ нѣкоторую пользу, а остиндское правительство ежегодно выплачиваетъ за нихъ не менѣе 15,000 ф. ст., но самое лучшее было бы то, еслибы какая нибудь знаменитая парижская модистка пустила въ ходъ муфты изъ тигроваго мѣха и отдѣлки платьевъ или дамскихъ пальто изъ волчьяго мѣха.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 7 Августа 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-б. Невск пр и Б Морск, д № 9 — 13 Типогр. А. Траншеля Невск. и Влад. д. № 45.

№ 33. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(Продолженіе).

XII.

Паденіе Твери.

Поздно ночью, прямо съ пожарища, закопченый, окровавленный, оборванный, воротился великій князь Александръ Михаиловичъ къ женѣ, къ матери и къ братьямъ, которые все время, вмѣстѣ съ владыкою, молились и за жизнь его и за успѣхъ великаго начатаго дѣла: освобожденія русской земли отъ татаръ. Онъ пошелъ въ избу, отдалъ отрокамъ окровавленный топоръ, съ него сняли разорванный обгорѣвшій плащъ, колчугу, которая за цѣлый день отдавила ему плечи, и шлемъ его; князь выпилъ ковшъ меду, умылся, переодѣлся—и по мѣрѣ того какъ онъ переодѣвался, исчезало свирѣпое выраженіе лица, пропадалъ страшный блескъ грозныхъ очей, дѣлавшихъ его такъ похожимъ на покойнаго Михаила и на брата, и замѣнялся выраженіемъ усталости, досады и какъ-будто сомнѣнія.

— Теперь что будетъ? спросила его угрюмая мать,—теперь что будетъ?

— Завтра же ѣду въ Орду, предстану предъ Хана и разскажу ему все дѣло, сказалъ владыко Варсонофій.

— Зачѣмъ? возразилъ Александръ.

— Ну нѣтъ, владыка святой, захохоталъ Константинъ, — этому больше не бывать! Теперь изъ насъ никто въ Орду не поѣдетъ.

Владыко покачалъ головой.

— А что будетъ съ тверскимъ великимъ княжествомъ? спросилъ онъ.

Старуха Анна Дмитріевна сидѣла молча и сосредоточенно — предъ нею стояла кровавая тѣнь мужа и старшаго сына.

— А будетъ вотъ что, встрепенулся Александръ,—народъ теперь и помимо моей воли, по окрестностямъ Твери, избиваетъ татаръ поганыхъ. Вѣсть о нашемъ дѣлѣ разойдется по всему тверскому великому княжеству—и надо чаять, что за моимъ примѣромъ, за примѣромъ великаго князя, Вся Русь встрепенется.

— Княже, сказалъ Варсонофій, — послушай меня, старика! Новгородцы за тебя не встанутъ, а Москва противъ тебя пойдетъ.

— Эхъ, правда, правда!.. проронила слово старая княгиня. Молодая жена Александра Михаиловича стояла пригорюнившись у печки, и глядѣла на него съ любовью, съ вѣрою, но и съ страшнымъ сомнѣніемъ.

— Давайте ужинать! сказалъ Александръ, — я усталъ; утро вечера мудренѣе.

Утро вечера дѣйствительно мудренѣе бываетъ; у тверичанъ съ ночью азартъ прошелъ, а мѣсто азарта заняли всякаго рода безпутства. Въ рядахъ не отворяли лавокъ; на площадяхъ и улицахъ толпились кучи всякаго люда, толковали и судили: какъ было дѣло вчера, чтó изъ него завтра выдетъ. Отроки тысяцкаго собирали убитыхъ, въ Спасскомъ соборѣ служили за павшихъ панихиды, трупы татаръ вытаскивали крючьями, валили на возы и отвозили за городъ—хоронить въ общей ямѣ. Князь съ боярами думалъ думу, дума вышла

безтолковая. Всѣ храбрились и хорохорились, а пуще всѣхъ Морозъ и Макунъ. По ихъ мнѣнію, нужно было прежде всего велѣть по всѣмъ церквамъ въ Твери служить благодарственный молебенъ за освобожденіе отъ нашествія иноплеменниковъ, за спасеніе христіанства, и тутъ же облечь великаго князя Александра Михаиловича въ санъ Вольнаго Царя Всея Руси.

— Москва, говорили они,—покорится съ переполоху добровольно, а не то московскій народъ и бояре прогонятъ отъ себя Ивана Даниловича, потому что рады будутъ не платить дани и выходовъ; новгородцы также будутъ рады не платить выходовъ; наконецъ, вся Русь до самаго Кіева и Галича должна будетъ встрепенуться при вѣсти объ освобожденіи и т. д. Макунъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы вѣнецъ для вѣнчанія на царство былъ бы сдѣланъ точь въ точь такой, какой носятъ греческіе цари,—и намекалъ, что между тверскими боярами найдется много людей годныхъ для того, чтобы составить дворъ на широкую царьградскую ногу.

Другіе бояре, какъ Кусокъ и Меньшукъ Акинѳовичъ, вполнѣ сочувствовали всѣмъ этимъ замысламъ: говорили, что надо немедленно къ чему-нибудь приступить, что вѣнчаніе на царство и объявленіе Александра Михаиловича царемъ—мѣра разумѣется сама по себѣ полезная, и что она произведетъ впечатлѣніе на всѣ прочія княжества. «Но,—говорили они,—надо для этого по всѣмъ княжествамъ пословъ послать и созвать съѣздъ княжескій».

Третьи говорили, что надо, воспользовавшись общимъ настроеніемъ, немедленно идти на Москву и завоевать ее. Словомъ, думали битый день и ровно ничего не рѣшили. Другой, третій, четвертый день прошли въ такихъ же переговорахъ и преніяхъ, а между тѣмъ Тверь зажила обычною жизнью. Купцы заторговали, народъ заработалъ, на пожарищахъ старыхъ хоромъ начали ставить новыя—вдвое просторнѣе и краше, а Александръ Михайловичъ все еще обдумывалъ, что̀ ему предпринять. Владыка Варсонофій раза два намекалъ, что лучше всего ѣхать въ Орду, съ повинною головою къ Узбеку,—но его никто не слушалъ. Словомъ, безурядица шла полная.

— Эхъ, наши тверскіе бояре! слышалось отъ самихъ бояръ, въ ихъ собственныхъ боярскихъ думахъ, —эдакое дѣло большое, праведное можно-сказать начали, а вѣдь вотъ—поди-ты!—битый мѣсяцъ толкуемъ, а ровно ничего не выходитъ.

На Александра Михайловича нашла вялость; онъ говорилъ боярамъ «сдѣлаю все, какъ вы скажете», а бояре каждый вечеръ, натолковавшись до сыта, говорили ему: «по нашему такъ, господине Великій Княже Всея Руси,—въ семъ дѣлѣ воля твоя. Суди ты самъ и дѣлай какъ хочешь, мы тебѣ ни въ чемъ перечить не будемъ.

Старая великая княгиня, обыкновенно находчивая во всѣхъ мелкихъ дѣлахъ тверской жизни, тутъ уже никакъ не могла ни сообразить, ни совѣтовать. Отпустить сына Москву завоевывать — ей было страшно; но вдвое того страшнѣе было пустить его въ Орду, не смотря на то, что былъ общій говоръ и общее мнѣніе въ Твери, будто теперь татары съ Москвою такого страху набрались, что «и.. и.. и ты, Господи!»—Все какъ-то располагало къ спокойствію и къ ничего недѣланью, хотя всѣмъ было тяжко, и всѣ чувствовали себѣ крайне неловко.

Въ Москвѣ, напротивъ, мигомъ произошло совершенно другое.

Дня черезъ три послѣ Успенія, Иванъ Даниловичъ съ княгинею своею Оленой Кириловной и со всею семьею своей только-что вернулся изъ храма Божьяго, изъ собора Успенія Пречистыя Дѣвы Богоматери (гдѣ онъ усердно молился у гробницы своего нареченнаго отца, святителя Петра Чудотворца), и сѣлъ спокойно обѣдать,—какъ, весь въ пыли и въ поту, вскочилъ на крыльцо какой-то незнакомый никому человѣкъ, и тверскимъ говоромъ сказалъ, что ему нужно безотложно повидать господина великаго князя. Это былъ молодой человѣкъ высокаго роста, плечистый, бѣлокурый, съ маленькими безпокойными глазками, которые такъ и шныряли во всѣ стороны изъ-подъ широкихъ бѣлобрысыхъ бровей.

—Ты отъ кого? спрашивалъ княжескій постельничій, случившійся въ сѣняхъ.

— Я самъ отъ себя, говорилъ незнакомый человѣкъ.

— Чего же тебѣ надо отъ господина великаго князя? допытывался постельничій, строго и важно, какъ всѣ высокопоставленныя лица, отъ которыхъ требуютъ свиданія съ лицами еще выше поставленными.

— Сходи къ господину великому князю, отвѣтилъ тотъ, едва переводя дыханіе,—и скажи ему, что изъ Твери очень важную вѣсть къ нему я привезъ. Коли спитъ господинъ великій князь—разбуди его; коли за столомъ сидитъ—подыми его; коли пошелъ куда—вороти его, или мнѣ скажи, куда бѣжать за нимъ.

— Да ты скажи сперва — вѣсть-то какая? стоялъ на своемъ постельничій. «Кто его знаетъ» думалъ онъ: «можетъ еще съ жалобою на меня подосланъ кѣмъ нибудь изъ моихъ недруговъ».—Скажи, какой ты человѣкъ? допрашивалъ онъ,—можетъ злой умыселъ на князя имѣешь!

Тотъ плюнулъ съ досады, скинулъ съ себя мечъ, вынулъ топоръ изъ-за пояса, ножъ вытащилъ изъ-за пазухи, кистень снялъ съ руки, поднялъ руки, раздвинулъ ноги и сказалъ: «обыскивайте меня, только проворнѣе, а не то предъ вашимъ великимъ княземъ въ большомъ отвѣтѣ будете». Постельничій, чтобы не уронить своего достоинства, ощупалъ его бока, засунулъ руки за голенища, пожалъ плечами и прошелъ въ столовую, которая, какъ мы знаемъ, помѣщалась въ теремѣ направо изъ сѣней.

Иванъ Даниловичъ уже слыхалъ отчасти разговоръ въ сѣняхъ — у него было хозяйское ухо — и былъ сильно заинтересованъ появленіемъ неизвѣстнаго тверича въ Москвѣ; но всегда медленный и подозрительный князь велѣлъ отвести его на другую половину, въ моленную, приказавъ однако присматривать, чтобы тотъ какъ нибудь не обобралъ святыхъ иконъ,—а самъ принялся дохлебывать щи изъ общей мисы, около которой сидѣло все его семейство. Прежде всего, торопиться онъ не любилъ; во-вторыхъ, онъ пообдумать и пообразиться хотѣлъ; а въ-третьихъ, и самъ тоже не то чтобы не хотѣлъ, а просто напросто считалъ долгомъ настолько соблюдать свое достоинство, чтобы не выходить ко всякому, кому вздумается вызвать его—Богъ знаетъ когда, Богъ знаетъ зачѣмъ. На вопросъ Олены Кириловны, что̀ бы это могъ быть за гонецъ, онъ пожалъ плечами и сказалъ: «вѣроятно Щелканъ чего-нибудь отъ меня хочетъ—да вотъ увидимъ, пообѣдаемъ. Сосну маленько и поговорю съ нимъ» отвѣтилъ Иванъ Даниловичъ. Однако обѣдалъ онъ плохо, а вмѣсто того чтобы отправиться на лежанку, онъ нацѣпилъ ножъ

на поясъ, намоталъ на руку небольшой кистень, и вышелъ въ моленную. Незнакомецъ стоялъ посреди комнаты — и заслышавъ шаги великаго князя московскаго, сталъ на колѣна и поклонился ему въ ноги. Подозрительный Иванъ Даниловичъ быстро окинулъ его взоромъ и остановился предъ нимъ вопросительно.

— Прикажи говорить, господине великій княже! сказалъ тотъ, лежа предъ нимъ на землѣ.

— Говори! сказалъ Иванъ Даниловичъ, садясь на лавку у самыхъ дверей.

— Бѣда у насъ въ Твери стряслась, продолжалъ тотъ,—въ Успеніе всѣхъ татаръ съ самимъ Щелканомъ народъ перебилъ.

Иванъ Даниловичъ только бороду расчесалъ, уставившись глазами въ незнакомца.

—Господинъ великій князь Александръ Михайловичъ самъ велъ народъ, и самъ отцовскія хоромы и Щелкана въ нихъ спалилъ.

— Ну а мнѣ-то что? Развѣ я этому дѣлу причастенъ? спросилъ мнительный и осторожный Иванъ Даниловичъ.

— Сироты твои, господине великій княже, бояре тверскіе, сама великая княгиня Михаилова, да великая княгиня Александрова Михаиловича, да княгиня Константинова Михаиловича, послали меня къ тебѣ тайкомъ, безъ княжаго вѣдома, раскрыть тебѣ какъ дѣло было и просить тебя, господина великаго князя, окажи ты добродѣтель свою, вступись предъ Ханомъ Азбякомъ за сиротъ твоихъ и за неразумнаго князя тверскаго.

— Да какъ-же? недоумѣвалъ Иванъ Даниловичъ,—что я тутъ могу сдѣлать? Да вашъ великій князь знаетъ, что ты поѣхалъ ко мнѣ?

— Нѣтъ, сказалъ смущенный посланецъ.

— Ишь ты, грѣхъ какой! сказалъ Иванъ Даниловичъ,—и ты-то хорошъ слуга своему великому князю, что мнѣ чужому вѣсти объ немъ передаешь.

— Прости, господине великій княже!.. снова поклонился до земли—стоявшій все время на колѣнахъ—посланецъ.

— Ты кто таковъ въ Твери-то будешь?

— Панкратіемъ меня зовутъ, дьяконовъ сынъ — Дюдковъ.

— Того, голосистаго? спросилъ Иванъ Даниловичъ, хорошо знавшій все духовенство во всей Руси.

— Его самаго. Татары и его также убили.

— И его убили? переспросилъ Иванъ Даниловичъ, сильно насупившись и качая головой. Дюдко ему очень нравился, и онъ думалъ какъ-нибудь переманить его въ Москву въ Успенскій соборъ.

— На него, господине великій княже, на перваго и напали, продолжалъ Панкратій, нѣсколько ободрившись,—всѣхъ христіанъ въ свою вѣру хотѣли поганые перевести, а пуще всего на церковниковъ злились; покойнаго святителя крѣпко ругали; говорили, зачѣмъ-дѣ ярлыкъ такой взялъ, что татарамъ нельзя въ церковническихъ домахъ становиться; кобылу у отца хотѣли отнять,..

— Это ту, большую-то?

— Ту самую. И ее, господине великій княже, убили.

— Жаль! сказалъ Иванъ Даниловичъ, всегда знавшій отлично, гдѣ и что у кого есть.

Иванъ Даниловичъ былъ Калита — мѣшокъ-скопидомъ — хозяинъ. Ему до всего было дѣло, до скота его, до вола его, до всего елика бысть ближняго его.

Иванъ Даниловичъ крѣпко задумался, интересы Руси и ея достоинство были ему очень близки къ сердцу.

— Говорили татары, продолжалъ Панкратій,—что такъ какъ святитель Петръ преставился, то теперь и ярлыкъ его силу потерялъ всякую.

Иванъ Даниловичъ всталъ, нахмурился и остановился въ дверяхъ, повернувшись плечемъ къ Панкратью.

— Ты никому объ этомъ въ Москвѣ не говорилъ? спросилъ онъ.

— Никому, твое благородіе! отвѣтилъ Панкратій.

— Оставайся здѣсь, вотъ въ томъ покоѣ; никому ни слова! Тебѣ дадутъ ѣсть, — чай съ дороги проголадался?

Панкратій вздохнулъ.

Восемь лѣтъ тому назадъ Анна Дмитріевна тверская почти точно такъ же принимала Суету.

— Трехъ коней, твоя милость, загналъ... отвѣчалъ онъ.

— Откуда же ты свѣжихъ бралъ? спросилъ осторожный Иванъ Даниловичъ.

—Заморенныхъ у дворниковъ оставлялъ, а свѣжихъ тутъ же покупалъ. Всѣмъ говорилъ по дорогѣ, что ѣду въ Коломну — хлѣба закупать для новгородцевъ, больно-дѣ боятся, чтобы подвозъ въ Бѣжецкій верхъ не запоздалъ. А твои, господине великій княже, московскія заставы и рогатки, не погнѣвись, воровскими путями обходилъ — не хотѣлось твоихъ людей прежде тебя о нашемъ дѣлѣ повѣщать. Не погнѣвись, господине!

Иванъ Даниловичъ кивнулъ головою и удалился. Въ сѣняхъ онъ сказалъ отрокамъ, чтобы подали гонцу ѣсть, принесли ему пуховикъ и подушку,—и затѣмъ послалъ за боярами. Приказывать, чтобы не болтали,—онъ счелъ лишнимъ. Въ Москвѣ еще покойнымъ Данилою Александровичемъ было разъ навсегда заведено, чтобы княжеская и боярская челядь была нѣма какъ рыба. Гонцы отъ всякихъ княжествъ были въ Москвѣ не въ диковину. Всѣ знали, что въ хоромахъ великокняжескихъ постоянно гостятъ незнаемые люди и ведутъ какіе-то невѣдомые переговоры, но никто объ этомъ не говорилъ — ни даже простой народъ: во-первыхъ, потому, что за лишнее слово свои же имѣли похвальную привычку бока отминать; а другое, кому была охота кончать вѣкъ въ черныхъ тайникахъ, ямахъ, въ темныхъ темницахъ, подъ стѣнами городскими, на цѣпи? Наконецъ, Москва вѣрила въ способности своихъ князей —набожныхъ, разсчетливыхъ, малоглаголевыхъ; князья ея были люди добрые, дома свои вели строго, нищую братію кормили. Бояре были тоже такіе основательные и тоже самое дѣлали. Сверхъ того, половина Москвы была въ кумовствѣ или съ княземъ, или съ боярами, или съ ихъ челядью, такъ что весь городъ составлялъ какъ бы одну семью, въ которой если и шли пересуды, то совершенно домашняго, а не политическаго характера. «Бояре приговорили, святитель благословилъ, великій князь приказалъ—стало-быть дѣло подходящее» говорилось въ Москвѣ. Раболѣпства у москвичей не было; у нихъ, въ противоположность тверичамъ, съ незапамятныхъ временъ, можетъ быть со временъ самого Степана Ивановича Кучки, коренился тотъ государственный смыслъ, который выражался пониманіемъ того, что крикомъ, суетнею, болтовнею никакого дѣла не сдѣлаешь, что безъ вождя ничто не вывезетъ, а

что вождямъ нужно повиноваться. Москвичи въ этомъ отношеніи походили на нынѣшнихъ австрійскихъ славянъ, которые всѣ добровольно повинуются своимъ представителямъ, и всякое явное или тайное противодѣйствіе имъ считаютъ измѣною народному дѣлу. Тверичи, напротивъ того, больше всего походили на нынѣшнихъ поляковъ, у которыхъ столько же партій, сколько вліятельныхъ лицъ. А если продолжать далѣе сравненіе, то тогдашніе новгородцы были англичане, упорно стоявшіе за самую безобразную конституцію, такъ называемую ярославову грамату, за свои границы, для нихъ самихъ неудобныя, и за свои права, для нихъ самихъ обременительныя; они тоже не торопились, не суетились, и какъ москвичи не дорожили ни своимъ, ни чужимъ временемъ—какъ будто каждому изъ нихъ суждено было прожить и Маѳусаиловъ и Аредовъ вѣкъ.

В. Кельсіевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Докторъ Бокъ.

Карлъ Эрнстъ Бокъ родился въ Лейпцигѣ. Отецъ его былъ прозекторомъ анатоміи при тамошнемъ университетѣ. Прекрасный анатомъ, знавшій свое дѣло не хуже другаго ученаго профессора, онъ былъ по природѣ чистѣйшимъ эмпирикомъ. Будучи сначала простымъ хирургомъ, безъ всякой классической подготовки, онъ неустаннымъ трудомъ съумѣлъ выработать столько знаній и здравыхъ сужденій, что его лекціи и сочиненія пользовались вниманіемъ и уваженіемъ людей компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ.

Подъ руководствомъ такого отца росъ Карлъ Эрнстъ Бокъ. Раннее знакомство съ анатоміей дало ему тотъ радикально-реальный взглядъ на вещи, которому онъ остался вѣренъ и въ жизни и въ сочиненіяхъ. Онъ воспитывался въ городской гимназіи Св. Николая, и для изученія живописи посѣщалъ академію художествъ. Эта-то послѣдняя и избавила его отъ вліянія того односторонняго классицизма, которымъ страдаютъ всѣ высшія и низшія учебныя заведенія въ Саксоніи,—отъ того узкаго классицизма, который изъ лучшихъ головъ дѣлаетъ неспособныхъ и безхарактерныхъ людей.

Знакомство съ Рихтеромъ дало Боку новое направленіе развитію его, говоря о которомъ придется сказать нѣсколько словъ и о Рихтерѣ. Онъ, подобно многимъ другимъ купеческимъ дѣтямъ, воспитывался въ спеціальномъ для нихъ заведеніи въ Лейпцигѣ. Заведеніе это носило въ главныхъ чертахъ то что́ нынѣ называется реальный характеръ. Въ немъ преподавалось чистописаніе, счисленіе, новѣйшіе языки, исторія, географія, естествознаніе (съ опытами) и даже технологія; для развитія тѣлесныхъ силъ назначались часы гимнастическихъ упражненій а также прогулки и всякаго рода небольшія путешествія.

12—13-ти лѣтъ нѣкоторые изъ учениковъ захотѣли учиться греческому и латинскому языку, для чего и были назначены особые часы. Но въ скоромъ времени Рихтеръ и братья Франкъ покинули это училище и перешли въ гимназію, гдѣ находился и Бокъ.

Ихъ знанія изъ латинскаго и греческаго языковъ были очень ограничены, вслѣдствіе чего на нихъ и не обращали вниманія. Но когда они съ свѣжими силами и удвоеннымъ рвеніемъ принялись за изученіе древнихъ языковъ, то скоро оставили далеко позади себя всѣхъ своихъ товарищей, потерявшихъ любовь къ противнымъ грамматикамъ еще съ шестаго класса.

Да они и учились-то совсѣмъ иначе чѣмъ прочіе: практичнѣе и осмысленнѣе. Этотъ способъ и побудилъ Бока познакомиться и сблизиться съ ними. Такимъ образомъ основался ихъ «союзъ четырехъ», а потомъ трехъ (потому что одинъ изъ братьевъ Франкъ сдѣлался богословомъ), который продолжался до конца университетской жизни. При этомъ должно замѣтить, что и многіе другіе ихъ товарищи по гимназіи занялись самостоятельно своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Изъ нихъ самыми замѣчательными были Германъ Шульце изъ Делича, Эмилій Россмеслеръ, Густавъ Клеттъ (раноумершій ботаникъ, который дѣлалъ съ нами экскурсіи) и Герцъ.

По окончаніи курса всѣ трое (Рихтеръ, Бокъ и Франкъ) поступили на медицинскій факультетъ. Занятія ихъ и здѣсь какъ въ гимназіи шли реальнымъ путемъ. Всѣ трое всегда начинали съ самой сути предмета.

Ботаническія экскурсіи, подъ руководствомъ вышеупомянутаго Клетта, дѣлали они будучи еще учениками.

Они изучали цвѣты, не имѣвъ еще въ рукахъ ни одного учебника. Потомъ, когда такой былъ у нихъ въ рукахъ, они могли (безъ всякаго посторонняго руководителя) опредѣлять первовесеннія растенія. Въ такомъ же родѣ было изученіе ими и другихъ предметовъ. Такъ они начали препаровать, подъ руководствомъ Бока, не слыхавъ еще ничего изъ анатоміи; позже, они посѣщали клиники, не зная ни общей, ни частной патологіи и терапіи. Не кончивъ курса еще, они всѣ трое были уже помощниками. Для того чтобы достичь подобныхъ результатовъ, нужно было строго держаться той системы изученія, которая помогла имъ еще въ гимназіи при латинскомъ и греческомъ языкахъ. Въ каждой наукѣ, доступной человѣку, существуютъ главныя положенія, которыя необходимо постоянно держать въ ихъ порядкѣ въ головѣ какъ 1, 2, 3, a, b, c, для того чтобы съ ними подвигаться впередъ. Къ этимъ главнымъ, основнымъ положеніямъ присоединяются потомъ всѣ другія, помощію собственнаго опыта и практики. Для изученія этихъ-то главныхъ положеній каждой науки—служили имъ выписки изъ различныхъ книгъ, сдѣланныя въ строгомъ систематическомъ порядѣ. Выписки эти находились постоянно при ученикахъ и прочитывались при каждомъ удобномъ къ тому случаѣ, до тѣхъ поръ пока онѣ не устанавливались крѣпко и надежно въ головѣ. Этой методы придерживался болѣе всѣхъ Бокъ—и ей-то онъ обязанъ тѣми прекрасными результатами, которые онъ получилъ какъ профессоръ и народный писатель.

Они еще не окончили курса, когда имъ пришлось ближе познакомиться съ жизнію; Рихтеру первому выпало это на долю: бѣдность побудила его принять должность помощника у одного лейбъ-медика. Нѣсколько времени спустя началось возстаніе въ Варшавѣ, которое потребовало немало нѣмецкихъ врачей, для ухода и своевременной помощи многимъ жертвамъ тогдашней польской войны. Бокъ съ жаромъ ухватился за эту возможность ближе присмотрѣться и ознакомиться съ

тѣми случаями, которые за рѣдкость встрѣчаются въ лейпцигскихъ госпиталяхъ. Кромѣ Франка (который былъ потомъ профессоромъ хирургіи въ Лейпцигѣ) онъ увлекъ своимъ примѣромъ многихъ изъ своихъ товарищей. Факультетъ безъ разсужденія выдалъ ему

ные человѣческіе зубы, за которые платили большія деньги.

Наши друзья тотчасъ же по прибытіи въ Варшаву были размѣщены докторами при штабахъ, и въ скоромъ времени успѣли заслужить любовь и уваженіе

Карлъ Эрнстъ Бокъ.

дипломъ на степень доктора. Позже, по возвращеніи изъ Варшавы, онъ заплатилъ за свою степень деньгами, вырученными отъ продажи человѣческихъ зубовъ.

Тогда еще не знали искуственныхъ зубовъ—и дамы, даже изъ высшаго общества, употребляли натураль-

своихъ товарищей и начальства. Ихъ житье-бытье за это время было очень интересно, и письма ихъ читались съ живѣйшимъ любопытствомъ. Часть ихъ потомъ была обнародована Кларусомъ и Радіусомъ, въ ихъ «Холерномъ Журналѣ», что дало поводъ знаменитому физику Фехнеру выразить нашимъ друзьямъ свою благо-

дарность и уваженіе. Онъ же и въ своей сатирической брошюрѣ, въ которой онъ пересчитываетъ до 300 различныхъ мнѣній докторовъ о средствахъ противъ холеры, относится къ Боку и Франку, какъ къ самымъ скромнымъ и благоразумнымъ людямъ.

Кровопролитныя сцены, происходившія въ Варшавѣ, скоро охладили политическія симпатіи нашихъ друзей. Съ тѣмъ большимъ рвеніемъ занялись они отправленіемъ своихъ обязанностей. Когда потомъ Варшава была сдана русскимъ, имъ за множествомъ дѣла пришлось прослужить въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ русской службѣ.

Эта-то холерная эпидемія въ Варшавѣ и возбудила въ Бокѣ ту любовь къ теплой водѣ какъ лучшему средству при этой болѣзни. Густая смолистая кровь холерныхъ умершихъ навела его на мысль: давать теплую воду какъ средство разжиженія.

Позднѣе, при холерной эпидеміи въ Лейпцигѣ способъ этотъ оказался лучшимъ.

По возвращеніи своемъ на родину, Бокъ въ скоромъ времени женился на дочери однаго фабриканта. Но здѣсь его ожидала не тихая спокойная жизнь, а самый напряженный трудъ, который не каждому подъ силу. Отецъ его внезапно умеръ. На долю Бока выпала забота о многочисленномъ семействѣ, а также окончаніе многихъ ученыхъ трудовъ своего отца. Въ продолженіи многихъ лѣтъ приходилось ему вставать въ 3 часа утра и работать въ нетопленной комнатѣ 5—6 часовъ подрядъ, послѣ чего онъ отправлялся въ университетъ, гдѣ находился въ качествѣ помощника профессора. Между студентами онъ считался самымъ лучшимъ репетиторомъ и проходилъ съ ними всѣ отрасли медицины.

Не нужно думать, однако, что Бокъ сдѣлался исключительно кабинетнымъ ученымъ, хотя и тогда уже онъ презиралъ всякаго рода практику, даже хирургическую, къ которой былъ всего способнѣе и не смотря на то что былъ дѣйствительнымъ ассистентомъ при госпиталѣ Св. Якова. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ домосѣдомъ. Онъ даже служилъ въ національной гвардіи, гдѣ достигнулъ чина баталіоннаго командира; и пользовался въ средѣ военныхъ тѣмъ уваженіемъ, на которое давали право всегда-здравый смыслъ его и вѣрное пониманіе вещей.

Къ этому времени, т. е. около 1832 г., относится первая попытка Бока ввести систематическую и осмысленную гимнастику въ королевствѣ саксонскомъ. Сначала для себя, съ цѣлью устранить тѣ дурныя послѣдствія, которыя могли произойти отъ слишкомъ сидячей жизни и съ цѣлію расширить свою отъ природы узкую грудь (что̀ ему и удалось), устроилъ онъ въ саду своего тестя первые гимнастическіе снаряды. Въ скоромъ времени однако вокругъ него составился кружокъ, состоявшій по большей части изъ молодыхъ профессоровъ и другихъ лицъ, сочувствовавшихъ этой попыткѣ правильнаго и осмысленнаго занятія гимнастикой. Между послѣдними находился и д-ръ Морицъ Шреберъ, который позднѣе посвятилъ себя гимнастикѣ и дѣлу правильнаго народнаго образованія.

Этотъ-то Шреберъ и сдѣлалъ второй шагъ по пути указанному Бокомъ, сначала обнародовавъ свое сочиненіе «О гимнастикѣ, съ медицинской точки зрѣнія, какъ дѣлѣ государства», а потомъ основавъ свой знаменитый гимнастическій институтъ въ Лейпцигѣ, который процвѣтаетъ и до сихъ поръ.

Впрочемъ нужно сказать, что около того же времени, въ Дрезденѣ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ было введено докторомъ Снеллемъ, систематическое обученіе гимнастикѣ.

Въ 1845 году, въ августѣ, Бокъ, при содѣйствіи Шребера, профессора Бидермана, Густава Майера и многихъ другихъ, основалъ лейпцигскую гимнастическую общину. Въ Дрезденѣ тоже была устроена подобная же община, впрочемъ нѣсколько ранѣе (въ февр.), которая—благодаря уму и знаніямъ своихъ членовъ и ими основанному журналу—въ продолженіи многихъ лѣтъ стояла во главѣ отечественнаго гимнастическаго дѣла. Послѣ майскихъ происшествій 1849 г. первенство перешло само собою къ лейпцигской гимнастической общинѣ и сохраняется за ней до настоящаго времени.

Участіе Бока въ развитіи общины было самое обширное. Онъ самъ занимался гимнастикой, стараясь при этомъ показать все значеніе ея съ медицинской точки зрѣнія.

Учителямъ гимнастики онъ читалъ лекціи анатоміи, физіологіи и діэтетики; потомъ къ этимъ лекціямъ присоединились и тѣ, которыя онъ читалъ для народныхъ учителей, для образованныхъ женщинъ въ Лейпцигѣ и т. д. Занятія эти шли рука объ руку съ его напряженными занятіями какъ анатома, профессора врача и писателя.

Въ 1839 году еще Бокъ былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ медицины, а въ 1845 назначенъ на кафедру патологической анатоміи. Эта наука, развиваясь все болѣе и болѣе, пріобрѣла громадное значеніе въ медицинѣ.

Къ этому же времени относится и знаменитый переворотъ въ медицинской наукѣ, произведенный такъ-называемой вѣнско-пражской школой, во главѣ которой стояли паталогоанатомъ Рокитанскій и другъ его Шкода. Трудами и открытіями этихъ людей—нѣмецкая медицина разомъ стала на почву положительныхъ фактовъ, вмѣсто прежнихъ догадокъ и гипотезъ. Факты эти были до такой степени новы и оригинальны, до такой степени противоположны прежнимъ мнѣніямъ и знаніямъ, что профессорамъ оставался выборъ: или начинать снова учиться, или коснѣть въ старыхъ убѣжденіяхъ. Бокъ и проч. избрали первое, для чего и отправились на нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣну и Прагу.

Бокъ, взглядамъ котораго вполнѣ отвѣчало направленіе этой школы, сдѣлался ея вѣрнымъ и горячимъ приверженцемъ. Въ своей книгѣ «Руководство къ Паталогической Анатоміи и Діагностикѣ» старался онъ, ясно и общедоступно, ознакомить Саксонію а также и остальную Германію съ ученіемъ этой школы. Онъ занялся спеціально постановкою діагноза на трупѣ, прежде чѣмъ вскрыть его съ цѣлію опредѣленія болѣзни, что̀ ему и удавалось благодаря его огромнымъ знаніямъ. Но такими личными заслугами не могъ удовлетвориться Бокъ. Тогдашній медицинскій факультетъ состоялъ (за исключеніемъ немногихъ) изъ старыхъ профессоровъ, которые не допускали и не принимали никакихъ нововведеній. Противъ этихъ-то людей, державшихся старой рутины, и направилась вся дѣятельность Бока, которая въ короткое время превратилась въ ожесточенную борьбу.

Къ этому примѣшался еще споръ о медицинской реформѣ, возбужденный вопросомъ о необходимости закрытія медицинской академіи въ Дрезденѣ; изъ котораго Бокъ вышелъ побѣдителемъ.

Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, онъ разбилъ на голову мнѣніе своихъ противниковъ, показавъ всю несостоятельность ихъ старыхъ теорій. Гомеопатія была —по его мнѣнію—верхомъ нелѣпости, до которой могли дойти старые врачи.

Насталъ мартъ 1848 г. и положилъ конецъ всѣмъ этимъ неурядицамъ. Собравшіеся студенты объявили старую клинику закрытой. Депутація отъ нихъ же, подъ руководствомъ Бока, довела это до свѣденія министра народнаго просвѣщенія Пфордта и требовала приглашенія профессора новой школы. Такъ и было сдѣлано; министерство пригласило изъ Праги знаменитаго Оппольцера, который около года возбуждалъ удивленіе учащихся и публики.

Нѣсколько спустя, началась убійственная холера. Оппольцеръ долженъ былъ уѣхать—и Бокъ заступилъ его мѣсто. На него одного такимъ образомъ обрушилась забота о госпитальныхъ больныхъ, а также и городская практика. Въ это время самой неустанной дѣятельности и усилій, отвѣтственности и даже опасности сдѣлаться жертвою этой эпидеміи (потому что онъ самъ захворалъ и еле оправился), Бокъ не стремился къ власти и не требовалъ признанія ея за собою. Для него какъ и всегда достаточно было выполненія своей обязанности. Нѣсколько позже, дѣятельности этой отдана была полная справедливость.

Что касается до политическихъ событій 1848—49 годовъ, то Бокъ принималъ въ нихъ гораздо менѣе участія, нежели это многіе думаютъ. Его практическая натура, его здравый смыслъ отталкивали его и здѣсь отъ всего неяснаго, идеальнаго, присущаго всякому политическому движенію. По его мнѣнію, что даже странно, вожди этого движенія были люди безхарактерные и дѣлавшіе не то, что они думали. Что его болѣе всего опечалило, то это былъ арестъ Рихтера и заключеніе въ тюрьму. При этомъ случаѣ онъ показалъ всю реальность своей дружбы. Когда друзья Рихтера не успѣли еще опомниться отъ потрясенія, Бокъ съумѣлъ пробраться ко нему въ тюрьму, ободрилъ его, предложилъ денегъ и всякаго рода помощь, въ какой тотъ только нуждался, досталъ работу у книгопродавцевъ и даже предложилъ мѣсто редактора въ одномъ большомъ медицинскомъ журналѣ, съ условіемъ что эту должность, впредь до его освобожденія, будутъ исправлять другіе. Это не одинъ случай, гдѣ Рихтеру и другимъ пришлось испытать всю реальность Боковской дружбы.

На время отсутствія Оппольцера, который отправился въ Австрію, Бокъ заступилъ вторично его мѣсто на кафедрѣ клиники внутреннихъ болѣзней. Здѣсь онъ показалъ все значеніе профессора, обязанность котораго состоитъ въ возбужденіи въ учащихся желанія проникнуть въ глубину больнаго организма, чтобы—изъ близкаго ознакомленія съ нимъ—вывести потомъ правильное діэтетическое лѣченіе. По мнѣнію Бока, всякое другое лѣченіе не только безполезно, но даже вредно, потому что врачъ часто и самъ не знаетъ границы между необходимымъ и излишнимъ. Вообще Бокъ, въ чемъ мы и должны сознаться, ни во что не ставитъ и очень мало цѣнитъ практическихъ врачей, включая сюда Рихтера и Оппольцера. Онъ думаетъ, что практика портитъ характеръ. Хотя въ этомъ взглядѣ и есть своя доля правды, но онъ очень одностороненъ и поверхностенъ. Гдѣ приходится имѣть дѣло съ трупомъ или съ грубыми поврежденіями человѣческаго тѣла, тамъ взглядъ Бока вѣренъ. Но практика—и частная въ особенности—больше чѣмъ на половину встрѣчается съ случаями, гдѣ нарушеніе жизненныхъ отправленій зависитъ отъ такихъ психическихъ моментовъ, которые ускользаютъ отъ грубаго анатома. Всѣ наши лекарства специфическія и др. имѣютъ такъ-сказать *психическій характеръ*—потому что если онѣ и не приносятъ большой пользы, то все-таки успокоиваютъ больнаго. Четвертая или пятая часть всѣхъ больныхъ страдаетъ бугорчаткой (кандидаты легочной чахотки); одна треть по крайней мѣрѣ неизлѣчима,—неужели же лишать ихъ всякой надежды на благополучный исходъ ихъ болѣзни потому только, что мы знаемъ о невозможности его? Глупѣе этого и быть ничего не могло бы. Намъ пришлось бы отдать всѣхъ больныхъ въ жертву шарлатанамъ и неучамъ, которые, пообѣщавъ имъ много, только навредятъ. Вѣдь нужно помнить пословицу: «что утопающій хватается и за соломенку.»

Теперь будетъ нѣсколько понятно то, что для многихъ казалось загадкой,—а именно: почему Бокъ не практикуетъ, несмотря на тотъ громадный наплывъ паціентовъ, который онъ имѣетъ благодаря своему сочиненію «книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ». Почему онъ отстраняется отъ всякой домашней практики—и предоставляя ее молодымъ врачамъ, принимаетъ только паціентовъ для совѣщанія?—Потому, что онъ не хочетъ, какъ онъ выражается, испортить своего характера практикой; потому что онъ хочетъ удержать за собою право третировать какъ ему угодно всѣхъ врачей-практиковъ, въ особенности же гомеопатовъ.

Понятно также, почему Бокъ пишетъ единственно для народа. Онъ думаетъ принести этимъ дѣлу, которому служитъ, вѣрнѣйшую услугу,—потому что величайшія открытія естествознанія и медицины тогда только будутъ приносить истинный плодъ, когда будутъ поняты и усвоены народомъ. Поэтому цѣль нашего времени, которую Бокъ понялъ и къ которой стремился, это создать сильное нравственно и физически, свободное отъ предразсудковъ, населеніе. Въ своихъ сочиненіяхъ Бокъ старается ознакомить народъ съ сущностію всякаго рода болѣзней и средствами противъ нихъ. Заслуга его въ этомъ отношеніи увеличивается еще тѣмъ, что писать для него составляетъ истинное мученіе и тягость. Съ давнихъ поръ, вслѣдствіе слишкомъ напряженнаго писанія, Бокъ страдаетъ судорогами рукъ, такъ-что получасовое занятіе вызываетъ сильнѣйшія физическія боли.

Понятно теперь, почему нѣкоторыя его сочиненія, писанныя при подобныхъ условіяхъ, носятъ нѣсколько злой характеръ. Удивительно то, что онъ не бросилъ еще до сихъ поръ этого занятія, и не избралъ себѣ другаго болѣе легчайшаго способа зарабатыванія денегъ, какъ напр. хирургическая практика.

Намъ немного остается добавить о дальнѣйшей дѣятельности Бока. Послѣ той побѣды, которую одержала новѣйшая медицина, онъ пользовался нѣкоторое время значительнымъ почетомъ. Но его прямая откровенность, его рѣзкіе приговоры, которые онъ не стѣснялся высказывать каждому въ лицо, не могли ужиться съ взглядами на вѣжливость саксонской бюрократіи и нажили ему много враговъ. Онъ вышелъ въ отставку.

Понятно, о его личности существовали, да и въ настоящее время существуютъ разнообразныя мнѣнія. Но всѣ тѣ, кто его знаетъ и кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, отзываются о немъ какъ о самомъ добродушномъ и добромъ человѣкѣ, шутливость и мѣт-

кость иронии котораго вошли между ними даже въ пословицу. Конечно, иногда онъ бываетъ грубъ и желченъ, но разсказы, которые ходятъ по этому поводу, слишкомъ преувеличены и искажены. Для того чтобы дать понятіе о томъ, какъ онъ дѣйствительно обходился съ своими паціентами, мы разскажемъ одинъ случай, судить о которомъ предоставляемъ самому читателю. Одинъ старикъ, боявшійся больше всего смерти, прилегъ отдохнуть на софѣ. Черезъ нѣсколько часовъ проснувшись, онъ хочетъ поднять голову и не можетъ. Мысль, что его хватилъ ударъ, привела всѣхъ домашнихъ въ ужасъ и отчаяніе. Тотчасъ же послали за Бокомъ, который былъ въ это время въ какомъ-то собраніи. Этотъ, тотчасъ же пріѣхавъ, осмотрѣлъ его самымъ внимательнымъ образомъ. «Малодушный трусъ!.. закричалъ онъ на него,— сейчасъ же убирайтесь вонъ изъ комнаты и отправляйтесь гулять; это будетъ лучше, чѣмъ безпокоить и приводить другихъ въ отчаяніе». Бокъ тотчасъ же узналъ, что это былъ не больше какъ ревматическій припадокъ. Старикъ тотчасъ же послушался — и съ тѣхъ поръ не боялся уже болѣе удара. Такъ относился иногда Бокъ къ своимъ больнымъ, и случалось однимъ рѣзкимъ словомъ излѣчивалъ; такая мѣра конечно отчасти хороша, но не должна переступать извѣстной границы.

Оканчивая этотъ очеркъ, мы должны сказать, что въ Бокѣ, мы находимъ настоящаго человѣка, съ его лучшими стремленіями и надеждами, съ дѣятельностію направленною на пользу другихъ,—человѣка, какихъ намъ нужно побольше и какихъ у насъ очень и очень немного.

Очеркъ исторіи развитія музыки.

(*Продолженіе*).

Дѣйствительно замѣчательно, что въ музыкальныхъ произведеніяхъ грековъ, которые съ удивительною тщательностію отдѣлывали всѣ детали и дѣлали самыя точныя заключенія о всевозможныхъ свойствахъ гаммъ, не говорится ничего опредѣленнаго только объ одномъ этомъ отношеніи, которое въ современной системѣ предшествуетъ всему другому и повсюду замѣчается самымъ яснымъ образомъ,—и только нѣкоторыя совершенно ясныя указанія на существованіе тоники опять мы встрѣчаемъ не у музыкальныхъ писателей, а у Аристотеля. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ ясно говоритъ о томъ, что при измѣненіи основнаго тона теряется весь эффектъ—и вся мелодія звучитъ непріятно. При этомъ, желая выразить важность основнаго тона, онъ сравниваетъ послѣдній съ союзами, безъ которыхъ связь рѣчи теряется.

Различіе древней греческой музыки отъ нашей между прочимъ, кажется, состояло въ томъ, что въ первой оканчивали не тоникою, а квинтою, доминантою основнаго тона,—въ подражаніе измѣненію высоты тона во время разговора, потому что, какъ мы уже видѣли, при говореніи конецъ предложенія оканчиваютъ тоже ближайшею низшею квинтою основнаго тона. Эта особенность большею частію также сохраняется и въ новѣйшемъ речитативѣ, въ которомъ поющій голосъ оканчиваетъ доминантою, а потомъ—для образованія посредствомъ тоники законченности, необходимой для нашего музыкальнаго чувства,—оркестръ продолжаетъ доминантъ-септимъ-аккордомъ, за которымъ уже слѣдуетъ тоническій аккордъ.

Для нашего чувства гораздо необходимѣе заканчивать тоникою, чѣмъ начинать ею, какъ это нравилось древнимъ грекамъ. Поэтому у насъ безъ дальнѣйшихъ околичностей всякое музыкальное предложеніе непремѣнно оканчивается тоникою. Но при этомъ въ современной музыкѣ тоника обыкновенно слышится и въ первой части такта начала, связанной съ удареніемъ. Для насъ невозможно успокоеніе концемъ безъ того, чтобы рядъ звуковъ не возвращался въ связующій центръ цѣлой мелодіи. Такъ какъ греческая музыка развилась для речитаціи эпическихъ и ямбическихъ триметровъ, то и не слѣдуетъ удивляться, что въ мелодіяхъ ихъ пѣсенъ вышеупомянутыя особенности декламирующаго пѣнія играли такую важную роль, что эти особенности Аристотель считалъ за правила.

Изъ приведеннаго выше видно, что грекамъ, у которыхъ впервые образовалась наша діатоническая гамма, въ эстетическомъ отношеніи не недоставало чувства тональности, но что оно у нихъ только не было развито въ такой степени, какъ въ нашей современной музыкѣ. Именно, они просто напросто, кажется, не придавали надлежащаго значенія чувству тональности въ техническихъ правилахъ построенія мелодій. Поэтому, насколько извѣстно въ настоящее время, Аристотель, эстетическій цѣнитель музыки, есть единственный писатель, который говоритъ объ этомъ; собственно же музыкальные писатели совершенно не упоминаютъ на счетъ этого. Къ сожалѣнію, указанія Аристотеля до того скудны, что для насъ многое еще остается нерѣшимымъ. Такъ, онъ не упоминаетъ о различіяхъ звуковъ по отношенію ихъ къ главному звуку. Поэтому, самая важная точка зрѣнія, съ которой мы могли бы разсмотрѣть конструкцію греческихъ гаммъ, остается почти совершенно неизвѣстною.

Въ гаммахъ церковной музыки древнихъ христіанъ, отношеніе къ тоникѣ уже выражено опредѣленнѣе, чѣмъ у грековъ. Сначала различали четыре такъ-называемыя утентиаческія гаммы въ томъ видѣ, какъ они были установлены Амвросіемъ, епископомъ медіоланскимъ. Ни одна изъ этихъ гаммъ не согласуется ни съ одною изъ нашихъ. Позже къ этимъ гаммамъ присоединили еще четыре гаммы, такъ называемыя плагальныя. Вначалѣ существовало правило—эти гаммы оканчивать тоникою, но такъ какъ этого правила держались не строго, то впослѣдствіи произошла такая путаница, что не знали въ чемъ слѣдовало искать главный тонъ. Чтобы помочь этому обратились къ механическому средству, установили начальныя и заключительныя фразы, такъ называемыя тропы, которыя и служили для указанія тона.

Понятіе о тоникѣ имѣли и индѣйцы. Судя по извѣстіямъ англійскихъ путешественниковъ, индѣйскія мелодія очень сходны съ новѣйшими европейскими мелодіями. Тоже самое можно сказать и о немногихъ остаткахъ древне-германскихъ и кельтическихъ мелодій.

Такимъ образомъ, хотя въ гомофонной музыкѣ и было нѣкоторое отношеніе къ господствующему тону, но все-таки, безъ сомнѣнія, оно было развито гораздо слабѣе чѣмъ въ современной музыкѣ, гдѣ достаточно

нѣсколькихъ аккордовъ слѣдующихъ другъ за другомъ, для того чтобы опредѣлить: въ какомъ тонѣ написано данное мѣсто. Основаніе этого вѣроятно заключается въ томъ неразвитомъ состояніи и въ той второстепенной роли, которыя необходимо характеризуютъ гомофонную музыку. Мелодіи въ ней выполнялись въ нѣсколькихъ легко-замѣчаемыхъ тонахъ и, получая свою связь въ словахъ поэзіи, не нуждались въ последовательно проведенной музыкальной связи. По этой причинѣ и въ современномъ речитативѣ держатся тональности гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ композиціяхъ. Необходимость прочной связи въ массѣ звуковъ, посредствомъ чисто музыкальныхъ отношеній, яснѣе всего замѣчается тогда, когда большія массы звуковъ, имѣющихъ семостоятельное значеніе безъ помощи поэзіи, должны заканчиваться художественнымъ образомъ.

Второй періодъ развитія представляетъ полифонная (многоголосовая) музыка среднихъ вѣковъ. Первый видъ многоголосовой музыки, которую выработали для церковнаго пѣнія, былъ органумъ или діафонія, какъ ее называетъ монахъ Гукбальдъ, жившій въ началѣ X столѣтія. Въ ней церковную мелодію старались сопровождать другимъ голосомъ, который аккомпанировалъ бы мелодію не на разстояніи октавы, какъ это дѣлали греки, но въ другихъ консонатныхъ интервалахъ, т. е. въ квинтахъ, квартахъ, дуодеціяхъ и ундеціяхъ; терціи же и сексты тогда еще относились къ дисгармоніи. При этомъ очевидно цѣль состояла въ томъ, чтобы для украшенія пѣнія употреблять въ дѣло пріятно-звучащіе, консонантные интервалы. Для нашего же уха такой аккомпаниментъ квинтами и квартами звучитъ непріятно. Уже самъ Гукбальдъ, хотя и въ видѣ исключенія, употреблялъ другой способъ движенія голосовъ, въ которомъ интервалы измѣнялись и который болѣе соотвѣтствовалъ нашему вкусу. Гвидо Ареццо, жившій въ XI столѣтіи и считавшійся въ средніе вѣка главнымъ авторитетомъ въ теоріи церковнаго пѣнія, въ искусствѣ діафоніи немного опередилъ Гукбальда, хотя у него уже и чаще встрѣчаются примѣры діафоніи съ измѣняющимися интервалами. Съ этого времени все болѣе и болѣе ограничивали аккомпаниментъ квартами и квинтами, а голоса большею частію располагали въ противуположныхъ направленіяхъ; но главными интервалами созвучій долго еще оставались кварты, квинты и октавы.

Для развитія музыки важнѣе другой видъ полифонной музыки, такъ называемый дискантъ, который около конца XI столѣтія уже былъ извѣстенъ во Франціи и Фландріи. Древнѣйшіе примѣры дисканта, сохранившіеся до нашего времени, состоятъ въ томъ, что двѣ совершенно различныя мелодіи—причемъ кажется преимущественно выбирали мелодіи наиболѣе различныя между собою—располагали одну подлѣ другой, производя при этомъ небольшія измѣненія въ ритмѣ или высотѣ тоновъ, до тѣхъ поръ покуда онѣ не образуютъ нѣкоторымъ образомъ согласующагося цѣлаго. Вначалѣ кажется любили сочетать одну изъ литургическихъ формулъ съ какою нибудь веселою пѣсенкою. Первые подобные примѣры конечно имѣли значеніе ни больше ни меньше какъ музыкальные фокусы для увеселенія общества. Это составляло новое открытіе, которымъ забавлялись, потому что двѣ совершенно различныя и независимыя другъ отъ друга мелодіи могли быть соединены и въ тоже время звучали пріятно.

Діафонія провозгласила принципъ созвучія, она пользовалась консонансами для украшенія музыкальнаго дѣйствія; но аккомпанирующимъ голосамъ тогда еще не придавали никакого самостоятельнаго значенія. Это время еще не могло выработать принципа гармоніи, потому что, вслѣдствіе свойства церковныхъ тоновъ, эта задача тогда была гораздо труднѣе, чѣмъ она могла бы быть при употребленіи тоновъ современнаго свойства. Построеніе гармонической системы требовало еще многихъ опытовъ, почему оно и произошло гораздо позже.

Напротивъ того, принципъ дисканта былъ такого рода, что онъ могъ развиться уже въ то время. Полифонная музыка собственно и развилась изъ него. Въ немъ голоса, изъ которыхъ каждый былъ самостоятеленъ самъ по себѣ и притомъ образовалъ свою собственную мелодію, соединяли такимъ образомъ, чтобы они не образовали рѣзкихъ диссонансовъ, или если бы и образовали, то чтобы диссонансы были скоропреходящіе и стушевывающіеся. Консонансы сами по себѣ не были цѣлію; а только, наоборотъ, старались избѣгать диссонансовъ. Весь же интересъ сосредоточивался исключительно на движеніи голосовъ. Для сочетанія различныхъ голосовъ, нужно было строго держаться такта. Вслѣдствіе этого, подъ вліяніемъ дисканта, развилась богатая система музыкальной ритмики, которая въ свою очередь послужила къ тому, чтобы движеніе мелодій сдѣлать сильнѣе и впечатлительнѣе. Пѣнію, принятому римской церковью, раздѣленіе на такты извѣстно не было, а ритмика танцовальной музыки была чрезвычайно проста. По мѣрѣ того, какъ разнообразились голоса, такъ же увеличивался запасъ и интересъ мелодическаго движенія, и вскорѣ было открыто новое средство образовать художественную связь между различными голосами, которое прежде, какъ мы видѣли, было совершенно неизвѣстно. Именно, музыкальная фраза, выполняемая однимъ голосомъ, повторялась другимъ; такимъ-то образомъ и произошли каноническія подражанія, которыя разрозненно встрѣчаются уже въ дискантахъ XII столѣтія. Эти подражанія постепенно развились въ систему въ высшей степени искуственную, именно у нидерландскихъ композиторовъ, которые, въ концѣ концовъ, въ своихъ композиціяхъ часто имѣли въ виду болѣе расчетъ чѣмъ вкусъ.

Посредствомъ такого рода полифонной музыки, т. е. посредствомъ повторенія различными голосами тѣхъ же самыхъ оборотовъ мелодій—была впервые достигнута возможность составлять обширныя музыкальныя пьесы, которыя свою художественную связь имѣютъ уже не въ связи съ дугимъ искусствомъ, поэзіею, но въ чисто-музыкальныхъ средствахъ. Этотъ родъ музыки въ высшей степени соотвѣтствовалъ церковному пѣнію, потому что въ немъ хоръ выражалъ чувства всей общины, составленной изъ различныхъ особъ,—и употреблялся не только въ церковныхъ композиціяхъ, но также и въ свѣтскомъ пѣніи, пѣсняхъ и мадригалахъ. Такъ какъ тогда еще не было извѣстно никакой другой формы гармонической музыки, кромѣ той, которая основывалась на каноническихъ повтореніяхъ, то и компановали много пѣсенъ совершенно на подобіе каноновъ, содержаніе которыхъ нисколько не соотвѣтствовало такому серіозному стилю. Самые ранніе примѣры многоголосовыхъ инструментальныхъ композицій, каковы танцы, относятся къ 1529 году. Они

были написаны тоже въ стилѣ мадригаловъ и пѣсенъ. Даже въ первыхъ опытахъ музыкальныхъ драмъ XVI столѣтія, для выраженія музыкальнымъ образомъ чувствъ дѣйствующихъ лицъ — еще не знали никакой другой формы, кромѣ той, что со сцены или изъ за нея мадригалъ въ фугированномъ стилѣ пропѣвался цѣлымъ хоромъ. Съ современной точки зрѣнія едва ли понятно такое состояніе искусства, которое посредствомъ хоровъ выражаетъ самыя сложныя формы комбинацій голосовъ—и въ тоже время не умѣетъ составить простаго аккомпанимента мелодіи, пѣсни или дуэта, для образованія полной гармоніи. Но если вспомнимъ, какъ праздновалось изобрѣтеніе Яковомъ Пери речитатива, аккомпанируемаго простымъ аккордомъ, и какъ удивлялись этому открытію,—какіе споры подняли о важности его и какія воззрѣнія возбудилъ Віадана, когда къ одно и двуголосовому пѣнію онъ присоединилъ Basso continuo не въ качествѣ самостоятельнаго голоса, а просто для образованія гармоніи,—то уже не будетъ возможности сомнѣваться въ томъ, что до конца XVI столѣтія не было извѣстно искусство аккомпанировать мелодію аккордомъ, что теперь въ состояніи сдѣлать всякій диллетантъ. Только въ XVII столѣтіи стали сознавать то значеніе, которое, независимо отъ расположенія голосовъ, имѣютъ сами аккорды, какъ части гармонической ткани.

Этому состоянію искусства соотвѣтствовало состояніе системы тоновъ, такъ какъ тогда въ сущности держались старыхъ церковныхъ гаммъ. Подъ вліяніемъ полифонной музыки были измѣнены церковныя гаммы. Но такъ какъ, не смотря на измѣненіе ихъ, были оставлены старыя неподходящія названія, то вслѣдствіе этого произошла страшная путаница въ пониманіи тоновъ. Только въ концѣ этого періода, ученый теоретикъ Глареанусъ попробовалъ привести въ порядокъ ученіе о тонахъ. Онъ различалъ 6 аутентическихъ и 6 плагальныхъ гаммъ, которымъ придалъ невѣрныя греческія названія. Но не смотря на это, его номенклатуры держались и позже.

Какъ мало умѣли судить тогда о музыкальномъ значеніи гармоническаго цѣлаго, то это видно изъ того, что при опредѣленіи тона какой нибудь полифонной композиціи постоянно обращали вниманіе только на опредѣленные голоса. Такъ, въ нѣкоторыхъ композиціяхъ для различныхъ голосовъ, Глареанусъ приписываетъ различные тоны тенору и басу, сопрано и альту, а Царлино считаетъ теноръ главнымъ голосомъ, по которому слѣдуетъ судить о тонѣ.

Практическія слѣдствія такого пренебреженія гармоніею въ композиціяхъ того времени выразились самымъ различнымъ образомъ. Тогда вообще ограничивались тонами діатонической гаммы, а пониженія и повышенія тоновъ употреблялись мало; значитъ, совершенно не существовало модуляціи, въ современномъ ея значеніи, т. е. изъ тона одной тоники въ тонъ какой нибудь другой тоники. Далѣе, до конца XV столѣтія любимыми аккордами были аккорды образованные октавами и квинтами безъ терцій, которые для насъ звучатъ однообразно и которыхъ теперь поэтому избѣгаютъ. Композиторамъ же среднихъ вѣковъ—такіе аккорды казались самыми благозвучными, потому что они искали консонансовъ по возможности полнѣйшихъ, именно такихъ, которые должны находиться только въ заключительномъ аккордѣ. Къ тому же, тогда еще и не были извѣстны диссонансы, употребляющіеся въ настоящее время,—именно, септимъ-аккорды, которые въ современной гармоніи имѣютъ такое великое значеніе въ указаніи тона, въ связи и въ ускореніи хода гармоніи.

Такимъ образомъ, художественная выработка этого періода заключалась въ ритмикѣ и въ искусствѣ расположенія голосовъ; для гармоніи же и системы тоновъ она доставила мало и только собрала нѣсколько маловажныхъ наблюденій. Такъ какъ аккорды образовывались запутанными ходами голосовъ въ различныхъ переложеніяхъ, то музыканты того времени и не могли не замѣтить аккордовъ и не изучить ихъ дѣйствія, хотя еще и не были достаточно подготовлены къ тому, чтобы пользоваться ихъ дѣйствіями. Во всякомъ случаѣ, опыты этого времени подготовили развитіе собственно гармонической музыки и дали возможность открыть ее музыкантамъ, когда внѣшнія обстоятельства представятъ къ этому поводъ.

(Окончаніе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Въ дополненіе къ извѣстіямъ съ театра войны, сообщаемъ нѣкоторыя подробности сраженій при Вёртѣ и Саарбрюкенѣ, заимствованныя нами изъ нѣмецкихъ газетъ.

«Послѣ того, какъ французы 4-го августа не могли противустоять нападенію нѣмецкихъ войскъ на ихъ переднюю линію при Виссамбургѣ, и день спустя должны былъ уступить передъ натискомъ баденской дивизіи у Зульца,—изъ всего можно было видѣть, что они попытаются, отступая, сосредоточить свои войска и затѣмъ уже противупоставить ихъ нашимъ. Сначала казалось, что корпусъ Макъ-Магона направился къ Гагенау; но 5-го августа были получены свѣденія о томъ, что непріятель занялъ, вокругъ городка Вёртъ, мѣстность въ особенности благопріятную для обороны. Вёртъ, занятый уже нѣмцами, лежитъ у подошвы горъ, которыя идутъ почти полукругомъ отъ большой дороги изъ Зульца. Многочисленныя деревни и мызы, расположенныя во многихъ мѣстахъ вокругъ этого города, лѣсъ защищавшій линію, по которой непріятель отступалъ, и находящіеся около этого лѣса виноградники, представляли сильное прикрытіе за линіей французской арміи. Передъ ними нѣмецкія войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 2-й баварскій и 5-й прусскій корпуса стояли у Лембаха и Прейшдорфа, на право отъ Зульцъ-Вёртскаго шоссе. Одиннадцатый прусскій корпусъ, который уже шелъ на Гагенау, свернулъ вправо и занялъ мѣсто налѣво отъ того же шоссе, опираясь на Гётшлохъ. 1-й баварскій корпусъ подходилъ изъ Лобсанъ и Лампертслоха, его форпосты доходили до Гохвальда, представляющаго на западѣ отъ этой позиціи довольно сильный оплотъ. За этими войсками, въ тылу города Зульца, у Шёненберга стояла кавалерія. Наканунѣ битвы, 5-й корпусъ вывелъ свои форпосты изъ бивуакъ въ Прейшдорфъ, на высоты, лежащія къ востоку отъ Вёрта. Съ разсвѣтомъ начались небольшія стычки ме-

жду форпостами, пока наконецъ, въ 8 ч. утра, не открыли сильный огонь баварскія войска на правомъ флангѣ. Такъ какъ французы открыли въ тоже время огонь и противъ Вёрта, то пришлось выдвинуть на высотахъ, лежащихъ къ востоку отъ этого мѣстечка, всю артиллерію 5-го корпуса, чтобы пустить въ дѣло баварцевъ. Когда донесли объ этомъ къ главную квартиру его высочеству наслѣдному принцу, то онъ приказалъ пріостановить сраженіе до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ всѣ войска, предназначенныя для аттаки, тѣмъ болѣе что и безъ того главное сраженіе, по предполагаемымъ прежде соображеніямъ, должно было происходить на слѣдующій день (7-го августа). Но прежде чѣмъ это приказаніе дошло до поля сраженія, 2-й баварскій корпусъ подъ начальствомъ Гартмана, и даже 4 дивизія подъ начальствомъ Боммера вступили изъ Лембаха въ сраженіе. Имъ удалось проникнуть по направленію къ Вёрту чрезъ Лангензульцбахъ, но въ $10^1/_2$ ч. они получили чрезъ 5-й корпусъ, по ошибкѣ, приказаніе также прекратить сраженіе, и возвратились изъ Лангензульцбаха на свою старую позицію.

Это облегченіе на лѣвомъ флангѣ дало возможность непріятелю обратить всѣ свои силы еще разъ противъ Вёрта.

Между тѣмъ непріятель усиливался вновь прибывавшими войсками въ теченіе всего утра; можно было видѣть, какъ приходили по желѣзнымъ дорогамъ новые поѣзды съ войсками: это были части дивизій Канробера и Фальи, которыя, только-что прибывая изъ Шалона, Гренобля и Ангулема, были немедленно отправляемы на поле сраженія.

Наступилъ критическій моментъ битвы. Въ трехъ слѣдовавшихъ одна за другой аттакахъ, тщетно старался 5-й корпусъ проникнуть изъ Вёрта впередъ. Въ то время, какъ здѣсь происходилъ самый жаркій бой и въ то же время подходилъ 11-й корпусъ, который направился на лѣво на Гунштадтъ,—наслѣдный принцъ, въ сопровожденіи генералъ-лейтенанта фонъ-Блументаля и свиты, прибылъ на поле сраженія чтобы принять начальство надъ всѣми войсками, и занялъ обсерваціонный пунктъ въ центрѣ сражающихся линій на высотахъ, лежащихъ непосредственно передъ Вёртомъ. Тотчасъ послѣ этого отправились на мѣсто сраженія его высочество герцогъ Саксенъ-Кобургскій и всѣ находившіеся въ лагерѣ принцы и офицеры. Къ часу они прибыли на мѣсто.

Послѣ неудачной попытки непріятеля снова завладѣть Вёртомъ, и когда было очевидно приближеніе 11-го корпуса, 5-й корпусъ началъ дальнѣйшую аттаку.

Въ 2 часа происходилъ самый сильный бой на всемъ протяженіи боевой линіи, тянувшейся на полутора-часовомъ разстояніи. Силы всѣхъ сражавшихся группировались въ это время слѣдующимъ образомъ: 1-й баварскій корпусъ явился въ подкрѣпленіе 2-му у Лангензульцбаха, и приблизился къ Вёрту, въ подкрѣпленіе прусскихъ полковъ. 11-й прусскій корпусъ приблизился слѣва и напалъ на Фрёшвейлеръ. У Гунштадта стояла вюртембергская дивизія корпуса Вердера для подкрѣпленія прусскихъ колонъ. Какъ въ Фрёшвейлерѣ такъ равно и на близь-лежащихъ высотахъ непріятель оказывалъ сильное сопротивленіе. Онъ предпринялъ между 2 и 3 часами, отчасти опять съ новыми войсками, еще одну попытку сильнаго нападенія; у самаго Фрёшвейлера стояли обѣ стороны неподвижно другъ противъ друга. Страшное и поражающее зрѣлище представляла окрестность; окружающія Вёртъ мысы были объяты пламенемъ, а на полѣ самаго сраженія высоко подымались столбы дыма отъ пожаровъ, причиняемыхъ гранатами. Энергическая поддержка 1-го баварскаго корпуса (вправо отъ 5-го корпуса) и 1-й виртембергской бригады рѣшили битву. Непріятель очистилъ Фрёшвейлеръ около 4 часовъ и началъ отступленіе. Такъ какъ кавалерія всѣхъ дивизій была готова къ преслѣдованію, то и можно было начать его самымъ энергичнымъ образомъ. Оно и началось по направленію къ Рейхсгофену и Битчу. До какой степени было поспѣшно отступленіе французовъ—видно изъ того, что маршалъ Макъ-Магонъ бросилъ весь свой штабъ, со всѣми бумагами своей канцеляріи и всей перепиской. Между прочими бумагами найденъ былъ отчетъ, въ которомъ описывалось сраженіе подъ Виссамбургомъ (4-го августа) какъ незначительное дѣло, въ которомъ французы осторожно отступили передъ нападеніемъ непріятеля, значительно превосходившаго ихъ силами. Вюртембергцы захватили, преслѣдуя непріятеля, его военную кассу, состоявшую изъ 360 т. франковъ, а баденцы — обозъ съ амуниціей, оружіемъ, и болѣе ста лошадей. Вообще, нельзя было болѣе настигнуть непріятеля въ правильныхъ массахъ. Тѣмъ важнѣе былъ вредъ, причиняемый отдѣльнымъ отрядамъ, на которые раздѣлилась французская армія. Число плѣнныхъ чрезвычайно значительно. Между ними находятся 2,500 раненыхъ французовъ. Общая цифра плѣнныхъ доходитъ до 8,000 человѣкъ. Прусскія войска при преслѣдованіи проникли до Саверна и не нашли непріятеля на всемъ этомъ шести-мильномъ разстояніи отъ Вёрта».

Корреспондентъ дружественной французамъ вѣнской «Wehrzeitung» прислалъ весьма живое описаніе отступленія, совершеннаго ими послѣ пораженія при Вёртѣ. Мы выписываемъ изъ этой корреспонденціи слѣдующее мѣсто.

«Я не могъ болѣе переносить пребыванія въ Гагенау. Несмотря на совѣтъ хозяина моего не пускаться въ путь «потому что народъ чрезвычайно подозрителенъ и озлобленъ на иностранцевъ», я все-таки поспѣшилъ выѣхать чрезъ сѣверныя ворота, направляясь къ Гагенаускому лѣсу со стороны Нидербронна. Канонада была чрезвычайно сильная. Столбы дыма виднѣлись на сѣверо-западѣ, по направленію къ Саарбургу. Я заключилъ, что сраженіе должно происходить вблизи Нидербронна—и не ошибся.

Невдалекѣ отъ города я очутился среди толпы поселянъ, которые осматривали меня подозрительными взорами.

Человѣкъ, оказавшійся сельскимъ стражемъ, задержалъ меня, и я былъ принужденъ снова дать удостовѣреніе въ томъ, что я австрійскій гражданинъ. Такимъ образомъ я могъ свободно оставаться на избранной мною мѣстности.

Въ 4 часа пронеслась галопомъ лошадь къ городскимъ воротамъ; сѣдло у ней болталось внизу, подъ животомъ. За нею вскорѣ появилась другая, потомъ третья...

Вскорѣ за ними послѣдовалъ кирассиръ, верхомъ на лошади покрытой кровью и пѣной, безъ кирассы, безъ оружія; потомъ показался артиллеристъ на неосѣдланной лошади;—на ихъ лицахъ былъ виденъ неописанный страхъ.

Минуту спустя пронеслась мимо меня толпа, при-

близительно въ 20 человѣкъ, въ которой мнѣ бросились въ глаза два зуава, сидѣвшіе на одной лошади.

Непосредственно подлѣ меня, одинъ кирассиръ остановилъ свою лошадь, отстегнулъ свою кирассу, бросилъ каску, потомъ саблю, и затѣмъ наконецъ тяжеловѣсный панцырь, послѣ чего, довольный, улыбаясь продолжалъ медленнымъ шагомъ свой путь.

За этимъ послѣдовала продолжительная пауза, приблизительно въ пять минутъ. Жители убѣжали во внутренность города. Сельскій стражъ и я остались одни на томъ пунктѣ, гдѣ Нидербронская желѣзная дорога пересѣкаетъ шоссе.

Спустя нѣсколько минутъ, подъѣхавшій сюда жандармъ, держа въ поводу полумертвую лошадь, сказалъ: «запирайте скорѣе городскія ворота—пруссаки sont sur mes trousses!»

Сельскій стражъ поблѣднѣлъ.

Я убѣждалъ его, что подобная мѣра была бы безразсудна «такъ какъ Гагенау—открытый городъ, войска въ немъ нѣтъ, — и самое лучшее, если пруссаки дѣйствительно приближаются къ городу, оставить ворота отворенными».

Сельскій стражъ раздѣлялъ мое мнѣніе.

Въ подобныя минуты страшной паники, отсутствіе дѣятельности и неподвижность—лучше всего для удрученнаго человѣческаго духа.

Стражъ, очевидно, успокоился касательно меня, и мы пропустили, совершенно согласившись въ этой мѣрѣ, остатки одной дивизіи 1-го корпуса.

Послѣдовавшая за этимъ сцена не можетъ быть описана. Я напрягалъ всѣ усилія моего ума, чтобы запечатлѣть въ немъ видѣнное мною, съ тѣмъ чтобы потомъ передать вамъ въ живомъ, отчетливомъ разсказѣ—такъ какъ я пережилъ—эти минуты.

Но усилія мои были тщетны.

Дисциплина была совершенно разрушена: окружавшіе меня были уже не солдаты, это были бѣдные дѣти человѣческой семьи, исключительно заботившіеся о своей болѣе или менѣе несчастной участи.

Между тѣмъ толпа все увеличивалась. Къ толпѣ кирассировъ примѣшался одинъ уланъ; затѣмъ стали появляться гусарскіе мундиры, хотя и не особенно часто.

Вся эта масса людей толпилась на улицѣ; лошади безъ всадниковъ бѣгали среди этой сумятицы, какъ бы объятыя такимъ же страхомъ какъ и люди; артиллеристы въ однихъ рубашкахъ также прибыли сюда, и множество обозныхъ лошадей, отъ пѣхотныхъ полковъ и артиллеріи, съ попорченною упряжью и перерѣзанными постромками.

Среди всего этого бѣжавшаго авангарда я не встрѣтилъ ни одного офицера,—это фактъ, который я констатирую.

Во время самаго разгара суматохи и толкотни, послышался внезапно шумъ поѣзда желѣзной дороги съ сѣвера.

Поѣздъ долженъ былъ спасать военные матеріалы и снаряды бывшіе еще подъ Нидерброниомъ, а также перевозить раненыхъ.

Первыми спаслись отряды пѣхоты.

Вагоны были биткомъ набиты, непомѣстившіеся внутри взгромоздились на крыши, другіе висѣли прицѣпившись съ боковъ, одни были въ полномъ вооруженіи, многіе полунагіе; половина тѣла однихъ висѣла на воздухѣ, иные громоздились на подножкахъ, раненыхъ не было ни одного,—такова была новая картина, смѣшанная съ прежней въ общемъ потокѣ бѣдствій, на военной дорогѣ.

Какъ-бы въ пылу погони спѣшили всадники по направленію къ городу, и проскакали чрезъ него не отдыхая.

Въ пять часовъ приливъ бѣжавшихъ кавалеристовъ окончился.

Послѣ непродолжительной паузы пришелъ обозъ. Я видѣлъ 4 или 5 лафетовъ, совершенно цѣлыхъ, съ запряженными въ нихъ лошадьми — но безъ пушекъ. Вскорѣ потомъ раздался скрипъ и трескъ сломанной провіантной фуры, набитой въ серединѣ тюркосами. Потомъ пріѣхала крестьянская телега наполненная постельными принадлежностями и другимъ имуществомъ—но безъ владѣльца; зуавъ велъ лошадь, два страшно изуродованные тюркоса лежали поперегъ на верху, кучка солдатъ, разнаго рода полковъ, также громоздилась кое-какъ вокругъ.

Наконецъ около $5^1/_2$ часовъ. пришла пѣхота Но офицеровъ все-таки не было!

Среди массы походныхъ тележекъ виднѣлись большія повозки бригадныхъ, архивъ дивизіи, три или четыре провіантныя фуры совершенно пустыя, а также и экипажи для раненыхъ—но наполненные совершенно здоровыми людьми. На одной тележкѣ лежали трое убитыхъ; двое тюркосовъ, въ самомъ плачевномъ состояніи, съ лицами на которыхъ была написана покорность, слѣдовали за нею въ толпѣ; эта покорность въ несчастіи правдиво обрисовываетъ свойства этихъ дѣтей степи.

Потомъ начали прибывать различные маркитантскіе фургоны.

Маркитантки — эта особенность французской арміи, которыхъ я видѣлъ еще недавно такими кокетливыми и миловидными, когда онѣ отправлялись въ походъ, съ одушевленными мужествомъ войсками, — теперь мнѣ показались безобразными.

Солдаты пѣхоты всѣ бросили свой багажъ, многіе даже оружіе; нѣкоторые шли въ рубашкахъ; большая часть изъ нихъ несли ковриги хлѣба, нанизанныя на сабельныхъ клинкахъ.

Вся эта суматоха разбитаго войска происходила передъ нами отъ четырехъ до семи часовъ.

Такое пораженіе можно было видѣть только въ 1858 или 1866 годахъ.

Когда позднѣе, въ сумерки, я направлялся къ городу, чтобы узнать не будетъ ли еще отправленъ одинъ поѣздъ, мнѣ повстрѣчались 5 или 6 солдатъ, разныхъ полковъ, которые вели плѣннаго пруссака,—они шли такъ гордо, какъ будто бы взяли въ плѣнъ всю прусскую армію.

Я не могъ удержаться отъ нѣкоторой ироніи при видѣ этой сцены. При такомъ пораженіи—и еще торжественно парадировать съ однимъ плѣннымъ!

Утромъ 7-го числа мнѣ удалось найдти экипажъ чтобы ѣхать въ Страсбургъ. Я зналъ, что, дабы избѣжать мародеровъ и войти въ крѣпость, мнѣ нужно позаботиться о конвоѣ. Онъ весьма скоро нашелся. Капралъ 30 полка, чистокровный гасконецъ, и блѣдноватый рекрутъ 81 полка были очень рады, когда я предложилъ имъ мѣсто въ своей повозкѣ. Они были до того въ восторгѣ, что вѣроятно до сихъ поръ еще почитаютъ меня за благороднѣйшаго человѣка между Гагенау и Страсбургомъ.

Въ продолженіи дороги мнѣ пришлось много претерпѣть непріятностей, на пути безпрерывно попадались толпы бѣдныхъ пѣшеходовъ. Всѣ хотѣли присѣсть, хотя мѣста и не было въ повозкѣ. Тогда я сказалъ гасконцу, чтобы онъ притворялся больнымъ, а рекруту— чтобы стоналъ каждый разъ, когда мы будемъ проѣзжать мимо толпы мародеровъ; кучеръ — продувной эльзасецъ—ударялъ возжами по лошадямъ при каждой встрѣчѣ, и благодаря этому мы достигли благополучно до Брумата. Тамъ явились новыя препятствія. Другаго рода паника охватила бѣжавшихъ. Вскорѣ насъ окружила толпа всадниковъ, жители стали поперегъ дороги и требовали новыхъ извѣстій о пруссакахъ: не въ Гагенау ли они, и правда ли что они убиваютъ женщинъ и дѣтей.

Наконецъ достигли мы до гласиса Страсбурга. И тамъ все было въ страшномъ замѣшательствѣ: все пространство было наполнено повозками, тележками, пѣшеходами и плачущими женщинами. Ворота были отворены; гасконецъ мой состроилъ болѣзненную физіогномію, а рекрутъ началъ стонать—и такимъ образомъ я доѣхалъ до крѣпости, безъ паспорта, и даже неопрошенный кѣмъ бы то ни было по дорогѣ. Сострадательныя женщины тотчасъ поспѣшили къ намъ съ виномъ, и мои два молодца должны были позволить ухаживать за собой.

Къ счастію, въ 10 часовъ пополудни отходилъ поѣздъ; подумавъ немного, я рѣшился отправиться въ Парижъ.

Кошка и мышка.

Рисунокъ Ф. Флинцера.

Въ Саверне я нашелъ корпусъ Макъ-Магона, онъ былъ тогда еще не совсѣмъ собравшись (въ 12 ч. дня 7-го августа). Военная линія, насколько можно было окинуть ее взглядомъ съ желѣзной дороги, состояла изъ разрозненныхъ кучекъ, при полномъ отсутствіи цѣльныхъ отрядовъ,—множество верховыхъ, пѣшихъ, въ перемежку одни съ другими, всѣ до одного измученные до полусмерти и въ полномъ упадкѣ духа.

Первый корпусъ возвратился безъ аріергарда. Я не видалъ въ Савернѣ ни одного орудія».

Таковы были первыя слѣдствія пораженія французовъ при Вёртѣ.

Въ дополненіе къ отчету о сраженіи при Саарбрюкенѣ, 6-го августа 1870 года, имѣются слѣдующія подробности.

«Утромъ 6-го августа стоялъ авангардъ 7-го армейскаго корпуса при Гунхенбахѣ, въ трехъ четвертяхъ мили къ сѣверо-западу отъ Саарбрюкена.

Непріятель въ ночь на 6-е число очистилъ позицію на экзерцирплацѣ Саарбрюкена. Кавалерійская дивизія Рейбадена прошла чрезъ городъ 6-го числа въ 12-мъ часу дня. Два эскадрона составляли авангардъ. Едва они показались изъ-за гребня горы, на которой находится экзерцирплацъ, какъ по нимъ открыли огонь съ высотъ Шпейхерна.

Отъ этого гребня по направленію отъ Саарбрюкена къ Форбаху и Шпейхерну тянется глубокая долина, изъ которой по сю сторону возвышаются крутыя, отчасти покрытыя лѣсомъ шпейхернскія высоты, представляющія какъ бы естественное укрѣпленіе, которое и безъ всякихъ искуственныхъ построекъ можетъ считаться почти неприступнымъ. Оно возвышается на сотни футовъ надъ долиной, которую наша храбрая пѣхота принуждена была пройдти подъ самымъ сильнымъ огнемъ и безъ всякаго прикрытія, пока она не достигла подошвы этихъ почти отвѣсныхъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ.

Въ видѣ бастіоновъ расположены по долинѣ горы, прикрывая ее съ фланговъ во всевозможныхъ направленіяхъ.

Плѣнные французскіе офицеры сами разсказывали, будто бы они улыбнулись, когда имъ на бивакахъ сказали, что пруссаки ихъ атакуютъ. Во всемъ 2-мъ французскомъ корпусѣ никто не сомнѣвался, что это нападеніе пруссаковъ должно было окончиться совершеннѣйшимъ ихъ пораженіемъ.

Между 12 и 1 часомъ 14-я дивизія достигла Саарбрюкена.

Уже въ долинѣ между экзерцирплацомъ и шпейхернскими высотами она встрѣтилась съ значительными непріятельскими силами. Завязался бой. Генералъ Фроссаръ, уже отступавшій съ частью своихъ войскъ, развернулъ фронтъ и снова бросился со всѣмъ своимъ корпусомъ на оставленную шпейхернскую позицію. Къ нему присоединилась одна дивизія 3-го корпуса Базена.

14-я дивизія держалась противъ непріятеля, сначала далеко превосходившаго ее силами.

При выгодности позиціи непріятеля, невозможно было нападать на него только съ фронта; поэтому генералъ фонъ Камеке съ 5-ю батальонами попытался черезъ Шпирингъ обойдти непріятеля съ лѣваго фланга,—но эта попытка, своевременно замѣченная непріятелемъ, не привела ни къ какимъ результатамъ.

Два нападенія на лѣвое крыло были также отбиты. Около 3 часовъ всѣ войска 3-й дивизіи были въ дѣлѣ. Бой принялъ весьма серіозный характеръ.

Между тѣмъ громъ пушекъ подѣйствовалъ какъ магнитъ на всѣ прусскія войска, которыя только могли его услышать. Прежде всего онъ привлекъ на мѣсто сраженія дивизію Барнекова. Сначала явились на поле сраженія 2 батареи ея дивизіонной артиллеріи. За ними прибылъ полковникъ Ретцъ съ 40-мъ полкомъ и тремя эскадронами гусарскаго № 3 полка. Въ то же время показались на винтербергскихъ высотахъ передовые отряды пятой дивизіи. Генералъ Штюльпнагель, котораго авангардъ стоялъ поутру въ Зульцбахѣ, двинулъ по приказанію генерала фонъ-Альвенслебена всю свою дивизію по направленію, откуда слышались пушечные выстрѣлы. Двѣ батареи предшествовали ему по большой дорогѣ усиленнымъ маршемъ. Часть пѣхоты была перевезена изъ Нейнкирхена въ Саарбрюкенъ по желѣзной дорогѣ.

Къ $3^3/_4$ часамъ дивизія Камеке получила уже столь сильныя подкрѣпленія, что прибывшій между тѣмъ генералъ фонъ-Гёбенъ, принявъ начальство надъ всѣми войсками, рѣшился предпринять весьма опасную атаку противъ сильной непріятельской позиціи. Онъ направилъ главный натискъ на ту часть крутыхъ высотъ, которая была покрыта лѣсомъ.

Натискъ этотъ былъ произведенъ 40-мъ полкомъ, который подкрѣпляли справа отряды 14-й дивизіи, а слѣва — 4 баталіона 5-й дивизіи. Резервъ мало-по-малу образовался изъ подоспѣвшихъ баталіоновъ 5-й и 16-й дивизіи.

Атака удалась, лѣсъ былъ взятъ, непріятель опрокинутъ; атакующіе отряды наступали по крутому склону горы до южной окраины лѣса. Только тутъ прекратился бой.

Соединивъ войска всѣхъ родовъ оружія, непріятель старался снова занять позицію, съ которой онъ былъ сбитъ. Пѣхота наша стойко выдержала нападеніе. Тутъ удалось артиллеріи 5-й дивизіи, при чрезвычайномъ усиліи, совершить замѣчательный маневръ. Двѣ батареи заперли шпейхернскія высоты, помѣстившись на узкой, крутой горной тропинкѣ. Второй натискъ непріятеля былъ также отбитъ. Противъ нападенія съ флангу, направленнаго на наше лѣвое крыло по направленію къ Альстингу и Шпейхерну, выступило своевременно съ тылу нѣсколько баталіоновъ 5-й дивизіи.

Съ обѣихъ сторонъ бой былъ веденъ съ особеннымъ оживленіемъ и достигъ въ это время высшей степени запальчивости. Еще разъ превосходящій силами непріятель соединилъ всѣ свои войска къ третьему натиску.

Но и это усиліе непріятеля разбилось о непоколебимое спокойствіе и энергію нашей храброй пѣхоты и артиллеріи. Непріятельскія силы сокрушились какъ бы о скалу—и были теперь уже до того разбиты, что принуждены были очистить поле сраженія.

27 прусскихъ баталіоновъ — подкрѣпленные только своей дивизіонной артиллеріей — при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности одержали блестящую побѣду надъ 52 французскими баталіонами при полной корпусной артиллеріи.

Непріятель былъ выбитъ изъ позиціи, которую онъ самъ считалъ неприступною. Ночь спустилась на поле сраженія и защитила разбитаго непріятеля отъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

Для прикрытія своего отступленія онъ развернулъ

всю свою артиллерію на ближайшихъ высотахъ, окружающихъ поле сраженія съ юга. Она еще долго стрѣляла, но безъ всякаго успѣха.

Мѣстность представляла слишкомъ много неудобства для дѣйствій кавалеріи, такъ что она не могла имѣть вліянія на сраженіе.

Плоды побѣды значительно превзошли всякія ожиданія.

Корпусъ Фроссара совершенно разбитъ и деморализованъ.

На пути его бѣгства осталось множество подводъ, нагруженныхъ фуражемъ и амуниціей. Лѣса наполнены мародерами; въ руки пруссаковъ попало большое количество всякаго рода матеріаловъ и припасовъ.

13-я дивизія переправилась у Вердена черезъ Сааръ, взяла Форбахъ, при чемъ ей досталось множество магазиновъ и кладовыхъ съ амуниціей,—и заставила корпусъ Фроссара, къ которому присоединились 2 дивизіи Базена, отступить на юго-востокъ по дорогѣ къ С. Авольду. Потеря въ сраженіи 6 числа съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно велика.

Въ одной 5-й дивизіи 239 убитыхъ и около 1,800 раненныхъ, въ 12-мъ полку убитыхъ и раненыхъ: 32 офицера и 800 солдатъ. Всего болѣе пострадали полки 40, 8, 48, 59 и 74. Въ батареяхъ также огромная потеря.

О 14 и 16 дивизіяхъ еще нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

Потеря непріятеля убитыми и ранеными по крайней мѣрѣ равняется нашей. Нераненыхъ плѣнныхъ до сихъ поръ приведено уже болѣе 2,000, и число ихъ увеличивается ежечасно.

Захвачено 40 понтоновъ и множество палатокъ».

Побѣды прусско-германскихъ армій и отступленіе французовъ внутрь страны произвели потрясающее впечатлѣніе въ Парижѣ. Общественное мнѣніе громко обвиняло правительство въ неудачахъ, понесенныхъ французскими войсками, и справедливость такихъ обвиненій становилась съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Правительство поспѣшило объявить войну, не изготовившись какъ слѣдуетъ, и не принявъ въ соображеніе своихъ непріятелей. Императоръ Наполеонъ, довѣрясь своему военному министру, маршалу Лебёфу,—котораго онъ считалъ отличнымъ администраторомъ и искуснымъ техникомъ,—по прибытіи къ арміи и при первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ убѣдился въ своей ошибкѣ; на дѣлѣ оказалось, что французская армія дурно снабжена продовольствіемъ, дурно организована и дѣйствуетъ безъ опредѣленнаго плана,—тогда какъ передъ нею находилась многочисленная, стройно организованная армія прусско-германская, во главѣ которой стояли искусные генералы, дѣйствовавшіе по строго-опредѣленному плану. Оттого французы при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій должны были принять оборонительное положеніе. Въ послѣднемъ обозрѣніи нашемъ мы говорили уже объ открытіи французскихъ палатъ и о назначеніи новаго министерства. Первое засѣданіе законодательнаго корпуса (9-го августа) свидѣтельствуетъ, до какой степени неожиданное пораженіе французскихъ войскъ сильно подѣйствовало на представителей націи; никогда еще въ законодательной палатѣ цивилизованнаго государства не бывало такихъ бурныхъ и неистовыхъ сценъ. Депутаты лѣвой стороны въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ обвиняли въ неспособности къ правленію министерство Олливье, и нѣкоторые изъ нихъ требовали даже отреченія императора; при этомъ г. Гранье де-Кассаньякъ, самый неистовый изъ членовъ крайней правой стороны, обвинилъ въ измѣнѣ депутатовъ предъявившихъ подобныя требованія—и объявилъ во всеуслышаніе, что если бы онъ былъ министромъ, то предалъ бы ихъ военному суду. Такое заявленіе вызвало цѣлую бурю, и суматоха дошла до такой степени, что одинъ изъ депутатовъ г. Эстэнселенъ съ поднятымъ кулакомъ бросился на министра иностранныхъ дѣлъ, герцога де-Граммона, который, какъ ему показалось, засмѣялся неистовымъ выходкамъ лѣвой стороны. Президентъ, г. Шнейдеръ, долженъ былъ на время пріостановить засѣданіе. Окончилось оно выраженіемъ недовѣрія кабинету — послѣ чего г. Олливье объявилъ, что министры подали въ отставку, и что императрица-регентша поручила составленіе новаго кабинета генералу Монтобану, какъ мы уже сообщали читателямъ вмѣстѣ съ именами новыхъ министровъ. Объявленіе это встрѣчено было громкими рукоплесканіями, свидѣтельствовавшими, какъ низко упало то либеральное и парламентское министерство 2 января, на которое Франція возлагала столько надеждъ.

Въ тотъ же день въ Парижѣ происходили уличные безпорядки, которые пришлось укрощать военною силой: толпы собрались около зданія законодательнаго корпуса —и когда разнеслись слухи о томъ, что́ происходило въ засѣданіи, то онѣ огласили воздухъ громкими криками: «Да здравствуютъ депутаты лѣвой стороны!», а когда появилось войско, то раздались крики: «На границу»!, причемъ слышался громкій ропотъ, что войску слѣдуетъ дѣйствовать противъ непріятеля, который вступилъ на французскую территорію, а не противъ мирныхъ гражданъ. Впрочемъ, волненіе это скоро было прекращено безъ дальнѣйшій послѣдствій, и жители большею частію выражаютъ самое пламенное желаніе стать въ ряды волонтеровъ. Въ слѣдующія засѣданія законодательнаго корпуса были предложены и приняты различныя мѣры для созванія наибольшаго числа войска (новый военный министръ и президентъ совѣта, графъ Паликао, успѣлъ тотчасъ же по вступленіи въ должность отправить на помощь дѣйствующей арміи 70.000 человѣкъ); къ оружію призвана вся подвижная національная гвардія, даже всѣ отставные солдаты, не женатые, до 35-ти-лѣтняго возраста; сверхъ того, всѣ способные носить оружіе вступаютъ въ ряды постоянной національной гвардіи, которая и останется въ городахъ между тѣмъ, пока все ополченіе двигается противъ непріятеля. Для вооруженія укрѣпленій Парижа принимаются самыя дѣятельныя мѣры; на всемъ протяженіи этихъ укрѣпленій днемъ и ночью производятся работы; многочисленные форты снабжаются орудіями и ядрами, рвы очищаются и наполняются водой; дороги перерѣзываются и внѣшнія сообщенія столицы въ скоромъ времени будутъ производиться только посредствомъ подъемныхъ мостовъ. Французскія газеты утверждаютъ, что для обложенія столицы потребуется болѣе чѣмъ милліонное войско, тогда какъ непріятель по собственному своему сознанію потерпѣлъ громадныя потери, —а между тѣмъ, при дѣятельныхъ мѣрахъ, которыя принимаются для ополченія, французское правительство въ скоромъ времени можетъ организовать новую армію изъ 300 — 400 тыс. человѣкъ.

Между тѣмъ, въ арміи произошли важныя перемѣны: императоръ Наполеонъ сложилъ съ себя главное начальство и назначилъ главнокомандующимъ всей арміи маршала Базена. Что касается до возвращенія Наполео-

на III въ Парижъ—чего требовали, какъ слышно, многіе генералы и о чемъ даже поступили петиціи въ палаты,—то онъ будто бы отвѣчалъ: «Я возвращусь въ Парижъ или мертвый или побѣдителемъ». Вмѣстѣ съ назначеніемъ Базена, послѣдовала отставка маршала Лебефа, которой громко требовало общественное мнѣніе. Въ Парижѣ главнокомандующимъ войсками и губернаторомъ назначенъ бывшій до сихъ поръ въ немилости генералъ Трошю, смѣнившій маршала Бараге д'Илье, который отправленъ въ Туръ, чтобы принять начальство надъ организующейся тамъ арміей. Очевидно, императоръ Наполеонъ, уступая силѣ обстоятельствъ, преодолѣлъ всѣ свои антипатіи; ибо, кромѣ Монтобана и Трошю, онъ далъ важное назначеніе даже генералу Шангарнье, котораго считалъ своимъ личнымъ врагомъ: онъ сдѣлалъ его комендантомъ Меца.

Но ни назначеніе Базена главнокомандующимъ, ни энергическія мѣры, принимаемыя новымъ министерствомъ, не остановили до сихъ поръ побѣднаго шествія прусско-германской арміи. 14-го августа пруссаки захватили Фруаръ (мѣстечко, гдѣ соединяются желѣзныя дороги мецо-парижская и мецо-нансійская), затѣмъ 15-го августа разбили аріергадъ маршала Базена и отбросили его къ Мецу. Императоръ съ императорскимъ принцемъ отправился въ Шалонъ, куда повидимому направляется главная масса французскихъ войскъ. Арміи принца Фридриха-Карла и генерала Штейнмеца, въ числѣ 120,000, выдержали двухъ-дневную битву съ арміей Базена 16-го и 17-го августа, сначала при Резонвилѣ, потомъ между Донкуромъ и Тіонвилемъ, во время которой французы и пруссаки понесли огромныя потери, но которая осталась нерѣшительною, какъ можно судить по французскимъ и прусскимъ извѣстіямъ. 17-го августа король Вильгельмъ назначилъ генерала фонъ-Бонина генералъ-губернаторомъ Лотарингіи, а графа Бисмарка-Болена — генералъ-губернаторомъ Эльзаса.

18-го произошло сраженіе при Гравелоттѣ, близь Резонвиля, о которомъ извѣщаетъ телеграмма короля Вильгельма къ королевѣ слѣдующимъ образомъ: «Мы одержали большую побѣду. Французская армія была атакована подъ моимъ личнымъ начальствомъ въ весьма сильной позиціи къ западу отъ Меца, и послѣ девятичасоваго боя совершенно разбита, отрѣзана отъ сообщеній съ Парижемъ и отброшена назадъ на Мецъ».

Дальнѣйшихъ подробностей объ этой битвѣ мы еще не имѣемъ; но, судя по этой офиціальной телеграммѣ, едва ли что можетъ теперь остановить побѣдное шествіе прусской арміи къ Парижу,—и мѣры, принимаемыя французскимъ правительствомъ для защиты столицы, вполнѣ оправдываютъ предусмотрительность новаго министерства.

Что касается до серіозныхъ дѣйствій съ моря, то мысль о нихъ повидимому оставлена; тѣмъ не менѣе французская панцырная эскадра вступила въ Балтійское море и объявила въ блокадѣ все нѣмецкое побережье. Объявляя объ этомъ, французскій *Journal Officiel*, постоянно отличающійся какою-то неопредѣленностью своихъ заявленій, пишетъ, что тамъ готовятся важныя событія.

Въ послѣднемъ обозрѣніи нашемъ мы говорили о закрытіи англійскаго парламента и о тронной рѣчи королевы. Почти одновременно съ этимъ обнародованъ былъ трактатъ, заключенный между Англіей, Пруссіей и Франціей, которымъ подтверждается нейтралитетъ Бельгіи.

Относительно нейтралитета прочихъ европейскихъ государствъ, замѣчательно заявленіе сдѣланное 19-го августа въ италіянской палатѣ депутатовъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, который сказалъ слѣдующее: «Италія, объявивъ нейтралитетъ, удержала за собою свободу дѣйствій, приняла мѣры предосторожности, заботилась о соглашеніи нейтральныхъ державъ въ видахъ локализаціи войны и обезпеченія равновѣсія. Размѣнъ идей съ Австріей привелъ ко взаимному опредѣленію нейтралитета. Письменное соглашеніе съ Англіей содержитъ взаимное обязательство не выступать изъ нейтралитета безъ предварительнаго размѣна объясненій. Нейтральныя державы приглашены къ этому соглашенію, на что выразила согласіе Россія».

«Этимъ, сказалъ министръ въ заключеніе, обличается посредничество».

О какомъ посредничествѣ идетъ рѣчь, телеграмма не говоритъ ничего, но повидимому дѣло идетъ о посредничествѣ между воюющими сторонами.

Кошка и мышка.

(См. стр. 525).

Прилагая изящный рисунокъ Ф. Флинцера, выписываемъ нѣсколько интересныхъ строкъ изъ статьи самого художника—о кошачьей генеалогіи. «Семейство кошекъ, по свидѣтельству античныхъ исторіографовъ, принадлежитъ къ древнѣйшей аристократіи въ мірѣ. Между тѣмъ какъ самые старые дворянскіе роды Западной Европы съ величайшимъ трудомъ доискиваются своего происхожденія гдѣ-нибудь въ началѣ среднихъ вѣковъ,—достовѣрно извѣстно, что тѣ обитатели Египта, которыхъ Геродотъ называетъ аилюрами (aeluros—по гречески: кошка), были прямыми родоначальниками нашихъ кошекъ, и даже муміи ихъ сохранялись на особомъ кладбищѣ въ городѣ Бубастѣ. Современные изслѣдователи и нынѣ еще находятъ муміи этихъ аилюровъ въ гробницахъ царей—пирамидахъ. О высокомъ почетѣ, которымъ пользовался кошачій родъ во всемъ Египтѣ, свидѣтельствуетъ трауръ, облекавшій всѣхъ домашнихъ въ случаѣ смерти кошки: именно, обитатели дома, понесшаго такую потерю, выстригали себѣ брови. У Аристотеля встрѣчаются извѣстія о томъ, что въ Греціи жили выходцы, въ которыхъ нельзя не признать потомковъ этихъ аилюровъ. Попадались они и въ римскомъ государствѣ. Римскіе писатели разсказываютъ объ ихъ геройскихъ дѣяніяхъ; но здѣсь аилюры получаютъ уже наименованіе catus. Несомнѣнно также, что въ числѣ любимыхъ друзей Магомета находился одинъ изъ аилюровъ; пророкъ до такой степени нѣжилъ своего любимца, что когда тотъ заснулъ однажды на плащѣ повелителя правовѣрныхъ, послѣдній отрѣзалъ полу, чтобы не потревожить сонъ своего друга. Въ Англіи имя кошекъ впервые упоминается при Альфредѣ Великомъ—при чемъ латинское окончаніе us отброшено, и самое имя сократилось въ простое cat.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 14 Августа 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 45.

№ 34. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Окончаніе*).

XII.

Паденіе Твери.

Собрались бояре въ думѣ великаго князя, толковали долго, чинно, степенно, длинныхъ рѣчей не говорили,—а въ немногихъ словахъ, просто и ясно, безъ всякаго краснобайства, высказывали свои мысли, вполнѣ постигая мудрое правило, что во многоглаголаніи нѣтъ спасенія,—что ничто такъ не затемняетъ дѣло, какъ безконечныя разсужденія о немъ, даже и приправленныя ораторскими возгласами и движеніями, клонящимися единственно къ подкупу вниманія слушателей или къ тому, чтобы отвести имъ глаза. Протолковавъ до всенощной, они встали, пошли въ церковь, оттуда опять въ думу, гдѣ сначала закусили неторопясь—и уже потомъ опять стали толковать. Затѣмъ позвали они дьяка и печатника (т. е. секретаря и начальника собственной его великокняжеской свѣтлости канцеляріи, и въ то же время хранителя государственной печати), и заставили ихъ писать письмо. Каждое слово, каждую фразу, которая выходила изъ-подъ пера, они долго обдумывали, взвѣшивали, перепpавляли, чтобы не вышло какой-нибудь двусмыслицы, и затѣмъ опять писали,—писали письмо за письмомъ до самыхъ пѣтуховъ, все время постоянно уходя, то вмѣстѣ, то поодиночкѣ въ комнату, отведенную Панкратію,—и допрашивая его тамъ о происшествіяхъ Успеньева дня, заставляли его двадцать разъ пересказывать ихъ. Они сбивали его, припугивали его ямою, выдачею въ Орду, въ Тверь, и ублажали обѣщаніемъ великой милости. Панкратій ничего не скрывалъ; онъ разсказывалъ дѣло—какъ оно ему самому представлялось, сколько онъ самъ зналъ о немъ, т. е. вообще такъ же невѣрно и въ такомъ же ложномъ свѣтѣ, какъ разсказываютъ всѣ современники-очевидцы великихъ событій. Наконецъ, уже передъ самымъ разсвѣтомъ письма были запечатаны, розданы гонцамъ, посланы были отроки на заставы съ приказомъ пропустить гонцовъ — и скоро московскія собаки подняли оглушительный лай въ разныхъ концахъ города, потому-что изъ разныхъ заставъ выѣзжали вооруженные всадники, скакавшіе во всю прыть. Куда и зачѣмъ—не было извѣстно. Старушки безсонныя слышали и этотъ звонъ подковъ по деревянной мостовой, и ожесточенный лай дворовыхъ собакъ—и ворчали на великаго князя Ивана Даниловича, зачѣмъ онъ то и дѣло гонцовъ посылаетъ и гонцовъ принимаетъ, боярамъ своимъ спать не даетъ и тревожитъ свой стольный городъ, поднимая по ночамъ лай собачій.

Къ полудню москвичи уже забыли ночныхъ гонцовъ: не привыкать имъ стало къ нимъ; а князь съ княгиней и съ дѣтьми, бояре и отроки, точно такъ же какъ и вчера, какъ и третьяго дня, какъ и мѣсяцъ тому назадъ, клали усердно земные поклоны въ церквахъ и въ монастыряхъ, купцы въ рядахъ такъ же торговали, и такъ же тянулись со всѣхъ сторонъ обозы со всякимъ запасомъ на зиму. Только черезъ недѣлю до Москвы дошли слухи о тверскомъ дѣлѣ. Она встрепенулась и заговорила.

Въ самомъ дѣлѣ, событіе было такое, что надъ нимъ нельзя было не задуматься каждому. Еще не было примѣра, чтобы въ столицѣ одного изъ самыхъ большихъ тогдашнихъ русскихъ государствъ произошла повальная вырѣзка татаръ, при которой погибъ бы не только татарскій посолъ, но даже родственникъ Вольнаго Царя. Схватка съ татарами и битва съ ихъ послами были тогда не въ диковину: ханскій посолъ Кавгадый побывалъ недавно въ плѣну у тѣхъ же тверичей; но битва съ Кавгадыемъ и его плѣнъ стоили жизни Михаилу Ярославичу — а тутъ было нѣчто болѣе битвы и плѣна. Тутъ было явное возстаніе, кончившееся избіеніемъ татаръ. Пуще всего занималъ москвичей простой вопросъ: что станутъ дѣлать теперь тверичи? Это занимало всѣ русскія земли — а между тѣмъ изъ Твери не доходило никакихъ положительныхъ вѣстей. Толковъ было много; множество тверичей по добру по здорову перебирались въ московскую землю, уходили цѣлыми семействами въ Литву, какъ-будто ожидая погрома, — а между тѣмъ не было слышно, чтобы великій князь тверской, вооружаясь, призывалъ другихъ князей къ освобожденію Руси — словомъ сказать, что-нибудь затѣвалъ.

Гонцы и днемъ и ночью скакали по московскимъ улицамъ. Въ Москву пріѣзжали послы новгородскіе, рязанскіе, ростовскіе, суздальскіе; вся Русь была встревожена—и становилось какъ нельзя болѣе ясно, что если еще не сердцемъ ея, то во всякомъ случаѣ головою становится Москва семихолмная, какъ-будто отъ Москвы всѣ ждали, что̀ она скажетъ и какъ она поведетъ дѣло...

И вотъ, на Введеніе, зазвенѣли въ Москвѣ колокола, по всѣмъ церквамъ и обителямъ служили напутственные молебны великому князю московскому Ивану Даниловичу, котораго Узбекъ въ Орду вызывалъ. Послѣ молебна, великій князь вышелъ изъ церкви, поклонился народу, просилъ его простить ему, если къ кому въ чемъ несправедливъ былъ; просилъ о великой княгинѣ своей, о дѣтяхъ; поручилъ ихъ заботамъ бояръ и тысяцкаго Протасья, котораго, какъ представителя народа и потому правителя Москвы въ отсутствіе князя, обнялъ, разцѣловалъ,—и затѣмъ отправился въ свои хоромы.

На утро — въ годовщину насильственной смерти Михаила Ярославича и на другой день послѣ годовщины смерти Юрія Даниловича — московскій народъ толпами провожалъ Ивана Даниловича въ Орду.

Не долго задержали его на этотъ разъ въ Ордѣ. Узбекъ былъ взбѣшенъ, потому-что ясно видѣлъ примѣръ непокорности тверскихъ князей, разрѣшившейся на этотъ разъ даже избіеніемъ татаръ и смертью родственника его въ подожженныхъ хоромахъ, — и онъ рѣшился дать страшный урокъ Руси. Какъ ни молилъ его Иванъ Даниловичъ, сколько ни дарилъ онъ его приближенныхъ, ничего не могъ сдѣлать. «Хочешь доказать твою вѣрность, говорилъ ему Узбекъ, — сотри съ лица земли великое княжество Тверское! А не сдѣлаешь мнѣ этого — не видать тебѣ самой Москвы, потому что я самъ, всею Ордою, двинусь на Русь, все истреблю, и даже на племя народа не оставлю». Все что̀ могъ выхлопотать Иванъ Даниловичъ, которому противна была роль палача Руси, было то, чтобы съ нимъ было послано всего пять ордынскихъ темниковъ. Если считать, что темникъ дѣйствительно предводительствовалъ десятитысячною ратью (тьма значило 10,000), стало-быть шло на Тверь 50,000 войска, не считая отдѣльныхъ отрядовъ ордынскихъ воеводъ: христіанина Ѳеодора, мусульманъ Чуки и Туралыка, буддиста Сюги и проч. Съ ними же должны были идти князь Александръ Васильевичъ суздальскій, да дядя его—князь Василій Александровичъ. Они взяли Тверь, Кашинъ, разорили всѣ тверскіе города, выжгли села, повели тверичей въ полонъ, Торжокъ и область торжковскую опустошили—и повернули было къ Великому Новгороду, который не смотря на свою дружбу съ московскими, былъ давно обнесенъ тверичами передъ Ордой. Старѣющемуся Узбеку вся Россія казалась скопищемъ мятежниковъ. Новгородъ зависѣлъ отъ него только на половину и всегда выставлялся ему тверичами какъ образчикъ всякаго противленія. Непрямое признаніе власти было ему подозрительно, и онъ хотѣлъ смирить его. Иванъ Даниловичъ съ московскими боярами на Новгородъ однако не пошелъ, а уговорилъ новгородцевъ: выслать пословъ къ татарамъ съ дарами и съ огромною по тогдашнему суммою, 5000 новгородскихъ рублей серебряныхъ. Съ огромнымъ полономъ, съ богатымъ грабежомъ, вернулись по веснѣ татары въ Орду—и по дорогѣ былъ убитъ ими другой соперникъ Москвы, Иванъ Ярославичъ рязанскій, племянникъ Константина Романовича, зарѣзаннаго въ Москвѣ Юріемъ.

«И бысть тогда—говоритъ лѣтопись—Всея Русской Землѣ велія тягость, и томленіе, и кровопролитіе отъ татаръ. И заступи Господь Богъ князя Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его отчину отъ плѣненія и кровопролитія татарскаго»....

А между тѣмъ, великій князь тверской Александръ Михайловичъ трепеталъ отъ бѣсовскихъ крамолъ своихъ бояръ, или—вѣрнѣе сказать—потому что самъ оказался крайне-неспособнымъ удержаться на той высотѣ, куда его поставила роковая судьба его отца и брата, а также собственное легкомысліе.—Онъ не вышелъ на встрѣчу татарамъ, чтобы покрайней мѣрѣ въ честномъ бою сложить свою буйную голову.

Къ старымъ врагамъ своимъ бросился онъ, къ новгородцамъ, — они него не приняли. Имъ далеко было не разсчетъ ссориться съ татарами—и выгоднѣе было держать съ Москвою на томъ простомъ разсчетѣ, что лучше съ умнымъ терять, чѣмъ съ глупымъ находить. Онъ отправился съ женою и съ дѣтьми во Псковъ, тогда враждовавшій съ Новгородомъ и добивавшійся своей независимости, и просидѣлъ тамъ цѣлыхъ десять лѣтъ, отражая Литву и Ливонскихъ рыцарей.

Константинъ Михайловичъ, третій сынъ Анны Дмитріевны, долженъ былъ отправиться въ Орду съ Калитой и при его покровительствѣ получить ярлыкъ на одно тверское великое княжество, — онъ долженъ былъ помогать Калитѣ хлопотать за испоконныхъ враговъ своего дома—новгородцевъ—и обязаться рано или поздно доставить татарамъ родного брата Александра Михайловича. Иванъ Даниловичъ возвращался на Великое Княженіе Всея Руси—съ блескомъ, въ сопровожденіи Константина тверскаго, съ тверскимъ полономъ, выкупленнымъ имъ для заселенія московскихъ земель, съ мурзою Четомъ, теперь во святомъ крещеніи Захаріемъ, съ Прасковьей и Русалкой, которыя вопросились у Узбека воротиться на Русь—и Узбекъ отдалъ ихъ подъ покровительство Ивана Даниловича; воротилось и въ Тверь княжеское семейство съ разоренными боярами, и поселились они въ Твери въ страшной нищетѣ и убожествѣ, потому что вся Земля Тверская пуста стала, —ничего не было на ней кромѣ лѣса и пустынь непро-

ходимыхъ. И начали они мало по малу собирать людей, и мало по малу въ святыхъ церквахъ и въ монастыряхъ опять началось пѣніе и служба божественная.

Просить у татаръ присоединенія къ Москвѣ Тверскаго великаго княжества—Ивану Даниловичу было еще черезъ чуръ рано, во первыхъ потому, что это разомъ воооружило бы противъ Москвы союзный ей Новгородъ, который на этотъ разъ посылалъ отъ себя въ Орду хитраго Ѳедора Колесницу. Узбекъ былъ очень напуганъ и очень боялся усиленія какого нибудь изъ русскихъ князей.

Планъ св. князя Александра Невскаго, митрополитовъ Максима, Кирилла и Петра, система московскихъ бояръ и Ивана Даниловича — что только покорностью можно спасти Русь—оправдалась вполнѣ. Всѣ возстававшіе противъ татаръ оказались несостоятельными и не находили себѣ поддержки въ народѣ *).

В. Кельсіевъ.

Профессоръ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Помѣщая на страницахъ «Нивы» портретъ нашего величайшаго мариниста,—по художественной памяти воображенія составляющаго феноменъ, едва ли не единственный во всей всемірной исторіи,—мы сочли для себя долгомъ напомнить читателямъ нашимъ обстоятельства жизни и творческую дѣятельность этого лица.

Іюля 13-го 1817 года, въ Крыму, въ приморской Ѳеодосіи, въ семьѣ Константина Айвазовскаго, гражданина съ посредственнымъ достаткомъ, родился сынъ, названный Иваномъ, и съ самаго ранняго дѣтства начавшій проявлять особенную находчивость и счастливыя способности. Большинство людей, отличавшихся въ жизни исключительными способностями, благодаря которымъ выдѣлялись они изъ окружавшей ихъ среды, вышли—какъ извѣстно—изъ народа. Воспитаніе физическое чаще всего бывало пренебрежено у нихъ въ дѣтствѣ, и одна лишь мать-природа лелѣяла своими ласками избранниковъ, находившихъ въ любви къ ней все свое наслажденіе. При полной заброшенности, способности такихъ субъектовъ развивались между тѣмъ быстро, опережая время. Таковъ былъ въ дѣтствѣ и нашъ славный маринистъ. Онъ, какъ только сталъ помнить себя, постоянно проводилъ все время на берегу, по цѣлымъ часамъ глядя на неуловимыя колебанья моря, на которомъ каждый валъ какъ-бы живетъ своею самостоятельною жизнью, стремится выдѣлиться изъ среды собратьевъ, опередить другихъ, и каждое мгновеніе измѣняетъ свою форму, не переставая оставаться равно прекраснымъ. Эта живость, это вѣчное безпокойство валовъ, казалось, имѣли для Айвазовскаго-дитяти магическую прелесть, недававшую ему силы оторвать отъ моря сосредоточенныхъ, внимательныхъ взглядовъ. Какъ-бы инстинктивно старался услѣдить и разгадать послѣдовательный бѣгъ волнъ будущій художникъ, увлекаемый врожденною потребностью—призваніемъ. Воспоминанія дѣтства неизгладимо врѣзываются въ памяти. Все видѣнное нами послѣ, когда стараемся мы припоминать бывшій случай, при незначительномъ отдаленіи, получаетъ колоритъ знакомый намъ съ дѣтства. Все это, безъ малѣйшей натяжки, можетъ быть отнесено къ Айвазовскому. Началъ онъ писать красками этюды Финскаго залива, но кисть невольно сливала съ дѣйствительностью идеальные образы черноморскихъ валовъ, если не въ прихотливыхъ линіяхъ абриса, то покрайней мѣрѣ въ цвѣтѣ, болѣе ласкающемъ глазъ.

Нисколько не оскорбляя артистическое самолюбіе А. П. Боголюбова, мы позволимъ себѣ замѣтить, что, наоборотъ, въ его черноморской волнѣ такъ много привычныхъ для насъ сѣверныхъ эффектовъ. И здѣсь-то прежде всего слѣдуетъ искать разницу въ характерѣ живописи его и Айвазовскаго; а потомъ уже—въ манерѣ исполненія. Родина и впечатлѣнія дѣтства, повторимъ еще разъ, берутъ свое, не смотря на воспріимчивость памяти, богатство воображенія и другія индивидуальныя особенности, отличающія талантъ.

Съ 1825 года должность градоначальника Ѳеодосіи занималъ А. И. Казначеевъ. Однажды, проѣзжая по городу, видитъ онъ мальчика, чертящаго что-то на фонарномъ столбѣ; мальчикъ, увидя что онъ замѣченъ начальникомъ, тотчасъ скрылся. Градоначальникъ, подойдя къ столбу посмотрѣть какъ попорчена рисовальщикомъ-импровизаторомъ краска, увидѣлъ въ очеркѣ довольно сходный абрисъ судна, стоявшаго въ морѣ недалеко отъ берега; это поразило его. Онъ узналъ отъ другихъ дѣтей, что чертилъ это Айвазовскій—и самъ посѣтивъ родителей его, вошелъ въ ихъ положеніе и съ этого времени принялъ на себя заботу о развитіи такихъ счастливыхъ способностей будущаго художника.

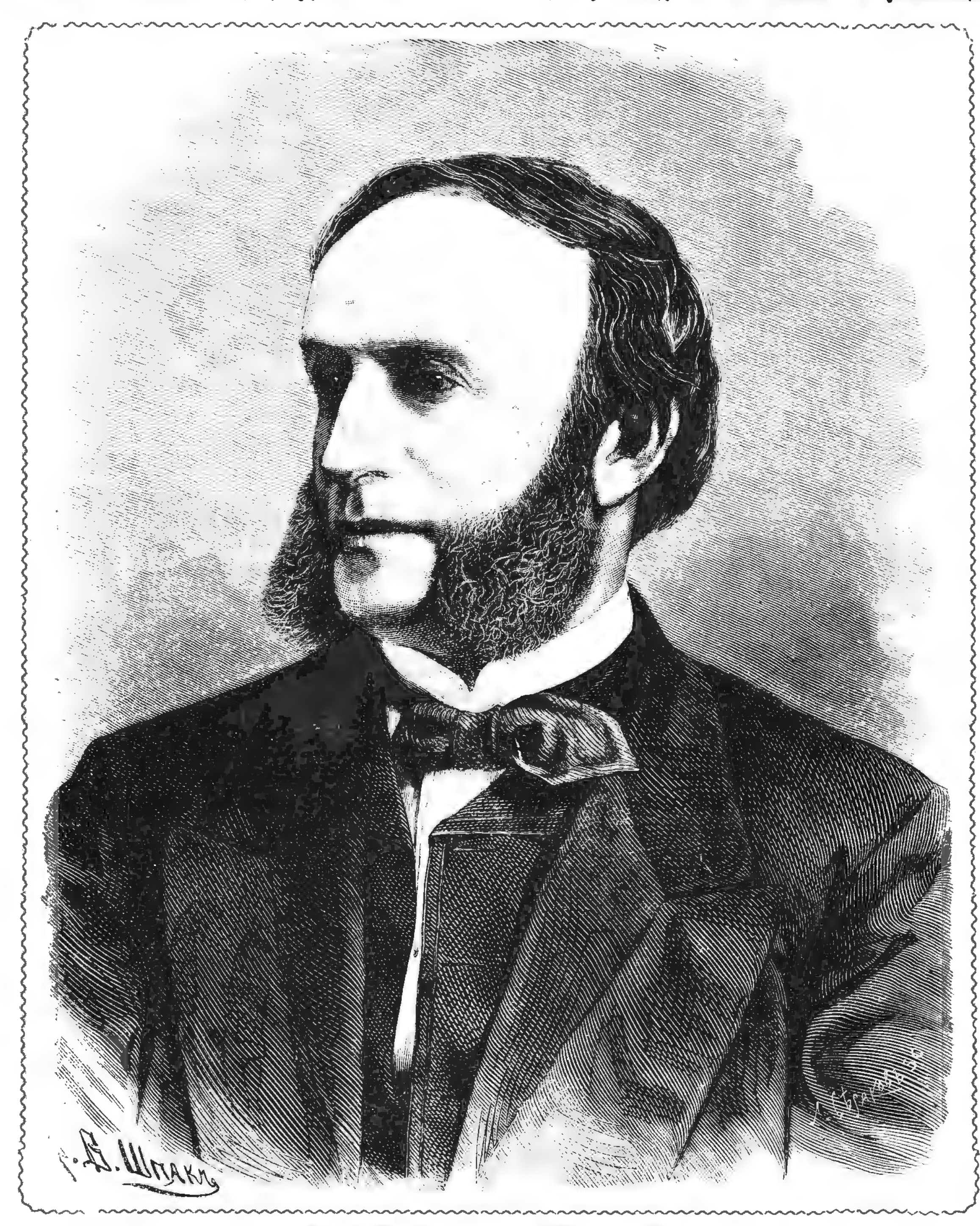
Живя въ домѣ добраго градоначальника, И. К. Айвазовскій получилъ первыя свѣдѣнія о наукахъ—и помѣщенный въ гимназію, изучалъ тамъ французскій языкъ. Когда юному таланту было тринадцать лѣтъ, явилась другая благодѣтельница (г-жа Нарышкина), которая, видя недостаточность средствъ къ образованію его, прислала въ Москву, къ художнику Тончи, одинъ изъ рисунковъ Айвазовскаго, при письмѣ, оказавшемъ громадное вліяніе въ дѣлѣ правильнаго развитія юнаго таланта. Въ письмѣ этомъ благодѣтельница его объясняла, что ея protégé, никогда не видавшій картинъ, кромѣ ея небольшой коллекціи, проводилъ цѣлые дни, «черти эскизы, удивительные по точности рисунка». Отправленный къ Тончи опытъ его таланта—представлялъ внутренность синагоги въ Симферополѣ, во время богослуженія, куда г-жа Нарышкина посылала рисовальщика присмотрѣться внимательно и постараться нарисовать, какъ можетъ онъ лучше. Въ письмѣ просила она Тончи изыскать средства: помѣстить мальчика въ академію, куда она сама еще два года не имѣла средствъ опредѣлить его. Къ этому прибавила она: «Мною покровительствуемый мальчикъ — характера самаго милаго, какіе только я видѣла; онъ имѣетъ настолько-же таланта къ музыкѣ! талантъ его, интересующій всѣхъ въ Крыму, требуетъ только развитія, и мы поможемъ ему,

*) Успѣхъ, который имѣла повѣсть «Москва и Тверь» въ средѣ нашихъ читателей, доставляетъ намъ пріятную возможность заявить теперь-же, что В. И. Кельсіевъ въ настоящее время занятъ окончаніемъ подобной же исторической повѣсти, которая будетъ помѣщена на страницахъ «Нивы» въ будущемъ 1871 году. *Ред.*

что только въ нашихъ средствахъ». Тончи, какъ истинный художникъ, принялъ по письму Нарышкиной горячее участіе въ разцвѣтающемъ талантѣ—и, надѣясь на свою артистическую опытность, представилъ рисунокъ императору Николаю I, предсказывая, что «этотъ мальчикъ - чудо изумитъ иностранцевъ». Письмо Тончи (отъ 7 іюля 1835 г.) подѣйствовало. Государь черезъ министра двора приказалъ передать его въ академію—Оленину, который почему-то посмотрѣлъ на этотъ разъ непростительно узко, въ отвѣтѣ своемъ находя препятствія къ пріему на казенное содержаніе настолько-видимаго громаднаго таланта—въ неумѣньи еще молодымъ человѣкомъ *рисовать хорошо покрайней мѣрѣ съ оригиналовъ человѣческую фигуру и чертить архитектурные ордера*. Читая подчеркнутыя умышленно строки этого отвѣта, не тому удивляешься, что—смотря на рисунокъ съ натуры самоучки, схватившаго цѣлую сцену съ необыкновенною жизненностью,—президентъ (самъ-любитель) не нашелъ тутъ столько достоинства, чтобы считать его не ниже снимка съ оригинала, исполненнаго рутиннымъ карандашемъ ученика набившаго руку; но удивительна кажется рѣшимость—подобный аргументъ представлять государю, для сокрытія истинной причины, побуждавшей къ такому образу дѣйствій. Президенту академіи хотѣлось получить лишняго пенсіонера на счетъ кабинета Е. И. В. Разсчетъ оказался вѣрнымъ. Государь разрѣшилъ принять Айвазовскаго пенсіонеромъ Его Величества. Черезъ мѣсяцъ, 23 августа 1834 г., В. А. Башмакова (урожденная княжна Суворова-Рымникская), привезя будущаго мариниста, сдала его въ академію. Будущность таланта такимъ образомъ упрочена.

Въ 1835 году прибылъ въ Петербургъ французскій живописецъ морскихъ видовъ, Филиппъ Таннёръ, славившійся искусствомъ писать волны, хотя, правду сказать, довольно монотонныя, сѣроватаго, несовсѣмъ пріятнаго тона. Слава пріѣзжаго француза заставила начальство академіи предложить ему давать уроки двумъ пенсіонерамъ: Айвазовскому и Кухаревскому. Съ этого времени (какъ выражались недалекіе критики, увлекавшіеся первымъ попадавшимся поводомъ для произнесенія своихъ пиѳическихъ приговоровъ) Айвазовскій *понялъ*, будто-бы, *свое призваніе*—живописца моря. Мы держимся другаго мнѣнія. Таннёръ со своею легкою манерою могъ, безъ сомнѣнія, ускорить развитіе такого самостоятельнаго таланта какъ Айвазовскій, но маринистъ нашъ обязанъ ему очень немногимъ, даже въ самой техникѣ. Стоитъ сличить картины мнимаго учителя и понятливаго ученика—и вы, смотря безпристрастно, найдете между ними совсѣмъ неблизкое сходство. А если, перемѣшавъ фамиліи, не указать невидавшимъ Таннёра: что его кисти, а что принадлежитъ Айвазовскому,—то легко можетъ случиться, что работою ученика назовутъ картину учителя—и наоборотъ. Столь высокими покажутся даже первые опыты нашего мариниста. За всѣмъ тѣмъ, силу вліянія новаго наставника на способности Айвазовскаго ни отвергать, ни оспаривать совсѣмъ—нельзя; но, какого вліянія? Чтобы прямо придти къ вѣрному заключенію, что не одна манера Таннёра составляла (и въ самомъ началѣ) фондъ художественности Айвазовскаго,—укажемъ на одну изъ первыхъ семи картинъ имъ написанныхъ. Это былъ «этюдъ воздуха надъ моремъ», по задачѣ президента А. Н. Оленина (1836 г.), гдѣ группа свѣтлыхъ облаковъ представляетъ до того изящный ансамбль, что художнику единодушно присуждена была академическимъ совѣтомъ за этотъ чуть-не-первый опытъ живописи 2-я золотая медаль. Одна развѣ желтая вода здѣсь нѣсколько напоминаетъ манеру Таннёра, но не она главное и существенное въ картинѣ—а воздухъ. Болѣе напоминавшіе манеру француза-наставника «пароходъ идущій въ Кронштадтъ» и «голландскій корабль въ открытомъ морѣ», вмѣстѣ съ этюдомъ выставленные, по нашему мнѣнію гораздо ниже другихъ работъ Айвазовскаго. Но и въ нихъ умное расположеніе плановъ картины представляло молодаго, начинающаго еще художника не подражателемъ, а своеобразнымъ творцомъ, для котораго нужно не холодное изученіе болѣе или менѣе рутинной манеры наставника, а высокая школа природы съ безконечнымъ разнообразіемъ эффектовъ, новыхъ и неожиданныхъ. Таннёръ между тѣмъ вошелъ въ претензію за нерабское слѣдованіе ученикомъ его манерѣ, и относилъ это къ недостатку вниманія и уваженія къ себѣ со стороны Айвазовскаго, — покрайней мѣрѣ говорилъ такъ, скрывая, всего вѣроятнѣе, другія постороннія побужденія. Его протестъ сперва настолько получилъ силы, что по высочайшему повелѣнію картины Айвазовскаго убраны были съ выставки. Благовременное вмѣшательство А. И. Зауэрвейда, позаботившагося доложить государю сущность дѣла, однако разубѣдило Его Величество въ мнимой винѣ молодаго таланта—и строгій приказъ отмѣненъ, а художнику, при личномъ посѣщеніи выставки императоромъ, объявлена похвала за успѣхи. Вслѣдъ затѣмъ, увлекаемый призваніемъ, Айвазовскій, уединясь въ свою мастерскую,—данную по настоянію того же Зауэрвейда,—продолжалъ писать, больше по воспоминаніямъ. И здѣсь уже опредѣлились всѣ особенности, характеризующія дарованіе нашего высокоталантливаго мариниста: текучесть, легкость, прозрачность и блескъ волны, неподражаемая ловкость и быстрота письма, блескъ и сила красокъ, особенно въ прозрачности неба и выраженіи солнечнаго свѣта. «Захожденіе солнца надъ взволнованнымъ моремъ», по хребтамъ валовъ котораго скользитъ яркій багрянецъ, было первымъ опытомъ колоритной морской живописи, сбставляющей отличительный характеръ таланта Айвазовскаго. Бурная волна, набѣгающая на скалу, за которую ухватился пловецъ, лунное сіяніе надъ моремъ; морская зыбь, расходившаяся при свѣжемъ вѣтрѣ; бочка въ бурныхъ волнахъ; одинокій пловецъ на морѣ, и нѣсколько крымскихъ видовъ—были первенцами, съ которыми дебютировалъ нашъ Айвазовскій, открывая въ русской живописи новый родъ своего творчества. Для всѣхъ сдѣлалось ясно какъ день, что свѣжему, своеобразному таланту его нужны просторъ и свобода. Горячо любившій родное искусство, государь Николай Павловичъ повелѣлъ на цѣлое лѣто 1837 г. отправить академиста Айвазовскаго на Знаменскую мызу (близь Александріи, въ Петергофѣ), гдѣ-бы могъ онъ вполнѣ предаться изученію моря, во всѣхъ видоизмѣненіяхъ его игры свѣта и тѣни. Художника нашего назначилъ государь и въ плаваніе по Финскому заливу съ Его Императорскимъ Высочествомъ Генералъ-Адмираломъ. Къ выставкѣ изготовилъ Айвазовскій много уже картинъ—и три изъ нихъ превзошли всѣ ожиданія тогдашнихъ цѣнителей. Государю угодно было повелѣть послать молодаго художника въ Крымъ, гдѣ долженъ онъ былъ—руководясь мѣстностью—приступить къ изображенію *боя Козарскаго*, на бригѣ «Меркурій», *съ двумя турецкими*

кораблями. Кромѣ этого произведенія написалъ онъ еще «бурю съ погибающимъ кораблемъ». Корабль свалился уже на бокъ, и черезъ него перекатываются волны. Экипажъ погибающаго корабля спасается на большой лодкѣ, приподнятой—почти отвѣсно—бѣлымъ хребтомъ громадной волны. Толпа, наполняющая эту лодку, выражаетъ полную безнадежность, у руля втаскиваютъ этой маленькой картинкѣ, заставляетъ смотрѣть на нее какъ на проявленіе сильнаго таланта въ болѣе чѣмъ удачномъ опытѣ оживленія моря патетическою сценою. Это направленіе таланта постоянно поддерживалось Айвазовскимъ съ честью. Въ 1838 года написалъ онъ «Захожденіе солнца, послѣ бурнаго дня», «Собаку, бросающуюся въ волны за утопающимъ хозяи-

Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ Л. Сѣряковъ.

еще одного безчувственнаго и едва-ли живаго пассажира, но никто за шумомъ вѣтра не слышитъ крика утопающаго старика, который невдалекѣ отъ лодки, влѣво, посадивъ на осколокъ мачты дитя свое, дѣлаетъ напрасныя усилія подплыть ближе. Положеніе его занимаетъ одну только женщину (не мать ли ребенка?). Она простерла руки и словно выросла надъ толпою, готовая сама броситься въ волны, если погибнетъ въ нихъ то, что для нея всего дороже. Драматизмъ, розлитый въ номъ» и «Крымскую ночь» исполненную на мѣстѣ. Въ это же время написаны съ натуры: «Русскій дессантъ, высаживающійся въ долинѣ Субаши подъ начальствомъ Г. Л. Раевскаго», и «Видъ Севастопольской гавани съ сѣверной стороны». Въ первомъ изъ этихъ произведеній Айвазовскій представилъ очень удачно перестрѣлку съ горцами нашихъ солдатъ, выходящихъ на враждебный берегъ, для заложенія будущаго форта Лазарева. Здѣсь множество портретовъ

нелишенныхъ сходства; предводителя экспедиціи и офицеровъ, принимавшихъ наибольшее участіе въ дѣлѣ, можно узнать съ перваго взгляда и назвать по именамъ. На заднемъ планѣ красуется корабль «Силистрія» и видны другіе суда эскадры. Здѣсь художникъ удачно разрѣшилъ вопросъ о вѣрной передачѣ мѣстнаго тона, гдѣ пороховой дымъ не смѣшивается съ массами облаковъ, несмотря на сѣроватый колоритъ всей картины. Въ изображеніи Севастопольской гавани, Айвазовскій представилъ корабль «три Іерарха» (отличавшійся въ Чесменскомъ бою) и пароходъ «Колхида»; между этими громадными сооруженіями, на подернутыхъ легкою зыбью волнахъ бухты, живописно разсѣяны челноки и др. мелкія суда. Вдали виденъ Севастополь съ Николаевскимъ фортомъ, при лучахъ заходящаго солнца. Вмѣстѣ съ тѣмъ написаны два вида Ѳеодосіи: одинъ при полномъ безвѣтріи, съ видомъ на рейдъ; другой съ видомъ выдвигающейся вдали, древней башни, облитой зоревымъ отсвѣтомъ, когда море начинаетъ волноваться—и волны, разбиваясь о подножіе башни, одѣваютъ его серебристою пылью. Эти произведенія доставили Айвазовскому первую золотую медаль отъ Академіи и съ нею пенсіонерство въ теченіи 6-ти лѣтъ. Въ 1840 году осенью онъ оставилъ Россію, вмѣстѣ съ даровитымъ Штернбергомъ (писавшимъ, кромѣ сценъ быта народнаго, превосходные пейзажи Малороссіи и Крыма) и пейзажистами Воробьевымъ и Фрикке. Ихъ четверо, братья Чернецовы и пейзажистъ Эльсонъ въ это время—вдругъ всѣ вмѣстѣ—явились въ столицу искусствъ проявить и развить свои таланты. Изъ всѣхъ ихъ, самую прочную репутацію создалъ въ короткое время одинъ Айвазовскій. Онъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ написалъ шесть картинъ, отъ которыхъ италіянцы приходили въ неподдѣльный восторгъ, превознося въ сонетахъ и импровизаціяхъ безконечное богатство эффектовъ освѣщенія нашего художника. Страстной натурѣ южнаго народа было доступнѣе пониманіе того пламеннаго порыва, съ которымъ Айвазовскій схватываетъ и энергически передаетъ поразившій его эффектъ, съ полнымъ очарованіемъ свѣжести тоновъ и такъ - сказать *дѣвственности* ихъ, безъ натяжекъ искуственныхъ пріемовъ и фокусовъ скобленія и стиранія красокъ. Это же качество нашего профессора, между тѣмъ, на сѣверѣ дастъ пищу и работу самозванымъ критикамъ, больше всего ополчающимся противъ *яркости и силы* его колорита, по ихъ заключенію невозможнаго. Мы не разъ высказывали противное мнѣніе и теперь позволимъ себѣ повторить свои выводы, что Айвазовскій, относясь страстно къ подмѣченному имъ эффекту, старается прежде всего и паче всего выразить силу свѣта въ картинѣ. Отъ того у него всегда солнце и свѣтитъ, заставляя глазныя вѣки щуриться, какъ бываетъ при подлинномъ свѣтѣ. Отъ того, обозрѣвъ съ десятокъ другой картинъ его, глазъ и чувствуетъ утомленіе, не проявляющееся при разсматриваніи произведеній другихъ пейзажистовъ. Но виноватъ ли онъ въ этомъ художникъ, и ошибочно-ли его направленіе, — какъ силятся выставить его порицатели,—это другое дѣло. Если эффектъ живописи механически-инстинктивно дѣйствуетъ на глазъ, производя тѣ же симптомы, которые проявляются при подлинномъ свѣтѣ, то подражаніе натурѣ конечно дальше идти уже не можетъ. Чего же вамъ больше? Какія же еще возможно заявлять искусству требованія?

Иностранныя академіи художествъ давно это поняли, наперерывъ принимая Айвазовскаго—сами безъ всякаго съ его стороны искательства—въ свои члены; а это опять-таки фактъ что-нибудь да значащій, когда нашихъ другихъ любимцевъ иностранцы, спеціалисты и не спеціалисты, ни во что почти не ставятъ. Въ Берлинѣ, напр., поразилъ Айвазовскій тамошнихъ художниковъ и знатоковъ, особенно блескомъ и силою письма, такъ что нарядили они депутатовъ изслѣдовать составъ красокъ и пріемы его техники. Простота того и другаго еще болѣе привели въ изумленіе самихъ депутатовъ. А мы, пресытившись могучими эффектами освѣщенія нашего неподражаемаго художника, теперь (послѣ 30 слишкомъ лѣтъ успѣховъ) какъ бы перестали любить его, вѣря охотно тупому злословію—и сами не думая, вѣримъ на слово тому, чего, сколько-нибудь подумавъ, мы не позволили бы себѣ сказать. Чему приписать это, какъ не тому же, повторимъ, пресыщенію мастерскими произведеніями Айвазовскаго—и теперь, какъ десятки лѣтъ назадъ, продолжающаго творить новыя оригинальныя произведенія съ непонятною для большинства художниковъ быстротою и легкостью. Но оба эти качества, въ глазахъ людей понимающихъ дѣло, способны только усилить, а никакъ не уменьшить его цѣнность — какъ таланта достигшаго полнаго обладанія своими творческими способностями и средствами техники. При задачѣ изобразить свѣтъ прежде всего, а потомъ уже подробности вида, детали и не должны выходить сильнѣе или окончательнѣе главнаго въ картинѣ. Слѣдовательно падаютъ сами собою и требованія, чаще всего заявляемыя Айвазовскому, относительно недостачной будто бы выработкѣ околичностей.

Оговоривъ всѣ, взводимыя на великаго мариниста нашего, обвиненія недалекихъ порицателей, окончимъ обзоръ его дѣятельной жизни, подарившей художественному міру почти 2,000 картинъ.

Въ 1843 году послалъ Айвазовскій изъ Рима шесть картинъ на парижскую выставку. Изъ нихъ разхвалены во французскихъ журналахъ картины: «Спокойное море», «Неаполитанская ночь» и «Женщина съ ребенкомъ на берегу». Онѣ доставили художнику большую золотую медаль парижской академіи, и званіе академика отъ нашей. Послѣ Парижа повезъ Айвазовскій картины свои въ Лондонъ. Потомъ посѣтилъ Испанію. Въ 1845 году, находясь въ свитѣ В. К. Константина Николаевича, посѣтилъ Константинополь, проѣхавъ во всю длину Средиземное море. Кромѣ Царь-града въ это путешествіе художникъ былъ на Принцевыхъ островахъ, на Аѳонѣ, и объѣхалъ берега Анатоліи. По возвращеніи изъ этого плаванія, занялся онъ исполненіемъ сюжетовъ изъ русской морской исторіи и написалъ битвы при Ревелѣ, Красной горкѣ, Выборгѣ и «Гибель корабля Ингерманландъ» со множествомъ человѣческихъ фигурокъ очень мелкихъ, но тѣмъ не менѣе, исполненныхъ съ достоинствомъ и драматизмомъ. Съ этюдовъ, добытыхъ во время путешествія съ великимъ княземъ, Айвазовскій въ слѣдующемъ году написалъ нѣсколько картинъ, которыя произвели восторгъ въ Берлинѣ. Въ 1847 году признала его членомъ своимъ амстердамская академія художествъ, а въ 1848 году получилъ онъ званіе профессора нашей академіи, на выставкахъ которой, въ обычное время открытія, красуются каждый разъ произведенія Айвазовскаго, возбуждая восторгъ въ публикѣ чуждой пристрастія. Талантъ его теперь достигъ полнаго расцвѣта. Кисть сдѣлала его капиталистомъ, но живопись остается для художника всегда неизмѣнною потребностью жизни и дѣятельности.

Очеркъ исторіи развитія музыки.

(*Окончаніе*).

Современная гармоническая музыка характеризуется тѣмъ, что въ ея гармоніи заключается самостоятельное значеніе—какъ для выраженія, такъ и для художественной связи композиціи. Такимъ образомъ, въ основѣ ея лежитъ принципъ, который въ древней діафоніи старались, но не могли открыть Гукбальдъ и Франко. Къ этому преобразованію музыки существовали различныя внѣшнія побужденія. Первое изъ нихъ произошло отъ протестантскаго церковнаго пѣнія. Въ принципѣ протестантизма лежало то, чтобы пѣніе прихожане начинали сами; но при этомъ нельзя было предполагать, чтобы они могли слѣдовать ритмическимъ переплетеніямъ нидерландской полифоніи. Основатели же новаго ученія, во главѣ которыхъ стоялъ Лютеръ, были такъ сильно проникнуты мощью и значеніемъ музыки, что никакъ не могли рѣшиться свести ее опять къ безхарактерному одноголосовому пѣнію. Поэтому, для композиторовъ протестантскаго церковнаго пѣнія, возникла задача образовать просто организованные хоралы, въ которыхъ всѣ голоса поступаютъ одновременно. Этимъ уничтожались каноническія повторенія различными голосами одно-мелодійныхъ фразъ, а въ нихъ голоса главнымъ образомъ способствовали сдерживанію единства цѣлаго. Для этой цѣли требовалось отыскать новое соединяющее средство въ звукахъ самихъ тоновъ, чего достигли посредствомъ строгаго отношенія тоновъ къ господствующей тоникѣ. Выполненіе этой задачи облегчилось тѣмъ, что протестантскія церковныя пѣсни большею частію подходили къ народнымъ мелодіямъ,—а народныя пѣсни германскихъ и кельтическихъ племенъ, какъ уже замѣчено, заключали въ себѣ болѣе твердое чувство тональности, чѣмъ пѣсни южныхъ народовъ. Такъ, уже въ XVI столѣтіи, въ протестантскихъ церковныхъ пѣсняхъ, система гармоніи современнаго Dur'а развита довольно сильно. Поэтому въ этихъ хоралахъ мы не находимъ ничего дикаго для нашего уха, не смотря на то, что тогда еще не были употребляемы вспомогательныя средства для вѣрнаго указанія тона, которыя были открыты позже, какъ напр. септимные аккорды. Но гораздо болѣе прошло времени, прежде чѣмъ слились въ нашу Moll'ную систему всѣ остальные церковные тоны, въ гармонизированіи которыхъ еще господствовало много неточностей. Что впечатлѣніе такой музыки на современниковъ было совершенно ново и особенно сильно, то въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что протестантскія церковныя пѣсни тогда раздавались повсюду въ самыхъ живыхъ словахъ.

Въ римской церкви тоже требовалось измѣненіе церковнаго пѣнія. Насилованія полифоннаго искусства разрывали смыслъ словъ, дѣлали его непонятнымъ, а запутанность голосовъ понималась съ трудомъ не только неразвитыми, но даже учеными и образованными слушателями. Вслѣдствіе постановленія тридентскаго собора и по порученію папы Пія IV, Палестрина произвелъ упрощенія и улучшенія въ церковномъ пѣніи, а простая красота его композицій современно вытѣснила изъ римской литургіи многоголосовое пѣніе. Палестрина, писавшій для пѣвческихъ хоровъ съ музыкальнымъ развитіемъ, не совершенно уничтожилъ запутанное расположеніе голосовъ полифонной музыки, а только посредствомъ надлежащихъ отдѣловъ и подраздѣленій разграничилъ какъ массу тоновъ, такъ и массу голосовъ, причемъ послѣдніе у него большею частію разбивались на нѣсколько хоровъ. При этомъ болѣе или менѣе часто голоса располагались такимъ образомъ, что они проходятъ другъ подлѣ друга сообразно съ хорами и кромѣ того преимущественно консонансными аккордами. Этимъ Палестрина достигъ того, что сочиненія его сдѣлались понятнѣе, вразумительнѣе и вообще чрезвычайно благозвучными. Различіе церковныхъ тоновъ отъ тоновъ выработанныхъ гармоніею не встрѣчается ни у кого въ такомъ поразительномъ видѣ, какъ только у Палестрины и современныхъ съ нимъ итальянскихъ церковныхъ композиторовъ. Будучи ученикомъ Клода Гудимеля, гугенота, умерщвленнаго въ Ліонѣ во время варфоломеевской ночи, Палестрина развился на гармоническихъ отдѣлкахъ французскихъ псалмовъ, которые не очень сильно отличаются отъ современнаго способа отдѣлокъ, именно тамъ, гдѣ онѣ относятся къ Dur'нымъ тонамъ. Мелодіи псалмовъ заимствовались или изъ народныхъ пѣсенъ, или покрайней мѣрѣ представляли подражаніе имъ. Во всякомъ случаѣ, благодаря своему учителю, Палестрина былъ знакомъ съ подобнаго рода работою, но ему приходилось работать съ темами изъ григоріанскаго Cantus firmus, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли отступать отъ церковныхъ тоновъ, и характера которыхъ онъ былъ обязанъ строго держаться, даже и въ такихъ сочиненіяхъ, для которыхъ мелодіи онъ открылъ или самъ, или преобразовалъ ихъ. Церковные тоны заставляютъ употреблять гармоническую обработку совершенно другаго рода, которая для нашего уха звучитъ очень странно. Примѣромъ этого можетъ служить Stabat mater Палестрины. Здѣсь въ самомъ началѣ, вмѣсто вѣрнаго указанія тона, мы встрѣчаемъ нѣсколько аккордовъ различныхъ тоновъ (отъ A-Dur до F-Dur), которые по видимому соединены безъ всякаго правила, наперекоръ всѣмъ нашимъ правиламъ модуляціи. Изъ этого начала, безъ знанія церковныхъ тоновъ, нельзя вывести заключенія о тоникѣ, потому что тоникою является D только въ концѣ первой строфы, послѣ постепеннаго повышенія тоновъ, между тѣмъ какъ въ главной мелодіи, выполняемой теноромъ, тоника (D) уже слышна въ самомъ началѣ.

Изъ этого ясно видно, до чего отличалась система церковныхъ тоновъ отъ современной системы тоновъ, ибо невозможно предположить, чтобы у такихъ маэстро, какъ Палестрина, гармонизація основывалась не на вѣрномъ чувствѣ тоновъ, а на произволѣ и неискусности,—тѣмъ болѣе, что имъ не могли оставаться неизвѣстными тѣ успѣхи, которые въ то время уже были сдѣланы въ протестантскихъ церковныхъ пѣсняхъ. Это различіе состоитъ именно въ слѣдующемъ: во-первыхъ, въ началѣ сочиненія аккордъ не играетъ того важнаго значенія, какое принадлежитъ ему въ современной музыкѣ (въ послѣдней тоническій аккордъ имѣетъ такое же выдающееся и соединяющее значеніе, какое тоника имѣетъ между тонами гаммы); во-вторыхъ, мы не замѣчаемъ того чувства сродства аккордовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, которое въ правилахъ современной музыки обусловливаетъ то, что аккорды, слѣдующіе другъ за другомъ, связываются между собою однимъ общимъ тономъ. Это безъ всякаго сомнѣнія зависитъ отъ того, что въ старинныхъ церковныхъ тонахъ цѣпи аккордовъ соединены не такъ тѣсно (какъ

между собою, такъ и съ тоническимъ аккордомъ), какъ мы находимъ это въ нашихъ Dur'ныхъ и Moll'ныхъ тонахъ.

Такимъ образомъ уже у Палестрины и его современника Габріэлли существовало тонкое художественное чутье относительно эстетическаго дѣйствія различныхъ отдѣльныхъ аккордовъ, а гармонія у нихъ уже имѣла самостоятельное значеніе. Но все-таки имъ были неизвѣстны тѣ открытія, которыя въ самихъ себѣ представляютъ музыкальную связь для ткани аккордовъ. Эта задача требовала ограниченія существовавшихъ въ то время гаммъ—и преобразованія ихъ въ наши Dur'ныя и Moll'ныя гаммы. Съ другой же стороны, съ этимъ ограниченіемъ числа гаммъ терялось то разнообразіе выраженія, которое зависѣло отъ ихъ разнообразія. Старыя гаммы представляли собою частію промежуточныя ступени между Dur'ными и Moll'ными гаммами, частію же имѣли характеръ болѣе высшій, чѣмъ Moll'ныя гаммы. Оставивши это разнообразіе гаммъ, его слѣдовало замѣнить новымъ вспомогательнымъ средствомъ, которое и было достигнуто посредствомъ переложенія гаммъ на различные основные тоны и посредствомъ модулирующихъ переходовъ ихъ изъ одного тона въ другой.

Это преобразованіе музыки совершилось въ теченіе XVII столѣтія. Но развитіе гармонической музыки получило самый сильный толчокъ отъ начинающагося развитія оперы, возникшаго вслѣдствіе знакомства съ классическою древностію и намѣренія возстановить древнюю трагедію, о которой было извѣстно, что ее декламировали музыкальнымъ образомъ. Здѣсь композиторамъ непосредственно представилась задача вывести музыкальные законы для одного или нѣсколькихъ соло, которыя все-таки должны были гармонировать съ цѣлымъ—для того чтобы могли быть вставлены между хорами, образованными полифонически, и чтобы въ нихъ поющіе голоса покрывали собою всѣ прочіе, а аккомпанирующіе голоса имѣли только второстепенное, подчиненное значеніе. Вслѣдствіе этого, прежде всего былъ изобрѣтенъ речитативъ Яковомъ Пери и Кассини (около 1600 года), а аріи для соло—Клавдіемъ Монтеверде и Віадана. Въ своихъ сочиненіяхъ эти композиторы опредѣляли лишь аккорды, а выполненіе голосовъ въ этихъ аккордахъ предоставлялось на вкусъ актера. Такимъ образомъ, что̀ въ полифонной музыкѣ было второстепеннымъ, то здѣсь дѣлалось главнымъ— и наоборотъ.

Для оперы было необходимо отъискать болѣе сильныя средства выраженія, нежели тѣ какія употреблялись и были нужны въ церковной музыкѣ. У Монтеверде, который сдѣлалъ чрезвычайно много новыхъ открытій, въ первый разъ встрѣчаются септимные аккорды, вставленные свободно, за что̀ Артузи его сильно порицалъ. Вообще, въ это время стало быстро развиваться болѣе смѣлое употребленіе диссонансовъ, причемъ послѣдніе употребляются уже въ болѣе самостоятельномъ значеніи, для того чтобы выраженію придать болѣе точный оттѣнокъ,—а не какъ случайности, происходящія при выполненіи голосовъ.

Подъ этими вліяніями уже при Монтеверде началось преобразованіе и сплавленіе нѣкоторыхъ церковныхъ тоновъ, которое окончилось въ теченіе XVII столѣтія. Благодаря такой переработкѣ, тоны сдѣлались болѣе удобными для выдвиженія на первый планъ тоники при гармонизированіи.

Такъ какъ прежнее связующее средство музыкальныхъ предложеній (именно: каноническое повтореніе одно-мелодійныхъ фразъ) было оставлено вездѣ, гдѣ мелодію сопровождалъ простой гармоническій аккомпаниментъ, то въ звукахъ самихъ аккордовъ стали искать новое средство художественной связи. Дѣйствительно, оно и было замѣчено, какъ только—вслѣдствіе гармонизированія—отношенія звуковъ къ господствующей тоникѣ выступили гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, и когда сами аккорды, вслѣдствіе сродства между собою и съ тоническимъ аккордомъ, дали эту новую связь. Изъ этого начала произошли отличительныя особенности современной системы тоновъ, и это начало въ нашей музыкѣ проведено очень послѣдовательно. Въ самомъ дѣлѣ, современный способъ художественнаго употребленія матеріала тоновъ—представляетъ удивительное произведеніе искусства, надъ которымъ, со временъ Терпандра и Пиѳагора, болѣе 3500 лѣтъ, работали опытъ, остроуміе и артистическій вкусъ европейскихъ народовъ. Но развитіе существенныхъ чертъ музыки, въ ихъ теперешнемъ видѣ, на практикѣ существуетъ не болѣе двухъ столѣтій,—а новый принципъ музыки получилъ свое теоретическое выраженіе только отъ Рамо, въ началѣ прошедшаго столѣтія. Такимъ образомъ, по отношенію ко всемірной исторіи, этотъ принципъ представляетъ продуктъ новѣйшаго времени, въ выработкѣ котораго участвовали только германскіе, романскіе, кельтическіе и славянскіе народы.

При помощи системы тоновъ, для которой доступно большое разнообразіе формъ, при тѣсно-замкнутой художественной послѣдовательности, сдѣлалось возможнымъ писать произведенія болѣе обширныя, болѣе богатыя по формѣ и голосамъ, болѣе энергическія по выраженію, чѣмъ это было возможно прежде. Но, во всякомъ случаѣ, эту систему тоновъ нельзя считать самою совершенною и ей исключительно посвящать свое вниманіе, тѣмъ болѣе что въ научномъ отношеніи, при изученіи ея конструкціи и послѣдовательности проведенія послѣдней, эту систему нельзя считать естественною,—потому что она развилась не изъ естественной потребности, а изъ принципа стиля, выбраннаго произвольно,—и потому что вмѣстѣ съ нею и передъ нею изъ другихъ принциповъ развились другія системы, изъ которыхъ каждая разрѣшила нѣкоторыя болѣе ограниченныя задачи искусства такимъ образомъ, что достигалась высшая степень художественной красоты.

Такимъ образомъ, основные принципы развитія европейской системы тоновъ—можно свести къ тому, что вся масса тоновъ и соединеніе гармоній находится въ тѣсномъ и ясномъ отношеніи къ произвольно-выбранному основному тону,—что масса тоновъ всего музыкальнаго предложенія развивается изъ этого основнаго тона и опять возвращается къ нему. Древній міръ развилъ этотъ принципъ на гомофонной музыкѣ, а современный — на гармонической; но этотъ принципъ, какъ мы уже видѣли, историческій, а не естественный.

Вѣрность этого принципа напередъ доказать нельзя, но ее слѣдуетъ испытать на послѣдовательности самого принципа. Точно такъ же открытіе такихъ эстетическихъ принциповъ нельзя приписывать естественной потребности, потому что они представляютъ плоды геніальнаго изобрѣтенія, какъ это показано выше примѣромъ на архитектурныхъ стиляхъ.

Вести изъ Мормонскаго царства.

На первый взглядъ кажется почти чудомъ, какимъ образомъ такая аномалія какъ мормонское царство въ территоріи Утахѣ—или какъ называютъ его сами мормоны «Штатъ Дезеретъ»—можетъ такъ долго существовать на смѣхъ общественному мнѣнію, законамъ, обычаямъ и нравамъ сѣверо-американской республики,—ибо несомнѣнно, что община, основанная мормонами, по всѣмъ статьямъ имѣетъ характеръ совершенной теократіи, представляющей во всѣхъ основныхъ чертахъ своихъ самую рѣзкую противоположность со свободными учрежденіями Соединенныхъ Штатовъ. Главную причину возникновенія, благоденствованія и безпрепятственнаго расцвѣтанія мормонскаго деспотизма въ Утахѣ—безспорно слѣдуетъ искать въ изолированности царства «святыхъ позднѣйшаго времени», въ его отрѣзанности отъ соприкосновенія съ цивилизованнымъ міромъ. Хотя царство это лежитъ въ предѣлахъ Союза — граждане давно уже смотрятъ на него какъ на нѣчто къ нему непринадлежащее, какъ на какое-то ребячество, не стоющее даже серіознаго вниманія. Правда они не рѣдко злились на безпримѣрную дерзость и наглость, съ которой Бриггэмъ Юнгъ и его приверженцы издѣваются въ столькихъ отношеніяхъ надъ законами государства,—но все медлили, преимущественно конечно по чисто-мѣстнымъ соображеніямъ, принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ къ искорененію великаго безобразія — диковинныхъ продѣлокъ «святыхъ» на берегахъ Большаго Солянаго Озера. Но окончаніе тихоокеанской желѣзной дороги и въ этомъ отношеніи произвело переворотъ, и задало гражданамъ Союза новую задачу къ разрѣшенію.

Съ многихъ сторонъ утверждаютъ, что ни законодательная, ни исполнительная власть великой заатлантической республики не въ правѣ законодательными актами или правительственными мѣропріятіями мѣшаться въ развитіе мормонства съ воспрещеніями или даже только реформами, потому что конституціей Соединенныхъ Штатовъ обезпечивается полная свобода вѣроисповѣданія. Съ другой стороны говорятъ: совершенно вѣрно, что первая статья прибавленій и поправокъ къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ гласитъ: «Конгрессъ не властенъ издавать закона, которымъ установлялась-бы извѣстная форма исповѣданія въ качествѣ государственной, или возбранялась свободное слѣдованіе другой». Точно такъ же вѣрно, что союзное правительство не имѣетъ конституціоннаго права поступать противъ личности или общины во имя одностороннихъ религіозныхъ соображеній;—но дѣло мѣняется, когда личность или община, подъ видомъ религіи, совершаетъ поступки свойства уже не частнаго, а государственнаго, затрудняющіе исполненіе существующихъ государственныхъ законовъ, или даже дѣлающихъ его невозможнымъ. А между тѣмъ, именно такимъ явленіемъ представляется теократическое правленіе Бриггэма Юнга и его мормоновъ въ территоріи Утахѣ. Если весь цивилизованный міръ (какъ правительства, такъ и народы) съ полнымъ правомъ протестуетъ противъ права, которое римскій папа со своимъ мнимовселенскимъ соборомъ присвоиваетъ себѣ—колебать въ основаніи всѣ священнѣйшія начала современныхъ государственныхъ порядковъ и права свободнаго просвѣщеннаго человѣка,—то ни одинъ мыслящій человѣкъ не станетъ оспаривать у конгресса и правительства Сѣверо-американскаго Союза право издать и привести въ исполненіе законы, которые принудили бы мормоновъ и ихъ апостольскаго владыку нетолько не идти на перекоръ законамъ Соединенныхъ Штатовъ, но оказывать имъ во всемъ полнѣйшее повиновеніе.

Мормонскій первосвященникъ Бриггэмъ Юнгъ и его «святые», съ самаго начала своего поселенія въ Утахѣ, многократно объявляли распоряженія союзнаго правительства въ Вашингтонѣ посягательствами на права милуемаго Богомъ, полновластнаго народа; они осмѣивали язычниковъ (gentiles), какъ они называютъ всѣхъ немормоновъ, изгоняли изъ своихъ владѣній союзныхъ судей и другихъ чиновныхъ лицъ, всѣми стараніями препятствовали безпристрастному примѣненію суда и закона—все это потому, что въ основанномъ ими «Новомъ Іерусалимѣ» никто не долженъ царствовать, ни въ религіозномъ, ни въ общественномъ, ни въ политическомъ отношеніи, кромѣ ихъ верховнаго пророка или мормонскаго папы, Бриггэма Юнга. Ясно, что такіе ненормальные порядки, не допускающіе правильнаго государственнаго устройства, не могутъ продолжаться безъ конца. Поэтому въ конгрессъ было внесено уже много законо-проэктовъ, направленныхъ къ прекращенію противузаконныхъ дѣйствій мормоновъ и въ особенности водворившагося у нихъ учрежденія многоженства, которое не основано на ихъ священной книгѣ, «Книгѣ Мормона»; но эти проекты никогда не могли быть исполнены, потому что ни одинъ не былъ принятъ обѣими палатами конгресса и одобренъ президентомъ. Не далѣе нѣсколькихъ лѣтъ назадъ, членъ конгресса Эшели предложилъ собранію билль о раздѣленіи территоріи Утаха на маленькіе участки для присоединенія ко всѣмъ сопредѣльнымъ штатамъ и территоріямъ. Эшели (который, какъ увѣряютъ, мѣтилъ въ губернаторы прилегающаго къ Утаху штата Монтаны) руководился можетъ-быть не столько патріотическими и государственными, сколько своекорыстными разсчетами, въ чемъ не преминули укорить его противники проекта. Ему не удалось убѣдить конгресса, что только одна предлагаемая имъ мѣра въ состояніи принудить мормонство къ покорности союзнымъ законамъ и положить конецъ «мерзости многоженства». Его проектъ былъ отложенъ и, кажется, заснулъ вѣчнымъ сномъ въ какомъ нибудь комитетѣ.

Зато весьма недавно, въ нынѣ засѣдающемъ конгрессѣ, сенаторъ Ааронъ Г. Крэгинъ изъ Нью-Гэмпшайра и членъ палаты представителей Шельби М. Кёлломъ изъ Иллинойза внесли два законопроекта, которые, пополняя другъ друга, бьютъ прямо противъ мормонскихъ порядковъ и учрежденій, насколько они противны народному государственному сознанію и законамъ сѣвероамериканскаго союза. При нынѣ господствующемъ въ законодательныхъ и исполнительныхъ сферахъ въ Вашингтонѣ, враждебномъ мормонамъ настроеніи, всѣ вѣроятія—въ пользу того, что проекты эти будутъ приняты въ главныхъ положеніяхъ. Въ тоже время, однако, самыхъ энергическихъ законодательныхъ мѣръ недостаточно было бы для прекращенія тираннической теократіи въ Утахѣ, если бы не поддержать исполнительныхъ властей въ этой территоріи соотвѣтственною военною силою,—потому что кампанія, предпринятая противъ мор-

моновъ при президентѣ Джемсѣ Бюкананѣ въ 1856—58 г., достаточно доказала, что небольшаго отряда недовольно для подавленія Бриггэма и его «святыхъ». Но и въ этомъ отношеніи, на этотъ разъ кажется обо всемъ подумали. Съ одной стороны, президентъ Грантъ на мѣсто малодушнаго ханжи, генерала Дурки, назначилъ губернаторомъ утахскимъ энергическаго генерала В. Шаффера; съ другой — комитетъ когресса по дѣламъ территорій составилъ билль, уполномочивающій президента употребить сколько потребуется регулярнаго войска для исполненія союзныхъ законовъ, и даже буде онъ найдетъ необходимымъ—милицію, до 20,000 человѣкъ. По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Америки, губернаторъ Шафферъ все еще въ Вашингтонѣ, но онъ только ждетъ окончательнаго принятія упомянутыхъ законо-проектовъ — чтобы тотчасъ же со всей дѣятельностью вступить въ свою должность и обратить мормонскихъ святыхъ къ вѣрѣ въ могущество учрежденій великой республики.

Это время, впрочемъ, и мормоны провели не праздно. Бриггэмъ Юнгъ громитъ и проклинаетъ безбожныхъ «язычниковъ»; просвѣщаемый мнимыми откровеніями, онъ говоритъ рѣчи, исполненныя «святаго гнѣва», и въ томъ же духѣ разглагольствуетъ преданная ему утахская печать, обличая невѣрующихъ вашингтонскихъ законодателей, замысляющихъ истребить новѣйшій Сіонъ. Какъ Пій IX собралъ вокругъ себя высшихъ сановниковъ своей церкви, чтобы провозгласить міру свою богоданную непогрѣшимость и принудить свѣтскую власть преклониться передъ нею,—такъ и Бриггэмъ Юнгъ, «Левъ Господень», вывелъ въ поле мормонскихъ женщинъ противъ беззаконнаго конгресса Соединенныхъ Штатовъ. 13 января нынѣшняго года въ Сальтъ-Лекъ-Сити, въ такъ-называемой «Скиніи», происходилъ большой женскій митингъ, подъ предсѣдательствомъ г-жи Кимбалль. Главнымъ ораторомъ была Гэрріетъ Коркъ Юнгъ, одна изъ многочисленныхъ женъ Бриггэма. Она объявила, что миссія «святыхъ позднѣйшаго времени» заключается въ устраненіи злоупотребленій, столько вѣковъ уже растлѣвавшихъ нравы, и въ основаніи новой эры мира и честности. «Пусть узнаетъ міръ», воскликнула она: «что утахскія женщины не притѣсняемы и не содержатся въ рабствѣ, а напротивъ сами предпочитаютъ добродѣтель пороку и домашній очагъ честной женщины раззолоченнымъ грѣховнымъ палатамъ. Вездѣ, гдѣ господствуетъ единоженство, его сопровождаютъ прелюбодѣяніе, проституція, свободная любовь». Въ томъ же духѣ говорили еще нѣсколько мормонскихъ женщинъ, но въ тоже время всѣ заявили свое «безграничное благоговѣніе» къ конституціи Союза.

Старшая годами изъ всѣхъ женщинъ, говорившихъ на этомъ митингѣ, была 84-лѣтняя мистриссъ Мэкъ-Виннъ, отецъ которой, по ея словамъ, сражался вмѣстѣ съ Вашингтономъ. Дѣло вообще было устроено ловко. Пророческій духъ Бриггэма Юнга осѣнялъ всю демонстрацію—и не было выражено самаго наиотдальнѣйшаго намека на разногласіе. Твердо выучивъ урокъ, матроны «святыхъ» все устроили по желаніямъ своего первосвященника. Въ заключеніе былъ принятъ цѣлый рядъ резолюцій, осуждающихъ извѣстные законопроекты, направленные «къ истребленію священныхъ, богоугодныхъ учрежденій мормоновъ»,—и приглашающихъ утахскихъ женщинъ (которымъ утахское законодательство, изъ благодарности, 7 февраля даровало политическое право голоса) оказать сильнѣйшее сопротивленіе всѣмъ мѣрамъ, какія будутъ приняты союзнымъ правительствомъ къ прекращенію многоженства.

Между тѣмъ, вотъ уже года четыре какъ среди «святыхъ» началось противуположное движеніе, во главѣ котораго стоитъ одинъ изъ сыновей Джозефа Смита, перваго основателя секты. Младшій Смитъ естественно унаслѣдовалъ отъ отца даръ ясновидѣнія и короткость отношеній съ невидимымъ міромъ, такъ что онъ въ состояніи откровеніямъ Бриггэма противупоставлять свои собственныя и можетъ сдѣлаться опаснымъ конкуррентомъ верховнаго пророка, слово котораго такъ долго было единственнымъ закономъ. Кромѣ младшаго Смита появилось еще нѣсколько антипророковъ, увѣряющихъ, что они вдохновляемы покойнымъ Смитомъ. Изъ этихъ оппозиціонныхъ откровеній все яснѣе выходитъ, что ученіе о многоженствѣ есть собственно говоря ересь — и вовсе не проистекаетъ изъ мормонской священной книги. Ясно, что сверхъестественные источники, изъ которыхъ младшій Смитъ и его единомышленники черпаютъ свое ученіе, сообразуются съ обстоятельствами, и не оставляютъ безъ вниманія благопріятныхъ распространенію цивилизаціи вліяній тихоокеанской желѣзной дороги. По всему, что сообщаютъ американскія газеты, эта оппозиція противъ Бриггэма Юнга съ каждымъ днемъ становится сильнѣе и сильнѣе, такъ что вліяніе «Льва Господня» уже значительно поколеблено. Если же удастся совсѣмъ низвергнуть его, тогда всего лучше было бы предоставить мормоновъ самимъ себѣ и цивилизующему вліянію немормонскаго переселенія, — тогда мормонство, столь безобразное въ политическомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніи, скоро само собою прекратится.

Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ не безъинтересно будетъ прочесть слѣдующую статейку изъ наиболѣе уважаемой въ Америкѣ политической газеты «New-York-Tribune», либеральнѣйшаго и честнѣйшаго органа общественнаго мнѣнія, какъ подтверждающую все вышесказанное, заимствуемое главнымъ образомъ изъ частныхъ свѣдѣній.

«Даже если бы рушились всѣ надежды иными путями уничтожить многоженство,—говоритъ «Tribune»,—планъ пойти войною на Утахъ надлежало бы весьма и весьма серьозно обдумать. Огромные расходы новой войны, особенно противъ народа, имѣющаго сто тысячь человѣкъ годныхъ къ оружію и прекрасную военную организацію, и въ добавокъ воодушевляемаго религіознымъ фанатизмомъ,—требуютъ зрѣлаго обсужденія, прежде чѣмъ пускаться на такое рисковое предпріятіе.

«Только со вчерашняго дня, такъ сказать, Утахъ, доселѣ столь же отдаленный и замкнутый какъ Сандвичева Острова, раскрылся цивилизаціи «язычниковъ». Если цивилизація дѣйствительно обладаетъ той хваленой всесокрушающей силою, которую мы ей приписываемъ, то мы спокойно можемъ предоставить ей борьбу противъ безобразій, существующихъ въ Утахѣ. Въ такомъ случаѣ, тихоокеанская желѣзная дорога должна бы оказаться—и, мы надѣемся, окажется—могущественнѣйшимъ рычагомъ для низверженія мормонства. Кромѣ того, слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что многоженство, хотя многіе мормоны слѣдуютъ ему, одобряется далеко не всѣми, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Нѣкоторые называютъ его «крестомъ», за что поистинѣ нельзя винить бѣдняковъ, обладающихъ столькими супругами и чадами, какъ напр. самъ Юнгъ и правая рука его, Кимбалль. Многоженство не содержится въ первона-

чальномъ ученіи мормоновъ; напротивъ «Книга Мормона» предаетъ анаѳемѣ его послѣдователей, тогда какъ мормонскимъ уставомъ «Doctrines and Covenants» оно формально запрещается.

«Въ «протоколѣ свидѣтелей», представленномъ комитету конгресса, опредѣлено, что около одной трети молодаго населенія мужескаго пола состоитъ изъ многоженцевъ — очевидно, что это еще не большинство. По послѣднему исчисленію жителей оказывается, что *мужское населеніе числомъ превосходитъ женское* —обстоятельство, на которое до сихъ поръ недостаточно обращено вниманія. Если сообразить, что при всемъ личномъ вліяніи Бриггэма Юнга на своихъ ослѣпленныхъ послѣдователей, только малая доля ихъ на практикѣ одобряетъ его теорію — неужели будетъ преувеличеніемъ, если сказать что многоженство и Бриггэмъ Юнгъ неразрывно связаны, что со смертью послѣдняго прекратится и первое?

Но даже еще при жизни Бриггэма Юнга, гуртовыми переселеніями «язычниковъ» немормоновъ во владѣнія многоженства, можно медленно но вѣрно подкосить его жизненную силу; при такихъ обстоятельствахъ, дѣло разрѣшилось бы весьма просто: воззрѣнія большинства просто взяли-бы перевѣсъ».

Трагическое въ смѣшномъ.

(вмѣсто фельетона).

Гдѣ слезы, тамъ и смѣхъ. Смѣшное идетъ рядомъ съ трагическимъ, часто составляя его оборотную сторону. То чтò происходитъ теперь въ Парижѣ—производитъ потрясающее и глубоко-печальное впечатлѣніе, но распространяться объ этомъ впечатлѣніи не слишкомъ умѣстно, не къ лицу фельетонисту; онъ будетъ ближе къ своему дѣлу, если уловитъ какое-нибудь комическое явленіе, занесетъ его въ свою хронику и дастъ возможность читателямъ отвести на немъ душу, утомленную ужасающими подробностями войны и ея послѣдствій. Такое комическое происшествіе встрѣчаемъ мы въ вымышленномъ разсказѣ, напечатанномъ въ Journal amusant, — разсказѣ, который нельзя прочесть безъ улыбки, а потому, вмѣсто мнимо-серіозныхъ и начинающихъ уже надоѣдать политическихъ разсужденій и наставленій вдругъ - съимпровизировавшихся во множествѣ политиковъ и дипломатовъ, приводимъ этотъ разсказъ въ переводѣ, — называется онъ:

Приключеніе съ флажолетомъ.

I.

Прологъ.

Онъ былъ моимъ сосѣдомъ.

Звали его: Агеноръ Дюбидонъ.

Онъ состоялъ прикащикомъ въ одномъ магазинѣ, въ отдѣленіи фланелевыхъ жилетовъ. Но вы увидите, что фланелевый жилетъ не исключаетъ патріотизма.

Агеноръ Дюбидонъ, проводя цѣлые дни въ увѣреніяхъ покупателей, что вещи, которыя онъ имъ продаетъ, не ссядутся послѣ стирки,—часамъ къ девяти вечера возвращался домой, въ свою квартиру, помѣщавшуюся у меня надъ головой и состоявшую изъ двухъ комнатъ и маленькой уборной.

—

Обыкновенно, возвращался онъ спокойною походкою человѣка, который какъ Титъ сознаетъ, что не напрасно потерялъ свое время,—и заранѣе предвкушаетъ сладость отдыха, достойно заслуженнаго.

Часто онъ даже удостоивалъ привратника бесѣдою, въ которой восходилъ до самыхъ смѣлыхъ политическихъ соображеній.

Почему же однажды вечеромъ онъ вдругъ такъ измѣнился?

—

Это случилось во время бульварныхъ манифестацій. Въ десятомъ часу Агеноръ Дюбидонъ показался на углу улицы, стремительный какъ ураганъ.

Онъ лихорадочно разговаривалъ съ самимъ собою и жестикулировалъ руками.

Въ одной рукѣ у него былъ журналъ и свертокъ бумаги; въ другой онъ несъ что-то длинное, тщательно завернутое, издали похожее на длинный леденецъ.

Тайна!

—

Агеноръ Дюбидонъ вихремъ ворвался подъ ворота, едва поклонился привратнику, отвѣчалъ презрительной улыбкой на его вопросъ: какого онъ мнѣнія о намѣреніяхъ господина Бисмарка,—и взлетѣлъ на свой пятый этажъ.

Я слышалъ, какъ торопливо вставилъ онъ ключъ и повернулъ его въ замкѣ своей двери, точно совершалъ взломъ.

Затѣмъ, вдругъ, среди ночной тишины раздался какой-то странный звукъ, неслыханный, необъяснимый.

Что это было? — крикъ? нота? свистъ?

Въ догадкахъ можно было потеряться.

Семь или восемь разъ повторялся этотъ неопредѣленный, необычайный звукъ.

Въ полночь снова воцарилась тишина.

Конецъ пролога.

II.

Драма.

Это была нота! или, по крайней мѣрѣ, это должно было быть нотою, какъ впослѣдствіи я печально убѣдился.

Это было ге́.

Зачѣмъ это ге́? Откуда оно вышло?

Подобно вамъ, я прежде всего задалъ себѣ эти вопросы.

Все чтò я могъ узнать вначалѣ — это, что ге́ было произведено флажолетомъ, въ сотрудничествѣ съ Дюбидономъ.

—

Да, нѣтъ сомнѣнія, что это онъ самъ, мой сосѣдъ, столь невозмутимый и невинный, предавался такимъ жестокимъ дѣяніямъ.

Съ тѣхъ поръ онъ каждый вечеръ возвращался съ тою же поспѣшностью, также торопился взобраться на лѣстницу.

Послѣ чего воздухъ прорѣзывался ré съ настойчивостью, неисключавшею однако же фальши — даже напротивъ.

—

Только послѣ восьми дней я постигъ наконецъ, что сосѣдъ мой усиливался повторить ré три раза сряду, потомъ перейдти къ sol и повторить его два раза.

Такимъ образомъ:

— Ré, ré, ré... sol, sol.

Восемь дней—чтобы достичь только этого!

Ясно, что занятія съ фланелевыми жилетами не мѣшаютъ настойчивости.

—

Упражненія стали продолжаться до двухъ съ половиною часовъ ночи.

Въ серединѣ второй недѣли, за тремя ré и двумя sol, послѣдовали еще два la.

Вотъ такъ:

— Ré, ré, ré, sol, sol, la, la...

Достигнувши этой высшей точки, Дюбидонъ и его флажолетъ, должны были пріостановиться; имъ ничего не удавалось болѣе произвести кромѣ какого-то невнятнаго кудахтанья. Можно было догадываться, что инструментъ и музыкантъ стремятся къ какой-то высокой нотѣ, но цѣль эта оставалась на степени проекта, несмотря на то что попытки достигнуть ее—повторялись иногда по пятидесяти разъ сряду.

—

Ясно, что занятія съ фланелевыми жилетами... Впрочемъ, я это уже сказалъ.

Дюбидонъ сталъ заниматься еще по утрамъ. Онъ вставалъ за пять часовъ до ухода въ магазинъ.

— Ré, ré, ré, sol, sol, la, la....

Не идетъ!... Какъ онъ долженъ былъ страдать!

Но вотъ, въ воскресенье второй недѣли,—послѣ того какъ онъ, запершись у себя, съ утренней зари вдувалъ въ свой флажолетъ весь запасъ воздуха своихъ легкихъ,—въ половинѣ девятаго вечеромъ, когда солнце уже садилось, у Агенора Дюбидона раздался ужасный взрывъ.

Это вырвалась долго неудававшаяся нота.

Ré, но октавой выше.

Такимъ образомъ:

— Ré, ré, ré, sol, sol, la, la, ré!!!

—

Съ этого надо бы начать.

Ясно, что это значило:

Allons, enfants de la patrie....

Дюбидонъ трудился надъ Марсельёзой, положенной для одного флажолета. Сосѣдомъ у меня оказался патріотизмъ, возбужденный великими событіями времени. Вы видите, что фланелевые жилеты....

—

Настала третья недѣля. Послѣ долгихъ бдѣній и безсонницъ, мы наконецъ достигли до

Le jour de gloire est....

Что же касается до arrivé, одинъ Богъ знаетъ когда онъ наступитъ. Но Дюбидонъ не слабѣетъ—это истинно мужъ!

Теперь онъ заходитъ даже среди дня, въ часъ, и вмѣсто завтрака принимается за работу.

Я расчитываю, что

Contre nous de la tyrannie

должно появиться въ первыхъ числахъ августа.

—

Эпилогъ.

Дѣйствіе происходитъ... положимъ, черезъ два мѣсяца.

Господинъ упоенный радостью выходитъ на улицу. Онъ держитъ флажолетъ. Господинъ этотъ — самъ Дюбидонъ, считающій теперь долгомъ исполнить блестящимъ образомъ на своемъ инструментѣ полную Марсельёзу.

Но въ ту минуту, когда онъ оканчиваетъ послѣдній тактъ, полицейскій кладетъ ему на плечо руку.

— Что вы такое тутъ дѣлаете? ну?

— Вы видите, я плачу мою дань патріотизму. Я употребилъ четыре мѣсяца, чтобы по случаю войны выучиться....

— Война кончена; Марсельёза снова запрещена — и я васъ сведу въ полицію. Вы поплатитесь пятнадцатью днями заключенія за эту возмутительную пѣсню...

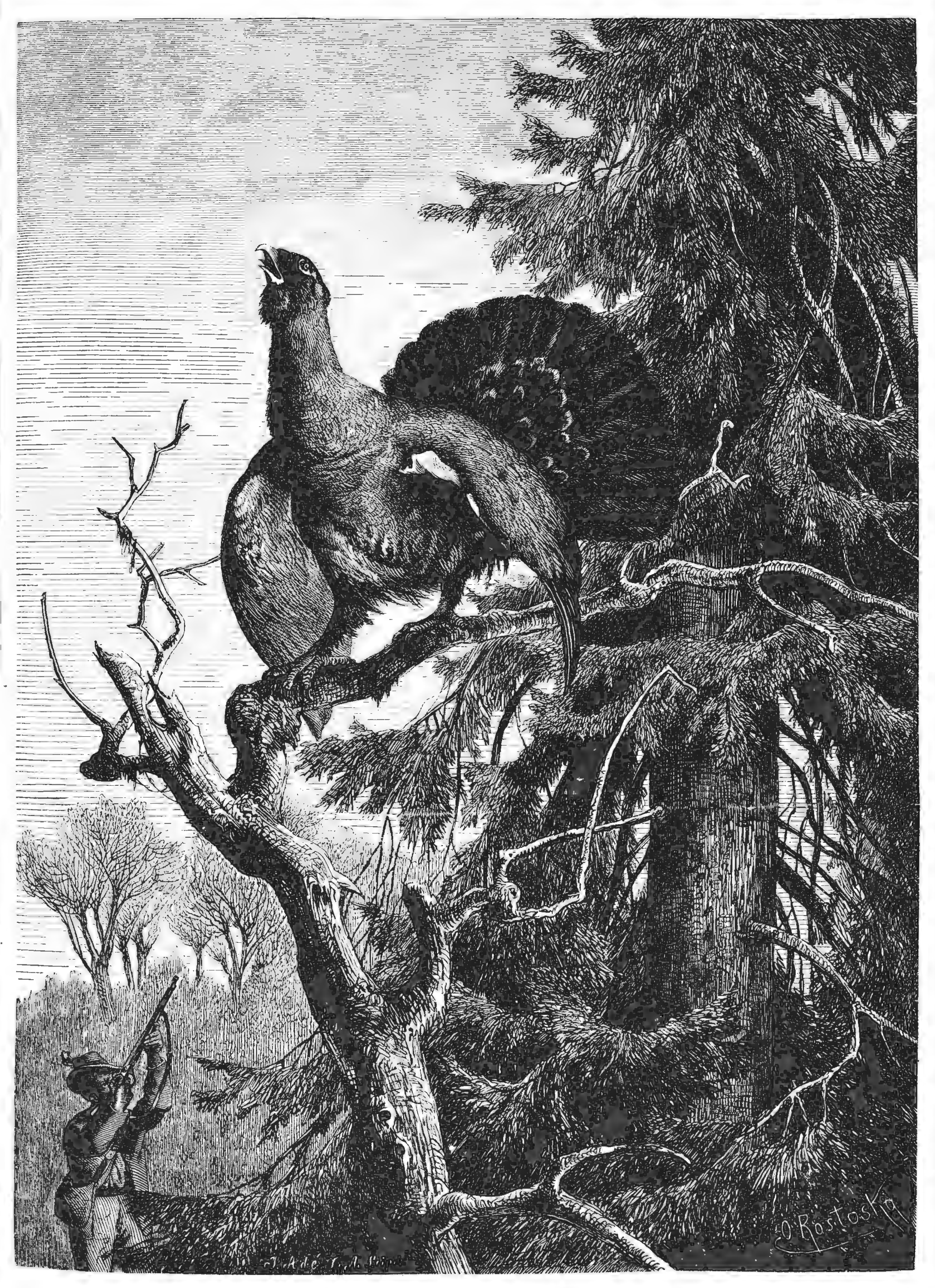
Картина!

Охота на глухаря.

Глухой тетеревъ, или такъ-называемый моховикъ— самый крупный представитель красной лѣсной дичи. Онъ водится въ чащобахъ сосноваго лѣса, особенно въ бору съ моховыми болотами, отъ которыхъ и получилъ второе (народное) названіе. Онъ и лось — вотъ почти единственные жильцы этихъ темныхъ дебрей, если не считать волка, который рыщетъ всюду за своей добычей, и нѣкоторыхъ породъ пернатой дичи, избирающихъ такъ-называемыя *крѣпи* сосновыхъ лѣсовъ мѣстомъ лѣтняго линянія.

Глухарь-самецъ ростомъ будетъ съ индюшку, весь темнокофейнаго почти чернаго цвѣта, съ красными бровями; тетерка нѣсколько мельче, и такая же пестренькая какъ самка обыкновеннаго тетерева-косача или березовика. Мясо ихъ, особенно молодыхъ чрезвычайно сочно, имѣетъ сильный вкусъ дичи съ нѣкоторымъ ароматомъ сосны, притомъ одного глухаря достаточно къ обѣду для нѣсколькихъ человѣкъ, — и потому неудивительно, что охотники особенно дорожатъ подобной добычей.

Истинный охотникъ, разумѣется, бьетъ глухаря изъ подъ собаки, охотясь на него *по выводкамъ*, т. е. по молодымъ, только-что оперившимся тетеревятамъ; эта охота продолжается почти во все лѣтнее время, начиная съ конца іюня. Но охотникъ-промышленникъ идетъ на глухарей въ самую раннюю пору весны, когда снѣгъ еще обильно лежитъ по лѣснымъ оврагамъ и лишь изрѣдка въ самомъ лѣсу попадаются проталины; правда, что въ этой охотѣ нерѣдко принимаютъ участіе и любители, которымъ нечего дѣлать въ такое время года, ибо первая дозволительная охота — тяга вальшнеповъ— наступаетъ лишь въ половинѣ апрѣля.

Охота на глухаря.

Вотъ объ этой-то охотѣ на глухаря ранней весною и хотимъ поговорить мы — такъ какъ, съ одной стороны, она именно изображена на нашемъ рисункѣ, а съ другой—она обусловила самое названіе этой птицы— глухаря.

Раннимъ утромъ, по зорькѣ, охотникъ-промышленникъ подвязываетъ лыжи и, быстро скользя по насту, забирается въ чащу бора. Если онъ уроженецъ средней полосы — у него обыкновенное ружье заряженное дробью; если же онъ сѣверянинъ и притомъ хорошій стрѣлокъ, то вооруженъ *туркою*, долгоствольной винтовкой съ узко-просверленнымъ дуломъ, которое заряжается одною маленькой пулькой и требуетъ на зарядъ щепоть пороха. Изъ этой турки ловкіе стрѣлки попадаютъ бѣлкѣ въ глазъ или отстрѣливаютъ ей кончикъ мордочки, чтобы не портить шкурку; понятно, что при такой мѣткости повалить глухаря ничего не стоитъ.

По мѣрѣ того какъ охотникъ углубляется въ лѣсъ— вокругъ него затихаетъ посвистъ синицъ, трещотка соекъ, стукъ дятловъ и прочіе звуки опушки; величавая тишина, непрерываемая а только усугубляемая рокотомъ и скрипомъ сосновыхъ вершинъ, охватываетъ его со всѣхъ сторонъ; розоватый отблескъ зари на снѣгу и золотисто-изумрудныя верхушки мачтовыхъ деревьевъ одни придаютъ еще нѣкоторую прелесть и жизнь пустынной, дикой картинѣ.

И вотъ, въ этомъ безмолвіи, откуда-то издали доносится глухое бормотанье.... Это голосъ глухаря, зовущаго самку. Охотникъ бросается со всѣхъ ногъ на эти звуки, чутко прислушиваясь въ то же время.... лыжи быстро шмыгаютъ по снѣгу, хворостъ и сухія вѣтки трещатъ подъ ногами — стрѣлокъ бѣжитъ впередъ и зорко вглядывается въ чащу.... Вотъ на лѣсной прогалинѣ, почти на вершинѣ сосны, четко выдѣляясь въ рѣдкой хвоѣ, распустивъ крылья и хвостъ, кудахчетъ и бормочетъ огромная птица. Охотникъ большими шагами приближается къ ней, нацѣливаетъ ружье— глухарь все поетъ свою призывную пѣснь, и вдругъ вмѣстѣ съ выстрѣломъ свертывается съ вѣтви и тяжко падаетъ кувыркаясь внизъ по сучьямъ, обламывая сухія вѣтки....

Дѣло въ томъ, что во время бормотанья глухарь закрываетъ глаза, не видитъ, не слышитъ ничего происходящаго вокругъ, словно глухой, — и въ это время можно идти прямо на него и приблизиться на разстояніе ружейнаго выстрѣла.

Политическое обозрѣніе.

Не бывало еще войны, въ которой бы слѣдовали такъ быстро одна за другою такія кровопролитныя битвы, какими ознаменовалось настоящее франко-прусское столкновеніе,—и замѣчательно, что никогда еще съ театра войны не получалось столько сбивчивыхъ и противорѣчащихъ извѣстій. Въ послѣднемъ обозрѣніи нашемъ мы упомянули, на основаніи телеграфическихъ извѣстій, о битвѣ при Гравелоттѣ 18-го августа (битва эта обозначается также названіемъ другихъ мѣстностей, между которыми она происходила: Резонвилемъ и Сенъ-Прива), въ которой побѣда осталась за арміями принца Фридриха-Карла и генерала Штейнмеца, а французскія войска подъ предводительствомъ маршала Базена отброшены были въ Мецу. Послѣ того мы получили подробные газетные отчеты и оффиціальныя реляціи объ этомъ сраженіи; изъ нихъ явствуетъ, что подъ Мецомъ произошло нѣсколько страшныхъ кровопролитныхъ сраженій отъ 14-го до 18-го августа, изъ которыхъ наиболѣе значительное было послѣднее, столь жестокое, что—по словамъ участвовавшихъ въ немъ—знаменитыя сраженія 1859 года при Сольферино и Маджентѣ были въ сравненіи съ тѣми простыми стычками. Точныхъ свѣденій о потеряхъ, понесенныхъ обѣими арміями, мы до сихъ поръ не находимъ нигдѣ, и знаемъ только изъ оффиціальныхъ источниковъ, что потери съ обѣихъ сторонъ были огромны; приблизительно же можемъ положить, что въ эти четыре дня съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя болѣе ста тысячъ человѣкъ. Замѣчательно также, что обѣ стороны приписываютъ себѣ побѣду: въ оффиціальныхъ прусскихъ бюллетеняхъ говорится, что 18-го авг. пруссаки одержали большую побѣду; а въ тоже время, въ оффиціальныхъ заявленіяхъ во французскомъ законодательномъ корпусѣ, военный министръ, графъ Паликао, извѣщаетъ, что маршалъ Базенъ отразилъ непріятеля съ успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ, вѣроятность на сторонѣ первыхъ извѣстій,—и положеніе французскихъ войскъ, судя по всему, почти безнадежное, тѣмъ болѣе что убыль въ прусскихъ войскахъ пополняется безпрерывными подкрѣпленіями: силезская армія, потомъ сѣверная генерала Фалькенштейна и наконецъ многочисленные отряды ландвера. Правда, и Франція ополчается и напрягаетъ всѣ свои усилія для борьбы, но до сихъ поръ извѣстно только, что къ Шалону отправлено было сто тысячъ подвижной гвардіи и волонтеровъ, да около Парижа собрано до 80,000; остальные отряды только формируются въ Турѣ и въ Ліонѣ. Вообще, положеніе дѣйствующихъ армій 19-го августа было слѣдующее. Около Меца, армія Базена, состоящая изъ 120,000, окружена была, какъ мы сказали выше, арміями принца Фридриха-Карла и Штейнмеца въ числѣ 350 тысячъ, которыя отрѣзали ему сообщеніе съ арміей Макъ-Магона, расположенной у Шалона (положеніе арміи Базена не измѣнилось до 27-го августа; повидимому онъ принужденъ былъ заключиться въ Мецѣ, окрестности котораго французы затопили); противъ послѣдней стояла армія наслѣднаго принца прусскаго; при арміи Макъ-Магона находился и императоръ съ императорскимъ принцемъ. Между тѣмъ какъ подъ Мецомъ происходили кровавыя битвы, Макъ-Магонъ, тѣснимый наслѣднымъ принцемъ и потерявъ надежду соединиться съ Базеномъ, очистилъ Шалонъ и отступилъ къ Реймсу; пруссаки слѣдуютъ за нимъ по пятамъ, отряды ихъ появились уже въ окрестностяхъ этого города, такъ что и Реймсъ придется скоро французамъ очистить. Произойдетъ ли въ этомъ мѣстѣ сраженіе, или Макъ-Магонъ будетъ отступать къ Парижу,—до сихъ поръ еще ничего нельзя предположить; но послѣднее вѣроятнѣе по тѣмъ усиленнымъ мѣрамъ предосторожности, которыя съ лихорадочною дѣятельностью принимаются въ Парижѣ. День и ночь тамъ идутъ работы на укрѣпленіяхъ, и послѣднее распоряженіе новаго парижскаго губернатора генерала Трошю,—объявившаго, что всѣ жители, не имѣющіе собственныхъ средствъ для своего содержанія,

должны выѣхать изъ столицы, — свидѣтельствуетъ о положеніи отчаянномъ и общемъ убѣжденіи, что не сегодня, такъ завтра непріятель явится подъ стѣнами Парижа. Осада этого огромнаго города потребуетъ милліоннаго войска и продолжительнаго времени, если Трошю успѣетъ организовать значительную армію; но едва-ли пруссаки предпримутъ эту осаду, если справедливы слова приписываемыя королю Вильгельму, который будто-бы сказалъ: «я предпишу условія мира не въ Парижѣ, а подъ стѣнами его». Послѣднія извѣстія сообщаютъ даже о намѣреніи императора Наполеона удалиться съ правительствомъ и арміей въ Буржъ и укрѣпиться тамъ....

О заключеніи мира начинаютъ также появляться разныя слухи, тотчасъ же опровергаемые. Увѣряютъ, что король Вильгельмъ непремѣнно потребуетъ занятыхъ имъ Эльзаса и Лотарингіи, гдѣ, какъ мы извѣщали уже, онъ назначилъ своихъ генералъ-губернаторовъ и гдѣ начинаетъ организоваться прусское управленіе; главный городъ Эльзаса, Страсбургъ обложенъ нѣмецкими войсками подъ предводительствомъ генерала Вердера—и хотя еще держится, но, по послѣднимъ извѣстіямъ, потерпѣлъ столько потерь, что въ скоромъ времени долженъ будетъ пасть, а тогда весь Эльзасъ будетъ въ рукахъ нѣмцевъ. Носятся слухи, что Англія ведетъ переговоры съ другими державами о недопущеніи раздробленія Франціи; но эти слухи еще не вѣрны. Положительно повидимому только то, что державы условились между собою не нарушать нейтралитета, не представивъ одна другой предварительныхъ объясненій.

Положеніе императорскаго правительства во Франціи самое жалкое: *de facto* оно не существуетъ; вся власть находится въ рукахъ генераловъ — Базена и Макъ-Магона въ арміи, военнаго министра Паликао и губернатора Трошю въ Парижѣ,—и это до такой степени становится очевидно, что въ прокламаціяхъ, изданныхъ г-мъ Трошю къ войскамъ и жителямъ Парижа, онъ обращается къ нимъ отъ имени отечества и ни слова не упоминаетъ объ императорѣ. На генерала Трошю возлагаются особенныя надежды, такъ какъ онъ— со дня вступленія своего въ должность—обнаружилъ необыкновенную дѣятельность по организаціи войска и по укрѣпленіямъ города; въ помощь ему назначенъ комитетъ обороны, состоящій изъ слѣдующихъ лицъ: инженеровъ и артиллеристовъ, къ которымъ присоединены сенаторы Мелине и Бегикъ, депутаты Дарю, Дюпюи и де-Талуэ; членомъ этого комитета назначенъ потомъ (28-го августа) и г. Тьеръ, которому принадлежитъ первая мысль объ укрѣпленіи Парижа во время іюльской монархіи. Вообще этотъ бывшій министръ короля Лудовика Филиппа пріобрѣтаетъ все болѣе вліянія— и какъ слышно, благодаря ему, уладилось разногласіе между генералами Паликао и Трошю, возникшее по вопросу объ отправленіи къ арміи вновь набираемаго войска, и грозившее новыми опасностями. Засѣданія законодательнаго корпуса большею частью кратки и ограничиваются сообщеніями военнаго министра объ извѣстіяхъ, получаемыхъ съ театра войны, и утвержденіемъ нѣкоторыхъ нетерпящихъ отлагательства законовъ, большею частью относящихся къ защитѣ государства; но и въ эти краткія засѣданія нерѣдко происходятъ бурныя сцены, въ которыхъ депутаты лѣвой стороны обвиняютъ правительство, что оно скрываетъ отъ нихъ настоящее положеніе дѣлъ,—или позволяютъ себѣ дерзкія и неприличныя выходки противъ императора и его династіи: такъ, въ засѣданіи 26-го августа г. Ординеръ выразилъ требованіе, чтобы «господинъ Бонапартъ вознаградилъ страну за опасность, которую онъ на нее накликалъ». Подобныя выходки вызываютъ громкое порицаніе большинства, которое понимаетъ, что теперь не время для пререканій, и что всѣ мысли правительства и палатъ должны быть устремлены на защиту страны. Убѣжденіе это раздѣляетъ и большинство парижскаго населенія, доказательствомъ чему служатъ неудачи революціонныхъ попытокъ, которыя дѣлались въ столицѣ—но возбудили не сочувствіе массъ, какъ въ прежнія времена, а ожесточенную ненависть. Такъ было во время нападенія на Казармы Пожарныхъ на бульварѣ Вильеты 14-го августа; толпа заговорщиковъ, вооруженная кинжалами и револьверами, бросилась на гауптвахту этихъ казармъ, унесла нѣсколько ружей, причемъ убитъ былъ часовой и потомъ изъ числа подоспѣвшихъ на помощь пожарнымъ городскихъ сержантовъ одинъ былъ также убитъ и нѣсколько человѣкъ ранено,—но при этомъ жители ревностно помогали полиціи ловить и вязать заговорщиковъ, которые и были арестованы въ числѣ 80 человѣкъ. Населеніе приписало эту преступную попытку интригамъ пруссаковъ, и даже вождь республиканской партіи въ законодательномъ корпусѣ, г. Гамбетта, прямо объявилъ, что волненіе это произведено прусскими агентами, и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ петицію многихъ гражданъ объ изгнаніи всѣхъ нѣмцевъ изъ Франціи. Между тѣмъ, вильетскіе заговорщики преданы были военному суду, который разбиралъ дѣло и приговорилъ троихъ виновныхъ къ смертной казни, а нѣсколько человѣкъ къ каторжной работѣ; но до сихъ поръ, кромѣ самаго факта преступленія, не открыто еще ничего важнаго—что оправдывало бы обвиненіе прусскаго правительства въ интригахъ, или даже подало бы поводъ предполагать какой-нибудь военный и правильно-организованный заговоръ. Судъ еще не кончился, но очевидно, что всему дѣлу приписано было слишкомъ много значенія. 26-го августа, какъ извѣщаютъ телеграммы, произошли новые и гораздо болѣе важные безпорядки, и арестовано значительное число лицъ; но подробностей объ этихъ арестахъ еще не получено, да и самый характеръ безпорядковъ опредѣлить невозможно по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя дошли до насъ. Насколько можно судить по тѣмъ извѣстіямъ, революціонеры не могутъ въ настоящее время разсчитывать на успѣхъ: такъ какъ населеніе убѣждено, что всѣ попытки къ безпорядкамъ производятся прусскими агентами, то въ его глазахъ революціонеръ и пруссакъ одно и тоже,— а ненависть къ пруссакамъ достигаетъ страшныхъ размѣровъ, да и вообще (сколько можно судить по источникамъ какъ нѣмецкимъ, такъ и французскимъ) нынѣшняя война отличается особеннымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ.

Изъ прочихъ европейскихъ государствъ продолжаютъ приходить свѣденія о вооруженіяхъ, о передвиженіи войскъ и проч., что свидѣтельствуетъ, что они принимаютъ мѣры противъ всѣхъ возможныхъ случайностей. Особенное движеніе замѣтно въ Австро-венгерской монархіи, гдѣ готовится открытіе сеймовъ и выборовъ въ рейхсратъ; въ послѣднее время распространились слухи о предстоящемъ кризисѣ въ цислейтанскомъ министерствѣ, и замѣтно сильное противодѣйствіе правительству въ Богеміи, гдѣ главные вожди чеховъ открыто требуютъ автономіи чешскому государству.

Смѣсь

Зоологическій куріозъ. — Одна американская газета, издаваемая въ Чикаго, разсказываетъ слѣдующій—позволимъ себѣ сказать—болѣе или менѣе апокрифическій, но забавный случай. Докторъ Натаніель Мортонъ, извѣстный орнитологъ, недавно сдѣлалъ опытъ надъ птичкой, извѣстной въ Сѣверной Америкѣ подъ названіемъ *Mock-Bird* (дроздъ-пересмѣшникъ) которая повторяетъ все, что слышитъ (т. е. голосъ, интонацію), точно передразниваетъ. Ученый изслѣдователь попробовалъ учить ее музыкальному мотиву и выбралъ для этого знаменитый охотничій хоръ въ Веберовомъ Фрейшютцѣ. Къ великому изумленію доктора, птичка не только чрезвычайно скоро выучила весь хоръ (т. е. конечно не слова, а мелодію) но такъ полюбила его, что бросила всѣ свои родныя пѣсенки и съ разсвѣта до сумерокъ все твердила безъ одной фальшивой нотки любимый мотивъ Вебера. Д-ръ Мортонъ пригласилъ къ себѣ знакомыхъ—и талантъ птички привелъ ихъ въ неописанное удивленіе. Но второй пьесы она никакъ не могла выучить, первая слишкомъ ужъ овладѣла всей ея памятью. Естествоиспытатель сдѣлалъ тотъ же опытъ надъ нѣсколькими экземплярами той же породы птицъ, но всѣ оказались невосприимчивыми. Наконецъ онъ накупилъ еще цѣлую дюжину «пересмѣшниковъ», думая поучить ихъ, но тотчасъ затѣмъ долженъ былъ уѣхать на недѣлю въ Питтсбургъ и оставить ихъ на попеченіи своей домоправительницы, которая кормила ихъ, но воспитаніемъ ихъ не занималась. Не смотря на это, когда д-ръ Мортонъ воротился изъ Питтсбурга, всѣ двѣнадцать новичковъ уже мастерски распѣвали хоръ изъ Фрейшютца, сами выучившись ему у старшей птички. Мортонъ выпустилъ шесть изъ нихъ въ паркъ, и съ тѣхъ поръ тотъ же знаменитый хоръ раздается со всѣхъ деревьевъ, такъ что полагаютъ что черезъ нѣсколько лѣтъ, чего добраго, у «пересмѣшниковъ» во всей Сѣверной Америкѣ не будетъ другой пѣсни. Само собой разумѣется, газета ходатайствуетъ за эту умненькую и миленькую птичку, да и хватитъ ли у охотника духу стрѣлять въ маленькаго пѣвца, славящаго радости его любимаго увеселенія. Всего вѣроятнѣе, что въ этомъ и заключается вся цѣль всей этой хорошенькой, но не совсѣмъ правдоподобной исторіи.

Анекдотъ о Ротшильдѣ. Одинъ изъ подписчиковъ газеты «Figaro» прислалъ слѣдующее письмо въ редакцію: «Г. редакторъ, — вашъ сотрудникъ Адріанъ Марксъ, въ статьѣ о живописцѣ Бувенъ, разсказываетъ анекдотъ о томъ какъ баронъ Джемсъ Ротшильдъ служилъ Ари Шефферу натурщикомъ для картины нищаго. Это совершенная правда—и я не намѣренъ опровергать разсказа, а хочу только дополнить его. Пока финансистъ въ лохмотьяхъ позировалъ на эстрадѣ, я вошелъ въ мастерскую великаго художника, моего хорошаго пріятеля. Барона невозможно было узнать. Я думалъ, что передо мною въ самомъ дѣлѣ нищій, подошелъ къ мнимому бѣдняку и положилъ ему тихонько луидоръ въ руку. Десять лѣтъ спустя получаю, у себя на квартирѣ, билетъ на полученіе 10,000 франковъ въ кассѣ *Rue Lafitte*, съ запиской: «Милостивый Государь, — вы нѣкогда дали луидоръ барону Ротшильду въ мастерской Ари Шеффера; онъ его пустилъ въ оборотъ и посылаетъ вамъ при семъ маленькій капиталецъ, который вы ему довѣрили, съ процентами..... Доброе дѣло всегда приноситъ счастіе. *Баронъ Джемсъ Ротшильдъ*». Получивъ эту записку, я отправился къ милліонеру, который мнѣ по книгамъ своимъ показалъ, что мой луидоръ дѣйствительно умножился до такой значительной суммы».

Національныя привѣтствія разныхъ народовъ. Можно было бы набрать цѣлую огромную коллекцію такихъ привѣтствій; ограничимся наиболѣе характеристическими или куріозными. Въ восточной части сѣверо-американскихъ штатовъ, гдѣ смертность такъ страшно велика между маленькими дѣтьми, первый взаимный вопросъ молодыхъ женщинъ при встрѣчѣ: «здоровъ ли вашъ *ваву* (младшій грудной ребенокъ)? Въ Египтѣ, гдѣ, по милости жаркаго, сухаго климата, обильная испарина есть одно изъ необходимѣйшихъ условій здоровья, спрашиваютъ другъ друга «какъ потѣете?». Матеріалистъ-китаецъ спрашиваетъ знакомаго равнаго званія, въ порядкѣ-ли у него желудокъ, или «какъ онъ рисъ кушаетъ?». Въ Японіи знакомые или друзья привѣтствуютъ другъ друга тѣмъ, что снимаютъ съ ноги одну туфлю, въ Индустанѣ берутъ другъ друга за бороду, а у нѣкоторыхъ народцевъ Гималайскихъ горъ водится обычай при встрѣчѣ въ видѣ привѣта поворачиваться другъ къ другу спинами. На большинствѣ острововъ Тихаго Океана а также въ многихъ земляхъ дальняго сѣвера—туземцы заявляютъ вѣжливость и пріязнь треніемъ носа объ носъ, или носа объ лобъ одинъ другаго; нѣкоторые дуютъ пріятелю въ ухо и притомъ тихонько потираютъ другъ другу животъ ладонью. Жители острова Св. Лаврентія завели еще болѣе неапетитную манеру заявлять свое особенное расположеніе и уваженіе: они плюютъ себѣ на ладонь и, что еще хуже, потомъ этими руками натираютъ другъ другу лицо. Жители острова Сокоторы (у восточнаго берега Африки) цѣлуютъ одинъ другому при встрѣчѣ плечо, а другіе островитяне ложатся ничкомъ на землю. Не менѣе любопытенъ обычай жителей Ламурзекскихъ острововъ, близь Филиппинскихъ: они берутъ руку или ногу того, котораго хотятъ опривѣтствовать, и легонько проводятъ ею по своему лицу, «Какъ вы дѣлаете?» спрашиваетъ дѣятельный англосаксонецъ. «Цѣлую руку» говоритъ вѣжливый австріецъ; тоже самое говоритъ и испанецъ, или даже цѣлую «ваши ноги», особенно если обращается къ женщинѣ, или наконецъ: «падаю къ вашимъ ногамъ». Это же привѣтствіе принято и у поляковъ—и не только на словахъ: тому, кому они хотятъ сказать особенный почетъ, полякъ, какъ простой, такъ и шляхтичъ дѣйствительно цѣлуетъ руку или даже край одежды; нерѣдко также видишь какъ знакомые, встрѣчаясь одновременно подносятъ руку одинъ другаго къ губамъ, такъ что почти сталкиваются лбами надъ поднятыми соединенными руками.

Статистика самоубійствъ во Франціи представляетъ слѣдующія цифры за 1869 г.: 4.008 мужчинъ и 1,003 женщины совершили покушеніе на собственную жизнь. Изъ этого числа 960 мужчинъ и 407 женщинъ бросились въ воду, 1970 мужчинъ и 335 женщинъ повѣсились, 237 мужчинъ и 3 женщины выстрѣлили въ себя изъ пистолета, 251 мужчина и 2 женщины—изъ ружья, 190 мужчинъ и 113 женщинъ прибѣгли къ угару, 176 мужчинъ и 33 женщины къ острымъ орудіямъ, 75 мужчинъ и 44 женщины отравились, 99 мужчинъ и 55 женщинъ бросились изъ окна или съ высокаго мѣста; 13 человѣкъ бросились поперекъ рельсовъ подъ поѣздъ, 1 уморилъ себя голодомъ. Изъ 315 лицъ лишившихъ себя жизни угаромъ—156 принадлежали департаменту Сены. Эта таблица показываетъ, что все еще существуетъ предпочтеніе въ пользу вѣшанія. Большинство самоубійствъ было совершено лицами крестьянскаго сословія или поденщиками—числомъ 1420 мужчинъ и 375 женщинъ. Слѣдуетъ 733 человѣка изъ рабочаго сословія. Люди неимѣющіе опредѣленнаго занятія представляютъ тоже не малую рубрику: 305 мужчинъ и 216 женщинъ. Въ этой рубрикѣ число женщинъ больше приближается къ числу мужчинъ, тогда какъ во всѣхъ прочихъ число мужчинъ значительно больше.

Прелестное объясненіе. Одна газета, выходящая въ Санъ-Франциско, сообщаетъ своимъ читателямъ, что не станетъ описывать подробностей трехъ послѣднихъ убійствъ, происходившихъ въ городѣ, «*потому что въ исполненіи ихъ не было ничего оригинальнаго !!*».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 21 Августа 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1

№ 35. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Встрѣча съ разбойниками.

(переводъ съ нѣмецкаго).

По окончаніи междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, желая лично убѣдиться въ справедливости слуховъ о необыкновенномъ богатствѣ и красотѣ хлопчатныхъ и сахарныхъ плантацій, я рѣшился предпринять путешествіе на югъ Америки, съ тѣмъ чтобы—повѣривъ на дѣлѣ плодородіе—поселиться тамъ землевладѣльцемъ.

Съ этимъ намѣреніемъ я отплылъ изъ Вера-Круца въ Ималаку, находящуюся близь устьевъ Ориноко,—и тамъ, пріобрѣтя рослаго сильнаго коня, въ одно прекрасное утро, въ сопровожденіи американца и двухъ мексиканцевъ, я направился въ Серпу къ берегамъ Амазонки. Долгое и опасное путешествіе было для насъ дѣломъ привычнымъ, тѣмъ болѣе что я и товарищи мои были совершенно готовы встрѣтить всякую опасность.

Одинъ изъ нихъ—американецъ—былъ прекрасный юноша лѣтъ двадцати пяти, но отличался чрезвычайно безпокойнымъ характеромъ, нѣкогда послужившимъ причиною исключенія его изъ двухъ училищъ. Послѣ этихъ непріятностей онъ замѣшался въ какую-то не совсѣмъ благовидную исторію—и желая изъ нее выпутаться, убилъ на дуэли своего противника. Тогда, (какъ самъ онъ выражался) чтобы не компрометировать своей семьи, онъ отказался отъ отцовскаго прозвища, оставивъ за собой только имя данное ему при крещеніи—Чарльзъ Даневеръ. Отецъ его, одинъ изъ богатѣйшихъ негоціантовъ Нью-Іорка, хотя и не очень-то любившій буйныя наклонности въ характерѣ сына, снабдилъ его достаточнымъ запасомъ денегъ, съ которыми тотъ и отправился искать по свѣту приключеній, желая избѣжать ареста за дуэль.

Другіе два спутника—мексиканцы—изъ странствующихъ спекулянтовъ, которые за деньги готовы на все,—были люди пожилые и уже знакомые съ военной службой, а потому въ виду предстоящей опасности были незамѣнимыми товарищами.

Любуясь прекраснымъ раннимъ утромъ, на хорошо-выстоявшихся коняхъ выѣхали мы изъ Серпы. Уже нѣсколько дней мы медленно подвигались впередъ, дѣлая въ сутки только по одной милѣ, тѣмъ болѣе что прекрасная погода позволяла проводить ночи подъ открытымъ небомъ. Во время ночлеговъ мы разгоняли скуку пѣснями и разсказами о приключеніяхъ и разбойникахъ, а послѣ того, уподобляясь имъ, завертывались въ свои широкія мексиканскія одѣяла, подъ которыми спали также спокойно какъ и подъ родимою кровлею. Однажды, невдалекѣ отъ маленькаго городка Сантъ-Изабелла, мы были изумлены внезапнымъ выстрѣломъ и криками призывавшими на помощь, которые раздавались слѣва изъ ближайшаго утесистаго оврага. Приготовившись къ оборонѣ, мы повернули на крикъ—и только что объѣхали холмъ пересѣкавшій дорогу, какъ нашимъ глазамъ представилось странное зрѣлище.

На первомъ планѣ увидѣли мы почтовую карету безъ лошадей; къ каждому колесу ея было привязано по человѣку, въ серединѣ же лежали связанные по рукамъ и по ногамъ пять женщинъ и между ними мальчикъ. Когда мы начали развязывать этихъ несчастныхъ, то замѣтили, что у мальчика руки были свободны и

онъ держалъ старое ружье, которымъ и былъ намъ поданъ сигналъ, при видѣ нашего приближенія. Осмотрѣвшись хорошенько, мы увидѣли на верху кареты два трупа—и узнали изъ разсказовъ путниковъ, что на карету напали разбойники, застрѣлили почталіона и рядомъ съ нимъ сидѣвшаго путешественника, потомъ вытащили изъ кареты беззащитныхъ пассажировъ и обобрали ихъ почти до-нага. Общество, занимавшее карету, составляли: старый бразилецъ съ женою, двумя дочерьми и мальчикомъ, въ сопровожденіи ихъ прислуги. Разбойники увели ихъ муловъ и захватили всю поклажу, а потому я послалъ одного изъ мексиканцевъ, Донъ-Алонзо, обратно въ Сантъ-Изабеллу, чтобы пріобрѣсти для бразильцевъ муловъ, одѣялъ и провіанту. Благодарность бразильцевъ за спасеніе и заботу мою о нихъ была безпредѣльна; мы устроили имъ постели изъ своихъ одѣялъ, и по возможности позаботились объ удобствахъ ихъ до возвращенія Алонзо; Даневеръ, замѣнивъ повара, сварилъ крѣпкаго кофе, который вся компанія пила съ наслажденіемъ. По освѣдомленіи оказалось, что разбойниковъ было человѣкъ до двадцати, но всѣ они съ виду были оборванцы, имѣли невзрачныхъ лошадокъ и были плохо вооружены, а также что они удалились по направленію на Сантъ-Филиппъ. Къ наступленію ночи возвратился и Донъ-Алонзо съ мулами, одѣялами и съѣстными припасами, и мы рѣшили переждать ночь на томъ мѣстѣ гдѣ находились. Раннимъ утромъ начались приготовленія къ отъѣзду; послѣ сытнаго завтрака мы распростились съ нашими новыми друзьями, и они вернулись въ Сантъ-Изабеллу. Это приключеніе заставило насъ предполагать, что мы должны ожидать нападенія въ горахъ, за которыми находится Сантъ-Филиппъ и куда направлялись разбойники. Къ ночи мы выбрали спокойное и уединенное мѣсто, но на этотъ разъ отъ пѣсенъ отказались, чтобы не обнаруживать своего присутствія. На другой день подъ вечеръ мы увидѣли четырехъ или пятерыхъ всадниковъ, которые ѣхали намъ на встрѣчу.

— Готовъ на пари, что это головорѣзы! замѣтилъ Даневеръ.

— Да синьоръ, отвѣчалъ Донъ-Лео, — мнѣ тоже кажется; они что-то очень смѣлы—даромъ что ихъ не много.

Каждый изъ насъ какъ-то инстинктивно схватился за револьверъ—и осмотрѣвшись, приготовился къ нападенію.

— Что скажете? обратился ко мнѣ Донъ-Алонзо.

— Да надобно ѣхать осторожно впередъ, покуда бездѣльники не выкажутъ непріязненныхъ попытокъ; ну а тогда придется драться на смерть!.. предложилъ я. А когда всѣ съ этимъ согласились, мы—показывая, что насъ нимало не безпокоитъ эта встрѣча,—продолжали разговаривая и посмѣиваясь подвигаться впередъ. Недоѣзжая шаговъ тридцати до насъ, одинъ изъ разбойниковъ закричалъ по испански:

— Заплатите за проѣздъ, а то мы не пропустимъ васъ!

При послѣднемъ словѣ я удачно всадилъ этому нахалу пулю въ голову, и онъ свалился съ лошади замертво. Послѣ того мы всѣ бросились на остальныхъ и уже полагали дѣло съ ними поконченнымъ, какъ вдругъ изъ-за камней и кустовъ высыпало до дюжины ихъ товарищей. Тутъ началась отчаянная схватка, такъ какъ мы предвидѣли, что намъ не будетъ никакой пощады.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ я оглянувшись увидѣлъ, что Донъ-Алонзо убитъ, а Даневеръ, лишившись лошади, отбивался отъ разбойниковъ тяжелымъ ружьемъ, отнятымъ у одного изъ нихъ, и этою дубиною почти за каждымъ взмахомъ поражалъ по одному противнику. Лео, держа зубами поводья, весь избитый и придерживаясь лѣвою рукою, висѣлъ на боку сѣдла и револьверомъ принуждалъ трехъ разбойниковъ держаться въ приличномъ отдаленіи. Я тоже слегка былъ раненъ въ бокъ, а у моего добраго коня ссадили кожу на затылкѣ. Когда мнѣ удалось свалить еще одного коренастаго бездѣльника, я снова оглянулся. Донъ-Лео уже умиралъ лежа на землѣ, и четверо разбойниковъ толпились возлѣ него, а двое обшаривали карманы Донъ-Алонзо, тогда какъ Даневеръ боролся съ другими двумя, которымъ удалось схватить его. Я спрыгнулъ съ сѣдла, поймалъ лошадь Донъ-Лео, и сваливъ ударомъ ножа одного изъ боровшихся съ Даневеромъ, въ то время какъ другой пустился бѣжать отъ насъ, крикнулъ Даневеру, вскочивъ опять на лошадь: «Садитесь скорѣе на лошадь Донъ-Лео, и поѣдемте отсюда!»

— И въ правду, отвѣтилъ Даневеръ, — я пригожусь еще на что нибудь лучшее чѣмъ въ жертву этимъ мерзавцамъ!.. Въ одинъ скачокъ мы очутились далеко отъ бездѣльниковъ, такъ что пущенныя намъ въ погоню двѣ пули не попали въ насъ, а догнать насъ было невозможно вслѣдствіе превосходства нашихъ лошадей.

— Однако, восемь противъ четырехъ, это что-то похоже на школьную сказку, замѣтилъ Даневеръ, когда мы перевалили черезъ горы.

— Да, возразилъ я,—въ этой схваткѣ мы потеряли двухъ храбрецовъ и двухъ прекрасныхъ лошадей; впрочемъ и мы не струсили, вѣдь на каждаго изъ насъ приходится по трое убитыхъ.

— Не спѣшите, полковникъ, у меня въ боку рана,—чего добраго, она уменьшитъ наше общество еще на одного.

— Я замѣтилъ еще во время боя, что вы поблѣднѣли, видѣлъ какъ судорожно сжимались у васъ губы, а глаза при каждомъ движеніи выражали страданіе,—чего добраго, вы опасно ранены; надобно остановиться, можетъ быть я буду въ состояніи облегчить вашу боль.

— Нѣтъ, отъѣдемте еще немного, проговорилъ Даневеръ.

Минуты черезъ двѣ, у небольшаго ручейка, я уже снималъ Даневера съ сѣдла,—отъ сильнаго кровотеченія онъ ослабѣлъ; обмывая кровь, я замѣтилъ у него три раны, изъ которыхъ та, на которую онъ жаловался, была смертельна; она глубоко проникала въ тѣло и была нанесена ножемъ. Понимая, что спасеніе его невозможно, я перевязалъ осторожно раны, далъ ему глотокъ водки и положилъ его на землю, накрывъ своимъ одѣяломъ. Позаботившись о лошадяхъ, я развелъ огонь и заварилъ кофе. Даневеръ проснулся, попросилъ еще глотокъ водки и снова забылся. Вынувъ сигару, я тоже присѣлъ на землю возлѣ него и погрузился въ обдумываніе нашего положенія. Прошло два томительныхъ часа, въ теченіи которыхъ ничто не нарушало какой-то мертвой тишины—и я опомнился только услышавъ стонъ Даневера.

— Полковникъ, проговорилъ онъ,—я вижу, что мнѣ скоро придется умереть, но я не боюсь смерти и съ наслажденіемъ жду покоя могилы.

— Не теряйте надежды, вы еще оправитесь, утѣшалъ я его, будучи убѣжденъ совершенно въ противномъ.

— Я вижу, полковникъ, что вы хотите ободрить меня, но чувствую какъ смерть подступаетъ. Мнѣ хочется разсказать вамъ свое прошлое... Вся жизнь моя была рядомъ злыхъ дѣлъ, я никогда и никому не сдѣлалъ добра, я убилъ несчастнаго Трасея—Богъ вѣсть за что;—и почемъ знать, не для нынѣшняго ли случая мнѣ пришлось уцѣлѣть изъ многихъ тысячъ убитыхъ, въ нынѣшнюю войну.

— Даневеръ, рѣшился я сказать ему,—такъ какъ я знаю, что вы не трусъ, то предупреждаю васъ: вамъ осталось жить не болѣе двухъ часовъ. Не хотите-ли вы черезъ меня завѣщать кому что-нибудь?

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Даневеръ,—я прошу васъ, письма и золотой медаліонъ съ женскимъ портретомъ, которые вы найдете въ моемъ кушакѣ, между бумагами и деньгами, передать Миссъ Анни, которую я люблю и съ которою пришлось разстаться покидая родину; адресъ ея вы найдете въ письмахъ. Деньги, если имѣете надобность, возьмите себѣ. Бумаги же передайте моему отцу и попросите его, чтобы онъ простилъ меня—если можетъ—за причиненное ему мною горе. Благословите моего скорбнаго отца, которому я принесъ столько огорченій. Скажите Миссъ Анни, что я любилъ ее честно—и что умираю, съ благодарностію вспоминая о ней. Вотъ, полковникъ, все что я имѣю поручить вамъ—и теперь прошу васъ принять мою благодарность за вашу любезность и за попеченіе обо мнѣ. Вы храбро помогали мнѣ защищаться—и если-бы не эта проклятая рана, я успѣлъ-бы на дѣлѣ отблагодарить васъ за это.—Я очень ослабъ.

— Даю вамъ слово исполнить всѣ ваши желанія, но прошу васъ позвольте мнѣ разсказать вашимъ знакомымъ о благородствѣ, которое не покидало васъ со времени нашего знакомства, отвѣтилъ я.

— Полковникъ, дайте пожалуйста вашу руку, проговорилъ Даневеръ послѣ долгаго молчанія,—если вы можете уважать меня, то я прошу васъ не забыть вашего, умирающаго и благодарнаго вамъ, спутника; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не желалъ бы, чтобы вы кому бы то ни было напоминали обо мнѣ.—Обѣщаете вы?

Крѣпко сжавъ его руку, я обѣщалъ исполнить и эту просьбу. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ снова прошепталъ:

— Не забудьте Анни, полковникъ,—сожмите крѣпче мою руку... я умираю... прощайте!..

Онъ умеръ безъ стона, безъ жалобы; смерть пришла такъ тихо, что можно было принять его за спящаго. Накрывъ одѣяломъ его блѣдное, прекрасное лицо, я отъ усталости заснулъ. Я проснулся, когда солнце было уже надъ головою, и вскочивъ увидѣлъ пасущихся лошадей, довольныхъ подножнымъ кормомъ; но несмотря на прекрасное утро, я не могъ отогнать тяжелаго настроенія овладѣвшаго мною. Разведя огонь, я позавтракалъ, напоилъ лошадей, и принялся за печальную церемонію погребенія моего друга.

Снявъ съ него кожаный поясъ, я небольшимъ топоромъ, который нашелъ въ сѣдельной сумкѣ Донъ-Лео, вырылъ могилу, въ которую и зарылъ трупъ Даневера. Отдавъ послѣдній долгъ умершему, я сѣлъ въ сѣдло и отправился въ путь, ведя за собою въ поводу другую лошадь. На третій день пути, въ горахъ меня застала буря. Примѣтивъ невдалекѣ что-то похожее на постоялый дворъ, я повернулъ къ нему.

Такъ какъ былъ уже вечеръ, то огонь—видиѣвшійся въ этомъ строеніи—помогъ мнѣ отыскать къ нему дорогу. На зовъ мой, въ отворенной двери показалась пожилая женщина, любезно согласившаяся пріютить меня на ночь. Сойдя на земь, я отвелъ обѣихъ лошадей въ конюшню, которую мнѣ указала женщина, задалъ лошадямъ корму—и захвативъ съ собою сѣдло и одѣяло, отправился въ домъ. Домъ состоялъ изъ двухъ комнатъ съ мезониномъ и былъ выстроенъ на открытомъ, ровномъ мѣстѣ. Въ первой комнатѣ помѣщался большой очагъ, столъ и нѣсколько стульевъ; за столомъ сидѣла очень миловидная дѣвушка 16—17-ти лѣтъ, и читала книгу, а въ концѣ стола старая негритянка укачивала ребенка. Женщина, встрѣтившая меня, занялась приготовленіемъ ужина; а я, чтобы убить время, подсѣлъ къ дѣвушкѣ, которая удивила меня своими познаніями; я могъ говорить съ нею обо всемъ. Сначала разговоръ шелъ на испанскомъ языкѣ, но черезъ нѣсколько времени она спросила:

— Синьоръ, не говорите ли вы по французски или по англійски?

— На обоихъ языкахъ, отвѣтилъ я по англійски,—который же вы выберете?

— Французскій, потому что тетка немного знаетъ по англійски.

— А!.. такъ вы хотите подѣлиться со мною какою-нибудь тайною, которой тетка не должна знать, замѣтилъ я по французски.

— Да, сказала она: — уѣзжайте сейчасъ же отсюда — понимаете?

— Но отчего же?

— Не спрашивайте, — васъ здѣсь ожидаетъ большая опасность, но я стѣсняюсь объяснить вамъ, въ чемъ она заключается.

— Помилуйте, да я только успѣлъ укрыться отъ опасностей бури—въ вашемъ обществѣ, подъ этою кровлею, сказалъ я посмѣиваясь.

Но смѣхъ мой нисколько не подѣйствовалъ на нее, а выраженіе лица ея, когда она начала говорить, коробило меня.

— Если вы останетесь тутъ на ночь, васъ убьютъ, сказала она: — этотъ домъ служитъ притономъ разбойникамъ, которые и теперь наверху дожидаются вашего сна. Идите скорѣе въ конюшню—будто бы посмотрѣть на лошадей, но оставьте ваше сѣдло и одѣяло въ комнатѣ, чтобы отвлечь подозрѣніе,—и уѣзжайте какъ можно скорѣе.

Все это она проговорила тономъ вполнѣ заслуживающимъ довѣрія, но такъ, что тетка, которая была увлечена познаніями племянницы во французскомъ языкѣ, не могла догадаться о содержаніи нашего разговора.

— Однако вы не изъ трусливыхъ, если живете въ притонѣ разбойниковъ, сказалъ я.

— Да, но мнѣ очень тяжело. Прежде мы съ дядею жили въ городѣ; онъ потерпѣлъ большія неудачи, и мы должны были поселиться здѣсь и вести эту ужасную жизнь; — еслибы вы знали, сколько людей погибло! Но однако отправляйтесь, — уже поздно.

— Если вы хотите избавиться отъ этой жизни, то уѣдемте отсюда со мною; кстати же у меня двѣ лошади. Я васъ доставлю въ Madre de Dios, къ моему старинному другу, у котораго вы поселитесь.

Она окинула меня быстрымъ, рѣшительнымъ взглядомъ.

— Я согласна уѣхать съ вами, сказала она.—Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ противно жить въ этомъ домѣ; но, пожалуй, я васъ стѣсню?

— Нисколько: я твердо рѣшился избавить васъ отъ этой муки; наконецъ, у меня вѣдь двѣ лошади и отличные пистолеты. Что же, согласны вы? еще разъ спросилъ я.

— Я тоже рѣшилась, отвѣчала она, — покуда я приготовлюсь, вы будете ждать въ этой комнатѣ, а черезъ четверть часа отыщите предлогъ выйдти—ну, хоть бы посмотрѣть лошадей; скажите, что вы тотчасъ возвратитесь къ ужину, но не забудьте оставить здѣсь ваше сѣдло и одѣяло.

Черезъ нѣсколько минутъ она, проговоривъ что-то теткѣ, вышла изъ комнаты, а я досталъ изъ сѣдельной сумки свои пистолеты. Вскорѣ я завелъ любезный разговоръ съ теткою и, польстя ей похвалою ея кулинарныхъ способностей, сказалъ:

— Тетушка, скоро ли ужинъ-то?—вѣроятно я еще успѣю взглянуть на своихъ лошадей?

— Десять минутъ въ вашемъ распоряженіи, произнесла она.

Послѣ этого я тотчасъ вышелъ за дверь. Ночь была страшная, буря розыгралась не на шутку. Я даже подумывалъ вернуться въ комнату, пожертвовавъ представляющимся случаемъ спастись отъ смерти; но мысль объ обѣщаніи моемъ выручить несчастную—придала мнѣ энергіи, и я направился къ конюшнѣ. Дѣвушка, держа въ поводу лошадей, дожидалась уже, переодѣтая въ мужское платье.

— Все готово, шепнула она, — ѣдемте скорѣе!

Я помогъ ей сѣсть на лошадь, подтянулъ стремена и предложилъ ей ѣхать впередъ, такъ какъ она была знакома съ мѣстностью. Мы потихоньку выѣхали и должны были проѣхать мимо самаго дома, по совершенно открытой мѣстности, покуда не выберемся въ горы. Въ то время, какъ мы проѣзжали мимо крыльца, хозяйка отворила дверь чтобы позвать меня къ ужину. Замѣтивъ насъ, она громко закричала тѣмъ, которые находились наверху, и они тотчасъ замѣтили наше бѣгство.

— Ну, милая моя, скачите скорѣе, а я постараюсь уложить перваго показавшагося злодѣя.

Едва произнесъ я эту фразу, какъ изъ дома выбѣжалъ человѣкъ, вооруженный тяжелымъ ружьемъ; свѣтъ изъ окна ярко и четко освѣщалъ его. Но мы уже попали на дорогу — и покуда дѣвушка мчалась по ней, я вдругъ обернулся на своемъ сѣдлѣ и выстрѣлилъ въ виднѣвшуюся фигуру. Но и та сдѣлала выстрѣлъ въ одно время со мною; пуля оцарапала мнѣ руку, а моя должно быть ловко попала, такъ какъ разбойникъ упалъ замертво. Другіе, показавшіеся изъ дому люди спрятались и хотя нѣсколько спустя стрѣляли въ насъ, но пули не попали. Мы не останавливаясь ѣхали всю ночь—и только въ полдень слѣдующаго дня остановились на отдыхъ.

Лошади наши совсѣмъ измучились, а мы были голодны, устали и хотѣли спать. Я развелъ огонь, а синьорита Инеса приготовила завтракъ, пустивъ лошадей въ траву; какъ только мы подкрѣпились пищею—тотчасъ легли спать на солнопекѣ, смѣнившемъ вѣтеръ и дождь бури. Спустя два дня мы прибыли въ Леспу, гдѣ продали лошадей, и выѣхали въ экипажѣ въ Madre de Dios; тамъ насъ радушно приняло семейство моего давнишняго пріятеля. Инеса познакомилась съ его дочерьми и впослѣдствіи очень подружилась съ ними. Во время пребыванія у моего пріятеля, я увѣдомилъ семейства несчастныхъ мексиканцевъ—спутниковъ моихъ—о потерѣ, которую они понесли.

Инеса, которая еще въ дѣтствѣ была взята у родителей своихъ дядею и теткою, не знала и не видывала иного жилища кромѣ разбойничьяго притона, откуда я ее увезъ. Но тамъ съ нею хорошо обращались—и дядя ея, очень образованный человѣкъ, воспитывалъ ее и выучилъ французскому и англійскому языку. Она впрочемъ не жалѣла о разлукѣ съ своими родными, потому что была принята какъ родная въ семейство почтеннаго Картера. Въ скоромъ времени въ нее влюбился молодой Леонардъ Картеръ, единственный сынъ моего пріятеля, и жена его сулила имъ счастливую будущность.

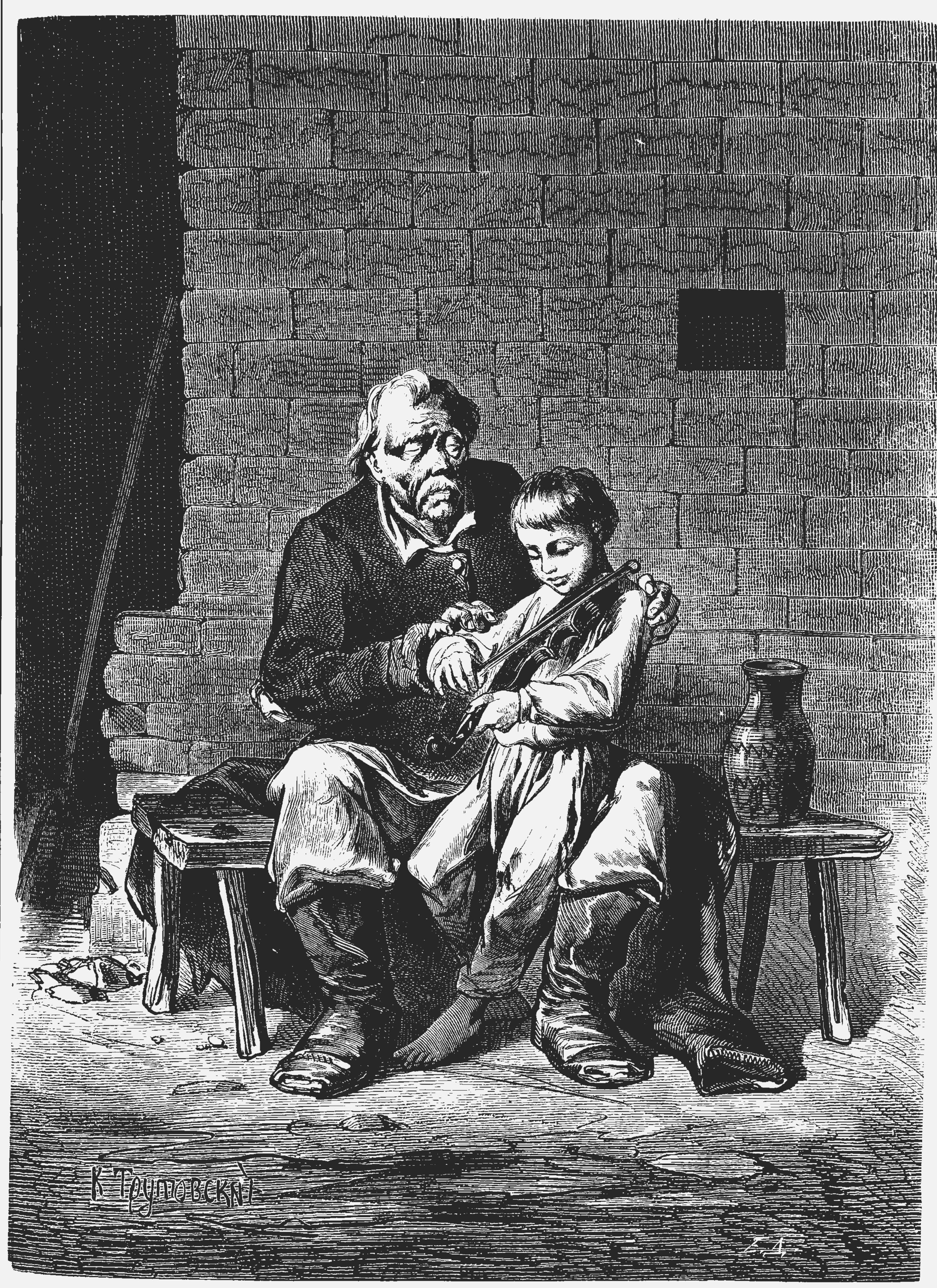
По возвращеніи въ Нью-Йоркъ, я исполнилъ всѣ порученія Даневера, данныя имъ передъ смертью, и теперь могу считать въ числѣ своихъ лучшихъ друзей еще одного — миссъ Анни, которую люблю не менѣе отца, матери и сестеръ своихъ.

Урокъ на скрипкѣ.

Едва ли найдется въ русскомъ народѣ племя музыкальнѣе малороссовъ. Роскошная, южная природа со всею нѣгою лѣтнихъ ночей, благоуханіемъ травъ и цвѣтовъ, степная ширь горизонта (которая самымъ думамъ человѣка даетъ какъ бы просторъ — и манитъ ихъ прочь отъ земли, въ далекую синеву чистаго неба), преданія и остатки поэтическихъ рыцарскихъ нравовъ казачества, сравнительное довольство обусловленное плодородіемъ почвы и вслѣдствіе того нѣкоторая лѣнь, склонность къ досугу, врожденная всякому украинцу,—вотъ задатки художественнаго развитія этихъ вольныхъ выходцевъ изъ Великой Руси въ прежнія времена.

Недаромъ Украйна зовется Русскою Италіей; не только въ удареніяхъ и пѣвучемъ произношеніи словъ слышится нѣкоторая аналогія съ языкомъ италіанскимъ, такъ что издали ихъ даже трудно различить между собою, — нигдѣ по всей Россіи нѣтъ такого множества хорошихъ голосовъ и пѣвцовъ, нигдѣ въ простомъ народѣ не распространенъ до такой степени совершеннѣйшій изъ музыкальныхъ инструментовъ, скрипка, — и малороссіянинъ отлично понимаетъ это близкое родство скрипки къ человѣческому голосу; въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Украйны говорятъ: співать на скрипицѣ, т. е. пѣть на скрипкѣ, а южане-полтавцы, приходя въ восторгъ отъ хорошей игры на этомъ инструментѣ, восклицаютъ: бачъ, якъ співае — ажъ нудьга бере, т. е. что скрипка поетъ до боли въ сердцѣ.

Скрипка, эта необходимая принадлежность всякой малороссійской вечерницы, въ то же время предметъ гордости каждаго паробка, источникъ зависти каждаго подростка. Первый скрипачъ почти всегда обладаетъ любовью первой красавицы своего хутора; бывали примѣры, что молодежь нарочно училась музыкѣ — съ цѣлію понравиться своей возлюбленной. Первая скрипка

Урокъ на скрипкѣ.

По оригинальному рисунку профессора К. Трутовскаго, рѣзалъ на деревѣ Э. Даммюллеръ.

по всей вѣроятно занесена въ Украйну съ запада черезъ Польшу; но тѣ которыя мы слышимъ тамъ въ настоящее время — всѣ самодѣльщина, и приготовляются чрезвычайно просто, самими же музыкантами. Вырѣзываются двѣ доски разнаго дерева: нижняя—дубовая; другая, большею частью изъ ольхи или липы, составляетъ верхнюю основу скрипки; промежутки заклеиваются всякимъ деревомъ, какое попадетъ подъ руку, переходятъ въ ручку, грифъ, — и вотъ скрипка готова. За струнами дѣло тоже не станетъ: убили къ празднику барана—хохолъ беретъ кишку, сукаетъ (сучитъ) ее, растягиваетъ на гвоздкахъ по хатѣ, высушиваетъ—вотъ и квинта готова; двѣ кишки, скрученыя вмѣстѣ, даютъ вторую струну, четыре—третью; затѣмъ басокъ—единственная денежная трата на инструментъ — покупается на базарѣ. Но пока все это клеится, прилаживается, посмотрите какъ сверкаютъ глазенки маленькихъ хлопцевъ, обступившихъ мастера и слѣдящихъ за процессомъ изготовленія скрипки! Все это будущіе виртуозы-самоучки.

Малороссъ, учась на скрипкѣ, почти никогда не пользуется уроками свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ. Будучи хлопцемъ и запасшись самодѣльнымъ инструментомъ, онъ забирается куда-нибудь въ клуню или въ омшаникъ — и тамъ, водя смычкомъ по нѣскольку часовъ кряду, такъ-сказать ощупью доходитъ до теоріи музыки, нащупываетъ и запоминаетъ разные тоны, которые можно извлечь изъ четырехъ струнъ...

Но вотъ первыя трудности преодолѣны: паробокъ умѣетъ уже играть танцы—гопака и горлицю—и немало всякихъ пѣсенъ... А что̀ это за пѣсни! какъ въ нихъ сказывается ясная, наивная, дѣтская простота души малороссіянина! Что касается содержанія, словъ пѣсни, то, наприм., въ любовныхъ вы никогда не найдете того дикаго, грубаго отношенія къ женщинѣ, которое выражается поговоркой: кто крѣпко любитъ, тотъ больно бьетъ. Любимая дівчина въ пѣсни зовется ясочкой, серденькомъ, рыбанькой, доней и т. п. нѣжными прозвищами. Если же и доходитъ дѣло до побоевъ, то бьетъ обыкновенно

Жінка мужика,
За чуприну взявши,
А вінъ передъ нею стоитъ
Та шапочку снявши....

На смерть пораженный въ бою казакъ взываетъ къ степному вѣтру, къ травѣ перекати-поле, къ зозулѣ или ворону,—и проситъ доставить вѣсточку *старой*, т. е. матери, чтобъ сіротина по немъ не горевала. Не менѣе поэтичны и описанія попадающіяся въ пѣсняхъ, какъ, наприм., извѣстная

У полі могила
Зъ вітромъ говорила:
Не вій витре на мене
Щобъ я не чорніла,
Иди дождикъ дрібнесенькій
Щобъ зазеленіла...

Лѣтомъ пѣсни эти поются на такъ-называемой *улицѣ*. Подъ вечеръ, когда дневныя работы покончены, хуторская молодежь—дівчата и паробки—высыпаетъ на выгонъ или къ околицѣ, собирается въ кружокъ — и тутъ-то раздаются тѣ голоса, отъ которыхъ луна иде гаемъ (гулъ идетъ по лѣсу).

Тутъ же дебютируетъ и начинающій игрокъ съ своей скрипкою. Дівчата, съ гирляндами лиловыхъ цвѣтовъ въ темнорусыхъ косахъ, надушенныя *васильками* (сильно пахучіе цвѣты), въ монистахъ и дукатахъ, въ черевикахъ съ подковками, выходятъ попарно и пляшутъ, высоко подскакивая и притопывая каблучками... А паробокъ работаетъ смычкомъ безъ устали, все пуще и пуще разыгрываясь, въ потѣ лица сбрасываетъ свою сѣрую свитку — и безъ умолку льются живые веселые звуки, точно черпая силу свою изъ самихъ себя....

Хороши они въ созвучіи съ молодыми звонкими голосами, въ затишьѣ теплой синей ночи, при яркомъ мѣсяцѣ и дальнемъ отзывѣ перепеловъ... Далеко слышны эти чистые грудные голоса—и не скоро забываетъ ихъ, кому хоть разъ удалось насладиться такимъ хоромъ.

Поются эти пѣсни *на улицѣ* до конца лѣта; когда же наступаетъ осень съ ея долгими, темными, холодными вечерами—начинаются *досвітки*, т. е. посидѣнки до свѣта, до утра. Для этого на хуторѣ отыскивается хата, въ которой хозяинъ—одинокій старикъ, бобыль; его выбираютъ въ *досвічоные батьки*, за что̀ или платятъ деньгами, или онъ пользуется даровымъ угощеніемъ. Къ вечеру, собравшись въ хату первыми, дівчата усаживаются за работу—шитье, пряжу и т. п. Каждая приноситъ съ собою, смотря по достатку, десятокъ яицъ, курицу или ковбасу, что̀ у кого есть. Большею частью *страва* эта похищается изъ дому тайкомъ отъ зоркаго глаза матери; но впослѣдствіи, если-бы продѣлка и раскрылась, строгая хозяйка смотритъ на нее сквозь пальцы: дочкѣ треба жениха шукати, а гдѣ-жъ его найдти какъ не на досвіткахъ?

Позднѣе къ вечеру, дверь шумно отворяется — и входятъ гурьбою паробки. Они приносятъ съ собою горілку, деревенскія лакомства и неизбѣжную скрипку. Опять начинаются пѣсни, плясъ, чередуясь съ работой и немолчнымъ говоромъ, причемъ каждый паробокъ ухаживаетъ за своей дівчиной, давно уже намѣченной себѣ въ жены. А досвічоный батько лежитъ собі на печи, покуриваетъ люльку, вспоминая молодые годы—и наконецъ засыпаетъ, убаюканный почетнымъ угощеніемъ. Молодежь остается на всей своей волѣ — но почти не бываетъ примѣра, чтобы паробокъ измѣнилъ разъ-выбранной дівчинѣ и не женился на ней впослѣдствіи.

А ужь сватьба безъ скрипокъ—просто немыслима. Тутъ ихъ набираютъ откуда только можно и какъ можно больше. Являются скрипачи съ чужихъ хуторовъ, и даже скрипачи по ремеслу—большею частію изъ бывшихъ дворовыхъ. Хорошій скрипачъ можетъ по своему безбѣдно и весело прожить въ этой музыкальной сторонѣ.

Впрочемъ, хорошіе скрипачи рѣдко бываютъ самоучками. Кромѣ музыкантовъ изъ прежнихъ помѣщичьихъ оркестровъ, есть еще особенно-даровитыя семьи, въ которыхъ искусство передается отъ отца къ сыну, отъ дѣда внуку; — одинъ изъ такихъ уроковъ и представленъ на прилагаемомъ рисункѣ профессора Трутовскаго, извѣстнаго мастерскими изображеніями малороссійскаго народнаго быта.

Вглядитесь, съ какой любовью водитъ слѣпой старикъ неумѣлою рукою своего хлопца — и съ какимъ страстнымъ вниманіемъ отдается мальчуганъ любимому занятію. Убогая хатка, ветхая печь, глиняный кувшинъ и шаткая скамья, на которой примостились эти старый да малый, все какъ бы отступаетъ на второй планъ, просто не существуетъ для музыкантовъ... Они поглощены звуками... и

Міръ исчезъ для нихъ....

Пріюты для бездомныхъ дѣтей въ Великобританіи.

Съ давнихъ поръ англійская пресса обращала вниманіе на постоянно-возрастающее число преступленій и пауперизмъ великобританскаго населенія, съ которыми не въ силахъ бороться ни частная благотворительность, ни законодательство. «Лондонъ,—замѣчаетъ Saturday Review, — можетъ назваться самымъ благотворительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ преступнымъ городомъ Европы». Въ настоящее время зло достигло ужасающихъ размѣровъ. Общество не хотѣло сначала вѣрить этому, но статистика слишкомъ наглядно доказала дѣйствительность этого зла.

Не считая сотенъ и тысячъ тѣхъ, которые не хотятъ принимать помощи изъ рукъ частной благотворительности и умираютъ—по официіальному выраженію—«from want and privation» (т. е. отъ недостатковъ и лишеній), *пять процентовъ* Лондонскаго населенія находятся въ самой безнадежной, ужасающей бѣдности. Что могутъ тутъ помочь 1,200,000 ф. ст. ассигнованныхъ правительствомъ на этотъ предметъ? что значатъ $6^1/_2$ милл. ф. ст. частной благотворительности?!

Но еще ужаснѣе являются годъ отъ году усиливающіяся и развивающіяся *корпораціи* преступниковъ. Такъ должны онѣ быть названы, потому что онѣ съ удивительною систематичностью ведутъ свои дѣла. Нерѣдко были находимы записныя книги этихъ корпорацій, въ которыхъ можно было найти аккуратно записанными всѣ украденныя вещи—съ указаніемъ цѣнности каждой и количества денегъ полученныхъ отъ продажи.

Въ 1867 году въ Лондонѣ считалось 8964 человѣка воровъ и другихъ преступниковъ, свободно отправляющихъ свое ремесло; въ 1868 г.—уже 10,342. Вообще, по послѣднимъ отчетамъ полиціи, въ Англіи и Валисѣ насчитывается до 141,000 преступниковъ, изъ которыхъ только 26,000 заключены въ тюрьмахъ; остальные же находятся на свободѣ и почти что безпрепятственно отправляютъ свое ремесло, потому что 24,000 полицейскихъ чиновъ (изъ которыхъ около 9000 приходятся на Лондонъ) совершенно недостаточно для уничтоженія вкоренившагося зла, тѣмъ болѣе что англійское законодательство различнаго рода формальностями препятствуетъ быстрому и свободному отправленію ихъ обязанностей.

Корень всего зла лежитъ главнымъ образомъ въ дѣтяхъ, которые, не имѣя ни постояннаго пристанища ни родителей, предоставляются или собственнымъ силамъ, или на произволъ судьбы. Изъ нихъ то главнымъ образомъ и образуются впослѣдствіи всякаго рода преступники. Статистика показываетъ, что въ одной только Англіи ежегодно передъ судомъ является отъ 15 — 16,000 малолѣтнихъ преступниковъ. Въ прошломъ столѣтіи съ ними кончали такъ-же скоро какъ и съ большими. Еще въ царствованіе Георга II случилось, что двое дѣтей—мальчикъ двѣнадцати и дѣвочка одинадцати лѣтъ—были повѣшены.

Но то была старая система, оказавшаяся ни къ чему негодною —зло продолжало рости, число преступниковъ увеличивалось. Тогда явилась другая, которая избрала себѣ девизомъ: Prevention is better than cure (буквально: предотвращать зло—лучше чѣмъ исцѣлять его). Не нужно тюремъ для дѣтей, нужны школы и пріюты могущіе замѣнить собою семью. Они одни—дѣйствительное средство противъ пауперизма и преступленій. Мысль эта принадлежитъ благородному доктору Гютри (Guthrie) изъ Эдинбурга, основателю «Ragged schools», — мысль, которая нѣсколько времени спустя была осуществлена графомъ Шафтсбюри, портретъ котораго приложенъ внизу нашего рисунка (см. стр. 557).

Одинъ путешественникъ — который нѣсколько разъ посѣтилъ Эдинбургъ — разсказываетъ о томъ положеніи, въ какомъ находятся малолѣтніе дѣти этого города, и о школѣ д-ра Гютри, которую ему удалось посѣтить. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ изъ его разсказа.

«Лѣтъ двадцать тому назадъ посѣтилъ я впервые столицу Шотландіи. Уже съ первыхъ дней поразила меня — рядомъ съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ самаго города, богатствомъ и блескомъ нѣкоторыхъ улицъ—крайняя нищета и ужасающая бѣдность другихъ. Мнѣ не разъ приходилось видѣть дѣтей, которые въ стужу и дождь спали на холодныхъ лѣстницахъ домовъ. Между множествомъ дѣтей, которые мнѣ попадались ежедневно, я замѣчалъ часто семи и восьмилѣтнихъ. Одного изъ такихъ я и остановилъ однажды. Былъ холодный, ненастный день. Бѣдняжка не имѣлъ ни чулокъ, ни сапогъ, ни даже фуражки. Худенькій сюртучекъ, съ безчисленнымъ множествомъ дыръ, едва прикрывалъ его прозябшее тѣло; изъ подъ густыхъ волосъ выглядывало истощенное голодомъ лицо со впалыми, не по лѣтамъ серіозными глазами. Такъ какъ онъ замѣтилъ, что я не полицейскій чиновникъ, то довольно свободно отвѣчалъ на мои разспросы. «Гдѣ твой отецъ?» — Онъ умеръ, сэръ. «А мать?» — Тоже умерла. «Гдѣ-же ты живешь?» — У бабушки, вмѣстѣ съ сестрой и маленькимъ братомъ. «Кто она такая?»— Вдова. «Чѣмъ она занимается?» — Продаетъ трости, сэръ. «Что-же, въ состояніи она этимъ содержать васъ всѣхъ?» — Нѣтъ. «Чѣмъ - же вы живете, въ такомъ случаѣ?» — Мы ходимъ и продаемъ спички. «Ходишь ли ты въ школу?» — Нѣтъ, сэръ, я никогда не бывалъ въ школѣ. «Есть у тебя постель?» — Да, сэръ, немножко соломы.—Впослѣдствіи я узналъ, что бабушка эта пила запоемъ, заставляла своихъ внучатъ просить милостыню и воровать, и удовлетворяла — на пріобрѣтенныя такимъ путемъ деньги—своей гнусной страсти. Въ награду за это она давала дѣтямъ *виски* (водка)— и жестоко била, если они приносили недостаточное количество денегъ».

«Подобные дѣти, какъ они ни несчастны, имѣютъ все-таки хоть какое-либо пристанище, хотя и изъ этихъ многіе лишены даже того мизернаго пучка соломы, въ которомъ человѣкъ не отказываетъ и послѣднему животному. Но какъ много видѣлъ я дѣтей, которые не имѣютъ никакого пристанища, живутъ изо дня въ день, почуя сегодня на лѣстницѣ какого либо дома, а завтра на кучѣ навоза а то и просто подъ мостомъ — и это въ холодные осенніе и зимніе вечера, въ климатѣ, который часто даже и лѣтомъ отличается ледянымъ холодомъ, благодаря постоянно дующимъ восточнымъ вѣтрамъ. Какъ часто случалось видѣть на улицѣ пьяную женщину, на рукахъ которой жалось и пищало отъ холода дитя, скорѣе скелетъ дитяти—картина, которая въ состояніи возбудить даже въ безсердечномъ человѣкѣ чувство жалости и состраданія».

«Въ одну изъ моихъ ночныхъ прогулокъ зашелъ я въ полицейское бюро, куда въ то время собирали всѣхъ дѣтей неимѣющихъ пристанища, потому что въ то время не существовало (какъ нынѣ) такъ-называемыхъ «ночлежныхъ домовъ». Впрочемъ, многіе изъ дѣтей приходили туда добровольно сами. Въ маленькой коморкѣ, между другими—болѣе взрослыми—я замѣтилъ маленькаго, крайне бѣдно одѣтаго мальчика. Яркій свѣтъ камина освѣщалъ его улыбающееся во снѣ лицо, — а онъ спалъ на голомъ полу, и въ головахъ вмѣсто подушки у него находился кирпичъ. Какъ же велики несчастіе и бѣдность этого дитяти, если онъ и на такой постели чувствуетъ себя счастливымъ и можетъ улыбаться? Одинъ изъ служащихъ объяснилъ мнѣ, что у мальчика нѣтъ ни отца, ни матери, ни другихъ родственниковъ, которые могли бы взять его къ себѣ. Его единственные друзья—полицейскіе; его постоянное пристанище — полицейское бюро. Хотя его высылаютъ утромъ вонъ изъ бюро, однако онъ является сюда каждый вечеръ, чтобы укрыться отъ ненастья и холода».

«Черезъ нѣсколько времени потомъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ д-ромъ Гютри, который въ это время, полный силъ и энергіи, трудился на пользу имъ основанной школы для бездомныхъ дѣтей. Это былъ высокаго роста человѣкъ, съ умными, выразительными чертами лица, въ которыхъ проглядывали то тонкій юморъ, то чистосердечное состраданіе. Когда я, при первомъ моемъ свиданіи съ нимъ, назвалъ его основателемъ «Ragged schools» то онъ очень скромно отклонилъ отъ себя эту честь и сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ, это не я; это бѣдный штопальщикъ Джонъ Поундсъ (Pounds) изъ Портсмута и бумажный фабрикантъ Кованъ (Cowan) изъ Эдинбурга—вотъ истинные и первые основатели этой школы, потому что они первые собрали, одѣли и научили безпріютныхъ дѣтей. Второй шагъ по этому пути принадлежитъ Ватсону (Watson), шерифу изъ Абердина, основавшему офиціально подобную школу. Только съ 1845 года началъ я принимать нѣкоторое участіе въ этомъ дѣлѣ и оказывать тѣ незначительныя услуги, которыми съ помощью Божіею надѣюсь принести нѣкоторую пользу этому учрежденію».

«Видите-ли мой другъ,—продолжалъ онъ далѣе,—я не могъ равнодушно смотрѣть на эту бѣдность, на это безъисходное горе, безъ того чтобы не предпринять что либо для облегченія его. Я не могъ подобно многимъ другимъ—часто весьма почтеннымъ и благочестивымъ людямъ — равнодушно пройти мимо этихъ несчастныхъ дѣтей, пожимая плечами и говоря: «дѣти эти—истинная язва, они невыносимы». Мнѣ казалось, что вся судебная процедура, которой они подвергаются за всякаго рода проступки, не болѣе какъ печальная комедія. Я долженъ былъ сознаться, что настоящіе виновники всѣхъ этихъ преступленій находятся не на скамьѣ подсудимыхъ, а въ роскошныхъ домахъ, въ удобныхъ церквахъ около проповѣдническихъ кафедръ и не только около кафедръ, но *на кафедрахъ въ особенности*: потому что мы духовные, служители распятаго Спасителя, величайшаго друга дѣтей, мы виновны болѣе всѣхъ остальныхъ въ этомъ бѣдствіи. И такъ, я приступилъ къ дѣлу, сталъ знакомиться съ этими «*отверженцами* общества», какъ ихъ нѣкоторые называютъ,—и вѣрьте мнѣ, трудъ мой не пропадалъ даромъ, потому что я находилъ между ними истинные, драгоцѣнные самородки».

«Въ скоромъ времени послѣ перваго нашего знакомства съ д-ромъ Гютри, я посѣтилъ въ сопровожденіи его основанную имъ школу. Она помѣщается въ простомъ каменномъ зданіи и находится въ отдаленной улицѣ близь городскаго замка. Надъ входною дверью вырублена изъ камня развернутая библія—«оружіе нашей вѣры», какъ пояснилъ мнѣ докторъ. Впрочемъ, я не буду утомлять читателя описаніемъ тѣхъ мелочей, которыя можно встрѣтить въ любой школѣ. Скажу только о характеристическихъ особенностяхъ, отличающихъ эту школу отъ другихъ.

«Всѣ ученики собираются въ школу (многіе живутъ въ ней постоянно) лѣтомъ въ 7 часовъ, а зимою въ 8 часовъ утра. Тотчасъ-же по приходѣ они сбрасываютъ свои лохмотья, берутъ ванну и послѣ этого надѣваютъ ужъ школьное платье. Потомъ въ продолженіи часа идутъ занятія, послѣ которыхъ слѣдуетъ утренняя молитва и завтракъ. Онъ состоитъ изъ хорошей порціи особенно-приготовленной ячменной крупы. Тоже самое полагается и на ужинъ. Кушанье это по англійски называется *порриджъ* (Porridge). На обѣдъ дается сытный супъ и хлѣбъ.

«Необыкновенная вещь этотъ порриджъ,—сказалъ мнѣ Гютри,—онъ производитъ самое благодѣтельное дѣйствіе на дѣтей—и въ нѣсколько недѣль изъ блѣдныхъ и худыхъ дѣлаетъ свѣжими и полными. Безъ него мы скоро должны были бы закрыть нашу школу. Да иначе и быть бы не могло, потому что голодный не станетъ да и не можетъ учиться,—а о голодѣ, который испытали эти дѣти, ни вы ни я не можемъ составить себѣ и приблизительнаго понятія».

«Нужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ встрѣчали дѣти д-ра Гютри, какъ старались они разрѣшить часто трудные вопросы, которые онъ имъ предлагалъ, съ какою радостію встрѣчали они каждую его похвалу или лестный отзывъ.

«Посмотрите на этого мальчика, съ золотистыми волосами и смѣющимися голубыми глазами!» шепнулъ онъ мнѣ, когда мы уже хотѣли оставить классъ. «Видите ли,—продолжалъ онъ, когда мы вышли,—мальчикъ этотъ провожалъ на кладбище тѣло своей умершей матери. Безъ пріюта, безъ родныхъ, бѣдняжка легъ на могилу своей послѣдней заступницы и кормилицы, и рѣшился здѣсь умереть. На другое утро его нашли полумертвымъ; маленькія ручонки примерзли къ холодной землѣ, общей нашей матери Его привезли къ намъ—и здѣсь то онъ благодаря Бога поправился и современемъ обѣщаетъ быть полезнымъ членомъ общества. А сколько найдется такихъ несчастныхъ, которые крайне нуждаются въ нашей помощи и содѣйствіи, сколько безмолвно просятъ,—и мы не знаемъ этого. Да, трудъ который внушилъ намъ Богъ — великій и тяжелый трудъ!».

Послѣ занятій, дѣти играютъ въ продолженіи часа; потомъ начинаются различныя ремесленныя работы: одни шьютъ сапоги, платье, другіе столярничаютъ и т. д.; дѣвочки вяжутъ, шьютъ, стряпаютъ, моютъ и т. д. «Я вамъ скажу,—обратился Гютри ко мнѣ, указывая на дѣвочекъ,—что изъ нихъ выйдутъ современемъ прекрасныя жены для рабочихъ, и для этого мы ихъ главнымъ образомъ и воспитываемъ. Надѣюсь, намъ это удастся»!

И ему дѣйствительно удалось. Я самъ могъ—въ позднѣйшихъ своихъ посѣщеніяхъ—удостовѣриться въ возростающемъ вліяніи и пользѣ этихъ школъ. То громадное количество малолѣтнихъ нищихъ, которое можно было замѣтить на улицахъ Эдинбурга 20 лѣтъ то-

му назадъ, исчезло совершенно. Я по крайней мѣрѣ не встрѣтилъ ни одного. Число малолѣтнихъ преступниковъ тоже значительно уменьшилось. По офиціальному отчету за 1847 годъ, процентъ этихъ послѣднихъ, находившихся въ тюрьмахъ простирался до $5,_6$; въ 1848 г.: $3,_7$; въ 1849: $2,_9$; въ 1850: $1,_3$; въ 1859: $1,_2$. Вообще множество дѣтей, которымъ оставался одинъ путь преступленій и разврата, сдѣлались благодаря новой системѣ, полезными и счастливыми членами общества. Съ 1847 — 1860 г. изъ школы Гютри вышло 500 дѣтей, изъ которыхъ многіе переселились въ Канаду и Австралію, гдѣ честно и прилежно трудились, нѣкоторые же приняли участіе въ бывшей тогда Крымской кампаніи.

«Когда, послѣ окончанія Крымской кампаніи, народъ праздновалъ возвращеніе своихъ воиновъ,—разсказывалъ мнѣ Гютри,—захотѣли и мы отпраздновать тѣ побѣды, которыми увѣнчались наши первыя трудныя попытки. Мы разослали пригласительные билеты всѣмъ нашимъ бывшимъ ученикамъ и ученицамъ, сколько ихъ было тогда въ Эдинбургѣ. Въ назначенный день они собрались въ количествѣ 150 (женщинъ, когда-то ragged school girls, и мужчинъ, ragged school boys), которые мнѣ представляли всѣ и женъ и мужей; всѣ они были прилично, мило одѣты, благодаря честно заработаннымъ средствамъ. Какъ я былъ счастливъ при видѣ этихъ жертвъ спасенныхъ изъ рукъ нищеты и преступленій. Какъ мы благодарили Бога за то, что Онъ одинъ помогъ намъ выполнить взятый нами на себя трудъ»

Таковы-то были первые успѣхи подобныхъ благотворительныхъ учрежденій. Польза ихъ была слишкомъ очевидна для того, чтобы онѣ не нашли подражателей и въ другихъ мѣстахъ Великобританіи. Въ послѣдніе 20 лѣтъ ихъ появились тысячи въ Англіи и Шотландіи. Въ Лондонѣ, основанная графомъ Шафтсбюри Raggedschool Union насчитываетъ, въ настоящее время, болѣе 200 такихъ школъ, къ которымъ нужно причислить и собственно пріюты (refuges).

Одна, старѣйшая изъ этихъ школъ довольно замѣчательна по своей исторіи.

Помѣщеніе ея находится въ Вестминстерѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ прежде находился шинокъ, служившій сборнымъ мѣстомъ всѣхъ преступниковъ этого округа. Здѣсь была и воскресная школа—но какая? Въ ней по системѣ знаменитаго мошенника въ Диккенсовомъ «Оливерѣ Твистѣ» мальчики обучались воровскимъ продѣлкамъ. Если маленькій воръ былъ недостаточно ловокъ и попадался, то одинъ изъ старшихъ воровъ—переодѣтый полицейскимъ—тащилъ его въ уголъ, въ судъ. Здѣсь другой воръ въ парикѣ и судейскомъ платьѣ производилъ судъ, подобно тому какъ оно бываетъ въ дѣйствительности, по всѣмъ правиламъ и со всѣми необходимо формальностями. Маленькій преступникъ наказывался, причемъ получалъ наставленія и совѣты—какъ держать себя, гдѣ промолчать, гдѣ солгать, гдѣ вывернуться, когда дѣло дойдетъ до того, что ему въ дѣйствительности придется отвѣчать предъ истинными судьями. — Вотъ чему учила воскресная школа!

Въ настоящее время тамъ, гдѣ прежде воспитывались эти несчастные дѣти въ порокѣ и развратѣ, можно видѣть во всемъ блескѣ школу безпріютныхъ.

Особенно блестящее положеніе, въ ряду другихъ школъ Лондона, занимаютъ школы общества Refuge for homeless and destitute children, которыя помѣщаются въ одномъ зданіи. Общество это выстроило даже свой собственный школьный корабль. Chicester. Такъ какъ и эти школы въ существенномъ схожи съ вышеупомянутой школой Гютри, то мы и не будемъ распространяться о нихъ; ограничимся только нѣкоторыми данными, извлеченными изъ годовыхъ отчетовъ этого общества.

Въ 1813 году общество это имѣло всего только трехъ учениковъ, которые собирались три раза въ недѣлю. Въ настоящее время оно значительно разрослось—и въ 1867 году насчитывало не менѣе 363 мальчиковъ, включая сюда и тѣхъ 117 человѣкъ, которые остались въ школѣ отъ 1866 года. Нѣкоторая часть изъ нихъ поступила на корабль принадлежащій школѣ, часть же заняла другія должности, такъ что къ концу 1867 года въ школѣ оставалось всего 134 человѣка.

Общество это для помѣщенія своихъ школъ и пріютовъ наняло прекрасный и удобный домъ въ самомъ центрѣ города (на нашемъ рисункѣ изображенъ передній фасадъ зданія, выходящій на Great Queer Street). Въ четырехъ пріютахъ-школахъ, помѣщенныхъ въ этомъ зданіи, съ 31 декабря 1867 года считалось 1439 мальчиковъ и 763 дѣвочки.

Кромѣ этихъ учрежденій, въ которыхъ ученики живутъ постоянно, общество учредило еще для приходящихъ воскресныя школы, вечерніе классы и т. д.

Кромѣ занятій въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ общеобразовательными науками, мальчики изучаютъ еще какое-либо ремесло (четыре группы нашего рисунка представляютъ ихъ при занятіи). Съ недавняго времени въ число предметовъ обученія вошло и сельское хозяйство, такъ что 100 — 150 мальчиковъ заняты въ настоящее время полевыми работами.

Важнымъ шагомъ въ развитіи общества можетъ считаться пріобрѣтеніе имъ нѣсколькихъ кораблей, изъ которыхъ три въ Ливерпулѣ и одинъ въ Кардифѣ. Воспитанники съ удовольствіемъ поступаютъ туда на службу, и изъ нихъ безъ сомнѣнія выйдутъ современемъ опытные моряки. Къ 31 декабря 1867 года въ корабельной службѣ общества состояло 184 мальчика, изъ которыхъ впослѣдствіи до 30 человѣкъ поступило на купеческія и морскія суда.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ очеркъ. Какъ онъ ни коротокъ, изъ него все-таки можно видѣть—насколько могутъ быть полезны подобныя учрежденія, насколько могутъ онѣ устранить то величайшее зло, которое по праву можетъ быть названо бичемъ нашего времени, оборотной стороной медали современной цивилизаціи. Можетъ-быть многіе, насмѣшливо пожавъ плечами, скажутъ: «къ чему все это? зло ростетъ все болѣе и болѣе— и средства, которыя вы предлагаете, слишкомъ незначительны для того чтобы вы могли сказать, что хотя зло и ростетъ, но оно не неизлечимо,—что если оно и не можетъ быть уничтожено разомъ, то единственно благодаря современнымъ отношеніямъ людей между собою и очень незначительному, сравнительно, количеству основанныхъ на этотъ предметъ учрежденій. Мы не согласны съ мнѣніемъ Гютри, что число преступниковъ начинаетъ все болѣе и болѣе уменьшаться, что тюрьмы пустѣютъ —и въ скоромъ времени, по выраженію его, ихъ придется отдавать въ наймы. На нашъ взглядъ преступники и тюрьмы будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока совершенно не измѣнятся современныя общественныя отношенія, пока будутъ существовать въ людяхъ преступныя наклонности и привычки. При другихъ условіяхъ конечно будетъ иначе... но до этого еще далеко.»

Но неужели потому, что зло не можетъ быть излѣчимо совершенно, должны мы отказаться отъ вся-

кихъ попытокъ устранить его? Не должны ли мы—наоборотъ—дѣятельнымъ участіемъ, которое намъ подсказываетъ наше чувство гуманности и человѣколюбія, по возможности облегчать участь этихъ несчастныхъ, безвозвратно-погибающихъ дѣтей? Не должны ли мы спасать ихъ своевременною помощью отъ преступленій и разврата? Да мы должны—и съ этимъ согласится каждый истинно-честный и добрый человѣкъ—стараться всѣми силами, сообразно условіямъ нашей жизни, учреждать подобные пріюты и школы для бѣдныхъ безпріютныхъ. Вотъ почему въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ, какъ бы незначительно оно ни было, должны существовать подобныя учрежденія.

Письмо Давида Штрауса къ Эрнесту Ренану,

объ отношеніяхъ Германіи къ Франціи.

Приводимъ изъ Аугсбургской «Allgemeine Zeitung» слѣдующее письмо знаменитаго нѣмецкаго богослова къ его знаменитому собрату во Франціи—письмо, которому текущія событія прусско-французской войны придаютъ особенное значеніе.

Далеко не раздѣляя нѣкоторыхъ общихъ положеній этого документа, мы надѣемся, что письмо это прочтется не безъ интереса, какъ проливающее своеобразный свѣтъ на эти событія, выясняя взаимныя духовныя отношенія обѣихъ націй.

«Милостивый Государь!

Дружескій пріемъ, которымъ, какъ извѣщаетъ меня ваше письмо отъ 30 марта, вы почтили мою книжку о Вольтерѣ, былъ мнѣ великимъ успокоеніемъ. Въ Германіи книжка эта, въ теченіи немногихъ недѣль выпавшихъ ей на долю со времени появленія ея до начала войны, пользовалась всеобщею благосклонностью; но я не обманывался относительно тѣхъ трудностей, которыя предстояло одолѣть чужеземцу, для правдивой оцѣнки человѣка принадлежащаго къ иной націи,—въ особенности если человѣкъ этотъ служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ чуждой національности,—и по этому не безъ тревоги ожидалъ приговора, который изрекутъ мнѣ передовые въ средѣ соотечественниковъ Вольтера. То что вашъ приговоръ такъ милостивъ къ моему труду—заставляетъ меня истинно гордиться имъ. По крайней мѣрѣ правдивость, которую вы приписываете моей книгѣ, составляла единственную цѣль моихъ стремленій.

Конечно, время ли радоваться на свой литтературный трудъ, посвященный дѣлу международнаго мира, чтó именно было цѣлью моего сочиненія о Вольтерѣ,—когда двѣ націи, сближенію которыхъ книга эта должна была помочь, стоятъ во всеоружіи одна противъ другой! Разумѣется, вы правы, говоря, что всѣ тѣ кому дорога духовная связь между Франціей и Германіей—должны въ высшей степени скорбѣть объ этой войнѣ;—вы правы, считая несчастіемъ, что отнынѣ вновь на долгое время ненависть, несправедливость и безсердечное осужденіе станутъ лозунгомъ межь тѣми двумя членами европейской семьи, взаимное соглашеніе которыхъ необходимѣе всего для дѣла цивилизаціи;—вы не менѣе правы, утверждая, что обязанность всѣхъ друзей истины и справедливости, наряду съ безукоризненнымъ исполненіемъ національнаго долга, состоитъ въ отрѣшеніи отъ того пристрастнаго патріотизма, который сушитъ сердце и искажаетъ сужденія.

Вы заявляете, милостивый государь, что надѣялись на возможность отстранить войну. Мы, нѣмцы, также надѣялись на это съ 1866 года—каждый разъ когда эта война повидимому начинала грозить; но вообще мы считали войну съ Франціей какъ слѣдствіе событій этого года—неизбѣжною,—до того неизбѣжною, что у насъ нерѣдко слышался докучный вопросъ: почему Пруссія еще ранѣе, напр. по поводу люксембурскихъ торговъ, не прибѣгла къ войнѣ и не привела дѣло къ исходу? Не то чтобы мы желали войны; но мы достаточно знали французовъ для увѣренности въ томъ, что они пожелаютъ войны. Это точь въ точь какъ семилѣтняя война была слѣдствіемъ обѣихъ силезскихъ при Фридрихѣ Великомъ. Онъ также не желалъ ее, но онъ зналъ, что Марія-Терезія будетъ желать ее и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ себѣ союзниковъ. Отказаться отъ преобладанія однажды достигнутаго пожалуй еще можетъ властитель, но цѣлый народъ не такъ легко поступается; вы до тѣхъ поръ не прекратите попытокъ удержать за собою перевѣсъ, пока его не отнимутъ у васъ окончательно. Какъ въ то время Австрія, такъ нынѣ Франція, обѣ противъ Пруссіи, за которую на этотъ разъ—умудренная опытомъ—стоитъ вся внѣавстрійская Германія.

Франція со временъ Ришелье и Людовика XIV привыкла играть первую роль среди европейскихъ націй, и дѣяніями Наполеона I-го закрѣпила себѣ это первенство. Оно основывалось на сильной военно-политической организаціи, и еще болѣе на классической литературѣ, которая въ теченіи XVII и XVIII столѣтія развилась во Франціи и сдѣлала языкъ и образованность французовъ всемірно-преобладающими. Ближайшимъ же условіемъ этого первенствованія Франціи была слабость Германіи, противупоставлявшей единству Франціи свою раздробленность, единодушію—внутренній раздоръ, подвижности—неповоротливость. Но для каждой націи настаетъ свое время—и не однажды только, если нація не призракъ. Нѣмецкая воспользовалась своимъ временемъ еще въ XVI столѣтіи, въ вѣкъ реформаціи. За этотъ порывъ впередъ она впослѣдствіи дорого поплатилась разоромъ тридцатилѣтней войны, повергшей ее не только въ политическое безсиліе, но даже въ умственный упадокъ; но потому же и продержалась она такъ долго. Она снова узрѣла свое время. Она начала его тѣмъ, въ чемъ коренилось не могущество Франціи, но право на роль вожака Европы. Она тихомолкомъ развивалась, породила цѣлую литературу, выростила цѣлый рядъ поэтовъ и мыслителей, которые, ставъ на ряду съ французскими классиками XVII и XVIII столѣтія, болѣе чѣмъ однородны имъ. Если имъ и не всегда удавалось поровняться съ французами утонченностью свѣтскаго лоска и свѣтской образованности, ясностью и изяществомъ формы, за то они превосходили французовъ въ отношеніи глубины мысли и теплоты сердца.

Идея человѣчности, гармоническаго развитія человѣческой природы какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ такъ и въ общежитіи—развита была нѣмецкою литературою въ послѣдней четверти прошлаго и въ первой текущаго столѣтія.

Такимъ-то путемъ Германія достигла роли духовнаго вождя Европы, въ то время какъ Франція все еще продолжала свою политическую роль (въ послѣднее время, конечно, не безъ сильной борьбы съ Англіею). Но если только литературный полетъ Германіи не былъ пустоцвѣтомъ, то за нимъ долженъ былъ послѣдовать и политическій. Въ наполеоновскія времена Франція самымъ непосредственнымъ образомъ налегла на Германію; гнетъ этотъ былъ сброшенъ въ войнахъ за освобожденіе 1813 и 1814 года. Но причина нашего безсилія, недостатокъ политическаго единодушія, не прекратилась. Напротивъ того: если германская имперія уже съ давняго времени была только тѣнью, то теперь и тѣнь эта изчезла. Германія стала пестрою смѣсью независимыхъ государствъ бо̀льшаго или мѐньшаго размѣра. Если же эта независимость была только кажущеюся, то все-таки она оказывалась дѣйствительною въ томъ отношеніи, что дѣлала невозможнымъ всякое сильное движеніе цѣлаго,—тогда какъ сеймъ, которому слѣдовало бы представлять собою единство, заявлялъ о своемъ существованіи почти только тѣмъ, что сдерживалъ всякое свободное движеніе въ отдѣльныхъ государствахъ. Если Франціи опять захотѣлось увеличиться на нашъ счетъ, то не допускать ее до этого слѣдовало Россіи и Англіи, а не намъ. Это очень хорошо чувствовалось въ Германіи; это чувствовалось людьми, сражавшимися въ войнахъ за свободу, которымъ пришлось увидѣть во время этихъ грустныхъ реакціонныхъ годовъ совсѣмъ другіе всходы, а не тѣ которые (какъ имъ казалось) они сѣяли; это чувствовалось молодежью, выросшею на идеяхъ и пѣсняхъ этой войны. Поэтому-то стремленія этихъ послѣднихъ временъ къ единству и имѣли въ себѣ что-то юношеское, незрѣлое и романтическое. Германская идея бродила словно привидѣніе, словно тѣнь стараго императора. Что тогдашніе властители придавали такое большое значеніе студенческимъ союзамъ и совершенно непрактичнымъ демагогическимъ козиямъ (какъ это называли тогда), — это доказываетъ только одно: какъ нечиста была совѣсть властителей.

Буря вашей іюльской революціи очистила нѣкоторымъ образомъ воздухъ и у насъ, не поведя насъ, въ сущности, никуда дальше. Оглядываться на разнородную съ нами націю была пока излишне, такъ какъ каждому народу прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду свою собственную обстановку, свои собственныя свойства и исторію. Палаты нашихъ маленькихъ государствъ оживились, много зашевелилось тогда здоровыхъ силъ; но ограниченное пространство съуживало и кругозоръ нашъ. Такъ какъ Пруссія и Австрія продолжали недопускать у себя конституцію, и поддерживали другъ друга въ противодѣйствіи ея усиленію въ меньшихъ государствахъ, — то сопротивленіе сейму, этому жалкому остатку германскаго единства, считалось въ этихъ государствахъ патріотизмомъ. Съ теченіемъ времени, конечно, нельзя уже было скрыть отъ себя, что смѣлыми рѣчами въ палатахъ маленькихъ государствъ ничего не подѣлаешь, пока правительства этихъ государствъ могутъ опираться на сеймъ, т. е. на двѣ большія неограниченныя монархіи. Мысль о народномъ представительствѣ всплыла наружу. Созваніемъ союзнаго сейма въ Пруссіи сдѣлали, правда, только полушагъ; но этотъ полушагъ подавалъ большія надежды,—какъ вдругъ толчокъ съ вашей стороны, февральская революція, опять остановилъ было германское развитіе. Эти французскіе толчки были для насъ гибельны только до тѣхъ поръ, пока они находили насъ слабыми; по мѣрѣ того какъ мы усиливались внутренно, они становились для насъ все полезнѣе и полезнѣе, — такъ что этотъ послѣдній толчокъ, которымъ думали сдѣлать намъ не мало зла, сулитъ намъ уже теперь болѣе выгодныя послѣдствія, чѣмъ всѣ прежніе. Толчокъ 1848 года коснулся насъ въ ту минуту, когда отдѣльныя нѣмецкія государства, прійдя къ сознанію безплодности всѣхъ частныхъ попытокъ, стали единодушно помогать проявленію мысли о германскомъ единствѣ. Въ образовавшемся изъ общихъ выборовъ парламентѣ эта мысль впервые получила политическій о̀рганъ, передъ нравственнымъ авторитетомъ котораго должны были отступить всѣ наличныя власти. Но если мысль о германскомъ единствѣ жила въ теченіи двадцати лѣтъ преимущественно въ нашихъ студентахъ, то охотникъ до шутокъ могъ бы сказать, что въ 1848 году она дошла и до профессоровъ — если только въ каждомъ образованномъ нѣмцѣ, какъ это было уже не разъ замѣчено, скрывается частичка профессора. Словомъ, за дѣло взялись очень основательно съ теоретической стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непрактично; обезпеченіе правъ землевладѣльцевъ, споры о параграфахъ касательно конституціи—отняли драгоцѣнное время, а между тѣмъ дѣйствительныя власти опять пріобрѣли незамѣтнымъ образомъ силу,—и идеальное зданіе новой Германіи разсѣялось какъ облако.

Съ этой-то воздушной высоты была предложена германская императорская корона одному принцу, тоже заоблачному человѣку, но который, не смотря на это, выказалъ большой умъ—не признавая за собою такихъ правъ, чтобы онъ могъ носить эту корону, а за короною такихъ, чтобы ее можно было носить. Сдѣланныя имъ затѣмъ, уже по своей собственной инціативѣ, попытки присвоить себѣ часть того, что̀ предлагалось ему тогда,—кончились еще жалче, чѣмъ попытка германскаго народа переустроить себя. Во время этой борьбы—дуализмъ между Пруссіею и Австріею, какъ главное зло тогдашней обстановки Германіи, все болѣе и болѣе обнаруживался. Во время Меттерниха Австрія тащила за собою на буксирѣ Пруссію — и въ этомъ видѣли ручательство порядка и мира. Что Пруссія стала дѣлать все болѣе и болѣе усердныя попытки имѣть свою собственную волю и преслѣдовать свои собственныя цѣли, австрійскіе политики находили это столь же неудобнымъ, какъ и неприличнымъ. Поэтому-то что̀ бы Пруссія ни задумала съ этихъ поръ создать, или хоть только продолжать въ Германіи, начиная отъ бы съ Таможеннаго Союза,—тому Австрія сопротивлялась и тайно, и явно, такъ что Германія пришла въ такое же положеніе, въ какомъ былъ бы экипажъ, въ который впрягли двухъ лошаде одинаково силы, одну спереди, другую сзади, и который вслѣдствіе этого не могъ бы двинуться съ мѣста. Но каждое время воспитываетъ для себя людей, — если предположить, что въ молодомъ поколѣніи найдутся личности надлежащаго закала и что эти личности займутъ надлежащія мѣста. Господинъ фонъ-Бисмаркъ оказался человѣкомъ такого закала, а его положеніе на франкфуртскомъ сеймѣ—такимъ пунктомъ, съ котораго онъ могъ проникать въ отда.

леннѣйшіе тайники германскаго зла. Прежде всего, его прусская гордость поклялась отмстить Австріи, за униженіе Пруссіи; но притомъ небезъизвѣстно ему было, что этимъ самымъ онъ поможетъ и Германіи. Во время борьбы за Шлезвигъ-Голштинію была такая минута, что двухъ лошадей удалось запречь рядомъ; но лишь только цѣль была достигнута, какъ лошади опять стали тянуть въ прежнемъ противуположномъ направленіи. Теперь дѣло состояло въ томъ, чтобы разрубить постромки, которыя связывали съ экипажемъ припряженную къ нему сзади лошадь,—тогда передней легко стало бы везти его впередъ. Настоящее Колумбово яйцо—эта мысль; повидимому, ей бы слѣдовало быть всеобщею, а между тѣмъ, если она и являлась многимъ, то надлежащія мѣры для приведенія ея въ исполненіе умѣлъ принять только одинъ.

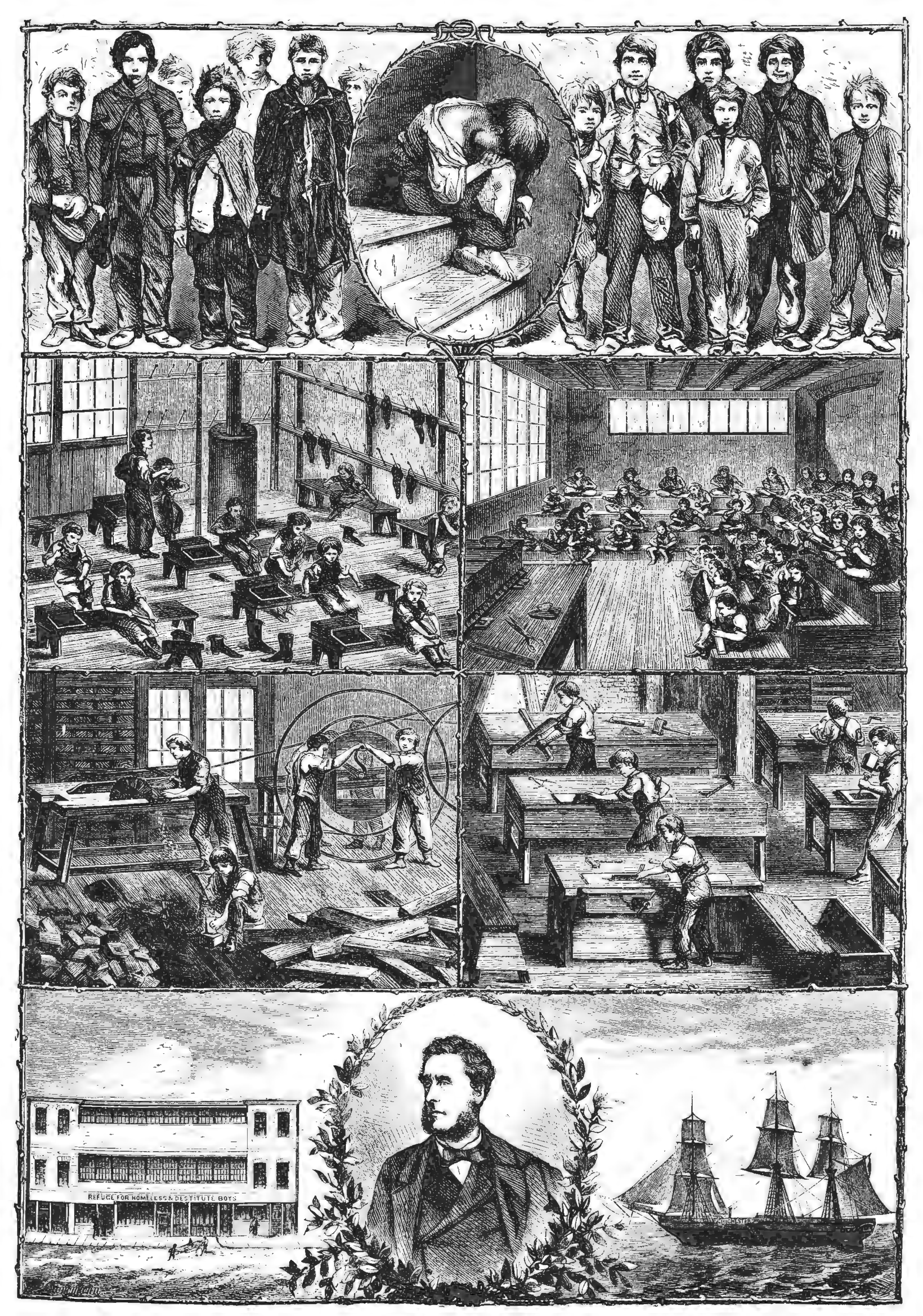
Въ жизни народовъ, точно такъ же какъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей, встрѣчаются такіе результаты, когда то чего мы сами (и давно уже) желали, то къ чему мы стремились — выступаетъ передъ нами въ такомъ странномъ видѣ, что мы не узнаемъ его и отворачиваемся прочь съ негодованіемъ и ненавистью. Это самое произошло съ прусско-австрійскою войною 1866 года и ея послѣдствіями: она принесла намъ, нѣмцамъ, то чего мы давно желали; но она принесла это не такъ, какъ мы желали,—и потому-то это и оттолкнуло отъ себя значительную часть германскаго народа. Мы желали, чтобы объединеніе Германіи было совершено идеею, желаніемъ народа, умами его лучшихъ людей,—и вдругъ оказывается, что оно основано вещественною силою, посредствомъ крови и желѣза. Мы желали—куда только не залетаетъ идея! — чтобы всѣ нѣмецкія племена соединились въ одно государство, а между тѣмъ оказывается, что обстоятельства заставили исключить изъ этого государства не только австрійскихъ нѣмцевъ, но и южно-германскія государства. Нужно было время, чтобы нѣмецкій идеализмъ и нѣмецкое упрямство примирились съ тѣмъ что̀ намъ дали; но сила и—хотѣлось бы мнѣ сказать — разумность этого даннаго оказались такъ неодолимы, что болѣе справедливый взглядъ на событія сдѣлалъ въ короткое время самые отрадные успѣхи.

Не мало помогло открыть глаза даже наиболѣе ослѣпленнымъ то, какимъ образомъ отнеслась Франція къ этому событію. Она допустила его, надѣясь, что междоусобія сосѣдней страны будутъ выгодны для ея могущества; но, увидѣвъ, что ошиблась въ разсчетѣ, она не могла скрыть своей досады. Отнынѣ, мы, нѣмцы, могли уже дѣлать оцѣнку нашихъ политическихъ отношеній, соображаясь съ тѣмъ, какимъ образомъ глядитъ на нихъ Франція, потому-что въ одномъ и томъ же предметѣ стали оказываться совершенно противуположныя качества. По той кислой минѣ, какую дѣлаетъ Франція Пруссіи и Сѣверному Союзу, мы можемъ видѣть, что въ нихъ-то и заключается наше спасеніе. По тѣмъ глазкамъ, которые дѣлаетъ Франція союзу южно-германскихъ государствъ, ясно что въ немъ-то и заключается для насъ величайшее зло. Каждое движеніе, которое Пруссія дѣлала не для того чтобъ принудить южныя государства къ присоединенію, но для того только чтобъ отворить имъ свою дверь, бывало заподозрѣно Франціею и служило ей предметомъ для возраженій; даже по такому совершенно не политическому предмету, какъ поддержка желѣзной дороги чрезъ С. Готардъ, кричалъ бранелюбивый гальскій пѣтухъ. Франція со времени паденія Наполеона трижды мѣняла свою конституцію—Германіи никогда и на мысль не приходило вмѣшиваться въ это дѣло: она всегда признавала за сосѣдомъ право передѣлывать внутренность его дома, смотря по потребностямъ, ради удобства или даже по капризу. А развѣ то что̀ мы, нѣмцы, дѣлали въ 1866 году — не тоже самое? Развѣ домъ сосѣда поколебался отъ того, что мы проломали въ нашемъ (до тѣхъ поръ, какъ всѣмъ извѣстно, неудобномъ для житья домѣ) стѣны, ввели туда брусья и вывели другія стѣны? Развѣ отъ этого могло бы убавиться у него свѣта и воздуха? Развѣ это грозило ему пожаромъ? Ничего не бывало: нашъ домъ показался этому сосѣду слишкомъ великолѣпнымъ, онъ хотѣлъ, чтобъ самымъ лучшимъ и самымъ высокимъ домомъ въ цѣлой улицѣ былъ его домъ; въ особенности же не слѣдовало укрѣплять нашего; намъ не слѣдовало имѣть возможности запирать его,—надо было, чтобъ сосѣдъ нашъ могъ безпрепятственно, какъ онъ это и дѣлывалъ въ прежніе времена, завладѣвать какими ему угодно комнатами и присоединять ихъ къ своему дому. А между тѣмъ, перестроивая нашъ домъ, мы не заявили никакихъ притязаній на тѣ части нашего дома, которыя присвоилъ себѣ въ прежнее время нашъ наглый сосѣдъ,—и оставили ихъ ему, считая наше право на нихъ потеряннымъ за давностію лѣтъ; теперь, когда онъ обратился къ мечу, конечно, просыпаются и эти старые вопросы.

Франція не хочетъ отказаться отъ первенствующей роли въ Европѣ—и если только у ней въ самомъ дѣлѣ есть право на эту роль, у ней есть также и право вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла. Но на чемъ же основывается это мнимое право на первенство? Въ образованіи—Германія давно уже, по меньшей мѣрѣ, сравнялась съ нею; равнородность нашей литературы признается представителями французской; что же касается до той равномѣрности, съ какою образованіе и добрые нравы (Gesittung) проникаютъ во всѣ слои нашего народа посредствомъ принятой въ нашихъ школахъ системы обученія, то въ этомъ отношеніи намъ завидуютъ лучшіе люди Франціи. Изгнавъ отъ себя реформацію, Франція столько же способствовала усиленію своего политическаго могущества, сколько повредила своему духовному и нравственному преуспѣянію. Но и въ отношеніи политическаго могущества мы—хотя и медленно, но тѣмъ не менѣе вполнѣ—догнали французовъ. Революціей 1789 года они повидимому сильно опередили насъ: мы обязаны имъ сокрушеніемъ многихъ цѣпей, которыя, иначе, долго еще могли бы тяготить насъ; но то что̀ происходило съ тѣхъ поръ во Франціи—вовсе не такого рода, чтобы запугать насъ касательно состязанія съ нею.

Умѣренныя правительства существуютъ тамъ для того только, чтобъ ихъ подорвали,—и тогда они разрѣшаются анархіей, а эта послѣдняя деспотизмомъ. Можетъ ли когда-нибудь конституціонная монархія, въ которой и вы, точно такъ же какъ и я, видите единственно прочную государственную форму для Европы (кромѣ исключительныхъ положеній), крѣпко укорениться во Франціи,—въ этомъ вы сами сомнѣваетесь въ вашемъ превосходномъ сочиненіи объ этомъ предметѣ; по крайней мѣрѣ, скорѣе желаете, чѣмъ надѣетесь.

Что я не отрицаю во французской націи многихъ хорошихъ качествъ, что я смотрю на нее какъ на одинъ изъ самыхъ главныхъ и необходимыхъ членовъ европейской семьи народовъ, какъ на чрезвычайно благодѣтельную закваску въ этой смѣси,—въ этомъ мнѣ такъ же мало нужно увѣрять васъ, милостивый госу-

Пріюты для бездомныхъ дѣтей въ Великобританіи.

дарь, какъ вамъ—меня въ такой же безпристрастной оцѣнкѣ нѣмецкой націи и ея преимуществъ. Но націи, точно такъ же какъ и отдѣльныя личности, имѣютъ и свои недостатки — оборотную сторону своихъ преимуществъ,—и въ этомъ отношеніи обѣ наши націи пользовались въ теченіи цѣлыхъ столѣтій чрезвычайно-различнымъ и даже совершенно-противуположнымъ воспитаніемъ. Мы, нѣмцы, научились (въ той суровой школѣ несчастія и стыда, гдѣ ваши земляки были по большей части нашими строгими учителями и смотрителями) признавать наши природные и наслѣдственные недостатки—нашу мечтательность, нашу медленность, а самое главное: нашу рознь—такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, т. е. препятствіями для всякаго національнаго преуспѣянія; мы соединились, боролись противъ этихъ недостатковъ, и все больше и больше старались освободиться отъ нихъ. Французскіе же національные недостатки воспитывались, напротивъ того, цѣлымъ рядомъ французскихъ властей, увеличивались долгое время удачею — и устояли даже противъ несчастія. Стремленіе къ блеску и славѣ, склонность достигать ихъ не тихимъ трудомъ въ своемъ собственномъ отечествѣ, а громкими, отважными предпріятіями въ чужихъ краяхъ, притязаніе стоять во главѣ націй и страсть (die Sucht) держать ихъ у себя въ опекѣ и пользоваться ими для своихъ выгодъ — эти недостатки (присущіе гальской породѣ, точно такъ же какъ вышеописанные германской) были раскормлены Людовикомъ XIV, первымъ и (чаятельно) послѣднимъ Наполеономъ до такой степени, что національный характеръ потерпѣлъ при этомъ глубочайшее поврежденіе. Въ особенности же эта gloire, которую вашъ первый министръ еще недавно назвалъ первымъ словомъ французскаго языка, — можетъ-быть самое дурное и самое гибельное въ немъ слово, такъ что нація принесла бы себѣ не мало пользы, если бы вычеркнула его на нѣкоторое время изъ своего лексикона; эта gloire и есть тотъ золотой телецъ, вокругъ котораго французская нація, вотъ уже нѣсколько столѣтій, ведетъ свои танцы,—тотъ Молохъ, которому она принесла въ жертву столько тысячъ своихъ сыновъ и сыновъ своихъ сосѣдей,—тотъ блудящій огонь, который сманиваетъ ее съ плодороднѣйшихъ полей труда въ пустыню, а часто и на край пропасти. И то что̀ прежніе властители (въ особенности Наполеонъ 1), сами одержимые національнымъ бѣсомъ, совершали такъ-сказать въ простотѣ души, а слѣдовательно и свои несправедливыя войны,—то вашъ теперешній Наполеонъ дѣлаетъ съ сознательной, коварной цѣлью сбить націю съ надлежащаго пути на путь холоднаго себялюбія, отвлечь ея вниманіе отъ нравственнаго и политическаго упадка въ отечествѣ къ внѣшнимъ дѣламъ, не переставая такимъ образомъ поджигать національную страсть къ блеску, славѣ и хищничеству. Это удалось ему на счетъ Россіи въ Крыму, на счетъ Австріи въ Италіи, но въ Мексикѣ онъ потерпѣлъ чувствительное пораженіе. Что касается до Пруссіи, онъ пропустилъ удобное время; въ началѣ этого года можно было подумать, что онъ серіозно желаетъ сойти съ этого пути на путь внутреннихъ реформъ въ смыслѣ разумной свободы и народнаго хозяйства,—пока уловка съ плебисцитомъ не показала всему міру, что онъ остался такимъ же какъ и былъ. Съ этихъ поръ Германія должна была бояться всего, или—лучше-сказать—на все надѣяться.

И вотъ, то объединеніе, которому онъ такъ старался препятствовать, состоялось; а то неслыханное высокомѣріе, которымъ дышало обращенное имъ къ королю прусскому требованіе, оказалось такъ же понятно и невыносимо для послѣдняго крестьянина въ Пруссіи, какъ и для герцоговъ и королей къ югу отъ Майна. Духъ 1813 и 1814 годовъ пронесся по всей Германіи словно буря, и уже первые военные успѣхи даютъ намъ залогъ того, что нація—которая сражается только за то, на что̀ по собственному сознанію имѣетъ право и что̀ не превышаетъ ея силъ,—не можетъ не имѣть успѣха. Этотъ успѣхъ, ради котораго мы боремся, состоитъ въ равноправности европейскихъ народовъ, въ увѣренности, что отнынѣ безпокойный сосѣдъ не помѣшаетъ уже намъ по своему произволу въ нашихъ мирныхъ трудахъ и не лишитъ насъ плодовъ нашего прилежанія. Въ этомъ-то мы и желаемъ заручиться—и только тогда, когда это будетъ сдѣлано, можетъ зайти рѣчь о дружественныхъ переговорахъ, о согласномъ содѣйствіи обоихъ сосѣднихъ народовъ всевозможнымъ трудамъ культуры и человѣчности; только тогда, когда будетъ закрытъ ложный путь, по которому идетъ французскій народъ, можемъ мы открыть уши для такихъ голосовъ какъ вашъ, — голосовъ, которые указывали намъ настоящій путь, дорогу честнаго труда, порядка и добрыхъ нравовъ.

Мое письмо вышло обширнѣе, чѣмъ я предполагалъ, можетъ-быть обширнѣе чѣмъ позволяетъ приличіе, но наша германская обстановка и стремленія являются чужеземцамъ большею частью не иначе какъ въ туманѣ — и для того, чтобъ разсѣять этотъ туманъ, необходимы нѣкоторыя изслѣдованія. Можетъ быть, еще менѣе приличнымъ найдете, вы то, что я посылаю вамъ эти строки въ печати вмѣсто простаго письма. Разумѣется, въ обыкновенное время я искалъ бы только вашего одобренія; но при теперешнихъ обстоятельствахъ, пока мой искъ дойдетъ въ ваши, а вашъ отвѣтъ въ мои руки, удобная минута будетъ пропущена;—а между тѣмъ я думаю: не худо будетъ если въ это критическое время два человѣка изъ той и другой націи, изъ которыхъ каждый независимъ въ своей и держится вдали отъ политическихъ партій, выскажутся другъ передъ другомъ открыто и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастно—насчетъ причинъ и значенія совершающейся борьбы. Поэтому-то и заявленіе мое тогда только, по моему мнѣнію, получитъ настоящую оцѣнку съ вашей стороны, когда поведетъ васъ къ такому-же, съ вашей точки зрѣнія.

Политическое обозрѣніе.

2-го сентября подъ стѣнами Седана, на бельгійской границѣ, произошло событіе, которое повидимому должно послужить развязкой страшной кровопролитной драмы, разыгрывающейся болѣе мѣсяца передъ глазами встревоженной Европы, и которому суждено имѣть громадное вліяніе на судьбу всего цивилизованнаго міра. Вотъ какимъ образомъ извѣщаетъ объ этомъ событіи король Вильгельмъ свою супругу: «королевѣ Августѣ,

2-го сентября, $2^1/_2$ часа по полудни. Сейчасъ заключена капитуляція съ генераломъ Вимпфеномъ, принявшимъ начальство надъ французскою арміею вмѣсто раненаго маршала Макъ-Магона; на основаніи этой капитуляціи вся армія положила оружіе. Императоръ Наполеонъ сдался мнѣ лично—отдѣльно отъ арміи, такъ какъ онъ ею не командуетъ, и предоставляетъ все регентству въ Парижѣ. Мѣсто жительства я назначу ему по моему усмотрѣнію, о чемъ мы переговоримъ при свиданіи съ нимъ, которое вскорѣ должно послѣдовать. Такой оборотъ волею Божіей приняли дѣла! Вильгельмъ».

Чтó прибавить къ этому краткому и краснорѣчивому извѣстію о фактѣ, которымъ по всей вѣроятности, рѣшается участь едва ли не самой кровопролитной войны въ исторіи—и несомнѣнно участь императорской Франціи?!. Оно слишкомъ громко говоритъ само за себя, и намъ остается только прослѣдить ходъ военныхъ дѣйствій, которыя привели къ такому рѣшительному результату.

Послѣ извѣстныхъ уже читателямъ мецскихъ сраженій 14-го, 16-го и 18-го августа,—въ которыхъ французы дрались упорно и старались приписать успѣхъ себѣ, хотя и были отражены на всѣхъ пунктахъ,—нѣмецкія войска, за исключеніемъ обсерваціоннаго корпуса, оставшагося для наблюденія за Мецомъ, продолжали свое движеніе впередъ по всѣмъ дорогамъ, которыя могли ихъ привести прямо въ Шалонъ и Парижъ. Крайній правый флангъ ихъ, подъ командой генерала Штейнмеца, двигался вдоль по бельгійской границѣ и по желѣзной дорогѣ, соединяющей Тіонвиль съ Лонгюйономъ, Монмеди и Седаномъ. Нѣсколько южнѣе, корпусъ принца Саксонскаго прошелъ черезъ Этенъ и Вареннъ. Главная армія подъ начальствомъ самого короля, выступивъ изъ Понтъ-а-Муссона, перешла постепенно Сенъ-Мигіель, Коммерси, Баръ-ле-Дюкъ, Сенъ-Дизье, Витри и Шалонъ. Наконецъ, лѣвый флангъ (то-есть армія наслѣднаго принца) шелъ на юго-западъ отъ Туля въ долину Обы, откуда, не заходя въ Труа, продолжалъ идти по берегу Обы къ сѣверо-западу, какъ бы стараясь достигнуть Марны черезъ Феръ-Шампенуазъ и Сезаннъ. Отсюда очевидно, что вся нѣмецкая армія (а не одна армія наслѣднаго принца, какъ ошибочно сообщали нѣкоторыя извѣстія) направлялась на Парижъ. Далѣе оказывается, что эти арміи, обошедъ Арденскіе дефилеи, шли по линіи параллельной съ желѣзною дорогой отъ Эперне въ Реймсъ, Ретель и Мезьеръ, отъ бельгійской границы до Обы. Движеніе къ Шалону свидѣтельствуетъ о необыкновенной стройности всѣхъ операцій прусскихъ армій, которыя постоянно поддерживали связь между собою. Эту связь онѣ сохранили, когда внезапно перемѣстилась армія Макъ-Магона (перемѣщеніе это до сихъ поръ не объяснилось); находясь въ укрѣпленномъ Шалонскомъ лагерѣ, онъ прикрывалъ Парижъ, и въ случаѣ неудачи могъ отступить къ другимъ крѣпостямъ—напримѣръ, къ Соассону и Лаону,—все-таки прикрывая столицу. Вмѣсто того, 20-го августа онъ оставилъ свою позицію и поспѣшно двинулся къ сѣверу черезъ Реймсъ, Ретель и Мезьеръ. Трудно рѣшить: имѣлъ ли онъ въ виду идти на помощь Базену, запертому въ Мецѣ,—или расположить свою армію вдоль бельгійской границы, чтобы опереться на крѣпости, тамъ расположенныя, перейдти въ наступленіе и ударить во флангъ пруссакамъ. Каковы бы то ни были предположенія Макъ-Магона, но они сдѣлались извѣстны прусскимъ главнокомандующимъ; 25-го августа пруссаками перехвачена была корреспонденція отправленная изъ Меца въ Парижъ—и (какъ сообщила официальная телеграмма изъ прусской главной квартиры въ Берлинъ) вслѣдствіе этого перемѣнилось и положеніе прусскихъ войскъ. По всему видно, что пруссаки твердо рѣшили не допускать соединенія Макъ-Магона съ Базеномъ, въ чемъ они и успѣли. Тогда первому оставалось только дать битву, которая—въ случаѣ побѣды—могла открыть ему путь въ Мозельскую долину и остановить движеніе нѣмецкихъ войскъ на Парижъ. Битва эта и произошла дѣйствительно 29-го августа при Бомонѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Седана; Макъ-Магонъ былъ разбитъ и оттѣсненъ за Маасъ. 30-го августа произошла другая, болѣе рѣшительная битва, въ которой прусскія войска одержали совершенную побѣду, захвативъ у непріятеля 20 пушекъ, 11 картечницъ и 7,000 плѣнныхъ. 31-го Макъ-Магонъ отступилъ подъ самыя стѣны Седана,—и 1-го сентября, послѣ кровопролитной битвы вокругъ этой крѣпости, прусская армія отбросила непріятеля въ Седанъ; хотя мы не имѣемъ еще подробностей объ этихъ сраженіяхъ, но результатомъ ихъ, какъ мы видѣли изъ вышеприведенной телеграммы короля Вильгельма, была капитуляція всей арміи Макъ-Магона и плѣнъ императора французовъ. Послѣдній отправилъ 2-го сентября собственноручное письмо къ королю, въ которомъ онъ говоритъ, что такъ какъ ему не удалось умереть, то онъ передаетъ свою шпагу въ руки его величества. Вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ III прибылъ въ прусскую главную квартиру, въ сопровожденіи своей свиты. Императорскій принцъ, какъ сообщаютъ изъ Брюсселя, прибылъ на бельгійскую территорію и остановился въ зáмкѣ князя Шиме, близь Бульйона. Численность арміи, положившей оружіе подъ Седаномъ, простирается до 80,000; число французовъ перешедшихъ на бельгійскую территорію и тамъ сложившихъ оружіе—до 10,000.

Передъ фактами такой громадной важности—становятся блѣдны всѣ прочія подробности. Замѣтимъ только, что едва-ли можетъ быть что-нибудь плачевнѣе участи Наполеона III, который послѣ двадцати-лѣтняго, почти неограниченнаго господства надъ одною изъ сильнѣйшихъ державъ въ мірѣ, принужденъ былъ предоставить себя въ распоряженіе непріятеля—отдѣльно отъ арміи, при которой онъ находился въ самомъ фальшивомъ положеніи; замѣтимъ также, что судьба, пощадившая Макъ-Магона въ томъ отношеніи, что не ему пришлось сдавать цѣлую армію, избрала для этого генерала Вимпфена, только что прибывшаго изъ Африки и принявшаго начальство надъ корпусомъ генерала де-Фальи...

Извѣстія съ прочихъ пунктовъ военныхъ дѣйствій также неблагопріятны для французовъ. Утромъ 31-го августа, маршалъ Базенъ выступилъ изъ Меца со всею арміей; при селеніи Сенъ-Барбъ, въ 8-ми верстахъ отъ этого города, онъ имѣлъ съ 1 прусскимъ корпусомъ сраженіе продолжавшееся цѣлый день и всю ночь—и на всѣхъ пунктахъ былъ отраженъ.

Осада Страсбурга продолжается подъ руководствомъ генерала Вердера, который все ближе и ближе подходитъ къ крѣпости; въ городѣ прусскія бомбы произвели множество опустошеній. Храбрый комендантъ Страсбурга, генералъ Урихъ упорно отражаетъ всѣ приступы, и 2-го сентября произвелъ вылазку на островъ Валканъ и противъ станціи желѣзной дороги, но вылазка эта была отражена съ значительнымъ урономъ для французовъ.

Въ то время когда происходили эти военныя дѣй-

ствія, въ Парижѣ (гдѣ ежеминутно ожидали прибытія пруссаковъ) продолжались дѣятельныя приготовленія къ защитѣ города и формировались полки, какъ для внутренней службы, такъ и для отсылки на подкрѣпленіе дѣйствующей арміи. Главными дѣятелями при этомъ были военный министръ графъ Паликао и губернаторъ Парижа генералъ Трошю. Читателямъ извѣстны уже подробности о призваніи къ оружію національной и подвижной гвардіи; сверхъ того, изъ бывшихъ военныхъ сформированы отряды волонтеровъ, носящіе названіе *corps francs* и *francs tireurs*,—и наконецъ для прислуги при орудіяхъ приглашены всѣ бывшіе артиллеристы, какъ сухопутные такъ и флотскіе. Министерство, сначала отказавшееся выдать оружіе національной гвардіи (вѣроятно опасаясь, чтобы парижское населеніе, всегда склонное къ мятежамъ, не вздумало обратить этого оружія противъ правительства), разрѣшило наконецъ вооружить жителей, и приступило къ раздачѣ имъ 100,000 ружей, хранившихся въ парижскихъ арсеналахъ. Всѣ форты Парижа снабжены пушками большаго калибра, частію хранившимися въ самой столицѣ, частью привезенными изъ приморскихъ крѣпостей: Бреста, Шербурга и проч. Рвы и подъемные мосты уже готовы; всѣ жители выбрались изъ домовъ, лежавшихъ въ линіи укрѣпленій,—частію внутрь города, частію въ сосѣдніе департаменты, вслѣдствіе распоряженія губернатора, объявившаго, чтобы изъ Парижа выбирались всѣ, кто не въ состояніи сами себя продовольствовать. Для снабженія же остальныхъ приняты самыя дѣятельныя мѣры, и въ Парижъ свозится огромное количество съѣстныхъ припасовъ всякаго рода; между прочимъ, туда пригнали до 100,000 быковъ и до 500,000 барановъ, которые сгоняются въ Елисейскихъ поляхъ и въ Булонскомъ лѣсу, гдѣ въ стратегическихъ видахъ вырублена часть прекрасныхъ деревьевъ, составлявшихъ одно изъ лучшихъ украшеній столицы. Такимъ образомъ Парижъ изготовился выдержать долговременную осаду, и даже жители его—по крайней мѣрѣ на два мѣсяца—обезпечены продовольствіемъ свѣжаго мяса. Но послѣднія битвы должны повидимому рѣшить войну; да и едва ли бы прусскіе главнокомандующіе, всѣ дѣйствія которыхъ отличаются благоразуміемъ и искусствомъ, рѣшились когда нибудь начать осаду города, укрѣпленія котораго простираются на 27 верстъ, и гдѣ бы они несомнѣнно встрѣтили отчаянное сопротивленіе со стороны двухъ-милліоннаго населенія. Между тѣмъ, не смотря на несомнѣнный патріотизмъ всѣхъ жителей, въ законодательномъ корпусѣ были попытки къ перемѣщенію власти. Въ одномъ изъ засѣданій, г. Кератри, депутатъ лѣвой стороны, требовалъ, чтобы комитетъ обороны былъ избранъ самою палатой; но графъ Паликао объявилъ принятіе этого предложенія кабинетнымъ вопросомъ, и оно было отвергнуто большинствомъ. Точно такъ же военный министръ энергически воспротивился предложенію депутатовъ лѣвой стороны (изъ которыхъ одинъ, г. Ординеръ, въ засѣданіи 27-го августа потребовалъ, чтобъ *господинъ Бонапартъ* вознаградилъ Францію за понесенныя ею потери) предоставить сформированіе національной гвардіи генералу Трошю, объявивъ, что онъ не уступитъ своему подчиненному власти ему принадлежащей. Цѣлію оппозиціи было, повидимому, обратить законодательный корпусъ въ конвентъ—и она надѣялась въ генералѣ Трошю найдти исполнителя своей воли; но твердость графа Паликао разрушила ея замыслы. Что касается до уличныхъ безпорядковъ, то извѣстія о нихъ были преувеличены, и послѣ нападенія на Вильетскія казармы общественное спокойствіе въ Парижѣ нарушено не было. Военный судъ приговорилъ уже нѣсколько человѣкъ изъ главныхъ виновниковъ по этому дѣлу къ смертной казни и къ каторжной работѣ, но всѣ они на допросѣ энергически отрицали обвиненія въ сношеніяхъ съ чужеземцами,—а увѣряли напротивъ, что имѣли въ виду произвести возстаніе для того, чтобы скорѣе справиться съ непріятелемъ. Въ департаментахъ происходили самыя прискорбныя сцены и совершались насилія надъ людьми подозрѣваемыми въ шпіонствѣ и измѣнѣ; озлобленіе противъ республиканцевъ и предполагаемыхъ шпіоновъ дошло до того, что въ департаментѣ Шаранты одинъ землевладѣлецъ былъ сожженъ живой разсвирѣпѣвшими крестьянами. Понятно, что при такомъ настроеніи народа иностранцамъ невозможно оставаться во Франціи, и они толпами уѣзжаютъ оттуда. Наконецъ, въ законодательномъ корпусѣ, 27-го августа, г. Шевро, министръ внутреннихъ дѣлъ, объявилъ, что надъ виновными въ подобныхъ насиліяхъ назначенъ будетъ особый судъ.

Въ виду побѣдъ прусскаго оружія—вся европейская печать обсуждаетъ вопросъ объ условіяхъ, на которыхъ можетъ быть заключенъ миръ. Слухъ о посредничествѣ, которое намѣрены были принять на себя нейтральныя державы, возбудилъ сильное негодованіе въ нѣкоторыхъ кругахъ Берлина. 30-го августа оберъ-бургомистръ Зейденъ и депутаты Унру и Леве-Кальбе составили собраніе представителей—какъ берлинской печати, такъ и различныхъ классовъ общества; въ числѣ членовъ этого собранія были многія знаменитости Германіи, каковы г.г. Вирховъ, Францъ-Дункеръ, Гольцендорфъ, Моммсенъ, Бунзенъ и пр. Здѣсь составлены были: адресъ королю и воззваніе къ германскому народу, въ которыхъ энергически выражается желаніе, чтобы нѣмецкія войска продолжали свое побѣдное шествіе, чтобы миръ былъ заключенъ только согласно съ выгодами Германіи и чтобы было устранено всякое вмѣшательство дипломатіи. Каковы будутъ условія мира—объ этомъ строятся всевозможныя предположенія. Назначеніе генералъ-губернаторовъ, гражданскихъ губернаторовъ и префектовъ королемъ прусскимъ въ Эльзасъ и Лотарингію считаютъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что провинціи эти будутъ присоединены къ Пруссіи. Другіе предполагаютъ, что такъ какъ король при началѣ войны торжественно объявилъ, что онъ ведетъ ее не для завоеваній, то изъ Эльзаса и Лотарингіи будетъ образовано особое нейтральное государство подъ управленіемъ великаго герцога Баденскаго. Иные утверждаютъ даже, что побѣдители не удовольствуются отторженіемъ этихъ провинцій отъ Франціи, но отрѣжутъ еще значительную часть ея территоріи,—что Савоія и Ницца будутъ возвращены Италіи, и наконецъ, что Пруссія потребуетъ у Франціи двухъ третей ея флота и 1,500 милліоновъ за военныя издержки. Все это, конечно, догадки и предположенія...

Въ слѣдующемъ № «Нивы» будутъ помѣщены подробности Мецскихъ сраженій 14, 16 и 18 августа.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

...зволено цензурою 28 Августа 1870 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13.** Типогр. **А. Траншеля.** Невск. и Влад. д. № 45—

№ 36. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Жизнь между индѣйцами.

(переводъ съ англійскаго).

Тотъ, кто читалъ романы Купера изъ индѣйскаго быта — а какой сколько-нибудь образованный человѣкъ не читалъ ихъ?—и только изъ нихъ почерпнулъ свои понятія о характерѣ американскихъ дикарей, питаетъ о нихъ представленіе, исполненное поэтической и романической прелести, но увы, лишенное всякаго дѣйствительнаго основанія. Вотъ почему я позволяю себѣ предать гласности слѣдующій эпизодъ изъ моей жизни.

Въ 1862 году я былъ учителемъ въ Нью-Ульмѣ, въ штатѣ Миннесота,—городкѣ, трагическая участь котораго слишкомъ извѣстна, чтобы я сталъ о ней распространяться. Вслѣдствіе близости стоянки Сіу, я естественно имѣлъ случай основательно изучить характеръ и особенности этого индѣйскаго племени, и воспользовался этимъ случаемъ, хотя черезъ то лишился многихъ красивыхъ иллюзій. Почти каждый день индѣйцы проходили мимо моей двери—и не разъ доводила меня до ужаснѣйшаго гнѣва равнодушная грубость въ обращеніи гордыхъ воиновъ съ ихъ несчастными женами—*sqиаw (скуо)*. То онѣ тащили на спинѣ сто фунтовъ муки съ нѣсколькими *папузами* (младенцами), то жена съ такимъ же грузомъ шла рядомъ съ лошадью, на которой ѣхалъ благородной супругъ ея, горделиво пріосанясь съ однимъ ружьемъ на плечѣ. Сегодня я удивлялся страшной грязи, въ которой эти люди утопали, завтра изумлялся ихъ неразборчивости на пищу. Старую корову, которая околѣла у моего сосѣда, утащили на лошади — и пожрали вмѣстѣ съ неочищенными внутренностями (прибавляю, что я формально ничего не преувеличиваю). На охотѣ я однажды напалъ на компанію Сіу: они варили въ желѣзномъ котлѣ множество утокъ, гусей и степныхъ куръ, на половину ощипанныхъ, со всѣми внутренностями, и послѣ съ завиднымъ аппетитомъ поглотили этотъ ужинъ; въ видѣ десссерта они прибавили къ нему нѣсколько дюжинъ яицъ, которыя они набрали изъ гнѣздъ водяныхъ птицъ, и въ которыхъ находилися птенцы въ разныхъ степеняхъ развитія. Весело было бы глядѣть, съ какимъ наслажденіемъ уписывались это кушанье, если бы мысль о составѣ его не возбуждала невольно тошноту.

Впрочемъ, я вовсе не намѣренъ ограничиться одними общими замѣчаніями. Я напротивъ имѣю въ виду одну весьма типичную личность, обрисованіемъ которой надѣюсь достигнуть моей цѣли — разоблаченія истины. За симъ ввожу ее безъ дальнѣйшихъ предисловій дѣйствующимъ лицомъ.

Однажды, во время классовъ, въ дверяхъ школы, къ великому увеселенію дѣтей, явился индѣецъ исполинскаго роста. На немъ была пестрая шерстяная рубаха, кожаные штаны и индѣйская обувь—мокассины. За плечами у него висѣло, въ видѣ плаща, грязное шерстяное одѣяло, а на правой рукѣ покоилось неизбѣжное двуствольное ружье. Онъ привѣтствовалъ меня граціознымъ движеніемъ руки и какими-то гортанными звуками, которыхъ я къ сожалѣнію не понялъ, такъ какъ, съ одной стороны, я недавно еще только пріѣхалъ, а съ другой—не имѣлъ ни малѣйшаго желанія изучать этотъ варварскій жаргонъ. Чтобы избавить дѣтей отъ

лишняго соблазна, я увелъ моего дикаго гостя на дворъ и по англійски спросилъ, чего онъ желаетъ. Но если я пренебрегъ его языкомъ, то и онъ съ своей стороны оказалъ англійскому языку не менѣе радикальное презрѣніе. Онъ съ достоинствомъ покачалъ головою и опять заладилъ свои гортанные звуки, а я вторично попыталъ дѣйствіе англійскаго языка. Мы могли бы не трудиться: спустя четверть часа мы ни мало еще не просвѣтили другъ друга. Наконецъ индѣйцу пришла счастливая мысль: онъ началъ объясняться знаками—а я тотчасъ же сталъ понимать его. Сначала онъ досталъ изъ-за пазухи засаленную, измятую и по складкамъ сильно-поврежденную бумагу, и подалъ мнѣ ее съ предосторожностями и гримасами, безъ сомнѣнія долженствовавшими свидѣтельствовать о важности документа. Я развернулъ бумагу и прочелъ слѣдующія строки на англійскомъ языкѣ.

«Симъ каждому дается знать, что податель сего, Томаго, есть великій и знаменитый вождь. Онъ былъ нѣкогда храбръ на военномъ пути и мудръ въ совѣтѣ, но теперь старъ и дряхлъ. Сто весенъ уже надъ нимъ пронеслось и снѣгъ столькихъ же зимъ убѣлилъ его голову. Томаго всегда былъ другомъ бѣлыхъ. Никогда бѣлый человѣкъ не уходилъ отъ его двери голоднымъ, и не покидалъ его ложа усталый. Бѣлый! нынѣ Томаго старъ—отплати же ему и не потерпи, чтобы онъ алкалъ или жаждалъ, или чтобы холодный зимній вѣтръ обдувалъ его непокрытое тѣло. Бѣлый! да не будетъ великій вождь Томаго оставленъ твоей благотворительностью!»

Слѣдовала подпись какого-то правительственнаго агента, имени котораго не припомню. Прочитавъ бумагу, я еще разъ пообстоятельнѣе оглядѣлъ моего гостя. Это былъ человѣкъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ—никакъ не болѣе сорока — а законному владѣльцу документа слѣдовало быть столѣтнимъ старцомъ. Не умеръ-ли онъ? Не унаслѣдовалъ-ли отъ него этотъ индѣецъ просительное письмо, какъ въ Европѣ наслѣдуются дворянскія грамоты и другія лестныя и полезныя вещи? До этого не трудно было добраться. Я указалъ на письмо и произнесъ, вопросительно глядя на индѣйца, слово: «Томаго»? Едва я это сдѣлалъ, глаза дикаря засвѣтились; онъ словно выросъ, возвысился — и гордо ткнувъ себя въ грудь пальцемъ, напыщенно повторилъ «Томаго»!

— Э! да ты, я вижу, плутъ изрядный!.. подумалъ я про себя:—прехладнокровно присвоиваешь себѣ чужія заслуги. Только что же тутъ собственно значитъ этотъ документъ? Или ты просишь милостыни, основываясь на добродѣтеляхъ своего предка?

Я досталъ изъ кармана четверть доллара и подалъ его самозванцу. Жадность, съ которою онъ схватилъ монету, сначала заставила меня подумать, что я не ошибся въ моей догадкѣ; но такъ какъ онъ не уходилъ и продолжалъ жестикулировать, я скоро понялъ, что онъ вѣроятно для того только принялъ это пожертвованіе, чтобы меня не оскорбить отказомъ, но что главная просьба его все еще не понята мною. Онъ не переставалъ показывать на бумагу, и отъ усердія дополнялъ свои гримасы тѣми же гортанными звуками. Я думалъ-думалъ, наконецъ ветхое состояніе письма навело меня на мысль, что можетъ-быть онъ желаетъ получить копію съ него. Я поэтому досталъ изъ кармана бумагу и карандашъ, и пантомимой показалъ будто пишу. По лицу его мгновенно мелькнулъ лучъ пониманія, и онъ началъ кивать головой съ такимъ усердіемъ, которое, по настоящему, не приличествовало достоинству вождя.

— Болванъ! пробормоталъ я сквозь зубы:—если въ этомъ дѣло, чего же ты пантомимой не показалъ, что надо писать?

Впрочемъ, тотчасъ затѣмъ я внутренно извинился передъ нимъ, такъ какъ легко было сообразить, что достопочтенный г. Томаго могъ имѣть лишь самое неясное понятіе объ этомъ искусствѣ.

Теперь, когда я узналъ наконецъ, чего нужно было моему пріятелю, остальное не представляло затрудненія. Такъ какъ мнѣ въ эту минуту было некогда, притомъ мнѣ хотѣлось оставить индѣйца въ нѣкоторой неизвѣстности насчетъ важности и трудности требуемой услуги, то я далъ ему понять, чтобы онъ вечеромъ зашелъ еще разъ. Я это легко объяснилъ ему, указывая на солнце и потомъ описывая пальцемъ кругъ по направленію къ западному горизонту. Онъ понятливо закивалъ и удалился, повторивъ изящный жестъ, которымъ привѣтствовалъ меня входя.

По окончаніи классовъ, я не откладывая принялся за работу,—а когда дикій воинъ вернулся вечеромъ, я вручилъ ему мое произведеніе. Онъ въ третій разъ сдѣлалъ тотъ же жестъ, на этотъ разъ вѣроятно желая выразить мнѣ свою благодарность,—и уже собрался уходить, какъ вдругъ я вспомнилъ, что подлинникъ письма все еще у меня въ карманѣ. Я вынулъ его и подалъ ему. Почтенный Томаго принялъ его, кивая, и съ довольнымъ видомъ разорвалъ на мелкіе кусочки. Это меня сначала удивило, но подумавъ, я сообразилъ, что въ сущности расчетъ его вѣренъ. Есть товары, цѣнность которыхъ соразмѣрна ихъ рѣдкости: если бы золото валялось на дорогѣ, оно перестало бы быть предметомъ общихъ желаній,—и если бы англійскихъ лордовъ было больше чѣмъ крестьянъ, крестьяне уже не хотѣли бы съ ними мѣняться званіемъ. Нѣтъ! Томаго II-му не приходилось допускать существованія своего драгоцѣннаго письма въ двухъ экземплярахъ.

Лѣто прошло, и наступила осень. Въ октябрѣ почтенный Томаго вторично посѣтилъ меня; безъ всякихъ вступленій, онъ опять подалъ мнѣ просительное письмо, печальное состояніе котораго дѣйствительно указывало на неоходимость новой реставраціи. Я немедля согласился на его просьбу—и вечеромъ онъ удалился съ новой копіей, написанной на этотъ разъ на самой крѣпкой бумагѣ, какую я только могъ достать. Эту мѣру предосторожности я принялъ отчасти въ интересахъ моего довѣрителя, отчасти въ моихъ собственныхъ, такъ какъ я не могу сказать, чтобы перспектива сдѣлаться безсмѣннымъ секретаремъ его свѣтлости—внушала мнѣ особенное удовольствіе. Я не ошибся въ расчетѣ. Томаго цѣлыхъ четыре мѣсяца ко мнѣ не показывался. Когда же онъ явился, то уже не одинъ, а въ сопровожденіи парня лѣтъ двадцати, отличавшагося непомѣрнымъ безобразіемъ и красными воспаленными глазами. Холодъ стоялъ жестокій, и потому я пригласилъ ихъ войдти къ намъ погрѣться. Жена моя, сильно боявшаяся индѣйцевъ, смотрѣла на эту парочку съ нескрываемымъ испугомъ, между тѣмъ какъ во взглядахъ дѣтей моихъ преобладало любопытство. Индѣйцы дрожали отъ холода и прижимались къ печкѣ, чтобы благотворнымъ тепломъ ея оживить свои окостенѣлые члены.

— *Much cold* (много холодно), сказалъ Томаго

женѣ моей съ гримасой; жена ограничилась тѣмъ, что признала эта неопровержимую истину кивкомъ головы.

— *Папузъ!* продолжалъ индѣецъ, указывая на двадцатилѣтняго «младенца». Я засмѣялся, но жена моя опять только кивнула головой.

— Папузъ *much hungry* (много голоденъ)! увѣрялъ Томаго жену.

Тутъ я счелъ за лучшее вмѣшаться и сказалъ ей:

— Ты бы лучше что-нибудь говорила, чѣмъ головой кивать, душа моя. Разговора они не понимаютъ, а киванье понимаютъ и, что̀ еще хуже, принимаютъ непремѣнно за знакъ согласія.

— Папузъ *much hungry!* повторилъ Томаго, но не получилъ отвѣта.

Я засмѣялся—и, не смотря на страхъ, жена моя тоже засмѣялась. Въ этомъ не было ничего опаснаго, но она опять кивнула, а это напротивъ было весьма опасно. Она бѣдная еще не имѣла понятія о прожорливости этихъ краснокожихъ. Ободренный Томаго продолжалъ:

— Томаго much hungry, o-o-oh!..

При этомъ онъ пальцемъ показывалъ сперва на собственный ротъ, потомъ на кухонный столъ, на которомъ еще видны были слѣды обѣда.

— Ну вотъ, добилась! сказалъ я.—Если эти милые гости съѣдятъ у насъ все до чиста, можешь сама себя поблагодарить—я умываю руки.

Жена моя, разумѣется, поняла шутку; но изъ послѣдующихъ затѣмъ приготовленій ея къ угощенію нашихъ гостей, я замѣтилъ, что успѣлъ внушить ей высокое мнѣніе о ихъ пищеварительныхъ способностяхъ. Котелъ, въ которомъ мы кипятили воду для кофе, она налила до самого края, и мельница работала два раза для доставленія достаточной порціи горячаго напитка. Впрочемъ, такъ какъ жена вмѣсто настоящаго кофе взяла жареный ячмень, то эта расточительность еще не грозила раззореніемъ нашимъ запасамъ. Когда кофе былъ готовъ, жена положила на столъ шестифунтовой хлѣбъ и огромный кусокъ вареной говядины; затѣмъ послѣдовало приглашеніе гостямъ сѣсть къ столу. Они не заставили себя просить, и заняли мѣста; мы же приняли наблюдательную позицію—и являлись дѣйствующими лицами только тогда, когда надо было наполнять опорожненныя чашки или возобновлять запасы хлѣба, масла и мяса.

За исчезновеніемъ перваго груза—жена моя слѣдила сравнительно хладнокровно; но когда огромный кофейникъ опустѣлъ, а шестифунтовый хлѣбъ съ мясомъ и разными мелочами исчезли, и Томаго повторилъ свое стереотипное «Папузъ much hungry»! съ такимъ невиннымъ видомъ, какъ будто они съ недѣлю въ глаза не видали ничего съѣстнаго́,—ее, не смотря на холодъ, бросило въ легкую испарину. Да не подумаютъ, что этотъ феноменъ былъ вызванъ сожалѣніемъ о погибающей провизіи—нѣтъ! жена моя далека отъ столь эгоистическихъ мыслей,—это было больше отъ удивленія такимъ невѣроятнымъ подвигамъ, и удивленіе это постепенно переходило въ нѣкоторый ужасъ. Въ теченіе одного часа, столъ и кофейникъ три раза пустѣли и опять наполнялись—и все еще раздавался боевой кличъ Томаго: «Папузъ much hungry»! Кончилось тѣмъ, что я обоихъ столкнулъ съ лѣстницы, не безъ энергіи, невольно восклицая: «вы безстыдники, обжоры»! Старый оскалился и безъ сопротивленія ушелъ съ «младенцемъ».

Послѣдній визитъ Томаго, въ видахъ возобновленія письма, я получилъ въ маѣ или іюнѣ; но за нимъ вѣрно послѣдовало бы еще много другихъ, если бы вспыхнувшее тогда ужасное возстаніе индѣйцевъ не прервало всѣ мирныя сношенія между бѣлыми и краснокожими. Да не боятся читатели, что я стану надоѣдать имъ исчисленіемъ уже извѣстныхъ событій. Возстаніе Сіу 18 августа 1862 года—перешло въ область современной исторіи, и восьмидневная осада Нью-Ульма составляетъ слишкомъ выдающійся эпизодъ этой ужаснѣйшей изъ всѣхъ индѣйскихъ войнъ, чтобы читатель могъ быть съ нею незнакомъ. Я упомяну лишь о томъ, что непосредственно относится къ моему разсказу.

Утро 19 августа останется навѣки для меня незабвенно. Я опять сидѣлъ въ классной и занимался съ дѣтьми, какъ вдругъ шерифъ городка вошелъ и знакомъ отозвалъ меня. Къ ужасу моему я узналъ отъ него, что Сіу поднялись и совершили безчеловѣчнѣйшія злодѣянія въ фортѣ, помѣщающемся къ западу отъ насъ. Шерифъ въ тоже время выразилъ опасеніе, что компанія горожанъ, отправившаяся въ это же утро по окрестностямъ съ музыкой и флагами (съ цѣлью набрать волонтеровъ и этимъ избавить край отъ рекрутскаго набора), попала въ руки дикарямъ. Впослѣдствіи оказалось, что его опасеніе было основательно. Первая изъ двухъ повозокъ попала въ засаду, и изъ шести сѣдоковъ только одинъ спасся отъ пуль краснокожихъ. Вторая повозка, предостереженная этой катастрофой, разумѣется повернула оглобли—и со всевозможной поспѣшностью воротилась въ городъ съ ужасной вѣстью. По дорогѣ конечно предваряли попадавшихся фермеровъ, и страшная новость мигомъ полетѣла во всѣ стороны. Слѣдствіемъ того было, что началось въ полномъ смыслѣ переселеніе въ городъ и что въ центрѣ его собралась огромная масса народу. Я самъ, съ плачущими женой и дѣтьми, покинулъ школьный домъ, расположенный у самаго края города, и потому слишкомъ небезопасный,—и отвелъ свое семейство въ кирпичный домъ, въ которомъ помѣщалось окружное присутственное мѣсто. Самъ же я взялъ свое двуствольное ружье и примкнулъ къ военному отряду, который начиналъ формироваться на улицахъ. Всѣ годные къ оружію жители проворно собрались—и такъ какъ постоянно отовсюду прибывали подкрѣпленія, то мы въ скоромъ времени составили весьма приличную боевую силу. Въ такихъ случаяхъ, по американскому закону, шерифъ дѣлается главнокомандующимъ города,—и послѣ краткаго совѣщанія мы двинулись подъ его начальствомъ къ мѣсту нападенія, чтобы тамъ собрать достовѣрныя свѣдѣнія объ участи погибшихъ. Мѣсто это отстояло отъ города на восемь англійскихъ миль, и такъ какъ мы двигались со всѣми необходимыми предосторожностями, то мы пришли туда не ранѣе 4 часовъ по полудни. Всѣ наши опасенія подтвердились самымъ ужаснымъ образомъ. На травѣ лежало три трупа, съ которыхъ дикарями была совлечена почти вся одежда, впрочемъ — противъ нашихъ ожиданій и обыкновенія дикарей—не изувѣченные. Четвертую жертву мы нашли еще живою, но съ раздробленной выстрѣломъ челюстью. Несчастный въ этомъ видѣ проползъ цѣлую англійскую милю и встрѣтилъ насъ съ радостью, близкой къ безумію. Его положили на повозку и отвезли въ городъ, гдѣ, не смотря на самый тщательный уходъ, онъ умеръ послѣ долгихъ страданій отъ антонова огня. Пятый, мальчикъ, впослѣдствіи самъ въ цѣлости явился въ Нью-Ульмъ: во время стрѣльбы онъ соскочилъ въ высокую траву—

и такимъ образомъ ему удалось ускользнуть незамѣченнымъ.

Но возвратимся къ нашей экспедиціи. Мы забрали лошадей и повозку сосѣдняго фермера, который бѣжалъ бросивъ имущество, и привезли мертвыхъ въ городъ. Раздирательный плачъ вдовъ и сиротъ надрывалъ намъ душу. На обратномъ пути мы нѣсколько разъ сворачивали въ сторону, въ недалекія фермы, и во многихъ находили жертвы сатанинской ярости дикарей. Одинъ домъ въ особенности представлялъ ужасное зрѣлище. Вся семья лежала на полу, перебитая, въ тѣхъ самыхъ позахъ, въ какихъ застигъ ихъ топоръ. Мать лежала среди дѣтей; ручонки ихъ все еще судорожно сжимали ея платье. Отецъ лежалъ близь двери, а подлѣ него—топоръ, которымъ онъ, увы! напрасно, пытался оборониться. На дворѣ мы увидѣли трупъ взрослой дѣвушки, безстыдно обнаженной, со всѣми признаками гнуснѣйшаго насилія. Сначала негодованіе придавало мнѣ силу смотрѣть на эти ужасы; но спустя нѣсколько секундъ меня до того всего перевернуло, что у меня голова закружилась—и я долженъ былъ держаться, чтобъ не упасть. Я охотно бы бѣжалъ, но я точно окаменѣлъ—и противъ воли все глядѣлъ на эти плавающія въ крови тѣла. Вдругъ я у ногъ своихъ замѣтилъ бумагу, которая показалась мнѣ знакомою, потому что была сложена совершенно такъ, какъ я обыковенно складывалъ письма. Полумашинально я ее поднялъ и вышелъ, чтобъ на дворѣ вздохнуть свободнѣе и воротить себѣ полную власть надъ душой и тѣломъ. Когда мы вышли на большую дорогу и медленно шли за печальной колесницей, я развернулъ бумагу; предчувствіе не обмануло меня—это было просительное письмо Томаго!

Генералъ Мольтке.

письмо, которое я столько разъ переписывалъ, которое по всей вѣроятности отворило краснокожему негодяю не одну дверь! И вотъ благодарность за мои труды, за гостепріимство оказываемое этимъ дикарямъ всѣмъ городкомъ! Сколько разъ они садились къ нашему столу, прикрывали свою наготу одеждой отъ насъ полученной! А теперь—пришли рѣзать нашихъ мужчинъ, ругаться надъ нашими женщинами, сажать дѣтей нашихъ на острые колья! Жгучее бѣшенство сжимало мнѣ сердце—и я въ умѣ далъ клятву, что отнынѣ не пощажу ни одного краснокожаго, а буду стрѣлять ихъ какъ собакъ—гдѣ, когда и какъ бы они мнѣ ни попадались.

Восемь дней длилась кровавая борьба съ дикими, борьба изъ за нашего существованія и — что несравненно драгоцѣннѣе — изъ за чести нашихъ женщинъ. поѣздъ изъ ста пятидесяти повозокъ, на которомъ переѣзжало населеніе цѣлаго графства. Много слезъ пролилось на прощаніи съ милымъ городкомъ, но пре-

Маршалъ Макъ-Магонъ.

Маршалъ Базенъ.

После краткаго сраженія, бывшаго 20 августа, въ которомъ индѣйцы были отбиты, 24-го они воротились, въ числѣ 1,500 противъ 500, для рѣшительной битвы. Съ 7 ч. у. до 6 ч. в. продолжалось сраженіе, восемдесятъ изъ нашихъ лучшихъ людей были убиты или ранены. Усилія наши увѣнчались успѣхомъ. Со всѣхъ сторонъ отраженные, кровожадные враги вечеромъ отступили — и на слѣдующее утро совсѣмъ удалились. Въ то же время мы получили подкрѣпленія изъ Сентъ-Поля, и за днями смертельной тоски послѣдовали радостные часы... но только часы! Не надолго могли мы прогнать мысль о невѣрномъ будущемъ. Дома наши были сожжены, жатвы погибли: что оставалось намъ, какъ не покинуть возлюбленныя мѣста, и потянуться вдаль — гдѣ люди хотя и знали о нашихъ бѣдствіяхъ, но едва-ли могли оцѣнить ихъ вполнѣ. А оставаться — нельзя было и помыслить. Въ понедѣльникъ, 26 августа, рано утромъ составился длинный

Генералъ Штейнмецъ.

зрѣніе земныхъ благъ овладѣло всѣми. На улицахъ, передъ домами, грудами лежало имущество, которымъ вообще человѣкъ такъ дорожитъ. Это былъ исходъ изъ Египта, въ маломъ размѣрѣ; какъ Моисею съ тыла угрожалъ Фараонъ, такъ намъ угрожали тысячи кровожадныхъ дикарей, которые каждую минуту могли напасть и уготовить нашимъ милымъ участь хуже смерти.

Въ несчастіи познаются люди. Вездѣ гостепріимно растворялись передъ нами двери, и въ Сентъ-Полѣ намъ дали пріютъ, гдѣ мы могли собраться силами послѣ всего пережитаго.

Между тѣмъ злодѣямъ ихъ неистовства не прошли даромъ. Правительствомъ въ Вашингтонѣ были приняты всѣ мѣры къ подавленію мятежа, на сколько оно могло это сдѣлать при собственномъ бѣдственномъ положеніи. Генералъ Сибли немедленно выступилъ съ волонтерами противъ дикарей; ему и пріемнику его, генералу Попу, посчастливилось взять въ плѣнъ шайку,

совершившую столько безчеловѣчій. Тотчасъ же былъ наряженъ военный судъ, и начато слѣдствіе. Четыреста индѣйцевъ найдены виновными и приговорены къ смерти; Попъ ждалъ только утвержденія приговора президентомъ, чтобы исполнить его. Но Линкольнъ—кому неизвѣстенъ милосердый, кроткій нравъ благороднаго мученика свободы! — никакъ не могъ примириться съ мыслью о такой гуртовой казни и подписалъ приговоръ лишь 39 человѣкъ, уличенныхъ очевидцами. Наказаніе остальныхъ онъ замѣнилъ пожизненнымъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ.

Для осужденныхъ была поставлена огромная висѣлица, въ формѣ треугольника, такъ чтобы съ каждой стороны помѣстилось по тринадцати преступниковъ — и слѣдовательно были казнены за разъ всѣ тридцать девять. По обнародованіи дня и часа казни, тысячи людей повалили къ форту, передъ которымъ она должна была совершиться,—и я также сѣлъ на пароходъ, чтобы быть свидѣтелемъ послѣдняго дѣйствія трагедіи. Но не печаль наполняла мое сердце, — нѣтъ, месть, жгучая месть, которую мнѣ хотѣлось утолить предсмертными судорогами этихъ чертей въ человѣческомъ образѣ. Пускай филантропы винятъ меня за такое чувство, но я описываю не то, что̀ мнѣ слѣдовало бы чувствовать, а то, что́ я чувствовалъ на самомъ дѣлѣ. Вдобавокъ, можетъ - быть и филантропы нашли бы мои чувства естественными, если бы, подобно мнѣ, видѣли грудныхъ младенцевъ, насаженныхъ на колья, и женщинъ, обезчещенныхъ и до смерти замученныхъ.

Какъ бы то ни было, я поѣхалъ и осмотрѣлъ роковую платформу, на которой—черезъ нѣсколько минутъ—39 человѣкъ (или вѣрнѣе, изверговъ) должны были поплатиться за свои злодѣянія. Едва кончилъ я свой осмотръ, какъ ропотъ въ толпѣ повѣдалъ мнѣ о приближеніи несчастныхъ. Они шли попарно, со связанными руками, но со всѣми украшеніями и признаками индѣйской знатности, подъ сильнымъ военнымъ конвоемъ. Спокойно взошли они на платформу, съ безстрастнымъ стоицизмомъ дали себя поставить подъ бревнами, съ которыхъ висѣли рядомъ роковыя петли,—и пять минутъ спустя все уже было готово къ нажатію страшной пружины. Взоръ мой пытливо прошелся по всѣмъ этимъ бронзовымъ лицамъ — и остановился на одномъ. Я сталъ вглядываться—не ошибся: передо мною, среднимъ изъ тринадцати, стоялъ мой старый знакомый, Томаго! Съ этой минуты на немъ сосредоточилось все мое вниманіе; я видѣлъ одного его, и когда наконецъ былъ данъ сигналъ и полъ опустился, когда 39 человѣкъ задрыгали въ предсмертной судорогѣ, — не думаете ли вы, что я спеціально услаждался корчами Томаго? Нѣтъ! если вы это думаете, вы ко мнѣ несправедливы. Я съ содроганіемъ отвернулся отъ ужаснаго зрѣлища; я въ душѣ возблагодарилъ Линкольна за его милосердіе; я въ первый разъ вполнѣ созналъ истину поговорки, что мщеніе есть обоюдоострый мечъ, который поражаетъ мстителя не менѣе чѣмъ жертву....

Дѣятели прусско-французской войны.

Прилагая портреты главнѣйшихъ дѣятелей прусско-французской войны, мы считаемъ нужнымъ дополнить ихъ нѣкоторыми біографическими свѣденіями, которыя, надѣемся, не безъ интереса прочтутся нашими читателями.

Мольтке, Штейнмецъ, Базенъ и Макъ - Магонъ — вотъ имена, которыя теперь слышатся всюду и безъ которыхъ не обходится почти ни одинъ разговоръ въ сколько-нибудь образованномъ обществѣ. Первое мѣсто между упомянутыми генералами, по значенію въ текущей войнѣ, безспорно принадлежитъ Мольтке, какъ начертателю плана кампаніи. Съ него мы и начнемъ нашъ обзоръ.

Генералъ Мольтке

(Гелмутъ-Карлъ-Бернардъ), баронъ изъ стариннаго рода, датскаго происхожденія. Предки его уже въ XIII вѣкѣ жили въ скандинавскихъ земляхъ Даніи и Швеціи, а равно и въ Мекленбургѣ. Нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ рейхсграфы, другіе—графы и бароны. Въ Даніи особенно прославились трое Мольтке: *Іоакимъ*, *Карлъ*, оба императорскіе министры, и *Магнусъ*, публицистъ. Нынѣшній начальникъ генеральнаго штаба прусскихъ войскъ происходитъ отъ тѣхъ Мольтке, которые жили въ Старомъ-Мекленбургѣ. Онъ родился въ 1800 г. (26 октября) въ имѣніи Самровѣ близъ Рыбницы. Отецъ его, служившій въ Мэллендорфскомъ полку, купилъ имѣніе въ Гольштейнѣ, гдѣ и получилъ первоначальное свое воспитаніе славный нынѣшній стратегъ. Въ 12-мъ году поступилъ онъ со старшимъ братомъ въ юнкерскую академію въ Копенгагенѣ. Тамъ онъ получилъ дальнѣйшее образованіе, не имѣя въ этой для него чужой странѣ никого знакомыхъ, кромѣ семейства генерала Гегерманъ - Линденкропа, который по воскресеньямъ принималъ юнкера Мольтке для развлеченія трехъ своихъ сыновей, впослѣдствіи отличавшихся въ датской арміи противъ пруссаковъ. Въ 1822 году поступилъ Мольтке въ прусскую армію секундлейтенантомъ въ 8 полкъ лейбъ-инфантеріи во Франкфуртѣ на Одерѣ, подъ начальство генерала Марвица, жена котораго была урожденная графиня Мольтке и дальняя родственница,—оттуда поступилъ вскорѣ въ военную школу въ Берлинѣ, не имѣя почти никакихъ средствъ и ничего не получая отъ обѣднѣвшихъ родителей; но примѣрная бережливость давала ему средства изъ жалованья покупать полезныя книги и учиться иностраннымъ языкамъ. Вскорѣ затѣмъ возвратясь въ полкъ, Мольтке завѣдывалъ дивизіонною школою. Оттуда былъ прикомандированъ къ топографическому размежеванію въ Силезіи и въ Познани, подъ управленіемъ генерала Мюфлинга, и произведенъ въ чинъ капитана, потомъ прикомандированъ къ генеральному штабу. Черезъ два года окончательно поступилъ на службу въ генеральный штабъ настояніемъ генерала Краузенека, который провидѣлъ въ Мольтке большія способности. Такъ какъ служба въ генеральномъ штабѣ была довольно скучная и ненадежная, то Мольтке вскорѣ надоѣло это—и онъ въ 1835 г. отправился въ Турцію, гдѣ въ качествѣ прусскаго капитана, прожилъ четыре года, до 1839 г. Въ Турціи онъ много путешествовалъ и участвовалъ въ реорганизаціи турецкой арміи съ своими друзьями, капитанами: Лауемъ, фонъ-Милбахомъ, Фишеромъ и

фонъ-Винке. Проживая въ Турціи, Мольтке выступилъ какъ писатель замѣчательныхъ статей о Турціи и набросалъ много хорошихъ очерковъ, именно: Дарданеллъ, Царьграда, Босфора, которые и были опубликованы. Личными отношеніями своими къ турецкимъ сановникамъ онъ воспользовался для того, чтобы высказать публикѣ истину объ этой неизвѣстной странѣ. Ему удалось путешествовать вмѣстѣ съ султаномъ Махмудомъ по Румеліи, и Мольтке долженъ былъ снять планы Варны, Шумела (Шумлы), Дриста (Силистріи) и нѣкоторыхъ придунайскихъ крѣпостей и городовъ. Записки его, собранныя по этому поводу, вышли въ сборникѣ «Der Russisch-Turkische Feldzug von 1828—1829». О реорганизаціи турецкой арміи Мольтке много заботился, но его старанія не имѣли ожиданныхъ успѣховъ. Въ сраженіи при Низибѣ, турецкая армія подъ предводительствомъ Гафизъ-паши была разбита египетскимъ Мехмедъ-Али (23 іюня 1839), и задача прусскихъ организаторовъ разрѣшилась такимъ образомъ довольно жалко. Все-таки Мольтке остался еще въ Малой Азіи, для исправленія недостаточныхъ топографическихъ картъ тамошнихъ странъ. Съ этою цѣлью Мольтке объѣздилъ верхомъ (больше 1,000 миль) такія мѣстности, куда не проникалъ раньше его никто изъ европейскихъ путешественниковъ, и гдѣ до сихъ поръ еще нельзя иначе путешествовать какъ съ военнымъ конвоемъ,—именно, въ пустыняхъ Месопотаміи. Записки Мольтке пріобрѣли въ ученомъ мірѣ еще большее значеніе, когда профессоръ Риттеръ, славный географъ, сличилъ ихъ съ свѣдѣніями самыхъ древнихъ временъ, именно съ походами Александра Великаго, съ путешествіемъ Марка Поло и др. Ту мѣстность, гдѣ Евфратъ прорывается въ курдскія горы, посѣтили только Ксенофонъ и Мольтке. До него всѣ европейскіе путешественники въ Джуламеркѣ, Ванѣ и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ были перебиты. Мольтке—какъ нѣкогда Ксенофонъ—продолжалъ свое путешествіе Евфратомъ, на надутыхъ овечьихъ кожахъ и проч.

Возвратившись въ Европу въ 1839 г., Мольтке былъ прикомандированъ къ генеральному штабу четвертаго армейскаго корпуса, произведенъ въ маіоры, и женился на дѣвицѣ фонъ-Буртъ изъ Голштейна. Но вскорѣ, какъ будто бы судьба его не хотѣла оставить надолго въ Пруссіи, въ 1845 назначенъ былъ онъ адъютантомъ прусскаго принца Генриха, который жилъ почти постоянно въ Римѣ. Этимъ случаемъ Мольтке воспользовался для того, чтобы узнать Римъ съ его интересными достопамятностями и окрестностями;—все это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на его внимательный и чуткій умъ. Его очерки «Contorni di Roma» (окрестности Рима) стали всюду извѣстными. Въ Римѣ прожилъ Мольтке время смерти папы Григорія XVI и первую либеральную пору папы Пія IX. Когда смертные останки принца Генриха привезены были въ родной край, Мольтке былъ назначенъ начальникомъ штаба четвертаго армейскаго корпуса, и въ этомъ званіи прослужилъ семь лѣтъ — въ 1850 году подполковникомъ, въ 1851 году полковникомъ, въ 1856 году генералъ-маіоромъ и въ 1859 генералъ-лейтенантомъ. Какъ начальнику генеральнаго штаба, ему было довѣряемо много разныхъ тайныхъ и важныхъ командировокъ; такъ, наприм., онъ получилъ командировку—осмотрѣть сѣверо-германскіе берега, съ тѣмъ чтобы выработать проектъ ихъ укрѣпленія. Ему было строжайшимъ образомъ приказано торопиться; но когда онъ въ самомъ скоромъ времени, съ коммисеіею флотскихъ и инженерныхъ офицеровъ, окончилъ этотъ проектъ,— Бундестагомъ вдругъ была назначена коммиссія для его обсужденія, и отвѣтъ на эти предложенія полученъ отъ покойнаго Буденстага *не раньше какъ черезъ три года!* Послѣ того еще проэктъ этотъ совсѣмъ былъ брошенъ комиссіею въ Гамбургѣ, только потому, что всѣ мелкія нѣмецкія государства протестовали противъ одобренія его Пруссіею.

Вскорѣ король назначилъ Мольтке адъютантомъ наслѣднаго принца, котораго тотъ и сопровождалъ въ Шотландію на свадьбу съ англійскою принцессою. Цѣлый годъ послѣ того Мольтке провелъ съ принцемъ въ Бреславѣ, гдѣ командовалъ 11-мъ полкомъ пѣхоты. Въ Шлезвигской войнѣ Мольтке немного учавствовалъ — и то подъ конецъ войны. Когда пруссаки взяли Дюппельскія укрѣпленія, Мольтке назначенъ былъ начальникомъ генеральнаго штаба дѣйствующей арміи въ Ютландіи, и на его долю пришлось выработать вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ планъ высадки войскъ на островъ Финенъ. Планъ этотъ совершенно оставили, когда былъ взятъ Альзенъ и когда войска заняли всю Ютландію, вслѣдствіе чего Данія была побѣждена.

Въ послѣдней австро-прусской войнѣ Мольтке былъ назначенъ начальникомъ генеральнаго штаба всѣхъ прусскихъ силъ—и имѣлъ самъ большое вліяніе на успѣшное окончаніе этой войны. Всегдашнимъ правиломъ его было полагаться на Божію помощь, на храбрость войскъ и на полководцевъ, но самымъ главнымъ считалъ онъ первоначальное раздѣленіе войскъ по разнымъ пунктамъ войны и быстрое сосредоточеніе ихъ на полѣ сраженія. Онъ всегда считачъ Австрію наизлѣйшимъ и наиболѣе приготовленнымъ къ войнѣ врагомъ и соперникомъ Пруссіи. Когда Австрія будетъ разбита—думалъ Мольтке,—то и остальные враги, будучи между собою несогласны, потеряютъ опору противъ Пруссіи. Та смѣлая, но для успѣха цѣлой войны рѣшительная мѣра, что въ началѣ войны вдругъ всѣ девять армейскихъ корпусовъ двинулись въ сердце имперіи, — принадлежала барону Мольтке. Транспортъ 285,000 солдатъ въ такое короткое время могъ осуществиться только единовременнымъ употребленіемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ— но дороги эти кончались тогда при Зейцѣ, Галлѣ, Герцбергѣ, Гэрлицѣ и Фрейбургѣ на границѣ прусской. Тамъ должны были первые пришедшіе полки ожидать остальныхъ, чтобы возможно было формировать корпуса. Не одинъ военный умница изумлялся, видя, что войска его корпуса были разбросаны на 50 миль вдаль и въ ширь—и не разъ случалось, что Австрія принимала прусскія приготовленія за стратегическія эволюціи, и только тогда начала понимать ихъ, когда послѣ быстрыхъ переходовъ отдѣльные разбросанные корпуса составились въ три арміи. Мольтке видѣлъ, что австрійцы, находясь между Бранденбургомъ и Силезіей, были такъ-сказать на прусской внутренной операціонной линіи, и что Берлинъ и Бреславъ необходимо надлежало прикрывать самостоятельными арміями, еслибъ нельзя было соединить эти арміи гдѣ-нибудь подальше впереди. Это соединеніе могло быть осуществлено только въ непріятельской землѣ, посредствомъ войны, которой обѣ стороны такъ заботливо избѣгали, хотя и ничего не щадили для возможно быстрѣйшаго вооруженія. Вообще всѣ думали, что Пруссія не сдѣлаетъ перваго выстрѣла въ войнѣ «нѣмцевъ съ нѣмцами»; но король, выслушавъ мнѣнія всѣхъ своихъ приверженцевъ, убѣдился, что выжида-

ніе и медленіе войною привело бы прусское государство къ серіозной опасности. Король началъ дѣйствовать—и стоялъ вслѣдствіе того все время на высотѣ положенія, что и давало ему возможность диктовать своему врагу условія мира. Мольтке признается, что полемъ битвъ между Австріею и Пруссіею была бы Силезія, еслибъ занятіе Саксоніи запоздало на нѣсколько дней. Вторженіе въ Саксонію и Чехію было смѣлымъ и удачнымъ дѣломъ, отъ котораго зависѣли дальнѣйшіе успѣхи войны. Но послѣ того прусская армія должна была вынести тяжелые походы, а конечное соединеніе трехъ армій стало возможнымъ только тогда, когда непріятель былъ отброшенъ на всѣхъ пунктахъ, такъ что австрійцы въ теченіи 10 дней принуждены были принять рѣшительное сраженіе. Утромъ предъ сраженіемъ при Садовой прусскія войска были разбросаны на пространствѣ четырехъ миль. Наступательное движеніе пруссаковъ соединило всѣ корпуса на полѣ сраженія, разомъ перемѣнило стратегическую невыгоду въ тактическую выгоду,—именно, что непріятель былъ со всѣхъ трехъ сторонъ окруженъ пруссаками. Пруссаки, при раздѣльности ихъ корпусовъ, съ начала похода были вовсе не въ блистательномъ положеніи, но съ каждымъ днемъ положеніе ихъ улучшалось, съ каждымъ днемъ они близились къ побѣдѣ. Мольтке—душа всего похода и всякаго движенія въ этой войнѣ—былъ крѣпко увѣренъ въ неизбѣжности побѣды, но только въ томъ случаѣ, когда войска безъ всякихъ серіозныхъ стычекъ и затрудненій быстро перейдутъ саксонскую границу, на чемъ Мольтке главнѣйше и основывалъ весь планъ военныхъ дѣйствій противъ Австріи.

Какъ критикъ военныхъ дѣйствій, Мольтке занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между современными военными писателями. Именно, раппортъ прусскаго генеральнаго штаба объ итальянской войнѣ обратилъ полное вниманіе на него въ этомъ отношеніи. Въ этомъ сочиненіи Мольтке отдаетъ полную справедливость своему противнику, генералу Бенедеку, котораго распоряженія онъ чрезвычайно хвалитъ, называя его заслуженнымъ, храбрымъ и весьма осторожнымъ полководцемъ. О результатахъ побѣды при Садовой Мольтке слѣдующимъ образомъ высказался въ разговорѣ съ однимъ нѣмецкимъ писателемъ: «я надѣюсь, что послѣдствія этого недолговременнаго но счастливаго похода будутъ весьма важны для будущности Германіи. Въ этотъ рѣшительный моментъ король оцѣнилъ свой народъ, а народъ — своего короля. Даже и молодые люди, на которыхъ прусская армія можетъ разсчитывать въ будущемъ, были оцѣнены—равно какъ и патріотизмъ всего народа. *Пруссія познала себя въ этой войнѣ*— это самый важный результатъ послѣдней войны съ Австріею. Теперь Германія можетъ смѣло смотрѣть въ свое будущее, видѣвши, что при Садовой прусскій орелъ столь же бодро и мощно вознесся, какъ нѣкогда при Фербеллинѣ, Лейтенѣ и Бель-Аліянсъ». За всѣ побѣды пруссаковъ при Вейсенбургѣ, Вэртѣ, Форбахѣ, Марлатурѣ, Бомонѣ и предъ Седаномъ надъ французскими императорскими войсками, за взятіе въ плѣнъ самаго императора Наполеона III и за бѣгство императорскаго принца въ Бельгію—Пруссія главнымъ образомъ должна благодарить начальника генеральнаго штаба барона фонъ-Мольтке.

За теоретикомъ Мольтке слѣдуетъ практикъ

Генералъ фонъ-Штейнмецъ

(Фридрихъ Карлъ), командующій первой прусской арміею (на ряду съ двумя королевскими принцами: Фридрихомъ Карломъ, который завѣдываетъ второю арміею, и кронпринцомъ предводительствующимъ третьею арміею). Онъ родился въ 1797 г. Въ настоящее время 74-лѣтній старикъ, онъ такъ же бодръ какъ 57 лѣтъ тому назадъ, когда впервые вступилъ въ 1813 году въ прусскую армію. Шестнадцати лѣтъ отличился Штейнмецъ въ сраженіяхъ при Лаонѣ и Парижѣ (1813 г.) и получилъ за личную храбрость орденъ желѣзнаго креста, котораго теперь состоитъ почетнымъ старшиною (сеніоромъ).

Все время наступившаго затѣмъ продолжительнаго мира Штейнмецъ употребилъ на военно-научное образованіе, и въ 1835 году былъ уже капитаномъ въ гренадерскомъ полку императора Франца. Короткое время командовалъ дюссельдорфскимъ батальономъ гвардіи, и затѣмъ назначенъ былъ батальоннымъ командиромъ гвардейскаго ландвера въ Шпандавѣ. Въ 1848 г., во время несчастныхъ событій 18 октября въ Берлинѣ, предводилъ два батальона противъ берлинскихъ повстанцевъ на барикады, и послѣ того командовалъ пѣхотнымъ полкомъ, съ которымъ сражался въ Шлезвигѣ. Въ датскую войну онъ былъ начальникомъ полка его величества короля прусскаго въ Шлезвигѣ и на укрѣпленіяхъ Дюппеля, гдѣ заслужилъ орденъ «pour le mérite». Послѣ перемирія въ Мальмэ, Штейнмецъ назначенъ былъ командиромъ берлинскаго юнкерскаго дома и произведенъ вскорѣ въ бригадиры гвардіи, а въ 1866 году уже назначенъ командиромъ пятаго армейскаго корпуса. Во главѣ этого корпуса, во время австро-прусской войны, Штейнмецъ отбросилъ австрійцевъ при Находѣ и Скалицѣ въ Чехіи—и тѣмъ проложилъ путь арміи кронпринца, которому служилъ резервомъ.

Кто хоть разъ видѣлъ честное и прямое лицо этого полководца съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами, его невысокую, но крѣпкую и воинственную фигуру,—тотъ никогда уже не забудетъ его. Имя этого честнаго старика-героя популярно во всей прусской арміи. Хотя Штейнмецъ поклонникъ желѣзной дисциплины, но войска его страстно любятъ; особенно въ 37-омъ полку вестфальской пѣхоты, шефомъ котораго состоитъ Штейнмецъ, солдаты считаютъ его своимъ отцомъ, и съ восторгомъ готовы броситься на гибель.

Противниками Мольтке и Штейнмеца, со стороны французовъ, являются: Базенъ и Макъ-Магонъ.

Маршалъ Базенъ

(Франсоа Ашиль), назначенный послѣ сраженія при Вэртѣ главнокомандующимъ всѣхъ французскихъ войскъ, родился въ 1811 году, въ мѣщанскомъ семействѣ, изъ котораго многіе достигли высокихъ чиновъ во арміи и въ администраціи. Окончивъ курсъ въ политехнической школѣ, Базенъ поступилъ волонтеромъ во французскую армію. Въ Африкѣ произведенъ въ офицеры, и въ 1835 году получилъ уже за храбрость орденъ почетнаго легіона. Въ 1837 г. Базенъ участвовалъ съ иностраннымъ легіономъ въ бою противъ карлистовъ въ Испаніи, и за военныя заслуги получилъ тамъ чинъ капитана. Въ 1839 г. возвратился въ Алжирію и сражался съ арабами въ экспедиціи въ Миліану, противъ кабиловъ и мароканцевъ. За выказанную храбрость получилъ завѣдываніе арабскими дѣлами въ округѣ Тлатценъ. Въ 1843 назначенъ маіоромъ и содѣйствовалъ взятію въ плѣнъ извѣстнаго Абд-эл-Кадера, какъ рапортовалъ объ этомъ генералъ Ламорисье. Въ 1848 г.

онъ былъ уже подполковникомъ, черезъ два го́да полковникомъ иностраннаго легіона, гдѣ онъ командовалъ первымъ полкомъ. Базенъ былъ такимъ строгимъ командиромъ, что многихъ своихъ подчиненныхъ доводилъ строгою дисциплиною до отчаянія и самоубійства, и маршалъ Сенъ-Арно подвергъ его строгому слѣдствію за это. Въ 1854 году мы видимъ Базена въ Крыму уже бригадиромъ, начальникомъ двухъ полковъ въ иностранномъ легіонѣ. Онъ отличился взятіемъ Кинбурна. Въ 1855 г. назначенъ былъ Базенъ генералгубернаторомъ завоеванной части Севастополя. Въ италіянской войнѣ предводилъ полки зуавовъ и сражался при Меленьяно и Сольферинѣ. Въ мексиканской экспедиціи Базенъ получилъ начальство надъ первымъ корпусомъ (въ 1863 г.), съ которымъ 8 мая разбилъ армію республиканскаго генерала Комонфора, на высотахъ близь Санъ-Лоренца; вслѣдствіе этой побѣды, онъ 5 іюня занялъ городъ Мексико. Когда генералъ Форей получилъ чинъ маршала, Базенъ былъ назначенъ начальникомъ французскихъ войскъ въ Мексикѣ и занялъ значительную часть имперіи. Въ 1864 году разбилъ генерала Доблада и въ 1865—генерала Діаза, котораго взялъ въ плѣнъ съ 7000-нымъ корпусомъ и за побѣду при Пуэблѣ произведенъ въ маршалы Франціи. Счастливое окончаніе американской войны принудило французовъ пріостановить свои завоеванія въ Мексикѣ и оставить въ январѣ 1867 года завоеванную страну императору Максимиліяну и республиканцамъ. Базенъ успѣлъ уѣхать изъ Вера-Круца съ убѣжденіемъ, что онъ не былъ побѣжденъ. Но эта слава не спасла Базена отъ основательныхъ обвиненій въ томъ, что онъ былъ виновникомъ сумасшедствія императрицы мексиканской и смерти императора Максимиліана, котораго мексиканскіе республиканцы разстрѣляли на Керетарской равнинѣ. Адъютантъ Базеновъ г. де-Кэратри, прежній повѣренный императора Наполеона и Базена—нынѣ ставшій полицейскимъ префектомъ города Парижа—возвелъ самое большое обвиненіе противъ Базена, который на все это молчалъ. Правительство, въ духѣ котораго дѣйствовалъ Базенъ, вознаградило его большимъ крестомъ почетнаго легіона, хотя французскій народъ сильно волновался, когда Базенъ, возвращаясь изъ Мексики, высадился въ Тулонѣ на французскій берегъ. Предъ отъѣздомъ изъ Мексики Базенъ былъ въ связи со всѣми врагами новой имперіи и продавалъ всѣ военные запасы республиканцамъ или уничтожалъ ихъ. Въ Францію онъ вернулся съ женой, богатой мексиканкой, которой императоръ Максиміліанъ сдѣлалъ большое приданное и далъ большое богатство. Характеръ маршала, судя по этимъ фактамъ, не долженъ отличаться особеннымъ безкорыстіемъ. Впрочемъ, онъ человѣкъ хладнокровный, разчетливый и весьма честолюбивый. Какъ воинъ онъ строгъ—и безъ милосердія, такъ что въ арміи онъ былъ еще менѣе популяренъ чѣмъ въ обществѣ, которое его всегда ненавидѣло и порицало. Только нынѣшнимъ событіямъ онъ обязанъ тѣмъ, что имя его появилось между первыми полководцами второй имперіи.

Маршалъ Макъ-Магонъ

(графъ Марія-Эдмундъ-Патрикъ-Морицъ) родился 13 іюня въ 1808 году, въ замкѣ Силы близь Отона, и происходитъ отъ стариннаго дворянскаго семейства изъ Ирландіи, которое должно было—послѣ низверженія Якова II Стюарта—искать убѣжища вмѣстѣ со своимъ государемъ во Франціи. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что Макъ-Магонъ происходитъ отъ потомковъ послѣдняго ирландскаго короля—и въ Парижѣ смотрѣли на него какъ на законнаго претендента ирландской короны, особенно когда ирландскіе дворяне прислали ему великолѣпную почетную саблю.

Макъ-Магонъ получилъ первое образованіе въ Версальской школѣ—и въ 1825 году 17-ти-лѣтнимъ юношей поступилъ въ Сенъ-Сирскую военную школу, изъ которой выпущенъ секундъ-лейтенантомъ послѣ строгихъ и отлично выдержанныхъ экзаменовъ. Затѣмъ, блистательно окончивъ курсъ въ школѣ генеральнаго штаба, Макъ-Магонъ поступилъ въ 1830 г. лейтенантомъ въ алжирскую экспедицію, гдѣ онъ всюду отличался, такъ что въ 1832 г. онъ присутствовалъ при осадѣ Антверпена въ качествѣ адъютанта у генерала Амара. Капитаномъ возвратился опять въ Африку и былъ раненъ въ 1837 году на приступѣ къ Константинѣ. Въ 1840 г. выказалъ такую личную храбрость, что генералъ Шангарнье назначилъ его своимъ адъютантомъ, произведши его вмѣстѣ съ тѣмъ въ маіоры генеральнаго штаба. Поступивъ въ пѣхоту, онъ командовалъ новымъ батальономъ такъ называемыхъ орлеанскихъ стрѣлковъ (chasseurs d'Orléans); въ 1842 году онъ былъ подполковникомъ, въ 1845 году полковникомъ, въ 1848 уже бригаднымъ генераломъ, въ 1852 году дивизіоннымъ и генералгубернаторомъ Константинской провинціи въ Алжирѣ.

Его участіе въ Крымской войнѣ, именно приступъ на Малаховъ-курганъ, доставило ему общеевропейскую извѣстность. Послѣ того Макъ-Магонъ сражался опять цѣлый годъ съ кабилами въ Африкѣ, и пріобрѣлъ себѣ въ итальянско-французско-австрійской войнѣ въ 1859 году при Маджентѣ (гдѣ спасъ самого императора Наполеона III) титулъ герцога Маджентскаго и званіе французскаго маршала и сенатора. При коронаціи прусскаго короля Вильгельма, въ 1861 году, Макъ-Магонъ былъ представителемъ Франціи. Послѣ смерти маршала Пелисье назначенъ былъ Макъ-Магонъ генералгубернаторомъ Алжиріи, гдѣ управлялъ страною можно-сказать съ королевскимъ достоинствомъ, выказывая знаніе дѣла и большую опытность и будучи какъ-бы намѣстникомъ арабскаго королевства, на основаніи новой конституціи, выработанной для этой замѣчательной земли древнихъ мавровъ.

Макъ-Магонъ извѣстенъ своимъ строгимъ и честнымъ характеромъ—и какъ полководецъ вмѣстѣ съ маршаломъ Канроберомъ пользуется наибольшимъ уваженіемъ какъ своихъ соотечественниковъ, такъ и за границей, хотя въ нынѣшней войнѣ не могъ удовлетворить ожиданіямъ, которыя были возложены на него французскимъ народомъ. Какъ извѣстно читателямъ, онъ былъ разбитъ окончательно и раненъ, такъ что преемникъ его, генералъ Вимпфенъ, долженъ былъ сдать остатки его арміи (80,000) пруссакамъ.

Съ театра войны.

Въ Кёльнской газетѣ помѣщены слѣдующія интересныя корреспонденціи Юліуса Викеде съ театра войны.

«Хотя я участвовалъ въ восьми походахъ, и давно уже привыкъ ко всѣмъ ужасамъ войны и ко всякаго

рода отвратительнымъ сценамъ,—по видъ Вейсенбурга, на другой день послѣ его взятія, поразилъ меня.

Уже около воротъ и въ виноградникахъ лежали сотни труповъ—по большой части баварскихъ стрѣлковъ, которые начали первый приступъ, и такъ упорно бились. Прусскія колонны подоспѣли уже позднѣе. Нѣкоторыхъ изъ убитыхъ нельзя даже было признать за мертвыхъ — такъ мало они были изувѣчены; они скорѣе походили на спящихъ. Меня особенно поразилъ одинъ молодой баварецъ,—вѣроятно, еще кадетъ,—который, прислонивъ голову на зеленый холмъ, лежалъ какъ-бы въ легкомъ забытьи. Только маленькое отверстіе въ груди, въ томъ мѣстѣ гдѣ находится сердце, изъ котораго струилась алая кровь, показывало, что юноша былъ убитъ наповалъ. Кто знаетъ, сколько самыхъ отрадныхъ надеждъ, которыми лелѣяли себя родители этого несчастнаго, рано-погибшаго юноши, уничтожилъ этотъ роковой выстрѣлъ! Нѣкоторые же трупы были до такой степени растерзаны и изувѣчены, что въ нихъ едва можно было признать человѣческій образъ.

Такъ-называемыя нѣмецкія ворота въ Вейсенбургѣ, съ которыхъ началось главное нападеніе, представляли однѣ развалины. Массивные своды воротъ, изъ краснаго кирпича, готовы кажется были при малѣйшемъ потрясеніи развалиться. Дубовыя ихъ рамы печально болтались на своихъ петляхъ. Крыши близь-лежащихъ домовъ тоже носили на себѣ слѣды опустошительнаго огня артиллеріи, которымъ баварцы начали свой приступъ, пока не подоспѣли пѣхотныя колонны и не очистили, при постоянно усиливающемся огнѣ, проходъ въ улицы (см. рисунокъ на стр. 572).

Но еще ожесточеннѣе и кровавѣе былъ бой при Гейсбергѣ; такъ называется холмъ, лежащій нѣсколько верстъ западнѣе отъ Вейсенбурга. На вершинѣ этого холма видѣнъ старинный замокъ съ широко-раскинувшимися хозяйственными пристройками и службами. Этотъ холмъ представлялъ такимъ образомъ очень укрѣпленную позицію, которую занимали французы подъ начальствомъ генерала Авеля Дуэ, погибшаго смертью храбрыхъ нѣсколькими часами позже. Спускаясь уступами, поросшими виноградомъ и хмѣлемъ, въ Вейсенбургскую долину, пунктъ этотъ давалъ возможность легко укрываться своимъ защитникамъ. До настоящаго времени невозможно понять, какимъ образомъ такая позиція, защищенная пушками, картечницами и двумя пѣхотными полками, могла быть взята. Но что не возможно пѣхотинцамъ короля прусскаго? Что не возможно для гренадеровъ (которыхъ представляетъ рисунокъ на стр. 573, берущими приступомъ гору)? могутъ ли существовать для нихъ какія нибудь препятствія? Когда музыканты заиграютъ прусскій маршъ аттаки, когда раздается команда «впередъ», и воздухъ оглашаютъ крики «ура» и «да здравствуетъ король прусскій», тогда для нихъ не существуетъ никакихъ препятствій, и даже неприступныя крѣпости сдаются предъ ихъ мужествомъ. Но какихъ жертвъ стоило взятіе Гейсбурга—можно было видѣть тотчасъ-же. Сотнями валились трупы прусскихъ солдатъ, на лугу, въ садахъ, виноградникахъ и у подошвы холма. Въ одномъ кусту розоновъ лежалъ убитый офицеръ. Надъ его головой, которую уже покрыла смертная блѣдность, цвѣла еще одна уцѣлѣвшая бѣлая роза, и на лепесткахъ ея виднѣлись капли свѣжей крови. Чѣмъ болѣе подымался я въ гору, тѣмъ болѣе и болѣе насчитывалъ я труповъ убитыхъ французовъ. На самомъ гребнѣ ея, вся площадь представлялась красною отъ красныхъ шароваровъ убитыхъ солдатъ. Какъ разъ въ воротахъ разрушенной мызы лежалъ французскій полковникъ, съ мужественнымъ прекраснымъ лицомъ и съ крѣпко стиснутой въ рукѣ саблей. Вокругъ него валялись 6 — 8 зуавовъ, по большей части страшно изувѣченныхъ. Подъ однимъ изъ тѣнистыхъ каштановъ, которыхъ здѣсь много, лежало до пяти тюркосовъ. На лицѣ одного изъ нихъ—громаднаго, чернаго негра—такъ и осталось выраженіе фанатической ненависти, которая кипѣла въ немъ въ продолженіи всей жизни. А тамъ, вверху, въ вѣтвяхъ дерева, какъ эмблема мира, голубка кормила своихъ дѣтей. Какимъ красивымъ представлялся этотъ полуразрушенный и покинутый своими обитателями городокъ! Виднѣлись цвѣтущія долины Эльзаса и Рейнпфальца, далеко въ глубь можно было прослѣдить знаменитую укрѣпленную линію Вейсенбурга, а вдали на горизонтѣ живописно возвышались остроконечныя, съ полуразрушенными замками, вершины Вогезовъ.

Если Гейсбергъ представлялъ картину покинутаго, кроваваго поля сраженія, то наоборотъ воксалъ желѣзной дороги въ Вейсенбургѣ представлялъ живыя, часто ужасающія сцены. Сцены въ высшей степени забавныя, которыя могутъ доставить жанристу благодарный матеріалъ на цѣлую жизнь, смѣняются здѣсь самымъ быстрымъ образомъ — сценами въ высшей степени грустными. Въ залахъ, на платформахъ, въ каждомъ углу, на соломѣ, подмостивъ ранцы подъ голову, лежали тысячи раненыхъ только-что принесенныхъ съ поля битвы. Они были едва прикрыты своими шинелями. И что за пестроту нарѣчій и одеждъ можно было встрѣтить здѣсь! Здѣсь лежалъ арабъ, изъ степей Сахары, рядомъ съ бѣлокурымъ вестфальцемъ; старый зуавъ, который въ продолженіи 20 лѣтъ отправлялъ свое военное ремесло въ Крыму, Алжиріи, Мексикѣ и Италіи, рядомъ съ молодымъ прусскимъ волонтеромъ, котораго призывъ «отечества въ опасности» заставилъ покинуть аудиторіи университета и идти на бой—первый и послѣдній, такъ какъ французская картечница десятками пуль пронизала его молодое тѣло. Баварцы, пруссаки и французы—которые еще нѣсколько часовъ тому назадъ съ ожесточеніемъ и ненавистью уничтожали другъ друга—покоились теперь мирно другъ подлѣ друга на скорбномъ одрѣ, и старались взаимными маленькими услугами облегчить свою горькую участь.

Сюда постоянно одни за другими приходятъ тысячи французскихъ плѣнныхъ, подъ конвоемъ цѣлыхъ эскадроновъ прусскихъ драгунъ,—и, послѣ болѣе или менѣе короткаго отдыха, отправляются въ вагонахъ въ мѣста назначенія. Французы тысячу разъ заявляли Европѣ, что они идутъ во главѣ цивилизаціи, и что Луи Наполеонъ ведетъ настоящую войну въ интересѣ свободы и самостоятельности Германіи; съ этою цѣлью, вѣроятно, желая вразумить невѣрующихъ, онъ присоединилъ къ своимъ зуавамъ—въ качествѣ авангарда—тюркосовъ, набранныхъ среди самыхъ дикихъ и свирѣпыхъ племенъ Алжиріи.

До сихъ поръ взято въ плѣнъ отъ 500 — 600 человѣкъ этихъ парней, и еще больше убито; имѣя возможность созерцать ихъ вблизи, мы находимся, такъ сказать, предъ цѣлой коллекціей мошенническихъ рожъ, доставленныхъ Африкой и Востокомъ.

Я вовсе не раздѣляю историко-физіологическаго міросозерцанія Карла Фогта—и радуюсь, что Библія производитъ родъ человѣческій не отъ обезьянъ, а отъ дру-

гихъ предковъ;—между тѣмъ, при видѣ нѣкоторыхъ плѣнныхъ тюркосовъ, поневолѣ начинаешь думать, что они происходятъ отъ оранг-утанговъ, — такъ велико это сходство.

Все что негритянское племя произвело отвратительнаго—все это выразилось наиболѣе типично въ этихъ превосходныхъ образцахъ. Иные изъ нихъ имѣютъ классически-прекрасную голову, самой чистой формы, безъ малѣйшаго недостатка, такъ что одни только черные глаза, дико сверкающіе на бѣлкахъ и быстро вращающіеся въ орбитахъ, придаютъ ихъ лицамъ что-то непріятное. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ тюркосовъ очень напоминаютъ пойманыхъ и посаженныхъ въ клѣтку пантеръ.

Впрочемъ, многіе изъ нихъ не африканцы, но мальтійцы, сицилійцы и египтяне. Короче, вся сволочь, какую только можно было собрать по берегамъ Средиземнаго моря, и существованіе которой вовсе не приноситъ чести роду человѣческому, — все это любезно послано къ намъ Луи Наполеономъ. Каковъ господинъ, таковъ и слуга — говоритъ пословица.

Многіе изъ этихъ тюркосовъ еще и до сихъ поръ дики, и едва сдерживаются конвоемъ оказывая постоянное сопротивленіе; нѣкоторые были даже разстрѣляны за покушеніе на убійство. Иные униженно-смиренны, большая часть совершенно равнодушны; нѣкоторые же, напротивъ, отличаются какою-то обезьяньей веселостью. Многіе плѣнные французы смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ, и когда старый сержантъ говоритъ имъ: «вотъ ваши товарищи», они обыкновенно отвѣчаютъ: «нѣтъ, нѣтъ, это не товарищи наши», и окидываютъ тюркосовъ гордымъ и презрительнымъ взглядомъ.

Дѣйствительно, это не солдаты, а просто разбойники и бандиты; въ высшей степени непростительно тому, кто выставилъ въ защиту своего дѣла такого рода войско. «Должно-быть у французовъ большой недостатокъ хорошихъ солдатъ», говорятъ сопровождающіе тюркосовъ вестфальцы и баварцы, ругая при этомъ Луи Наполеона. На полѣ битвы при Вёртѣ было найдено много труповъ съ выколотыми глазами и отрѣзанными языками; 14 человѣкъ баварскихъ егерей, окруженные со всѣхъ сторонъ тюркосами, хотѣли сдаться, и не смотря на то были перерѣзаны этими варварами. Баварцы совершенно ожесточены противъ нихъ и рѣшились быть безпощадными; между тѣмъ, наши сѣверо-германскіе солдаты, съ безконечнымъ добродушіемъ, продолжаютъ еще поступать съ ними вполнѣ человѣчно. Офицеры изъ тюркосовъ, съ которыми мнѣ случалось говорить, почти такъ же дики и грубы какъ и простые солдаты. Одинъ изъ нихъ былъ корсиканецъ; о другомъ разсказываютъ сами французскіе офицеры, что онъ былъ приговоренъ къ 10-ти лѣтней ссылкѣ на галеры за убійство изъ ревности, и при объявленіи войны помилованъ императоромъ, хотя пробылъ тамъ всего одинъ годъ,—онъ былъ столь извѣстенъ своею храбростью, что въ немъ почувствовали необходимость. Мы взяли также въ плѣнъ одного начальника батальона тюркосовъ.

Кажется, сформированы три полка тюркосовъ, которыхъ посылаютъ впередъ для того, чтобы дикая храбрость этихъ людей поколебала мужество нашихъ солдатъ.

Но и въ этомъ случаѣ Наполеонъ ошибся такъ же какъ и во многихъ другихъ; несомнѣнно, что тюркосы возбудили и безпримѣрную храбрость и справедливое ожесточеніе въ нашихъ войскахъ. Между многими сотнями французскихъ плѣнныхъ, прибывающихъ къ намъ безпрестанно, попадаются совершенно иного рода типы. Довольно часто встрѣчаешь старыхъ сержантовъ съ двумя или тремя золотыми нашивками на рукавѣ, въ знакъ долголѣтней службы; иногда грудь ихъ украшена нѣсколькими орденами и медалями;—все это люди сражавшіеся въ Крыму, Мексикѣ и Италіи. Попадаются часто превосходные типы солдатъ съ рѣзкими чертами лица, котораго общее выраженіе обличаетъ смѣлость и вмѣстѣ съ тѣмъ умъ и добродушіе. Они ведутъ себя очень пристойно, всегда учтивы, но необщительны; по всему видно, что они въ отчаяніи отъ того, что находятся въ плѣну у ненавистныхъ имъ пруссаковъ. Далѣе, приходятъ также обыкновенные линейные солдаты — худенькіе, маленькіе, съ равнодушными лицами, усталые, голодные, истощенные до полусмерти. Во время остановокъ они тотчасъ же бросаются на землю, вовсе не разбирая куда они ложатся—на грязную ли дорогу или на нечистоты навознаго двора. Эти люди, сдѣлавшіе много передвиженій еще во Франціи, были взяты въ плѣнъ послѣ сраженія, которое длилось съ утра до вечера,—и не могли, слѣдовательно, быть хорошо продовольствованы въ теченіи своего 48-часоваго плѣна, такъ какъ мы не имѣли достаточно времени чтобы вполнѣ позаботиться даже о своихъ войскахъ, въ виду той быстроты съ которой совершаются нынѣ событія.

Между плѣнными стрѣлками я нашелъ много корсиканцевъ и савояровъ, которые были очень обрадованы и изумлены, когда услышали отъ меня нѣсколько словъ по италіански. Высокіе и статные солдаты были плѣнные кирассиры, которыхъ цѣлый полкъ былъ уничтоженъ въ сраженіи при Вёртѣ.

Это были большею частью норманцы. Плѣнныхъ артиллеристовъ и инженеровъ я мало видѣлъ. Почти всѣ плѣнные ругаютъ императора Наполеона и проклинаютъ его на всѣ лады. Не послужатъ ли эти чувства къ увеличенію ихъ симпатій къ намъ?

Среди плѣнныхъ французскихъ офицеровъ—разныхъ чиновъ—замѣчается большое различіе въ образованіи: одни изъ нихъ, безъ сомнѣнія люди воспитанные и развитые, ведутъ себя прилично, сдержанно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣжливо; другіе, напротивъ, кажутся совершенно грубыми и необразованными,—они, по своему обыкновенію, и теперь хотятъ вести себя надменно и высокомѣрно, и едва отвѣчаютъ на привѣтствія прусскихъ офицеровъ. Они и здѣсь заявляютъ разныя претензіи—и хотятъ, чтобы имъ оказывали особенное вниманіе, въ то время, когда сами побѣдители переносятъ всякія лишенія. Я видѣлъ вчера настоящій типъ французскаго плѣннаго офицера. Старый прусскій генералъ, съ посѣдѣвшею уже бородою, обратился превѣжливо къ двумъ нераненымъ французскимъ офицерамъ; эти грубіяны едва отвѣтили на его привѣтствіе и не почли нужнымъ встать съ своихъ мѣстъ. Тогда, стоявшій вблизи, высокій прусскій унтеръ-офицеръ схватилъ одного изъ французовъ—еще молодаго мальчика съ дерзкимъ лицомъ—безъ церемоніи за шиворотъ, приподнялъ его на ноги и сказалъ: «ахъ ты, грубіянъ, когда прусскій генералъ дѣлаетъ вамъ честь говорить съ вами, вы должны вставать.» Увидя это, другой офицеръ вскочилъ съ своего мѣста, быстро какъ молнія.

Вообще, мы надѣемся выбить изъ французовъ нахальство—и тогда можно будетъ, съ безопасностью, оставить ихъ въ покоѣ. Между тѣмъ, наши храбрые

солдаты обходятся мягко со всѣми плѣнными; они сохраняютъ вполнѣ военную дисциплину, такъ что на всемъ протяженіи занятой нами французской территоріи— не произошло до сихъ поръ ни одного случая грабежа или насилія; окрестные поселяне Вейсенбурга, Лаутербурга и Зульца привозятъ свои продукты на рынки, какъ бы въ мирное время. Французы страннымъ образомъ заблуждаются, если думаютъ, что мы должны сносить съ глубокимъ смиреніемъ ихъ высокомѣріе, что они—grande nation, и потому имѣютъ право быть нахальными и чваниться предъ всѣми, — что̀ разумѣется весьма комично.

нить, что 30,000 человѣкъ ожесточенно истребляли другъ друга въ теченіи всего продолжительнаго лѣтняго дня, при помощи игольчатаго ружья, Шаспо, картечницъ и гранатъ, — станетъ очевидно, что раненыхъ было весьма много.

Такъ какъ сначала не предполагали, что битва при Вейсенбургѣ потребуетъ столько жертвъ, то многіе прусскіе врачи со всѣмъ необходимымъ для раненыхъ (корпіей, бинтами, компрессами и т. д.) отстали далеко отъ дѣйствующей арміи и не могли оказать необходимой помощи. Легкая перевязка даже тяжело-раненыхъ и глотокъ мутной воды, изъ близь-лежащей

Баварцы при Вейсенбургѣ.

Совмѣстное пребываніе и полнѣйшая дружба прусскихъ и баварскихъ войскъ способствуетъ къ поддержанію военной дисциплины, такъ какъ у нихъ теперь одна цѣль: соревновать въ мужествѣ и отличаться.

Вся эта пестрая, разнообразная, движущаяся картина принимаетъ весьма мрачный колоритъ, на станціи желѣзной дороги въ Вейсенбургѣ, при видѣ множества раненыхъ. Въ одномъ маленькомъ Вейсенбургѣ уже теперь находится болѣе 3,000 раненыхъ. Всѣ публичныя зданія превращены въ большіе лазареты; длинные поѣзды отправляются ежедневно изъ Вейсенбурга, увозя раненыхъ въ разные концы Германіи, но маленькіе тележки съ окровавленными и израненными людьми всетаки продолжаютъ прибывать изъ Вёрта. Спустя 2 или 3 дня послѣ сраженія при Вёртѣ—еще находили раненыхъ по кустарникамъ, лежавшихъ тамъ безъ пищи, безъ питья, съ неперевязанными ранами. Если вспом-

рѣчки,—вотъ все что̀ можно было предложить страждущимъ въ данную минуту. Много горя, отчаянія и и страданій представляло это небольшое пространство воксала въ Вейсенбургѣ. И посреди этихъ сотенъ окровавленныхъ, стонущихъ и умирающихъ раненыхъ, какъ ангелы мира ухаживали и помогали сестры милосердія изъ городскаго монастыря. Съ удивительнымъ искусствомъ и чисто-женской предусмотрительностію помогали онѣ этимъ несчастнымъ; а если помощь оказывалась уже излишнею, то и въ послѣдній моментъ утѣшали вѣрою въ будущую жизнь и вѣчное счастіе. Онѣ одинаково расточаютъ свое нѣжное попеченіе и кабиламъ, и германцамъ, и корсиканскому бандиту котораго послалъ противъ насъ Наполеонъ, и благородному юношѣ сражающемуся за честь Германіи. Сестры милосердія и діаконисcы видятъ предъ собою только различныя степени страданія находящихся предъ ними людей—дру-

гаго различія для нихъ не существуетъ. Даже умирающимъ, въ послѣднія минуты жизни, онѣ приносятъ утѣшеніе. Я видѣлъ одну сестру милосердія, стоявшую на колѣняхъ среди группы умирающихъ. Одному умирающему вестфальскому солдату она протянула висѣвшій у нея на поясѣ крестъ, для того чтобы страдалецъ могъ поцѣловать его; съ умиленіемъ прижалъ его умирающій къ своимъ губамъ, тихо вздохнулъ, произнесъ: «Пресвятая Дѣва» — и умеръ. Когда сестра милосердія подошла къ другому умирающему, лежавшему также при послѣднемъ издыханіи, чтобы и ему дать приложиться къ кресту, — смуглый сынъ степей презрительно отвернулся. Отъ алжирцевъ я узналъ слова арабской молитвы; я произнесъ ихъ умирающему на ухо, и положилъ его лицомъ къ Меккѣ. Улыбка благодарности наградила меня за эту послѣднюю услугу, и въ предсмертныхъ судоргахъ умирающій пожалъ мнѣ руку такъ сильно, что я долго еще буду носить отъ этого пожатія синіе знаки.

И такъ, магометанинъ, сынъ степей, умеръ по обряду своей вѣры, и получилъ утѣшеніе въ послѣднія минуты своей жизни.

Діакониссы, сестры милосердія, врачи, рыцари орденовъ святаго Іоанна и Мальтійскаго, — короче, цѣлыя сотни лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій и состояній, соревнуютъ другъ другу въ заботахъ о раненыхъ, и всѣ находятъ здѣсь работу до истощенія силъ. День и ночь, на самыхъ опасныхъ постахъ ходятъ они за несчастными страдальцами, жизнь которыхъ стоитъ многихъ горькихъ слезъ въ ихъ далекомъ отечествѣ. За ихъ труды ни какая награда въ мірѣ не можетъ вознаградить, кромѣ внутренняго сознанія, что онѣ исполняли въ совершенствѣ свой долгъ христіанокъ.

Среди этихъ трагическихъ сценъ, ревутъ быки, стоявшіе безъ пищи и воды 48 часовъ, ржутъ лошади, щелкаютъ бичи, дымятся локомотивы. Повсюду слышны проклятія, команда на всевозможныхъ германскихъ діалектахъ; баварскіе, прусскіе, баденскіе и виртембергскіе солдаты обнимаются, цѣлуются — и распивая красное эльзаское вино, которое здѣсь можно имѣть въ изобиліи за ничтожную плату, увѣряютъ другъ друга въ искренней дружбѣ, въ томъ что всѣ они братья одной германской семьи, и желаютъ отнынѣ сражаться только вмѣстѣ но никогда между собою.

Взятіе горы Гейсберга (при Вейсенбургѣ).

Таковы сцены и картины, которыя мнѣ представились въ Вейсенбургѣ, обыкновенно цвѣтущемъ и спокойномъ городкѣ, когда я посѣтилъ его утромъ на другой день послѣ кровавой битвы 4-го августа.

Въ слѣдующемъ № «Нивы» мы помѣстимъ не менѣе интересную корреспонденцію одного русскаго врача, который, находясь на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, имѣлъ возможность близко изучить санитарное состояніе войскъ.

Политическое обозрѣніе.

Битва при Седанѣ и плѣнъ императора Наполеона, о которыхъ мы упомянули въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи на основаніи телеграммъ, были безспорно важнѣйшими событіями настоящей войны. Сообщаемъ подробности о нихъ на основаніи нѣмецкихъ и бельгійскихъ газетъ, такъ какъ во французскихъ до сихъ поръ свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ изложены отрывочно и большею частію не точно. Теперь повидимому несомнѣнно, что битва или правильнѣе битвы подъ Седаномъ и въ его окрестностяхъ были слѣдствіемъ общаго плана, составленнаго по обоюдному соглашенію между маршалами Базеномъ и Макъ-Магономъ, которые намѣревались соединиться, и вмѣстѣ ударить на прусскую армію. Седанъ и Мецъ сдѣлались главными пунктами военныхъ дѣйствій, но всѣ эти комбинаціи разстроены были осторожностью прусскихъ генераловъ и необыкновеннымъ ихъ знаніемъ всего, что̀ дѣлалось въ непріятельскихъ лагеряхъ. Макъ-Магонъ, выступивъ изъ Шалонскаго лагеря, имѣлъ уже намѣреніе пробиться сквозь ряды непріятелей для соединенія съ Базеномъ, и для того поворотилъ на Седанъ; вотъ почему—одновременно съ сраженіями подъ этимъ городомъ—произведена была вылазка Базеномъ изъ Меца (30-го августа) по направленію къ Сентъ-Барбу, окончившаяся полнѣйшею неудачей: послѣ упорнаго боя, продолжавшагося цѣлый день, французы отброшены были обратно въ крѣпость прусскимъ корпусомъ генерала Мантейфеля, котораго подкрѣпляли отряды ландвера подъ командой генерала Куммера.

Въ то самое время, когда Макъ-Магонъ выступилъ изъ Шалонскаго лагеря, наслѣдный принцъ прусскій, шедшій со своею арміей къ Парижу, уже спускался въ долину рѣки Обы; узнавъ въ Линьи о движеніи Макъ-Магона, онъ поспѣшилъ тотчасъ же поворотить на сѣверъ и обогнулъ Аргонскій лѣсъ съ южной его стороны. Вотъ почему прусскіе отряды и появились лишь на короткое время въ Шалонѣ, а потомъ двинулись на Вузье черезъ Сюиппъ. Въ то же время корпусъ наслѣднаго принца Саксонскаго, лѣвый флангъ котораго былъ постоянно въ сообщеніи съ правымъ флангомъ арміи наслѣднаго принца прусскаго, спустился въ долину Мааса черезъ Дёнъ и Стенэ. Первыя столкновенія ихъ съ французами произошли 28-го августа при Вонкѣ, между Аттиньи и Вузье, съ одной стороны, и при Нуарѣ, къ западу отъ Стенэ—съ другой. Затѣмъ послѣдовали сраженія 29-го и 30-го августа, и первая битва подъ Седаномъ или при Бомонѣ 31-го августа, когда уже прусскія арміи были въ соединеніи. Наконецъ въ четвергъ, 1-го сентября, произошло подъ Седаномъ же генеральное сраженіе. Началось оно въ четыре часа утра. Въ арміи Макъ-Магона было 110,000, а число окружавшихъ ее нѣмецкихъ войскъ простиралось до 250,000, такъ что и на этотъ разъ французы были застигнуты врасплохъ превосходными силами непріятеля. Въ особенности жаркая битва продолжалась отъ 10 часовъ до двухъ. Въ два часа лѣвое крыло, подъ командой генерала Фальи,—который самъ палъ, пораженный картечью,—было отрѣзано, а центръ и правое крыло отброшены къ Седану. Въ отрѣзанномъ корпусѣ произошло полнѣйшее разстройство, и множество французскихъ солдатъ бѣжало на бельгійскую территорію, гдѣ они были встрѣчены бельгійскими войсками и обезоружены—необходимое слѣдствіе вступленія войска которой либо изъ воюющихъ сторонъ на территорію нейтральной державы (съ этою цѣлію бельгійскія войска были придвинуты къ границѣ подъ начальствомъ графа Фландрскаго, брата короля бельгійцевъ, главная квартира котораго находится въ Филиппвилѣ). Пріостановленная на нѣсколько времени, битва возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ въ три часа—и къ пяти часамъ была совершенно окончена. Армія Макъ-Магона была отброшена къ Седану и окружена въ этой крѣпости, гдѣ она по недостаточности укрѣпленій не могла долго продержаться. Въ слѣдствіе этого, уже въ шесть часовъ, въ главную квартиру прусскаго короля явились уполномоченные съ предложеніемъ капитуляціи, которая и была подписана генераломъ Вимифеномъ, принявшимъ по старшинству начальство надъ французскою арміей вмѣсто Макъ-Магона, тяжело раненаго *); сдача была безусловная вслѣдствіе рѣшительной невозможности реттироваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ королю Вильгельму было вручено собственноручное письмо императора Наполеона; въ письмѣ было, какъ увѣряютъ, сказано между прочимъ, что «такъ какъ онъ не могъ умереть во главѣ своей арміи, то вручаетъ свою шпагу королю прусскому». На другой день, 2-го сентября, онъ отправился въ главную прусскую квартиру въ сопровожденіи генерала Лебрёна и Феликса Дуэ, окруженный своими пикерами и предшествуемый двумя прусскими уланами; видѣвшіе его увѣряютъ, что онъ по наружности былъ совершенно спокоенъ. Король Вильгельмъ сообщилъ королевѣ о свиданіи своемъ съ императоромъ французовъ слѣдующею телеграммой: «Какъ поразительна была минута свиданія моего съ Наполеономъ! Онъ былъ глубоко огорченъ, но переносилъ свою участь съ достоинствомъ и твердостію. Я назначилъ ему мѣстопребываніемъ замокъ Вильгельмсгёге близъ Касселя. Наше свиданіе состоялось на западномъ планѣ Седана». По увѣренію берлинской офиціальной газеты «Staatsanzeiger», Наполеонъ въ битвѣ подъ Седаномъ стоялъ подъ ядрами и напрасно искалъ смерти... Послѣ свиданія, плѣнный императоръ съ своею свитой отправился черезъ Бельгію къ мѣсту своего назначенія. Что касается до императорскаго принца, то онъ въ сопровожденіи своей свиты и небольшаго отряда перебрался въ Бельгію, и въ настоящую минуту находится въ Англіи, въ Гастингсѣ, куда прибыла также черезъ Бельгію и императрица Евгенія, какъ извѣщаетъ телеграмма отъ 10-го сентября.

Потери, понесенныя французами при Седанѣ, громадны. По офиціальнымъ прусскимъ источникамъ, кромѣ взятыхъ въ плѣнъ во время послѣднихъ сраженій, число французскихъ войскъ положившихъ оружіе на основаніи капитуляціи простирается до 80,000,—причемъ въ руки побѣдителей достались 400 полевыхъ орудій и въ томъ числѣ 70 картечницъ, 150 крѣпостныхъ орудій и 10,000 лошадей; въ Седанѣ оказалось 14,000 раненыхъ французовъ и 12,000 ихъ перешли въ Бельгію, гдѣ и должны оставаться до заключенія мира.

Побѣда при Седанѣ возбудила восторгъ и торжество не только въ Берлинѣ, но и во всѣхъ главныхъ горо-

*) Вскорѣ послѣ сраженія, телеграфъ извѣстилъ, что Макъ-Магонъ умеръ отъ ранъ; но потомъ получена телеграмма изъ Лондона отъ 8-го сентября, что онъ живъ и находится въ Брюсселѣ.

дахъ Германіи; повсюду составляются адрессы къ прусскому королю, требующіе непремѣннаго присоединенія Эльзаса и Лотарингіи и недопущенія вмѣшательства нейтральныхъ державъ при заключеніи мира. Каковы будутъ дальнѣйшія дѣйствія прусскихъ армій, значительно усиленныхъ и подкрѣпленныхъ многочисленными корпусами ландвера,—сказать еще довольно трудно; но по видимому Пруссія намѣрена продолжать неуклонно войну: войска ея, послѣ седанской битвы, двинулись впередъ, король вступилъ въ Реймсъ 8-го октября, а 10-го передовые разъѣзды его арміи появились въ Сенскомъ департаментѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Парижа.

Кромѣ корпусовъ нѣмецкой арміи, блокирующихъ Мецъ, отдѣльный корпусъ подъ начальствомъ генерала Вердера осаждаетъ Страсбургъ, потерпѣвшій уже жестокія потери, но все еще упорно защищающійся подъ начальствомъ генерала Уриха. Великолѣпная башня Страсбургскаго собора сильно пострадала: ядра повредили ея стѣны, сбили множество украшеній и уничтожили знаменитые часы, бывшіе предметомъ общаго удивленія. Отъ прусскихъ бомбъ сгорѣла также обширная публичная библіотека со множествомъ драгоцѣнныхъ книгъ и рукописей, музей и множество общественныхъ и частныхъ зданій. Да и вообще Эльзасъ жестоко пострадалъ отъ войны и отъ усиленныхъ контрибуцій, которыми его облагаетъ армія побѣдителей.

Въ Парижѣ извѣстіе о Седанской катастрофѣ и о плѣнѣ императора Наполеона произвело потрясающее дѣйствіе, окончившееся политическимъ переворотомъ. Тотчасъ по полученіи роковаго извѣстія, графъ Паликао вмѣстѣ съ прочими министрами издалъ прокламацію къ жителямъ Парижа, извѣщая ихъ о случившемся, но успокоивая ихъ тѣмъ, что столица готова къ оборонѣ, что формируются новыя арміи и принимаются всѣ мѣры для отпора непріятелю. Прокламація эта была послѣднимъ актомъ императорскаго министерства; уже въ вечернемъ засѣданіи законодательнаго корпуса, 3-го октября, г. Жюль Фавръ предложилъ объявить низложеніе императора Наполеона и его династіи, и поручить правленіе—законодательной коммиссіи, а защиту Парижа—генералу Трошю. Палата не рѣшила этого вопроса и назначила засѣданіе на другой день, 4-го сентября, въ полдень; но въ этотъ же вечеръ, 3-го сентября, произошло сильное волненіе на парижскихъ улицахъ, гдѣ собирались многочисленныя толпы народа. Толпы эти направились сначала къ жилищу генерала Трошю, съ громкими криками: «долой императора! да здравствуетъ республика! да здравствуетъ генералъ Трошю!». Генералъ вышелъ къ толпѣ и объявилъ, что онъ присягалъ императору, и не предприметъ ничего, пока палата не постановитъ своего рѣшенія. Толпа направилась къ законодательному корпусу и требовала Гамбетты; тотъ вышелъ и уговорилъ ее разойтись. Но долго еще потомъ возбужденныя группы жителей расхаживали по улицамъ—и далеко за полночь разсѣяны были городскими сержантами и парижскою конною стражей. На другой день, при открытіи засѣданія законодательнаго корпуса, толпы ворвались въ залу съ криками: «низложеніе императора; да здравствуетъ республика!». Не смотря на всѣ усилія нѣкоторыхъ депутатовъ и преимущественно г. Гамбетты, засѣданіе пришлось закрыть—и парижскіе депутаты, сопровождаемые тѣми же толпами, направились въ *Hôtel de Ville*, гдѣ первымъ дѣломъ ихъ было провозглашеніе республики и затѣмъ установленіе такъ-называемаго «правительства національной обороны» изъ слѣдующихъ одиннадцати парижскихъ депутатовъ: Эммануэля Араго, Кремьё, Жюля Фавра, Жюля Ферри, Гамбетты, Гарнье-Пажеса, Гле-Бизуана, Пельтана, Пикара, Рошфора и Жюль Симона,—при чемъ объявлялось, что генералъ Трошю облекается неограниченными военными полномочіями и назначается президентомъ правительства. Затѣмъ составлено было слѣдующее министерство: Жюль Фавръ—министръ иностранныхъ дѣлъ, Гамбетта—министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ Лефло—военный министръ, адмиралъ Фуришонъ—морской министръ, Кремьё—министръ юстиціи, Эрнестъ Пикаръ—министръ финансовъ, Жюль Симонъ—министръ народнаго просвѣщенія, Даріанъ—министръ публичныхъ работъ и Маньенъ—министръ торговли. Сенатъ объявленъ упраздненнымъ, законодательный корпусъ закрытымъ, и затѣмъ изданъ былъ декретъ о созваніи къ 16-му октября избирательныхъ коллегій для выборовъ въ національное учредительное собраніе, на основаніи закона 1849 года. Другими декретами временнаго правительства объявлена амнистія осужденнымъ за всѣ политическіе проступки и преступленія съ 3-го декабря 1852 по 3-е сентября 1870 года, а равно и за всѣ проступки по дѣламъ печати, и отмѣненъ штемпельный налогъ на періодическія изданія. Тогда же обнародованы патріотическія прокламаціи къ жителямъ Парижа, къ войску и къ національной гвардіи, въ которыхъ вмѣстѣ съ провозглашеніемъ республики содержались увѣщанія стоять твердо и единодушно за отечество. Такія же прокламаціи изданы были и вновь назначенными: парижскимъ мэромъ г. Этьеномъ Араго и полицейскимъ префектомъ г. де-Кератри. 8-го сентября издалъ также прокламацію генералъ Трюшо, въ которой сказано, что «непріятель идетъ на Парижъ, но что оборона столицы обезпечена и сдѣланы всѣ распоряженія объ организаціи таковой же въ сосѣднихъ департаментахъ». Замѣчательнѣе всѣхъ этихъ прокламацій циркуляръ по иностранному вѣдомству г. Жюля Фавра, въ которомъ — упомянувъ о томъ, что онъ энергически отстаивалъ политику мира и желалъ предоставить Германіи полную свободу устройства ея судебъ,—и напомнивъ прусскому королю его заявленіе, что Пруссія ведетъ войну не противъ Франціи, а противъ династіи,—онъ говоритъ слѣдующее:

«Династія пала; свободная Франція возстаетъ. Желаетъ ли прусскій король продолжать войну? Онъ воленъ принять на себя эту отвѣтственность передъ міромъ и исторіей. Если это вызовъ съ его стороны, то мы принимаемъ его. Мы не уступимъ ни пяди земли отъ нашей территоріи и ни одного камня отъ нашихъ крѣпостей. За постыднымъ миромъ послѣдовала бы вскорѣ истребительная война. Мы будемъ вести переговоры о прочномъ мирѣ. Нашъ интересъ есть интересъ всей Европы; но еслибы мы остались и одни, то и тогда не ослабѣемъ. У насъ есть армія готовая идти въ бой, хорошо снабженные форты, прочно устроенная ограда, но всего важнѣе груди трехсотъ-тысячъ бойцевъ, рѣшившихся пасть всѣ до единаго. За фортами идутъ валы, за валами баррикады. Парижъ можетъ продержаться три мѣсяца и побѣдить; если же онъ падетъ, вся Франція возстанетъ и отомститъ за него. Вотъ что должна знать Европа. Мы не приняли бы власти съ иною цѣлію и не сохранили бы ея за собою ни минуты, если бы не были убѣждены, что Парижъ и вся

Франція раздѣляютъ нашу рѣшимость. Въ заключеніе скажу: мы желаемъ мира, но если будутъ продолжать противъ насъ эту гибельную войну, то мы до конца останемся вѣрны нашему долгу,—и я питаю убѣжденіе, что дѣло права и справедливости восторжествуетъ наконецъ».

Республика провозглашена съ восторгомъ во всѣхъ большихъ городахъ, и посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, г. Вашборнъ выразилъ ей сочувствіе и поздравленіе отъ имени правительства и народа Сѣверной Америки. Въ *Liberté*, отъ 7-го октября, даже извѣщютъ, будто бы г. Жюль Фавръ телеграммой къ президенту Гранту началъ переговоры о Русско-Американско-Французскомъ Союзѣ, который господствовалъ бы надъ цѣлымъ міромъ.

Между тѣмъ въ Парижъ собираются всѣ изгнанники: г. Луи Бланъ, г. Викторъ Гюго, который тотчасъ, по своему обыкновенію, издалъ манифестъ къ нѣмецкому народу съ воззваніемъ о мирѣ и братствѣ; въ томъ же духѣ обнародованъ манифестъ и центральнымъ комитетомъ Лиги Мира. Телеграфъ извѣщаетъ также, что въ Парижѣ явились на другой день послѣ провозглашенія республики Орлеанскіе принцы—герцоги Омальскій и Шартрскій и принцъ Жуанвильскій—и обратились къ г. Жюлю Фавру съ требованіемъ, чтобы онъ далъ имъ участіе въ оборонѣ Парижа; но г. Жюль Фавръ убѣдилъ ихъ выѣхать изъ Франціи, такъ какъ присутствіе ихъ можетъ быть истолковано въ дурную сторону. Зато множество лицъ всѣхъ званій оставили Парижъ, и въ числѣ ихъ, какъ сообщаютъ бельгійскія газеты, въ Бельгію прибыли бывшіе министры послѣдняго императорскаго кабинета: графъ Паликао и г. Шевро.

Грозныя событія, совершающіяся на театрѣ войны, не могли не отозваться и на другихъ государствахъ. Дипломатическіе переговоры, если и ведутся таковые, пока остаются тайной для публики; но несомнѣнно, что въ Италіи готовится нѣчто важное. Тамъ, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, продолжаются вооруженія, цѣль которыхъ остается пока тайной. Отношенія италіянскаго короля къ Риму и выходъ изъ него французскихъ войскъ—лучше всего опредѣляются заявленіемъ сдѣланномъ въ сенатѣ министрами, г.г. Висконти Веноста и Селла, которые объявили, что правительство намѣрено «соблюдать строго сентябрскую конвенцію, не отказываясь притомъ отъ національныхъ стремленій». Министры присовокупили, что италіянское правительство рѣшилось воспрепятствовать всякимъ революціонымъ движеніямъ въ Римѣ. Какимъ образомъ министры будутъ соблюдать сентябрскую конвенцію, требующую охраненія свѣтской власти папы, и не откажутся отъ національныхъ стремленій, требующихъ сдѣлать Римъ столицей Италіи,—они не объяснили, да и объяснить это было бы по меньшей мѣрѣ весьма трудно. Италіянскія газеты сообщаютъ, что войска италіянскаго королевства въ скоромъ времени должны вступить въ папскія владѣнія, на границахъ коихъ они расположены. Въ самомъ Римѣ, по словамъ флорентійской газеты *Opionione*, отъ 9-го сентября, подписываются адрессы, требующіе вступленія италіянской арміи въ этотъ городъ. Носятся слухи, что въ Чивита-Веккіи находится англійскій корабль, готовый отвезти папу въ Мальту, и что будто бы Пій IX готовъ согласиться, но его удерживаетъ Антонелли. А между тѣмъ въ *Gazzeta di Milano*, отъ 10-го сентября, извѣщаютъ, что италіянское правительство уже предложило Пію IX остаться въ Римѣ, гдѣ ему предоставлена будетъ въ распоряженіе цѣлая часть города съ сохраненіемъ всего содержанія, которое онъ получаетъ теперь, и съ обезпеченіемъ содержанія его кардиналамъ; государственный же долгъ, лежащій на его владѣніяхъ, италіянское правительство принимаетъ на себя. Всѣ эти извѣстія требуютъ, конечно, подтвержденія.

Въ одномъ изъ послѣднихъ обозрѣній мы сказали нѣсколько словъ о дѣлахъ австро-венгерской монархіи; считаемъ не лишнимъ присовокупить, что всѣ областные сеймы въ провинціяхъ открыты и что въ каждомъ изъ нихъ выражаются различныя требованія, но почти во всѣхъ рѣшено произвести выборы въ рейхсратъ, чего и домогалось правительство. Вопросъ этотъ не рѣшенъ еще въ чешскомъ сеймѣ, открытіе котораго произошло 30-го августа, причемъ прочтено было императорское посланіе, извѣщавшее, что желанія чеховъ были предметомъ тщательнаго изслѣдованія со стороны правительства, которое употребитъ всѣ свои усилія для удовлетворенія этихъ желаній согласно съ потребностями имперіи, съ правами основанными на конституціи и съ принципами равноправности. Извѣстно, что чехи требуютъ автономіи; но ее ли обѣщаетъ имъ императорское посланіе—рѣшить трудно. Между тѣмъ чехи и нѣмцы вступили въ соглашеніе, для чего назначена особая коммисія, въ которую вступили по пяти членовъ отъ каждой партіи—изъ числа наиболѣе вліятельныхъ людей Чехіи.

Смѣсь.

Раки во Франціи. Парижъ ежегодно съѣдаетъ $5^1/_2$ милліоновъ раковъ, изъ которыхъ лишь самая незначительная часть получается изъ самой Франціи. Опасаются даже, какъ бы раки не вымерли совсѣмъ во Франціи. Если ихъ такъ мало, то это отчасти зависитъ отъ безпощаднаго вылавливанія молодыхъ, отчасти же отъ ихъ необыкновенно-медленнаго роста. Чтобы достигнуть вѣса въ 45—55 граммовъ (около $^1/_{10}$ фунта) раку нужно 4—5 лѣтъ; 100 — 120 граммъ ($^1/_5$ фунта), т. е. обыкновеннаго вѣса, онъ достигаетъ въ 10 лѣтъ. Вся Франція въ настоящее время ежегодно посылаетъ въ Парижъ едва на 1800 фр. раковъ, да изъ этихъ большая часть получается изъ Страсбурга, т. е. изъ Рейна. Остальное привозится изъ за границы. Въ первый разъ послали раковъ изъ Германіи въ 1853 г., и съ тѣхъ поръ Парижъ истощилъ запасы Голландіи, береговъ Рейна, Бадена, Виртемберга, Ганновера и части Австріи. Теперь очередь дошла до Силезіи и Познани.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Въ конторѣ редакціи журнала «Нива» еженедѣльно получается до 60 писемъ съ извѣщеніемъ о перемѣнѣ адреса, причемъ деньги на типографскіе расходы по печатанію новаго прилагаются весьма рѣдко. Поэтому, издатель вторично обращается къ г.г. подписчикамъ съ покорнѣйшею просьбою: при перемѣнѣ адреса высылать въ контору редакціи 30 коп., или прилагать 3 почтовыя марки, которыя по новому распоряженію почтоваго вѣдомства могутъ быть посылаемы въ простыхъ нестрахованныхъ письмахъ.

Дозволено цензурою 4 Сентября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад., д. № 45.

№ 37. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.

Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Комната дяди Джофрея.

(переводъ съ англійскаго).

I.

— Анна Дьюси, Маргарита Дьюси—вотъ ужь двѣ... молодыя лэди Лесчель—пять... Просто нѣтъ никакой возможности помѣстить ее!.. такъ говорила мистриссъ Пагонель; мы съ Беатрисой слышали это по крайней мѣрѣ разъ шесть уже — и каждый разъ она обращалась къ намъ какъ бы съ жалобою.—Дѣти, что же мнѣ дѣлать?

— Право, милая мама, мнѣ кажется, тутъ ничего не подѣлаешь — развѣ написать письмо и сказать всю правду, прибавивъ, что намъ весьма прискорбно и такъ далѣе...

— Въ чемъ дѣло, мама? спросилъ Гюго Пагонель, появляясь у дверей въ охотничьемъ уборѣ и совсѣмъ готовый въ путь на обычное полеванье.

— Ахъ, мой милый, да развѣ ты не слыхалъ за завтракомъ? Эти скучные Мортоны... положимъ, они все-таки хорошіе и милые люди, только этого никакъ не уладишь... Они просили у насъ позволенія привезти къ намъ свою племянницу погостить на Рождествѣ.

— Вотъ пустяки, мама, какъ нибудь помѣстите ее. Чѣмъ больше насъ будетъ, тѣмъ веселѣе. Я уступлю ей свою комнату, а самъ гдѣ нибудь приткнусь.

— Ты добрѣйшій малый, сказала мистриссъ Пагонель, любуясь его величественнымъ ростомъ и яснымъ, добродушнымъ выраженіемъ лица,—благодарю тебя, мой милый, но любезность твоя все-таки безполезна. Не могу же я предложить молодой особѣ комнату холостяка, да при томъ еще наверху съ отдѣльнымъ ходомъ и тому подобное; это положительно невозможно, а съ горничной ей тамъ будетъ тѣсно. Нѣтъ, нѣтъ, я ужь имъ лучше напишу, какъ совѣтуетъ Беатриса; только вотъ отцу вашему непріятно будетъ выказать себя негостепріимнымъ.

— Нельзя ли Беатрисѣ помѣститься вмѣстѣ съ Кэтти на эти двѣ ночи?

— Кэтти и безъ того довольно неудобно у насъ, сказала мистриссъ Пагонель, обращаясь ко мнѣ съ улыбкой,—мы хотимъ помѣстить ее въ маленькой буфетной, въ которой право такъ тѣсно, что трудно повернуться; а Беатриса отдастъ свою комнату миссъ Дьюси, и сама будетъ спать въ моей уборной. Удивительно, какъ мало удобствъ въ такомъ большомъ домѣ!

— Ну, мама, вотъ что́ наконецъ можно сдѣлать: предложите этой миссъ какъ-бишь-ее на выборъ—или остаться у себя дома, или спать въ комнатѣ дяди Джофрея.

— Именно, мама, а вѣдь намъ этого и въ голову не приходило, сказала Беатриса,—въ ней вѣдь никогда не принимаютъ гостей, такъ почему же бы не поставить тамъ кровать на этотъ разъ. Развѣ вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите, что въ этой комнатѣ являются привидѣнія?

— Не совсѣмъ, но все-таки я не рѣшусь помѣстить гостью въ такой ужасной комнатѣ, да еще въ нижнемъ этажѣ, на самомъ концѣ дома.

— Нѣтъ, мама, я и не говорю, что вы помѣстите тамъ гостью; но почему бы миссъ Мортонъ не спать въ вашей уборной? Она должна извинить насъ за тѣсноту помѣщенія; а что до меня, то я поставлю себѣ маленькую складную кровать въ комнатѣ дяди Джофрея.

— Милое дитя, я вовсе не хочу подвергать твои нервы разстройству, въ случаѣ какого-нибудь потрясенія.

— Не опасайтесь пожалуйста за меня, мама, отвѣчала Беатриса обычно-спокойнымъ, ровнымъ голосомъ,— я не вѣрю въ привидѣнія.

— Но это не помѣшаетъ вамъ испугаться ихъ; вы гораздо лучше сдѣлаете, если позволите мнѣ помѣститься въ этой комнатѣ. Вы знаете, вѣдь я вѣрю въ привидѣнія и все-таки бы не испугалась, увидя что нибудь подобное,—напротивъ, была бы очень рада.

— Я думаю, мы и такъ довольно дурно обходимся съ вами, Кэтти,—вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало съ гостьей, сказала мистриссъ Пагонель и, ласково улыбаясь, протянула мнѣ свою нѣжную, изысканно-выхоленную руку, которая своею бѣлизной и нервно-дрожащими пальцами всегда напоминала мнѣ ее самое и весь ея характеръ. Я съ дѣтства любила играть этою рукою, пожимать ее, примѣривать ея кольца,—и теперь, отвѣчая на послѣднія слова мистриссъ Пагонель, я точно такъ же взяла эту руку въ обѣ свои.

— Надѣюсь, что вы и не считаете меня гостьей; вѣдь я нигдѣ не чувствую себя такъ свободно, какъ въ старомъ миломъ Ерниклифѣ.

— Лучше всего, мама, устроить такъ, какъ я предлагала, сказала Беатриса, со свойственной ей здравой и спокойной рѣшимостью, которою она всегда такъ выручала свою мать во всѣхъ маленькихъ невзгодахъ и затрудненіяхъ,—я приму на себя, если вамъ угодно, всѣ хлопоты и прикажу сейчасъ-же мистриссъ Вайтъ присмотрѣть за тѣмъ, чтобы эту комнату хорошенько провѣтрили къ 31-му.

И убравъ на мѣсто свою работу, Беатрисса вышла изъ комнаты.

— Я ухожу, мама, сказалъ Гюго, добродушно выжидавшій, не понадобится-ли онъ еще на что нибудь,— Беатриса у насъ молодецъ, она всегда скажетъ дѣло—и если ей въ самомъ дѣлѣ предстоитъ встрѣча съ привидѣніями, то, надѣюсь, она не пропуститъ случая вывѣдать у нихъ, куда припрятаны сокровища; ей-Богу, теперь эта находка была-бы очень кстати!

Онъ вышелъ изъ комнаты, но слова его—какъ ни легкомысленно были они сказаны—вызвали глубокій вздохъ у мистриссъ Пагонель, причину котораго я отчасти угадывала; я была совершенно своею въ этомъ домѣ и не могла не знать, что денежныя затрудненія сильно тяготили обитателей Ерниклифа. Милый старый сквайръ, добрѣйшій но далеко не прозорливѣйшій изъ людей, былъ вовлеченъ въ безумныя спекуляціи, послѣдствіемъ которыхъ остались большіе долги. Чтобы удовлетворить кредиторовъ, онъ принужденъ былъ отдать свое имѣніе въ пожизненный залогъ, и уменьшеніе дохода не могло не быть серіозной помѣхой въ такой семьѣ какъ Пагонели, люди съ теплымъ сердцемъ и чрезвычайно щедрые, съ значительнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, которое они должны были поддерживать, при безконечныхъ издержкахъ, сопряженныхъ съ большимъ состояніемъ, и при множествѣ унаслѣдованныхъ преданій гостепріимства и человѣколюбія, измѣнить которымъ значило бы поразить мистера Пагонеля въ самое сердце. Мистриссъ Пагонель, завѣдомо мнѣ, сильно хлопотала о томъ, чтобы на этотъ разъ не сзывать сосѣдей со всего околодка на канунъ Новаго Года, что было однимъ изъ непремѣнныхъ обычаевъ въ Ерниклифѣ; но мужъ ея ни за что бы не отказался отъ этого, въ особенности для сына—такъ какъ рожденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ совершеннолѣтіе Гюго приходилось какъ разъ въ Новый Годъ, а мистеръ Пагонель давно уже задумалъ ознаменовать этотъ день веселымъ праздникомъ и баломъ.

— Лучше откажемъ себѣ въ чемъ нибудь другомъ, сказалъ онъ по своему обыкновенію, и его жена знала, что онъ тоже самое бы сказалъ, еслибы она призадумалась надъ поѣздкою въ Лондонъ мѣсяца на два, или надъ путешествіемъ въ Шотландію, и вообще надъ всякой затѣей, влекущей за собою денежныя траты. Итакъ, слегка вздохнувши, мистриссъ Пагонель должна была уступить своему мужу и только пыталась соблюсти маленькую экономію въ хозяйствѣ, что само-собою разумѣется вызвало бы сильнѣйшее сопротивленіе старой прислуги, небудь Беатрисы, которая обладала чудеснымъ даромъ управлять всѣмъ и всѣми. Она становилась всегда во главѣ всѣхъ затѣй, а я служила ей помощницей; ибо (какъ уже было говорено) я считалась какъ-бы дочерью мистриссъ Пагонель. Хотя мы и назывались кузинами, но я приходилась имъ роднею въ самой отдаленной степени. Отецъ мой, генералъ Ситонъ, и мистеръ Пагонель изъ Ерниклифа — учились вмѣстѣ въ одной школѣ и были товарищами, а впослѣдствіи братьями по оружію, и дружба ихъ еще болѣе скрѣпилась брачными союзами, послѣдовавшими вскорѣ одинъ за другимъ; они женились на дѣвушкахъ, которыя считались дальными родными между собою и воспитывались вмѣстѣ. Мои родители жили послѣднія десять лѣтъ въ Индіи, а я была отдана на попеченіе одной добрѣйшей леди, которая держала у себя небольшое число учениковъ; мнѣ жилось у нее довольно хорошо, но Ерниклифъ, гдѣ я проводила всѣ праздники, былъ моимъ любимымъ домомъ—и мнѣ грустно было теперь подумать, что я гощу въ немъ уже въ послѣдній разъ, предъ разлукой на много лѣтъ, потому что мнѣ предстояло черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправиться въ Индію и жить съ моими родителями. Ерниклифъ легко могъ привязать къ себѣ каждаго ребенка, въ особенности такого мечтательнаго, какъ я, привыкшая къ монотонной жизни въ Лондонѣ.

Эрниклифскій паркъ, до чрезвычайности дикій, тянулся обширною полосою лѣсовъ, холмовъ и болотъ, а самый замокъ представлялъ собою огромное массивное зданіе изъ темнаго кирпича, стоявшее на самомъ краю крутаго обрыва, у подножія котораго гнѣздилось миленькое селеньице, выстроенное въ старинномъ вкусѣ; оно стояло внизу какъ разъ подъ обрывомъ, такъ что еслибы изъ окошекъ замка бросить камень — онъ упалъ бы прямо на рыночную площадь. Внутри замокъ былъ какимъ-то страннымъ лабиринто-образнымъ зданіемъ, наполненнымъ узкими корридорами, огромными сводистыми комнатами и неожиданными лѣстницами, ведущими на чердаки, въ которыхъ такъ и казалось что водятся привидѣнія, и въ погреба похожіе на темницы. Намъ въ дѣтствѣ очень нравилось такое просторное помѣщеніе въ замкѣ: было гдѣ развернуться—поиграть въ прятки и въ другія игры. Передняя въ замкѣ была изъ темнаго дуба, съ каменнымъ поломъ и двумя дверями въ видѣ арокъ, которыя вели въ столовую и въ библіотеку; а третья дверь, рѣдко отпираемая, вела въ комнату, о которой я уже упоминала: въ роковую комнату привидѣній, извѣстную подъ названіемъ «комнаты дяди Джофрея». Да и въ самомъ дѣлѣ, это было мрачное, ужасное мѣсто, отчасти потому что уже въ теченіи многихъ поколѣній тамъ

никто не жилъ, такъ что она постепенно обратилась въ кладовую для негодной мебели и всякаго хлама. Ровно четыре раза въ годъ эту комнату мели и мыли; но въ другое время въ нее едвали когда-нибудь входила прислуга—и хотя я не слыхала подлинно-засвидѣтельствованнаго разсказа о привидѣніяхъ, появлявшихся въ этой комнатѣ, и о разныхъ звукахъ тамъ раздававшихся, но всегда ощущала невольный и непонятный ужасъ, который вмѣстѣ съ ея прозвищемъ переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ преданіяхъ Ернклифа. Когда Гюго ушелъ на охоту, а мистриссъ Пагонель занялась своею перепиской, я начала припоминать все что слышала о комнатѣ дяди Джофрея — и дивилась тому, какъ незначительны были мои свѣденія. Въ наши дѣтскіе годы, какъ мнѣ помнится, мистриссъ Пагонель, считавшая всѣхъ людей такими же нервными какъ она сама, никогда не любила упоминать объ этомъ предметѣ; но теперь я рѣшилась—при первомъ же удобномъ случаѣ просить Беатрису и Гюго разсказать мнѣ, кто такой былъ этотъ покойный дядя Джофрей, тѣнь котораго появлялась теперь въ комнатѣ, названной по его имени.

Удобный случай скоро представился. Въ прежнее время вообще обѣдали ранѣе теперешняго, и благодатный обычай пить чай въ пять часовъ—тогда еще не существовалъ; но Беатриса, опередившая свой вѣкъ въ этомъ отношеніи, заразила меня наклонностью пить чай въ непоказанное время. У насъ съ нею взошло въ привычку—въ послѣ обѣденныя вечернія сумерки усаживаться на большомъ мѣховомъ коврѣ въ залѣ, передъ старинымъ каминомъ. Здѣсь-то, забившись въ уголокъ, вдали отъ сильнаго жара топки, но все-таки пользуясь пріятной теплотой, мы обыкновенно сидѣли, болтали и пили чай, который перехватывали въ то время, когда его несли изъ кухни въ комнату экономки. Къ намъ часто присоединялся Гюго, очень довольный тѣмъ, что можетъ посидѣть немного съ нами передъ обѣденнымъ туалетомъ, хотя его грязные ботфорты и сырая охотничья куртка были далеко не представительны въ свѣтской гостиной. Эти часы я считала наипріятнѣйшими во все время моего пребыванія въ Ернклифѣ; такъ весело было говорить, такъ мило слушать, между тѣмъ какъ яркій огонь бросалъ краснымъ отсвѣтомъ съ призрачными тѣнями по темной залѣ, — подъ веселый аккомпаниментъ трескотни дровъ въ каминѣ и немолчный лепетъ рабочихъ коклюшекъ Беатрисы.

Въ этотъ вечеръ мы собрались немного ранѣе обыкновеннаго, усталые, съ исколотыми пальцами по случаю уборки замка разными растеніями и зеленью въ честь приближающагося праздника Рождества. Когда мы усѣлись къ огоньку, Гюго, съ своей стороны помогавшій намъ въ работѣ, спросилъ у сестры, остается-ли по прежнему неизмѣннымъ ея рѣшеніе насчетъ кануна новаго года.

— Да, отвѣчала она улыбаясь,—мама сначала немного боялась привидѣній; но вѣдь лучше и удобнѣе этого ничего не придумаешь, а мнѣ очень хочется рискнуть.

— Какъ бы я желала знать подлинную исторію этой комнаты! сказала я: — намъ въ дѣтской бывало запрещали упоминать объ ней, и я слышала только кое-что отрывками. Милая Беатриса, разскажите мнѣ пожалуйста подробнѣе.

— Съ удовольствіемъ бы, задумчиво отвѣчала Беатриса,—но я право не знаю этой исторіи, да къ тому же не слишкомъ-то интересуюсь привидѣніями.

— Не думаю, чтобы тутъ главнымъ образомъ было замѣшано привидѣніе, сказалъ Гуго,—но на дняхъ мнѣ случилось прочесть, въ кучѣ пыльныхъ пожелтѣвшихъ фамильныхъ бумагъ, полную исторію того, кто жилъ въ этой комнатѣ. Вѣдь не привидѣніемъ-же въ самомъ дѣлѣ онъ началъ свое существованіе...

— Такъ пожалуйста-же разскажите намъ все хорошенько въ видѣ повѣсти, возразила я, прижимаясь поплотнѣе въ свой уголокъ, въ ожиданіи чего-то заманчиво-ужаснаго.

— Ну, слушайте-же. Это происходило во времена королевы Елизаветы. Пагонели того времени (понятно, не теперешняя отрасль нашей фамиліи) были по несчастію католиками. Въ царствованіе королевы Маріи Стюартъ, Пагонели считались ея любимцами; но когда ея сестра вступила на престолъ, то они впали въ немилость. Семейство ихъ состояло изъ двухъ братьевъ: Ральфа, владѣтеля Ернклифа, и Джофрея—младшаго, который порядкомъ сжился съ этимъ домомъ, исполняя все то, за что никто другой бы не взялся и чѣмъ занимались вообще всѣ младшіе братья въ тѣ времена. Оба брата жили дружно и согласно, до тѣхъ поръ, пока не произошла между ними сильная размолвка. Причиною ея была красавица кузина, нѣкая Беатриса Пагонель, воспитывавшаяся вмѣстѣ съ ними, въ которую оба брата страстно влюбились.

— Котораго же она предпочла?

— Конечно, она предпочла старшаго брата, какъ и слѣдовало молодой благовоспитанной дѣвушкѣ. Да въ этомъ случаѣ нечему и удивляться; судя по портретамъ братьевъ, Ральфъ былъ гораздо красивѣе. Посмотрите на его портретъ, вонъ онъ виситъ прямо передъ вами; жаль только, что теперь темно, нельзя разглядѣть,—но я думаю, вы помните что это за красивое, привлекательное лицо.

— На твоемъ мѣстѣ я не стала-бы такъ хвалить его, сказала улыбаясь Беатриса,—потому что ты самъ чрезвычайно похожъ на него.

— Радуюсь, что у меня такая счастливая наружность; только надѣюсь—я не доживу до того, чтобы меня повѣсили подобно моему предку.

— Повѣсили? Да что же онъ такое сдѣлалъ?

— Вы сейчасъ услышите. Когда времена перемѣнились, то Пагонели все-таки стояли за свою вѣру, съ тою только разницей, что ихъ старый священникъ исчез на нѣкоторое время, и въ послѣдствіи вновь появился, но уже не въ качествѣ священника, а секретаремъ и управляющимъ дома—это былъ обманъ далеко не хитрый, но я думаю, что ни кому не было особенной охоты доносить на семью Пагонелей и тѣмъ навлечь бѣду на весь домъ. Теперь ходитъ молва, что гдѣ-то въ отдаленныхъ закоулкахъ замка существовала потайная коморка, такъ ловко скрытая, что ее невозможно было найти; единственными людьми, знающими этотъ секретъ, были владѣлецъ и его повѣренный, котораго тотъ выбиралъ по своему собственному усмотрѣнію. Говорятъ, что бѣглецовъ, которые спасались отъ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій и искали убѣжища въ замкѣ, вводили въ потайную комнату и выводили изъ нея всегда съ завязанными глазами; до такой степени ревностно хранили Пагонели свой драгоцѣнный секретъ. Ральфъ Пагонель выбралъ въ свои повѣренные брата Джофрея—и увѣренные, что вслучаѣ

опасности ни кому не удастся открыть то мѣсто, куда прятали церковныя вещи и гдѣ также скрывался священникъ, они совершали Богослуженіе, менѣе опасаясь чѣмъ большая часть ихъ единовѣрцевъ въ славное царствованіе доброй королевы Елизаветы. Наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы Ральфа, холодныя, недружелюбныя отношенія между нимъ и братомъ перешли въ открытую вражду. Ральфъ Пагонель грубо обошелся съ Джофреемъ и выгналъ его, чего конечно тотъ вполнѣ заслуживалъ; Джофрей, переступая порогъ братнина дома, поклялся жестоко отомстить ему.

— О, я знаю, чѣмъ онъ отомстилъ — донесъ на священника...

— Въ первый же разъ какъ только небольшое число прихожанъ собралось на молитву, одинъ изъ нихъ, который всегда въ этихъ случаяхъ стоялъ на сторожѣ, вдругъ прибѣжалъ въ ужасномъ волненіи съ извѣстіемъ, что полиція открыла ихъ убѣжище и приближается къ замку. Дѣйствительно, взошли полицейскіе офицеры, но немножко поздно — въ замкѣ все уже успѣли припрятать. Мистеръ Пагонель и его жена встрѣтили ихъ довольно учтиво и привѣтливо, вполнѣ убѣжденные, что опасность миновала. Но представьте себѣ ихъ отчаяніе и ужасъ, когда вдругъ вошелъ Джофрей, таща за собой испуганнаго священника и всѣ церковныя принадлежности, которыя были спрятаны въ потайной коморкѣ, ему одному извѣстной.

— Несчастный!.. не удивительно послѣ этого, что онъ до сихъ поръ не можетъ найти себѣ успокоенія даже въ могилѣ!

— Да полно былъ-ли онъ когда нибудь похороненъ?

— Какъ? неужели-же онъ до сихъ поръ скитается какъ вѣчный жидъ? Надѣюсь однако, что онъ все-таки не явится въ одно прекрасное утро потребовать свое состояніе, Гюго?

— Подождите и дослушайте до конца. Я не могу утверждать, насколько вѣрны всѣ эти подробности; но достовѣрно только то, что Ральфъ, Беатриса Пагонель и Риверсъ, священникъ, всѣ до одного были казнены на эшафотѣ,—а Джофрею, въ благодарность за услугу, которую онъ оказалъ правительству, разрѣшено было вступить во владѣніе всѣмъ имѣніемъ. Сдѣлавшись владѣльцемъ, онъ (какъ слышно) велъ самую несчастную жизнь, презираемый всѣми какъ предатель и братоубійца,—и запершись совершенно одинъ въ замкѣ, именно въ этой ужасной комнатѣ, выгналъ даже всю прислугу.

— Я право не чувствую къ нему ни малѣйшей жалости.

— Говорятъ, что онъ сталъ страшнымъ скрягой и тянулъ безъ милосердія у своихъ арендаторовъ все, что̀ только возможно было взять. Полагали, что онъ накопилъ большія суммы денегъ въ продолженіе своего господства въ замкѣ; но вотъ что̀ странно: когда отрасль нашей фамиліи вступила во владѣніе имѣніемъ, то во всемъ замкѣ не нашли ни гроша. Фамильное серебро и драгоцѣнности, стоимость которыхъ была довольно высока, тоже исчезли неизвѣстно куда; однимъ словомъ, не было ни малѣйшаго признака богатства.

— Когда же именно вступили во владѣніе ваши предки?

— Да ужъ послѣ исчезновенія Джофрея, что̀-таки и случилось съ нимъ въ концѣ концовъ. Изъ фамильныхъ бумагъ не видно, когда въ первый разъ хватились его; вѣроятно, вслѣдствіе страннаго отшельническаго образа жизни, не скоро могли замѣтить его отсутствіе. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ — и племянникъ Джофрея, нашъ предокъ, заступилъ его мѣсто и сталъ владѣльцемъ Ерклифа.

— Гдѣ-же эта потайная коморка? спросила я.

— Сказать вамъ правду, я думаю, что она въ дѣйствительности никогда и не существовала. Въ этомъ домѣ, какъ вамъ извѣстно, нѣтъ числа разнымъ закоулкамъ и коморочкамъ, въ которыхъ человѣкъ хорошо знающій мѣстность можетъ ловко сыграть въ прятки и укрыться отъ всякаго посторонняго глаза; вѣроятно отсюда и произошли всѣ выдумки.

— Видѣли ли когда нибудь этого ужаснаго Джофрея?

— Я никогда не слыхалъ, чтобы бы его кто нибудь видѣлъ; но нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдствіе ужаса имъ внушаемаго заколотили его комнату, и это-то дало поводъ ко всевозможнымъ выдумкамъ. Тутъ-же составилось общее мнѣніе, что Джофрей закопалъ гдѣ-то въ замкѣ свои сокровища и можетъ появиться по старинному способу (т. е. призракомъ), чтобы указать ихъ мѣсто нахожденія.

— О, Беатриса, какой удобный случай предстоитъ вамъ!

Беатриса засмѣялась и сказала, что она не имѣетъ ни малѣйшаго желанія видѣться съ своимъ непривлекательнымъ родственникомъ, но потомъ прибавила со вздохомъ: — впрочемъ я бы охотно согласилась испытать что нибудь подобное — въ надеждѣ отыскать сокровища.

— А я то развѣ не согласился бы? сказалъ Гюго: — я не въ силахъ видѣть стараго милаго сквайра такимъ унылымъ и грустнымъ. Я на все готовъ, чтобы поправить его дѣла.

— Не на *все*-же, Гюго? возразила Беатриса, и я замѣтила при свѣтѣ камина, какъ яркая краска покрыла его лицо, когда онъ отвѣчалъ: «что́ у тебя на умѣ, Беатриса? зачѣмъ ты это сказала?»

— Потому что я знаю, даже увѣрена, что есть нѣкоторыя вещи, которыми ты ни для кого бы не рѣшился пожертвовать. Кстати, ты не слыхалъ отъ мама, что миссъ Барнетъ пріѣдетъ къ намъ на балъ вмѣстѣ съ Лесчелями?

Я не знала, почему имя богатой Бланкширской наслѣдницы такъ непріятно прозвучало въ моихъ ушахъ, но это дѣйствительно такъ было—и только веселый непринужденный смѣхъ Гюго заставилъ меня немного успокоиться.

— Ну ее къ чорту! отвѣчалъ онъ, — мы еще до этого не дошли. Я скорѣе соглашусь жить въ бѣдности, довольствуясь тѣснымъ помѣщеніемъ и простой коркой хлѣба, лишь бы только всегда пользоваться полной свободой.

Тутъ онъ немного пріостановился — и когда спустя нѣсколько минутъ снова заговорилъ, то его голосъ сталъ чрезвычайно грустенъ и задумчивъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ,—я постараюсь никогда ничѣмъ не стѣснять добраго отца и не прибавлять ему новыхъ заботъ, если Богъ мнѣ поможетъ.

Никто не отвѣчалъ на эти слова, и мы всѣ сидѣли молча и грустно, глядя въ огонь камина; но что̀ я чувствовала въ это время—того не разскажешь.

Гюго Пагонель всегда былъ очень дорогъ моему сердцу,—былъ для меня всѣмъ, на что̀ давала право на-

ша близость—братомъ, товарищемъ, защитникомъ. Но мнѣ никогда и въ голову не приходило думать объ немъ какъ нибудь иначе. Когда же, вмѣстѣ съ застѣнчивымъ сознаніемъ моихъ семнадцати лѣтъ, я почувствовала, что наша дружба съ Гюго не можетъ оставаться такою-же тѣсною и свободною, какъ дружба моя съ Беатрисою, то меня скорѣе раздосадовало, чѣмъ смутило это открытіе. Но мысль, на которую намекнула Беатриса, была для меня какъ-то слишкомъ непріятна и заставила меня уяснить себѣ, какъ ужасно мнѣ было бы видѣть Гюго женатымъ на другой женщинѣ; тутъ-то я вспомнила, съ страшной болью въ сердцѣ, что у моего отца нѣтъ никакихъ средствъ кромѣ его профессіи—и что если бы Гюго женился на бѣдной дѣвушкѣ, то это было-бы вѣрнымъ средствомъ окончательно подорвать и привести въ упадокъ дѣла сквайра. Поднявъ глаза, я встрѣтила взглядъ Гюго, устремленный на меня съ задумчивымъ и серіознымъ выраженіемъ. Впервые еще я смутилась подъ этимъ взглядомъ—и почувствовала сильное облегченіе, когда раздался звонъ колокола, призывающій къ обѣденному столу, и мы всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы нѣсколько поправить туалетъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Русскія желѣзныя дороги и ихъ главные строители *).

С. С. Поляковъ.

Коммерціи совѣтникъ Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ, портретъ котораго помѣщенъ въ этомъ номерѣ нашего журнала, занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи развитія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Начиная съ 1867 года, по 1870, онъ построилъ 1228 верстъ желѣзныхъ дорогъ и устраиваетъ въ настоящее время еще 540 верстъ, что вмѣстѣ составляетъ громадную линію въ 1768 верстъ, предпринятую и почти осуществленную въ четыре года искусствомъ и умѣньемъ г. Полякова. А именно имъ построены:

1) *Козловско-Воронежская* протяженіемъ 170 верстъ, начата весной 1867 г., открыта 1 февраля 1868 г.

2) *Елецко-Грязская* протяженіемъ 103 версты, начата въ 1867 году, открыта въ августѣ 1868 года.

3) *Курско-Харьковская* протяженіемъ 230 верстъ, начата въ маѣ 1868 г., открыта 6 іюня 1869 г.

4) *Харьковско-Азовская* протяженіемъ 533 версты, начата въ маѣ 1868 г., открыта 23 декабря 1869 г.

5) *Елецко-Орловская* протяженіемъ 180 верстъ, начата весною 1868 г., открыта 15 февраля 1870 г.

6) *Аксайско-Ростовская* протяженіемъ $12^1/_2$ верстъ, начата 15 сентября 1867 года, открыта 1-го февраля 1868 года.

Наконецъ, 7) *Воронежско-Ростовская* въ 540 верстъ, начатая въ 1870 г.,—по слухамъ, будетъ кончена въ 1871 году.

С. С. Поляковъ.
Рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ Э. Даммюллеръ.

Изъ приведеннаго перечня видно, что почти въ одно и то же время Поляковымъ строились и открывались желѣзныя дороги на громадномъ протяженіи, при чемъ наибольшее время, употребленное на постройку, было для Харьковско-Азовской дороги въ 533 версты 20 мѣсяцевъ, а наименьшее—для Аксайско-Ростовской $4^1/_2$ мѣсяца.

Въ общемъ количествѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, построенныхъ и строющихся въ періодъ 1867—1869 (около 7800 верстъ), дороги строящіяся г. Поляковымъ составляютъ около $^1/_4$ общей длины.

По офиціальнымъ сообщеніямъ прошлаго 1869 года, на работахъ, производимыхъ г. Поляковымъ, находилось болѣе 70,000 человѣкъ рабочихъ—и если прибавить къ этому, что мѣстности, по которымъ проложены дороги, требовали громадныхъ земляныхъ работъ и значительныхъ мостовыхъ сооруженій, и, главное, представляли крайнее затрудненіе въ доставкѣ рабочихъ рукъ и матеріаловъ, то приходится удивляться энергической дѣятельности, которая была употреблена на это дѣло.

Г. Полякову теперь 32 года отъ роду. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ началъ заниматься самостоятельными подрядами по различнымъ работамъ путей сообщенія. При сооруженіи Московско-Рязанской и Московско-Козловской желѣзныхъ дорогъ въ 1865 году, предвидя необходимость продолженія Московско-Козловской желѣзной дороги на Воронежъ и далѣе къ Ростову на Дону, г. Поляковъ вступилъ въ переговоры съ земствомъ Воронежской губерніи — и пользуясь просвѣщеннымъ взглядомъ Воронежскаго предводителя дворянства, А. Н. Сомова, успѣлъ впервые привлечь силы земства къ тому разумному участію

*) Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы надѣемся въ нашемъ журналѣ помѣстить портреты и очерки дѣятельности главнѣйшихъ двигателей желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, по мѣрѣ того какъ необходимые матеріалы для статей будутъ поступать въ наше распоряженіе.

въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, которое такъсказать возродило совершенно-уничтоженное въ то время довѣріе къ частнымъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ и довело это дѣло нетолько до полнаго развитія, но даже до возможности конкуренціи. Первоначальная мысль о привлеченіи земства къ участію въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ — нашла сильную и энергическую поддержку въ землевладѣльцѣ Воронежской губерніи, графѣ Иванѣ Матвѣевичѣ Толстомъ. Кромѣ энергіи и быстроты въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, неотъемлемая заслуга г. Полякова, для развитія желѣзнодорожнаго дѣла, заключается въ его финансовой дѣятельности. Въ то время, когда концессіи на Орловско-Витебскую желѣзную дорогу, по цѣнѣ въ 92,000 съ версты, и Харьковско-Азовской дороги, съ поверстной стоимостію въ 80,000 метал. руб., не могли осуществиться, — г. Поляковъ своей дѣятельностію успѣлъ реализовать капиталъ Козловско-Воронежской желѣзной дороги, при небывалой въ то время дешевой поверстной цѣнѣ 51 т. мет. руб. за версту. Вслѣдъ за тѣмъ онъ реализовалъ капиталъ 1-го и 2-го отдѣленія Орловско-Грязской дороги, привлекъ впервые къ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ голландскій рынокъ и завершилъ дѣло блестящимъ помѣщеніемъ облигацій Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Этимъ послѣднимъ успѣхомъ былъ окончательно возстановленъ кредитъ нашихъ желѣзнодорожныхъ бумагъ за границей.

Къ одной изъ многихъ заслугъ С. С. Полякова, на поприщѣ развитія русскихъ желѣзныхъ дорогъ, слѣдуетъ отнести впервые имъ сдѣланное правительству предложеніе выпуска акцій безъ гарантіи правительства, при гарантированномъ облигаціонномъ капиталѣ. Предложеніе это сдѣлано имъ въ началѣ 1868 г. по Елецко-Орловской дорогѣ и было въ то время оцѣнено правительствомъ,— потому что послѣ общаго упадка довѣрія къ акціонернымъ обществамъ въ Россіи, начавшагося съ 1856 года, это былъ первый примѣръ, за которымъ послѣдовала наша желѣзнодорожная горячка и безпримѣрно-быстрое развитіе желѣзнодорожныхъ компаній и обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Г. Полякову принадлежитъ также почипъ учрежденія, на его счетъ, перваго ремесленнаго желѣзно-дорожнаго училища въ Ельцѣ, удостоеннаго имени Александровскаго

Дѣятельность, подобная дѣятельности г. Полякова, въ чужихъ краяхъ давно бы вызвала дружныя одобренія признательнаго общества. Живи г. Поляковъ въ Англіи или въ Америкѣ, мы бы давно читали десятки его жизнеописаній—и въ кабинетѣ каждаго, кому близко дѣло родной страны, видѣли бы его портретъ. Между тѣмъ, наши дѣловыя газеты занимаются мелкими сплетнями, а изъ иллюстрированныхъ изданій ни одно не вздумало предложить русской публикѣ портретовъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ дѣятелей, въ родѣ строителя громаднаго Азовскаго пути г. Полякова, строителей Курско-Кіевской дороги гг. Дервиза и Мекка, или строителей Московско-Курской дороги г. Губонина и Московско-Смоленской дороги г. Варшавскаго.

Г. Полякову, имѣющему всего, какъ мы сказали, тридцать два года отъ роду, предстоитъ еще много впереди. Нельзя не желать, чтобы его замѣчательная энергія и умѣнье не остановились на той Воронежско-Ростовской дорогѣ въ 540 верстъ, которую онъ теперь такъ быстро и, по слухамъ, столь же успѣшно строитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ близкомъ будущемъ онъ снова будетъ строить желѣзныя дороги либо на югѣ, либо на востокѣ, либо на сѣверѣ Россіи. Но имени г. Полякова суждено явиться въ особомъ блескѣ въ то время, когда событіямъ угодно будетъ вызвать снова къ жизни роковой восточный вопросъ, и когда выстроенной г. Поляковымъ (въ 20 мѣсяцевъ), почти 800-верстной Азовской дорогѣ прійдется сослужить великое дѣло во время нашей расплаты за дурные дѣдовскіе пути при Севастопольской осадѣ. Тогда общество оцѣнитъ вполнѣ дарованія замѣчательнаго русскаго дѣятеля.

Письмо русскаго врача съ театра войны.

Село Гросъ-Танкенъ (въ Мозельскомъ департаментѣ, въ окрестностяхъ Фолькмонта). 28 (16) августа.

Во вторникъ, 23 числа, мы были въ Пфальцѣ и ѣхали по рейнскому мосту. Какъ хорошъ Пфальцъ! и какъ досаденъ этотъ локомотивъ, увлекающій васъ отъ очаровательныхъ видовъ, только-что развернувшихся передъ вашими глазами. Густо обросшія букомъ и виноградною лозою, горы гардтскаго хребта такъ величественно высятся по обѣимъ сторонамъ извилистой дороги, что желая видѣть ихъ вершины, вы такъсказать невольно преклоняетесь передъ ними — хотя бы даже и изъ окна запертаго вагона. А тутъ еще эти глубокія, длинныя долины, какъ будто бы по всей цѣпи горъ прошелся когда-то гигантскій плугъ, всюду оставляя за собою борозды, на которыхъ посѣяли потомъ эти многочисленные цвѣтущіе города и села, окруженные садами и виноградниками,—между тѣмъ какъ развалины старыхъ замковъ, на гребняхъ горъ, напоминаютъ о томъ сѣмени, которое упавши на каменистую почву, должно было засохнуть на солнцѣ свободы, съ развитіемъ цивилизаціи. Но нѣтъ, не всѣ эти свидѣтели средневѣковой жизни напоминаютъ о безправіи и рабствѣ. Видъ Сикингенскаго замка, представляющагося удивленному взору на крутомъ склонѣ горы, внушаетъ невольное уваженіе. Какъ бы для того, чтобъ еще болѣе увеличить прелесть гардтскаго хребта, десять длинныхъ тоннелей, идущихъ на небольшомъ протяженіи вплоть до Кейзерслаутерна, въ одно мгновеніе окружаютъ васъ глубокою ночью, а потомъ такъ же быстро поднимается занавѣсъ, и вы любуетесь новыми видами. Немножко мѣшалъ мнѣ въ моей ложѣ, т. е. въ вагонѣ, мой сосѣдъ. Узнавши, что мы изъ Россіи и ѣдемъ къ театру войны въ качествѣ врачей, онъ такъ заинтересовался нами, что разъ двѣнадцать, если не болѣе, предлагалъ намъ выйдти въ Кейзерслаутернѣ для того чтобъ отвѣдать аффентальскаго вина. Онъ рѣшительно не могъ представить себѣ, чтобы у человѣка могло быть такое дѣло, котораго нельзя бы было отложить на сутки для его аффентальскаго. Какъ бы для того чтобъ мы, вмѣстѣ съ потерею нашего спутника, не потеряли и нашей веселости, въ нашъ вагонъ II класса вошелъ въ Кейзерслаутернѣ другой дородный господинъ, который въ отношеніи аффентальскаго не былъ такъ суровъ, какъ мы.

Поздно вечеромъ достигли мы Саарбрюкена, который былъ такъ переполненъ, что мы считали себя чрезвы-

чайно счастливыми, получивъ въ одной гостинницѣ маленькую комнату, гдѣ могли переночевать вшестеромъ, большею частію на стульяхъ. На улицахъ, между сильно пострадавшими отъ выстрѣловъ и закопченными дымомъ домами, двигались цѣлые волны народа, даже ночью. Отъ 1,200 до 1,500 французскихъ плѣнныхъ, сопровождаемые прусской стражей, расположились въ ожиданіи своей очереди группами передъ станціей желѣзной дороги, гдѣ необозримые ряды вагоновъ ждали только телеграммы—для того чтобы двинуться впередъ по двумъ направленіямъ. Одинъ молодой американецъ, который былъ привлеченъ сюда изъ-за океана желаніемъ принять участіе въ битвахъ, присоединился къ намъ. Онъ ужасно обрадовался, узнавъ что я люблю шахматную игру, до которой онъ былъ страстный охотникъ,—и принудилъ меня, не смотря на позднее время, отправиться вмѣстѣ съ нимъ на поиски для пріобрѣтенія необходимыхъ орудій. Оказалось, что въ одномъ кафе есть шахматная доска и шахматы, правда, порядочно разрозненные; ихъ сейчасъ же потребовали, и я очутился въ комическомъ положеніи человѣка, который сидитъ за-полночь надъ невинными шахматами, окруженный шумными группами людей, у которыхъ въ виду кровавая военная игра.

Въ среду 24 числа мы выѣхали утромъ изъ Саарбрюкена, съ поѣздомъ изъ 76 вагоновъ, которые были нагружены большею частію артиллерійскими снарядами, назначившимися для Меца. Тутъ было такъ мало пассажирскихъ вагоновъ, что въ нихъ нашлось мѣсто только для нѣсколькихъ женщинъ, отправлявшихся къ своимъ тяжело-раненымъ мужьямъ или сыновьямъ, и для высшихъ офицеровъ,—тогда какъ сотни путешественниковъ располагались самыми пестрыми группами на открытой платформѣ, между колесами амуниціонныхъ экипажей. Сначала это положеніе казалось мнѣ нѣсколько страннымъ, но вскорѣ оно пришлось какъ нельзя болѣе по моему вкусу. Я понялъ, какъ мало пользуемся мы прелестями природы въ закрытомъ экипажѣ, тогда какъ здѣсь мы вполнѣ наслаждаемся ими, въ особенности же въ такой прекрасный день какъ этотъ, и въ такой странѣ какъ гористая область Саара. Что касается до сквознаго вѣтра, то и съ нимъ можно сладить; стоитъ только обернуться къ нему спиною и найдти себѣ какую-нибудь твердую опору. Частые проливные дожди и любовь побѣдителей къ порядку—значительно уже изгладила слѣды страшнаго кровопролитія; только измятый дернъ да множество свѣжихъ могилъ съ простыми деревянными крестами свидѣтельствуютъ о близкомъ прошедшемъ. Съ большою охотою и очень подробно разсказывали намъ офицеры объ отдѣльныхъ эпизодахъ этого дня. Даже намъ, непосвященнымъ, стало ясно, какъ трудно было овладѣть шпейхернскими горами. Онѣ такъ волнообразны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ круты, что солдаты (какъ они сами расказывали намъ) должны были снять свои сапоги для того, чтобъ вскарабкаться на нихъ—а на верху ихъ ждали твердые окопы чрезвычайно многочисленнаго непріятеля. Здѣсь-то прусскій генералъ Франсуа, когда его войско было въ третій разъ отбито отъ одной изъ этихъ вершинъ, сорвалъ у себя съ шеи крестъ «pour le mérite», восклицая: «я не заслуживаю носить его, если мое войско не въ состояніи взять эту гору». Произошелъ 4-й штурмъ, онъ удался,—но герою-генералу достался другой крестъ—могильный.

На слѣдующей станціи, въ Форбахѣ, къ намъ присоединился поручикъ К.; онъ только-что посѣтилъ могилу своего брата въ Шпейхернѣ и повидался съ другимъ раненымъ братомъ, лежавшимъ въ лазаретномъ вагонѣ. Старшій его братъ еще не выздоровѣлъ отъ ранъ полученныхъ имъ въ 1866 году, тогда какъ двое остальныхъ братьевъ находились, вмѣстѣ съ ихъ отцомъ, въ стоявшей передъ Мецомъ арміи, куда спѣшилъ и поручикъ. «А все еще война не кончилась», грустно сказалъ онъ, когда мы какъ-то невольно стали говорить о его матери, выражая свое искреннее къ ней участіе.

Чрезвычайно медленно подвигались мы впередъ. Цѣлые часы пришлось намъ ждать на мерлебахской и сентъ-авольской станціи, потому-что и тутъ также прежде всего отправляли поѣзды раненыхъ, шедшіе въ Германію, потомъ провіантскіе поѣзды изъ Германіи, а тамъ уже пассажирскіе и амуниціонные транспорты. Но эта страна и ея обыватели не оставляли времени для скуки; что же касается до того, что мы весь этотъ день и половину слѣдующаго не могли получить почти ничего, кромѣ сухаго хлѣба, да кофе безъ сливокъ и сахару—это была необходимая и притомъ романическая принадлежность военной обстановки. Только вечеромъ 26 числа достигли мы Фолькмонта (прежней главной квартиры прусскаго короля), который во всѣхъ прусскихъ донесеніяхъ называется теперь по прежнему Фалькенбергомъ. Такъ какъ поѣздъ долженъ былъ оставаться здѣсь всю ночь, то получивъ отъ городскаго коменданта квартирный билетъ, мы отправились въ городъ — искать себѣ ночнаго успокоенія. Это успокоеніе мы нашли, и притомъ въ самой значительной степени, у одной доброй обывательницы, которая, несмотря на то что мы постоянно говорили съ ней по французски, не переставала отвѣчать намъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ. Вообще почти всѣ сельскіе и городскіе жители этой страны, съ которыми только намъ случалось имѣть дѣло, непремѣнно хотѣли говорить съ нами по нѣмецки, даже и въ такомъ случаѣ когда ихъ едва можно было понять. На слѣдующее утро оказалось, что мы строго наказаны за наслажденіе ночнымъ покоемъ; ночью весь поѣздъ уѣхалъ, а съ нимъ и весь нашъ багажъ, оставленный нами въ вагонѣ. Тѣмъ временемъ мѣстный комендантъ прислалъ намъ настоятельное приглашеніе—отложить поѣздку въ Мецъ, а отправиться въ село Гросъ-Танкенъ, комендантъ котораго убѣдительнѣйше просилъ его о высылкѣ къ нему врачей, такъ какъ въ это село ждутъ большаго поѣзда раненыхъ. Узнавъ, что всѣ наши хирургическіе инструменты остались въ уѣхавшемъ ночью вагонѣ, фолькмонтскій комендантъ изъявилъ величайшую готовность помочь намъ въ этомъ отношеніи и далъ намъ экипажъ, такъ какъ сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ чрезвычайно невѣрны. Въ этомъ экипажѣ — длинной телегѣ первобытнаго вида, управляемой краснымъ гусаромъ,—отправилось до ближайшей станціи Герни чрезвычайно смѣшанное общество: саксонскій придворный врачъ, высшій чиновникъ военной юстиціи, французская дама, французскій военно-плѣнный врачъ (котораго, по его собственному желанію, отправляли назадъ во французскій лагерь) и мы, двое русскихъ врачей. Нашъ кучеръ много расказывалъ намъ о сраженіи 18-го, въ которомъ принималъ участіе и его полкъ, и о той особенной ненависти со стороны французовъ, которую навлекъ на себя этотъ полкъ своими отважными вы-

ласками. Дѣйствительно, когда, за нѣсколько дней передъ этимъ, всѣ нѣмецкіе раненые, содержавшіеся въ плѣну въ Мецѣ, были отосланы, за недостаткомъ средствъ для пропитанія, въ нѣмецкій лагерь, — то для защиты красныхъ гусаръ отъ ярости мецскихъ жителей должны были принять особенныя мѣры. Въ Герни нашего багажа не оказалось, онъ уѣхалъ дальше. Надобно было ѣхать въ Ремильи, предпослѣднюю станцію передъ Мецомъ, но и тутъ мы напрасно его искали. Нашъ поѣздъ долженъ былъ ѣхать въ Курсейль, послѣднюю станцію, но мы уже не могли разсчитывать ни на какую помощь, такъ какъ вслѣдствіе военной тревоги всѣ лошади и поѣзды оказывались теперь положительно недоступными для частныхъ лицъ. По этому-то мой товарищъ и рѣшился идти въ Курсейль пѣшкомъ, не смотря на страшный дождь и градъ, тогда какъ я долженъ былъ остаться въ Ремильи — слѣдить за возвращающимися назадъ поѣздами, которые легко могли привезти и наши сокровища. Все это было сначала чрезвычайно непріятно, за то мы остались вполнѣ довольны концомъ. Мой товарищъ нетолько розыскалъ наши вещи въ Курсейлѣ, но еще ему удалось видѣть на получасовомъ разстояніи сраженіе, которое произошло вслѣдствіе сдѣланной французами вылазки изъ Меца; а мнѣ, тѣмъ временемъ, представился случай изучить организацію виртембергскихъ санитарныхъ вагоновъ, которые пользуются здѣсь всеобщимъ одобреніемъ. Передъ станціею стояло отъ 10 до 12 длинныхъ вагоновъ, безъ боковыхъ дверей, съ широкимъ среднимъ проходомъ черезъ весь поѣздъ. Каждый вагонъ заключалъ въ себѣ по 16 коекъ (8 съ каждой стороны), висѣвшихъ на широкихъ ремняхъ, при помощи снаряда изъ пружинъ. Онѣ были устроены въ два этажа и шли въ одномъ направленіи съ долевою стѣною. Ихъ можно безъ всякаго затрудненія вынуть изъ ремней и потомъ опять вложить, такъ что онѣ могутъ служить въ то же время и носилками, на которыя кладется раненый, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ онъ палъ, и относится въ вагонъ, гдѣ койку вѣшаютъ на мѣсто вмѣстѣ съ больнымъ, не причинивъ ему ни малѣйшаго безпокойства. Подушекъ, одѣялъ и бандажей — вдоволь. Каждый вагонъ имѣетъ врача, трехъ вольно-наемныхъ больничныхъ служителей и одну сестру милосердія. Я засталъ въ Ремильи около 200 большею частью тяжело раненыхъ, лежавшихъ или въ овинахъ, которые служили имъ нѣкоторою хотя и очень плохою защитою отъ дождей, или же подъ покрытыми соломою навѣсами, которые были устроены съ этой цѣлью вдоль желѣзной дороги и имѣли нѣкоторое сходство съ кегельнымъ каткомъ. Подъ начальствомъ врача, больничные служители превратились теперь въ носильщиковъ и дѣйствовали съ такой истинно-военною точностію, такъ проворно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нѣжно, что менѣе чѣмъ въ два часа 200 раненыхъ висѣли уже въ своихъ покойныхъ постеляхъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго признака боли. «Мы чувствуемъ, что мы уже вполовину вылѣчены», сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, съ удовольствіемъ осматриваясь. Сейчасъ же принялись за перевозку. Снимаемые бандажи выбрасывали, не смотря на то что это были превосходно-вытканные бинты, тогда какъ у насъ вырѣзанные изъ простаго полотна бинты отдаются въ стирку, для того чтобъ ихъ можно было опять употребить въ дѣло;—избытокъ дѣлаетъ насъ расточительными. Тутъ-то больничные носильщики оказались чрезвычайно способными фельдшерами, при чемъ я узналъ, что эти молодые люди—художники, купцы или ученые по всевозможнымъ отраслямъ наукъ, которые сами вызвались ходить за больными,—должны были сперва изучить въ Штутгартѣ искусство перевязки и только тогда допустили ихъ къ больнымъ. Послѣ перевязки больнымъ дали бульону, вина, бѣлаго хлѣба и сигаръ, а потомъ ихъ отправили въ Германію — это эльдорадо резервныхъ госпиталей.

Въ сумерки мой товарищъ возвратился наконецъ въ Ремильи, а въ $2^1/_2$ часа ночи мы съ нашими вещами очутились опять въ Фолькмонтѣ, гдѣ мы нашли нашего добраго коменданта еще не спящимъ, такъ какъ онъ долженъ былъ принять и отправить далѣе фельдъегеря, ѣхавшаго изъ Петербурга въ главную квартиру короля. Вообще мы начали чувствовать особенное состраданіе къ двумъ группамъ чиновничьяго міра: комендантамъ и начальникамъ станцій на большихъ торговыхъ дорогахъ, гдѣ люди смѣняются ежедневно цѣлыми тысячами. Этимъ несчастнымъ приходится имѣть дѣло чуть не со всякимъ, всякій обращается къ нимъ съ жалобой или просьбой, всякій хочетъ если не запугать, то по крайней мѣрѣ расположить ихъ въ свою пользу, доказать крайнюю необходимость того-то и того-то, и т. д.—а между тѣмъ, не могу не сознаться въ этомъ, я не замѣтилъ чтобы хоть кто нибудь изъ нихъ былъ грубъ. Съ непоколебимымъ терпѣніемъ отвѣчаютъ они, съ утра и до ночи, а потомъ и ночью, на всевозможные вопросы, успокоиваютъ, утѣшаютъ. Коменданты тѣхъ городовъ и селъ, по которымъ мы проѣзжали, большею частію старики, старые маіоры и подполковники, которые давно уже вышли въ отставку, но въ началѣ войны опять предложили свои услуги королю—и получили въ различныхъ мѣстностяхъ Лотарингіи и Эльзаса эти конечно почетныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ скучныя должности и подлежащія большой отвѣтственности. Поэтому-то и являются они теперь въ свои канцеляріи въ этихъ странныхъ, старыхъ, полинявшихъ мундирахъ, часто съ величественно строгимъ выраженіемъ лица, хотя за кулисами это добрѣйшіе и милѣйшіе люди. Фолькмонтскій комендантъ особенно достолюбезная личность. Вѣроятно за то, что мы ничего у него не просили и ни на что не жаловались, онъ оставилъ насъ у себя ночевать и провести у него весь слѣдующій день, что доставило намъ особенное удовольствіе послѣ выдержаннаго нами наканунѣ поста. Я съѣлъ въ этотъ день всего только кусокъ хлѣба, намазаннаго какимъ-то ужаснымъ саломъ, которое считается здѣсь деликатессомъ, — такъ опустошено Ремильи, въ которомъ все бережется и расходуется только въ пользу раненыхъ. Къ полудню нашъ хозяинъ досталъ всевозможные спиртуозные напитки, «такъ какъ мы изъ Россіи», и не мало удивлялся, видя что мы предпочитаемъ превосходные французскіе плоды нашему мнимо-національному напитку. Само собою разумѣется, что мы посѣтили и Фолькмонтскій госпиталь, который устроенъ въ мѣстной школѣ. Въ самой большой комнатѣ крупными буквами напечатаны на стѣнѣ двѣнадцать заповѣдей, а тутъ же подлѣ оказались и другія, очевидно человѣческаго происхожденія. Такимъ образомъ подлѣ словъ: «Aimez Dieu par dessus tout» (Люби Бога выше всего), въ самомъ непосредственномъ сосѣдствѣ стояли слова: «Il faut parler français à l'école et dans les rues de Faulquemont» (Въ школѣ и на фолькмонтскихъ улицахъ слѣдуетъ говорить по французски).

Наконецъ вечеромъ въ воскресенье, 27 августа, отправились мы на мѣсто нашего назначенія—Гроссъ-Танкенъ, въ сопровожденіи двухъ прусскихъ гусаръ, такъ какъ народонаселеніе довольно часто покушалось на жизнь путешественниковъ. Нашимъ магдебургскимъ гусарамъ пришлось однако же не защищать, а скорѣе развлекать насъ. Одинъ изъ нихъ былъ стекольщикъ, а другой—поселянинъ. Оба поступили на службу всего только за два года; но по ихъ разговору, пріемамъ и посадкѣ на лошади—нельзя было угадать этого. Въ Гроссъ-Танкенѣ мы сейчасъ же узнали, что мы напрасно пріѣхали, такъ какъ транспортъ раненыхъ, ожиданіе котораго заставило тамошняго коменданта просить о медицинской помощи, отправился по другому направленію. Намъ отвели отличную квартиру у одного зажиточнаго обывателя, г. Мута, въ парадной комнатѣ котораго я и пишу это письмо. Передъ окномъ у меня — чрезвычайно красивая, только-что отстроенная церковь, въ самомъ чистомъ готическомъ стилѣ; да и вообще всѣ деревни, даже самыя незначительныя, по которымъ только мнѣ случалось проѣзжать въ Лотарингіи, отличаются красотою церквей. Мѣстность здѣсь плоска и безлѣсна, но кажется плодородна. Плодовъ и винограду вдоволь, но хлѣбъ здѣсь не родился и въ этомъ году. Нашъ хозяинъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, онъ говоритъ очень умно и съ большою скромностію. По нѣмецки онъ говоритъ совершенно свободно. Онъ горько жаловался на войну; весь департаментъ, по его словамъ, принялъ во время плебисцита (въ маѣ мѣсяцѣ) сторону правительства, надѣясь, что это будетъ способствовать сохраненію мира. О поведеніи нѣмецкихъ солдатъ онъ отзывается съ большою похвалою. Онъ надѣется, что миръ будетъ скоро заключенъ, но отзывается съ полнымъ уваженіемъ объ императорѣ и имперіи, тогда какъ большая часть солдатъ говоритъ о главѣ государства въ самыхъ непочтительныхъ выраженіяхъ. Только въ воскресенье утромъ г. Мутъ носитъ суконный сюртукъ; во всѣ же остальные дни синяя блуза, которую носятъ здѣсь всѣ поселяне, какъ бы указываетъ на то, что хотя онъ и живетъ въ деревнѣ и занимается земледѣліемъ, но все-таки онъ «гражданинъ», такъ какъ крестьянскаго сословія не существуетъ. Его обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ и нѣсколькихъ бутылокъ добраго вина; всѣ наши попытки заплатить ему оказались тщетны.

Утромъ я посѣтилъ церковь. Божественная служба началась извѣстной литургіей католической мессы, прерванной проповѣдью, которая, къ моему удивленію, была сказана на нѣмецкомъ языкѣ. Проповѣдникъ прочелъ сперва главу изъ перваго посланія къ коринѳянамъ, потомъ евангеліе о сострадательномъ самарянинѣ,—но въ то время, когда я еще колебался насчетъ того, который изъ этихъ текстовъ онъ выберетъ, онъ сказалъ: «итакъ, сегодняшнимъ нашимъ текстомъ будетъ: «Не укради». О войнѣ онъ почти и не упомянулъ. Я думалъ сначала, что онъ проповѣдовалъ на нѣмецкомъ языкѣ изъ уваженія къ побѣдителямъ, но г. Мутъ увѣрялъ меня, что такъ было у нихъ всегда, ибо всѣ жители понимаютъ нѣмецкій языкъ, хотя и употребляютъ въ общежитіи французскій. А что г. Мутъ причисляетъ и себя къ «великой націи», то лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ строгій выговоръ, который онъ сдѣлалъ своей женѣ, когда она стала разсказывать мнѣ, что сегодня вечеромъ будутъ служить панихиду по одномъ богатомъ человѣкѣ, который умеръ отъ страха, услыхавъ, что къ нимъ въ село идутъ пруссаки. «Эти господа могутъ подумать, что французъ можетъ умереть отъ страха передъ нѣмцами. Нѣтъ, этотъ человѣкъ давно уже страдалъ одышкой» (N. Pr.).

Битва при Саарбрюкенѣ.

Вотъ описаніе этого сраженія очевидцемъ:

«Только теперь, когда прусскія войска слѣдуютъ по пятамъ разбитаго корпуса генерала Фроссара, могу я въ тиши бросить взглядъ на истинно-кровавую битву, свидѣтелемъ которой былъ самъ. Нѣкоторыя подробности и рисунокъ, который приложенъ здѣсь, дадутъ вамъ довольно ясное понятіе о ней.

Картина наша (см. стр. 589) представляетъ поле битвы на всемъ его протяженіи, лежащее позади учебнаго поля южнѣе отъ Саарбрюкена. Предъ нами возвышаются Шпейхернскія горы, главный пунктъ сраженія, гдѣ прусскія войска оказали чудеса храбрости. Если посмотрѣть на эти бастіонами возвышающіяся, крутыя вершины, надо признаться, что нужны были необыкновенныя, нечеловѣческія усилія, чтобы вытѣснить отсюда непріятеля—и лучше вооруженнаго, и превосходящаго численностью. И мы взбирались 10 августа—т. е. на 4 день послѣ битвы—на эти горы. Хотя убитые были уже погребены, раненые убраны, но всюду кучами валявшіеся ранцы, оружіе, платье и всякій хламъ ясно указывали на происходившій здѣсь жестокій бой. Только съ большимъ трудомъ—и то помогая себѣ руками и сбросивъ весь лишній багажъ—удалось намъ взобраться на эти горы, которыя наши войска, подъ убійственнымъ огнемъ французской артиллеріи, взяли наконецъ штурмомъ.

Вездѣ, насколько могъ видѣть глазъ, были замѣтны слѣды непріятеля. Въ лѣсу еще оставались выстроенные французами для офицеровъ, съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ, шалаши изъ хворосту и листьевъ. Эти импровизованныя палатки очень уютны на видъ; вокругъ нихъ кучами валялись: солома, уголья, печеный и сырой картофель, рисъ и другіе жизненные припасы.

Въ лѣсу, лежащемъ лѣвѣе къ Сантъ-Арнолю, бой былъ особенно жестокъ.

Здѣсь-то 48-й полкъ началъ свой штурмъ неприступныхъ высотъ. Каждый шагъ защищался французами геройски. Заряды, крѣпко засѣвшіе въ стволы деревьевъ, показывали, какая жаркая перестрѣлка происходила здѣсь; кора на деревьяхъ была частію совершенно сорвана, частію висѣла клочьями. Цѣлыя массы выстрѣленныхъ патроновъ валялись около каждаго довольно-объемистаго дерева, служившаго французамъ вѣрнымъ прикрытіемъ, и указывали на адскій всеуничтожающій огонь, которымъ непріятель защищалъ свою позицію.

Лѣвѣе, какъ разъ поперечно на нашей картинѣ, идетъ дорога изъ Саарбрюкена въ Форбахъ, которая, по срединѣ дугообразно загибаясь назадъ, продолжается вправо тополевой аллеей.

Положеніе сражающихся войскъ представлено нами

въ томъ видѣ, въ какомъ оно находились между 6—7 часами вечера. Вершина одной изъ горъ занята уже нашей батареей, не смотря на то, что невозможно кажется было взобраться на подобную крутизну—не только орудіямъ, но и людямъ. Пушки съ успѣхомъ стрѣляютъ направо, гдѣ французы такъ же выставили свои орудія, и мужественно отвѣчаютъ цѣлымъ градомъ пуль и ядеръ.

Между двумя облаками дыма видна растянутая линія нашей пѣхоты, стрѣляющая по находящейся впереди ея французской. Внизу же, въ долинѣ, артиллерія безостановочно обстрѣливаетъ вершины, занятыя непріятелемъ. Зданіе возвышающееся надъ группою деревьевъ, на поворотѣ шоссе (въ срединѣ нашего рисунка),—это прусская пограничная таможня; далѣе, нѣсколько вправо, второе зданіе—французская. Между ними обѣими тянется граница, на которой и началась первая перестрѣлка. Французская таможня была страшно разрушена ядрами. Еще далѣе вправо видны тянущіяся, подъ огнемъ прусской артиллеріи, французскія войска. Изъ за лѣсу виднѣются высокія трубы Вендельскаго завода въ Лотарингіи, лежащаго позади Форбаха, перваго французскаго городка. Мѣсто его указываетъ столбъ дыму, потому-что непріятель, тѣснимый нашимъ правымъ крыломъ и отступая, зажегъ его.

Передній планъ нашей картины представляетъ самую оживленную дѣятельность. На лѣво въ серединѣ видимъ мы баталіонъ 12-го полка, идущій въ аттаку; нѣкоторые другіе находятся уже въ рукопашномъ бою. Въ серединѣ, лѣвѣе шоссе, гусары укрываются за деревьями, прибываетъ все новая и новая артиллерія, лазаретныя линейки для раненыхъ, маркитанты, доктора и пр.

Передъ моими глазами постоянно мѣнялась самая пестрая и разнообразная картина. Сценъ смерти и убійства, которыя разыгрывались тамъ наверху на горахъ, я не могъ видѣть; но и перевязочный пунктъ, вблизи котораго я находился, представлялъ довольно раздирающихъ душу зрѣлищъ. Всѣ лазареты и частные дома Саарбрюкена были, на другой день послѣ битвы, переполнены ранеными. Въ особенности много было французовъ, за которыми ухаживали сестры милосердія и католическіе аббаты. Тюркосовъ и зуавовъ не было видно; они не участвовали въ этомъ сраженіи».

Что касается штурма Шпейхернскихъ высотъ, то вотъ какъ объ немъ разсказываетъ очевидецъ:

«6 августа, утромъ, отдѣльные баталіоны 12-го полка, разбросанные по разнымъ мѣстамъ, были стянуты къ Нейкирхену, гдѣ и оставались до 11 часовъ утра. Часть людей расположилась отдыхать, часть же занялась приготовленіемъ обѣда. Вдругъ пришло приказаніе командующаго 3-имъ армейскимъ корпусомъ: немедленно отправить отдѣльные баталіоны по желѣзной дорогѣ въ Саарбрюкенъ. Въ 2 часа отправился первый баталіонъ, а въ 3 часа—второй. Солдаты были серіозно-веселы. Каждый сознавалъ, что близка минута давно-ожидаемаго сраженія. Въ продолженіи короткой, получасовой ѣзды воздухъ оглашался громкими криками «ура» и пѣснями.

Далеко еще не доѣзжая до Саарбрюкена—громъ пушекъ давалъ знать о начавшемся боѣ. Хотя Шпейхернскія высоты, за гребнемъ тянущейся предъ ними цѣпи горъ, и не были видны для насъ, но цѣлыя облака дыма показывали, гдѣ происходитъ сраженіе.

Какъ только роты вышли изъ вагоновъ и выстроились, баталіонъ тотчасъ же двинулся на поле сраженія.

Дорога шла сначала круто въ гору. Не смотря на это и на тягостную жару—такъ было велико одушевленіе людей и желаніе скорѣе сразиться съ непріятелемъ—войска шли то скорымъ, то бѣглымъ шагомъ. Увѣщанія со стороны офицеровъ поберечь свои силы—были напрасны. Крики «ура» стоявшимъ на улицахъ гражданамъ и проѣзжавшимъ раненымъ—оглашали воздухъ. Остерегающіе совѣты послѣднихъ, что нужно щадить себя, что позиція непріятеля неприступна,— заглушались криками «впередъ! впередъ! долой французовъ, да здравствуетъ король Вильгельмъ!»—и все быстрѣе и быстрѣе подвигалась масса впередъ.

Шпейхернскія высоты тянутся длинною линіей съ востока на западъ — а къ югу, въ долину гдѣ лежитъ Саарбрюкенъ, опускаются совершенно отвѣсно.

Обрывъ этотъ покрытъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Подошва горной цѣпи спускается очень отлого и совершенно безлѣсна.

Такимъ образомъ, у французовъ были двѣ линіи неприступныхъ позицій: одна у подошвы покрытаго лѣсомъ обрыва, другая на самомъ хребтѣ его.

Первый баталіонъ нашего полка уже съ часъ сражался на дорогѣ, ведущей изъ Саарбрюкена въ Шпейхернъ. Уже множество офицеровъ, самъ полковой командиръ, множество солдатъ были убиты, множество было раненыхъ. Несмотря на это, разрозненные ряды смыкались — и колонны двигались съ новымъ мужествомъ впередъ, подкрѣпляемыя фузелерами 40-го полка, которые прибыли сюда съ самаго начала сраженія.

Шагахъ въ 2,000 позади 1-го баталіона, находился и нашъ 2-й баталіонъ, который былъ направленъ къ лѣвому крылу перваго, чтобы помогать этому послѣднему въ его нападеніяхъ.

Между тѣмъ командованіе 1-мъ баталіономъ перешло къ начальнику втораго, а отъ этого послѣдняго къ одному изъ нашихъ ротныхъ командировъ.

Тутъ-то началось выполненіе самой тяжелой задачи для нашихъ баталіоновъ: вскарабкаться и взять неприступный отвѣсъ. О стройности и порядкѣ при этомъ нечего было и думать. Цѣпляясь за попадавшіеся камни и кусты, помогая себѣ руками и ногами, подвигались наши медленно кверху. Тѣ полчаса, которые понадобились чтобы добраться до верху, были конечно самые ужасные для нашихъ войскъ. Непріятель осыпалъ взбирающихся цѣлымъ градомъ пуль.

Но не пули, не смерть, лицомъ къ лицу съ которой стояли мы, не стоны тамъ и сямъ падающихъ раненыхъ — наполняли ужасомъ наше сердце. Боязнь, что мы не доберемся до непріятеля, что силы наши слабѣютъ съ каждой минутой,—вотъ чтó выражалось на каждомъ лицѣ, вотъ чтò наполняло ужасомъ сердце каждаго.

И что значили непріятельскія пули при подобныхъ обстоятельствахъ? Только славу и честь могли они принести тѣмъ, кого поражали. Каждый собиралъ послѣдній остатокъ силъ, чтобы добраться до назначенной цѣли и скорѣе желая со славою умереть отъ непріятельской пули, нежели со стыдомъ остаться позади. На блѣдныхъ, усталыхъ лицахъ солдатъ можно было прочитать твердую рѣшимость: или умереть, или побѣдить.

Непріятель, видя этихъ карабкающихся и ползущихъ

людей, прочиталъ на ихъ лицахъ и понялъ эту рѣшимость. Не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, подвигалась эта масса все выше и выше въ гору. Команда и приказанія не были болѣе слышны. Каждый слушалъ только самого себя, помогалъ только одному себѣ. Офицеры, солдаты, все это ползло и карабкалось въ безпорядкѣ: кто былъ сильнѣе—находился впереди; кто слабѣе—силился не отставать.

Еще нѣсколько минутъ—и наши были уже на верху. Громкое «ура» дало знать, что усилія наши не пропали даромъ. Непріятель сталъ колебаться и отступилъ, сильно обстрѣливаемый нашими войсками.

По самому хребту горы тянется дорога, съ одной стороны которой спускается лѣсъ, съ другой же совершенно безлѣсная крутизна, упирающаяся въ поросшую мелкимъ кустарникомъ лощину. За этой послѣдней возвышается вторая цѣпь, паралельно первой, тоже совершенно безлѣсная. Въ эту-то лощину и бросились французы, послѣ того какъ наши войска заняли первую цѣпь горъ. Но и здѣсь они не могли долго выдерживать натиска. Наши войска послѣ краткаго отдыха, когда битва на высотахъ на нѣсколько минутъ пріостановилась, ринулись съ новыми силами на непріятеля — и штыками прогнали его за вторую цѣпь горъ, гдѣ онъ и занялъ очень крѣпкую позицію.

Уже съ самаго начала сраженія—французскія пушки и картечницы осыпали наши войска градомъ гранатъ и пуль.

Непріятель показалъ, что онъ умѣетъ хорошо владѣть оружіемъ. Сначала огонь ихъ былъ направленъ главнымъ образомъ на наше правое крыло, но теперь когда мы заняли вторую, только-что отбитую у нихъ позицію — они направили всѣ свои орудія на нашъ центръ и открыли такой адскій огонь, какой врядъ ли придется услышать еще разъ.

Нѣсколько разъ пытались французскія колонны, подъ защитою своего страшнаго огня, сбить наше правое крыло съ занятой имъ позиціи. Но первый баталіонъ и подоспѣвшая къ нему конная батарея, поддерживавшая постоянный огонь, отражали всѣ эти нападенія.

Несмотря на громадныя потери, которыя понесъ нашъ полкъ, намъ удалось удержать завоеванную позицію. Между тѣмъ нападеніе нашихъ войскъ, направленное на лѣвое крыло непріятеля, успѣло поколебать его и въ этой второй позиціи.

Непоколебимо стояла линія нашихъ войскъ, спокойно отвѣчая на огонь непріятеля. Только за нею—гдѣ уносили раненыхъ, и офицеры прохаживались вдоль своихъ рядовъ, отдавая приказанія,—замѣтно было нѣкоторое движеніе.

Громъ пушекъ, свистъ летящихъ пуль, стоны умирающихъ и раненыхъ, удушливый запахъ пороху и дыму—все это вмѣстѣ страшно поражало чувства человѣка. А солдаты? они стояли такъ же спокойно, какъ будто дѣло шло о чемъ то другомъ, ихъ совершенно не касавшемся. Вотъ двое разговариваютъ совершенно равнодушно между собою, вотъ одинъ попиваетъ изъ своей походной фляжки, а вотъ этотъ закурилъ сигару и наслаждается потягивая ее, пока вражеская пуля не сразитъ его—и вмѣстѣ съ потухающей сигарой не угаснетъ его молодая жизнь.

И такъ стояли эти храбрецы, пока непріятель, пользуясь наступившей темнотою, не прекратилъ своего огня и не отступилъ.

Бой кончился. Побѣда и слава были на сторонѣ прусскаго оружія. Баталіоны наши получили приказаніе собраться и расположились бивуаками, какъ это изстари водится, на полѣ сраженія.

Ночью выпалъ холодный туманъ, который до костей пронималъ нашихъ до полусмерти уставшихъ солдатъ. Только поздно утромъ солнце проглянуло сквозь густую холодную мглу и освѣтило собою поле, усѣянное тысячами труповъ. Теперь стало очевидно, какихъ жертвъ стоила намъ эта побѣда, сколько пало храбрыхъ и дорогихъ товарищей. Нашъ полкъ потерялъ всего 854 человѣка солдатъ и 32 офицера. Изъ раненыхъ офицеровъ умерло восемь.

Политическое обозрѣніе.

Сообщаемъ обѣщанныя нами подробности сраженій подъ Мецомъ.

Битвы 14, 16 и 18 Августа, служившія какъ бы прологомъ къ Седанской драмѣ, находятся въ тѣсной связи между собою.

Французская главная армія — послѣ того пораженія которое она испытала 6 августа подъ Саарбрюкеномъ, и вслѣдствіе растройства праваго крыла подъ начальствомъ Макъ-Магона,—начала свое отступленіе къ Мозельской линіи.

Крѣпость Тіонвиль и хорошо-вооруженный и защищенный городъ Мецъ даютъ этой линіи необыкновенную прочность.

Прямое нападеніе на эту линію представляло свои трудности; поэтому прусскія арміи направились нѣсколько южнѣе этого города и перешли черезъ рѣку Мозель. Первая армія прикрывала этотъ маршъ.

Французы показали видъ, что хотятъ сдѣлать нападеніе на прускую армію съ праваго берега Мозеля, почему и были приближены нѣкоторыя отдѣленія 2-й арміи на такое разстояніе, чтобы могли во всякій моментъ оказать необходимую помощь.

Между тѣмъ другіе корпуса 2-ой арміи переправились черезъ Мозель, вслѣдствіе чего французы (боясь, что имъ зайдутъ въ тылъ) вынуждены были очистить правый берегъ.

Изъ Меца ведутъ двѣ дороги на Вердёнъ, которыми французы могли воспользоваться при своемъ отступленіи къ Парижу. 2-я пруская армія направилась тотчасъ на ту, которая лежитъ южнѣе отъ Меца, чтобы помѣшать фланговому маршу французской арміи.

Эта трудная задача была блистательно разрѣшена кровавымъ но побѣднымъ сраженіемъ (битва при Марсѣ-Ла-Турѣ).

Французамъ оставался для фланговаго марша еще одинъ путь, а именно: на сѣверъ. Какъ ни труденъ онъ былъ, какими большими обходами ни пришлось-бы его дѣлать, нужно было предполагать, что французы предпримутъ его—чтобы окончательно не быть отрѣзанными отъ Парижа и всѣхъ своихъ вспомогательныхъ средствъ.

Пруссаки употребили 17 Августа на то, чтобы стянуть на тотъ берегъ Мозеля какъ можно больше войскъ. Кавалерія и самъ король Вильгельмъ зорко наблюдали за всѣми движеніями французовъ.

18 Августа утромъ войска были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я армія съ 7-мъ корпусомъ стояла южнѣе Гравелотта, 8-й корпусъ и 1-я кавалерійская дивизія южнѣе Резонвиля; 1-й корпусъ и 3-я кавалерійская дивизія остались на правомъ берегу Мозеля, противъ Меца.

Эта армія должна была прикрывать 2-ю армію, на случай нападенія французовъ со стороны Меца. 2-я армія двинулась утромъ къ сѣверной дорогѣ, не перерывая справа связи съ 1-ю арміею. 12-й корпусъ направился изъ Марсъ-Ла-Тура на Жарни; гвардейскій корпусъ — на Данкуръ; 9-й корпусъ перейдя южнѣе Резонвиля шоссе—на Колеръ-Фермъ.

Между 2—3 ч. пополудни вступила въ бой пѣхота. Позиція французовъ была крѣпка.

Твердость ея увеличилась еще дугообразно расположенными фортификаціонными укрѣпленіями.

Долго и кровопролитно колебался бой на различныхъ пунктахъ линіи. Наконецъ, пруссакамъ удалось съ наступленіемъ темноты—занять укрѣпленныя высоты и отбросить непріятельскую линію. Битва кончилась въ $8^1/_2$ часовъ, при совершенной темнотѣ. Въ продолженіи ночи, растроенныя французскія войска стягивались въ укрѣпленный лагерь подъ Мецомъ. Безчисленное множество раненыхъ и отдѣльныхъ отрядовъ долго блуждали около поля битвы.

Сюда пришли 24-фунтовыя орудія изъ Кобленца Майнца и Эрфурта, часть которыхъ отправится къ Страсбургу, другія же останутся здѣсь для осады Меца. 50,000 прусскаго ландвера, занимавшаго прежде гарнизонъ въ завоеванныхъ крѣпостяхъ, находятся тоже во Франціи.

Объ этой же битвѣ очевидецъ сообщаетъ слѣдующія подробности: «уже при началѣ нападенія французскія картечницы осыпали пруссаковъ градомъ пуль; несмотря однако на очень чувствительныя потери, пруссаки подвигались все быстрѣе и быстрѣе впередъ. У подножія горы, на которой укрѣпились французы, начался кровопролитный бой. Центръ ихъ опирался на каменоломню и каменное зданіе, которыя стояли въ концѣ шоссе на самомъ верху горы. Лѣвое крыло позиціи расположилось около густаго лѣса. Одиночныя деревянныя строенія, лежавшія на различныхъ высотахъ, какъ и каменное зданіе, были отлично защищены и почти что неприступны. Бой колебался долго. Пруссаки теряли все больше и больше людей, между тѣмъ какъ потери французовъ оставались чрезвычайно незначительны. Наконецъ былъ взятъ первый рядъ высотъ, причемъ только одна треть французовъ избѣжала смерти.

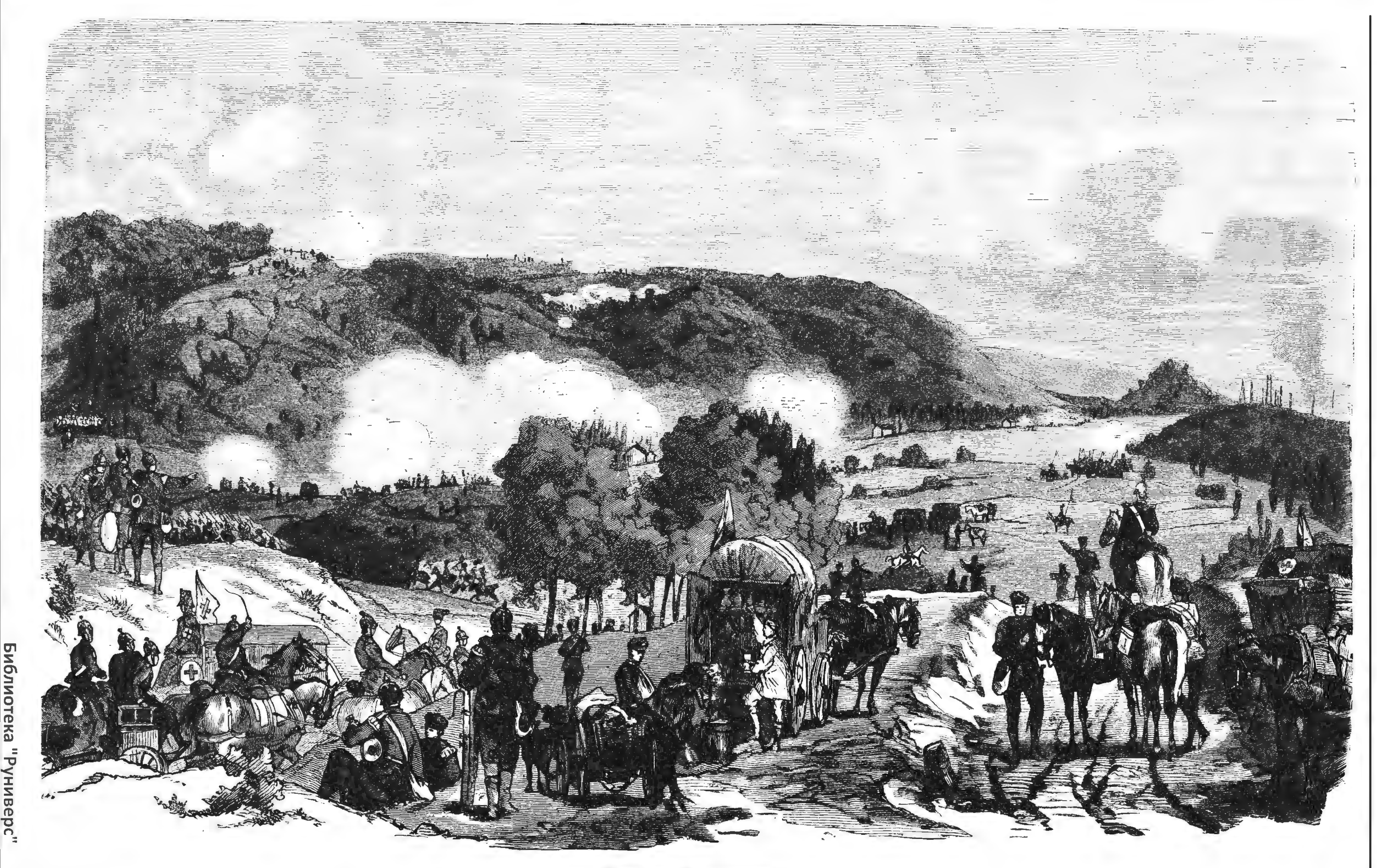
Начался отчаянный бой изъ за обладанія каменнымъ зданіемъ и каменоломней; но скоро и эти укрѣпленія, не смотря на громадныя потери, были взяты пруссаками. Французы побѣжали, теряя множество людей; они очистили долину. Но здѣсь бой опять измѣнился. Пруссаки наткнулись на новую французскую позицію. Полки ихъ были сильно разстроены и утомлены, нѣкоторые даже совсѣмъ уничтожены; поэтому трудно было удержать позицію въ виду французовъ превосходящихъ силами, а арміи принца Фридриха Карла все еще не было».

Англійскія извѣстія сообщаютъ: «около 2 часовъ пополудни пруссаки принудили молчать французскія батареи и заняли сельскую управу въ Мальмезонѣ. 20 минутъ спустя, прусскія пушки были уже противъ Гравелотта; сила и вѣрность ихъ выстрѣловъ парализировала французскій огонь и уничтожала одну батарею за другой. Въ 2 ч .20 минутъ прусская кавалерія, уланы, кирасиры и гусары, подъ сильнымъ огнемъ французской артиллеріи, которая все еще держалась, сдѣлали первое нападеніе, но за недостаткомъ поддержки со стороны пѣхоты должны были отступить.

Между тѣмъ подоспѣла и пѣхота, такъ что въ 4 ч. 45 м. началась первая серіозная попытка отбросить французовъ. 33-й пѣхотный линейный полкъ былъ направленъ противъ одного холма, который казалось былъ ключомъ къ французской позиціи. Несмотря на всю храбрость, полкъ долженъ былъ отступить съ большими потерями. Къ этому времени пруссаки стянули большую часть своихъ войскъ противъ этой части линіи, такъ какъ повидимому исходъ битвы зависѣлъ отъ нападенія и защиты, которыя съ такимъ ожесточеніемъ продолжалась все время въ центрѣ ея. Прусскія дивизіи все снова и снова формируясь шли въ аттаку, — но подъ убійственнымъ огнемъ французскихъ пушекъ, который имъ причинялъ большой вредъ, должны были отступить. Ничего не могло быть блистательнѣе этихъ усилій пруссаковъ, этой стойкости французовъ. Съ 12 часовъ дня и до поздняго вечера—одинъ только 8-й корпусъ пруссаковъ сражался, какъ мнѣ кажется, противъ трехъ французскихъ. Съ позднѣйшими подкрѣпленіями (частями втораго и третьяго) насчитывалъ онъ до 50,000 человѣкъ съ 90 орудіями. Отдѣльныхъ полковъ я не видалъ—и за недостаткомъ времени не могъ собрать никакихъ подробностей. Не знаю, потому ли что генералы прусскіе находили для себя центръ французовъ слишкомъ сильнымъ или почему либо другому, только они сдѣлали послѣднее успѣшное нападеніе на лѣвый флангъ непріятеля. Мѣстечко Ла-Вильетъ, несмотря на хорошую защиту, было взято въ 9 ч. вечера—и этимъ самымъ уничтожена цѣлость позиціи французовъ. Линія ихъ между тѣмъ постоянно обстрѣливалась прусскими орудіями. Нѣкоторыя изъ ихъ наружныхъ укрѣпленій были захвачены съ заду, что и принудило французскія войска отступить несмотря на отчаянную защиту. Они покинули свою послѣднюю позицію по дорогѣ въ Верденъ, и рейнская армія заперлась въ крѣпости

Объ осадѣ Страсбурга сообщаютъ: стрѣльба по городу продолжается всѣ эти дни съ возрастающей силой; успѣхъ этого очень удовлетворителенъ. Правая часть крѣпости обгорѣла, арсеналъ же совершенно сгорѣлъ. Въ городѣ замѣтно было нѣсколько пожаровъ. Одну изъ мортирныхъ батарей заставили молчать. Со стороны пруссаковъ нѣтъ никакихъ потерь. Съ другой же стороны, Кель сильно потерпѣлъ: еще 20 домовъ совершенно сгорѣли, многіе значительно повреждены».

Послѣ седанской битвы и перемѣны правленія во Франціи, все вниманіе европейской публики и журналистики занято исключительно вопросомъ о возможности заключенія мира и объ условіяхъ, на которыхъ можетъ послѣдовать это заключеніе. Повтореніе толковъ и предположеній, которыя возникаютъ по этому поводу, было бы слишкомъ утомительно, да къ тому же оно скорѣе могло бы затемнить самую сущность дѣла, а не разъяснить ее,—а потому мы постараемся вкратцѣ познакомить читателей съ мнѣніями по этому предмету вліятельнѣйшихъ органовъ европейской печати и съ немногими фактами, служащими основаніемъ различныхъ предположеній. Замѣтимъ прежде всего, что оффиціальныхъ свѣдѣній о возможности заключенія мира и объ условіяхъ, на которыхъ онъ можетъ быть заключенъ, до сихъ

Битва при Саарбрюкенѣ.

поръ не имѣется. Единственный офиціальный документъ есть извѣстный читателямъ циркуляръ новаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ г. Жюля Фавра, въ которомъ онъ говоритъ, что «Франція не уступитъ ни шага своей земли и ни одного камня своей крѣпости». Очевидно, Пруссія не согласится на такое требованіе французскаго временнаго правительства и не удовольствуется однимъ вознагражденіемъ за военныя издержки, тѣмъ болѣе что общественное мнѣніе всей Германіи требуетъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи и срытія крѣпостей на восточной границѣ; въ этомъ смыслѣ составляются и подаются королю Вильгельму многочисленные адрессы. Сверхъ того большая часть органовъ печати требуетъ, чтобы въ числѣ условій мира была выдача нѣмцамъ по меньшей мѣрѣ половины французскаго панцырнаго флота. Разумѣется, согласиться на подобныя требованія не можетъ никакое правительство во Франціи, не истощивъ предварительно всѣхъ средствъ своихъ въ отчаянной борьбѣ. Другой вопросъ, съ особенною горячностью обнародованный нѣмецкою печатью, заключается въ томъ, съ какимъ правительствомъ можетъ вступить Германія въ переговоры о мирѣ. Наиболѣе распространенное мнѣніе есть то, что прусское правительство и его союзники не иначе согласятся вести переговоры, какъ съ Наполеономъ III, единственнымъ законнымъ правительствомъ, которое они признаютъ. Тамъ прямо объявила *Süddeutsche Presse*, офиціозная газета южно-германскихъ правительствъ; въ томъ же смыслѣ выражаются и берлинскія офиціозныя *Provinzial Correspondent* и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*; послѣдняя, слывущая органомъ графа Бисмарка, приняла подъ свое покровительство низложеннаго императора, и доказываетъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ нумеровъ, что Франція благоденствовала подъ его правленіемъ, что онъ желалъ мира—и вовлеченъ былъ въ войну противъ его воли, когда, уступая обстоятельствамъ, принужденъ былъ передать власть конституціонному министерству, на которое и падаетъ отвѣтственность за настоящее бѣдственное для Франціи столкновеніе двухъ сосѣднихъ государствъ. Другія газеты находятъ возстановленіе Наполеона невозможнымъ, и предлагаютъ различныя комбинаціи; такъ напримѣръ, *Weserzeitung* выражаетъ мнѣніе, что, по занятіи Парижа, союзники созовутъ законодательный корпусъ, засѣданія котораго были прерваны 4-го сентября, причемъ возобновлено будетъ редложеніе г. Тьера объ избраніи правительственной коммиссіи изъ пяти человѣкъ, которая приметъ правленіе и назначитъ министровъ; съ этою коммиссіей Германія и можетъ вступить въ переговоры. Наиболѣе безпристрастныя газеты заявляютъ, что вести переговоры можно только съ правительствомъ фактически - существующимъ, съ которымъ (по ихъ мнѣнію) и слѣдуетъ заключить если не миръ, то перемиріе до тѣхъ поръ, пока соберется учредительное собраніе, уже созванное декретомъ временнаго правительства на 16-ое октября (замѣчательно, что въ этомъ декретѣ не упоминается слово *республика*, такъ что рѣшеніе о формѣ правленія предоставлено націи), которое будетъ истиннымъ представительствомъ націи и одно въ состояніи будетъ заключить окончательный миръ. Вѣроятно съ цѣлію узнать мнѣнія нейтральныхъ державъ и склонить ихъ къ посредничеству, временное правительство отправило г. Тьера къ главнѣйшимъ европейскимъ державамъ; покрайней мѣрѣ такъ думаютъ вообще о ввѣренной ему миссіи. До сихъ поръ новый порядокъ вещей во Франціи признали Соединенные Штаты, Италія, Бельгія, Швейцарія и Испанія; представители прочихъ европейскихъ дворовъ, еще не высказавшихся по этому поводу, находятся однако въ сношеніяхъ — хотя и не офиціальныхъ — съ г. Жюлемъ Фавромъ.

Между тѣмъ побѣдители подвигаются къ Парижу, хотя и не столь быстро, какъ того ожидали, тѣмъ не менѣе 16-го сентября нѣмецкія войска съ разныхъ сторонъ подходятъ къ нему все ближе и ближе; главная квартира короля прусскаго 16-го сентября была уже въ Мо, на разстояніи сорока верстъ отъ Парижа, а передовые отряды нѣмецкой арміи появились въ Нёльи на Марнѣ и въ Кретёлѣ, то-есть въ 5 и 7 верстахъ отъ Парижа. Причиной относительно-медленнаго движенія (со времени седанской битвы прошло болѣе двухъ недѣль) нѣмецкихъ армій были повидимому проливные дожди, препятствовавшіе свободному перевозу артиллерійскихъ орудій и обозовъ, а также разрушеніе французами мостовъ черезъ всѣ рѣки и каналы; сверхъ того невозможность перевозки огромныхъ осадныхъ орудій по желѣзнымъ дорогамъ, какъ утверждаютъ бельгійскія газеты, заставила пруссаковъ переправлять ихъ по каналу соединяющему Марну съ Рейномъ,—но когда транспортъ ихъ достигъ Витри-ле-Фрате, то непріятели спустили шлюзы и произвели разстройку въ переправѣ, для поправленія коей потребовалось много времени. Можетъ-быть причиной промедленія была необходимость обезпечить осаду крѣпостей, начатую нѣмецкими войсками. Крѣпости эти упорно сопротивляются, и до сихъ только Лаонъ сдался непріятелямъ, которые однако дорого поплатились за свою побѣду. Комендантъ Лаонской крѣпости генералъ Тереминъ, принужденный сдать цитадель, взорвалъ ее на воздухъ, какъ только въ нее вступилъ нѣмецкій отрядъ, причемъ погибли или были изувѣчены около ста нѣмецкихъ егерей и до 300 человѣкъ подвижной гвардіи. Командиръ нѣмецкаго отряда, герцогъ Мекленбургскій, былъ раненъ, а также тяжело раненъ и комендантъ, который отправленъ въ госпиталь подъ строгимъ карауломъ, и, какъ слышно, будетъ преданъ суду за измѣну. До сихъ поръ не сдались нѣмецкимъ войскамъ Бичъ, Монмеди, Тіонвиль, Туль, Вердёнъ, конечно потому, что непріятель считаетъ ихъ слишкомъ неважными, чтобы отдѣлить для ихъ осады значительные отряды; что касается Меца, гдѣ заперся Базенъ съ своимъ корпусомъ, то объ немъ извѣстія очень скудны. Французскія газеты извѣщаютъ, что онъ дѣлаетъ по временамъ вылазки, часто удачныя, что онъ имѣетъ продовольствія по крайней мѣрѣ на годъ; но едва ли сопротивленіе Базена будетъ имѣть какое-нибудь вліяніе на исходъ кампаніи. Корпуса, состоящіе подъ его начальствомъ, заперты въ Мецѣ; а прусская армія такъ огромна, что корпуса отдѣленные для блокады этой крѣпости—не ослабляютъ главныхъ армій, подходящихъ къ Парижу. Тоже должно сказать и о Страсбургѣ, который едва держится, судя по депешѣ полученной въ Парижѣ отъ 9-го сентября, гдѣ говорится, что положеніе становится съ каждымъ днемъ хуже, хотя комендантъ Урихъ и обѣщаетъ держаться до конца.

Парижскія власти и населеніе повидимому рѣшились защищаться до истощенія послѣднихъ средствъ. Регулярная армія ихъ состоитъ изъ корпуса генерала Винуа, не успѣвшаго добраться до Седана и воротившагося въ Парижъ; къ нему присоединилось нѣсколько тысячъ бѣглецовъ изъ подъ Седана; ожидали еще прибытія

Ліонской арміи—съ нею вмѣстѣ число войскъ простиралось бы до 130,000. По извѣстіямъ отъ 17-го сентября, регулярныя войска выступали изъ Парижа, но конечно не для открытаго сраженія съ нѣмецкими арміями, которыя бы раздавили ихъ своими превосходными силами (численности этихъ армій мы не знаемъ, но по приблизительному вычисленію къ Парижу онѣ подошли въ числѣ 350,000), а для того чтобы тревожить ихъ отдѣльными стычками. Защита же Парижа, которою распоряжается генералъ Трошю, поручена подвижной гвардіи, отряды которой безпрерывно прибываютъ изъ департаментовъ и подкрѣпляются отрядами охотниковъ; прислуга при орудіяхъ состоитъ изъ старыхъ опытныхъ артиллеристовъ, морскихъ и сухопутныхъ. По словамъ дневнаго приказа, изданнаго генераломъ Трошю 15 сентября, на укрѣпленіяхъ ежедневно будетъ 70,000. Непріятелю придется осаждать сначала крѣпко вооруженные форты, дѣйствующіе перекрестнымъ огнемъ, потомъ брать непрерывную ограду, опоясывающую Парижъ и также сильно вооруженную крѣпостными орудіями, и затѣмъ рядъ баррикадъ, устройствомъ которыхъ дѣятельно занимается г. Рошфоръ, которому поручено начальство надъ ними. Впрочемъ, баррикады едва-ли послужатъ къ чему-нибудь при современномъ состояніи военнаго искусства—и городъ по всей вѣроятности принужденъ будетъ къ сдачѣ продолжительнымъ бомбардированіемъ, если только дѣло дойдетъ до этой крайности. Теперь-же всѣ дома въ поясѣ укрѣпленій очищены и частью разрушены; лѣса въ окрестностяхъ города вырублены и сожжены; въ самомъ городѣ уничтожено все, что могло бы стѣснить его защиту, и собрано продовольствія на нѣсколько мѣсяцевъ. Очевидно, для защиты Парижа Франція напрягаетъ свои послѣднія усилія; но будутъ ли прусскія арміи осаждать столицу, или обойдутъ ее и направятся късѣверу (какъ того повидимому ожидаетъ временное правительство, объявившее декретомъ отъ 10-го сентября Гавръ и его окрестности въ осадномъ положеніи) и къ востоку, занимая города и налагая контрибуцію,—во всякомъ случаѣ положеніе Франціи безнадежно, и ее едва ли можетъ спасти что-нибудь кромѣ дѣятельнаго посредничества Европы. Но и на посредничество это надежды мало, если примемъ въ соображеніе заявленіе, сдѣланное на банкетѣ въ Шотландіи британскимъ канцлеромъ казначейства, какъ сообщаютъ о томъ лондонскія газеты, отъ 17-го сентября. «Англія, — сказалъ онъ, — истощившая всѣ дипломатическія средства для предупрежденія войны, не можетъ сдѣлать попытки къ посредничеству, не выходя изъ нейтральнаго положенія, и не нарушая интересовъ какой-либо изъ воюющихъ сторонъ. Онѣ взялись за оружіе—пусть же оружіе и рѣшитъ дѣло. Побѣдитель лучше всѣхъ опредѣлитъ, какія обезпеченія необходимы для прочнаго мира».

Въ то время, когда Франціи грозитъ неизбѣжное пораженіе и готовится переворотъ, долженствующій измѣнить весь видъ Европы,—рѣшается почти незамѣтно другой вопросъ, еще недавно сосредоточивавшій на себѣ общее вниманіе и нынѣ отодвинутый на задній планъ громадными событіями, небывалыми въ мірѣ послѣ погромовъ первой имперіи. Вопросъ этотъ—римскій. Выводъ французскаго оккупаціоннаго корпуса изъ папскихъ владѣній съ новою силой возбудилъ въ Италіи національное желаніе сдѣлать Римъ столицей королевства. Желаніе это начало проявляться такъ настоятельно, что неисполненіе его грозило опасностью монархіи короля Виктора Эммануила—и тѣмъ болѣе что во Франціи провозглашена республика. Италіянское правительство принуждено было силою самихъ вещей придвинуть войско къ границамъ папской области, и между тѣмъ отправило для переговоровъ съ папой графа де Понца-Санъ-Мартино, съ предложеніемъ, какъ увѣряютъ, удовольствоваться частью вѣчнаго города, носящею названіе *Città Leonina*,—съ сохраненіемъ содержанія, которое получалъ папа до сихъ поръ, и съ правомъ имѣть своихъ представителей при католическихъ дворахъ. Слухи носились также, что ему предлагали отправиться на островъ Мальту для временнаго тамъ пребыванія; послѣднее предложеніе будто бы сдѣлано было Пію IX Англіей, которая даже прислала въ его распоряженіе одинъ изъ военныхъ пароходовъ, дѣйствительно находившійся нѣкоторое время въ гавани Чивита-Веккіи. Повидимому переговоры итальянскаго правительства не увѣнчалось успѣхомъ: италіянскія войска, стоявшія на папской границѣ, подъ предводительствомъ генерала Кадорны, получили повелѣніе вступить на римскую територію,—а папское правительство, заявивъ передъ иностранными представителями, протестъ противъ занятія его владѣній, дало повелѣніе своей маленькой арміи вооружиться. Разумѣется, эта ничтожная армія не можетъ и думать о сопротивленіи передъ многочисленнымъ войскомъ Италіи, но папа желаетъ повидимому доказать, что онъ уступаетъ только вооруженному насилію. Между тѣмъ, 14-го сентября, италіянскія войска вступили на папскую территорію—и повсюду въ провинціи Витербо были встрѣчены съ восторгомъ. При Чивита-Кастелланъ, авангардъ генерала Кадорны обмѣнялся нѣсколькими выстрѣлами съ папскими зуавами, но затѣмъ городъ положилъ оружіе. Другіе отряды занимали безъ сопротивленія папскіе города и наконецъ вступили 16-го сентября въ Чивита-Веккію, гдѣ населеніе украсило городъ трехцвѣтными италіянскими знаменами и привѣтствовало вступающія италіянскія войска въ городъ криками: «да здравствуетъ король Италіи!» Генералъ Кадорна отправилъ парламентера къ папскому главнокомандующему, генералу Канцлеру, съ требованіемъ допустить его въ Римъ; но послѣдній отвѣчалъ отказомъ, который конечно не помѣшалъ италіянскимъ войскамъ занять папскую столицу, тѣмъ болѣе, какъ извѣщаетъ флорентійская *Independenza*, что граждане Рима требуютъ допущенія италіянскихъ войскъ и цѣлыми массами заняли городскія улицы. Депутація ихъ отправилась къ кардиналу Антонелли съ просьбой запретить зуавамъ сопротивленіе, которое поведетъ только къ безполезному кровопролитію. Рѣшеніе кардинала пока неизвѣстно; но та же газета утверждаетъ, что папа останется въ Римѣ, если замокъ св. Ангела и предоставленная ему Città Leonina не будутъ заняты войскомъ, а занимать ихъ италіянское правительство не предполагало и прежде.

Въ австро-венгерской монархіи послѣдовало 17-го сентября торжественное открытіе рейхсрата, на который всѣ областные сеймы, кромѣ чешскаго, прислали своихъ уполномоченныхъ. Президентомъ палаты назначены г. оберъ-гофъ-маршалъ графъ Кюфштейнъ, вице-президентами графъ Врбна и графъ Фюнфкирхенъ, и новыми членами министры графъ Таафе и гг. Чабушнигъ и Гольцегетанъ. Палата открыта тронною рѣчью императора, которая начинается такъ: «Тогда какъ обширныя территоріи страдаютъ отъ кровавой войны, Австрія наслаждается благами мира, и это спокойствіе

должно упрочить ея конституціонныя учрежденія». Далѣе императоръ выражаетъ свое удовольствіе, что собрались члены рейхсрата, и сожалѣніе, что между ними нѣтъ представителей Чехіи, чего онъ не желаетъ отнести къ недостатку патріотизма ея жителей; правительство постарается обезпечить ея участіе въ трудахъ настоящей сессіи. Назначеніе рейхсрата: совѣщаться о мѣрахъ, при содѣйствіи коихъ можно будетъ согласить потребности отдѣльныхъ провинцій съ интересами монархіи, не уклоняясь отъ принциповъ конституціи; нынѣшней сессіи предстоитъ: выборъ делегацій, устройство отношеній церкви къ государству вслѣдствіе отмѣны конкордата, разсмотрѣніе бюджета, преобразованіе университетовъ и обсужденіе еще нѣкоторыхъ законовъ.

На Востокѣ самое замѣчательное событіе послѣдняго времени есть рѣшеніе нескончаемыхъ споровъ между Портой и Черногоріей по поводу пастбищъ Вели и Мало Брдо. 7-го сентября специальная коммиссія, обсуждавшая этотъ вопросъ, постановила, что спорныя пастбища должны отойдти къ Турціи, которая выплатитъ князю черногорскому 120,000 флориновъ. Послѣдній на это выразилъ согласіе съ условіемъ, чтобы сумма эта была ему выплачена немедленно. Другое происшествіе, хотя теперь и не важное, но могущее пріобрѣсти большіе размѣры и сдѣлаться опаснымъ для Порты, есть мятежъ въ Иракъ-Араби, для укрощенія котораго отправлено войско.

Смѣсь.

Честный воръ. Канадская газета «Journal de Québec» ручается за достовѣрность слѣдующаго разсказа.

Два года тому назадъ, нѣкто г. Жируаръ, адвокатъ, ѣхалъ на пароходѣ. Во время плаванія у него украли бумажникъ, въ которомъ было 500 долларовъ. Всѣ поиски остались напрасны и пришлось покориться. Онъ почти уже забылъ о случившемся съ нимъ несчастіи, какъ вдругъ однажды получаетъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь!
Бумажникъ вашъ украденъ мною. Посылаю вамъ при семъ всѣ бумаги, которыя въ немъ находились, кромѣ вашихъ 500 долларовъ. Не бойтесь однако за нихъ: вы все получите обратно. Я честный человѣкъ, хотя въ настоящемъ случаѣ все говоритъ противъ меня. Нужда заставила меня занять у васъ эту сумму. До тѣхъ поръ, пока я не буду въ состояніи выплатить вамъ ее, буду посылать вамъ проценты.

Честный воръ».

Честный воръ сдержалъ слово. Три раза уже онъ присылалъ г. Жируару проценты съ 500 долларовъ, а недавно кромѣ того возвратилъ и часть капитала.

Новое изобрѣтеніе. Надо сказать правду: на погребальныхъ торжествахъ до сихъ поръ скука была смертная. Не танцовать же подъ похоронный маршъ, а на похоронномъ обѣдѣ не пить же за здравіе покойника. Итакъ, лейпцигскій пиротехникъ Вагнеръ оказалъ истинную услугу живымъ, объявивъ о своемъ изобрѣтеніи «знаменующемъ новую эпоху». Изобрѣтеніе это — такъ-называемые траурные фейерверки, особенно пригодные для употребленія днемъ, на погребальныхъ торжествахъ. Заключается дѣло въ слѣдующемъ. Вагнеръ изобрѣлъ такой химическій составъ, который, будучи зажженъ, испускаетъ густой, черный, но скоро улетучивающійся дымъ, а будучи поднятъ на воздухъ при помощи пороха—производитъ тѣ же самыя явленія днемъ сплошными черными массами, какія ночью производятъ огни. Испытано уже множество комбинацій, такъ что въ лабораторіи Вагнера можно получить ракеты, снопы, колеса и пр. Нѣтъ недостатка также и въ цвѣтныхъ звѣздахъ, которыя на черномъ фонѣ выходятъ весьма красиво. Увѣряютъ, что большой, сложный фейерверкъ этого рода производитъ впечатлѣніе мрачно-величественное, вполнѣ соотвѣтствующее характеру погребальнаго торжества,—тогда какъ отдѣльныя или слѣдующія одна за другою группы, хотя и нравятся, но много теряютъ эфекта, потому что днемъ, когда столько предметовъ отвлекаютъ взоры и вниманіе, могутъ дѣйствовать только массовые эфекты. За то дѣйствіе получается потрясающее. Прочитавъ подробное описаніе этого оригинальнаго изобрѣтенія въ лейпцигскомъ техническомъ листкѣ, пражскій пиротехникъ г. Губеръ, съ нѣсколькими группами изъ Вагнеровой лабораторіи, сдѣлалъ опытъ въ присутствіи специалистовъ и результатъ превзошелъ всѣ ожиданія; особенно понравились ракеты крупнаго калибра, которыя высоко на воздухѣ разсыпаются черными гроздьями или кистями.

Парижскій Cercle Impérial. Изъ всѣхъ современныхъ аристократическихъ клубовъ едва ли одинъ сравнится съ парижскимъ Cercle Impérial, какъ по общественному положенію его членовъ, такъ и по великолѣпному устройству. Чтобы дать о немъ понятіе нашимъ читателямъ, заимствуемъ изъ «Journal de Paris» слѣдующій обзоръ финансовой и хозяйственной его части. Расходы 1869 г. достигли въ итогѣ 255,216 франковъ, приходу же было 344,874 фр., такъ что, по сведеніи баланса, осталось въ излишкѣ 89,658 фр. Отдѣльныя приходныя статьи слѣдующія: членскіе взносы—144,700 фр.; карточныхъ—138,081½ фр. (куплено же картъ было на 14,093½ фр.); бильярды принесли 8,299¼ фр. Затѣмъ расходы: за помѣщеніе платится 52,000 фр. ежегоднаго найма; разныхъ пошлинъ и страховыхъ премій — 6,100 фр. (изъ чего видно, что квартирныя цѣны въ Парижѣ еще значительно выше, чѣмъ у насъ въ Петербургѣ); жалованье служащимъ и прислугѣ — 57,600 фр., а на ливреи и простое платье—еще 9,000 фр.; освѣщеніе газомъ и стеариновыми свѣчами обходится въ 19,000 фр., стирка на служащихъ—6,600 фр.; на поправки и содержаніе — 35,300 фр. Пособій и пожертвованій выдано благотворительнымъ бюро клуба 7,800 фр. Особенно интересна статья подписки на періодическія изданія. Клубъ получаетъ (будто-бы) *всѣ* (??) газеты и журналы, выходящіе на всей землѣ, и эта подписка ежегодно стоитъ 12,800 фр. Содержаніе клубнаго сада, напротивъ, дешево — только 2,000 фр. въ годъ. За то внушительны клубные погреба, стоимость которыхъ въ бюджетѣ оцѣнена въ 91,384⅗ фр.—значитъ могла бы конкурировать уже съ порядочной виноторговлей. Сигаръ ежегодно потребляется на 7,450 фр. Не менѣе грандіозна клубная кухня, пользующаяся большой славой. Расходы на нее въ 1869 г. равнялись 22,300 фр.; приходъ съ нея — 54,500 фр., не считая экстренно-потребованныхъ винъ, которыя принесли еще—26,700 фр. Взаключеніе замѣтимъ, что такъ-называемое активное имущество клуба, или основный капиталъ его, равняется 450,000 фр. Число членовъ, по уставу, не можетъ превышать 700 человѣкъ. Годичный членскій взносъ опредѣленъ въ 300 фр. Проживающіе въ Парижѣ послы, посланники, полномочные министры и пр. дѣлаются членами, просто посылая взносъ. Почетными членами числятся слѣдующія коронованныя и царственныя особы: короли баварскій, итальянскій, нидерландскій, португальскій, виртембергскій, бельгійскій, великій герцогъ баденскій, герцогъ кэмбриджскій, наслѣдный принцъ Фридрихъ Вильгельмъ прусскій, принцъ Адальбертъ баварскій, принцъ оранжскій, наслѣдный принцъ шведскій.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 11 Сентября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск и Влад. д. № 45—1

№ 38. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Комната дяди Джофрея.

(*Продолженіе*).

II.

Накануне Новаго Года въ Эрнклифѣ собрались гости на балъ, съ тѣмъ чтобы провести и весь слѣдующій день, въ который назначался ужинъ фермерамъ. Нѣтъ нужды описывать гостей: всѣ они были привѣтливые, добрые люди, большею частью старинные друзья и близкіе сосѣди Пагонелей; я встрѣчалась съ ними ежегодно, пріѣзжая погостить въ Ернклифѣ на праздникахъ, и всѣ они бывали чрезвычайно любезны со мной, а теперь услыхавъ, что я гощу здѣсь уже въ послѣдній разъ, горячо изъявляли свое сожалѣніе о моемъ отъѣздѣ изъ Англіи. Единственною незнакомою мнѣ личностью, исключая миссъ Мортонъ (о помѣщеніи которой такъ много хлопотали), была миссъ Барнетъ, богатая наслѣдница, пріѣхавшая въ сопровожденіи лорда-лейтенанта изъ Лесчель-Акра. Я не могла удержаться отъ желанія повнимательнѣе всмотрѣться въ нее, и признаюсь, во мнѣ шевельнулось недоброе чувство какой-то досады на то, что эта дѣвушка была замѣчательно хороша собою, такъ молода, такъ проста въ обхожденіи, а пуще всего о такой степени непритворно очарована грандіознымъ видомъ замка и широкимъ просторомъ парка, которымъ они проѣзжали, что я, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, чуть не обвинила ее въ желаніи покорить себѣ сердце Гюго лестною похвалою дому, нѣжно имъ любимому. При моихъ дѣтскихъ понятіяхъ о томъ, что такое наслѣдница богатаго имѣнія, я нѣсколько удивилась, увидя ее въ невзрачномъ темнаго цвѣта платьицѣ и въ простой соломенной шляпкѣ; но когда, послѣ обѣда, мы пошли переодѣваться, я слышала, какъ лэди Лесчель сказала мистриссъ Пагонель, что она убѣдила Изабеллу захватить съ собой все ея брилліанты, на которые дѣйствительно стоило посмотрѣть. Повинуясь совѣту лэди Лесчель, Изабелла явилась въ гостинную, гдѣ мы всегда танцовали, вся сверкая брилліантами: они горѣли и сіяли какъ звѣзды на корсажѣ ея кружевнаго бѣлаго платья и въ густой массѣ чудныхъ темнорусыхъ волосъ. Она немного краснѣла, когда болѣе короткіе знакомые подходили и любовались ея драгоцѣнностями, и застѣнчиво объясняла, что это Лесчели заставили ее надѣть брилліанты, какъ будто-бы она боялась, что ее обвинятъ въ намѣреніи выставить ихъ на показъ. Во мнѣ снова пробудилась неразумная досада на ту милую неувѣренность въ себѣ, которая составляла такой разительный контрастъ съ ея пышными украшеніями,—и мнѣ горько было видѣть въ зеркалѣ свою высокую фигуру въ незатѣйливомъ кисейномъ платьѣ (сшитымъ мною собственноручно подъ наблюденіемъ дѣвушки мистриссъ Пагонель) и съ простой вѣткою зелени въ темныхъ волосахъ. Видъ моего лица, искаженнаго непріязненнымъ выраженіемъ, заставилъ меня немного опомниться и придти въ себя; я поскорѣе отвернулась отъ зеркала и направилась въ бальную залу, стараясь принять участіе въ общемъ веселье. Балъ начался и продолжался съ большимъ одушевленіемъ; у меня не было недостатка въ кавалерахъ, и полному моему веселью мѣшало только то, что Гюго въ продолженіи всего вечера ни разу не танцовалъ со мною, — подобное обстоятельство случилось въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ я участвовала на всѣхъ празд-

никахъ въ Ернклифѣ, т. е. съ моего семилѣтняго возраста. Въ прежнее время я бы не стѣсняясь могла подойти къ нему и сдѣлать выговоръ за такую небрежность; теперь же, хотя я и жестоко страдала, но—чтобы не выдать себя—нарочно старалась казаться крайне веселою, особенно когда Гюго случалось стоять и танцовать съ миссъ Барнетъ неподалеку отъ меня. Кончилось тѣмъ, что я положительно измучилась подъ конецъ вечера, и сердечно обрадовалась видя, что тѣ изъ гостей, которые не намѣревались остаться въ Ернклифѣ, начинаютъ понемногу разъѣзжаться домой; а когда сквайръ настоялъ на томъ, что балъ долженъ прекратиться съ отъѣздомъ сэра Роджера де-Коверлея, я украдкою пробралась въ маленькую комнату, которая примыкала къ гостиной и называлась *комнатою чаръ*—не потому собственно, чтобы въ ней дѣйствительно существовало какое-нибудь колдовство, а больше вслѣдствіе того, что предки Пагонелей любили всегда имѣть подъ рукою чару глубокую и пригубить ее когда угодно. Въ этой комнаткѣ, очень похожей на маленькій уютный будуаръ, я увидѣла Беатрису, которая сидѣла одна—блѣдная и растроенная. Я сильно перепугалась, найдя ее въ такомъ состояніи, и громко воскликнула: «что съ вами, Беатриса? Вѣдь вы похожи на привидѣніе.

— Не говорите мнѣ, ради Бога, о привидѣніяхъ, отвѣчала она съ легкой дрожью: — мнѣ стыдно самой себя, Кэтти. У меня настоящій нервный припадокъ, а это такъ непохоже на меня.

— Вы нездоровы, Беатриса?

— Совсѣмъ нѣтъ, просто глупость! Слушайте, я вамъ разскажу: вы вѣдь знаете, Кэтти, что я не могу долго танцовать—у меня сейчасъ же заболитъ бокъ, точно такъ же и Маргарита Дьюси; вотъ мы съ ней и пошли отдохнуть въ эту комнатку. Къ намъ присоединились наши кавалеры, мы всѣ усѣлись тутъ и какъ-то завели разговоръ о фамильныхъ портретахъ, которые висятъ въ залѣ, потомъ мы постепенно перешли къ толкамъ о комнатѣ дяди Джофрея, и мнѣ пришлось разсказать всю исторію.

— И вы струсили? О, Беатриса, какое это торжество для меня! Вѣдь я считала васъ такою разсудительною и не думала, что вы боитесь привидѣній и тому подобныхъ ужасовъ.

— Вовсе не то меня напугало, отвѣчала она,—но когда вслѣдъ за мною Маргарита Дьюси разсказала свою фамильную исторію о привидѣніяхъ, а капитанъ Лесчель завершилъ эти розсказни еще болѣе ужасными—вотъ я и сплошала. Вѣдь вы знаете, какъ я не люблю разговоровъ о привидѣніяхъ, считая это пустой тратой времени и разстройствомъ нервъ изъ-за пустяковъ. Но я не могла остановить капитана Лесчеля; притомъ вѣдь никто-же изъ нихъ не зналъ, что нынѣшнюю ночь мнѣ придется спать въ той ужасной, уединенной комнатѣ.

— Вы не ляжете тамъ! вскричала я,—я уступлю вамъ свою комнату, милая Беатриса, а сама съ удовольствіемъ помѣщусь внизу на эту ночь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я совсѣмъ не такая эгоистка, отвѣчала Беатриса, — повѣрьте, лишь только я лягу въ постель—тотчасъ же совершенно успокоюсь. Право, я никакъ не могу объяснить себѣ причину моего глупаго, нервнаго припадка; это такъ странно, такъ непонятно.

— Ничего нѣтъ страннаго, моя милая. Вспомните, что вы сегодня встали въ пять часовъ утра, чтобы заняться приготовленіями къ вечернему столу, и все время были положительно завалены работой. Вы можете обладать сверхъестественною силою духа, но въ отношеніи тѣлесномъ вѣдь не Геркулесъ-же вы въ самомъ дѣлѣ? а нервы, какъ вамъ извѣстно, повинуются тѣлу.

Между тѣмъ балъ кончился, гости разъѣзжались, и мы должны были выдти изъ нашего уютнаго убѣжища.

У двери стоялъ Гюго, крѣпко прислонясь къ стѣнѣ, и угрюмо но внимательно смотрѣлъ на тотъ конецъ гостиной. Слѣдуя за направленіемъ его взгляда, я съ болью въ сердцѣ замѣтила, что глаза Гюго были прикованы къ миссъ Барнетъ, которая въ эту минуту разговаривала съ капитаномъ Лесчелемъ; ослѣпительный блескъ брилліантовъ еще болѣе увеличивалъ ея красоту.

— Ты любуешься Изабеллой, Гюго? послышался мнѣ тихій шепотъ Беатрисы.

— Я любуюсь ея драгоцѣнностями, отвѣчалъ онъ,— жаль только, что онѣ не совсѣмъ идутъ къ ея русымъ волосамъ. Какъ-бы они хорошо выдѣлились на черныхъ косахъ! Я большой любитель брилліантовъ.

— Да, многіе не равнодушны къ нимъ, возразила улыбаясь Беатриса.

— Какъ-бы я желалъ, чтобы моя суженая всегда носила такіе же великолѣпные брилліанты!

— За чѣмъ же дѣло стало, Гюго? отвѣчала сестра, смотря на него своимъ задумчивымъ серіознымъ взглядомъ,—ты вѣдь знаешь, съ чего надо начать. Мужайся, мой другъ, храбрость города беретъ.

— Ты поняла меня совершенно въ другомъ смыслѣ; брилліанты должны быть куплены на мои собственныя деньги—иначе я ихъ въ грошъ не поставлю!.. и Гюго отошелъ отъ насъ, чтобы подать руку какой-то дамѣ и усадить въ карету.

Слова Гюго привели меня въ восторгъ; сердце мое какъ-то радостно, сладко забилось—и я уже совершенно чистосердечно начала съ Беатрисой расточать похвалы красотѣ миссъ Барнетъ. Прошло нѣсколько времени, пока гостей провожали въ назначенныя для нихъ комнаты,—и какъ только они всѣ окончательно размѣстились, я сейчасъ же увела Беатрису въ маленькую комнатку, гдѣ я всегда спала. Беатриса сильно устала и была чрезвычайно блѣдна; хотя я и знала, что не легко будетъ убѣдить ее отказаться отъ ея намѣренія, но я все-таки твердо рѣшилась не позволять ей провести ночь въ ужасной комнатѣ внизу.

— Беатриса, начала я, стараясь быть какъ можно настойчивѣе, — я помогу вамъ раздѣться, укутаю въ блузу и уложу въ постель; а сама, захвативъ свои пожитки, отправлюсь спать внизъ. Я твердо рѣшилась помѣняться съ вами мѣстами на нынѣшнюю ночь.

— Этому не бывать, Кэтти; мнѣ и безъ того стыдно самой себя, а вы еще предполагаете, что я способна поступить въ этомъ случаѣ такъ эгоистично.

— Нисколько я этого не думаю... Вѣдь вы знаете, что я большая любительница приключеній—и такъ какъ теперь предстоитъ удобный случай отважиться, то зачѣмъ-же мѣшать мнѣ въ удовольствіи пошутить и повеселиться? кстати же у меня сегодня нѣтъ ни малѣйшаго разстройства нервъ.

— Что̀ ни говорите, все равно, я не соглашусь, настаивала Беатриса, — знаете что̀... нельзя ли намъ какъ-нибудь помѣститься здѣсь обѣимъ вмѣстѣ? И она посмотрѣла внимательно на крохотную кроватку, которая съ трудомъ была втиснута въ мою комнатку—какъ разъ отъ стѣны до стѣны. Я разсмѣялась этой мысли, но очень обрадовалась, замѣтивъ, что Беатриса колеблется; еще немногими настойчивыми словами мнѣ уда-

лось окончательно достигнуть своей цѣли—Беатриса въ самомъ дѣлѣ сильно устала и такъ расклеилась, что не въ силахъ была противорѣчить мнѣ. Въ одномъ только ее нельзя было уговорить; она настояла на томъ, что поможетъ мнѣ перенести мои вещи внизъ и посмотритъ, удобно-ли мнѣ будетъ спать на новомъ мѣстѣ. Но это я охотно позволила ей сдѣлать, зная очень хорошо, что прислуга еще не спитъ, слѣдовательно Беатрисѣ не страшно будетъ возвращаться ночью по мрачному дому.

Дверь комнаты дяди Джофрея издала странный, рѣзкій скрипъ, тяжело повернувшись на ржавыхъ петляхъ; а свѣчи, которыя мы держали въ рукахъ, лишь усугубили непроницаемый мракъ этой комнаты. Да, дѣйствительно, это была ужасная комната—помимо всѣхъ воспоминаній о преступленіи, угрызеніяхъ совѣсти и одинокихъ мукахъ страданія, которыя казалось тяготѣли надъ нею. Какъ большая часть комнатъ въ Ериклифѣ, она была выложена дубомъ; амбразуры оконъ были такъ глубоки, что образовали собой какъ бы еще маленькія комнаты, свидѣтельствуя о громадной толщинѣ стѣнъ, — и только на половину были скрыты маленькими занавѣсками, до такой степени оборванными и гнилыми, что мнѣ невольно показалось, будто-бы эти занавѣски велись съ самыхъ временъ дяди Джофрея. Все убранство комнаты состояло изъ множества изломанныхъ столовъ, стульевъ и всякой мебели, вынесенной изъ другихъ комнатъ замка сюда какъ негодный хламъ, а по срединѣ очищено было мѣсто для маленькой желѣзной кровати — воспоминаніе о бивачныхъ дняхъ самого сквайра — и еще наскоро приготовленъ уборный столикъ съ рукомойникомъ (необходимѣйшей принадлежностью девятнадцатаго столѣтія), который какъ бы скрашивалъ собой весь упадокъ и запущенность этой комнаты. Служанка забыла или просто побоялась въ сумерки взойдти сюда чтобы развести огонь—и потому дрова въ каминѣ совсѣмъ погасли. Это было первое что̀ поразило Беатрису—и вся дрожа, она сказала мнѣ:

— О, моя милая Кэтти, какъ здѣсь страшно—и огонь-то даже позабыли развести!

— Нисколько не страшно; напротивъ, все какъ слѣдуетъ, возразила я, — какъ и должно быть въ комнатѣ привидѣній; иначе она бы потеряла весь свой заманчивый интересъ и походила бы на всѣ остальныя комнаты въ замкѣ. Ну, Беатриса, теперь идите поскорѣе ложитесь спать; захватите подъ мышку всѣ ваши вещи — и до свиданія.

— Я не могу оставить васъ здѣсь, медленно проговорила она; но мой умъ былъ такъ настроенъ къ приключеніямъ, что я бы ни за что не согласилась уступить ей. Я смѣялась надъ опасеніями и тревогою Беатрисы—и увѣряла, что если она еще простоитъ нѣсколько времени на такомъ холоду, то пожалуй сама обратится въ призракъ. Наконецъ мнѣ удалось окончательно убѣдить ее—поскорѣе лечь въ постель; когда же я въ послѣдній разъ поцѣловала ее, то замѣтивъ, что она смущенно и тревожно смотритъ на меня, сказала: «милая моя, пожалуйста, не опасайтесь за меня: вы знаете, что у меня совсѣмъ нѣтъ нервовъ, и я никогда ничего не пугалась въ моей жизни.

Безумныя, хвастливыя слова!.. я часто говаривала такъ до сихъ поръ, но съ этого вечера мнѣ уже ни разу не случалось повторять ихъ.

(Окончаніе будетъ).

Шульце-Деличъ,

творецъ рабочихъ ассоціацій въ Германіи.

Примѣненія пара въ фабричномъ производствѣ, изобрѣтенія все лучшихъ и совершеннѣйшихъ машинъ породило совершенно новыя отношенія между рабочими и фабрикантами, между трудомъ и капиталомъ. Происшедшія измѣненія отозвались неблагопріятно на трудѣ; капиталъ получилъ всѣ преимущества и выгоды этихъ измѣненій.

Въ прежнее время, при старомъ цеховомъ устройствѣ, каждое ремесленное и фабричное производство представляло замкнутую корпорацію, огражденную законами отъ всякихъ другихъ, могущихъ съ нею конкурировать. Производство каждаго предмета разсчитывалось сообразно спросу на него, ограничиваясь только роднымъ и никакъ не далѣе какъ сосѣднимъ городомъ. Отношенія между мастерами и подмастерьями, между хозяевами и рабочими—были ровнѣе. Не было тѣхъ колебаній въ заработной платѣ, потому что число рабочихъ рукъ было ограничено и разсчитано.

Примѣненія машинъ въ фабричномъ и ремесленномъ производствѣ рушили корпоративное цеховое устройство. Произведенія стали выдѣлываться въ большемъ количествѣ, слѣдовательно и дешевле—и не для одной только ограниченной мѣстности, какъ прежде, а для всемірнаго рынка. Вслѣдствіе дешевизны—большій спросъ; вслѣдствіе этого — опять-таки обширнѣйшее производство, большая дешевизна и т. д. до безконечности. Мелкіе ремесленники и вообще всѣ неимѣвшіе достаточнаго капитала для производства въ большихъ размѣрахъ—не могли конкурировать; они исчезли—и изъ прежнихъ (хотя мелкихъ, но все таки независимыхъ) собственниковъ стали простыми рабочими, кусокъ хлѣба которыхъ зависѣлъ отъ всякаго рода малѣйшихъ случайностей. Промышленные классы раздѣлились на два почти что враждебные лагеря: на капиталистовъ и рабочихъ, на эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ. Цѣль первыхъ—возможно-большій барышъ на свой капиталъ; цѣль вторыхъ—возможно-большая заработная плата. Достигнуть этихъ цѣлей, не вредя другъ другу, возможно было только въ томъ случаѣ, когда требованія на извѣстные предметы были велики, производство шло въ очень обширныхъ размѣрахъ. Въ противномъ случаѣ капиталистъ сокращалъ производство, а какъ слѣдствіе этого—лишалъ половину (а иногда и болѣе) своихъ рабочихъ насущнаго куска хлѣба. Не удивительно поэтому, что эти отставленные предлагали свои услуги за болѣе низкую плату, чѣмъ существующая на фабрикахъ, понижая этимъ самымъ заработную плату и на другихъ тому подобныхъ. Дѣло доходило до того, что тѣхъ несчастныхъ грошей, которые рабочій получалъ за свой ежедневный тяжелый трудъ, не доставало даже на самыя первыя насущныя потребности. Логическія послѣдствія этаго: нищета, развратъ, деморализація.

Дѣти въ особенности страдаютъ отъ такого положенія вещей. Отецъ и мать, если они только могли

получить работу, занимаются на фабрикѣ съ утра до поздней ночи; болѣе взрослые дѣти, способные къ труду, тоже занимаются; остаются дома грудные да малолѣтніе. Въ темныхъ и затхлыхъ подвалахъ (ибо таковы по большей части жилища рабочихъ) проводятъ они цѣлый день безъ всякаго присмотра, безъ всякаго надзора. Если иногда и поручается присмотрѣть за ними, то обыкновенно только пьянымъ и развратнымъ старухамъ, потому что все другое лучшее населеніе работаетъ. Можно представить себѣ, какіе должны образоваться люди подъ руководствомъ такихъ воспитателей. Статистика показываетъ, что въ Англіи—гдѣ фабричное производство, а съ нимъ вмѣстѣ и бѣдность достигли громадныхъ размѣровъ,—число безъ вѣсти пропавшихъ дѣтей, малолѣтнихъ преступниковъ, дѣтей преждевременно-умершихъ отъ голоду, болѣзней и всякаго рода недостатковъ, въ среди рабочаго населенія, представляетъ ужасающую цифру.

Таково положеніе рабочаго класса, которому величайшія изобрѣтенія нашего вѣка принесли только горе и нищету. Несообразность такого отношенія между рабочими и фабрикантами бросается каждому въ глаза. Соціальный бытъ общества, его неправильности и недостатки подверглись строгой научной критикѣ. Рабочій вопросъ занялъ первое мѣсто—и въ наукѣ, и въ литературѣ. Явились попытки практическаго и теоретическаго рѣшенія. Въ особенности французы, со всею свойственною имъ живостью и любовью къ реформѣ, занялись этимъ труднымъ вопросомъ. Въ короткое время смѣнилось нѣсколько системъ и пресловутыхъ теорій, которыя всѣ признавали единственнымъ средствомъ: перестройку и измѣненіе всего существующаго порядка вещей. Конечно, подобныя фантастическія предположенія должны были разбиться о дѣйствительность—при первой же попыткѣ провести ихъ въ жизнь. Правительственное вмѣшательство, безъ котораго всецентрализующій духъ французовъ не можетъ обойтись, показало всю безполезность и непрактичность этихъ теорій. Національныя мастерскія, послѣ революціи 1848 г., искуственно-вызванныя къ жизни умнымъ, но непрактичнымъ Луи-Бланомъ, не могли долго держаться. Ложныя основанія, на которыхъ онѣ были построены, не выдержали; мастерскія погибли—и тѣмъ показали всю несостоятельность подобнаго рода попытокъ. Кровавыя битвы на улицахъ Парижа и возстаніе фанатическаго пролетаріата отвратили—и безъ того мало-сочувствовавшее—зажиточное населеніе отъ соціальныхъ вопросовъ и отъ всѣхъ попытокъ ихъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Только Луи-Наполеонъ, который понялъ все значеніе соціальнаго вопроса, воспользовался имъ, какъ лучшимъ союзникомъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Возвысившись до престола общею подачею голосовъ, онъ съумѣлъ искуственнымъ, но недолговѣчнымъ облегченіемъ рабочаго класса привлечь этотъ послѣдній на свою сторону.

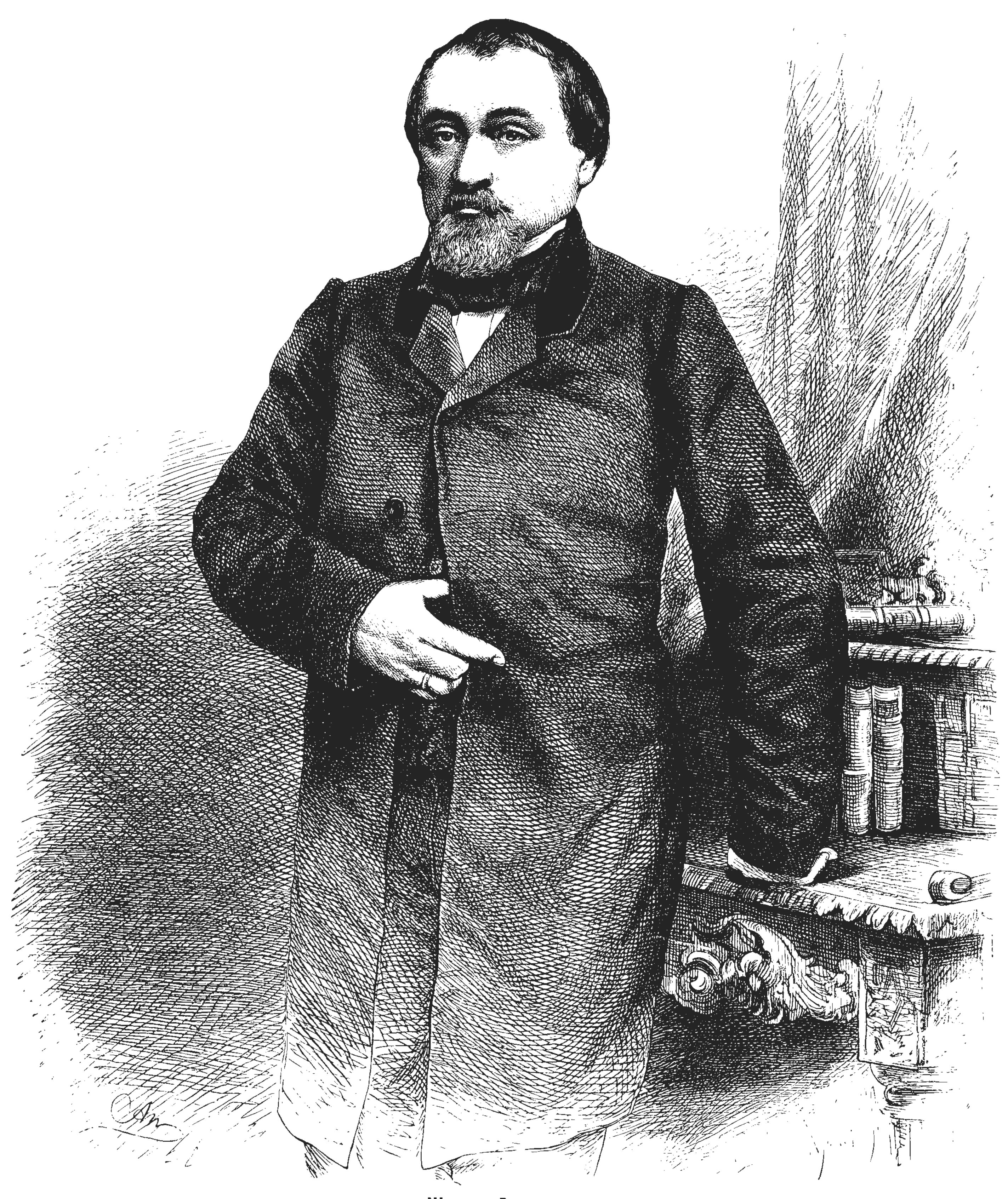
Практичнѣе были поняты и поведены попытки соціальныхъ преобразованій англичанами, народомъ промышленнымъ, въ духѣ котораго лежитъ любовь ко всему практичному и антипатія ко всякого рода отвлеченнымъ теоріямъ. Еще въ 1800 году, знаменитый Робертъ Овенъ старался улучшить положеніе своихъ рабочихъ. Онъ исходилъ изъ той мысли, что образованіе и участіе въ полученіи извѣстной части прибыли—могутъ улучшить бытъ рабочихъ нравственно и матеріально. На этихъ то началахъ и была основана въ Шотландіи фабрика Нью-Ленеркъ. Овенъ представлялъ свои проекты бывшему въ 1818 году конгрессу въ Ахенѣ и многимъ государственнымъ людямъ Франціи и Англіи; но парламентъ въ Англіи не принялъ его предложеній, потому что нѣкоторые взгляды Овена на религію и нравственность не вполнѣ согласовались съ существующими взглядами правительства и общества. Такъ напримѣръ, личный интересъ, по мнѣнію Овена, есть главный двигатель, главная пружина всѣхъ человѣческихъ поступковъ, а самъ человѣкъ не больше какъ продуктъ внѣшнихъ отношеній. Впрочемъ попытка его не пропала даромъ. Уже въ 40 годахъ, по его примѣру, въ сѣверныхъ частяхъ Ленкашира и Іоркшира образовались маленькія общины. Онѣ состояли по большей части изъ мѣстныхъ рабочихъ, которыхъ бѣдность и остановка фабричнаго производства побудили собраться вмѣстѣ, чтобы общими силами помочь горю. За этими первыми (не совсѣмъ удачными) попытками слѣдовали гораздо бóльшія ассоціаціи, цѣль которыхъ была нетолько помочь другъ другу въ бѣдѣ, но основать на болѣе правомѣрныхъ началахъ отношеніе труда къ капиталу.

Сначала ассоціаціи имѣли характеръ чисто-потребительный. Цѣль была та, чтобы за возможно-дешевую цѣну получить возможно-лучшій товаръ. Каждый членъ такой общины вносилъ извѣстное количество денегъ, на которыя оптомъ покупались всѣ необходимыя вещи—какъ-то: мясо, колоніальные товары, обувь, платье и проч. Обществу приходилось это дешево, потому что оно покупало все гуртомъ; покупателямъ же выгодно, во 1-хъ потому, что они пользовались извѣстною уступкою противъ цѣнъ въ другихъ магазинахъ и 2) продукты были всегда доброкачественны и свѣжи. Прибыль же получаемая обществомъ, за вычетомъ 5% на капиталъ, дѣлилась между потребителями сообразно ихъ закупкамъ. Этимъ путемъ достигались двѣ цѣли: 1) рабочій всегда имѣлъ доброкачественный продуктъ и 2) онъ пользовался извѣстною долею прибыли, которую могъ откладывать себѣ на черный день.

Но на время остановки фабричнаго производства все это не обезпечивало рабочаго отъ нужды и голодной смерти — потому что хотя у него и былъ маленькій капиталецъ, сбереженный долгимъ трудомъ, но этихъ денегъ могло хватить только на очень ограниченное время.

Рабочіе видѣли очень хорошо, что одна потребительная ассоціація не въ силахъ радикально измѣнить ихъ положеніе къ лучшему; поэтому они стали искать другихъ средствъ, которыя могли бы полнѣе и вѣрнѣе измѣнить это положеніе. Такимъ средствомъ явилась ассоціація производительная. Но такимъ ассоціаціямъ предстояло на пути слишкомъ много препятствій, преодолѣть которыя было не совсѣмъ легко. Не многія изъ нихъ достигли современнаго благосостоянія; большинство кончило ничѣмъ, потому что главнымъ двигателемъ подобной ассоціаціи является капиталъ, могущій конкурировать съ капиталами монополистовъ.

Ассоціацій потребительныхъ появилось въ Англіи громадное количество, такъ-что въ 1861 г. ихъ насчитывали болѣе 400, съ 50,000—60,000 членовъ, съ капиталомъ въ 2 милліона ф. ст. и съ ежегоднымъ оборотомъ въ 6 мил. ф. ст. Для того что бы дать понятіе о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, которые сдѣланы нѣкоторыми ихъ нихъ, небезъинтересно привести исторію одной такой ассоціаціи, а именно Рочдельской. Ассоціація эта была основана въ 1844 году 20-ю

Шульце-Деличъ.

членами съ капиталомъ въ 28 ф. ст. Въ настоящее же время она насчитываетъ болѣе 3000 членовъ, обладаетъ капиталомъ въ 35,000 ф. ст. съ ежегоднымъ оборотомъ въ 160,000 ф. ст. Чистая прибыль простирается до 16,000 ф. ст. Платье, бѣлье и другія т. п. вещи она получаетъ изъ собственныхъ своихъ мастерскихъ.

Кромѣ того, преимущественно членами той же общины, основаны двѣ производительныя ассоціаціи. Изъ нихъ первая, мукомольная мельница, основанная въ 1852 году 250-ю членами, имѣя 2800 ф. ст. основнаго капитала, уже въ первый годъ своего существованія сдѣлала оборотъ на 7000 ф. ст. и получила чистой прибыли 360 ф. ст. Уже въ 1860 году она насчитывала до 500 членовъ, владѣла капиталомъ въ 21,000 ф. ст., который дѣлалъ оборотъ на 102,000 ф. ст. и

приносилъ чистаго дохода 10,000 ф. ст., такъ что общество могло выдать каждому члену 10 ф. ст. дивиденду.

Еще замѣчательнѣе въ нѣкоторомъ отношеніи второе предпріятіе, сдѣланное тою же общиной,—это ткатцкая и бумаго-прядильная фабрика, основанная въ 1858 году, съ капиталомъ въ 5500 ф. ст. Въ октябрѣ 1860 г., снабженная лучшими паровыми машинами и усовершенствованная во всѣхъ отношеніяхъ, на что̀ потребовалось около 50,000 ф. ст., она насчитывала уже 1000 членовъ. Къ этому нужно прибавить, что недавно основалось общество на акціяхъ, съ капиталомъ въ 80,000 ф. ст., съ цѣлію постройки удобныхъ домовъ для членовъ своей ассоціаціи

Также и въ Германіи довольно часто возбуждался соціальный вопросъ, въ особенности въ средѣ мелкихъ ремесленниковъ, которымъ быстрое развитіе фабричной промышленности и все болѣе и болѣе возрастающее могущество капитала грозили крайней нищетою и гибелью. Чтобы поправить зло, старались возвратить старое цеховое устройство и ограничить развивающуюся конкуренцію. Но попытки эти остались безъуспѣшными. Вотъ почему 1848 годъ произвелъ не одну только политическую революцію, но и потрясъ вмѣстѣ съ тѣмъ весь соціальный бытъ общества.

Ремесленное общество старалось, петиціями и депутаціями, повліять на законодательныя собранія въ Берлинѣ и Франкфуртѣ, и провести свои не-всегда-справедливыя требованія, что̀ ему и удалось, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. Но вскорѣ оказалось, что эти такъ-называемыя улучшенія—сравнительно съ тѣмъ зломъ, которое они имѣли цѣлію уничтожить—были не больше какъ каплей въ морѣ. На помощь и содѣйствіе государства нельзя было разсчитывать, да и не стоило, потому что ни одно законодательство въ мірѣ не можетъ укрыть отъ смерти и пріостановить неудержимый ходъ исторіи.

Скоро лучшія головы между ремесленниками поняли свое заблужденіе и стали искать спасенія въ самихъ себѣ, въ свободныхъ ассоціаціяхъ съ ихъ неизчерпаемыми источниками. Тутъ же нашелся и человѣкъ, который могъ и съумѣлъ руководить этимъ дѣломъ. Человѣкъ этотъ былъ Шульце-Деличъ, который обладалъ замѣчательнымъ талантомъ организатора и основалъ въ своемъ родномъ городѣ первую нѣмецкую ассоціацію. Какъ депутатъ тогдашняго прусскаго національнаго собранія, онъ участвовалъ въ коммисіи для разрѣшенія ремесленнаго вопроса и занялся имъ съ особенною любовью. Здѣсь-то и пріобрѣлъ онъ тотъ громадный запасъ опытности, которая позволила ему потомъ осторожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно приняться за свою задачу. Задачей этой, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, была организація рабочихъ ассоціацій. Онъ началъ съ мудрою осторожностію, причемъ принялъ во вниманіе своеобразность свойствъ нѣмецкаго народа, въ особенности же класса ремесленниковъ,—и начиная малымъ, медленно, но зато вѣрно и твердо, достигъ громадныхъ результатовъ. Въ противоположность блестящимъ теоріямъ французовъ, онъ избралъ вѣрный путь практическаго вспомоществованія, по образцу англійскихъ ассоціацій, отбросивъ всю односторонность направленія и исключительно-матеріальную сторону этихъ послѣднихъ. И здѣсь сохранился нѣмецкій духъ основателя; онъ провелъ въ своихъ ассоціаціяхъ идеальный элементъ, соединивъ въ нихъ слово и дѣло, теорію и практику. Система его основывалась на давноизвѣстной истинѣ, что нѣсколько маленькихъ капиталовъ вмѣстѣ взятыхъ составятъ одинъ большой,—что участникамъ этого капитала предоставляются всѣ преимущества большаго капитала, какъ то: болѣе дешевая закупка сырыхъ матеріаловъ, жизненныхъ продуктовъ, инструментовъ, машинъ и проч. Для этой цѣли основались, болѣе по его инициативѣ, различныя ассоціаціи въ видѣ потребительныхъ и производительныхъ общинъ, ссудныхъ кассъ и т. п. Общими силами онѣ достигли въ короткое время значительныхъ успѣховъ—и этимъ самымъ практически доказали всю пользу подобныхъ ассоціацій.

По мнѣнію Шульце-Делича (которое онъ выразилъ въ своемъ сочиненіи «Рабочіе классы и ассоціаціи въ Германіи»), съ организированіемъ подобныхъ общинъ нужно обходиться осторожно и осмотрительно «потому-что—говоритъ онъ—разрушеніе прежде существовавшей ремесленной организаціи еще несовсѣмъ окончено, и такъ какъ еще слишкомъ мало опростано мѣста для того, чтобы на немъ можно было свободно приняться за постройку новаго». «Въ особенности—продолжаетъ онъ—приходится бороться противъ свойственной нѣмцамъ наклонности къ отчужденію, которая вытекаетъ изъ боязни потерять самостоятельность, хотя послѣдняя и можетъ существовать при тѣсномъ союзѣ многихъ лицъ между собою».

Съ такими взглядами на дѣло, Шульце-Деличъ учредилъ цѣлую систему ремесленныхъ ассоціацій, которыя вмѣстѣ съ прежде устроенными общинами (потребительными, ссудными и взаимнаго кредита) шли рука объ руку.

Въ настоящее время его стараніями въ Германіи устроено подобныхъ ассоціацій до 2,000. Изъ нихъ половина ограничивается цѣлію образованія; отъ 500—550 приходится на ссудныя и кредитныя общества; около 200 на закупку сырыхъ матеріаловъ; до 50 производительныхъ; около 100 потребительныхъ, а также около 100 общинъ попеченія о больныхъ.

Чтобы дать понятіе о тѣхъ оборотахъ, которые совершаютъ эти ассоціаціи, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя числовыя данныя, заимствованныя изъ офиціальныхъ отчетовъ этихъ обществъ.

Изъ 360 ссудныхъ обществъ, которыя уже въ 1861 году производили свои операціи, 188 представили свой годовой отчетъ; хотя между ними и было 46, которые только-что начали свою дѣятельность и оборотъ которыхъ конечно не могъ быть великъ,—но принимая всетаки во вниманіе сумму выданныхъ денегъ на сроки отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, мы видимъ громадную сумму оборотнаго капитала, а именно: 16,876,009 талер. Число членовъ въ 188 общинахъ простиралось до 48,760 человѣкъ. Чистой прибыли за 1861 годъ во всѣхъ вмѣстѣ: 78,055 талер. Если причислить къ этимъ результатамъ недостающіе отчеты 140 — 150 ссудныхъ общинъ, то можно съ увѣренностью предположить оборотный капиталъ въ 20,000,000 талер., считая собственно фондъ отъ 1—1,200,000 тал. и постороннихъ вкладовъ до $5^1/_2$ милліоновъ. Такихъ же блестящихъ результатовъ достигли и другія потребительныя и производительныя общины.

Этими, достойными удивленія, успѣхами обязаны нѣмецкіе рабочіе неутомимой дѣятельности Шульце-Делича, обладавшаго необыкновеннымъ талантомъ организовать и устраивать подобныя общины, — человѣку,

энергія котораго—незнающая никакихъ препятствій—всецѣло посвящена на служеніе нѣмецкому народу, нѣмецкимъ рабочимъ въ особенности. Новымъ доказательствомъ этого служитъ его «Рабочій катихизисъ», собраніе рѣчей, произнесенныхъ имъ въ берлинской рабочей общинѣ. Въ нихъ онъ образцово-популярнымъ языкомъ разъясняетъ основныя положенія своей системы, разъясняетъ сущность и свойства труда и капитала, доказываетъ всю несостоятельность предубѣжденій противъ конкуренціи и машинъ, и указываетъ на тѣ средства, которыми рабочіе могутъ располагать въ трудныя для нихъ минуты. Возбуждая и укрѣпляя чувство самосознанія и довѣрія къ себѣ рабочихъ, Шульце-Деличъ вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ ихъ отъ крайнихъ мѣръ и увлеченій, и отъ ложныхъ друзей.

Да, Шульце-Деличъ, по преимуществу, болѣе чѣмъ кто либо другой, можетъ быть названъ апостоломъ мира и образованія—потому что ихъ то онъ и считаетъ главными факторами въ дѣлѣ реформы умственнаго и нравственнаго быта рабочихъ.

Онъ—въ отличіе отъ другихъ соціалистовъ—не ставитъ враждебно труду капиталъ; для него капиталъ равносиленъ образованію, потому-что наростаніемъ умственнаго и вещественнаго капитала обусловливается движеніе впередъ по пути прогресса, къ большему и большему совершенствованію въ отношеніяхъ интелектуальномъ, нравственномъ и хозяйственномъ.

Такимъ путемъ старается онъ уничтожить ту пропасть, которая отдѣляетъ имущихъ отъ неимущихъ, причемъ онъ признаетъ трудъ и капиталъ какъ двѣ равноправныя силы, которыя только въ тѣсной связи между собою и обоюдными требованіями служатъ себѣ и человѣчеству для разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ. Но оба они могутъ придти къ такому результату только при политической и гражданской свободѣ, потому-что она одна есть та живая среда, въ которой могутъ существовать государство и общество. Вотъ почему у Шульце-Делича политическая и соціальная дѣятельность идутъ рука объ руку—и девизъ его гласитъ: «нѣтъ соціальнаго прогресса безъ политической свободы, нѣтъ политической свободы безъ соціальнаго прогресса.»

Санитарное состояніе французской арміи.

Негодованіе, вызванное въ Европѣ нарушеніемъ французами международной Женевской Конвенціи, раздѣляется также и лучшими людьми во Франціи, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ тщетно боролись противъ безсовѣстнаго управленія страною—стоявшими во главѣ правительства—плутами и интриганами. Одинъ изъ такихъ людей, извѣстный Мишель Шевалье, который—въ журналѣ «Revue des deux Mondes» отъ 15 августа—протестовалъ противъ изгнанія нѣмцевъ изъ Франціи, сравнивая этотъ поступокъ съ варварскимъ изгнаніемъ протестантовъ Людовикомъ XIV, и въ настоящее время возвысилъ свой голосъ.

Въ томъ же самомъ нумерѣ журнала, въ которомъ Мазадъ призываетъ къ отвѣтственности за начавшуюся войну Пруссію и графа Бисмарка съ его кандидатурой принца Гогенцоллернскаго, Мишель Шевалье раскрываетъ всю ничтожность и нецѣлесообразность санитарнаго управленія во французской арміи. И здѣсь, какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ управленія во Франціи, все основано на системѣ грабежа, которой строго держатся всѣ, начиная съ самыхъ приближенныхъ императора и кончая послѣднимъ чиновникомъ. Неудивительно поэтому, что лица смотрѣвшія на свою службу какъ на средство легко и скоро нажиться—считали за излишнее выполнять какія бы то ни было (даже единственно въ интересахъ человѣколюбія) постановленія Женевской Конвенціи: не считали даже нужнымъ дѣлать какія либо издержки на учрежденіе, въ силу конвенціи, различнаго рода общихъ палатокъ для раненыхъ, фуръ и пр., хотя бы эти издержки и не были частными, а относились въ государственный расходъ по военному министерству.

Въ Крымскую кампанію французская армія состояла болѣе чѣмъ изъ 300,000 человѣкъ.

Изъ нихъ умерло всего 95,615 человѣкъ, при чемъ отъ ранъ умершихъ и убитыхъ считалось только 20,615 человѣкъ—остальные же 75,000 погибли *отъ всякаго рода болѣзней непроисходящихъ отъ ранъ*. Шевалье замѣчаетъ: «Конечно подобная цифра—погибшихъ внѣ боя—возбудила громадное удивленіе во всей Франціи. Назначена была коммиссія для разслѣдованія причинъ подобной смертности, и вотъ что̀ показало это разслѣдованіе:

1) Рекрутскій наборъ производился весьма дурно и съ большими злоупотребленіями.

Въ число солдатъ брались люди съ различными физическими недостатками, малосильные и больные. Кандидаты больницъ, они, при неспособности къ отправленію военныхъ обязанностей и плохомъ здоровьѣ, отягощали только собою армію, затрудняя всѣ ея движенія.

2) Хозяйственное управленіе французской арміи и въ мирное время требуетъ болѣе цѣлесообразныхъ измѣненій. Оно по большей части недостаточно и въ большей части случаевъ безсильно, что̀ служитъ причиной общаго истощенія и слабости солдатъ.

3) Чистота и опрятность находятся во французской арміи въ большомъ пренебреженіи. Между тѣмъ извѣстно, что тамъ гдѣ собирается много народу вмѣстѣ—чистота есть одно изъ первыхъ условій сохраненія здоровья, и что несоблюденіе этого условія вызываетъ появленіе того страшнаго бича, который называется тифомъ.

4) Число врачей въ Крымскую кампанію было совершенно недостаточно. Каждый изъ нихъ удвоилъ свою дѣятельность и употреблялъ сверхчеловѣческія усилія, вслѣдствіе чего число ихъ еще болѣе уменьшилось; изъ 450 врачей—32 человѣка умерли отъ истощенія силъ.

5) Совершенно не было обращено вниманія на два главныя положенія гигіены: не переполнять безъ счета больными амбулаторій, больницъ и лазаретовъ и надлежащимъ образомъ вентилировать означенныя мѣста; а также и на постоянное передвиженіе походныхъ лазаретовъ и амбулаторій (на необходимость чего указываетъ самое названіе) съ цѣлію избѣжать заразы, происходящей отъ выбрасываемыхъ и гніющихъ частей мяса и гноя.

Стоявшіе во главѣ санитарнаго управленія, старшіе врачи, Боденъ (Baudens), Скривъ (Scrive) и Леви (Lewy)

требовали необходимыхъ въ этомъ отношеніи измѣненій, но все было напрасно. Они вернулись въ Францію, растроивъ свое здоровье и ничего не добившись. Двое изъ нихъ, Боденъ и Скривъ, умерли въ скоромъ времени послѣ этого.

Конечно, такой урокъ, нужно было думать, не пройдетъ даромъ; можно было надѣяться, что въ слѣдующую войну будутъ сдѣланы всѣ тѣ необходимыя измѣненія, которыя (по мнѣнію медицинскихъ авторитетовъ) дадутъ возможность избѣжать напрасныхъ жертвъ. Можно было разсчитывать покрайней мѣрѣ на то, что будетъ увеличено число военныхъ врачей, и что ихъ снабдятъ необходимыми хирургическими и оперативными средствами. Ничуть не бывало. Итальянская кампанія 1859 года показала, что объ этомъ даже и не думали. И въ этомъ походѣ одинъ врачъ приходился болѣе чѣмъ на тысячу сражающихся. Въ особенности послѣ большихъ сраженій недостатокъ во врачахъ былъ въ высшей степени чувствителенъ. На тысячи раненыхъ, которымъ необходимо было оказать помощь немедленно, приходилась маленькая кучка хирурговъ. Такъ въ Миланѣ, послѣ битвы при Сольферино, на 8000 раненыхъ было только девять французскихъ врачей. О сидѣлкахъ и другой прислугѣ и говорить нечего: ихъ совсѣмъ почти не было, такъ что обязанности эти были возложены на военныхъ музыкантовъ, которые, ничего не смысля въ этомъ дѣлѣ и не привыкшіе къ нему, очень плохо выполняли ихъ. Недостатокъ въ бѣльѣ и простыняхъ приходилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ пополнять мхомъ, который отбирали у жителей. Тоже самое было и съ лекарствами. Но что всего важнѣе и что трудно было замѣнить чѣмъ нибудь другимъ—это былъ недостатокъ въ необходимыхъ инструментахъ. Въ моментъ когда нужно было оказывать помощь сотнѣ раненымъ—не знали гдѣ находятся нужные инструменты, и такова была нужда въ нихъ, что считали себя счастливыми, когда одинъ врачъ въ Новарѣ отдалъ свои инструменты на подержаніе.

Но чтобы охарактеризовать однимъ словомъ все положеніе санитарнаго управленія, мы приведемъ изъ отчета одного военнаго врача слѣдующее: «Послѣ битвы при Сольферино раненые пролежали пять дней на полѣ битвы безъ всякой помощи—и 800 изъ нихъ четыре дня ничего не ѣли, пока мѣстные жители изъ сострадапія не дали имъ крайне необходимаго».

Въ настоящую войну, какъ собщаютъ изъ офиціальныхъ источниковъ, около трети всѣхъ французскихъ плѣнныхъ и раненыхъ страдаетъ заразительными болѣзнями.

Берлинская фабрикація колбасъ изъ гороху.

«Все является въ свое время». Въ этомъ убѣждаемся мы какъ въ жизни отдѣльныхъ личностей, такъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Такъ и въ настоящее время, на-взглядъ-незначительное изобрѣтеніе приготовленія гороховыхъ колбасъ пришлось какъ нельзя болѣе ко времени. Прусскому правительству показалось оно столь важнымъ и удобнымъ въ виду военнаго положенія, что у изобрѣтателя г. Грюнеберга купленъ за 35,000 талер. секретъ этого приготовленія. Эта почтенная сумма въ особенности говоритъ за важность изобрѣтенія, потому что обыкновенно разсчетливое прусское правительство не броситъ подобныхъ денегъ на пустяки. Многіе конечно удивятся, прочитавъ это, и спросятъ: какой-же секретъ можетъ быть въ составленіи начинки изъ гороху и мяса? Секретъ тутъ заключается въ особенномъ веществѣ, которое примѣшивается къ начинкѣ и предохраняетъ ее на многіе года отъ гніенія и порчи. Изобрѣтатель далъ этой примѣси довольно странное названіе «Lupus»; изъ чего же она дѣлается—остается его тайной. Онъ обязался по контракту руководить технической стороной производства, главный же надзоръ надъ всей фабрикаціей порученъ Шотту.

Что это открытіе пришлось во время—показываетъ громадное производство подобныхъ колбасъ, которое началось тотчасъ, хотя эти послѣднія и назначаются не для всеобщей продажи, какъ намѣреваются сдѣлать впослѣдствіи, а единственно для войны.

Фабрика находится въ открытомъ полѣ недалеко отъ Зоологическаго сада, отъ котораго ведетъ къ ней улица Канала. Въ улицѣ мы не видѣли еще ничего, но когда обогнули послѣдній домъ и вышли въ поле, то думали, что мы попали на ярмарку маленькаго городка—столько здѣсь было лавокъ и бараковъ (впрочемъ соединенныхъ въ одно цѣлое), столько здѣсь было трудящихся людей, зрителей, полиціи и т. д. Эти громадные бараки съ ихъ запасными магазинами и мастерскими, съ ихъ котлами и машинами выстроены въ нѣсколько дней—и въ настоящее въ нихъ работаетъ болѣе тысячи человѣкъ въ самомъ строгомъ порядкѣ и взаимно-дѣйствіи.

При 36-ти вѣсахъ мы встрѣтили бухгалтера, который вывѣшивалъ и провѣрялъ всѣ приходящіе и отходящіе матеріалы и запасы. Троякаго сорта мука, различающаяся между собою по мелкости, смѣшивается въ извѣстномъ опредѣленномъ отношеніи; потомъ прокопченыя сало и ветчина (по большей части венгерская, а также и русское сало) слегка вывариваются въ 12-ти вмазаныхъ котлахъ; затѣмъ все это отправляется на маленькихъ тележкахъ въ другое мѣсто, гдѣ разрѣзается на кубики—и отсюда уже идетъ въ приготовительный или такъ-называемый папиновъ котелъ. При каждомъ изъ такихъ котловъ—а ихъ 50—находится поваръ, который наблюдаетъ за вареніемъ всей этой смѣси изъ гороховой муки, кусочковъ ветчины, сала, соли и лука, а также прибавляетъ сюда и таинственный «lupus». При каждой машинѣ находятся два работника, которые постоянно вертятъ горизонтально-укрѣпленное колесо съ лопатками, поворачивающими всю массу и этимъ самымъ защищающими ее отъ обгоранія. Когда масса сдѣлается совершенно жидка, ее отправляютъ въ особенныхъ тележкахъ къ машинамъ, изъ которыхъ собственно и выходятъ колбасы—въ томъ видѣ какъ они продаются. Такихъ машинъ 100. При каждой изъ нихъ находится одинъ человѣкъ, который всю эту жидкую массу вбираетъ въ шприцъ и изъ него уже вливаетъ въ кишки. Каждая изъ кишокъ содержитъ въ себѣ не болѣе одного фунта колбасы. Слѣдующій рабочій завязываетъ ее тонкой веревкой сверху и снизу, а также размѣчаетъ на три равныя части, изъ которыхъ каждая составляетъ порцію. Потомъ эти готовыя кол-

басы отвозятся далѣе, гдѣ женщины раскладываютъ ихъ для просушки — и черезъ 2 часа послѣ того уже завертываютъ въ особенную бумагу, нумеруютъ и укладываютъ по 100 и 150 штукъ вмѣстѣ въ небольшіе ящики. Такимъ образомъ, изъ сырыхъ продуктовъ въ нѣсколько часовъ готова колбаса, могущая каждую минуту быть отправленной къ мѣсту назначенія. Для того чтобы употребить эту закаменѣвшую массу въ пищу — необходимо проварить ее въ продолженіи получаса въ горячей водѣ; $^1/_3$ фунта такой колбасы вполнѣ достаточно для солдата на цѣлый день. Для офицеровъ тѣ же самыя колбасы отправляются въ фунтовыхъ жестяныхъ ящикахъ.

Для того чтобы работа шла скоро и сподручно, необходима большая рабочая сила, а также и хорошій надзоръ. Этотъ послѣдній и принялъ на себя самъ изобрѣтатель г. Грюнебергъ, который здѣсь находится съ утра до поздней ночи, а также и дочь его, еще очень молоденькая дама, примѣръ и присутствіе которой возбуждаетъ всеобщую энергію и устраняетъ всякаго рода недоразумѣнія. На фабрикѣ заняты 200 женщинъ (изъ которыхъ 12 моютъ единственно рабочее платье), 250 мясниковъ, 500 другихъ рабочихъ, 24 человѣка служащихъ при конторѣ, бухгалтеръ, 50 поваровъ и т. д. Плата за работу очень высока, вслѣдствіе чего начальствующіе не знаютъ куда спастись отъ тысячи просьбъ, которыми ихъ осаждаютъ. Повара получаютъ за работу отъ 6 утра до 7 ч. вечера 3 руб.; мясники 1 руб. 50 коп.; простые работники 85 коп.; женщины отъ 50 до 70 коп. Каждый работникъ получаетъ свой особый нумеръ, который онъ и носитъ поверхъ одежды. Они получаютъ также по дешевой цѣнѣ, которая вычитается изъ ихъ жалованья, двѣ пары верхняго платья; изъ нихъ одна кромѣ того стирается постоянно даромъ.

Такимъ образомъ приготовляется ежедневно до 60,000 колбасъ, каждая 1 фунтъ вѣсомъ. Чрезъ увеличеніе фабрики думаютъ довести производство до 100,000 штукъ въ день.

Посѣщеніе фабрики доставило намъ большое удовольствіе и оставило самое пріятное впечатлѣніе.

Около фабрики находится пожарная команда на случай пожара, а также военная команда и полиція необходимая для устраненія давки и безпорядковъ. Невдалекѣ же расположились летучіе рестораны, предлагающіе свои услуги многочисленнымъ зрителямъ.

Дѣти-труженики.

(Изъ воспоминаній туриста).

На дорогѣ, ведущей черезъ Арльбергъ (страшный альпійскій проходъ, которымъ соединяется Тироль съ Форарльбергомъ) лежитъ лавина. Мы стоимъ на высотѣ шести тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Рѣзкій, холодный вѣтеръ пронизываетъ насквозь; хотя всюду уже наступила весна, мартъ мѣсяцъ, но здѣсь на горахъ градусы широты и температуры — чистая химера. На такомъ-же разстояніи отъ полюса въ долинахъ произрастаетъ каштанъ; здѣсь-же, какъ въ Финляндіи, снѣговой покровъ только начинаетъ оттаявать. Минуту спустя вѣтеръ утихъ, солнце прорывается въ сѣрыхъ тучахъ и играетъ довольно сильными лучами по стѣнамъ огромнаго ущелья, которое рабочіе, при помощи сотни лопатъ, проложили въ обрушившейся горѣ снѣгу. Теплота обнаруживается испареніемъ тающихъ и падающихъ капель. Прорвавшійся съ боку лавины, холодный паръ также освѣщенъ солнцемъ; изъ этого-же отверстія каскадами ниспадаютъ тысячи струекъ; ледяныя сосульки, въ которыхъ сочится вода, звенящими дребезгами срываются со стѣны. Камни, засѣвшіе въ обрушенной громадѣ, теперь освобождаются и прыжками летятъ на дорогу, средина которой такъ усѣяна ими, какъ будто бы они ливнемъ падали съ неба. Грязноватая поверхность ея представляетъ дивную противуположность ослѣпительно-блестящимъ стѣнамъ лавины, окружающимъ обледенѣлую кору дороги. Чтò за странная компанія пробирается тамъ, тѣснясь у самыхъ стѣнъ-лавины? Мы насчитываемъ до полсотни лицъ. Осторожно идутъ они, ни на шагъ не отдаляясь отъ снѣговыхъ стѣнъ къ срединѣ дороги; они поднимаютъ камни, попадавшіе внизъ съ оттаявшей части лавины, и забавляются, швыряя ихъ себѣ черезъ голову. Процессія приближается. Пожалуй, сначала мы готовы принять ее за оптическій обманъ, но все яснѣе и яснѣе становящаяся дѣйствительность не оставляетъ намъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Толпа дѣтей карабкается на страшную гору; лица ихъ, вслѣдствіе быстрой смѣны солнечнаго свѣта льдистой изморосью, которую вѣтеръ несетъ имъ прямо въ глаза, частію разкраснѣлись, частію посинѣли отъ холоду. Мальчуганы прячутъ руки въ карманы панталонъ, дѣвочки отогрѣваютъ пальцы собственнымъ дыханіемъ; всѣ идутъ, согнувшись впередъ, какъ будто имъ предстоитъ пробиться лбомъ сквозь какую-то преграду. Лишь изрѣдка тотъ или другой изъ юныхъ путниковъ подниметъ глаза, жадно смотря на занесенный снѣгомъ крестъ на вершинѣ горы, жаднымъ взглядомъ измѣривая разстояніе, которое остается пройти до привала.

По мѣрѣ того какъ они приближаются, мы видимъ, что дѣти эти, какъ мальчики такъ и дѣвочки, всѣ поголовно — самаго юнаго возраста, отъ восьми до тринадцати лѣтъ; среди ихъ возвышается рослый, плотный малый, какъ пихта межъ кустарниками.

Теперь мнѣ стало ясно, что случай свелъ меня съ одной изъ тѣхъ дѣтскихъ артелей, которыя въ мартѣ мѣсяцѣ выселяются изъ бѣднѣйшихъ долинъ Тироля въ низменности Германіи, дабы провести лѣто въ сподручной работѣ и такимъ образомъ избавить родителей отъ лишнихъ нахлѣбниковъ. Предводитель отряда — довѣренное лицо, избранное старшинами двухъ селеній и нанятое ими съ тѣмъ, чтобы въ сохранности доставить дѣтей въ Равенсбургъ, виртембергскій городъ, гдѣ въ Іосифовъ день (19-го марта) открывается ярмарка, на которую со всѣхъ сторонъ стекаются крестьяне и выбираютъ себѣ маленькихъ чужеземцевъ, соотвѣтствующихъ ихъ нуждамъ. Этотъ рослый крѣпышъ поклонился мнѣ и замѣтилъ, что «малюткамъ сегодня трудненько пробираться по этой скользкой, обледенѣлой дорогѣ», — и въ самомъ дѣлѣ многіе изъ нихъ казались сильно пріунывшими, тѣснясь вокругъ вожака, въ легкой одеждѣ, съ маленькими тиковыми котомочками, наполненными мукой. Рѣзкій вѣтеръ, дувшій съ хребта горъ, не дозволялъ дѣтямъ сдѣлать здѣсь привала. Такъ какъ я пробирался въ Далаасъ (первое мѣстечко по ту

сторону Арльберга), то и примкнулъ къ артели, имѣя въ виду, что за медленность и задержку въ путешествіи меня вознаградятъ разсказы вожака о планахъ и намѣреніяхъ его отряда.

— Куда вы дѣваете самыхъ-то маленькихъ, на какую работу они могутъ пригодиться? спросилъ я прежде всего, въ то время какъ мы переваливались черезъ хребетъ горъ—и я замѣтилъ, какъ многіе изъ тѣхъ, о которыхъ я только что упомянулъ, все больше и больше отставали.

— Да вотъ видите-ли, сударь, работы всякія вѣдь бываютъ; какъ только придемъ въ Равенсбургъ и станемъ въ рыночный день передъ гостиницей Корона, да начнемъ глазѣть на цвѣтные кирпичи колоколень, оно вѣдь занятно на первыхъ порахъ,—тутъ и явятся крестьяне и они ужь съ перваго взгляда видятъ, кто на что гораздъ. Вотъ тѣхъ, что-поотстали-то (онъ показалъ на самыхъ маленькихъ, лица которыхъ посинѣли болѣе прочихъ), ну, ихъ тотчасъ спросятъ: не хотятъ-ли они гусей стеречь; другіе, вотъ какъ тотъ бѣлобрысый толстякъ—тѣмъ зададутъ иную работу, которая имъ сподручнѣе, ну хоть свиней пасти. А тѣ что ни то, ни сё, тѣ пойдутъ на всячинку.

— Это что такое? спросилъ я.

— Всячинка-то? Да вотъ хоть-бы за быками ходить, когда ихъ запрягутъ, ну и тому подобный присмотръ за скотиной въ поляхъ.

— Правда-ли, продолжалъ я распрашивать,—что это настоящій рынокъ невольниковъ? я не разъ читалъ и слыхивалъ, что дѣтей тамъ осматриваютъ и ощупываютъ, пробуютъ ихъ силы, точь въ точь какъ негровъ въ то время, когда ихъ еще продавали въ Америкѣ.

— Ой, нѣтъ, Боже сохрани! возразилъ парень:—швабскіе крестьяне слишкомъ добрый народъ, чтобы равнять дѣтей со скотиной; они себѣ ходятъ около нихъ, высматриваютъ себѣ мальчика или дѣвочку—и съ разу видятъ, кто имъ пригоденъ и на какую работу. Тутъ они обращаются къ тому, кто ихъ привелъ,—вотъ хоть-бы ко мнѣ со всей моей компаніей,—начинаютъ со мной торговаться, спрашиваютъ цѣну; ну а на счетъ цѣны-то я ужь съ родными ихъ уговорился.

— А что зарабатываетъ ребенокъ въ лѣто?

Вожакъ подозвалъ парнишку лѣтъ десяти, который храбро смотрѣлъ на Божій свѣтъ и держался прямо, слегка закинувъ голову, какъ солдатъ подъ ружьемъ.

— Ну-ка, Іоосъ, скажи намъ, что ты заработалъ прошлаго года и доволенъ-ли ты твоими хозяевами?

— Порядкомъ, отвѣтилъ парнишка съ вызывающимъ видомъ:—я на всячинѣ былъ, отъ Іосифа до Мартынова дня (11-ое ноября), получилъ двадцать гульденовъ, да новую пару платья, и какъ есть ни въ чемъ не нуждался. Хозяинъ былъ какъ нельзя добрѣе — и мнѣ тамъ было не въ примѣръ легче, чѣмъ дома.

— Кто тебя водилъ прошлый годъ?

— Мать, отвѣчалъ Іоосъ не запинаясь:—съ нами еще ходили двѣ мои сестрёнки, помоложе меня; а теперь онѣ въ Баварію отправились, потому тамъ одинъ родственникъ нашъ снялъ крестьянскую землю. У насъ ничего не было, когда мы тронулись въ дорогу. Матушка взяла съ собой только тридцать крейцеровъ, а мы все-таки ничего не боялись; мы дѣлали такъ какъ теперь: все у крестьянъ ночевали — куда бывало ни придемъ, вездѣ насъ покормятъ. Цѣлыхъ тринадцать дней прошли до Швабіи.

— А что, спросилъ я,—не плакалъ ты, когда матушка прощалась съ вами въ Равенсбургѣ?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—да и матушка-то не плакала. Каждому изъ насъ достался хорошій хозяинъ, намъ дали по колбасѣ, а матушкѣ гульденъ въ задатокъ.

— А не пріятнѣе-ли тебѣ было бы, продолжалъ я,—если бы вы всѣ трое нанялись къ одному крестьянину?

— То само собой, а мнѣ и такъ хорошо было.

— А что-жь потомъ было, какъ вы разстались съ матерью?

— Она просила крестьянъ быть къ намъ подобрѣе, а намъ велѣла вести себя хорошенько и не забывать, чему поучалъ насъ пасторъ на дорогу.

— Что-же, ты весь этотъ день провелъ въ Равенсбургѣ?

— Нѣтъ. У хозяина была лошадь съ одноколкой, и мы еще до полудня выѣхали. Дорогой онъ обѣщалъ мнѣ, что мнѣ у него будетъ не дурно, если бы я стану справлять работу какъ слѣдуетъ. По вечеру мы пріѣхали къ его двору, около Бадена, а на утро я ужь возился съ быками и за работой.

— А по воскресеньямъ вы отдыхали?

— Да, тутъ ужь мнѣ нечего было дѣлать; только засыпалъ корму въ стойло, да и ступай въ воскресную школу. Такъ-то я и выучился задавать кормъ скотинѣ.

— А нужды ты никакой не терпѣлъ?

— Дома хуже было; хозяинъ каждый день давалъ намъ *кнефли* (мучныя клецки, поджаренныя въ салѣ) и два раза въ недѣлю мясо.

— Ну а не случается, чтобы кто нибудь изъ васъ убѣжалъ отъ хозяина домой?

— Разумѣется, бываетъ; вотъ ежели попадешь къ дурному хозяину, къ эдакому сквалыжнику, который плохо кормитъ. А вотъ еще тоже тѣ бѣгаютъ, у кого тоска по родинѣ.

— Какъ же они пускаются въ такую даль, безъ гроша въ карманѣ?

— Вона! воскликнулъ Іоосъ,—да всякій крестьянинъ съ радостію покормитъ ихъ и пріютитъ на ночь.

При этомъ заявленіи я не могъ подавить въ себѣ чувство глубокаго состраданія. Мнѣ тяжело было думать о томъ, какъ бѣдный ребенокъ (безъ всякихъ средствъ, не зная дороги, гонимый тоской по родинѣ въ свою жалкую хижину) скитается по горнымъ тропинкамъ Альповъ — и въ каждой крестьянской хижинѣ, гдѣ ему изъ жалости дадутъ кусокъ хлѣба, тревожно спрашиваетъ: далеко ли граница Граубиндена, или истоки Эча.

— Ну, а какъ же, распрашивалъ я далѣе,—если васъ соберется слишкомъ много на ярмарку, не приходится ли иному вернуться домой за неимѣніемъ хозяина?

— Ужь конечно нѣтъ, возразилъ Іоосъ, посвѣчивая усмѣшкой въ голубыхъ глазахъ, какъ-бы говоря: «что за глупый вопросъ!»,—прошлый годъ насъ было до шестисотъ на ярмаркѣ-то. Будь насъ тысяча и даже больше—насъ бы все-таки разобрали. Чѣмъ больше насъ придетъ, тѣмъ лучше для крестьянъ.

— Видите-ли, сударь, вступился вожакъ въ мой разговоръ съ мальчуганомъ,—тамошній народъ вдесятеро позажиточнѣе насъ, тирольцевъ; имъ нигдѣ выгоднѣе не найдти себѣ пастуховъ и всякихъ работниковъ помимо нашихъ дѣтей. Вздумай они нанять одного изъ своихъ—имъ пришлось бы заплатить гораздо больше, потому что у нихъ деньги не въ примѣръ дешевле, чѣмъ у насъ въ Тиролѣ. Къ тому-же, наши дѣти не постоятъ

за цѣной; вѣдь, что-жь у нихъ дома-то? горсточка муки, вотъ и все. Ну, а на счетъ общины, въ которой числится Іоосовъ домъ, можете себѣ разсудить, если я вамъ скажу, что у тамошняго священника даже крышу насквозь дождемъ и снѣгомъ пробиваетъ. А виртембергцы ни за что не отдадутъ ребенка въ чужой домъ; вотъ имъ и пришлось бы нанимать батраковъ, а эдакій одинъ обходится дороже троихъ нашихъ ребятокъ.

— А скоро ты выучился понимать по ихнему? продолжалъ я распрашивать Iооса.

— Я вотъ теперь говорю съ вами, какъ съ своими ребятами у насъ на селѣ!.. онъ произнесъ это съ такимъ неподдѣльнымъ шварцвальдскимъ акцентомъ, что я улыбнулся отъ удивленія.

— Лѣтомъ я говорю по ихнему, а зимой по тирольски, добавилъ онъ.

— Поглядѣли-ли бы вы, какія у нихъ румяныя, пухлыя щеки, когда они возвращаются домой осенью! сказалъ вожакъ:—въ доказательство того, что имъ не плохо на чужбинѣ, разскажу я вамъ одинъ случай изъ моего села. Жилъ тамъ одинъ крестьянинъ, а у него былъ братъ въ Меранѣ; вотъ братъ-то и пишетъ крестьянину, чтобъ тотъ выслалъ ему двухъ мальчиковъ, а ужъ я-молъ о нихъ позабочусь, чтобъ недостатка они ни въ чемъ не имѣли. Дѣтей отправили—и было имъ тамъ какъ нельзя лучше. Побыли они тамъ недѣльки двѣ, да и говорятъ, что это далеко не Швабія; взяли да и ушли оттуда, прямехонько къ тому крестьянину въ Виртембергѣ, у котораго за годъ передъ тѣмъ пасли гусей.

— Ну, а какъ же быть, когда одёжа вся износится? сказалъ я, покосившись на бѣдное отрепаное платье мальчиковъ.

— Обыкновенно такъ бываетъ, что хозяинъ намъ только къ осени выдаетъ другую пару платья, когда рабочее время приходитъ къ концу,—и то если мы хорошо вели себя. Если же мы износимъ свое еще-загодя, такъ онъ намъ и безъ нашего спроса тотчасъ-же выдаетъ новое, такъ что къ осени-то не рѣдко приходится получить двѣ пары; сверхъ того онъ намъ даетъ остатки льну, сколько подъ силу захватить съ собой, а матушка зимой наготовитъ изъ него теплыхъ юбокъ и панталонъ. Вотъ и эти, что теперь на мнѣ, сдѣланы изъ того льну, который мы принесли домой. Конечно, прибавилъ онъ съ нѣкоторою стыдливостью,—теперь-то ужь они не казисты; вѣдь зимой, когда мы въ дождь и снѣгъ часа два ходимъ по горамъ въ школу, ниткамъ-то и швамъ крѣпко достается.

Все что̀ говорилъ мальчикъ—нравилось мнѣ по развязности рѣчи и явно-безискуственной правдивости. Если онъ (какъ впослѣдствіи самъ признался) и не безъ слезъ уходилъ изъ роднаго дома, то теперь свѣжій горный воздухъ и здравый взглядъ на нужду—подавили въ немъ всякую безполезную чувствительность.

Я захотѣлъ ознакомиться съ какой нибудь дѣвочкой изъ этой артели. Съ этой цѣлью я кивнулъ ближайшей ко мнѣ, десятилѣтней малюткѣ, и вызвалъ ее на разговоръ, подаривъ ей какую-то мелочь, на что̀ она хотѣла купить супу себѣ и двумъ старшимъ сестрамъ. Она еще никогда не бывала въ Виртембергѣ; прошлый годъ она въ первый разъ проводила лѣто на чужбинѣ—тогда вмѣстѣ съ другими дѣтьми она ходила черезъ Фернъ *) въ Баварію.

— Отчего-же ты теперь не туда идешь?

— Потому что намъ лучше въ Швабіи; тутъ насъ скорѣе берутъ съ ярмарки, стóитъ только стать на большой площади передъ Короной въ Равенсбургѣ. А въ Баваріи надо на постоялый дворъ — и не одинъ день пройдетъ, что безъ устали бѣгаешь по хозяйскимъ домамъ, пока найдешь себѣ работу.

Не успѣла дѣвочка договорить послѣднихъ словъ, какъ близехонько надъ нами раздался глухой ударъ въ сопровожденіи нѣсколько слабѣйшихъ,—точно пушечный выстрѣлъ, за которымъ слѣдуетъ бѣглый ружейный огонь. Съ одной изъ снѣговыхъ стѣнъ поднялось бѣлое облако снѣжной пыли. То обрушилась лавина, но не дошла до дороги.

— Намъ вѣчно счастіе! воскликнулъ черномазый, сильный мальчуганъ, лѣтъ тринадцати, съ орлинымъ перомъ на шляпѣ.—Я въ третій разъ вижу, что лавины обрушиваются, какъ только мы пройдемъ ихъ—и хоть мы близехонько отъ нихъ бывали, но еще ни одна насъ не захватила.

— А что̀ ты дѣлаешь зимой? спросилъ я этого мальчугана, который понравился мнѣ своей смѣлостью.

— Учусь дома сапожному ремеслу. Не было еще осени, чтобъ я не принесъ домой тридцати гульденовъ. Старшій мой братъ—каменьщикъ и на лѣто уходитъ во Францію; другой братъ занимается работами изъ гипса и штукатуркой, а ходитъ еще дальше, туда гдѣ лютерцы живутъ, ужь не знаю какъ и называется та земля. Какъ только я выучусь своему дѣлу, сейчасъ-же отправлюсь туда; тамъ я могу заработать не меньше братьевъ. Этого хватитъ отцу и матери на цѣлый годъ прожить, а то и больше.

Въ такихъ разговорахъ къ сумеркамъ мы постепенно достигли Далааса. Я не безъ волненія простился съ этими дѣтьми.

Усталые, они искали себѣ пріюта въ разныхъ домахъ, гдѣ ихъ приняли сострадательные люди. На другой день, пока я долго еще нѣжился въ пуховикахъ, они уже двинулись въ походъ въ предразсвѣтномъ сумракѣ холоднаго утра.

Теперь я разсказалъ читателю почти все, что̀ узналъ объ этихъ дѣтяхъ. Для полнаго уразумѣнія обстоятельствъ, которыя гонятъ дѣтей на чужбину, я долженъ еще прибавить многое, узнанное мною во время странствій по разнымъ мѣстамъ ихъ родины. Семейства, изъ которыхъ выходятъ эти дѣти, принадлежатъ къ тому населенію Тироля, которое придерживается аллеманскаго родоваго права. Въ немъ какъ извѣстно нѣтъ маіоратовъ, подобныхъ этому учрежденію у бояръ (баварцевъ), племя которыхъ поселилось въ восточныхъ частяхъ страны; между тѣмъ какъ у этихъ послѣднихъ одинъ лишь старшій сынъ наслѣдуетъ все имѣніе, а младшіе братья, хотя имъ и обезпечиваются приблизительно такой-же доходъ, все-таки въ большинствѣ случаевъ не отдѣляются и оставляютъ доходъ въ рукахъ старшаго брата, служа при немъ батраками, а сестры батрачками, при чемъ весьма часто остаются незамужними,—въ населеніи западныхъ долинъ все имущество раздѣляется между братьями по ровну, каждый изъ нихъ женится, и скудной почвы горныхъ долинъ становится недостаточно для прокормленія многочисленнаго потомства. Такимъ образомъ, временное выселеніе дѣтей обусловливается этимъ обстоятельствамъ, подобно переселенію взрослыхъ въ Перу и въ долины Кордильеръ на всю жизнь, вслѣдствіе раздробленія поземельной собствен-

*) Горный проходъ, ведущій изъ долины Инна въ долину Леха.

ности и при несоразмѣрно-возрастающимъ населеніи. Возрастаніе это такъ велико, что на межевыхъ планахъ поземельная собственность нѣкоторыхъ владѣльцевъ представляется уже не линіями, а только точками. Во Флисѣ у Ландека въ долинѣ Оберинна, въ Граунѣ что въ Мальзерской равнинѣ—встрѣчается не только пять или шесть владѣльцевъ одного дома, но даже лавки разграниченныя натянутыми веревками на нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ въ каждомъ есть свои вѣсы и свой владѣлецъ. Само-собою разумѣется, что въ такомъ положеніи дѣлъ рано или поздно наступаетъ кризисъ. Источники продовольствія до того наконецъ изсякають, что никто уже не въ состояніи жениться не выселившись изъ страны. Такъ напримѣръ: горное селеніе Намлосъ, въ пустынномъ уголку долины Леха, нынѣ почти исключительно населено пожилыми холостяками и старыми дѣвами. Въ прежнее время въ тамошнюю школу ходило до сорока дѣтей; теперь ихъ считается не болѣе трехъ-четырехъ.

Этой заботы о хлѣбѣ насущномъ, которой избѣгаютъ здѣсь такимъ путемъ, въ другихъ мѣстахъ стараются избѣжать, посылая дѣтей на полгода отыскивать себѣ пропитаніе на чужбинѣ.

Не могу заключить этого очерка не добавивъ, что нравственность этихъ бѣдняковъ нисколько не пострадала подъ гнетомъ жизненныхъ нуждъ; они честно перебиваются—и домашнія добродѣтели, которыми отличается аллеманское племя, развиты здѣсь въ полномъ блескѣ. Даже духовные употребляютъ всѣ усилія, чтобы наставить тѣхъ дѣтей, которые весной отправляются на чужбину. Эти наставленія особенно важны въ виду тѣхъ опасностей, которыя грозятъ юнымъ головкамъ въ чужой землѣ, возникая изъ дурнаго сообщества.

Молодежь ревностно слѣдуетъ призванію, которое облегчаетъ ихъ родителей. Мелодраматическія картины, въ которыхъ прежде изображали намъ эти бытовыя отношенія, совершенно невѣрны. Изъ десятка дѣтей едва-ли одинъ ребенокъ страдаетъ тоской по родинѣ. Дѣятельная жажда жизни спасаетъ молодое племя отъ того безпокойнаго недуга, который такъ часто подымали на поэтическія ходули, называя сентиментальнымъ то, что собственно должно быть названо сонливостью.

Политическое обозрѣніе.

Послѣднія седанскія событія подробно описываются кореспондентомъ газеты «Times», докторомъ Русселемъ, который извѣщаетъ въ тоже самое время и о смерти своего соотечественника, полковника Пембертона, павшаго въ глазахъ саксонскаго наслѣднаго принца. Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе его разсказа.

Поле битвы, на которомъ сражались баварцы, простиралось отъ Базейля до Седана. Въ своемъ храбромъ, но безразсудномъ нападеніи они потеряли 3,000 человѣкъ—и все это произошло, какъ говорятъ, вслѣдствіе одного недоразумѣнія. Баварскій авангардъ овладѣлъ станціей седанской желѣзной дороги, а изъ главной квартиры будто-бы пришло къ нему настоятельное приказаніе не развертываться въ наступательную позицію, пока на лѣвое его крыло не прибудетъ саксонскій наслѣдный принцъ. Но начальники баварскихъ войскъ показываютъ, что смыслъ данныхъ имъ предписаній былъ не совсѣмъ таковъ. Корпусъ Танна, которому выпала задача взять Базейль и Баланъ, предмѣстье Седана, жестоко пострадалъ отъ ружейнаго и пушечнаго огня, которому онъ подвергался со всѣхъ сторонъ,—тѣмъ болѣе что баварцы, при нападеніи, должны были выйти изъ-подъ защиты своей собственной артиллеріи. Французы дѣлали величайшія усилія, для того чтобъ отразить непріятеля; въ особенности же отличились при этомъ морскія войска. Три баварскія дивизіи, вступившія въ бой около 4-хъ часовъ утра, были три раза отбиваемы отъ города—и была минута, когда казалось, что онѣ будутъ подавлены превосходствомъ силъ.

Баварцы полагали, что Макъ-Магонъ раненъ еще утромъ того дня, когда онъ велъ свои войска на приступъ къ Базейлю. Тогда генералъ Дюкро принялъ на себя начальство надъ войсками, но генералъ Вимпфенъ предъявилъ запечатанное письмо, уполномочивавшее его принять на себя главное начальство, если съ Макъ-Магономъ случится несчастіе. Сначала генералы были, какъ показываютъ баварцы, не совсѣмъ согласны на счетъ плана сраженія. Въ разгарѣ боя французамъ удалось оттѣснить баварцевъ отъ Балана, затѣмъ французы пробовали прорваться черезъ Илли на дорогу къ Мецу. Но саксонскій наслѣдный принцъ, черезъ войска котораго должно было произойти это движеніе, успѣлъ тѣмъ временемъ снова принять наступательное положеніе—и при помощи превосходныхъ силъ перерѣзалъ французамъ дорогу. Французы должны были отступить, а баварцы, освободившись отъ ихъ натиска, стали опять двигаться впередъ и заняли Базейль. Но подъ Баланомъ пришлось сражаться гораздо дольше. Здѣсь, по показаніямъ баварцевъ, императоръ присоединился къ колоннѣ войскъ, набранной изъ остатковъ различныхъ полковъ, чтобы при помощи ея прогнать баварцевъ. Но артиллерійскій огонь, которымъ встрѣтили съ высотъ это войско, оказался для него слишкомъ силенъ. Гранаты и ядра сыпались какъ дождь вокругъ императора—и одну гранату разорвало вблизи его, такъ что онъ скрылся въ облакѣ пыли и дыма. Офицеры его свиты упрашивали его удалиться, а баварцы быстро подвинулись и стали оспаривать у французовъ гласисъ. Не это ли та минута, о которой говоритъ въ своей прокламаціи генералъ Вимпфенъ, когда слѣдовало прорваться черезъ непріятельскіе ряды? Во всякомъ случаѣ, по его собственному показанію, во всей арміи оказалось не болѣе 2,000 человѣкъ, готовыхъ на это дѣло. Около 60,000 сильныхъ солдатъ превратились, подъ истребительнымъ прусскимъ огнемъ, въ совершенно-разстроенную массу—и горькія взаимныя обвиненія между офицерами и солдатами показываютъ, что еще задолго до этого сраженія въ арміи недоставало главнаго элемента силы. Нетолько между офицерами и солдатами не было ни малѣйшей пріязни, но офицеры даже боялись быть слишкомъ требовательными на счетъ дисциплины, чтобы солдаты прямо не отказали имъ въ послушаніи. Невозможно описать той сцены, когда Седанъ окружили, когда французская артиллерія перестала дѣйствовать, а нѣмецкія батареи бросали со всѣхъ сторонъ убійственныя ядра. Седанъ былъ похожъ на большой кипящій котелъ. Императоръ удалился въ городъ, чтобы не попасться въ толпу бѣжавшихъ отовсюду солдатъ, тогда какъ стоявшие еще

Дѣти-труженики (выселеніе на чужбину).

внѣ города, подъ градомъ пуль, войска, голодныя и раздраженныя, ругали своихъ офицеровъ и грозили открытымъ мятежемъ. Страшный пожаръ еще болѣе увеличивалъ всеобщее смятеніе—и такъ какъ впереди не было видно ничего кромѣ всеобщей погибели, то рѣшеніе сдать Седанъ побѣдителю все болѣе и болѣе зрѣло.

Императоръ не могъ противиться совѣтамъ благоразумія и человѣколюбія—и генералъ Лористонъ съ бѣлымъ знаменемъ въ рукѣ, импровизованнымъ при помощи уланской пики, взошелъ на стѣну, въ сопровожденіи трубача; но ревъ и громъ битвы заглушилъ звуки трубы. Генералъ остался незамѣченнымъ, и нѣмцы увидали этотъ первый знакъ своей великой побѣды только тогда, когда городскіе ворота были отперты. Въ ту же минуту огонь умолкъ, а когда по облитымъ кровью и одѣтымъ густымъ дымомъ высотамъ и равнинамъ распространилось извѣстіе, объяснявшее причину этой тишины, тогда со всѣхъ сторонъ поднялся такой радостный крикъ, какой только можетъ испустить сильное войско въ часъ великой побѣды. Тысячи касокъ, киверовъ и фуражекъ, тысячи штыковъ и сабель полетѣли въ воздухъ; даже раненые и изуродованные присоединили свой слабый голосъ къ этому радостному побѣдному крику. Одинъ офицеръ разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ рослый, сильно - сложенный прусскій солдатъ — который лежалъ въ борьбѣ съ смертью, придерживая правой рукою бокъ,—узнавъ причину шума, внезапно вскочилъ на ноги, и вытянувшись, какъ свѣча, громко закричалъ: «ура!», затѣмъ еще съ минуту помахалъ руками въ воздухѣ, пока изъ его раны брызнулъ потокъ крови—и воинъ молча, уже мертвый, повалился наземь на лежавшаго тутъ-же француза.

Наконецъ къ генералу Мольтке явился для переговоровъ генералъ Рейль. Онъ передалъ ему собственноручное письмо имперотора къ королю, которое было написано твердымъ почеркомъ и заключало въ себѣ слѣдующія слова: «Mon frère — n'ayant pu mourir à la tête de mon armée, je dépose mon épée au pied de votre Majestè» (Братъ мой—такъ какъ мнѣ не удалось умереть, то я кладу свою шпагу къ ногамъ вашего величества». Письмо это было сію же минуту отправлено къ королю, который находился съ своимъ штабомъ за Вадленкуромъ. Король отвѣчалъ вѣжливо, но твердо; а генералу Вимпфену тѣмъ временемъ, сообщили, условія сдачи: онѣ состояли въ томъ, чтобы вся французская армія съ оружіемъ, лошадьми и военными запасами сдалась въ плѣнъ. Было ли сдѣлано уже въ то время исключеніе въ пользу офицеровъ—неизвѣстно; но французскій начальникъ объявилъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ подпишетъ такую постыдную капитуляцію. Солнце закатилось—и король, а также и наслѣдный принцъ возвращались въ свои квартиры среди восторженныхъ привѣтствій солдатъ встрѣчавшихся имъ на пути. Даже запуганные сельскіе жители дѣлали видъ, что и они сочувствуютъ радости побѣдителя, иллюминуя, по мѣрѣ силъ своихъ, свои дома. Былъ уже поздній вечеръ, когда наслѣдный принцъ сѣлъ за столъ—и въ первый разъ, въ теченіи этого похода, былъ провозглашенъ тостъ; «за короля и армію» послышалось со всѣхъ сторонъ, и въ стаканахъ запѣнилось шампанское, какъ дань уваженія побѣдителямъ. Это было небывалое еще въ главной квартирѣ явленіе. Шампанское шло изъ императорскаго багажа, и вмѣстѣ съ другими столь же пріятными предметами было захвачено и принесено въ даръ принцу драгунскимъ полкомъ. Хотя армія была почти совершенно спокойна насчетъ заключенія мира, но за столомъ наслѣднаго принца не совсѣмъ раздѣляли эту увѣренность. А между тѣмъ колебаніе подписать капитуляцію не могло имѣть особеннаго значенія, такъ какъ по зрѣломъ размышленіи за ночь, и въ виду приготовленій къ слѣдующему дню,—приготовленій, ясно говорившихъ о томъ, что такъ или иначе но остатокъ французскаго войска долженъ будетъ сдаться,—положительный отказъ былъ бы истиннымъ безуміемъ. Во время переговоровъ французскіе офицеры открыто признавались въ томъ, что ихъ войска совершенно деморализованы; а одинъ изъ нихъ, осыпая ругательствами своихъ солдатъ, сказалъ по этому поводу: «ils tirent sur nous, leurs officiers (они стрѣляютъ въ насъ, своихъ офицеровъ)». Прусскимъ корпусамъ было отдано приказаніе обложить городъ—и когда зажглись бивуачные огни, Седанъ представлялъ собою видъ большаго чернаго пятна среди широкаго пояса огня, отражавшагося заревомъ на небѣ.

Въ десять часовъ утра предположено было бомбадировать городъ и бросать гранаты въ стоявшую внѣ его армію, если только капитуляція не будетъ подписана. Тѣмъ временемъ городъ и его окрестности представляли собою зрѣлище ужаса и отчаянной ярости, какъ будто бы туда выпустили адъ. Производя рано утромъ смотръ своимъ войскамъ, императоръ всюду, куда ни обращались его взоры, видѣлъ нѣмецкія войска, обложившія весь городъ и выстроившіеся въ боевомъ порядкѣ. Онъ пересталъ колебаться и собрался ѣхать къ королю — просить о смягченіи условій.

Съ этой цѣлью онъ сѣлъ въ свою коляску, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами своей свиты, и отправился въ Доншери. Графъ Бисмаркъ еще спалъ, когда адъютантъ принесъ ему поразительное извѣстіе: «сюда ѣдетъ императоръ для свиданія съ вами и королемъ». Тогда графъ, надѣвъ, какъ можно скорѣе, темный кирасирскій мундиръ съ желтыми отворотами и бѣлую походную фуражку, поспѣшилъ на встрѣчу императору. Онъ встрѣтилъ его за деревней и подошелъ къ нему съ обнаженной головой. Наполеонъ сдѣлалъ ему знакъ надѣть фуражку, на что союзный канцлеръ почтительно возразилъ ему: «ваше величество, я встрѣчаю васъ, какъ встрѣтилъ бы своего августѣйшаго повелителя». Вблизи того мѣста, гдѣ остановился экипажъ, стояла маленькая хижина, принадлежавшая одному ткачу. Графъ Бисмаркъ пошелъ къ ней, указывая дорогу Наполеону, и первый вошелъ туда. Первая комната оказалась не очень-то пріятною, и онъ взошелъ по лѣстницѣ на верхъ — но и на верху не было ничего кромѣ ткацкаго станка да домашней утвари. Поэтому онъ опять сошелъ внизъ и нашелъ императора сидѣвшимъ на обрубкѣ дерева. Изъ дома тотчасъ же вынесли два стула, и графъ Бисмаркъ сѣлъ по лѣвую сторону императора. Между ними завязался престранный разговоръ—и такъ какъ графъ Бисмаркъ сообщилъ его, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, нѣсколькимъ лицамъ, то этотъ разговоръ скоро, вѣроятно, перейдетъ въ исторію. Сначала разговоръ коснулся мира, но императоръ не могъ сказать Бисмарку на этотъ счетъ ничего положительнаго. Онъ нѣсколько разъ повторялъ, что онъ не имѣетъ ни власти вести переговоры о мирѣ, ни права отдавать приказанія арміямъ Макъ-Магона и Базена. Все—говорилъ онъ—зависитъ отъ императрицы, какъ отъ регентши и отъ министровъ. Бисмаркъ замѣтилъ, что въ

такомъ случаѣ излишне и разговаривать съ его величествомъ о политикѣ, а свиданіе его съ королемъ не имѣетъ никакой цѣли. Но когда императоръ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы ему лично переговорить съ королемъ, союзный канцлеръ объявилъ ему, что это невозможно до тѣхъ поръ, пока не будетъ подписана капитуляція. А такъ какъ разговоръ начиналъ принимать опасное направленіе, и положеніе обѣихъ сторонъ становилось (какъ разсказывалъ потомъ Бисмаркъ) все болѣе и болѣе затруднительнымъ, то его и прекратили. Графъ Бисмаркъ отправился къ королю, а императоръ сталъ держать совѣтъ съ своими офицерами.

Въ половинѣ 12-го, послѣ долгихъ переговоровъ между генералами Мольтке и Вимпфеномъ, при участіи союзнаго канцлера, капитуляція была заключена и подписана на нижеслѣдующихъ условіяхъ: гарнизонъ и седанская армія сдаются въ плѣнъ и будутъ отосланы въ Германію; офицеры же будутъ отпущены на свободу, давъ напередъ честное слово не принимать никакого участія въ настоящей войнѣ Франціи съ Пруссіей; лошади, пушки и вся амуниція будутъ переданы пруссакамъ; при этомъ было также, какъ слышно, говорено и о содержаніи императора въ плѣну въ одномъ изъ германскихъ городовъ. По заключеніи капитуляціи, король прусскій имѣлъ свиданіе съ императоромъ (который уже считался плѣннымъ) въ одномъ лѣсистомъ мѣстечкѣ въ окрестностяхъ Мааса. Недалеко отъ Седана, по ту сторону Мааса, находится прелестная дача, устроенная по образцу одного стараго замка, впрочемъ совершенно новая и съ теплицами по угламъ. Густой садъ отдѣляетъ отъ большой дороги эту дачу, изъ которой открывается великолѣпный видъ на долину и городъ. Въ два часа прибылъ туда король въ сопровожденіи наслѣднаго принца и генеральнаго штаба, съ кирасирскимъ конвоемъ, и принялъ императора, который явился также съ своимъ личнымъ штабомъ и кавалерійскимъ конвоемъ. Король и его плѣнникъ удалились въ одну изъ вышеупомянутыхъ стеклянныхъ теплицъ, такъ что свита могла видѣть, какъ они живо разговаривали между собою. Послѣ бесѣды съ королемъ, императоръ поговорилъ нѣсколько минутъ съ наслѣднымъ принцемъ, при чемъ онъ былъ повидимому чрезвычайно тронутъ вслѣдствіе дружественнаго расположенія къ нему короля. Губы его дрожали; имъ овладѣло такое волненіе, что онъ нѣсколько минутъ не могъ побѣдить его и утиралъ выступавшія слезы бывшею въ его рукѣ перчаткой. Въ особенности же, какъ казалось, заботился онъ о томъ, чтобъ не показываться больше своимъ собственнымъ солдатамъ. Этого нельзя было сдѣлать иначе, какъ проведя его сквозь нѣмецкія линіи.

3-го числа, около 9-ти часовъ вечера, въ проливной дождь, императорскіе экипажи, подъ конвоемъ эскадрона черныхъ гусаръ, проѣхали черезъ Доншери. Впереди ѣхалъ отрядъ гусаръ, а за нимъ императорская коляска. Наполеонъ былъ въ кепи и въ мундирѣ дивизіоннаго генерала, со звѣздою почетнаго легіона. Его лицо казалось утомленнымъ и осунувшимся; подъ глазами были глубокія морщины, что́ не мѣшало однакоже ему замѣчать все происходившее вокругъ него, такъ что онъ отвѣчалъ на поклонъ одного англичанина, который подошелъ взглянуть на него, когда поѣздъ остановился. Подлѣ него сидѣлъ офицеръ. Лошади были достойны императорскихъ конюшенъ, а правившій ими кучеръ такъ изященъ, какъ будто бы экипажъ этотъ возвращался изъ Булонскаго лѣса. Во время этой остановки, продолжавшейся не болѣе минуты, моему курьеру удалось увидать императора въ лицо. «Какъ же онъ перемѣнился-то» разсказывалъ онъ потомъ: «съ тѣхъ поръ какъ онъ жилъ подъ именемъ принца Наполеона въ моемъ домѣ, да и не отъ старости только». Императоръ крутилъ рукою усы, но и лицо и рука казались спокойными. За коляскою ѣхалъ шарабанъ съ французскими и прусскими офицерами, одѣтыми, большею частію, въ непромокаемые плащи. Въ числѣ послѣднихъ находились генералъ Бойенъ и графъ Линаръ, прикомандированные къ свитѣ императора. Затѣмъ слѣдовало отъ десяти до одиннадцати императорскихъ экипажей, шарабановъ и фургоновъ съ сидѣвшими въ нихъ офицерами. Нѣсколько французскихъ офицеровъ верхомъ, и около 60 верховыхъ и упряжныхъ лошадей съ управлявшими ими грумами, и наконецъ отрядъ черныхъ гусаровъ замыкали собою этотъ своеобразный поѣздъ, отправлявшійся черезъ Бельгію въ Вильгельмсгёге, близь Касселя.

Движеніе нѣмецкихъ армій, задержанное нѣсколько времени ненастною погодой, испортившею дороги, по которымъ трудно было перевозить тяжелыя артиллерійскія орудія, а равно и взрывомъ мостовъ на пути, не прекращалось однако, и 19-го сентября различные корпуса этихъ армій соединились подъ Парижемъ и окружили его со всѣхъ сторонъ. 20-го сентября квартира наслѣднаго принца прусскаго была въ Версалѣ, откуда и получено было извѣстіе, что Парижъ обложенъ по линіи отъ Версаля до Венсенна, причемъ французскій отрядъ корпуса Винуа, встрѣтившій нѣмцевъ по переправѣ ихъ черезъ Сену подъ городкомъ Со, былъ отброшенъ за линію парижскихъ фортовъ, причемъ въ руки побѣдителей досталось семь пушекъ и много плѣнныхъ.

Такимъ образомъ совершилось важное событіе, котораго ожидали послѣ седанскихъ битвъ: Парижъ обложенъ побѣдоносньмъ непріятелемъ, и въ настоящую минуту вѣроятно уже прервали всѣ его сношенія съ остальнымъ міромъ.... Что́ предпримутъ предводители прусско-нѣмецкихъ армій? Вотъ вопросъ, остающійся пока тайною. Судя по словамъ *Provinzial Correspondenz* (получающей, какъ извѣстно, внушенія изъ правительственныхъ сферъ Берлина), союзники не имѣютъ намѣренія бомбардировать Парижъ, что̀ было бы крайне затруднительно вслѣдствіе обширнаго протяженія линіи укрѣпленій, а хотятъ обложить его со всѣхъ сторонъ, отрѣзать ему сообщенія и, лишивъ его подвоза съѣстныхъ припасовъ и боевыхъ принадлежностей, принудить его къ сдачѣ. По всѣмъ извѣстіямъ и описаніямъ, взять приступомъ такой громадный городъ, снабженный тройною линіей укрѣпленій, едва ли возможно, и во всякомъ случаѣ крайне-затруднительно; но не менѣе затруднительно и защищать его при его двухъ-милліонномъ населеніи. Иное дѣло, если бы защитники Парижа имѣли въ своемъ распоряженіи регулярную армію, которая могла бы производить вылазки въ различныхъ пунктахъ и тревожить непріятеля; но французская армія не существуетъ: половина ея положила оружіе подъ Седаномъ, другая заперта въ Мецѣ, и все регулярное войско парижскаго гарнизона составляетъ корпусъ генерала Винуа, неуспѣвшій соединиться съ арміей Макъ-Магона и отступившій въ Парижъ,—къ нему присоединились потомъ бѣглецы изъ подъ Седана, но вмѣстѣ съ ними число регулярнаго войска (по разнымъ указаніямъ) простирается отъ 40 до 60 тысячъ, а Парижъ

окружаетъ армія отъ 350 до 400 тысячъ. При такихъ средствахъ нѣтъ никакой надежды на возможность дѣйствовать вылазками, и Парижане должны постоянно укрываться за своими фортами и укрѣпленіями. Для защиты ихъ они имѣютъ дѣйствительно 300,000 человѣкъ; но вся эта армія, хотя и одушевленная патріотизмомъ, состоитъ изъ національной гвардіи, изъ подвижной гвардіи, изъ волонтеровъ и такъ-называемыхъ вольныхъ стрѣлковъ, большею частью неопытныхъ и даже никогда недержавшихъ ружья въ рукахъ. Смотръ, произведенный генераломъ Трюшо 14-го сентября, возбудившій общій восторгъ въ Парижѣ, показалъ численность его защитниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ и недостатокъ ихъ средствъ: множество ихъ было одѣто въ блузы и пальто, за неимѣніемъ мундировъ, и вооружены самыми разнокалиберными ружьями. А между тѣмъ, для ежедневной службы на укрѣпленіяхъ потребно не менѣе 70,000 человѣкъ въ обыкновенное время, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, когда всѣ люди должны быть въ сборѣ. Всѣ прочія мѣры для защиты города продолжаются съ неослабною энергіей: окрестности Парижа съ ихъ красивыми лѣсами и изящными виллами опустошены и вызжены; также опустошены пространства между линіей укрѣпленій и внутреннимъ городомъ; въ Тюльерійскомъ саду, на бульварахъ и площадяхъ расположены палатки и бараки.

Между тѣмъ осада крѣпостей продолжается; подъ Мецомъ нѣмецкія войска устроили цѣлую линію укрѣпленій, опоясывающую весь городъ, сообщенія котораго прерваны. По отрывочнымъ слухамъ изъ разныхъ источниковъ, маршалъ Базенъ рѣшился держаться до послѣдней крайности; продовольствія и боевыхъ снарядовъ, какъ слышно, у него достанетъ на два мѣсяца. Нѣмцы начали уже обстрѣливать городъ, но 19-го, какъ сообщаетъ «Kölnische Zeitung», было заключено перемиріе на пять дней; значитъ военныя дѣйствія должны были возобновиться 24-го сентября,—и тогда, по словамъ той же газеты, осаждающіе должны были рѣшить, должно ли продолжать бомбардированіе города или ограничиться его обложеніемъ. Осада Страсбурга продолжается; непріятель безпрерывно бомбардируетъ его и положеніе его самое безнадежное. Бичь и Верденъ еще держатся, но Туль 23-го сентября сдался на условіяхъ седанской капитуляціи. Получены извѣстія, что прусская резервная армія ожидается въ Бельфорѣ.

Понимая свое безвыходное положеніе, французское временное правительство рѣшилось вступить въ переговоры—и въ этомъ отношеніи оно находится въ крайнемъ затрудненіи, такъ какъ прусскія власти въ сообщеніи (communiqué), присланномъ ими въ реймскія газеты, прямо объявили, что со стороны иностранныхъ державъ не было никакихъ попытокъ къ посредничеству и быть ихъ не могло до тѣхъ поръ, пока сама Германія не согласится на условія, на основаніи которыхъ можно открыть переговоры о мирѣ; далѣе «сообщеніе» говоритъ, что нѣмецкія правительства признаютъ до сихъ поръ возможнымъ начать переговоры только съ законнымъ правительствомъ, и единственное признанное ими таковымъ есть правительство императора Наполеона; вслѣдствіе этого переговоры могутъ начаться только съ нимъ, или съ регентствомъ, которое онъ установилъ, или съ маршаломъ Базеномъ, получившимъ власть отъ него. Понятно, какія условія мира можно предписать Наполеону, проживающему плѣнникомъ въ Вильгельмсгёгэ, или Базену, окруженному въ Мецѣ непріятельскими войсками....

Временное правительство, часть котораго выѣхала въ Туръ въ виду обложенія Парижа *), отправило, какъ мы уже сообщали, г. Тьера съ порученіемъ въ Лондонъ, Вѣну и С.-Петербургъ. Въ чемъ состоитъ это порученіе—достовѣрно не извѣстно; но по всѣмъ предположеніямъ оно имѣетъ цѣлію склонить великія нейтральныя державы къ посредничеству, которое могло бы доставить Франціи сколько нибудь сносный миръ. Въ Лондонѣ, какъ утверждаютъ англійскія газеты, г. Тьеръ не имѣлъ никакого успѣха; оттуда онъ возвратился въ Туръ, и затѣмъ 23-го сентября вечеромъ прибылъ въ Вѣну, 24-го утромъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ графомъ Бейстомъ и въ тотъ же день выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Между тѣмъ, еще 19-го сентября, г. Жюль Фавръ черезъ Лондонъ предложилъ графу Бисмарку вопросъ, можетъ-ли онъ начать переговоры съ нимъ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, отправился въ нѣмецкую главную квартиру. Какія основанія приняты были для переговоровъ—лондонскія телеграммы (изъ которыхъ мы заимствуемъ эти послѣднія извѣстія) не сообщаютъ ничего положительнаго. Тѣ-же извѣстія гласятъ, что свиданіе гг. фонъ-Бисмарка и Жюля Фавра произошло 22-го сентября въ Ферьерѣ, имѣніи Ротшильда, близь Мо, гдѣ находится главная квартира прусскаго короля. Предметомъ совѣщаній, по словамъ лондонскихъ газетъ, былъ вопросъ, какимъ образомъ предложено будетъ учредительному собранію (созванному на 2-е сентября) соглашеніе съ временнымъ правительствомъ, если таковое послѣдуетъ, и какія гарантіи получитъ Германія. По увѣренію *Daily Telegraph*, г. Жюль Фавръ имѣлъ полномочіе отъ временнаго правительства предложить срытіе крѣпостей, уплату 2½ мильярдовъ франковъ за военныя издержки и въ крайнемъ случаѣ согласиться на образованіе изъ Эльзаса и Лотарингіи отдѣльнаго нейтральнаго государства. Переговоры эти окончились неудачей, какъ сообщаетъ телеграмма изъ Тура; въ ней сказано, что графъ Бисмаркъ требуетъ—какъ предварительнаго условія для переговоровъ—сдачи всѣхъ крѣпостей Эльзаса и Лотарингіи а равно и форта Монъ-Валаріана, сильнаго укрѣпленія на восточной сторонѣ Парижа на берегу Сены. Такъ какъ, по мнѣнію временнаго правительства, подобныя условія принять невозможно, то оно обратится съ прокламаціей къ націи, въ которой изложитъ ей всѣ дѣйствія относительно переговоровъ и укажетъ на новыя средства національной защиты. Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла до 24-го сентября.

P. S. По послѣднимъ телеграфнымъ извѣстіямъ, полученнымъ 16-го сентября вечеромъ, Страсбургъ сдался на капитуляцію.

*) Въ Турѣ находятся въ настоящее время г. Кремье, министръ юстиціи, и представители всѣхъ министерствъ, которымъ поручено управлять департаментами во время разобщенія Парижа съ остальною Франціей.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 18 Сентября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад., д. № 45—1

№ 39. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногороднихъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ,** Unter den Linden, **№ 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.**

Комната дяди Джофрея.

(*Окончаніе*).

III.

Когда послѣдній звукъ шаговъ Беатрисы замеръ въ отдаленіи, я вдругъ почувствовала вокругъ себя какую-то странную пустоту,—но собравъ присутствіе духа, начала увѣрять себя, что все это просто—«славная потѣха» какъ выразился бы Гюго, и торопливо принялась готовить себѣ постель, не давая времени разыграться нервамъ.

Снявъ бальное платье, я переодѣлась въ теплую блузу и обулась въ мѣховыя туфли, которыя были какъ нельзя болѣе кстати въ этой холодной какъ погребъ комнатѣ. Оставалось только заплести косы, а это заняло довольно времени; я усѣлась передъ зеркаломъ и не могла удержаться чтобъ не помечтать, позабыла холодъ, страхъ и тому подобныя вещи, думая объ томъ: поправитъ-ли Гюго свои семейныя дѣла, женясь на миссъ Барнетъ? Со всею утонченностью самоистязанія, которое едва-ли когда развито въ такой сильной степени какъ въ восемнадцать лѣтъ, я строила въ своемъ воображеніи множество самыхъ мрачныхъ воздушныхъ замковъ: видѣла Гюго женатымъ на богатой наслѣдницѣ,—Беатрису поселившеюся далеко отъ Ериклифа,—а двери милаго стараго дома навсегда запертыми для меня. Потомъ я мысленно перешла къ моей собственной будущности, рисуя ее въ себѣ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ—будто я живу въ чужой для меня сторонѣ, съ родителями, которыхъ едва знаю по имени и по смутнымъ воспоминаніямъ. Долго сидѣла я задумавшись и грустно устремивъ взоры въ глубину зеркала, но вдругъ я внезапно увидѣла, что прямо со стѣны смотрятъ на меня два темныхъ глаза—тѣмъ серіознымъ, торжественнымъ взглядомъ, который всегда присущъ глазамъ портрета. Я поспѣшно обернулась и посмотрѣла на портретъ, незамѣченный мною прежде; теперь лучъ свѣта прямо упалъ на него—портретъ представлялъ молодаго человѣка довольно пріятной наружности, но въ глазахъ его было какое-то напряженно-близорукое выраженіе, а на губахъ играла какъ будто подавленная усмѣшка, что̀ и портило общее впечатлѣніе физіогноміи. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ портретъ самого дяди Джофрея; чей-же еще могъ висѣть въ этой комнатѣ, между тѣмъ какъ всѣ остальные занимали самыя почетныя мѣста въ залѣ? Призрачные глаза портрета заставили меня вздрогнуть—и я какъ очарованная не въ силахъ была оторвать отъ него своего пристальнаго взгляда, чувствуя съ каждою минутою, что вотъ-вотъ нарисованныя губы зашевелятся, и портретъ укажетъ мнѣ пальцемъ, гдѣ спрятаны зарытыя сокровища. Да, легко было смѣяться надъ привидѣніями въ веселыхъ уютныхъ комнатахъ наверху; но иное дѣло въ этой мрачной ужасной комнатѣ—да вдобавокъ въ присутствіи этихъ призрачныхъ глазъ, прямо и упорно глядящихъ на меня со стѣны. Ощущеніе какой-то холодной дрожи пробѣжало по моей спинѣ и дало мнѣ понять, что нервы мои окончательно разстроились; этому нельзя уже было ничѣмъ помочь — оставалось поскорѣе нырнуть въ постель, закутаться съ головой въ теплое мѣховое одѣяло и проспать эти ужасные ночные часы вплоть до разсвѣта.

Внезапно рѣшась исполнить свое намѣреніе, я вско-

чила съ мѣста, и въ поспѣшности нечаянно задѣла локтемъ подсвѣчникъ; онъ съ глухимъ шумомъ упалъ на полъ, свѣча погасла, и я осталась одна въ совершенной темнотѣ.

Это была ужасная минута; однако же въ моемъ приключеніи было что-то занимательное, придавшее мнѣ храбрости,—и я мгновенно вспомнила, что въ залѣ нѣсколько минутъ тому назадъ еще весело пылали дрова, а сверхъ того надъ каминомъ всегда стояли двѣ незажженныя свѣчи съ коробкой спичекъ. Раздѣваться же здѣсь, въ темнотѣ, глазъ на глазъ съ ужаснымъ портретомъ, было положительно немыслимо—и хотя не вполнѣ увѣренная въ своихъ дѣйствіяхъ, я все-таки стала ощупью и гадательно пробираться по направленію къ двери, протянувъ руки впередъ. Вдругъ моя нога за что-то зацѣпилась—вѣроятно за прорванный коверъ—и я споткнулась, но не упала, потому что меня удержала на мигъ какая-то стѣна или вѣрнѣе дверь, которая, уступивъ моему толчку, должно-быть растворилась, такъ какъ я въ ту же минуту опять подалась впередъ и слышала, какъ за мной что-то захлопнулось съ рѣзкимъ скрипомъ. Разумѣется, я должна была очутиться въ залѣ; но почему же вокругъ меня такая ужасная темнота? Неужели каминъ, который здѣсь топился, могъ погаснуть въ такое короткое время? и если-бы дѣйствительно такъ случилось, то почему же не было ни малѣйшаго свѣта изъ окна выходившаго на лѣстницу, и отчего же на меня повѣяло такимъ страннымъ спертымъ запахомъ, какъ будто въ то мѣсто, гдѣ я теперь находилась, никогда не проникалъ свѣжій воздухъ? Я на минуту пріостановилась какъ ошеломленная, но потомъ стала опять пробираться вдоль стѣны, у которой—какъ мнѣ помнится—стоялъ столъ въ нѣсколькихъ шагахъ направо отъ двери, ведущей въ комнату дяди Джофрея. Я искала его ощупью, подаваясь все впередъ, впередъ и впередъ, но вдругъ стукнулась объ уголъ какой-то другой стѣны; обогнувъ его, я еще немного подвинулась, и въ это время наткнулась на что-то такое въ родѣ сундука или ящика, довольно высокаго—какъ разъ мнѣ по поясъ. Я все пробиралась далѣе, а вокругъ меня оказывались опять сундуки, ящики, мѣшки. Гдѣ же, гдѣ это я? Не было-ли буфета въ той комнатѣ? Нѣтъ, нѣтъ, я знала навѣрно, что буфета здѣсь никогда не бывало. И опять съ изнова принималась я искать дверную ручку, но деревянныя стѣны были совершенно гладки—не было и признака двери въ этой комнатѣ, а я уже нѣсколько разъ обошла кругомъ мою тюрьму. Ошеломленная и испуганная, я (сколько мнѣ помнится) принялась кричать—и тутъ мною внезапно овладѣло полное сознаніе того, что мои недавнія легкомысленныя слова такъ ужасно оправдались. Нѣтъ сомнѣнія, что я случайно нашла потайную коморку, въ существованіе которой теперь уже никто не вѣрилъ,—и даже можетъ-быть, судя по этимъ сундукамъ и ящикамъ стоящимъ вдоль стѣны, я напала на то мѣсто, гдѣ спрятаны сокровища. Голосъ мой страшно отдавался въ четырехъ стѣнахъ; никто не приходилъ ко мнѣ на помощь, не слышно было ни звука, ни шороха.

Съ тѣхъ поръ я не могу безъ ужаса вспомнить, какое глубокое отчаяніе овладѣло мною въ эту минуту. Я знала уже, что никто не освободитъ меня изъ моей тюрьмы, и должна была оставаться одна, можетъ-быть на долгое время, въ этой ужасной комнатѣ. Право, мнѣ казалось, что я съ ума схожу. Я чувствовала, что силы совсѣмъ оставляютъ меня, и самое это сознаніе придало мнѣ бодрости на попытку возвратить себѣ присутствіе духа. Прежде всего я предала себя на волю Божію, а потомъ вспомнила, что приключеніе мое скорѣе забавно чѣмъ страшно. Должно-быть я находилась въ одной изъ впадинъ въ стѣнѣ—вѣроятно въ наружной капитальной стѣнѣ—и разумѣется, хотя бы и много потребовалось времени для того, чтобы отъискать секретную пружину, которую я нечаянно пожала споткнувшись, но съ другой стороны меня весьма легко освободить. Стòитъ только выломать доску изъ стѣны. Горничная дѣвушка въ семь или въ восемь часовъ придетъ вѣроятно звать меня къ чаю — и мнѣ вовсе не слѣдуеть надрываться понапрасну, а надо поберечь свой голосъ, чтобы она услыхала меня, когда взойдетъ въ комнату дяди Джофрея, и поняла бы, гдѣ я нахожусь. Съ этимъ намѣреніемъ я сѣла на полъ, гдѣ-то въ срединѣ этой тѣсной коморки, и протянувъ впередъ мою руку, старалась пододвинуть къ себѣ одинъ изъ сундуковъ, чтобы прислониться къ нему спиной. Боже мой, что это я тронула рукою? что-же такое висѣло въ воздухѣ по сю сторону сундука? Мои холодные пальцы прикоснулись къ другимъ, жесткимъ, негнущимся, костлявымъ пальцамъ. Какой-то предметъ—я ни на что не смѣла и подумать — лежалъ на крышкѣ сундука, и когда я дотронулась до него, то вдругъ онъ упалъ прямо около меня, съ такимъ страшнымъ разсыпчатымъ звукомъ, отозвавшимся громкимъ гуломъ по всему пространству. Ужасъ, обезсиливающій ужасъ овладѣлъ мною, и въ первый разъ въ жизни я упала въ обморокъ. Потомъ я помню, что сознаніе того, гдѣ я нахожусь, возвращалось ко мнѣ очень медленно. Когда я пришла въ себя, первымъ моимъ движеніемъ было: какъ можно плотнѣе обвернуть вокругъ себя мое платье, чтобы этотъ ужасный предметъ не касался меня. Затѣмъ новый страхъ охватилъ меня—я стала думать о томъ: сколько времени продолжался мой обморокъ? Очень можетъ быть, что горничная дѣвушка уже входила въ комнату, звала меня, въ то время какъ я лежала безъ чувствъ и не въ состояніи была откликнуться на ея слова. Если это такъ, то можетъ-быть дни, даже цѣлыя недѣли проминутъ, прежде чѣмъ кто-нибудь войдетъ въ эту роковую комнату. Было нѣчто мучительное въ мысли, что меня будутъ искать по всему дому, удивляться моему исчезновенію, между тѣмъ какъ я принуждена буду сидѣть въ заперти, голодная, почти умирающая и подверженная самымъ жестокимъ мученіемъ медленной агоніи. Я вспомнила объ участи злополучной невѣсты, въ старой балладѣ «Mistletoe Bough»,—и слезы, которыхъ я не въ состояніи была проливать объ моемъ собственномъ положеніи, обильно потекли изъ глазъ при воспоминаніи о той бѣдѣ, давно уже прошедшей, даже можетъ-быть никогда и не существовавшей въ дѣйствительности. А невыносимые часы медленно ползли все впередъ и впередъ. Я не могла удержаться отъ мысли о томъ, что худшія опасенія мои сбываются. День вѣроятно уже насталъ, хотя въ мою мрачную могилу не проникалъ ни малѣйшій лучъ свѣта. Мнѣ казалось, что балъ кончился уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ и что прошли многіе-многіе часы, съ тѣхъ поръ какъ я сижу здѣсь взаперти. Сильный холодъ, который я чувствовала, жажда палившая мнѣ горло, необыкновенная слабость во всѣхъ членахъ—подкрѣпляли это убѣжденіе. Не начинались-ли уже во мнѣ первыя муки агоніи, которая кончается смертію?

Эта ужасная мысль лишила меня всякаго само-

обладанія, и я разразилась пронзительными криками: «Помогите! помогите! неужели никто не услышитъ меня?.. Ахъ, не хочу я.... не хочу умирать здѣсь... умирать такой страшною смертью!».. и я принялась кричать еще сильнѣе. О, радость изъ радостей!.. на мои отчаянные вопли наконецъ отвѣтили. Да, я услышала голосъ, молодой звучный голосъ, который хоть и глухо какъ-то звучалъ, но все-таки слышался не вдалекѣ отъ меня.

— Что случилось? въ чемъ дѣло, чортъ побери?

— Вы здѣсь, Гюго? это я—Кэтти — о, выпустите меня, выпустите меня поскорѣе отсюда!

— Кэтти? но гдѣ же это вы? вашъ голосъ раздается какъ будто изъ стѣны.

— Да, да, я въ стѣнѣ: кажется, это потайная комор-ка; но я не знаю, что тутъ такое; здѣсь такіе ужасы! Милый, добрый Гюго, можете-ли вы освободить меня отсюда?

— Разумѣется; но какимъ образомъ вы попали туда, чортъ возьми?

— Изъ ужасной комнаты дяди Джофрея, гдѣ я легла спать вмѣсто Беатрисы.

— Ну, въ такомъ случаѣ я лучше обойду кругомъ въ комнату.

И голосъ Гюго затихъ, оставя меня въ совершенномъ недоумѣніи относительно того, гдѣ онъ находится. Но въ то время, когда ощущеніе полнаго одиночества снова начало овладѣвать мною, мнѣ послышались чьи-то торопливые шаги и шумъ отворяемыхъ дверей, и потомъ опять его милый, дорогой голосъ (который всегда являлся такъ кстати, въ особенности теперь) раздался съ противуположной стороны, но уже совершенно явственно.

— Говорите, Кэтти, я никакъ не могу догадаться, гдѣ вы находитесь?

— Здѣсь, здѣсь; о, вы не захотите оставить меня тутъ, Гюго! Я споткнулась и должно-быть тронула пружину. Скажите—гдѣ, гдѣ-же я?

— Какъ все это необыкновенно странно! Бѣдная Кэтти, я полагаю, что вы сидите въ самой толщѣ одной изъ стѣнъ. Вотъ такъ потѣшное положеніе!

Минуту спустя онъ проговорилъ уже совсѣмъ серіознымъ голосомъ, который такъ успокоительно подѣйствовалъ на мои нервы. — Кэтти, я долженъ буду оставить васъ на нѣсколько минутъ, иначе я здѣсь Богъ вѣсть сколько времени провожусь, прежде чѣмъ отыщу потайную пружину. Лучшій способъ будетъ — вынуть доску, а для этого надо позвать Адамса съ инструментами. Къ счастію, нынѣшнюю ночь, по случаю разныхъ починокъ и приготовленій къ балу, онъ ночевалъ въ замкѣ. Мнѣ стоитъ только разбудить его, потому что онъ вѣроятно еще не вставалъ, а времени на это понадобится очень немного, всего нѣсколько минутъ.

— Вы говорите, что онъ еще не вставалъ? Но который же теперь часъ?

— На моихъ часахъ ровно половина седьмаго.

— Неужто—утра? О, мнѣ казалось, что я просидѣла здѣсь уже нѣсколько лѣтъ. Я была даже увѣрена, что горничная дѣвушка давно приходила въ эту комнату, звала меня, но я не слыхала и проглядѣла ее. Гюго, вы не ушли еще?

— Не ушелъ, но ухожу.

— О, нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не оставляйте меня! Если вы уйдете хоть и на пять минутъ, все равно онѣ покажутся мнѣ цѣлымъ часомъ; я не могу выносить этого, право не могу. Мнѣ было совѣстно за такое ребячество, но все-таки я не могла пересилить себя и разразилась слезами и рыданіями. Гюго отвѣчалъ на мои слова такимъ нѣжнымъ, ласковымъ тономъ, какого я никогда прежде и не слыхивала.

— Кэтти, милая, дорогая моя!.. сказалъ онъ: — вы вынесли сильное потрясеніе—и мы никогда не простимъ себѣ того, чему мы подвергли васъ. Но вы должны быть поразсудительнѣе—и повѣрить мнѣ, что я не промедлю ни одной минуты. Я теперь ухожу, Кэтти; не пугайтесь, пожалуйста! Черезъ нѣсколько минутъ вы будете совершенно свободны.

Проговоривъ эти слова, онъ ушелъ. Я опять осталась одна, но не успѣли еще мои нервы снова разыграться, какъ я услыхала другіе шаги и другіе голоса, собравшіеся въ комнатѣ дяди Джофрея; обо мнѣ, казалось, сожалѣли, но въ тоже время слегка и подтрунивали надомною, что впрочемъ доставляло мнѣ удовольствіе, такъ какъ я до сихъ поръ видѣла въ моемъ приключеніи только одну ужасную сторону и совсѣмъ упустила изъ виду, что къ нему примѣшивалось много смѣшнаго. Я различила голоса Беатрисы, милаго добродушнаго сквайра и его жены, а потомъ наконецъ и тотъ голосъ, который былъ для меня всѣхъ дороже; вскорѣ я услыхала, какъ Адамсъ усердно спѣшилъ выломать доску изъ стѣны, и наконецъ—о благословенная минута! —я увидала всѣхъ членовъ семейства со свѣчами въ рукахъ. Меня протащили въ узкое отверстіе, и поддерживаемая Гюго, ошеломленная внезапнымъ ощущеніемъ свободы, я безпомощно опустила свою голову на его плечо—и что было дальше, не помню. Черезъ нѣсколько минутъ я пришла въ себя и увидала, что лежу на постели, а вокругъ меня хлопотали мистриссъ Пагонель и Беатриса, между тѣмъ какъ Гюго и мистеръ Пагонель казалось внимательно осматривали таинственную коморку, секретъ который мнѣ пришлось такъ нечаянно открыть. Я слышала сначала восклицанія удивленія и радости, а затѣмъ какъ будто ужаса — но тутъ вмѣшалась мистриссъ Пагонель и заявила, что меня непремѣнно слѣдуетъ перенести въ болѣе теплую и веселую комнату. Сквайръ подошелъ ко мнѣ и подалъ руку; взглянувъ на него, я замѣтила, что на его широкомъ румяномъ лицѣ было выраженіе ужаса, и слышала какъ онъ шепнулъ Гюго: «ужасно!.. не справедливо ли Писаніе: «мщеніе въ Моихъ рукахъ, и Я воздамъ, говоритъ Господь».

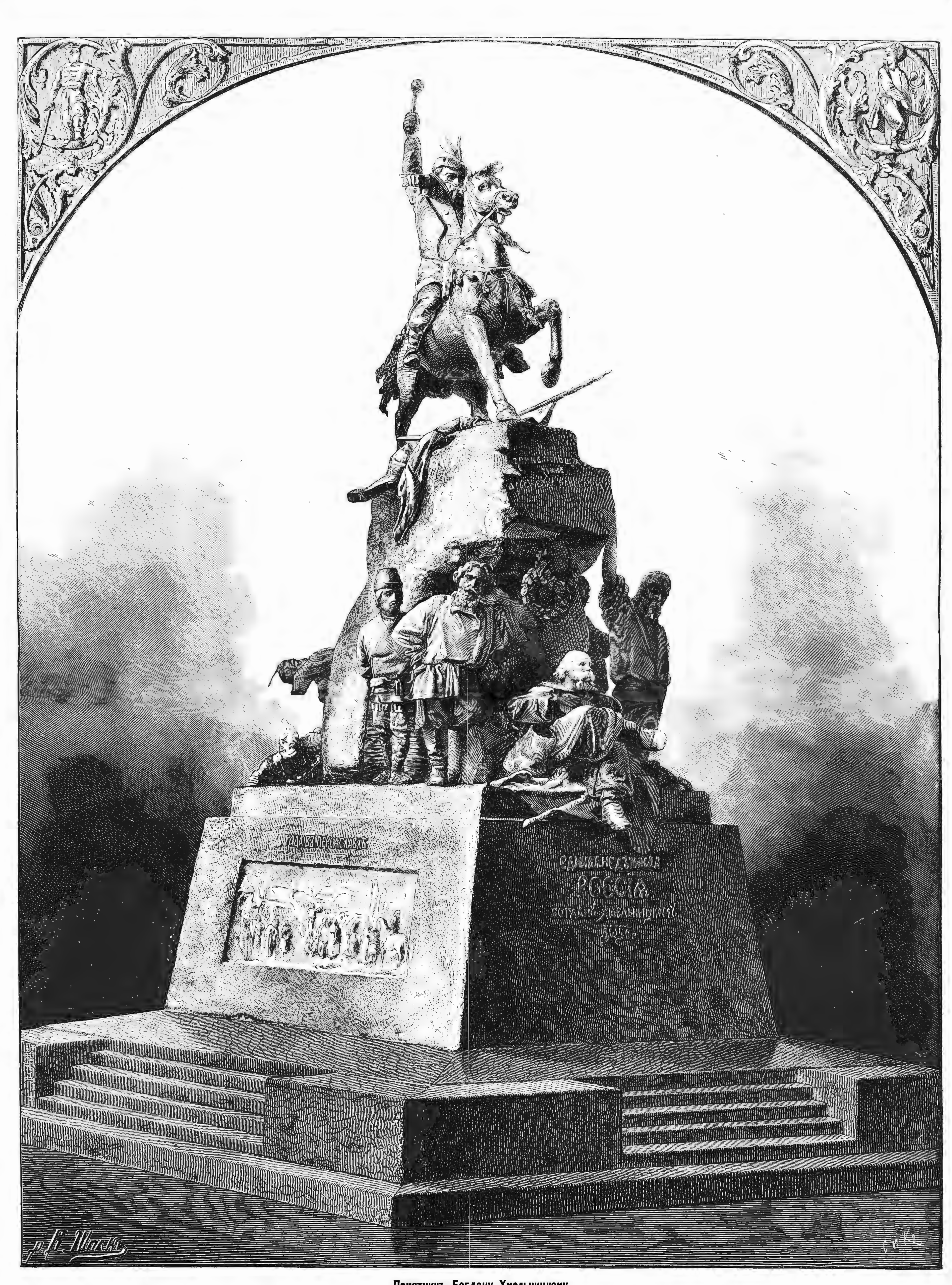
Весь этотъ день мнѣ сильно нездоровилось: у меня до такой степени болѣла голова, что мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ лежать все время въ постели и терпѣть. Но къ вечеру я заснула крѣпкимъ сномъ, послѣдствіемъ котораго было мое полное выздоровленіе. Я отдернула занавѣсъ у постели и увидала не безъ удовольствія (я была въ комнатѣ мистриссъ Пагонель), что Беатриса сидитъ у камина и распоряжается приготовленіемъ вкуснаго чаю.

— О, Кэтти, я такъ огорчена!.. были ея первыя слова.

— Тутъ вовсе нечѣмъ огорчаться, Беатриса; все прошло и я совершенно здорова, отвѣчала я, вставая и начиная приводить въ порядокъ прическу и платье, потомъ усѣлась въ спокойное кресло, которое Беатриса придвинула для меня поближе къ камину.

— Только растолкуйте мнѣ, пожалуйста, въ самомъ ли дѣлѣ я нашла потайную коморку?

— Да, дѣйствительно, сказала Беатриса, подавая

Памятникъ Богдану Хмельницкому.

Съ модели исполненнаго академикомъ М. О. Микѣшинымъ, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ Л. Сѣряковъ.

мнѣ чашку чаю, которому я такъ обрадовалась какъ никогда въ жизни,—вы нашли и потайную коморку и самыя сокровища: такое множество сундуковъ, мѣшковъ съ деньгами, и всѣ брилліанты и посуду, списокъ которыхъ находится у насъ въ семейныхъ бумагахъ, но которыхъ мы никакъ не могли отыскать. О Кэтти, чѣмъ мы можемъ отблагодарить васъ? Я полагаю, что теперь ужь кончатся всѣ безпокойства и тревоги папа.

— Слава Богу! для этого вѣдь стоило помучиться. Но, Беатриса, объясните же мнѣ, какъ попали туда всѣ сокровища. Что-же могло статься съ несчастнымъ дядей Джофреемъ? Вы не повѣрите, какіе ужасы грезились мнѣ объ немъ.

— Увѣрены-ли вы что, это вамъ только пригрезилось? возразила Беатриса тихимъ голосомъ, и когда я вопросительно посмотрѣла на нее, она вся дрожа сказала: —да, моя бѣдная, милая Кэтти, его дѣйствительно постигла та судьба, которой вы такъ страшились. Какъ все это случилось—разумѣется, никто не можетъ навѣрно сказать, да при томъ-же мы могли придти къ ложному заключенію; но какъ-бы то ни было, въ комнатѣ найденъ скелетъ—вѣроятно его. Джофрей должно быть уморилъ себя съ голоду посреди накопленнаго богатства.

— Да, накопилъ и продалъ за деньги свою душу, несчастный, бѣдный человѣкъ!.. отвѣтила я съ дрожью; разговоръ объ этомъ предметѣ былъ для меня слишкомъ тяжелъ—и когда Беатриса начала оспаривать, что не стóитъ сожалѣть объ такомъ злодѣѣ, у меня не хватило духу поддакнуть ей. Для нея тотъ ужасъ, который я испытала, казался какимъ то смутнымъ неправдоподобнымъ событіемъ, мерцавшимъ какъ будто въ туманѣ многихъ прошедшихъ годовъ; но для меня онъ былъ живою дѣйствительностію, дѣломъ нынѣшняго дня.

Я чувствовала себя еще не настолько здоровой, чтобы принять участіе въ ужинѣ фермеровъ; но все-таки я сошла внизъ и усѣлась въ маленькой *комнаткѣ чаръ;* туда приходили навѣщать меня всѣ гости, по одному или по двое. Послѣднимъ моимъ посѣтителемъ былъ Гюго, который, кончивъ всѣ распоряженія и хлопоты относительно ужина, явился узнать объ моемъ здоровьи.

— Какъ вы блѣдны, Кэтти! сказалъ онъ, садясь около меня,—вы кажетесь ни чуть не краше того, какъ были въ комнатѣ дяди Джофрея. Какое однако счастіе, что мнѣ не спалось въ ту ночь послѣ бала и пришло въ голову встать до разсвѣта—пострѣлять дикихъ утокъ.

— О, такъ вотъ какъ это было!

— Да, именно. Услыхавъ вашъ голосъ такъ явственно со двора, я предположилъ, что въ стѣнѣ должна быть трещина наружу; впрочемъ, мы завтра хорошенько обойдемъ и разсмотримъ это мѣсто. Бѣдный дядя Джофрей! онъ все-таки далъ хорошій оборотъ нашимъ дѣламъ, и кости его наконецъ будутъ погребены, какъ подобаетъ истинному христіанину.

Я не могла равнодушно слышать, какъ только заговаривали объ этомъ предметѣ; Гюго замѣтилъ это и быстро продолжалъ:

— А, знаете-ли, Кэтти, что вы открыли для насъ настоящія золотыя розсыпи? Папа говоритъ, что большая часть изъ найденнаго богатства должна пойти въ пользу бѣдныхъ, иначе—онъ думаетъ—оно не пойдетъ намъ въ прокъ; но все-таки денегъ совершенно достаточно чтобы выкупить пожизненный залогъ, который такъ сильно смущалъ папа.

— Я такъ рада за него.

— А про меня и говорить нечего. Вы вѣроятно и не воображали — до какой степени я былъ несчастливъ въ эти послѣдніе дни.

Я чувствовала, что при моей слабости и разстройствѣ я не могла бы отвѣчать ему безъ того, чтобы не расплакаться, и потому промолчала; но Гюго черезъ минуту опять обратился ко мнѣ.—Позволите-ли вы мнѣ, Кэтти, показать вамъ завтра всю старую посуду и драгоцѣнности? О, какіе великолѣпные брилліанты, куда ужъ тягаться противъ нихъ миссъ Барнетъ! Но одинъ изъ нихъ я долженъ вамъ показать сейчасъ же, до завтра я не могу отложить.

Онъ взялъ мою руку—и держа надъ моимъ среднимъ пальцемъ брилліантовое колечко, хотя и стариннаго фасона въ отдѣлкѣ, но съ превосходными камнями необыкновенной величины и блеска, снова заговорилъ:

— Кэтти, ангелъ мой, мы сегодня провѣряли эти вещи по списку. Сказать-ли вамъ названіе, подъ которымъ числится это колечко? *Залогъ вѣрности, обручальное кольцо*, такъ оно постоянно и переходило изъ одного поколѣнія Пагонелей къ другому. Кэтти, не принадлежимъ-ли мы уже одинъ другому? Обѣщаете-ли вы мнѣ не ѣхать болѣе въ Индію? Могу-ли надѣть это колечко на вашъ палецъ?

Такимъ образомъ Гюго удалось исполнить свое желаніе: украсить будущую жену брилліантами, превосходящими драгоцѣнности миссъ Барнетъ,—и вотъ чтó вышло изъ моего ужаснаго ночлега въ комнатѣ дяди Джофрея.

Памятникъ Богдану Хмельницкому.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена модель памятника Богдану Хмельницкому, исполненная художникомъ М. О. Микѣшинымъ, авторомъ памятниковъ: «тысячелѣтія Россіи», «Екатеринѣ II», «адмиралу Грейгу» и проч.

Новое произведеніе нашего высокоталантливаго ваятеля запечатлѣно особенною мощью творчества — какъ въ замыслѣ, такъ и въ выполненіи. Славный малороссійскій гетманъ, верхомъ на степномъ конѣ, грозно потрясая булавою, вскакалъ на вершину скалы; подъ ногами коня поверженная фигура — повидимому іезуита; ниже на обрывѣ лѣпится сраженный шляхтичъ, въ ужасѣ прикрывая голову отъ копытъ промчавшагося коня; еще ниже, жидъ-арендаторъ въ страшныхъ корчахъ испускаетъ духъ. Грозенъ и радостенъ «казацкій батько», свободною рукой онъ кажетъ вдаль (по проекту постановки памятника—на сѣверъ) на Москву, какъ бы предвѣщая то важное событіе, которое имѣетъ совершиться въ бѣлокаменной собирательницѣ городовъ русскихъ.

Внизу, подъ скалою типы русскихъ племенъ, игравшихъ главную роль въ этомъ событіи.

Какія же это племена, что это за событіе?

1 октября 1653 г. въ Москвѣ совершилось великое событіе—собрался Земскій Соборъ (выборные отъ всѣхъ сословій русской земли) совѣщаться о великомъ дѣлѣ: внять ли мольбамъ гетмана Хмельницкаго и принять его въ подданство со всею Малороссіей, или нѣтъ? Земскій Соборъ единогласно рѣшилъ: принять; всѣ сословія заявили готовность биться съ польскимъ королемъ за древнее достояніе Владиміра Святаго, Ярослава Мудраго и Владиміра Мономаха. Патріархъ (знаменитый Никонъ) и все духовенство заявили, что они будутъ молить Бога, Пресвятую Дѣву и всѣхъ святыхъ о пособіи на одолѣніе врага святой православной вѣры

8 января 1654 года собралась Казацкая Рада въ Переяславлѣ, тамъ были уже послы царя Алексѣя Михайловича, гетманъ открылъ Раду и спросилъ народъ, хотятъ ли они отдаться подъ власть бусурмановъ: Крымскаго Хана или Турецкаго Султана, или хотятъ опять подъ власть Польскаго Короля и опять терпѣть отъ пановъ всякія притѣсненія? Или желаютъ быть подданными Православнаго Царя? *Мы*, добавилъ гетманъ, *съ православіемъ Великой Руси едино тѣло церкви, имѣющее главою Іисуса Христа.*

Народъ единогласно заявилъ, что хочетъ жить подъ высокою рукою Православнаго Царя.

Такъ совершилось возсоединеніе Великой и Малой Россіи, возобновлялось великое дѣло собирателей земли русской. Великіе собиратели земли русской съ одними силами Великой Руси не въ силахъ были вырвать изъ рукъ Польши древнее достояніе земли русской; мало того, пользуясь русскими силами, бывшими у ней въ рукахъ, Польша при Іоаннѣ IV отняла у насъ Полоцкъ, въ смутное время—Смоленскъ. Совсѣмъ иначе пошли дѣла послѣ соединенія Великой и Малой Руси. Не прошло ста лѣтъ—и Россія, сокрушивъ Швецію, заняла первокласное мѣсто среди европейскихъ государствъ, на рубежѣ Европы стала грозная Имперія, представительница Славянскаго міра, а католическая и аристократическая Польша быстро пошла къ послѣднему концу своему. Такъ гибнутъ народы, которые не поймутъ своего назначенія; Польша—Славянское государство—не умѣла западныхъ единоплеменниковъ-славянъ защитить отъ нѣмцевъ, уступала послѣднимъ свои земли, подъ своимъ крыломъ выростила Пруссію (магистръ Тевтонскаго Ордена, Альбрехтъ Бранденбургскій, принявшій реформацію, съ согласія Сигизмунда 1-го, внука Ягеллы, обратилъ Пруссію въ наслѣдственное владѣніе) и всѣ силы свои устремила на завоеваніе руских земель, не обращая вниманія на то, что́ дѣлается у ней на западныхъ границахъ. Да и до того ли было, когда имѣнія богатѣйшихъ магнатовъ находились въ русскихъ областяхъ; вѣдь эти магнаты большею частію были ополячившіеся потомки Гедимина и Владиміра святаго. Польша, принявшая романо-германскую оболочку и потерявшая славянскій смыслъ, должна была сойдти со сцены исторіи; она была не нужна. Петръ Великій и Екатерина II исполнили приговоръ исторіи: Петръ Великій съ 1717 г. сдѣлался хозяиномъ въ Польшѣ, Екатерина II докончила его дѣло; въ концѣ XVIII столѣтія Польша не существовала... Но этого мало: исторія казнитъ—и часто сопровождаетъ казнь свою грозной ироніей въ назиданіе вѣкамъ и народамъ. Первую мысль о раздѣлѣ Польши (мы говоримъ о времени Екатерины II) подалъ потомокъ Альбрехта Бранденбургскаго, племянника недальновиднаго польскаго короля Сигизмунда I-го.

Таковы-то были слѣдствія возсоединенія Великой и Малой Руси. Нынѣ Россія воздвигаетъ памятникъ виновнику этого великаго событія, одному изъ славныхъ страдальцевъ за Землю Русскую, на томъ мѣстѣ, гдѣ Богданъ произнёсъ многознаменательныя слова: «мы съ православіемъ Великой Руси едино тѣло церкви, имѣющее главою Іисуса Христа.

Богданъ Хмельницкій, сынъ простаго казака, получилъ по тому времени хорошее образованіе, учился въ іезуитской школѣ, но остался и русскимъ и православнымъ, т. е. не сдѣлался ни католикомъ, ни полякомъ. Своими заслугами онъ обратилъ на себя вниманіе короля Владислава, знавшаго его лично; чигиринскій староста подарилъ ему хуторъ Суботово, гетманъ Конецпольскій дозволилъ ему населить этотъ хуторъ. Крестьяне охотно шли къ Хмельницкому, онъ давалъ имъ большія льготы,—и зажилъ Богданъ въ своемъ хуторѣ въ полномъ довольствѣ. Но недолго продолжалась покойная жизнь Хмельницкаго; много у него было враговъ, — его ненавидѣли, какъ умнаго казака, какъ русскаго, который могъ имѣть вліяніе на своихъ единоплеменниковъ,—шляхта искала случая его погубить, и вотъ одинъ шляхтичъ, подстароста чигиринскій, Чаплинскій задумалъ отнять у него хуторъ. Чаплинскій, когда Хмельницкаго не было дома, сдѣлалъ наѣздъ на Суботово, ограбилъ все имущество, засѣкъ сына, а жену Хмельницкаго принудилъ выдти за себя замужъ. Чаплинскій зналъ, что Хмельницкій не найдетъ на него управы въ судахъ — въ Польшѣ такъ уже водилось, что простой человѣкъ и не думай искать управы на шляхтича. И дѣйствительно, жалобу Хмельницкаго отвергли, да еще съ насмѣшками. Онъ обратился съ жалобою къ королю Владиславу (тому самому, котораго въ смутное время прочили въ русскіе цари); но и отъ этого мало вышло толку. Владиславъ отвѣчалъ ему: «вижу, что Чаплинскій не правъ, но въ судахъ ты ничего не выиграешь. Силѣ должно противопоставить силу. Знаю объ утѣсненіяхъ казаковъ; *но у васъ есть сабли, кто вамъ запрещаетъ постоять за себя?»* Этотъ случай лучше всего показываетъ, что безурядица царила въ Польшѣ: не было надежды добиться правды—даже человѣку, которому покровительствовалъ король—когда король, верховный блюститель закона, совѣтуетъ *силѣ противоставить силу!*

Что такое была Польша? Въ XVIII столѣтіи появились латинскіе стихи, въ которыхъ изображалось состояніе Польши; но эти стихи такъ же хорошо шли къ XVII-му вѣку, какъ и къ XVIII-му. Въ этихъ стихахъ говорится про Польшу: Regnum sine rege, Rempublicam sine Lege т. е. царство безъ царя, республика безъ закона! Да, трудно назвать Польшу государствомъ — каждый знатный панъ былъ самодержавнымъ властителемъ въ своихъ помѣстьяхъ, имѣлъ право жизни и смерти надъ своими хлопами; многочисленная шляхта холопствовала передъ этими панами,—но, унижаясь передъ Радзивилами, Потоцкими, Любомирскими и т. д., шляхта своевольничала въ своихъ помѣстьяхъ, мучила своихъ крестьянъ. Въ своихъ маленькихъ имѣніяхъ шляхтичи, точно такъ же какъ магнаты въ большихъ, властвовали неограниченно... Однимъ словомъ: каждый магнатъ, каждый шляхтичъ были царями въ своихъ помѣстьяхъ или, выражаясь точнѣе, плантаторами въ своихъ плантаціяхъ, какъ мѣтко выразился Дюмурье... Безсильный король могъ ли подчинить интересы этихъ плантаторовъ интересамъ общимъ? Каждый магнатъ

зналъ только свои интересы; случалось, что магнаты вели войны съ иностранными государствами,—общій интересъ былъ только одинъ — это такъ-называемыя права шляхетскія. При такомъ положеніи дѣлъ, народъ естественно бѣдствовалъ,—современникъ казацкихъ войнъ, французъ Боплапъ говоритъ, что шляхта жила какъ въ раю, а хлопы мучились какъ въ аду. Народъ отданъ былъ въ руки жидамъ, жиды-арендаторы вымучивали изъ бѣднаго крестьянина послѣднюю копѣйку, жидъ-арендаторъ имѣлъ право жизни и смерти надъ крестьянами. Если къ этой печальной картинѣ присоединить религіозный раздоръ, начавшійся въ Польшѣ съ того времени, когда первый іезуитъ вступилъ на польскую землю, то картина состоянія Польши выйдетъ весьма печальная. Религіозный раздоръ, усилившійся вслѣдствіи учрежденія Уніи, еще болѣе ухудшилъ положеніе хлоповъ: русское дворянство, ради политическихъ выгодъ, съ охотою шло въ іезуитскія тѣнета, полячилось и католичилось—и съ ожесточеніемъ гнало вѣру отцовъ своихъ. *Жиды-арендаторы* и тутъ явились помощниками іезуитовъ и отступниковъ въ угнетеніи русскаго народа: входъ въ церкви, важнѣйшія требы обложены были податями; не заплатившіи денегъ жиду — крестьянинъ не могъ крестить ребенка, не могъ хоронить покойника, много дѣтей умирало безъ крещенія, много православныхъ лишено было погребенія... Своеволіе шляхты и знатныхъ пановъ, угнетеніе крестьянъ-хлоповъ быстро вели Польшу къ паденію.... Можно ли назвать государствомъ страну, гдѣ

> Multi volunt, sed non possunt regnare
> Omnes possunt leges dare, sed non observare!

т. е.

> Многіе хотятъ, но не могутъ царствовать,
> Многіе могутъ давать законы, но не исполнять ихъ!

Трудно было исполнять законы тамъ, гдѣ беззаконіе обратилось въ естественное состояніе. Король Владиславъ, совѣтуя казакамъ взяться за оружіе, надѣялся при ихъ помощи положить конецъ своеволію шляхты; того же надѣялся и Хмельницкій; — оба ошиблись въ разсчетахъ.

Хмельницкій, возвратясь въ Украину, началъ подговаривать казаковъ къ возстанію—и, несмотря на неудачи прежнихъ возстаній (Наливайки, Павлюка, Остраницы), казаки откликнулись на призывъ къ оружію. Поляки провѣдали про замыслы Хмельницкаго; онъ долженъ былъ бѣжать въ Запорожье, а оттуда въ Крымъ. Въ Крыму онъ умѣлъ уговорить Хана оказать помощь казакамъ—и 18 апрѣля 1648 года съ этою вѣстію онъ возвратился въ Сѣчь. Этотъ день можно считать началомъ возстанія: двѣ побѣды слѣдовали одна за другою, при Жолтыхъ Водахъ и при Корсунѣ; польское войско было истреблено, оба гетмана попались въ плѣнъ—и коронный, и напольный. — возстаніе охватило всю Украину. Собрали ляхи новое войско, но и оно потерпѣло пораженіе на рѣкѣ Пилявнѣ; попытка поляковъ помириться съ казаками не удалась,—мало того, они должны были выслушать пророческую угрозу: *згине, згине ляцка земля, а Русь будетъ въ томъ року пановати*, говорилъ польскимъ комиссарамъ Богданъ....

Среди этихъ событій умеръ Владиславъ, новый король Янъ Казиміръ самъ рѣшился принять начальство надъ войскомъ. Это было въ 1649 году. Въ Украинѣ все населеніе поголовно взялось за оружіе, дома остались только старые да малые; въ иныхъ мѣстахъ случалось, что некому было вырыть могилу старому дѣду. Слово «казакъ» перестало означать отдѣльное военное сословіе, всѣ южно-руссы стали казаками. Украина раздѣлилась на полки. Подъ «полкомъ» разумѣлся не извѣстный отдѣлъ войска, а цѣлый край южно-русской земли; полкъ заключалъ въ себѣ города, села, мѣстечки и назывался по имени наиболѣе замѣчательнаго города. Полки дѣлились на сотни, па курени; курени—на десятки. Во главѣ всѣхъ полковъ, слѣдовательно всей Украины, стоялъ гетманъ; подъ гетманомъ былъ его помощникъ—асаулъ; далѣе, обозный (начальникъ артиллеріи и лагерной постройки), писарь (государственный секретарь) и хорунжій (главный знаменосецъ) — всѣ эти чины назывались генеральными или (по украинскому выговору) енеральными, или войсковыми. Производство дѣлъ сосредоточивалось въ войсковой канцеляріи.

Пока король собирался въ походъ, часть польскаго войска, подъ начальствомъ энергическаго вождя, Іереміи Вишневецкаго, осаждена была въ Зборовѣ и доведена была до крайности. Король выступилъ на помощь осажденнымъ и подъ Зборовымъ встрѣтилъ Хмельницкаго. Войско, подъ личнымъ начальствомъ короля, было разбито; три раза поляки возобновляли битву, и каждый разъ отступали съ урономъ. Ночь прекратила битву, но поляки были уже окружены со всѣхъ сторонъ. Утромъ битва возобновилась, и поляки снова были разбиты; отважнѣйшіе изъ казаковъ настигаютъ короля, но грозный Хмельницкій, обозванный панами бунтовщикомъ, *не хотѣлъ, чтобы христіанскій король попалъ въ неволю къ бусурманамъ*.

Заключенъ былъ Зборовскій договоръ, кончившій первую часть войны. По этому договору, во-первыхъ: казакамъ возвращены были всѣ права и вольности; во-вторыхъ: положено было, чтобы число казаковъ ограничивалось 40,000,—они вносились въ реестры и потому назывались реестровыми; въ-третьихъ: жидамъ запрещалось жить въ казацкихъ земляхъ; въ-четвертыхъ: обѣщано было уничтоженіе Уніи, и кіевскій митрополитъ долженъ былъ получить мѣсто въ Сенатѣ. По заключеніи договора, Хмельницкій просилъ дозволенія представиться королю. При этомъ представленіи, онъ умѣлъ соединить должное уваженіе къ особѣ государя съ чувствомъ собственнаго достоинства. Заявивъ королю свои вѣрноподданническія чувства, онъ сказалъ, что казаки возстали только противъ тѣхъ, которые ихъ презирали и мучили какъ своихъ рабовъ. Король ни слова не сказалъ (многознаменательное молчаніе), и только ласково протянулъ руку Хмельницкому, который ее почтительно поцѣловалъ.

Зборовскій миръ не удовлетворилъ ни ту, ни другую сторону: поляки негодовали на уступки, особенно волновалось католическое духовенство, не хотѣвшее, чтобы кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ; русскіе негодовали па роковое число 40,000 реестровыхъ казаковъ. Могли ли равнодушно идти подъ польское ярмо тѣ, которые бились за вѣру и вольность? Развѣ затѣмъ они бросили отцевъ, матерей, женъ, дѣтей? Видя волненія и желая соблюсти букву договора, Хмельницкій дозволилъ записываться въ охочьи казаки; онъ предвидѣлъ новую борьбу и опять обратился къ царю Алексѣю Михайловичу (онъ обращался уже послѣ корсунской побѣды), а затѣмъ, не получая удовлетворительнаго отвѣта изъ Москвы, искалъ помощи у Султана.

Въ 1651 г. начались снова стычки между казаками и поляками, изъ этихъ стычекъ не замедлила возгорѣться война. Эта война окончательно приняла религіозный

характеръ: папа прислалъ благословеніе и отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто ополчится за вѣру; въ Украинѣ въ это время гостилъ коринѳскій митрополитъ Іоасафъ, который привезъ Хмельницкому мечъ, освященный іерусалимскимъ патріархомъ при Гробѣ Господнемъ. Константинопольскій патріархъ также прислалъ свое благословеніе ополчавшимся на святую брань. Замѣтимъ при этомъ, что коринѳскій митрополитъ постоянно твердилъ о необходимости соединенія съ Великой Русью. Этотъ замѣчательный человѣкъ понималъ, что только по соединеніи разрозненныхъ частей Руси—православіе найдетъ могучую представительницу и защитницу. Подъ Берестечкомъ сошлись войска, къ Хмельницкому пришелъ на помощь ханъ; «здѣсь» говоритъ одинъ полякъ современникъ: «три народа приготовились биться за то, что они считали самымъ драгоцѣннымъ на землѣ — поляки за отечество, татары за славу и добычу, казаки за независимость. Подъ Берестечкомъ казаки были разбиты. Польскимъ войскомъ начальствовалъ король, но главная честь побѣды принадлежала отважному и энергическому Вишневецкому, который ворвался въ казацкій станъ; еще болѣе помогла этому пораженію измѣна крымскаго хана. Слѣдствіемъ пораженія подъ Берестечкомъ—былъ договоръ, заключенный въ Бѣлой Церкви, договоръ еще невыгоднѣе Зборовскаго договора. Число казаковъ уменьшено до 20,000, жиды-арендаторы снова появились на Украинѣ.

Если Зборовскій договоръ возбудилъ волненіе въ Украинѣ, то что же можно было ожидать отъ Бѣлоцерковнаго? Напрасно Чарнецкій, одинъ изъ лучшихъ польскихъ вождей, старался подавить волненіе системою ужаса; ни пожары, ни грабежи, ни убійства, ничто не помогало. Король снова лично выступилъ—и подъ Жванцемъ едва не погибъ со всѣмъ войскомъ; только новая измѣна хана спасла короля и польское войско отъ пораженія болѣе страшнаго, чѣмъ всѣ прежнія пораженія.

Тогда Хмельницкій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу—и когда посредничество царя было отвергнуто польскимъ правительствомъ, тогда-то царь Алексѣй Михайловичъ 1-го октября 1653 года собралъ Земскій Соборъ, который единогласно рѣшилъ принять Малороссію въ подданство. 8-го января 1654 г. казаки, какъ мы уже сказали, присягнули царю.

Въ Кіевѣ, митрополитъ, встрѣчая пословъ царскихъ, сказалъ: «вы приходите къ сѣдалищу перваго благочестиваго русскаго князя, и мы исходимъ къ вамъ на срѣтеніе; въ лицѣ моемъ привѣтствуетъ васъ оный благочестивый Владиміръ, привѣтствуетъ васъ Святой Апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстившій на семъ мѣстѣ сіяніе великой Божьей славы, привѣтствуютъ начальники общежитія, преподобные Антоній и Ѳеодосій».

Вѣра православная, изъ мелкихъ славянскихъ племенъ создавшая русскій народъ,—вѣра православная, недопустившая Руси распасться въ удѣльный періодъ,—вѣра православная, укрѣпившая первыхъ собирателей русской земли, московскихъ князей, возвысившихъ Москву надъ всѣми городами,—возвращала Россіи ея древнее достояніе, земли столь долго находившіяся подъ чужимъ игомъ, что они почти уже забыли древнюю связь, забыли имена св. Владиміра, Ярослава и Мономаха; но народъ, жившій на этихъ земляхъ, зналъ, что въ Москвѣ есть Православный Царь—и на Переяславской Радѣ единодушно заявилъ: «хотимъ подъ Царя Восточнаго»...

Память объ этой народной волѣ сохранилась въ пѣснѣ, гдѣ поется:

Ой, служивъ же я, служивъ пану католику,
А теперь ему служить не стану до віку!
Ой, служивъ же я, служивъ пану бусурману,
А теперь служить стану восточному царю!

(Окончаніе будетъ).

Отвѣтъ Ренана на письмо Штрауса.

(См. «Нива» № 35).

«Милостивый государь и учитель,

ваши высокія, истинно-философскія слова явились къ намъ вѣстью мира — среди этого адскаго ожесточенія; они были для насъ великимъ утѣшеніемъ, въ особенности для меня, который обязанъ Германіи тѣмъ, чѣмъ я больше всего дорожу — своей философіей, если только не религіей. Я былъ въ семинаріи св. Сульпиція, когда, около 1843 года, я началъ знакомиться съ Германіей по Гёте и Гердеру. Я какъ будто бы вступилъ въ храмъ — и съ этого времени все что я когда-либо считалъ великолѣпіемъ, достойнымъ божества, стало производить на меня такое же дѣйствіе какъ полинявшіе бумажные цвѣты. Вотъ почему (какъ я уже писалъ вамъ при началѣ враждебныхъ дѣйствій) извѣстіе объ этой войнѣ — которая должна была, по всѣмъ вѣроятіямъ, сопровождаться самыми ужасными бѣдствіями, возбудить ненависть съ обѣихъ сторонъ, распространить ошибочныя сужденія и повредить успѣху истины,—глубоко огорчило меня. Большое несчастіе для свѣта, что Франція не понимаетъ Германіи, а Германія — Франціи; это недоразумѣніе будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться. Съ фанатизмомъ сражаются не иначе какъ посредствомъ другаго, противуположнаго фанатизма; послѣ войны мы очутимся среди умовъ, съуженныхъ предъубѣжденіемъ, которымъ трудно будетъ усвоить себѣ наше свободное и широкое безпристрастіе.

Ваши идеи касательно исторіи развитія германскаго объединенія вполнѣ справедливы. Въ то время, какъ я получилъ тотъ нумеръ аугсбургской газеты, гдѣ напечатано ваше прекрасное письмо, — я работалъ надъ статьею для *Revue des deux Mondes*, которая появится на дняхъ и въ которой я излагалъ одинаковые съ вами взгляды. Ясно, что коль скоро принципъ наслѣдственнаго династическаго права отвергнутъ, то для опредѣленія территоріальныхъ границъ остается одинъ только принципъ — національность, т. е. дѣленіе туземцевъ на группы, принимая при этомъ въ разсчетъ происхожденіе, исторію и волю народонаселенія. И если есть нація съ такимъ правомъ на полное независимое существованіе, которое бросается въ глаза, то конечно эта нація — Германія. У Германіи самая лучшая національная граммата, т. е. одна изъ самыхъ важныхъ историческихъ ролей, духовная физіогномія (une âme), литература, геніальные люди, особенная способность къ пониманію всего небеснаго и человѣческаго. Самая важная революція новыхъ временъ — реформація—совер-

шена Германіею; прибавимъ къ этому, что лѣтъ сто тому назадъ Германія произвела одно изъ прекраснѣйшихъ умственныхъ движеній, которое прибавило, такъ сказать, къ человѣческому уму одну лишнюю ступень въ глубину и ширину,—такъ что тѣ, которые не воспользовались этой новой культурой, относятся къ тѣмъ, кто прошелъ ее, какъ человѣкъ знающій только начальныя правила ариѳметики—къ тому, которому извѣстно дифференціальное счисленіе.

Что такая великая интеллектуальная сила, въ соединеніи съ такою нравственностью и основательностью, должна была произвести и соотвѣтствующее политическое движеніе,—что германская нація должна была получить во внѣшнемъ мірѣ, въ матеріальномъ и практическомъ отношеніи, такое же важное значеніе, какое она имѣла въ области духа — это было очевидно для всякаго образованнаго человѣка, не ослѣпленнаго рутинной и предвзятыми поверхностными взглядами. Стремленія Германіи были тѣмъ законнѣе, что потребность объединенія была для нея мѣрою предосторожности, вполнѣ оправданною жалкими заблужденіями первой имперіи,—заблужденіями, которыя одинаково порицаются, какъ нѣмцами вообще, такъ и просвѣщенными французами, и отъ повторенія которыхъ намъ слѣдуетъ предохранить себя, въ виду того, что есть такіе люди, которые, нисколько не задумываясь, еще хвастаются этими воспоминаніями.

Я веду это къ тому, чтобы доказать вамъ, что въ 1866 году мы (я говорю здѣсь отъ имени небольшой группы истинныхъ либераловъ) приняли съ великою радостью предвѣстіе возвышенія Германіи на степень первостепенной державы. И намъ, точно такъ же какъ вамъ, не совсѣмъ нравилось, что это великое и счастливое событіе совершено прусской арміей. Вы, лучше чѣмъ кто-либо, показали, что Пруссія и Германія далеко не одно и тоже. Но нужды нѣтъ; у насъ была въ этомъ отношеніи одна мысль, которую, мнѣ кажется, и вы раздѣляете: это то, что совершенное Пруссіей объединеніе Германіи поглотитъ Пруссію, согласно съ тѣмъ общимъ закономъ, что закваска должна исчезнуть въ поднятомъ ею тѣстѣ. И мы уже представляли себѣ, какъ этотъ высокомѣрный и завистливый педантизмъ — который такъ не нравится намъ, по временамъ, въ Пруссіи,—смѣняется мало-по-малу, а наконецъ и совсѣмъ замѣняется общимъ духомъ германской націи съ его удивительной широтою пониманія, съ его политическими и философскими стремленіями. И мы, также какъ и вы, оставляли въ сторонѣ все, что могло оскорбить наши либеральные инстинкты—въ феодальной странѣ, самаго умѣреннаго парламентаризма, управляемой мелкимъ дворянствомъ, зараженнымъ самыми узкими доктринами и предразсудками,—и видѣли въ дальнѣйшемъ будущемъ только Германію, т. е. великую либеральную націю, которой суждено сдѣлать рѣшительный шагъ въ отношеніи политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ вопросовъ и, можетъ быть, осуществить то, что мы пытались произвести во Франціи до сихъ поръ безуспѣшно — разумную, основанную на наукѣ организацію государства.

Почему эти мечты не осуществились? Почему онѣ должны были уступить мѣсто самой горькой дѣйствительности? Я изложилъ въ Revue мое мнѣніе насчетъ этого предмета. Вотъ оно въ нѣсколькихъ словахъ. Объ ошибкахъ французскаго правительства можно говорить сколько угодно, но было бы несправедливо забывать то, что было предосудительнаго и въ поступкахъ прусскаго правительства. Вы знаете, что планы г. Бисмарка были сообщены въ 1865 году императору Наполеону, который, въ концѣ концовъ, согласился на нихъ. Если это согласіе было дано вслѣдствіе убѣжденія въ томъ, что объединеніе Германіи — историческая необходимость и что слѣдовало желать, чтобы оно совершилось съ полной симпатіей со стороны Франціи, то Наполеонъ III былъ вполнѣ правъ. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что, за мѣсяцъ (или около того) до начала враждебныхъ дѣйствій въ 1866 году, императоръ Неполеонъ III вѣрилъ успѣху Пруссіи и даже желалъ его. Къ несчастію, нерѣшительность, отсутствіе всякой послѣдовательности въ дѣлахъ—погубили императора въ этомъ случаѣ, точно такъ же какъ и во многихъ другихъ. А тутъ вдругъ это поразительное извѣстіе о побѣдѣ при Садовой, когда еще ни въ чемъ не условились. Непостижимая измѣнчивость! Сбитый съ толку самохвальствомъ военнаго сословія, смущенный упреками оппозиціи, императоръ допустилъ увлечь себя и сталъ смотрѣть какъ на пораженіе—на то самое, что должно было быть для него побѣдой, которой онъ, какъ бы то ни было, желалъ и которой способствовалъ.

Если успѣхъ оправдываетъ все, то прусское правительство вполнѣ оправдано; но мы съ вами, милостивый государь, философы. Намъ позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы одерживающіе верхъ были всегда правы. Прусское правительство домогалось тайнаго союза съ императоромъ Наполеономъ III и Франціей—и согласилось на этотъ союзъ. Хотя они еще ни въ чемъ не условились, тѣмъ не менѣе ему слѣдовало заявить императору и Франціи свою признательность и симпатію. Одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ, выказывающій въ настоящую минуту въ отношеніи Франціи такую вражду, какой я не желалъ бы видѣть въ порядочномъ человѣкѣ, говорилъ мнѣ въ то время, что Германія обязана Франціи великой благодарностью за то дѣйствительное, хотя и отрицательное участіе, которое эта послѣдняя принимала въ основаніи ея единства. Но берлинскій кабинетъ, руководимый гордостью, которая сулитъ самыя непріятныя послѣдствія для будущаго, смотрѣлъ на это не такъ. А между тѣмъ территоріальныя распространенія, когда дѣло идетъ о такой націи, которая заключаетъ уже въ себѣ отъ 30 до 40 милліоновъ человѣкъ, не имѣютъ никакой особенной важности; пріобрѣтеніе Савойи и Ниццы принесло Франціи больше неудобствъ, чѣмъ пользы. Тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что прусское правительство не умѣрило строгости своихъ требованій въ люксенбургскомъ дѣлѣ. Отъ уступки Люксенбурга Франціи, Франція не увеличилась бы, а Германія не уменьшилась бы; но этой незначительной уступки было бы достаточно для успокоенія поверхностнаго большинства, которымъ нельзя пренебрегать въ странѣ всеобщаго голосованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ она дала бы французскому правительству возможность замаскировать свои неудачи. Въ *Kalaat-el-hosn* (самомъ большомъ изъ всѣхъ замковъ, выстроенный крестоносцами въ Сиріи) на одномъ камнѣ, окруженномъ развалинами, и теперь еще можно прочесть слѣдующую надпись, начертанную прекраснымъ шрифтомъ двѣнадцатаго столѣтія, которую гогенцолернскому дому слѣдовало бы вырѣзать на гербовыхъ щитахъ всѣхъ своихъ замковъ:

Sit tibi copia,
Sit sapientia,

Formaque detur;
Inquinat omnia
Sola superbia
Si comitetur *)

И такъ для безпристрастнаго ума ясно, что, касательно отдаленной причины войны, обѣ державы (какъ Францiя, такъ и Пруссiя) почти одинаковы виноваты. Что же касается до ближайшей причины, то вы знаете, что́ я думаю объ этой жалкой дипломатической случайности, или, лучше сказать, объ этой жестокой игрѣ оскорбленнаго тщеславiя, которое, изъ-за мизерныхъ ссоръ нѣсколькихъ дипломатовъ, пустило въ ходъ всевозможные бичи человѣческаго рода. Я былъ въ Промсоэ,—гдѣ, любуясь великолѣпнѣйшимъ снѣжнымъ ландшафтомъ полярнаго моря, я мечталъ объ островахъ смерти, созданныхъ воображенiемъ нашихъ кельтскихъ и германскихъ предковъ,—когда до меня дошло это ужасное извѣстiе. Никогда еще не проклиналъ я—такъ какъ въ этотъ день—роковую судьбу, осудившую, повидимому, наше несчастное отечество на то, чтобъ имъ управляли не иначе какъ посредствомъ невѣжества, тщеславiя и вздора.

Чтобы тамъ ни говорили, но эта война не была неизбѣжною. Францiя вовсе не желала войны. Не слѣдуетъ судить объ этомъ предметѣ по журнальнымъ возгласамъ и бульварнымъ толкамъ. Францiя дорожитъ миромъ; она занята разработкой тѣхъ огромныхъ источниковъ богатства, которыми она владѣетъ, а также демократическими и соцiальными вопросами. Здравый смыслъ короля Луи-Филиппа понималъ это. Онъ чувствовалъ, что Францiя съ ея вѣчной язвой, всегда готовой раскрыться (недостаткомъ всѣми признанной династiи или конституцiи), не можетъ вести большой войны. Народъ, выполнившiй свою программу и достигшiй равенства, не можетъ бороться съ нацiями молодыми, полными иллюзiй, находящимися въ самомъ пылу своего развитiя. Вѣрьте мнѣ, единственная причина войны—слабость нашихъ конституцiонныхъ учрежденiй да тѣ гибельные совѣты, которыхъ надавали императору высокомѣрные и ограниченные генералы и тщеславные или невѣжественные дипломаты. Плебисцитъ тутъ ни при чемъ; напротивъ того: это странное заявленiе, показавшее, что наполеоновская династiя пустила корни въ самыя нѣдра страны, должно было подать надежду на то, что императоръ станетъ теперь все болѣе и болѣе отставать отъ замашекъ отчаяннаго игрока. Человѣкъ, владѣющiй большою поземельною собственностью, гораздо менѣе расположенъ, по нашему мнѣнiю, пытать счастья въ игрѣ, чѣмъ тотъ, чье богатство сомнительно. Дѣйствительно, чтобъ избѣжать опасности всеобщаго возстанiя—нужно было только ждать. Сколько такихъ вопросовъ у этого бѣднаго человѣческаго рода, которые слѣдуетъ рѣшать оставляя ихъ безъ рѣшенiя! Пройдетъ нѣсколько лѣтъ— и вопроса, къ удивленiю нашему, уже не существуетъ. Такой нацiональной ненависти, какая раздѣляла въ продолженiи шести вѣковъ Францiю и Англiю, никогда еще не бывало. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ царствованiе Луи-Филиппа, эта ненависть была еще довольно сильна; рѣдкiй не находилъ что она можетъ кончиться только войною;—она исчезла, какъ бы по волшебству.

*) Т. е. богатство, мудрость, красота — все будетъ твое; но все это отнимется, если ты станешь руководиться одной гордостью.

Само собою разумѣется, милостивый государь, что здѣшнiе либералы, съ самаго начала этой роковой войны, не перестаютъ желать одного—видѣть конецъ того, чему не слѣдовало бы и начинаться. Францiя жестоко ошибалась, пытаясь противиться внутреннему развитiю Германiи; но и Германiя сдѣлаетъ точно такую же ошибку, покушаясь на цѣлость французской территорiи. Если у нея въ виду истребленiе Францiи, то это превосходно задуманный планъ; будучи изувѣчена, Францiя впадетъ въ конвульсiи и погибнетъ. Тѣ кто думаетъ (подобно нѣкоторымъ изъ вашихъ соотечественниковъ), что Францiя должна быть исключена изъ числа нацiй, поступаютъ послѣдовательно, требуя уменьшенiя ея территорiи; но тѣ, кто думаетъ, что Францiя необходима для мiровой гармонiи, должны взвѣсить тѣ послѣдствiя, которыя повлечетъ за собою ея разчлененiе. Я могу говорить объ этомъ болѣе или менѣе безпристрастно. Я всю жизнь мою старался быть добрымъ патрiотомъ, какимъ слѣдуетъ быть всякому честному человѣку, но въ тоже самое время старался остерегаться отъ преувеличеннаго патрiотизма; гдѣ добро, красота и истина, тамъ и мое отечество. И если Францiя престанетъ существовать—я буду въ отчаянiи во имя истинныхъ непреходящихъ интересовъ идеала. Францiя необходима какъ протестъ противъ педантизма, догматизма и узкаго ригоризма. Вы такъ хорошо поняли Вольтера, что должны понять и это. Это легкомыслiе, въ которомъ упрекаютъ насъ, въ сущности честно и искренне. Берегитесь, чтобы съ уничтоженiемъ того склада ума, котораго мы служимъ представителями, не обѣднѣло и человѣческое самосознанiе. Разнообразiе необходимо—и первый долгъ человѣка, стремящагося съ истинно-чистымъ сердцемъ къ познанiю божественныхъ цѣлей, состоитъ въ томъ, чтобы относиться съ терпѣнiемъ и даже съ уваженiемъ (какъ къ созданiю провидѣнiя) къ тѣмъ органамъ духовной жизни человѣчества, которые наименѣе однородны съ его собственными и наименѣе ему симпатичны. Вашъ знаменитый Момзенъ въ своемъ письмѣ, которое навело на насъ порядочную грусть, сравнивалъ, нѣсколько дней тому назадъ, нашу литературу съ грязными водами Сены. Какъ! Такъ стало-быть этотъ суровый ученый знакомъ съ нашими шуточными журналами и съ незатѣйливыми фарсами нашихъ маленькихъ театровъ? Будьте увѣрены, что за этою шарлатанскою и жалкою литературою (которая пользуется у насъ, какъ и вездѣ, успѣхомъ со стороны толпы) вы встрѣтите другую Францiю, чрезвычайно отличную отъ Францiи семнадцатаго и восьмнадцатаго вѣка, хотя и одноплеменную съ нею,—гдѣ вы увидите, сперва группу людей самаго высокаго достоинства и какъ нельзя болѣе далекихъ отъ шутки, а потомъ избранное, прелестное и въ тоже самое время степенное общество, остроумное снисходительное любезное, которое знаетъ все, ничему не учившись, и угадываетъ инстинктомъ послѣднiе выводы философiи. Берегитесь разбить это. Францiя, страна чрезвычайно разнородная, представляетъ ту особенность, что нѣкоторыя германскiя растенiя принимаются иногда въ ней лучше, чѣмъ на родной почвѣ; это можетъ быть доказано примѣрами изъ нашей исторiи литературы двѣнадцатаго вѣка, рыцарскими поэмами, схоластической философiей, готической архитектурой. Вы, кажется, думаете, что извѣстныя радикальныя мѣры могутъ способствовать распространенiю здравыхъ германскихъ идей,—разубѣди-

тесь въ этомъ! въ такомъ случаѣ эта пропаганда сразу остановится, а Франція погрузится въ свои національные порядки и національные недостатки съ увлеченіемъ гнѣва.—«Тѣмъ хуже для нея!»скажутъ особенно-экзальтированные нѣмцы. —«Тѣмъ хуже для человѣчества!» прибавлю я. Отнятіе или истощеніе одного члена—заставляетъ страдать и все тѣло.

Мы переживаемъ страшныя минуты. Во Франціи существуетъ теперь двѣ партіи. Одна разсуждаетъ такимъ образомъ: «Прекратимъ какъ можно скорѣе эту ненавистную игру; уступимъ все, Эльзасъ, Лотарингію, заключимъ миръ; а потомъ—ненависть, смертельная ненависть, безостановочныя приготовленія, союзъ съ кѣмъ бы то ни было, безграничное снисхожденіе ко всевозможнымъ притязаніямъ Россіи;—одно стремленіе, одна цѣль: истребленіе германскаго племени посредствомъ войны». Другая держится слѣдующаго мнѣнія: «Спасемъ цѣлость французской территоріи, разовьемъ конституціонныя учрежденія, загладимъ наши ошибки не мечтами объ томъ чтобы вознаградить себя за такую войну, гдѣ мы были несправедливыми зачинщиками, а заключеніемъ съ Германіей и Англіей союза, вслѣдствіе котораго міръ выйдетъ на дорогу къ либеральной цивилизаціи». Германія рѣшитъ, которой изъ этихъ партій станетъ держаться Франція, и въ тоже самое время она рѣшитъ и будущность цивилизаціи.

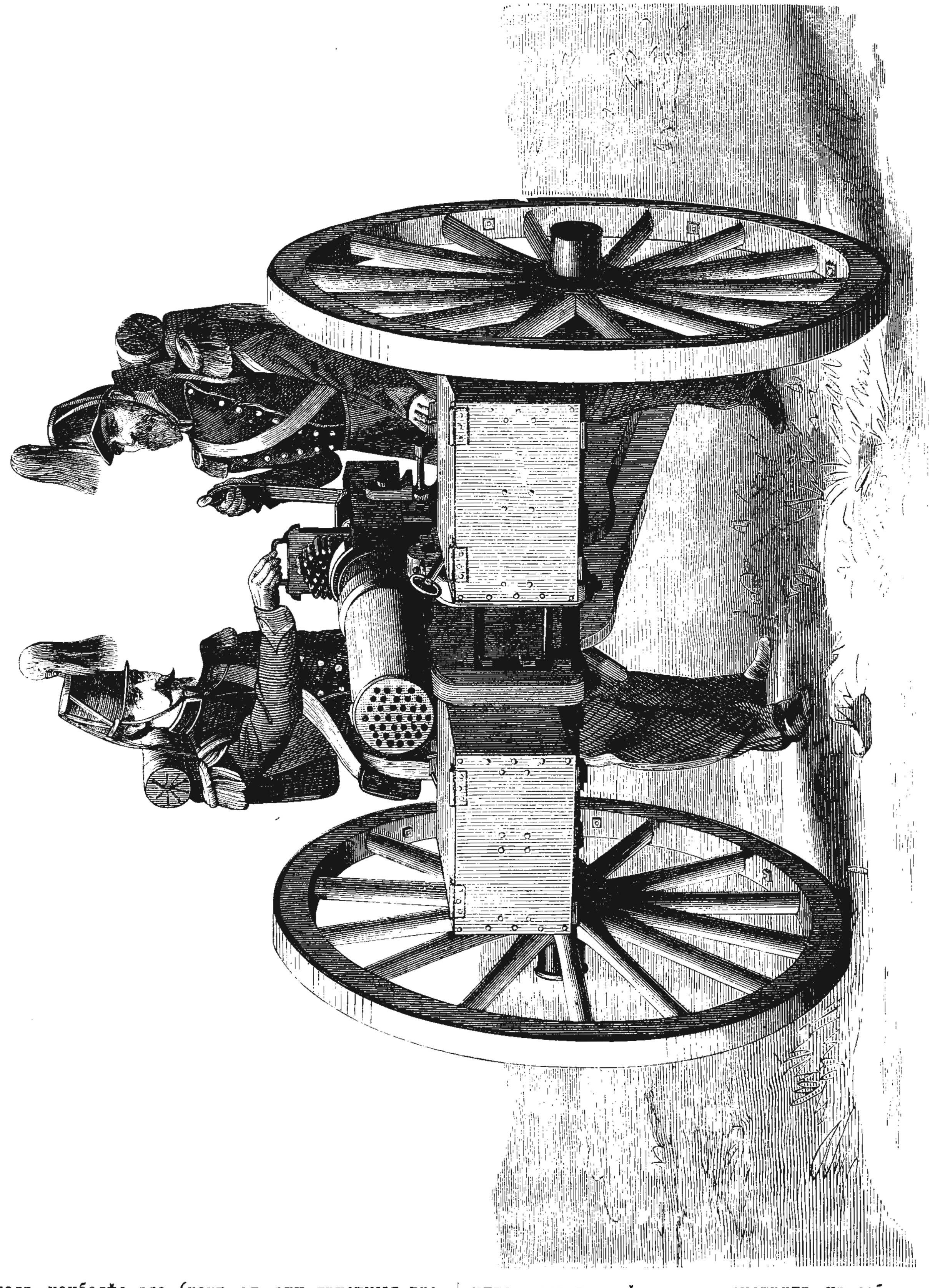
Ваши ярые германофилы ссылаются на то, что Эльзасъ — германская область, несправедливо отнятая у германской имперіи. Замѣтьте, что при опредѣленіи національностей употребляется вообще «оптовый разсчетъ»; справляясь же насчетъ этнографіи каждой отдѣльной области, мы открываемъ дверь для безконечныхъ войнъ. Прекрасныя области, говорящія на французскомъ языкѣ, не входятъ въ составъ французскаго государства, и это очень даже выгодно для Франціи. Нѣкоторыя изъ славянскихъ земель принадлежатъ Пруссіи. Эти уклоненія отъ общаго правила чрезвычайно выгодны для цивилизаціи. Такъ напримѣръ, присоединеніе Эльзаса къ Франціи составляетъ одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые наиболѣе способствуютъ пропагандѣ германизма; германскіе идеи, порядки, книги приходятъ къ намъ черезъ Эльзасъ. Если предоставить вопросъ рѣшенію эльзасскаго народонаселенія, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что большинство его выскажется въ пользу Франціи. Достойно ли Германіи—отторгать себѣ силою мятежную, раздраженную область, которая не примирится съ этимъ, въ особенности послѣ разрушенія Стразбурга. Смѣлость вашихъ государственныхъ людей, по временамъ, истинно поразительна. Прусскій король, какъ кажется, расположенъ взять на себя тяжелую обязанность рѣшить французскій вопросъ — дать Франціи правительство, а слѣдовательно и поручиться за это правительство. Можно ли налагать на себя, не будучи къ тому вынужденнымъ, подобную тяготу? Какъ не видѣть того, что вслѣдствіе такой политики Франція должна быть занята, на вѣчные времена, 300,000—400,000 человѣкъ? Неужели Германія хочетъ состязаться съ Испаніей шестнадцатаго вѣка? А ея великая, ея высокая духовная культура—что станется съ нею въ этой игрѣ? Пусть же Германія побережется, чтобы, опредѣляя лучшіе годы германскаго племени, не предпочли когда-нибудь первыхъ годовъ нашего столѣтія (когда, побѣжденная и униженная извнѣ, она создавала для міра самое высокое откровеніе разума, какое когда-либо давалось человѣчеству) періоду ея военнаго господства, отмѣченному можетъ-быть печатью умственнаго и нравственнаго упадка!

Удивительно, что нѣкоторые изъ вашихъ лучшихъ умовъ не видятъ этого, въ особенности же, что они отвергаютъ вмѣшательство Европы въ эти вопросы. Миръ между Франціею и Германіею не можетъ быть, какъ кажется, заключенъ безъ посторонняго посредничества; это дѣло Европы, которая порицала эту войну и которая должна желать, чтобы ни одинъ изъ членовъ европейской семьи не былъ ослабленъ. Вы совершенно правы, требуя гарантій противъ возвращенія грезъ вредныхъ для всеобщаго здоровья; но какая гарантія можетъ сравняться съ гарантіею Европы, которая снова закрѣпитъ настоящія границы и не допуститъ кого бы то ни было до перемѣщенія рубежей, опредѣленныхъ прежними трактатами? При всякомъ другомъ рѣшеніи—желанію мести не будетъ конца. Пусть сдѣлаетъ это Европа—и она положитъ начало такому учрежденію, которое принесетъ въ будущемъ самые богатые плоды. Это будетъ центральное судилище, конгресъ европейскихъ соединенныхъ штатовъ, который будетъ судить націи, вліять на нихъ, и замѣнитъ принципъ національностей принципомъ федерализма. До сихъ поръ это центральное судилище европейской общины являлось дѣйствующимъ только тогда, когда заключались кратковременные союзы противъ націи, стремившейся ко всемірному преобладанію; хорошо было бы, еслибъ образовалось нѣчто въ родѣ постоянной коалиціи для поддержанія великихъ общихъ интересовъ, которые, въ концѣ концовъ, тождественны съ интересами разума и цивилизаціи.

Принципъ федерализма можетъ, такимъ образомъ, служить основою для образованія такого же посредничества, какое предлагала въ средніе вѣка церковь. Такое же значеніе готовы мы иногда признать и за демократическими тенденціями и соціальными вопросами, которые играютъ въ наше время столь важную роль. Движеніе современной исторіи представляетъ собою что-то въ родѣ колебанія между патріотическими вопросами съ одной стороны, и демократическими и соціальными вопросами—съ другой. Эти послѣднія задачи имѣютъ свою долю законности—и будутъ можетъ-быть великимъ успокоеніемъ для будущаго. Положительно извѣстно, что демократическая партія, не смотря на свои заблужденія, поднимаетъ такіе вопросы, которые выше всякаго отечества; послѣдователи этой партіи подаютъ другъ другу руку, какъ бы ни было велико различіе ихъ національностей, и относятся съ большимъ равнодушіемъ къ вопросамъ касательно оскорбленія чести, которыми дорожитъ въ особенности дворянство и военное сословіе. Цѣлыя тысячи бѣдныхъ людей, которые въ эту минуту убиваютъ другъ друга за такое дѣло, которое они понимаютъ только въ половину,—не питаютъ другъ къ другу никакой ненависти. Это конечно мечта, что они войдутъ когда-нибудь въ сношенія и станутъ подавать другъ другу руку, не смотря на своихъ начальниковъ; тѣмъ не менѣе можно замѣтить не одну извилину, откуда безпощадная прусская политика станетъ можетъ-быть способствовать воцаренію такихъ идей, о которыхъ она и не подозрѣваетъ. Трудно представить себѣ, чтобы бѣшенство одной горсти людей—остатковъ старой аристократіи—могло вести, долгое время, для умерщвленія другихъ, цѣлыя массы кроткаго народонаселенія, достигшаго до значительной степени демократическаго самосознанія и болѣе или менѣе наполненнаго экономическими идеями (для него священными),

сущность которыхъ состоитъ въ томъ чтобы не придавать никакого значенія національному соперничеству.

Ахъ, дорогой учитель, какъ Христосъ хорошо сдѣлалъ, основавъ царство Божіе, которое выше злобы, зависти, гордости, гдѣ первое мѣсто занимаетъ не тотъ, для прощенія, въ комъ нѣтъ никакого уваженія къ другимъ, кто нападаетъ въ расплохъ на своего противника, играетъ съ нимъ самыя дурныя шутки,—но тотъ, кто всѣхъ кротче, всѣхъ скромнѣе, кто чуждъ всякой самоувѣренности, чванства, жестокосердія, кто сторо-

Картечница.

кто сдѣлалъ наиболѣе зла (какъ въ эти грустныя времена, которые мы переживаемъ), не тотъ, кто разитъ, убиваетъ, оскорбляетъ, кто больше всѣхъ лжетъ, кто всѣхъ безчестнѣе, неблаговоспитаннѣе, подозрительнѣе, коварнѣе, всѣхъ изобрѣтательнѣе на худыя дѣла, на дьявольскія выдумки, всѣхъ недоступнѣе для жалости, нится передъ всѣми, кто смотритъ на себя, какъ на послѣдняго! Война—сцѣпленіе грѣховъ, противоестественное состояніе, когда человѣку вмѣняется въ обязанность (подъ видомъ прекраснаго дѣла) то, что во всякое другое время считается порокомъ или недостаткомъ, котораго онъ долженъ избѣгать,—когда радоваться не-

счастію другаго—долгъ,—когда тотъ, кто заплатилъ бы добромъ за зло, кто примѣнилъ бы къ дѣлу евангельскія правила касательно прощенія обидъ и самоуничиженія—прослылъ бы безумцемъ или даже заслужилъ бы порицаніе. Что ведетъ въ Валгаллу, то изгоняетъ изъ царства Божія. Замѣтили ли вы, что ни въ восьми заповѣдяхъ блаженства, ни въ проповѣди на горѣ, ни во всей первобытной христіанской литературѣ, нѣтъ ни одного слова, которое ставило бы воинскія добродѣтели въ число ведущихъ въ царство небесное.

Остановимся на этихъ великихъ поученіяхъ о мирѣ, ускользающихъ отъ людей, которые обманываются своею гордостію и забываютъ о смерти—забвеніе далеко не философское. Никто не имѣетъ права оставаться равнодушнымъ къ страданіямъ своего отечества; но у философа, также какъ у христіанина, всегда найдутся причины для того, чтобъ жить. Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ; оно заключается въ радостяхъ сердца, ума и воображенія, которыя доступны побѣжденному больше чѣмъ побѣдителю, если первый выше послѣдняго въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Вашъ великій Гёте, вашъ удивительный Фихте показали намъ, какимъ образомъ можно вести благородную, а слѣдовательно и счастливую жизнь, несмотря на внѣшнее униженіе своего отечества. Одно, впрочемъ, въ высокой степени успокоиваетъ меня: въ прошломъ году, во время выборовъ въ законодательный корпусъ, я записался въ число кандидатовъ; я не былъ выбранъ; мои объявленія можно еще видѣть на стѣнахъ деревень департамента Сены и Марны; на нихъ написано: «Долой революцію, долой войну! Война была бы столь же гибельна, какъ и революція»;—чтобъ жить съ спокойною совѣстію въ такія времена, какъ наше, надобно чтобъ человѣкъ былъ въ правѣ сказать себѣ, что онъ не уклонялся систематически отъ общественной жизни, точно также какъ и не избѣгалъ ее.

Картечница.

Картечница имѣетъ видъ небольшаго полеваго орудія, съ тою только разницею, что цилиндрическую часть ея составляетъ связка 37-ми стволовъ изъ литой стали, 10—14 миллиметровъ въ калибрѣ, охваченныхъ общимъ цилиндромъ ковкаго желѣза. Вдоль и позади цилиндра расположены паралельныя стѣнки лафета, соединенныя на оконечностяхъ клиномъ и снабженныя кривыми рычагами, которые служатъ для заряжанія орудія. Двухъ рычаговъ достаточно для приведенія картечницы въ дѣйствіе. Между паралельныхъ стѣнокъ лафета находится подвижная камора, приходящаяся къ казеннику стволовъ; въ нее вкладывается пластинка съ патронами; подвижный, отклоненный назадъ, кривой рычагъ втискиваетъ патроны въ стволы и вмѣстѣ съ тѣмъ взводитъ курковый молотокъ. Затѣмъ остается только—помѣщенный сбоку спускъ перевести къ центру каморы для того чтобы выпалить всѣ заряды по одному или залпомъ. Выстрѣленная пластинка съ патронами мгновенно выдвигается, посредствомъ отведенія назадъ задняго рычага, и замѣняется новою, которую рычагъ, снова нагибаясь, втискиваетъ въ стволы.

Центръ тяжести картечницы покоится на вертлюгѣ, который двигается на вращающейся и прикрѣпленной къ лафету подставкѣ; поэтому весьма легко прикрѣпленною слѣва рукояткою сообщить орудію вращательное полукруговое движеніе влѣво и вправо, которое при стрѣльбѣ замѣняетъ бѣглый огонь. Постепенно приподнимая цилиндръ, можно цѣлить на бòльшія разстоянія, доходящія до 1,500 метровъ. Два ящика укрѣпленные на оси лафета служатъ: одинъ — для помѣщенія патроновъ; другой — для инструментовъ необходимыхъ при поправкѣ и чисткѣ орудія. Картечь вѣситъ до 37 граммовъ, зарядъ пороху 6 — 8 граммовъ. Вѣсъ картечницы съ 37-ю стволами доходитъ (безъ лафета) до 180 килограммовъ, и для управленія ею достаточно двухъ человѣкъ. Приблизительно въ каждую минуту изъ этихъ 37 стволовъ можетъ быть выпалено до 481 картечины; нѣкоторые же насчитываютъ 250 — 280 выстрѣловъ въ минуту.

Таковы картечницы Монтиньи. Во французской арміи принята другая система, мало впрочемъ отличаются отъ вышеизложенной; но секретъ ея устройства сохраняется въ такой тайнѣ, что употребленіе орудія ввѣряется лишь одимъ офицерамъ. Что касается пользы картечницы — она оказалась настолько сомнительною, что это орудіе до сихъ поръ введено лишь во Франціи.

Фельетонъ.

Потери войны.—Колебаніе цѣнъ на человѣческую жизнь.—Народныя-ли антипатіи рождаютъ войны, или войны ихъ вызываютъ?—Франція и ея политическое разложеніе.

Рѣки крови льются во Франціи—крови французской и нѣмецкой; множество семей облеклись уже въ трауръ. Жертвы сраженій считаются десятками тысячъ, но жертвы эти не составляютъ главной потери войны. Гораздо болѣе смертей сбираетъ война не на поляхъ битвъ, а по госпиталямъ, лазаретамъ, помощью лихорадокъ, тифусовъ и прочихъ союзниковъ воюющихъ сторонъ. Эти жертвы въ текущіе бюлетени не заносятся, а между тѣмъ составляютъ, какъ извѣстно, во всякой войнѣ сумму гораздо бòльшую числа убитыхъ и раненыхъ,—такъ что если причесть и этихъ умершихъ къ убитымъ, то уже и теперь всѣхъ погибшихъ человѣческихъ существованій навѣрно будетъ до двухъ сотъ тысячъ.

Это ужасно, а между тѣмъ оно ужасаетъ общество не болѣе—даже менѣе—чѣмъ какое нибудь извѣстіе о случившейся гдѣ либо въ мирное время катастрофѣ на желѣзной дорогѣ или на пожарѣ, при которой нѣсколько десятковъ человѣкъ лишились жизни, а другіе покалечены. Изумительна эта вездѣ и во всемъ повторяющаяся условность, относительность взгляда людей на одинъ и тотъ-же предметъ,—въ настоящемъ случаѣ, напр., на жизнь человѣческую. Какъ дорого цѣнится она въ обыкновенное время! какъ готовъ спѣшить вся-

кій на помощь погибающему человѣку! какими обереженіями обставлены нетолько сама жизнь, но даже здоровье человѣка! Законы общественной гигіены, врачи, аптеки, больницы и пр.—все направлено къ охраненію безцѣннаго блага жизни. Но вотъ настала война—и все дѣло перемѣнилось. Тотъ самый человѣкъ, который при видѣ утопающаго способенъ былъ кинуться въ воду и рисковать для него собственной жизнью,—тотъ самый, который морщился и страдалъ при видѣ чужихъ страданій, которому быть - можетъ было невыносимо смотрѣть какъ рѣжутъ курицу, — въ военное время всаживаетъ штыкъ въ брюхо своего собрата по ремеслу или раскраиваетъ ему голову и видитъ, какъ тотъ падаетъ на землю и корчась умираетъ.

Въ обыкновенное время человѣческая жизнь составляетъ такую святыню, посягнуть на которую новая мысль не допускаетъ даже Законъ, даже во имя высшихъ цѣлей общественной пользы или безопасности;—извѣстны тѣ осужденія, которыя высказываются противъ смертной казни. Смертная казнь есть все-таки убійство,—говорятъ ея противники,—и какъ убійство возмутительна, отвратительна, и нѣтъ тѣхъ соображеній и возвышенныхъ аргументовъ, которые бы могли скрасить ея безобразіе.. Жизнь убійцы—и та берется подъ защиту человѣческаго чувства, и оно становится между карающимъ закономъ и жертвою правосудія;—а въ военное время десятки, сотни тысячъ молодыхъ, ничѣмъ не запятнанныхъ существованій безжалостно осуждаются на уничтоженіе—и никого это не удивляетъ, никому не кажется страннымъ, невозможнымъ, возмутительнымъ.

Что-же наконецъ такое война—одно изъ непостижимѣйшихъ явленій человѣческой исторіи? Приходится сознаться что ея сущность, законы, ея нравственная физіологія такъ - сказать, плохо поддаются осмысленію и далеко не вполнѣ понятны современной мысли. Возьмемъ напримѣръ хоть частный случай настоящей войны. Въ чемъ ея необходимость, ея разумныя основанія и смыслъ? лежитъ ли главная причина этой войны въ долго скапливавшейся національной ненависти двухъ народовъ, такъ что ихъ правительствамъ пришлось только уступать этому чувству, быть выразителемъ народной воли, въ то время когда они искали и наконецъ нашли предлогъ къ войнѣ? Или-же, наоборотъ, та вражда и злоба, которыми пламенѣютъ теперь другъ къ другу французы и нѣмцы, не причина, а слѣдствіе войны—обыкновенное одушевленіе и эфектъ борьбы, войною порожденный, войною-же и поддерживаемый? Вѣдь понятно, что двое борющихся легко могутъ перейти въ двухъ дерущихся; извѣстно то явленіе, что во время маневровъ (и конечно только на время маневровъ) войска одной стороны смотрятъ довольно недружелюбно на своихъ случайныхъ и примѣрныхъ противниковъ,—что въ пылу увлеченія этой военной игрою солдаты часто, вмѣсто холостыхъ зарядовъ, стрѣляютъ камнями и пескомъ,—что не останови во время двухъ направленныхъ другъ на друга въ атаку колоннъ, сведи ихъ слишкомъ близко — и они непремѣнно довольно серьознымъ образомъ подерутся. Мы слышали, напр., что на послѣднихъ маневрахъ нѣсколько человѣкъ было ранено такимъ образомъ. Не подобное ли воодушевленіе, опьяненіе борьбою—принимается часто за проявленіе народной воли, движенія патріотизма и въ немъ ищутъ оправданія и санкцію затѣянной войны?

Какъ бы то ни было, но только въ этомъ созвучіи и содѣйствіи массъ волѣ единичнаго человѣка и лежитъ возможность совершенія историческихъ событій. Въ самомъ дѣлѣ, слова: «Наполеонъ задумалъ, Бисмаркъ захотѣлъ» и пр.—такія слова объясняютъ очень мало и далеко не разрѣшаютъ вопроса. Мало - ли что Наполеонъ могъ придумать, Бисмаркъ захотѣть, но чего они не могли бы осуществить, хотя бы это придуманное и пожеланное требовало отъ народа несравненно меньшихъ жертвъ чѣмъ война или бы даже и вовсе ихъ не требовало. Все, что сколько нибудь шло бы противъ народнаго инстинкта, народныхъ пожеланій, все это должно бы было пасть отъ недостатка поддержки въ обществѣ, или даже отъ прямаго съ его стороны противодѣйствія, и въ своемъ паденіи могло бы даже увлечь своего творца. Война-же, которую яко-бы придумалъ Бисмаркъ, была принята съ одобреніемъ тѣми, на чей счетъ приходилось ее вести,—и фактъ осуществился. Размѣръ событія теперь уже далеко перешелъ за предѣлы личной воли: событія развиваются по своей собственной логикѣ, увлекая въ своемъ ходѣ за собою и Наполеона и Бисмарка и массу отдѣльныхъ личностей, единичныхъ воль, разумѣній и ощущеній. Для нѣмецкаго гражданина сталъ теперь не празднымъ вопросомъ—вопросъ о Рейнѣ, о славномъ мирѣ, объ удовлетвореніи его расходившейся злобы къ врагу, можетъ быть уже отнявшему у него благосостояніе и нѣсколько дорогихъ существованій. Для француза, для патріота француза, не должно быть ни дня ни часу покоя, пока непріятель будетъ на его землѣ, пока цѣною героическихъ усилій Франція не извергнетъ изъ себя германцевъ и не смоетъ кровью того позора и униженія, которое они заставили ее испытать.

Судя по приказамъ временнаго правительства, прокламаціямъ Виктора Гюго и по статьямъ всевозможныхъ газетъ и журналовъ, — энтузіазмъ къ защитѣ отечества въ послѣднее время охватилъ всю Францію.

Но способна-ли Франція къ такимъ усиліямъ на дѣлѣ? Найдетъ ли она въ себѣ нужныя для нихъ энергію и силы? При чемъ мы присутствуемъ теперь, глядя на совершающееся во Франціи? При одномъ-ли изъ жестокихъ, но (какъ это бываетъ со здоровыми организмами) цѣлебныхъ кризисовъ,—или при разложеніи государства, при началѣ конца новой Польши, при одномъ изъ этаповъ паденія отжившей страны?

Увы! все заставляетъ думать послѣднее—и настоящая минута и прошедшее послѣднихъ лѣтъ, крупные факты французской исторіи текущаго столѣтія и какая нибудь черта отдѣльной личности, — все свидѣтельствуетъ, даже нежелающему это замѣчать, что Франція политически крайне-деморализована, что Франція какъ государство подъѣдена и расшатана въ самыхъ своихъ основахъ.

Да и можетъ ли та страна считаться здоровою и живущею нормально, которая въ теченіи съ небольшимъ полувѣка смѣнила у себя до шести правительствъ? Тронъ или верховная власть есть алтарь, святая святыхъ государства, вещь наиболѣе неприкосновенная и ненарушимая.

Какая цѣльность и единство можетъ теперь быть во французскомъ обществѣ, какія традиціи могутъ его соединять, когда въ одной семьѣ отецъ — легитимистъ, сынъ ждетъ орлеановъ съ ихъ конституціями, другой служитъ въ войскахъ Наполеона, третій засѣдаетъ среди крайней лѣвой партіи палаты и т. д.?

Какой нибудь старецъ французскій, мирный гражданинъ дожившій до преклонныхъ лѣтъ и поочередно

служившій всѣмъ правительствамъ, смѣнявшимся за его время во Франціи, какіе завѣты передастъ онъ своимъ сыновьямъ и внукамъ, чему онъ ихъ научитъ вѣрить, чему служить, за что стоять?

Да и какая вѣра можетъ остаться даже въ отдѣльномъ человѣкѣ, въ отдѣльномъ гражданинѣ, когда онъ вспомнитъ длинный рядъ историческихъ опытовъ, этихъ пробъ различныхъ правительствъ, лицъ и системъ—и неуспѣхъ всѣхъ ихъ? Всѣ слова прислушались, всѣ пѣсни перепѣлись. Много-ли есть республиканцовъ, которые бы такъ же вѣрили въ спасеніе Франціи республикою, или орлеанистовъ вѣрящихъ въ хартіи и конституціи, какъ вѣрили въ это ихъ отцы? Каждая новая форма будетъ казаться скучнымъ повтореніемъ давно извѣстнаго, простымъ возобновленіемъ старой піесы.

Понятіе правъ и обязанностей гражданскихъ, политическаго долга, въ конецъ сбивается, распускается въ ничто. Въ самомъ дѣлѣ: какое изъ всѣхъ возможныхъ или бывшихъ до сихъ поръ французскихъ правительствъ можетъ считаться *законнымъ*, правительствомъ по праву? Всѣ, въ ровной степени,—что сводится на то, что ни одно, собственно говоря. Теоретически этотъ вопросъ неразрѣшимъ, неразрѣшимъ въ общей формѣ, для всѣхъ одинаково. Каждое правительство или его представители считаютъ безъ сомнѣнія себя едиными правыми и избранными; каждый французъ разрѣшаетъ его субъективно, по складу своихъ убѣжденій и личному разумѣнію. Практичееки-же этотъ вопросъ разрѣшается фактомъ, успѣхомъ. То правительство, которое существуетъ въ данную минуту, — то и есть законное, и остается такимъ пока существуетъ, до смѣны его другимъ.

Въ такомъ случаѣ, что же можетъ обязывать любаго француза служить *этому* правительству, а не *другому*, или всю жизнь оставаться вѣрнымъ одному, а не переходить изъ лагеря въ лагерь, слѣдуя своимъ взглядамъ, интересамъ или измѣненіямъ обстоятельствъ?

Тамъ гдѣ фактъ является единственнымъ разрѣшителемъ нравственныхъ вопросовъ, источникомъ права, гдѣ случайность выше идеи, и успѣхъ все собою оправдываетъ,—тамъ понятія долга и обязанности, какъ идеи совсѣмъ другаго порядка, не находятъ себѣ никакого приложенія, не имѣютъ причины существовать.

Такимъ-то образомъ деморализація личная и общественная узаконяется, становится явленіемъ естественнымъ, пожалуй даже исторически-необходимымъ, по ходу вещей неизбѣжнымъ. Тутъ нечего уже мечтать объ исправленіи нравовъ. Разъ утраченную политическую нравственность такъ же трудно странѣ пріобрѣсти снова, какъ отдѣльному человѣку вернуть утраченную вѣру.

А тутъ въ добавокъ и вѣрить-то нѐ - во - что; самого предмета вѣры недостаетъ. Дѣйствительно, съ какимъ ученіемъ могъ бы теперь французскій патріотъ выйти на проповѣдь, какое слово нужно написать на той хоругви, къ которой скликать народъ? Есть одно такое слово, которое повидимому способно примирять собою всѣ партіи, всѣ интересы—слово «Франція» — но только повидимому. Это слово вовсе не заключаетъ въ себѣ одного опредѣленнаго смысла, а для каждаго звучитъ различно.

Что такое Франція для Наполеона III? Это страна наполеонидовъ, будущій тронъ его сына? Франція для республиканца — это французская республика и т. д. Единодушія въ дѣйствіяхъ это слово не даетъ—и не научитъ какъ выйти изъ тѣхъ трагическихъ коллизій, въ которые безпрестанно ставитъ французскій народъ его исторія.

Примѣромъ такихъ коллизій можетъ служить теперешняя война съ Пруссіей. Какъ долженъ былъ принять извѣстіе о ней истинный патріотъ и чего желать? Приходилось выбирать не между зломъ и добромъ, а изъ двухъ золъ одинаково-сильныхъ. Побѣда французовъ приносила бы имъ торжество бонапартизма, его тлетворныхъ и губительныхъ началъ; побѣда пруссаковъ несла за собою позоръ и униженіе Франціи. И то и другое рѣшеніе вопроса приближало Францію къ гибели, къ концу. Понятно, что страстному патріоту было изъ за чего застрѣлиться—какъ это и сдѣлалъ Прево-Парадоль.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 25 Сентября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск и Влад. д. № 45—1

№ 40. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.

Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Ссылка.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО).

Ассесоръ Дорнъ прохаживался по комнатѣ съ поникшимъ взоромъ и заложенными за спину руками. На стиснутыхъ губахъ его мелькала горькая и грустная улыбка, хотя черты лица его казались совершенно спокойными. Опытный глазъ легко могъ подмѣтить, что молодой человѣкъ усиливался быть спокойнымъ, между тѣмъ какъ въ груди его была настоящая буря. Онъ до такой степени наловчился владѣть собою, что силы не измѣняли ему и въ эту минуту.

Немногіе понимають, какихъ усилій и мукъ стòитъ скрывать свои чувства, когда горячая кровь кипитъ, обида и негодованіе разрываютъ грудь и медленнымъ огнемъ жгутъ сердце.

Хотя Дорна и нельзя было назвать красавцемъ, но черты лица его отличались правильностью; на блѣдныхъ щекахъ сквозила нервозная раздражительность, а въ черныхъ большихъ глазахъ видна была твердость и рѣшимость. Эти глаза отличались необычайнымъ, почти невыносимымъ блескомъ. Дорнъ былъ средняго роста и строенъ станомъ; по его наружности можно было заключить о преобладаніи въ немъ умственной дѣятельности, которая въ возбужденномъ состояніи еще болѣе усиливалась. Онъ все еще ходилъ взадъ и впередъ, какъ вдругъ постучали въ дверь—и прежде чѣмъ онъ успѣлъ откликнуться, въ дверяхъ показался молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, ровесникъ Дорна. Это былъ докторъ Гольцъ. Приблизившись къ Дорну и протянувъ ему руку, онъ сказалъ въ сильномъ волненіи:

— Дорнъ, я слышалъ, что сегодня кончилось слѣдствіе по твоему дѣлу. Извѣстно-ли тебѣ рѣшеніе?

— Конечно, отвѣчалъ Дорнъ, — вѣдь я прежде всѣхъ въ правѣ знать его; ужь болѣе часу какъ я получилъ это извѣстіе и только-что хотѣлъ ознакомиться съ его результатомъ.

— Въ чемъ же заключается рѣшеніе? возразилъ съ нетерпѣніемъ Гольцъ.

— Прочти самъ, сказалъ Дорнъ, указывая на лежащую на столѣ бумагу,—приговоръ написанъ по формѣ и казенныя пошлины за гербовый листъ взысканы съ меня какъ слѣдуетъ.

Гольцъ, не слыша насмѣшки, съ которой были произнесены послѣднія слова, быстро прочелъ бумагу и съ невольнымъ вздохомъ облегченія, съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ, смотря на друга:

— Ну, слава Богу, тебя только переводятъ въ Б...; я боялся худшаго.

Лицо Дорна болѣзненно дрогнуло.

— Откровенно говоря: ты боялся видѣть меня совсѣмъ отставленнымъ отъ службы, возразилъ онъ:— или ты думалъ, что судьи сожгутъ меня на кострѣ за то, что я осмѣлился не раздѣлять ихъ мнѣній! Чѣмъ-же этотъ переводъ сноснѣе совершеннаго увольненія? По моему, оно еще хуже. Мнѣ назначили ссылку, чтобъ погубить меня въ этомъ гнѣздѣ, гдѣ я никому не принесу ни пользы ни вреда... Этимъ переводомъ хотятъ заставить забыть меня — и я увѣренъ, что обо мнѣ никто не вспомнитъ. Вотъ ихъ цѣль.

— Ты все видишь въ худшемъ свѣтѣ! воскликнулъ Гольцъ.—Теперь ты оскорбленъ — и вся будущ-

ность представляется тебѣ мрачной; успокоишься — на все взглянешь иначе.

— Развѣ я не спокоенъ? спросилъ ассесоръ, взглянувъ на друга, — ты знаешь, что я не люблю себя обманывать; всякую бѣду встрѣчаю твердо и никогда не отворачиваюсь отъ нея. Тебѣ мое перемѣщеніе кажется ничего-не-значущимъ; я же смотрю на него какъ на переворотъ, послѣдствія котораго отзовутся на всей моей будущности. Чѣмъ могъ я заслужить такое наказаніе? Немного найдешь такихъ добросовѣстныхъ исполнителей своей обязанности, какъ я! Весь мой проступокъ—въ томъ, что мои воззрѣнія были либеральнѣе, что я принадлежу къ другой политической партіи, и что я осмѣлился изложить въ одной изъ газетъ нѣкоторые недостатки нашего законодательства и управленія. И это признали за преступленіе! Хотятъ стѣснять свободу моего личнаго убѣжденія! Въ качествѣ подчиненнаго я долженъ быть рабомъ своего начальства! Меня хотятъ заставить быть реакціонеромъ, потому только что во главѣ управленія стоятъ реакціонеры; замѣни ихъ завтра либералы, и меня принудятъ быть либераломъ; а тамъ опять потребуютъ, чтобъ я сталъ консерваторомъ; — точно убѣжденія и мысли мѣняются какъ платье, смотря по погодѣ. Но довольно; ты какъ врачъ, свободный въ своихъ убѣжденіяхъ, этого не понимаешь.

— Нѣтъ, возразилъ Гольцъ, — я тебя очень хорошо понимаю; но можетъ-ли это быть иначе, если ты остаешься на службѣ?

— Да, понимаю, сказалъ ассесоръ съ грустной улыбкой: — ты думаешь, что мнѣ слѣдуетъ оставить свою должность и избрать другаго рода занятіе?

— При твоихъ понятіяхъ и способностяхъ, другой родъ службы вовсе не составитъ тебѣ большихъ затрудненій, замѣтилъ молодой врачъ.

Дорнъ отрицательно покачалъ головой.

— Однихъ способностей и познаній недостаточно. Что̀ если у меня не хватитъ охоты и возможности усвоить себѣ другіе взгляды на жизнь? Оставимъ это, я болѣе ста разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ. Теперь я рѣшился не измѣнять родъ службы и съ покорностью отправиться въ ссылку. — Не спрашивай меня о причинѣ моего рѣшенія; я убѣжденъ, что ты или нашелъ бы ее глупою, или не понялъ бы вовсе.

Молодой врачъ не возразилъ ни слова. Онъ видѣлъ, что другъ его раздраженъ, и не находилъ никакихъ средствъ успокоить его. Уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ былъ друженъ съ Дорномъ, любилъ, цѣнилъ его— и зналъ, какъ мало дѣйствовали убѣжденія на твердый и положительный характеръ Дорна.

Дорнъ принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которыя подавляютъ скорбь лишь перестрадавъ ее во глубинѣ души.

— Когда ты долженъ выѣхать въ Б...? внезапно спросилъ врачъ.

— Развѣ ты не прочелъ этого въ рѣшеніи? Мнѣ назначено только три дня сроку. Изъ этого можно заключить о строгости приговора. Впрочемъ, судьи оказали мнѣ этимъ важную услугу; по обычаю древнихъ, непріятнаго дѣла никогда не должно откладывать.

— Знаетъ-ли твоя невѣста объ этой ссылкѣ? спросилъ Гольцъ.

При этихъ словахъ Дорнъ измѣнился въ лицѣ, брови нахмурились и въ глазахъ потемнѣло. Погруженный въ раздумье, онъ повелъ рукою по лбу, какъ бы желая удалить грустныя мысли, и сказалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Я съ ней еще не говорилъ; этотъ тягостный шагъ еще предстоитъ мнѣ. Она вѣроятно предупреждена своимъ отцомъ, который зналъ о рѣшеніи прежде меня; въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Изъ груди его вырвался невольный вздохъ.

Гольцъ пристально посмотрѣлъ на Дорна. Вполнѣ понимая, какъ тяжелъ для друга этотъ разговоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надѣясь успокоить его, онъ продолжалъ:

— Послушай, Дорнъ, вѣдь ты не думаешь, что твоя невѣста приметъ это извѣстіе такъ же горячо къ сердцу, какъ ты самъ?

Ассесоръ быстро поднялъ глаза и вопросительно посмотрѣлъ на доктора, какъ бы желая проникнуть въ его мысли. Ужь не провѣдалъ ли Гольцъ, что съ самаго начала слѣдствія, сердце Аделаиды охладѣло къ жениху, что отецъ ея встрѣтилъ его чуть не съ обидною холодностью? Не извѣстенъ ли уже всему городу его разрывъ съ невѣстой, въ возможность котораго онъ самъ почти не вѣрилъ?

— Да, я опасаюсь этого, отвѣтилъ онъ. — Мнѣ бы тяжело было сомнѣваться въ постоянствѣ Аделаиды, но вліяніе отца на нее чрезвычайно сильно, а онъ по своему званію считаетъ себя обязаннымъ противодѣйствовать всякому либерализму. Ему вовсе не нравилось мое обрученіе съ Аделаидой—и съ тѣхъ поръ, какъ меня начали преслѣдовать, онъ сталъ со мной гораздо холоднѣе и недовѣрчивѣе. Какъ бы то ни было, я сегодня же увижусь съ Аделаидой — и все рѣшится.

— Ты и тутъ видишь все въ мрачномъ свѣтѣ, замѣтилъ Гольцъ, думая успоить его этимъ.

На губахъ Дорна скользнула горькая усмѣшка, обнаружившая всю глубину его страданія.

— Я только прозорливѣе тебя, сказалъ онъ: — другъ мой, несчастье рѣдко ограничивается одной бѣдой; брось съ горы камень—онъ повлечетъ за собой другіе. Мои мечты о счастьѣ прошли. Сколько лѣтъ трудился я въ надеждѣ получить лучшее мѣсто! Эти надежды я схороню ассесоромъ въ Б..., и ассесоромъ же останусь до гроба. Нѣкогда я мечталъ о безконечно-счастливой жизни съ Аделаидой, но и тѣ мечты — увы! — исчезли. А можетъ быть и хорошо, что не придется соединить ея судьбу съ моею. Она конечно разсчитывала на что-нибудь лучшее, нежели стать женою ассесора въ Б... Мой отецъ, какъ тебѣ извѣстно, отступился отъ меня: во вчерашнемъ письмѣ онъ говоритъ, что я ему не сынъ; друзья вѣроятно тоже не захотятъ знать меня—за вольность моихъ убѣжденій; но по крайней мѣрѣ я пріѣду въ Б.... свободный отъ всякихъ обязательствъ къ кому бы то ни было.

— Какъ ты несправедливъ! замѣтилъ Гольцъ: — что бы съ тобой ни случилось, друзья останутся вѣрны тебѣ.

— Ты думаешь? воскликнулъ съ горько улыбкой Дорнъ. — Другъ мой, къ несчастію я знаю людей лучше тебя—и все предвижу; теперь еще друзья пожалуй будутъ увѣрять меня въ своемъ искренномъ соболѣзнованіи, а по прошествіи мѣсяца никто обо мнѣ и не вспомнитъ. Но упрекать я никого за это не стану, ибо вся жизнь наша есть борьба личныхъ интересовъ — и кто же станетъ заботиться о другихъ прежде себя? Такихъ рѣдкихъ людей мы называемъ великодушными и благородными, а пожалуй они — только глупцы...

Гольцъ, не видя возможности разсѣять мрачное на-

строеніе друга, спросилъ наконецъ:—когда ты пойдешь къ Аделаидѣ?

— Скоро—скоро! неизвѣстность мучитъ меня; хотя это и трудный шагъ, но откладывать его нельзя, отвѣчалъ Дорнъ.

— Исполни мою просьбу, сказалъ Гольцъ: — приходи черезъ часъ въ тотъ погребокъ, гдѣ мы проводили вмѣстѣ столько пріятныхъ часовъ; я буду ждать тебя. Вѣрь мнѣ, что не любопытство, а участіе заставляетъ меня скорѣе узнать о результатѣ твоего свиданія.

— Приду, возразилъ Дорнъ, — я заранѣе могъ бы сказать результатъ, еслибъ не хотѣлось до послѣдней минуты сохранить хоть тѣнь надежды.

Гольцъ ушелъ. Хотя Дорнъ далъ себѣ слово быть спокойнымъ, но ему нужно было собраться съ силами. Онъ остановился передъ портретомъ Аделаиды, который висѣлъ у него надъ письменнымъ столомъ. Это было лишь изображеніе, но Дорну показалось, что онъ видитъ её на яву. Онъ всматривался въ глаза ея, любуясь милою и полною счастья улыбкой.

— Нѣтъ, не можетъ быть! вскричалъ онъ: — ты не измѣнишь мнѣ, еслибъ даже весь свѣтъ былъ противъ меня! Ты отдала мнѣ сердце добровольно; что общаго между политикой и твоей любовью! Было-бы несправедливо сомнѣваться въ ней! Если эти глаза, которые бывало сулили мнѣ блаженство, обманываютъ меня, то гдѣ же пословица: «глаза суть зеркало души».

Онъ поспѣшилъ одѣться и вышелъ изъ комнаты.

Когда онъ, перейдя улицу, приблизился къ дому инспектора Клинкгардта, сердце его сильно забилось.

Онъ не замѣчалъ встрѣчавшихся ему знакомыхъ; голова его кружилась; пульсъ тревожно бился; щеки были блѣдны. Дрожащею рукою дотронулся онъ до замка у двери инспектора, но не могъ рѣшиться отпереть ее. Онъ старался успокоиться; онъ прислушивался, не слышно-ли голоса Аделаиды, что послужило бы для него хорошимъ предзнаменованіемъ—но все было тихо. Наконецъ онъ вошелъ и освѣдомился у встрѣтившей его горничной объ Аделаидѣ, но прежде чѣмъ она успѣла отвѣчать, къ нему вышелъ самъ инспекторъ и попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

Личность Клинкгардта не внушала большой пріязни: онъ былъ высокаго роста, худощавъ; лицо его постоянно отличалось одинаковой строгостью. Казалось, онъ не въ состояніи былъ смѣяться, но на губахъ мелькала иногда насмѣшливая улыбка. Маленькіе сѣрые глаза смотрѣли пронзительно; крѣпко-сжатыя губы изобличали непреклонную волю.

Характеръ Клинкгардта соотвѣтствовалъ его наружности. Строгій, педантъ, фанатическій противникъ всего что не соотвѣтствовало его убѣжденію, съ давнихъ поръ онъ былъ занятъ только личными интересами — и занимая почетную должность, привыкъ достигать разъ-задуманной цѣли. Въ его характерѣ было нѣчто сатанинское и варварское. Иногда онъ становился ласковъ и любезенъ—но только въ тѣхъ случаяхъ, когда это было выгодно или когда онъ хотѣлъ черезъ то пріобрѣсти больше вѣса въ обществѣ.

Дорнъ очень хорошо зналъ все это—и потому, войдя въ комнату Клинкгардта, сразу понялъ настоящее значеніе его словъ, когда тотъ, запирая за собою дверь, холодно проговорилъ: «я васъ ожидалъ сегодня».

Эти слова Клинкгардта мгновенно отрезвили Дорна и помогли ему овладѣть собою. Дорнъ находилъ, что только Аделаида могла требовать отъ него отчета, но Клинкгардтъ не имѣлъ на это никакаго права.

— Вѣдь вы знаете, что я ежедневно бываю у Аделаиды? возразилъ онъ.

Этотъ повидимому непринужденный отвѣтъ поставилъ Клинкгардта въ затрудненіе. Онъ прищурилъ маленькіе глаза и вопросительно посмотрѣлъ на ассесора.

— Это я конечно зналъ, но сегодня я ждалъ васъ съ большею увѣренностью, сказалъ онъ.

Дорнъ не могъ болѣе уклоняться отъ объясненія причины, которая заставила его явиться къ инспектору.

— Какъ видите, вы не ошиблись, замѣтилъ онъ:— я имѣю нѣчто сообщить Аделаидѣ и потому пришелъ ранѣе обыкновеннаго.

— Я полагаю, возразилъ Клинкгардтъ,—что касающееся моей дочери не можетъ быть для меня тайной.

— Конечно, перебилъ Дорнъ,—я надѣюсь, что оно и не останется для васъ тайной.

— Вы совершенно вѣрно предположили, г. ассесоръ, возразилъ инспекторъ строгимъ тономъ, выпрямляя свой длинный станъ.—Я очень хорошо знаю, что вы желаете сообщить моей дочери; но Аделаидѣ это уже извѣстно, почему и считаю ваше объясненіе лишнимъ. Я принялъ васъ для того, чтобы передать вамъ это.

Дорнъ горестно стиснулъ губы. Онъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Онъ готовъ былъ зарыдать, но передъ этимъ черствымъ человѣкомъ ему не хотѣлось изобличать своихъ чувствъ.

— Въ порядкѣ ли вещей, чтобы женихъ не переговорилъ съ своей невѣстой о такомъ дѣлѣ какъ переводъ его въ другой городъ? замѣтилъ онъ спокойно, не смотря на раздирающую боль въ груди.

— Вашъ переводъ, г. ассесоръ, ничто иное какъ послѣдствіе назначеннаго надъ вами слѣдствія. Вы сами конечно не рѣшитесь отвергать, что этотъ переводъ нельзя понять иначе какъ въ смыслѣ взысканія по суду.

— До сихъ поръ я ничего не скрывалъ отъ Аделаиды, и мнѣ хотѣлось-бы самому сообщить ей всю правду.

— Вы, какъ видно, еще не совсѣмъ ясно понимаете ваше положеніе послѣ этого взысканія, замѣтилъ Клинкгардтъ.

Дорнъ промолчалъ и вопросительно посмотрѣлъ на инспектора.

— Вы поймите, продолжалъ Клинкгардтъ,—что при такомъ положеніи дѣлъ я считаю ваше обрученіе съ моей дочерью недѣйствительнымъ. Женою ассесора въ городѣ Б... она быть не можетъ, а до повышенія вамъ еще далеко; да къ тому-же вамъ надо прежде поизмѣнить взглядъ на нѣкоторыя вещи.

— Позвольте, г. инспекторъ, перебилъ Дорнъ:—я считаю свои убѣжденія моею собственностью — и до тѣхъ поръ, пока буду считать ихъ справедливыми, я не измѣню ихъ. Мнѣ не слѣдовало-бы говорить съ вами объ этомъ, такъ какъ наши воззрѣнія совершенно расходятся; я понимаю васъ, вы никогда не желали нашей свадьбы и не сочувствовали нашему союзу. Аделаида свободно располагала своимъ сердцемъ—и я до тѣхъ поръ не откажусь отъ нея, пока сама она не скажетъ мнѣ, что болѣе меня не любитъ.

Инспекторъ насмѣшливо улыбнулся.

— Моя дочь вполнѣ раздѣляетъ мое желаніе, я

обращаюсь къ вамъ отъ ея имени, замѣтилъ Клинкгардтъ.

Дорнъ невольно схватился за грудь.

Вотъ чего именно онъ опасался. Почти съ увѣренностью ожидалъ онъ этого, а между тѣмъ слова эти какъ ножемъ поразили его. Онъ хотѣлъ отвѣтить, но губы его дрожали. Да и можно ли быть увѣрену въ справедливости словъ инспектора? Вѣроятно ли было, чтобъ Аделаида сама желала разрыва? Неужели любовь ея такъ скоро охладѣла?

Напрягая воображеніе, онъ представлялъ себѣ ея темные глаза и старался прочесть въ нихъ выраженіе любви.

— Я только тогда повѣрю вамъ, когда услышу эти слова изъ устъ Аделаиды! вскричалъ онъ въ волненіи.—Она не могла мнѣ измѣнить. Болѣе ста разъ слышалъ я увѣренія ея въ любви. Не можетъ быть, чтобъ она меня обманывала!

— Сердце ея ошиблось въ выборѣ; намъ въ жизни часто приходится ошибаться, сказалъ Клинкгардтъ.

— Г. инспекторъ! вскричалъ Дорнъ, все болѣе теряя спокойствіе (горе овладѣвало имъ),—гдѣ Аделаида? Она сама должна сообщить мнѣ это—сама! Не бойтесь сцены! Пусть Аделаида скажетъ мнѣ, что болѣе меня не любитъ, и я возвращу вамъ ваше слово обратно, безъ всякаго упрека.

— Моей дочери нечего болѣе съ вами говорить, холодно и непреклонно сказалъ Клинкгардтъ.—Она сама желала вашего разъединенія и просила меня возвратить вамъ это кольцо, портретъ и подарки, которые получила отъ васъ. Считаю лишнимъ упоминать о возвращеніи ей различныхъ бездѣлушекъ, которыя она вамъ дала. Вы сами виноваты, что утратили любовь моей дочери.

Если въ сердцѣ Дорна оставалась еще хоть искра надежды, то слова эти погасили ее окончательно. Вся кровь хлынула ему къ сердцу, и онъ едва не зарыдалъ.

Инспекторъ положилъ на столъ кольцо, которое носила Аделаида и портретъ Дорна, который она такъ часто цѣловала. Могло ли это статься безъ ея согласія? теперь не оставалось ни тѣни надежды.

— Не я утратилъ любовь Аделаиды, а вы меня лишили ея! вскричалъ онъ:—вы употребили всѣ усилія, чтобы вытѣснить меня изъ ея сердца; я давно опасался этого, но считалъ сердце Аделаиды постояннымъ и вѣрнымъ. Она не могла перенести даже этой легкой бури! Меня она ни въ чемъ не можетъ упрекнуть! Она разстается со мною, не сказавъ мнѣ ни слова, хотя очень хорошо знаетъ, что гордость моя не позволила бы мнѣ принять ея руку безъ полной любви и согласія на то съ ея стороны...

— Г. ассесоръ! намъ пора прекратить этотъ разговоръ, перебилъ его Клинкгардтъ и насмѣшливо прибавилъ:—въ городѣ Б... вы вѣроятно придете къ заключенію, что вы сбились съ прямаго пути; тогда и начальство ваше забудетъ все прошлое. Я искренно желаю вамъ этого.

Онъ отвернулся.

Дорнъ задрожалъ. Слова эти оскорбили его благородную гордость.

— Я вамъ очень благодаренъ, г. инспекторъ, за ваше желаніе, но не вижу возможности его примѣненія, сказалъ онъ.—Будь моею цѣлью—составленіе карьеры, мнѣ стоило-бы только взглянуть на вашу прошедшую жизнь, чтобы изучить путь, по которому такъ легко можно выдвинуться впередъ. Я презираю эту дорогу, и потому вы не можете быть для меня образцомъ.

Клинкгардтъ невольно отступилъ назадъ. Подобныхъ словъ ему давно не приходилось слышать. Лобъ у него вдругъ сморщился, глаза совершенно закрылись и губы задрожали; онъ не находилъ словъ для выраженія гнѣва.

— Что... что это вы смѣете мнѣ говорить?! вскричалъ онъ наконецъ. Болѣе онъ ничего не могъ произнести.

— Почему-же нѣтъ? возразилъ Дорнъ,—я могъ бы напомнить вамъ еще кое-что, напримѣръ: объ искусствѣ и умѣньѣ преобразиться въ инспектора; о средствахъ, при помощи которыхъ получаются подобныя мѣста... Но я болѣе не хочу говорить съ вами.

Онъ направился къ двери.

— Вонъ! вонъ отсюда! чтобъ ноги вашей никогда не было въ моемъ домѣ! воскликнулъ Клинкгардтъ, съ неудержимою яростью, окончательно потерявъ свое обыкновенное хладнокровіе.—О! я не перенесъ бы обрученія моей дочери съ вами!

Дорнъ, обернувшись, сказалъ:

— Вамъ надо-бы радоваться, что это такъ случилось. Не будь я этимъ связанъ—я давно напечаталъ-бы въ газетахъ, какими средствами достигли вы мѣста инспектора; тогда вы не могли-бы занимать это мѣсто. Вамъ вѣроятно еще не извѣстно, что доказательства этихъ средствъ—въ моихъ рукахъ.

Съ этими словами онъ вышелъ.

Клинкгардтъ остался неподвиженъ. Онъ смотрѣлъ на дверь, въ которую вышелъ Дорнъ.

Его сѣренькіе глаза, увеличиваясь въ объемѣ, словно выскочить хотѣли. Онъ облокотился на письменный столъ, чтобы не упасть; колѣна его подкашивались. Изнеможенный опустился онъ въ кресло, стоявшее подлѣ стола. Закрывъ лицо руками, онъ сидѣлъ безъ всякаго движенія. Мысль за мыслью пробѣгали въ его головѣ. Наконецъ онъ успокоился и медленно опустилъ руки; только блѣдность его лица ясно обнаруживала тяжелыя чувства, волновавшія его.

«Онъ вретъ, что имѣетъ противъ меня доказательства», говорилъ онъ самъ собою: «имѣя ихъ, онъ не промолчалъ-бы до этой минуты; онъ не отказался-бы отъ Аделаиды, и я былъ бы принужденъ исполнить его волю. Онъ напрасно грозитъ мнѣ — и нечего мнѣ пугаться. Никто не смѣетъ мнѣ противиться—никто! Еслибъ кто и посмѣлъ—мое вліяніе немаловажно. Онъ пропадетъ прежде чѣмъ успѣетъ повредить мнѣ!»

Онъ всталъ, немного пошатываясь; но высокомѣріе и сознаніе собственной силы возвратили ему прежнюю твердость.

Въ эту минуту вошла въ комнату Аделаида. Это была высокая и стройная дѣвушка; темные глаза ея свѣтились какимъ-то особеннымъ блескомъ; темные волосы обрамляли ея красивую голову. Каждое движеніе ея лица было прекрасно и гармонично, и только высокій лобъ придавалъ всему лицу гордое выраженіе.

Трудно было предположить, чтобъ она была дочь этого самаго инспектора—такъ различны были черты обоихъ; но она все-таки очень походила на отца своимъ холоднымъ взглядомъ и гордымъ выраженіемъ лица.

Клинкгардтъ съ легкой улыбкой пошелъ къ ней на встрѣчу. Онъ собралъ всѣ силы, чтобъ казаться веселымъ и чтобъ Аделаида не могла заподозрѣть того, что внутри его происходило.

— Къ вамъ приходилъ Дорнъ? спросила Аделаида, посмотрѣвъ на кольцо и портретъ ассесора, все еще лежавшіе на столѣ.

— Да, дитя мое, отвѣчалъ Клинкгардтъ,—онъ былъ здѣсь, но ужь никогда болѣе не возвратится.

Аделаида молча закусила нижнюю губу. Почувствовала ли она упрекъ совѣсти въ томъ, что по желанію отца такъ скоро отступилась отъ жениха? Что она любила Дорна—этого она не могла скрыть; но боялась спросить себя, будетъ ли въ состояніи забыть его.

— Какъ принялъ онъ твои слова? произнесла она наконецъ, устремивъ взглядъ на портретъ Дорна.

— Спокойнѣе чѣмъ я ожидалъ, возразилъ отецъ:—онъ повидимому предвидѣлъ, что ты отвергнешь его.

прогулокъ. Отнынѣ же она должна забыть его, и встрѣчаться съ нимъ какъ съ чужимъ человѣкомъ.

Хотя она и была встревожена переводомъ Дорна, о которомъ отецъ разсказалъ ей съ различными добавленіями, но она все-таки любила его. Ей припоминалось, какъ она высоко ставила Дорна за его либеральныя убѣжденія.

— Если ужь этому слѣдовало такъ быть, сказала тихо Аделаида,—то лучше бы мнѣ самой сказать ему; я передала бы ему это въ болѣе мягкихъ словахъ, чѣмъ ты.

— Нѣтъ! возразилъ инспекторъ,—ты напрасно обезпокоила бы себя; ты была-бы слаба, а я все объяснилъ ему спокойно и деликатно. Я ему представилъ

Вологодскіе соборы.

Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ Е. Даммюллеръ.

— Я никогда не отвергла бы его, еслибъ ты меня не принудилъ сдѣлать этого! вскрикнула Аделаида, и глаза ея заблистали страстью.—Я уступила твоему желанію, но не знаю—хорошо-ли это. Дорнъ истинно любилъ меня.

— Не безпокойся, ты отлично поступила! поспѣшно сказалъ Клинкгардтъ.—Развѣ ты предпочла бы быть женою ассесора въ Б...., человѣка, который вѣроятно лѣтъ двадцать останется въ одномъ и томъ же званіи? Развѣ ты рѣшилась бы сносить насмѣшки всѣхъ знакомыхъ?

Аделаида упорно молчала. Отецъ затронулъ въ ней слабую струну, но ей все еще казалось, что она несправедливо поступила съ Дорномъ. Ей припомнилось, какъ часто она мечтала быть счастливой женой Дорна, который еще незадолго предъ этимъ ей былъ такъ близокъ, которому она довѣряла свое сердце, и на руку котораго она такъ часто опиралась во время веселыхъ

это какъ неизбѣжное слѣдствіе обстоятельствъ—и онъ самъ согласился съ этимъ.

Инспекторъ нисколько не стыдился лгать дочери.

— Ты возвратилъ ему кольцо, портретъ и подарки? спросила Аделаида. Въ ней пробудилось недовѣріе къ словамъ отца.

Клинкгардтъ теперь только замѣтилъ, что вещи оставались на столѣ. Замѣшательство ясно выразилось въ его улыбкѣ.

— Онъ забылъ взять ихъ съ собою; я сегодня-же отошлю ему ихъ, сказалъ онъ.—Аделаида, теперь все рѣшено; я знаю, что избавилъ тебя отъ многихъ горестей, слезъ и несчастной будущности быть женою ассесора. Забудь прошедшее и человѣка, который былъ такъ мало достоинъ тебя.

Легкій румянецъ покрылъ лицо Аделаиды.

— Батюшка! сказала она, и голосъ ея твердо звучалъ,—я отказала Дорну, судя по внѣшнимъ обстоя-

тельствамъ и потому что ты склонялъ меня къ этому. Въ настоящее время я пожалуй не поступила бы такимъ образомъ; но однажды рѣшась, я не стану требовать возвращенія Дорна. Только я не хочу, чтобъ ты его оскорблялъ и выставлялъ недостойнымъ: онъ этого не заслуживаетъ. Онъ наказанъ за то, что смѣло высказалъ свои убѣжденія, на что сотни другихъ не рѣшились бы. Я знаю Дорна лучше чѣмъ ты—и не нашла въ немъ ничего, что могло бы уменьшить мое къ нему уваженіе. Забуду ли я его или нѣтъ—въ этомъ сердце не обязано давать отчета; но я чувствую, что слишкомъ много уступила тебѣ.

Она повернулась къ двери.

— Дитя, дитя! вскричалъ инспекторъ, сильно пораженный неожиданной выходкой Аделаиды.

Но она уже вышла изъ комнаты.

Клинкгардтъ постоялъ нѣсколько минутъ, погруженный въ раздумье; затѣмъ насмѣшливая улыбка появилась на его губахъ, и онъ сѣлъ къ письменному столу.

— Она забудетъ его, сказалъ онъ про себя:—до Б... далеко, а чтобъ г. ассесоръ не такъ скоро выбрался оттуда, я приму свои мѣры. Мое вліяніе, слава Богу, посильнѣе его вліянія.

(Продолженіе будетъ).

Вологда.

Пространство плоской равнины нынѣшней Вологодской губерніи, отдѣленное отъ земли Новгородцевъ рѣкою Шексною, Кубенскимъ Озеромъ и большими лѣсами и болотами по сю сторону Шексны, у Новгородцевъ называлось *Заволочьемъ*, т. е. за-волокомъ, за лѣсомъ. Пространство это составляло нынѣшній Вологодскій уѣздъ почти до г. Тотьмы, занимающій мѣсто между естественными границами рѣкъ и озеръ, лежащихъ и протекающихъ по окраинамъ Вологодскаго уѣзда. Сѣверныя и сѣверо-восточныя части губерніи назывались *поморскими городами*. Новгородцы, завоевавъ прилежащія съ юго-востока части древней Руси, населенной народомъ финскаго племени, извѣстнымъ въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Чуди Заволочской*, строили посады и города, предоставляя поселенцамъ во владѣніе земли для развитія края, и садили здѣсь своихъ старшинъ для администраціи и для охраны завоеванныхъ земель отъ нападенія сосѣдей, непризнававшихъ правленія Новгородцевъ и неуважавшихъ новыхъ порядковъ призваннаго тогда на Русь, для управленія ею, перваго князя Рюрика.

Чудь, тѣснимая Новгородцами къ востоку, сохранилась или удержалась въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ Вологодской губерніи до настоящаго времени, подъ названіемъ Зырянъ. Послѣ принятія Владиміромъ христіанства, южныя окраины Руси не требовали большой массы витязей и воиновъ для битвы съ греками, почему дѣятельность части витязей была перенесена на сѣверъ—для большаго укрѣпленія власти князя между племенами Чуди. Основываясь на этомъ предположеніи, можно думать, что и начала христіанской религіи были занесены на Заволочье воинами южной Руси. Историческія данныя о распространеніи христіанства въ сѣверной Россіи извѣстны только со второй половины XIV вѣка, и первый распространитель ученія Христова былъ св. Стефанъ Велико-Пермскій, который проповѣдовалъ христіанство между всѣми племенами сѣверо-восточной Россіи.

Первое историческое извѣстіе объ основаніи города Вологды видно изъ житія преподобнаго Герасима, который пришелъ въ 1147 году изъ Кіева съ цѣлью проповѣди Христовой—и нашелъ уже Вологду, гдѣ находилась церковь Воскресенія Христова и торгъ (торжище); это обстоятельство даетъ основаніе думать, что Вологда могла существовать во времена самаго ранняго періода Княжества Русскаго, т. е. въ IX или X вѣкѣ.

Вмѣстѣ съ устройствомъ первой церкви, Вологда пріобрѣтала торговое значеніе въ Заволочьѣ и въ Поморскихъ городахъ, такъ какъ текущія къ сѣверу отъ Вологды рѣки доставляли и доставляютъ ей не малое удобство путей сообщенія.

Русскіе, утвердясь на Заволочьѣ, оттѣсняя Чудь къ востоку, весьма быстро заселяли новопріобрѣтенныя владѣнія, и распространили здѣсь на Заволочьѣ между оставшейся Чудью русскую рѣчь.

Сильное торговое значеніе Вологды и промышленное значеніе Вологодской территоріи становится очень замѣтнымъ съ того времени, когда Іоаннъ III Васильевичъ завоевалъ Новгородъ и присоединилъ его къ Великому Княжеству Московскому. Въ это время за Устюгомъ въ Соль-Вычегодскѣ поселились знаменитые промышленные дѣятели Строгановы, основавъ здѣсь собственное правленіе (нѣчто въ родѣ республики). Они первые обратили вниманіе на большое количество желѣзной руды, находящейся по берегамъ Двины, Вычегды и Печоры, что послужило большимъ удобствомъ къ устройству здѣсь желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ. Города Заволочья, т. е. нынѣшней Вологодской губерніи, уже и въ то время служили мѣстомъ ссылокъ для вліятельныхъ и богатыхъ семействъ Новгородцевъ, что конечно послужило къ немалой пользѣ для этого края, отъ заселенія его людьми болѣе развитыми. Къ этому періоду можно отнести и большее развитіе края въ торгово-промышленномъ и заводскомъ значеніи. Въ это время были устроены въ сѣверныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи (тогда Поморскихъ городахъ) солеваренные заводы, и начала развиваться рыбопромышленность по системѣ сѣверныхъ рѣкъ и по окраинамъ Бѣлаго моря. Русь стала получать соль и желѣзо, обработываемыя заводскими людьми промышленниковъ Строгановыхъ въ Соль-Вычегодскѣ. Эти важные для государства продукты сплавлялись по рѣкамъ Двинѣ, Сухонѣ и Вологдѣ, что конечно развивало промышленное судоходство и дѣлало Вологду, какъ ближайшій пунктъ къ Московскому Княжеству, торговымъ, богатымъ городомъ. Въ XIV столѣтіи, послѣ завоеванія Сибири Ермакомъ, Вологда получила большее торговое значеніе, такъ какъ чрезъ нее лежалъ ближайшій торговый путь ко вновь завоеванной Сибири. Къ этому же времени нужно отнести открытіе англичанами морскаго сообщенія чрезъ Ледовитый океанъ съ Бѣлымъ моремъ и устьемъ Двины. Приходившіе сюда корабли могли вести значительную торговлю только съ Вологдой и отчасти съ Поморскими городами; слѣдовательно, Вологда въ это время стала

складочнымъ мѣстомъ привозныхъ иностранныхъ товаровъ, что еще болѣе увеличило торговое значеніе этого города. Іоаннъ Васильевичъ Грозный въ 1564 году, уѣзжая изъ Москвы [1]) и отказываясь отъ правленія, прибылъ въ Вологду, какъ говоритъ лѣтопись, проѣздомъ въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь. Вѣроятно, видя торговое значеніе Вологды въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ отъ безпокойныхъ тогда сосѣдей (Литовцевъ, Поляковъ, Татаръ Крымскихъ и Казанскихъ) Русскаго Царства, задумалъ основать здѣсь резиденцію. Въ 1568 году царь нарочно пріѣхалъ въ Вологду и прожилъ въ ней почти три года, построилъ крѣпость и Софійскій каѳедральный соборъ по образу Московскаго Успенскаго (см. прилагаемый рисунокъ на стр. 629). Постройка крѣпости и храма, какъ видно изъ историческихъ данныхъ [2]), производилась весьма тщательно, что даетъ поводъ допустить нѣкоторое вѣроятіе въ существующемъ преданіи, что Грозный хотѣлъ перенести сюда изъ Москвы столицу, и сдѣлать Вологду первопрестольнымъ городомъ. Дѣйствительно, послѣ трехсотлѣтняго существованія Вологодскій Успенскій соборъ (при своей громадности) не имѣетъ ни разсѣлинъ, ни трещинъ,—вслѣдствіе аккуратности постройки, какъ говорятъ лѣтописи, доходящей до того, что сдѣланная днемъ работа на ночь для предупрежденія вліяній атмосферныхъ тщательно закрывалась. Выстроенный окончательно съ такой заботою храмъ едва не подвергнулся участи основнаго разоренія по слѣдующему обстоятельству. Іоаннъ Васильевичъ Грозный, по окончаніи внѣшнихъ работъ собора, зашелъ однажды въ него. Осматривая постройку, онъ былъ ушибенъ въ голову будто-бы упавшимъ (ненарокомъ) изъ верхняго свода кирпичомъ [3]). Царь разсердился и приказалъ разорить храмъ, но по просьбѣ вліятельныхъ жителей Вологды и епископа онъ оставилъ его закрытымъ безъ освященія и внутренней отдѣлки. Въ 1571 году Іоаннъ Грозный уѣхалъ въ Москву, и тамъ вскорѣ скончался. Въ царствованіе Ѳедора Іоанновича храмъ, закрытый впродолженіи 17 лѣтъ, разрѣшено было отдѣлывать и освятить. Но тогдашній недостатокъ матеріальныхъ средствъ, вслѣдствіе продолжительнаго голода, не позволялъ устраивать его до болѣе поздняго времени, а именно: въ 1588 году преосвященный Антоній, епископъ Вологодскій и и Велико-Пермскій, устроилъ предѣльный престолъ во имя Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, въ память тезоименитства Іоанна Васильевича Грознаго. Послѣ роковаго для Россіи 1613 года, во время бѣдственнаго нашествія поляковъ и литовцевъ, сѣверный край Россіи и Вологда потерпѣли ужасное разореніе. Поляки разоряли и жгли храмы, посады и города; слѣдовательно и Софійскій соборъ вологодскій пострадалъ отъ нашествія пановщины, — и только послѣ побѣды надъ поляками, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, соборъ былъ отдѣланъ и освященъ снова. Внутреннее устройство храма много напоминаетъ старинные московскіе соборы. При входѣ глазъ поражается полумракомъ и готическимъ стилемъ высокихъ четыреугольныхъ пилоновъ на первомъ планѣ, съ изображеніемъ на нихъ полныхъ фигуръ (старинной живописи) святыхъ архистратиговъ. Громадный, прекрасно-рѣзанный иконостасъ, помѣщенныя въ немъ по стѣнамъ иконы старинной живописи, расположенные вдоль по бокамъ у стѣнъ храма гробы почивающихъ здѣсь архіепископовъ,—все это, при Аристотелевской-массивности храма, освѣщенное проникающими сквозь длинныя узкія окна лучами солнца, пробуждаетъ отрадное сознательное чувство величія религіи, и располагаетъ къ молитвѣ. Въ этомъ храмѣ служба производится только въ лѣтнее время. Лѣвѣе отъ него, за колокольнею устроенъ въ позднѣйшія времена другой соборъ, гдѣ отправляется служба круглый годъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Теплаго Собора.

Городъ Вологда въ своемъ историческомъ значеніи занимаетъ не послѣднее мѣсто—какъ по своей древности, равно и по историческимъ памятникамъ. Она ровесница старушкѣ Москвѣ; ей также много случалось переживать горя отъ разореній при разныхъ нашествіяхъ безпокойныхъ сосѣдей: татаръ, литовцевъ, поляковъ, и отъ собственныхъ междоусобныхъ войнъ былыхъ удѣльныхъ князей и разныхъ самозванцевъ Россіи. Изъ историческихъ памятниковъ, кромѣ собора, замѣчателенъ храмъ Спаса Всемилостиваго. Онъ построенъ, какъ говоритъ лѣтопись, усердными вологжанами въ одну ночь, въ память избавленія отъ свирѣпствовавшей здѣсь, въ началѣ XVII столѣтія, моровой язвы. Первоначальнымъ храмомъ была небольшая деревянная часовня, а теперь на этомъ мѣстѣ находится—богатая по внутренней и по внѣшней отдѣлкѣ—приходская церковь, въ которой помѣщается чудотворный образъ Спаса Всемилостиваго, особенно чтимый жителями Вологды.

Народонаселеніе города, по статистическимъ свѣдѣніямъ, простирается до 18,000. Торговое значеніе Вологды въ Россіи пало съ того времени, когда Петръ I завоевалъ Балтійское море. Ранѣе Вологда вела обширную торговлю съ единственнымъ въ тѣ времена Архангельскимъ портомъ. Современная торговля Вологды съ Архангельскомъ (хлѣбомъ) находится въ рукахъ монополіи богатыхъ русскихъ и англійскихъ купеческихъ конторъ.

Промышленная и заводская дѣятельность Вологды находится тоже въ печальномъ видѣ. На протяженіи всей губерніи есть только двѣ или три мануфактурныя фабрики, а въ Вологдѣ и въ уѣздѣ существуютъ слѣдующія промышленныя производства:

Винокуренныхъ заводовъ	8
Кожевенныхъ »	2
Клеевыхъ »	4
Бульонныхъ »	5
Стеклянныхъ »	1
Сыроваренныхъ »	3

Самая важная отрасль производительности Вологодской губерніи состоитъ въ лѣсопромышленности и лѣсной технологіи; но и эта отрасль, несмотря на богатство лѣсовъ, почти сплошь покрывающихъ пространство Вологодской губерніи, не даетъ ей особенно торгово-промышленнаго значенія—вслѣдствіе неудобствъ путей сообщенія, а болѣе отъ неимѣнія спеціальныхъ усовершенствованныхъ заводовъ и спеціальныхъ рабочихъ силъ, какъ въ самой обработкѣ лѣса, равно и въ производствѣ разныхъ побочныхъ лѣсныхъ продуктовъ, какъ-то:

[1]) Вслѣдствіе ссоры съ регентами его и дядями—Глинскими.

[2]) См. оп. Вологод. каѳед. соб., состав. Н. Суворовъ. Москва, 1863 года. Лѣто 7076-ое (1568 годъ). «Великій Государь Царь Иванъ Васильевичъ повелѣ соборную Софійскую церковь во имя Успенія Пресв. Богород. поставити внутри града у архіерейскаго дома, и дѣлаша ю два года; а колико сдѣлаютъ, то каждаго дни покрывали лубьемъ и другими орудіи, и того ради оная церковь крѣпка на разсѣлины. (Мѣстная церковн. лѣтоп. изъ консистор. архива).

[3]) Нѣціи глаголятъ: «егда совершена бысть оная церковь соборная и Великій Государь вшедъ, видѣти пространство ея, и будто нѣчто отторгнувся отъ свода и Государю повреди главу....» Церк. лѣтоп. оп. Вологод. каѳедр. Софійск. соб. Н. Суворовъ.

смолы, дегтя, скипидара и тому подоб. Впрочемъ, крайнее неудобство путей сообщенія Вологды съ южными и юго-западными пограничными губерніями и при лучшей разработкѣ лѣсопромышленности имѣло бы вліяніе на сбытъ лѣсныхъ матеріаловъ.

Мѣстная городская торговля Вологды производится продажею разныхъ товаровъ, болѣе всего московскихъ мануфактуръ. Городъ не терпитъ недостатка въ лавкахъ и магазинахъ, начиная отъ самыхъ скромныхъ размѣровъ уличнаго ларя и доходя до шикарнаго магазина по внѣшней отдѣлкѣ, содержащаго товары мнимо-заграничныхъ производствъ.

Матеріальное богатство жителей не весьма значительно. Сельское хозяйство, вслѣдствіе климатическихъ условій Вологды, тоже не блестяще.

По внѣшности своей Вологда—довольно живописно разбросанный городъ. Широкія улицы, довольно красивые каменные и деревянные дома съ 52 церквами,—все это сгруппированное, при большомъ количествѣ окружающей зелени, пріятно ласкаетъ глазъ пріѣзжающаго. Въ городѣ находятся: мужская и женская гимназія, семинарія съ духовнымъ училищемъ, два клуба, временной театръ, и даже недавно-основанное ремесленное училище.

А. Шевяковъ.

Памятникъ Богдану Хмельницкому.

(*Окончаніе*).

Слѣдствіемъ принятія въ подданство Малороссіи, была война между Россіей и Польшей. Война сначала была удачна: городъ за городомъ сдавались русскимъ. Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ покорились русскому царю; на югѣ Хмельницкій и Бутурлинъ отразили поляковъ подъ Охматовымъ. Польша стояла на краю гибели; кромѣ Россіи ей объявила войну Швеція, Карлъ X овладѣлъ было всей Польшей, занялъ Краковъ. Въ этой крайности, поляки прибѣгли къ изворотливой уловкѣ и предложили царю Алексѣю Михайловичу польскую корону, по смерти Яна Казиміра. Заключенъ былъ договоръ въ Вильнѣ—и Алексѣй Михайловичъ пошелъ спасать свое будущее королевство. Поляки, разумѣется, обманули; Алексѣй Михайловичъ короны польской не получилъ, а Литву потерялъ. Богданъ предвидѣлъ это—виленскій договоръ свелъ его въ могилу.

Теперь постараемся прослѣдить сношенія гетмана съ московскимъ дворомъ—съ самаго начала возстанія до виленскаго договора включительно; это дастъ намъ возможность оцѣнить великую заслугу «казацкаго батьки» Богдана Хмѣльницкаго—и понять, почему Россія воздвигаетъ ему памятникъ. Знаменательно, что она воздвигаетъ памятникъ ему, освободителю южно-русскаго народа, въ эпоху освобожденія и русскаго и польскаго народа отъ крѣпостнаго рабства... Черезъ два столѣтія, двѣ поры русской жизни протягиваютъ другъ другу руку во знаменіе связи прошедшаго съ настоящимъ и, Богъ дастъ, свѣтлаго будущаго.

Присоединеніе Малороссіи подготовило имперію — Петръ началъ великую пору русской жизни, организовалъ силы русскаго народа и открылъ дорогу наукѣ въ страну, дабы знаніемъ укрѣпилась и росла эта сила, а съ нею и благосостояніе Россіи; за Петромъ слѣдовала Екатерина II—почти исполнилось завѣтное желаніе Богдана—всѣ русскія земли, за исключеніемъ Галиціи, возвращены; за Екатериною II—Александръ II—освобожденіе русскаго и польскаго крестьянства, развитіе національнаго самосознанія, начавшагося въ царствованіе Николая I, довершеніе великихъ дѣлъ и великихъ помысловъ великихъ людей.

Еще до начала возстанія, поляки, предвидя бѣду, обратились къ московскому двору за помощью противъ крымскихъ татаръ, съ которыми Хмельницкій вступилъ въ союзъ. Заключенъ былъ договоръ, по которому варшавскій и московскій дворъ обязались взаимною помощію противъ татаръ. Когда Хмельницій соединился съ Ханомъ, то—въ силу вышеозначеннаго договора—одинъ изъ пограничныхъ воеводъ нашихъ изъявилъ готовность идти къ полякамъ на помощь. Такимъ образомъ готовилась, можетъ быть, братоубійственная война (потому что дѣло шло не о татарахъ), въ которой Россія помогла бы полякамъ задавить Украину, за что̀ конечно пришлось бы дорого поплатиться... Если бы въ Польшѣ было больше порядку, то (при такой недальновидности нашихъ бояръ) Польша, съ помощью Россіи задавивъ Украину, сломила бы Россію — роли могли бы измѣниться... Къ счастію побѣды у Жолтыхъ Водъ и при Корсунѣ не допустили совершиться великой бѣдѣ, Богъ сохранилъ Россію. Хмельницкому попалась переписка московскихъ воеводъ съ поляками. Прочитавъ эту переписку, Хмельницкій послалъ грамоту къ царю Алексѣю Михайловичу; извѣщая царя о своихъ побѣдахъ и о томъ, что онъ сражается за вѣру православную, онъ говорилъ: «желали бы мы Самодержца, Государя такого же въ своей землѣ, какъ ты, Царь Православный.» Дѣйствительно, казаки изъ всѣхъ силъ выбивались поставить власть короля выше власти пановъ, дабы они не смѣли своевольничать; но видно слаба была надежда на перемѣну къ лучшему въ Польшѣ—и Хмельницкій добавилъ: «Отдаемся вамъ (царю Алексѣю Михайловичу) съ нижайшими услугами и да управитъ Богъ издавна глаголемое пророчество». Воеводамъ же Хмельницкій написалъ: «хотя вы все о татарахъ говорите, но подлинно вѣдаете, что не съ татарами, а съ нами казаками воюютъ ляхи»... Въ Москвѣ одумались, и послѣ поляковской стычки къ Хмельницкому пріѣхали московскіе послы, которые привезли гетману ласковое слово царя и въ подарокъ собольи мѣха. Царь желалъ успѣха казакамъ, если они борятся за вѣру, — въ противномъ случаѣ совѣтовалъ покориться властямъ предержащимъ...

Послѣ Зборовскаго мира Хмельницкій снова послалъ къ царю письмо: «мы Бога о томъ молимъ, — писалъ онъ, — чтобъ Ваше Царское Величество, правдивый и православный государь, былъ надъ нами царемъ и самодержцемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлено было посольство въ Варшаву—во-первыхъ съ тѣмъ, чтобы разузнать въ какомъ положеніи Польша, и во-вторыхъ, чтобы потребовать удовлетворенія за оскорбленіе чести государевой въ сочиненіяхъ, издававшихся въ Польшѣ, и за уменьшеніе титула. Хмельницкій радовался начинавшемуся раздору, доводилъ до свѣденія московскаго двора все, что̀ могло только раздражить царя противъ Польши, и въ тоже время горько жаловался пріѣзжимъ

русскимъ изъ Москвы, что государь не подалъ помощи противъ враговъ...

Положеніе Хмельницкаго было тяжелое: онъ видѣлъ, что есть только одинъ уголокъ земли, откуда слѣдовало ожидать искренней помощи (этотъ уголокъ — русское царство), и въ тоже время видѣлъ, что при московскомъ дворѣ господствуетъ черезъ-чуръ осторожная политика. Отчасти эта осторожная политика зависѣла отъ малаго знакомства съ состояніемъ Польши: ее считали сильнѣе чѣмъ она была, и совсѣмъ ничего не знали о положеніи Европы. А между тѣмъ это было время самое благопріятное для возвращенія отъ Польши своего достоянія. Сосѣди Польши утомлены были 30-лѣтнею войною, только-что кончившеюся (въ 1648 г.); Германія была изнурена, Швеціи дорого стоили ея побѣды и ей необходимъ былъ отдыхъ, да притомъ въ Швеціи царствовала Христина нелюбившая войны.

Война же съ Польшею была неизбѣжна, а медленность довела дѣла до 1654 года, когда вступилъ на шведскій престолъ Карлъ X, которому не давали спать лавры Густава-Адольфа. Хмельницкій понималъ, что рано или поздно но Малороссія должна соединиться съ Великой Россіей; онъ понималъ неизбѣжность и необходимость этого соединенія, а между тѣмъ, на всѣ предложенія о подданствѣ царю, получалъ уклончивые отвѣты — это ставило его въ трагическое положеніе. Московскій дворъ дѣйствовалъ уклончиво, а татары съ угрозами принуждали воевать московское государство...

Тогда-то Хмельницкій сталъ искать помощи у Султана; тогда-то раздраженный Хмельницкій — подъ пьяную руку — говорилъ одному сыну боярскому, бывшему въ Украинѣ по дѣламъ пограничнымъ: «Вы мнѣ все про дубы да про насѣки толкуете, а я пойду-изломаю Москву и все московское государство» и т. д. По поводу этихъ угрозъ, Н. И. Костомаровъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, говоритъ, что Хмельницкій, сдержанный въ трезвомъ видѣ и откровенный въ пьяномъ, высказалъ такимъ образомъ свой настоящій образъ мыслей, т. е. что̀ у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ... Но еслибы это было такъ, еслибы Хмельницкій въ самомъ дѣлѣ думалъ воевать съ русскимъ государствомъ, то не сталъ бы онъ грозить войною какому-нибудь сыну боярскому; еслибы Хмельницкій хотѣлъ этой войны, то ему нечего было бы долго раздумывать: и татары, и турки, и поляки очутились бы его вѣрными союзниками... Нѣтъ, Хмельницкій зналъ (повторимъ еще разъ), что спасеніе — въ соединеніи Великой и Малой Россіи; онъ понималъ, что безъ этого соединенія пропадетъ Украина, да и Великая-то Русь горько поплатится за медленность и нерѣшительность... Тяжело было «казацкому батькѣ» — и такъ-называемыя угрозы, о которыхъ мы говоримъ, были слѣдствіемъ страшнаго раздраженія... Это была одна изъ такихъ минутъ, въ какую Хмельницкій приказалъ повѣсить знатнаго пана Киселя, а все остальное посольство польское утопить... Такихъ минутъ было много у Хмельницкаго. Можно ли требовать сдержанности въ словахъ отъ казака XVII столѣтія, выросшаго среди бурной эпохи? При этомъ не должно забывать тяжкаго положенія Богдана — Украина гибнетъ, изъ Великой Россіи нѣтъ помощи, а въ добавокъ еще (послѣ пораженія при Берестечкѣ) и въ Украинѣ-то поколебалось довѣріе къ Богдану!

Въ такомъ положеніи, весною 1652 г., Богданъ снова отправилъ посольство въ Москву: «Пожалѣй насъ, Государь Православный, — писалъ Богданъ, — умилосердись надъ православными Божьими церквами и нашею невинною кровью. Ничего не исполняютъ поляки, что̀ обѣщали, дѣлаютъ такія жестокости, что Вашему Царскому Величеству и слушать станетъ жалко». Хмельницкій хотѣлъ уже со всѣми казаками переселиться въ московское государство.

Это было въ 1652 г., а въ 1653 г. въ Москвѣ собрался Земскій Соборъ.

Душа Хмельницкаго отдохнула — Литва была завоевана; ему казалось, что его завѣтная дума — выбить изъ польской неволи весь народъ русскій — готова осуществиться. Послѣ помощи оказанной царемъ (послѣ битвы подъ Охматовымъ) Хмельницкій благодарилъ царя и *просилъ*, чтобы Волынь, Галиція, однимъ словомъ: всѣ земли, гдѣ въ древности княжило потомство Владиміра Святаго, чтобы всѣ эти земли возвращены были отъ Польши; — Виленскій договоръ положилъ конецъ надеждамъ.

Въ первыя минуты, по полученіи извѣстія о Виленскомъ договорѣ, Хмельницкій почти помѣшался въ умѣ — и было отъ чего: обманъ былъ такъ открыто виденъ, что нужно было имѣть большое добродушіе (чтобы не сказать больше) чтобы повѣрить полякамъ. «Треба отступити отъ царя» повторялъ Хмельницкій, пораженный слухомъ, что царь Украину возвращаетъ полякамъ; насилу успокоили его полковники, что это дѣло невозможное.... Уже то, что Хмельницкій повѣрилъ этому слуху, указываетъ на страшно-сильное умственное и нравственное потрясеніе.

Успокоившись, Хмельницкій спѣшилъ предупредить царя, раскрыть Алексѣю Михайловичу явный и наглый обманъ поляковъ, которые, предложивъ корону царю Алексѣю Михайловичу и купивъ этою цѣною помощь Россіи, отправили посольство къ цезарю — просить на польскій престолъ его брата! Хмельницкій писалъ царю: «Какъ вѣрные слуги Вашего Царскаго Величества, о неправдахъ и кривдахъ ляшскихъ вѣдомо чинимъ, что поляки этого договора не сдержатъ». Въ этомъ же письмѣ Хмельницкій предупреждалъ царя, что поляки выиграютъ время и потомъ соединятся противъ него съ турками и съ татарами....

Исторія знаетъ, что Хмельницкій былъ правъ; царь былъ обманутъ: миновала опасность — и никто не думалъ предлагать ему польскую корону.... Горе быстро свело Хмельницкаго въ могилу. 15-го августа 1657 г. «казацкаго батьки» нестало. Онъ завѣщалъ похоронить себя въ Суботовѣ; но и въ могилѣ не успокоились кости его. Чарнецкій приказалъ ихъ выбросить — эта злоба одного изъ умнѣйшихъ поляковъ лучше всего свидѣтельствуетъ о великихъ заслугахъ Хмельницкаго...

Такъ кончилъ дни свои этотъ страдалецъ «за русскую землю»...

Памятникъ, изображеніе котораго помѣщено въ предъидущемъ № 39 «Нивы», будетъ поставленъ въ Кіевѣ. Какъ мы уже говорили, онъ состоитъ изъ конной статуи знаменитаго гетмана на громадномъ монолитѣ въ видѣ скалы. Подъ навѣсомъ ея, съ передняго фаса, расположена группа пяти представителей тѣхъ племенъ, которыя слились воедино трудами Богдана Хмельницкаго. Это (начиная слѣва) бѣлоруссъ, великороссъ и три южноросса, изъ которыхъ знаменательно выдѣляется маститый кобзарь, какъ бы славя во вѣки незабвенное имя «казацкаго батьки». На верху скалы высѣчены вѣщія слова его: «сгине Польша, сгине, а Русь буде пановати». Внизу на пьедесталѣ слѣва барельефъ, изображающій Раду въ Переяславлѣ; а прямо предъ зрителемъ надпись: «единая, недѣлимая Россія Богдану Хмельницкому».

Киргизы и жизнь ихъ.

По губерніямъ астраханской, самарской, оренбургской, южной и средней части пермской, южной части тобольской, по киргизъ-кайсацкимъ степямъ — странствуютъ по преимуществу три кочующихъ племени: киргизы, башкиры и калмыки. Такъ какъ первые сравнительно сохранили бо́льшую самостоятельность, и менѣе другихъ измѣнились отъ нашего вліянія въ своихъ нравахъ и обычаяхъ, — то мы полагаемъ, что читателямъ нашимъ интереснѣе будетъ познакомиться съ ихъ бытомъ и племеннымъ характеромъ. Эти три народа часто смѣшиваются даже мѣстными русскими, которые часто не отличаютъ ихъ другъ отъ друга даже названіемъ, а всѣхъ безразлично называютъ «татарами». Русское вліяніе настолько оказалось сильнымъ, что башкиры и киргизы, столь родственные между собою, почти уже не походятъ другъ на друга, за исключеніемъ языка, который остался у нихъ одинъ—съ самыми незначительными различіями, такъ что они понимаютъ другъ друга.

Киргизы до сихъ поръ—совершеннѣйшіе кочевники, почти единственные обитатели необозримыхъ степей, въ въ которыхъ, кромѣ нихъ, хозяйничаютъ лишь люди одинаковаго съ нимъ происхожденія, развитія, образа жизни; родина ихъ обширна — она простирается отъ Урала до озера Балкаши-Ноора, отъ Каспійскаго моря до Алтая. О башкирахъ нельзя того же сказать; у нихъ есть деревни и поля—и только нѣкоторые изъ нихъ на лѣто покидаютъ свои убогія лачуги, чтобы дать отощавшему скоту отъѣсться на сравнительно тѣсныхъ пастбищахъ. Башкиръ живетъ по законамъ, которые ему даны, служитъ въ уральскихъ казакахъ; киргизъ—самъ себѣ законъ, и тогда только признаетъ себя обязаннымъ воевать, когда ему лично грозитъ опасность. До сихъ поръ нашимъ еще не удавалось, несмотря на множество разсѣянныхъ по степямъ *остроговъ* (крѣпостцы изъ досокъ, обведенныя валомъ и рвомъ), вполнѣ покорить киргизовъ, тогда какъ съ башкирами это не представило трудности — тѣмъ болѣе что они живутъ въ земляхъ по большой части населенныхъ русскими, такъ что мѣстами скорѣе башкиры живутъ между русскими, чѣмъ русскіе между башкирами; отсюда и большое вліяніе на нихъ русскихъ. Съ каждымъ годомъ они болѣе и болѣе теряютъ свою народность и болѣе привыкаютъ къ осѣдлости, такъ что не въ далекомъ будущемъ исчезнутъ между ними послѣдніе кочевники.

Башкиры стоятъ, если можно такъ выразиться, на болѣе высокой степени цивилизаціи чѣмъ киргизы; но за то они — народъ крайне-испорченный, коварный, скрытный и, при кажущейся тупости, хитрый и вороватый. Киргизъ, напротивъ, гостепріименъ,—чего впрочемъ нельзя отнять и отъ башкира, — открытъ, добродушенъ, и, при всей флегмѣ, наивенъ и легкомысленъ.

Путешественнику, вынужденному кочевать въ башкирскомъ селеніи, которое состоитъ нерѣдко изъ одной шайки мошенниковъ, или имѣющему башкира ямщикомъ, не мѣшаетъ держать оружіе подъ рукою (особенно ночью) и спать не слишкомъ крѣпко, иначе весьма легко можетъ случиться, что его ограбятъ или даже убьютъ.

Владѣнія киргизовъ съ запада отдѣляются Ураломъ и живущими тутъ казаками—отъ земель другаго родственнаго племени, калмыковъ; съ землями же башкировъ они граничатъ съ сѣвера и сѣверо-запада; съ востока киргизы имѣютъ сосѣдями монголовъ; къ югу земля ихъ простирается до самой Ишимской степи. Точнѣе опредѣлить границы невозможно, потому что онѣ частью безпрестанно мѣняются, а частью вовсе не существуютъ.

Большими ордами, предводительствуемыми Ханомъ, киргизовъ уже болѣе не встрѣчаютъ. Они обыкновенно слѣдуютъ за своими стадами маленькой ордой изъ пяти или десяти семействъ, на грубыхъ, двухколесныхъ тѣлегахъ,—и то тутъ, то тамъ разбиваютъ палатки по близости хорошей воды. Иногда даже одна семья, съ своими маленькими стадами, сама по себѣ странствуетъ по широкимъ степямъ.

Бѣдныя жилища киргизовъ устроены такъ практично, какъ можетъ научить лишь природная сметка и долгій опытъ. Шатры свои они разбиваютъ въ тричетыре часа, снимаютъ же и нагружаютъ на тѣлегу въ еще болѣе короткое время. Такая *каша* (называемая калмыками *юртой*, а монголами *гырей*) имѣетъ форму стекляннаго колпака, 10—12 футовъ вышины въ срединѣ, и покрываетъ поверхность въ 150—200 квадратныхъ футовъ. Срубъ составленъ изъ множества деревянныхъ брусковъ перевязанныхъ ремнями, покрытъ толстымъ войлокомъ (кошмою) и сверху обвязанъ еще тесьмами, въ руку шириною, плетеными изъ конскаго волоса, или просто волосяными веревками. Входъ завѣшенъ подбитой холстомъ кошмою. По серединѣ, надъ самымъ очагомъ, состоящемъ изъ двухъ-трехъ камней или чугуннаго треножника или тагана, сдѣлано отверстіе фута въ два или три, которое можно задернуть при помощи двухъ волосяныхъ снуровъ и которое служитъ столько же для впущенія свѣта, сколько для выпуска дыма. Шатеръ къ землѣ прикрѣпленъ вбитыми въ нее кольями. Благодаря своей практичной формѣ, онъ доставляетъ полную защиту отъ бури и дождя. Зимою кладутъ войлокъ въ два-три ряда, и снаружи обкладываютъ снѣгомъ. Топливомъ служитъ киргизамъ сушеный лошадиный или коровій навозъ.

Внутренность такой *каши* представляетъ безпорядочный сборъ всего что составляетъ хозяйство киргиза: тутъ (безъ всякаго порядка или опрятности) валяются разбросанные кошмы, бараньи шкуры, котлы, тряпки, провизія, валеныя шапки и сапоги, сундуки, деревянная посуда, сѣдла и всякая всячина. Такъ какъ полъ только мѣстами покрытъ кошмами, которыя служатъ постелями, а остальное — голая земля высохшая и разрытая, то при каждомъ движеніи подымается пыль. Отъ горящаго на очагѣ навоза постоянно наполняетъ *кашу* дымомъ; кромѣ того, несмотря на отверстія, въ ней заводится особый кислый запахъ, который ночью дѣлается положительно ужасенъ, потому что въ этомъ тѣсномъ пространствѣ спятъ иногда до восьми человѣкъ. Насѣкомыя всякаго сорта гнѣздятся въ шубахъ, кошмахъ, даже въ войлокѣ шатра. Въ особенности невыносимо жить въ такой *каши* зимою, когда бѣднѣйшіе вынуждены забирать въ нее же телятъ, ягнятъ и жеребятъ. Все это заставляетъ страдающихъ грудью (которые обречены докторами пить кумысъ втеченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ) тотчасъ же ставить себѣ отдѣльную *кашу*, чтобы по крайней мѣрѣ избавиться отъ всякихъ животныхъ. Есть впрочемъ исключенія —хотя и крайне-рѣдкія: бываютъ каши, въ которыхъ земля устлана богатыми персидскими коврами, стѣны завѣшаны красивыми ма-

теріями, вдоль которыхъ тянутся диваны, между тѣмъ какъ съ одной стороны стоитъ низенькая постель, окутанная безчисленными занавѣсами отъ комаровъ, да столикъ съ прекраснымъ чайнымъ приборомъ. Такими шатрами конечно обладаютъ лишь очень богатые хозяева, часто и подолгу бывавшие въ большихъ городахъ,—а еще чаще татары или бухарцы, путешествующіе по дѣламъ или даже просто для своего удовольствія.

Необходимѣйшая утварь каждаго киргизскаго хозяйства, это — *турзукъ*, т. е. кожаный мѣхъ, который содержитъ около десяти ведеръ; въ немъ хранится кумысъ, въ немъ же и дѣлается.

Кумысъ (одна изъ главныхъ статей пищи киргизовъ) есть, какъ извѣстно, смѣсь коровьяго, овечьяго и преимущественно кобыльяго молока, которая впродолженіе 10 — 14 дней киснетъ и бродитъ. Во все это время, ежедневно нѣсколько разъ сильно мѣшаютъ эту жидкость длинною палкою, поперекъ конца которой прикрѣплена маленькая дощечка; тоже самое повторяютъ каждый разъ какъ нужно пить кумысъ, прежде чѣмъ наливать его. Онъ имѣетъ запахъ кислый, захватывающій дыханіе, а вкусомъ похожъ на сыворотку отъ масла. Онъ очень сытенъ, такъ что человѣкъ въ первый разъ пьющій его — не въ состояніи проглотить больше стакана; но самые слабые больные, которымъ кумысъ сначала даже противенъ, такъ втягиваются, что выпиваютъ его восемь и десять стакановъ безъ усилія, и находятъ его вкуснымъ. Если досыта напиться его, онъ производитъ нѣкотораго рода опьяненіе; человѣкъ впадаетъ въ какую-то истому, хотя не хочетъ спать, но не хочется какъ-то ни двигаться, ни говорить, ни думать. Безъ кумыса киргизъ не въ состояніи просуществовать ни одного часа. Если пастухъ гонитъ стадо въ поле, онъ беретъ съ собою маленькій турзукъ съ кумысомъ (около ведра); куда бы и какъ бы ненадолго киргизъ ни отправлялся — неизбѣжный турзукъ непремѣнно при немъ. Ежеминутно дѣти и взрослые выпиваютъ по чашечкѣ; если у киргиза гости — это первое угощеніе. И сколько они тянутъ его — только дивиться надо! Въ три четыре часа, за пріятельской бесѣдой, или просто сидя кружкомъ вокругъ огня, подогнувъ ноги калачикомъ, они выпиваютъ каждый отъ восьми до десяти чашекъ, а чашки эти содержатъ не менѣе двухъ стакановъ—иногда и больше. Весной и лѣтомъ, въ самую молочную пору, киргизы еще изготовляютъ изъ коровьяго и овечьяго молока чрезвычайно-острый сыръ, который они сушатъ на солнцѣ и берегутъ на зиму. Такъ какъ у нихъ нѣтъ опредѣленнаго времени для ѣды, то цѣлый день видишь ихъ съ кускомъ этого сыра въ рукѣ. Онъ у нихъ въ такомъ же почетѣ какъ кумысъ. Коровье масло и муку они употребляютъ почти только на печеніе какихъ-то лепешекъ; хлѣбъ у нихъ рѣдкость.

Въ торжественныхъ случаяхъ они зарѣзываютъ быка, корову или лошадь—и довольно вкусно приготовляютъ мясо съ рисомъ, хотя, какъ и все прочее, безъ соли. Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно сзываютъ бездну гостей, чтобы разомъ все съѣсть, и каждый гость обязанъ усердно помогать въ этомъ хозяину, чтобы не обидѣть его.

Киргизы вообще чрезвычайно гостепріимны. Какъ только хозяина увѣдомляютъ, что къ его шатру приближаются гости, онъ выходитъ, ждетъ ихъ на порогѣ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ имъ на встрѣчу, обѣими руками беретъ протянутыя ему руки гостей, проситъ ихъ пожаловать въ шатеръ, гдѣ онъ каждому указываетъ мѣсто у очага. Первымъ дѣломъ, въ ожиданіи другихъ кушаній, подается кумысъ. Когда наконецъ являются эти кушанья, всѣ ѣдятъ изъ одного блюда, пальцами, причемъ хозяинъ все уговариваетъ гостей кушать побольше — и конечно вмѣнилъ бы себѣ въ великую честь, еслибы ему удалось гостя закормить до смерти.

Послѣ обѣда или ужина, когда всѣ чистенько вытрутъ пальцы объ сапоги или полы, опять является на сцену кумысъ и уже не исчезаетъ. Если гость—европеецъ, ему подаютъ особый приборъ, съ ложкой, ножемъ и вилкой. Несмотря на эту любезность, европеецъ рѣдко съ аппетитомъ ѣстъ ихъ кушанья, потому что главное условіе для оцѣнки ихъ по достоинству — не знать и не думать о томъ, какъ ихъ приготовляютъ. Такъ, напр., весьма нерѣдко случается, что во время доенія въ шайку попадаютъ вещи совсѣмъ туда не принадлежащія—и въ большинствѣ случаевъ не выкидываются, а если и выкидываются, то при непосредственной помощи грязной руки. На такія мелочи обыкновенно не слишкомъ-то обращаютъ вниманіе, а все какъ есть выливаетъ въ турзукъ — можетъ-быть даже это способствуетъ броженію. Одного взгляда на котелъ достаточно чтобы убѣдиться, что онъ никогда не чистится, вслѣдствіе чего внутри образуется толстая короста изъ земли и осадокъ различныхъ варимыхъ въ немъ кушаній. Въ такой же точно неопрятности киргизы держатъ свое тѣло и платье. Рубаху киргизъ не снимаетъ до тѣхъ поръ, пока она у него лохмотьями сама не развалится; въ праздникъ онъ только сверху надѣваетъ свой лучшій нарядъ, который тоже лоснится отъ жира. Хотя киргизъ, слѣдуя заповѣди Магометой, долженъ бы умываться по нѣсколько разъ въ день, но онъ это исполняетъ крайне рѣдко—и то единственно въ видѣ обряда, такъ что онъ только слегка смачиваетъ концы пальцевъ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ длиннаго мѣшка (падающаго много ниже колѣнъ, съ длинными рукавами широкими къ низу) и короткихъ штановъ. Кромѣ того, такъ какъ мужчины стригутся подъ гребенку, они носятъ плотно прилегающіе къ головѣ колпаки изъ кожи или чего другаго, обыкновенно вышитые или выложеные фигурами изъ блестокъ или цвѣтныхъ стеколъ, а у богачей изъ драгоцѣнныхъ камней. Сапоговъ или туфлей киргизы по большей части не носятъ, а надѣваютъ ихъ только когда отправляются въ гости или въ городъ. Зимою киргизъ ходитъ въ тулупѣ и мѣховой или валеной шапкѣ. Иногда случается встрѣтить въ городахъ весьма опрятно-одѣтыхъ киргизовъ, но это уже не настоящіе киргизы, а цивилизованные по-бухарскому торговцы. Они вообще охотно перенимаютъ нравы и одежду бухарцевъ.

Дѣти тоже обыкновенно бѣгаютъ въ мѣшкѣ, или рубахѣ, и колпакѣ; остальное же — какъ Богъ создалъ. Ихъ съ малолѣтства пріучаютъ къ неопрятности. Такъ напримѣръ, одинъ путешественникъ разсказываетъ, что одной киргизкѣ почему-то вздумалось вымыть своего пяти или шестимѣсячнаго ребенка. Она для этого выбрала день пожарче, въ самый припекъ вынесла ребенка, голаго, къ близь лежащему озеру, зачерпнула воды и полила ею ребенка, осторожно держа его на воздухѣ за одну ручку, потомъ взяла его за другую ручку и полила съ другой стороны. Въ видѣ лишней роскоши она еще нѣсколько разъ побрызгала въ него — чѣмъ и кончился мудреный процессъ омовенія, къ полному ея удовольствію.

Киргизы чрезвычайно любятъ дѣтей своихъ, и въ высшей степени балуютъ ихъ. Нерѣдкость видѣть мальчишекъ пяти и шести лѣтъ—неотнятыхъ отъ груди; спать ихъ кладутъ въ деревянные ящики, спеленутыхъ ремнями вмѣсто свивальниковъ, да еще укачиваютъ. Такія же нѣжности оказываютъ старикамъ: въ холодныя ночи ихъ по шею зарываютъ въ горячую золу. Иные старики доживаютъ до ста лѣтъ, и живутъ уже однимъ кумысомъ.

Въ одеждѣ женщинъ особенно характеристично мѣшкообразное покрывало, которое онѣ носятъ въ городахъ. Оно набрасывается на голову, закрываетъ лицо, оставляя только отверстіе для глазъ, и падаетъ двумя углами на грудь и спину. Съ этимъ покрываломъ киргизки отлично умѣютъ кокетничать: когда имъ попадается европеецъ, онѣ потихоньку дергаютъ его за задній конецъ, такъ что передъ поднимается и обнажаетъ лицо; а если встрѣтится мусульманинъ—тотчасъ закрываются. Въ видѣ украшенія онѣ вплетаютъ въ косы длинныя цвѣтныя ленты, къ которымъ придѣланы золотыя и серебряныя монеты, нерѣдко отъ тридцати до сорока штукъ; въ томъ числѣ иногда бываютъ монеты величиною въ рублевую. Киргизки любятъ бѣлиться и румяниться,—а ногти на пальцахъ, какъ всѣ жительницы Востока, красятъ въ желтую краску.

Какъ общее правило, киргизы имѣютъ только по двѣ жены (у богатыхъ, впрочемъ, бываетъ и до шести и семи), которыхъ они покупаютъ у родителей или ближайшихъ родственниковъ за *калымъ*, т. е. извѣстную плату, обыкновенно отсчитываемую скотомъ, овцами и лошадьми, — и затѣмъ уже считаютъ своей законной собственностью. Если невѣсту похищаютъ, что̀ случается нерѣдко, то цѣна впослѣдствіи посылается по уговору.

Такъ какъ все время мужчинъ занято стадами, охотой и торговлей, то все прочія работы возложены на женщинъ: онѣ ставятъ и снимаютъ шатры, стригутъ овецъ, дѣлаютъ войлокъ, плетутъ тесьмы, крутятъ веревки и т. д., не говоря уже объ обыкновенныхъ женскихъ работахъ: доеніи коровъ, овецъ и кобылъ, дѣланіи сыра и кумыса, уходѣ за дѣтьми.

Гнетущій дневной зной лѣтомъ всѣхъ принуждаетъ уходить въ шатры, тѣмъ болѣе что это почти единственное время, въ которое можно спать спокойно, не страдая отъ комаровъ—ужаснаго бича степей. Такъ какъ въ эту пору все спитъ, а пастухи со стадами—въ полѣ, то въ станѣ господствуетъ глубокая тишина. Тѣмъ шумнѣе бываетъ по утрамъ и въ особенности вечерамъ, когда стада возвращаются для доенія. Уже издали они заявляютъ о себѣ блеяніемъ, мычаніемъ, ржаніемъ— и этимъ будятъ весь станъ. Женщины собираютъ свои шайки; старики, охая и кряхтя, выползаютъ изъ шатровъ, чтобъ послушать новостей; дѣти готовятся ловить и загонять телятъ и жеребятъ, и съ радостнымъ крикомъ бросаются на встрѣчу стадамъ, точно это для нихъ новость.

Подходя къ стану, пастухи раздѣляютъ стадо на кучи, и дѣти принимаются за работу. Подъ страшный шумъ, хохотъ, крикъ, начинается гоньба—и продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ телята и жеребята, будучи изловлены и привязаны, образуютъ одинъ кругъ. Каждая корова становится подлѣ своего теленка, каждая кобыла подлѣ своего жеребенка, такъ что при доеніи ни одна не можетъ быть обойдена. Все это время не прерывается воркотня и ругань женщинъ, командованіе пастуховъ, ржаніе и мычаніе стада. Послѣ доенія, телятъ и жеребятъ отвязываютъ—и стадо нѣкоторое время отдыхаетъ, пока на ночь его опять не погонятъ дальше отъ шатровъ.

Зимой за стадами нѣтъ никакого ухода; они сами должны выкапывать себѣ кормъ подъ снѣгомъ копытами, и не защищены ни чѣмъ отъ непогоды, мороза и мятелей,—такъ что въ очень холодныя зимы гибнетъ множество скота, больше чѣмъ даже въ лѣтнюю засуху. Говорятъ, что испаренія отъ большаго количества палаго скота часто причиняютъ чуму; это весьма вѣроятно, если вспомнить, что о закапываніи мертвыхъ животныхъ въ землю, при многочисленности стадъ, не можетъ быть и рѣчи. Главнымъ образомъ стада состоятъ изъ овецъ и лошадей; затѣмъ слѣдуетъ рогатый скотъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и верблюды.

Овцы быстро жирѣютъ отъ травы, ростущей изъ соляной почвы, и у нихъ сзади наростаетъ *курдюкъ*, какъ бы подушка, въ которой накопляется до пяти фунтовъ сала. Одногорбые верблюды служатъ вьючными животными караванамъ, ходящимъ между Бухарой и русскими торговыми городами. Лошади невелики, костлявы, и невзрачны, даже не особенно сильны, но удивительно быстры и выносливы. Ихъ продаютъ обыкновенно дикими—и нужно большое терпѣніе и искусство, чтобы пріучить ихъ ходить въ упряжи. Гораздо рѣже случается чтобы на лошади нельзя было ѣздить, потому что киргизъ не спрашиваетъ, выѣзжена ли она или нѣтъ, а вскакиваетъ, когда случится надобность, на перваго попавшагося коня,—и ужь тогда, какъ бы конь ни прыгалъ, ни подымался на дыбы, ни бросался — ни что̀ не помогаетъ: всадникъ точно крипросъ къ нему; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сбросить съ себя сѣдока, лошадь стрѣлою мчится въ степь, нѣсколько часовъ побѣсится, потомъ утомится, успокоится и послушно даетъ собою управлять. Это удивительное умѣніе киргизовъ обращаться съ лошадьми—происходитъ отъ того, что они съ малолѣтства привыкли къ нимъ и научаются по нимъ лазать почти прежде чѣмъ ходить. У каждой *кашп* всегда привязано нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, которыя и служатъ молодому поколѣнію для гимнастическихъ упражненій,—причемъ весьма рѣдко случается несчастіе, благодаря добродушію животныхъ. Если малюткамъ удается отвязать одну лошадь—ихъ нѣсколько на нее влѣзаютъ и скачутъ съ крикомъ и ликованіемъ по степи; конечно, каждый свалится несмѣтное число разъ, но черезъ это постепенно научается крѣпко сидѣть.

Когда мальчику минетъ восемь или девять лѣтъ, его подвергаютъ особаго рода искусу, послѣ котораго онъ признается настоящимъ всадникомъ. Когда гонятъ стадо съ пастбища въ станъ, мальчика сажаютъ на лучшаго бѣгуна и крѣпко привязываютъ къ сѣдлу. Шествіе совершается сначала медленно, пока идущій впереди пастухъ чего-то не гаркнетъ стаду. Тогда оно вскачь бросается къ шатрамъ, гдѣ посвященнаго, почти безчувственнаго отъ испуга и быстрой ѣзды, снимаютъ съ лошади. Съ этихъ поръ онъ уже каждый день ѣздитъ на пастбище и назадъ—и въ скоромъ времени научается скакать непривязаннымъ. Киргизу ничего не значитъ на полномъ скаку поднять съ земли платокъ или монету. Въ торжественныхъ случаяхъ у нихъ устраиваются такія игры, а также стрѣльба въ цѣль изъ лука, единоборство и пр.

Самый лучшій случай выказать свое наѣздничество

Ястребъ и вороны.

и ловкость—представляетъ киргизамъ охота на волка; они отправляются на нее верхомъ—и единственнаго врага ихъ стадъ, сѣраго звѣря, до смерти забиваютъ нагайками. Чтобы достать его нагайкой, имъ нерѣдко приходится цѣпляться за лошадь одной ногой да за гриву одной рукой. Такъ какъ они съ-измала цѣлый день въ сѣдлѣ и, когда скачутъ, стоятъ на стременахъ, то у нихъ у всѣхъ кривыя нóги. Женщины, хотя и не могутъ помѣряться съ мужчинами, однако тоже хорошія наѣздницы, ужъ конечно не съ дамскими сѣдлами.

Безпрестанно случается кража лошадей и подаетъ поводъ къ долгимъ препирательствамъ. Чуть только одна орда замѣтитъ, что сторожа у сосѣдей орды небрежны, — тотчасъ рѣшаетъ снять лагерь. Къ вечеру который-нибудь изъ самыхъ ловкихъ наѣздниковъ крадется на пастбище, высматриваетъ удобную минуту, и, набросивъ на одну лошадь узду, вскакиваетъ на нее и мчится, въ то же время заманивая часть табуна за собою. Пастухи бросаются удерживать лошадей и этимъ даютъ возможность вору удалиться—и воротиться къ своимъ, которые ждутъ его, готовые подняться въ путь. Ихъ конечно не оставляютъ въ покоѣ, а долгое время преслѣдуютъ. Такимъ образомъ возникаютъ безпрерывныя мелкія войны, поводомъ къ которымъ также нерѣдко служитъ похищеніе женщинъ.

Киргизы — мусульмане, но исламизмъ ими сильно измѣненъ и приспособленъ къ ихъ характеру. Кромѣ того у нихъ сохранились разные обряды, свидѣтельствующіе о поклоненіи звѣздамъ и духамъ хранителямъ стадъ.

Плясокъ у нихъ, кажется, нѣтъ совсѣмъ; а пѣсни ихъ необыкновенно однообразны, заунывны и тихи — истинное подобіе монотонности степей. На веселыхъ празднествахъ эти грустные напѣвы, хотя не лишены благозвучія, какъ-то не умѣста.

Въ извѣстныя времена киргизы подходятъ къ городамъ, съ которыми ведутъ значительную мѣновую торговлю — вымѣнивая войлокъ, овецъ, лошадей на муку, деревянную и желѣзную посуду и предметы роскоши. Всѣхъ больше съ ними торговыхъ сношеній имѣютъ Оренбургъ, Троицкъ и Петропавловскъ. Сотни тысячъ овецъ каждый годъ закупаютъ наши купцы и рѣжутъ ихъ ради сала, которое отсылается заграницу. Въ Екатеринбургѣ два раза въ годъ бываютъ ярмарки, на которыя приводятъ много сотенъ накупленныхъ въ степяхъ лошадей, особенно полезныхъ для обозовъ, по своей выносливости. Ихъ тоже много берутъ въ кавалерію.

Кромѣ названныхъ городовъ, этотъ мѣновый торгъ производится и во всѣхъ маленькихъ острогахъ. Съ бухарской стороны главные центры его — Ташкентъ, Самаркандъ, Хива.

Политическое обозрѣніе.

Надежды на миръ, которыя возникли было при извѣстіи о переговорахъ, возложенныхъ на г. Жюля-Фавра, министра иностранныхъ дѣлъ французской республики,—не оправдались. Свиданіе его съ графомъ Бисмаркомъ происходило 20-го сентября въ прусской главной квартирѣ въ Ферьерѣ, замкѣ Ротшильда, близь Парижа. Прусскій офиціальный отчетъ объ этомъ свиданіи еще не обнародованъ, а потому мы должны ограничиться изложеніемъ доклада г. Жюля Фавра, напечатаннаго во французскомъ «Journal Officiel». По порученію своего правительства, г. Жюль Фавръ черезъ посредство англійскаго посла во Франціи, лорда Лайонса, спросилъ графа Бисмарка, желаетъ ли онъ вступить съ нимъ въ переговоры,—на чтò получилъ отвѣтъ, что хотя нынѣшнее французское правительство не можетъ считаться правильнымъ, но переговоры могутъ быть начаты съ успѣхомъ, если оно представитъ достаточныя гарантіи въ исполненіи имѣющаго быть заключеннымъ трактата. При свиданіи съ графомъ Бисмаркомъ, г. Жюль Фавръ началъ съ заявленія, что Франція желаетъ мира, но что она твердо рѣшилась не принимать никакихъ условій, при которыхъ этотъ миръ былъ бы только ненадежнымъ перемиріемъ. На это графъ Бисмаркъ отвѣчалъ, что если бы онъ считалъ возможнымъ прочный миръ, то подписалъ бы его немедленно,—но что нынѣшнее французское правительство не въ состояніи поручиться за миръ, потому что если Парижъ не будетъ взятъ черезъ нѣсколько дней, то оно будетъ низвергнуто чернью; онъ утверждалъ, что Франція не забудетъ Седана, какъ она не забыла Ватерлоо и Садовой, и что она имѣетъ постоянное и непремѣнное желаніе произвести нападеніе на Германію. Возразивъ противъ такихъ заявленій своего собесѣдника, г. Жюль Фавръ просилъ его формулировать его требованія—и графъ Бисмаркъ объявилъ, что безопасность Германіи требуетъ, чтобъ за нею оставлены были департаменты, составляющіе Эльзасъ, а также Мозельскій департаментъ съ Мецомъ, Шато-Саленомъ и Суассономъ. Французскій министръ замѣтилъ, что Европа можетъ вступиться при такихъ притязаніяхъ со стороны Пруссіи, и что во всякомъ случаѣ необходимо дать Франціи время созвать учредительное собраніе, которое представляло бы собою законную власть;—а такъ какъ графъ Бисмаркъ повидимому расположенъ былъ болѣе вести рѣчь о перемиріи, то г. Жюль Фавръ и предложилъ заключить таковое на 15 дней. Условіями перемирія графъ Бисмаркъ поставилъ сдачу Туля, Фальсбурга и Страсбурга, а такъ какъ учредительное собраніе будетъ засѣдать въ Парижѣ, то онъ находилъ нужнымъ занять какой-нибудь парижскій фортъ, напримѣръ Монъ-Валеріанъ; когда же г. Жюль Фавръ сказалъ, что «въ такомъ случаѣ проще было бы потребовать Парижъ», то графъ Бисмаркъ отвѣчалъ: «въ такомъ случаѣ поищемъ другой комбинаціи». Г. Жюль Фавръ предложилъ, что учредительное собраніе откроетъ свои засѣданія въ Турѣ, а потому никакого залога со стороны Парижа не потребуется; но такъ какъ союзный канцлеръ настаивалъ на сдачѣ Страсбурга, съ тѣмъ чтобы гарнизонъ этой крѣпости сдался военноплѣннымъ, то французскій уполномоченный прервалъ переговоры. «21-го сентября—говоритъ г. Жюль Фавръ въ заключеніе своего доклада—я отправилъ ноту графу Бисмарку, объясняя ему, что правительство національной обороны не можетъ принять условій, которыя ему предлагаются для перемирія,—что мы сдѣлали все чтобъ возстановить миръ между двумя націями, и что я надѣюсь на справедливость Божію, которая рѣшитъ нашу судьбу».

Условія перемирія, заключавшіяся въ сдачѣ Туля и

Страсбурга, казались невозможными временному правительству; а между тѣмъ въ то самое время, когда шли о нихъ переговоры, сдался Туль и нѣсколько дней спустя (28-го сентября) Страсбургъ. Въ Тулѣ сдались военноплѣнными 109 офицеровъ и 2240 солдатъ; въ крѣпости захвачены 197 бронзовыхъ пушекъ (въ томъ числѣ 48 нарѣзныхъ) и значительное количество военныхъ запасовъ. Гарнизонъ Страсбурга, положившій оружіе, состоялъ изъ 17,000 солдатъ при 400 офицерахъ. Въ «Karlsruher Zeitung» извѣщаютъ, что храбрый защитникъ Страсбурга генералъ Урихъ и офицеры сдались на честное слово и отправились въ Швейцарію.

Паденіемъ этихъ двухъ крѣпостей, и въ особенности Страсбурга, освободилось значительное число нѣмецкихъ войскъ; слухи носятся, что нѣкоторые корпуса ихъ двинутся на Ліонъ, который усиленно готовится къ защитѣ. Такимъ образомъ война сосредоточивается теперь на двухъ пунктахъ: подъ Мецомъ и подъ Парижемъ. Мецъ, гдѣ укрывается армія Базена (единственная регулярная армія, существующая во Франціи), окруженъ нѣмецкими корпусами, начальство надъ которыми сосредоточено нынѣ въ рукахъ принца Фридриха Карла, такъ какъ генералъ Штейнмецъ уволенъ отъ командованія такъ-называемою первою арміей и назначенъ генералъ-губернаторомъ Парижа. Этою необходимостью сосредоточить команду въ однихъ рукахъ и объясняется офиціально причина увольненія Штейнмеца; но нѣкоторыя прусскія газеты утверждаютъ, что онъ уволенъ вслѣдствіе несогласій его съ генераломъ Мольтке и неточнаго выполненія плановъ послѣдняго. Мецъ обложенъ кругомъ, всѣ сообщенія между нимъ и остальною Франціей прерваны; слухи носились, будто бы маршалъ Базенъ вступалъ въ переговоры съ принцемъ Фридрихомъ Карломъ о сдачѣ крѣпости, но были тотчасъ же опровергнуты въ прусскихъ газетахъ. Сколько извѣстно, запасы Базена далеко не истощились—и онъ можетъ еще долго продержаться; но всѣ вылазки, которыя онъ предпринималъ до сихъ поръ, были постоянно отражаемы и не нанесли никакого вреда осаждающимъ.

Главныя силы нѣмецкихъ войскъ находятся подъ Парижемъ, полное обложеніе котораго совершилось 20-го сентября и отрѣзало всѣ сообщенія его съ остальнымъ міромъ, такъ что съ тѣхъ поръ сношенія временнаго правительства съ его делегаціей въ Турѣ (во главѣ коей находится г. Кремьё, министръ юстиціи) производится посредствомъ аэростатовъ. Передъ окончательнымъ обложеніемъ Парижа, 19-го сентября произошло сраженіе при городкѣ Со, въ которомъ отряды генерала Винуа потерпѣли нѣкоторый уронъ—причемъ одинъ баталіонъ зуавовъ бѣжалъ съ поля безъ выстрѣла, между тѣмъ какъ подвижная гвардія отличилась своимъ мужествомъ; бѣглецы были преданы военному суду, и какъ утверждаютъ, по приговору онаго въ этомъ баталіонѣ разстрѣляно до 200 человѣкъ. Вообще, какъ видно изъ дневнаго приказа, изданнаго генераломъ Трошю (который принужденъ былъ прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ), остатки регулярной арміи, собравшейся въ Парижѣ послѣ седанской катастрофы, въ высшей степени деморализованы; на нихъ повидимому и не разчитываютъ защитники Парижа. Вся надежда ихъ на національную гвардію, которая (если не преувеличены послѣднія извѣстія изъ Тура, отъ 1-го октября) черезъ нѣсколько дней будетъ состоять въ Парижѣ изъ 250 баталіоновъ — по 1500 человѣкъ въ каждомъ.

Что касается до военныхъ дѣйствій, то послѣ обложенія Парижа происходили незначительныя стычки—и французы, дѣлая вылазки, не причинявшія никакого вреда пруссакамъ, возвращались потомъ также безъ большихъ потерь въ линіи своихъ фортовъ. Пруссаки повидимому не имѣютъ намѣренія вести атаку противъ какого-нибудь опредѣленнаго пункта; они устраиваютъ линіи окоповъ внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, и занимаютъ на значительныхъ разстояніяхъ высоты, которыя могутъ быть имъ полезны въ стратегическомъ отношеніи. Въ Версали, гдѣ находится главная квартира наслѣднаго принца прусскаго, устраивается укрѣпленный лагерь. Главная же квартира самого короля находится въ Ферьерѣ и въ Ланьи. Вся французская территорія, занятая нѣмецкими войсками (за исключеніемъ генералъ-губернаторствъ Эльзаса и Лотарингіи), получила названіе генералъ-губернаторства Реймскаго, управленіе которымъ возложено на великаго герцога Мекленбургскаго.

Газеты много говорятъ о поѣздкѣ въ Лондонъ, въ Вѣну и Петербургъ г. Тьера, но до сихъ поръ цѣль его поѣздки неизвѣстна—хотя по общему (весьма вѣроятному) мнѣнію, на г. Тьера возложено ходатайствовать передъ дворами великихъ державъ о посредничествѣ между Франціей и Германіей. Въ Лондонѣ г. Тьеръ, если вѣрить сообщеніямъ англійскихъ газетъ, не имѣлъ успѣха,—хотя въ настроеніи общественнаго мнѣнія въ Англіи, со времени паденія Наполеона III, замѣтенъ нѣкоторый поворотъ въ пользу Франціи. Тамъ устраиваются митинги, постановляющіе резолюціи о необходимости посредничества между воюющими сторонами, и даже члены правительства благосклоннѣе отзываются о Франціи. Такъ, въ рѣчи произнесенной въ Гласго, министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Брусъ, выразилъ мнѣніе, что въ данную минуту Англія обязана будетъ оказать свое содѣйствіе для прекращенія войны,—и даже заявилъ, что благоразуміе должно побудить Германію согласиться на умѣренныя условія мира, которыя не могли бы заключать въ себѣ поводовъ къ войнѣ въ будущемъ. Съ своей стороны, первый министръ, г. Гладстонъ, отвѣчая депутаціи рабочихъ, — явившейся къ нему съ просьбой о посредничествѣ между воюющими сторонами и о доставленіи Франціи почетныхъ условій мира,—сказалъ, что Англію напрасно обвиняют въ равнодушіи и нежеланіи предупредить войну. «Англійское правительство—присовокупилъ г. Гладстонъ— употребило всѣ свои усилія чтобы остановить разрывъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ минуты, когда ему возможно будетъ прекратить бѣдствія войны». Затѣмъ онъ объявилъ, что правительство королевы тотчасъ же признаетъ французскую республику, когда французскій народъ черезъ своихъ представителей утвердитъ эту форму правленія.

Изъ Лондона г. Тьеръ поѣхалъ на короткое время въ Туръ, гдѣ имѣлъ довольно продолжительное совѣщаніе съ лордомъ Лайонсомъ и княземъ Меттернихомъ, и затѣмъ отправился въ Вѣну, гдѣ видѣлся съ графомъ Бейстомъ; между ними происходило продолжительное совѣщаніе—и графъ Бейстъ, какъ утверждаютъ, подалъ ему надежду на посредничество Австріи, но отложилъ окончательный отвѣтъ до возвращенія г. Тьера изъ Петербурга, куда послѣдній прибылъ 27-го (15-го) сентября. На другой день онъ имѣлъ свиданіе съ канцлеромъ россійской имперіи княземъ Горчаковымъ, и 29-го (17-го) былъ принятъ Государемъ Императоромъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ то время, когда совершались описанныя нами событія, рѣшилась и участь Рима. 20-го сентября вѣчный городъ занятъ италіянскими войсками. Вотъ нѣкоторыя подробности этого занятія, принадлежащаго безспорно къ числу самыхъ важныхъ современныхъ событій. 8-го сентября король Викторъ Эммануилъ отправилъ папѣ съ графомъ Понца де Санъ-Мартино собственноручное письмо, нынѣ обнародованное въ италіянскихъ газетахъ, въ которомъ — въ самыхъ вѣжливыхъ и почтительныхъ выраженіяхъ—объяснялъ святому отцу необходимость, ради безопасности Рима и Италіи, допустить италіянскія войска къ занятію папскихъ владѣній, присовокупляя, что объ условіяхъ этого занятія папа можетъ переговорить съ его уполномоченнымъ. Условія эти были слѣдующія: сохраненіе во власти папы такъ-называемаго Леонинскаго Города съ Ватиканомъ и крѣпостью св. Ангела; предоставленіе папѣ свободнаго сношенія съ правительствами и духовенствомъ другихъ странъ; папскіе нунціи и легаты будутъ пользоваться по прежнему всѣми своими дипломатическими правами и преимуществами; италіянское правительство оставитъ неприкосновенными всѣ церковныя учрежденія существующія въ Римѣ, такъ же какъ и ихъ управленіе, но только подчинитъ ихъ общимъ законамъ государства; король не будетъ вмѣшиваться въ отправленіе духовныхъ обязанностей епископами и священниками Италіи; король откажется въ пользу церкви отъ распоряженія духовными бенефиціями города Рима; содержаніе, которое получалъ папа по бюджету (такъ-называемая *liste civile*), такъ же какъ и содержаніе коллегіи кардиналовъ, останется за ними и даже будетъ увеличено; всѣ гражданскіе и военные чиновники, состоящіе на папской службѣ, сохраняютъ свои мѣста, если они италіянцы. Предложенія эти были отвергнуты папой, и, какъ только графъ Понца привезъ во Флоренцію отвѣтъ Пія IX, италіянскія войска выступили для занятія папскихъ владѣній. Ихъ встрѣчали повсюду съ восторгомъ, и они прошли до Рима, подъ предводительствомъ генерала Кадорны, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Только Римъ, куда придвинуты были всѣ папскія войска въ числѣ 15,000 человѣкъ, папа не хотѣлъ сдать безъ боя, хотя трудно было думать о серіозномъ сопротивленіи арміи, состоявшей слишкомъ изъ 80,000 человѣкъ. Когда условія сдачи были отвергнуты папскимъ главнокомандующимъ Канцлеромъ, то италіянцы 20-го сентября пошли на приступъ; главная атака ведена была въ промежуткѣ между заставами Пія и Салары, гдѣ черезъ нѣсколько часовъ пробита была широкая брешь, сквозь которую и вступили въ Римъ италіянскія войска. Папская армія тотчасъ же обратилась въ бѣгство, и городъ былъ занятъ безъ сопротивленія. На другой день папскіе солдаты были обезоружены, и генералъ Кадорна торжественно занялъ городъ именемъ короля Италіи—при неописанномъ восторгѣ жителей, которые привѣтствовали италіянскихъ солдатъ какъ освободителей. Въ Леонинскомъ Городѣ происходили безпорядки, направленные противъ папы и его чиновниковъ, такъ что и туда призваны были самимъ папой италіянскія войска, которыя и возстановили спокойствіе. Тотчасъ же составлена была юнта, которая приняла временно управленіе городомъ и постановила утвердить новый порядокъ вещей посредствомъ плебисцита. День подачи голосовъ назначенъ на 2 октября. Формула плебисцита слѣдующая: «Мы желаемъ соединиться съ королевствомъ Италіей подъ монархически-конституціоннымъ правительствомъ короля Виктора Эммануила и его преемниковъ». Какъ только результатъ плебисцита (который не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію) сдѣлается извѣстенъ, то особая депутація отъ города Рима отправится во Флоренцію для представленія его королю. Въ прокламаціи юнты о плебисцитѣ сказано между прочимъ: «Предоставимъ италіянскому правительству озаботиться охраненіемъ независимости и духовнаго авторитета папы».

Смѣсь.

Ястребъ и вороны.

Прилагаемый на стр. 637 рисунокъ К. Ф. Дейкора говоритъ самъ за себя: это ястребъ, у котораго ворóны отнимаютъ добычу — только-что пораженнаго имъ зайченка. Цѣлыми тучами слетаются они на крикъ раненаго звѣрька — и хищникъ долженъ уступить ихъ соединеннымъ усиліямъ. Очевидецъ этого случая разсказываетъ, что ястребъ долго пытался оборониться, повертываясь на спину и выставляя свои грозныя когти навстрѣчу врагамъ, наконецъ рѣшился отказаться отъ поживы и вспорхнувъ обратился въ бѣгство; но ворóны и тутъ не отстали отъ ненавистной имъ хищной птицы — и, пока могъ видѣть глазъ наблюдателя, неотступно преслѣдовали ястреба цѣлою стаей въ далекой синевѣ воздушнаго пространства...

Неистощимый запасъ удобренія. Въ Атлантическомъ Океанѣ, нѣсколько на западъ отъ Азорскихъ Островóвъ, находится такъ называемое Саргасское Море, — пространство, сплошь покрытое густой массой растительности, которое по Гумбольдтову исчисленію, покрываетъ собою плоскость разъ въ семь больше всей Германіи. Французскій ученый, Лавиньеръ, предложилъ Обществу Земледѣлія извлечь изъ этихъ пловучихъ луговъ пользу для сельскаго хозяйства, а именно: суда, служащія лѣтомъ для ловли трески, употребить въ остальное время года на доставленіе этихъ водорослей на Азорскія Острова, гдѣ, въ нарочно устроенномъ складѣ, ихъ будутъ сушить, класть подъ прессъ и разрабoтывать въ виду добытія содержащихся въ нихъ удобрительныхъ солей.

Дешевая покупка. Въ Парижѣ на рыбномъ рынкѣ недавно было употреблено геніальное средство пріобрѣсти великолѣпнаго морскаго рака, не вынимая кошелька. Одинъ господинъ, въ сопровожденіи собаки, торговалъ одного изъ самыхъ огромныхъ морскихъ раковъ, выставленныхъ на продажу,—и, ради шалости далъ ему уцѣпиться клещами за свою палку. «Посмотрите-ка, какъ онъ крѣпко держится!» сказалъ господинъ торговцу: — «но это оттого, что палка оказываетъ сопротивленіе; за что нибудь мягкое онъ не могъ бы такъ крѣпко держаться —напр. за хвостъ моей собаки». Торговецъ выразилъ сомнѣніе и предложилъ господину попробовать. Сказано сдѣлано. Но едва ракъ почувствовалъ въ клещахъ хвостъ бѣднаго Тома, какъ онъ уцѣпился изо-всей силы. Торговецъ хохочетъ; Томъ, котораго его господинъ держитъ за ошейникъ, жалобно воетъ и визжитъ. Вдругъ шутникъ выпускаетъ изъ руки ошейникъ, и собака удираетъ какъ стрѣла, волоча рака за собою на хвостѣ. «Зовите вашу собаку!» закричалъ торговецъ.—«Чортъ возьми!» отвѣчалъ тотъ: «зовите ужъ вы лучше своего рака, развѣ вы не видите, какъ онъ мучитъ моего бѣднаго Тома? Впрочемъ, не станемъ ссориться — я самъ побѣгу за нимъ» — и былъ таковъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 30 Сентября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 41. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Ссылка.

(Продолженіе).

Оставивъ домъ инспектора, Дорнъ быстро пошелъ по улицѣ. Онъ крѣпко стискивалъ зубы, чтобы умѣрить свое внутреннее волненіе. Онъ ожидалъ и опасался того, что̀ произошло; тѣмъ не менѣе оно его сильно потрясло.

Что же такое любовь и довѣріе какъ не глупость? Какъ онъ полагался на сердце Аделаиды—и однако оно не устояло противъ первой бури. Она шутила надъ нимъ и его священными чувствами! Она никогда не любила его, если могла такъ скоро забыть его; а какъ часто шептала она ему слова, полныя жгучей любви! Ея уста лгали; языкъ ея лгалъ; глаза были коварнѣе озера, которое такъ тихо и спокойно рисовалось подъ горой, надъ прозрачнымъ зеркаломъ котораго такъ довѣрчиво носятся стрекозы, и которое между тѣмъ такъ безпощадно поглащаетъ довѣряющихся ему.

Для Аделаиды пожертвовалъ бы онъ жизнью, а она не сказала ему даже слова на прощанье.

Онъ громко засмѣялся, чтобъ облегчить свое горе. Встрѣчавшіеся съ нимъ останавливались, изумленно смотря на него,—но онъ этого не замѣчалъ.

Онъ во̀-время вспомнилъ о другѣ, который ожидалъ его въ винномъ погребѣ. Туда онъ и направился.

Гольцъ ждалъ его. Не произнося ни слова, Дорнъ опустился на первый стулъ подлѣ друга; но блѣдность лица изобличила все имъ перенесенное.

Онъ торопливо опорожнилъ нѣсколько стакановъ вина; глаза его тревожно заблистали.

Гольцъ не имѣлъ духу распрашивать объ исходѣ его посѣщенія Аделаиды. Но Дорнъ самъ прервалъ молчаніе.

— Что же ты не спрашиваешь, сказалъ онъ, — какъ все обошлось? Гольцъ! если я къ кому-нибудь питаю довѣріе, то это конечно къ тебѣ. Я знаю, что ты до нѣкоторой степени раздѣляешь мои мысли. Знаешь ли, что съ моею любовью все кончено? Съ Аделаидой мнѣ и говорить не пришлось; отецъ ея прямо объявилъ, что ассесоръ города Б... не пара его дочери. Тѣмъ дѣло и кончили. Объ сердцѣ и помину не было. И что такое сердце?—это источникъ всевозможныхъ нелѣпостей! Милый другъ, не сознаешь-ли ты и самъ, что мы, люди, были-бы гораздо лучше, еслибъ у насъ была только голова, и вовсе не было-бы сердца? Разсуди самъ: разумъ признаетъ нѣкоторыя вещи — и признаетъ ихъ съ математическою точностью; сердце-же отвергаетъ всѣ доказательства, не признаетъ логики, не признаетъ простѣйшихъ основныхъ правилъ математики.

Онъ упорно смотрѣлъ на стоявшій передъ нимъ стаканъ.

— И такъ, Дорнъ, твоя свадьба окончательно не состоится? спросилъ молодой врачь.

— Натурально, мой другъ, натурально! возразилъ ассесоръ съ горькой ироніей надъ самимъ собою: — сватовство со стороны моей бывшей невѣсты и ея отца было разсчитано на то, что я составлю себѣ карьеру, а не буду переведенъ въ Б... Развѣ ты не видишь, что это-то и составляетъ основу всему?

— Неужели инспекторъ въ самомъ дѣлѣ выставилъ это причиною разрыва? спросилъ Гольцъ.

— Конечно, съ полною откровенностью, такъ что

и сомнѣнія быть не можетъ. Что же ты смотришь на меня съ такимъ удивленіемъ? Или ты думаешь, что онъ поцеремонится съ какимъ-то ссыльнымъ?

— Ну, а съ невѣстой ты такъ и не говорилъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Она можетъ-быть сжалилась надо мною, ибо меня гораздо болѣе огорчилъ бы отказъ ея, еслибъ она сама мнѣ его сообщила. Ну, да оставимъ это! Тебѣ вѣроятно извѣстно, какимъ разочарованнымъ пробуждаешься послѣ прекраснаго сна, когда восхищавшія насъ видѣнія превращаются въ ничто. Видишь, изъ всего этого я вынесъ убѣжденіе, что на прошедшее надо смотрѣть какъ на сонъ и не внимать голосу своего сердца. Этотъ случай сдѣлалъ меня опытнѣе, мой другъ, и если тебѣ случится быть въ томъ-же положеніи, если сердце твое будетъ завербовано какой-либо красавицей, то спроси предварительно: послѣдуетъ-ли она за тобой, еслибъ тебя сослали даже въ Сибирь. Спроси объ этомъ и возьми письменное обязательство, потому что если положишься на увѣренія и клятвы, то будешь обманутъ какъ многіе другіе. Поступай такимъ образомъ, товарищъ; а теперь выпьемъ еще бутылочку!

Напрасно старался Гольцъ успокоить друга. Дорнъ повидимому не слушалъ его; онъ сидѣлъ неподвижно и пилъ стаканъ за стаканомъ.

Гольцъ слишкомъ хорошо зналъ его и видѣлъ, какъ глубоко было горе друга, хотя Дорнъ и шутилъ съ нимъ.

Самая поспѣшность, съ которою онъ пилъ, обнаруживала его стараніе заглушить свою скорбь; онъ видимо искалъ въ винѣ забвенія, такъ какъ обыкновенно пилъ очень мало.

— Оставь меня одного! сказалъ наконецъ Дорнъ:— чтобъ оправиться послѣ такого дня, необходимъ покой. Жизнь тяготитъ меня; она представляется мнѣ теперь въ другомъ видѣ—враждебно-вооруженною. Дай-же мнѣ время отдохнуть; я начну борьбу—и дешево не сдамся; я буду упорствовать—и ни на шагъ не отступлю. Хорошо бы умѣть полегче относиться къ горю. Легкомысліе—лучшій даръ природы. Оставь меня, другъ мой! По всей вѣроятности, я завтра-же отправлюсь въ ссылку; но мы еще увидимся до отъѣзда.

Гольцъ ушелъ.

Погруженный въ глубокія размышленія, Дорнъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Наступилъ вечеръ. Погребъ наполнялся посѣтителями, но Дорнъ ничего не замѣчалъ и не слыхалъ. Вино не успокоило его; онъ не могъ забыться. Кровь бушевала въ его жилахъ и быстро приливала къ сердцу.

Горѣвшій невдалекѣ газовый рожокъ бросалъ яркимъ свѣтомъ въ его полунаполненный стаканъ—и лучи, преломляясь въ прозрачномъ винѣ, падали на столъ свѣтлымъ пятномъ. На это пятно былъ устремленъ взглядъ Дорна; оно мерцало и двигалось при каждомъ колебаніи газоваго пламени. Разгоряченное воображеніе Дорна рисовало себѣ силуэтъ существа, которое столько времени освѣщало его жизнь; темно-каріе глаза дружески и вмѣстѣ насмѣшливо глядѣли на Дорна, они подмигивали ему и какъ-бы привѣтствовали его. Сердце его не могло еще разлюбить ту, которая такъ коварно измѣнила своему слову. Онъ хотѣлъ забыть ее, но воспоминанія о ней не покидали его.

Наконецъ онъ провелъ рукой по лбу, какъ-бы проснувшись отъ сна, и почти испугался, увидавъ сидящихъ вокругъ стола.

Быстро вставъ, Дорнъ вышелъ изъ погреба, твердо рѣшась оставить городъ на другой-же день. Оставался еще одинъ шагъ, предстояло еще одно прощанье, о которомъ онъ не могъ вспомнить безъ горести: разлука съ матерью. Нѣсколько недѣль уже не видался онъ съ нею. Отецъ его строже всѣхъ порицалъ его за либерализмъ и запретилъ ему посѣщать себя. Отецъ Дорна былъ чиновникъ, и долголѣтняя служба развила въ немъ чинопочитаніе. Онъ не признавалъ иного долга, кромѣ точнаго исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, не признавалъ личныхъ убѣжденій, предоставляя это усмотрѣнію начальства, одобреніе котораго было для него закономъ. Это былъ бюрократъ, который, вслѣдствіе односторонности своей многолѣтней службы и дѣятельности, потерялъ всякую способность воспринимать впечатлѣнія новой, свѣжей, независимой жизни. Педантъ, не признающій внутренней духовной жизни человѣка, онъ презиралъ всѣхъ, кто смотрѣлъ на жизнь съ иной точки зрѣнія,—и всю досаду свою вымѣщалъ на сынѣ за то только, что тотъ совершенно расходился съ нимъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ.

То, что другимъ казалось въ ассесорѣ заблужденіемъ, отецъ его считалъ преступленіемъ — и жесткій непреклонный характеръ побудилъ его прекратить всякія сношенія съ сыномъ.

Мать поддавалась понятіямъ отца: она тоже частенько журила сына за то, что онъ (по ея понятіямъ) избралъ дурную колею; но она все-таки оставалась матерью и не переставала любить сына.

Дорнъ отправился къ ней. При входѣ на крыльцо того дома, гдѣ онъ еще ребенкомъ такъ весело игралъ, въ немъ пробудились воспоминанія дѣтства; невольно подумалъ онъ о томъ счастливомъ времени, когда у него не было никакихъ заботъ,—и сердце невольно сжалось. Много утратъ перенесъ онъ съ тѣхъ поръ — и не видѣлъ возможности возвратить утраченнаго.

Боязливо отворилъ онъ дверь, ведущую въ квартиру родителей, хотя и зналъ, что въ это время отца не бывало дома.

Дорнъ осторожно вошелъ въ первую комнату; въ ней никого не было. Онъ зналъ въ ней каждую бездѣлушку, а между тѣмъ все казалось ему чуждымъ. Въ сосѣдней комнатѣ услышалъ онъ слабый голосъ, и тотчасъ призналъ его за голосъ матери. Дорнъ быстро вошелъ туда.

Медленно и съ трудомъ приподнялась мать на своей кровати, съ которой не вставала уже нѣсколько дней. Дорнъ ничего не зналъ о болѣзни матери.

Впалые глаза ея—хотя и строго, но съ невыразимой любовью—смотрѣли на входящаго сына. Онъ стоялъ не двигаясь, не смѣя сдѣлать шага. Ему казалось, что болѣзненное лицо матери говорило: «это по тебѣ сокрушаясь я такъ состарилась и похудѣла».

Взглядъ этотъ какъ-бы поразилъ его въ сердце. Если Дорнъ точно былъ виноватъ, то конечно всего болѣе противъ матери, которая никогда не переставала любить его.

Больная старушка протянула руку, какъ бы давая ему знакъ подойти. Дорнъ не выдержалъ: быстро бросился онъ къ матери, опустился на колѣна предъ кроватью, схватилъ обѣ руки матери, покрывалъ ихъ поцѣлуями и обливалъ слезами, которыя ручьемъ лились изъ глазъ его. Передъ матерью онъ не стыдился излить все свое горе.

Успокоивая и прощая сына, она простерла руки надъ его головою.

— Будь спокоенъ, Георгъ, сказала она нѣжнымъ и мягкимъ голосомъ, напомнившимъ ему тотъ голосъ, которымъ она бывало убаюкивала сына по вечерамъ, сидя у его кроватки.

— Успокойся, продолжала она, — мнѣ все извѣстно; я никакъ не предполагала, что все такъ случится; но вѣдь ты самъ виноватъ: переноси-же горе мужественно. Оно тяжело, но я знаю, что у тебя достанетъ силы перенести его.

Дорнъ не могъ возражать; онъ боялся, что мать не пойметъ его, такъ какъ они расходились во мнѣніяхъ. Ихъ убѣжденія раздѣляла бездна.

— Ты причинилъ намъ много горя, продолжала она далѣе, — я охотно прощаю тебѣ, но вѣдь ты убиваешь не одни мои надежды, а также и твою собственную будущность—вотъ что̀ меня еще болѣе огорчаетъ. Отецъ очень сердитъ на тебя и не хочетъ простить тебѣ, какъ я его о томъ ни просила. Я согласна, что онъ къ тебѣ слишкомъ строгъ, но вѣдь и ты его сильно огорчилъ; ты знаешь, что онъ не легко прощаетъ. Я предвидѣла, что ты придешь ко мнѣ до отъѣзда, — я знала это; но отецъ не узнаетъ, что ты былъ здѣсь.

— Матушка! возразилъ наконецъ Дорнъ: — отецъ не знаетъ меня; онъ не понимаетъ моихъ убѣжденій и потому ненавидитъ ихъ. Могу-ли я дѣйствовать противъ собственныхъ убѣжденій?

Больная сомнительно покачала головой.

— Георгъ! я также думаю, что твои убѣжденія неосновательны; однако я слишкомъ хорошо знаю тебя, чтобы считать тебя способнымъ на умышленное зло. Я не могу измѣнить твоихъ убѣжденій, а потому прекратимъ разговоръ. — Когда ты ѣдешь?

— Завтра.

— Ну, а что говоритъ твоя невѣста по этому поводу? спросила больная тихимъ голосомъ.

Дорнъ разсказалъ матери свое горе.

Глаза ея наполнились слезами, и она пожала его руку.

— Твоя невѣста дурно поступила съ тобою! продолжала она. — Она отступилась отъ тебя изъ-за обстановки—это хуже измѣны, ибо тутъ въ ней дѣйствовалъ холодный разсчетъ. Забудь ее, Георгъ; съ нею ты никогда не былъ бы счастливъ.

Дорнъ исповѣдалъ матери все, что̀ накипѣло у него на душѣ. Больная сама спѣшила удалить сына, боясь возвращенія отца и желая избѣжать всякаго столкновенія между ними.

Въ душѣ она отдавала справедливость обоимъ, хотя оба они были нѣсколько виноваты.

Прошло уже нѣсколько недѣль, какъ Дорнъ жилъ въ городѣ Б..., и перемѣна его положенія отозвалась въ немъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

Маленькій городокъ былъ ему тѣсенъ, и новая служба не доставляла ему никакого удовольствія. Начальникъ его, судья Ульманъ, съ самаго начала намекнулъ, что ему извѣстна причина ссылки, и что онъ намѣренъ дать почувствовать Дорну всю тягость новой должности, данной ему дѣйствительно въ наказаніе. Ульманъ обращался съ Дорномъ холодно и грубо, и тотчасъ-же сказалъ ассесору, что убѣжденія и взгляды, благодаря которымъ тотъ сосланъ въ Б..., найдутъ здѣсь еще менѣе примѣненій, и что онъ рѣшительно не потерпитъ ихъ въ своемъ подчиненномъ. Дорнъ молчалъ, хотя гордость его была глубоко оскорблена. Событія послѣднихъ дней, разлука съ матерью и роднымъ городомъ отозвались на немъ еще тяжелѣе. Онъ находился въ такомъ непріятномъ настроеніи духа, что всѣми силами старался избѣгать новыхъ раздраженій. Онъ много надѣялся на дружественныя отношенія съ судьею, но и въ этомъ ошибся.

Ульманъ, по самымъ свойствамъ своего характера, вовсе не желалъ такого сближенія: онъ былъ гордый и честолюбивый человѣкъ. Въ силу почетной должности, ему было легко вліять почти во всѣхъ дѣлахъ города Б... Нельзя было отрицать правильности его возрѣній, такъ какъ онъ обладалъ проницательнымъ умомъ; но это самое давало еще бо̀льшую силу его властолюбію.

Онъ былъ старше Дорна по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять, и возвышеніемъ своимъ былъ обязанъ исключительно себѣ самому. Будь онъ либералъ, по всей вѣроятности онъ не повысился-бы такъ скоро. Онъ былъ еще холостъ, пользовался жизнью и удовольствіями, и бывалъ во всѣхъ высшихъ сферахъ общества города Б...

До сихъ поръ Дорнъ уклонялся отъ всѣхъ увеселеній—во первыхъ потому, что въ нихъ первенствовалъ судья а во вторыхъ потому что старался избѣгать любопытства жителей, знавшихъ съ самаго начала, что онъ присланъ въ Б.... за наказаніе. Откуда они это могли узнать—Дорну было неизвѣстно. Но онъ не обращалъ на то вниманія, ибо жители города Б.... не безпокоили его; однакоже онъ не видѣлъ возможности совсѣмъ обойтись безъ общества.

Вечера проводилъ онъ въ одной гостинницѣ, въ той-же комнатѣ, гдѣ за общимъ столомъ засѣдалъ судья съ своими обычными друзьями. Дорнъ вовсе не стѣснялся присутствіемъ Ульмана, а этотъ съ своей стороны никогда не приглашалъ его за общій столъ. Дорнъ занимался чтеніемъ газетъ—и радъ былъ кое-какъ скоротать за ними вечеръ, такъ какъ жизнь для него имѣла мало цѣны.

Такимъ-то образомъ, проживъ нѣсколько недѣль въ городѣ Б..., онъ свелъ знакомство кое съ кѣмъ изъ обывателей. Въ числѣ ихъ былъ фабрикантъ Фарбригъ, который съ перваго взгляда ему очень понравился.

Но и съ нимъ Дорнъ сходился очень рѣдко и только въ гостинницѣ, а потому тѣмъ болѣе былъ удивленъ, когда однажды Фарбригъ зашелъ къ нему съ приглашеніемъ на вечеръ. Дорнъ хотѣлъ было отказаться, такъ какъ не былъ расположенъ посѣщать общество, однако фабрикантъ предупредилъ его.

— Не отказывайте мнѣ въ моей просьбѣ, сказалъ онъ: — я вѣдь раздѣляю ваши убѣжденія. Я читалъ ваши статьи, причинившія вамъ столько непріятностей, и вполнѣ вамъ сочувствую. Васъ можетъ-быть удивляетъ, что я въ обществѣ скрываю свои мнѣнія; но мнѣ болѣе ничего не остается, если не захочу прервать всѣ сношенія съ образованными людьми и остаться одинъ-одинешенекъ — а это невозможно, вопервыхъ ради моей жены, а во вторыхъ потому что я люблю общество. По моему мнѣнію, день принадлежитъ работѣ, а вечеръ удовольствію—и это необходимо, ибо иначе я потеряю и охоту и силу работать. Только по этой причинѣ я стараюсь скрывать свои убѣжденія, тѣмъ болѣе что въ Б... господствуютъ мнѣнія и взгляды г. судьи; а они вамъ уже хорошо извѣстны.

Дорнъ согласился наконецъ на просьбу Фарбрига и обѣщалъ быть у него на вечерѣ.

— Моей женѣ уже давно хотѣлось познакомиться съ вами, продолжалъ Фарбригъ и прибавилъ съ насмѣшкою: — вы встрѣтите у меня вашего начальника.

При здѣшней обстановкѣ, какъ вамъ уже извѣстно, безъ него обойтись нельзя.

— Я не стараюсь сближаться съ нимъ, но и не вижу надобности избѣгать его, сказалъ спокойно Дорнъ:— хотя мои съ нимъ отношенія и не слишкомъ дружелюбны, но вѣдь вашъ домъ нейтраленъ. Вѣдь посѣщаю же я гостинницу, гдѣ онъ бываетъ.

— Къ крайнему его неудовольствію! замѣтилъ фабрикантъ: — сегодня вечеромъ вы узнаете этого гордаго человѣка совсѣмъ съ другой стороны. Вы увидите у меня молодую вдову, большую пріятельницу моей жены; она соединяетъ въ себѣ рѣдкія качества: молода, красива, любезна и очень богата. Неподалеку отсюда у нея есть имѣніе, стоющее покрайней мѣрѣ нѣсколько сотъ тысячъ таллеровъ. Мужъ ея, умершій въ прошломъ году, оставилъ ее единственною наслѣдницею имѣнія, такъ какъ у нихъ не было дѣтей. Нашъ судья ухаживаетъ за ней — и надо отдать ему справедливость, что онъ съ ней чрезвычайно любезенъ. Конечно, самый предметъ его ухаживаній заслуживаетъ полнаго вниманія.

— А какъ же принимаетъ эта дама его любезности? спросилъ Дорнъ съ любопытствомъ.

Фабрикантъ пожалъ плечами.

— Въ этомъ сомнѣвается даже моя жена; между тѣмъ, женщины въ этихъ случаяхъ очень проницательны! возразилъ онъ:—эта дама—ея имя Берта Стефенсъ—со всѣми такъ любезна, что трудно отгадать, кого она предпочитаетъ. Въ обожателяхъ нѣтъ недостатка; ея богатство привлекаетъ многихъ. Иные обвиняютъ ее въ кокетствѣ, но это несправедливо; я знакомъ съ нею уже нѣсколько лѣтъ и знаю, что у нея совершенно дѣтскій, рѣзвый и откровенный нравъ. Она долго путешествовала, чтобъ избавиться отъ поклонниковъ, и только нѣсколько дней какъ возвратилась. Ха, ха! еслибъ судьѣ удалось покорить ея сердце, онъ могъбы оставить службу и жить помѣщикомъ.

Дорнъ промолчалъ. Онъ съ какимъ то нетерпѣніемъ ожидалъ вечера. Онъ въ душѣ смѣялся, представляя себѣ строгаго и холоднаго судью въ ролѣ обожателя. Притомъ онъ радовался, что нашелъ въ Фарбригѣ человѣка одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій. Прямое и простое обращеніе этого человѣка ему сразу понравилось. Фарбригъ владѣлъ весьма значительною фабрикою, и хотя былъ богатъ, но нисколько не гордился этимъ.

Онъ былъ всегда веселъ—и если иногда бывалъ грубъ въ обращеніи, за то его откровенность и правдивость извиняли все. Онъ жилъ во вновь-отдѣланномъ и отлично-устроенномъ собственномъ домѣ, который былъ окруженъ обширнымъ садомъ, примыкавшимъ къ городскимъ воротамъ.

Когда Дорнъ вошелъ, комнаты были уже освѣщены и полны гостей. Фарбригъ встрѣтилъ его чрезвычайно ласково и представилъ его какъ женѣ своей, такъ и молодой вдовѣ, о которой такъ лестно отзывался.

Берта владѣла рѣдкимъ умѣньемъ обращаться съ незнакомыми ей людьми такъ, какъ будто была съ ними давно знакома.

Такъ же любезно встрѣтила она и Дорна, и, сказавъ ему, что много слышала объ немъ отъ Фарбрига, разговорилась съ нимъ безъ всякой принужденности.

Дорнъ былъ менѣе развязенъ: его обыкновенное спокойствіе измѣняло ему. При первомъ взглядѣ на Берту онъ вздрогнулъ. Ея черты показались ему знакомыми— и онъ, казалось ему, прежде ее гдѣ-то видѣлъ, но не могъ припомнить: гдѣ именно. Напрасно напрягалъ онъ свою память. Онъ былъ такъ занятъ этою мыслью, что почти не слушалъ Берту; до него долетали только звуки ея нѣжнаго и мягкаго голоса.

— Вы что-то разсѣяны, г. ассесоръ! сказала Берта, замѣтивъ его задумчивость.

— Извините, пожалуйста, я сталъ чрезвычайно разсѣяннымъ здѣсь въ Б...., отвѣтилъ Дорнъ: — я живу здѣсь особнякомъ, въ маленькомъ міркѣ своихъ мыслей, которыя не покидаютъ меня даже въ обществѣ.

— Вы очень дурно дѣлаете, поступая такъ, возразила Берта: — пусть и солоно приходится иногда въ жизни, мы все-таки не имѣемъ права уклоняться отъ нея; вѣдь съ другой стороны жизнь предоставляетъ каждому свою долю счастья и удовольствія; стòитъ только захотѣть и поискать его.

Горькая усмѣшка скользнула по лицу Дорна.

Хотя Берта и слегка намекнула, но ей какъ видно было извѣстно его несчастье.

— Можетъ быть вы и правы, замѣтилъ онъ, — но очень многіе напрасно ищутъ этого счастья, спрятаннаго въ урнѣ судьбы; что проку въ поискахъ, когда надежды исчезли!

Въ это время вошелъ судья. Онъ поморщился, увидя Берту въ разговорѣ съ ассесоромъ. Онъ подошелъ къ ней откланяться, бросивъ на Дорна рѣзкій, чуть не угрожающій взглядъ. Ему было очень досадно видѣть Дорна, разговаривающаго съ дамой, за которой онъ самъ такъ усердно ухаживалъ.

Дорнъ повидимому едва замѣтилъ строгій взглядъ начальника — и спокойно остался.

— Я вамъ, кажется, помѣшалъ? проговорилъ Ульманъ явно-насмѣшливымъ тономъ.

— Мы говорили о судьбѣ, которая одному даетъ счастье, а другаго давитъ своей желѣзной рукой, отвѣтила Берта.

Ульманъ догадался, о комъ рѣчь.

— Развѣ вы находите, что судьба несправедлива? спросилъ онъ.

— Богиня счастья слѣпо раздаетъ дары, замѣтила Берта.

— Я несогласенъ! возразилъ Ульманъ. — Бòльшая часть людей приписываетъ судьбѣ то, что причинили себѣ сами своимъ поступкомъ и потому заслужили неудовольствіе; у нихъ не достаетъ храбрости обвинять себя — вотъ они и жалуются на судьбу, а лучше бы сознаться въ ошибкахъ и исправить ихъ.

— А ваше какое мнѣніе, г. ассесоръ? обратилась она къ Дорну: — согласны вы съ этимъ?

Дорнъ стоялъ передъ нею совершенно спокойно, только щеки его слегка покраснѣли и губы сжались.

Онъ не могъ допустить, чтобъ судья осмѣливался читать ему нравоученія въ присутствіи дамы, не имѣя на то никакого поводу.

— Сударыня, отвѣчалъ Дорнъ съ гордою улыбкою,— я воздерживаюсь отъ всякихъ возраженій, такъ какъ г. судья придалъ своимъ словамъ характеръ личности; мое мнѣніе можетъ оказаться слишкомъ правдивымъ, а правда не всегда пріятна.

Съ этими словами онъ спокойно поклонился Бертѣ и отошелъ. Ульманъ бросилъ на него злобный взглядъ; губы его задрожали; онъ хотѣлъ что-то сказать, но смолчалъ.

Этотъ случай никѣмъ не былъ замѣченъ; Берта не поняла его вполнѣ, а Ульманъ такъ и сыпалъ любезности, стараясь скрыть свою досаду.

(Продолженіе будетъ).

Маляръ.

Въ лѣтнее время, когда фешенебельное и зажиточное населеніе Петербурга оставляетъ столицу, выбираясь на острова, въ Петергофъ, Царское, Павловскъ, на воды, заграницу,—громадные дома быстро пустѣютъ и принимаютъ какой-то жалкій, болѣзненный видъ; стѣны ихъ мѣстами облуплены, заставлены лѣсами или подмостками; отовсюду летитъ известка и пыль; окна закрашены бѣлою краскою;—словомъ, Петербургъ чистится, бѣлится, прихарашивается, дѣлаетъ свой тоалетъ. Наступаетъ раздолье тому люду, который занимается реставраціей нашихъ жилищъ послѣ разрушительнаго вліянія морозовъ, дождей и снѣговъ, — настаетъ самый развалъ малярныхъ работъ. Куда ни пойдете, всюду попадается маляръ стоя на подмосткахъ, лѣпясь у карниза, сидя на доскѣ подвѣшенной на веревкахъ, — чаще же всего такъ, какъ онъ изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ г. Васнецова. Это маляръ, отправляющійся на работу во всеоружіи своего ремесла, съ длинными помазками вмѣсто ружья на плечѣ, и вмѣсто каски съ ведеркомъ и торчащими изъ него словно султанъ кистями; взглядитесь, какъ балансируетъ этотъ чернорабочій одного изъ изящнѣйшихъ искусствъ, боясь уронить драгоцѣнную ношу, и внѣ этой единственной заботы какая полнѣйшая апатія господствуетъ въ чертахъ его худощаваго, болѣзненнаго лица! Да, ремесло это, подобно многимъ сопряженнымъ съ употребленіемъ химическихъ продуктовъ, тяжело отзывается на здоровьи; постоянное вдыханіе такъ-называемыхъ стѣнныхъ корпусныхъ красокъ обусловливаетъ различныя разстройства въ организмѣ.

Маляръ.

Оригинальный рисунокъ на деревѣ В. Васнецова, гравировалъ Л. Сѣряковъ.

Такъ, отъ свинцовыхъ и мѣдныхъ красокъ (каковы кронъ, сурикъ, свинцовыя бѣлила, ярь-мѣдянка) дѣлается свинцовая и мѣдная колика, отверденіе желудка съ острою болью, судорги и т. п. Отъ мышьяковыхъ (желтый оперментъ, красный реальгаръ) происходитъ слюнотеченіе, судороги въ горлѣ, тоска, обмороки. Ртутные краски (скарлетъ, киноварь) производятъ отдѣленіе слюни, жженіе и сжиманіе горла и общую нечувствительность, сопровождаемую конвульсіями; а красивѣйшая изъ голубыхъ красокъ — кобальтъ причиняетъ упадокъ силъ и общее худосочіе.

Прибавьте — ко всѣмъ этимъ отравамъ — едвали не меньшее вліяніе сыраго болотнаго воздуха, со всѣми испареніями большаго города, — и вамъ станетъ понятенъ унылый, однообразный напѣвъ маляра, который покачивается на своей доскѣ подъ самой крышей, прилежно помахивая кистью... Это уединеніе и нѣкоторая принужденность позы во время работы также кладутъ свой отпечатокъ на общую физіогномію рабочаго, которая такъ типично передана бойкимъ карандашемъ г. Васнецова.

Подземный Парижъ.

Парижъ блистателенъ, Парижъ волшебное видѣніе, Парижъ диво; но этотъ блескъ, это дивное видѣніе соприкасаются съ подземнымъ Парижемъ, съ Парижемъ мрака, ужаса, смерти. Укажемъ хоть на эти кладбища, тихо и безшумно принявшія въ себя столько поколѣній. Но не эти (столько уже разъ описанныя) кладбища имѣемъ мы теперь въ виду. Мы спустимся въ другой подземный міръ, въ царствѣ каналовъ, въ *Memento mori* катакомбъ.

Парижскіе каналы имѣютъ большое протяженіе. Главная жила этихъ подземныхъ дорогъ, ведущихъ къ сѣверному берегу Сены, имѣетъ отъ трехъ до четырехъ англійскихъ миль въ длину и тянется отъ Площади Согласія (Place de la Concorde) до Аньера, гдѣ она соединяется съ главнымъ южнымъ каналомъ, по пересѣченіи имъ Сены у Альмскаго моста. Эти главные каналы имѣютъ около 15 футовъ въ вышину и 18 футовъ въ ширину, включая сюда же идущую по обѣимъ сторонамъ канала дорогу, въ 3 фута ширины. Кромѣ этихъ каналовъ есть еще побочные, на протяженіи 30 англійскихъ миль, тогда какъ чрезвычайно сложная сѣть главныхъ каналовъ имѣетъ до 600 англ. миль длины. Главная цѣль этихъ подземныхъ дорогъ состоитъ въ осушеніи улицъ, въ удаленіи излишней воды и въ пріемѣ капели изъ кровельныхъ желобовъ.

Каналы открываются только въ извѣстные дни года. Въ такомъ случаѣ ихъ великолѣпно освѣщаютъ тысячами фонарей, изъ которыхъ каждый снабженъ рефлекторомъ. Билеты для входа выдаются городскимъ управленіемъ и заключаютъ въ себѣ точное обозначеніе времени и мѣста для собранія. Въ назначенный часъ, на серединѣ мостовой поднимается опускная дверь, и общество сходитъ внизъ по нѣсколькимъ дюжинамъ крутыхъ ступенекъ, ведущихъ къ каналамъ. Потолокъ устроенъ въ видѣ сводовъ, пересѣкаемыхъ безчисленными телеграфными проволоками, которыя обтянуты гуттаперчей и тянутся во всевозможныхъ направленіяхъ. Сбоку идетъ большая черная труба, снабжающая городъ Парижъ водою. Ряды фонарей, свѣтъ которыхъ теряется мало-по-малу въ отдаленіи, бросаютъ свой отблескъ на темныя, мутныя воды, по которымъ плыветъ ботъ, могущій вмѣстить въ себѣ до четырнадцати человѣкъ. Ботъ снабженъ продиравленнымъ опахаломъ, которое доставляетъ выходъ стремящейся водѣ. Размѣры бота приспособлены самымъ точнымъ образомъ къ круглому дну канала, и онъ устроенъ такимъ образомъ, что въ состояніи оттолкнуть отъ себя всевозможные твердые осадки. Посѣтительницъ сажаютъ въ ботъ, который движется до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ извѣстнаго пункта. Тогда дамы выходятъ и садятся, вмѣстѣ съ слѣдовавшими за ними пѣшкомъ мужчинами, въ маленькія тачки, которыя также снабжены опахалами и движутся по колеямъ, устроеннымъ по краямъ канала. Каждая изъ этихъ тачекъ снабжена спереди фонаремъ и управляется кондукторомъ. Звукъ трубы даетъ знать, что путь свободенъ. По этому сигналу тачки приходятъ въ движеніе, будучи передвигаемы четырьмя человѣками, и дѣлаютъ по шести англ. миль въ часъ. Голубыя дощечки съ бѣлыми буквами показываютъ, отъ времени до времени, въ какихъ пунктахъ города находится общество въ настоящую минуту. Порою тачки несутся мимо шумныхъ каскадовъ грязной воды, съ громкимъ журчаніемъ низвергающейся въ каналъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ потолокъ зданія пересѣкается большими трубами, посѣтители канала должны наклоняться въ тачкахъ, объ чемъ имъ дается знать сигналомъ.

Наконецъ показывается серебристо-сѣрый свѣтъ; тачки останавливаются, общество выходитъ, еще нѣсколько минутъ—и оно на набережной, передъ зданіемъ государственной тюрьмы.

Дальнѣйшій обходъ подземнаго Парижа ведетъ насъ въ катакомбы, для описанія которыхъ мы воспользуемся остроумными эскицами Роденберга, изданными подъ заглавіемъ: «Парижъ при солнечномъ освѣщеніи и при свѣтѣ лампъ». Юліусъ Роденбергъ, который такъ мастерски умѣетъ описывать, изобразилъ также и катакомбы — въ томъ видѣ, какъ онѣ представляются въ дѣйствительности, съ мрачными красками смерти, съ ужасающей поэзіей могилы. «Большаго парижскаго кладбища—говоритъ онъ—нельзя ужь видѣть. Оно заперто. Никто ужь не можетъ войти туда, ни живой, ни мертвый. Тамъ покоятся цѣлые милліоны усопшихъ, сваленныхъ въ большія кучи, величиною съ дома... Черепа, скелеты, ножныя и ручныя кости... Мертвецы нѣсколькихъ столѣтій сложены здѣсь всѣ вмѣстѣ, безъ различія званія, состоянія, пола. Священники и безбожники, принцессы и чистильщицы улицъ, младенцы, старики, дѣвушки, сорванныя какъ розы въ цвѣту, мужчины, срубленные какъ дубы въ полнотѣ силъ, монахи, солдаты: всѣ они здѣсь собраны, всѣ они здѣсь положены, и Божественное Око откроетъ ихъ и здѣсь, въ безднахъ земли, во мракѣ, между милліонами скелетовъ—въ Парижскихъ катакомбахъ.

Эти обширныя подземныя палаты, распространяющіяся подъ всей юго-западной половиной новаго Вавилона почти до самой Сены, рылись въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Это прежнія парижскія каменоломни. Отсюда-то Парижъ бралъ матеріялы для своихъ великолѣпныхъ построекъ. Тутъ до тѣхъ поръ рыли и копали, пока это не стало грозить безопасности Парижа. Чтобы городъ не провалился въ могилу, чтобы онъ не похоронилъ самого себя, каменоломни заперли, пропасти наполнили, а потолки подперли.

Это было въ 1785 году. До тѣхъ поръ Парижъ всегда погребалъ своихъ мертвыхъ на кладбищахъ, находившихся въ самомъ городѣ, внутри его. Теперь кладбища оказались полны; а устроивъ новыя за городомъ, принялись вывозить изъ старыхъ все, что хранилось въ нихъ въ теченіи тысячи лѣтъ. Одно кладбище «непорочныхъ» (des innocents) заключало въ себѣ больше милліона гробовъ. Въ цѣломъ это могли быть останки шести милліоновъ умершихъ, собранные въ одномъ большомъ резервуарѣ. Для этой цѣли выбрали тогда еще пустыя и незанятыя ничѣмъ катакомбы, зіявшія подъ поверхностію Парижа. Затѣмъ парижскій архіепископъ освѣтилъ съ большею торжественностью эти подземныя пространства, и началась величайшая погребальная процессія, какую когда-либо видѣлъ свѣтъ. Прежде всего принялись за кладбище «непорочныхъ», а затѣмъ приступили и къ другимъ четырнадцати или пятнадцати кладбищамъ. Каждую ночь, въ теченіи цѣлыхъ пятнадцати мѣсяцевъ, все рыли да рыли при свѣтѣ факеловъ, все катились нагруженныя тлѣномъ и гнилью экипажи, хоронились цѣлыми тысячами останки прошедшаго..

Внутренность катакомбъ завалили костями; изъ нихъ настроили алтарей, надѣлали крестовъ изъ ключицъ, поставили на нихъ черепа, убрали эти ужасныя палаты смерти самымъ фантастическимъ образомъ, покрыли столы надписями изъ Библіи, дали имена галлереямъ и назвали образуемыя ими улицы по именамъ находящихся надъ ними парижскихъ улицъ. Такимъ способомъ образовался подъ Парижемъ этотъ городъ мертвыхъ,—лишенный всякаго освѣщенія, кромѣ того красноватаго свѣта, который выходитъ изъ фонаря приставленнаго къ нему работника,—исполненный тишины и безмолвія, не нарушаемыхъ даже глухимъ движеніемъ его тачки,—окруженный тяжелымъ влажнымъ воздухомъ и ужасами смерти.

Можно бродить цѣлый день по этому городу и упасть отъ истощенія, не находя выхода. Даже тѣ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ его расположеніемъ, отъискиваютъ дорогу по извѣстнымъ чорнымъ полоскамъ и значкамъ, которыми они помѣтили—когда-то—его каменныя и костяныя стѣны; такъ велика и запутана эта сѣть подземныхъ улицъ, идущихъ во всевозможныхъ направленіяхъ, обнесенныхъ этими стѣнами, съ которыхъ не перестаетъ скалить на васъ зубы все тотъ же черепъ, осклабляющійся тою ужасною улыбкою, что свойственна только этимъ пустымъ глазнымъ и носовымъ впадинамъ, этимъ широкимъ безгубымъ челюстямъ, этому страшному юмору смерти.

Несчастные случаи различнаго рода побудили начальство закрыть всѣмъ безъ исключенія входъ въ катакомбы; только одни работники—осужденные на непрестанную дѣятельность въ этомъ Парижѣ ужаса, для того чтобъ обезопасить Парижъ веселья и удовольствія,—только они странствуютъ ежедневно по галлереямъ изъ человѣческихъ костей и улицамъ изъ человѣческихъ скелетовъ; да разъ въ году обходитъ ихъ коммиссія, къ которой присоединяется иногда, по особенному, чрезвычайно рѣдко получаемому позволенію, нѣсколько любопытныхъ. Въ катакомбы спускаются изъ различныхъ мѣстностей Парижа посредствомъ четырнадцати различныхъ лѣстницъ.

Письмо Давида Штрауса къ Эрнесту Ренану.

Въ «Аугсбургской Всеобщей Газетѣ» напечатано второе письмо нѣмецкаго ученаго по поводу нѣмецко-прусской войны. Первое изъ этихъ писемъ, равно какъ и отвѣтъ на него Ренана, были переданы нами въ 35 и 39 №№ «Нивы». Вотъ отвѣтное письмо Штрауса.

«Вы исполнили мое желаніе: отвѣчали на мое откровенное письмо къ вамъ въ той же формѣ—и притомъ такъ дружественно, съ такою любезностью, что я не могу не поблагодарить васъ за это. Ваше отвѣтное письмо обновляетъ во мнѣ утѣшительное убѣжденіе, что, не смотря на всевозможныя уклоненія, мы съ вами все-таки идемъ по одной дорогѣ и стремимся къ одной и той же цѣли. Честное споспѣшествованіе человѣчеству на пути свободнаго гармоническаго развитія — вотъ путеводная звѣзда, управляющая нашими мыслями и дѣлами, при чемъ каждый изъ насъ (какъ и слѣдуетъ) хочетъ, прежде всего, дѣйствовать на свою націю, но умѣетъ также понимать и цѣнить и другую.

Чрезвычайно отрадно подѣйствовали на меня, въ самомъ началѣ вашего письма, тѣ теплыя выраженія признательности, съ какими вы отзываетесь о нѣмецкой литературѣ нашего классическаго періода. И, съ своей стороны, я охотно и чистосердечно присоединяю свой голосъ къ вашему, когда вы требуете, чтобы критикъ вашей націи умѣлъ отличать: между незрѣлыми продуктами легкой обыденной литературы—питательные плоды труда серіозныхъ умовъ; въ пустой и гоняющейся за модой Франціи — здоровыя начала; а за дурнымъ, безнравственнымъ обществомъ—честное, мыслящее и истинно-образованное. Дѣйствительно, въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій изъ французской литературы вылился такой потокъ яду, въ особенности въ формѣ романа и драматическихъ піесъ, что гнѣвныя выраженія нѣмецкаго ученаго, объ которомъ вы вспоминаете въ вашемъ письмѣ, не могутъ быть поставлены ему въ вину. Но если, для возбужденія въ себѣ подобнаго чувства, ему не надо было ѣздить въ Парижъ, —если онъ могъ видѣть всѣ эти позорныя піесы, всѣ эти безстыдные танцы въ самомъ Берлинѣ, на тамошней сценѣ,—то одно уже это можетъ привести насъ, нѣмцевъ, къ унизительному сознанію, что, принимая снисходительно подобныя вещи, мы тѣмъ самымъ сдѣлались участниками во французской порчѣ. Но съ другой стороны: литературу, въ которой, въ продолженіе того же самаго періода упадка, дѣйствовали такіе благородные и тонкіе умы какъ Сенъ-Бёвъ — чтобъ назвать кого нибудь, хотя къ сожалѣнію, уже умершаго—такую литературу нельзя назвать всю, сплошь и къ ряду, вредною. Тѣмъ не менѣе эта порча проникла такъ глубоко и распространилась такъ далеко (и не только въ литературѣ, но и въ народѣ), что французскіе патріоты съ трудомъ сознаются въ этомъ самимъ себѣ, а мы, нѣмцы, незадолго передъ тѣмъ, даже и не предполагали этого. Объ этомъ общемъ гніеніи и разложеніи всѣхъ нравственныхъ узъ —мы до настоящей войны не имѣли и понятія.

Отъ вашей проницательности и справедливости нельзя было иначе и ожидать: признавъ то духовное и нравственное значеніе, которое мы пріобрѣли себѣ между націями, вы конечно должны были признать за нами и право на пріобрѣтеніе соразмѣрнаго ему политическаго вѣса. При дѣлежѣ земли вы отводите участокъ и этому «народу мыслителей». Но вы такъ же хорошо понимаете и то, что это было недостижимо для того жалкого агрегата независимыхъ (большихъ, среднихъ и малыхъ) государствъ, который назывался до 1866 года Германіей, и что для этого требовалось соединеніе нѣмецкихъ племенъ и государствъ въ одно дѣйствительное цѣлое государство. Зачѣмъ—спрашиваете вы въ вашей остроумной статьѣ о прусско-французской войнѣ, напечатанной въ *Revue des deux Mondes*,—зачѣмъ отказывать Германіи въ правѣ дѣлать у себя то, что мы сами дѣлали у себя, въ чемъ помогали Италіи?

И такъ, если Франція объявила намъ войну потому только, что не захотѣла выносить нашего блестящаго возвышенія, она должна быть рѣшительно неправа въ вашихъ глазахъ.

Но вы обвиняете французскій народъ и вообще Францію не вполнѣ, а много-что вполовину. Французскій народъ, по вашему мнѣнію, настроенъ миролюбиво; онъ нуж-

дается въ досугѣ и желаетъ его для разработки своихъ естественныхъ богатствъ, для устройства своихъ политическихъ учрежденій въ смыслѣ свободы. Но отъ чего же зовъ къ рейнскимъ границамъ производилъ на него всегда такое очарованіе? Откуда это странное убѣжденіе, что онъ долженъ вознаградить себя и отмстить не только за Ватерлоо, которое принесло ему пораженіе и конечное паденіе первой имперіи съ ея великолѣпіемъ, но и за Садовую, гдѣ онъ не потерялъ ни одного человѣка, ни одной пяди земли? Отчего все это, какъ не оттого что къ открытымъ язвамъ Франціи принадлежитъ не только та, на которую вы указываете—недостатокъ всѣми признанной династіи, но еще (и даже болѣе чѣмъ какая другая) и эта болѣзненная, раздражительная зависть въ отношеніи Германіи? Вы, конечно, сознаетесь, что вотъ уже болѣе 50-ти лѣтъ, какъ стремленіе къ рейнскимъ границамъ, присущее каждому французу, всасывается имъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, вмѣстѣ съ молокомъ матери; а много ли между ними такихъ, которые, благодаря размышленію, отрѣшаются впослѣдствіи отъ этого предразсудка, всосаннаго съ молокомъ матери? Одинъ изъ тысячи—и то не всегда. Этой войны, говорите вы, можно было избѣжать. Да, отвѣчу я вамъ,—еслибъ только французы могли измѣниться. До тѣхъ же поръ пока они останутся такими, каковы они на самомъ дѣлѣ (что бы у нихъ ни образовалось — республика или монархія; кто бы ими ни управлялъ—императоръ или король), во всякую минуту можетъ произойти что-нибудь такое, что затронетъ въ нихъ эту раздражительность, а правительство сочтетъ себя не въ силахъ устоять противъ давленія снизу, напора партіи, криковъ прессы, и допуститъ вовлечь себя въ войну.

Тѣмъ болѣе—разсуждаете вы—слѣдовало Германіи щадить французскую чувствительность; а Пруссія, которая по неумѣстной гордости не хотѣла принять этого въ уваженіе, наполовину виновата въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ подверглись оба народа. За ту не болѣе какъ отрицательную помощь, которую Наполеонъ III оказалъ Пруссіи въ 1866 году (т. е. за то, что онъ не мѣшалъ ей), Пруссія, по-вашему, обязана ему благодарностью, которую она могла очень удобно выразить уступкою незначительнаго Люксамбурга. Вы сами сознаетесь въ томъ, что ни объ чемъ еще не было условлено, что не было дано никакого обѣщанія, что самъ императоръ еще колебался, когда прусское войско, безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, рѣшило дѣло на кёниггрецкомъ полѣ битвы. Вотъ было бы престранное великодушіе, еслибы Пруссія, добившись собственными силами приза, подѣлилась имъ съ сосѣдомъ, который ничего не сдѣлалъ для этого, а только не сдѣлалъ ничего противъ этого,—которому она ничего не обѣщала, который не заслужилъ ни чѣмъ подобнаго вознагражденія. А ужь если рѣчь зашла о наградѣ, то за отрицательную поддержку слѣдуетъ платить и отрицательной благодарностью, — такъ напримѣръ, еслибъ Наполеону вздумалось произвести что-нибудь подобное, то съ своей стороны и Пруссія не должна была мѣшать ему; да и подобныя отрицательныя услуги были оказаны ему Пруссіей заранѣе, когда эта послѣдняя допустила, безъ всякаго сопротивленія съ своей стороны, присоединеніе къ Франціи Савойи и Ниццы. Но Пруссіи, говорите вы, слѣдовало щадить общественное мнѣніе во Франціи—и уступкою Люксамбурга помочь французскому правительству отказаться отъ дальнѣйшихъ требованій. Какъ будто бы у Пруссіи нѣтъ своего собственнаго общественнаго мнѣнія, которымъ тоже пренебрегать не приходится! какъ будто бы французское общественное мнѣніе должно быть для нея важнѣе германскаго! Наши прежніе императоры назывались «распространителями государства» (allezeit Mehrer des Reichs), хотя очевидно, что въ послѣднія два столѣтія они являлись скорѣе его уменьшителями, такъ какъ государство теряло область за областью. Мѣсто этихъ императоровъ занялъ у насъ теперь прусскій король. Могъ ли онъ, послѣ этого, дебютировать въ роли уменьшителя? могъ ли онъ, который только-что завоевалъ для себя столько нѣмецкихъ государствъ, сойти съ этого пути на обезславленную стезю габсбургскихъ императоровъ, допустивъ (какъ они это дѣлывали—и какъ еще часто) переходъ непринадлежащей ему германской области къ Франціи. Вы не видѣли вблизи подобно намъ, какъ у насъ теперь—при одномъ предположеніи, что можетъ случиться что нибудь подобное, — все собраніе демократическихъ и партикуляристскихъ червей выползало изъ своихъ едва замѣтныхъ для глаза щелочекъ и брызгало ядомъ и жёлчью на Пруссію, которая оказывалась, въ его глазахъ, такимъ плохимъ стражемъ Германіи.

Нѣтъ, въ этомъ случаѣ, у Пруссіи были всевозможныя причины для того, чтобъ сохранить свой гербъ чистымъ отъ всякаго пятна; вѣдь и теперь еще находятся такіе люди, которые при всякомъ случаѣ указываютъ на ея образъ дѣйствій въ отношеніи этого дѣла, какъ на пятно въ этомъ гербѣ.

Я думаю, ужь не по поводу ли этого дѣла (при чемъ Пруссія, по нѣмецкому воззрѣнію, оказалась, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ сговорчивою) упрекаете вы гогенцолернскій домъ въ высокомѣріи. Но изъ исторіи вовсе не видно, чтобы высокомѣріе принадлежало къ числу наслѣдственныхъ недостатковъ этого дома. Да не далѣе какъ въ прошломъ столѣтіи мы, нѣмцы, имѣли у себя въ Потсдамѣ отца нашего великаго Фридриха, этого короля съ косичкой и гвардіей, котораго австрійскій императорскій домъ всю жизнь водилъ на кольцѣ стараго почтенія и вѣчно-новыхъ интригъ—не смотря на всевозможныя ворчанія съ его стороны—словно медвѣдя на цѣпи. Конечно, въ лицѣ великаго Фридриха прусскій орелъ взвился вверхъ съ такою смѣлостію, которая удивила весь свѣтъ; но со смертью этого великаго короля, у орла ослабли крылья—и онъ опять упалъ на землю. Скоро пришли такія времена, что орелъ новой французской имперіи заперъ прусскаго въ клѣтку; этотъ послѣдній пустилъ въ дѣло когти и клювъ, для того чтобы вырваться оттуда,—это была великая минута,—но, милосердное небо! между нами есть еще такіе (и притомъ еще не самые старые), которые видѣли собственными глазами, какъ одноглавый прусскій орелъ, попавъ въ услуженіе къ обоимъ двуглавымъ орламъ, ловилъ мышей (демагоговъ и революціонеровъ) и съ какой покорностью онъ несъ эту службу въ теченіи такого срока, который превышаетъ обыкновенный срокъ человѣческой жизни. Едва прошло десять лѣтъ, какъ онъ уже вспомнилъ, что онъ въ сущности за птица и совершилъ въ это время два полета, которые еще болѣе чѣмъ прежніе заставили удивляться и даже опасаться свѣтъ. Нѣтъ, традиція гогенцолернскаго дома — умѣренность, а не высокомѣріе. Силезіи хотѣлось Фридриху отъ Австріи и ничего болѣе; точно такъ же будетъ и съ притязаніями Вильгельма, которыя покажутся

слишкомъ ограниченными, когда онъ приведетъ ихъ въ исполненіе.

Не только прусскій королевскій домъ, но и прусскій народъ, прусское государство послужили вамъ предметами для размышленія. Вы и ваши единомышленники— пишете вы—радовались въ 1866 году прусскимъ успѣхамъ, въ томъ однако же предположеніи, что коль скоро Пруссія возведется въ Германію, то прусскія узкость взгляда и рутинерство сейчасъ же замѣнятся германскимъ духомъ съ его широтой и полнотой пониманія. А такъ какъ вы уже теперь жалуетесь на разочарованіе, то выходитъ — вы полагали, что это превращеніе совершится въ теченіи какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ. Это, по моему мнѣнію, ужь слишкомъ короткій срокъ. Подобныя преобразованія не могутъ быть совершены такъ скоро, тѣмъ болѣе что тѣ страны, на долю которыхъ приходится при этомъ больше всего дѣла, не успѣли еще войдти въ ближайшій союзъ съ Пруссіею. Разумѣется, что и мы также желаемъ возведенія Пруссіи въ Германію, только чтобъ это произошло не такъ скоро. Мы, прочіе нѣмцы, нуждаемся еще пока въ нѣкоторыхъ особенностяхъ прусскаго характера, безъ посторонней примѣси; намъ многому еще нужно учиться у настоящей Пруссіи. Я южно-германецъ, какъ вамъ извѣстно; поэтому меня нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Пруссіи. Но я и о Южной Германіи буду говорить такъ же откровенно. Эта рѣзкость сѣверянъ въ сужденіяхъ, эта самонадѣянность, это убѣжденіе, что они далеко опередили насъ и въ мышленіи— потому только, что они находчивѣе насъ въ словахъ,— оскорбительны для насъ. Мы думаемъ, что нисколько не уступаемъ имъ въ отношеніи мыслительной силы, а въ отношеніи чувства и силы воображенія — даже превосходимъ ихъ. Въ *одномъ* южно-германецъ долженъ уступить сѣверо-германцу — въ особенности же пруссаку—въ политическомъ искусствѣ. Этимъ сѣверогерманецъ обязанъ отчасти природѣ своего отечества, которая, будучи скуднѣе одарена, скорѣе приглашаетъ его къ труду чѣмъ къ наслажденію,—отчасти же своей исторіи, дисциплинѣ, той школѣ, которую онъ долженъ былъ пройдти подъ управленіемъ своихъ суровыхъ но дѣльныхъ государей, и распространенію долга военной службы на всѣхъ вообще — этому палладіуму прусскаго, а въ настоящее время (какъ можно надѣяться) и всѣхъ вообще германскихъ государствъ, въ которомъ, до самаго послѣдняго времени, такъ нуждалась въ особенности южная Германія. Это учрежденіе дѣлаетъ государство и налагаемый имъ на всѣ слои народонаселенія долгъ, такъ-сказать, вездѣсущими. Каждый подростающій сынъ (ежегодно, когда наступитъ время военныхъ упражненій) самымъ непосредственнымъ, самымъ живымъ образомъ напоминаетъ семейству о государствѣ, а вмѣстѣ и о налагаемомъ имъ долгѣ, о славѣ и силѣ государства и о чести принадлежать къ нему. Вѣрьте мнѣ, что въ сравненіи съ обученными такимъ образомъ пруссаками мы, нѣмцы, ничто иное какъ добросердечные увальни (извините за простонародное выраженіе). Наша сердечная теплота и чистосердечіе идутъ рука-объ-руку съ вялостью и изнѣженностью. Мы любимъ жить въ свое удовольствіе, тогда какъ—подъ вліяніемъ категорическихъ умозрѣній своихъ великихъ философовъ—весь прусскій народъ проникся, такъ-сказать, самымъ сильнымъ чувствомъ долга. Какъ легко при этомъ обратить преимущество въ недостатокъ — это можно видѣть всего лучше на насъ, виртембергцахъ. Конституціонное устройство этого сравнительно-небольшаго государства, «доброе старое право», о которомъ пѣлъ еще Уландъ, было въ теченіи цѣлыхъ столѣтій оплотомъ, при помощи котораго оно сохраняло заведенные въ немъ порядки,—тогда какъ превосходная система обученія въ высшихъ и низшихъ школахъ поднимала умственный уровень и давала народу понятіе о той конституціи и администраціи, которою онъ пользовался. Но, съ другой стороны, это же самое повело къ самодовольству, пріучило довольствоваться самыми жалкими условіями, что служитъ величайшей помѣхой для расширенія политическаго кругозора. Истому завзятому виртембергцу его маленькая земелька стала казаться идеаломъ всего справедливаго, всего прочнаго; за границею онъ сейчасъ же терялъ всякое чувство пониманія, у него дѣлалось головокруженіе, въ особенности же обнаруживалось это въ отношеніи къ прусскимъ порядкамъ, которые до самаго послѣдняго времени представлялись его уму въ видѣ каррикатуры. Вотъ какимъ образомъ это германское племя, или пожалуй часть племени, въ высшей впрочемъ степени даровитое и дѣльное, дошло до того что въ послѣдніе года оно оказалось самымъ отсталымъ.

Впрочемъ уже война 1866 года значительно измѣнила образъ мыслей нашихъ южно-германцевъ; настоящая война, какъ можно надѣяться, окончательно исправитъ ихъ понятія. Отъ васъ конечно не скрылось, что если южно-германцы исполняли въ этой борьбѣ должность рукъ, то роль головы играла Пруссія. Безъ составленнаго Пруссіей плана войны, которымъ они руководились, безъ прусскаго войска съ его организаціей, къ которому они примкнули,—при всемъ своемъ желаніи, при всей силѣ и доблести, они (вы, конечно, видите это) ничего не могли бы сдѣлать противъ Франціи. И не въ отношеніи храбрости и мужества, а въ отношеніи дисциплины и точности (вы, конечно, замѣтили это во время настоящей войны) приходится имъ еще много сдѣлать, если они желаютъ догнать Пруссію. Дородное и полносочное, но вмѣстѣ съ тѣмъ рыхлое и неповоротливое тѣло—вотъ чѣмъ было бы государство бо́льшаго размѣра, составленное исключительно изъ южно-германскихъ элементовъ; точно такъ же какъ изъ однихъ сѣверо-германскихъ получилось бы, правда, твердое и подвижное, но слишкомъ уже сухое тѣло. Для нашего будущаго германскаго государства Пруссія даетъ крѣпкій остовъ и крѣпко-натянутые мускулы, которые Южная Германія наполнитъ и округлитъ мясомъ и кровью. И при такомъ-то положеніи есть еще люди, которые думаютъ, что одна часть можетъ, безъ ущерба, обойтись безъ другой,—которые еще сомнѣваются въ томъ, что обѣ эти части призваны составить одно полное государственное и народное тѣло только при помощи другъ друга и другъ съ другомъ. «Много горечи во внутреннемъ ядрѣ жизни», пѣлъ именно одинъ изъ нашихъ южно-германскихъ поэтовъ. Но въ молодомъ деревѣ, которому суждено сдѣлаться ядромъ великаго государства, горечь вовсе не недостатокъ.

Извините меня, милостивый государь, за это отступленіе, которое направлено мною скорѣе противъ моихъ собственныхъ земляковъ, чѣмъ противъ вашихъ; но оно вызвано вашимъ сожалѣніемъ о томъ, что вы не замѣчаете еще ничего такого, что особенно свидѣтельствовало бы о возведеніи Пруссіи въ Германію. Что касается до меня, я думаю что это возведеніе вовсе не къ спѣху, но что если это желательно для Герма-

ніи, то оно непремѣнно совершится въ свое время. И вы, какъ я вижу, не покидаете своей надежды; вѣдь и преобладаніе Пруссіи въ Германіи кажется вамъ не болѣе какъ чѣмъ-то преходящимъ, ибо, по вашему мнѣнію, это ничто иное какъ слѣдствіе страха передъ Франціею. Нѣмецкіе циплята прячутся такъ охотно подъ крылья прусскаго орла потому только, что они думаютъ найти тамъ защиту отъ гальскаго пѣтуха съ его неугомонными криками и вѣчнымъ разгребаніемъ земли. Пусть только онъ перестанетъ грозить—а насчетъ этого его, по вашему мнѣнію, можно уговорить—и они опять уйдутъ оттуда; вмѣстѣ съ опасностью,—пишете вы въ статьѣ, помѣщенной въ «Revue»,—исчезнетъ и единство, и Германія возвратится къ своимъ природнымъ инстинктамъ, къ розни и партикуларизму. «Изящнымъ обитателямъ Саксоніи и Швабіи (покорнѣйше благодарю васъ отъ имени швабовъ за этотъ непривычный для насъ эпитетъ) надоѣстъ, по вашему мнѣнію, прозябать въ прусскихъ полкахъ; въ особенности же южная Германія обратится опять къ своему веселому и свободному, свѣтлому и гармоническому образу жизни».

Послѣднее относится къ прусской щепетильности—и вотъ тутъ-то, безъ всякаго сомнѣнія, вы можете разсчитывать на полное согласіе съ моей стороны и со стороны моихъ единомышленниковъ касательно одного пункта. Того что̀ вы говорите (въ часто-упоминаемой мною статьѣ) объ олимпійской насмѣшкѣ надъ этими «благочестивыми воинами и богобоязненными генералами», которая вылилась бы изъ устъ Гёте, при видѣ нынѣшняго Берлина, очень мало. Министръ просвѣщенія Мюллеръ въ государствѣ, которое такъ охотно позволяетъ назвать себя государствомъ интеллигенціи, достоинъ всевозможнаго осмѣянія. Въ прошломъ столѣтіи Вёлнеры и Бишофсвердеры сдѣлались возможны лишь послѣ смерти великаго короля; а что въ настоящее время монархъ, вооружившійся съ такимъ блестящимъ успѣхомъ мечомъ Фридриха, терпитъ вокругъ себя ханжей Фридриха Вильгельма II,—это, конечно, престранное уклоненіе. Но пока это не обратилось въ клику, пока это не помогаетъ лицемѣрію, до тѣхъ поръ положеніе, что каждый воленъ спасаться на свой ладъ, должно оставаться во всей силѣ. Это, какъ мы надѣемся, пройдетъ—точно такъ же, какъ и многое другое, что вы порицаете въ прусскомъ государствѣ, какъ и господство юнкерства. Хотя мы и не забудемъ никогда, что нѣмецкое дворянство дало намъ Бисмарка и Мольтке (точно такъ же, какъ, за нѣсколько времени передъ этимъ, Штейна и Гнейзенау), что принцы и дворяне, исполнявшіе во время настоящей войны должность полководцевъ, такъ превосходно вели дѣла, какъ не могли бы вести ихъ даже люди средняго сословія,—тогда какъ со стороны французовъ маршальскій жезлъ, который кладется въ ранецъ каждаго рядоваго, не совершилъ на этотъ разъ никакихъ знаменитыхъ чудесъ. Это не мѣшаетъ однакоже намъ смотрѣть какъ на недостатокъ, какъ на остатокъ старыхъ предразсудковъ, на ту трудность (почти равнозначительную исключенію), съ какою допускаются въ прусскомъ государствѣ люди средняго сословія къ высшимъ правительственнымъ, а въ особенности къ военнымъ должностямъ,—и требовать полной свободы конкуренціи, безъ различія званія, для будущаго германскаго государства. И мы тѣмъ вѣрнѣе надѣемся достигнуть этого, чѣмъ менѣе, какъ вы повидимому думаете, система прусской военной организаціи видитъ въ офицерѣ дворянина. Ужь конечно не юнкера, а начальника, служебный уставъ, государственный законъ, чтитъ прусскій солдатъ въ лицѣ своего офицера; прусская военная система, ставящая подъ одни и тѣ же знамена знатнаго и незнатнаго, богатаго и бѣднаго, подчиняющая ихъ одинаковому уставу, требующая отъ нихъ одинаковыхъ жертвъ (жертвъ, которыя —замѣчу при этомъ—приносились во время этой войны точно такъ же и дворянствомъ, какъ среднимъ и крестьянскимъ сословіями, одушевленными благороднѣйшимъ соревнованіемъ),—одно изъ самыхъ демократическихъ и здравыхъ учрежденій.

Тѣмъ хуже было бы, еслибъ, какъ вы подаете надежду, южнымъ нѣмца́мъ (въ особенности этимъ нѣмцамъ) надоѣла организація прусскаго войска, къ которому они примкнули. Нѣтъ, позвольте мнѣ сказать вамъ это, я не думаю такъ худо о моихъ южно-германскихъ братьяхъ и не представляю себѣ въ такомъ мрачномъ свѣтѣ будущности Германіи. Вы думаете, что желаете намъ добра или что ваши предсказанія сулятъ его намъ,—и удивляетесь тому, что мы отвергаемъ это. Но мы видимъ въ нихъ ничто иное, какъ желаніе одного римлянина, конечно благороднаго и великодушнаго человѣка, но который ровно ничего не могъ подѣлать съ тѣмъ, что онъ былъ и остался римляниномъ! я имѣю въ виду тѣ слова Тацита, которыми онъ проситъ боговъ поддержать несогласіе между юношески-свѣжими германскими племенами—для блага старѣющагося Рима. Нѣтъ, когда наши побѣдоносныя войска переправятся черезъ Рейнъ на родную землю, когда они не приведутъ уже домой столь многихъ изъ отправившихся вмѣстѣ съ ними съ такой веселостью и живостью,—тогда невозможность того, чтобы воины стоявшіе другъ подлѣ друга въ столькихъ битвахъ, сражавшіеся и проливавшіе кровь за одно и тоже дѣло, противъ одного и того же непріятеля, стали опять другъ противъ друга съ враждебными намѣреніями, или даже чтобъ они когда нибудь могли оставить другъ друга,—явится намъ какъ лучшая и не слишкомъ дорого купленная награда за побѣду. Кровь сѣверныхъ и южныхъ сыновъ Германіи скрѣпитъ навсегда единство Германіи, потому что справедливое изрѣченіе: «кровь—жидкость совершенно особеннаго рода» *) справедливо и въ этомъ смыслѣ.

(Окончаніе будетъ).

Альпійская желѣзная дорога.

Кто бывалъ въ Швейцаріи, тотъ конечно знаетъ знаменитую гору Риги, славящуюся своимъ дивнымъ мѣстоположеніемъ и прекрасными видами. Гора эта, находясь чуть не въ самой срединѣ Швейцаріи, возвышается болѣе чѣмъ на 5500 футовъ надъ уровнемъ моря. Представляя со всѣхъ сторонъ почти что отвѣсные скаты, съ западной стороны она омывается извѣстнымъ Фирвальштетерскимъ озеромъ, по которому

*) Гёте (Фаустъ).

постоянно снуютъ взадъ и впередъ корабли и пароходы. На этихъ-то отвѣсныхъ скатахъ лѣтомъ пасутся болѣе трехъ тысячъ коровъ и безчисленныя стада козъ и овецъ. Множество дорогъ и тропинокъ ведутъ къ разбросаннымъ тамъ и сямъ хижинамъ. Съ вершины этой горы вечеромъ и утромъ, при закатѣ и восходѣ солнца, представляется величественное зрѣлище—можетъ-быть единственное въ своемъ родѣ.

Большая часть дорогъ и тропинокъ очень крута; хотя есть между ними и такія, крутизна которыхъ не такъ значительна, но онѣ всетаки довольно затруднительны для путешественника, потому что приходится шагать чрезъ уступы въ два и три фута вышины.

Не смотря на кажущуюся невозможность установить какое-либо правильное и удобное сообщеніе черезъ гору, съ недавняго времени началась постройка желѣзной дороги, предпринятая тремя инженерами Неффомъ (Näff), Риггенбахомъ (Riggenbach) и Шокке (Zchokke).

Предпріятіе это вполнѣ понятно, если взять во вниманіе ту массу путешественниковъ (болѣе 50,000), которые посѣщаютъ каждое лѣто гору Риги. Въ будущемъ этой дорогѣ принадлежитъ еще большее значеніе.

Одинъ изъ путешественниковъ, посѣтившій недавно Швейцарію и видѣвшій постройку самой дороги, приводитъ небезъинтересныя подробности о ней, которыя мы и позволимъ себѣ передать читателю:

«Въ одно прекрасное утро, отправился я изъ Вицнау, маленькой прелестной деревушки на правомъ берегу Фирвальштетерскаго озера, по направленію къ строющейся желѣзной дорогѣ.

Нѣсколько минутъ ходьбы въ гору—и я находился лицомъ къ лицу съ отдѣлываемымъ еще воксаломъ. Это маленькій, изящный домикъ во вкусѣ швейцарскихъ шале, но безъ всякой рѣзьбы и излишнихъ украшеній. Нѣсколько комнатъ для пассажировъ, а также и для служащихъ при дорогѣ — вотъ все помѣщеніе его. Вообще домъ этотъ, подобно другимъ, не представляетъ ничего особенно-замѣчательнаго. Шагахъ въ двадцати отъ него находится сарай для локомотивовъ, а между ними—вертящійся кругъ для перевода этихъ послѣднихъ на оканчивающуюся здѣсь линію рельсовъ.

Отсюда уже я направился въ дальнѣйшій путь, перепрыгивая со шпалы на шпалу какъ по лѣстницѣ. Въ началѣ дорога идетъ довольно ровно, такъ что я имѣлъ достаточно времени, чтобъ ознакомиться самымъ тщательнымъ образомъ со способомъ укладки и настилки рельсовъ.

Дубовыя шпалы, расположенныя другъ отъ друга на разстояніи около двухъ футовъ, соединены по обѣимъ сторонамъ, идущими по длинѣ дороги, балками, такъ что рельсы лежатъ какъ-бы на рѣшоткѣ. Эта система укладки рельсовъ, единственно-возможная при подобныхъ неровностяхъ пути, вполнѣ достигаетъ своей цѣли: устранить всякаго рода погибы и косость полотна дороги. Если-бы такіе погибы были возможны, то это должно было бы оказаться уже теперь, когда локомотивы перевозятъ такія тяжести (а именно строительные матеріалы), какія врядъ-ли придется транспортировать впослѣдствіи.

По срединѣ между двухъ рельсовъ лежитъ крѣпкая, массивная зубчатая полоса, по которой цѣпляясь движутся зубчатыя же колеса локомотива и вагоновъ. Сама полоса сдѣлана изъ кованаго желѣза, а отдѣльные зубцы ея (для большей прочности) изъ литой стали. Подобные рельсы очень отличаются отъ простыхъ рельсовъ нашихъ дорогъ, и являются единственными, какіе можно употреблять при постройкахъ горныхъ желѣзныхъ дорогъ (такъ-называемая американская система), а по крѣпости и практичности далеко превосходятъ обыкновенныя, хотя нѣсколько и дороже этихъ послѣднихъ.

Тотчасъ же за Вицнау дорога идетъ круто въ гору и потомъ довольно ровно идетъ до тунеля, прорытаго въ такъ-называемой Вицнауской горѣ. Здѣсь уже встрѣтились первыя затрудненія въ проложеніи путей. Часто дѣлаемые откосы оказываются негодными—и нужно употреблять большія предосторожности, потому что часто цѣлый такой откосъ вдругъ обваливается, образуя совершенно отвѣсный обрывъ или зіяющую пропасть. Раскалываніе цѣлыхъ утесовъ, что необходимо было здѣсь предпринять, повредило много прекрасныхъ каштановъ, и они—печально опустивъ свои вѣтви—какъ бы жалуются высокимъ утесамъ, подъ тѣнію которыхъ такъ долго и такъ роскошно цвѣли.

Чѣмъ далѣе и выше взбирался я, тѣмъ болѣе и болѣе интересовало меня самое расположеніе пути. Я еще никогда не видалъ такого коротенькаго пути, на которомъ было бы столько различныхъ родовъ постройки. Здѣсь нужно было устроить валъ, тамъ нужно было сдѣлать проходъ въ скалѣ, откосы, мосты—и ко всему этому какой дивный видъ, какая роскошная чарующая природа! И чѣмъ выше я поднимался—тѣмъ она дѣлалась величественное, богаче.

Маленькій участокъ дороги идетъ лѣсомъ—и когда его минуешь, глазамъ нашимъ открывается дивная панорама.

У ногъ нашихъ лежитъ веселый Вицнау, окруженный цѣлымъ рядомъ фруктовыхъ садовъ. За нимъ сряду-же Фирвальштетерское озеро, блестящая поверхность котораго отражаетъ яркіе лучи полуденнаго солнца. Маленькіе, какъ игрушки, пароходы снуютъ взадъ и впередъ, перенося грузы и пассажировъ изъ Герзау и Бруннена, изъ Штансштада и Гергисвиля. Мрачно вздымается изъ озера вершина Бюргенштока, а изъ за него тотчасъ-же выглядываютъ гордыя главы Бернскихъ альповъ: Юнгфрау, Эйгеръ, Веттергорнъ и др., далѣе лѣвѣе Ури-Ротштокъ, Титлисъ и всѣ эти свидѣтели старины съ ихъ снѣжными вершинами, которыя отливаютъ пурпуровымъ цвѣтомъ и блестятъ при первыхъ лучахъ солнца.

Въ заключеніе этого ряда виднѣется вершина Пилата — суровая, мрачная. Онъ лучшій и вѣрнѣйшій другъ всѣхъ перемѣнъ погоды. Онъ первый укутывается въ туманъ, и онъ же первый привѣтствуетъ восходящее солнце. Сколько прекрасныхъ легендъ соединяется съ воспоминаніемъ объ этой гордой, царственной вершинѣ. Уже одно названіе указываетъ на цѣлую историческую драму.

Смотришь на эту дивную панораму, смотришь и не налюбуешься. Я не знаю, долго-ли я стоялъ погруженный въ этомъ созерцаніи; только я очнулся, когда надо мною раздался свистъ локомотива.

Поѣздъ спускался сверху внизъ. При этомъ не представляется впрочемъ никакой опасности, потому что скорость хода поѣзда—не больше скорости бѣга лошади.

Поѣздъ подвигался все ближе и ближе. Вдругъ онъ остановился—и машинистъ, мой старый знакомый, подошелъ ко мнѣ.

Онъ узналъ меня — и такъ какъ въ вагонахъ не было ни одного пассажира, то онъ и остановился, приглашая меня прокатиться и разсмотрѣть устройство какъ локомотива, такъ и вагоновъ.

Довольно странное впечатлѣніе производитъ вертикально-стоящій котелъ локомотива. Дѣлается онъ такимъ для того, чтобы вода, въ какомъ бы положеніи ни находился паровозъ, была вездѣ на одномъ уровнѣ, чего при горизонтально-лежащемъ котлѣ достичь нельзя. Для того, чтобы еще лучше достичь этого, котелъ устроенъ такъ, что, когда дорога идетъ въ гору, онъ стоитъ вертикально; а слѣдовательно на ровномъ пути—нѣсколько косо и взадъ.

Мѣсто маховаго колеса занимаютъ особенно-устроенныя зубчатыя колеса, которыя при движеніи цѣпляются за вышеупомянутыя зубчатыя полосы рельсовъ. Страхъ что при переломѣ одного изъ зубцовъ можетъ случится несчастіе лишенъ всякаго основанія, потому что колесо цѣпляется одновременно не однимъ зубцомъ а цѣлыми тремя,—такъ что и при возможности подобнаго поврежденія дѣло ограничится въ данномъ случаѣ однимъ толчкомъ. Къ этому нужно прибавить, что при каждомъ локомотивѣ устроенъ еще тормазъ, помощію котораго поѣздъ можетъ быть остановленъ каждую минуту. Однако не лишни никакія предосторожности, которыя, не повредивъ дѣлу, вмѣстѣ съ тѣмъ устранятъ всякаго рода предубѣжденія а съ нимъ и страхъ.

Впрочемъ упомянутые тормазы, системы Гебеля, существуютъ не только у локомотивовъ но и при каждомъ изъ вагоновъ—и такъ какъ эти послѣдніе не связаны между собою, то каждый изъ нихъ и можетъ быть удержанъ, что чрезвычайно важно, въ особенности при спускѣ съ горныхъ вершинъ. При восхожденіи же поѣзда, локомотивъ находится всегда сзади вагоновъ, такъ что въ этомъ случаѣ онъ ихъ не тянетъ а подаетъ впередъ, — распоряженіе указывающее на большую осмотрительность.

Мой пріятель пояснялъ при этомъ, что во все время его службы (а онъ служитъ съ самаго начала постройки дороги) не было ни одного случая обвала, ни одинъ камешекъ не попадалъ на линію рельсовъ. Не говоря уже о томъ что за дорогой смотрятъ чрезвычайно внимательно, самое устройство локомотива и вагоновъ даетъ возможность управляющимъ ими остановить поѣздъ, пока не устранится препятствіе или не минуетъ опасность.

Вагоны, съ ихъ клинообразной подкладкой надъ колесами, тоже непохожи на вагоны другихъ желѣзныхъ дорогъ. Это омнибусы въ 81 мѣсто каждый, изъ которыхъ 45 мѣстъ въ первомъ этажѣ и 36 во второмъ. Послѣднія не имѣютъ сверху покрышки—и потому даютъ возможность глядѣть на всѣ стороны, что въ хорошую погоду доставитъ путешественникамъ величайшее наслажденіе.

Несмотря на приглашеніе моего пріятеля прокатиться, я отказался, потому что хотѣлъ повнимательнѣе осмотрѣть остальные участки дороги.

«Мы еще встрѣтимся!» крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ, и поѣздъ покатился внизъ.

Шаговъ пятьдесятъ далѣе дорога дѣлаетъ крутой поворотъ. Влѣво лежатъ темные, покрытые лѣсомъ обрывы; справа—нагроможденные другъ на другѣ утесы, чрезъ которые проходитъ туннель, длиною болѣе двадцати саженъ. По выходѣ изъ туннеля, утесъ падаетъ совершенно отвѣсно, почти что вертикально, на глубину двѣнадцати—пятнадцати саженъ. Кверху подымаются за облака сѣрыя стѣны мрачнаго Грубисфлу. Въ глубинѣ, на днѣ пропасти бѣжитъ журча веселый ручеекъ, и надъ нимъ высоко перекинутъ мостъ, по красотѣ врядъ ли имѣющей себѣ пару.

На двухъ рѣшетчатыхъ устояхъ виситъ двадцатипяти-саженный мостъ—и не смотря на свою легкость и изящество онъ до такой степени крѣпокъ и устойчивъ, что выносилъ всѣ пробуемыя тяжести. Со стороны смотрѣть—дѣйствительно довольно страшно, въ особенности когда идетъ поѣздъ; такъ вотъ и ждешь, что онъ не выдержитъ тяжести и провалится. Можно предположить по всей вѣроятности, что и зимніе холода не будутъ имѣть никакого вліянія на его прочность.

Видъ съ моста поразительно хорошъ: на заднемъ планѣ—вершины горъ; подъ ногами—шумящій потокъ, мрачныя сосны; далѣе—тучные поля и луга, тѣнистыя рощи, блестящая поверхность озера и величественный Пилатъ.

Я поднимался все выше и выше. По ту сторону моста дорога начинаетъ опять спускаться внизъ, вслѣдствіи чего и самое проложеніе ея значительно облегчается, хотя и здѣсь приходится перекидывать черезъ пропасти маленькіе мостики и продѣлывать незначительные туннели. Здѣсь уже начинаются Альпы—и самая почва, а также и горная порода дѣлаются значительно мягче.

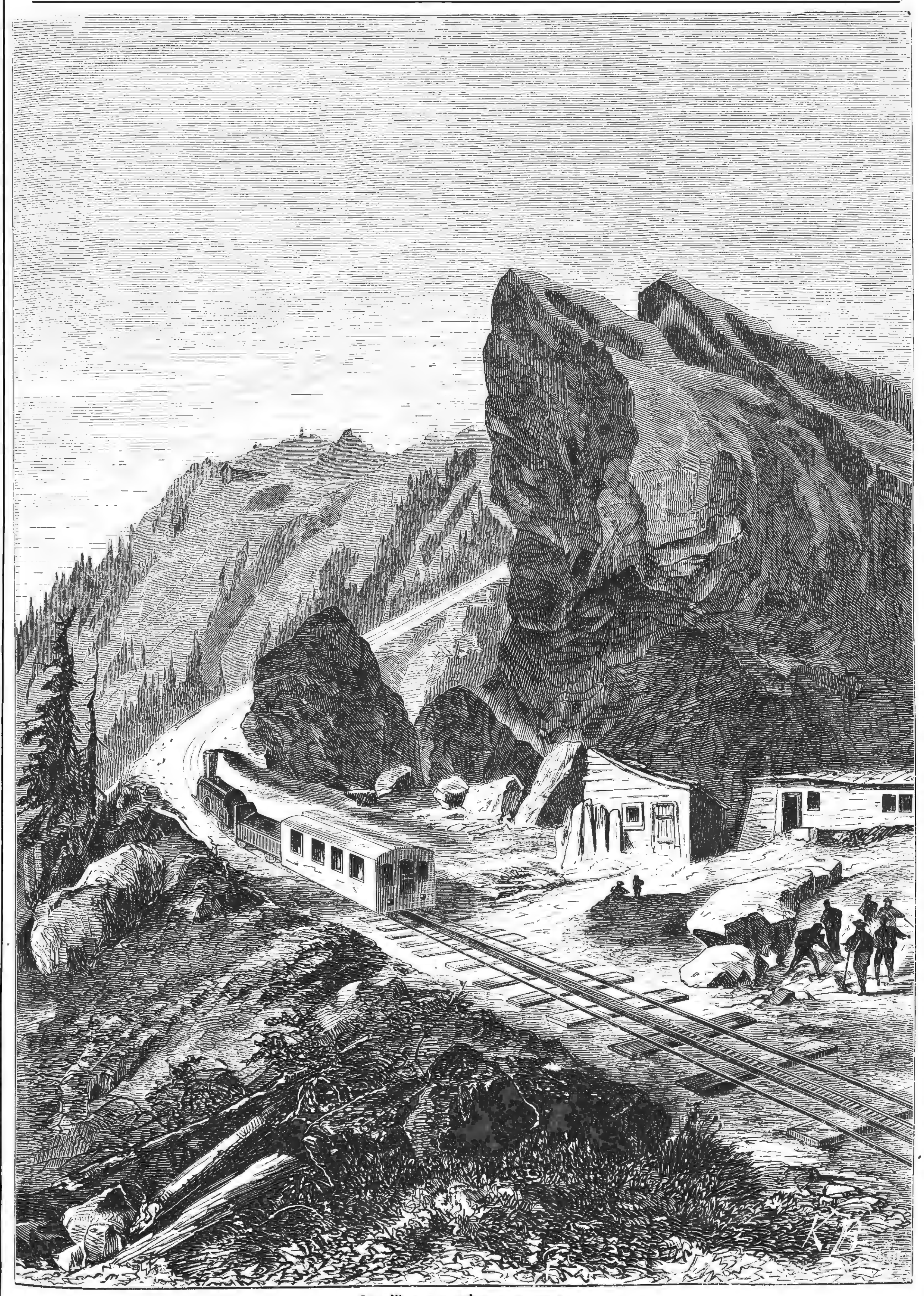
Дорога кончается нѣсколько далѣе Кальтбада около такъ-называемаго Стаффеля—мѣста встрѣчи всѣхъ дорогъ, ведущихъ на конечную вершину горы, лежащую сто футовъ выше. Здѣсь выстроена станція — и путешественникъ, достигнувъ ея, видитъ первый знаменитый пунктъ Риги.

Я спросилъ себѣ чего либо напиться, оглядѣлъ сотни незнакомыхъ лицъ, которыя любовались прекраснымъ видомъ, и отправился въ обратный путь. Скоро я опять былъ на мосту. Локомотивъ же, успѣвшій опять взобраться, пыхтѣлъ и дымилъ около туннеля. Теперь мнѣ захотѣлось прокатиться, въ особенности сдѣлать на первый разъ страшный спускъ внизъ. Я усѣлся въ вагонѣ, локомотивъ двинулся—и я поѣхалъ такъ же спокойно, какъ въ лучшей рессорной каретѣ по хорошему шоссе. Когда я вышелъ, то не сталъ осматривать: въ цѣлости ли мои члены,—что крайне необходимо на нѣкоторыхъ изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Конечно, скорость ѣзды очень незначительная, и хорошій пѣшеходъ можетъ всегда поспѣвать за поѣздомъ, конечно подъ гору. Это видно уже изъ того, что приходится ѣхать около часу, чтобы сдѣлать верстъ пять.

Въ продолженіи лѣтняго времени, поѣздовъ каждодневно будетъ отправляться три. При большомъ стеченіи публики, могутъ назначаться и экстренные. Сборъ будетъ вѣроятно большой, да это и необходимо, потому что на устройство дороги затрачено болѣе 350,000 руб. сер.

Что касается того мнѣнія, что устройство дороги отняло много поэтическаго у Риги, то это совершенно не вѣрно; все что было у Риги лучшаго, характеристичнаго — осталось неизмѣннымъ.

Десять лѣтъ тому назадъ въ идиллической деревенькѣ Вицнау не было вовсе никакой дороги; потомъ, при величайшемъ противодѣйствіи жителей, проложили колесный путь изъ Веггиса въ Вицнау. Затѣмъ уже заговорили о желѣзной дороги черезъ Риги—и въ настоящее время предпріятіе осуществилось съ блистательнымъ успѣхомъ.

Альпiйская желѣзная дорога.

По оригинальному рисунку на деревѣ рѣзалъ К. Вейерманъ.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ паденія Страсбурга, до 9-го октября на театрѣ военныхъ дѣйствій не было никакого выдающагося событія. Прусско-нѣмецкія арміи тѣсно обложили Парижъ, прервали всѣ сношенія его съ остальнымъ міромъ, но держатся внѣ выстрѣловъ съ парижскихъ фортовъ—и ограничиваются стычками, въ которыхъ перевѣсъ остается большею частію на сторонѣ нѣмцевъ, хотя французская подвижная гвардія дерется храбро, чего нельзя сказать объ остаткахъ регулярной арміи, собравшихся въ Парижъ послѣ седанскаго погрома; одинъ полкъ зуавовъ еще 20-го сентября, передъ обложеніемъ Парижа, безъ выстрѣла бѣжалъ съ поля сраженія, за что (какъ мы уже сообщали читателямъ) былъ преданъ военному суду. Послѣ того происходило еще нѣсколько стычекъ въ различныхъ мѣстностяхъ подъ Парижемъ, но осаждающіе не предпринимали ничего серіознаго. Самая значительная изъ этихъ стычекъ происходила 30-го сентября при Тіе и Шуази, гдѣ (по прусскимъ извѣстіямъ) французы потеряли 1,200 человѣкъ убитыми и ранеными. Главная квартира прусскаго короля, находившаяся въ Феррьерѣ, перенесена въ Версаль, гдѣ дѣлаются различныя распоряженія, свидѣтельствующія, что нѣмецкія арміи готовятся на продолжительную стоянку подъ Парижемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльные отряды ихъ производятъ рекогносцировки въ различныхъ направленіяхъ: по послѣднимъ извѣстіямъ, они заняли съ одной стороны Орлеанъ, что сильно встревожило отдѣленіе временнаго правительства, пребывающее въ Турѣ; съ другой стороны, нѣмецкіе отряды двигаются къ Руану, и 7-го октября заняли города Насси и Вернонъ, въ департаментѣ Эры, въ 45 километрахъ отъ Руана. Судя по этому, нѣмецкія арміи отнюдь не имѣютъ въ виду ограничиться обложеніемъ Парижа, можетъ-быть даже и не намѣрены производить противъ него приступовъ, но будутъ занимать одинъ за другимъ важнѣйшіе города Франціи—и все болѣе и болѣе разобщать столицу съ департаментами. Силы нѣмецкихъ армій не ослабѣваютъ, но увеличиваются, а съ паденіемъ Страсбурга освободился значительный корпусъ генерала Вердера и цѣлый осадный паркъ, который, слышно, будетъ употребленъ противъ другихъ крѣпостей. Офиціозная берлинская *Provinzial Correspondenz* говоритъ, что войска—освободившіяся послѣ взятія Страсбурга—займутъ верхній Эльзасъ съ Мюльгаузеномъ, а также окружатъ Шлештатъ, Бельфоръ и Новый Брейзахъ. Бомбардировка послѣдняго уже началась. Слухи носятся, что часть нѣмецкой арміи направится къ Ліону. Подъ Мецомъ стоитъ тоже армія принца Фридриха-Карла, и отъ времени до времени тамъ происходятъ сраженія; 27-го сентября маршалъ Базенъ дѣлалъ вылазку съ цѣлью добыть себѣ продовольствіе, и хотя понесъ значительныя потери, но успѣлъ захватить около Пелтри стадо быковъ и барановъ. Гораздо важнѣе было сраженіе 7-го октября: французы атаковали дивизію Куммера, бились цѣлый день, и къ ночи были отражены съ большими потерями. Въ то же время осажденные выставили и на правомъ берегу Мозеля нѣсколько дивизій, и выдержали сраженіе съ 1-мъ и 2-мъ прусскими корпусами, гдѣ также была сильная канонада. Дивизія Куммера (ландверъ) потеряла до 500 человѣкъ.

Что касается до Парижа, то свѣдѣнія оттуда передаются черезъ посредство смѣлыхъ воздухоплавателей и голубиной почты. Послѣднія извѣстія, полученныя бельгійскими газетами съ аэростатами (въ *Indépendence belge* и въ *Nord* находимъ письма ихъ обычныхъ корреспондентовъ), доходятъ до 29-го сентября и свидѣтельствуютъ, что населеніе Парижа одушевлено необыкновеннымъ патріотизмомъ, и твердо рѣшилось сопротивляться до послѣдней крайности, и что патріотизмъ этотъ еще усилился послѣ неудавшихся переговоровъ между графомъ Бисмаркомъ и г. Жюлемъ-Фавромъ. Корреспонденты этихъ газетъ, а равно извѣстія французскихъ газетъ: *Français*, *France*, *Constitutionnel* и *Moniteur Universel*, выходящихъ нынѣ въ Турѣ,—сообщаютъ, что число защитниковъ Парижа простирается свыше 600,000; изъ нихъ 100,000 регулярнаго войска и 150,000 подвижной гвардіи, которыя производятъ вылазки и тревожатъ непріятеля; остальныя 350 — 400 тысячъ составляетъ національная гвардія, которая можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать въ укрѣпленіяхъ. Кромѣ фортовъ окружающихъ Парижъ и слѣдующей за тѣмъ укрѣпленной ограды, устроены двѣ линіи баррикадъ—внѣшняя и внутренняя, которыя обѣ вооружены и могутъ долго задерживать непріятеля, если онъ успѣетъ овладѣть какими нибудь фортами или даже пробить ограду. Продовольствіемъ Парижъ снабженъ такъ обильно, что, по увѣренію тѣхъ же корреспондентовъ, даже цѣны на всѣ жизненныя потребности нисколько не повысились.

Извѣстія изъ Тура сообщаютъ, что во всѣхъ городахъ, еще не занятыхъ непріятелемъ, гвардіи національная и подвижная вооружаются, и особенная энергія замѣтна въ западныхъ департаментахъ; но о числѣ и направленіи этихъ ополченій до сихъ поръ не сообщается свѣдѣній. Отдѣленіе правительства въ Турѣ обнародовало 2-го октября прокламацію, которою выборы въ учредительное собраніе, сначала назначенные на 16-е октября, потомъ на 2-е (въ видахъ на перемиріе, которое не удалось, такъ какъ переговоры г. Жюля Фавра съ графомъ Бисмаркомъ не привели къ желанному результату), назначаются опять на 16-е октября. Прокламація оканчивается воззваніемъ къ патріотизму жителей и выраженіемъ увѣренности, что во время выборовъ будетъ соблюдаемъ строгій порядокъ. Собраніе это должно засѣдать не въ Турѣ уже, какъ предполагалось прежде, а въ Тулузѣ, куда (какъ заявилъ 8-го октября дипломатическому корпусу г. Кремьё) будетъ перенесена и резиденція правительства; причина такого перенесенія резиденціи есть, вѣроятно, опасность грозящая Туру со стороны непріятеля. Къ г. Кремьё присоединяется и министръ внутреннихъ дѣлъ г. Гамбетта, который на воздушномъ шарѣ поднялся изъ Парижа, прибылъ въ Амьенъ и оттуда отправился въ Туръ. Адмиралъ Фуришонъ, правившій должность военнаго министра въ правительственномъ отдѣленіи, уволенъ, и, по увѣренію *Constitutionnel*, замѣненъ комитетомъ обороны, состоящимъ изъ шести членовъ. Перемѣщеніе правительственнаго отдѣленія въ Тулузу какъ-то плохо вяжется съ телеграммой изъ Тура отъ 7-го октября, будто бы г. Гле-Бизуанъ, одинъ изъ членовъ правительства, объявилъ, что въ скоромъ времени двѣ арміи въ 300,000 человѣкъ пойдутъ на освобожденіе Парижа...

Что касается до миссіи г. Тьера, то онъ оставилъ Петербургъ, и 8-го октября прибылъ въ Вѣну, гдѣ

имѣлъ продолжительно совѣщаніе съ графомъ Бейстомъ и оттуда отправляется во Флоренцію.

Подробныя извѣстія, сообщаемыя въ газетахъ, подтверждаютъ, что все населеніе Папской области встрѣтило съ неописаннымъ восторгомъ италіянскія войска, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней по занятіи Рима на улицахъ только и слышны были радостные крики и привѣтствія, а по вечерамъ зажигалась иллюминація, при чемъ соблюдался величайшій порядокъ; нѣкоторое волненіе произошло только въ Леонинскомъ Городѣ, гдѣ пребываетъ папа съ своимъ дворомъ, но и тамъ все утихло, когда появился отрядъ италіянскихъ войскъ присланный генераломъ Кадорной по просьбѣ самого папы. Во главѣ правленія поставлена была временная юнта, предложившая плебисцитъ, на основаніи котораго жители должны были выразить свое согласіе на присоединеніе Рима къ Италіи подъ властью короля Виктора Эммануила; результатъ подачи голосовъ, окончившейся 7-го октября, былъ слѣдующій: изъ 135,391 избирателей, 133,681 отвѣчали утвердительно и только 1,507 отрицательно. Депутація отъ Рима и провинцій должна была отправиться во Флоренцію возвѣстить объ этомъ результатѣ королю Виктору Эммануилу и просить его о перенесеніи столицы въ Римъ. Когда совершится это событіе, такъ давно желанное для всѣхъ италіянцевъ,—до сихъ поръ неизвѣстно; но всей вѣроятности сначала будетъ созванъ общій италіянскій парламентъ, который постановитъ перенесеніе столицы въ Римъ, и тогда уже дворъ короля Виктора Эммануила перемѣстится въ вѣчный городъ. Приготовленія къ этому уже начались. Между папой и флорентійскимъ дворомъ идутъ дѣятельные переговоры объ устройствѣ такъ-называемаго modus vivendi; но, какъ слышно, до сихъ поръ еще обѣ стороны не пришли къ надлежащему соглашенію. Началомъ этого соглашенія, впрочемъ, можно считать принятіе папой (какъ гласятъ извѣстія изъ Флоренціи отъ 5-го октября) доставленныхъ ему италіянскимъ министромъ финансовъ г. Селлой 50,000 скуди (250,000 франковъ), въ видѣ мѣсячной доли назначеннаго ему содержанія. А между тѣмъ, 5-го же октября обнародована нота кардинала Антонелли къ членамъ дипломатическаго корпуса, въ которой онъ отъ имени папы протестуетъ противъ послѣднихъ событій.

Въ Австріи—положеніе богемскаго сейма служитъ предметомъ всѣхъ газетныхъ толковъ. Не смотря на императорско-королевскій рескриптъ къ этому сейму, въ которомъ обѣщаны были разныя льготы чехамъ и содержалось обѣщаніе императора короноваться богемскою короной, сеймъ не согласился выбрать представителей въ рейхсратъ, а выразилъ желаніе отправить только депутатовъ въ делегаціи, какъ то̀ дѣлается въ Венгріи. Вслѣдствіе этого засѣданія пражскаго сейма были отсрочены 5-го октября, а 6-го появился въ офиціальной газетѣ императорскій указъ, которымъ, на основаніи конституціи, предписано произвести немедленно въ Богеміи прямые выборы депутатовъ въ рейхсратъ.

Въ Германіи — продолжающіяся военныя дѣйствія не препятствуютъ переговорамъ объ окончательномъ объединеніи всѣхъ нѣмецкихъ государствъ. Переговоры по этому предмету ведетъ г. фонъ-Дельбрюкъ, товарищъ г. фонъ-Бисмарка по званію союзнаго канцлера. Онъ былъ въ главной квартирѣ прусскаго короля, потомъ въ Мюнхенѣ, гдѣ происходили совѣщанія по этому предмету. О результатахъ этихъ совѣщаній южно-нѣмецкія газеты сообщали, что они идутъ удовлетворительно, и что южно-нѣмецкія государства готовы вступить въ союзъ, который бы получилъ названіе Германскаго и главой коего была бы Пруссія, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ положеніи занимаемомъ членами нынѣшняго Сѣверо-Германскаго Союза. Аугсбургская *Allgemeine Zeitung* напечатала даже цѣлый проектъ вступленія Баваріи въ новый Германскій Союзъ; но до сихъ поръ эти свѣдѣнія были не офиціальныя, а потому важное значеніе имѣетъ слѣдующее заявленіе виртембергскаго *Staatsanzeiger*, отъ 7-го октября, въ которомъ сказано: «Виртембергское правительство считаетъ преобразованіе Германіи необходимымъ и полагаетъ, что теперь время для него наступило. Король готовъ принести всѣ жертвы, какія нужны для объединенія Германіи, которое должно превратить прежнія международныя отношенія нѣмецкихъ государствъ въ общія государственныя; новая конституція должна довершить объединеніе, причемъ должна быть установлена одна центральная власть, съ германскимъ парламентомъ, съ общимъ законодательствомъ и съ общею арміей». Далѣе офиціальная газета говоритъ, что нынѣшнее устройство Сѣверо-Германскаго Союза недостаточно, и что при новомъ союзѣ необходимо дать болѣе свободное движеніе отдѣльнымъ государствамъ, особенно въ финансовомъ отношеніи,—и въ заключеніе выражаетъ надежду, что переговоры, происходившіе по этому вопросу въ Мюнхенѣ, положатъ начало желанному объединенію Германіи въ формѣ федеративнаго государства.

Смѣсь.

Новый способъ освѣщенія. Въ Парижѣ введено въ большихъ размѣрахъ новое освѣщеніе водо-кислородомъ. Приводимъ статейку одной нѣмецкой промышленной газеты, сообщающую интересныя подробности о первыхъ опытахъ такого освѣщенія въ парижской ратушѣ и о самомъ изобрѣтеніи, которымъ мы обязаны г. Тессьѐ-де-Мотэ. «По фотометрическимъ измѣреніямъ», говоритъ эта газета: «сила такого фонаря около *шестидесяти* разъ больше силы обыкновеннаго газоваго фонаря—а это одно уже много обѣщаетъ. Техническое устройство слѣдующее: въ томъ же газовомъ фонарѣ присовокупляется къ обыкновенной газовой трубѣ другая, для проведенія кислорода. Въ горѣніи оба газа смѣшиваются—и пламенемъ ихъ окружается небольшой стебелекъ изъ магнезіи, которая прочнѣе извести и не такъ легко крошится. Свѣтъ, исходя отъ твердаго тѣла, чрезвычайно спокоенъ, не колеблется и не боится ни вѣтра ни даже бури. Если такая выгодная система не общепринята давно уже, то этому причиной была непомѣрная дороговизна кислорода. Тому же французскому ученому, Тессьѐ-де-Мотэ, удалось открыть практическій дешевый способъ добывать кислородъ въ неограниченномъ количествѣ изъ воздуха—и въ этомъ то главная новизна и заслуга его изобрѣтенія. Дешевое добываніе кислорода большими массами имѣетъ еще болѣе обширное значеніе: оно столько же важно для топленія сколько и для освѣщенія. Пламя водо-кислорода даетъ наивысочайшіе градусы тепла — оно расплавляетъ самые стойкіе металлы, какъ напр. платину и сталь, такъ же легко какъ простой угольный жаръ расплавляетъ свинецъ. Открытіе заключается въ слѣдующемъ. Если накалить *марганцовокислый* натръ, въ желѣзной ретортѣ, до

450° *С.*, потомъ ввести струю сильно-нагрѣтаго водяного пара, соль разлагается и выдѣляетъ изъ себя часть своего кислорода; если же затѣмъ ввести на мѣсто пара токъ горячаго воздуха, соль беретъ себѣ изъ воздуха потерянное количество кислорода и принимаетъ свою прежнюю форму. Это чередованіе можетъ продолжаться безъ конца. Изъ этого описанія само собою понятно становится—какое должно быть устройство аппарата, дѣйствующаго въ настоящее время въ одномъ изъ подваловъ ратуши. Аппаратъ этотъ имѣетъ много сходства съ газовымъ заводомъ: печь, съ нѣсколькими докрасна-накаленными ретортами; маленькая паровая машина, которая, смотря по надобности, пускаетъ въ печь паръ или воздухъ; конденсаторъ, въ которомъ раздѣляются кислородъ и водородъ сгущенный до состоянія воды; газометръ и пр. Добываніе кислорода этимъ аппаратомъ обходится, говорятъ, въ 75 сантимовъ (около 20 к. с.) за кубическій метръ (около $1\frac{1}{2}$ аршина) — результатъ блестящій: вѣдь это значитъ, что за половину того, что теперь стоитъ газовое освѣщеніе, будетъ получаться втрое больше свѣта.

Продажность старинныхъ нѣмецкихъ князей. Аугсбургское «Историческое Общество» въ недавно вышедшемъ 21-мъ своемъ годовомъ отчетѣ опубликовало драгоцѣнный документъ. Въ немъ исчисляются громадные расходы, которыхъ стоило избраніе императора Карла V, а въ «Augsburger Zeitung» помѣщено слѣдующее сокращенное изложеніе его. Императоръ Максимиліанъ, прозванный «послѣднимъ рыцаремъ», собирался, какъ извѣстно, отречься отъ престола въ пользу своего внука Карла, и мирно окончить жизнь въ Неаполѣ, когда смерть настигла его 12 января 1519 г. Для осуществленія этого проэкта онъ уже въ 1518 г. собралъ заимообразно 93,585 золотыхъ гульденовъ. По смерти его, французскому королю Франциску I вздумалось искать германской короны—и онъ рѣшился рискнуть для этой цѣли тремя милліонами золотыхъ кронъ (160 милліоновъ нынѣшнихъ франковъ!) Первымъ дѣломъ онъ отправилъ въ Германію, обильно снабдивъ его золотомъ, своего агента Бонниво, который дѣйствительно подольстился къ герцогу Ульриху Виртембергскому, благородному Францу фонъ Зиккингенъ, и Іоахиму Бранденбургскому. Ульрихъ даже набралъ 16,000 швейцарцевъ на французскія деньги противъ Швабскаго союза. Съ другой стороны нѣмецко-австрійская партія работала въ Аугсбургѣ, причемъ богачи Фуггеръ, Вельсеръ и К° устояли противъ наизаманчивѣйшихъ предложеній Франціи, ликвидировали свои сокровища и великодушно предложили ихъ своей партіи. Они собрали капиталъ, который еще въ 1523 г. не былъ выплаченъ императорскимъ дворомъ, какъ видно изъ энергическаго напоминанія, написаннаго Якобомъ Фуггеромъ въ этомъ году. Этотъ патріотическій заемъ составлялъ 852,180 гульденовъ 26½ крейцеровъ. Такъ какъ золотой гульденъ былъ по меньшей мѣрѣ въ пять разъ цѣннѣе нынѣшняго (т. е. стоилъ не менѣе 3 р. сер. или червонца,) а деньги вообще въ то время имѣли гораздо большую цѣну чѣмъ нынѣ, то это равняется приблизительно 12 милліонамъ гульденовъ на нынѣшнія деньги. Грустно читать, какъ надо было «честить,» подкупать, смазывать всѣхъ этихъ курфюрстовъ, рыцарей, графовъ, съ ихъ канцлерами, секретарями, пажами, камердинерами, посыльщиками и почтальонами, для того только, чтобы они не измѣнили народному дѣлу и не держали сторону франко-итальянской интриги. На первомъ мѣстѣ является кардиналъ архіепископъ Майнцскій, который получилъ сперва 79,000 гульденовъ, потомъ 4,000, потомъ еще 20,000, — итого 103,000, не считая 10,200 гульденовъ, розданныхъ его совѣту и прислугѣ. Голосъ архіепископа Кельнскаго обошелся въ 40,000 гульденовъ, а его «совѣтъ и прислуга» скушали 12,800 гульд. Архіепископъ Трирскій взялъ дешевле — всего 22,000 гульд., за то прислуга его получила 18,700 гульд. Людямъ чешскаго короля досталось 41,031 гульд. Курфюрстъ Фридрихъ Саксонскій оказался неподкупнымъ, не внималъ обѣщаніямъ Франціи и объявилъ, что «не желаетъ для себя ни подарка ни *уваженія*»; однако за него заплатили половину его долговъ, что онъ принялъ, да еще 32,000 гульд. въ придачу. Такъ какъ Іоахимъ Брандербургскій до послѣдней минуты стоялъ за Францію и даже надѣялся съ ея помощью добиться «золотаго обруча» (королевской короны), то его отпустили съ пустыми руками, однако все таки «въ канцелярію на печати» дали 100 гульд. Пфальцграфу и маркграфу Казиміру Бранденбургскимъ досталось по 37,108 гульд. Затѣмъ начинается безконечный списокъ «графовъ, бароновъ, рыцарей и посланниковъ императорскихъ князей,» на которыхъ по мелочамъ набралось все таки до 31,029 гульд. Наконецъ не забытъ и офиціальный поэтъ, про котораго значится: «Доктору Рейхарту Бартольмо, за книжку, которую онъ сдѣлалъ и сочинилъ въ честь и возвеличеніе его королевскаго величества, дано 100 гульд.». «Жалость беретъ подумать,» съ ѣдкимъ сарказмомъ восклицаетъ одинъ безъимянный современный лѣтописецъ, «что курфирсты даютъ такую прекрасную присягу, когда избираютъ римскаго цесаря, якобы не возьмутъ ни денегъ ни подарковъ; но это все забывается».

Новогреческая цивилизація. Въ «Augsburger Allgemeine Zeitung» находимъ разсказъ одного только-что-воротившагося изъ Аѳинъ путешественника, бывшаго тамъ во время знаменитой исторіи съ разбойниками, характеризующій новогреческую культуру. Была Святая, а въ это время народъ забавляется стрѣльбою по всѣмъ улицамъ, только не хлопушками, а изъ ружей, и не холостыми зарядами, а настоящими, чтобъ громче было. Случилось, что въ эти дни повѣствователь съ большимъ обществомъ осматривалъ Акрополь; вдругъ, возлѣ Пароенона, ихъ поразилъ какой-то странный свистъ, раздававшійся по близости; такъ какъ въ тоже время безпрестанно осыпались кусочки отъ колоннъ, то догадались, что это—пули, которыми потомки Фидія и Перикла стрѣляли въ безсмертное твореніе Иктина, для забавы! Имѣли ли они при этомъ намѣреніе приласкать и иностранцевъ—конечно невозможно было удостовѣриться. Не особенно благодарные за эту любезность, гости удалились изъ Пароенона въ Эрехтейонъ; но оттуда ихъ вскорѣ прогнала та же невинная забава коническими пулями, которыя ежеминутно отрывали куски этого чуда эллинскаго зодчества, вотъ уже 2,000 лѣтъ возбуждающаго удивленіе всего цивилизованнаго міра. Принадлежатъ ли къ нему новѣйшіе греки — пускай рѣшитъ мѣра ихъ уваженія къ родному искусству, которая сказывается въ этой совершенно безнаказанной игрѣ.

Мормонскія дѣвицы. Молодыя дѣвушки у мормоновъ по большой части имѣютъ отвращеніе къ многоженству (говорится въ одной американской газетѣ), и положительно предпочитаютъ общество язычниковъ и грѣшниковъ обществу святыхъ позднѣйшаго времени. Съ самимъ Бриггэмомъ Юнгомъ недавно случился такой скандалъ, что одна изъ его дочерей влюбилась въ молодаго язычника. Должно было слѣдовать похищеніе, но за влюбленными слѣдили и помѣшали имъ въ самую минуту исполненія ихъ плана. Въ былое время молодаго человѣка весьма вѣроятно умертвили бы, но теперь уже не смѣютъ такъ круто распоряжаться. Все-же онъ счелъ за благоразумнѣйшее удалиться въ Санъ-Франциско. Мормонскія дѣвицы доведены до такого отчаянія унизительнымъ положеніемъ, въ которомъ полъ ихъ находится у святыхъ, и безотрадной будущностью, ожидающей ихъ, что онѣ основали тайное общество взаимнаго вспоможенія, откладываютъ деньги, чтобы помогать другъ другу бѣжать и т. д. Каково! тайное общество изъ молодыхъ дѣвушекъ! А между тѣмъ, это естественное послѣдствіе нравственныхъ и общественныхъ порядковъ этого народа. Женская добродѣтель и женское достоинство неизбѣжно гибнутъ при многоженствѣ—и понятно, что тамъ, гдѣ религіозный фанатизмъ еще не взялъ верху, не совсѣмъ еще заглохли безпорочность и чувство собственнаго достоинства, чувства эти возмущаются противъ варварскаго обычая, учрежденнаго на смѣхъ религіи, нравственности и цивилизаціи.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 9 Октября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля Невск. и Влад., № 45—1.

№ 42. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Ссылка.

(*Продолженіе*).

Дорнъ стоялъ въ нишѣ у окна, и занавѣси почти скрывали его; въ числѣ гостей онъ зналъ немногихъ и не находилъ ни одного, который бы ему могъ нравиться. Онъ провелъ рукою по лбу; голова его горѣла; онъ былъ сильно взволнованъ, несмотря на усиліе быть какъ можно спокойнѣе. Онъ уже такъ много сносилъ отъ Ульмана, что теперь потерялъ всякое терпѣніе. Ульманъ былъ его начальникомъ, но только на службѣ—а не въ обществѣ, гдѣ Дорнъ не подавалъ ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію; подобныя отношенія не могли длиться, иначе Дорнъ унизилъ бы себя въ глазахъ Берты.

Изъ-за занавѣски смотрѣлъ онъ на Ульмана, который весьма любезно разговаривалъ съ очаровательной молодой вдовой. Дорнъ не могъ налюбоваться на прекрасное ея лицо—и чѣмъ болѣе въ него всматривался, тѣмъ болѣе казалось оно ему знакомымъ. Оно напоминало ему нѣчто давно прошедшее, а между тѣмъ ни одна изъ припоминавшихся ему знакомыхъ женщинъ не походила на Берту. Какъ онъ ни старался увѣрить себя, что она ему незнакома, взглядъ его какъ бы притягивался къ Бертѣ.

Въ это время подошелъ къ нему Фарбригъ.

— Вотъ гдѣ вы спрятались, сказалъ онъ, — я искалъ васъ во всѣхъ комнатахъ; развѣ вы любите прятаться? спросилъ онъ шутя.

— Вы вѣдь знаете, отвѣчалъ Дорнъ, — что большая часть вашихъ гостей мнѣ незнакома; отсюда я хотѣлъ ознакомиться съ ними, для того чтобы чувствовать себя между ними свободнѣе.

— Кстати же вамъ весьма удобно слѣдить отсюда за моей пріятельницей и судьею, продолжалъ Фарбригъ смѣясь, — признайтесь-ка, что судья очень занимаетъ васъ своимъ ухаживаньемъ за ней. А какъ вамъ нравится молодая вдовушка?

— Она мнѣ очень нравится: ваши похвалы нисколько не преувеличены.

— Да я еще вамъ почти ничего не говорилъ объ ея отличномъ характерѣ; она во всѣхъ отношеніяхъ превосходная женщина. Въ этомъ вы сами удостовѣритесь, когда ближе познакомитесь съ нею.

— Я въ этомъ вполнѣ увѣренъ, замѣтилъ Дорнъ.

— Однако я подозрѣваю, возразилъ Фарбригъ: — что она не совсѣмъ равнодушна къ судьѣ и поддается его лести. Этотъ человѣкъ мнѣ не нравится—и я сомнѣваюсь, чтобы Берта могла быть съ нимъ счастлива.

— И я также не думаю, чтобъ онъ могъ понимать женское сердце, замѣтилъ Дорнъ: — онъ слишкомъ старъ для того чтобъ войдти въ новую жизнь, и я полагаю, что его привлекаетъ только богатство Берты.

— Это было бы безчестно! вскричалъ Фарбригъ: — еслибъ я могъ увѣриться въ этомъ, я во время предупредилъ бы пріятельницу моей жены, хотя и не слѣдуетъ вмѣшиваться въ любовныя дѣла — это самая неблагодарная услуга, ибо любовь часто ослѣпляетъ человѣка. Но уйдемте, насъ можетъ-быть ищутъ; а я какъ хозяинъ долженъ занимать всѣхъ гостей. Объ этомъ мы поговоримъ позже: надѣюсь, что теперь мы будемъ чаще видѣться.

Онъ взялъ руку Дорна и ввелъ его въ залъ.

Не смотря на простоту Фарбрига, онъ каждаго умѣлъ занять. При полной безцеремонности, каждый веселился по своему. Многіе, еще до ужина, пили вино. Фарбригъ самъ подавалъ примѣръ, и въ веселости не уступалъ другимъ. Дорну не скоро удалось преодолѣть тѣ чувства, которыя охватили его при встрѣчѣ съ Ульманомъ. Оскорбительныя слова послѣдняго все еще звучали въ ушахъ, и Дорнъ, блуждая по комнатамъ, искалъ удобнаго мѣстечка, откуда бы незамѣтно любоваться Бертой. Знакомыя черты ея лица манили его—и онъ невольно увлекался ею, не сознаваясь себѣ. Воспоминанія о его первой любви настолько еще не замерли въ немъ, что онъ сталъ бы бороться противъ завѣдомо-возникающей новой склонности. И не глупо ли было съ его стороны мечтать о Бертѣ, вниманія которой всѣ добивались? ему — бѣдному ссыльному, будущность котораго была испорчена на долгіе годы.

Къ ужину Берту повелъ конечно Ульманъ. Фарбригъ какъ ей такъ и Дорну указалъ мѣсто, посадивъ ихъ vis-à-vis. Дорнъ сидѣлъ подлѣ хозяйки. О, какъ охотно помѣнялся бы онъ мѣстами съ кѣмъ бы то ни было! Берта шутливо замѣтила ему, что теперь они могли бы продолжать прерванный разговоръ о судьбѣ; но холодные, недружелюбные взгляды, которые бросалъ на него судья, выводили его изъ себя и ставили въ неловкое положеніе. Ульману тоже очень не понутру было сидѣть противъ Дорна, и онъ сначала говорилъ только съ Бертой. Но веселая болтовня ея скоро вовлекла и другихъ въ общій разговоръ. Одинъ Дорнъ, играя ножемъ, молчалъ углубившись въ свои мысли,— и чѣмъ болѣе онъ старался скрыть свое смущеніе, тѣмъ яснѣе оно выдавалось; одна уже быстрота, съ которой онъ опорожнялъ свой стаканъ, достаточно обнаруживала состояніе его духа.

Ульманъ разсказалъ о дѣвочкѣ, которая въ этотъ день чуть-было не утонула: она упала въ рѣчку, но, благодаря неустрашимости подоспѣвшаго рабочаго, была спасена.

— А знаете ли, замѣтила Берта, — я тоже разъ тонула, еще въ дѣвушкахъ.

Ульманъ и другіе стали упрашивать ее разсказать этотъ случай.

— Это похоже на сказку, продолжала Берта, — и не лишенную романичности; мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ, я путешествовала съ отцомъ по горамъ. Это было первое мое путешествіе, и оно сильно запечатлѣлось въ моей памяти. При моей рѣзвости и смѣлости мнѣ непремѣнно хотѣлось побывать на каждомъ пригоркѣ, на каждомъ утесѣ. Не понимая что̀ такое опасность, я и не представляла ее себѣ. Отецъ мой, несмотря на всѣ старанія, не могъ сдерживать моего пыла. Каждый новый видъ восхищалъ меня, и я подолгу не могла глазъ оторвать отъ очаровательныхъ пейзажей. Чтобы лучше насладиться горною природою, мы путешествовали пѣшкомъ; съ нами былъ одинъ только проводникъ, который носилъ нашу провизію. Такимъ-то образомъ путешествуя, мы пришли въ одну чрезвычайно живописную мѣстность среди лѣса, съ горнымъ ручьемъ, стремившимся водопадомъ въ горное озеро. Отецъ мой съ проводникомъ расположился отдохнуть въ тѣни столѣтнихъ дубовъ; а я, не чувствуя усталости, не нуждалась въ отдыхѣ.

У самаго впаденія ручья въ озеро былъ перекинутъ легкій мостикъ, на него-то и взобралась я. Отецъ закричалъ мнѣ, предостерегая меня отъ опасности; но я, не видя ее, облокотилась на перила и любовалась водопадомъ съ клокочащей пѣной, которая образовалась отъ паденія его. Долго любовалась бы я этой восхитительной картиной, еслибъ гнилыя перила не измѣнили мнѣ— я вмѣстѣ съ ними упала въ озеро; волны подхватили меня и уносили на середину. На крикъ мой прибѣжалъ отецъ съ проводникомъ; но не умѣя плавать, они не могли спасти меня, а между тѣмъ меня все дальше и дальше относило отъ берега. Вдругъ по другую сторону озера показались двое молодыхъ людей; я видѣла, какъ одинъ изъ нихъ, снявъ сюртукъ, бросился въ воду. Что̀ случилось далѣе, я уже не помню. Очнувшись послѣ обморока, я увидѣла предъ собою отца на колѣнахъ, который несказанно обрадовался моему пробужденію. Вскорѣ вернулся нашъ проводникъ, бѣгавшій за лѣсниками, и меня перенесли въ домъ лѣсничаго.

Дорнъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, немного наклонясь впередъ; щеки его горѣли; глаза свѣтились.

— А куда же дѣвался вашъ спаситель? спросилъ Ульманъ.

— Этотъ молодой человѣкъ, рисковавшій жизнію для моего спасенія, отвѣчала Берта, — и съ такимъ трудомъ вытащившій меня на берегъ, скрылся тотчасъ же съ своимъ товарищемъ. Это были два студента; они тоже путешествовали по горамъ—и вѣроятно запоздавъ, не останавливаясь на ближайшей станціи, поѣхали домой.

— Вы такъ и не видали съ тѣхъ поръ вашего избавителя? повторилъ Ульманъ.

— Ни разу, отвѣтила Берта,—мой отецъ, въ страхѣ и хлопотахъ, забылъ спросить о его имени—и я до сихъ поръ не знаю, кому обязана жизнью. Тогда я плакала о томъ, что не могла отблагодарить его. Склоняясь на мои просьбы, мой отецъ нѣсколько разъ публиковалъ въ газетахъ, чтобы молодой человѣкъ, спасшій тамъ-то дѣвушку, объявилъ свое имя; но отвѣта не было.

— Вѣроятно счастливецъ, которому удалось спасти васъ, не читалъ объявленія, замѣтилъ Ульманъ;— вы безъ сомнѣнія часто думали о вашемъ спасителѣ? прибавилъ не безъ усмѣшки судья.

Легкая краска покрыла лицо Берты.

— По крайней мѣрѣ я сохранила самую теплую благодарность къ нему, возразила она: — мнѣ покажется чудомъ, если судьба сведетъ насъ еще разъ; но съ какою радостью протянула бы я ему руку, чтобы выразить благодарность!

Дорнъ слушалъ и видѣлъ все. Онъ едва владѣлъ своимъ взволнованнымъ сердцемъ; онъ былъ восхищенъ и готовъ тотчасъ пасть предъ Бертой; — вѣдь это онъ — онъ былъ счастливецъ, спасшій ей нѣкогда жизнь! Потому-то черты ея были ему такъ знакомы! Слѣдовательно онъ не ошибся — онъ ее уже разъ видѣлъ! Въ ту пору онъ долго хранилъ въ сердцѣ образъ ея, долго мечталъ о ней, какъ о какой-то феѣ, явившейся ему въ лѣсу! Сколько разъ порывался онъ отъискать ее, пока годы постепенно не изгладили этого случая и мысли о ней въ его памяти.

Теперь ясно представилось ему все происшедшее; въ Бертѣ онъ призналъ черты той блѣдной дѣвочки, которую вытащилъ изъ воды, держа ея въ своихъ объятіяхъ; какъ бы воочію рисовалось ему теперь чистое нагорное озеро, пѣнящійся ручей и темный лѣсъ. Нечаянно зашелъ онъ тогда съ товарищемъ на вьющуюся

внизъ тропинку. Сквозь зелень деревъ увидѣлъ онъ на узкомъ мосту дѣвушку, видѣлъ какъ обрушились перила, слышалъ испуганный крикъ, и не долго думая, бросился въ озеро.

Все это ясно представилось теперь его воображенію.

Пылающее лицо его обнаружило внутреннее его волненіе, въ ушахъ все еще отдавались слова Берты: «я плакала о томъ, что не могла отблагодарить его!»

Судья, взявши бокалъ, всталъ съ своего мѣста.

— Господа! вскричалъ онъ своимъ громкимъ, звучнымъ голосомъ:—выпьемъ за здоровье счастливца, выручившаго такую жемчужину изъ воды! Мы всѣ обязаны ему благодарностью; не будь его спасительной руки — не сіяла намъ лучезарнѣйшая изъ звѣздъ, — многія лѣта ему!

Всѣ съ восторгомъ чокнулись бокалами.

Въ залѣ раздавались громкія заздравные крики.

Одинъ только Дорнъ неподвижно сидѣлъ, углубленный въ мечты. Никто не подозрѣвалъ, что тосты относились къ нему.

— Г. ассесоръ! развѣ вы не хотите чокнуться со мною? спросила Берта, протягивая ему бокалъ, наполненный шампанскимъ,

Дорнъ вскочилъ какъ отъ электрической искры.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ: — тостъ этотъ судьбѣ, ниспославшей вамъ спасителя! проговорилъ онъ, пристально смотря на Берту, и залпомъ опорожнилъ стаканъ.

Долѣе онъ не могъ сдерживать себя. Онъ не постигалъ причины, настроившей его такъ весело; онъ не въ состояніи былъ успокоить кровь, волновавшуюся подобно пѣнящемуся вину, которымъ онъ запивалъ тостъ,—и далъ полную волю своему остроумію. Краснорѣчіе полилось неудержимо, посыпались остроты, но безъ всякой горечи; да и не мудрено—его сердце билось такъ радостно.

Скоро все общество внимало ему, а дружескій смѣхъ, которому вторила и Берта, болѣе и болѣе воодушевлялъ его. Онъ уже не обращалъ вниманія на грозные взгляды судьи и на его сдвинувшіяся брови. На зло ему онъ старался быть веселымъ. Здѣсь онъ былъ не въ судебной палатѣ, гдѣ долженъ былъ повиноваться взглядамъ начальника. Пѣнящійся передъ нимъ стаканъ не чернильница, въ которую онъ цѣлый день мокалъ перья; предъ нимъ не было груды запыленныхъ актовъ; предъ предъ нимъ не стоялъ преступникъ, котораго надо было допрашивать. Предъ нимъ сверкали глаза Берты — и блескъ ихъ воодушевлялъ его.

Нѣсколько разъ принимался Ульманъ говорить громче, чтобы отклонить отъ ассесора всеобщее вниманіе.

Когда всѣ встали изъ-за стола, Фарбригъ, подойдя къ Дорну, дружески пожалъ ему руку.

— Вы намъ всѣмъ доставили величайшее удовольствіе сказалъ онъ:—вы обладаете безцѣннымъ юморомъ! Вы сразу завладѣли всѣми сердцами, конечно кромѣ судейскаго, прошепталъ онъ насмѣшливо:—Ульманъ едва-ли проститъ вамъ, что вы отвлекли отъ него вниманіе общества. О! я отлично знаю его; ему хотѣлось-бы одному вести разговоръ и давать всему тонъ.

— Въ обществѣ я кажется имѣю одинакія съ нимъ права, замѣтилъ Дорнъ.

— Конечно, отвѣчалъ Фарбригъ, — теперь всѣ радуются про себя, что судьѣ не удалось сегодня вести разговоръ; вѣдь искреннихъ друзей у него весьма немного—онъ слишкомъ упрямъ, спѣсивъ и властолюбивъ, Вы доставите мнѣ особенное удовольствіе, если почаще будете посѣщать меня. Васъ встрѣтятъ у меня всегда съ радостью, и мнѣ очень хотѣлось-бы побесѣдовать съ вами.

Гости начали расходиться. Дорнъ только вскользь простился съ Бертой, ибо Ульманъ не отставалъ отъ нея ни на минуту и повидимому старался не допускать разговора между ними, хотя это было совсѣмъ лишнее; такъ какъ Дорнъ слишкомъ былъ взволнованъ для того чтобы говорить съ Бертой.

Было очень поздно, однако Дорнъ, выйдя на улицу, совсѣмъ не чувствовалъ усталости.

Чудная, тихая, свѣтлая ночь какъ бы манила его. Что бы онъ сталъ дѣлать дома съ неугомоннымъ чувствомъ безсонницы? Вино и возбужденность вечера подѣйствовали на Дорна; ему было душно. Пройдя за городъ, онъ пошелъ безъ всякой цѣли по большой дорогѣ, пролегавшей между садами. Куда бы ни вела эта дорога—Дорну было все равно. Онъ мечталъ о той, которой спасъ жизнь. Онъ не понималъ, какъ могъ онъ забыть ея прекрасныя черты, хотя она и была тогда почти ребенкомъ. Все чѣмъ было въ то время взволновано его сердце, все что нѣкогда приковывало его мысли къ *ней*,—все это нынѣ вновь ожило въ немъ. Ему живо представилось, какъ, вытащивъ ее изъ воды на берегъ, онъ сорвалъ съ ея платья синій бантикъ, который спряталъ себѣ на память; долго берегъ онъ его какъ святыню; эта ленточка хранилась до сихъ поръ у Дрона въ книгѣ.

Не удивительна ли та игра судьбы, которая снова свела его съ этой самой дѣвушкой десять лѣтъ спустя! Ему внезапно пришло на мысль, что еслибъ онъ тогда прочелъ въ газетахъ приглашеніе и познакомился бы съ Бертой, вся его жизнь сложилась бы иначе.

Когда Берта разсказывала за ужиномъ про это происшествіе, онъ готовъ былъ вскочить и сказать ей: «Это я тебя спасъ! Долго, долго носилъ я твой образъ въ моей душѣ, пока съ годами не исчезла и надежда тебя когда-нибудь увидѣть».

Но онъ былъ радъ, что не сказалъ этого; онъ выдалъ бы тайну сердца и сдѣлалъ бы этимъ новую глупость. Смѣлъ ли онъ—бѣдный ассесоръ, переведенный въ Б... за наказаніе, при своемъ ничтожномъ жалованьи, безъ всякихъ видовъ на повышеніе,—питать себя новыми надеждами? Могъ ли онъ помѣряться съ судьею, который такъ явно ухаживалъ за Бертой и казалось даже имѣлъ успѣхъ?

Онъ присѣлъ на камень и закрылъ лицо руками.

Онъ потерялъ надежду на счастье. Можетъ-быть судьба подставила ему образъ Берты затѣмъ только, чтобы снова обмануть его и показать, какъ человѣкъ безсиленъ, если счастье противъ него.

Дорнъ еще не чувствовалъ себя настолько сломленнымъ чтобы не полагаться на собственныя силы. Онъ лишился любви отца, потерялъ Аделаиду, а перемѣщеніе испортило его служебную карьеру. Но онъ пріѣхалъ въ Б.... съ твердымъ намѣреніемъ остаться вѣрнымъ себѣ и силою воли проложить себѣ дорогу. Эта предстоящая борьба тяготила его, ибо онъ не зналъ будетъ ли въ состояніи бороться. Берта произвела на него слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобъ онъ могъ забыть ее,—хотя ясно видѣлъ, что во всякомъ случаѣ долженъ отказаться отъ нея.

Наступало утро. Свѣжесть воздуха охватила Дорна, и онъ направился домой. Улицы оживлялись, и многіе

изъ встрѣчныхъ съ удивленіемъ осматривали ассесора, такъ поздно возвращавшагося въ бальномъ нарядѣ.

Но Дорнъ этого не замѣчалъ.

Придя домой, онъ поспѣшилъ достать бантикъ, лежавшій уже нѣсколько лѣтъ въ книгѣ. Хотя синій цвѣтъ ленты полинялъ, но то мгновеніе, когда Дорнъ овладѣлъ ею, ясно представилось его памяти.

Онъ все еще не могъ заснуть, углубился въ мечты, и такъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не настала пора идти на службу.

Тутъ только онъ почувствовалъ послѣдствія волненій и безсонной ночи.

Какъ онъ ни былъ утомленъ, но все таки аккуратно явился въ должность, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ неудовольствію судьѣ, который и безъ того питалъ къ нему злобу.

Увѣренный въ разсудительности Ульмана, Дорнъ надѣялся, что тотъ забудетъ о прошломъ вечерѣ. Однако онъ ошибся въ этомъ. Когда Ульманъ вошелъ въ судъ, лицо его было строго и холодно — и показывало, что досада и раздраженіе его не успокоилось.

Безъ поклона прошелъ онъ мимо Дорна, и нѣсколько минутъ спустя велѣлъ позвать его къ себѣ въ кабинетъ.

Не зная за собой никакихъ провинностей, Дорнъ вошелъ къ нему совсѣмъ спокойно.

Ульманъ сидѣлъ въ креслахъ у своего стола, и заставилъ Дорна простоять нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ обратился къ нему.

— Г. ассесоръ, сказалъ онъ, — мнѣ крайне непріятно вспоминать о вчерашнемъ вечерѣ—и я конечно бы этого не сдѣлалъ, еслибъ не былъ вынужденъ къ тому дошедшими до меня со стороны замѣчаніями насчетъ вашего вчерашняго поведенія за ужиномъ.

Дорнъ слегка покраснѣлъ, и губы его задрожали.

— Я прошу васъ, сказалъ онъ, — назвать мнѣ особъ, которыхъ я какимъ-либо образомъ могъ задѣть и этимъ подать поводъ къ негодованію. Я, кажется, никого не оскорблялъ.

Видя, что Дорнъ вовсе не намѣренъ покорно выслушивать выговоръ, Ульманъ нахмурился.

— Я никого не назову, отвѣчалъ онъ, все болѣе раздражаясь,—я самъ обиженъ. Ваше поведеніе было неприлично молодому человѣку, явившемуся въ первый разъ въ общество и сосланному по причинамъ столь исключительнаго свойства.

Дорнъ выпрямился; эти слова превзошли все, что̀ онъ могъ ожидать; они затронули его самолюбіе.

— Г. судья, возразилъ онъ твердымъ голосомъ,— по нашимъ служебнымъ отношеніямъ вы въ правѣ дѣлать мнѣ замѣчанія за ошибки мои на службѣ; но вчера вечеромъ мы были совершенно равны: какъ вы такъ и я были гостями Фарбрига—и онъ одинъ можетъ рѣшить, кто изъ насъ долженъ пользоваться бо̀льшими правами въ его домѣ;—а потому я рѣшительно не принимаю вашихъ замѣчаній.

Разгнѣванный Ульманъ вскочилъ съ кресла.

— Вы смѣете мнѣ это говорить! вскричалъ онъ,— знаете ли, что мнѣ поручено министерствомъ доносить о вашемъ поведеніи здѣсь, и что сегодня-же я пошлю о васъ рапортъ?

Волненіе начальника вызвало у Дорна невольную улыбку.

— Что̀ мнѣ за-дѣло, возразилъ онъ,—если вы напишете въ рапортѣ, что вчера я былъ веселъ въ обществѣ. Не знаю, насколько это интересно министерству. Что касается до усердія моего къ службѣ, я надѣюсь, что ни въ чемъ не провинился.

— Службой вашей я также недоволенъ, замѣтилъ Ульманъ, все болѣе предаваясь гнѣву,—я и это занесу въ рапортъ.

— Въ такомъ случаѣ, я обязанъ потребовать, чтобы вы указали мнѣ какую-нибудь ошибку или оплошность съ моей стороны, замѣтилъ Дорнъ.

— Вы не имѣете права требовать этого.

— Напротивъ, имѣю полное право, твердо возразилъ ассесоръ,—конечно, я не могу заставить васъ сдѣлать это, но до тѣхъ поръ буду считать ваши замѣчанія ни на чемъ не основанными, пока не получу доказательствъ.

— Вы кажется забываете, г. ассесоръ, что я вамъ начальникъ! вскричалъ Ульманъ.

— Это я очень хорошо знаю, отвѣчалъ Дорнъ:— мнѣ одно было неизвѣстно — это, что вы и вчера въ обществѣ были мнѣ начальникъ.

Ульманъ нахмурился. Онъ видѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко и что Дорна не подчинить своему произволу. Уступить было невозможно, а отважиться на крайность Ульманъ не смѣлъ; сознавая себя неправымъ, онъ сдѣлалъ Дорну знакъ оставить его.

— Вы узнаете мои дальнѣйшія распоряженія, прибавилъ онъ.

— Мнѣ было бы весьма пріятно, еслибъ надо мной назначили слѣдствіе; тогда я могъ бы оправдаться отъ взводимыхъ на меня обвиненій, возразилъ Дорнъ, выходя изъ комнаты.

Возвратясь къ своему мѣсту, Дорнъ взялъ лежавшіе на столѣ бумаги и хотѣлъ работою успокоить волненія, но буквы прыгали у него въ глазахъ, и онъ не могъ забыть случившагося.

Зная характеръ Ульмана, Дорнъ постоянно остерегался всякихъ столкновеній съ нимъ; но этого уже Дорнъ не могъ спустить ему, хотя и сознавалъ, что онъ безсиленъ противъ судьи.

Еслибъ даже содержаніе рапорта, который Ульманъ хотѣлъ послать въ министерство, стало извѣстно Дорну, могъ ли бы онъ оправдываться отъ обвиненій начальника?

(Продолженіе будетъ).

Городъ Пошехонье.

Въ сѣверо-западной части древней Ярославской губерніи, на судоходной рѣкѣ *Согожъ*, лежитъ небольшой уѣздный городокъ Пошехонье. Его исторія начинается съ того времени, когда Литовцы и Поляки приходили на Русь въ 1612 году. Народное преданіе указываетъ на близь-лежащія возвышенности, какъ на мѣсто вражьяго польскаго лагеря, гдѣ стояли главныя силы *Пановщины*, отчего и самыя горы носятъ названіе *Пановскихъ* горъ. По преданію и городъ (т. е. въ то время небольшая торговая слобода) лежалъ на мѣстѣ Пановскихъ горъ.

Изъ историческихъ актовъ видно, что Пошехонье,

при раздѣленіи Петромъ Великимъ Россіи на губерніи, составляло часть С.-Петербургской, а впослѣдствіи перешло въ составъ Новогородской, и наконецъ Ярославской.

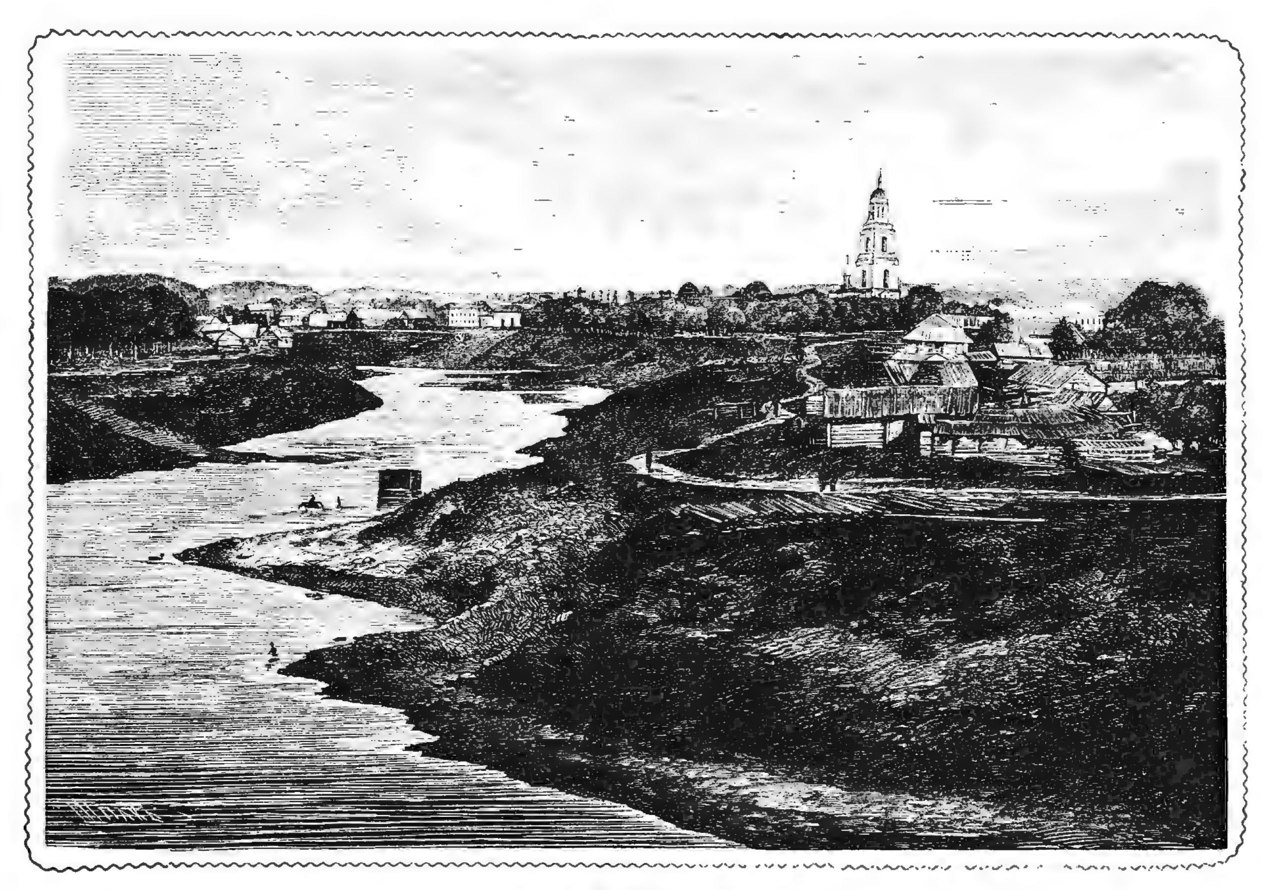
Городъ красиво расположенъ на возвышенномъ берегу рѣки—и хотя не имѣетъ богатыхъ большихъ зданій, но видъ его издали очень живописенъ. Согожа, огибая городъ, сливается съ другою рѣчкою Согою и образуетъ острый уголъ, застроенный небольшими домиками. Это составляетъ какъ бы предмѣстье города. На Согѣ и Согожѣ расположено между предмѣстьемъ и городомъ нѣсколько водяныхъ мельницъ. Направо, изъ густой массы зелени городскаго сада, внезапно возникаетъ бѣлая высокая колокольня городскаго собора, за которымъ помѣщается гостиный дворъ и улицы самаго города. Городъ разбитъ отъ соборной площади сходящимися многоугольникомъ улицами.

Постоянная тишина города нарушается только поэтическимъ шумомъ текущей по камушкамъ рѣки и водяныхъ мельницъ.

Народонаселеніе города простирается до 3500 жителей. Современное торговое состояніе Пошехонья весьма незначительно. Осенью (именно: въ сентябрѣ мѣсяцѣ) бываетъ довольно порядочная конная ярмарка. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ прежнее время бывали, говорятъ, хорошіе конскіе заводы,—и теперь нерѣдко въ уѣздѣ у крестьянъ можно встрѣтить лошадей—потомковъ породистыхъ. Промыселъ лошадьми въ уѣздѣ и въ самомъ городѣ Пошехоньѣ довольно значителенъ,—такъ какъ жители сѣверо-западныхъ частей Пошехонскаго уѣзда, живущіе по прибрежьямъ Шексны и Волги, занимаются перевозкою судовъ и баржъ конною тягою. Но эта отрасль промышленности не составляетъ источниковъ богатства народонаселенія. Главный промыселъ есть хлѣбопашество и заработки въ столицѣ. Кому не извѣстенъ своеобразный типъ крестьянина Ярославской губерніи? Даже самое физическое сложеніе рѣзко отличаетъ его отъ типовъ другой губерніи; а живой, веселый характеръ, плутоватая изворотливость ума, довольно прямой взглядъ на вещи и умѣнье воспользоваться плодами своего ума на счетъ другихъ,—всѣмъ этимъ при красивомъ физическомъ строеніи обусловливается то, что изъ среды ярославцевъ не мало выдѣлилось и выдѣляется дѣльныхъ, даровитыхъ людей и капиталистовъ.

Въ народѣ Ярославской губерніи есть еще особенная черта, именно: склонность подсмѣиваться надъ другими. Пошехонскій уѣздъ служитъ какъ-бы осломъ для изощренія насмѣшекъ. О пошехонцахъ, кромѣ изустныхъ разсказовъ, сочиняли и сочиняютъ разныя книжки — отчасти и не безъосновательно, потому что Пошехонье очень мало воспріимчиво къ вносимой цивилизаціи, сравнительно съ прочими уѣздами Ярославской губерніи. Я говорю: «не безъосновательно», потому что на всѣхъ вообще жителяхъ-пошехонцахъ, лежитъ какой-то особенный отпечатокъ довѣрчивости и добродушія—да и апатія ко всему прочему развита сильная. Немудрено: глушь непроходимая, дороги отвратительныя, люди живутъ исключительно своимъ умомъ. Въ городѣ нѣтъ даже библіотеки. Книгъ почти никто не выписываетъ.

О воспріимчивости ума и взглядѣ на вещи у пошехонцевъ существуетъ и ходитъ по городу слѣдующее

Городъ Пошехонье.

Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ Е. Даммюллеръ.

преданіе. Старинный соборъ имѣлъ небольшую колокольню съ небольшими колоколами. Одинъ изъ богомольныхъ купцовъ поѣхалъ въ Москву и на дорогѣ захотѣлъ возблагодарить Бога за щедроты Его въ видѣ хорошихъ барышей, заказалъ въ Москвѣ большой колоколъ (кажется, въ 350 пуд.). Колоколъ отлили и по адресу доставили въ Пошехонье; собрались жители, стали подымать, но... амбразуры колокольни оказались такъ малы сравнительно съ колоколомъ, что онъ не помѣщался и на половину. Купецъ не потерялся. «Наплевать, говоритъ, ломай колокольню, новую выстроимъ». На томъ и порѣшили строить новую—и выстроили. Этотъ фактъ мѣстнаго преданія по своей комичности кажется невѣроятнымъ; но что вы скажете, читатель, о слѣдующемъ обстоятельствѣ, чему я былъ самъ свидѣтель, и могу подтвердить самыми вѣрнѣйшими доказательствами.

Усердіемъ прихожанъ (особенно купцовъ) скопился въ соборѣ порядочный капиталецъ — говорятъ около 75,000. Мирные граждане Пошехонья, въ силу своихъ религіозныхъ чувствъ, стали недовольствоваться малымъ помѣщеніемъ и бѣдностью отдѣлки соборнаго храма.

И вотъ, снаряжается въ Петербургъ одинъ изъ сильныхъ гражданъ пошехонскаго міра, заказываетъ въ Петербургѣ проэктъ новаго соборнаго храма; ему предлагаютъ для постройки архитектора, но умный сей мужъ отклоняется отъ предложенія въ силу того, что «мы, молъ-дѣ, и безъ ученыхъ обойдемся. У насъ есть Михайла, каменьщикъ, подрядчикомъ въ Питерѣ былъ, дворцы строилъ, и не хуже всякаго «архитехтора» дѣло знаетъ и любаго изъ нихъ за поясъ заткнетъ». На томъ и порѣшили, чтобъ строилъ Михайла. Привезли матеріалъ: гранитъ, кирпичъ, желѣзо, заказали рѣшетки и прочее, и принялись за постройку большаго храма. Работа закипѣла живо; къ маю мѣсяцу 1869 года (а строить начали въ 1868 году) храмъ былъ законченъ вчернѣ куполомъ, и тутъ то оказались прямые результаты наивности строителей: невѣрно расчитанныя кривыя въ сводахъ, и самая массивность послѣднихъ, сдѣлали то, что по угламъ стѣнъ зданія образовались вертикальныя трещины. Стѣны отъ давленія слишкомъ большой тяжести купола лопнули. Но строители не потерялись: наняли рабочихъ разобрать зданіе, и начинаютъ строить снова подъ руководствомъ уже архитектора, командированнаго губернской строительной коммисіей. Теперь новая церковь разобрана, но когда будетъ окончена и чего стоитъ эта двойная работа—предоставляю спросить у г.г. строителей, которые не затрудняются увѣрять, что дѣло Божье и что мы грѣшники тутъ ни причемъ. Наивность перваго случая—постройки колокольни по новому колоколу—кажется баснословною, но послѣдній фактъ дѣйствительный не подтверждаетъ-ли предъидущаго и не характеризуетъ развѣ почти дѣтскихъ наивныхъ взглядовъ?... и, конечно, даетъ случай сосѣдямъ посмѣиваться надъ простячками пошехонцами.

А. Шевяковъ.

Темныя и свѣтлыя стороны дѣятельности естествоиспытателя.

Лекція профессора Лудвига.

Когда образованное общество вызываетъ естествоиспытателя изъ его тихой лабораторіи и кабинета—и спрашиваетъ о результатахъ его трудовъ, онъ охотно принимаетъ приглашеніе, полный вѣры въ міровое, всеобъемлющее значеніе своей науки. Торопливо перебираетъ онъ листы въ книгѣ своего знанія —и ищетъ свѣтлаго мѣста, которое могло бы согрѣть сердца его слушателей, заманить ихъ на тѣ маловѣдомые трудные пути, на которые онъ хочетъ вести ихъ. Но чѣмъ усерднѣе ищетъ онъ, тѣмъ менѣе ему удается. Какую бы область своей науки онъ ни выбралъ, она не представитъ ему ни одного изъ тѣхъ мотивовъ, которые сотнями представляются историку или психологу и которые въ состояніи плѣнить нравственное и художественное чувство.

Солнечныя системы, которыя восхищаютъ тѣлесный взоръ роскошью своего свѣта и гармоніей своихъ движеній, духовному взору являются въ своемъ настоящемъ видѣ—несмѣтнымъ числомъ массъ одинаковой формаціи, съ педантской точностью совершающихъ свои правильныя круговращенія. И такъ, настоящее оказывается скучнымъ, будущее же—печально, ибо астрономія предрекаетъ, что солнца когда нибудь выгорятъ, охлаждаясь превратятся въ планеты и луны, и наконецъ что когда одно за другимъ выгорятъ всѣ солнца и все сведется на ровную степень теплоты—прекратится чередованіе дня и ночи, дождя и ясной погоды, и все необъятное мірозданіе застынетъ въ мертвой неподвижности. Кого порадуетъ подобное кассандровское знаніе?

Богатое царство растительности — образецъ художника, матеріалъ для сравненій поэта, утѣшеніе скорбной души, пища голоднаго, — чѣмъ оно сдѣлалось въ рукахъ науки? Изъ дерева она изгнала нимфу, изъ цвѣтка — духи Титаніи, и ввела въ законныя права механику! Раскрылись тогда таинственныя чудеса развитія и роста: кислоты фосфорная, сѣрная, азотная, угольная, окиси калія, кальція, желѣза, химически тѣсно соединенныя, разлагаются въ сокахъ зародыша; двигательныя силы — нами называемыя теплотой и свѣтомъ—даютъ ходъ механизму органическихъ клѣточекъ, которыя изъ одной части упомянутыхъ соединеній извлекаютъ кислородъ, и горючій остатокъ выливаютъ въ форму издавна имъ самимъ данную. Безспорно, нельзя не удивляться смѣлости и проницательности ума человѣка, который отважился (и съ успѣхомъ) отнестись къ столь богатому формами и матеріей растительному царству, какъ къ результату простыхъ механическихъ процессовъ. Во время разрѣшенія загадокъ, изслѣдователь ощущаетъ радость, возбуждаемую сознаніемъ, что онъ подмѣтилъ одинъ изъ творческихъ пріемовъ вѣчныхъ силъ природы; но для слушателей мало отраднаго въ расщипанной на мелкія части, мертвой схемѣ.

Еще болѣе разочарованій представляетъ намъ животное царство, научно-разсматриваемое. По результатамъ схемы (безконечной ариѳметической задачи, въ которой вмѣсто цифръ является исчисленіе упругости тѣлъ и сложнѣйшихъ формъ мельчайшихъ поверхностей, быстроты и путей проходимыхъ движущимися крупинками), яйцо оказывается самымъ совершеннымъ живот-

нымъ организмомъ, одареннымъ чувствомъ, страстью, волей и силою.

Въ цѣломъ, животный міръ является *человѣкомъ разложеннымъ на части*, т. е. то что̀ обрѣтается въ насъ въ соединеніи—разложено на всевозможные виды и роды животныхъ, на тысячу ладовъ. Рядомъ съ темными страстями, обуревающими человѣка въ роковые часы его жизни: кровожадностью, насиліемъ, хитростью, — мы видимъ первообразъ нашихъ благороднѣйшихъ качествъ: вѣрности, преданности семьѣ, даже общинѣ. Но эта привлекательная картина омрачается, какъ только обнаруживаются побужденія, руководящія дѣйствіями животныхъ. Гдѣ только удается отыскать сокровенную причину пагубнаго или благороднаго поступка животнаго, мы убѣждаемся, что этотъ поступокъ обусловленъ чувственнымъ наслажденіемъ или непріятнымъ ощущеніемъ. Этой-то силѣ физическихъ чувствъ должно приписывать то, что родители сегодня кормятъ и охраняютъ дѣтенышей своихъ, завтра прогоняютъ и грабятъ, и жизнь всего животнаго царства управляется однимъ великимъ закономъ: закономъ свирѣпой борьбы изъ-за существованія. Каждая тварь беззастѣнчиво удовлетворяетъ свои нуждамъ и неупускаетъ никакихъ средствъ, чтобы другихъ притѣснить, себѣ-же обезпечить похищенную добычу. Ужасъ и отвращеніе, возбуждаемые этимъ зрѣлищемъ, довершаются наконецъ тѣмъ фактомъ, что наслажденіе сильнѣйшаго, когда онъ разрываетъ живьемъ побѣжденнаго, несравненно меньше причиняемаго имъ страданія. Тщетно ищемъ мы въ этой борьбѣ—всѣхъ противъ всѣхъ—какого нибудь нравственнаго начала: благородства, великодушія, состраданія, или вообще чего нибудь могущаго тронуть сердце человѣка. Самый благосклонный глазъ различаетъ лишь сцѣпленіе причинъ и дѣйствій.

Перейдемъ наконецъ къ наукѣ о физической жизни человѣка. Наука эта доказываетъ, что̀ единству нашего сознанія подчинено огромное число орудій, изъ которыхъ составлено наше тѣло. Каждое изъ этихъ орудій, для того чтобы развернуть всю свою дѣятельность, требуетъ столькихъ и столь многообразно-измѣнчивыхъ условій, многія изъ нихъ возбуждаютъ въ насъ такія разнообразныя ощущенія, что управлять и пользоваться всѣми ими возможно только съ помощью особыхъ вспомогательныхъ средствъ. Средства эти съ перваго же взгляда мы признаемъ весьма много-различными.

Тѣ органы, которымъ ввѣрено сохраненіе нормальнаго состава нашего тѣла, пользуются почти совершенной самостоятельностью,—до такой степени, что они даютъ знать о себѣ только когда нормальная дѣятельность ихъ нарушена; да и тогда они высказываются не ясно-опредѣленными представленіями, а только общими ощущеніями и требованіями: мы чувствуемъ холодъ, трудное дыханіе, стѣсненіе сердца, и пр. Въ этотъ разрядъ входятъ, напр., органы пищеваренія, питанія, дыханія, кровообращенія. Ясно, что, именно вслѣдствіе этой самостоятельности, они могутъ совершать свою задачу только при высокой степени совершенства. Дѣйствительно—удивительна экономія, съ которой они работаютъ; на себя они берутъ весьма малое количество пищи, которую мы отдаемъ имъ на разработку; добросовѣстно разносятъ они пищу по всѣмъ частямъ тѣла, щедро давая каждой средства къ полной, здоровой жизни, и кромѣ того тщательно собираютъ изъ всѣхъ уголковъ до послѣдней крохи остатки отъ органическаго хозяйства, годное откладываютъ въ общій капиталъ, негодное сожигаютъ или выкидываютъ. Эти органы, которые вполнѣ можно бы сравнить съ администраціею нашихъ государствъ, само собой разумѣется соединены тончайшими ощущеніями со всѣми частями нашего тѣла, чтобы познавать потребности каждой изъ нихъ,—а съ другой стороны располагаютъ сильной и прекрасно-организованной исполнительной властью, чтобы имѣть возможность дѣйствовать—когда, гдѣ, и насколько нужно. И въ какомъ совершенствѣ они снабжены всѣмъ нужнымъ!

Дивная простота ихъ строенія, легкость ихъ дѣйствій, вѣрность и аккуратность сложнѣйшихъ механизмовъ, мудрое сбереженіе и распредѣленіе силъ,—все это составляетъ предметъ справедливаго удивленія спеціалиста, потому что во всемъ этомъ обнаруживается нечеловѣческая изобрѣтательность и тонкость исполненія.

Возьмемъ для примѣра одно изъ самыхъ простыхъ физіологическихъ явленій: прохожденіе вдыхаемаго воздуха черезъ голову. Воздухъ, вдыхаемый грудью черезъ носъ, есть необходимѣйшее условіе жизни, но въ то же время подвергаетъ насъ большой опасности. Въ томъ видѣ, какъ онъ вдыхается, онъ менѣе влаженъ чѣмъ наша внутренность. Воздухопроводные каналы головы быстро изсохли бы, еслибъ на всемъ протяженіи ихъ со стѣнокъ не разливалась постоянно влага мелкой росой. Влага эта хранится въ маленькихъ желѣзкахъ. Каждая изъ этихъ желѣзокъ имѣетъ свои нервы, изъ которыхъ опять нѣкоторые играютъ роль гигрометровъ, измѣряющихъ степень внутренней влажности, другіе—цѣпи, выше-поднимающей шлюзы или клапанчикъ въ ясную сухую погоду и притворяющей его въ сырость и дождь. Но воздухъ не только сухъ: онъ еще пыленъ, хотя бы въ земномъ раю. Въ душистомъ лѣсу, надъ свѣжей зеленью луга — порхаютъ, несомые легчайшимъ дуновеніемъ, цвѣточная пыль, зародыши инфузорій и грибовъ. По самому умѣренному исчисленію, человѣкъ въ одни сутки вдыхаетъ въ себя не менѣе семидесяти милліоновъ такихъ зародышей, помимо простой, неорганической пыли. Въ числѣ этихъ яичекъ и ячеекъ много есть тысячъ такихъ, которыя находятъ влажную и теплую почву нашихъ воздухопроводныхъ каналовъ весьма удобной для произрастанія. Какъ бы намъ защититься отъ этихъ гостей, если бы природа не позаботилась? Она покрыла поверхность каналовъ мерцательною оболочкой, которая постоянно гонитъ вдыхаемые органическіе зародыши черезъ выходящее въ ротъ носовое отверстіе, по отлогой плоскости мягкаго нёба, въ пищепріемное горло. Смѣшанное со слюною, все это глотается и во всеразрушающемъ желудкѣ теряетъ свою жизненную силу. Эта ткань или оболочка состоитъ изъ мерцательныхъ волосковъ—такихъ крошечныхъ, что четыреста ихъ, наложенные концомъ къ концу, составили бы въ длину *одну линію*, и столь тонкихъ, что ихъ сорокъ тысячъ сидитъ на поверхности, равняющейся головкѣ порядочно толстой булавки, и могло бы умѣститься еще столько же. Волоски эти по силѣ — исполины: они съ легкостью передвигаютъ по гладкой поверхности носовой полости тяжести въ 200,000 разъ больше ихъ; они живучи и выносливы какъ земноводные, ибо, несмотря на отдаленіе отъ животворнаго тока крови, они не боятся никакой температуры; они неутомимы какъ сердце, потому что тоже не спятъ никогда, и устроены еще искуснѣе сердца, потому что работаютъ безъ помощи нервовъ; они — образецъ дисциплины, потому что эти билліоны волосковъ всѣ бьютъ въ одну сторону и въ одно время,

наконецъ они—олицетворенная скромность, потому что, хотя они въ минуту множество разъ поднимаются и опускаются, они не заявляютъ о себѣ даже наилегчайшимъ щекотаніемъ.

Это ощущеніе, т. е. щекотку—природа приберегла для другой цѣли. Если комаръ залѣзетъ въ носъ, или залетитъ въ него песчинка—опять новое чудо. Оповѣщенный щекоткой объ опасности, которую неутомимые мерцательные волоски уже не въ состояніи отвратить, носъ прибѣгаетъ къ болѣе энергическимъ средствамъ. Черезъ толщину стѣнокъ его быстро пробѣгаетъ токъ крови, и этимъ даетъ возможность желѣзкамъ обдать чуждое тѣло слизистой жидкостью. Въ тоже время съ телеграфической быстротой дается знать мозгу, въ которомъ засѣдаютъ нервы, управляющіе грудной областью. Эти нервы немедленно спѣшатъ на выручку: они расширяютъ *грудную клѣтку* и внезапнымъ толчкомъ выталкиваютъ только что вдохнутый воздухъ черезъ носъ, такъ что незваный гость неминуемо вылетаетъ. Читатель можетъ-быть улыбнется этому патетическому описанію такого обыкновеннаго процесса какъ чиханіе; но эта улыбка, я полагаю, скоро уступитъ мѣсто удивленію, если поставить вопросъ: какимъ способомъ можно бы умышленно лучше и проще совершить этотъ, какъ мы видѣли, довольно-сложный невольный процессъ?...

Но и пройдя носъ, воздуху, на пути черезъ голову, угрожаютъ еще опасности—особенно на томъ мѣстѣ, гдѣ ему приходится перейдти дорогу разжеваннаго куска въ желудокъ.

Каждый знаетъ, что около корня языка, который служитъ столько же для глотанія сколько для рѣчи, открываются два канала, изъ которыхъ одинъ, пищепроводный, ведетъ въ желудокъ, другой—дыхательное горло — въ легкія. Какъ тутъ легко не туда попасть! а между тѣмъ, довольно одной ошибки чтобы убить на мѣстѣ, потому что массы одного куска достаточно было бы чтобы навѣки заткнуть дыхательное горло. Если бы мы были предоставлены сами себѣ, нѣтъ сомнѣнія, что каждый глотокъ сопровождался бы опасностью смерти, пока мы не выучились бы трудному искусству глотанія. Но и тутъ выручаетъ насъ природа. Около начала дыхательнаго горла она помѣстила какъ бы вѣнокъ изъ нервовъ, крайне-чувствительныхъ къ прикосновенію пищи; лишь дотронется до нихъ кусокъ, они приходятъ въ страшный переполохъ, дыхательное горло временно закрывается язычкомъ и прекращаетъ дѣятельность, глотательные же аппараты усиливаютъ ее до тѣхъ поръ, пока съ опаснаго перекрестка удалены вещества живительныя для желудка, но смертоносныя для легкихъ. Иногда впрочемъ случается, что нервы, направляющіе пищу куда слѣдуетъ, находятся въ сонномъ состояніи, или обладатель желудка и легкихъ хочетъ въ одно и тоже время и ѣсть и говорить, такъ что во время глотанія дыхательные аппараты открыты,—тогда легко можетъ случиться, что кусокъ собьется съ дороги. Если твердое тѣло попало въ гортань, то ужь не до шутокъ; болѣзненнымъ ощущеніемъ вызывается сознаніе опасности, начинается судорожный кашель—и его толчкамъ (особенно если помогать имъ и наружными толчками) обыкновенно удается устранить опасность безъ содѣйствія хирурга.

Не менѣе удивительно и совершенно устроены органы чувствъ и члены, которые доводятъ до нашего сознанія ясное представленіе о свойствахъ вещей или непосредственно повинуются сознательному акту нашей воли. Мы готовы усумниться въ безусловной власти надъ нашимъ собственнымъ тѣломъ, когда подумаешь, что мы должны наблюдать одновременно за глазами, ушами, руками, ногами, иногда еще за обоняніемъ, вкусомъ и голосомъ, несмотря что на рѣшеніе и представленіе требуется замѣтное время. Возьмемъ хоть глазъ. Его удивительно-точный оптическій аппаратъ мгновенно примѣняется къ предметамъ находящимся на различнѣйшихъ разстояніяхъ, ось его безошибочно и безъ колебанія направляется съ величайшей быстротой на какой угодно пунктъ. Этого мало. Спокойно глядя въ даль, и принимая изображенія на микрометрически-раздѣленной *зрительной плоскости*, глазъ въ точности примѣчаетъ, какое отношеніе къ цѣлому имѣетъ каждый отдѣльный освѣщенный предметъ,—и вѣрно опредѣляетъ, насколько наиболѣе отдаленный предметъ сдѣлался бы больше, если бы его приблизить наравнѣ съ ближайшими. Если же глазъ во время зрѣнія шевелится—онъ сверхъ того измѣряетъ углы, подъ которыми онъ вращается, а если еще и голова въ это же время мѣняетъ свое положеніе, то глазъ принимаетъ въ расчетъ всѣ изъ этого слѣдующія отношенія, а также направленіе этого движенія. Изъ этихъ столь же многочисленныхъ, сколько и сложныхъ операцій образуется результатъ—и переводится на понятный нашему сознанію языкъ, такъ что мы прямо видимъ величину и положеніе предметовъ, а не выводимъ заключенія о нихъ по тяжелому процессу исчисленія. Если покажется сомнительно, чтобы нашъ зрительный аппаратъ измѣрялъ пространство независимо отъ нашего сознанія, пусть только вспомнятъ, что мы даже не знаемъ (безъ спеціальнаго изученія) масштабовъ, по которымъ производится это измѣреніе. Сюда, между прочимъ, принадлежатъ сокращенія нашихъ глазныхъ мускуловъ. Сокращеній же этихъ мы даже не можемъ вовсе принять въ соображеніе, по той уже простой причинѣ, что безъ анатомическаго изслѣдованія мы не знали бы даже о существованіи этихъ мускуловъ. Но если бы мы и знали всѣ законы движенія этихъ мускуловъ, и отъ насъ бы требовалось только, чтобъ мы изъ объема и направленія этого движенія вывели величину и отдаленіе предмета,—мы могли бы это сдѣлать только будучи коротко знакомы съ необходимыми исчислительными операціями — и даже въ такомъ случаѣ, опытному математику нужна была бы довольно продолжительная головная работа, чтобы подвести итогъ. Ясно, что глазъ все это самъ дѣлаетъ, насъ не спрашиваясь.

Такими точно способностями обладаетъ не одинъ только глазъ, но каждое наше чувство, въ особенности слухъ и осязаніе, хотя едва ли въ меньшей степени одарены ими и аппараты служащіе намъ для ходьбы, хватанія и рѣчи.

Это устройство, необходимое вслѣдствіе ограниченныхъ способностей нашего ума,—этотъ механизмъ, столь благотворно дѣйствующій для насъ до тѣхъ поръ пока онъ подчиненъ этому уму—становится для насъ ужаснѣйшимъ мученіемъ, если онъ злоупотребляетъ своей самостоятельностью, если онъ позволяетъ себѣ на яву такія вольности, которыя позволяются ему только во снѣ, обманывая насъ, выдавая нашему сознанію за истину образы собственнаго порожденія а не воспринятые черезъ посредство чувствъ. Довольно намекнуть на возможность подобнаго бѣдствія—съумасшествія, галлюцинаціи, или какъ ни называй его—чтобы отбить охоту къ ближайшему изученію этихъ то раболѣпно-подчиненныхъ, то своенравно-безначальныхъ органовъ.

И однако же, при всемъ что̀ это устройство тѣла нашего скрываетъ ужаснаго, опаснаго, съ нимъ еще можно помириться—потому что, безспорно, безъ этихъ данныхъ намъ природой автоматовъ мы были бы еще безпомощнѣе, чѣмъ теперь; вѣроятно нѣтъ другаго средства пособить нашему безсилію, такъ что приходится брать дурное въ придачу къ хорошему. Но что̀ тогда, если всѣ эти союзники нашего *Я* — вовсе не наша собственность? если и эту лучшую долю нашего тѣла нужно относить къ тому же комунизму органической массы? если мы должны убѣдиться, что не только зародышъ будущаго дерева, но и послушный мускулъ, чуткій нервъ, зеркало души — глазъ—питаютъ паразитовъ въ нашемъ живомъ тѣлѣ? что природа съ такою же удивительной заботливостью подготовила путь слѣпому, безпомощному червю, и его существованіе построила совершенно такъ же какъ наше, на тѣхъ самыхъ органахъ, которые мы съ рожденія привыкли считать своей исключительной собственностью?

(Окончаніе будетъ).

Письмо Давида Штрауса къ Эрнесту Ренану.

(*Окончаніе*).

Само собою разумѣется, милостивый государь, что, въ качествѣ побѣдителей, мы разсчитываемъ еще и на непосредственную награду; вѣдь коль скоро война переходитъ за необходимую личную оборону, то цѣль ея состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы отнять что-нибудь у непріятеля. Вы заботитесь о землѣ, и поэтому-то не хотите, чтобы мы, нѣмцы, думали о ней. Да мы сперва и думали не объ этомъ, а только объ нашей безопасности—и, вѣрьте мнѣ, что еслибы вы были въ состояніи обезпечить намъ эту безопасность со стороны вашихъ земляковъ, мы были бы вовсе не прочь отъ переговоровъ о землѣ. Но вотъ съ этимъ-то именно и нечего торопиться; вы сами чувствуете это, да и ваша рѣчь даетъ чувствовать тоже самое. Вы тутъ, по моему мнѣнію, нѣсколько преувеличиваете. Я не хочу сказать этимъ, чтобы въ тѣхъ краснорѣчивыхъ словахъ, которыми вы отстаиваете необходимость Франціи въ хорѣ европейскихъ культурныхъ народовъ, было преувеличеніе. Франція живой протестъ противъ педантизма, догматизма и ригоризма—это такія слова, подъ которыми я отъ всей души готовъ подписаться. Конечно, этой струны на лирѣ человѣчества нельзя порвать, не повредивъ полноголосности инструмента. Но закричать одному пѣвцу въ хорѣ: *piano*!—далеко не то, что̀ сдѣлать его нѣмымъ. А что Франція рѣзкими звуками своихъ трубъ очень непріятно нарушала иногда нашу европейскую гармонію—вы сами не захотите отрицать этого. Вы увѣряете, что отнятіе Эльзаса и Лотарингіи была бы равнозначительно уничтоженію Франціи. Но я гораздо болѣе высокаго мнѣнія о жизненной силѣ французскаго государственнаго и народнаго тѣла. И тѣмъ болѣе долженъ я удивляться такому недостатку вѣры во французскую національность съ вашей стороны, когда подумаю, что вѣдь въ сущности-то это нѣмецкія провинціи, потеря которыхъ возбуждаетъ въ васъ такія опасенія. Франція не устоитъ, если у ней отнимутъ ея нѣмецкія провинціи?! ея тѣло не выдержитъ, если его лишатъ притока нѣмецкой крови?! Признаюсь, я не желалъ-бы сдѣлать подобнаго признанія, еслибъ я былъ французомъ. Германія вѣдь устояла же и оправилась отъ своей тогдашней слабости — даже и послѣ того, какъ отъ нея оторвали эти земли, части ея собственнаго тѣла; а Франція не сможетъ перенести отдѣленія такихъ земель, которыя не принадлежали первоначально ей, а отошли къ ней впослѣдствіи и связаны съ нею только поверхностнымъ образомъ? Противорѣча вамъ такимъ образомъ, я чувствую, что поражаю вашу національную гордость въ самое сердце.

Такъ же трудно согласиться намъ, нѣмцамъ, и на ту другую дилемму, въ которую вы насъ ставите. Мы можемъ, говорите вы, выбирать одно изъ двухъ: или, изувѣчивъ Францію, сдѣлать изъ нея непримиримаго врага себѣ и открыть такимъ образомъ дверь необозримому ряду самыхъ гибельныхъ войнъ,—или же, пощадивъ ее, примирить ее съ собою и склонить ее къ благодѣтельнѣйшему союзу—для того чтобъ споспѣшествовать, общими силами, свободѣ и истинному просвѣщенію. Изображая намъ (въ Revue) Францію такою, какою она будетъ въ послѣднемъ случаѣ, вы рисуете прелестнѣйшую картину. «Побѣжденная, но гордая въ своей неприкосновенности, преданная единственно воспоминанію о своихъ ошибкахъ и устройству своихъ внутреннихъ дѣлъ».... Вы ужь, пожалуйста, извините насъ, но воображать Францію въ видѣ кающейся—это такое представленіе, котораго мы не можемъ сдѣлать безъ улыбки. Да, она будетъ вспоминать о своихъ ошибкахъ и пораженіяхъ, т. е. будетъ замышлять мщеніе противъ тѣхъ, которые довели ее до этого. Это она станетъ дѣлать во всякомъ случаѣ: возьмемъ ли мы у нея при этомъ нѣсколько земли, или нѣтъ. Народъ, который искалъ удовлетворенія за Садовское дѣло, т. е. за чужое пораженіе, подниметъ вдесятеро сильнѣйшіе крики, требуя мщенія за Вертъ и Мецъ, за Седанъ и Парижъ, еслибъ даже мы и ограничились однимъ только тѣмъ, что такъ часто колотили его. Такимъ образомъ мы не только не улучшимъ нашего положенія въ будущемъ, если пощадимъ Францію, но напротивъ того сдѣлаемъ его хуже. Такъ какъ намъ, ни въ какомъ случаѣ, нечего ожидать отъ нея добра, то поэтому намъ и слѣдуетъ принять мѣры, чтобы она не могла вредить намъ впослѣдствіи. Какъ это сдѣлать?—а вотъ взглянемъ на карту. Въ томъ углу, который между Базелемъ и Люксамбургомъ вдается въ нѣмецкія владѣнія, — разъ на всегда—что-то не ладно. Сейчасъ видно: эта граница не могла образоваться сама собою; здѣсь не обошлось безъ насилія. Здѣсь проломилъ себѣ сосѣдъ ворота въ нашъ домъ: эти ворота мы заложимъ отъ него камнями. Здѣсь врагъ поставилъ когда-то ногу на нашу землю; мы заставимъ его снять эту ногу назадъ. Вы спрашиваете, конечно, не безъ основанія: у какого народа нѣтъ худо-проведенныхъ границъ, если послушать его самого? Но какой же народъ, спрашиваю я васъ въ свою очередь, и не исправитъ этихъ границъ, коль скоро сосѣди втиснутъ ему въ руку оружіе и онъ перейдетъ черезъ эти границы, въ самое сердце непріятельской земли, въ качествѣ побѣдителя. Мы отнимемъ у Франціи тѣ крѣпости, которыми она пользовалась до сихъ поръ для того, чтобъ дѣлать изъ нихъ вторже-

нія въ нашу землю,—не для того чтобъ нападать впослѣдствіи при помощи ихъ на ея владѣнія, а для того чтобъ обезопасить наши собственныя. Въ этомъ отношеніи у насъ теперь полнѣйшая солидарность между народомъ и правительствомъ, а между тѣмъ мы могли бы призвать всѣ сосѣдніе народы въ свидѣтели того, что мы никогда не имѣли обыкновенія являться нарушителями міра, если насъ оставляли въ покоѣ; да и впредь, уже по самой организаціи нашего войска, не можемъ быть ими.

Что Эльзасъ и Лотарингія принадлежали нѣкогда къ германской имперіи,—что, кромѣ того, въ Эльзасѣ и въ одной части Лоторингіи нѣмецкій языкъ (не смотря на всевозможныя усилія со стороны французовъ изгнать его) все еще продолжаетъ оставаться роднымъ языкомъ —это не вызвало съ нашей стороны никакихъ притязаній на эти земли. Мы и не помышляли о томъ, чтобъ требовать ихъ у сосѣда, съ которымъ жили въ мирѣ. Но коль скоро этотъ миръ нарушенъ, коль скоро этотъ сосѣдъ объявилъ намѣреніе снова отнять у насъ наши при-рейнскія земли, которыми онъ, вопреки всякому праву, владѣлъ нѣкоторое время,—мы были бы величайшими глупцами, еслибъ мы, въ качествѣ побѣдителей, не захотѣли возвратить себѣ того, что было нашимъ, что̀ необходимо для нашей безопасности (но не болѣе того, что̀ необходимо для этого). Перемѣнивъ извѣстное *vae victis* (горе побѣжденному) на *vae victoribus* (горе побѣдителю), вы обращаетесь съ этимъ послѣднимъ восклицаніемъ къ злоупотребляющему своей побѣдой побѣдителю. Съ этой стороны, какъ я уже говорилъ вамъ, намъ нечего бояться; но мы съумѣемъ также и избавить себя отъ тѣхъ насмѣшекъ и сожалѣнія, которыя выпадаютъ обыкновенно на долю побѣдителя, не умѣющаго воспользоваться во время своей побѣдой. Что намъ удастся воскресить въ этихъ областяхъ полузадушенную германскую національность (для чего потребуется не особенно много времени) и даже расположить въ свою пользу тѣ дѣйствительно французскія провинціи, которыя мы, согласно съ своими видами, должны будемъ взять себѣ вмѣстѣ съ первыми,—это вы, конечно, съ вашей точки зрѣнія, найдете невозможнымъ; но вы допускаете же, что мы на это надѣемся и поставимъ себѣ это задачею. Мы убѣждены, что мы можемъ предложить жителямъ этихъ областей во вновь-образовавшейся Германіи такія блага, какихъ Франція до сихъ поръ еще не предлагала имъ,—тогда какъ посредствомъ новаго оборота, который приняли теперь нѣмецкія дѣла, устранены тѣ самые неудобства, которыя оттолкнули бы ихъ въ прежнее время отъ присоединенія къ Германіи. Что Эльзасецъ счелъ бы униженіемъ принадлежать вмѣсто первоклассңаго французскаго государства какому-нибудь маленькому или среднему германскому государству — это понятно; но теперь объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Если бы даже онъ отошелъ къ Бадену или Баваріи, то и тогда онъ принималъ бы участіе въ дѣлахъ соединеннаго государства и пользовался бы правомъ представительства; но всѣ вожаки общественнаго мнѣнія сходятся теперь въ томъ, что завоеванныя земли могутъ быть взяты только одною Пруссіею. Если присоединеніе этихъ земель должно вести къ тому, чтобы доставить Юго-западной Германіи защиту противъ Франціи, то защита эта можетъ быть доставлена, въ надлежащей степени, только одною центральною властью,—точно такъ же какъ только это первокласное государство можетъ принять въ себя, безъ потрясенія своего организма, несродные и сопротивляющіеся элементы.

Васъ удивляетъ, отчего даже самые разсудительные изъ нѣмцевъ не хотятъ согласиться на то, чтобъ нашъ теперешній раздоръ съ Франціей былъ улаженъ посредничествомъ нейтральныхъ державъ, посредствомъ конгреса, изъ котораго могло бы образоваться впослѣдствіи постоянное учрежденіе, европейскій третейскій судъ. Это происходитъ прежде всего отъ того, что на послѣднемъ третейскомъ судѣ подобнаго рода, который долженъ былъ согласить насъ съ Франціею, на Вѣнскомъ Конгрессѣ съ нами слишкомъ дурно поступили. Вѣдь никогда еще почти не случалось, чтобы такъ-называемыя нейтральныя державы (а въ то время онѣ были еще къ тому же нашими союзниками) оказались вполнѣ безкорыстными и безпристрастными въ дѣлахъ подобнаго рода. Зависть и страхъ, связи и заступничества увлекаютъ ихъ въ ту или другую сторону, что̀ и было въ особенности тогда,—такъ что благодаря вліянію подобныхъ побудительныхъ причинъ, насъ-нѣмцевъ порядочно обдѣлили, именно въ лицѣ Пруссіи, заключивъ ее въ такія границы, которыя одни уже могутъ оправдать ее въ томъ, что она вырвалась изъ нихъ въ 1866 году. Но самую сильную причину для того чтобъ отвергать подобный третейскій судъ—доставляете вы сами. Этотъ судъ, говорите вы въ своемъ письмѣ, долженъ обязать какъ Францію, такъ и Германію—остаться при тѣхъ границахъ, которыя были опредѣлены между ними прежними трактатами. Такъ какъ вы говорите о «теперешнихъ границахъ», то можно подумать, что дѣло идетъ трактатѣ 1815 года. Но изъ вашей статьи (въ Revue) оказывается, что вы разумѣете подъ этимъ скорѣе трактаты 1814 года.

И такъ, мы опять должны потерять Саарлуи и Ландау съ ихъ округами, которые поступили къ намъ во владѣніе только въ 1815. Такъ вотъ наказаніе Франціи за преступно-начатую войну, вотъ награда за нашу славную, но кровавую побѣду, — мы должны отдать побѣжденному врагу часть нашей собственной земли! Нѣтъ, ужь если такой правосудный человѣкъ, какъ Эрнестъ Ренанъ, можетъ предлагать на разсмотрѣніе третейскаго суда подобное предложеніе, то мы вполнѣ правы, настаивая на томъ чтобы продиктовать самимъ наши условія мира.

Чтобы побѣдоносная Германія приняла подобное предложеніе — для этого конечно должны быть сверхъестественныя причины, и въ этомъ смыслѣ вы вполнѣ послѣдовательны, напоминая намъ (въ концѣ вашего письма) о проповѣди на горѣ и евангельскихъ заповѣдяхъ блаженства, въ особенности же о блаженствѣ миротворцевъ. Кто не отдавалъ должной справедливости идеальной высотѣ этихъ евангельскихъ изрѣченій, но кто же и не относится къ нимъ такъ, какъ, въ концѣ концовъ, слѣдуетъ относиться ко всякому поучительному аѳоризму, cum grano salis?

Мы питаемъ высокое уваженіе къ слѣдующему правилу: «Кто ударитъ тебя въ правую щеку, тому подставь лѣвую»; но кто изъ насъ желалъ бы имѣть такого сына, который допустилъ бы обращаться съ собою въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ, или такого зятя, который устроилъ бы свое хозяйство согласно съ другимъ изрѣченіемъ изъ горной проповѣди: «Не пекитеся о завтрашнемъ утрѣ, и т. д.». Католическая церковь съумѣла сладить съ этими изрѣченіями, раздѣливъ ихъ на предписанія для всѣхъ вообще и совѣты для тѣхъ, кто

стремится къ совершенству. Протестантская церковь, которая съумѣла совмѣстить цѣломудріе съ бракомъ, бѣдность съ собственностью, миръ съ войною,—основательнѣе ея. Если же, какъ вы замѣчаете, ни въ евангеліи, ни въ первобытной христіанской литературѣ не найдется ни одного слова, изъ котораго можно бы было заключить, что воинскія добродѣтели могутъ доставить намъ небесное царство,—за то никогда и нигдѣ не существовало государства, какъ христіанскаго, такъ и языческаго (да и не могло бы существовать), гдѣ не умѣли бы цѣнить этихъ добродѣтелей. Вы приписываете войнѣ много худаго; мнѣ очень хотѣлось бы, нисколько не противорѣча вамъ, приписать ей много хорошаго;—тогда мы сказали бы вдвоемъ все, что только можно сказать о ней. Конечно, войны, предпринятыя съ цѣлью грабежа и завоеваній, были всегда гибельны для нравственности, а потомъ и для благосостоянія государствъ—начиная съ азіатскихъ войнъ Римлянъ и кончая войнами вашего перваго Наполеона; напротивъ того, такія войны, которыя предпринимались народами для отраженія непріятельскихъ нападеній, для сохраненія своей независимости (не смотря на всѣ тѣ бѣдствія, которыя влекутъ за собою, въ значительномъ количествѣ, даже и такія войны), всегда имѣли своимъ послѣдствіемъ сильнѣйшее развитіе національной жизни—начиная отъ персидскихъ войнъ Грековъ и кончая нашими войнами за освобожденіе и настоящею войною, отъ которой мы и теперь уже можемъ ожидать самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій для нашихъ внутреннихъ дѣлъ.

Это, однакоже, странно—и указываетъ на замѣчательное извращеніе обыкновеннаго порядка—французъ проповѣдуетъ о мирѣ намъ-нѣмцамъ! Членъ народа, вотъ уже цѣлыя столѣтія, держащаго въ рукахъ факелъ европейской войны, — сосѣду, едва успѣвавшему тушить тѣ головни, которыя этотъ народъ кидалъ въ его города, подкладывалъ къ его нивамъ! Что должно было произойти, какъ многое должно было измѣниться, пока до этого дошло! Французъ такъ долго оскорблялъ нѣмца своими поступками, такъ безостановочно грозилъ ему, что наконецъ этотъ послѣдній, для того чтобъ доставить себѣ спокойствіе, рѣшился перековать свой серпъ на мечъ. И вотъ, съ этимъ мечомъ въ рукѣ, нѣмецъ такъ сильно наступилъ теперь на француза, что этотъ послѣдній начинаетъ восхвалять ему благодѣянія мира. Мы не нуждаемся въ этихъ славословіяхъ; мы гораздо охотнѣе остались бы при серпѣ. Когда Милонъ сталъ читать въ изгнаніи защитительную рѣчь Цицерона, которая во время защиты не была еще такимъ образцомъ искусства, какимъ Цицеронъ сдѣлалъ ее впослѣдствіи,—онъ, говорятъ, воскликнулъ: «о, еслибъ ты, Маркъ Туллій, говорилъ такимъ образомъ, я не ѣлъ бы теперь въ Массиліи эту вкусную рыбу». Въ родѣ этого могли бы выразиться и наши сыновья, находящіеся теперь во Франціи,—предполагая, что имъ попался бы на бивакахъ газетный листокъ съ вашимъ письмомъ. «О, если бы ты, Эрнестъ Ренанъ, говорилъ такимъ образомъ съ твоими французами», могли бы они сказать: «а главное, еслибъ ты успѣлъ обратить ихъ къ своему мирному настроенію, намъ не пришлось бы, по всѣмъ вѣроятіямъ скоро, отыскивать въ Парижѣ эти чудныя вина». Но какъ ни вкусны вина, а наши добрые ребята охотнѣе остались бы дома. Вы боитесь, милостивый государь, чтобы, послѣ такого начала, нѣмцы не получили склонности къ военной жизни,—и грозите намъ желѣзнымъ вѣкомъ. Самымъ лучшимъ предостереженіемъ, если только мы нуждаемся въ немъ, можетъ быть для насъ видъ вашей націи и тѣхъ послѣдствій, къ которымъ привела ее глубоко-укоренившаяся страсть къ войнѣ и хищничеству. Мы, нѣмцы, до тѣхъ поръ не выпустимъ изъ рукъ меча (за который мы схватились потому только, что насъ къ этому принудили), пока не достигнемъ цѣли этой войны; но, будьте увѣрены въ этомъ, и не станемъ держать его въ рукѣ ни однимъ днемъ дольше.

Ахъ, намъ предстоитъ потомъ, по заключеніи мира, такъ много дѣла дома!.. и вотъ эти-то домашнія дѣла мы считаемъ главными, а побѣду надъ внутренними затрудненіями болѣе важною, чѣмъ побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ. Да, мы думаемъ объ этой домашней задачѣ не безъ нѣкотораго страха. Разрѣшеніе военныхъ задачь намъ удавалось уже неоднократно, но мирныя задачи мы рѣшали всегда не болѣе какъ посредственно. Съ 1814 и 15 года мы стали говорить, въ видѣ пословицы, что перья нашихъ дипломатовъ испортили то, что сдѣлали мечи нашихъ воиновъ. 1866 годъ подарилъ насъ полу-Германіей, вмѣсто того чтобъ подарить насъ цѣлой. А 1870 годъ? Мы перешли Рейнъ въ качествѣ побѣдителей и овладѣли вполнѣ его лѣвымъ берегомъ; а Майнъ станетъ оставаться намъ границею, его лѣвый берегъ будетъ и впредь оставаться за предѣлами Германіи? Мы не вѣримъ этому. Тотъ недостоинъ, по нашему мнѣнію, нѣмецкаго имени, кто былъ бы въ состояніи (изъ предразсудковъ, или упрямства, или же изъ эгоизма и честолюбія) замедлить вступленіе отдѣльныхъ нѣмецкихъ племенъ въ составъ соединеннаго нѣмецкаго государства, какъ бы ни было высоко поставлено такое лицо. Входите, входите! такъ кричатъ тѣмъ отдѣльнымъ пассажирамъ, которые бродятъ по платформѣ, мѣшкая и не рѣшаясь, когда поѣздъ желѣзной дороги готовъ къ отправленію. Входите, входите въ составъ германскаго государства! такъ кричитъ теперь исторія; не теряйте времени, теперь приливъ, не ждите пока отливъ выброситъ вашъ корабль на песокъ. Только перестаньте торговаться, не дѣлайте слишкомъ много условій. Главное дѣло, чтобъ мы всѣ, всѣ соединились; остальное, если только оно нужно, придетъ само собою. А если простыя слова не помогутъ, то у насъ есть и угрозы. Вы, южно-германскія государства, помогали тому, чтобъ усмирить Францію и отнять у нея прекраснѣйшія полосы земли. Что она припомнитъ вамъ это, что она станетъ мстить вамъ за это при случаѣ—въ этомъ вы можете быть увѣрены. Но какимъ образомъ станете вы ей противиться, если вы не примкнете крѣпко и вполнѣ къ вашимъ сѣвернымъ братьямъ. Крѣпко и вполнѣ, т. е. не посредствомъ тѣхъ непрочныхъ отдѣльныхъ договоровъ, которые могутъ быть и не исполнены, но посредствомъ полнаго и безусловнаго вступленія въ единодушное германское союзное государство. Видите ли, милостивый государь, это самые дорогіе два вопроса для нашего сердца; мы готовы возвратиться изъ Франціи опять въ Берлинъ, и какъ мы ни обрадуемся извѣстію, что наши войска вступили въ Парижъ, но радость наша тогда только будетъ совершенна, когда мы увидимъ въ залѣ германскаго имперскаго сейма—баварскихъ и швабскихъ, пфальцскихъ и гессенскихъ депутатовъ. Когда мы достигнемъ этой цѣли (что, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ скоро), а вслѣдъ за этимъ и французы также хорошо устроятъ свои внутреннія дѣла; когда они воспользуются тѣми уроками, которыми

такъ богата настоящая война, когда и внѣшнее препятствіе (увеличившееся могущество Германіи) не допуститъ идти ихъ по ложному пути;—тогда оба эти народа будутъ благоденствовать. Европа будетъ имѣть всевозможныя причины для того чтобъ быть довольною новымъ порядкомъ вещей; человѣчество сдѣлаетъ значительный шагъ впередъ въ отношеніи своего развитія; а люди, которые считаютъ своимъ призваніемъ трудиться въ пользу этого развитія, съ радостію протянутъ опять другъ другу руку.

Взятіе картечницы.

(разсказъ раненаго офицера).

Нашъ полкъ получилъ приказаніе выступить изъ деревеньки Шапель, въ которой мы были расположены на квартирахъ и поближе подвинуться къ Седану, гдѣ уже съ самаго утра слышалась пальба и надвигались войска.

Было около четырехъ пополудни. День, сначала ясный и теплый, сдѣлался сѣренькимъ, и цѣлыя облака дыма наполняли изгарью воздухъ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ мѣсту назначенія — тѣмъ чаще начали намъ попадаться фуры съ ранеными, обозы, сестры милосердія и т. д.

Идти было трудно, потому что путь постоянно преграждали обозы, артиллерія, спѣшившіе солдаты и цѣлыя толпы разнаго народа, состоявшія изъ разрозненныхъ солдатъ, погоньщиковъ, маркитантовъ, музыкантовъ. Все это тянулось, куда-то спѣшило, обгоняя другъ друга, толкаясь и ругаясь между собою.

Въ намъ подскакалъ адъютантъ. «Генералъ приказалъ занять эту лощину!» крикнулъ онъ, указывая пальцемъ въ сторону, гдѣ за дымомъ ничего нельзя было разглядѣть. Я съ своимъ баталіономъ двинулся впередъ, когда вдругъ слѣва отъ насъ что-то блеснуло и раздался ударъ пушечнаго выстрѣла. Это были французы—они то и выстрѣлили въ насъ. Мы всѣ какъ бы инстинктивно отшатнулись въ сторону, и картечь свистя и кружась пролетѣла надъ нашими головами.

Въ хвостѣ баталіона сдѣлалось какое-то движеніе. Я оглянулся назадъ, это уносили нашихъ раненыхъ. Французская картечь не пропала даромъ.

Не смотря на это, полкъ нашъ подвигался все ближе и ближе къ лощинѣ. Огоньки и щелканье ружей становились все чаще—и въ нашихъ рядахъ то тамъ то сямъ появлялись пустыя мѣста.

Межъ тѣмъ какъ мы подвигались все далѣе впередъ, третій баталіонъ нашего полка зашелъ слѣва въ тылъ непріятеля. Мы слышали, какъ французы съ криками: «Vive l'Empereur» бѣжали къ намъ на встрѣчу, между тѣмъ какъ пушки ихъ, расположенныя на нѣсколькихъ высотахъ, постоянно громили наши ряды.

Въ дыму трудно было отличить движущіяся фигуры, и легко бы принять своихъ за непріятеля—вслѣдствіе чего нашъ полковой командиръ приказалъ остановиться. Мы построились въ четыре каре, и съ минуты на минуту ожидали нападенія.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ переднихъ рядахъ раздалась команда: «цѣлься... пли!» Затѣмъ раздался такой трескъ и шумъ, что казалось рушится весь міръ.

Когда дымъ нѣсколько разсѣялся, мы увидѣли, что французская пѣхота бѣжитъ обратно въ лощину, а наши гнались за ней по пятамъ. Но французы скоро остановились и, сомкнувъ свои разсѣянные ряды, снова обратились на насъ.

Я силился было крикнуть команду, но голосъ мой нельзя было разслышать даже и въ двухъ шагахъ—за тѣмъ грохотомъ пушекъ, свистомъ ядеръ и пуль и крикомъ разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Около меня упалъ солдатъ, потомъ другой, третій, ряды пустѣли все болѣе и болѣе, и только слышалась команда: «сомкнись, сомкнись!»

Солдаты стрѣляли какъ попало, заряжая и подвигаясь все ближе и ближе къ непріятелю. Передніе ряды наши вступили уже въ рукопашный бой. Французы хотѣли оттѣснить насъ и нападали какъ бѣшеные.

Одинъ баталіонъ ихъ подошелъ съ боку, бросаясь на насъ со штыками, но былъ совершенно уничтоженъ двумя орудіями, находившимися въ пятидесяти шагахъ отъ нашего каре.

Несмотря на отчаянный бой, непріятель долженъ былъ отступить, бросая своихъ раненыхъ и подымаясь на гору.

Пушки его и одна картечница, расположенныя на холмахъ, обдавали насъ цѣлымъ градомъ пуль и картечи. Положеніе наше было очень опасное, хотя непріятель и отступалъ, — ибо почти-что половины полка не существовало, а помощи (крайне необходимой помощи) не было видно.

Тутъ я замѣтилъ, что непріятель отступая оставилъ влѣво отъ насъ плохо прикрытыя орудія, около которыхъ копошились люди, освѣщаемые время отъ времени пушечнымъ огнемъ.

«Взять орудія» какъ молнія промелькнула мысль у меня, и должно-быть не у одного меня,—потому что неуспѣлъ я скомандовать, какъ за мной бросилась цѣлая рота солдатъ и бѣглымъ шагомъ пустилась по направленію къ холму.

Вѣроятно французы догадались о нашемъ намѣреніи, потому что тотчасъ навстрѣчу намъ показалось нѣсколько сотень непріятельскихъ пѣхотинцевъ, которые, держа ружья на перевѣсъ, старались заградить дорогу.

Но это было напрасно; солдаты мои до такой степени были озлоблены, что не обращая вниманіе на постоянно убывающее число, прикладами и штыками прокладывали себѣ путь.

Мы были уже почти-что на самомъ верху холма, когда раздавшійся выстрѣлъ изъ картечницы повалилъ половину моихъ людей. Рота заколебалась, но это было только на одну минуту.... потомъ съ новою силой и яростію мы сдѣлали еще одинъ натискъ—и были на верху. Въ нѣсколько мгновеній орудія были окружены нашими, и только тамъ и сямъ происходилъ одиночный бой между нашими солдатами и французскими канонерами.

Пушки и картечница были достойными наградами нашихъ усилій. Я уже началъ отдавать приказаніе чтобы направить отнятыя пушки противъ непріятеля, когда почувствовалъ жгучую боль въ лѣвомъ плечѣ и

Взятіе картечницы подъ Седаномъ.

затѣмъ замѣтилъ струйку крови, которая бѣжала по моему рукаву. Я былъ раненъ.

Не знаю, долго ли я лежалъ, но когда я очнулся, то предо мною были неискаженныя яростью и злобой лица солдатъ, не война со всѣми ея ужасами, а миловидное лицо молодой сестры милосердія, которая съ нѣжною улыбкой спрашивала меня: какъ я себя чувствую.

Около меня лежало нѣсколько другихъ офицеровъ, товарищей по несчастію, громкіе стоны и оханье которыхъ показывали, что и для нихъ битва не прошла даромъ.

Тутъ уже я узналъ, что нашъ полкъ почти совершенно уничтоженъ, но что орудія взятыя нами удержаны. Потомъ я снова забылся, хотя и слышалъ какъ бы сквозь сонъ о томъ, что императоръ Наполеонъ а съ нимъ и вся армія Макъ-Магона сдалась на капитуляцію. Все пережитое наканунѣ казалось какъ будто случившимся когда-то давно-давно—и чудилось, что я нахожусь среди своей дорогой семьи, среди мирныхъ добрыхъ гражданъ, среди цвѣтущихъ деревьевъ и зеленѣющихъ полей, далеко отъ войны съ ея ужасами, кровью и убійствомъ.

Фельетонъ.

Какъ отразилась французско-прусская война на Петербургъ. — Наѣздъ русскихъ эмигрантовъ, (вѣрнѣе, абсентеистовъ) и французская эмиграція. — Слѣдствіе перваго наѣзда. — Холера; ея приличный характеръ въ этомъ году. — Кто виноватъ въ большой смертности простаго народа. — Скандалъ въ Большемъ московскомъ театрѣ. Кѣмъ и ради кого онъ произведенъ. — Достойное изумленія поведеніе большинства публики. — Какъ въ такихъ случаяхъ поступаетъ публика заграничныхъ театровъ.

Какъ отразилась теперешняя война на Петербургъ?

Вотъ тема достойная фельетониста.

Благодаря этой войнѣ произошло—во первыхъ: великое переселеніе или перемѣщеніе петербуржцевъ. Весь подвижной элементъ Петербурга, т. е. неимѣющій собственныхъ домовъ или квартиръ, законтрактованныхъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, былъ отодвинутъ изъ центра города къ его окраинамъ, послѣдовалъ движенію центробѣжному.

Произошло это отъ вздорожанія квартиръ.

Вздорожаніе было слѣдствіемъ перевѣса спроса надъ предложеніемъ.

Перевѣсъ спроса надъ предложеніемъ произведенъ массою нахлынувшихъ изъ-за границы русскихъ семействъ.

Движеніе семействъ на лоно родины было вызвано военною тревогою и смутами Европы.

Итакъ, современная война, возвративши Россіи многихъ заблудшихъ за границею дѣтей ея, пала тяжелымъ налогомъ на перербургскія квартиры—тяжелымъ на квартирантовъ и благопріятнымъ для домохозяевъ.

Въ этомъ можно видѣть явленіе аналогическое съ явленіями прусско-французской войны. Законъ одинъ. И здѣсь, какъ тамъ, пострадалъ элементъ неустойчивый, выигралъ — консервативный. Квартиранты представляютъ первый, домохозяева—второй.

Если вамъ эта параллель не нравится—пропустите ее безъ вниманія.

Я видѣлъ почтеннаго отца семейства, запыхавшагося, взволнованнаго, съ проклятіемъ во взорѣ. Онъ остановилъ меня слѣдующимъ вопросомъ:

— Ну-съ, и чтоже вы прикажете мнѣ дѣлать?

— Если можете — не дѣлайте ничего, — вы будете гарантированы отъ ошибокъ.

— Я не шучу-съ... Я заплатилъ въ одну квартиру пять, я заплатилъ въ другую десять, я заплатилъ въ третью двадцать пять (!?!) рублей — и все старые, давно занятые или негодные адресы...

Я понялъ, что имѣю дѣло съ искателемъ квартиръ.

— Если домà, сказалъ я ему въ утѣшеніе,—отказываютъ вамъ въ гостепріимствѣ, откажите имъ въ чести имѣть васъ подъ своимъ кровомъ. Разбейте гдѣ нибудь шатеръ на одномъ изъ нашихъ просторнѣйшихъ плацовъ—и вообразивъ себя воюющею стороною...

— Это шутки-съ, да на плацъ и не пустятъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ наполните шаръ газомъ—и если вѣтеръ будетъ благопріятенъ, то улетайте со всѣмъ семействомъ вонъ изъ Петербурга; если-же никакого вѣтра не будетъ, — что у насъ часто случается, — то держитесь надъ Петербургомъ, пока условія его не станутъ для васъ болѣе благопріятны.

Онъ отвѣчалъ мнѣ взглядомъ полнымъ упрека.

— Попробуйте поискать казенную квартиру, сказалъ я чтобы поправиться.

Возвращаюсь къ дальнѣйшему развитію темы.

Вторымъ слѣдствіемъ войны былъ опять таки наѣздъ на Петербургъ—но элемента совсѣмъ противуположнаго.

Третья французская республика подобно первой подарила насъ эмиграціей.

Эмиграцію эту составляютъ эмигрантки, тѣ рты, быть-можетъ и прелестные, но безполезные, съ которыми такъ грубо поступило правительство національной обороны, въ одинъ прекрасный день, схвативши ихъ, и не говоря дурнаго слова, выпроводивъ изъ Парижа.

Наѣздъ этой эмиграціи отличенъ отъ роднаго наѣзда тѣмъ, что въ немъ семейнаго характера вовсе не замѣчается.

Но такъ какъ этотъ характеръ свойственъ преимущественно тому журналу, на страницахъ котораго я имѣю честь писать, то я и считаю за-благо воздержаться отъ дальнѣйшаго развитія моихъ мыслей—и совершая самъ надъ собою обрядъ цензорскаго обузданія, мысленно перечеркиваю красными чернилами всѣ тѣ сравненія и остроумныя соображенія, которыя пришли мнѣ было въ голову.

Перехожу къ третьему слѣдствію войны, наиболѣе печальному для всѣхъ отъ мала до велика подвизающихся на неблагодарномъ поприщѣ фельетонизма.

Слѣдствіе это состоитъ въ полномъ отвращеніи вниманія русскаго общества отъ всѣхъ его собственныхъ дѣлъ и въ умаленіи значенія явленій нашей жизни—пропорціонально важности событій совершающихся за-границей.

О какомъ бы изъ текущихъ явленій вы ни попробовали теперь заговорить,—устно или печатно,—вы непремѣнно почувствуете, что рѣчь ваша звучитъ какъ-то странно, посторонне общему настроенію, что она мало кстати.

Возьмемъ напр. холеру. Кажется, явленіе довольно

почтенное; хотя она на этотъ разъ свирѣпствуетъ довольно сдержанно — но все-же... Но все-же выходитъ, что она не имѣла въ публикѣ никакого успѣха, прошла или проходитъ почти совершенно незамѣченной, потому что—стоитъ ли говорить о какой нибудь тысячѣ жертвъ, за нѣсколько недѣль, когда одно хорошее «дѣло» тамъ, во Франціи, беретъ ихъ сразу нѣсколько тысячъ.

Тамберликъ былъ грубо ошиканъ въ Москвѣ... Но что̀ значитъ свистъ театральнаго райка сравнительно со свистомъ боевыхъ пуль, что̀ значитъ временное пораженіе Тамберлика сравнительно съ пораженіемъ и паденіемъ Наполеона, что̀ значитъ интриги враговъ пѣвца, сравнительно съ интригами злокозненнаго Бисмарка или Людовика Бонапарта? — Разумѣется ничего...

Театръ, напр., далъ нѣсколько крупныхъ новостей; но скажите на милость, можно ли разсуждать о театрѣ драматическомъ или оперномъ, когда тамъ на театрѣ военныхъ дѣйствій совершаются такіе дебюты, разыгрываются такія драмы и звучитъ такая музыка, какихъ не произведутъ соединенныя силы всѣхъ труппъ и оркестровъ обѣихъ столицъ.

Открылись неизбѣжные спутники осенняго сезона—различныя выставки, пока только художественныя, но за то двѣ: одна академическая на Васильевскомъ островѣ, другая въ обществѣ поощренія художествъ. Но что значатъ всевозможныя картины нашихъ художниковъ, сравнительно съ тѣми историческими и батальными картинами, которыми насъ подарили французы въ сотрудничествѣ съ нѣмцами. Лучшіе мастера исторической живописи, той и другой школы, вызвали на свѣтъ столь неожиданные и смѣлые эфекты и оставятъ послѣ себя такіе «веселенькіе пейзажики», что убьютъ наповалъ всѣхъ «Птицелововъ», «Александровъ Македонскихъ», «Купальщицъ» и прочія произведенія академической галлереи.

Этотъ переборъ явленій, съ противуположеніемъ ихъ явленіямъ западной современной жизни, можно бы продолжать далѣе,—но пока довольно.

Каждое изъ перечисленныхъ явленій, кромѣ своего относительнаго ничтожества, и само по себѣ является на этотъ разъ столь слабымъ, малозначущимъ, что далеко не можетъ поглотить всего вниманія просвѣщеннаго читателя; надо всѣмъ этимъ явленіямъ предстать въ совокупности, чтобы составился сколько нибудь вѣскій матеріалъ для праздныхъ размышленій.

Холера, напр., въ этомъ году, кромѣ своей сдержанности, сдѣлала значительные успѣхи въ вѣжливости, тактѣ, замѣтно цивилизовалась.

Она ведетъ себя крайне осторожно: почти не задѣваетъ, не касается людей порядочныхъ, принадлежащихъ къ классу достаточному.

Но за то съ лихвой наверстываетъ эту почтительность размашистыми захватами среди простонародья.

Но кто-же въ этомъ виноватъ? Разумѣется *они* сами и никто больше.

Доказать это очень легко; стоитъ только вспомнить, что при каждомъ появленіи холерной эпидеміи являются немедленно вслѣдъ за нею совѣты и предостереженія, въ высшей степени благоразумные, обращенные къ рабочему и чернорабочему люду. Наставленія эти касаются тѣхъ гигіеническихъ условій, которыя слѣдуетъ соблюдать для избѣжанія визита грозной гостьи. Такъ, народу совѣтуется употреблять пищу здоровую, свѣжую и питательную; заботиться о чистотѣ воздуха и опрятности въ жилищахъ; одежду имѣть соразмѣрно теплую; не подвергаться вліяніямъ нашего капризно-суроваго климата, остерегаться простуды и многое другое въ этомъ родѣ. Что-же оказывается на дѣлѣ? Оказывается, что рабочее населеніе не соблюдаетъ ни одного изъ этихъ правилъ. По необразованности что-ли, или по упрямству, но нашъ простолюдинъ ѣстъ богъ знаетъ что,—такую пищу, которую конечно не станетъ ѣсть ни одна хорошо воспитанная комнатная собачка; живетъ въ душныхъ сырыхъ и вонючихъ помѣщеніяхъ; часто цѣлые дни и ночи проводитъ на открытомъ воздухѣ, не смотря ни на какую погоду, при чемъ не предохраняется достаточно отъ простуды.... Ну и заболѣваетъ, а заболѣетъ и умретъ.

Кто же тутъ виноватъ? Разумѣется никто кромѣ самой жертвы.

Но мало, что такой легкомысленный и неосторожный рабочій заразится и умретъ самъ, — онъ еще распространитъ заразу на окружающихъ, такъ что за его вину можетъ поплатиться какое-нибудь ни въ чемъ невинное, болѣе или менѣе, высокопоставленное лицо.

Вотъ это должно быть предотвращено, этому должны быть положены границы.

Такъ какъ извѣстно, что съ нашимъ народомъ требуются мѣры рѣшительныя, строгія (иначе съ нимъ ничего не подѣлаешь), то я полагалъ бы цѣлесообразнымъ постановить за несоблюденіе предписанныхъ гигіеническихъ условій извѣстныя взысканія, въ такой постепенности, что если наприм. заболѣвшій но выздоровѣвшій подлежитъ уплатѣ опредѣленнаго штрафа, то заболѣвшій и невыздоровѣвшій долженъ подвергаться штрафу вдвое (по крайнѣй мѣрѣ) большему, ибо онъ значительно болѣе угрожаетъ общественному здравію.

Но такъ какъ «прожекты» законодательнаго характера едва ли могутъ входить въ мою программу, то я напомнивши только, что заговорилъ о холерѣ для показанія того умѣреннаго и благонамѣреннаго направленія, которымъ она отличалась въ послѣднее время, дѣлаю отъ нея скачекъ къ другому явленію, о которомъ упоминалъ уже — именно о скандалѣ, случившемся въ большомъ московскомъ театрѣ на первомъ выходѣ Тамберлика.

Скандалъ этотъ — несмотря на то, что шумъ въ театрѣ произведенъ былъ страшный,—въ обществѣ и печати большаго шуму не вызвалъ. Образованная и музыкально-развитая часть московскаго и петербургскаго общества поспѣшила—въ лицѣ своихъ артистическихъ клубовъ и представителей—выразить оскорбленному артисту то чувство негодованія, которое вызывается во всѣхъ порядочныхъ людяхъ безчинствомъ шайки ни чѣмъ не сдерживаемымъ, т. е. ни обществомъ, ни властью, ни чувствомъ порядочности,—и засвидѣтельствовать при этомъ уваженіе къ прекрасному таланту и искусству знаменитаго пѣвца.

Съ своей стороны, считаемъ долгомъ замѣтить по поводу этой гадкой исторіи, что она далеко не есть дѣло райка, толпы, массы.

Раекъ — это большое и неразумное дитя, очень легко увлекающееся, но дитя доброе и въ отношеніяхъ своихъ къ артистамъ честное.

Для того чтобы натолкнуть его на такое гадкое дѣло, какъ ничѣмъ не вызванное оскорбленіе любимаго пѣвца,—надобны чужія руки, чужія подъуськиванія, совращенія и прочія махинаціи, закупающіе голоса.

На этотъ разъ, всю эту работу произвелъ одинъ кружокъ московской jeunesse dorée, «отвратительнѣйшій

кружокъ отвратительнѣйшей jeunesse dorée, какая только гдѣ-либо существуетъ» — какъ отзывался о ней одинъ изъ москвичей, хорошо знающій свой городъ. Составленная изъ людей образцовой пошлости и пустоты, хранящихъ преданіе добраго стараго времени съ традиціями парикмахерскаго шика, и не хранящая отцовскихъ денежекъ, эта шайка выбрала поприщемъ своей общественной дѣятельности — театръ. Амбиція этого кружка: являться законодателемъ сценическаго вкуса, рѣшителемъ успѣха или неуспѣха артистовъ и артистокъ. Талантъ или искусство послѣднихъ при этомъ, понятно, играетъ роль очень второстепенную. Расположеніе и поддержка этого кружка снискивается заслугами—ничего общаго съ искусствомъ неимѣющими. Такую-то любовь удалось заслужить одному италіянскому пѣвцу, пѣвшему прошедшею зимою въ Москвѣ, пѣвцу молодому съ довольно хорошими голосовыми средствами. Вѣроятно въ вышеупомянутомъ кружкѣ разсуждаютъ такъ, что за-разъ хвалить двухъ артистовъ нельзя,—что если ты хлопаешь А, то этимъ самымъ обязываешься шикать Б, хотя бы Б. имѣлъ свои достоинства, неменьшія достоинствъ А. Взглядъ, который въ полной силѣ царитъ въ провинціи. На провинціальныхъ сценахъ не можетъ появиться двухъ актеровъ или актрисъ на болѣе или менѣе одинаковыя амплуа—безъ того чтобы всѣ мѣстные театралы, вся публика театра не раздѣлилась тотчасъ же на два лагеря, называющіеся обыкновенно по именамъ своихъ кумировъ и ведущіе между собою ожесточенную борьбу. Предполагается при этомъ, что аплодисменты одному артисту представляютъ личную обиду другому; ошикать же актера—значитъ доставить торжество для его мнимаго или дѣйствительнаго соперника. Понятно, при чемъ тутъ остается искусство.

Этотъ широкій и просвѣщенный взглядъ раздѣляетъ и театральный кружокъ московской jeunesse dorée.

Оказывается, что Тамберликъ былъ принесенъ въ жертву — на алтарѣ воздвигнутомъ въ честь Станіо.

Все это вообще очень мелко, мерзко, но правоучительно. Правоучительно въ этомъ скандалѣ поведеніе публики или большинства публики. Оно въ особенности достойно вниманія.

Нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ, собравшимся съ одною общею цѣлью наслажденія искусствомъ и заплатившимъ за это деньги, шайка сговорившихся безобразниковъ всячески мѣшаетъ слушать. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, въ продолженіи пяти актовъ, шайка шипитъ, свиститъ, кричитъ, ругается. И нѣсколько тысячъ человѣкъ безсильны что-нибудь подѣлать съ шайкой крикуновъ, заставить ихъ замолчать.

Нѣсколько тысячъ человѣкъ съ безпомощной тревогою озираются кругомъ, ища глазами полицію, уповая на ея благодѣтельное вмѣшательство, для прекращенія междоусобной брани.

Но, увы! полиція, на этотъ разъ, съ спокойствіемъ достойнымъ лучшаго случая, пребываетъ безучастно, остается спокойной зрительницей совершающагося скандала, при самомъ объективномъ къ нему отношеніи.

И тысячи зрителей Большаго Московскаго театра не могутъ справиться съ десяткомъ-другимъ скандалистовъ.

Вотъ черта изумительной кротости и смиренія, которую рекомендую для восторга каждому истинному славянофилу.

На гниломъ западѣ въ подобныхъ случаяхъ публика распоряжается совершенно иначе. Тѣхъ кто ей мѣшаетъ слушать—она безъ церемоніи выпроваживаетъ за дверь и даже не прибѣгая къ силѣ, однимъ грознымъ крикомъ: «à la porte!»

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы и у насъ попробовали когда-нибудь примѣнить это заграничное изобрѣтеніе, и двое или трое изящныхъ юношей вылетѣли бы за дверь—другіе сразу бы притихли, и это послужило бы хорошимъ для нихъ предостереженіемъ на будущее время.

Но прилично ли такъ поступать смиренному и любвеобильному славянину?!

О театральныхъ новостяхъ и художественныхъ выставкахъ поговоримъ въ другой разъ.

Смѣсь.

Саргасское озеро.—Посреди океана лежитъ озеро! Какъ это ни странно звучитъ, однако это буквальная истина. Берега этого озера точно опредѣлены—и характеристика его такъ бросается въ глаза, что ошибиться нѣтъ возможности.

Когда Колумбъ въ первое свое путешествіе дошелъ до нѣкотораго разстоянія на Западъ отъ Канарскихъ острововъ, онъ весьма изумился, когда въ одно прекрасное утро проснулся и увидѣлъ, что корабли его плаваютъ по зеленому лугу. Докуда взоръ достигалъ, вода была покрыта желтовато-зелеными растеніями, такъ роскошно раскинувшимися по всей поверхности, какъ водяныя лиліи по пруду. Матросы, безъ того уже испуганные неизмѣнностью вѣтра,—они находились въ полосѣ пассатныхъ вѣтровъ,—смотрѣли на эту окружавшую ихъ со всѣхъ сторонъ растительность, какъ на вѣрное знаменіе близкой гибели. Они твердили, что Всевышній гнѣвенъ на нихъ за дерзновенность, съ которою они мнили проникнуть въ тайны Запада, и предаетъ ихъ во власть злыхъ силъ тьмы, которыя этимъ вѣтромъ препятствуютъ ихъ возвращенію въ Испанію и теперь пустятъ ихъ ко дну. Начальникъ экспедиціи не могъ объяснить себѣ это явленіе, и почти раздѣлялъ мнѣніе своихъ матросовъ, что эта зелень есть смытая волнами растительность, покрывавшая какой нибудь утесъ, объ который они сейчасъ разобьются. Спустили лотъ—дна не нашли. Корабли не измѣняли своего направленія; безпрестанно спускали лотъ съ тѣмъ же результатомъ—и спустя нѣсколько дней опять вышли въ открытое море.

Вѣроятно много тысячъ лѣтъ существовалъ этотъ морской лугъ, прежде чѣмъ увидалъ его Коломбъ, и теперь существуетъ точно въ томъ же видѣ. Онъ образуетъ треугольникъ, обращенный углами къ Азорскимъ островамъ, къ Канарскимъ и къ Зеленому мысу. Въ этихъ предѣлахъ простирается бездонное пространство, покрытое такимъ густымъ сплетеніемъ растеній, что оно замедляетъ ходъ парусныхъ судовъ. Пароходы по возможности избѣгаютъ его, потому что колеса или винты отъ него портятся; но парусные корабли, идущіе въ Вест-индію или въ Капъ, не могутъ миновать его. Случается, что бури даютъ себя чувствовать и тутъ—и дико раскидываютъ растенія, но вообще надъ Саргасскимъ озеромъ господствуетъ глубокая тишина; вѣтеръ стихаетъ, небо ясно, вода покойна.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 16 Октября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад., д. № 45—1

№ 43. **1870**

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ **С.-Петербургѣ.** 4 р.
Безъ доставки въ **Москвѣ** у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » **Итого** . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Ссылка.

(*Продолженіе*).

Во всемъ видѣлъ Дорнъ свое безсиліе. Все болѣе и болѣе овладѣвало имъ убѣжденіе, что его умышленно хотятъ уничтожить. Его обвиняли, не объявляя даже причины; ему отказывали въ правѣ, которое предоставляется даже преступнику предъ судилищемъ.

О примиреніи съ судьею не могло быть рѣчи при его вспыльчивомъ нравѣ — тѣмъ болѣе что въ этомъ случаѣ Ульманъ самъ нанесъ себѣ пораженіе, котораго никогда не проститъ себѣ. Дорну предстояла страшная борьба; оружіе и силы были неравны, но онъ все-таки рѣшился не отступаться отъ своихъ правъ и еще менѣе того подчиняться произволу Ульмана.

Прошло нѣсколько дней.

Дорнъ видѣлся ежедневно съ Ульманомъ, но разговора между ними не было.

Дорнъ совершенно уединился и даже не посѣщалъ гостинницы Онъ избѣгалъ общества, и не видѣлся съ Фарбригомъ, чтобы не обнаружить предъ нимъ своего раздраженія.

Хотя Фарбригъ заходилъ къ нему нѣсколько разъ, но никогда не заставалъ его дома.

Возвратясь однажды съ далекой прогулки домой, Дорнъ нашелъ у себя на столѣ приглашеніе отъ Берты, въ ея помѣстье, на вечеринку, чрезъ два дня. Съ послѣдняго вечера, у Фарбрига, онъ не видалъ ее. Его ссора съ Ульманомъ мѣшала ему думать о ней, да и лучше было бы для него забыть ее; однако по полученіи приглашенія ему яснѣе предсталъ ея милый образъ. Онъ конечно отклонилъ бы всякое другое приглашеніе, но сердце влекло его къ Бертѣ — и онъ рѣшился ѣхать къ ней.

На другое утро пришелъ къ нему встревоженный Фарбригъ—и увидя Дорна, сказалъ:

— Наконецъ-то я нахожу васъ дома! Я былъ нѣсколько разъ здѣсь, справлялся въ гостинницѣ, но и тамъ васъ не находилъ. Вы кажется съ намѣреніемъ избѣгаете вашихъ друзей.

— Нѣтъ, возразилъ Дорнъ, — я много гулялъ, чувствуя необходимость въ уединеніи.

Фарбригъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Г. ассесоръ, вы вѣрно имѣли непріятности на этихъ дняхъ? спросилъ онъ.

Дорнъ отвѣчалъ уклончиво.

— У васъ были непріятности съ вашимъ начальникомъ, продолжалъ Фарбригъ.

— Почему вы это предполагаете? спросилъ Дорнъ.

— Оттого что Ульманъ весьма недружелюбно выразился на вашъ счетъ, и потому что онъ не способенъ скрывать свои чувства, а тѣмъ менѣе относительно своихъ подчиненныхъ.

— Вы судите о немъ не совсѣмъ справедливо, замѣтилъ Дорнъ,—впрочемъ я могу васъ увѣрить, что не подалъ ему на то повода.

— Ваши увѣренія напрасны, г. ассесоръ, перебилъ Фарбригъ,—я пришелъ сообщить вамъ новый образчикъ грубости этого человѣка; хотя я предвижу, что это васъ оскорбитъ, но не могу умолчать.

— Не безпокойтесь, возразилъ Дорнъ, — съ нѣкотораго времени я сталъ привыкать къ непріятностямъ.

— Вы получили приглашеніе отъ Берты, на послѣ-

завтра, продолжалъ Фарбригъ.—Она разослала третьяго дня всѣ приглашенія, въ томъ числѣ и судьѣ. Но вчера онъ писалъ ей, что съ удовольствіемъ принимаетъ приглашеніе, только съ условіемъ, чтобъ вы тамъ не были. Если-же ему предстоитъ у нея встрѣча съ вами, то ему придется отказаться отъ удовольствія быть у ней.

При этихъ словахъ вся кровь бросилась Дорну въ голову.

— Я вижу, сказалъ онъ,—что г. судья рѣшился довести дѣло до послѣдней крайности. Я считалъ его умнѣе. Я охотно уступаю ему.

— Что вы?! вскричалъ Фарбригъ,—до этого не дойдетъ. Вчера пріѣхала къ намъ Берта и показала мнѣ его письмо. Я былъ пораженъ этой несправедливостью и враждою. Онъ, право, воображаетъ себѣ, что можетъ властвовать надъ всѣми въ городѣ. Я совѣтывалъ Бертѣ написать этому господину, что, желая во всякомъ случаѣ видѣть васъ своимъ гостемъ, она весьма сожалѣетъ, что должна лишиться его общества. Но Берту я никакъ не могъ склонить къ этому — и хотя, какъ вы это знаете, я ее очень уважаю, но въ этомъ случаѣ рѣшительно не могу понять.

— Въ виду такихъ обстоятельствъ я отказываюсь отъ приглашенія, сказалъ Дорнъ.

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, перебилъ его Фарбригъ,—вы оскорбите этимъ и меня и Берту. Она тоже негодуетъ на Ульмана, но не можетъ отказать ему, уважая его вліяніе въ городѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не хочетъ вооружить противъ себя своихъ знакомыхъ.

— Она любитъ его, перебилъ Дорнъ, прикусивъ губы.

Фарбригъ въ раздумьѣ провелъ рукою по лбу.

— Еслибъ я могъ быть убѣжденъ въ этомъ! вскричалъ онъ,—иногда мнѣ кажется, что такъ; а то опять овладѣваетъ сомнѣніе, тѣмъ болѣе, что она слишкомъ разсудительна, чтобы любить этого человѣка. Берта рѣшилась наконецъ отмѣнить приглашеніе подъ предлогомъ болѣзни, во избѣжаніе разныхъ толковъ.

— Это вы ей присовѣтывали? спросилъ Дорнъ.

— Нѣтъ, я уговаривалъ ее поступить съ судьею, какъ онъ этого заслуживаетъ, возразилъ Фарбригъ, — этотъ незначительный щелчокъ слишкомъ слабъ для него, и судья въ своей надменности возмечталъ бы, что безъ него не могутъ обойдтись.

— Я думаю, замѣтилъ Дорнъ,—что вы бы очень обязали вашу пріятельницу, еслибъ посовѣтовали ей отступиться отъ меня.

— Г. ассесоръ, возразилъ фабрикантъ,—вы слишкомъ несправедливы. Я могу васъ увѣрить, что она никогда не подумала бы этого. Ульманъ разсказалъ ей о вашемъ перемѣщеніи и за что̀ вы переведены въ Б..., но отъ этого вы еще болѣе выиграли въ ея мнѣніи, ибо она умѣетъ цѣнить въ человѣкѣ силу убѣжденій и твердость характера. Вы пріобрѣли себѣ у меня много друзей вашимъ замѣчательнымъ остроуміемъ.

Дорнъ разсказалъ, какой онъ за то получилъ выговоръ отъ начальника, и какъ отклонилъ упреки.

— Этотъ человѣкъ лжетъ, чтобъ вы могли оскорбить кого нибудь, возразилъ фабрикантъ съ досадою,— его сердило, что Берта обратила на васъ вниманіе, что всѣ слушали васъ съ удовольствіемъ, и что ему не удалось первенствовать въ этотъ вечеръ. Даю вамъ слово, что обращеніе съ вами Ульмана сдѣлается извѣстнымъ, и всѣ примутъ вашу сторону; хотя многіе боятся его и поддались его высокомѣрному и гордому вліянію, но никто его не уважаетъ. Стоитъ только одному начать съ нимъ борьбу — и всѣ послѣдуютъ за вожакомъ. Я приглашу на вечеръ всѣхъ кромѣ его. Онъ пойметъ это.

— Не дѣлайте этого, замѣтилъ Дорнъ, — вы навлечете на себя непріятности и ухудшите мое положеніе.

— Я это сдѣлаю! подтвердилъ Фарбригъ.—Прежде чѣмъ рѣшиться на что нибудь, я принялъ въ соображеніе ваше положеніе. Позвольте мнѣ быть съ вами откровеннымъ; хотя я и не имѣю большаго значенія, но я честный человѣкъ. Вникая въ ваше положеніе, я вижу, что вамъ еще долго придется бороться съ безчисленными затрудненіями. Многіе, не имѣющіе десятой доли вашихъ познаній, будутъ предпочтены вамъ, ибо васъ хотятъ наказать и обезсилить. Мнѣ прискорбно видѣть, что человѣкъ съ вашими способностями, познаніями и честными правилами занимаетъ столь подвластное мѣсто, на которомъ вы невольно должны подчиняться произволу начальства. Я не обладаю десятой долей вашихъ знаній, а между тѣмъ пріобрѣлъ хорошее и независимое положеніе. Вы сдѣлаете тоже. Если не удастся—ну, тогда, г. ассесоръ, я могу во всякое время доставить вамъ при моей фабрикѣ занятіе, которое дастъ гораздо больше выгодъ, нежели должность ассесора.

Дорнъ протянулъ ему руку.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ, взволнованный,— я понимаю ваше честное намѣреніе; но вы поймете чувство, которое заставляетъ меня выдержать характеръ. Назовите это самолюбіемъ или упорствомъ—во мнѣ, кажется, есть и то и другое.

— Я васъ понимаю, замѣтилъ Фарбригъ,—но вы сами отравляете тѣмъ вашу жизнь.

— А что же я теряю? Моя будущность мнѣ болѣе ничего не обѣщаетъ. Прибавится ли къ прежнимъ моимъ неудачамъ еще одна —лишняя тяжесть не велика. Только одно сохранилъ я до сихъ поръ—это сознаніе постояннаго стремленія къ справедливости; а такъ какъ вы поняли мое затруднительное положеніе, то и будете въ состояніи цѣнить, какъ дорого мнѣ сознаніе моей правоты: это моя опора.

Фарбригъ просилъ посѣтить его вечеромъ. Дорну не хотѣлось огорчить пріятеля отказомъ, и онъ обѣщалъ.

Такъ какъ Фарбригу были извѣстны всѣ непріятности его, то Дорну легче можно говорить съ нимъ откровенно.

— Не опоздайте! прибавилъ Фарбригъ уходя, — намъ никто не помѣшаетъ въ моемъ саду, а Ульманъ тѣмъ болѣе.

Оставшись одинъ, Дорнъ сталъ разбирать грубое обращеніе Ульмана. Онъ не находилъ иной причины вражды этого человѣка, кромѣ ревности.

Время незамѣтно пролетѣло до вечера. По мѣрѣ приближенія къ дому Фарбрига, Дорну становилось легче. Онъ убѣдился, что нашелъ въ фабрикантѣ искренняго и вѣрнаго друга; въ немъ не могло быть ничего скрытнаго. У Фарбрига Дорна провели въ садъ, гдѣ его встрѣтилъ радушно хозяинъ.

— Вы находите меня на моемъ любимомъ мѣстѣ, въ тѣни прекрасныхъ липъ, сказалъ онъ, протягивая руку: — пойдемте, моя жена тоже тамъ.

Онъ взялъ Дорна за руку и повелъ его. Дружно разговаривая, подошли они къ означенному мѣсту. Оно было заслонено кустами. Когда они обогнули кустарникъ, Дорнъ внезапно остановился, и рука его дрогнула; онъ

увидѣлъ подлѣ жены Фарбрига другую даму—то была Берта. Онъ слегка покраснѣлъ и вопросительно посмотрѣлъ на Фарбрига.

Фарбригъ лукаво улыбнулся; онъ зналъ уже утромъ, что Берта будетъ у него, и спросилъ:

— Развѣ вы боитесь этой дамы?

— О, нѣтъ! возразилъ Дорнъ въ недоумѣніи, — но я не ожидалъ увидѣть ее здѣсь.

— Она совсѣмъ неожиданно пріѣхала къ намъ, отвѣтилъ Фарбригъ; но по глазамъ замѣтно было, что онъ говоритъ неправду.

Дорнъ въ этотъ разъ чувствовалъ себя стѣсненнѣе передъ Бертой, чѣмъ при первой ихъ встрѣчѣ. Предупредительность Берты вывела его наконецъ изъ затрудненія и возвратила ему веселость, которой онъ давно уже не зналъ. Ея веселость была такъ увлекательна, что незамѣтно сообщалась всѣмъ.

Она откровенно разсказывала о претензіи Ульмана, который хотѣлъ присвоить себѣ преимущество предъ другими.

— Мнѣ не хотѣлось бы огорчить его, прибавила она, — а то я назначила бы вечеръ и безъ его присутствія. Я увѣрена, что мы безъ него не соскучились бы.

— Напротивъ, замѣтилъ Фарбригъ смѣясь,—намъ было бы веселѣе.

— Фарбригъ! сказала Берта,—вы не любите Ульмана; я это знаю, но послѣ смерти моего мужа онъ оказалъ мнѣ такія услуги по устройству нѣкоторыхъ дѣлъ, что я обязана ему благодарностью и не могу не быть къ нему внимательной. Повѣрьте, что мнѣ было-бы тяжело отказаться отъ удовольствія видѣть у себя своихъ друзей; я принуждена прибѣгнуть ко лжи и притворяться больною. Сегодня я узнала отъ своего друга, почему Ульманъ такъ озлобленъ на васъ, обратилась она къ Дорну:—это мнѣ непонятно: я считала его за разсудительнаго человѣка.

— Онъ таковъ и есть, возразилъ Дорнъ, — но онъ очень раздражителенъ и не умѣетъ владѣть собою.

Слова его были прерваны новымъ гостемъ, который подошелъ къ разговаривающимъ.

— А! кузенъ! воскликнула Берта, увидя пришедшаго; но въ тонѣ ея голоса не слышно было радости.

Фарбригъ невольно нахмурился.

Дорнъ замѣтилъ какъ это движеніе, такъ и выраженіе лица Берты, пристально посмотрѣлъ на приближающагося и узналъ въ немъ поручика Клинкгардта, брата Аделаиды.

Легкая краска, появившаяся было на щекахъ Дорна, тотчасъ исчезла. Страданія и горести прошедшаго разомъ пробудились въ немъ со всею силою.

Онъ вспомнилъ, какъ скоро забыла его Аделаида и какъ онъ былъ оскорбленъ ея отцомъ.

Онъ рѣдко встрѣчался съ молодымъ Клинкгардтомъ по жительству его въ другомъ городѣ—и отношенія ихъ оставались довольно натянутыми, потому что поручикъ не разъ высказывалъ свое неудовольствіе на выборъ сестры, будучи убѣжденъ, что она могла разсчитывать на лучшую партію.

Поручикъ Клинкгардтъ былъ гордъ и надмѣненъ, что довольно часто встрѣчается въ офицерахъ.

Вслѣдствіе ограниченныхъ способностей онъ не могъ избрать другой родъ службы. Всякое другое званіе онъ презиралъ и презрительно усмѣхался каждый разъ, когда упоминали, что его отецъ былъ инспекторъ; по его понятіямъ, одни только военные имѣли значеніе.

При такомъ взглядѣ на вещи, познакомился онъ съ Дорномъ; этимъ легко объясняется, почему они никогда не сближались.

Одно только огорчало поручика: онъ не былъ дворяниномъ.

Онъ хотѣлъ изгладить этотъ недостатокъ, стараясь перещеголять своихъ товарищей веселой и распущенной жизнью, къ крайнему огорченію отца, который, несмотря на свое выгодное мѣсто, часто не могъ удовлетворить требованіямъ сына.

Клинкгардтъ, подойдя ближе и узнавъ Дорна, невольно вздрогнулъ. Онъ зналъ отъ своего отца о переводѣ ассесора въ этотъ городъ, однако никакъ не надѣялся встрѣтить его здѣсь, а тѣмъ менѣе въ сообществѣ своей кузины. Презрительная улыбка появилась на его губахъ.

Не удостоивая ассесора даже и взглядомъ, подошелъ онъ къ Бертѣ и поклонился со всею любезностью; Берта встрѣтила его холодной вѣжливостью.

— Мы съ отцомъ предприняли небольшое путешествіе, говорилъ поручикъ,—пріѣзжаемъ сюда и узнаемъ, что вы возвратились; я, конечно, поспѣшилъ явиться къ вамъ и отправился въ ваше помѣстье, но тамъ узналъ, что вы уѣхали сюда.

— Отецъ вашъ здѣсь? спросила Берта.

— Онъ въ гостинницѣ; нездоровье задержало его, иначе онъ пришелъ-бы со мной.

Берта представила Дорна и Клинкгардта другъ другу.

Дорнъ молча поклонился, а поручикъ повернулся къ нему спиной. Фарбригъ и жена знали уже Клинкгардта, такъ какъ онъ, послѣ смерти мужа Берты, часто посѣщалъ ее. По приглашенію Фарбрига, поручикъ усѣлся. Присутствіе Дорна стѣсняло его; онъ старался быть разговорчивымъ и веселымъ, но во всемъ этомъ было что-то вынужденное.

Какъ Дорнъ не предполагалъ, что поручикъ въ родствѣ съ Бертой, такъ и Берта не знала, что ассесоръ былъ помолвленъ съ сестрою поручика.

И Берта стѣснялась присутствіемъ Клинкгардта; ихъ дружба казалась какъ то строго-ограничена. Какъ она ни старалась скрыть, что ей это посѣщеніе было непріятно, но ей не удалось это.

Однако поручикъ въ самообольщеніи не понялъ этого. Онъ почелъ-бы за невозможное, чтобы молодая женщина не приняла его любезности. Онъ одинъ говорилъ, шутилъ и смѣялся, какъ-бы стараясь показать Дорну, что не стѣсняется имъ.

Наконецъ Клинкгардтъ попросилъ Берту удѣлить ему нѣсколько минутъ, имѣя что-то сообщить ей.

— Семейныя дѣла, которыя-бы вамъ только надоѣли, обратился онъ къ Фарбригу:—я боюсь, что и безъ того обезпокоилъ васъ.

Фарбригъ отвѣтилъ поручику легкимъ поклономъ. Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Клинкгардтъ помѣшалъ имъ; онъ не могъ не замѣтить его грубаго обращенія съ Дорномъ и легкой краски на щекахъ послѣдняго.

Поручикъ предупредительно накинулъ на Берту шаль, и они пошли вмѣстѣ межъ куртинъ.

Дорнъ все еще сидѣлъ молча, какъ-бы погруженный въ свои мысли.

— Г. ассесоръ, обратился къ нему Фарбригъ,—вы

знали прежде поручика? Мнѣ показалось, что вы не въ первый разъ видитесь.

На лицѣ Дорна появилась горькая улыбка.

— Да, я зналъ его, отвѣтилъ Дорнъ.— Вамъ извѣстны моя помолвка и причина разрыва? Этотъ поручикъ—братъ бывшей моей невѣсты.

— А! теперь я понимаю его обращеніе, возразилъ Фарбригъ,—однако хорошо что я не зналъ этого прежде; я не съумѣлъ бы быть съ нимъ равнодушнымъ. Я вообще не люблю его. Вы знаете, что онъ въ родствѣ съ Бертой?

— Я объ этомъ ничего не зналъ — и тѣмъ болѣе удивило меня его появленіе, произнесъ Дорнъ.

— Меня это менѣе удивило, продолжалъ Фарбригъ, —я предвидѣлъ его приходъ. Его разсказы, что онъ здѣсь проѣздомъ съ своимъ отцомъ — просто выдумка, чтобы оправдать свое появленіе. До замужества Берты ни онъ, ни инспекторъ не безпокоили ее, потому что у ней не было состоянія; но какъ только она осталась богатой вдовой, появился поручикъ и началъ выказывать живѣйшее участіе къ кузинѣ. Это неожиданное участіе должно было, конечно, бросаться всѣмъ въ глаза; но поручикъ не понималъ, что ему слѣдуетъ скрывать исканіе руки молодой вдовы, такъ что она сама должна была сдерживать его. Онъ остался здѣсь цѣлыхъ двѣ недѣли, и все-таки ничего не достигъ. Для избѣжанія его дальнѣйшихъ посѣщеній, она предприняла путешествіе, но какъ только она возвратилась, тотъ опять явился. Нѣсколько времени спустя, пріѣхалъ ко мнѣ товарищъ по дѣламъ изъ города, гдѣ стоитъ гарнизонъ Клинкгардта; другъ мой зналъ его и описывалъ мнѣ его жизнь: поручикъ такъ много задолжалъ, что только богатая женитьба можетъ спасти его. Имѣніе и богатство Берты пришлись бы ему очень кстати.

Дорнъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его, и спросилъ вдругъ:—Берта не любитъ его?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фарбригъ,—до сихъ поръ она кажется не чувствовала къ нему расположенія, но я все-таки не совсѣмъ спокоенъ. Я готовъ держать пари на что угодно, что поручикъ и отецъ его пріѣхали, чтобы покорить сердце Берты; извѣстное искусство и умѣнье, употребляемыя ими для прикрытія своихъ намѣреній, убѣждаютъ меня, что оба они дѣйствуютъ по общему плану. Ха, ха, ха! путешествіе случайно, что-ли, занесло ихъ сюда? Инспекторъ заболѣлъ—отлично придумано все! Догадываетесь-ли вы, къ чему должна служить эта мнимая болѣзнь?

Дорнъ казалось ничего не понималъ и вопросительно смотрѣлъ на Фарбрига.

— Да чтобы имѣть основаніе остаться здѣсь нѣсколько дней, продолжалъ фабрикантъ,—въ это время они надѣятся завладѣть сердцемъ Берты. Г. ассесоръ, хотя я не имѣю сотой доли вашихъ познаній, но я дальновиднѣе васъ. Частыя сношенія съ людьми дали мнѣ возможность ближе узнать ихъ. Вы увидите, что я не ошибаюсь.

Дорнъ все молчалъ; его мучила мысль, что поручику пожалуй удастся покорить сердце Берты. Этому человѣку, всю пустоту котораго Дорнъ такъ хорошо узналъ, онъ наименѣе могъ уступить ее.

Опасность же, грозившая ей, было гораздо значительнѣе, нежели могъ предположить Фарбригъ, потому что инспекторъ былъ очень ловокъ и отлично умѣлъ представиться и любезнымъ и необходимымъ, какъ скоро дѣло касалось его интересовъ.

Дорнъ могъ-бы предупредить Берту, однако по своимъ убѣжденіямъ не считалъ себя на это вправѣ, — и сверхъ того этимъ поступкомъ онъ обнаружилъ бы чувство, которое такъ тщательно таилъ въ глубинѣ сердца.

Клинкгардтъ, удалившись съ Бертой, не могъ болѣе скрыть неудовольствія на присутствіе Дорна.

— Этотъ какъ попалъ сюда? спросилъ онъ ее съ видимымъ волненіемъ.

— Про кого вы говорите? возразила съ удивленіемъ Берта.

— Про ассесора Дорна, коротко отвѣчалъ поручикъ.

— Какъ видите, онъ посѣщаетъ домъ Фарбрига, замѣтила Берта. — Вы кажется знакомы съ нимъ?

— Да, я его знаю; его не терпѣли въ столицѣ; онъ разыгрывалъ роль либерала, за что и переведенъ сюда въ Б....

— Все это мнѣ извѣстно, сказала Берта, — онъ самъ разсказывалъ это моему другу; я сожалѣю его и не могу не уважать его за это. Я считаю благородствомъ, когда такъ твердо стоятъ за свои убѣжденія.

— Скоро же онъ себѣ добылъ здѣсь друзей и защитниковъ! замѣтилъ поручикъ, разсерженный участіемъ Берты къ ненавистному человѣку.

— Я увѣрена, что и въ столицѣ у него не было въ нихъ недостатка. Тамъ не могутъ быть настолько слѣпы, чтобы не признать преимуществъ Дорна. Онъ очень уменъ, остеръ и къ тому же скроменъ.

Поручикъ молчалъ; отъ него не ускользнуло сочувствіе Берты къ Дорну — этотъ человѣкъ грозилъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ его планы, и Клингардтъ задумался о томъ, какъ бы половчѣе сразить ненавистнаго. Берта едва замѣтила его молчаніе, хотя и подозрѣвала его причину.

— Вы близко съ нимъ знакомы? спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я знаю его очень хорошо! возразилъ Клингардтъ, — иначе не судилъ бы о немъ такъ смѣло. Онъ былъ обрученъ съ моей сестрой — и я до сихъ поръ не понимаю, какъ мой отецъ допустилъ это. Къ счастью, моя сестра вскорѣ разочаровалась въ немъ и отказала ему. Теперь вамъ понятно, откуда онъ мнѣ такъ извѣстенъ.

Берта невольно остановилась. Это сообщеніе удивило ее; она знала, что Дорнъ былъ помолвленъ, но съ кѣмъ именно — ей было неизвѣстно.

— Такъ Дорнъ былъ обрученъ съ вашей сестрой? повторила она; — объ этомъ я не знала. Мнѣ говорили, что его свадьба разстроилась только потому, что Дорнъ былъ переведенъ въ Б.... и что было мало надеждъ на повышеніе. Правда ли это, кузенъ?

— Не только потому, возразилъ поручикъ, — были и другія причины.

— Еслибъ я не боялась показаться нескромною, я попросила бы васъ сообщить мнѣ эти причины, сказала Берта.—Вамъ онѣ конечно извѣстны; вы такъ коротко знали Дорна.

Затруднительное положеніе поручика стало еще хуже. Злость противъ Дорна взяла верхъ надъ разсудкомъ.

— Я никогда не былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ нимъ! воскликнулъ онъ, — я съ перваго же дня возсталъ противъ помолвки. Она не соотвѣтствовала ни нашимъ отношеніямъ, ни нашему положенію. Мы не могли сойтись съ человѣкомъ, который ораторство-

валъ въ народныхъ собраніяхъ и принималъ участіе въ рабочемъ союзѣ! Я — офицеръ, мой отецъ — инспекторъ!

Берта насмѣшливо улыбнулась.

— Ахъ, кузенъ, я не знала, что принимать участіе въ рабочемъ союзѣ неблагородно! сказала она. — Значитъ, наши взгляды далеко расходятся, ибо я всегда смотрѣла съ пристрастіемъ и уваженіемъ на людей, которые имѣютъ мужество учить и просвѣщать народъ. Въ просвѣщеніи я вижу важное преимущество — единственное, которое можетъ пріобрѣсти и бѣднякъ. Вы кажется другаго мнѣнія.

Клингардтъ закусилъ себѣ губы. Все болѣе и болѣе запутывался онъ вслѣдствіе своей неосторожности, и все сильнѣе выказывалось участіе Берты къ Дорну; желая унизить его, поручикъ только возвышалъ Дорна въ глазахъ Берты. Она высказывала убѣжденія и взгляды, совершенно противуположные взглядамъ и убѣжденіямъ поручика, а у него духу не хватало сознаться въ этомъ. Желая пріобрѣсть ея благосклонность, онъ достигъ совершенно противнаго. Сколькихъ усилій стоило ему сдержать выраженіе своего негодованія! Онъ перешелъ къ распросамъ о путешествіи Берты; ему стало свободнѣе дышать, когда онъ замѣтилъ, что Берта поддерживаетъ этотъ разговоръ.

— Долго ли вы думаете пробыть здѣсь? спросила Берта.

Поручикъ пожалъ плечами.

— Это будетъ зависѣть отъ состоянія здоровья моего отца, возразилъ онъ, — во всякомъ случаѣ нѣсколько дней; — я не допущу его продолжать путешествіе до его совершеннаго выздоровленія. Я надѣюсь однако, что завтра онъ будетъ въ состояніи посѣтить васъ.

Берта молча поклонилась.

Они вернулись къ ожидавшимъ ихъ Фарбригу и Дорну. Отъ проницательнаго взгляда Фарбрига не ускользнули легкая краска Берты и раздраженный видъ ея, хотя она и старалась казаться покойною. Онъ догадался, что предметомъ ихъ разговора былъ Дорнъ.

Клингардтъ собрался уходить — и Фарбригъ, замѣтивъ это, сказалъ ему:

— Не смѣю задерживать васъ по случаю болѣзни вашего отца. Нѣтъ ничего несноснѣе болѣзни въ чужомъ городѣ, да и къ тому же въ гостинницѣ. Надо надѣяться, что болѣзнь вашего отца не будетъ опасна.

— Нѣтъ, возразилъ поручикъ, — и не желая оставаться и продолжать разговоръ съ человѣкомъ, котораго онъ ненавидѣлъ только потому, что тотъ былъ другомъ Дорна, онъ ушелъ.

Берта не хотѣла упрашивать его остаться.

Въ жёлчномъ настроеніи духа оставилъ онъ Фарбрига и его гостей. За нѣсколько часовъ до этого, онъ рисовалъ себѣ обширные планы; онъ былъ такого высокаго мнѣнія о своей любезности, что считалъ ее неотразимою, но спокойствіе Берты весьма поколебало въ немъ эту увѣренность. Онъ обвинялъ во всемъ этомъ ассесора.

Поглаживая свои усики и проходя по городу, онъ какъ-будто искалъ—на кого бы излить свою злобу.

(Продолженіе будетъ).

Шаманка.

Оригинальный рисунокъ П. Маркова (по наброску Е. Е. Мейера), гравировалъ К. Вейерманъ.

Пѣсня Шаманки.

Прилагаемый рисунокъ, изображающій шаманку, исполненъ по наброску покойнаго академика Е. Е. Мейера, которымъ была переведена на русскій языкъ и самая пѣсенка шаманки, помѣщенная въ концѣ нашей статьи. Проведя нѣсколько лѣтъ въ Приамурскомъ краѣ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при канцеляріи губернатора Восточной Сибири, этотъ высокоталантливый художникъ-пейзажистъ, по дѣламъ службы безпрестанно сталкиваясь съ гиляками *), успѣлъ отлично познакомиться съ ихъ языкомъ и нравами.

Ни мало не вдаваясь въ разсмотрѣніе шаманства вообще (о которомъ въ «Нивѣ» готовится особая статья), замѣтимъ только, что во всѣхъ сколько-нибудь выдающихся случаяхъ своей жизни, гилякъ *) непремѣнно прибѣгаетъ къ нему. Шаманъ или шаманка составляютъ неизбѣжныя принадлежности пировъ свадебныхъ, похоронныхъ и тому под. Вотъ одна изъ этихъ жрицъ, разукрашенная древесными стружками, пляшущая и поющая около огня, въ избѣ гиляка. На поясѣ ея брянчатъ, стуча другъ о друга, колокольчики; въ рукахъ ея бубенъ, по которому она ударяетъ, акомпанируя своему, то неистово-веселому, то перескакивающему въ заунывно-визжащій тонъ, голосу. Она поетъ:

Пурга дуетъ... Соболекъ
Скрылся въ темный уголокъ;
Ты возьми, Гилякъ, стружокъ,
Стружекъ брось мнѣ въ огонекъ.

Пурга дуетъ... Соболекъ
Скрылся въ темный уголокъ;
Изруби, гилякъ, челнокъ,
Чтобъ горѣлъ нашъ огонекъ,

Чтобы въ бурю и ненастье
Огонекъ принесъ намъ счастье...
А не то... гилякъ родной
Не придетъ уже домой!..

Пурга дуетъ.... Соболекъ
Скрылся въ темный уголокъ,
Но... горитъ нашъ челночекъ,
Солнцемъ свѣтитъ огонекъ!!!

Поскорѣй уху варите,
Хлѣба русскаго купите,
Подогрѣйте араку, —
Обогрѣться гиляку.

А не то — гилякъ родной
Не придетъ уже домой.

Пурга дуетъ... Соболекъ
Скрылся въ темный уголокъ;
Слышу — лай и вой собакъ...
Вотъ идетъ родной гилякъ!

Пав. Марковъ.

*) Гиляки, сибирскій народецъ, принадлежащій къ Курильской вѣтви Монгольскаго племени, и живущій по сосѣдству съ манжурами, близь слiянія Усури съ Амуромъ.

Темныя и свѣтлыя стороны дѣятельности естествоиспытателя.

(Окончаніе).

Давнишнему обвиненію со стороны художниковъ, будто природѣ только случайно удается произвести что-нибудь истинно-прекрасное, вторитъ и наука, несмотря на то, что она не можетъ не благоговѣть передъ изобрѣтательностью и техникой природы. Насколько природа по технической части превосходитъ все, чего въ состояніи достигнуть человѣкъ,—это всего лучше извѣстно физіологу, разбирающему органическія созданія ея.

Возьмемъ сперва матеріалъ. Чтобы произвести металлическій блескъ пера, хрусталь глаза, компактность кости, эластичную мягкость кожи, природа не беретъ, подобно художнику, металлъ, стекло, дерево, каучукъ — словомъ различнѣйшія вещества, а все это изготовляетъ изъ одного и того же вещества, которому она, незначительными измѣненіями строенія и легкими примѣсями, умѣетъ придавать свойства, благодаря чему каждая часть получаетъ свою особенность; такимъ образомъ, мѣстный характеръ не изглаживаетъ общаго—и, при всемъ разнообразіи наружнаго вида, каждое произведеніе, уже по единству матеріала, сохраняетъ свое характеристичное единство.

Затѣмъ — разработка деталей. Какіе прелестные, изящные пріемы! Варварскіе методы, по которымъ человѣкъ даетъ своимъ произведеніямъ форму и разнообразіе — верстакъ, рѣзецъ, кисть, шаблонъ, прессъ, станокъ — природѣ неизвѣстны. Она не начинаетъ съ цѣлаго, потомъ уже переходя къ деталямъ,—а начинаетъ съ наималѣйшихъ мелочей, съ невидимыхъ атомовъ, и соединяетъ ихъ такъ, какъ будто они по собственной волѣ составили цѣлое. Затѣмъ, образовавъ изъ атомовъ органическое цѣлое, видимое подъ микроскопомъ, она тѣмъ же путемъ составляетъ клѣточку, все еще далеко уступающую величиной мельчайшей песчинкѣ. Каждая изъ этихъ клѣточекъ дѣлается центромъ самостоятельной формаціи и въ тоже время принимаетъ (смотря по мѣсту, ею занимаемому) особыя впечатлѣнія снаружи. Складывая клѣточку съ клѣточкой по опредѣленному внутреннему закону, такъ что каждая дѣлится на двѣ новыхъ и т. д., и т. д., природа производитъ большія формаціи, видимыя уже на простой глазъ, продуктъ многихъ одновременныхъ работъ. Такимъ образомъ объясняется (именно тѣмъ, что она всѣ случайныя внѣшнія вліянія подчиняетъ своему внутреннему закону) — что природа, при всей машинно-правильной работѣ, ни одного волоска, ни одной чешуйки, не говорю уже глаза или члена, не дѣлаетъ похожимъ на другой. Если бы мы, вмѣсто того чтобы съ одного негатива снимать нѣсколько фотографическихъ оттисковъ, каждый разъ заново снимали, вышло бы нѣчто отдаленно-похожее на это разнообразіе.

Въ соразмѣрности формъ природа тоже великій мастеръ, можетъ-быть потому, что она не создаетъ своихъ твореній по кусочкамъ, какъ человѣкъ. Ей не нужно дѣлать сначала набросокъ, потомъ наполнять и отдѣлывать его; она уже въ зародышѣ кладетъ всѣ задатки будущихъ формъ, такъ что туловище растетъ вмѣстѣ съ членами, кожа вмѣстѣ съ мускулами и костями. Такимъ образомъ каждая часть помогаетъ развитію другихъ и наоборотъ, потому что всѣ одновременно развиваются изъ одного матеріала. Впрочемъ и не все удается:

уродовъ не мало выходитъ изъ мастерской природы; но большинство ихъ не выноситъ пробы жизни, такъ что большаго итога они не составляютъ, несмотря на свою многочисленность.

Но добротностью матеріала, отдѣлкой деталей, соблюденіемъ пропорцій кончается искусство природы. По самоновѣйшимъ взглядамъ, достигшимъ почти исключительнаго господства въ наукѣ о развитіи органическихъ веществъ, природа методически улучшаетъ строеніе своихъ созданій. По наипослѣднему толкованію знаменитаго ученія Дарвина, лягушку и жабу приходится считать предварительными попытками природы къ построенію человѣческаго организма. Если это вѣрно, то творчества у нея нельзя отнять, но художественности ея это ужь послѣдній ударъ: что за художникъ, который опять и съизнова возвращается къ своей точкѣ отправленія, давно уже превзойденной! Но, не пускаясь въ разборъ того, насколько ложно и насколько вѣрно ученіе нашихъ новѣйшихъ естествоиспытателей, одно остается несомнѣнно: природа, въ противоположность художнику, съ одинаковой легкостью и плодовитостью творитъ безобразное и прекрасное, съ одинаковой тщательностью и любовью. При всѣхъ заблужденіяхъ, въ которыя впала наша нынѣшняя художественная промышленность, она еще не такъ низко пала, чтобъ въ одно время искать любви прекрасной дѣвы и устрицу или паука.

Большинству читателей всѣ эти размышленія покажутся странными, особенно въ устахъ естествоиспытателя, такъ какъ уже привыкли отъ ученаго братства слышать одно восхваленіе и превознесеніе наукѣ, наложившей клеймо свое на нашъ вѣкъ. Но повторяю—какъ ни больно въ этомъ сознаться—наука не представляетъ пищи человѣческому уму, конечно въ томъ случаѣ, если обнять ее цѣликомъ а не составить изъ нея антологію.

Вопросъ однако совсѣмъ мѣняется, если перейти отъ знанія къ могуществу, которое оно даетъ, отъ постиженія природы къ власти надъ нею. Тутъ открывается намъ совершенно-новое, потрясающее зрѣлище.

Природа надѣлила насъ немощнымъ тѣломъ, подверженнымъ всякимъ недугамъ и случайностямъ, и вдобавокъ окружила насъ опасностями, силами, въ сравненіи съ которыми наши слабыя силы—игрушка. За то, поставивъ насъ въ міръ загадокъ, она вложила въ насъ стремленіе размышлять, потребность творить, вселила въ насъ любовь къ нашимъ дѣтямъ и соотечественникамъ, и цѣлесообразно дала намъ лишь скудную пищу, такъ что голодъ сдѣлался помощникомъ любви. Въ такомъ положеніи — одинъ исходъ: безустанно пріобрѣтать знаніе, которое даетъ власть надъ силами природы. Естественныя науки, дочери нужды, представляютъ къ тому единственное средство.

Цѣль заманчива, но далека,—ибо то, что мы называемъ природой, есть клубокъ перепутанныхъ, переплетенныхъ нитей, и не со всякаго конца можно его размотать. Каждый слѣдующій шагъ напрасенъ или слишкомъ скудно вознаграждаетъ за трудъ, если не сдѣланъ сперва предъидущій.

Разительное доказательство этого положенія представляетъ исторія развитія физіологической науки. Тѣло человѣка, какъ нынѣ доказано неопровержимо, есть искусное соединеніе множества орудій или аппаратовъ, которыми управляютъ не какія нибудь особыя, избранныя силы, а все тѣ же силы неорганическаго міра. Значитъ: чего бы, кажется, проще, какъ начать съ разбора собственнаго тѣла или тѣла животныхъ, наиболѣе близкихъ человѣку по своему организму,— и этимъ путемъ достичь пониманія неоживленной природы? однако естественныя науки ни разу съ успѣхомъ этого способа не испытывали. Этого мало: мы ни разу не постигали ни одного органа нашего тѣла до тѣхъ поръ, пока не открывали и не уразумѣвали что-нибудь сходное съ нимъ по механизму въ природѣ.

Когда, при помощи астрономіи, создались первыя начала механики—тогда только анатомъ увидѣлъ въ давно-извѣстномъ костяномъ остовѣ человѣческаго тѣла осуществленіе закона рычага. Пока не были изобрѣтены телескопъ и микроскопъ — ни одному изъ многочисленныхъ изслѣдователей человѣческаго глаза не пришло въ голову, что этотъ органъ, которымъ мы воспринимаемъ и собираемъ лучи свѣта, есть доведенный до совершенства оптическій аппаратъ. Только по открытіи Вольтова столба—нашли и въ нашихъ нервахъ и мускулахъ электрическую баттарею. Послѣ этого неудивительно, что изобрѣтеніе паровой машины ни одной наукѣ такихъ услугъ не оказало какъ нашей.

Первая паровая машина была первымъ искусственно-построеннымъ *самостоятельнымъ* механизмомъ, въ которомъ дѣйствіе различныхъ силъ сложилось настолько прозрачно, что можно было подмѣтить связь между искусственно-произведенной теплотою и происходящимъ отъ нея движеніемъ. Немедленно въ умѣ физіолога разрѣшилась великая загадка жизненной силы, ибо оказалось, что когда уголь называютъ *пищей локомотива* и горѣніе—его жизнью, это вовсе не одна поэтическая метафора.

Жизнь объяснилась при помощи математики, химіи и физики, разумѣется не путемъ непосредственнаго перенесенія фактовъ и положеній этихъ наукъ на животные органы и ихъ отправленія: отъ такой ошибки предохраняетъ уже радикальное различіе между органической и неорганической природою. Но при всемъ томъ, сколько труда и проницательности нужно было, чтобы каждый разъ ясно доказать съ одной стороны различія, съ другой—сходство между этими двумя великими началами; однако положенія, отысканныя въ чистой отвлеченности естественныхъ наукъ, служили путеводной звѣздой физіологу.

Поэтому тѣ области, въ которыхъ не свѣтитъ намъ еще эта звѣзда, при всѣхъ усиліяхъ такъ и остаются темными. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что клѣточка питается, ростетъ, раздѣляется, порождаетъ множество химическихъ соединеній, что она въ себя принимаетъ вещества простыя а изъ себя даетъ сложныя; мы знаемъ, что она въ теченіе своей жизни, смотря по положенію, мѣсту, условіямъ, принимаетъ многочисленные разнообразнѣйшіе виды, неподвижные и подвижные; однимъ словомъ, мы знаемъ, что она—архитекторъ нашего тѣла, и потому страстно ждемъ открытія ея *первичнаго зарожденія*—пожалуй, *homunculus*; только тогда когда, осуществится эта мечта, хотя бы самымъ несовершеннымъ образомъ, когда искуственно создастся малѣйшее количество прочнѣйшей органической матеріи способной къ развитію,—разрѣшится великая задача естественнаго развитія и достигнется полная власть— врача и сельскаго хозяина—надъ развитіемъ животнаго и растенія.

Впрочемъ, полное, такъ-сказать философское пониманіе, какими путями сложнѣйшіе процесы природы проистекаютъ изъ немногихъ простыхъ началъ, къ счастью не всегда необходимо для практическаго примѣненія на-

шихъ знаній. Каждое, хотя самое практическое знаніе даетъ уже нѣкоторую, большую или меньшую власть надъ матеріей и силами природы. Это вполнѣ доказывается исторіей, потому что на чемъ же основано изготовленіе стекла, прививка растеній, употребленіе опіума и множество другихъ техническихъ пріемовъ, извѣстныхъ уже въ глубокой древности, какъ не на эмпирическомъ знаніи данныхъ причинъ и слѣдствій?

Но къ полному, безусловному владычеству надъ природою насъ можетъ привести только теорія, потому что она—знаніе не искуственное, а выведенное изъ безчисленныхъ опытовъ, расширяемое, подтверждаемое и исправляемое дальнѣйшими опытами. Теорія никогда не заканчивается; она — живой корень правильнаго изслѣдованія, сознательнаго опыта, отнюдь не голословнаго пустаго умозрѣнія; она напередъ указываетъ, какія принять мѣры, чтобы послѣдовалъ извѣстный результатъ. Итакъ, теорія даетъ намъ возможность не потеряться въ извѣстныхъ уже областяхъ, а въ тоже время раскрываетъ намъ новыя и указываетъ намъ кратчайшій путь къ знанію.

Этотъ способъ изслѣдованія характеризуетъ науку съ конца среднихъ вѣковъ; но только съ конца 17-го вѣка гипотезы, ведущія къ наблюденію, приняли свойства теоріи въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова; а всего не болѣе тридцати лѣтъ, какъ наши теоретическіе взгляды до такой степени обобщились, что подвели почти всѣ явленія природы подъ немногія общія рубрики. Этимъ развитіемъ теоріи объясняется громадный прогрессъ нашихъ спеціальныхъ знаній въ столь короткое время.

Если бросить взглядъ на огромное число людей, работающихъ на службѣ научной теоріи, начиная съ кочегара при локомотивѣ до свѣтилъ науки, намъ тотчасъ ясно дѣлается, что не всѣ въ равной мѣрѣ вкусили плода древа познанія. Лишь немногимъ дано выражать миріады явленій и борьбу силъ природы тѣми знаками, которые математика установила для своихъ чисто-отвлеченныхъ операцій; немногимъ дано такъ владѣть этими знаками, чтобы въ нихъ съ полной истиной отразились и эта стройность и эта борьба. Къ этимъ немногимъ примыкаетъ другой, гораздо болѣе многочисленный разрядъ людей, которые въ состояніи понять результаты отвлеченнаго мышленія, но должны принимать ихъ на слово, чтобы перевести ихъ на языкъ, понятный несмѣтному полчищу рабочихъ, уже приводящихъ формулу въ практическое исполненіе.

Нѣтъ человѣка, который могъ бы одинъ справиться со всѣми задачами, задаваемыми намъ наукою въ самомъ обширномъ смыслѣ слова: многія тысячи людей должны раздѣлить этотъ трудъ между собою, къ вящей пользѣ не только науки но и человѣчества. Такимъ образомъ спеціалисту отъ своей профессіи остается время для семьи, для искусства, для государства. Кто можетъ отрицать вліяніе, которое это труженики науки оказывали и оказываютъ на умственную и нравственную жизнь цивилизованныхъ народовъ?

Въ мірѣ возникла небывалая доселѣ потребность труда и наслажденія. Давно уже не хватаетъ даровъ, добровольно расточаемыхъ небомъ и землею. Уголь, мумія погибшихъ лѣсовъ, какъ бы глубоко ни прятался онъ, не ускользаетъ отъ нашего глаза и заступа; изъ изсохшихъ морей добывается оплодотвореніе для полей; продукты реторты соперничаютъ благовоніемъ и роскошью цвѣтовъ съ произведеніями природы; растенія и животныя вывозятся изъ родной земли и акклиматизируются подъ далекимъ небомъ; къ тысячамъ природныхъ видовъ органическаго міра прибавляются новые искуственные виды. Всюду столько требованія и производства, что если прежде таланту недоставало труда, нынѣ труду часто недостаетъ таланта. Погоняемые потребностью, прельщаемые успѣхомъ, низшіе классы общества прорываютъ стародавнія преграды—и даже слабѣйшій людъ несетъ на жизненный базаръ плоды своего трудолюбія.

Вездѣ гдѣ за дѣло принимаются наука и ея послѣдователи—начинанія ихъ увѣнчиваются успѣхомъ. Почти уже не подлежитъ сомнѣнію, что со временемъ человѣку будутъ покорны всѣ силы, органическія и неорганическія, которыми управляется наша планета. Но когда это будетъ достигнуто,—когда все, что до сихъ поръ совершено, покажется шуткою въ сравненіи съ тѣмъ, что тогда будетъ сдѣлано естественной наукой,—будетъ ли тогда человѣчество лучше и счастливѣе? Когда мы укротимъ сѣверный климатъ, появится ли у насъ счастливый нравъ, живое воображеніе жителей юга? Когда мы доведемъ до высшей степени совершенства тонъ и настройку инструментовъ, доброту полотна и пышность красокъ, воротится ли золотой вѣкъ искусства? Когда мы создадимъ неоскудѣвающее изобиліе, водворится ли между нами одна радость и благоволеніе? Скорѣе похоже на противное.

Не нынѣ—когда время является намъ такимъ безконечнымъ, а «небо» стало словомъ лишеннымъ смысла,—открыты вѣчныя начала правды добра и нравственности, а въ тѣ времена, когда пѣли о богахъ и патріархи встрѣчали и провожали ангеловъ господнихъ, посѣщавшихъ ихъ шатры. Красоту и движеніе человѣческаго тѣла позналъ глазъ и воспроизвела рука эллина, который съ суевѣрнымъ страхомъ содрогнулся бы при мысли посягнуть на это тѣло, по смерти вонзить въ него ножъ. Тысячи людей, которыхъ паровозы каждый день мчатъ въ вѣчныя горы, не подарили насъ картинами ихъ великолѣпія; творцы всепотрясающихъ симфоній простились съ нами прежде, чѣмъ открыли акустическій законъ современнаго аккорда.

Если сравнить нынѣ-существующую силу творчества въ области искусства и литературы, даже пониманіе великихъ твореній всѣхъ родовъ, съ тѣмъ, что было прежде,—едва ли мы вынесемъ убѣжденіе, что мы живемъ въ вѣкѣ духовнаго прогресса. Неужели же прійти къ печальному выводу, что преуспѣяніе естественныхъ наукъ влечетъ за собою попятное движеніе души нашей или обусловливается имъ?...

Нѣтъ, не можетъ этого быть! Вслѣдствіе того, что небо исполнено мірами, а земля управляется сильными законами, вопросъ о происхожденіи и назначеніи всей этой безконечности долженъ тѣмъ неотвязнѣе преслѣдовать насъ; вслѣдствіе того что выросли и окрѣпли разумъ и дѣятельность, правда и нравственность тоже должны окрѣпнуть,—потому что умъ, подчинившій себя матеріи, долженъ чувствовать себя выше и сильнѣе. И такъ, будемъ вѣрить, что за нынѣ-переживаемымъ нами періодомъ внѣшней работы послѣдуетъ еще періодъ внутренней жизни, и что эта жизнь, обогащенная дарами науки, развернется богаче прежняго. Пускай тогда, въ сказаніяхъ этого славнаго будущаго, борцы нашего времени уподобятся древнимъ героямъ, которые умерщвляли драконовъ, а пахари приносили миръ и безопасность....

Ураганъ въ Вестиндскихъ водахъ.

(изъ дневника).

Каждый изъ моихъ читателей, безъ сомнѣнія, имѣлъ случай наблюдать за маленькимъ вихремъ—какъ онъ прихотливо играя, втягиваетъ въ себя и крутитъ на воздухѣ пыль, листья и прочіе легкіе предметы, или сметаетъ ихъ въ одну кучу. Главныя черты этого безвреднаго явленія — болѣе или менѣе сильное вращеніе вокругъ собственной вертикальной оси, притягиваніе окружающихъ воздушныхъ слоевъ и стремленіе вверхъ внутреннихъ крутящихся слоевъ, съ незначительнымъ движеніемъ или совершенной неподвижностью всего феномена. Если такой крутящійся столбъ воздуха пріиметъ размѣры побольше, онъ можетъ уже двинуть съ мѣста предметы потяжелѣе (напримѣръ, снопы хлѣба или стоги сѣна), вырвать съ корнемъ деревья, сорвать крышу съ зданій. Если столбъ переходитъ рѣку, озеро или море, или образуется надъ водою, онъ легко производитъ смерчи, которые причиняютъ страшное опустошеніе на ближайшемъ берегу. Истинно же ужасны по своей истребительной ярости тѣ вихри, которые посѣщаютъ почти исключительно извѣстныя, опредѣленныя страны, гдѣ получаютъ различныя названія: ураганъ, торнадо, тифонъ, тай-фынь и пр. Это то же явленіе, усугубленное до непомѣрности. При быстротѣ вращенія, доходящей до 60—90 географическихъ миль въ часъ, вихри въ состояніи сверхъ того пройти нѣсколько сотъ миль въ день; но разрушительная сила ихъ вся въ одномъ вращательномъ движеніи, чѣмъ они преимущественно и отличаются отъ всѣхъ другихъ бурь, которыя рвутъ и мечутъ прямо предъ собою. Чѣмъ ближе къ центру вихря, тѣмъ больше опасность; въ самомъ же центрѣ нѣтъ спасенія: со всѣхъ сторонъ стремящіяся туда воздушныя волны тутъ образуютъ такой такъ-сказать вѣтроворотъ, который всякому произведенію рукъ человѣческихъ грозитъ почти вѣрнымъ разрушеніемъ.

Этого рода вихри, или циклоны, возникаютъ (чуть ли не безъ исключенія) только въ самыхъ тропикахъ, а именно: главнымъ образомъ въ двухъ полосахъ, лежащихъ между 10° и 20° сѣверной и южной широты. Изъ этихъ двухъ (по ту и по сю сторону экватора лежащихъ) полосъ, они неизмѣнно двигаются къ ближайшему полюсу,—такъ что, постоянно крутясь, они доходятъ приблизительно до 30° той или другой широты, подвигаясь съ востока на западъ, но тутъ поворачиваютъ назадъ къ востоку. Стало-быть они описываютъ кривую линію, всегда обращенную выпуклостью къ западу. Вращеніе вокругъ собственной оси на каждомъ полушаріи всегда происходитъ по одинаковому направленію, на обоихъ же—по противоположному. На сѣверномъ полушаріи оно идетъ противъ часовыхъ стрѣлокъ, на южномъ — въ ту же сторону какъ часовыя стрѣлки. Слѣдовательно, въ случаѣ приближенія циклона, правило слѣдующее: поворачиваться лицомъ противъ вѣтра; тогда на сѣверной половинѣ земли центръ будетъ съ правой стороны, а на южномъ — съ лѣвой.

Правильное совпаденіе приводимыхъ ниже фактовъ доказываетъ, что эти вихри подлежатъ точнымъ законамъ, и даетъ возможность составить систему вѣроятій относительно времени года въ которое они бываютъ, ихъ направленія и движенія,—такъ что опытный морякъ, во-время предваренный, можетъ вывести корабль свой за предѣлы опасности. Извѣстно множество случаевъ, въ которыхъ это дѣйствительно удавалось; другіе корабли, застигнутые слишкомъ внезапно, бѣжали, подгоняемые вихремъ,—и описывали въ немъ одинъ или даже нѣсколько совершенныхъ круговъ; наконецъ, слишкомъ много, увы, такихъ, которые погибали и погибаютъ безъ возможности спасенія—и ничего не остается, что могло бы хотя свидѣтельствовать о ихъ печальной долѣ. Такъ, напр. въ ноябрѣ 1861 г. невдалекѣ отъ голландскаго берега, безвѣсти пропалъ прусскій корветъ «Амазонка», а другое судно новаго германскаго флота, несчастная шкуна «Frauenlob» безслѣдно изчезла въ сентябрѣ прошедшаго 1869 г., во время тифона, близь Японіи. Да и въ позднѣйшее время, 18 декабря 1869 г., французскій паровой корветъ «Горгона» со всѣмъ экипажемъ — 121 человѣкомъ — погибъ близь Бреста. Нѣсколько матросскихъ шляпъ да немного дерева—вотъ все что осталось отъ гордаго военнаго парохода.

Вестиндію болѣе всѣхъ странъ посѣщаютъ эти ураганы. Они тамъ бываютъ, также какъ и въ китайскихъ моряхъ (стало быть на всемъ сѣверномъ полушаріи), отъ іюля до октября; въ индѣйскомъ морѣ и полинезійскомъ архипелагѣ, напротивъ—отъ января до марта. Они слѣдуютъ обыкновенно направленію идущихъ съ экватора, т. е. теплыхъ, морскихъ теченій: это весьма замѣтно вдоль японскаго теченія, Куро-Сива; но еще поразительнѣе въ сѣверо-атлантическомъ океанѣ, гдѣ рѣзко ограниченный Гольфстремъ катитъ свои волны сперва вдоль Соединенныхъ Штатовъ, потомъ черезъ океанъ въ Европу. Хотя, по большей части, эти вихри свирѣпствуютъ только въ тропикахъ, однако случается нерѣдко, что ихъ разрушительная ярость уноситъ ихъ и гораздо далѣе этихъ предѣловъ. Вестиндскіе ураганы часто доносятся до туманныхъ береговъ острова Ньюфоундленда—и можно предполагать, что, слѣдуя направленію Гольфстрема, они даже переправляются черезъ океанъ. Они иной разъ заходятъ и въ полярныя страны. Въ сентябрѣ 1866 г. мы, въ Ледовитомъ морѣ, къ сѣверу отъ Берингова пролива, испытали такого рода бурю, которая вѣроятно началась въ китайскихъ моряхъ и продолжалась пять часовъ, такъ что корабль и экипажъ насилу избѣгли погибели. Почти вѣрить невозможно, какія опустошенія производитъ циклонъ, если онъ пройдетъ по землѣ. Нѣтъ ничего, могущаго противустоять ему: дома, цѣлые города рушатся, лѣса и плантаціи уничтожаются; даже тяжелыя крѣпостныя орудія сносятся и прочнѣйшія фортификаціи превращаются въ груды развалинъ; бывали случаи, что даже большіе корабли срывало съ якоря, и съ помощью разбушевавшагося моря выкидывало на берегъ, гдѣ они оставались на высокихъ и сухихъ мѣстахъ, какъ печальные свидѣтели человѣческаго безсилія.

Теперь опишу одинъ такой ураганъ, котораго я самъ былъ очевидцемъ.

21 декабря 1867 г. наша шкуна «Рикардо» ушла отъ острова Гваделупы. На ней было семь человѣкъ команды — достаточное число рукъ для управленія мастерски-построеннымъ судномъ. Богатый грузъ не только наполнялъ трюмъ, но отчасти былъ наваленъ на палубѣ, такъ что шкуна была нагружена почти черезмѣрно. Всѣ паруса были распущены: снасти скрипѣли, трещали и натягивались, стройныя реи гнулись

подъ тяжестью парусовъ — и дивное судно неслось по морю во всей горделивой красѣ своей. Его красивый, нѣсколько длинный кузовъ, почти несоразмѣрно-высокія мачты, поддерживаемыя туго натянутыми снастями и подпиравшія всю эту массу холста, порадовали бы глазъ любаго моряка; у насъ сердце радостно запрыгало въ груди, когда наша любимица, кокетничая съ вѣтромъ и волнами, устремилась въ синюю, безконечную даль, — и тотъ, который, стоя у руля, вѣрнымъ давленіемъ руки управлялъ ходомъ гордаго корабля, считалъ себя зависти достойнымъ. Вскорѣ земля исчезла въ дымчатой дали; кругомъ насъ не осталось ничего кромѣ воды, неба и солнечнаго сіянія. Кто въ такія минуты думаетъ о непостоянствѣ вѣтра и волнъ! Славный, умный ньюфоундлендскій песъ, долголѣтній, неразлучный спутникъ капитана, весело прыгалъ и лаялъ на палубѣ, какъ будто и ему было пріятно снова почувствовать морской воздухъ.

Два дня мы быстро неслись къ сѣверу; вдругъ вѣтеръ ослабъ, сдѣлался невѣренъ, наконецъ совсѣмъ опалъ. Въ полдень былъ совершеннѣйшій штиль, между тѣмъ какъ солнце невыносимо пекло и жгло. Еще разъ поднялся нашъ прежній вѣтеръ, но порывистымъ переходомъ перемѣнилъ направленіе, сильно посвѣжѣлъ и спустя недолго опять утихъ. Мы ждали шквала съ грозою, больше ничего, — потому что къ югу уже хмурились длинныя темныя грозовыя тучи, и съ востока тоже поднималась и придвигалась черная масса. Оттуда же, какъ бы предупреждая насъ, потянуло раза два холодкомъ, нѣсколько смерчей вставали — и, подобно колеблющимся призракамъ, поднявшимся изъ морской пучины, съ шумомъ и громомъ неслись на насъ, сопровождаемые молніей и вѣтромъ. Набѣгали также ливни, и опять небо прояснялось; такъ же быстро какъ нагрянулъ шквалъ, онъ пронесся на западъ. За нимъ въ скоромъ времени послѣдовали другіе, потомъ вдругъ съ юга подулъ душный вѣтеръ, точно метлой разгулялся по морю; нѣсколько миль онъ гналъ насъ предъ собою, потомъ тоже утихъ — и мы опять легли на морѣ какъ пень.

Такія странности въ этихъ краяхъ не рѣдкость; далеко-разбросанные острова и рифы, морскія теченія и какъ разъ тутъ наступающія границы пассатныхъ вѣтровъ — подаютъ достаточный поводъ къ частымъ и внезапнымъ перемѣнамъ погоды.

Въ воздухѣ происходила большая сумятица: вѣтры точно боролись другъ съ другомъ, и гнали одинъ другаго со всѣхъ сторонъ. Со свистомъ и ревомъ врывались они въ снасти, порывами и съ рѣзкими измѣненіями; паруса хлопали и бились съ невыносимымъ шумомъ, мачты и блоки со стономъ рвались со своихъ мѣстъ, цѣпи звенѣли и брякали — наконецъ опять наступила зловѣщая тишина.

Почти съ изумленіемъ замѣтили мы, что медленно и постепенно вокругъ насъ совершаются какія-то перемѣны. Небо потеряло свою прозрачность и точно сплотившись надвигалось на насъ, какъ бы стараясь вытѣснить солнце изъ нашего міра; издалека доходили до насъ его лучи, распространявшіе блѣдный, мертвый свѣтъ, совершенно какъ во время затмѣнія. Вокругъ него образовались какія-то странныя тѣни, особенно темными массами выдѣлявшіяся близь потускнѣвшаго его лика, къ краямъ все болѣе и болѣе блѣднѣвшія, — такъ что, если долго смотрѣть, казалось точно солнце ушло въ глубокое, воронкообразное отверстіе. Атмосфера стала сперта и душна; кругозоръ стѣснился, но предметы особенно рѣзко и опредѣленно поражали взоръ. Въ природѣ было нѣчто, что скорѣе чувствуется, чѣмъ видится — нѣчто тревожное, мучительное, зловѣщее.

Съ краю корабля собака лежитъ растянувшись, тяжело дышетъ и смотритъ на насъ испуганно; мы обливаемъ ее нѣсколькими ведрами морской воды, но вмѣсто того, чтобы по обыкновенію радостно запрыгать и встряхнуться, она только жалобно повизгиваетъ. Нашъ посѣдѣвшій на морѣ капитанъ (который уже болѣе тридцати лѣтъ разъѣзжаетъ по этимъ водамъ) озабоченно осматривается, вопрошаетъ вѣтеръ, волны, барометръ. «Чертовщина заваривается!» молвитъ онъ коротко, спускаясь въ свою каюту; но когда онъ снова выходитъ на палубу, лицо его по прежнему ясно, — старику неизвѣстенъ страхъ. Приказанія его быстро слѣдуютъ одно за другимъ и монотонно повторяются другими; паруса одинъ за другимъ снимаются, тщательно скатываются и увязываются. Распускаются маленькіе брифоки изъ самаго крѣпкаго, лучшаго холста, и все движимое на палубѣ вдвойнѣ прикрѣпляется. Спѣшно и молча работаютъ матросы, и противъ обыкновенія не слыхать ни одной шутки, ни одной прибаутки.

Барометръ, этотъ вѣрный указатель моряка, постоянно спускается; волны начинаютъ неправильно переваливать другъ черезъ друга, и все въ большемъ безпорядкѣ бѣгутъ вокругъ шатающагося судна. Кругомъ насъ все такъ странно: каждое слово, каждый звукъ, раздается такъ необычайно — звучитъ такъ коротко и глухо, точно воздухомъ сдавленный. Нами овладѣваетъ томительное чувство; лицо и руки начинаютъ нестерпимо горѣть.

Наступаетъ вечеръ. Медленно тусклыя краски сливаются съ темнотой — и вотъ тамъ, съ юга, выше и выше, ближе и ближе ползетъ черная масса тучъ, коварно, тихо — какъ гибель. По ней мелькаютъ зарницы, изъ нея выдвигаются какія-то полосы, искривленные образы изъ сгущеннаго пара — точно призрачныя руки тянутся къ закату. По воздуху распространяется спирающій дыханіе запахъ, спускается густой, душный мракъ — намъ дѣлается такъ тѣсно, такъ тяжело, точно насъ душатъ. На верхушкахъ мачтъ прыгаютъ огоньки св. Эльма; всѣ реи окружены блѣдными лучами; во всѣхъ снастяхъ играетъ подвижный свѣтъ, обрисовывая ихъ на темномъ фонѣ ночи, и по воздуху порхаютъ огоньки, то выше, то ниже, то тутъ, то тамъ — вездѣ такъ и свѣтится это таинственное сіяніе. Время отъ времени растерянная птица, торопливо хлопая крыльями, пролетаетъ мимо, почти задѣвая насъ; мы ихъ слышимъ на палубѣ, въ снастяхъ, — ужь не ищутъ ли онѣ убѣжища у людей?

Въ каютѣ духота по истинѣ невозможная; собака забилась подъ кушетку и кряхтитъ. Штиль все продолжается. Далеко кругомъ море блещетъ въ непонятной красѣ; иногда катящійся валъ съ глухимъ ударомъ разбивается о бокъ корабля и разсыпается на палубу огненными брызгами; гудѣніе моря, скрипъ и стонъ всего корабля наполняютъ насъ какимъ-то ужасомъ — точно съ мачтъ раздаются и изъ волнъ поднимаются далекіе голоса и жалобы. Минуты тянутся часами отъ тоскливаго ожиданія.... Наконецъ-то, наконецъ движеніе! Мы вздохнули, точно что̀ съ груди скатилось. Въ воздухѣ шелохнулось, замерло, и опять задуло, уже легкимъ свѣжимъ вѣтеркомъ. Вѣтерокъ въ свою очередь затихъ, но тотчасъ же опять поднялся съ удвоенной силою, и въ нѣсколько мгновеній разыгрался мощной

бурею. Надъ нами, вокругъ насъ стало шумѣть; въ снастяхъ раздался раздирающій свистъ и трескъ, ванты содрогнулись; вѣтеръ сильнѣе и сильнѣе налеталъ порывами, быстро разростаясь въ бурю, издали загремѣло и зашумѣло — и вдругъ разразилось—точно свѣтопреставленіе. Нагрянуло на насъ съ воемъ и ревомъ, съ съ силой неописанной; вся природа возмутилась до основаній. Вскипѣло, вспѣнилось море; бичуемое и бушуемое до бездонной глубины своей, оно душило насъ, ослѣпляло брызгами, корабль вдавило въ воду; ошеломленные, безпомощные, мы цѣплялись за что̀ попало.

Такое безпутство стихій трудно описать въ отдѣльныхъ подробностяхъ; сознаніе путается и не въ состояніи разбирать по частямъ ужасную дѣйствительность. За первымъ взрывомъ послѣдовалъ краткій отдыхъ— и началось опять съ удвоенной яростью. Тяжелые брифоки въ корпію расщипало, громадныя волны катились черезъ бортъ, единственную нашу лодку разбило и снесло, корабль шатался, прыгалъ и метался. Опять прикатило и привалило, съ пѣной и шумомъ,—и затопило маленькое судно; оно застонало, заходило какъ живое, истязуемое существо; — еще толчокъ, трескъ— раскачивающіяся мачты переломило пополамъ, и со страшнымъ гвалтомъ снесло въ море. Наша хорошенькая шкуна, мертвая, безпомощная, на половину подъ водой, легла поперекъ вѣтра. Тяжелые обломки мачтъ, повисшіе въ снастяхъ, ударялись о кузовъ съ ужасной силой и удвоивали опасность, между тѣмъ какъ съ моря валъ за валомъ на насъ обрушивался, разбивая, расшатывая, смывая все, что̀ было на палубѣ. Шкуну нужно было освободить, облегчить, иначе она погибла бы. Все страшнѣе, все рьянѣе неистовствовала буря, немилосердно разрушая все, что̀ ей сопротивлялось. Волна за волною съ громомъ ударились о шанцы; остатки мачтъ и всѣ деревянныя постройки трещали и щепились; наконецъ, онѣ не выдержали—и какъ лавина все повалилось, увлекая за собою тяжелыя бочки, тюки, ящики, ломая, срывая — и все - все потонило голодная пасть.

Нашъ старикъ капитанъ былъ жестоко ушибленъ; мы снесли его, полумертваго, въ каюту—и тутъ опустошеніе! Мы опять выбрались на палубу. Освободившись отъ обломковъ и тяжелаго палубнаго груза, корабль пріободрился и храбро боролся съ безпрестанно-катившими черезъ него волнами. Яркія зарницы на мгновеніе освѣтили эту сцену — насъ поразилъ новый ужасъ: палуба была пуста; трехъ матросовъ, работавшихъ на носу, какъ не бывало! Несчастныхъ не видать, не слыхать было—они пропали, безслѣдно пропали въ безднѣ морской какъ разсыпавшаяся волна; ихъ сама схватила живая могила!

Спустя нѣсколько времени мы замѣтили, что буря унимается; вѣтеръ началъ дуть неправильно; стало свѣтлѣе, молніи засверкали, начали падать крупныя капли. Море грозно свирѣпствовало. Волны хаотическими массами часто боролись между собою, то мѣшаясь и сливаясь, то сталкиваясь или вздымаясь пирамидами и подбрасывая корабль на своихъ хребтахъ. Занимался сумрачный полусвѣтъ и опять тонулъ въ совершенной тьмѣ; чорныя тучи отдѣлялись и низко-низко гнали другъ друга точно темные духи; внезапные налеты вѣтра судорожно вторгались то отсюда, то оттуда —и опять въ тотъ же мигъ стихало. Электричество кругомъ насъ шалило, точно адскій фейерверкъ, трещало и прыгало искрами или связками лучей; дождь хлесталъ ручьями, безпрерывно, съ ожесточеніемъ, точно хотѣлъ затопить море.

Еще немного погодя, ураганъ опять разразился, но на этотъ разъ почти съ противоположной стороны и не надолго. Худшее было кончено. Оставалось дотерпѣть до конца, мы ничего не могли сдѣлать для своего спасенія. Но для того, кому хочется бороться изъ-за жизни, кто не въ состояніи съ вѣрой предаться судьбѣ, эта пассивность—жестокое мученіе.

Буря миновала. Тускло и скучно занялось утро, вся природа казалась разстроенною и опечаленною, ни одинъ солнечный лучъ не порадовалъ насъ, и тяжелые пласты тучъ бродили надъ моремъ, все еще сердито бушующимъ. Вода и небо простирались вокругъ насъ безотрадной пустыней, ни одно живое существо не показывалось. Наша прелестная шкуна сдѣлалась совершенной развалиной; какъ мертвая переваливалась она съ боку на бокъ на водѣ, и изрѣдка черезъ нее еще плескала волна. Мы принялись поднимать запасныя мачты и приступили къ необходимѣйшимъ работамъ, чтобы по крайней мѣрѣ можно было направлять ее. Между тѣмъ опять подулъ вѣтеръ со всѣми признаками продолжительной, хотя уже не свирѣпой бури. Мы работали усердно—и къ вечеру было сдѣлано все, что̀ можно было. Судно держалось молодцомъ—и такъ какъ опасности болѣе не грозило, и мы совсѣмъ выбились изъ силъ, то мы прилегли отдохнуть.

Я одинъ, въ эту бурную ночь, бодрствовалъ, опершись на руль; вѣрный песъ капитана ласкался ко мнѣ и примостился около меня, моимъ единственнымъ товарищемъ. Кругомъ — совершенный мракъ и ни одной звѣздочки; передо мною, въ тѣсномъ ящикѣ, покачивался компасъ при слабомъ свѣтѣ лампочки.

Задумчиво глядѣлъ я въ маленькое пламя. Какая разница: здѣсь—и тамъ, дома! Тамъ, въ празднично-убранныхъ комнатахъ, стоятъ счастливые родители, веселятся дѣти вокругъ зеленой, залитой огнями елки, вездѣ радость и веселіе—вѣдь это былъ канунъ Рождества! И кто-то думаетъ о моихъ погибшихъ товарищахъ? Гдѣ на лицѣ земли бьется любящее сердце матери—при мысли о далекомъ сынѣ? Можетъ-быть въ эту самую минуту поминаютъ его, и ликующіе братья и сестры дивятся, что-то онъ привезетъ въ гостинецъ изъ прекрасныхъ далекихъ странъ,—радуются, какъ онъ будетъ разсказывать о глубокомъ морѣ, о страшныхъ буряхъ,—и не знаютъ, что имъ не видать уже болѣе своего любимца! Море не отдастъ своихъ мертвецовъ.

Прекрасный корабль, это гордое твореніе рукъ человѣческихъ, колыбель стольких надеждъ и желаній, вчера еще такъ легко плывшій по волнамъ, теперь безпомощно отданъ на произволъ тѣхъ же волнъ и вѣтровъ. Смѣлый морякъ, спѣшившій домой съ надеждой и вѣрой, находитъ вѣчный покой въ ненасытномъ морѣ; ни холма, ни камня, которые обозначали бы его могилу, ни надгробнаго слова,—только буря да океанъ поютъ надъ нимъ пѣсню, передъ которою нѣмѣетъ человѣческій умъ!...

Но остается ли этотъ умъ вѣчно-нѣмымъ свидѣтелемъ совершающихся въ природѣ ужасовъ? Нѣтъ, новѣйшіе успѣхи кораблестроенія свидѣтельствуютъ, что умъ человѣческій слишкомъ энергиченъ для пассивнаго созерцанія; броненосныя суда, подводные суда, водолазные снаряды и фонари—все это задатки будущей безопасности на моряхъ, не взирая ни на какіе ураганы, тифоны и смерчи. Нѣтъ сомнѣнія, что задача эта будетъ разрѣшена столь же успѣшно, какъ и прочія задачи XIX вѣка.

Въ монастырскомъ погребѣ.

На нашемъ рисункѣ представлены типичныя личности трехъ католическихъ монаховъ, изъ которыхъ одинъ, увы, сталъ жертвою своей неумѣренности. Другіе два представляютъ: одинъ — доносчика, который указываетъ на незаконный фактъ; другой — судью-настоятеля, сѣдого старика, который, поверхъ очковъ, полу-сострадательно полу-строго смотритъ на преступившаго монастырскій уставъ.

Рисунокъ этотъ съ оригинальной картины исполненъ самимъ авторомъ ея, Эдуардомъ Грицнеромъ. Темный сырой погребъ, контрасты освѣщеній двумя ночниками — погасающимъ и ярко горящимъ, мельчайшія подробности обстановки — все дышетъ художественною правдивостью, и прекрасно передано въ гравюрѣ, которая даетъ полное понятіе о самомъ оригиналѣ.

Ирландцы въ Америкѣ.

(разсказъ очевидца).

Буйство ирландцевъ давно вошло въ пословицу. Не проходитъ недѣли, безъ вѣсти о новомъ аграрномъ убійствѣ; а что такое феній—нынѣ каждому извѣстно. Въ Соединенныхъ Штатахъ сыны Эрина или «Зеленаго острова» составляютъ крайне опасный и далеко не любимый элементъ. Сообщаю маленькій образчикъ того, какъ ведутъ себя здѣсь чистокровные *Irishmen.*

Драка цѣлой толпою считается у нихъ величайшимъ изъ всѣхъ удовольствій. Недавно я имѣлъ случай присутствовать при такой забавѣ. Въ ту минуту, какъ пароходъ «Henry Ames» уходилъ изъ города Натчеза въ штатѣ Миссисипи, съ горы привалила компанія изъ семидесяти-пяти ирландскихъ плотинныхъ рабочихъ, размахивая палками съ неистовыми «ура!», и потребовала чтобъ нашъ капитанъ доставилъ ихъ въ городъ Батонъ-Ружъ, въ 135 англійскихъ миляхъ, за одинъ долларъ съ человѣка. Послѣ долгихъ преній на ихъ просьбу согласились, но съ условіемъ: чтобъ они во время плаванія вели себя порядочно. Стоило взглянуть на новыхъ пассажировъ, чтобъ убѣдиться, что условіе это не лишнее. Что за костюмы! Что за сумки и саквояжи—точно пятью бурями потрепанные. И что за лица! Эти красные, вздернутые носы, эти хитрые глаза, исцарапанныя, багровыя щеки, косматые волосы и бороды—нѣтъ, во всю свою жизнь не видалъ я такой коллекціи висѣльныхъ физіогномій. Каждый держалъ въ рукѣ историческую, національную дубину. Дружески пихая въ ребра попадающихся черныхъ пароходныхъ работниковъ, вся шайка весело потянулась на пароходъ У каждаго отбирали при входѣ обѣщанный долларъ, и когда прошелъ послѣдній, и доску сняли, всѣ семьдесять-пять разразились оглушительнымъ «ура!» и пароходъ устремился на середину рѣки.

Въ теченіи слѣдующаго часа буфетчику довольно было дѣла— поить новыхъ неутолимыхъ гостей. Они какъ сельди тѣснились въ буфетъ, добиваясь *глотка,* по четверти доллара за каждый. *Глотокъ* же состоялъ изъ полнаго до краевъ *стакана* виски. Каждый ирландецъ обладалъ пятью долларами, выданными имъ въ задатокъ за работы; слѣдовательно, заплативъ по доллару за проѣздъ, каждый еще располагалъ четырьмя долларами — т. е. эквивалентомъ шестнадцати такихъ глотковъ. Разгулявшаяся братія при этомъ даромъ угощала присутствующихъ прелестнѣйшими выходками и остротами — ни одинъ народъ въ мірѣ не одаренъ такимъ природнымъ остроуміемъ и юморомъ. Виски скоро начала производить свое дѣйствіе. Пэдди, Патрикъ, Малони, Маккарти (типичныя ирландскія имена) начали пріятельски поколачивать другъ друга дубинами по башкѣ или для шутки тыкать ею одинъ другаго въ ребра, въ то же время все неистовѣе требуя водки. Наконецъ буфетчикъ, начинавшій не на шутку трусить, объявилъ что водки больше нѣтъ ни капли, заперъ буфетъ и убрался подальше. Съ ужасными проклятіями и ругательствами наши интересные пассажиры сошли на нижнюю палубу.

Въ продолженіи слѣдующихъ шести часовъ происходила настоящая битва. Каждый дрался противъ всѣхъ: дубины (которыми ирландцы владѣютъ въ совершенствѣ, держа ихъ за середину а не за конецъ) кружились по воздуху точно крылья вѣтряной мельницы, и производили сухой стукъ сталкиваясь другъ съ другомъ, а иногда съ черепами или пальцами. Это дѣлалось подъ аккомпаниментъ крика и ругани—сущій бедламъ. Но все это еще были одни шутки. Если кто нибудь свирѣпѣлъ «всурьозъ», получивъ здоровый ударъ, онъ всѣхъ поголовно вызывалъ на поединокъ и непремѣнно находилъ охотника. Съ полуобнаженнымъ туловищемъ, противники какъ звѣри кидались одинъ на другаго, катались вмѣстѣ по полу и обработывали другъ друга кулаками и ногами. Ирландецъ не кусается и не выдавливаетъ противнику глазъ большими пальцами (какъ это дѣлаетъ американецъ, когда дерется), онъ для этого слишкомъ цивилизованъ, но рветъ у него волосы, носъ, губы. Къ пистолетамъ и ножамъ онъ питаетъ непреодолимое отвращеніе. Поэтому рѣдко кто бываетъ серьозно раненъ въ такой свалкѣ. За то лица послѣ, могу сказать, некрасивы.

Во время сраженія черные работники составляли кругъ и съ удивленіемъ выкатывали свои большіе бѣлки, а сверху, съ галлереи смотрѣли каютные пассажиры.

Когда я къ вечеру обошелъ поле битвы, я нашелъ около сорока болѣе или менѣе поврежденныхъ героевъ, которые валялись какъ попалось на полу и высыпали хмѣль. Удивительно, что ни одинъ во время схватки не свалился за бортъ.

Воззванія Виктора Гюго.

Въ виду совершившихся событій на театрѣ войны и предстоящаго рѣшенія судьбы Франціи, мы полагаемъ, что читателямъ не безъинтересно будетъ прочесть пламенныя строки величайшаго изъ современныхъ поэтовъ Западной Европы, обращенныя къ двумъ воюющимъ народамъ. Поэтому прилагаемъ въ переводѣ in extenso: письмо Виктора Гюго къ нѣмцамъ (отъ 9 сентября) и воззваніе его къ французамъ (отъ 17 сентября).

Къ нѣмцамъ.

Нѣмцы, съ вами говоритъ другъ.

Три года тому назадъ, во время всемірной выставки 1867 г., я изъ глубины ссылки привѣтствовалъ ваше вступленіе въ вашъ городъ.

Какой городъ?

Парижъ.

Потому что Парижъ не намъ однимъ принадлежитъ. Парижъ настолько нашъ, насколько и вашъ. Берлинъ, Вѣна, Дрезденъ, Мюнхенъ, Штутгардъ—это ваши столицы; Парижъ—это вашъ центръ. Только въ Парижѣ бьется сердце Европы. Парижъ — городъ городовъ. Парижъ — городъ человѣчества. Были Аѳины, былъ Римъ, и есть Парижъ.

Въ монастырскомъ погребѣ.

Парижъ — ничто иное какъ необъятное гостепріимство.

Теперь вы снова туда возвращаетесь.

Но — какъ?

Братьями — какъ три года назадъ?

Нѣтъ, врагами.

Почему?

Что за зловѣщее недоразумѣніе?

Двѣ націи создали Европу.

Эти двѣ націи — Франція и Германія. Германія для Запада – тоже что Индія для Востока; она какъ бы прабабка его. Мы ее почитаемъ. Но что же случилось такое? и что означаетъ все это? Нынѣ, эту Европу, которую Германія создала своимъ распространеніемъ, а Франція лучами своего свѣта, Германія хочетъ низложить.

Возможно ли это?

Германія низлагающая Европу, посредствомъ раздробленія Франціи?

Германія низлагающая Европу, посредствомъ разрушенія Парижа?

Подумайте.

Къ чему это нашествіе? Къ чему эти варварскія усилія противъ братскаго народа?

Что мы такое сдѣлали?

И эта война — развѣ она исходитъ отъ насъ? Имперія ее вызвала; имперія создала ее.

У насъ нѣтъ ничего общаго съ этимъ трупомъ.

Она — прошедшее, мы — будущее.

Она — ненависть, мы — любовь.

Она — измѣна, мы — честность.

Она — Капуа и Гоммора, мы — Франція!

Мы — французская республика, нашъ девизъ; *Свобода, Равенство, Братство.*

Мы тотъ же народъ что и вы. У насъ былъ Верцингеториксъ, какъ у васъ — Арминій.

Общій братскій лучъ, божественная соединительная черта, проходитъ чрезъ нѣмецкое сердце и французскую душу.

Это до такой степени вѣрно, что мы рѣшаемся сказать вамъ слѣдующее:

Если роковое заблужденіе завлечетъ васъ до высшихъ предѣловъ насилія, если вы придете нападать на этотъ державный городъ, какъ бы довѣренный Франціи Европой, если вы будете осаждать Парижъ, то мы будемъ защищаться до послѣдней крайности, мы будемъ съ вами бороться изо всѣхъ силъ, но — объявляемъ вамъ — мы останемся вашими братьями; а вашихъ раненыхъ, знаете ли, куда мы ихъ положимъ? — во дворецъ націи. Мы заранѣе отводимъ Тюльери подъ госпиталь для прусскихъ раненыхъ. Тамъ будетъ перевязочный пунктъ для вашихъ храбрыхъ плѣнныхъ солдатъ. Тамъ будутъ ухаживать за ними наши жены и облегчать ихъ страданія. Ваши раненые будутъ наши гости; мы будемъ совѣстливо обходиться съ ними, и Парижъ приметъ ихъ у себя въ Луврѣ.

Съ такимъ братскимъ чувствомъ въ сердцѣ мы примемъ отъ васъ войну. Но эта война, нѣмцы, какой смыслъ она имѣетъ? Она окончилась, такъ какъ имперія окончила свои дни. Вы убили вашего врага, онъ былъ и нашимъ, — чего же вы еще хотите?

Вы идете брать силой Парижъ! Но вѣдь мы всегда предлагали вамъ его съ любовью. Не заставляйте затвориться отъ васъ тотъ народъ, который во всѣ времена принималъ васъ съ распростертыми объятіями. Не обольщайтесь насчетъ Парижа. Парижъ васъ любитъ; но Парижъ будетъ и сражаться съ вами. Парижъ будетъ сражаться со всѣмъ могущественнымъ величіемъ своей славы и своей скорби. Подъ угрозой этого грубаго насилія, Парижъ можетъ стать страшнымъ.

Жюль Фавръ краснорѣчиво высказалъ вамъ это, и мы всѣ повторяемъ вамъ: ожидайте гнѣвнаго отпора.

Вы завладѣете крѣпостью — найдете городъ; вы возьмете городъ — найдете баррикады; возьмете баррикаду — и тогда можетъ-быть. (кто знаетъ, что можетъ посовѣтовать патріотизмъ доведенный до отчаянія!) вы найдете подкопъ въ трубѣ для стока нечистотъ, которая взорветъ на воздухъ цѣлыя улицы. Вы будете обязаны принять этотъ страшный приговоръ: брать Парижъ камень за камнемъ, умертвить тамъ Европу на мѣстѣ, убивать Францію по частямъ, въ каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ — и этотъ великій свѣточъ можно будетъ погасить лишь изводя одну за другою души людскія. Остановитесь.

Нѣмцы, Парижъ грозенъ. Будьте вдумчивѣе передъ Парижемъ. Всякаго рода превращенія для него возможны. Его слабости могутъ служить вамъ мѣриломъ его энергіи; люди казалось спали, теперь просыпаются; идею обнажаютъ какъ шпагу, и этотъ городъ, еще вчера бывшій сибаритомъ, можетъ завтра же стать Сарагоссой.

Развѣ мы говоримъ это съ цѣлію запугать васъ? Конечно, нѣтъ! васъ, нѣмцевъ, запугать нельзя. Вы противупоставили Риму Галгака, а Наполеону Кернера. Мы народъ *марсельезы*, но и вы народъ *броненосныхъ сонетовъ* и *клича меча.*

Вы — народъ мыслителей, но можете въ случаѣ необходимости превратиться въ легіонъ героевъ. Ваши солдаты достойны нашихъ; наши — это безстрастная храбрость, ваши — неустрашимое спокойствіе.

Однако, послушайте:

У васъ искусные и хитрые генералы; мы же имѣли бездарныхъ полководцевъ. Вы ведете скорѣе искусную войну нежели блестящую; ваши генералы предпочли полезное великому, они были вправѣ это сдѣлать; вы побѣждали насъ неожиданностію нападеній; вы шли десятеро на одного. Наши солдаты стоически давали себя убивать, вамъ, которые научно расположили шансы въ свою пользу; — такъ что въ этой страшной войнѣ, до сей минуты, за Пруссіей — побѣда; но за Франціей — слава.

Теперь вы думаете, что вамъ осталось нанести послѣдній ударъ: обрушиться на Парижъ, воспользоваться тѣмъ что наша дивная армія, обманутая и преданная, легла почти вся на полѣ битвы, — для того чтобы броситься въ числѣ 700 тысячъ человѣкъ солдатъ, со всѣми орудіями войны (съ вашими картечницами, стальными пушками, ядрами Круппа, ружьями Дрейзе, безчисленными кавалерійскими полками, ужасной артиллеріею) на 300 тысячъ гражданъ стоящихъ на валахъ своего города, на отцовъ защищающихъ свои семейные очаги, на городъ полный содрагающихся семействъ, въ которыхъ есть женщины, сестры, матери, — и гдѣ я, говорящій съ вами въ эту минуту, имѣю также двухъ внучатъ, изъ которыхъ одинъ грудной.

И на этотъ городъ, невинный въ настоящей войнѣ, всегда удѣлявшій вамъ часть своего свѣта, на этотъ одиноко-стоящій Парижъ, но гордый и приведенный въ отчаяніе, вы хотите устремиться, — вы, необъятная волна кровавой бойни, сраженій! — такова была бы ваша роль,

мужественные люди, доблестные воины, знаменитая армія благородной Германіи! О, подумайте!

XIX вѣкъ увидѣлъ бы страшное чудо: превращеніе націи изъ цивилизованной въ варварскую, разрушающую городъ всѣхъ націй; Германію погашающую свѣточъ—Парижъ; Германію заносящую топоръ на Галлію. Вы, потомки тевтонскихъ рыцарей, вели бы нечестивую войну; вы извели бы группу людей и идей, въ которыхъ нуждается свѣтъ; вы превратили бы въ ничто органическій городъ; вы повторили бы дѣянія Аттилы и Алариха; вы возобновили бы, впервые послѣ Омара, пожаръ общечеловѣческой библіотеки; вы стерли бы съ лица земли Ратушу, какъ гунны—Капитолій; вы бомбардировали бы Нотръ-Дамъ, какъ турки—Парѳенонъ; вы дали бы міру такое зрѣлище: нѣмцовъ превратившихся въ вандаловъ; вы были бы варварство, обезглавливающее цивилизацію.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Знаете ли, чѣмъ была бы для васъ эта побѣда?—безчестіемъ.

О! конечно никто не думаетъ васъ пугать, нѣмцы, славная армія, храбрый народъ; но васъ можно образумить. Конечно, вы не ищете позора, и чтожь?.. вы найдете позоръ; а я, европеецъ, т. е. другъ Парижа, парижанинъ, т. е. другъ народовъ, я предостерегаю васъ отъ опасности въ которой находились вы, мои нѣмецкіе братья, потому что я вамъ удивляюсь и почитаю васъ, и потому хорошо знаю, что заставить васъ отступить можетъ только стыдъ, но не страхъ. О, благородные воины, какое возвращеніе къ вашимъ очагамъ! Изъ всѣхъ побѣдителей, только вы будете съ поникшей головой, и что̀ скажутъ вамъ ваши жены?

Смерть Парижа — какая скорбь!

Убійство Парижа — какое преступленіе!

На долю міра выпала бы скорбь, на вашу—преступленіе. Не принимайте на себя этой тяжкой отвѣтственности.

Остановитесь.

И еще одно, послѣднее слово: Парижъ доведенный до крайности, Парижъ поддерживаемый всею возставшею Франціей, можетъ побѣдить и побѣдитъ—и вы напрасно попытались бы совершить насиліе, которое уже теперь возбуждаетъ негодованіе свѣта. Во всякомъ случаѣ вычеркните изъ этихъ наскоро-написанныхъ строкъ слова̀: *разрушеніе*, *уничтоженіе*, *смерть*. Нѣтъ, Парижа нельзя разрушить. Если бы вамъ и удалось (что̀ не легко) разрушить Парижъ матеріально, то онъ возвеличился бы нравственно. Разрушивъ Парижъ, вы его освятите. Разсѣянные камни разсѣятъ идеи; превратите Парижъ въ груду пепла, и изъ каждой пылинки этого пепла возродится сѣмя будущаго. Эта могила будетъ кричать: «свобода, равенство, братство!» Парижъ городъ, но Парижъ и душа. Сожгите наши зданія, это только нашъ оставъ; дымъ отъ нихъ приметъ форму, сдѣлается необъятнымъ, живучимъ и подымется до неба; и тогда на горизонтѣ народовъ, надъ нами, надъ вами, надо-всѣмъ и надо-всѣми увидятъ свидѣтельство нашей славы, свидѣтельство вашего позора, это великое привидѣніе, сотканное изъ тѣни и свѣта, — Парижъ!

Теперь, я все сказалъ, нѣмцы; если станете упорствовать, пусть будетъ такъ, но вы предупреждены. Ступайте, нападайте на стѣны Парижа. Подъ градомъ вашихъ бомбъ и картечи, онъ будетъ защищаться. Что до меня, старика, я буду тамъ безоружный. Мнѣ пристало быть съ народами, которые умираютъ, и я жалѣю о васъ, идущихъ съ королями, которые убиваютъ.

Къ французамъ.

Мы братски предостерегли Германію.

Германія продолжала свое шествіе на Парижъ.

Она у воротъ его.

Имперія напала на Германію, какъ нѣкогда на республику, невзначай, измѣннически,—и теперь Германія (за войну, которую объявила ей имперія) мститъ республикѣ.

Пусть такъ. Исторія разсудитъ.

Что̀ теперь сдѣлаетъ Германія — это до нея касается; но мы, Франція, мы имѣемъ обязанности относительно націй и всего рода человѣческаго. Исполнимъ ихъ.

Первая изъ обязанностей—это примѣръ.

Минута нами переживаемая—великая минута для народовъ.

Всякій покажетъ на что̀ онъ способенъ.

Франція имѣетъ то преимущество (которое имѣлъ нѣкогда Римъ и еще ранѣе Греція), что опасность которой она подвергается—указываетъ на степень пониженія цивилизаціи.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи міръ. Если бы случилось невозможное, чтобы Франція пала, то степень ея приниженія показала бы, насколько понизился уровень рода человѣческаго.

Но Франція не падетъ.

По весьма простой причинѣ, которую мы уже высказали, — потому что она исполнитъ свою обязанность. Франція обязана для себя и для всего человѣчества спасти Парижъ—не для Парижа, а для цѣлаго міра. Это Франція исполнитъ.

Пусть возстанутъ всѣ общины, пусть запылаютъ всѣ деревни, пусть огласятся лѣса громомъ орудій! Въ набатъ! въ набатъ! Пусть каждый домъ вышлетъ солдата; пусть всякое мѣстечко превратится въ полкъ, пусть каждый городъ станетъ арміей. Пруссаковъ только 800 тысячь — васъ 40 милліоновъ. Встаньте на ноги и вашимъ дуновеніемъ сотрите ихъ! Лилль, Нантъ, Туръ, Буржъ, Орлеанъ, Кольмаръ, Тулуза, Байона препояшьтесь мечемъ! Впередъ! впередъ! Ліонъ, возьми свое ружье; Бордо, бери карабинъ; Руанъ, обнажи шпагу; а ты, Марсель, пой твою пѣсню и явись грозой. Города, города, города! выставьте лѣса пикъ, сомкните плотно ваши штыки, выдвиньте ваши пушки; а ты, деревня, вооружись вилами. Нѣтъ пороха, нѣтъ припасовъ, нѣтъ артиллеріи? Вздоръ—все есть! И потомъ, у швейцарскихъ крестьянъ были только вилы, у бретонцевъ одни палки, — однако все разсѣявалось предъ ними. Все помогаетъ тому, кто за правое дѣло!

Мы — дома. Время года за насъ, стужа за насъ, и дождь будетъ за насъ. Борьба или позоръ! Кто хочетъ — можетъ! Плохое ружье превосходно, когда сердце горячо; старый сабельный клинокъ непобѣдимъ, когда рука мощная. О патріотизмъ испанскихъ крестьянъ разбилась сила Наполеона. Сейчасъ, скорѣе, скорѣе, не теряя ни дня, ни часа; пусть богатый, бѣдный, работникъ, купецъ, земледѣлецъ, схватитъ или подниметъ все что̀ попадетъ подъ руку, все что̀ похоже на оружіе или боевые снаряды. Взрывайте скалы, громоздите камни мостовыхъ, превращайте плуги въ топоры, и борозды полей во рвы, сражайтесь всѣмъ что̀ подъ рукой; поднимите камни съ нашей священной земли, и побей-

те ими (этими костьми нашей матери Франціи) вашихъ завоевателей. О, граждане! въ каждомъ голышѣ, который вы пустите въ лицо непріятелю—вы бросите мощь отечества.

Пусть каждый гражданинъ станетъ Камилломъ Демуленъ, пусть каждая женщина будетъ Теруань, и каждый юноша — Барра. Поступите какъ Бонбонель, охотникъ на пантеръ, который съ пятнадцатью человѣками убилъ 20 пруссаковъ и 30 взялъ въ плѣнъ.

Пусть улицы городовъ поглотятъ непріятеля, пусть грозно отворятся окна и извергнутъ на него утварь изъ жилищъ, пусть каждая крыша броситъ въ него черепицу, пусть негодующія старыя женщины укажутъ ему на свои сѣдыя волосы! Да вопіютъ могилы, да слышится позади каждой стѣны мощь народа и Богъ; пусть каждая пядь земли пышетъ пламенемъ, и каждый кустъ пылаетъ! Тревожьте здѣсь, побивайте тамъ, задерживайте поѣзды, разрушайте дороги, ломайте мосты, взрывайте почву, и пусть Франція разверзнется пропастью подъ ногами пруссаковъ!

О, народъ! вотъ тебя оттѣснили въ берлогу. Покажись внезапно во весь ростъ. Покажи свѣту грозное чудо твоего пробужденія. Да воспрянетъ левъ 92 года, и встряхнетъ гривой — и да разлетится необъятная стая черныхъ двуглавыхъ коршуновъ отъ могучаго сотрясенія этой гривы. Будемъ вести и ночную войну и дневную, войну въ горахъ, на равнинахъ, въ лѣсахъ. Возстаньте! Возстаньте! Ни роздыха, ни покоя, ни сна. Деспотизмъ нападаетъ на свободу, Германія дѣлаетъ покушеніе на Францію. Да растаетъ эта колоссальная армія какъ снѣгъ отъ мрачнаго жара нашей почвы! Пусть никто не уклоняется отъ своихъ обязанностей. Организуемъ страшную битву за отечество. Вы, вольные стрѣлки, впередъ! проникайте чрезъ кустарники, переходите потоки, пользуйтесь тѣнью и сумерками, извивайтесь по оврагамъ, пролѣзайте, ползите, прицѣливайтесь, стрѣляйте, истребляйте, изгоните врага! Защищайте Францію геройски, съ отчаяніемъ, съ нѣжностію. Будьте страшны, о патріоты! Останавливайтесь только, проходя мимо хижины, и цѣлуйте въ чело спящаго ребенка.

Вѣдь ребенокъ— это будущее; а будущее—это республика.

Совершимъ это, французы!

А Европа... но что̀ намъ до Европы! Пусть смотритъ сама, если у нея есть глаза. Мы не ищемъ помощниковъ. Мы окажемъ услугу Европѣ—вотъ и все. Въ виду страшной развязки, которую принимаетъ на себя Франція, если принудитъ къ этому Германія, для Франціи достаточно силы Франціи, а для Парижа—силы Парижа. Парижъ всегда больше давалъ чѣмъ получалъ. Если онъ и приглашалъ націи къ себѣ на помощь, то больше для ихъ пользы, нежели для своей. Парижъ никого ни о чемъ не проситъ. Такой великій проситель какъ онъ—удивилъ бы исторію человѣчества. Будь сильна, будь слаба, Европа, — это твое дѣло. Жгите Парижъ, нѣмцы, такъ какъ вы сожгли Страсбургъ, — вы разожжете народную ненависть.

Парижъ укрѣпленъ, имѣетъ валы, рвы, пушки, казематы, баррикады, подземныя трубы для стока нечистотъ, много пороху, петролеумъ, нитро-глицеринъ; его защищаютъ 300 тысячъ вооруженныхъ гражданъ; честь, справедливость, право, негодующая цивилизація—вотъ элементы его возбуждающіе; яркое пламя республики разгорается въ его кратерѣ; по его бокамъ уже разливаются потоки лавы, и онъ полонъ—этотъ могущественный Парижъ—элементами взрыва человѣческаго духа. Спокойный, ужасный, онъ ждетъ нападенія и ощущаетъ, какъ поднимается въ немъ броженіе массъ. Волканъ не нуждается въ помощи. Французы, вы будете сражаться. Вы посвятите себя всемірному дѣлу, потому что нужно сохранить величіе Франціи, для того чтобы Европа была освобождена; потому что нельзя допустить, чтобы пролилось столько крови, превратилось въ пепелъ столько костей, безъ того чтобы не водворилась наконецъ свобода; потому что великія тѣни Леонида, Брута, Арминія, Данте, Ріенци, Вашингтона, Дантона, Ріего, Манина—съ гордостью улыбаются вамъ; потому что пора доказать вселенной, что добродѣтель существуетъ, что долгъ существуетъ, что отечество существуетъ. Вы не отступите, вы пойдете до конца, и благодаря вамъ міръ узнаетъ, что если дипломатія безчестна, то гражданинъ храбръ, и что если, въ настоящую минуту, Европы не существуетъ, то существуетъ Франція.

Смѣсь.

Смерть и сонъ. «Единственное средство для того чтобъ жить счастливо и умереть въ глубокой старости», говоритъ Гуфеландъ: «состоитъ въ томъ, чтобъ любить жизнь, не боясь смерти». Люди, которые боятся смерти, рѣдко живутъ долго. Если смерть представляется намъ въ отвратительномъ, ужасающемъ видѣ, то причиною этому одни только наши привычки и предразсудки, которые исказили наши чувства. Монтень былъ правъ, говоря, что темная комната, печальныя, безутѣшныя лица, стоны и вопли дѣлаютъ смерть страшною. Цивилизація, облекши смерть самыми мрачными покровами, отстранить которые было въ ея власти, способствовала также и тому, чтобъ сдѣлать изъ смерти ужасное привидѣніе. А между тѣмъ умирающій испытываетъ совершенно противоположныя чувства. Въ девяти случаяхъ на десять—смерть не только облегченіе, но почти наслажденіе. Сонъ каждый день даетъ намъ настоящее понятіе о смерти. «Смерть и сонъ — два близнеца», говорили древніе авторы. Зачѣмъ намъ бояться смерти, если мы ежедневно зовемъ къ себѣ ея брата, какъ друга и утѣшеніе? «Жизнь», говоритъ Бюффонъ, «начинаетъ оставлять насъ гораздо прежде, чѣмъ она совершенно покинетъ насъ». Зачѣмъ намъ бояться послѣдней минуты, если мы приготовлены къ ея наступленію другими минутами въ томъ же родѣ? Смерть такое же естественное явленіе, какъ и жизнь. Обѣ являются къ намъ совершенно одинаковымъ образомъ, безъ сознанія съ нашей стороны—и такъ, что мы не въ состояніи опредѣлить ихъ наступленія. Никто не можетъ назначить съ точностію минуты, въ которую онъ заснетъ, и точно также никто не можетъ опредѣлить минуты своей смерти. Вѣрно то, что смерть—отрадное чувство. Луканъ говаривалъ, что люди не стали бы выносить жизни, еслибъ боги не скрыли отъ нихъ того блаженства, которое ждетъ ихъ въ смерти. Туллій Маркелъ, Франсисъ Суарецъ и философъ Ла-Меттри, всѣ говорили о блаженствѣ своихъ послѣднихъ минутъ. Вотъ утѣшенія, которыя предлагаетъ философія тѣмъ робкимъ умамъ, которые боятся смерти. Мы считаемъ излишнимъ говорить, что несравненно болѣе высокія утѣшенія ожидаютъ истиннаго христіанина, надѣющагося на вѣчную жизнь.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

№ 44. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногороднихъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.

Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Вэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Ссылка.

(*Продолженіе*).

Поручикъ пришелъ къ гостинницѣ въ чрезвычайно-дурномъ расположеніи духа. Быстро взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ, ведущей въ комнату отца. Инспекторъ ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ; въ ожиданіи сына, часы казались ему страшно-долгими: мысленно проводивъ его, онъ думалъ о возвращеніи съ радостною вѣстью, но увидя шумно-входящаго поручика, который тотчасъ бросился на диванъ не говоря ни слова, онъ остановился въ недоумѣньи.

Инспекторъ долго и пристально смотрѣлъ на сына, въ лицѣ котораго явно обнаруживалась неудача попытки. Брови инспектора сдвинулись.

— Ну, спросилъ онъ наконецъ,—что же, ты не говорилъ съ Бертой?

— Я говорилъ съ нею, отвѣчалъ сынъ,—но не у ней въ имѣніи, а у Фарбрига.

— Ты отыскалъ ее тамъ? спросилъ инспекторъ.

— Конечно! прозвучалъ твердый и сердитый отвѣтъ поручика.

— Ну, это было напрасно, проговорилъ отецъ,—тебѣ важно было застать ее дома, чтобы лучше узнать ея настроеніе.

Упрекъ отца еще болѣе раздосадовалъ безъ того озлобленнаго поручика.

— Какъ будто это можно было предвидѣть!.. возразилъ онъ.—Мнѣ необходимо было говорить съ нею; не могъ-же я дожидаться ея въ имѣніи!.. тогда я увидѣлъ-бы ее не раньше завтрашняго дня.

— И что же ты потерялъ-бы отъ этого? спросилъ инспекторъ.

Поручикъ нетерпѣливо вскочилъ; онъ видѣлъ основательность упрековъ отца, и это увеличивало его злобу. Упрекъ тогда-то и поражаетъ наибольнѣе, когда вмѣстѣ съ нимъ является сознаніе его правдивости.

— А знаете-ли, кого я засталъ у фабриканта? Кто успѣлъ уже снискать расположеніе Берты? спросилъ поручикъ, быстро произнеся эти слова.

Инспекторъ вопросительно посмотрѣлъ на сына.

— Дорна! продолжалъ поручикъ:—они сидѣли вдвоемъ подъ деревомъ, когда лакей отворилъ мнѣ калитку сада. Ха! ха! ха! Берта даже представила мнѣ его!

— Ты конечно очень грубо и презрительно обошелся съ нимъ? спросилъ отецъ.

— Конечно; ужь не слѣдовало-ли мнѣ дружески раскланяться съ нимъ? Когда я остался съ Бертой одинъ, я объяснилъ ей характеръ этого человѣка; однако она приняла его сторону, сочувствуетъ ему и кажется очень высокаго мнѣнія о немъ.

Инспекторъ невольно топнулъ ногою.

— Ты дѣлаешь глупость за глупостью! вскричалъ онъ:—еслибъ я самъ пошелъ къ Бертѣ, какъ я и собирался,—дѣло вышло бы иначе.

— Батюшка! возразилъ поручикъ:—я не ребенокъ, чтобы слушать упреки изъ-за такихъ пустяковъ.

И съ этими словами отошелъ къ окну.

Отецъ послѣдовалъ за нимъ.

— Гуго, сказалъ онъ, — мы пріѣхали сюда не для споровъ, а для достиженія извѣстной цѣли. Назову-ли твой поступокъ глупостью или безразсудствомъ — это все равно; но во всякомъ случаѣ было неразумно обхо-

диться съ Дорномъ по твоему обыкновенію, не зная отношеній его къ Бертѣ. Я поступилъ бы умнѣе.

Поручикъ барабанилъ по стеклу, не обращая вниманія на слова отца.

— Чтожь, ты думаешь, что я предпринялъ это путешествіе, полагаясь на случай? продолжалъ инспекторъ.—Въ мои лѣта полагаются болѣе на свою опытность и силу, нежели на счастіе. Прежде всего надо было узнать о расположеніи Берты къ тебѣ, и затѣмъ уже дѣйствовать по плану. Я бы правильнѣе обсудилъ это, потому-что я проницательнѣе тебя; но ты настоялъ на своемъ.

— Объ расположеніи ея ко мнѣ я могу сообщить, возразилъ поручикъ, продолжая стучать по стеклу,—что приняла она меня холодно, хотя и любезно, нисколько не была удивлена моимъ приходомъ, и казалось сожалѣла, что я помѣшалъ ея разговору съ Дорномъ. Изъ этого ты можешь заключить о ея расположеніи ко мнѣ.

— Конечно, могу! отвѣчалъ сердитымъ и упрекающимъ тономъ инспекторъ.—Только я желалъ бы, чтобъ ты не такъ легкомысленно относился къ этому. Ты знаешь не хуже меня, какъ многое зависитъ отъ успѣха.

Поручикъ презрительно пожалъ плечами.

— Гуго! продолжалъ отецъ, болѣе и болѣе теряя терпѣніе, — такимъ образомъ ты ничего не достигнешь! Мнѣ нечего напоминать тебѣ о твоемъ положеніи. Съ твоею распущенностью, ты такъ много задолжалъ, что только богатая женитьба можетъ спасти тебя. Теперь не время упрекать тебя, однако не разсчитывай на меня: средства мои совершенно истощены. Изъ-за тебя я принялъ обязательства, исполненіе которыхъ весьма тяжко для меня. Ты не скоро дождешься подобнаго случая; вѣдь Берта гораздо богаче, чѣмъ мы съ тобой предполагали. Ужь употребимъ всѣ силы и средства для достиженія цѣли!

Поручикъ началъ было понимать. Онъ самъ зналъ, что положеніе его было невыносимо.

— Я сдѣлалъ почти все что̀ могъ, сказалъ онъ:— что̀ прикажете еще предпринять? Я былъ любезенъ съ Бертой сколь было возможно, однако это не произвело на нее никакого впечатлѣнія. Прежде она была внимательнѣе ко мнѣ—и я увѣренъ, что всему виною Дорнъ. Что̀ если этому человѣку достанется Берта?

Инспекторъ разсмѣялся.

— До этого еще не дошло — и я не думаю, чтобы Берта была такъ безразсудна. Очень можетъ быть, что онъ произвелъ на нее впечатлѣніе, потому что онъ довольно уменъ, а женщины легко поддаются вліянію остроумныхъ людей; но въ этомъ отношеніи я опасаюсь его наименѣе всего. Завтра я пойду къ Бертѣ, дабы обстоятельнѣе все обсудить, — и надѣюсь болѣе успѣть чѣмъ ты. Вѣдь ты сказалъ, что я нездоровъ?

— Конечно!

— Хорошо; такъ мы еще нѣсколько дней можемъ остаться здѣсь. Одного я боюсь, чтобъ нынѣшнее твое посѣщеніе не испортило дѣла. Жена фабриканта Фарбрига—лучшая пріятельница Берты? Какъ приняла она тебя?

— Какъ гостя, котораго неохотно принимаютъ, отвѣтилъ поручикъ.—Но я ихъ не опасаюсь: фабрикантъ—человѣкъ необразованный.

Брови инспектора еще болѣе сдвинулись; лобъ его наморщился.

— А я опасаюсь ихъ, потому-что они могутъ повліять на Берту, возразилъ онъ. — Ты конечно и передъ ними уронилъ себя тѣмъ, что неуважительно обошелся съ ними.

— Ты забываешь, что я военный, замѣтилъ поручикъ.

— Это еще не доказываетъ твоего знанія жизни и умѣнья обращаться съ людьми, проворчалъ отецъ,—мнѣ весьма трудно будетъ изгладить неблагопріятное впечатлѣніе, которое ты произвелъ; едва-ли мнѣ это удастся!

Тонъ упрека, которымъ говорилъ инспекторъ, непріятно звучалъ въ ушахъ сына. Поручикъ держался правила: какъ можно скорѣе забывать сдѣланныя имъ глупости, что̀ и удавалось ему при помощи новыхъ глупостей. Думать о своей прошедшей жизни ему никогда не приходилось: на это у него недоставало смѣлости.

Онъ взялся за фуражку, собираясь уйдти.

— Куда ты идешь? спросилъ его отецъ.

— Внизъ въ гостинницу, отвѣчалъ поручикъ,—не сидѣть же намъ здѣсь вдвоемъ цѣлый вечеръ!

Отецъ молча отпустилъ его.

Оставимъ на нѣсколько времени инспектора съ сыномъ, и займемся судьею Ульманомъ.

Ульманъ сидѣлъ въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ. Это была просторная и свѣтлая комната. Мебель, тяжелыя занавѣси и вообще все убранство ея доказывали нѣкоторую роскошь. Во всемъ, даже въ разстановкѣ мельчайшихъ предметовъ, проглядывалъ педантичный порядокъ. Несмотря на то, въ этой комнатѣ было какъ-то невесело. Во всемъ виденъ былъ вѣрнѣйшій отпечатокъ жильца, а ему при всѣхъ достоинствахъ недоставало истиннаго добродушія.

Погруженный въ разбирательство судебныхъ актовъ, онъ вдругъ отложилъ бумаги въ сторону и вскочилъ съ кресла. Его что-то тревожило.

Только утромъ узналъ онъ, что вечеръ у Берты не состоится по ея болѣзни, хотя и очень хорошо зналъ настоящую причину отказа: Берта не хотѣла отказаться отъ участія Дорна на вечерѣ.

Эта мысль не давала покоя судьѣ, несмотря на всѣ усилія не думать о томъ.

Кровь его все сильнѣе бушевала, когда онъ думалъ о Дорнѣ. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы подчиненный могъ уничтожить власть начальника въ обществѣ, чтобы такой человѣкъ привлекъ на себя всеобщее вниманіе, которое прежде обращалось исключительно на него, Ульмана. Ему казалось, что Дорнъ былъ опасенъ и для Берты. Злобѣ судьи не было границъ, а все-таки онъ не могъ высказать то, что̀ хотѣлъ. Хотя онъ и донесъ на Дорна въ министерство, прося о его перемѣщеніи, но пока еще не былъ увѣренъ въ исполненіи своихъ желаній удалить его отъ себя и Берты. Жить же съ Дорномъ въ одномъ мѣстѣ было ему невыносимо.

Въ послѣдніе дни онъ даже перестатъ посѣщать гостинницу, потому что нѣкоторые изъ посѣтителей вечеровъ Фарбрига громко выхваляли Дорна и его острый умъ.

Въ подобномъ настроеніи духа засталъ его инспекторъ; хотя они были нѣсколько знакомы въ столицѣ, но Ульмана очень удивило посѣщеніе Клинкгардта.

Клинкгардтъ явился къ нему съ любезностью стараго пріятеля. Онъ говорилъ, что путешествуетъ съ сыномъ—и по случаю легкаго нездоровья долженъ остаться

нѣсколько дней въ Б.; онъ не могъ, будто бы, не возобновить старое знакомство.

Ульманъ зналъ, что сынъ инспектора заискивалъ расположенія Берты,—и нисколько не сомнѣвался относительно истинной причины пребыванія инспектора съ сыномъ; онъ зналъ, что они намѣревались склонить Берту. За всѣмъ тѣмъ судья былъ очень любезенъ.

Онъ старался не обнаружить своихъ притязаній на руку Берты, а поручика считалъ неопаснымъ соперникомъ.

Вскорѣ разговоръ коснулся Дорна.

Инспекторъ объявилъ, что ассесоръ былъ помолвленъ съ его дочерью, и что онъ конечно во время успѣлъ прекратить съ Дорномъ всякія сношенія.

Краска бросилась въ лицо судьи; онъ барабанилъ по ручкѣ кресла, но все же надо было обладать проницательностью инспектора, чтобы замѣтить безпокойство его.

— Этотъ человѣкъ опаснѣе, нежели вы преполагаете, продолжалъ инспекторъ: — онъ очень много выигриваетъ во мнѣніи женщинъ, и я замѣтилъ уже его вліяніе здѣсь.

Ульманъ вопросительно смотрѣлъ на инспектора, хотя и отлично понималъ его мысли.

— Кажется, вы слишкомъ высоко цѣните его, сказалъ онъ сь усмѣшкой, — онъ обладаетъ обширными знаніями, но едвали здѣшнія дамы обратятъ на него вниманіе, онъ здѣсь ссыльный.

— А если я вамъ скажу, что моя племянница очень высокаго о немъ мнѣнія? рѣшился сказать инспекторъ.

Ульманъ принужденно разсмѣялся.

— Въ этомъ случаѣ я долженъ предположить, что вы ошибаетесь, возразилъ онъ. — Эта молодая дама, по моему мнѣнію, слишкомъ умна, чтобы обращать вниманіе на ассесора.

— Да я самъ убѣдился въ этомъ, увѣрялъ Клинкгардтъ, — я навѣстилъ свою племянницу, и она съ такимъ живымъ участіемъ говорила о Дорнѣ, что этимъ явно обнаружила свое расположеніе къ нему.

Ульманъ съ трудомъ преодолѣлъ свое волненіе; онъ смялъ сигару и бросилъ ее за окно. Казалось, онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ отвернуться на мгновеніе отъ проницательнаго взгляда инспектора.

— Я сдѣлалъ все, чтобы избавить мою племянницу отъ подобной глупости, продолжалъ инспекторъ, не предполагая, чтобы судья принималъ участіе въ Бертѣ,— она въ самомъ дѣлѣ была бы несчастлива, еслибъ согласилась выйти за ассесора.

— Неужели вы считаете это возможнымъ? спросилъ смѣясь Ульманъ. Онъ успѣлъ овладѣть собою и былъ спокоенъ.

— Да, я считаю это возможнымъ! сказалъ Клинкгардтъ:—при томъ же и мужъ ея лучшей пріятельницы очень друженъ съ Дорномъ. У фабриканта Фарбрига Берта уже нѣсколько разъ встрѣчалась съ ассесоромъ.

Ульманъ тихонько вздрогнулъ.

— Нѣсколько разъ? повторилъ онъ:—я знаю, что они только познакомились тамъ.

— Но вотъ вчера еще, послѣ обѣда, сынъ мой засталъ ихъ вмѣстѣ у Фарбрига, замѣтилъ инспекторъ,— не знаю, съ какой цѣлью фабрикантъ такъ хлопочетъ о сближеніи ихъ.

— Фабрикантъ держится тѣхъ же демократическихъ воззрѣній какъ и Дорнъ, сказалъ Ульманъ: — я ему довѣряю менѣе всѣхъ. Не можете ли вы предостеречь вашу племянницу отъ обоихъ?

— Я пытался уже, но она какъ-будто не понимаетъ меня; она болѣе довѣряетъ Фарбригу.

— Ну, такъ ужь я не знаю, какъ ей помочь, замѣтилъ судья.

— Есть еще одно средство, возразилъ инспекторъ.

— Какъ вы полагаете?

— Могу ли я совершенно откровенно говорить съ вами, г. судья?

— Вы можете быть увѣрены какъ въ моей скромности, такъ и въ моемъ участіи.

— Единственное средство по моему мнѣнію — удаленіе Дорна, продолжалъ Клинкгардтъ.—Удаленіемъ его изъ города окончится вліяніе его на Берту.

Ульманъ пристально посмотрѣлъ на инспектора: ужь не зналъ ли онъ о стараніи судьи удалить Дорна? Это было почти невозможно.

— Вы правы, сказалъ онъ:—но какимъ образомъ сдѣлать это? спросилъ онъ, какъ будто эта мысль пришла ему въ первый разъ на умъ.

Клинкгардтъ, увѣренный въ успѣхѣ попытки, развилъ послѣдовательный планъ, какъ бы опорочить Дорна: ему слѣдовало дозволить безпрепятственно развивать— какъ въ столицѣ—свои идеи о рабочемъ союзѣ и потомъ, найдя его поведеніе предосудительнымъ, наказать его.

Къ крайнему удивленію Клинкгардта, Ульманъ наотрѣзъ отказался участвовать въ подобной интригѣ. Онъ не любилъ ассесора; онъ былъ упрямый и властолюбивый человѣкъ, но не плутъ. Онъ сказалъ, что по службѣ ни въ чемъ не можетъ обвинить Дорна. Еслибъ Дорнъ впутался въ какое-либо политическое общество, противное правительству, тогда можно бы кое-что предпринять; но завлекать его въ подобное общество — за это судья не брался.

Инспекторъ перемѣнилъ разговоръ, чтобы скрыть дѣйствительную цѣль своего прихода, и вслѣдъ затѣмъ ушелъ.

Оставшись одинъ, Ульманъ сталъ непринужденнѣе; онъ быстро ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Онъ думалъ теперь о сватовствѣ поручика какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, ибо видѣлъ, что инспекторъ готовъ былъ на все, лишь бы достигнуть цѣли въ пользу сына. Инспекторъ шелъ къ ней гораздо спокойнѣе и систематичнѣе поручика—и старался отвратить всякое къ тому препятствіе. Да, инспекторъ казался судьѣ опаснѣе Дорна. Можно ли было предположить, что этотъ человѣкъ не будетъ дѣйствовать столь же рѣшительно и противъ Ульмана? Родственныя связи инспектора съ Бертою давали ему преимущество—и онъ былъ довольно хитеръ, чтобы съумѣть воспользоваться малѣйшой выгодой. Ульманъ съ каждымъ днемъ откладывалъ свое предложеніе Бертѣ: у него не хватало на то мужества. И дѣйствительно, этотъ важный шагъ имѣлъ огромное вліяніе на будущность человѣка его лѣтъ.

У него было два соперника, которыхъ ему предстояло устранить. Ему страшно было предстать предъ Бертой съ объясненіемъ въ любви; но мысль, что Берта можетъ принадлежать черезъ нѣсколько дней другому, не дозволяла ему откладывать своего намѣренія.

Не мѣшкая, онъ одѣлся и направился къ помѣстью Берты. Онъ пошелъ окольною дорогой, чтобы встрѣчнымъ не дать повода къ подозрѣнію.

Не смотря на увѣдомленіе его о болѣзни Берты, онъ

былъ увѣренъ, что это была ложная причина отсрочки вечера.

Пройдя небольшимъ лѣскомъ, Ульманъ добрался до великолѣпно - расположеннаго сада, окраины владѣній Берты.

Съ тревогою въ сердцѣ, подошелъ Ульманъ къ садовой оградѣ. Кругомъ все было тихо.

Это уединенное спокойствіе дало Ульману возможность собраться съ духомъ. Густо-насаженныя деревья перебрасывали вѣтви свои за ограду и этимъ образовали тѣнистый сводъ, подъ которымъ и пошелъ судья.

Все было ему тутъ извѣстно: садъ съ вѣтвистыми деревьями и различными растеніями, огромный лугъ, полутемная бесѣдка изъ жимолости и дикаго винограда. Онъ мысленно перенесся въ то время, когда — владѣтель всего этого парка—онъ будетъ гулять съ Бертой, когда богатое, громадное имѣніе будетъ его собственностью, и тысячи другихъ смертныхъ будутъ завидовать его счастью. Не въ его натурѣ было увлекаться мечтами, здравый смыслъ господствовалъ надъ нимъ; однако, когда на него находили подобныя минуты, ему было трудно оторваться отъ мечты.

Сопутствуемый сладкими картинами, въ ожиданіи счастливой будущности онъ незамѣтно приближался къ дому Берты, какъ вдругъ онъ остановился, услышавъ невдалекѣ голоса. Онъ ясно различилъ голосъ Берты и въ то же время какъ-бы знакомый мужской голосъ.

Ульманъ поблѣднѣлъ. Его предположеніе—что Берта не больна—оправдалось; но кто же былъ съ нею? Онъ тотчасъ подумалъ о поручикѣ и ассесорѣ. Щели въ заборѣ дали ему возможность заглянуть въ садъ, въ которомъ слышались голоса,—и онъ узналъ Фарбрига съ Бертой. По одушевленному лицу Берты, судья догадался о важности ихъ разговора. Они стояли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ судьи—и конечно не подозрѣвали, что ихъ могутъ слышать.

Въ характерѣ Ульмана не было страсти подслушивать, онъ былъ слишкомъ гордъ и можетъ-быть слишкомъ благороденъ для этого; но услыхавъ имя Дорна, онъ невольно прислонилъ ухо къ забору. Къ счастью, до него доходили только звуки голосовъ.

Нѣсколько минутъ онъ оставался въ нерѣшимости, просить ли руки Берты или нѣтъ: присутствіе Фарбрига мѣшало ему. Однакожь онъ все - таки направился къ дому Берты: рѣшившись разъ, онъ не хотѣлъ долѣе откладывать, и вошелъ въ домъ.

Въ домѣ встрѣтилъ его слуга, который на вопросъ, можно ли видѣть госпожу, отвѣчалъ, что она больна и никого не принимаетъ.

Ульманъ вручилъ слугѣ свою карточку, приказавъ сказать госпожѣ, что онъ пришелъ только на нѣсколько минутъ и что имѣетъ сообщить ей нѣчто важное.

Слуга повторилъ отвѣтъ.

— Но я слышалъ голосъ госпожи въ саду, сказалъ съ неудовольствіемъ Ульманъ.

— Госпожа больна и не приказала принимать, повторилъ слуга.

— Передайте ей карточку и мою просьбу, сказалъ Ульманъ.

Слуга повиновался, но вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ отвѣтомъ, что по болѣзни госпожа не принимаетъ.

Разсерженный до крайности отказомъ Берты, Ульманъ ушелъ. Подобный отказъ сильно оскорбилъ его. Онъ самъ видѣлъ Берту совершенно здоровою въ разговорѣ съ Фарбригомъ.

Онъ избралъ ближайшую дорогу къ городу; тишина и свѣжесть воздуха понемногу успокоили его. Въ отказѣ Берты онъ видѣлъ уже только необходимость спокойствія во время болѣзни.

Лишь только мысли его пришли въ нормальное состояніе и самосознаніе овладѣло имъ, какъ кровь снова взволновалась: ему встрѣтился Дорнъ, шедшій къ Бертѣ. Не обращая на него вниманія, судья прошелъ мимо. Тутъ опять возникли въ его головѣ вопросы: не къ Бертѣ ли идетъ Дорнъ и будетъ ли онъ ею принятъ? Онъ хотѣлъ было слѣдить за Дорномъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, но боясь быть замѣченнымъ, онъ предпочелъ отправиться домой.

Поручикъ и его отецъ оставались еще въ Б..., испытывая всѣ средства для достиженія желанной цѣли.

Все, что завоевывалъ отецъ умомъ и интригами, разрушалось необдуманностью и нетерпѣливостью поручика. Чѣмъ менѣе онъ питалъ надежды на успѣхъ, тѣмъ открытнѣе дѣйствовалъ онъ.

Онъ не могъ скрыть досаду на обманутыя надежды и старался заглушить неудачи виномъ. Въ гостинницѣ онъ разсказывалъ всѣмъ, что при первой его встрѣчѣ съ Дорномъ, обидитъ его чѣмъ - нибудь — и если у Дорна достанетъ мужества требовать удовлетворенія, то онъ застрѣлитъ его какъ зайца.

(Продолженіе будетъ).

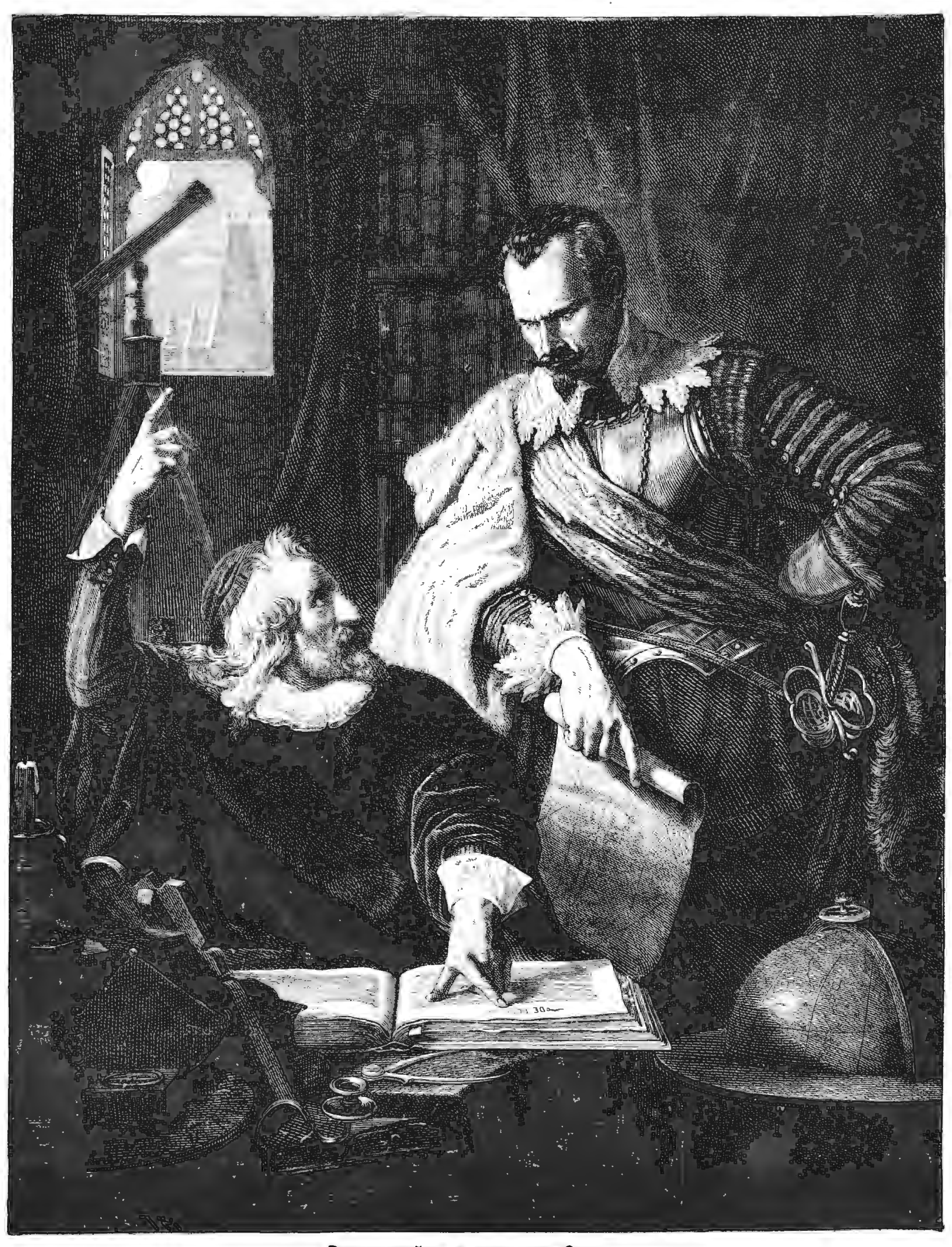
Очерки Кавказа.

(изъ записокъ походнаго офицера).

I.

Отъ Тифлиса до Мцхета.

Со взятіемъ Шамиля спокойствіе еще не водворилось на Кавказѣ. Кромѣ грузинъ, почти всѣ туземныя племена были непріязненно расположены къ нашему владычеству—и думали, что намъ никогда не одолѣть до конца горцевъ, среди ихъ неприступныхъ мѣстностей; извѣстія о волненіи Польши и слухи, распускаемые нашими дружелюбными европейскими гостями, о грозной коалиціи противъ Россіи, были принимаемы съ радостію. Армяне-католики выказывали особенное сочувствіе всѣмъ нашимъ врагамъ и завистникамъ; между ними ходили толки о какомъ-то потомкѣ Митридата, который возстановитъ Арменію въ прежней силѣ и сдѣлается ихъ царемъ—и они гордо поглядывали на русскихъ изъ-подъ своихъ сѣренькихъ конфедератокъ (шапокъ на польскій манеръ). Князь Орбеліани временно исполнявшій должность намѣстника, за отъѣздомъ князя Барятинскаго для леченія за-границу, — повидимому заботился только о сохраненіи наружнаго порядка, не предпринимая ничего серіознаго для успокоенія умовъ. Вдругъ радостная вѣсть о назначеніи намѣстникомъ великаго князя Михаила Николаевича—разнеслась по всему Кавказу, и пріунывшіе было грузины, съ неподдѣльнымъ восторгомъ, стали приготовляться къ встрѣчѣ. Повсюду

Валленштейнъ и астрологъ Зени.

Съ картины Плиддеманъ.

началась суетливая дѣятельность: спѣшили мостить улицы, готовили иллюминаціи, подкрашивали домы и сакли и шили наряды. Давно Тифлисъ не представлялъ такой оживленной картины, и не вмѣщалъ въ стѣнахъ своихъ такъ много знатныхъ посѣтителей, какъ наканунѣ въѣзда великаго князя. Изъ всѣхъ крѣпостей, городовъ, деревень и ауловъ прибывали депутаты отъ всѣхъ сословій—изъявить свою преданность Россіи и готовность ополчиться противъ ея враговъ. Наступилъ незабвенный для Грузіи день—торжественнаго въѣзда его высочества въ Тифлисъ. Погода благопріятствовала торжеству. Вершины горъ, только что обмытыя дождемъ, покрылись ярко-зеленымъ ковромъ; легкія и бѣлыя, какъ пухъ, облака плавали въ воздухѣ около нихъ, непрестанно мѣняя форму и отливы цвѣтовъ; теплый ароматическій вѣтерокъ игриво развѣвалъ безчисленные

разноцвѣтные флаги; толпы народа сплошною массою покрывали улицы, переулки и площади отъ Веры *) до собора, на протяженіи болѣе 2-хъ верстъ; всѣ окна и балконы были наполнены зрителями и зрительницами въ роскошныхъ нарядахъ; менѣе счастливые смертные гнѣздились по крышамъ европейскихъ домовъ, на колокольняхъ и кровляхъ сакль, и гдѣ только могли найдти малѣйшій возвышенный уступъ. Головинскій проспектъ, переименованный впослѣдствіи въ Дворцовый, былъ переполненъ отборной публикой, — здѣсь всякій явился въ роскошнѣйшемъ нарядѣ какой могъ достать: чохи и черкески всѣхъ цвѣтовъ, пестрыя, но живописныя, украшенныя золотыми и серебряными галунами; европейскіе костюмы и военные мундиры; бѣлыя чадры и роскошныя платья туземокъ, съ ихъ нерѣдко драгоцѣнными *тавса-краве* (головной уборъ)—все это представляло волшебную картину, какъ-бы волнующійся цвѣтникъ. Но вотъ, на штабной башнѣ пробило 11 часовъ—и раздались звонъ колоколовъ и пушечная пальба со стѣнъ Метехскаго замка. Неумолкаемое «ура»! гремѣло отъ московской заставы по проспекту до собора.

По пріѣздѣ его высочества распространился слухъ о предпринимаемомъ окончательномъ походѣ противъ непокорныхъ племенъ, подъ личнымъ начальствомъ намѣстника. Кратковременное торжество армянъ кончилось; ожидаемый потомокъ Митридата канулъ въ мракъ неизвѣстности. Въ свою очередь грузины подняли головы и съ усмѣшкой посматривали на кислыя физіономіи армянъ, съ ихъ обманутыми надеждами; для грузинъ частенько русскій солдатъ — и другъ и братъ; всегда готовые по первому призыву сѣсть на коней, они теперь собирались въ веселые кружки, приправляя бесѣды кахетинскимъ виномъ и звуками зурны.

Слухъ о походѣ подтвердился. Команда саперовъ получила приказъ выступить въ мѣстечко Орпири (Марань), для постройки полеваго укрѣпленія, — начальникомъ ея назначили меня. Товарищи осаждали меня поздравленіями, желаніями, предположеніями и т. д.; всякій по своему составлялъ и обсуживалъ планы походныхъ дѣйствій; а между тѣмъ съ завистью посматривали на счастливцевъ, которыхъ ожидали опасности и отличія. Назначенный срокъ наступилъ. Въ семь часовъ утра, 26-го ноября 1863 года, отслужили молебенъ—и горячо молились сердца подъ грубыми сѣрыми шинелями. Командиръ баталіона поздравилъ насъ съ походомъ, и команда, запѣвая разъудалыя пѣсенки, тронулась, сопровождаемая друзьями и товарищами до Веры. Здѣсь мы сдѣлали привалъ; подаривъ солдатамъ цѣлый часъ для прощанья, я предложилъ провожавшимъ меня закуску — можетъ-быть послѣднюю; самъ я, по долгу службы и отчасти изъ любопытства, оставлялъ ихъ, чтобъ наблюдать за ввѣренной мнѣ командой. Сцены характерныя, далеко не сантиментальныя, представились мнѣ.

Вотъ — бравый солдатикъ одной рукой подноситъ чарку вина грузину, а другою треплетъ по щочкѣ его молоденькую жену, или родственницу; почти тутъ-же, рядомъ съ ними—другой здоровый, приземистый, красенъ-молодецъ, сдѣлавшійся уже до излишества прекраснымъ отъ избытка кахетинскаго вина (которое онъ потягивалъ не изъ стакана или бутылки, а для сокращенія времени, прямо изъ бурдючка), стоитъ подбоченясь и сурово отвергаетъ навязчивую любовь армянки и убѣжденія ея родственника «пожениться». Далѣе молодой, красивый, статный воинъ съ улыбкой слушаетъ туземца, напѣвающаго ему что-то на своемъ языкѣ,—слушаетъ и прихлебываетъ изъ турьяго рога, и заѣдаетъ сочнымъ, розовымъ балыкомъ съ мягкимъ, бѣлымъ какъ снѣгъ, чурекомъ; за этой группой, четыре солдатика, подзакусивъ, играютъ засаленными картами въ фильку *); были и философы — двое, расположившись около кустарника, серьезно заняты чтеніемъ: одинъ разбираетъ по складамъ Еруслана Лазарыча—и послѣ всякой штуки, или богатырскаго подвига, разсуждаетъ самъ съ собою; другой, болѣе серіозный, хотя не быстро, но довольно правильно и громко читаетъ житіе Симеона Столпника; а вотъ и аристократическій кругъ команды — унтеръ-офицеры — мало пьющіе, но любители потолковать о политикѣ и матерьяхъ важныхъ. Одинъ изъ нихъ ораторствуетъ, прочіе слушаютъ.

— Извѣстное дѣло, турецкій султанъ, животина хитрая, говорилъ ораторъ, — какъ услышалъ, что царскій сынъ пріѣхалъ на *Капказъ*, такъ и давай собирать своихъ гололобыхъ на войну; возьму, дескать, въ полонъ, царскаго сына-то, а *Капказъ* ужь самъ отдастся, вотъ оно што! по евтому-то мы и будемъ строить крѣпость въ Марани... ходу-то ему и не будетъ!

— Подъемъ! скомандовалъ я барабанщику.

— Неужели обѣщанный часъ прошелъ! возразили мнѣ товарищи, съ вытянутыми физіогноміями.

Я показалъ имъ часы. Мы простились съ пожеланіемъ другъ-другу всѣхъ благъ.

Барабанщикъ началъ бить подъемъ, но какъ-то руки ему измѣняли — выходило что-то похожее на маршъ.

— Довольно, ступай къ обозу! крикнулъ я на него съ намѣреніемъ сдѣлать ему послѣ выговоръ, но окинувъ взглядомъ команду, оставилъ это намѣреніе: всѣ были не менѣе хороши; плачъ и рыданія, объятія и ссоры, суматоха, возня и шумъ—все составляло такой концертъ, что затыкай уши.

— Смирно! скомандовалъ я громко.

Слово это произвело свое обычное магическое дѣйствіе. Все замолкло, и черезъ четверть часа команда двинулась въ походъ.

Давъ себѣ слово на будущее время быть осторожнѣе и сдерживать порывы команды, внутренно я былъ доволенъ русской натурой: солдатикъ нашъ вездѣ какъ дома, куда-бы его судьба не завела, и готовъ вступить въ дружескія отношенія чуть-чуть не къ врагамъ.

*) Такъ называется предмѣстье Тифлиса, образовавшееся около кладбища православныхъ.

*) Филька — игра въ карты безъ двоекъ. Садятся четверо. Валеты называются фильками, по старшинству: пиковый самый старшій, трефовый 2-й, бубновый 3-й, и червонный послѣдній. Пиковый валетъ бьетъ всѣхъ валетовъ и козырей и тузовъ; за нимъ трефовый — остальныхъ валетовъ и тузовъ и т. д. Сдаютъ по девяти картъ; визави помогаетъ своему партнеру и спрашиваетъ:—«Филька есть?»—«Есть!»—«А козыри есть?» Если выходъ его визави, то партнеръ говоритъ: — «пускай жлудей или виней; или другую масть»; на фильку должны класть козыря; противникъ, если нѣтъ у него масти, съ которой ходятъ, когда хочетъ, можетъ бить простую карту козыремъ. Вся игра состоитъ въ томъ, чтобы не дать противникамъ ни одной взятки — это называется «двѣнадцать косыхъ» задать; если же дали противникамъ взять только одну взятку, то называется «одинадцать косыхъ» задать—и считается верхомъ игры. Если же дали противникамъ взять двѣ взятки или больше, то игра не въ счетъ.

Утро холодное; по дорогѣ—замерзшая грязь, начинавшая распускаться отъ солнца. Надобно замѣтить, что здѣсь ноябрь и декабрь мѣсяцы отличаются страшнымъ непостоянствомъ; въ одинъ день могутъ быть: снѣгъ, градъ, дождь, холодъ и жаръ. Солдатики какимъ-то чутьемъ узнаютъ мѣстные климаты; не смотря на солнце и порядочный пріемъ горячительныхъ средствъ, они приготовлялись встрѣтить непогоду; я тоже надѣлъ кое-что потеплѣе — и не раскаялся.

На возвышенности, по дорогѣ отъ Веры, старый грузинъ показалъ мнѣ духанъ «слезъ», и пересказалъ легенду, слышанную мною еще въ Тифлисѣ.

Легенда «слезъ»:

Я былъ еще ребенкомъ, когда мнѣ отецъ передалъ вотъ что: «одинъ изъ князей царевичъ, подозрѣваемый въ замыслѣ на похищеніе престола, бѣжалъ со всѣмъ своимъ богатствомъ въ Персію. Къ большему огорченію, мать его скоро узнала, что сынъ ея измѣнилъ христіанской вѣрѣ, и ночью съ младшими дѣтьми пришла сюда, гдѣ его видѣла въ послѣдній разъ, оплакивать погибшаго. Съ тѣхъ поръ она дѣлала это часто. Какъ-то разъ бѣжавшій князь похвалился передъ шахомъ, что у него есть въ Тифлисѣ малолѣтніе—братъ и сестра, такой красоты, что ни въ одномъ сералѣ не найдется подобныхъ. Шахъ разлакомился на нихъ и предложилъ ему похитить дѣтей, обѣщая за это содѣйствовать его воцаренію. Честолюбецъ, развѣдавъ черезъ лазутчиковъ, куда мать его часто ходитъ, рѣшился на похищеніе. Набравъ себѣ небольшую дружину, онъ пустился съ ней къ Тифлису, проводя дни въ лѣсахъ, а ночи—въ дорогѣ. Такъ онъ добрался до желаемаго мѣста. Была глубокая осень, и безлунная мрачная ночь, тюрьмы чернѣе. Ровно въ полночь послышались легкіе шаги. Злодѣй считалъ уже добычу своею, но Богъ попуталъ его. Вдругъ у одного изъ дружины спустился курокъ—и хотя не произвелъ выстрѣла, но порохъ вспыхнулъ и освѣтилъ всѣхъ. Въ испугѣ княгиня выронила потайной фонарь и бросилась съ дѣтьми внизъ къ кустарникамъ; а за княгиней всегда тайкомъ наблюдали конвойные—они дали залпъ изъ винтовокъ и бросились въ шашки. Что же? на мѣстѣ нашли одинъ только трупъ, — трупъ князя бѣглеца. Съ тѣхъ поръ на этомъ мѣстѣ построенъ былъ для княгини шалашъ, въ которомъ она укрывалась во время ненастья. И долго приходила сюда мать молиться и оплакивать погибшаго своего сына».

Первый переходъ къ Мцхету — 20¼ верстъ—принадлежитъ къ военно-грузинской дорогѣ. Все пространство, перерѣзанное Курою, представляетъ продолговатую долину, ограничиваемую горами 1000 — 1500 футовъ высоты; долина эта съуживается къ Мцхету; на протяженіи 15-ти верстъ ширина измѣняется, близъ Тифлиса она менѣе двухъ верстъ; мѣстами же довольно значительно ея расширеніе, напр. поперечная Загарданская долина и нѣмецкія колоніи. Отъ Тифлиса Кура представляется какъ бы истекающею изъ Джарскихъ горъ, заслоняющихъ своими уступами и оконечностями не только Мцхетъ и лежащую за нимъ Сагурамскую долину, но и всю сѣверную часть,—отчего взору кажется вся мѣстность котловиною.

Дорога проложена по правому обрывистому берегу рѣки; грунтъ земли глинисто-щебнистый; мѣстность волнистая, отъ примыкающихъ развѣтвленій Тріалетскихъ горъ (продолженіе Оджаро-Ахалцихскаго хребта, идущаго отъ самаго Чернаго моря). Вѣтви ихъ, раскидываясь по всему правому берегу Куры, съ восточной стороны, образуютъ множество отдѣльныхъ высотъ.

Съ пятой версты отъ станціи, на лѣвомъ берегу Куры, виднѣется нѣмецкая колонія и у подошвы горъ—саперные ротные дворы; тамъ же, на большомъ пространствѣ, производятся ежегодно практическія работы и отведено обширное мѣсто для бѣга на призы. Вся эта мѣстность, не смотря на позднее время года, въ роскошной зелени. На 7-ой верстѣ маленькая рѣчка Дигомка, получившая названіе отъ с. Дигоми. Здѣсь виноградные и фруктовые сады, и повѣсы. Отлогости горъ безплодны. На 9—10-й верстѣ, за Курой, живописно разбросано селеніе Авчалы. На 11-ой—Красный духанъ; въ немъ проѣзжій всегда найдетъ хорошее вино и удовлетворительную закуску. Не далеко отъ духана — одинокая могила, скрывающая жертву разбоя. Здѣсь я сдѣлалъ командѣ привалъ и самъ отправился для подкрѣпленія силъ.

Привѣтливый хозяинъ, за умѣренную цѣну, угостилъ меня на славу. Тутъ я засталъ интереснаго нищаго, играющаго на чангурѣ. Благородная его физіогномія, покрытая преждевременными морщинами, не лишена была привлекательности; азіатскій костюмъ былъ простъ, но опрятенъ; голосъ пріятный; глаза черные и блестящіе какъ агатъ, но, къ удивленію моему, не зрячіе. Причина—ребяческая шалость. Въ дѣтствѣ онъ поспорилъ съ ровесникомъ своимъ: кто долже проглядитъ на солнце,—и одинъ поплатился потерей зрѣнія, а другой шалунъ умеръ отъ воспаленія.

Команда съ привала не вдругъ могла начать движеніе. Эта безплодная оконечность долины оживлялась торговой дѣятельностью: фургоны съ пассажирами, русскія троечныя тѣлеги предпріимчивыхъ торговцевъ-русаковъ, безпрерывный рядъ верблюдовъ, нагруженныхъ шелками и хлопкомъ, — задержали насъ на время. Загорѣлыя лица погонщиковъ (персіянъ), ихъ сверкающіе глаза, бороды крашенныя въ черную и красную краску и локоны развѣвающіеся изъ-подъ бараньихъ остроконечныхъ шапокъ, ихъ однообразный костюмъ и стройность стана—заинтересовали меня. Всего удивительнѣе, что всѣ они были схожи межъ собою какъ родные братья. Былъ полдень. Вожатый свернулъ въ сторону, на небольшую поляну; караванъ послѣдовалъ за нимъ. Верблюды, по знаку вожаковъ, сперва подогнувъ переднія ноги, становились на колѣна, потомъ подогнувъ заднія, опускались неразвьюченные на землю. Погонщики, сдѣлавъ омовеніе изъ узкогорлыхъ металлическихъ кувшиновъ, подостлали маленькіе коврики и, обернувшись къ востоку, опустились на колѣна творить намазъ.

Наконецъ команда тронулась. Съ лѣвой стороны дороги (на 12-й верстѣ), въ крутомъ скатѣ высокой скалы, видны шесть правильныхъ пещеръ. Много ходитъ объ нихъ разсказовъ. Выбираю одинъ изъ нихъ, какъ болѣе правдоподобный.

Болѣе чѣмъ за два столѣтія до водворенія русскихъ въ Грузіи, Тифлисъ неоднократно подвергался вторженіямъ турокъ, персіянъ и даже горскихъ народовъ. Не довольствуясь грабежомъ, они забирали въ плѣнъ преимущественно дѣвицъ и мальчиковъ, чтобы впослѣдствіи получать за нихъ огромный выкупъ. Жители, доведенные до крайности, избрали на возвышеніяхъ неприступныя мѣста, пещеры, и тамъ скрывали своихъ женъ, дѣтей и богатства. И эти шесть пещеръ также сдѣлались убѣжищемъ для многихъ семействъ, пока ихъ

отцы и братья храбро отражали враговъ. Но какъ добраться до пещеръ? и гдѣ взять воды? Нужда на выдумки хитра. Посредствомъ веревокъ, съ площадки выше пещеръ, спускали рабочихъ съ нужными инструментами и матеріаломъ; такимъ образомъ были устроены веревочныя лѣстницы столь удобныя, что женщины съ дѣтьми смѣло спускались по нимъ въ пещеры. Воду-же брали, помощію скрытаго хода, изъ Куры *). По всей военно-грузинской дорогѣ, не только при каждой деревнѣ, на недоступныхъ высотахъ, но и на поворотахъ ущелій построены сторожевыя башни,—и какъ только подавался сигналъ объ опасности, женщины и дѣти скрывались въ свои убѣжища. Не было примѣра, чтобы грабители рѣшались добраться до этихъ такъ-называемыхъ орлиныхъ гнѣздъ.

При видѣ этихъ работъ, мнѣ вспомнились дороги въ Салтинскомъ ущельѣ, въ Дагестанѣ. Тамъ съ лѣвой стороны Андійскаго Койсу и до сихъ поръ видна дорога, проложенная горцами. Она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вьется по уступу, пробитому въ отвѣсной стѣнѣ, и два раза перебрасывается черезъ овраги, шириною около 3-хъ саженъ; для этого устроивается нѣчто въ родѣ узкихъ бревенчатыхъ мостовъ, спускающихся съ верхняго края оврага на нижній подъ угломъ въ 45°; чтобы пѣшіе и конные могли тверже ступать по такой покатости, на мосты положены поперечныя бревна, и между нихъ насыпано камня и щебня. По такимъ дорогамъ привычные горцы и ихъ лошади смѣло ходятъ, ни мало не думая, что висятъ надъ пропастью въ 200 — 300 футовъ глубины, на днѣ которой Андійскій Койсу, сжатый скалами въ 5 — 6 саженной тѣснинѣ, свирѣпо шумитъ, ворочая, разбивая и извергая огромные камни.

Мы шли на сѣверо-западъ.

Въ продолженіи трехъ часовъ, т. е. съ 9 — 12 утра, вѣтеръ дувшій отъ Мцхета, или правильнѣе сказать, отраженный горнымъ кряжемъ праваго берега Куры, а начинающійся отъ сѣвернаго главнаго снѣжнаго хребта, — былъ еще сносенъ; но съ движеніемъ нашимъ впередъ, т. е. съ 12-ти часовъ, онъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, бросалъ намъ въ лицо и градъ, и дождь, то обдавалъ тепломъ, то закидывалъ снѣжною пылью. Впереди насъ тянулись попарно буйволы, запряженные въ большія грузинскія арбы, нагруженныя огромнѣйшими воловьими бурдюками съ кахетинскимъ виномъ. Непріятно было буйволамъ идти навстрѣчу этой непогодицѣ; они сначала отворачивали свои морды; потомъ, съ усиленьемъ холода и вьюги, не смотря на побои, старались повернуться обратно. Растерявшіеся и измучившіеся съ ними подводчики не знали что́ дѣлать. Эти животныя не могутъ терпѣть ни сильнаго жара, ни холода. Необходимы страшныя усилія, чтобы заставить ихъ повиноваться. Брань, хлопанье кнутовъ, тычки подъ животы — ничто не помогало. И тутъ русскій солдатъ оказалъ свою смышленность. Едва только мы дошли до этихъ арбъ, какъ нѣсколько человѣкъ изъ команды, сжалившись надъ подводчиками и чтобъ опростать себѣ дорогу, бросились къ буйволамъ и стали ломать и вертѣть имъ хвосты. Животныя какъ-будто только и ожидали такой операціи. Въ десять минутъ арбы были впереди насъ по крайней мѣрѣ на 200 саженъ. Не прошло и четверти часа, какъ вьюга почти внезапно прекратилась. На небѣ ужь ни облачка; солнце свѣтитъ привѣтливо; вѣтеръ чисто весенній; только верхушки горъ какъ-бы подернуты дымчатой кисеею. Солдаты мои сняли съ себя лишнее, какъ и въ лѣтнюю пору. «Хорошо,—думалъ я,—не даромъ вы кутались при выступленіи; не даромъ и распоясались». И, слѣдуя ихъ примѣру, я сбросилъ съ себя бурку и башлыкъ.

На 17-ой верстѣ Кура сжата; долина кончается; дорога—надъ обрывистымъ берегомъ Куры; кругомъ дико, безплодно. 5 верстъ недоѣзжая Мцхетской станціи — казарма № 2, 8-го округа путей сообщенія.

Гидрографическія особенности Тифлисской долины Куры описаны докт. Тороновымъ. Онъ выставляетъ причиной безплодія чрезвычайную бѣдность края водой, но грунтъ земли находитъ плодороднымъ, указывая на мѣста, заливаемыя въ половодье, гдѣ растительность обильна. Въ примѣръ приводитъ единственную искусственную ирригацію (орошеніе) садовъ Муштеида и Тифлисскихъ колонистовъ въ Кукахъ, въ которыхъ садоводство и огородничество идетъ успѣшно.

Нельзя на это доказательство опираться и считать мѣстную гористую почву плодородною. Въ низменныхъ мѣстахъ съ половодьемъ наносится илъ, который удобриваетъ землю и, при содѣйствіи рукъ, даетъ обильную жатву. Можно взять въ примѣръ Нухинскую долину, которая на болѣе значительномъ протяженіи безплодна. Но тамъ, гдѣ она удобрена *селью* *), на пространствѣ болѣе десяти верстъ, она имѣетъ другой видъ. Несмотря на ея глинистый грунтъ и отсутствіе рабочихъ рукъ, на ней уже появились климатическія растенія, а именно: на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ гранатовые кусты и молодые отпрыски деревъ, заносимыхъ каждое лѣто новымъ слоемъ ила. Съ вѣками Нухинская долина займетъ огромнѣйшее пространство, и будетъ самою плодороднѣйшею на всемъ Кавказѣ.

Съ приближеніемъ къ станціи дорога принимаетъ другой видъ: близь того мѣста, гдѣ Арагва впадаетъ въ Куру, путь поворачиваетъ на западъ, подымаясь по склонамъ Аджаро - Ахалцихскаго хребта, идущаго съ сѣверо - запада, и въ этомъ направленіи по волнистой мѣстности доходитъ до станціи. По сторонамъ дороги—кустарники; а съ лѣвой стороны много огромныхъ и

---

*) И до сихъ поръ видна разсѣлина отъ самой вершины, какъ будто размытая дождями; но уступы ея заставляютъ думать, что тутъ трудились люди, и что ходъ этотъ былъ крытый.

*) *Сель*—размытыя дождями глыбы горъ; онѣ отъ напора водъ падаютъ—и обращаясь въ грязную массу, стремятся по ущелью, увлекая за собою все встрѣчающееся. Страшенъ путь этой массы. Горе путешественнику, если онъ, услыша шумъ подобный урагану, не поспѣшитъ взобраться на ближайшую каменистую возвышенность.

Въ 1846 году партія горцевъ отправилась въ набѣгъ на Нуху. Ей оставалось пройдти ущельемъ полтора перехода до долины. Лошади, инстинктивно чувствуя гибель, рвались къ близь лежащимъ возвышенностямъ; а сѣдоки, не понимая этого, упорно направляли ихъ на тропинки; противный вѣтеръ заглушалъ грозный шумъ и ревъ идущей *сели*; наконецъ трескъ и стонъ земли дали знать о приближеніи врага — стремглавъ понесли лошади, но было уже поздно. Настигнувшая *сель* затерла и сѣдоковъ и лошадей своею грязью – и вынесла на Нухинскую долину для удобренія почвы. Свѣдѣніе объ этой катастрофѣ подтвердилось: по заключеніи мира съ Турціею въ 1856 году, два баталіона Ширванскаго полка получили назначеніе зимовать въ Нухѣ; прибывъ на мѣсто еще въ теплую погоду, они расположились лагеремъ въ 20-ти верстахъ отъ города, на долинѣ, образовавшейся отъ *сели*; при устройствѣ лагеря, выкапывая ямы, солдаты находили обломки человѣческихъ костей и раздавленныхъ череповъ. Едва баталіоны устроились, какъ на другой день проливной дождь, продолжавшійся цѣлые сутки, надѣлалъ тревоги: дано знать, что въ ущельѣ тронулась *сель* и, приказано, если услышатъ шумъ (вѣтеръ былъ изъ ущелья), чтобъ бросали лагерь и все имущество и спасались бѣгствомъ на правый берегъ рѣки. Такъ была проведена ночь на ногахъ, между страхомъ и надеждой, хотя несчастіе на этотъ разъ миновало.

малыхъ камней разныхъ породъ, обрушившихся съ высоты 1500 футовъ. На верху этого кряжа видны, въ обрывѣ скалы, правильной формы, въ равномъ другъ отъ друга разстоянии, то круглыя, то четыреугольныя большія отверстія, пещеры; орлиныя ли это гнѣзда, явленіе ли естественное, геологическое или что другое—неизвѣстно. Въ этихъ скалахъ—говоритъ баронъ Гакстгаузенъ — находятся искуственно-устроенныя пещеры, вышиною отъ 20 — 40 футовъ, въ неизвѣстныя доисторическія времена жилища троглодитовъ, а въ позднѣйшее время убѣжища жителей въ междоусобныхъ войнахъ.

Отсюда, у самаго поворота дороги, лучшій видъ на Мцхетъ. Надъ крутымъ берегомъ, при сліяніи рѣкъ Арагвы и Куры, тянется зубчатая съ ружейными амбразурами каменная стѣна, достигающая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вышины девяти сажень; къ ней примыкаютъ нѣсколько жилыхъ церковныхъ строеній; надъ оградой возвышаются главы храма въ византійскомъ стилѣ. При видѣ этихъ строеній путешественникъ ласкаетъ себя надеждою, что найдетъ городъ и въ немъ пристанище, гдѣ можно отдохнуть и подкрѣпить себя пищею; но его ожидаетъ горькое разочарованіе: онъ находитъ только бѣдныя лачужки, землянки и нѣсколько духановъ, очень непривлекательныхъ,—и съ печальной миной спрашиваетъ: гдѣ-же городъ? да это и деревушкой назвать нельзя! — Вотъ что осталось отъ богатой столицы грузинскихъ царей!... Тѣмъ болѣе поразительное впечатлѣніе производитъ на посѣтителя хорошо-сохранившійся древній соборъ своею величавою красотою. Какъ много думъ наводитъ эта древняя святыня, хранящая внутри, подъ чугунными плитами, останки грузинскихъ вѣнценосцевъ!... Было время, когда сюда стекались толпы язычниковъ—совершать свои жертвоприношенія, проливая кровь животныхъ, а можетъ быть и людей. Прошло это ужасное время духовнаго мрака; занялась заря божественнаго просвѣщенія — и вотъ на высотѣ красуется крестъ—знаменіе побѣды Христа надъ смертію, знаменіе, дающее истинному чтителю своему побѣду надъ міромъ и поставляющее его превыше всѣхъ скоропреходящихъ земныхъ радостей, страданій и скорби. Отчегожь еще мятутся люди и народы? Вотъ — вы попираете ногами прахъ тѣхъ мужей, которые стояли выше милліоновъ; они также волновались страстями и желаніями, обладали несмѣтными богатствами и средствами удовлетворять имъ, одушевлялись гордыми помыслами и высокими по ихъ мнѣнію цѣлями, однимъ мановеніемъ или словомъ посылали тысячи людей на смерть, чтобы добыли имъ пустой славы или утолили ихъ жажду мести;—и за это семьи падшихъ осуждены были влачить нищенскую жизнь, иногда болѣе тяжкую чѣмъ смерть. Здѣсь сильнѣе чувствуется ничтожество человѣка съ его земными интересами и непреложность истины: всѣ мы странники здѣсь, отечество наше на небѣ, и путь къ нему указываетъ единственно знаменіе креста!... Старыя истины! скажетъ кто-нибудь съ презрѣніемъ. *Вѣчныя истины*, скажу я, которыя не могутъ быть не стары, но никогда не могутъ состариться.

Пустынное, жалкое мѣстечко это внезапно преобразуется около 15 августа, когда экзархъ (патріархъ) Грузіи совершаетъ здѣсь богослуженіе (исповѣданіе грузинъ ни въ чемъ не отступаетъ отъ православнаго). Тогда стекаются сюда изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ безчисленныя толпы богомольцевъ, и жалкій городишко обращается въ многолюднѣйшій городъ: повсюду раскинуты палатки, торговля кипитъ и по всѣмъ направленіямъ движутся кареты, коляски, дрожки, арбы и проч.

Къ юго-востоку отъ Мцхета, за Арагвой, видна высокая гора Джаваръ-Зедадзени, получившая названіе, какъ повѣствуютъ грузинскія лѣтописи, отъ идола Задена, которому на самой вершинѣ горы, еще за XIII вѣковъ до Р. Х., было поставлено капище въ царствованіе четвертаго Иверскаго царя Фарнаджома. Съ водвореніемъ христіанства идолъ Заденъ, которому поклонялись милліоны людей, приходившихъ съ богатыми дарами и безчисленными стадами для жертвоприношеній, — былъ поруганъ, обезображенъ и сброшенъ на посмѣяніе всѣмъ къ подошвѣ горы; а мрачное капище, построенное по планамъ жрецовъ для удобнѣйшихъ обмановъ, было разрушено до основанія. Жрецы не могли равнодушно перенесть такой ударъ, лишающій ихъ всѣхъ доходовъ, и старались ниспровергнуть христіанство, распространяя ученіе потворствующее страстямъ человѣческимъ, внушая князьямъ и богачамъ, что жизнь дается для наслажденій, что всѣ средства позволительны для достиженія ихъ, а если совѣсть немножко зазритъ, то стоитъ только пожертвовать малую толику на служащихъ Задену и можно успокоиться. Многіе, не утвердившіеся въ христіанской вѣрѣ, стали жалѣть о старой религіи, не налагавшей узды на ихъ страсти, и возвратились къ прежнему заблужденію. Слѣдствіемъ всего этого было то, что въ одинъ изъ обычныхъ дней жертвоприношенія язычники соединясь съ отступниками собрались въ большомъ числѣ къ развалинамъ капища и, наругавшись надъ образомъ распятаго, подняли плачъ о сокрушеніи идола и его храма; — жрецы умѣли раздуть пламя угасавшей ревности къ ложной религіи и не упустили случая начать поборы на сооруженіе новаго капища для стараго идола. Въ свою очередь и христіане не оставались спокойными зрителями неистовства язычниковъ;—и часто случалось, что послѣ жертвоприношеній и обычныхъ изліяній въ честь бахусу, разыгрывались кровавыя сцены—и на мѣстѣ оставались десятки труповъ. Кровомщенію и фанатизму не было ни предѣловъ, ни конца: язычники мучили христіанъ, не щадя ни женъ ихъ, ни дѣтей; христіане платили тѣмъ же, но были подавлены числительностію язычниковъ и гоненіями князей, и многіе изъ нихъ бросали свои жилища и удалялись отъ соотечественниковъ въ неприступныя мѣста, какъ отъ нашествія иноземныхъ враговъ. Нѣкоторые цари однако были милостивѣе къ христіанамъ и принимали разныя мѣры къ прекращенію междоусобій; славнѣйшій изъ нихъ Вахтангъ Гургусланъ — завоеватель Мингреліи, Абхазіи, покоритель Печенѣговъ, Арзерума, въ половинѣ V вѣка успокоилъ Грузію, построивъ сторожевую башню на развалинахъ капища и преслѣдуя жрецовъ, укрывавшихся по разнымъ трущобамъ и не перестававшихъ въ тайнѣ пріобрѣтать себѣ послѣдователей. Окончательное же торжество кресту доставлено св. Іоанномъ, однимъ изъ 13 сирскихъ отцовъ, ревностнымъ проповѣдникомъ Христа; онъ-то на мѣстѣ башни, уже разрушившейся въ концѣ V вѣка, воздвигъ храмъ изъ дикаго камня въ византійскомъ вкусѣ.

П. Бугайскій.

(Окончаніе будетъ).

Валленштейнъ и астрологи.

Это было въ 1604 году. Дивясь и качая головами, разсматривали придворные служители маркграфа Карла бургавскаго небольшой выступъ, въ видѣ балкона, въ одной изъ галлерей замка Амраса въ Тиролѣ. Когда тѣ изъ нихъ, которые стояли у окна, взглянули внизъ на дворъ, а тѣ которые находились внизу—вверхъ, всѣ поспѣшно удалились, чтобы не пропустить той минуты, когда пажи маркграфа садились за столъ—всѣмъ имъ хотѣлось взглянуть и подивиться на одного изъ юношей — Альбрехта Валленштейна или Вальдштейна. А между тѣмъ онъ былъ не болѣе какъ сирота, усыновленный, послѣ смерти своихъ рано умершихъ родителей, своимъ дядей, славатскимъ владѣльцемъ; его знали за мрачнаго и серіознаго юношу высокомѣрнаго характера, который, относясь съ презрѣніемъ къ большей части своихъ товарищей (которыхъ онъ отталкивалъ насмѣшками и сарказмами) выражалъ, посредствомъ какой-нибудь проказы, тоже самое чувство и въ отношеніи профессоровъ альтдорфскаго университета, которые совершенно отчаялись въ немъ, пока наконецъ приказъ нюренбергскаго магистрата не воспретилъ дерзкому студенту дальнѣйшаго ученія, а вслѣдъ за тѣмъ и самого пребыванія въ городѣ. Въ довершеніе всего, этотъ Валленштейнъ былъ еще и протестантъ. Его родители воспитали его въ «лютеранскомъ законѣ», такъ что, когда онъ, послѣ своихъ университетскихъ сумасбродствъ, явился ко двору маркграфа, то всѣ, глядя на него, пожимали плечами, предсказывая самую жалкую будущность богемскому дворянчику изъ лютеровой школы.

Откуда же, въ такомъ случаѣ, это странное любопытство, овладѣвшее прислугою амрасскаго замка? Альбрехтъ фонъ-Валленштейнъ, состоявшій на службѣ маркграфа въ качествѣ пажа, взлѣзъ на подоконникъ—и въ то время, какъ его задумчивый взглядъ устремился съ долинъ къ тѣмъ высокимъ горамъ, у подножія которыхъ лежалъ Инсбрукъ, въ умѣ его носились всевозможные высокіе планы касательно будущаго... Эти смѣлые планы переросли уже самые высокіе хребты и вершины горъ, а передъ глазами Валленштейна начали носиться видѣнія, которыя окружили его словно покрываломъ. Еще нѣсколько минутъ, и глаза его невольно закрылись; онъ заснулъ и сталъ грезить. И пригрезилось ему будущее величіе: онъ увидѣлъ сверкающую корону, всю въ блескѣ и лучахъ—и протянулъ руку, чтобы схватить ее; но въ эту минуту въ немъ самомъ и вокругъ него произошолъ страшный переворотъ, все забушевало, чувства измѣнили ему, онъ почувствовалъ, какъ будто бы несется вихремъ по воздуху,—и только страшный толчокъ, произведшій потрясеніе во всемъ его организмѣ, привелъ его въ себя. Опомнившись, онъ увидѣлъ, что лежитъ на дворѣ замка и съ широко раскинутыми вѣками смотритъ вверхъ—онъ упалъ съ высоты трехъ этажей и достигъ невредимо земли, а люди, блѣдные какъ привидѣнія, пристально смотрятъ на него сверху.

Вѣсть объ этомъ происшествіи облетѣла весь замокъ. На молодаго Альбрехта смотрѣли какъ на чудо. Кто такъ очевидно избѣжалъ смерти, того конечно провидѣніе сберегло для великихъ дѣлъ. Валленштейнъ говорилъ это самому себѣ. Его врожденная рѣзвость и склонность къ проказамъ начали уступать мѣсто серіозному настроенію, которое овладѣвало имъ въ минуты самой сильной веселости и разъединяло съ окружавшей его молодежью. Подъ вліяніемъ сильнѣйшей меланхоліи, природная стойкость характера въ соединеніи съ необыкновенной энергіей, которыми онъ отличался еще въ дѣтствѣ, работали съ страшною силою въ головѣ худенькаго пажа, въ продолженіи цѣлыхъ годовъ. Послѣ счастливо-обошедшагося ему паденія изъ окна—онъ сталъ еще страннѣе. Здѣсь начало его страсти къ изученію сверхъестественнаго. Пока онъ занимался еще только своимъ собственнымъ *я*, въ той маленькой комнаткѣ, которая служила ему спальней. Съ душою, исполненной предчувствія, глядѣлъ онъ на звѣздное небо, въ сверкающихъ письменахъ котораго онъ ничего еще не могъ прочесть, но одинъ видъ которыхъ постоянно возбуждалъ въ немъ мысль: «я назначенъ для великихъ дѣлъ».

Послѣ своего спасенія онъ совершенно измѣнился, и когда его дядя, Кавка фонъ-Рикамъ, отдалъ его въ іезуитскую коллегію, то патеры и тогда уже удивлялись новому ученику, умъ котораго былъ обращенъ къ такимъ великимъ предметамъ. Подобно многимъ другимъ великимъ и сильнымъ натурамъ, онъ считалъ себя орудіемъ высшей, неизвѣстной силы, которая должна руководить имъ и вести его къ цѣли. Превосходная метода учителей этой коллегіи (которые столько же заботились объ ученіи, сколько и объ умственномъ и тѣлесномъ отдыхѣ учениковъ) подѣйствовала на даровитаго воспитанника. Пакса ученый — и искусный патеръ этой коллегіи — избавилъ юношу отъ всего того, что могло возбудить въ немъ отвращеніе. Патеръ отлично понималъ, что сильному уму дается многое, для достиженія чего другіе должны учиться цѣлые годы. Онъ не прививалъ мертвой книжной мудрости къ такой головѣ, гдѣ уже начинали возникать планы великихъ битвъ, вмѣстѣ съ мыслями о княжескомъ блескѣ, почестяхъ, могуществѣ и стремленіи къ нимъ. Валленштейнъ перешелъ въ лоно католической церкви; это конечно, была великая минута, и рѣшимость Валленштейна—зрѣло-обдуманное дѣло мужчины, а не слѣдствіе юношеской легкомысленности.

Пакса познакомилъ любимаго воспитанника съ дворяниномъ Перштейномъ. Въ это время у Валленштейна не было никакого состоянія. Тѣ небольшія средства, которыми онъ могъ располагать, сильно пострадали вслѣдствіе издержекъ, употребляемыхъ на его воспитаніе; тѣмъ не менѣе его снарядили съ надлежащимъ приличіемъ и отправили путешествовать. Онъ посѣтилъ Англію, Германію, Нидерланды, и наконецъ передъ глазами мыслящаго, задумчиваго, но тѣмъ не менѣе жаждущаго дѣятельности Валленштейна развернулась оживленная картина парижской жизни, потомъ и восхитительныя равнины Италіи. Въ путешествующемъ дворянинѣ оказалась рѣдкая способность примѣняться ко всевозможнымъ кружкамъ, ко всевозможнымъ понятіямъ и обычаямъ. Никакое платье не стѣсняло его, никакая рѣчь не затрудняла. Тѣмъ не менѣе та таинственная связь, которая соединяла его съ высшимъ міромъ, существовала уже и во время этого путешествія. Тутъ-то началъ онъ читать свою судьбу, свое будущее, въ тѣхъ орбитахъ, которые расположены вокругъ центральнаго солнца. Изъ глубины звѣзднаго моря протягивались невидимыя руки, которые все больше и больше охва-

тывали поклонника таинственныхъ силъ; здѣсь (согласно съ тѣми словами, которыми великій поэтъ заставляетъ говорить могущественнаго полководца) та «лѣстница духовъ, которая поднимается изъ этого міра праха въ надзвѣздный міръ посредствомъ безчисленныхъ ступеней, по которымъ рѣютъ взадъ и впередъ творческія небесныя силы», возникла передъ нимъ.

Строителемъ этой лѣстницы былъ Іоганъ Вирдунгусъ, ученый астрологъ изъ Франконіи, сдѣлавшійся спутникомъ Валленштейна. Магнетическая сила, стремившаяся на Валленштейна, когда онъ смотрѣлъ на звѣздное небо, увлекла его изъ водоворота чувственныхъ удовольствій къ телескопу, для наблюденія за тихимъ ходомъ созвѣздій. Вирдунгусъ не остановился на одинхъ наблюденіяхъ и изчисленіяхъ. Онъ написалъ книгу, содержавшую въ себѣ предсказанія, основанныя на теченіи и положеніи планетъ. Валленштейнъ все болѣе и болѣе углублялся въ великую науку. Въ XIV столѣтіи кабалистика достигла своего высочайшаго развитія, и изслѣдованіе будущаго сдѣлалось для большей части современниковъ Валленштейна потребностью, великимъ утѣшеніемъ, котораго они тщетно добивались, стремленіемъ, которое оставалось безъ удовлетворенія, но которому они тѣмъ сильнѣе отдавались. Всѣ князья покровительствовали астрологамъ—странная смѣсь страха и высокомѣрія обнаруживалась въ характерахъ тогдашнихъ знатныхъ людей: если, съ одной стороны, они боязливо стремились къ тому, чтобы узнать какая ихъ ожидаетъ судьба, за то, съ другой стороны, они воображали, что созвѣздія предопредѣлены въ особенности на то, чтобы заниматься ихъ жизненнымъ путемъ, что это свѣтлыя письмена, которые должны служить указаніемъ только имъ однимъ. Склонность Валленштейна ко всему серіозному и глубокомысленному сдѣлала его самымъ жаркимъ приверженцемъ этой науки, изученіе которой имѣло для него конечно самыя роковыя послѣдствія.

Послѣ долгаго странствованія онъ поселился на нѣкоторое время въ Падуѣ. Здѣсь онъ коротко сошелся съ однимъ итальянцемъ, по имени Арголи, еще молодымъ человѣкомъ, который сдѣлался его другомъ и учителемъ. Эта личность играла между звѣздочетами еще болѣе значительную роль, чѣмъ Виргундусъ; открытіе будущей судьбы человѣка по ходу созвѣздій, таинства кабалистики составляли исключительный предметъ занятій Арголи, и Валленштейнъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его учениковъ. Запасшись множествомъ изчисленій, звѣздными таблицами и наставленіями касательно своего будущаго образа дѣйствій, онъ оставилъ Падую, для того чтобъ принять участіе въ томъ походѣ, который замышлялъ Георгъ Баста противъ турокъ. Фантастическій характеръ Валленштейна выказался отчасти и здѣсь. Страстно преданный военному дѣлу, онъ только и думалъ что о Турціи и о томъ, какъ бы побѣдить этого наслѣдственнаго врага христіанства. Въ особенности же отличился онъ во время штурма Грана. Получивъ капитанскій чинъ, онъ возвратился въ отечество, гдѣ тѣмъ временемъ успѣли привести въ порядокъ его дѣла по наслѣдству. Онъ оказался владѣльцемъ довольно незначительнаго состоянія и, хотя, благодаря рекомендаціямъ высокихъ покровителей, онъ и получилъ доступъ ко двору эрцгерцога Матвѣя, но не остался тамъ, а женился на богатой вдовѣ Лукреціи Никессинъ фонъ-Ландекъ, которая, будучи увлечена его любезностью и представительною наружностію, отдала ему предпочтеніе передъ другими знатными искателями. Различіе въ лѣтахъ можетъ-быть и подавало иногда поводъ къ нѣкоторому несогласію между супругами; покрайней мѣрѣ здѣсь начало тѣхъ странныхъ слуховъ, которые вообще неразлучны со всѣми періодами жизни этого великаго человѣка. Сюда принадлежитъ въ особенности разсказъ о любовномъ напиткѣ, который графиня дала любимому мужу въ припадкѣ ревности, для того чтобы сохранить для одной себя его сердце. Этотъ напитокъ подѣйствовалъ, какъ разсказывали, самымъ вреднымъ образомъ на характеръ Валленштейна. Вскорѣ послѣ этого Лукреція умерла, а двое дѣтей ея умерли еще прежде нея. Она сдѣлала мужа наслѣдникомъ большаго состоянія, открывъ ему такимъ образомъ дорогу къ тому высокому положенію, которое онъ долженъ былъ скоро занять. Валленштейнъ высоко уважалъ память своей супруги. Это доказывается тѣмъ, что онъ приказалъ перевезти ея тѣло изъ Слипира въ Гитшинъ, для того чтобъ похоронить его въ княжеской могилѣ. Съ этихъ поръ Валленштейнъ все болѣе и болѣе сталъ приближаться къ той великой цѣли, которую онъ прочелъ для себя въ звѣздахъ. Его большіе доходы, его врожденная щедрость и великодушіе доставили ему возможность собрать вокругъ себя все, что только было лучшаго въ той арміи, подъ знаменами которой онъ сражался. Въ лагерѣ предъ крѣпостью Градиска онъ держалъ у себя открытый столъ. Уже въ это время у него былъ отрядъ изъ 200 драгунъ, которыхъ онъ снарядилъ на свой собственный счетъ и отдалъ въ распоряженіе Дампьера. Его палатка сдѣлалась центромъ лагерной жизни, а его солдаты превосходили всѣхъ другихъ исправностію своего вооруженія. По окончаніи войны полковникъ вступилъ во второй бракъ. Онъ женился на Изабеллѣ Катаринѣ, дочери графа Гаррахъ, одной изъ самыхъ благородныхъ и любезныхъ дамъ своего времени. Брачное счастье Валленштейна не омрачалось ни какими смутами. Оба супруга питали другъ къ другу истинную привязанность—и неумолимо-строгій полководецъ, взглядъ котораго заставлялъ трепетать виноватаго или труса, оказывался въ кружку своего семейства самымъ нѣжнымъ супругомъ и отцомъ. Мы не можемъ изобразить здѣсь тѣхъ великихъ происшествій, вслѣдствіе которыхъ Валленштейнъ достигъ до той неслыханной для подданнаго высоты, съ которой свергла его судьба. Мы разсматриваемъ только его отношенія къ представителямъ таинственной науки, служившей ему руководящею нитью въ большой части его поступковъ, которые и до сихъ поръ не всѣ еще вполнѣ разъяснены.

Въ 1620 году мы застаемъ полководца въ тѣсной связи съ однимъ человѣкомъ, который пользовался славою великаго ученаго и астролога даже за предѣлами Германіи. Іоганъ Кеплеръ былъ въ Саганѣ ежедневнымъ товарищемъ Валленштейна. Онъ опредѣлилъ великіе законы свободнаго движенія небесныхъ тѣлъ, вычислилъ рудольфинскія таблицы и составилъ по нимъ гороскопы. Ему хотѣлось извлечь изъ науки все, что только она могла дать, и принести пользу человѣчеству и въ этомъ отношеніи. Рудольфъ II, Матвѣй и Фердинандъ II спрашивали Кеплера о своей будущности. Онъ составилъ гороскопы этихъ трехъ государей, и въ своемъ календарѣ 1618 года предсказалъ смерть императора Матвѣя посредствомъ шестиричнаго *M: Magnus Monarcha Matthias Mense Martio Morietur* (Великій монархъ

Матвѣй умретъ въ Мартѣ мѣсяцѣ). Впослѣдствіи времени Валленштейнъ доставилъ ему мѣсто въ ростокскомъ университетѣ. Кеплеръ долго еще продолжалъ свою связь съ Валленштейномъ, могущество котораго все болѣе и болѣе увеличивалось. Герцогъ фридландскій и мекленбургскій, сильный мечъ котораго настигалъ враговъ вездѣ, гдѣ-бы они ни находились, вокругъ особы котораго образовался княжескій, великолѣпный дворъ, мановенію котораго повиновались цѣлыя тысячи,—регулировалъ свою жизнь по тѣмъ результатамъ, которые добывались имъ изъ исчисленія хода созвѣздій. Онъ сообщалъ астрологамъ свои планы и требовалъ ихъ мнѣнія на счетъ того—можно или нѣтъ, смотря по положенію звѣздъ, разсчитывать на удачу при исполненіи такого-то и такого-то плана. Валленштейнъ держитъ дворъ въ Гюстровѣ — Кеплеръ находится въ Саганѣ. Отсюда-то онъ пишетъ между прочимъ слѣдующее:

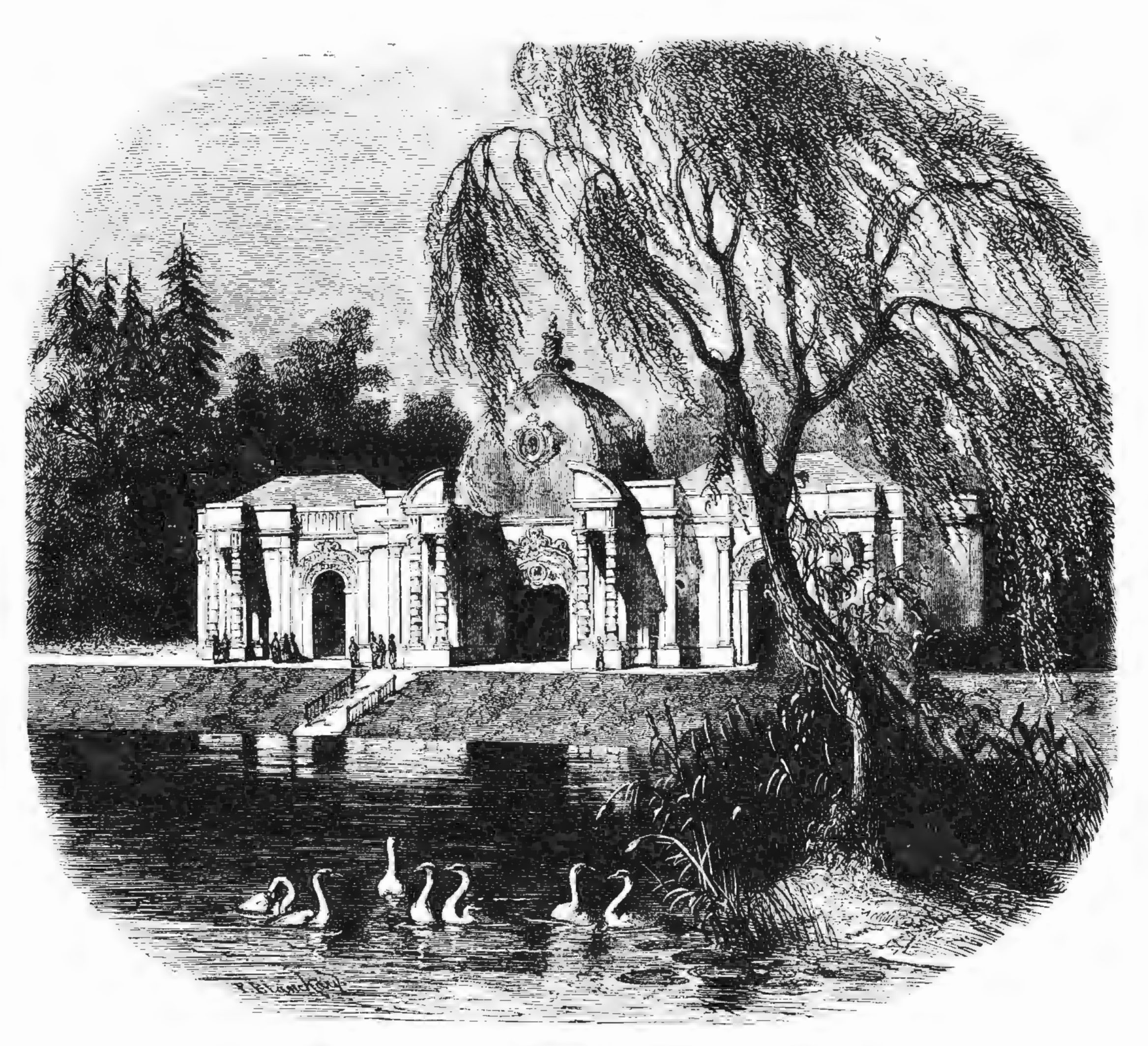
«Едва успѣлъ я отправить къ вашему высочеству свое прошеніе, какъ получилъ черезъ Піерониуса письмо, въ которомъ ваше высочество приказываете мнѣ вычислить время скоро предстоящаго соединенія. Но изъ приложенной къ письму тетради я усмотрѣлъ, что это можно опредѣлить съ точностію по рудольфинскимъ таблицамъ. Тѣмъ не менѣе, я не могу поручиться, чтобы эти таблицы были надежны въ отношеніи мелкихъ подробностей. Хотя онѣ и богаты наблюденіями, но если принять въ разсчетъ, что соединеніе этихъ планетъ, двигающихся самымъ медленнымъ образомъ, едва можетъ быть видимо,—то впродолженіи цѣлыхъ трехъ дней глаза постоянно будутъ сомнѣваться, совершилось ли это соединеніе только сію минуту или оно уже прошло. Но это я предоставляю на разсужденіе вашего высочества: съ меня довольно того, что я исполнилъ ваше приказаніе (Саганъ, 10-го февраля 1629).

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ о таинственномъ извѣщеніи, которое астрологъ Ремусъ Квіетамусъ передаетъ, посредствомъ его, на благоусмотрѣніе Валленштейна. Онъ пишетъ герцогу о томъ, что можно разумѣть подъ тѣми семью воюющими князьями, о которыхъ говорится въ извѣщеніи. Сатурнъ, пишетъ онъ, представляетъ Данію, луна Швецію, Юпитеръ императора, Марсъ Францію, и т. д.»

Изъ всего этого можно видѣть, какъ старался герцогъ проникнуть въ небесныя таинства и какимъ образомъ онъ примѣнялъ къ своимъ собственнымъ дѣламъ тѣ указанія, которыя давали ему звѣзды. Эта склонность увеличивалась въ немъ съ годами, и въ извѣстныя времена герцогъ становился положительно недоступенъ даже для близкихъ ему людей. Среди княжеской пышности окружавшей его со всѣхъ сторонъ, наука о познаніи неба пользовалась величайшимъ уваженіемъ; а подлѣ великолѣпно-украшенной залы, въ саду его пражскаго дворца была устроена обсерваторія, изъ которой герцогъ могъ совѣтоваться съ небомъ. Эта тѣсная связь, эта жизнь въ высшемъ мірѣ окружила этого рѣдкаго человѣка ореоломъ сверхъестественнаго. Въ народѣ и въ арміи, которая обожала великаго полководца, образовалось убѣжденія, что имъ руководятъ высшія силы. Счастье, благопріятствовавшее всѣмъ его дѣламъ, подало поводъ думать, что, приводя въ исполненіе свои планы, онъ заранѣе знаетъ свою удачу, — потому что ему удавались самыя рискованныя предпріятія. Валленштейнъ предоставлялъ всякому думать, что кому угодно. Эта вѣра въ непогрѣшимость его дѣйствій входила можетъ-быть отчасти въ его намѣренія, тогда какъ, съ другой стороны, онъ самъ твердо вѣрилъ въ свою звѣзду. Онъ все болѣе и болѣе начиналъ тяготиться шумомъ внѣшняго міра, коль скоро этотъ шумъ проникалъ въ его тихую рабочую комнату. Вокругъ него должна была царствовать глубочайшая тишина. Онъ вздрагивалъ отъ пѣтушинаго крика, отъ собачьяго лая. Полководецъ, который разъѣзжалъ спокойно, между рядами своихъ солдатъ, подъ страшнымъ картечнымъ огнемъ люценскаго сраженія,—пугался птичьяго свиста. Онъ носилъ башмаки изъ кожи летучей мыши, а на груди—оправленный въ золотѣ хрусталь съ изображеніемъ Зодіака, знаки котораго были выложены красными рубинами. Эта вещица и теперь еще сохраняется въ вѣнской сокровищницѣ. Солдаты считали ее талисманомъ, а часовые увѣряли, что видѣли собственными глазами, какъ, въ ночное время, въ комнату герцога прокрадывались какіе-то страшные призраки. Что онъ носитъ при себѣ мазь, которая дѣлаетъ его невредимымъ для пуль — насчетъ этого не существовало никакого сомнѣнія со времени люценскаго сраженія, когда пули пробили шляпу и плащъ герцога, не причинивъ ему самому ни малѣйшаго вреда. Чѣмъ отважнѣе и значительнѣе были его планы, тѣмъ ревностнѣе старался герцогъ почерпнуть въ звѣздахъ увѣренность касательно ихъ счастливаго исхода. Густавъ Адольфъ сталъ у него на дорогѣ, но геройскій путь этого великаго противника не страшилъ Валленштейна. Его звѣзды не предсказывали ему близкой опасности. Что же касается до астрологовъ тогдашняго времени, то появленіе Густава Адольфа дало имъ богатый матеріалъ для предсказаній.

Этотъ король представлялся всѣмъ въ видѣ свѣтлаго образа, сошедшаго съ неба, а въ пѣсняхъ того времени онъ извѣстенъ подъ именемъ «полуночнаго льва». Мысли Валленштейна были заняты въ это время другими предметами. Передъ нимъ носилась идея великой единой имперіи. Что, предпринимая исполненіе этого плана, онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ готовиться и къ кровавой борьбѣ — это легко понять. Очень можетъ быть, что мелкіе князья узнали такъ или иначе о существованіи этого плана и представили его императору въ видѣ государственной измѣны. Эта измѣна никогда не была доказана — и нѣтъ сомнѣнія, что погибель Валленштейна была рѣшена уже въ во время, какъ фридландскаго герцога ни въ чемъ еще не подозрѣвали. Завистники и интриганы, негодяи въ шелку и бархатѣ, пировавшіе за его столомъ, пользовавшіеся благодѣяніями изъ его щедрыхъ рукъ, соединились между собою, приготовляя его паденіе. Октавій Пикколомини, Гордонъ, Деодатъ и Буттлеръ, жалкій Каретто и другіе, замѣшанные въ кровавую эгерскую трагедію, давно уже завидовали богатству герцога. Въ это время придворнымъ астрологомъ герцога былъ Джіованни Баптиста Ценно, извѣстный больше подъ именемъ Зени. Зени былъ генуэзецъ, явившійся ко двору герцога по рекомендаціи. Валленштейнъ работалъ вмѣстѣ съ нимъ. Покупка отличныхъ новыхъ инструментовъ увеличила привлекательность занятій и облегчила исчисленія итальянца. Валленштейнъ на цѣлыя ночи запирался, вмѣстѣ съ своимъ астрономомъ, въ маленькой башнѣ замка. Часто, когда Зени сидѣлъ, углубясь въ свои исчисленія и разсматривая звѣздное небо, на лѣстницѣ раздавался звонъ шпоръ. Герцогъ входилъ въ комнату, держа въ рукѣ свитокъ, покрытый бук-

вами и математическими фигурами; лицо его было строго и озабочено, а полный военный нарядъ доказывалъ, что онъ явился прямо изъ военнаго совѣта. Иногда онъ сію же минуту по пріѣздѣ въ Прагу являлся въ комнату Зени — и не снимая блестящихъ латъ, подходилъ къ столу, гдѣ лежала открытая «книга судьбы», съ пожелтѣвшими листами, заключавшими въ себѣ предсказанія, которыя Зени уже успѣлъ сравнить съ положеніемъ звѣздъ. Герцогъ выслушивалъ изъ устъ Зени предсказанія съ серіознымъ и мрачнымъ лицомъ. Лучи мѣсяца падали изъ открытаго окна на величавую

Кіоскъ Екатерины Великой въ Царскомъ селѣ.

фигуру полководца; они скользили по страницамъ книги, сверкали на латахъ герцога и на висѣвшей сверхъ нихъ цѣпи, пожалованной Валленштейну императоромъ. Выслушавъ астронома, Валленштейнъ вставалъ и бросивъ бѣглый взоръ на свои собственныя изчисленія, молча спускался съ лѣстницы. На слѣдующее утро отдавалось какое-нибудь новое приказаніе или же отмѣнялось старое. И неужели же Зени, работавшій вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, не видалъ той опасности, которая грозила герцогу? Преданіе говоритъ, что астрономъ предсказалъ смерть Густава Адольфа; почему же онъ не объявилъ своему благодѣтелю о томъ кровавомъ концѣ, который ожидаетъ его? На это исторія не даетъ никакого положительнаго отвѣта, потому что Валленштейнъ окруженъ со всѣхъ сторонъ какою-то таинственностью; но современники великаго полководца, которыхъ мы не имѣемъ никакого основанія заподозрить въ желаніи исказить истину, передаютъ намъ, что астрологъ, основываясь на положеніи звѣздъ, говорилъ герцогу объ угрожавшей ему погибели и совѣтывалъ остерегаться коварства его враговъ. Но Валленштейнъ пренебрегъ предостереженіями Зени, такъ какъ, соображаясь съ своими собственными изчисленіями, онъ находилъ напротивъ того, что положеніе звѣздъ было для него благопріятно. Вѣрно то, что въ ночь убійства Валленштейнъ пришелъ къ своему астрологу около половины двѣнадцатаго часа, и оставилъ его въ полночь. Тѣмъ временемъ рѣзня въ замкѣ уже достигла конца. Терцки, Илло и Нейманъ уже умолкли на вѣки. Убійцы раздѣлились. Буттлеръ занялъ домъ и рынокъ. Домъ, принадлежавшій бургомистру Пахельблю, былъ окруженъ издалека. Лесли привелъ къ присягѣ на гауптвахтѣ солдатъ, и взявъ съ собой шесть драгунъ, отправился на убійство. Валленштейнъ жилъ въ первомъ этажѣ бургомистрова дома. Терцки и Кински занимали задній фасъ строенія. Валленштейнъ раздѣлся съ помощью камердинера. Въ тотъ день на немъ было испанское домашнее платье. Онъ только что заснулъ, какъ услышалъ въ заднемъ фасѣ строенія громкій стонъ

и крикъ. Они были испущены графинею, которой объявили объ убіеніи ея супруга. Ночь была бурная и темная, мелкій дождь стучалъ въ окна. Убійцы были уже на витой лѣстницѣ, которая вела въ комнату герцога. Услыхавъ звуки голосовъ и звонъ оружія, герцогъ открылъ окно, чтобы спросить часовыхъ, что такое случилось. Въ это время убійцы стояли уже у порога его комнаты. Деверу выломалъ двери—и закричавъ: «ты долженъ умереть, бестія», поразилъ одного изъ величайшихъ людей, какіе когда либо существовали на землѣ. Что Валленштейнъ принялъ ударъ молча — это чрезвычайно характеристично. Можетъ быть, въ эту минуту, ему пришло на умъ предсказаніе Зени; онъ увидалъ, что ошибся въ своихъ собственныхъ изчисленіяхъ, не пытался спасти себя, считая, что судьба его исполнена, жизненная линія перерѣзана,—и склонился въ молчаніи предъ той невидимой силой, которой онъ повиновался при жизни. Это низкое, позорное и ничѣмъ не оправдываемое убійство возбудило ужасъ. Это чувство прокралось даже въ душу убійцъ. Хотя раболѣпство и алчность и старались потомъ доказать, что это убійство было необходимо, но никакія клеветы не могли помрачить величія погибшаго, даже и въ то время, когда никто не рѣшался возставать открытымъ образомъ противъ этого преступнаго дѣла. Замѣчательно увѣдомленіе «Франкфуртскихъ Вѣдомостей», въ заключеніе котораго сказано слѣдующее. «А въ это время (во время убійства) бушевала страшная буря, какъ будто бы *страшное убійство* ужаснуло природу.» Служители и друзья были арестованы, но потомъ отпущены; что же касается до судьбы Зени, то о ней даетъ свѣденіе слѣдующее мѣсто изъ донесенія, которое было составлено Галласомъ для императора: «Астрологъ Фридландца, Іоганъ Баптиста Ценно, согласно со всемилостивѣйшимъ распоряженіемъ Вашего Величества, былъ взятъ подъ стражу, подверженъ строгому допросу—и все, что можно было извлечь изъ него посредствомъ находившихся при немъ письменныхъ уликъ или словесныхъ показаній, будетъ всеподданнѣйше передано Вашему Величеству въ самомъ скоромъ времени». Послѣ многихъ допросовъ Зени отпустили.

Тотъ кого боялись умеръ, и убійцы разошлись послѣ многихъ докучныхъ просьбъ выдѣлить имъ ту или другую часть изъ оставшагося послѣ него наслѣдства — самымъ назойливымъ искателемъ денегъ и имѣній оказался, при этомъ, низкій Бутлеръ — цѣль была достигнута и имѣніе оставили за дѣтьми. Оправдать императора отъ обвиненія касательно его соучастія въ убійствѣ — *никому* неудается. Если бы даже онъ ограничился только тѣмъ, что отнесся съ такимъ безстрастіемъ къ преступленію, совершенному противъ великаго человѣка, два раза спасшаго ему корону, то уже это одно можетъ быть поставлено ему въ вину. Чѣмъ болѣе падаютъ въ нашемъ мнѣніи убійцы и зрители, спокойно смотрѣвшіе на убійство, тѣмъ свѣтлѣе встаетъ передъ нами исполинскій образъ Ввлленштейна. Годы очистили его отъ тѣхъ темныхъ пятенъ, которыми силились покрыть его клевета и ненависть партій. Историческій мракъ все болѣе и болѣе разсѣевается. Валленштейна можно сравнить въ этомъ отношеніи съ тѣми звѣздами, которыя, по сказаніямъ астрономовъ, странствуютъ въ пространствѣ вселенной цѣлые годы, прежде чѣмъ свѣтъ ихъ достигнетъ до нашей земли.

Кіоскъ Екатерины Великой въ Царскомъ селѣ.

Императорская лѣтняя резиденція, Царское Село лежитъ верстахъ въ двадцати двухъ отъ С.-Петербурга, на легкой возвышенности, господствующей надъ обширной поемной равниной образуемой Невою, и сообщается со столицей желѣзною дорогою. Городъ просторенъ и красиво заложенъ; вдоль широкихъ, правильныхъ улицъ тянутся хорошенькія дачи, лѣтомъ зарытыя въ цвѣтахъ; особенно хорошо положеніе главной церкви на видномъ мѣстѣ въ липовой рощѣ. Это было любимымъ мѣстопребываніемъ императрицы Екатерины II. Въ то время было царство фестоновъ и всѣхъ тѣхъ вычурныхъ орнаментовъ сомнительнаго вкуса, которымъ Людовикъ XV и M-me де-Помпадуръ дали свое имя, но которымъ въ ансамблѣ нельзя отказать въ нѣкоторой изящности. Дворецъ въ Царскомъ Селѣ, исполенный архитекторомъ Форстеромъ, есть чуть ли не полнѣйшее выраженіе архитектуры этой эпохи. Отъ фасада, обширнаго и хорошихъ пропорцій, идетъ на обѣ стороны полукругъ, заключающій въ себѣ громадныя пристройки и флигеля. Множество зданій съ придворными квартирами образуютъ парадный дворъ. соотвѣтствующій великолѣпію дворца; внѣшнія украшенія богаты и разнообразны; орнаменты сначала, отъ избытка роскоши, были позолочены, но при императорѣ Николаѣ были покрыты слоемъ бронзы. Внутренность дворца также свидѣтельствуетъ о пышности великаго царствованія; не здѣсь мѣсто исчислять и описывать хранящіяся въ немъ произведенія искусства, мы хотѣли только сказать нѣсколько словъ о паркѣ.

Тѣнистый, разноображенный зелеными лугами, озерами и искуственными рѣчками, паркъ расположенъ на немного неровномъ мѣстѣ, представляющемъ контрастъ съ гладкими окрестностями столицы. Извилистыя аллеи содержатся въ образцовой опрятности, и гуляющій на каждомъ шагу встрѣчаетъ какую-нибудь неожиданность: то колонна, то развалина готической церкви, далѣе театръ, на одномъ поворотѣ обелискъ, у подножія котораго похоронены любимыя собаки царицы, причемъ на одномъ надгробномъ камнѣ высѣчены хорошенькіе стихи графа Сегюра. Невдалекѣ отъ дворца, на днѣ долины устроено озеро довольно большихъ размѣровъ. На свѣтлыхъ его водахъ гуляетъ миніатюрная флотилія, которая служитъ для ознакомленія царскихъ дѣтей съ морскимъ дѣломъ; на берегу его воздвигается мрачное съ виду зданіе — адмиралтейство. Тамъ подъ навѣсомъ разставлены всѣ извѣстные роды судовъ, отъ малайской пироги до венеціанской гондолы. Далѣе прелестное маленькое зданіе, построенное архитекторомъ г. Монигетти: это — турецкая баня, нѣжныя очертанія которой отражаются въ озерѣ. Внутреннее убранство привезено изъ Андріанополя во время заключенія тамъ мирнаго трактата. Если перенести взоръ на другой берегъ ему представляется во первыхъ громада дворца, а пониже, у длинной аллеи изъ елей и кленовъ, у сама-

го берега кокетливый и изящный кіоскъ—тотъ самый, который изображенъ на нашемъ рисункѣ — выдается свѣтлымъ силуэтомъ на темной зелени. Кіоскъ этотъ, какъ и всѣ такого рода постройки, которыхъ немало въ каждомъ англійскомъ саду, не имѣетъ никакого назначенія, но можно назвать его совершеннѣйшимъ типомъ самаго тонкаго и изысканнаго въ деталяхъ архитектурнаго стиля прошлаго столѣтія.

Политическое обозрѣніе.

Мецъ сдался на капитуляцію. Условія этой сдачи подписаны маршаломъ Базеномъ въ ночь съ 28 на 29-е октября ($^{16}/_{17}$ октября). Занося этотъ фактъ на страницы нашего обозрѣнія, мы не можемъ не признать, что значеніе его, среди претерпѣваемыхъ Франціею бѣдствій, должно сильно повліять на предстоящіе переговоры о мирѣ.

Въ какомъ отношеніи — это покажетъ будущее.

Иностранные органы печати усматриваютъ въ этомъ событіи хитро-подготовленный маневръ для возстановленія династіи Бонапартовъ на французскомъ престолѣ. «Situation», издаваемая въ Лондонѣ, усердно поддерживаетъ идею реставраціи имперіи, несмотря на то что почти не имѣетъ читателей во Франціи. Маршалу Базену, который теперь въ Вильгельмсгеэ, большая часть газетъ издающихся во Франціи и у насъ приписываетъ намѣреніе осуществить предполагаемое возстановленіе павшей династіи съ помощью 300 тысячъ войска, взятаго нѣмцами въ плѣнъ.

Конечно, это только предположенія, которымъ безусловно довѣрять нельзя.

Страшныя бѣдствія, испытанныя Франціею въ настоящую войну, капитуляція Седана и Меца, отсутствіе всякихъ симпатій иностранныхъ державъ къ непризнанному правительству народной защиты, въ связи съ антагонизмомъ партій внутри страны — все это заставляетъ желать скорѣйшаго заключенія мира. Правительство Гамбетты, Кремьё и Жюля Фавра отклоняло до сихъ поръ всякія переговоры о мирѣ на основаніи территоріальныхъ уступокъ; въ этомъ отношеніи оно было вполнѣ солидарно съ политическими диссидентами Ліона и Марселя. Партія соціалистовъ, образовавшая два правительства, въ упомянутыхъ городахъ, безъ сомнѣнія парализируетъ отчасти силы Франціи и дѣлаетъ невозможнымъ защиту страны въ тѣхъ размѣрахъ и съ тѣмъ единствомъ плана, который бы могъ разрушить блестящую стратегію нѣмецкихъ генераловъ и стойкость хорошо-дисциплинированныхъ войскъ. Патріотическія воззванія къ народу и войскамъ появляются и на сѣверѣ и на югѣ Франціи: и Турское правительство и вожаки соціалистовъ въ Ліонѣ и Марсели организуютъ войска съ одинаковой энергіей, несмотря на глубокое различіе своихъ политическихъ убѣжденій, — фактъ этотъ доказываетъ, что во Франціи живо сохранилось еще сознаніе своего національнаго единства, неприкосновенности территоріи.

Капитуляціи Меца, о которой мы будемъ говорить подробно ниже, предшествовала поѣздка Тьера изъ Тура въ Версаль, въ главную квартиру короля Вильгельма, а оттуда въ Парижъ. Цѣлью этой поѣздки были переговоры о перемиріи.

Извѣстія о заключеніи перемирія мы еще не получали. Если принять во вниманіе всѣ подробности, которыя должны быть предварительно обсуждены, и затѣмъ включены въ этотъ актъ,—если вспомнить сколько затрудненій можетъ представить исполненіе однихъ формальностей, принятіе и выработка основаній, въ Турѣ, Парижѣ и Версали — то можно ожидать извѣстія объ успѣшномъ исходѣ этихъ переговоровъ, не теряя надежды.

Въ то время какъ Тьеръ изыскиваетъ пути къ соглашенію между правительствомъ засѣдающимъ въ Парижѣ и Турѣ и сѣверо-германскимъ канцлеромъ въ Версали — нѣмецкія войска продолжаютъ осаждать Парижъ. Кромѣ сраженія при Шлештадтѣ, въ которомъ было взято въ плѣнъ около 5,000 французовъ, войска находящіяся въ Парижѣ, дѣлали нѣсколько вылазокъ но были постоянно отражаемы. 28-го и 30-го числа происходили сраженія подъ Парижемъ, недалеко отъ Сенъ-Дени,—и послѣ упорнаго боя, продолжавшагося около 9 часовъ, французы были сбиты съ своихъ позицій, 1,200 человѣкъ взято въ плѣнъ, послѣ страшной бомбардировки рѣшившей судьбу сраженія; затѣмъ, французы отступили въ Бонъ. Въ это же самое время на сѣверо-востокѣ Франціи происходили переговоры о капитуляціи Меца между Базеномъ и принцемъ Фридрихомъ Карломъ. Условія этой капитуляціи были подписаны французскимъ маршаломъ въ замкѣ Фрескати. На основаніи ихъ, французскія войска обязаны были начать выступленіе 29 го октября въ 12 часовъ дня, и сложить оружіе по выходѣ изъ крѣпости. Но еще наканунѣ офицеры объявили своимъ начальникамъ, что они не ручаются за могущіе произойдти безпорядки, если войска будутъ проходить мимо непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ; вслѣдствіи этого военный совѣтъ рѣшилъ, что войска сложатъ оружіе въ арсеналахъ крѣпости, и затѣмъ уже выступятъ изъ города. Выступленіе 140 тысячъ войска требовало понятно нѣсколько дней, и должно было совершиться чрезъ всѣ городскія ворота. Императорская гвардія въ числѣ 15,000 человѣкъ прошла первая предъ принцомъ Фридрихомъ Карломъ и его свитой; затѣмъ она должна была отправиться къ мѣсту своего назначенія — въ Аръ-ла-Мозель. Несмотря на дождливое время, 2-й и 54-й пѣхотные полки, 2 батальона стрѣлковъ и одинъ піонеровъ, 2 артиллерійскихъ полка и одинъ драгунскій, собрались, въ полной парадной формѣ и безъ плащей, на равнинѣ, лежащей въ полумилѣ отъ Меца.

Принцъ Фридрихъ Карлъ прибылъ ровно въ часъ пополудни, въ сопровожденіи французскаго генерала и многочисленной свиты. Громкое ура, заглушившее музыку и барабанъ, огласило окрестность, когда принцъ подъѣхалъ къ войскамъ. Двое французскихъ генераловъ — одинъ старикъ, другой среднихъ лѣтъ—подошли тогда къ принцу и объявили ему о выступленіи войскъ изъ Меца, и о томъ, что они, съ другими своими товарищами, сдаются военноплѣнными. Одна гвардія проходила впродолженіи трехъ часовъ. Затѣмъ войска были переведены на обширный лугъ, гдѣ имъ выдали, по приказанію генерала Франзецкаго, необходимый провіантъ. Войска провели ночь подъ открытымъ небомъ и на слѣдующій день, конвоируемыя сильными прусскими отрядами, они выступили въ Саарбрюкенъ.

Генералы получили дозволеніе отправиться на ночь въ Мецъ, но офицеры провели ночь вмѣстѣ съ солдатами.

4,000 французскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ вслѣдствіе капитуляціи Меца, будутъ отправлены въ непродолжительномъ времени въ Германію. Вслѣдъ за гвардіей начали проходить войска разнаго рода оружія: кирасиры, карабинеры, гвардейскіе гусары, затѣмъ артиллерія, 2 полка легкой кавалеріи и нѣсколько батальоновъ егерей.

Все это былъ народъ молодой, рослый, съ воинственнымъ видомъ, хотя замѣтно усталый и изнуренный разными лишеніями. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ это была самая гордая и наиболѣе прославленная армія въ Европѣ! — теперь она шла безоружная, полная отчаянія. Вся гвардія безъ исключенія была хорошо экипирована и достаточно снабжена всякой походной амуниціей. Многіе изъ солдатъ несли съ собой нѣкоторыя вещи для домашняго обихода во время плѣна. Всѣ вообще держали себя серіозно, съ достоинствомъ. Лица ихъ выражали отчаяніе и непримиримую ненависть къ пруссакамъ; германскія войска безъ злобы и съ тактомъ держали себя противъ побѣжденныхъ. Ни одного возгласа, ни одного обиднаго слова не вылетѣло изъ устъ побѣдителей.

Маршалъ Базенъ сдался первый военноплѣннымъ. Подъѣхавъ къ принцу Фридриху Карлу и его свитѣ, онъ сказалъ: «принцъ, имѣю честь явиться къ вамъ въ качествѣ военноплѣннаго». Принцъ поклонился, и знакомъ руки пригласилъ его стать возлѣ себя.

Предъ сдачей Меца маршалъ Базенъ издалъ прокламацію, въ которой говорилъ, что голодъ и невозможность пробиться чрезъ непріятельскія войска вынуждаютъ его сдаться на капитуляцію. «Мы защищались геройски, — говоритъ маршалъ — и потому исполнили свой долгъ; всякое безцѣльное кровопролитіе было бы преступленіемъ, такъ какъ надежды на успѣхъ, или на соединеніе съ войсками республики, не представлялось совершенно». Тоже содержаніе имѣло заявленіе генерала Бойэ, противъ обвиненій Гамбетты. Бойэ отвергаетъ обвиненіе въ измѣнѣ и говоритъ, что непріятель побѣдившій французовъ — это голодъ.

Не зная, насколько вѣрны эти заявленія, мы не можемъ однако умолчать, что корреспонденціи нѣкоторыхъ англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ также говорятъ, что положеніе осажденныхъ было ужасное въ послѣдніе дни.

Газета Daily-news говоритъ, что 28-го числа 5 солдатъ умерло съ голода, что больные и раненые не пользовались надлежащимъ уходомъ и что во время осады умерло въ городѣ 35,000 человѣкъ. Тифъ и диссентерія исключительно свирѣпствовали въ это время. Недостатокъ въ пищѣ, густота населенія, и употребленіе конины безъ соли — вотъ главныя причины, развившія эти болѣзни среди войска и городскихъ жителей.

Конечно, если военная слава Франціи и пострадала, то спасеніе жизни нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, если только положеніе ихъ было безнадежно, можетъ служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Исторія предшествовавшихъ войнъ не представляетъ подобныхъ пораженій: телеграмма изъ Берлина извѣщаетъ, что число плѣнныхъ французовъ простирается до 320 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ до 10 тысячъ офицеровъ и 3 маршала. Орудій, отбитыхъ у непріятеля, нѣмецкія газеты насчитываютъ до 6,000.

Статья 4 протокола капитуляціи Меца дозволяетъ офицерамъ и другимъ высшимъ чинамъ, обязавшимся словесно или письменно не сражаться противъ Германіи въ настоящую войну, возвращаться въ провинціи не занятыя нѣмецкими войсками. Другія 5 статей протокола устанавливаютъ правила передачи крѣпости, пороховыхъ магазиновъ, пушекъ, ружей, картечницъ — и другія частности капитуляціи.

Если завязавшіеся переговоры между Мюнхеномъ и Вѣной оставляютъ какъ бы въ сторонѣ пражскій трактатъ, хотя и упоминая о немъ вскользь, — если по увѣренію франкфуртской газеты г-нъ Брай дѣйствительно убѣжденъ, что графъ Бейстъ не будетъ противиться соединенію государствъ южно-германскихъ съ сѣверными, — то дѣло объединенія Германіи конечно не встрѣтитъ сопротивленія, и территоріальныя уступки требуемыя отъ Франціи могутъ быть признаны ненужными, такъ какъ Германія будетъ достаточно сильна, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое нападеніе со стороны Франціи.

Послѣднія телеграммы извѣстили насъ, что партія недовольныхъ подъ предводительствомъ Флуранса арестовала членовъ временнаго правительства и въ томъ числѣ генерала Трошю; четыре часа спустя національная гвардія освободила ихъ. Безпрестанныя ссоры и пререканія между членами партіи красныхъ, сборища у Бланки, различныя смуты и демонстраціи, и скандалезныя исторіи вродѣ той, которая произошла между Феликсомъ Піа и Рошфоромъ, упрекавшимъ своего противника въ трусости, — все это факты ставящіе въ затрудненіе правительство народной обороны въ виду осаждающаго непріятеля. Положеніе Франціи и Германіи заставляетъ ихъ теперь одинаково обращать вниманіе на миролюбивыя предложенія европейскихъ кабинетовъ, не смотря на то, что одна — побѣжденная, другая — побѣдительница. Эта мысль, высказанная одною англійской газетой — совершенно вѣрна. Желательно чтобы усилія г-на Тьера увѣнчались успѣхомъ, и чтобы за перемиріемъ послѣдовалъ честный и прочный миръ.

Вечернія телеграммы извѣщаютъ насъ, что Рошфоръ сложилъ съ себя званіе члена временнаго правительства — вслѣдствіе разногласій возникшихъ по поводу муниципальныхъ выборовъ. Другія извѣстія сообщаютъ, что газеты издающіяся въ Парижѣ высказываются за перемиріе исключая «Combat», «Reveil» и «Patrie en danger».

Мы замѣтимъ только, съ нашей стороны, что въ виду смутъ происходящихъ въ Тулузѣ, Греноблѣ, Нимѣ и Марсели — о которыхъ насъ извѣщаютъ послѣднія телеграммы — подобное настроеніе парижскихъ газетъ весьма утѣшительно, такъ какъ послѣдствія начинающагося волненія трудно предвидѣть. Избрать правительство и высказаться въ пользу войны или мира предстоитъ учредительному собранію, которое предполагаютъ созвать во время перемирія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 30 Октября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля Невск. и Влад. д. № 45—1

№ 45. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ ВЪ 1871 ГОДУ.

„НИВА“ будетъ издаваться въ 1871 году въ томъ же направленіи и по той же программѣ еженедѣльно какъ и въ 1870 году.

Редакція употребила всѣ усилія для улучшенія журнала и можетъ обѣщать между прочимъ новыя повѣсти В. И. КЕЛЬСІЕВА и В. В. КРЕСТОВСКАГО.

Желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ «Нивы» на будущій годъ, безъ перерыва вслѣдъ за выходомъ послѣднихъ №№ за 1870 г., мы имѣемъ честь покорнѣйше просить гг. подписчиковъ (въ особенности — жительствующихъ въ **отдаленныхъ мѣстностяхъ России**, какъ напр. въ **Сибири, Туркестанѣ**, на **Кавказѣ** и проч.) заблаговременно высылать въ контору редакціи свои требованія съ возобновленіемъ подписки на 1871 годъ.

Подписная цѣна на 1871 Г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 130—150 художественно-выполненными рисунками:

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 р. 50 к.	Для иногородныхъ (съ пересылк. и упаковкой)	5 р.

Требованія и подписныя деньги покорнѣйше просимъ адрессовать: **Въ контору редакціи журнала „НИВА“, А. Ф. Марксъ, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, на углу Невскаго проспекта и Большой Морской, д. Россмана, № 9—13.**

Ссылка.

(*Продолженіе*).

Хотя надежды инспектора значительно ослабли, но онъ не переставалъ дѣйствовать; онъ не могъ допустить мысли, чтобъ его старанія пропали даромъ. Что оставалось его сыну, еслибъ этотъ планъ не удался? Долги поручика достигли такихъ размѣровъ, кредиторы становились такъ нетерпѣливы, что безъ скорой помощи все должно было пропасть — и вся будущность рушиться, тѣмъ болѣе что онъ не обладалъ ни свѣдѣніями, ни охотой для занятія какой-либо другой должности.

Заботы отца увеличивались со дня на день. Поручикъ конечно не принималъ въ нихъ участія. Жалуясь на скучную жизнь въ Б..., онъ продолжалъ истреблять вина гостинницы.

Берта съ перваго же дня угадала замыслы своихъ родственниковъ, и ее забавляло различие направленій инспектора и поручика въ достиженіи одной и той же цѣли. Сердце Берты оставалось холодно ко всему этому; оно не чувствовало ни малѣйшаго влеченія къ поручику. Ее мучала всеобщая къ ней навязчивость; она знала, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ весь городъ ожидалъ, кому она подаритъ свое сердце; ея веселый нравъ все болѣе и болѣе стихалъ.

Неужели надо было предпринимать новое путешествіе, чтобъ отдѣлаться отъ всѣхъ? Но она не хотѣла оставлять друзей, и какая-то непонятная сила удерживала ее при нихъ.

Домогательство судьи оставило впечатлѣніе въ ея сердцѣ. За нѣсколько недѣль она была бы готова отдать ему руку и сердце, но теперь удерживали ее нерасположеніе и вражда, которыя судья высказывалъ противъ Дорна. Она сочувствовала Дорну, не зная еще почему; она чувствовала влеченіе къ нему и довѣряла ему болѣе, чѣмъ кому иному. Ужь не потому ли, что онъ былъ другъ Фарбрига и что этотъ послѣдній говорилъ о немъ съ такимъ уваженіемъ? Она сама этого не знала — и каждый разъ, какъ думала о немъ, у ней не хватало духа спросить себя, не для него ли такъ сильно билось сердце.

Дорнъ же проводилъ послѣдніе дни совершенно уединенно, избѣгая встрѣчи съ инспекторомъ, поручикомъ или Ульманомъ. Не разъ мечталъ онъ о Бертѣ, но притомъ старался изгонять подобныя мысли, которыя только раздражали его. И дѣйствительно, къ чему было возбуждать несбыточныя надежды?

Чрезъ Фарбрига онъ узналъ, съ какою цѣлью Клинкгардтъ съ сыномъ добивались любви Берты. Дорнъ пересталъ навѣщать Фарбрига, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ Бертою, что могло бы подать поводъ къ ревности.

Отношенія Дорна къ Ульману дѣлались все болѣе натянутыми. Чѣмъ раздражительнѣе былъ судья, тѣмъ труднѣе было ему скрывать свою непріязнь къ ассесору, котораго положеніе становилось все болѣе невыносимымъ.

Обѣщаніе Фарбрига доставить у себя мѣсто — все чаще приходило на память, но Дорну казалось невозможнымъ отказаться отъ прошлаго и отъ своего призванія. Онъ ясно видѣлъ, что его не терпѣли и изгоняли изъ коронной службы, но какое то внутреннѣе упорство удерживало его. Неужели ему слѣдовало бросить всѣ познанія, стоившія ему столько безсонныхъ ночей?

Ему не хотѣлось обнаружить свою слабость. Кто-бы пожалѣлъ о немъ? Не получалъ же онъ никакихъ извѣстій отъ родителей со дня его пребыванія въ Б...! Мать была слишкомъ слаба, чтобы писать сыну; отецъ казался непримиримымъ. Дорнъ писалъ два письма, въ которыхъ съ полнымъ довѣріемъ сына просилъ отца ходатайствовать о его возвращеніи въ столицу; но отвѣта не было.

Только въ занятіяхъ искалъ Дорнъ забвенія горестей. Однажды онъ сидѣлъ, углубленный въ судебные акты, когда судья велѣлъ его позвать въ себѣ. Медленно пошелъ Дорнъ.

Онъ предчувствовалъ, что его ожидаетъ новая непріятность. Ульманъ отдавалъ ему всѣ порученія письменно, во избѣжаніе столкновеній.

Твердыми шагами вошелъ Дорнъ въ комнату судьи, стараясь скрыть свое безпокойство. Онъ засталъ Ульмана тревожно-ходящимъ взадъ и впередъ по комнатѣ; судья казался покойнымъ, но въ улыбкѣ его выражалась ненависть.

— Г. ассесоръ! обратился судья: — я долженъ вамъ сообщить, что вы въ должности ассесора переводитесь въ М... Не позже какъ черезъ недѣлю вы должны занять эту должность.

Дорнъ поблѣднѣлъ. Онъ ни минуты не сомнѣвался, что причиной новаго его перемѣщенія были старанія Ульмана удалить его. Неужели его принимали за мячъ, которымъ можно было играть?

Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ не могъ собраться съ силами.

— Позвольте узнать причину моего новаго перемѣщенія, сказалъ онъ наконецъ нетвердымъ голосомъ.

— Я не обязанъ сообщать вамъ ее, съ надменной гордостью возразилъ Ульманъ, — я полагаю, что вы сами съумѣете разрѣшить этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, возразилъ Дорнъ, — я не знаю этого, я кажется ни чѣмъ не заслужилъ новаго наказанія.

— Я вамъ не говорю, что это перемѣщеніе есть наказаніе, продолжалъ судья, — оно послѣдовало по моему желанію, ибо мнѣ непріятно работать съ человѣкомъ, обращеніе котораго мнѣ нисколько не нравится. Въ М... вы вѣроятно найдете больше сочувствія — чего и я желаю вамъ, ибо оно можетъ-быть вамъ очень полезно.

Надменность этихъ словъ возмутила Дорна. Въ немъ такъ и кипѣло, и онъ не былъ въ состояніи сдерживать себя.

— Г. судья, возразилъ онъ, — я не думаю, чтобъ эти слова относились къ службѣ; я считаю ихъ во всякомъ случаѣ излишними. Будутъ ли мнѣ сочувствовать въ М... или нѣтъ — это касается меня одного; и я могу прибавить, что предпочитаю даже непріязнь дружбѣ нѣкоторыхъ лицъ.

Судья измѣнился въ лицѣ. Быстро подступилъ онъ къ Дорну, который стоялъ неподвижно.

— Вы кажется забываете, г. ассесоръ, вскричалъ онъ, — что я вамъ еще начальникъ! Вы должны были принять мои слова съ благодарностью, ибо могу васъ

увѣрить, что по дорогѣ вами избранной далеко не уйдете.

— И все-таки я никогда не оставлю ея! возразилъ Дорнъ,—предоставляю другимъ мѣнять свои мнѣнія и характеръ изъ-за какихъ-либо выгодъ; я же этого не сдѣлаю. Одна будущность укажетъ, какъ далеко я уйду. Вы упомянули, что я перемѣщенъ по вашему желанію; очень благодаренъ вамъ за это, ибо вѣроятно самъ бы просилъ скоро о своемъ перемѣщеніи.

Онъ повернулся чтобъ уйдти.

— Останьтесь! вскричалъ судья повелительно.

Дорнъ повиновался, но замѣтилъ съ усмѣшкою:

— Я полагалъ, что нашъ разговоръ по службѣ оконченъ.

— Да, онъ оконченъ, вскричалъ Ульманъ, — но вы должны оставаться до приказанія.

— Хорошо, я останусь, возразилъ спокойно Дорнъ, — однако я надѣюсь, что, кромѣ дѣлъ по службѣ, намъ не-о-чемъ говорить.

— Я вамъ скажу чтò мнѣ будетъ угодно! вскричалъ разгнѣванный судья, — я не привыкъ слушать совѣты своихъ подчиненныхъ, а еще менѣе ваши. Вы своимъ образомъ жизни доставили достаточно причинъ къ обвиненію — и я надѣюсь, что вы скоро посбавите высокомѣрія. Во всякомъ случаѣ, вы еще раскаетесь въ вашемъ обращеніи со мною.

Дорнъ пожалъ плечами и остался совершено спокойнымъ. Это спокойствіе возмутило судью до крайности. Жилы на его вискахъ побагровѣли, глаза выкатились, гнѣвъ исказилъ его обыкновенно-правильныя черты.

— Имѣете вы еще что-либо прибавить? спросилъ Дорнъ.

— Нѣтъ, поспѣшно отвѣтилъ Ульманъ и отвернулся.

Дорнъ вышелъ изъ комнаты. Только теперь выказались послѣдствія его сильнаго раздраженія. Онъ опустился въ свое кресло и закрылъ лицо руками. Долго сидѣлъ онъ неподвижно; высокоподнимавшаяся грудь обнаруживала горечь его размышленій. Невольно спрашивалъ онъ себя, чтò могло быть причиной новаго удара. Неужели причиной тому ревность судьи? Еслибъ онъ зналъ, какъ мало Дорнъ питалъ надеждъ и сколько избѣгалъ мечты о Бертѣ! А все-же сердце его терзалось при мысли объ удаленіи изъ города Б... Оставить друзей, къ которымъ онъ такъ привыкъ, и болѣе никогда не видѣть Берту — было ему ужасно; онъ чувствовалъ, что сердце его принадлежитъ Бертѣ. Онъ хотѣлъ заглушить свою любовь, но видѣлъ что это невозможно.

— За чтò преслѣдуетъ меня судьба и хочетъ разлучить съ Бертой? думалъ онъ. — Чѣмъ заслужилъ-я это?

Опять вспомнилъ онъ обѣщаніе Фарбрига доставить ему другое занятіе. Раздраженный вскочилъ онъ съ мѣста, рѣшившись принять предложеніе друга, покончить съ прошедшимъ, сбросить съ себя оковы настоящаго его призванія и принять новый образъ жизни. Не послужило ли бы это къ сближенію съ Бертой? Не противодѣйствовалъ ли онъ этимъ покушеніямъ судьи?

Не медля оставилъ онъ комнату, чтобы поспѣшить къ другу и сказать ему: «ты обѣщалъ помочь мнѣ въ нуждѣ, теперь сдержи слово».

Но когда онъ прошелъ городомъ, и свѣжій лѣтній воздухъ освѣжилъ его, и прошло впечатлѣніе душной судебной камеры и ея сѣрыхъ однообразныхъ стѣнъ, когда онъ увидѣлъ какъ спокойна жизнь,—тогда имъ овладѣли другія мысли, которыя совершенно успокоили его; онъ нашелъ, что ему не-къ-чему было такъ скоро рѣшать будущность, — что можно было отложить это на одинъ день и внимательнѣе, спокойнѣе обсудить дѣло;—и потому повернулъ въ другую сторону города. Онъ прошелъ городскія ворота и вышелъ въ поле, по направленію къ лѣсу. Кругомъ все было тихо.

Дорнъ чувствовалъ благотворное дѣйствіе тишины и свѣжести воздуха. Кровь его успокоилась, грудь дышала свободнѣе, и раздраженіе замѣнилось грустнымъ воспоминаніемъ о его прошлой жизни: его дѣтство, юношество, когда онъ былъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и надѣялся превозмочь всѣ представляющіяся препятствія — все живо рисовалось его воображенію.

Дойдя до лѣсу, онъ сѣлъ подъ дерево. Предъ нимъ, у корней бѣгали во мху муравьи съ своею ношей. Въ раздумьи смотрѣлъ Дорнъ на возню и суету этихъ крохотныхъ насѣкомыхъ. Они слѣдовали невѣдомому влеченью—и еслибъ могли чувствовать, то конечно были бы очень счастливы. Что могло составить ихъ несчастіе? Если и раздавитъ ихъ чья-нибудь нога, или невѣжественая рука разрушитъ ихъ жилище, они не чувствуютъ страданій и терзаній, которыя извѣдываетъ человѣческая грудь.

Углубившись въ размышленія, Дорнъ и не замѣтилъ, какъ къ нему приблизился кто-то. Только услыхавъ шелестъ листьевъ, онъ повернулся—и вскочилъ, увидѣвъ подлѣ себя Берту.

Одно мгновеніе они посмотрѣли другъ на друга; лица обоихъ покрылись вдругъ краской.

Берта первая оправилась отъ смущенія.

— Я вамъ кажется помѣшала? спросила она улыбаясь.

— Нѣтъ, нисколько, отвѣчалъ сильно взволнованный Дорнъ,—я сравнивалъ жизнь муравьевъ съ нашей и завидую имъ.

Онъ повелъ рукой по лбу, какъ бы стараясь успокоиться.

— Вы завидуете имъ? повторила Берта.

— Развѣ они не счастливѣе насъ? Знаютъ ли они что-нибудь о борьбѣ? Какія печали и испытанія огорчаютъ ихъ существованіе?

— Чтò навело васъ на эти грустныя мысли? спросила Берта, — а чтò-же вознаграждаетъ насѣкомыхъ за счастье, которымъ пользуется человѣкъ?

— Они не знаютъ о счастьѣ, и потому не нуждаются въ немъ, отвѣчалъ Дорнъ. — Дано-ли счастье каждому человѣческому сердцу? продолжалъ онъ: — солнце свѣтитъ одинаково всякому созданію; счастье-же улыбается лишь нѣкоторымъ, оно довольно скупо на дары.

— Г. ассесоръ, вы мечтатель и мучите сами себя, возразила Берта, — пойдемте, проводите меня. Вы говорите, что солнце свѣтитъ для всѣхъ, — а все-таки надо смотрѣть, чтобы видѣть его; кто добровольно или упрямо уклоняется отъ счастья, тому оно и не навязывается.

Молча послѣдовалъ Дорнъ за Бертой.

Ему было трудно возвратить прежнюю твердость. Берта казалась свѣжѣе и прекраснѣе чѣмъ прежде. Легкое, свѣтлое платье такъ мило облегало ея стройный станъ; на рукѣ несла она свою соломенную шляпку, и

волосы спускались локонами по ея плечамъ. Дорнъ не могъ налюбоваться ею.

— Что ввело васъ въ то грустное настроеніе духа, въ которомъ я васъ застала? спросила Берта, — я привыкла видѣть васъ веселѣе.

Дорнъ хотѣлъ было умолчать о своемъ перемѣщеніи, но предполагая, что она узнаетъ все отъ Фарбрига, онъ рѣшился разсказать ей о случившемся.

Услыша это, Берта поблѣднѣла.

— Судья сообщилъ вамъ причину вашего перемѣщенія? спросила Берта дрожащимъ голосомъ.

— Причиною того онъ выставилъ желаніе не имѣть меня при себѣ; онъ возненавидѣлъ меня съ того дня, какъ я былъ такъ веселъ у Фарбрига, возразилъ Дорнъ.

— Извѣстно это уже Фарбригу? спросила Берта.

— Нѣтъ еще.

Они молча сдѣлали еще нѣсколько шаговъ и дошли до воротъ парка. Дорнъ невольно остановился.

— Пойдемте со мною! сказала Берта, — вы еще не знакомы съ моими владѣніями.

— А вы поѣдете въ М?... прибавила она. Ея голосъ еще сильнѣе дрожалъ.

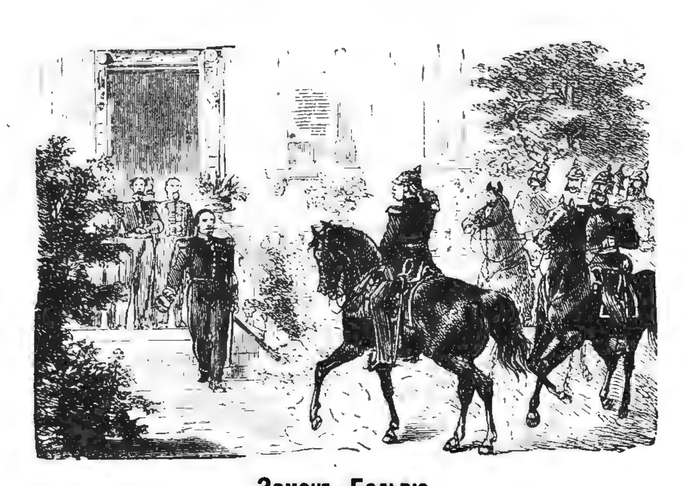
Дорнъ вопросительно посмотрѣлъ на нее, она опустила глаза, какъ будто послѣднимъ вопросомъ обнаружила то, что̀ происходило въ ней.

— Мнѣ остается выбирать или покорность волѣ начальника или отставку, возразилъ Дорнъ и разсказалъ ей о предложеніи Фарбрига.—Я еще не знаю на что̀ рѣшиться. Это трудный шагъ для меня, онъ преобразитъ всю мою будущность. Я долженъ разстаться съ мыслью, съ которою такъ свыкся; я долженъ поставить себѣ новую цѣль. А кто мнѣ поручится, что я найду силы на̀ новое дѣло, и что оно будетъ полезнѣе того, которое оставляю!—Ему показалось, что, при послѣднихъ его словахъ, взглядъ Берты прояснился.

— Дайте мнѣ слово ни на что̀ не рѣшаться, пока не поговорите объ этомъ съ Фарбригомъ, сказала Берта. — Хотя онъ человѣкъ простой, но съ острымъ умомъ, правильнымъ взглядомъ, и главное обладаетъ откровеннымъ сердцемъ. Онъ сдѣлаетъ для васъ все

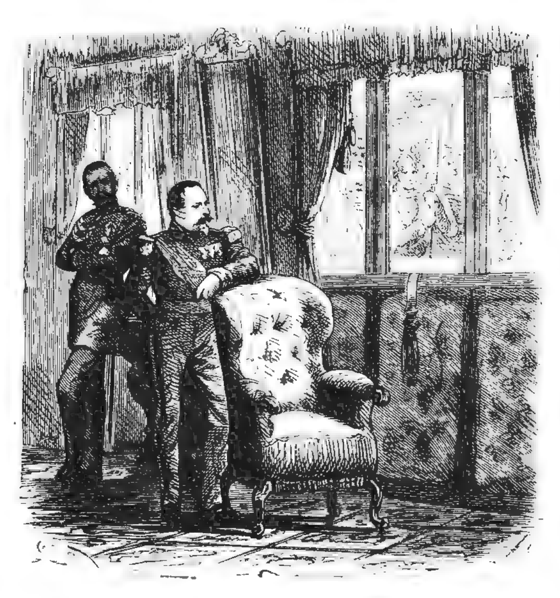

Разговоръ Наполеона III съ Бисмаркомъ.

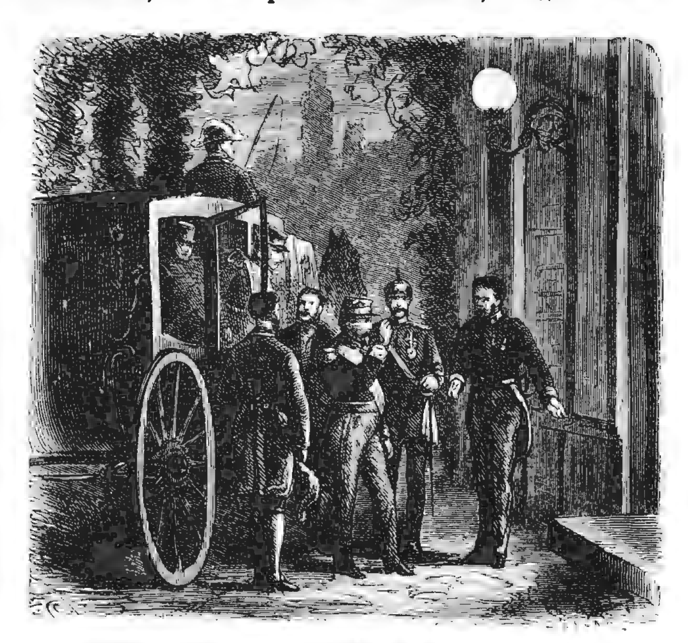

Замокъ Бельвю.

Свиданіе императора французовъ съ королемъ прусскимъ.

Наполеонъ III на пути въ Вильгельмсгеэ.

Прибытіе Наполеона III въ Вильгельмсгеэ.

возможное — уже для того чтобы лишить судью удовольствія удалить васъ отсюда, и сберечь себѣ друга.

Эти слова удивили Дорна. Неужели Берта не любила Ульмана? Онъ обѣщалъ ей исполнить просьбу ея. Бертѣ легко вздохнулось. Она развеселилась и старалась свѣта, чтобы отдохнуть въ полумракѣ густыхъ тѣнистыхъ деревьевъ. Когда же на душѣ весело, то намъ вездѣ кажется свѣтло — и сквозь густыя вѣтки деревъ мы видимъ все-таки синее небо.

Все дальше и дальше углублялись они въ паркъ, и

Императоръ Наполеонъ III въ Вильгельмсгеэ.

разсѣять Дорна; показывая ему любимыя ея мѣста въ паркѣ, она сообщила о своемъ намѣреніи засадить часть парка елями, что особенно не нравилось Фарбригу.

— Фарбригъ отсовѣтовалъ мнѣ это; онъ увѣряетъ, что паркъ получитъ мрачный видъ. Но вѣдь вы вѣрно согласитесь съ тѣмъ, что на насъ часто находятъ грустныя настроенія; тогда мы стараемся укрыться отъ

Бертѣ удалось наконецъ развеселить Дорна. На него слишкомъ сильно дѣйствовало новое его положеніе, чтобъ онъ могъ вполнѣ забыться. Онъ какъ во снѣ видѣлъ прелестный образъ Берты, окружающую ихъ зелень и душистые цвѣты. Онъ слушалъ внутренній голосъ, говорящій ему: «наслаждайся случаемъ, можетъ быть въ послѣдній разъ ты видишь ее».

Берта была видимо довольна. Наконецъ подошли они къ дому.

— Познакомьтесь же и съ моимъ домомъ! сказала Берта.

Дорнъ безсознательно послѣдовалъ за ней; онъ забылъ прошедшее и ощущалъ необычайное блаженство.

Сначала вошли они въ хорошенькую бесѣдку, гдѣ Дорнъ увидѣлъ начатый ландшафтъ, передъ которымъ и остановился. Хотя онъ слышалъ отъ Фарбрига, что Берта занимается живописью, но вѣрность и твердость руки, съ которыми былъ набросанъ рисунокъ, удивили его. Онъ не подозрѣвалъ такого искусства въ ея маленькой ручкѣ.

Далѣе повела его Берта въ свою комнату—и когда онъ переступилъ порогъ, ему показалось, что онъ вошелъ въ храмъ мира. На стѣнѣ висѣлъ портретъ Берты, снятый за нѣсколько лѣтъ. Дорнъ подошелъ къ нему и не могъ наглядѣться. Такою видѣлъ онъ ее, когда спасъ изъ воды; только недоставало блѣдности ея лица: тутъ ея глаза смотрѣли весело.

— Узнаете вы меня? спросила Берта улыбаясь.

— О, да! возразилъ Дорнъ. Онъ не былъ въ состояніи скрывать свое волненіе: такъ ясно представилась ему блѣдная дѣвушка, которую онъ на рукахъ несъ къ берегу.

— Я была почти ребенкомъ, когда отецъ далъ снять съ меня этотъ портретъ, продолжала Берта. — Многіе не узнаютъ въ немъ меня, я вѣрно очень перемѣнилась съ тѣхъ поръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Дорнъ, не спуская глазъ съ портрета,—я васъ тотчасъ же узналъ. Вы были точно такая... Онъ не зналъ что̀ говоритъ, не сознавалъ гдѣ находится. Онъ отвернулся къ картинѣ, представлявшей горное озеро, обнесенное деревьями.

— А! воскликнулъ онъ и подошелъ ближе.

Картина представляла именно то мѣсто, которое было ему такъ извѣстно: тутъ тропинка, на которой онъ увидѣлъ молодую дѣвушку; тамъ мѣсто, гдѣ онъ возвратилъ утопающую въ руки отца.

— Вотъ оно! вотъ, гдѣ это было! вскричалъ Дорнъ, переносясь въ прошедшее,—на этомъ мѣстѣ вы упали въ воду, эти волны несли васъ на средину озера, тамъ стоялъ вашъ отецъ, и въ отчаяніи ломалъ себѣ руки.

Дорнъ поднялъ руку и показывалъ на картину.

Берта смотрѣла на асессора съ возрастающимъ удивленіемъ; она не могла понять его; чувство страха и радости, котораго она не могла изъяснить, объяло ее. Она только могла сказать:

— Вы знаете это мѣсто? Откуда узнали вы его?

Дорнъ повернулся; его взглядъ встрѣтилъ ея глаза, требовавшіе разъясненія. Она стояла такъ близко къ нему, что онъ могъ бы обнять ее. Долѣе онъ не могъ бы остановить порыва сердца, еслибъ даже это стоило ему жизни. Онъ не былъ въ состояніи утаить того, что̀ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ носилъ въ сердцѣ,—и вскричалъ: «вѣдь это я спасъ васъ!»

Берта вздрогнула; ей чудилось, будто послѣ темныхъ предчувствій вдругъ въ ней все озарилось свѣтомъ. Она схватила Дорна за руку и едва могла сказать:

— Дорнъ, Дорнъ! такъ вы были моимъ спасителемъ!

Прикосновеніе ея руки заставило его вздрогнуть. Преисполненый радости и блажества, онъ вскричалъ:

— Да, я былъ счастливецъ, нѣкогда спасшій вамъ жизнь—и въ доказательство вотъ ленточка, которую я сорвалъ съ вашего платья въ память того событія!

— Моя ленточка! воскликнула Берта:—это та самая, которой я искала; я никакъ не предполагала, что мой спаситель оставилъ ее себѣ на память!

Болѣе она ничего не могла сказать; ея глаза опустились, щеки горѣли и грудь подымалась въ волненіи....

(Окончаніе будетъ).

Отъ Седана до Вильгельмсгеэ.

Четыре дня изъ жизни императора Наполеона III.

(съ 5-ю рисунками съ натуры).

На сѣверной границѣ Франціи, на рѣкѣ Маасѣ лежитъ исторически - извѣстная, богатая воинственными воспоминаніями, крѣпость Седанъ. Тюреннъ, величайшій стратегикъ Франціи до Наполеона I, родился здѣсь же въ 1611 году, и его бронзовая статуя служитъ лучшимъ украшеніемъ города. Въ продолженіи столѣтій крѣпость эта нѣсколько разъ кровавымъ путемъ пріобрѣтаема была нѣмцами, потомъ снова возвращалась въ руки своихъ старыхъ повелителей, французовъ,—но съ 1815 года, когда была въ послѣдній разъ взята гессенцами, сдѣлалась совершенно мирнымъ городомъ, который въ области промышленности отличался превосходнымъ сукномъ; производство это занимало болѣе 6000 рабочихъ.

Августъ мѣсяцъ 1870 года снова пробудилъ старыя воинственныя воспоминанія добраго города Седана. Подвиги Рейнской арміи были и здѣсь извѣстны—и хотя тамъ и сямъ ходили слухи о возрастающемъ перевѣсѣ Пруссіи, однако имъ очень мало вѣрили. Наконецъ стало извѣстно, что армія великаго Макъ-Магона стягивается сюда, и что самъ императоръ хочетъ пробыть нѣкоторое время въ стѣнахъ своей вѣрной крѣпости. Начали уже догадываться, что это означаетъ ни больше ни меньше какъ отступленіе, причемъ многіе изъ образованнѣйшихъ политиковъ маленькаго городка имѣли достовѣрныя свѣденія черезъ Бельгію и хорошо знали истинное положеніе вещей. Не смотря на все это, посѣщеніе императора считали большею честью.

Со всѣхъ сторонъ и большими отрядами стекались въ городъ «отборнѣйшія войска» Франціи. Во главѣ этого вступленія находился герцогъ Маджентскій, за которымъ вскорѣ прибылъ и самъ императоръ съ огромною свитой и своими прекрасными лошадьми и каретами. Почтительно-встрѣченный начальникомъ города, онъ отправился въ квартиру подпрефекта, гдѣ и учредилъ свою главную квартиру.

Вскорѣ послѣ этого вкругъ города началась великая битва. Носилки и раненые все чаще и чаще стали появляться на улицахъ. Всѣ дома были переполнены солдатами; опьяненные виномъ, они грабили мирныхъ гражданъ. Внѣ города—непріятель, который приближаясь все ближе и ближе, грозилъ бомбардированіемъ; внутри—друзья, дѣйствовавшіе такъ постыдно и безчестно, какъ не сдѣлалъ бы и самый злѣйшій врагъ.

Еще до разсвѣта 1-го сентября началось страшное

бомбардированіе города, которое съ небольшими перерывами продолжалось цѣлыхъ четырнадцать часовъ. Съ возвышенностей, окружающихъ городъ, было направлено противъ него восемьсотъ орудій. Императоръ сильно взволнованный ходилъ быстрыми шагами взадъ и впередъ по своей комнатѣ, выпуская страшные клубы дыма изъ своей сигары. Онъ сейчасъ только получилъ извѣстіе, что врядъ-ли придется долго противустоять убійственному огню прусской артиллеріи. Что тутъ дѣлать? Бѣжать въ Бельгію? Отдаться въ плѣнъ?

Громъ орудій становился все сильнѣе и сильнѣе, какъ бы заставляя этимъ несчастнаго императора поскорѣе принять какое-либо рѣшеніе. Но вдругъ его посѣтилъ какъ будто геній его дяди, томные глаза непривычно заблистали, усы нервично задвигались, а губы въ то же время прошептали знаменитыя слова: «la garde meurt, mais elle ne se rend pas». Отбросивъ недокуренный остатокъ сигары въ сторону, онъ рѣшительно схватился за шпагу. «Я лучше умру а не сдамся!» воскликнулъ онъ—и съ силою позвонивъ лежащимъ на столѣ колокольчикомъ, приказалъ вошедшему камердинеру позвать своего адъютанта.

— Гдѣ бой идетъ съ особеннымъ ожесточеніемъ? спросилъ онъ.

— Около предмѣстья Баланъ, ваше величество.

— Ну такъ поспѣшимъ же туда!

На улицахъ адъютантъ едва могъ расчистить путь для своего императора—до такой степени онѣ были перепереполнены испуганнымъ и мечущимся во всѣ стороны народомъ.

Среди этого общаго замѣшательства, ихъ обоихъ едва замѣчали. Но вотъ они должны остановиться: черезъ улицу медленно несутъ носилки, въ которыхъ лежитъ разбитый въ продолженіи одного мѣсяца на всѣхъ пунктахъ, а теперь тяжело-раненый осколкомъ гранаты въ бедро, храбрый герцогъ Маджентскій.

Полуудивленно, полуукоризненно смотритъ раненый герой на императора, который, не смотря на свою тучность, почти что бѣжитъ и, подавая ему руку, съ участіемъ спрашиваетъ о здоровьи.

— Не безпокойтесь, ваше величество, отвѣчаетъ почти-что насмѣшливо Макъ-Магонъ,—главное начальство надъ арміею находится въ хорошихъ рукахъ; мое мѣсто заступилъ генералъ Вимпфенъ.

Императоръ спѣшитъ въ предмѣстье Баланъ, гдѣ войска его сильно тѣснимы наступающими баварцами. Съ обнаженною шпагой, посреди храбраго отряда, бросается онъ на нападающаго непріятеля. Цѣлые часы побѣда колеблется то на ту, то на другую сторону. Бомбы, осколки гранатъ, пули, кружась и свистя въ воздухѣ, летятъ надъ головою императора; сотни изъ его приближенныхъ лежатъ убитыми, сотни со стономъ падаютъ ранеными. Адъютантъ умоляетъ его удалиться; онъ соглашается—и тотчасъ же за этимъ баварцы занимаютъ гласисъ крѣпости.

Среди цѣлыхъ массъ бездѣятельно - глазѣющихъ солдатъ, которые открыто ругаются надъ своими офицерами и отказываютъ имъ въ повиновеніи, среди горящихъ домовъ и цѣлаго дождя пуль, спѣшитъ Наполеонъ обратно въ городъ.

Разбитый нравственно и физически достигаетъ онъ своей квартиры.

А часы летятъ за часами. Въ креслѣ, закинувъ голову назадъ, сидитъ герой 2 го декабря. Можетъ-быть онъ думаетъ о бѣгствѣ? Иногда онъ вскакиваетъ, когда неумолкающая канонада дѣлается сильнѣе, или когда съ улицы достигнетъ до него раздирающій душу крикъ отчаянія. Долгій, бурный разговоръ съ генераломъ Вимпфеномъ, которому онъ отказалъ въ просимой отставкѣ, открываетъ ему безутѣшную истину, что долѣе держаться въ крѣпости нельзя. Нѣтъ ни провіанта, ни боевыхъ припасовъ—и каждая минута только напрасно губитъ солдатъ.

Императоръ оборачивается. Передъ нимъ стоятъ полковникъ Бронсартъ и еще кто то, посланные королемъ Вильгельмомъ въ качествѣ парламентеровъ, которые, на вопросъ гдѣ находится генералъ-аншефъ, тотчасъ же были представлены императору. Онъ спрашиваетъ полковника о его предложеніяхъ. Бронсартъ отвѣчаетъ, что онъ явился съ требованіемъ сдачи крѣпости. «Обратитесь къ генералу Вимпфену!» былъ короткій отвѣтъ императора.

Императоръ снова погружается въ свои печальныя размышленія. Но все-таки онъ сталъ нѣсколько спокойнѣе. Онъ не теряетъ еще надежды на счастливый оборотъ дѣла. Громъ пушекъ затихъ на короткое время, но вотъ онъ опять начался—и еще сильнѣе и оглушительнѣе чѣмъ прежде. Вслѣдъ за этимъ является генералъ Вимпфенъ и объясняетъ, что непріятель не хочетъ и слышать ни о какихъ условіяхъ, а требуетъ сдачи крѣпости со всѣми находящимися въ ней войсками—единственно на милость побѣдителей. «И ничего не остается дѣлать, какъ соглаcиться», добавляетъ несчастный, неповинный въ этомъ позорѣ, генералъ.

Императоръ соглашается на возобновленіе переговоровъ и снова остается одинъ. Но теперь уже онъ рѣшительнѣе чѣмъ прежде. Онъ какъ бы проснулся отъ своихъ тяжелыхъ размышленій и, кажется, послѣ долгаго обдумыванія пришелъ къ какому-то окончательному рѣшенію. «Я обращусь къ великодушію стараго короля», говоритъ онъ тихо; съ этими словами онъ быстро подходитъ къ письменному столу, и взявъ листъ бумаги, говоритъ какъ бы про себя: «N'ayant pas pu mourir à la tête de mes troupes, je dèpose mon épée aux pieds de Votre Majesté», потомъ быстро схвативъ перо, твердою рукою пишетъ это лаконическое признаніе себя побѣжденнымъ.

Въ этихъ словахъ его было болѣе правды, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ вмѣстѣ взятыхъ рѣчахъ. Не можетъ быть никакаго сомнѣнія, что онъ въ пылу битвы искалъ достойной смерти.

Короткое время спустя, генералъ Рейлль передалъ этотъ замѣчательный документъ королю Вильгельму (который находился въ это время со всѣмъ своимъ штабомъ выше Ваделенкура), прибавивъ притомъ, что кромѣ этого онъ не имѣетъ передать никакихъ предложеній. Король, прежде чѣмъ вскрыть письмо, обратившись къ передатчику сказалъ: «но я требую первымъ условіемъ, чтобы армія положила оружіе». Генералъ Рейлль поклонился въ знакъ согласія. Тогда король прочиталъ письмо и отвѣчалъ, что очень соболѣзнуетъ о такого рода встрѣчѣ съ императоромъ, но что проситъ поскорѣе прислать уполномоченное лицо, съ которымъ бы можно было заключить капитуляцію. Послѣ этого генералъ Рейлль, хорошо извѣстный королю со времени парижской выставки, былъ милостиво отпущенъ. Дальнѣйшіе переговоры должны были вестись отъ имени генерала Мольтке и графа Бисмарка.

Ночь быстро смѣнила этотъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный день. Въ обоихъ лагеряхъ сонъ былъ

очень непродолжителенъ. Но въ то время когда сѣдой король, объѣзжая свои войска, повсюду слышалъ радостные крики и благодарилъ Бога за ниспосланную побѣду и за спасеніе чести и величія германскаго народа, въ это время въ душѣ его противника происходило совершенно иное. Душа побѣжденнаго императора волновалась между страхомъ и надеждой на свой рѣшительный поступокъ; онъ не зналъ еще какой исходъ имѣли начатые переговоры, капитуляція еще не была подписана, наконецъ его собственная судьба не была еще положительно рѣшена королемъ.

Онъ пытался было заснуть, но не могъ. Страшные сны, стоны съ улицы—все это не давало ему покою. Онъ вскочилъ. Только сутки тому назадъ началась роковая для него осада города. Онъ не могъ выносить дальнѣйшаго пребыванія въ этомъ несчастномъ мѣстѣ. Онъ не могъ долѣе чувствовать себя безопаснымъ среди своихъ солдатъ.

Часъ спустя, т. е. около 5 ч. утра, онъ отправился по направленію къ Доншери, гдѣ надѣялся встрѣтить короля. Онъ ѣхалъ въ открытой англійской коляскѣ, въ двѣ лошади, въ сопровожденіи трехъ высшихъ офицеровъ; по бокамъ ѣхали верхами: генералы Рейлль, Кастельнау, Баубертъ и маршалъ московскій.

Графъ Бисмаркъ и генералъ Мольтке еще вечеромъ того дня отправились въ Доншери, чтобы тамъ съ уполномоченнымъ отъ императора начать переговоры о капитуляціи. Только въ часъ пополуночи переговоры прервали, по просьбѣ генерала Вимпфена, который желалъ имѣть время для серіознаго обсужденія предложенныхъ условій.

Графъ Бисмаркъ спалъ еще, когда адъютантъ его доложилъ ему, что пріѣхалъ генералъ Рейлль, который сообщаетъ о желаніи своего императора видѣться и говорить съ графомъ. Графъ поспѣшно одѣвается, садится на лошадь и ѣдетъ на встрѣчу своему раннему гостю.

Встрѣча была умѣренна и вѣжлива. Императоръ и окружавшіе его офицеры сняли шляпы; Бисмаркъ же, снявъ свою походную бѣлую фуражку, слѣзъ съ лошади, и, подошедъ къ дверцамъ коляски, спрашивалъ приказаній императора. Этотъ отвѣчалъ, что онъ желаетъ говорить съ королемъ, на что Бисмаркъ сказалъ, что къ сожалѣнію это тотчасъ же невозможно, потому что король возвратился въ главную квартиру, въ Вендрессу. При этомъ онъ пригласилъ императора въ свою собственную квартиру, въ Доншери, такъ какъ послѣдній довольно ясно намекнулъ на то, что не имѣетъ никакого желанія обратно возвратиться въ Седанъ.

Послѣ этого поѣздъ двинулся по направленію къ Доншери и мало по-малу приближался къ маленькому городку. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ моста (который ведетъ черезъ рѣку Маасъ въ городъ) и нѣсколько влѣво отъ дороги стоитъ маленькая, бѣдная хижина, принадлежащая одному ткачу. Императоръ выразилъ желаніе остановиться у этой хижины, куда онъ и вошелъ вмѣстѣ съ Бисмаркомъ, тогда какъ свита осталась позади. Въ маленькой, объ одно окно, комнаткѣ, въ которой кромѣ простаго стола и двухъ плохихъ стульевъ ничего не было, они могли переговорить на досугѣ, ни кѣмъ не тревожимые, о всѣхъ дѣлахъ.

Бесѣда между падшимъ императоромъ и союзнымъ канцлеромъ длилась около часу.

Разговоръ вертѣлся около вопроса объ условіяхъ капитуляціи и заключенія мира.

Онъ строго держался въ границахъ дѣловаго обмѣна мнѣній и—какъ слѣдовало ожидать—не имѣлъ никакого результата.

Бисмаркъ говорилъ, что не можетъ предложить никакихъ болѣе выгодныхъ условій капитуляціи, что это вопросъ чисто военный, который долженъ быть рѣшенъ между генералами Мольтке и Вимпфеномъ; императоръ же своей стороны объявилъ, что онъ какъ военноплѣнный не можетъ входить ни въ какіе мирные переговоры и предоставляетъ это правительству регентши въ Парижѣ.

Разговоръ продолжался и за дверями. Императоръ еще разъ просилъ о своей арміи—и спросилъ, не можетъ ли она перейти бельгійскую границу и тамъ уже положить оружіе, но получивъ отрицательный отвѣтъ, перешелъ къ разговору о войнѣ. Онъ очень откровенно говорилъ. «Я весьма сожалѣю о всѣхъ несчастіяхъ этой войны, я ея дѣйствительно не желалъ, но принужденъ былъ къ ней въ силу общественнаго мнѣнія».

Послѣ этого оба говорившіе встали и отправились далѣе къ маленькому замку Бель-вю, у Френуа (Bellevue aux Fresnois), который былъ найденъ офицерами генеральнаго штаба какъ самое удобное мѣсто для пребыванія короля. Около самаго замка виднѣлся почетный караулъ короля Вильгельма, его лейбъ-кирасиры. Прибывъ туда, императоръ тотчасъ же отправился во внутреннiе покои, — между тѣмъ какъ Бисмаркъ пошелъ на совѣщаніе объ условіяхъ капитуляціи, изъ которыхъ главнѣйшія были уже ранѣе обсуждены генералами Мольтке и Вимпфеномъ. Послѣ того какъ текстъ самой капитуляціи былъ одобренъ, обѣ стороны тотчасъ же подписали его; затѣмъ онъ былъ переданъ королю, который послѣ этого не медлилъ болѣе видѣться съ императоромъ.

Въ часъ пополудни, король, въ сопровожденіи наслѣднаго принца и кавалерійскаго отряда, отправился въ путь, а около двухъ часовъ они уже были въ замкѣ Бельвю. Отдѣленный отъ дороги рядомъ садовъ, замокъ представлялъ дивный видъ на Седанъ и на маасскую долину. Императоръ спускался, съ непокрытой головой, внизъ по широкой, каменной лѣстницѣ (которая ведетъ ко входу въ замокъ), чтобы привѣтствовать своего коронованнаго побѣдителя.

Тутъ произошла всемірно-историческая встрѣча, значеніе которой стало понятно обоимъ глубоко-тронутымъ мужамъ. Стоило только бросить одинъ взглядъ на эту замѣчательную сцену, что бы тотчасъ же оцѣнить значеніе прошедшаго. Здѣсь величественный, высокій, не надломленный старостью, нѣмецкій король — тамъ разбитый болѣзнями, на двѣнадцать лѣтъ моложе, плѣнный императоръ. Здѣсь человѣкъ, въ своемъ благородномъ великодушіи позабывшій тотъ позоръ, который испытали его отецъ и мать при подобной же встрѣчѣ съ дядею, а онъ самъ мѣсяцъ тому назадъ отъ министра того же своего плѣнника; тамъ человѣкъ, который смиренно кланялся, потому что больше ему ничего не оставалось дѣлать.

«Посѣщеніе продолжалось около четверти часа» пишетъ король просто но благородно своей супругѣ: «мы оба были очень тронуты этимъ свиданіемъ. Что я испытывалъ при видѣ Наполеона, три года тому назадъ стоявшаго на вершинѣ своего могущества, я не могу тебѣ описать».

Свиданіе кончилось. Сѣдой король опять сѣлъ верхомъ и сдѣлалъ извѣстный пятичасовой проѣздъ кругомъ Седана.

На слѣдующій день, 3 сентября, императоръ съ огромною свитою (въ которой со стороны Пруссіи находился генералъ Бойенъ) покинулъ замокъ Бельвю За нимъ слѣдовали восемнадцать императорскихъ, запряженныхъ прекрасными лошадьми, каретъ, въ которыхъ, размѣстившись на сколько можно было удобно, ѣхали французскіе офицеры. Остальные офицеры и до 80 грумовъ ѣхали верхами. Весь этотъ замѣчательный поѣздъ замыкался эскадрономъ черныхъ гусаръ. Императоръ былъ серіозенъ и сосредоченъ, да и неудивительно: только что испытанное великодущіе противника, а также встрѣчающіеся на каждомъ шагу слѣды необдуманно и легкомысленно начатой войны—горящія деревни, цѣлыя массы раненыхъ и убитыхъ,—все это заставило бы хоть кого призадуматься.

На границѣ Бельгіи императора встрѣтилъ, во главѣ отряда конныхъ стрѣлковъ, бельгійскій генералъ-лейтенантъ, баронъ Шазаль, который предложилъ отъ имени своего короля этотъ почетный караулъ до прусской границы.

Въ пять часовъ пополудни поѣздъ прибылъ въ Бульонъ, гдѣ Наполеонъ, остановившись въ «Hotel des Postes», обѣдалъ и переночевалъ.

Въ воскресенье, 4 сентября, поѣздъ продолжалъ свой путь дальше до станціи желѣзной дороги Либрамонъ, гдѣ экстренный поѣздъ, съ которымъ императоръ долженъ былъ ѣхать дальше, не былъ еще готовъ. Впродолженіи часа, который пришлось здѣсь прождать императору (при чемъ онъ не выказалъ ни малѣйшаго нетерпѣнія) онъ былъ отчасти въ залѣ воксала отчасти на платформѣ — и куря одну сигару за другой, весело болталъ съ различными лицами.

Полученная депеша отъ воспитателя его сына, который испрашивалъ его приказаній, нѣсколько вывела его изъ этого беззаботнаго состоянія. Тѣнь горестновозбужденной отцовской любви промелькнула по его блѣдному лицу, но это было только на одно мгновеніе, послѣ чего лицо его опять приняло прежнее беззаботное выраженіе. Въ это же самое время въ Парижѣ беззвучно и тихо разрушался императорскій престолъ. Императрица искала спасенія въ бѣгствѣ. Не предчувствовалъ ли этого ея супругъ? Можетъ-быть для него это безразлично? Безъ сомнѣнія.

Наконецъ поѣздъ былъ готовъ, императоръ вмѣстѣ съ приближенными помѣстился въ назначенный для него вагонъ и быстро помчался черезъ Марлои въ Люттихъ.

Мимо многихъ станцій поѣздъ пролеталъ съ быстротою молніи, такъ что тысячи любопытныхъ, которые осаждали платформы, къ крайнему своему горю и разочарованію не видѣли ничего, кромѣ мелькающаго мимо ихъ ряда вагоновъ.

Въ Жемеллѣ императоръ имѣлъ короткое свиданіе съ принцомъ Пьеромъ Бонапартомъ, изъ котораго потомъ нѣкоторыя газеты выкроили довольно трогательную сцену, противъ чего принцъ Пьеръ сильно возставалъ, доказывая ея вымышленность.

Далѣе небольшая остановка въ Люттихѣ, потомъ въ Вервье, гдѣ императоръ до гостинницы, въ которой долженъ былъ ночевать, доѣхалъ въ простыхъ дрожкахъ. На слѣдующее утро баронъ Шазаль далъ ему въ послѣдній разъ почетный конвой, который затѣмъ уже состоялъ изъ 8 ми пѣшихъ и 16-ти конныхъ жандармовъ подъ начальствомъ одного офицера.

Путешествіе черезъ Бельгію было кончено. Послѣднія проявленія симпатіи, которыя въ землѣ дружественной Франціи выражались иногда виватами императору и французамъ, смолкли. Теперь, съ переходомъ за нѣмецкую границу, начинается вся строгость положенія для императора-плѣнника. Но современное обращеніе съ плѣнными кротко и мягкосердечно.

А поѣздъ все быстрѣе и безостановочнѣе движется впередъ съ своей блестящей побѣдной трофеей.

Въ мягкихъ, качающихся подушкахъ кресла сидитъ падшій императоръ, обыкновенно глядя неподвижно въ сторону и повременамъ пуская кольца дыма изъ своей сигары. Онъ въ полной генеральской формѣ, только безъ шпаги; грудь его увѣшана многими орденами, на головѣ же нѣсколько небрежно надѣта красная, шитая золотомъ, кепи французскихъ солтатъ. Вдругъ поѣздъ останавливается, глаза императора невольно обращаются къ окну—и онъ видитъ сцену, предъ которой не можетъ устоять. Прямо противъ его окна стоятъ вагоны, биткомъ набитые французскими солдатами, по большей части неранеными, которыхъ стерегутъ пруссаки въ каскахъ, увѣнчанныхъ лавровыми вѣнками. Но слишкомъ поздно спускать занавѣски; онъ вскакиваетъ и становится за спинкою своего кресла, чтобы не быть замѣченнымъ плѣнными. Но вотъ локомотивъ свиснулъ, и поѣздъ снова гордо помчался мимо всѣхъ темныхъ, неизвѣстныхъ плѣнныхъ.

И такъ тянется этотъ поѣздъ мрачно и безмолвно по нѣмецкой землѣ,—по той землѣ, которую императоръ въ своемъ воображеніи побѣдоносно проходилъ такъ же быстро, какъ быстро несъ его теперь этотъ поѣздъ къ назначенному великодушіемъ короля прусскаго мѣстопребыванію.

Вотъ промелькнули Кельнъ, Дюссельдорфъ, Гиссенъ, вотъ проѣхали и Марбургъ, гдѣ для императора въ минуту приготовили чай, наконецъ стали выясняться среди вечерняго освѣщенія очертанія замка, расположеннаго на лѣсистой возвышенности. Это Вильгельмсгеэ.

Было около 10 часовъ вечера, 5-го сентября, когда поѣздъ прибылъ туда. Императоръ былъ встрѣченъ высшими гражданскими и военными чинами—съ почестью, которая ему до этихъ поръ принадлежала. Солдаты сдѣлали на караулъ, барабанщикъ и горнистъ заиграли маршъ, высшіе же чины стали поочередно представляться. Плѣнникъ усѣлся въ двупарную карету и отправился въ свою ярко-освѣщенную темницу. Карета катилась подъ широкою аркою, находившеюся между главнымъ зданіемъ и лѣвымъ флигелемъ его, и остановилась у всхода съ колонадою, гдѣ императоръ и вышелъ въ то время, когда отрядъ фузелеровъ стуча оружіемъ отдавалъ на караулъ.

Такъ вступилъ Луи-Бонапартъ въ тотъ самый нѣмецкій замокъ (выстроенный въ 1787 году тогдашнимъ ландграфомъ, впослѣдствіи сдѣлавшимся курфюрстомъ Вильгельмомъ), который нѣкогда служилъ впродолженіи семи лѣтъ резиденціей для дяди его Іеронима — и носившій тогда названіе Наполеонсгеэ. Все напоминаетъ плѣннику объ этомъ прошедшемъ, веселомъ, но трагически кончившемся времени. Комнаты украшены цѣлымъ рядомъ портретовъ коронованныхъ особъ, посреди которыхъ находится и портретъ самого Іеронима (рисованный знаменитымъ французскимъ живописцемъ барономъ Гpaccъ), который здѣсь представленъ въ одѣяніи рим-

скаго императора, тогѣ, съ короткимъ мечомъ и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.

Въ этомъ прелестно-расположенномъ замкѣ короля Вильгельма пребываетъ теперь только тѣнь прежняго императора, могущественнаго повелителя французовъ. Всѣ удобства и роскошь, которыя окружали его впродолженіи двадцати лѣтъ, окружаютъ его и теперь, причемъ ему оказывается все та же царская почесть. Каждый день можно видѣть его прогуливающимся въ сопровожденіи своихъ генераловъ и высокихъ гостей, по прелестнымъ паркамъ Касселя, вѣчно веселымъ, вѣчно блистающимъ.

Часто онъ останавливаетъ идущихъ изъ школы дѣтей, въ особенности маленькихъ дѣвочекъ, которыхъ распрашиваетъ о ихъ родителяхъ, занятіяхъ и т. д.

Но этотъ наружный обманчивый видъ беззаботности совершенно измѣняется, когда онъ находится одинъ, и молча сидитъ или стоитъ. Если взглянутъ на него въ эти минуты, то является въ очію вся его надломленность и немощность.

Очерки Кавказа.

(*Окончаніе*).

Отъ Тифлиса до Мцхета.

Другое мѣстное преданіе, подтверждая о существованіи сторожевой башни, приписываетъ основаніе храма другому: въ башнѣ поселился грузинъ неизвѣстнаго происхожденія; онъ велъ жизнь благочестивую, задумалъ построить церковь и сталъ собирать для этого камни съ ближайшихъ мѣстъ; жители Мцхета и окрестностей, глядя на него и узнавъ о его намѣреніи, захотѣли помогать ему, навозили на гору дикаго краснваго камня и приступили къ постройкѣ. Начавшій это строеніе не дожилъ до его окончанія; но дѣло его продолжали съ усердіемъ, и въ новосозданномъ храмѣ похоронили прахъ основателя; память его сохраняется въ уваженіи у мѣстныхъ жителей.

Кура здѣсь широка и красива; теченіе ея плавно, какъ на плоскости. Прозрачныя воды Арагвы на большомъ протяженіи рѣзко отдѣляются широкою полосою отъ мутной воды Куры. У самой станціи черезъ нее переброшенъ прекрасный каменный мостъ, сооруженный при главноуправлявшемъ Грузіею генералѣ Головинѣ, инженеръ-подполковникомъ Терминымъ (генералъ-маіоръ). Близъ новаго моста видны развалины древняго, построеніе котораго относятъ ко времени Помпея. Тутъ же небольшой, красивый памятникъ. Разсказываютъ, что здѣсь погребенъ архитекторъ — туземецъ. Онъ предсказалъ себѣ смерть съ окончаніемъ постройки моста, что и сбылось. Туземцы съ уваженіемъ чтятъ память умершаго.

На всемъ постепенно-возвышающемся пространствѣ отъ Тифлиса до Мцхета не много заселенныхъ мѣстъ: Дигоми, Глдани, Верхнія и Нижнія Авчалы, да еще маленькая колонія Александерсдорфъ — и только. Въ нихъ видны и зелень, и сады, и деревья; да мѣстами, на склонѣ горъ, кой-гдѣ темнѣетъ тощій лѣсокъ или кустарникъ. Есть и озера — два на правой сторонѣ Куры и четыре на лѣвой. Они находятся на возвышеніяхъ, между холмами, и образуются отъ тающихъ снѣговъ и весеннихъ дождей; лѣтомъ они высыхаютъ, оставляя на днѣ горьковатую соль, признакъ безплодности почвы.

Пройдя полторы версты отъ моста, мы достигли города Мцхета, по преданію построеннаго Скитосомъ, правнукомъ Ноаха. Команда размѣстилась по духанамъ, сараямъ и конюшнямъ; мнѣ отвели какой-то чуланъ безъ оконъ, а свѣтъ проходилъ черезъ маленькое отверстіе. Въ дверь сквозило, вездѣ грязь и сырость. Помѣщеніе далеко не комфортабельное! Стараніе размѣститься поудобнѣе въ отведенномъ мнѣ чуланѣ было напрасно; чтобы скоротать какъ-нибудь эту ночь, не обѣщавшую мнѣ успокоенія, я отправился въ духанъ — тамъ было много народа; но нашлась коморка и для меня, гдѣ я и расположился закусить. Минутъ черезъ пять явился, въ щегольскомъ азіятскомъ костюмѣ, пожилыхъ лѣтъ грузинъ. Вѣжливо испросивъ позволеніе помѣститься со мной, онъ усѣлся на противоположную скамейку. Я доволенъ былъ, что есть съ кѣмъ поговорить, и началъ жалобою на неудобство своего помѣщенія.

— Чего же вы хотите здѣсь? Рыба ищетъ, гдѣ глубже; человѣкъ, гдѣ лучше. Не по приказу высшихъ властей устроиваются долго цвѣтущіе города. Хорошо выбрано мѣсто, условія жизни не слишкомъ тяжки, — ну, и живутъ люди. А стало въ немоготу, — ну, и переселились.

— Однакожь прежде здѣсь жили люди—и въ довольствѣ. Вонъ какой храмъ построили — большой, богатый!

— Было это, да давно. Храмъ этотъ — соборъ, построенный при царѣ Багратѣ III *). Тамерланъ разорилъ его. И долго спустя, въ пятнадцатомъ столѣтіи возобновили его приношеніями богомольцевъ. И городъ возобновился попеченіями царей, которые здѣсь жили и короновались.

— Когда же и отчего онъ опять пришелъ въ упадокъ?

— Почти въ то же время, какъ турки взяли у грековъ Константинополь, наши цари переселились въ Тифлисъ, а за ними и жители. Тифлисъ мѣсто хорошее—и сѣрныя горячія воды и все есть — лучше Мцхета. А отчего они переселились? Вѣрно, чтобъ быть подальше отъ безпокойныхъ *сосѣдовъ*. Да, и мѣсто лучше.

— Мцхетъ выше Тифлиса.

— Нѣтъ! Тифлисъ выше! много деревень лучше Мцхета! перебилъ меня съ горячностью грузинъ, вѣроятно желая показать, что онъ хорошо объясняется по русски.

— Вы меня не поняли. Я говорю о мѣстности: гдѣ теперь Тифлисъ—тамъ, надо полагать, было озеро; въ него впадала Кура и другія рѣчки; воды нашли себѣ

*) Баронъ Августъ фонъ-Гакстгаузенъ въ замѣткахъ о Закавказскомъ краѣ (стр. 40 въ примѣч.) говоритъ: «съ царствованія Баграта III, владѣвшаго кромѣ Грузіи и Абхазіею (1000) начинается блестящій періодъ исторіи Грузіи, достигающей высшей степени при царицѣ Тамарѣ въ 1206 г. (которую Грузины всегда называютъ царемъ). Это періодъ національной образованности (уже въ 1064 году сочиненія Платона и Аристотеля переведены на грузинскій языкъ) и образованія собственно Грузинскаго архитектурнаго стиля, на основаніи Византійскаго. Мцхетскій соборъ выстроенъ въ это время».

новый исходъ—и наконецъ обнажилась долина, удобная для жительства.

Грузинъ вытаращилъ глаза и подозрительно посматривалъ на меня. Я понялъ, что напрасный трудъ будетъ объяснять ему образованіе земной коры, и вскользь выразилъ мысль, что рѣка Кура можетъ-быть раздѣлила горы нѣкогда составлявшія одно цѣлое, и образовала горы параллельныя и схожія на обоихъ своихъ берегахъ, на лѣвомъ Метехъ и Авлабаръ, на правомъ—Салалакъ и Тоборисъ.

— Нѣтъ! возразилъ онъ:—Метехъ—гора, а Тобърисъ—сама по себѣ; милліоны лѣтъ надо было, чтобъ размыть такую каменную гору; а міръ и всего-то существуетъ менѣе 8 тысячъ лѣтъ.

Не желая пускаться въ споры, во всякомъ случаѣ не имѣющіе осязательныхъ и математически-твердыхъ доказательствъ, и никогда не приводящіе къ доброму концу, я высказалъ такое мнѣніе:

— Зачѣмъ-же милліоны лѣтъ? Землетрясеніе дѣлаетъ такую-же работу въ нѣсколько минутъ.

Нахмуренное чело грузина прояснилось.

— А я думалъ, началъ онъ:—вы изъ числа тѣхъ, которые любятъ морочить себя и людей... Эти, ваши ученые доучились до того, что у нихъ умъ за разумъ зашелъ—такъ что имъ и Бога нѣтъ: все одна только матерія!... Матерія шелковая, матерія бумажная, матерія на ранѣ, матерія весь міръ... Чортъ знаетъ что городятъ! Да кто-же создалъ матерію? И кто сдѣлалъ изъ одной матеріи такое разнообразіе существъ? Кто далъ имъ наконецъ то орудіе изученія матеріи, тотъ умъ, которымъ они доискиваются создателя, или первозданной матеріи, по ихнему, изъ которой все само-собою образовалось?

— Успокойтесь. Я и самъ не уважаю господъ, которые думаютъ доказать силу своего ума, своими нападками на благодѣтельную для человѣчества религію. Они напоминаютъ мнѣ *моську лающую на слона* нашего Крылова. По моему, прекрасное зданіе, умная книга сами говорятъ за себя и за своихъ творцовъ. Я когда-то читалъ у Бюффона: если вы увидите въ степи прекрасное покинутое зданіе, построенное по всѣмъ правиламъ архитектуры, кто увѣритъ васъ, что это игра слѣпаго, неразумнаго случая? не скажете ли вы, что здѣсь были люди — и люди съ умомъ? И я такъ думаю. Какъ скоро зданіе, книга хороши,—я уважаю ихъ творцовъ, хотя бы и въ глаза ихъ не видалъ, и по имени не зналъ. Но что̀ можетъ быть прекраснѣе и удивительнѣе зданія вселенной! какая книга такъ изобильна великими мыслями, возвышающими духъ человѣчества и могущими привесть его къ высшему благу, какъ евангеліе! И такъ я, безъ малѣйшаго сомнѣнія, одинаково обожаю автора вселенной и творца евангелія, или прямѣе сказать, то и другое почитаю дѣломъ одного Бога.

— Вотъ вы—человѣкъ; а тѣ—развѣ люди? не изверги-ли они неблагодарные, что хотятъ отнять честь у божественнаго страдальца, искупителя нашего и учителя любви? Вотъ и въ нашемъ соборѣ хранится частица ризы Господней; для насъ — это неоцѣнимое сокровище; для нихъ, что для пѣтуха жемчужное зерно.

Мы разстались друзьями.

П. Бугайскій.

Водородъ и вода въ природѣ и хозяйствѣ.

(очеркъ домашней химіи).

Знаменитый французскій химикъ Лавуазье первый доказалъ что вода не «стихія» (т. е. не неразлагаемое тѣло), а тѣло составленное изъ двухъ газовъ: кислорода и водорода. Съ тѣхъ поръ однимъ изъ любимыхъ опытовъ химиковъ стало разложеніе воды.

Это обыкновенно дѣлается съ помощью котораго нибудь изъ веществъ, жадно втягивающихъ въ себя кислородъ; всего удобнѣе употреблять для этого натрій. Это—металлъ одаренный весьма любопытными свойствами. Онъ легче воды—и плавая на ней съ такой жадностью притягиваетъ кислородъ, что соединяется нимъ, и образуетъ окись натрія, производя пламя. Еще другой способъ состоитъ въ томъ, чтобъ разведенную водой кислоту лить на цинкъ или другой металлъ, причемъ металлъ растворяется кислотой, т. е. кислородъ, содержащійся въ водѣ превращаетъ его въ окись, которая затѣмъ, въ соединеніи съ кислотой, образуетъ соль, между тѣмъ какъ водородъ освобождается.

Послѣдній процесъ представляется намъ между прочимъ въ старинномъ зажигательномъ снарядѣ, въ которомъ кусокъ цинка погружается въ разведенную водой сѣрную кислоту, превращается въ сѣрнокислую окись цинка (болѣе извѣстную подъ названіемъ цинковаго купороса) и освобождаетъ водородъ. Этотъ способъ кромѣ того указываетъ намъ на нѣкоторыя свойства водорода. Подобно кислороду, это неуловимый глазу газъ, вещественность котораго доказывается лишь его дѣйствіями. Если тихонько выпускать водородъ изъ заостренной трубочки и зажигать, онъ горитъ слабо свѣтящимъ огнемъ. Если на пламя опрокинуть просторный пустой стаканъ, мы убѣдимся, что водородъ при горѣніи (т. е. соединеніи съ кислородомъ) опять-таки образуетъ воду, потому что влага садится на стѣнки сосуда и вскорѣ сбѣгаетъ съ нихъ каплями. Вода состоитъ изъ химическаго соединенія (не простаго смѣшенія) 8 долей кислорода и 1 доли водорода, если считать на вѣсъ; если же на мѣру — то изъ 1 доли кислорода и 2 долей водорода. Изъ этого видно, какъ много легче водородъ въ сравненіи съ кислородомъ и воздухомъ. Это еще доказывается тѣмъ, что если на стеклянный сосудъ, наполненный водородомъ, поставить другой пустой, т. е. наполненный воздухомъ,—водородъ поднимается въ верхній. Ради этой легкости, его прежде употребляли для надуванія воздушныхъ шаровъ, тогда какъ теперь обыкновенно берутъ простой свѣтильный газъ (водоуглеродъ). Горючесть водорода дѣлается несравненно сильнѣе, отъ смѣшенія (но не химическаго соединенія) съ кислородомъ. Оба вмѣстѣ тогда образуютъ такъназываемый гремучій газъ, который при воспламененіи можетъ произвести сильные взрывы и развиваетъ такую теплоту, что, выдувая его изъ заостренныхъ трубъ, его употребляютъ для разныхъ промышленныхъ надобностей. Онъ расплавляетъ платину какъ воскъ, сжигаетъ желѣзную проволоку, разсыпая искры, и до того накаляетъ небольшіе мѣловые шары, что они испускаютъ ослѣпительный свѣтъ. При всѣхъ этихъ способахъ го-

рѣнія, водородъ всегда опять производитъ воду — къ которой мы теперь и обратимся.

Всѣ газы—кислородъ, углеродъ, углекислота и пр.—находятся въ вѣчномъ круговращеніи по всей природѣ; тоже самое можно сказать и о водѣ, съ той разницей, что вода совершаетъ это круговращеніе гораздо нагляднѣе чѣмъ большая часть другихъ газовъ. Вездѣ и всегда вода превращается въ паръ и уходитъ въ воздухъ. Какъ съ поверхности моря, такъ точно съ влажной поверхности земли отъ солнечной теплоты испаряется вода, люди и животныя выдыхаютъ, растенія испаряютъ ее, и пр. и пр.—и весь этотъ водяной паръ (который разносится вѣтрами и отчасти видимо носится въ высшихъ слояхъ воздуха въ образѣ облаковъ и тучъ) возвращается на землю, благодаря процесу охлажденія, въ видѣ тумана, росы, дождя, инея, снѣга или града. Только часть этой воды опять уносится къ морю рѣками. Другая, еще меньшая часть отъ теплоты тотчасъ же опять обращается въ паръ. Далеко бо́льшая часть всасывается поверхностью земли, чтобы потомъ частью постепенно опять испариться, частью накопиться и образовать ключи, источники, рудники, частью наконецъ быть употребленной растеніями, людьми и животными.

Проникая различные слои земли, вода, осажденная атмосферой, т. е. сгущенная въ какомъ-нибудь видѣ, растворяетъ разнообразныя минеральныя вещества; главнѣйшія изъ этихъ веществъ заключаются въ многочисленныхъ соединеніяхъ разныхъ земель, щелочей и металловъ, какъ напримѣръ—поваренная соль, углекислая известь, углекислая магнезія или горькоземъ, углекислая окись желѣза, сѣрнокислая известь или гипсъ, сѣрнокислая магнезія, кремнеземъ и пр. По сдѣланнымъ химическимъ анализамъ оказывается, что вода разныхъ источниковъ содержитъ среднимъ числомъ отъ $6^7/_{10}$ до 130 вѣсовыхъ долей минеральныхъ частицъ на 100,000 вѣсовыхъ долей воды. Исключеніе составляютъ только немногіе источники, выходящіе изъ гранита или песчаника,—эти источники почти что свободны отъ минеральныхъ примѣсей.

Всѣ эти минеральныя частицы, входящія въ составъ воды, равно какъ всасываемые ею различные газы (углекислота, амміакъ и пр.) играютъ большую роль въ экономіи природы. Ихъ принимаютъ въ себя растенія, которымъ они существенно пригождаются для питанія ихъ организма. Животныя въ свою очередь воспринимаютъ ихъ изъ съѣдаемыхъ растеній; а мы-люди — изъ мяса животныхъ, изъ растеній, которыми мы питаемся, а также въ гораздо меньшей мѣрѣ непосредственно изъ воды.

Большое или меньшее количество минеральныхъ примѣсей мало имѣетъ вліянія на годность воды, назначаемой для питья. За то весьма важно соблюденіе нѣкоторыхъ другихъ условій. Хорошая вода для питья не должна имѣть ни запаха, ни вкуса, должна быть совершенно свѣтла и прозрачна. Чѣмъ больше на поверхность ея выскакиваетъ маленькихъ пузырьковъ, тѣмъ лучше. Химія поучаетъ насъ, что эти пузырьки ничто̀ иное какъ углекислота,—а извѣстно, что чѣмъ больше вода содержитъ углекислоты, тѣмъ она дѣйствуетъ прохладительнѣе и благотворнѣе.

Но какъ ни велика потребность въ хорошей водѣ, обыкновенно относятся къ ней весьма небрежно и безпечно. Въ этомъ отношеніи намъ не мѣшало бы поучиться у древнихъ. Вездѣ, куда ни проникали римляне, они первымъ дѣломъ строили водопроводы, что̀ представляло гораздо больше затрудненій въ то время, когда не было ни пара ни другихъ техническихъ и механическихъ вспомогательныхъ средствъ, изобрѣтенныхъ нашимъ вѣкомъ. Нетолько водопроводы насилу вошли въ общее употребленіе, но даже рѣчи нѣтъ о разумномъ гигіеническомъ обращеніи съ колодцами. А между тѣмъ это крайне необходимо. Колодезь, обыкновенно-дающій хорошую здоровую воду, портится если запустить его, — наприм., если мало употреблять его. Вода приходитъ въ застой—и отъ этого содержащіяся въ ней животныя и растительныя частицы начинаютъ гнить; кромѣ того въ водѣ развиваются зародыши микроскопическихъ растеній или животныхъ, умираютъ и тоже производятъ гніеніе; или наконецъ накопляются слизистыя или илистыя вещества, отъ которыхъ вода тоже портится. Самое простое средство—усердно выкачивать воду; еще лучше учинить радикальную чистку колодца, для чего никакъ не ждать чтобы вода получила дурной запахъ и вкусъ, потому что это уже означаетъ давнишнюю порчу.

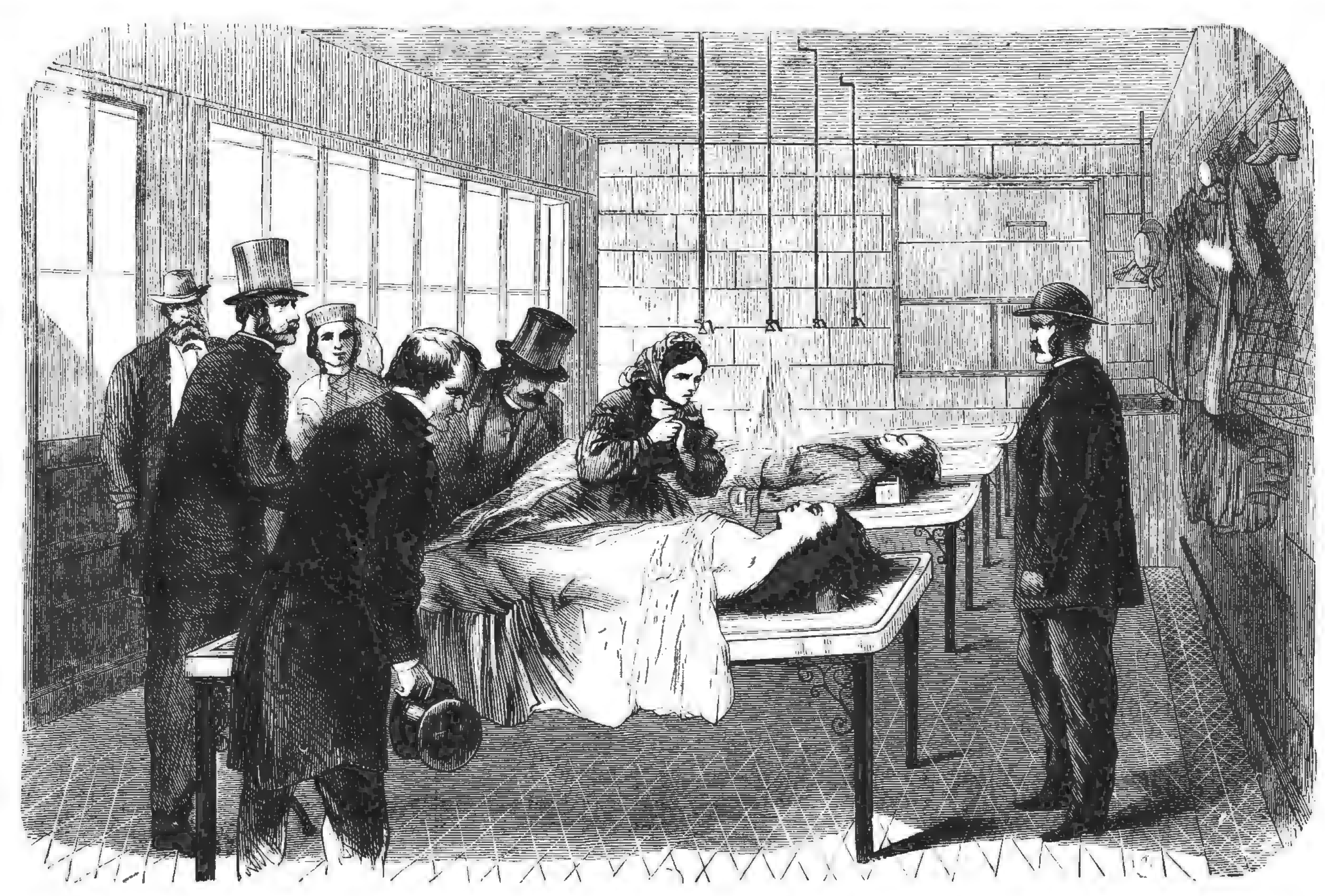
Есть также множество искуственныхъ средствъ, которыми можно сохранить или исправить воду для питья. Главное изъ этихъ средствъ безспорно желѣзо. Если положить въ воду куски этого металла въ формѣ представляющей какъ можно больше поверхности — всего лучше проволоки или пластинокъ—въ пропорціи 1—2 вѣсовыхъ долей на 1000 вѣсовыхъ долей воды, это очищаетъ воду, образуя осадокъ изъ всѣхъ органическихъ примѣсей, а также охраняетъ ее отъ порчи. Это средство употребляется съ большимъ успѣхомъ для комнатныхъ акваріевъ, для воды въ которой держатъ піявокъ и пр. Но не надо забывать хотя изрѣдко чистить желѣзо пескомъ для предохраненія отъ ржавчины. Другое общеизвѣстное средство исправлять дурную воду—это пропусканіе ея сквозь песокъ или уголь. Въ случаѣ, если приходится пить очень дурную воду, не имѣя никакихъ средствъ къ очищенію, слѣдуетъ всыпать въ нее хотя маленькое количество содоваго порошку.

Сосуды, въ которыхъ держатъ воду, тоже требуютъ большаго выбора и присмотра. Для храненія домашняго запаса воды обыкновенно употребляютъ деревянныя кадки. Надо однако строго наблюдать, чтобы онѣ были крашены только снаружи, отнюдь не извнутри,—потому что, съ одной стороны, лакъ сообщаетъ водѣ непріятный вкусъ, съ другой—масляныя краски обыкновенно содержатъ ядовитыя свинцовыя соединенія, которыя вода болѣе или менѣе принимаетъ въ себя. Въ стеклянныхъ сосудахъ вода слишкомъ скоро нагрѣвается — и черезъ это исчезаетъ изъ нея всякій слѣдъ углекислоты. Поэтому хорошо было бы ввести въ общее употребленіе ноздреватые глиняные сосуды, которые служили для этого въ древности и теперь еще служатъ въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. — Египтѣ, Испаніи, Венгріи. Всего лучше, конечно, брать воду къ столу прямо изъ колодца или фонтана, если только есть къ тому возможность.

Хотя въ самое новѣйшее время перестали употреблять свинцовыя водопроводныя трубы, или препарируютъ ихъ по новому способу такъ, что внутренняя поверхность ихъ превращается въ сѣрнистый свинецъ (который не растворяется въ водѣ, слѣдовательно не ядовитъ), однако все-таки лучше имѣть вѣрное средство узнать, есть ли въ водѣ свинецъ. Это средство—растворъ сѣрнистаго водорода въ водѣ (который можно получить во всякой аптекѣ); достаточно влить въ сомнительную

воду нѣсколько капель; если она приметъ темную окраску, присутствіе врага доказано. Вполнѣ вѣрнаго химическаго средства—для распознанія вредности воды вообще—къ несчастію еще не открыто.

Совершенно другія условія требуются отъ воды, имѣющей служить не для питья, а для разныхъ хозяйственныхъ надобностей. Тутъ весьма мало принимаются въ соображеніе микроскопическія нечистоты и большинство минеральныхъ примѣсей—и только нѣкоторыя изъ послѣднихъ неудобны. Вопросъ тутъ въ томъ, жестка ли или мягка вода. Жесткая вода—т. е. такая, которая содержитъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ растворъ известковой соли или горькозема—не годится напр. для стирки бѣлья; на нее идетъ такъ много мыла, что поэтому одному уже надо стараться исправить ее. Обыкновенно соли, придающія ей эту жесткость, состоятъ изъ углекислыхъ соединеній; такую воду достаточно вскипятить, и дать постоять ночь. Если это не помогаетъ, значитъ вода содержитъ гипсъ или сѣрнокислую известь, или горькоземныя соли. Тогда надо растворить въ ней соды, и тоже дать постоять ночь.

Помѣщеніе для скоропостижно-умершихъ въ Нью-Йоркѣ.

Политическое обозрѣніе.

Капитуляція Меца, послѣдовавшая 27-го октября, есть безъ сомнѣнія величайшее событіе настоящей войны. Армія Базена, державшаяся два мѣсяца въ неприступномъ Мецѣ («дѣвственномъ», какъ называли его, потому что онъ никогда не былъ взятъ непріятелемъ), сдалась на капитуляцію на условіяхъ капитуляціи Седана и Страсбурга. Оружіе положили три маршала (Базенъ, Канроберъ и Лебёфъ), 66 генераловъ, 6,000 офицеровъ и 173,000 солдатъ. При этомъ въ Мецѣ взято 53 орла со знаменами, 541 полевое орудіе, 800 крѣпостныхъ, 66 картечницъ, 300,000 ружей, около 2,000 военныхъ фуръ, пороховой заводъ и проч.

Событіе это, безпримѣрное въ лѣтописяхъ военной исторіи, и долженствующее имѣть рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ войны, возбудило (какъ и слѣдовало ожидать) множество толковъ, разсказовъ и недоумѣній. Въ нѣмецкихъ офиціальныхъ и офиціозныхъ газетахъ сдача Меца представляется естественнымъ послѣдствіемъ голода, котораго не въ состояніи была долѣе выдерживать запертая въ немъ армія; прочія же газеты—англійскія, бельгійскія, австрійскія и нѣкоторыя независимыя нѣмецкія—или останавливаются въ недоумѣніи передъ такимъ неслыханнымъ событіемъ не имѣя возможности объяснить себѣ, какимъ образомъ армія болѣе чѣмъ въ полтораста тысячъ человѣкъ могла положить оружіе передъ арміей въ 220 тысячъ (по указанію нѣмецкихъ газетъ такова была численность арміи принца Фридриха Карла, облегавшей Мецъ),—или прямо называютъ сдачу Меца измѣной Базена, который дѣйствовалъ въ согласіи съ павшимъ императоромъ, въ видахъ возстановленія Наполеоновской династіи (въ лицѣ ли самого Наполеона III или его сына), при чемъ онъ, Базенъ, надѣялся захватить въ свои руки регентство или во всякомъ случаѣ, предводительствуя единственною регулярною арміей, которая еще оставалась во Франціи, играть самую важную политическую роль. Послѣд-

нее предположеніе повидимому подтверждается переговорами, предшествовавшими капитуляціи Меца, которые отъ имени Базена велъ его начальникъ штаба, генералъ Бойе, ѣздившій въ главную квартиру прусскаго короля, имѣвшій тамъ свиданіе съ графомъ Бисмаркомъ, и потомъ посѣтившій императрицу Евгенію въ Чизельгорстѣ (настоящемъ ея мѣстопребываніи близъ Лондона), гдѣ въ тоже время находился и уполномоченный Наполеона III, только что прибывшій туда изъ Вильгельмсгеэ, докторъ Конно.

Послѣ сдачи Меца, императрица Евгенія и плѣнные маршалы съѣхались въ Вильгельмсгеэ. По возвращеніи генерала Бойе въ Мецъ и послѣдовала капитуляція французской арміи. Переговоры о ней открылись 25-го сентября поѣздкой престарѣлаго генерала Шангарнье въ главную квартиру принца Фридриха Карла; за тѣмъ они продолжались въ замкѣ Фрескати близъ Меца, гдѣ 27-го и подписана была капитуляція французскимъ генераломъ Жаррасомъ и начальникомъ штаба нѣмецкой арміи генераломъ фонъ-Штиле. Масса французскихъ плѣнныхъ будетъ отправлена партіями въ Германію, а освобожденная нѣмецкая армія получитъ другое назначеніе; часть оной уже отправилась къ Парижу на усиленіе арміи, осаждающей столицу; три корпуса, составляющіе первую армію, пойдутъ на Лилль для занятія Пикардіи, Нормандіи и Бретани; самъ же принцъ Фридрихъ Карлъ, возведенный королемъ за взятіе Меца въ фельдмаршалы (вмѣстѣ съ нимъ тоже званіе получилъ и наслѣдный принцъ Прусскій), останется главнокомандующимъ второю арміей, которая займетъ центральное положеніе и главная квартира коей будетъ въ Труа.

Во Франціи капитуляція Меца произвела вообще самое тяжкое и потрясающее впечатлѣніе; сколько можно судить по извѣстіямъ англійскихъ газетъ, общественное мнѣніе тамъ прямо обвиняетъ Базена въ измѣнѣ, что очевидно изъ прокламаціи г. Гамбетты, министра внутреннихъ дѣлъ и военнаго при отдѣленіи временнаго правительства въ Турѣ, который клеймитъ позоромъ измѣнниковъ-маршаловъ, и взываетъ ко всей націи, чтобы она еще дружнѣе соединилась для отпора врагамъ. Тоже свидѣтельствуетъ и корреспондентъ «Daily News», присутствовавшій при капитуляціи Меца; по его словамъ всѣ жители, даже женщины громко называли Базена измѣнникомъ, а равно и солдаты, которые съ негодованіемъ ломали и бросали оружіе, проклиная своего маршала, такъ нагло ихъ обманувшаго.

Мы сообщали уже читателямъ, что нѣмецкія арміи обложили Парижъ и разобщили его съ остальнымъ міромъ, такъ что всѣ сношенія парижскаго временнаго правительства съ его отдѣленіемъ въ Турѣ производятся черезъ посредство аэростатовъ. Свѣденія, сообщенныя этимъ путемъ, свидѣтельствуютъ объ энергической рѣшимости парижанъ защищаться до послѣдней крайности; работы по укрѣпленіямъ продолжаются; національные и подвижные гвардейцы, а равно моряки-артиллеристы на фортахъ, окружающихъ Парижъ, дѣйствуютъ неутомимо, и производятъ вылазки, —въ которыхъ, впрочемъ, встрѣчаютъ всегда сильный отпоръ и возвращаются подъ защиту фортовъ съ большими потерями. Самыя значительныя изъ этихъ вылазокъ происходили 11-го, 12-го, 13-го и 21-го сентября. Линіи нѣмецкихъ войскъ расположены кругомъ, внѣ выстрѣловъ съ парижскихъ фортовъ, и главная квартира прусскаго короля находится по прежнему въ Версалѣ. Бомбардированіе Парижа еще не началось, потому что подвозъ осадныхъ орудій сопряженъ съ большими затрудненіями; насколько извѣстно изъ сообщеній берлинскихъ официозныхъ органовъ—«Крестовой Газеты» и «Norddeutsche Allgemeine Zeitung»—все уже готово къ бомбардированію, которое и должно начаться около половины ноября, если только оно не будетъ отсрочено перемиріемъ, о заключеніи котораго уже получены телеграфныя извѣстія.

Мы сообщали уже, что вопросъ о перемиріи былъ возбужденъ тотчасъ по обложеніи Парижа, и что переговоры о немъ происходили 20-го сентября въ Ферьерѣ между графомъ Бисмаркомъ и г. Жюлемъ Фавромъ; цѣлію перемирія было созваніе учредительнаго собранія, которое представило бы собою правильную власть во Франціи и могло бы приступить къ заключенію прямаго мира. Читателямъ извѣстно, что переговоры эти не имѣли результата и что французское временное правительство не приняло условій, предложенныхъ сѣверо-германскимъ канцлеромъ. Но послѣ того пали Страсбургъ, Мецъ; огромныя пространства французской территоріи заняты были нѣмецкими войсками, и положеніе Франціи значительно ухудшилось. Графъ Бисмаркъ, циркуляромъ отъ 16-го октября, обратилъ вниманіе европейскихъ кабинетовъ на тѣ бѣдствія, которымъ подвергнется Франція въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія Парижа, которое грозитъ сотнямъ тысячъ населенія голодною смертью. Слѣдствіемъ этого циркуляра было предложеніе (по инициативѣ Англіи) нейтральныхъ державъ о возобновленіи переговоровъ насчетъ перемирія и созванія учредительнаго собранія. Турское отдѣленіе правительства поручило эти переговоры г. Тьеру, тоько что возвратившемуся изъ своей поѣздки къ европейскимъ дворамъ; 1-го ноября онъ прибылъ въ Версаль, откуда, получивъ пропускной видъ изъ главной прусской квартиры, отправился въ Парижъ и на 3-е ноября въ ночь возвратился оттуда обратно въ Версаль, окончивъ свои совѣщанія съ временнымъ правительствомъ, которое уполномочило его вступить въ переговоры о перемиріи, на основаніяхъ предложенныхъ Англіей. 3-го г. Тьеръ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ графомъ Бисмаркомъ, который отдалъ ему визитъ. Телеграммы, изъ которыхъ мы заимствуемъ эти краткія извѣстія, присовокупляютъ, что 4-го ноября перемиріе подписано, что Парижъ дозволено снабжать продовольствіемъ и что учредительное собраніе предположено созвать на 25-е ноября.

Между тѣмъ въ Парижѣ извѣстіе о перемиріи произвело волненіе, и 31-го октября произошла передъ *Hôtel de Ville* вооруженная манифестація.. Недовольные, во главѣ коихъ находились гг. Доріанъ, Ледрю Ролленъ, Викторъ Гюго и Флурансъ, сформировали комитетъ общественнаго спасенія парижской общины. Члены временнаго правительства задержаны были плѣнниками. Далѣе телеграмма, изъ которой мы заимствуемъ эти подробности, сообщаетъ, что въ прокламаціи, изданной генераломъ Трошю 1-го ноября, сказано, что члены правительства были задержаны плѣнниками около 8 часовъ вечера, —что генерала Трошю, гг. Эммануэля Араго и Ферри освободилъ изъ рукъ мятежниковъ 106-й баталіонъ національной гвардіи, а гг. Жюль Фавръ, Гарнье-Пажесъ и Жюль Симонъ остались плѣнниками. Въ три часа утра эти прискорбныя сцены окончились вмѣшательствомъ національной гвардіи, во множествѣ собравшейся вокругъ *Hôtel de Ville* подъ начальствомъ г. Жюли Ферри. Національная гвардія очистила *Hôtel*

de Ville и заняла всѣ входы къ нему. Она съ неописаннымъ восторгомъ привѣтствовала генерала Трошю, когда онъ проходилъ передъ баталіонами. Прокламація генерала Трошю оканчивается слѣдующими словами: «Съ перемиріемъ, предложенныкъ сегодня, соединены другія преимущества, которыя Парижъ оцѣнитъ безъ того чтобъ ихъ нужно было пояснять — и вотъ за это-то упрекаютъ правительство въ слабости, чуть не въ измѣнѣ! Сегодня спокойствіе совершенно возстановлено. Гг. Гарнье-Пажесъ, Пельтанъ и Тамирье больны вслѣдствіе насилій, которымъ ихъ подвергли вчера. Дѣйствія Жюля Ферри заслуживаютъ величайшей похвалы». Другая телеграмма, отъ 5-го ноября, сообщаетъ, что въ Парижѣ происходило голосованіе, и результатъ онаго (кромѣ трехъ округовъ) слѣдующій: 442,000 голосовъ отвѣчали *да*, и 49,000 — *нѣтъ*. О чемъ происходило голосованіе—телеграмма не извѣщаетъ, но позволительно предполагать, что вопросъ состоялъ въ томъ, допустить ли перемиріе или нѣтъ.

Въ другихъ мѣстахъ Франціи также происходили волненія; въ Тулузѣ, въ Марселѣ и Ліонѣ дѣло доходило до кровопролитныхъ схватокъ, вслѣдствіе коихъ южные департаменты объявлены на военномъ положеніи.

Во время осады Парижа въ Версалѣ происходили дѣятельные переговоры по вопросу объединенія Германіи и вступленія въ Сѣверо-Германскій Союзъ Баваріи, Виртемберга, Бадена и Гессенъ-Дармштадта. Переговоры эти затянулись вслѣдствіе затрудненій со стороны Баваріи, но затрудненія эти повидимому теперь устранены, если вѣрить сообщеніямъ изъ Версаля въ *Frankfurten Journal* и въ *Wiener Zeitung*, отъ 29-го октября, въ которыхъ «на основаніи» достовѣрныхъ источниковъ говорится, что переговоры пришли къ удовлетворительному результату и что даже утверждено на конференціи, что глава новаго Германскаго Союза будетъ носить титулъ *императора*.

Въ Австро-Венгерской монархіи особенное вниманіе правительства обращаютъ на себя выборы въ Богеміи представителей въ рейхсратъ. До сихъ поръ они еще не кончились, но по послѣднимъ извѣстіямъ большинство оказывается въ пользу *декларанта*, то-есть партіи требующей автономіи чешскаго королевства. Въ Галиціи послѣдовали два важныя назначенія: г. Грохольскій назначенъ министромъ по дѣламъ Галиціи, а графъ Левъ Сапѣга губернаторомъ этой провинціи.

Въ Италіи въ настоящую минуту рѣшается вопросъ о перенесеніи столицы изъ Флоренціи въ Римъ. Когда послѣдуетъ окончательное рѣшеніе — сказать трудно; предполагаютъ, что предварительно оно предложено будетъ на утвержденіе парламента, который имѣетъ собраться 20-го ноября. Слухи носятся, что въ пользу перенесенія столицы высказывается только одинъ изъ министровъ г. Селла, тогда какъ прочіе предполагаютъ отсрочить оное на неопредѣленное время, вслѣдствіе чего легко можетъ произойдти министерскій кризисъ, и даже говорятъ о новой комбинаціи, въ которой будто бы будетъ участвовать г. Раттаци. Между тѣмъ въ Римѣ назначенъ королевскимъ намѣстникомъ извѣстный генералъ Ламармора, бывшій нѣсколько разъ министромъ и даже президентомъ кабинета. Переговоры съ папой относительно такъ-называемаго «modus vivendi» до сихъ поръ не имѣли никакого результата. Пій IX при всякомъ случаѣ протестуетъ противъ занятія Рима, не выѣзжаетъ изъ Ватикана и не принимаетъ къ себѣ генерала Ламармору. Изъ переговоровъ же послѣдняго съ кардиналомъ Антонелли можно заключить, что папа желаетъ, чтобы его считали плѣнникомъ, между тѣмъ какъ итальянское правительство оказываетъ ему всѣ знаки уваженія и всѣ почести, которыя отдаются коронованнымъ особамъ.

Въ Испаніи, повидимому вопросъ объ избраніи короля приближается къ окончанію: корона предложена герцогу Аостскому, второму сыну короля Виктора-Эммануила и принята имъ. Всѣ европейскія державы одобрили этотъ выборъ, который на дняхъ предложенъ будетъ на рѣшеніе кортесовъ, созываемыхъ съ этою цѣлію. Въ утвержденіи этого выбора не сомнѣваются.

Главнѣйшее событіе въ Россіи за послѣднее время есть безъ сомнѣнія циркулярная депеша государственнаго канцлера, князя Горчакова, въ которой излагается державная воля Государя Императора по отношенію къ нѣкоторымъ статьямъ Парижскаго трактата, не разъ нарушавшагося прочими государствами въ ущербъ нашему отечеству. Этою депешею, къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ, они извѣщаются о томъ, что Россія не можетъ долѣе считать себя связанною обязательствами трактата $^{18}/_{30}$ марта 1856 года, и признавая прежнія права Порты на Черномъ морѣ, возстановляетъ свои собственныя, какъ-то: право содержать въ водахъ его военный флотъ, укрѣплять свои берега фортами и проч. Подробное изложеніе этого важнѣйшаго вопроса нашей внѣшней политики будетъ помѣщено въ слѣд. № «Нивы».

Смѣсь.

Помѣщеніе для скоропостижно-умершихъ въ Нью-Йоркѣ.

(См. стр. 717).

Моргой называется зданіе, въ которое сносятся всѣ скоропостижно-умершіе на улицѣ, раздавленные, утопленники,—вообще всѣ тѣ, которыхъ адресъ не извѣстенъ и которые не могутъ быть тотчасъ же отправлены домой. Кто бывалъ въ Парижѣ, тотъ конечно знаетъ домъ печали, къ которому постоянно стекаются сотни людей и со страхомъ всматриваются въ безжизненныя черты мертвецовъ, боясь въ нихъ узнать близкаго или дорогаго человѣка.

Въ Нью-Йоркѣ учреждено также подобное зданіе, значеніе и важность котораго давно уже сознавалось всѣми. Къ несчастію, у насъ въ Петербургѣ до сихъ поръ еще нѣтъ ничего подобнаго, а между тѣмъ, въ виду часто-повторяющихся несчастныхъ случаевъ, не мѣшало бы подумать объ этомъ. Сколько сотенъ людей, которые, разъ потерявъ дорогаго или близкаго человѣка, никогда уже не въ состояніи найдти его.

Морга въ Нью-Йоркѣ представляетъ длинную, четырехъугольную, съ двухъ сторонъ освѣщенную залу, съ каменными стѣнами и дырчатымъ желѣзнымъ потолкомъ. По бокамъ, около самыхъ стѣнъ стоятъ столы отъ четырехъ до шести футовъ длины, на которыхъ и располагаются всѣ эти найденные трупы. Съ потолка идетъ надъ каждымъ изъ столовъ трубка, изъ которой безостановочно струится критановая жидкость и поливаетъ охладѣлые трупы. Позади столовъ находятся вѣшалки, на которыхъ развѣшиваются платья умершихъ. Вообще все устройство этого зданія великолѣпно, чисто и удобно—и представляетъ рѣзкій контрастъ тѣми темными, грязными, мизер-

ными конурками, которыя до сихъ поръ предназначались для этой цѣли.

Чуть-чуть не состоявшаяся дуэль между двумя государями XVII вѣка. Въ 1611 г. король шведскій, Карлъ IX, вызвалъ короля датскаго, Христіана IV, на дуэль слѣдующимъ письмомъ:

«Ты поступилъ не такъ, какъ честный и христіанскій государь. Ты нарушилъ штеттинскій миръ, причинилъ кровопролитіе и взялъ Кальмаръ предательствомъ. Такъ какъ не помогаютъ другія средства, я предлагаю тебѣ поединокъ, по похвальному обычаю древнихъ готовъ. Ты можешь взять съ собою двоихъ изъ твоего дворянства, рыцарей. Я встрѣчу тебя безъ кирассы и латъ, лишь съ шлемомъ на головѣ и мечемъ въ рукѣ. Если ты не явишься, я не буду тебя считать ни за честнаго государя, ни за воина.

«Рисби,

11 августа 1611. Карлъ».

Отвѣтъ на это письмо былъ слѣдующаго содержанія:

«Твое легкомысленное и нескромное письмо было намъ вручено трубачемъ. Мы замѣчаемъ, что каникулы подѣйствовали на твой мозгъ. Что ты говоришь, будто мы нарушили штеттинскій миръ, это ты говоришь неправду. Придетъ время — ты понесешь отвѣтъ передъ Богомъ, не только за эту войну, но и за всю безвинную кровь и за притѣсненіе твоихъ собственныхъ подданныхъ. Что мы, будто-бы, Кальмаръ взяли предательствомъ, это тоже не правда. Мы взяли его какъ подобаетъ честному воину. Стыдиться бы тебѣ надо, что далъ взять у себя подъ-носомъ. Что касается поединка, то ты уже Богомъ побитъ. Теплая печка была бы тебѣ полезнѣе да врачъ, который привелъ бы тебѣ голову въ порядокъ. Стыдно тебѣ такъ нападать на честнаго человѣка.

Кальмаръ,

14 августа 1611. Христіанъ.

Кстати приведемъ еще другой вызовъ того же вѣка, съ отвѣтомъ, совсѣмъ въ другомъ тонѣ; особенно отвѣтъ—такой изощренно-вѣжливый, что сейчасъ видно, какъ тогда уже французы владѣли слогомъ, который подразумѣваетъ совсѣмъ не то, что говоритъ.

Несчастный Карлъ Лудвигъ, курфюрстъ пфальцскій, земли котораго опустошались шайками французскихъ разбойниковъ, и подданные котораго терпѣли ужаснѣйшія притѣсненія и безчеловѣчія отъ французовъ, дошелъ до такого ожесточенія, что въ 1674 г. наконецъ послалъ французскому главнокомандующему, Виконту Тюренну, вызовъ на дуэль. Герой былъ сильно озадаченъ и доложилъ о случившемся королю. Людовикъ XIV запретилъ ему драться. Тюренъ долженъ былъ послать отказъ. Сообщаемъ оба эти весьма интересные документа. Вотъ что курфюрстъ пишетъ Тюренну:

«Милостивый государь!

Если бы вы предводительствовали турками, а не арміей всехристіаннѣйшаго короля, меня не удивляло бы, что мои земли опустошаются огнемъ и мечомъ а мои подданные избиваются съ величайшимъ хладнокровіемъ. Но такъ какъ поджоги не прекращаются, исключая гдѣ уже не могутъ платить контрибуцій, то я убѣждаюсь, что это дѣлается для моего разоренія. Если бы хоть немного подумали о томъ, до какой степени родъ Бульонскій обязанъ моимъ предкамъ, вы хотя сколько-нибудь пощадили бы меня — и тѣмъ сняли бы съ себя хоть нѣкоторую долю своихъ обязательствъ въ отношеніи нашего дома, которому вы обязаны вашимъ возвышеніемъ. Самъ отецъ вашъ радъ былъ, что мы даровали ему наше покровительство и безопасность, когда вѣрность его была заподозрѣна королемъ Генрихомъ. И можетъ-быть вы сами или ваши будете еще когда нибудь въ необходимости искать моего покровительства. Но я не хочу болѣе говорить объ этомъ, чтобы не могло казаться, будто гнѣвъ болѣе чѣмъ мое правое дѣло внушилъ мнѣ это письмо. Такъ какъ я не могу разсчитывать найдти васъ въ биткѣ передъ фрунтомъ, или такъ какъ случай тамъ могъ бы насъ развести, то я симъ вызываю васъ на поединокъ. Предоставляю вамъ выборъ какъ мѣста, такъ и оружія. Я слишкомъ высокаго мнѣнія о вашей храбрости, чтобы предположить, что вы откажетесь, ссылаясь на вашу должность или другое какое обстоятельство. А если ужь вы захотите быть настолько деликатны, чтобы принять мое предложеніе не иначе какъ съ разрѣшенія короля, то вы ужь вѣрно съумѣете гаеъ представить дѣло, чтобы не было сомнѣнія въ этомъ разрѣшеніи. Жду вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ, и если онъ будетъ такимъ, какимъ я желаю, это будетъ средствомъ для меня засвидѣтельствовать вамъ мое глубокое уваженіе».

Вотъ отвѣтъ Тюренна курфюрсту:

«Monseigneur,

«Вызовъ вашей свѣтлости я ставлю себѣ въ такую великую честь, что лишь съ величайшимъ прискорбіемъ отвѣчаю отказомъ. Прискорбіе это внушено мнѣ не столько воспоминаніемъ о томъ, какъ мы обязаны вашему дому, сколько нижайшимъ почтеніемъ, которое я во всякое время имѣлъ къ вашей свѣтлости. Еслибъ ваша свѣтлость знали, доколѣ простирается оно, вы вѣрно не стали бы меня винить, будто я съ умысломъ и сознаніемъ оскорбилъ васъ, а приписали бы ваше несчастіе враждебной судьбинѣ, которая слѣдуетъ по стопамъ войны. Приказаніе короля лишаетъ меня чести, которую вашей свѣтлости благоугодно сдѣлать мнѣ. Но я бы въ томъ утѣшился, если бы зналъ, что вы убѣждены, до какой степени я есть и всегда буду при каждомъ случаѣ во всю мою жизнь

Вашъ и пр. и пр.»

Теорія объявленій. Вотъ что говоритъ одинъ опытный американецъ, излагая эту теорію въ слѣдующихъ краткихъ и мѣткихъ чертахъ: «Читатель газеты даже не видитъ объявленія, когда оно напечатано въ первый разъ. Во второй разъ онъ его видитъ, въ третій читаетъ, въ четвертый смотритъ цѣну объявляемаго предмета, въ пятый потолкуетъ съ женой, въ шестой разъ рѣшаетъ что надо купить, въ седьмой идетъ и покупаетъ. Слѣдовательно толковый дѣловой человѣкъ долженъ печатать свои объявленія по крайней мѣрѣ семь разъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ «памятникъ Богдану Хмельницкому» (Нива № 39) на стран. 616 столб. 1 стр. 11 снизу

напечатано:	слѣдуетъ читать:
Пимявкѣ	Пилявкѣ
столб. 2 стр. 18 сверху	
Зборовѣ	Збаражѣ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 6 Ноября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. пр. № 45—1.

№ 46. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногороднихъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Эва.

Повѣсть К. Р. Ленце.

(переводъ съ нѣмецкаго).

Былъ жаркій сентябрскій денекъ. Во всей природѣ царила глубокая тишина. Не слышно было ни пѣнія птицъ, ни шума листьевъ, только жужжали насѣкомыя, да солнце палило сверху немилосерднымъ образомъ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одинокій путникъ спѣшилъ поскорѣе перейдти вдоль по тропинкѣ открытымъ лугомъ, чтобы достигнуть ближайшаго лѣса и отдохнуть подъ его гостепріимной тѣнью.

Путникъ этотъ былъ высокій, молодой человѣкъ, красивой наружности, съ окладистой бородой, проницательными темными глазами и съ безконечно-грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ. На видъ ему казалось около тридцати-шести лѣтъ, но на лбу успѣли уже образоваться легкія морщины, и улыбка рѣдко оживляла его почти мрачный взглядъ. Онъ оставилъ свою дорожную сумку въ гостинницѣ ближайшей деревни, гдѣ онъ остановился, и теперь несъ въ рукахъ только альбомъ.

Войдя въ тѣнь густыхъ деревьевъ, путникъ снялъ съ головы легкую соломенную шляпу и началъ ею обмахиваться, осматриваясь вокругъ, не найдется-ли гдѣ нибудь спокойнаго мѣстечка, гдѣ-бы можно было въ волю отдохнуть. Лѣсъ уходилъ на вершину холма; мѣстами попадались маленькія лѣсныя просѣки, сквозь которыя можно было свободно видѣть близь-лежащее озеро и мощные горные хребты, которые возвышались на нѣсколько часовъ пути отъ просѣкъ.

Въ одной изъ этихъ просѣкъ виднѣлось большое распятіе, съ прекрасною рѣзьбою, а передъ нимъ стояла маленькая скамейка.

— Тутъ пріятно отдохнуть, подумалъ путникъ, — а можно пожалуй нарисовать картину, представляющую крестъ на переднемъ планѣ, и передъ нимъ колѣнопреклоненную крестьянку, продолжалъ онъ вполголоса, и оставя въ сторонѣ отлогія извилины дороги, сталъ прямо карабкаться наверхъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ крестъ. Добравшись туда, онъ бросился подъ дерево на мягкій роскошный мохъ—и положа голову на вынятившійся корень дерева, началъ любоваться чудесными окрестностями и голубымъ безоблачнымъ небомъ, которое виднѣлось сквозь вѣтви.

Есть что-то особенное въ томъ настроеніи, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ сидитъ одинъ въ лѣсу въ совершенномъ уединеніи. Позабываются печали и заботы, прохладный лѣсной воздухъ освѣжаетъ пылающій лобъ, въ пѣсняхъ птичекъ слышатся радость и веселіе; какое-то спокойствіе, миръ и блаженство нисходятъ въ человѣческое сердце.

Точно такъ же и морщины на лбу нашего путника начали мало-по-малу сглаживаться, въ чертахъ его лица разлилось безконечное спокойствіе, а мысли понеслись высоко, высоко въ то свѣтлое, безконечное пространство, которое разстилалось надъ его головой.

Вдругъ послышался шумъ легкихъ шаговъ на песчаной дорогѣ. Онъ поднялъ голову. Стройная молодая дѣвушка шла съ холма, держа въ одной рукѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, а другою поддерживала свое платье,

такъ что можно было ясно разсмотрѣть ея маленькія ножки.

Путникъ не тронулся съ мѣста. Неподвижно лежалъ онъ, смотря на очаровательное существо, въ свѣтло-синемъ батистовомъ платьицѣ. Онъ видѣлъ, какъ дѣвушка повѣсила свой вѣнокъ у подножія креста и нѣсколько минутъ безмолвно молилась, потомъ сѣла на скамейку и устремила вдаль на окрестности пристальный печальный взглядъ.

Такимъ образомъ путникъ могъ теперь хорошо разглядѣть ея благородный профиль, тонкій носикъ, чистый дѣвственный лобъ, маленькія коралловыя губки, круглый, упругій подбородокъ и большіе лучистые, темные глаза. Къ довершенію очерка нужно еще прибавить, что во всѣхъ движеніяхъ этого милаго, гибкаго созданія проглядывала неподражаемая грація; ея роскошные золотистые волосы, гладко зачесанные за ухо, были собраны сзади въ толстый, густой узелъ; а два длинные, блестящіе локона падали небрежно на плечи.

— Кто-бы могла быть эта молодая дѣвушка? придумывалъ путникъ, — какимъ образомъ попала она въ эту дикую мѣстность, откуда, и гдѣ она живетъ—вѣроятно не очень далеко отсюда, на ней даже не надѣто шляпы...

Но тутъ размышленія его были прерваны, потому что дѣвушка, сидѣвшаа до сихъ поръ неподвижно, вдругъ быстро приподнялась съ своего мѣста — и простирая впередъ руки, съ какимъ то страстнымъ желаніемъ воскликнула:

— О, какъ бы мнѣ хотѣлось вонъ отсюда, какъ можно дальше, туда—въ иной заманчивый свѣтъ, что-нибудь видѣть, слышать, пережить!

Потомъ она медленно опустила руки, и еще разъ пристальнымъ и нетерпѣливымъ взглядомъ посмотрѣла вдаль, затѣмъ поспѣшно оставила свое спокойное мѣсто и пошла опять прежней дорогой.

Звуки ея голоса, въ которыхъ слышалось такъ много грусти, проникли въ самое сердце путника. Тихонько закрылъ онъ свой альбомъ, и безшумно поднявшись съ мѣста, отправился вслѣдъ за прелестной дѣвушкой, которая въ это время спѣшила взойти на холмъ.

Достигнувъ до самой вершины холма и повернувъ за уголъ, дѣвушка скрылась отъ глазъ нашего путника.

Почти въ тоже самое мгновеніе онъ услыхалъ, какъ зазвенѣлъ колокольчикъ, скрипнула отворяемая дверь и съ шумомъ захлопнулась, а потомъ все затихло.

— Фея вернулась въ свой заколдованный замокъ, подумалъ смѣясь путникъ, — посмотримъ, не удастся-ли мнѣ снять съ нея всѣ чары колдовства и освободить изъ замка.

Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, путникъ обогнулъ тотъ-же зеленый уголъ, за которымъ скрылась молодая дѣвушка, — и внезапный крикъ удивленія вырвался у него, потому что передъ его глазами вдругъ какъ изъ земли выросъ древній, величественный, сѣрый замокъ, такой романтическій, такой живописный, что вполнѣ заслуживаетъ описанія.

Половина рва, который прежде окружалъ замокъ, была съ лицевой стороны засыпана и образовала собою широкую террасу; отъ нея шли комнаты съ нижняго этажа. Другая сторона рва была обращена въ нѣчто въ родѣ пруда, черезъ который каменный мостикъ велъ во дворъ—просторный и всегда содержимый въ порядкѣ. Въ серединѣ двора находился глубокій колодезь съ большимъ высѣченнымъ изъ мрамора водоемомъ, осѣненнымъ громадными липами. Замокъ, существовавшій уже нѣсколько столѣтій, съ готическими окнами и жестью на крышѣ былъ построенъ въ видѣ полуквадрата, къ которому какъ бы прислонилась башня, основанная (какъ утверждаютъ) еще во времена римлянъ.

Какъ замокъ такъ и башня были обсажены плющемъ, дикимъ виноградомъ и всевозможными вьющимися растеніями, которыя смѣло и привольно взбирались до самой крыши — а тамъ віясь то кольцами, то фестонами, перебирались до самаго конька и оттуда свѣшивались длинными изящными звеньями. Передъ террасою, съ которой открывался великолѣпный видъ, лежалъ небольшой но со вкусомъ расположенный цвѣтникъ, далѣе тянулся склонъ поросшій низенькою рощицей, постепенно переходившею въ лѣсъ.

Съ возрастающимъ удивленіемъ обходилъ путникъ издали это богатое помѣстье и при этомъ замѣтилъ, что только нижній этажъ обитаемъ, и два окна въ первомъ этажѣ отворены, въ остальныхъ же вездѣ закрыты ставни, что̀ придавало замку почти мрачный видъ.

— Замокъ и его несчастная обитательница интересуютъ меня, бормоталъ нашъ путникъ, — отчего ей такъ хочется уйдти отсюда—и почему это для нея невозможно? Ужъ не замужемъ ли она за такимъ человѣкомъ, который ревнуетъ ее, тиранитъ и запираетъ? Ему стало вдругъ такъ жарко и душно, что онъ опять снялъ свою соломенную шляпу и началъ какъ прежде обмахиваться ею.

— Надо срисовать замокъ, продолжалъ онъ, — съ наружной стороны безъ всякаго позволенія, а видъ съ террасы — испросивъ прежде на то позволеніе. Во всякомъ случаѣ я здѣсь останусь! Все такъ манитъ: живописное мѣстоположеніе, тайна, заключенная въ прелестномъ созданіи, великолѣпный воздухъ, отсутствіе друзей и свобода отъ моихъ узъ... хотя и минутная, добавилъ онъ съ горькою усмѣшкой.

Бросивъ еще послѣдній взглядъ на замокъ, онъ сошелъ съ горы—и черезъ четверть часа добрался до скромной гостиницы, въ которой онъ оставилъ свой дорожный мѣшокъ. Въ этой гостиницѣ нанялъ онъ на всю недѣлю маленькую, но веселенькую комнатку; изъ ея оконъ открывался видъ на озеро.

Въ то время, когда путникъ стоялъ у окна и старался въ наступившихъ сумеркахъ различить замокъ, въ дверь кто-то постучался; взошелъ хозяинъ гостиницы съ зажженной свѣчкой и съ неизбѣжной въ Германіи книжкой, въ которую записывались имена путешественниковъ.

— Смѣю ли я васъ просить вписать въ эту книгу ваше почтенное имя, сказалъ онъ, важно кладя на столъ книгу и держа въ рукахъ уже совсѣмъ приготовленное и окунутое въ чернила перо.

Путешественникъ подошелъ къ столу и провелъ задумчиво рукою по лбу, потомъ твердымъ и увѣреннымъ почеркомъ написалъ: *Норбертъ*.

Хозяинъ, прочтя такое простое имя, умѣрилъ немного свою важность.

— А чѣмъ изволите заниматься, осмѣлюсь васъ спросить?

Снова на минуту задумался Норбертъ, потомъ наклонился къ столу и написалъ: «художникъ».

— А! художникъ!.. отвѣчалъ хозяинъ съ легкимъ презрѣніемъ и косясь на его дорожный мѣшокъ.

— Откуда же слѣдуетъ взять вашъ багажъ?

— Я оставилъ небольшой сундучекъ въ Б... на почтѣ, и Норбертъ при этомъ назвалъ ближайшій городокъ, — вы можете прислать мнѣ его завтра.

Физіогномія хозяина немного просвѣтлѣла при этихъ словахъ. Путешественникъ безъ багажа есть какъ бы лицо безличное, а маленькій сундучекъ во всякомъ случаѣ гораздо лучше, чѣмъ простой дорожный мѣшокъ.

— Скажите мнѣ пожалуйста, продолжалъ Норбертъ, — кому принадлежитъ вонъ тотъ прекрасный, старинный замокъ, и кто въ немъ живетъ?

— А-а! протянулъ хозяинъ съ важнымъ видомъ,— это совсѣмъ особенная исторія.

— Ну, разскажите же, сдѣлайте одолженіе, эту исторію, — кстати, не угодно ли вамъ покурить? и Норбертъ положилъ на столъ нѣсколько сигаръ и придвинулъ ихъ къ хозяину.

— Весьма любезно съ вашей стороны, улыбнулся тотъ съ довольнымъ видомъ; *милостиво* хотѣлъ онъ сказать, но вспомнилъ скромное имя господина Норберта, художника съ маленькимъ сундучкомъ, — и удовольствовался поэтому словомъ *любезно*.

— Вотъ видите ли, замокъ принадлежитъ уже нѣсколько столѣтій фамиліи Эбензее, но въ немъ долго никто не жилъ, такъ что замокъ почти превратился въ развалины. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ присланы были въ замокъ каменьщики, маляры, обойщики. Они все въ немъ поправили, а когда работа была кончена, въ одно прекрасное утро пріѣхалъ въ замокъ господинъ баронъ съ своей единственной дочерью, которая была замужемъ за графомъ Вальденау,—вотъ ея-то дочь, молодая графиня Эва и живетъ теперь въ замкѣ одна съ дѣдушкой.

— А мать? прибавилъ Норбертъ.

— О, вотъ уже четыре года какъ она умерла. Она была несчастлива и много страдала, какъ говорятъ.... графъ Вальденау женился на ней изъ-за денегъ, дурно обходился съ своей женой, надѣлалъ много долговъ и впослѣдствіи совсѣмъ прогорѣлъ и кончилъ свою жизнь въ Америкѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Это былъ тяжелый ударъ для графини и для господина барона, потому что онъ прежде любилъ графа какъ своего роднаго сына—и хотѣлъ завѣщать ему все свое состояніе, такъ какъ у не было своихъ наслѣдниковъ. Но когда до него въ довершеніе всѣхъ исторій дошли слухи, что зять съ нетерпѣніемъ ждетъ его смерти и пускается въ спекуляціи, тогда пошло на разрывъ. Съ тѣхъ поръ баронъ презираетъ всѣхъ людей, не довѣряетъ никому и совсѣмъ удалилъ отъ общества свою внучку. Онъ нанялъ для графини Эвы француженку-гувернантку на пять лѣтъ, но въ прошедшемъ году она уже отошла отъ нихъ. Мнѣ очень жаль бѣдную графиню, сказалъ хозяинъ сострадательно покачивая круглой большой головой,—ей только девятнадцать лѣтъ, такая молоденькая и такая добрая. Ей должно быть ужасно скучно жить въ такомъ уединеніи съ дѣдушкой, которому уже перступило за шестой десятокъ; посудите сами, какое же онъ можетъ доставить развлеченіе для молодой дѣвушки! Да, такъ вотъ-съ какія дѣла-то! со вздохомъ заключилъ хозяинъ. — Вамъ больше ничего, надѣюсь, не понадобится? добавилъ онъ уже дѣловымъ тономъ, — въ такомъ случаѣ позвольте пожелать вамъ спокойной ночи, — и онъ удалился, оставя Норберта въ задумчивости.

Прошла ночь—и настало свѣжее, росистое утро. Норбертъ наскоро собралъ всѣ рисовальные приборы—и по вчерашнему взошелъ на холмъ, расположился около креста и принялся набрасывать акварелью видъ окрестности.

Утро прошло, рисунокъ былъ совсѣмъ оконченъ, но никто еще не являлся. Начиная терять всякое терпѣніе, Норбертъ хотѣлъ уже встать съ своего мѣста и направиться къ замку, какъ вдругъ услышавъ шорохъ и шаги, онъ быстро обернулъ голову. Пожилая, прилично одѣтая женщина, съ маленькой корзинкой въ рукахъ, тяжелою походкою и съ серіознымъ видомъ шла по дорогѣ. Но едва только она успѣла скрыться изъ виду, какъ вдругъ вчерашняя молодая дѣвушка прошла мимо Норберта — такъ поспѣшно, что онъ едва могъ разсмотрѣть ее.

— Вальбурга! Вальбурга! кричала она задыхаясь.

— Что прикажете, графиня? раздался голосъ Вальбурги изъ чащи лѣса.

— Подожди минуту, ты позабыла захватить письмо.

— И то! отозвалась Вальбурга.

Норбертъ слышалъ, какъ онѣ еще немного поговорили; потомъ графиня Эва медленными шагами пошла назадъ.

На минуту Норбертъ могъ полюбоваться ея красивымъ лицомъ; затѣмъ она вдругъ подняла глаза и казалась чрезвычайно удивленною, увидя совершенно посторонняго человѣка. Съ нѣкоторымъ любопытствомъ поглядѣла она на художника и на его ландшафтъ, потомъ ускоренными шагами пошла дальше.

— Теперь или никогда! подумалъ Норбертъ—и почтительно снявъ шляпу, приблизился къ ней съ поклономъ, который вполнѣ обличалъ въ немъ свѣтскаго человѣка.

— Графиня, началъ онъ, и въ голосѣ его послышалось какое-то странное смущеніе, — простите, что незнакомый человѣкъ осмѣливается говорить съ вами. Я немножко рисую—и вчера скитаясь въ этихъ мѣстахъ, совершенно случайно дошелъ до вашего замка и былъ положительно очарованъ его живописной прелестью. Графиня, у меня будетъ къ вамъ большая просьба: могу ли получить позволеніе срисовать замокъ?

Она спокойно выслушала эту рѣчь, устремивъ на художника большіе темные глаза.

— Замокъ этотъ не мой, отвѣчала графиня звучнымъ голосомъ, — но если вы желаете, я могу попросить объ этомъ моего дѣдушку.

— Если только это васъ не обезпокоитъ, быстро добавилъ Норбертъ.

— Нисколько, отвѣчала она.

— Могу ли я завтра получить отвѣтъ?

— Если вы желаете, то можете получить его сегодня послѣ обѣда, и Эва съ легкимъ поклономъ хотѣла уже удалиться, но вдругъ остановилась.

— Не будетъ ли это нескромностію съ моей стороны, сказала она полу-застѣнчиво,—если я попрошу васъ показать мнѣ вашъ рисунокъ? Здѣсь мое любимое мѣсто, добавила она какъ-бы оправдываясь.

— Ахъ, какая прелесть!.. вскричала она въ восхищеніи, когда Норбертъ показалъ ей свой альбомъ.—Горы, деревья, озеро, все это передано такъ естественно, такъ вѣрно! Какъ чудно, какъ въ зеркалѣ, отражается деревня и тамъ пасущееся стадо! Какой вы счастливецъ, что умѣете такъ превосходно рисовать!

— Да, я буду считать себя счастливцемъ, если графиня удостоитъ принять отъ меня вотъ этотъ маленькій рисунокъ... и онъ быстро вырвалъ листокъ изъ альбома и подалъ въ руки графини.

Легкая краска покрыла личико Эвы.

— Вы хотите отдать его мнѣ? сказала она съ замѣшательствомъ,—нѣтъ, это уже слишкомъ много... я не могу этого принять, и она положила рисунокъ на скамейку.

— Хорошо, такъ мнѣ придется уничтожить этотъ рисунокъ, сказалъ Норбертъ съ наружнымъ спокойствіемъ, но въ глубинѣ души очень раздосадованный отказомъ графини.

— Уничтожить! воскликнула Эва.

— Конечно; если я однажды отдалъ, то не могу взять назадъ, и такъ... онъ схватилъ рисунокъ обѣими руками, готовясь его разорвать.

— То что вы разъ отдали—не принадлежитъ уже вамъ; слѣдовательно, вы не имѣете никакого права уничтожать. И съ рѣшительнымъ видомъ Эва взяла рисунокъ изъ рукъ художника.—Благодарю васъ, вашимъ подаркомъ вы доставили мнѣ много радости. Сегодня за завтракомъ я непремѣнно переговорю съ дѣдушкой, а въ три часа вы можете придти за отвѣтомъ.

И прежде чѣмъ Норбертъ успѣлъ отвѣчать ей, она исчезла.

(Продолженіе будетъ).

Ссылка.

(Окончаніе).

О, какъ хороша была Берта въ эту минуту!

Доринъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Берта! вскричалъ онъ, падая передъ ней на колѣни.—Я потерялъ уже всю надежду встрѣтить васъ когда-либо! Сколько лѣтъ любовался я этой ленточкой! о, еслибъ я сошелся съ вами раньше, со мной было бы иначе!

Берта улыбаясь посмотрѣла на него.

— Отчего же теперь не сбыться бы вашимъ надеждамъ? спросила она.

Онъ вскочилъ—и вскричавъ: «Берта, Берта!», обнялъ ее.

— Вотъ какъ я держалъ тебя нѣкогда въ объятіяхъ! Но нѣтъ, это новый сонъ, который дразнитъ меня, чтобы сдѣлать меня вдвойнѣ несчастнымъ!

— Нѣтъ, это не сонъ! шепнула ему Берта.

— Такъ скажи, что любишь меня и останешься моею навсегда!

— Къ чему это говорить? спросила Берта, счастливо улыбаясь. Она обвила руками его шею и тихо поцѣловала его, говоря: — вѣдь я тебя давно люблю!

Внѣ себя отъ радости, онъ готовъ былъ поднять ее на руки,—но упоенный неожиданнымъ счастіемъ, стоялъ передъ нею какъ мечтатель, который преслѣдуетъ въ грёзахъ очаровательный призракъ и не можетъ завладѣть имъ. Тихо повела его Берта къ дивану рука объ руку.

— Отчего же ты раньше не сказалъ мнѣ, что я тебѣ обязана жизнью? спросила она.

— Оттого что мое сердце не хотѣло бороться, не имѣя надежды на побѣду. Чѣмъ болѣе я старался забыть тебя, тѣмъ сильнѣе оно льнуло къ тебѣ. Когда я увидалъ тебя въ первый разъ у Фарбрига, твои черты показались мнѣ знакомыми; но когда ты сказала, что была спасена изъ воды студентомъ, я вспомнилъ тебя—и чуть не вскричалъ, что это я вытащилъ тебя, да во-время спохватился, что сосланъ сюда въ наказаніе.

— Во-время! повторила Берта; — а еслибъ я тебя не встрѣтила сегодня въ лѣсу, еслибъ не привела тебя сюда, и этотъ портретъ не вырвалъ бы твоего признанія...

— Тогда осталось бы все по старому: я никогда не имѣлъ бы смѣлости признаться тебѣ въ любви!

— Злой человѣкъ! такъ только случаю обязана я своимъ счастьемъ! вскричала Берта, грозя ему пальчикомъ; — развѣ ты не чувствовалъ, что и мое сердце билось для моего спасителя? Развѣ ты такъ мало знаешь женское сердце? А ты поѣдешь въ М?.. спросила она внезапно.

— О, нѣтъ! никакая сила не въ состояніи разлучить насъ теперь! воскликнулъ Доринъ. — Я не имѣлъ мужества овладѣть тобою, но для сохраненія тебя у меня достанетъ силы.

Въ это время вошелъ слуга и доложилъ о приходѣ судьи.

Доринъ вскочилъ съ мѣста. — Откажи ему, пожалуйста! просилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Берта, — доставь мнѣ удовольствіе отплатить ему за тебя и сказать, кто мой спаситель. Пусть онъ узнаетъ это отъ меня. Я сейчасъ ворочусь.

Она поспѣшила выйдти и нашла въ пріемной комнатѣ судью. На раскраснѣвшемся лицѣ его сіяло счастье. Не много разсуждая, объяснилъ онъ ей причину своего прихода: онъ пришелъ просить руки ея.

— Вы опоздали, г. судья, возразила Берта: — мое сердце не свободно.

— Вы шутите! вскричалъ судья.

— Нѣтъ, я говорю правду.

— Но кто же этотъ счастливецъ? спросилъ Ульманъ. Онъ сильно поблѣднѣлъ, и ему было трудно выговорить послѣднія слова.

— Помните, когда вы недавно, у Фарбрига, пили за здоровье спасшаго меня?

— Да, да; но вы говорили, что съ тѣхъ поръ не видались съ нимъ?

— Счастье привело мнѣ его сегодня, и я отдала ему руку и сердце.

— Но кто же это? спросилъ Ульманъ.

— Это нашъ общій знакомый — ассесоръ Доринъ.

Испуганный судья отступилъ назадъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на Берту, какъ бы сомнѣваясь въ ея словахъ.

— Доринъ! Доринъ! Это невозможно! вскричалъ онъ.

— Отчего невозможно? спросила спокойно Берта.— Я знаю, что наши мнѣнія насчетъ Дорина совершенно противоположны, г. судья; но тѣмъ не менѣе я его люблю — и вы конечно не осудите меня за то, что о немъ лучшаго мнѣнія. Я вамъ очень обязана, иб

по вашему ходатайству онъ долженъ былъ быть переведенъ въ М... и этимъ вы устроили мое счастье.

Ульманъ пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ, и почти съ комическою поспѣшностью схвативъ шляпу, ушелъ. Онъ скорыми шагами пошелъ въ городъ — и въ такомъ настроеніи духа, что готовъ былъ задушить лучшаго своего друга.

Берта вернулась къ Дорну.

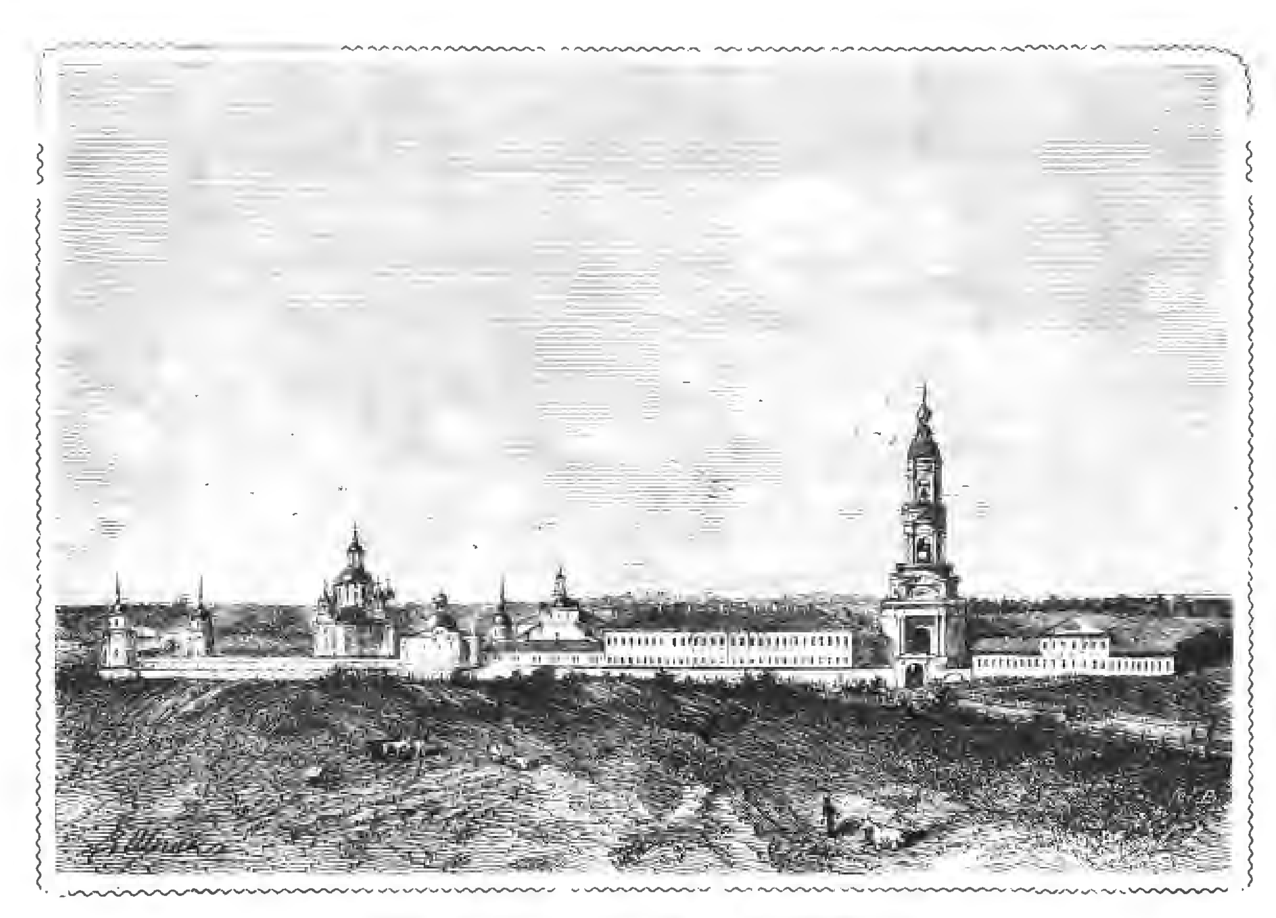
— Теперь онъ довольно наказанъ, сказала она, — не дразни его больше. Онъ любилъ меня — и ревность заставила его такъ круто обойдтись съ тобою.

Она разсказала Дорну, что Ульманъ искалъ ея руки.

— Я не зналъ тебя, я сдѣлалъ бы тоже самое для всякой; оставь мнѣ вѣру въ то, что счастіе слѣпо раздаетъ свои дары, — иначе я стану бояться новой утраты его, такъ какъ сознаю, что не заслужилъ его.

Наконецъ онъ вырвался изъ рукъ Берты и поспѣшилъ назадъ въ городъ. Солнце бросало послѣдними золотистыми лучами на вершины деревьевъ; Дорну это казалось какъ бы зарею новой жизни. Онъ прижалъ руки къ сердцу — точно въ груди его стало слишкомъ тѣсно для такого необъятнаго счастья.

Дорога вела къ фабрикѣ Фарбрига.

Спасо-Суморинъ монастырь въ городѣ Тотьмѣ.

Съ фотографіи А. И. Шевякова, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

Дорнъ все еще не могъ вполнѣ совладать со своимъ счастьемъ. Оно слишкомъ неожиданно захватило его въ самомъ безнадежномъ настроеніи. Онъ взялъ Берту за руку и подвелъ ее къ пейзажу горнаго озера.

— Берта, сказалъ онъ, — когда ты будешь моею, поѣдемъ еще разокъ взглянуть на это озеро; вѣдь тамъ возникло мое счастіе.

— А ты не боишься, что я опять сорвусь? шутила Берта.

— Нѣтъ, конечно; теперь есть двѣ руки, которыя всегда защитятъ тебя въ своихъ объятіяхъ... воскликнулъ Дорнъ, — помнишь ты нашъ разговоръ, когда мы въ первый разъ встрѣтились у Фарбрига? судья говорилъ, что судьба ничто иное какъ возмездіе за наши собственные поступки. Ты сказала ему, что счастье слѣпо — и ты была права, потому что я ничѣмъ не заслужилъ своего счастья.

— Развѣ ты не спасъ меня? перебила Берта.

Онъ хотѣлъ разсказать все своему другу. Недоходя еще до дому, Дорнъ встрѣтилъ самого хозяина.

На лицѣ фабриканта сквозило сильное безпокойство.

— Я только-что съ вашей квартиры, заговорилъ Фарбригъ. — Я вездѣ искалъ васъ; я все знаю, я взбѣшенъ — это невѣроятно — это низость!

Смѣясь протянулъ Дорнъ руку своему другу.

— Хлопните-ка! да покрѣпче! вскричалъ онъ.

Фарбригъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Вы смѣетесь? сказалъ онъ. — Я васъ не понимаю. Такъ это неправда?

— Что неправда? спросилъ Дорнъ.

— Что вы снова переведены?.. что Ульманъ васъ удаляетъ?

— Это правда. Да благословитъ его Богъ за этотъ шагъ. Фарбригъ, знаете, откуда я иду?

Фарбригъ съ удивленіемъ молча глядѣлъ на Дорна. Дорнъ былъ для него загадкой.

— Отъ Берты! продолжалъ Дорнъ. — Другъ мой, вы по моимъ глазамъ не догадываетесь, что произошло? развѣ на мнѣ не видно счастья? Я счастливъ — Берта моя — моя невѣста!

Съ радостнымъ крикомъ бросился Фарбригъ обнимать друга, и радостно потащилъ его къ своей женѣ. Тамъ долженъ былъ Дорнъ разсказать, какъ все произошло.

Радость Фарбрига была искренна, потому что онъ уже давно желалъ соединенія Берты съ Дорномъ.

— Ассесоръ! вскричалъ онъ, — есть еще правда на свѣтѣ! Ульманъ имѣлъ низкое намѣреніе удалить васъ отсюда; теперь ему самому ничего больше не остается, какъ хлопотать о своемъ перемѣщеніи, потому что ему нельзя будетъ оставаться. Онъ слишкомъ опозоренъ — его гордость не вынесетъ этого; а что онъ пилъ за ваше здоровье — этого онъ не забудетъ до гроба! Вы конечно бросите коронную службу?

— Конечно, сказалъ смѣясь Дорнъ, — я думаю, что Берта не согласится быть женою асессора въ М.... Я сегодня же подамъ въ отставку. — А знаете ли, что я еще сегодня имѣлъ намѣреніе придти къ вамъ напомнить ваше обѣщаніе — дать мнѣ мѣсто: въ такомъ отчаянномъ положеніи находился я утромъ. Я не зналъ, что сдѣлаюсь счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!

— Мѣсто еще свободно для васъ, весело сказалъ Фарбригъ.

— Я долженъ отказаться отъ него, смѣясь замѣтилъ Дорнъ: — я боюсь, что не буду внимательнымъ къ работѣ, и навлеку ваше неудовольствіе. Я надѣюсь, мы останемся хорошими друзьями.

— По рукамъ! вскричалъ Фэрбригъ, протягивая ему правую руку. — Вы знаете меня, я откровененъ. Мнѣ легко и весело живется; но ужь если я разъ предложилъ дружбу, такъ навсегда сохраняю ее.

Оба крѣпко пожали другъ другу руки и долго смотрѣли молча одинъ на другаго. Они не произносили ни слова, но отлично понимали одинъ другаго — и молча заключили вѣчный союзъ. Дорнъ отправился домой; онъ сегодня же хотѣлъ подать Ульману просьбу объ отставкѣ. Фарбригъ просилъ его придти въ гостинницу вечеромъ.

— Мы отпразднуемъ нынѣшній день! вскричалъ онъ, — и я имѣю основаніе праздновать именно въ гостинницѣ. Весь городъ долженъ это знать, прежде чѣмъ будетъ имъ извѣстно объ отставкѣ. Не смотря на желаніе остаться одному, Дорнъ не хотѣлъ отказать другу въ просьбѣ.

Два часа спустя, друзья сидѣли въ гостинницѣ. Фарбригъ, находясь въ наилучшемъ расположеніи духа, сообщилъ всѣмъ знакомымъ о помолвкѣ Дорна и приглашалъ ихъ отпраздновать вечеръ шампанскимъ, котораго долженъ былъ доставить хозяинъ на счетъ фабриканта. Весело стучали бокалы — и удовольствіе было всеобщее: всѣ радовались счастью Дорна.

— Другъ мой, шепнулъ Фарбригъ, — я далъ бы десять бутылокъ шампанскаго, если бы Ульманъ пришелъ сюда! Я разсказалъ бы ему о твоемъ обрученіи, какъ будто онъ объ этомъ ничего не знаетъ. Только одну минуту хотѣлъ бы я поглядѣть его лицо.

Разумѣется, Ульманъ не доставилъ ему этого удовольствія. Онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и придумывалъ какъ бы отмстить Дорну. Судьѣ снова вспомнилось, что Берта ему вѣрно бы не отказала, еслибъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе до знакомства ея съ Дорномъ. Онъ ударилъ рукою по лбу, но и это не помогло ему разсѣять свою хандру. Онъ злился на Дорна, на Берту, на Фарбрига, на всѣхъ людей и даже на себя самого.

Вмѣсто судьи въ гостинницу вошелъ поручикъ Клинкгардтъ. Лицо его побагровѣло, отуманенные глаза доказывали, что онъ частенько попивалъ; не смотря на то онъ тотчасъ заказалъ вина, окинулъ присутствовавшихъ презрительнымъ взглядомъ и сѣлъ за особымъ столомъ. Поспѣшно опорожнилъ онъ нѣсколько стакановъ.

Присутствовавшіе не обращали на него вниманія, только Фарбригъ незамѣтно слѣдилъ за нимъ.

Наконецъ поручикъ всталъ и подошелъ ближе къ столу, гдѣ сидѣло веселое общество.

— Г. ассесоръ! вскричалъ онъ громкимъ голосомъ, покручивая усы, — правда-ли, что вы обручены съ моей кузиной?

Казалось, Дорнъ предвидѣлъ намѣреніе поручика, кровь бросилась ему въ лицо. Но Фарбригъ предупредилъ его.

— Это правда, г. поручикъ, отвѣчалъ онъ, — вы видите, мы празднуемъ здѣсь это счастливое событіе.

— Я не понимаю, какъ могла она сдѣлать такой неприличный выборъ, продолжалъ поручикъ, упираясь на столъ, — вѣдь я сообщилъ же ей, какимъ образомъ моя сестра отказала г. ассесору. Это непостижимо.

Дорнъ вскочилъ, но Фарбригъ силою заставилъ его сидѣть на мѣстѣ.

— Позвольте мнѣ отвѣчать за васъ, сказалъ онъ вполголоса и опять всталъ съ увѣренностью. — Г. поручикъ, сказалъ онъ, — мы всѣ понимаемъ вашу досаду на то, что ваши старанія получить руку такой богатой невѣсты, какъ ваша кузина, остались втунѣ. Мы также понимаемъ ея вкусъ; къ счастью она не была слѣпа!

— Съ вами я не хочу связываться, я васъ не знаю, вскричалъ Клинкгардтъ съ пренебреженіемъ.

— Я фабрикантъ Фарбригъ, сказалъ тотъ спокойно.

— Ну, фабрикантъ не въ состояніи дать мнѣ удовлетвореніе, продолжалъ поручикъ, — я не знаю васъ, хотя за вами прячется г. ассесоръ!

Дорнъ вскочилъ.

— Я дамъ вамъ удовлетвореніе! вскричалъ онъ.

— Нѣтъ! возразилъ Фарбригъ, — я надѣюсь, у васъ достанетъ мужества отказать въ удовлетвореніи такому человѣку, какъ господинъ поручикъ, который только ищетъ случай придраться. Всѣ присутствующіе могутъ засвидѣтельствовать, что господинъ поручикъ просто смѣшонъ.

Клинкгардтъ вздрогнулъ.

— Эй вы — господинъ! вскричалъ онъ подходя ближе. Спокойно, съ насмѣшливою улыбкою стоялъ Фарбригъ и смѣло смотрѣлъ въ лицо поручика.

— И я могу дать вамъ удовлетвореніе, господинъ поручикъ, сказалъ онъ, — а именно показать вамъ, какого обхожденія заслуживаетъ забіяка. Васъ оправдываетъ еще то, что вы хлебнули черезъ край, но теперь удалитесь отсюда; въ противномъ случаѣ — узнаете недальній, но практическій смыслъ фабриканта.

Твердый и рѣшительный тонъ Фарбрига смутилъ поручика.

Всѣ присутствовавшіе явно изъявили неудовольствіе — и, несмотря на весь гнѣвъ и хмѣль, поручикъ понялъ, что было бы безразсудно долѣе оставаться. Полу-

насмѣшливо и полу-сердито пожалъ онъ плечами.—Такъ г. ассесоръ отказывается дать мнѣ удовлетвореніе? замѣтилъ онъ.

Опять Фарбригъ предупредилъ Дорна, который собирался отвѣчать.

— Онъ отказывается, сказалъ Фарбригъ,—онъ слишкомъ разсудителенъ, чтобы сдѣлать подобную нелѣпость. Я надѣюсь, онъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что пьяный не обидчикъ.

Фарбригъ повернулся спиною къ Клинкгардту.

Еще одно мгновеніе постоялъ поручикъ, пробормоталъ несвязно что-то о трусости и плебействѣ, и вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Дорнъ пожалъ руку фабриканта.

— Вы правы, сказалъ онъ,—вы удержали меня отъ глупости.

— А Берту избавилъ отъ печали, прибавилъ Фарбригъ.

Прежняя веселость возвратилась; неудовольствіе исчезло.

Было уже довольно поздно, когда общество разошлось. Фарбригъ взялъ Дорна подъ руку и проводилъ его до дому.

— Другъ мой, сказалъ онъ, — теперь вы будете спать гораздо спокойнѣе, нежели отходя ко сну съ мыслью, что завтра или послѣзавтра придется сдѣлать глупость. Видите ли, честь ваша осталась такой какъ была. Добрая ночь!

Онъ ушелъ.

На слѣдующій день Дорнъ поспѣшилъ къ Бертѣ Она была въ саду, и съ сіяющимъ лицомъ побѣжала къ нему навстрѣчу, грозя пальцемъ.

— Мнѣ бы не слѣдовало принимать тебя, сказала она, не уклоняясь отъ ласкъ его.

— А почему такъ? спросилъ Дорнъ.

— Почему? повторила Берта,—Фарбригъ былъ сегодня у меня и разсказалъ о вашемъ веселомъ вечерѣ въ гостинницѣ, который былъ разстроенъ кузеномъ.

Внезапно краска выступила на лицо Дорна.

— И ты точно намѣренъ былъ дать ему удовлетвореніе? спросила Берта.—Ты обидѣлся только тѣмъ, что онъ нашелъ мой выборъ неприличнымъ!

Дорнъ пробормоталъ что-то несвязное.

— Ну, оставимъ это, замѣтила Берта улыбаясь, — я понимаю твою досаду—и очень обязана Фарбригу за то, что онъ вступился за тебя. Теперь мой кузенъ тебя болѣе не обидитъ: онъ вмѣстѣ съ отцомъ оставилъ городъ.

— Развѣ онъ былъ у тебя? спросилъ Дорнъ.

— Нѣтъ, онъ простился письменно и кстати попросилъ у меня взаймы, потому что случайно находился въ затрудненіи.

— И ты исполнила его просьбу?

— Конечно! отвѣчала Берта.—Нѣтъ лучшаго средства избавиться на будущее время отъ кузена. Я послала ему деньги и написала, что исполняю его желаніе, несмотря на то что по его мнѣнію сдѣлала такой неприличный выборъ. Онъ проглотилъ горькую пилюлю, а деньги припряталъ въ карманъ.

Для Дорна настало золотое время, и ни одно облако не помрачило его счастія. Дни летѣли за днями въ пріятномъ обществѣ Берты и Фарбрига. Съ Ульманомъ онъ никогда болѣе не встрѣчался. Судья вскорѣ выпросилъ перемѣщеніе изъ Б. и жилъ въ совершенномъ уединеніи. Звѣзда его померкла въ Б.

Вотъ письмо Дорна къ пріятелю своему, Гольцу.

«Любезный другъ!

Ссылка моя стала раемъ! Я благословляю прежнихъ моихъ строгихъ начальниковъ за то, что имъ не понравились мои либеральные взгляды, и меня сослали въ Б. Счастье такъ дивно осыпало меня дарами, что нескоро сообразишь всю громадность этихъ даровъ. Я здѣсь снова помолвленъ—и такъ какъ моя невѣста очень богата и желаетъ чтобъ я жилъ независимо, то я оставилъ службу, въ которой мнѣ нечего было болѣе ожидать. Не спрашивай, какъ это все сдѣлалось; у меня не достанетъ силъ разсказать, а частію я еще самъ этого не понимаю. Но если ты вспомнишь, какъ, лѣтъ десять тому назадъ, путешествуя вмѣстѣ съ тобою въ горахъ, я спасъ дѣвушку, — то знай, что это и есть моя невѣста.

Пріѣзжай поскорѣе меня навѣстить, повидать ее и выслушать мой разсказъ.

Докторъ, ты часто бранилъ плаваніе, говоря, что человѣкъ не созданъ земноводнымъ и потому не долженъ плавать; однакожь не будь я пловцомъ — не овладѣть бы мнѣ моимъ несказаннымъ счастьемъ.

Учись плавать, докторъ, и пріѣзжай скорѣе навѣстить твоего Дорна,

счастливаго ассесора
въ отставкѣ.

Городъ Тотьма.

Въ 205-ти верстахъ отъ Вологды стоитъ древняя Тотьма, широко раскинувшись на высокомъ, изрытомъ весенними ручьями, правомъ берегѣ Сухоны и впадающей въ нее рѣчки Песьей-Деньги. Взоры каждаго, подъѣзжающаго къ городу, невольно останавливаются на прекрасномъ видѣ, открывающемся съ горы на городъ и рѣку. До двѣнадцати церквей, поднимающихъ надъ домами свои высокія колокольни, свидѣтельствуютъ о томъ, что если не теперь, то нѣкогда городъ имѣлъ значеніе. И дѣйствительно, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка черезъ Тотьму шелъ большой сибирскій трактъ, и сама она вела торговлю съ Сибирью.

Время основанія Тотьмы положительно не извѣстно. Изъ имѣющихся свѣденій видно, что первоначально городъ находился въ 15 верстахъ ниже нынѣшняго, при устьѣ рѣки Старой Тотьмы, притокѣ Сухоны. Въ 1539 году, во время войны съ Батыемъ, онъ былъ до основанія разрушенъ татарами. Уцѣлѣвшіе отъ погрома жители переселились сперва на соляныя варницы, а оттуда уже на мѣсто нынѣшняго города, гдѣ и построили укрѣпленіе, слѣды котораго сохранились до нынѣ на горѣ подъ соборомъ. Однакоже и этотъ новый городъ нерѣдко страдалъ потомъ отъ другаго зла, не легче татарскаго нашествія, — именно отъ пожаровъ, изъ которыхъ иные въ конецъ опустошали его.

Спускаясь по Вологодскому тракту отъ деревни Савино (въ 1 вер. отъ города) въ ложбину, по которой течетъ Песья-Деньга, вы видите передъ собою город-

скую окраину, носящую названіе *Под-Лукихи*, съ возвышающейся надъ ней старинною, высокою церковью Іоанна Предтечи,—а на лѣво, въ той же ложбинѣ, Спасо-Суморинъ монастырь, съ его огромною колокольнею. Поднявшись снова на гору, вы въѣзжаете въ самый городъ, причемъ передъ вами открываются прямыя чистыя улицы, большія площади, красиво выстроенные домики—особенность, отличающая Тотьму отъ большинства уѣздныхъ городовъ. Благодаря высотѣ своего положенія и грунту, состоящему изъ хрящеватаго песчаника, городъ не тонетъ въ грязи, подобно многимъ нашимъ уѣзднымъ городамъ. Набережная Сухоны, очень красивая лѣтомъ, особенно хороша весною, когда рѣка въ полномъ разливѣ—и по ней идутъ тихвинки въ Устюгъ и Архангельскъ, а тотемскіе каюки нагружаются солью для отправки въ Вологду,—когда крытыя лодки привозятъ изъ Вологды пассажировъ, а небольшіе суда, вродѣ китайскихъ джонокъ, пристаютъ къ городу, нагруженныя глиняной посудой. Въ это время рѣка безопасна для плаванія, такъ какъ подводные камни, которыми такъ изобилуетъ Сухона, скрыты глубоко подъ водою. Городъ лежитъ при излучинѣ рѣки—и вся масса воды ударяетъ въ берегъ при Зеленой Слободѣ, почему здѣсь и дальше, подъ самымъ городомъ, каждую весну открываются глыбы земли, угрожая ближайшимъ къ рѣкѣ домамъ. Во избѣжаніе этого—берега во многихъ мѣстахъ укрѣплены сваями, особенно въ вышеупомянутой слободѣ, гдѣ вода подходитъ подъ самые дома.

Говоря объ историческихъ достопримѣчательностяхъ города, прежде всего слѣдуетъ упомянуть о кладбищенской церкви Божіей Матери, стоящей противъ города, на правомъ берегу Сухоны. Здѣсь существовалъ нѣкогда женскій монастырь — мѣстопребываніе царицы Евдокіи Ѳедоровны, супруги Петра Великаго. Теперь отъ монастыря осталась одна церковь съ оградой, въ которой помѣщаются православное и еврейское кладбища. Городской соборъ, старинный храмъ, построенный на мѣстѣ древняго укрѣпленія, окруженный рвами, ничѣмъ особенно не замѣчателенъ, хотя тотмяки и хвастаютъ своимъ «семисотеннымъ» колоколомъ, висящимъ на соборной колокольнѣ, которая, кстати сказать, на цѣлую четверть отклонилась отъ вертикальнаго положенія.

Посѣщеніе Тотьмы Иваномъ Грознымъ напоминаютъ два мѣста: небольшой лугъ на сѣверной сторонѣ города, называемый *царевымъ*, и лежащее по близости этого луга мѣсто на покатости берега рѣчки Ковды, поросшее осинникомъ и носящее названіе *висѣлки*, гдѣ, по преданію, грозный царь производилъ расправу надъ тотмяками.

Въ 1 верстѣ отъ города, въ живописной долинѣ, по которой струится рѣчка Песья-Деньга, на полуостровѣ, образуемомъ этою рѣчкой и другою — Ковдой, лежитъ *Спасо-Суморинъ монастырь*, съ мощами основателя его преподобнаго Ѳеодосія Суморина. Св. Ѳеодосій былъ тотемскій уроженецъ и, по преданію, занимался солевареніемъ на заводѣ; потомъ, удалившись въ лѣсъ, построилъ себѣ келью и посвятилъ остатокъ жизни спасенію. Тутъ онъ и умеръ. Келья сохранилась до сихъ поръ подъ холоднымъ соборомъ, въ которомъ покоятся мощи преподобнаго. Небольшое окно, высоко отъ земли, слабо освѣщаетъ внутренность кельи; посрединѣ утвержденъ большой деревянный крестъ; передъ нимъ молился св. Ѳеодосій. Богомольцы постоянно отламываютъ и откусываютъ отъ этого креста небольшія щепочки, отчего онъ сталъ гораздо тоньше въ основаніи, чѣмъ вверху. Мощи преподобнаго обрѣтены въ 1796 г. въ царствованіе Екатерины II, а признаны чудотворными въ царствованіе Павла I—и съ тѣхъ поръ привлекаютъ къ себѣ массы богомольцевъ, наравнѣ съ «Соловками». Въ настоящее время монастырскія стѣны заключаютъ въ себѣ три храма: холодный, съ мощами св. Ѳеодосія, теплый, и, выстроенный въ послѣднее время, другой теплый храмъ. Архимандритъ Наѳанаилъ, бывшій настоятель монастыря, много заботился о внѣшнемъ благолѣпіи обители. При немъ выстроена была и колокольня, замѣчательная по своей архитектурѣ и вышинѣ (40 саж.), огромный каменный корпусъ съ кельями для монашествующихъ и послушниковъ, а также большое каменное зданіе—монастырская гостинница. Кромѣ того въ монастырѣ заслуживаютъ вниманія богатая ризница и библіотека.

Отъ дома купца Кокорева, стоящаго въ центрѣ города, идетъ на разстояніи двухъ верстъ шоссейная дорога на солеваренный заводъ. Шоссе это тянется по горѣ, откуда открывается видъ на монастырь, рѣчку Ковду и лежащее на берегу ея заводское кладбище съ каменною церковью. За церковью видны соляныя варницы, а дальше, на огромное пространство, холмы съ разбросанными по нимъ нивами и деревнями; видъ этотъ замыкается теряющимися вдали лѣсами. Въ концѣ дороги стоитъ заводская церковь, высокое зданіе красивой архитектуры, отсюда дорога поворачиваетъ направо и круто спускается въ долину, на днѣ которой раскинулся заводъ съ окружающими его деревнями. Гора эта называется *Каменскою*, на томъ основаніи, что вся усѣяна эрратическими валунами.

Какъ неизвѣстно время основанія Тотьмы, такъ неизвѣстно и начало солеваренія на тотемскомъ заводѣ.

Соль добывается черезъ выпариваніе разсола на нѣсколькихъ варницахъ, т. е. въ огромныхъ сараяхъ, среди каждаго изъ которыхъ повѣшена на желѣзныхъ болтахъ громадная сковорода, называемая *чреномъ*. Разсолъ проводится сюда посредствомъ подземныхъ трубъ. Подъ чреномъ вырыта яма, замѣняющая печь. Отапливаніе производится дровами, при чемъ дымъ и паръ выходятъ прямо черезъ крышу. Выварка соли производится круглый годъ, день и ночь. Варницы существуютъ двухъ родовъ: *черныя*, устройство которыхъ только что описано нами, и *бѣлыя*, отличающіяся лишь болѣе удобнымъ устройствомъ печи и меньшимъ жаромъ, который въ черныхъ варницахъ невыносимъ для непривычнаго человѣка.

Крѣпость разсола, по изслѣдованію Ламбери, полагается въ $6^0/_0$. Количество же вывариваемой ежегодно соли достигаетъ 100,000 пудъ и болѣе.

Вслѣдствіе конкуренціи съ леденскимъ заводомъ *), тотемскій приходитъ постепенно въ упадокъ, такъ какъ первый имѣетъ то преимущество, что разсолъ въ немъ бьетъ изъ земли непосредственно, тогда какъ здѣсь онъ выкачивается посредствомъ паровыхъ машинъ изъ колодцевъ, глубина которыхъ достигаетъ 120 сажень.

Кромѣ солянаго производства, Тотьма извѣстна еще своими рыбными ловлями, причемъ сухонская стерлядь играетъ главную роль. Зеленая слобода, или Зелѣнь,

*) Въ 35 верстахъ отъ Тотьмы.

населена преимущественно рыбаками, имѣющими старинную привилегію на свое занятіе. Преобладающіе сорта рыбъ: налимъ, язь и щука; изъ нихъ послѣдняя достигаетъ иногда вѣсу 40 ф.

Обиліе дичи въ окрестныхъ лѣсахъ доставляетъ работу тоже не малому количеству рукъ; кромѣ того многіе занимаются также ловлею бѣлокъ.

Однако, несмотря на довольно благопріятныя мѣстныя условія, классъ мѣщанъ, составляющій большинство городскихъ жителей, отличается крайнею бѣдностью. Хотя каждый изъ обывателей имѣетъ свой домъ, но пользуется съ него только даровымъ помѣщеніемъ; отдача же въ наемъ квартиръ, вслѣдствіе дешевизны ихъ, почти не приноситъ выгодъ: двѣ или три лучшихъ комнаты въ домѣ съ отопленіемъ отдаются за два и за три рубля въ мѣсяцъ, причемъ деньги эти и уходятъ на дрова и домовыя повинности. Мужчины занимаются преимущественно работами на солеваренномъ заводѣ, въ кузницахъ, или идутъ на судахъ въ Петербургъ. Изъ женскихъ производствъ развито одно — чулочное. Каждая дѣвочка, лишь только получаетъ возможность владѣть пальцами, принимается за вязанье и не выпускаетъ чулка изъ рукъ круглый божій день. Чулки скупаются промышленниками и развозятся по губерніи. Побережные жители занимаются вылавливаніемъ дровъ и лѣсу, плывущаго во множествѣ по рѣкѣ во время половодья. Огородничество, которое могло бы идти успѣшно вслѣдствіе плодородія почвы, развито очень мало. Хотя при каждомъ домѣ найдется огородъ, но въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что едва удовлетворяетъ потребностямъ одного семейства. Вслѣдствіе скудости пищи, состоящей преимущественно изъ трески, картофелю и соленыхъ грибовъ, называемыхъ «волванцами», въ средѣ населенія господствуютъ многія болѣзни, особенно нарывныя, а также такъ - называемая куриная слѣпота (hemeralopya) и вообще болѣзни глазъ, вслѣдствіе вреднаго дѣйствія дыма лучинъ, употребляемыхъ исключительно для освѣщенія въ долгіе осенніе и зимніе вечера. Рабочіе на заводѣ, подвергаясь рѣзкой перемѣнѣ температуры, особенно зимою, при переходѣ изъ адскаго жара варницъ на 20° морозъ, быстро хилѣютъ и впадаютъ въ чахотку, тѣмъ болѣе что атмосфера сама по себѣ постоянно заражена различными вредными газами, отдѣляющимися при выпариваніи соли.

Общественная жизнь въ Тотьмѣ довольно развита. Здѣсь учрежденъ клубъ, существуетъ публичная библіотека и спектакли любителей. Есть даже общественный садъ, никѣмъ впрочемъ не посѣщаемый, такъ какъ окрестности города и безъ того представляютъ большой выборъ для прогулокъ, не говоря уже о набережной Сухоны. Изъ наиболѣе примѣчательныхъ мѣстъ упомянемъ о Дѣдовомъ островѣ, лежащемъ въ 7 верстахъ отъ города, вверхъ по Сухонѣ. Островъ этотъ — высокая полоса земли, поросшая густымъ сосновымъ лѣсомъ, — тянется на цѣлую версту. На одномъ концѣ его заштатный монастырь, заключающій въ себѣ одну небольшую церковь и домъ. Затѣмъ, въ 5 верстахъ внизъ по Сухонѣ, при устьѣ рѣчки Единги — мельница, замѣчательная своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ. Наконецъ, въ 1 верстѣ отсюда — другая мельница на рѣчкѣ Леденгѣ, съ окружающими ее озерами, полными рыбы и дичи.

Неподалеку отъ устья Леденги, противъ деревни *Лось*, возвышается посреди Сухоны исполинскій валунъ *Лось*, много превышающій извѣстный Громъ - камень, служащій подножіемъ статуѣ Петра Великаго въ Петербургѣ. По преданію, Петръ Великій, во время поѣздки своей на Бѣлое море, высаживался со своей свитой на камнѣ Лось, въ память чего на немъ и высѣчена была надпись, теперь кажется уже исчезнувшая, тѣмъ болѣе что камень былъ послѣ того поврежденъ молніей.

Въ заключеніе настоящаго очерка слѣдуетъ еще упомянуть о богатствахъ Тотьмы въ геологическомъ отношеніи — богатствахъ совершенно неизслѣдованныхъ. Весеннія воды, разрушая берега, нерѣдко обнажаютъ цѣлые скелеты и отдѣльныя кости различныхъ ископаемыхъ животныхъ и окаменѣлости. На солеваренномъ заводѣ хранятся многія рѣдкія въ этомъ отношеніи вещи. Въ недавнее посѣщеніе Тотьмы Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, купецъ Кокоревъ поднесъ высокому гостю черепъ ископаемаго носорога, замѣчательный по своей величинѣ и единственный экземпляръ въ этомъ родѣ.

А. Шевяковъ.

Возмутительный способъ погребенія.

Похоронные обряды возникли, конечно, подъ вліяніемъ индивидуальнаго взгляда и извѣстныхъ условій цивилизаціи того или другаго народа. Такимъ образомъ одни бальзамируютъ, подобно древнимъ египтянамъ, своихъ покойниковъ и хоронятъ ихъ въ склепахъ, для того собственно чтобъ они не утратили своего внѣшняго вида; другіе сжигаютъ своихъ мертвыхъ, подобно древнимъ грекамъ и римлянамъ; одни, напр. отаитяне, даютъ имъ истлѣть на открытомъ воздухѣ, а другіе отдаютъ ихъ на съѣденіе собакамъ.

Но еслибъ даже процессъ гніенія и разложенія трупа и не совершался съ такою быстротою и съ такими ужасающими подробностями, то и въ такомъ случаѣ человѣческому достоинству должна быть отдана дань даже въ трупѣ, посредствомъ приличнаго погребенія, — такъ какъ грубый, легкомысленный и не сопровождаемый никакою торжественностью, способъ устраненія трупа съ лица земли долженъ конечно производить деморализирующее вліяніе на живыхъ людей. Тѣмъ возмутительнѣе дѣйствуютъ на насъ примѣры противнаго, къ числу которыхъ принадлежитъ способъ погребенія бѣдныхъ въ Неаполѣ.

Одинъ англійскій путешественникъ разсказываетъ слѣдующее. «Въ Кампо-Санто-Веккіи находится большой дворъ, обнимающій 450 квадратныхъ футовъ и окруженный четырьмя стѣнами, которыя покрыты изображеніями изъ библейской исторіи. Онъ усѣянъ большими каменными глыбами. Триста шестьдесятъ пять склеповъ или, лучше сказать, пещеръ должны принимать въ себя трупы бѣдныхъ. Положеніе каждаго склепа обозначается желѣзнымъ кольцомъ, посредствомъ котораго поднимается, въ опредѣленное время, камень. Погребеніе, если только можно употребить подобное выраженіе, происходитъ ежедневно, ровно въ четыре часа по полудни. Дворъ открытъ всякому. Всѣ трупы, приносимые послѣ четырехъ часовъ, погребаются не прежде

слѣдующаго дня и кладутся сперва въ деревянные ящики, которые ставятся съ западной стороны. Эти послѣдніе обложены кирпичемъ и выкрашены свѣтло-зеленою краскою. Въ день моего посѣщенія тамъ стояло на землѣ пять гробовъ или, лучше сказать, ящиковъ грубой работы, различной величины, окрашенныхъ въ красную, голубую, зеленую и чорную краску, — и тутъ же, подлѣ, орудія для подъема камня, состоявшія изъ одного пестраго шеста съ привѣшенною къ нему тяжелою цѣпью и заступомъ. Кромѣ этого я примѣтилъ еще рычагъ, употреблявшійся для облегченія работы. Тутъ же, подлѣ, стояли двѣ длинныя тачки, снабженныя фонарями, употребленіе которыхъ не могло подлежать сомнѣнію.

Когда пробило четыре часа, пріуготовительныя работы пріостановились. Занимавшіеся ими воспользовались досугомъ для того, чтобы открыть гроба и сдѣлать свои замѣчанія насчетъ находившихся тамъ покойниковъ,— замѣчанія, само-собою разумѣется, не очень нѣжнаго свойства. Наконецъ появился священникъ, произнесъ обычную молитву и окропилъ гробъ святой водой. Затѣмъ онъ сложилъ съ себя священническое облаченіе и принималъ участіе въ послѣдовавшемъ за этимъ уже какъ простой зритель.

Камень, до котораго дошла очередь, былъ приподнятъ. Изъ пропасти поднялся синевато сѣрый паръ, что не помѣшало однакожъ работникамъ приступить къ дѣлу. Два первые гроба заключали въ себѣ останки двухъ взрослыхъ человѣкъ: мужчины и старухи. Они были одѣты очень прилично—и такъ давно умерли, что уже успѣли окаменѣть. Тачку опрокинули такъ, что трупы полетѣли на-земь; ихъ бросили вверхъ ногами въ пропасть, куда они упали съ глухимъ шумомъ на истлѣвшіе кости и скелеты предшествовавшихъ годовъ. Въ слѣдующемъ гробѣ лежалъ трупъ молодой дѣвушки, которая должно-быть была очень хороша собою и хотя бѣдно, но чисто одѣта; голова покоилась на свѣжихъ цвѣтахъ. И ее бросили, внизъ головою, въ пропасть. Ужасенъ былъ видъ трупа, у котораго на-лету распустились волосы. Затѣмъ наступила очередь большаго гроба, содержавшаго въ себѣ смертные останки изъ дома призрѣнія бѣдныхъ.

Что послѣдовало за этимъ,—продолжаетъ очевидецъ, —тому трудно повѣрить, а между тѣмъ это правда. Пока крышка гроба была полуоткрыта, тутъ не было еще ничего удивительнаго, но когда ее совсѣмъ открыли, то въ гробѣ оказалось нѣсколько дѣтей, лежавшихъ такъ-сказать слоями другъ на другѣ. Я насчиталъ ихъ не менѣе восьми, начиная отъ двухъ-лѣтняго возраста до возраста нѣсколькихъ недѣль. Всѣ они были голые—и каждаго изъ нихъ вытащили за руку или за ногу и бросили въ пропасть. Съ двумя другими гробами, изъ которыхъ въ каждомъ было по ребенку, поступили такимъ же образомъ. Я почувствовалъ истинное облегченіе, когда, вслѣдъ за этимъ, отверстіе покрыли снова камнемъ.

Къ сожалѣнію я ошибался, такъ какъ работники доложили священнику, что въ ящикахъ есть еще одинъ трупъ, который «забыли», а потомъ еще одинъ въ тачкѣ. Забытый трупъ оказался трупомъ взрослой женщины; его принесъ на головѣ какой-то мужчина, въ чемъ-то въ родѣ корыта, на край склепа, гдѣ трупъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока не опорожнилась тачка. Въ этой тачкѣ находились два трупа: юноши и мальчика; послѣдній былъ совсѣмъ согнутъ. Женщина, юноша и мальчикъ были — голые. Они были присланы госпиталемъ! Священникъ опять облачился въ свою одежду и окропилъ святой водой троихъ покойниковъ, которыхъ, вслѣдъ за этимъ, схватили и бросили въ ненасытную пропасть».

Когда все кончилось, англійскій путешественникъ заглянулъ въ пропасть, но онъ не рѣшился описывать тѣхъ ужасовъ, которые онъ тамъ увидѣлъ.

Сдѣланное англичаниномъ описаніе помѣчено 1863 годомъ. Наши читатели думаютъ можетъ-быть, что подобнаго оскверненія мертвыхъ въ наше время уже не бываетъ, и что приняты мѣры для того, чтобы человѣческому достоинству оказывалось должное уваженіе даже и при погребеніи бѣдныхъ.

Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Изъ описаній, сдѣланныхъ однимъ нѣмцемъ, оказывается, что возмутительный способъ погребенія все еще существуетъ. Мы заимствуемъ слѣдующее описаніе изъ писемъ В. Россмана, изданныхъ подъ заглавіемъ: «Vom Gestade der Zyklopen und Sirenen» (съ берега циклоповъ и сиренъ).

«Капуцинъ — говоритъ авторъ—привелъ насъ къ большому двору, покрытому лавой, гдѣ мы увидали около пятидесяти склеповъ, замкнутыхъ каменными плитами. Надъ однимъ изъ нихъ торчала оконечность большаго рычага.

«Это — новое кладбище для бѣдныхъ, точно такъ же какъ и то, что на томъ берегу; не угодно ли намъ взглянуть на могилу, гдѣ похоронили, два дни тому назадъ, послѣдняго?»

Мы изъявили согласіе.

Тогда одинъ изъ работниковъ захватилъ каменную плиту тремя спускавшимися съ рычага цѣпями, и она, словно чаша у вѣсовъ, повисла въ воздухѣ, тотчасъ же какъ онъ придавилъ рычагъ. Какое представилось намъ зрѣлище! Внизу, въ большомъ склепѣ, открывшемся передъ нами, на глубинѣ около тридцати футовъ, сколько я могъ разсчитать, лежала, какъ ни попало, куча труповъ, обернутыхъ большею частью въ полотно, отчасти же одѣтыхъ въ обыкновенныя платья; наверху старикъ, поперекъ него ребенокъ.

— Какимъ образомъ попадаютъ они сюда?

Капуцинъ отвѣчалъ: — посредствомъ веревокъ.

Но это еще не все. Объ этомъ возмутительномъ способѣ погребенія мы должны были выслушать еще болѣе ужасающія подробности, и вслѣдъ за этимъ отправились на старое кладбище, совершенно предоставленное бѣднымъ. Здѣсь мы вошли въ точно такой же дворъ, но онъ былъ больше того и вмѣщалъ въ себѣ 19 × 19 такихъ же склеповъ, какъ и вышеописанные, расположенныхъ четвероугольниковъ. А потомъ есть еще одинъ дворъ, который заключаетъ въ себѣ столько могилъ, что въ цѣломъ число ихъ равняется числу годовыхъ дней. Каждый вечеръ открывается по одной могилѣ, которая принимаетъ въ себя около сорока покойниковъ—и потомъ закрывается и замазывается замазкой вплоть до такого же дня слѣдующаго года. Дезинфекціонныя средства не употребляются, а между тѣмъ воздухъ остается хорошъ и при этихъ мѣрахъ; правда, что трупы скорѣе сохнутъ чѣмъ гніютъ.

Кладбище было оживлено порядочнымъ количествомъ людей самыхъ бѣдныхъ классовъ. Нѣкоторые изъ нихъ молились вслухъ и мысленно передъ развѣшенными кругомъ, по стѣнамъ, распятіями. Другіе преклоняли колѣна передъ склепами, положивъ на покрывающую ихъ плиту цвѣтокъ. Тамъ и сямъ, передъ одною изъ этихъ страшныхъ дверей, виднѣлась цѣлая группа,

расположившаяся кружкомъ,—и притомъ группа такихъ людей, которые, не будь этого случая, навсегда бы можетъ-быть остались чужды другъ другу, и были соединены между собою только тѣмъ грустнымъ вечеромъ, когда одна общая могила приняла въ себя ихъ покойниковъ.

Мало-по-малу жатва настоящаго дня была внесена. Старые, ветхіе гроба, иногда украшенные фонаремъ, приносились на головѣ двумя человѣками и ставились на время у стѣны. Появлялись также и повозки, въ которыхъ стояло по два и болѣе гроба. Одинъ провожатый представилъ въ канцелярію священника свидѣтельство о смерти, имена записали, и вотъ его кладь сдана. Теперь ему остается только выждать возвращенія гробовъ. Мы спросили могильщика, не употребляется ли и тутъ веревка.

— Да, отвѣчалъ онъ, — если провожатые принесутъ ее, иначе дѣло обходится *di sopra al basso*...

И онъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ бы хотѣлъ сбросить что внизъ.

Могильщикъ предложилъ намъ присутствовать вечеромъ при погребеніи, но мы не могли рѣшиться на это и оставили кладбище, куда — по мѣрѣ того какъ темнѣло — сносилось все больше и больше гробовъ.

В. Россманъ старается отыскать тѣ причины, на основаніи которыхъ можетъ держаться подобный способъ погребенія. Онъ, очевидно, напалъ на истинную, говоря, что этого никогда бы не могло быть, еслибъ само народонаселеніе видѣло что-нибудь оскорбительное въ подобномъ погребеніи. У насъ подобный способъ погребенія произвелъ бы мятежъ; но въ Неаполѣ, гдѣ бѣдные живутъ на улицахъ въ такой тѣсной связи, что невозможно отличить семейство отъ семейства,—имъ утѣшительно думать, что и ихъ покойники также тѣсно соединены между собою. Что они достигаютъ мѣста своего покоя *salto-mortale* — въ буквальномъ смыслѣ этого слова — это не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для подвижнаго, живаго духа пережившихъ. А то, чѣмъ наиболѣе оскорбляется при этомъ наше чувство — рѣзкое различіе и раздѣленіе богатыхъ и бѣдныхъ, — безпечный неаполитанецъ принимаетъ какъ нѣчто совершенно естественное, точно такъ же какъ онъ дѣлаетъ это и во многихъ другихъ случаяхъ. Тѣмъ не менѣе этотъ недостойный способъ погребенія не перестаетъ оставаться такимъ, который въ высшей степени оскорбляетъ чувство, нарушаетъ всякое уваженіе къ умершимъ, и вслѣдствіе этого долженъ быть замѣненъ (чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше) другимъ — и притомъ такимъ, при которомъ человѣческое достоинство уважалось бы даже въ трупѣ самаго послѣдняго бѣдняка, самаго послѣдняго нищаго.

Юстусъ Либихъ.

Въ этомъ № «Нивы» мы предлагаемъ читателямъ портретъ человѣка, имя котораго среди современныхъ естествоиспытателей пользуется большою извѣстностью, и научныя работы котораго въ примѣненіи къ практической жизни людей принесли большую пользу.

Химикъ Юстусъ Либихъ, родившійся 8 мая 1803 года, происходитъ изъ бѣднаго мѣщанскаго семейства въ городѣ Дармштадтѣ.

Уже въ домѣ своего отца, торговца москательными товарами, началъ онъ дѣлать различные химическіе манипуляціи и опыты. Какъ указаніе на то, что онъ рано сознавалъ свое будущее призваніе, можетъ служить анекдотъ изъ его школьной жизни, гдѣ учитель латинскаго языка, сильно недовольный имъ, спросилъ его: «что изъ него будетъ»? — «Химикъ» былъ отвѣтъ. — «Да это—ничто», презрительно замѣтилъ учитель. Однако отецъ лучше понялъ наклонности своего сына и отдалъ его въ ученье въ одну изъ аптекъ своего родного города. Но здѣсь мальчикъ оставался недолго—и скоро при помощи Шлейермахера, которому городъ Дармштадтъ обязанъ очень многимъ, проложилъ себѣ дорогу сначала въ Боннскій, а потомъ и въ Эрлангенскій университеты, гдѣ и занимался съ 1819—1822 годъ. Здѣсь онъ коротко сблизился съ стихотворцемъ графомъ Платеномъ, который ознакомилъ Либиха съ древней и новой литературой, посвятилъ ему многія изъ своихъ сонетовъ и другихъ мелкихъ стихотвореній.

Съ 1822—1824 годъ Либихъ находился въ Парижѣ, въ качествѣ ученика знаменитаго Гей-Люссака, и въ то же время производилъ вмѣстѣ съ Дюма опасныя изслѣдованія надъ гремучими кислотами. Изслѣдованія эти легли въ основу всѣхъ тѣхъ преобразованій, которыя были сдѣланы въ огнестрѣльномъ оружіи,—и обратили вниманіе на нашего молодаго химика (когда онъ представилъ одну изъ своихъ работъ въ Академію Наукъ) такого человѣка какъ Александръ Гумбольдтъ. Въ посвященіи къ своей «Химіи Земледѣлія», Либихъ писалъ въ 1840 году къ своему благородному другу слѣдующее: «Къ концу засѣданія, въ которое я представилъ свою работу, а именно 18 іюля 1823 года, въ то время какъ я собиралъ и укладывалъ свои препараты, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ членовъ Академіи и началъ разговоръ. Въ нѣсколько минутъ онъ успѣлъ овладѣть всѣмъ моимъ довѣріемъ и узнать о моихъ занятіяхъ, проектахъ и т. д.; мы разстались—и я по неопытности и стыдливости не спросилъ, кому я обязанъ такимъ участіемъ. Но этотъ разговоръ послужилъ базисомъ моей будущности, потому что я пріобрѣлъ для моихъ научныхъ цѣлей и изысканій могущественнаго друга и покровителя».

И здѣсь какъ всегда Гумбольдтъ выказалъ свой даръ—съ перваго же взгляда узнавать людей. Благодаря любезности и участію этого послѣдняго, для Либиха открылись двери всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей, какъ-то: Дюлонга, Тенара и Гей-Люссака. Лабораторіи, кабинеты, институты предлагали ему всѣ свои средства— и скоро онъ съумѣлъ проложить путь и къ академической дѣятельности въ Германіи. Гумбольдтъ писалъ между прочимъ Шлейермахеру, что герцогство Гессенъ нуждается въ геніальныхъ способностяхъ такого человѣка какъ Либихъ, и что оно должно непремѣнно непускать его изъ виду. Дѣйствительно, Либихъ былъ сдѣланъ въ Гессенскомъ университетѣ сначала (въ 1824 году) экстраординарнымъ, а вскорѣ потомъ (въ 1826 году) и ординарнымъ профессоромъ химіи.

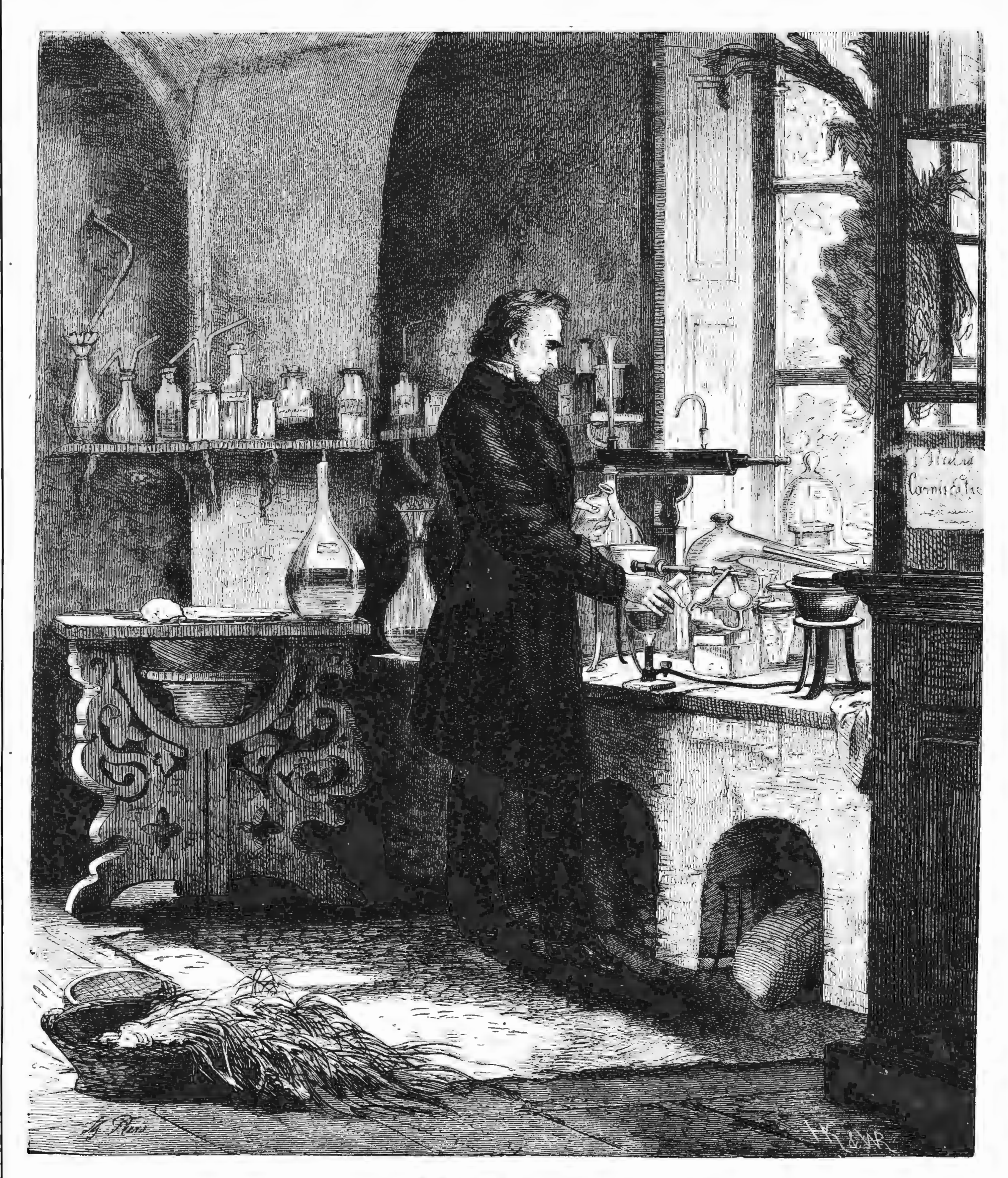
Какъ скоро Либихъ занялъ уже извѣстное положеніе, онъ понялъ, что для истиннаго изученія химіи необходимо основать практическія школы, лабораторіи,

въ которыхъ бы молодые люди могли самостоятельно и успѣшно заняться естествознаніемъ. Однажды сознавъ это, онъ съ энергіею стремился къ исполненію своей великой мысли. Правительство, хорошо сознавшее пользу подобныхъ учрежденій, уступило мало по малу его предложенію. Настало время, когда химія обратилась къ изслѣдованію органической жизни. Явился цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ составляло насущную потребность, но которыми до сихъ поръ если и занимались, то очень мало и одиночно. Изъ какихъ веществъ состоитъ тѣло растеній, животныхъ и человѣка? Въ какихъ соединеніяхъ находятся эти вещества, и какія свойства этихъ соединеній? Какъ происходитъ при жизни обмѣнъ этихъ веществъ, какимъ процессамъ подвергаются они во время питанія организма, какъ онѣ воспринимаются и выдѣляются, каково ихъ участіе и роль въ различныхъ жизненныхъ явленіяхъ и отправленіяхъ? Вотъ какіе вопросы стояли на очереди — и ихъ нужно было разрѣшить. Либихъ устроилъ для этой цѣли весьма остроумный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень простой аппаратъ, т. е. такой аппаратъ, посредствомъ котораго всѣ органическія соединенія можно очень легко разлагать на ихъ составные элементы. Скоро этотъ аппаратъ получилъ всесвѣтную извѣстность—и не было уголка на землѣ, гдѣ бы занимались химическими изслѣдованіями и не пользовались имъ. Либихъ самъ работалъ неутомимо, часто въ сообществѣ своего друга Вёлера, который прибылъ изъ Гёттингена въ Гессенъ. Позднѣе по образцу Гессенской лабораторіи—и въ большинствѣ случаевъ учениками Либиха—были устроены подобныя же во многихъ нѣмецкихъ университетахъ, а также въ Англіи, Швеціи, Россіи и Америкѣ. Но впродолженіи двадцати лѣтъ Гессенская лабораторія и школа были единственными, впослѣдствіи первостепенными. Тысячи даровитыхъ молодыхъ людей стекались въ Гессенъ, чтобы здѣсь подъ руководствомъ Либиха и при его содѣйствіи основательно изучить химію—и потомъ уже собственными самостоятельными изслѣдованіями и открытіями занять почетное мѣсто какъ въ наукѣ, такъ и въ обществѣ. Долгое время въ Гессенѣ дѣлалось болѣе открытій и изысканій въ области органической химіи, чѣмъ во всемъ остальномъ мірѣ взятомъ вмѣстѣ. Либихъ былъ центромъ, средоточіемъ всего того, что изслѣдовало и работало вокругъ его. Онъ предлагалъ задачи и указывалъ при этомъ тотъ или другой легчайшій путь, помощію котораго можно было рѣшить ихъ и скорѣе и вѣрнѣе. Ученики съ рвеніемъ принимались за указанныя работы—и если случалось кому либо сдѣлать открытіе, то Либихъ безъ всякой зависти представлялъ эту честь открытія счастливцу, хотя онъ самъ часто еще прежде по аналогіи догадывался объ этомъ. Многіе молодые люди оставили Гессенскій университетъ съ почетнымъ именемъ въ наукѣ, многіе другіе остались на дальнѣйшій срокъ, чтобы впослѣдствіи занять мѣсто профессора въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи, такъ что нѣкоторое время не было ни одного университета, въ которомъ бы не былъ профессоромъ хоть одинъ либиховскій ученикъ. Будучи всегда любезенъ и обходителенъ со всѣми своими учениками и друзьями, Либихъ былъ въ то же время неумолимо строгъ во всемъ, что касалось науки или справедливости. Врагъ всякой лжи и самохвальства, онъ считалъ величайшимъ удовольствіемъ вступать по этому поводу въ полемику и разбивать на голову своего противника. Такъ какъ онъ открылъ новыхъ дѣятелей, факторовъ въ наукѣ, то неудивительно, что онъ приписывалъ химическимъ силамъ и законамъ слишкомъ много, стараясь ими одними объяснить всѣ явленія жизни и не признавая какого либо организующаго принципа въ самомъ организмѣ. Ботаники, физіологи вступили съ нимъ по этому поводу въ споръ, который часто велся съ ожесточеніемъ, и въ большинствѣ случаевъ этимъ самымъ споспѣшествовали развитію науки. Впрочемъ Либихъ не держался старыхъ воззрѣній, если находилъ новыя лучшія. Онъ говорилъ, что истинный изслѣдователь и мыслитель долженъ всегда отбрасывать старые взгляды и обращаться къ новымъ—и что только тотъ боится разстаться со старымъ привычнымъ міровоззрѣніемъ, кто неспособенъ болѣе къ дальнѣйшему развитію.

Перемѣщеніе главной квартиры короля прусскаго изъ Ферьера въ Версаль.

Около 1840 года Либихъ собралъ всѣ сдѣланныя имъ и его учениками изслѣдованія, которыя впрочемъ уже ранѣе обнародывались въ его «Химическихъ Анналахъ»,—и приведши въ строгую систему, вывелъ общія заключенія. Слѣдствіемъ всего этого было появленіе замѣчательныхъ сочиненій о химическихъ условіяхъ и процессахъ животной и растительной жизни, о химіи въ примѣненіи ея къ земледѣлію, физіологіи и медицинѣ. Сочиненія эти расширили область науки, открыли ей новые пути, многое уяснили и улучшили въ нашей обыденной, ежечастной жизни. Въ нихъ Либихъ обращался не только къ ученымъ спеціалистамъ въ извѣстной области знанія, но и ко всѣмъ мало-мальски образованнымъ, развитымъ личностямъ. Въ такомъ духѣ и съ такою цѣлію написаны имъ «Письма о Химіи», ко-

Либихъ въ лабораторіи.

торыя печатались сначала въ «Allgemeine Zeitung», и будучи изданы отдѣльно, представляли тоненькую книжечку, но въ послѣдующихъ изданіяхъ (чрезъ новыя прибавленія и разъясненія поднятыхъ вопросовъ) все болѣе и болѣе увеличивающуюся и являющуюся въ настоящее время въ видѣ двухъ довольно-объемистыхъ томовъ. Изданіе это (послѣднее) очень дешево—и будучи доступно каждому, быстро распространяется въ народѣ.

Либихъ, разъ опредѣливши, что̀ получаютъ растенія изъ почвы и воздуха, совѣтуетъ для успѣшнаго процвѣтанія хозяйства, съ цѣлію имѣть постоянно плодородныя поля, отдавать имъ въ видѣ удобренія то, что̀ взято съ нихъ въ видѣ жатвы. Онъ раздѣлилъ питательныя вещества, употребляемыя человѣкомъ на такія, которыя тратятся на процессъ дыханія и этимъ самымъ образуютъ животную теплоту, — и на такія, которыя идутъ на образованіе крови и тканей, а также на возобновленіе тратимыхъ силъ. Онъ научно указалъ законы

раціональнаго веденія хозяйства, имѣя въ виду тѣ ложныя теоріи, на которыхъ до тѣхъ поръ оно было построено. Вообще во всѣхъ его сочиненіяхъ проглядываетъ желаніе принести своими изысканіями посильную пользу не только отдѣльнымъ лицамъ, но цѣлому народу, человѣчеству. Такъ, напримѣръ, желая облегчить участь зеркально-фабричныхъ работниковъ, здоровье которыхъ сильно страдаетъ отъ постояннаго обращенія со ртутью, онъ предложилъ покрывать стекла серебромъ вмѣсто употребляемой и понынѣ (какъ болѣе дешевой) ртути.

Въ знакъ благородной признательности правительству герцогства Гессенскаго, которое съ такою готовностью согласилось на всѣ предложенія, сдѣланныя Любихомъ въ началѣ его ученой дѣятельности, онъ отклонилъ всѣ предложенія, дѣлаемыя ему различными университетами, занять у нихъ кафедру химіи. Но многихъ людей, которые прежде стояли во главѣ правленія и своимъ дѣятельнымъ покровительствомъ и участіемъ способствовали развитію этихъ учрежденій, не стало; многія изъ его разумныхъ желаній не находили болѣе необходимаго удовлетворенія, такъ что въ 1852 году Либихъ почелъ за лучшее согласиться на предложеніе короля баварскаго и перешелъ въ Мюнхенъ. Здѣсь, сначала въ качествѣ профессора, потомъ президента Академіи Наукъ, наконецъ главнаго хранителя всѣхъ научныхъ собраній государства, которыя наполнялъ очень умный и научнообразованный король, Либихъ занялъ почетное и вліятельное положеніе въ свѣтѣ.

Но все это нѣсколько помрачалось несчастнымъ случаемъ, который произошелъ съ нимъ на одной изъ прогулокъ. Онъ упалъ и разбилъ себѣ колѣнную чашку, вслѣдствіе чего на долгое время былъ лишенъ возможности двигаться и навсегда нарушилось правильное отправленіе конечности; также не малую долю огорченія принесла ему и смерть его старшей дочери. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ сломить силу его духа не было возможности, а работа давала ему утѣшеніе и облегченіе. Его изслѣдованія обратились къ исторіи естествознанія, — и его академическія рѣчи по силѣ своей мысли и ясности имѣютъ большое значеніе. Не смотря на то, что онъ очень свободно и прямо отзывался о дѣйствіи законовъ природы, все-таки онъ открыто возстаетъ противъ крайнихъ взглядовъ матеріализма, который отрицаетъ Бога, какъ существо и всезиждущій духъ. Либихъ видитъ во всемъ существующемъ, во всемъ твореніи со всѣми его законами и формами, мысль и волю Творца.

Политическое обозрѣніе.

Надежды на перемиріе исчезли: переговоры, происходившіе въ Версалѣ между графомъ Бисмаркомъ и г. Тьеромъ, окончились безъ всякаго результата, и послѣдній 7-го ноября выѣхалъ изъ Версаля. О ходѣ этихъ переговоровъ мы имѣемъ теперь офиціальныя извѣстія изъ циркуляровъ графа Бисмарка и г. Жюля Фавра, а также изъ обнародованнаго (по распоряженію французскаго временнаго правительства) отчета г. Тьера. Читателямъ извѣстно уже, что г. Тьеръ прибылъ въ Версаль, имѣлъ совѣщаніе съ графомъ Бисмаркомъ и вступилъ съ нимъ въ переговоры о перемиріи—вслѣдствіе представленій сдѣланныхъ прусскому правительству нейтральными державами. Цѣлію перемирія было созваніе во Франціи учредительнаго собранія, которое могло бы установить правильное правительство, и это правительство въ свою очередь могло бы заключить съ Германіей прочный миръ. Сѣверо-германскій канцлеръ предлагалъ перемиріе на 25 дней на основаніи военнаго statu quo, съ правомъ избранія депутатовъ въ учредительное собраніе, даже въ департаментахъ занятыхъ нѣмецкими войсками; что касается до выборовъ въ Эльзасѣ, то графъ фонъ-Бисмаркъ сдѣлалъ оговорку, которая въ циркулярѣ его отъ 8-го ноября изложена такъ:

«Я объявилъ, что мы не станемъ настаивать ни на какихъ условіяхъ, которыми до заключенія мира подверглась бы вопросу принадлежность къ Франціи нѣмецкихъ департаментовъ, и что не подвергнемъ никакой отвѣтственности жителей этихъ департаментовъ, если кто-либо изъ этихъ жителей явится депутатомъ отъ своихъ согражданъ во французскомъ національномъ собраніи».

Съ этими предложеніями г. Тьеръ отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ одни сутки,—и по возвращеніи объявилъ графу Бисмарку, что правительство національной защиты соглашается на перемиріе только въ такомъ случаѣ, если въ теченіи означенныхъ 25-ти дней дозволено будетъ снабжать Парижъ продовольствіемъ. Предложеніе это было отвергнуто сѣверо-германскимъ канцлеромъ, и переговоры прекратились. Каждая изъ воюющихъ сторонъ перерывъ переговоровъ приписываетъ неуступчивости другой: требованіе о дозволеніи снабжать Парижъ продовольствіемъ во время перемирія—графъ Бисмаркъ называетъ неслыханными притязаніями; а г. Жюль Фавръ въ своемъ циркулярѣ возвѣщаетъ, что отказъ на это требованіе со стороны Пруссіи—свидѣтельствуетъ о ея желаніи воспользоваться перемиріемъ для того только, чтобъ истощить жизненные припасы, находящіеся еще въ столицѣ и принудить ее къ скорѣйшей сдачѣ.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжаются. Подъ Парижемъ въ послѣднее время не было никакихъ замѣчательныхъ дѣлъ; но очевидно, что если не встрѣтится никакихъ особыхъ обстоятельствъ, то бомбардированіе этого города начнется въ скоромъ времени. Сколько намъ извѣстно изъ нѣмецкихъ газетъ, осадный паркъ съ орудіями громаднаго калибра, хватающими на 8 и на 9 верстъ, уже подвезенъ въ нѣмецкую армію и всѣ приготовленія къ бомбардированію сдѣланы. Такая же дѣятельность господствуетъ и въ Парижѣ, гдѣ, послѣ подачи голосовъ о довѣріи къ временному правительству (въ пользу котораго оказалось громадное, почти единогласное большинство), всѣ средства къ защитѣ употребляются въ дѣло; на всѣхъ заводахъ льются пушки и выдѣлываются ружья, пороху заготовляется страшное количество, форты укрѣпляются, и болѣе 600,000 человѣкъ находится въ готовности для встрѣчи непріятеля. Такъ покрайней мѣрѣ сообщаютъ извѣстія, получаемыя въ англійскихъ и бельгійскихъ газетахъ съ воздушною почтой. Тѣже корреспонденціи сообщаютъ, что съѣстныхъ припасовъ въ Парижѣ изобиліе: свѣжаго мяса достанетъ до 15-го декабря, а соленаго еще на три мѣсяца; хлѣба же и вина будто бы неистощимые запасы. Извѣстія

эти провѣрить трудно—и мы можемъ сообщить ихъ для свѣдѣнія читателей не какъ достовѣрный фактъ, а какъ разсказы парижскихъ корреспондентовъ.

Что касается до военныхъ дѣйствій на прочихъ пунктахъ Франціи, то самымъ важнымъ изъ нихъ было отнятіе французами Орлеана и пораженіе при Куломье нѣмецкаго корпуса генерала фонъ-деръ-Танна, 10-го и 11-го ноября. Успѣхъ этотъ одержала такъ-называемая Луарская армія подъ предводительствомъ генерала Орелля-де Паладина; онъ успѣлъ зайдти во флангъ корпуса генерала фонъ-деръ Танна, который, какъ видно изъ его реляціи напечатанной въ нѣкоторыхъ газетахъ, принужденъ былъ отступить съ значительными потерями (нѣмецкія войска потеряли болѣе 5,000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, нѣсколько пушекъ и 30 зарядныхъ ящиковъ). Сраженіе это, хотя сравнительно неважное по количеству потерь понесенныхъ нѣмцами, можетъ имѣть большое вліяніе въ томъ отношеніи, что оно подниметъ духъ французской арміи, которая съ самаго начала войны и до сихъ поръ терпѣла пораженія, безпримѣрныя въ исторіи,—и сверхъ того очень важно очищеніе Орлеана, который считается однимъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ въ этой части Франціи. На подкрѣпленіе разстроеннаго корпуса генерала фонъ-деръ-Танна тотчасъ же былъ отправленъ изъ главной квартиры корпусъ войска подъ предводительствомъ герцога Мекленбургскаго,—и телеграфъ извѣстилъ уже, что 18-го ноября послѣдній опрокинулъ непріятеля на всемъ протяженіи его позиціи при Дрё (въ 45 километрахъ отъ Версаля и въ 103 километрахъ отъ Орлеана).

Объ арміи принца Фридриха Карла, оставшейся свободною послѣ капитуляціи Меца, до сихъ поръ нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій: какъ утверждаютъ многія газеты, часть ея изъ нѣсколькихъ дивизій присоединилась къ арміи, осаждающей Парижъ; другая часть подъ предводительствомъ генерала Мантейфеля (прежняя 1-я армія, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрядовъ) двинулась къ сѣверу, а собственно армія Фридриха Карла (прежняя 2-я армія) направляется къ Ліону, гдѣ такъ же какъ и въ Парижѣ дѣлаются отчаянныя приготовленія къ защитѣ. На прочихъ пунктахъ территоріи, занятыхъ нѣмецкимм войсками, не было никакихъ военныхъ дѣйствій.

Въ Вогезахъ происходятъ по временамъ стычки между нѣмецкими отрядами и арміей Гарибальди (главная квартира котораго находится въ Делѣ), состоящей, какъ извѣстно, изъ вольныхъ стрѣлковъ, волонтеровъ и подвижной гвардіи; Бельфоръ обложенъ нѣмецкими войсками, которыя готовятся уже начать его осаду.

О числѣ французскихъ войскъ, то-есть вновь набранныхъ, трудно сказать что-нибудь достовѣрное, такъ какъ извѣстія по этому предмету противорѣчатъ одно другому; достовѣрно только то, что кромѣ Луарской арміи генерала Орелля и Гарибальдійской, сформирована еще армія Бретонская подъ начальствомъ графа де-Кератри, которая, какъ слышно, готова двинуться на помощь арміи Луарской.

Переговоры въ Версалѣ относительно объединенія Германіи еще не окончились; согласіе на устройство новаго Германскаго Союза, главой коего долженъ быть король прусскій съ титуломъ императора, дали всѣ южно-нѣмецкія государства за исключеніемъ Баваріи, которая желаетъ сохранить за собою автономію относительно военныхъ и дипломатическихъ дѣлъ. Послѣдуетъ ли соглашеніе этого послѣдняго королевства и на какихъ условіяхъ — до сихъ поръ неизвѣстно. Что касается до созванія германскаго рейхстага, то теперь уже рѣшено, что онъ соберется въ Берлинѣ; за отсутствіемъ короля и графа Бисмарка, сессію рейхстага откроетъ товарищъ государственнаго канцлера г. Дельбрюкъ, и она будетъ продолжаться три недѣли.

Прямые выборы въ Вѣнскій рейхсратъ, произведенныя въ Богеміи, оказались враждебны правительству, вслѣдствіе чего возобновились слухи о паденіи Цислейтанскаго кабинета, и телеграмма изъ Вѣны отъ 17-го ноября прямо извѣщаетъ, что графъ Потоцкій подалъ въ отставку. Слухи носятся также объ отставкѣ императорскаго канцлера графа Бейста. Выборы въ делегаціи производятся, и сессія оныхъ должна открыться 24-го ноября.

На югѣ Европы предстоятъ два важныхъ событія: перенесеніе итальянскаго престола изъ Флоренціи въ Римъ, которое должно послѣдовать въ концѣ декабря, хотя время еще не опредѣлено окончательно,—и вступленіе на престолъ Испаніи втораго сына короля Эммануила Амедея, герцога Аостскаго, избраннаго кортесами 16-го ноября. Депутація высшихъ испанскихъ сановниковъ отправляется во Флоренцію для сообщенія принцу этого избранія.

Смѣсь.

Изъ Ферьера въ Версаль.

(См. стр. 732).

Прилагаемый рисунокъ представляетъ перемѣщеніе главной квартиры короля прусскаго изъ Ферьера въ Версаль. Около 1200 человѣкъ (королевскій дворъ, свита, дипломатическій корпусъ, штабъ, служащіе при графѣ Бисмаркѣ, адъютанты, прислуга и пр. и пр.) и до 1500 лошадей (верховыхъ, вьючныхъ и упряжныхъ) одновременно выступаютъ изъ прежняго мѣстопребыванія. Впереди видѣнъ отрядъ улановъ. На заднемъ планѣ, вдали, пылаютъ деревни, подожженныя французами.

Замокъ Ферьеръ, служившій для помѣщенія главной квартиры короля прусскаго въ началѣ обложенія Парижа, принадлежитъ барону Ротшильду старшему.

Всемірная выставка въ Вѣнѣ положительно назначена на 1873 г. Императоръ уже далъ испрашиваемое совѣтомъ министровъ разрѣшеніе выпустить офиціальное о томъ извѣщеніе. По частнымъ подпискамъ, начатымъ съ цѣлью облегчить правительству расходы, оцѣняемые въ 6 милліоновъ гульденовъ, уже собрано $1\frac{1}{2}$ милліона.

Игрушки для животныхъ.—На столбцахъ одной лондонской спортсменской газеты, одинъ животнолюбивый британецъ, наблюдавшій за тоскующими отъ скуки четвероногими, запертыми въ зоологическихъ садахъ, приглашаетъ публику дарить имъ игрушки. Онъ между прочимъ говоритъ, что мячики и разные шары доставляютъ большое увеселеніе жителямъ этихъ садовъ, и упоминаетъ въ томъ числѣ выдру и даже слона. Даже бѣлыхъ медвѣдей, увѣряетъ онъ, игрушки настолько развлекаютъ, что они прерываютъ свое тоскливыя метанія по клѣткѣ. Впрочемъ, особенно мудренаго тутъ нѣтъ ничего; веселимъ же мы котятъ клубками и бумажками на ниточкахъ, а молодымъ собакамъ даемъ же мячики.

Бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Андру Джонсонъ, намѣревается вновь открыть свое портняжье заведеніе, но въ бо̀льшихъ размѣрахъ противъ прежняго. Говорятъ, онъ съ этой цѣлью купилъ большое массивное зданіе въ Гринвиллѣ, въ Штатѣ Теннеси.

Возвращеніе къ жизни. — Во французской медицинской газетѣ «Montpellier médical» разсказанъ слѣдующій замѣчательный случай. 19-лѣтній юноша заснулъ передъ печкой, натопленной углемъ, и на другое утро въ 6 час. его нашли безъ всякихъ признаковъ жизни. Раскаленное желѣзо, приложенное къ подошвамъ, къ ладонямъ и подъ ложечку, не произвело дѣйствія. Обратились къ электричеству, и въ теченіе двухъ часовъ направляли электрическій токъ къ разнымъ частямъ тѣла—тоже безъ успѣха. Уже готовились прекратить опыты, какъ вдругъ въ щекахъ начала показываться легкая теплота. Старанія были конечно удвоены, и послѣ восьми-часоваго, безпрерывнаго электризованія, юноша возвратился къ жизни.

Быстрота почтовыхъ голубей.—Однажды, въ воскресенье въ 6 ч. у., нѣсколько членовъ основаннаго въ Пештѣ общества птицеводства, выпустили изъ пештскаго Thiergarten двухъ почтовыхъ голубей, нарочно привезенныхъ за два дня передъ тѣмъ изъ Кёльна на Рейнѣ. Привѣтствія и извѣстія, посылаемыя изъ Пешта въ Кёльнъ, напечатали на перьяхъ крыльевъ, и вмѣстѣ съ ними за компанію отправили четырехъ венгерскихъ голубей, извѣстныхъ по быстротѣ полета. Эта воздушная экспедиція представляла весьма интересное зрѣлище. Благопріятствуемые великолѣпной, ясной погодой, всѣ шесть голубей, почтовые впереди, какъ стрѣлы или ракеты взвились на воздухъ. Спустя полчаса кельнскихъ голубей уже не видать было, но венгерскіе проводили гостей только до извѣстной высоты, доступной глазу,—и затѣмъ скромно воротились въ свои пештскіе дворцы. Въ 5 ч. веч. того же дня, былъ полученъ изъ Кёльна по телеграфу дружескій отвѣтъ на привѣтствіе Венгерскаго общества, съ присовокупленіемъ, что голуби прилетѣли благополучно, но нѣсколько утомленые въ Кёльнъ въ 2 ч. пополудни — стало быть пролетѣли 1050 верстъ въ 8 часовъ времени.

Раскопки въ Гренадѣ.—По свѣдѣніямъ, приводимымъ въ одной Испанской газетѣ, въ Гренадѣ при изслѣдованіи и раскапываніи земли, нѣкогда принадлежавшей инквизиціи, найденъ цѣлый рядъ погребо-образныхъ подземныхъ сводовъ, служившихъ темницами. Каждая изъ этихъ ямъ имѣетъ три фута въ вышину и два съ половиной фута въ ширину,—слѣдовательно, какъ разъ можетъ помѣститься въ ней человѣкъ въ сидячемъ положеніи. Въ нѣсколькихъ такихъ подземельяхъ оказались человѣческія кости. Кромѣ того находятъ цѣлые скелеты въ желѣзныхъ клѣткахъ. Снаряжена уже ученая коммисія для изученія предмета и составленія записки о немъ.

Происхожденіе Пія IX. — Одинъ итальянецъ, коротко знающій генеалогію римскихъ и вообще италъянскихъ извѣстныхъ фамилій, доказываетъ что родъ Мастаи (къ которому принадлежитъ нынѣшній папа, Пій IX) еврейскаго происхожденія. Мастаи обязаны графскимъ титуломъ дѣвицѣ Ферретти, изъ старинняго знатнаго рода, вышедшей замужъ въ Сенигальѣ за крещеннаго еврея. Уже 24 года назадъ, когда кардиналъ графъ Мастаи-Ферретти сѣлъ на папскій престолъ, принявъ имя Пія IX, маркизъ Консолини напечаталъ брошюру въ этомъ смыслѣ. Авторъ былъ изгнанъ, брошюра его—предана пламени. Съ тѣхъ поръ между семействами Мастаи и Консолини установилась настоящая корсиканская *вендета*. Въ Сенигальѣ даже увѣряютъ, что одинъ Мастаи убилъ одного Консолини. Вся эта исторія была уже забыта, какъ вдругъ одинъ римскій публицистъ вытащилъ изъ подъ спуда уцѣлѣвшій какими-то судьбами экземпляръ несчастной брошюры и дополнилъ ее новыми доказательствами, которыя «Correspondance de Rome» теперь старается опровергнуть.

Практическое примѣненіе спектральнаго анализа. — Какъ каждое вещество, находящееся въ раскаленномъ состояніи производитъ въ спектрѣ извѣстнаго рода линіи, — такъ точно вещество если черезъ него проходитъ солнечный свѣтъ, произвогитъ въ немъ темныя линіи или полосы. Этимъ свойствомъ всякихъ веществъ ученый Сорби предлагаетъ воспользоваться для провѣрки неподдѣльности находящихся въ продажѣ предметовъ. Отъ провѣряемаго вещества отдѣляется небольшое количество, растворяется, и сквозь него пропускается солнечный лучъ, отчего въ спектрѣ должны явиться извѣстныя линіи. Если вещество поддѣлано, полосы явятся другія. Это чрезвычайно просто, и ни для кого не представляетъ затрудненія: надо только знать, какія линіи свойственны каждому веществу въ его чистомъ видѣ. Сорби въ октябрской книжкѣ «Журнала микроскопической науки» опредѣлилъ линіи подкрашенныхъ винъ, чистыхъ винъ, пива, шафрана, горчицы, сыра и коровьяго масла. Далѣе онъ объясняетъ, по какимъ признакомъ легко узнать, испорчено ли любое вино или пиво, наконецъ приглашаетъ и другихъ изслѣдователей заняться разработкой этого богатаго матеріала, и содѣйствовать всеобщему практическому примѣненію спектроскопа.

Оправданіе крота.—Въ Касселѣ, въ помологическомъ саду недавно былъ сдѣланъ опытъ надъ дѣятельностью крота, при такихъ условіяхъ, чтобы животныя могли показаться, по возможности, въ своемъ нормальномъ свѣтѣ. Плоскость въ 49 квадратныхъ футовъ была выкопана на три фута глубины, потомъ дно и бока выложили плотно, не оставляя щелей, досками—такъ что образовался ящикъ, футомъ выше поверхности земли. При такомъ устройствѣ ни кротамъ ни червямъ и гусеницамъ нельзя было никуда уйти, другимъ всякимъ животнымъ также былъ закрытъ доступъ. Затѣмъ ящикъ наполнили выкопанной землею, а на поверхности посадили кустовъ и разныхъ растеній. Когда все отлично принялось, по всей поверхности напустили 140 штукъ гусеницъ и соотвѣтственное число простыхъ дождевыхъ червей, которые тотчасъ зарылись въ землю. Давъ имъ время осмотрѣться и приняться за отыскиваніе себѣ пищи, пустили одного крота. Онъ немедленно раскопалъ землю, исчезъ подъ нею и началъ свою дѣятельность. Спустя 34 часа провѣрили результатъ слѣдующимъ образомъ. Землю стали осторожно выбрасывать изъ ящика на частую проволочную рѣшетку, такъ чтобы въ нее просѣявалась лишь мелкая земля, а крупная земля да черви и гусеницы не могли пройти. Нашли лишь 17 штукъ гусеницъ (изъ нихъ двѣ съ отъѣденнымъ задомъ) и одного червя. Вся земля была ископана ходами, корни же растеній были цѣлы и невредимы. Изъ этого видно, какъ жестоко земледѣльцы и садоводы наклепали на бѣднаго крота, обвиняя его въ истребленіи растеній, тогда какъ онъ напротивъ сберегаетъ ихъ, истребляя съ такимъ непомѣрнымъ проворствомъ подземныхъ враговъ ихъ.

Новый стиль церковной архитектуры въ Америкѣ. Въ американскомъ штатѣ Нью-Джерсей, въ городѣ Нью-Аркѣ, строится церковь на манеръ новѣйшаго театра, съ галлереями, ложами и партеромъ; будутъ конечно пѣвцы и пѣвицы, а пасторъ вѣроятно будетъ представителемъ драматическаго элемента.

Въ Калифорніи, миляхъ въ шестидесяти отъ Санъ-Діего, открыты новые золотые пріиски.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 13 Ноября 1870 г. Изданіе А.Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. пр., д. № 45—1.

№ 47. **1870**

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.
Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Вэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Эва.

(Продолженіе).

Эва быстро взошла на гору, бережливо держа въ рукахъ свое сокровище. Дойдя до воротъ замка, графиня позвонила; старый слуга отворилъ двери.

— Все-ли приготовлено, Матвѣй? поспѣшно сказала она.

— Нѣтъ еще, но черезъ три минуты все будетъ готово, отвѣчалъ тотъ, взглянувъ на большіе старинные часы, которые висѣли посреди булавъ, мечей и щитовъ и часто приводили Эву въ отчаяніе своимъ однообразнымъ медленнымъ тиканьемъ. И теперь, не входя еще на лѣстницу, она бросила на нихъ гнѣвный взглядъ, потомъ поспѣшно пошла по широкой, темной лѣстницѣ.

Въ своей комнатѣ она поставила рисунокъ на письменный столикъ—и заложа руки за спину, внимательно принялась его расматривать то вблизи, то издалека.

Потомъ, совсѣмъ по дѣвичьи, принялась она упрекать себя за свое неосторожное, неловкое поведеніе.

— Вырвать рисунокъ у него изъ рукъ и потомъ убѣжать! О, какъ глупо, какъ необдуманно!...

У молодыхъ дѣвушекъ есть особенная страсть: впослѣдствіи всегда раскаяваться въ своемъ поведеніи,—и достойно замѣчанія, какъ онѣ чрезъ это чувствуютъ себя несчастными.

Румянецъ еще ярко горѣлъ на щекахъ Эвы, когда она взошла въ столовую. Матвѣй посмотрѣлъ на нее съ упрекомъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ отперъ ей дверь, прошло уже не три, но цѣлыхъ пять минутъ, а Матвѣй пуще жизни любилъ соблюдать во всемъ точность.

Баронъ Эбензее, высокій, еще крѣпкій мужчина, съ бѣлоснѣжными волосами, сидѣлъ за столомъ и протянулъ руку своей внучкѣ. Эва наклонилась и поцѣловала ее, потомъ усѣвшись напротивъ дѣдушки, начала извиняться.

— Прости, милый дѣдушка, что я заставила тебя прождать; право, на этотъ разъ у меня была довольно основательная причина... и въ немногихъ словахъ она разсказала свою встрѣчу съ художникомъ и его просьбу, не упоминая однако о подаренномъ рисункѣ.

Баронъ Эбензее нахмурился.

— У меня нѣтъ ни малѣйшей охоты запружать свой замокъ различными художниками. Эти люди выростаютъ какъ грибы; гдѣ одинъ явится, туда стекается ихъ цѣлая дюжина.

— Но я прошу тебя, милый дѣдушка!.. на этотъ разъ онъ всего-на-всего одинъ; онъ такъ великолѣпно рисуетъ и смотритъ такимъ джентльменомъ... и кстати, какая прекрасная мысль пришла мнѣ въ голову! продолжала Эва, хлопая въ ладоши, — какъ ты думаешь, дѣдушка, не согласится ли онъ мнѣ давать уроки? Вѣдь ты знаешь, что брать уроки рисованія — мое давнишнее, страстное желаніе.

— Да, если ты хорошо будешь ему платить, то онъ многому тебя научитъ. Люди готовы на все изъ-за-денегъ, отвѣчалъ баронъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Онъ смотритъ вовсе не бѣднякомъ, сказала Эва слегка-обиженнымъ тономъ,—и вѣроятно въ этомъ не будетъ особеннаго несчастія, если онъ согласится давать мнѣ уроки два раза въ недѣлю. Учиться рисо-

вать—это доставитъ мнѣ большое удовольствіе... и она съ умоляющимъ видомъ посмотрѣла на дѣдушку.

— Ну, если это тебя такъ забавляетъ, то можешь спросить его; тебѣ извѣстно, что моя касса въ твоемъ распоряженіи, и этими словами баронъ закончилъ разговоръ.

Эва сидѣла какъ на угольяхъ до тѣхъ поръ, покуда кончился обѣдъ, и баронъ удалился въ свою комнату. Тогда она стрѣлой побѣжала наверхъ по лѣстницѣ и чрезъ длинный корридоръ къ своей старой, вѣрной служанкѣ Вальбургѣ, которая заботилась объ Эвѣ съ самаго дѣтства, любила и сама вскормила ее.

— Валли, Валли, вскричала она съ сіяющимъ лицомъ, — большая новость, радостное извѣстіе! Знаешь ли, что случилось? — я буду учиться рисовать, дѣдушка позволилъ; подумай, какъ это чудесно, какъ это весело!

— Потише, потише, отвѣчала Вальбурга, съ восторгомъ смотря на свою любимицу, — такъ скоро ничто не дѣлается. У кого же графиня будетъ брать уроки?

— Я тебѣ сейчасъ все объясню.

И Эва усѣвшись на комодъ, который стоялъ около рабочаго стола старушки, снова разсказала свое маленькое приключеніе, но на этотъ разъ гораздо подробнѣе.

— Ты увидишь, какія картинки я буду рисовать, продолжала она съ одушевленіемъ: —великолѣпные ландшафты, игривые жанры, сельскую, скромную жизнь, портреты... и тебя также непремѣнно нарисую, какъ ты здѣсь сидишь съ своей скучной корзинкой, наполненной разорванными чулками, въ черномъ платьѣ, съ сѣдыми волосами, а на нихъ маленькій чепчикъ; за спиной у тебя окно, въ которое глядятся зеленыя вѣтки... Говорю тебѣ, что это выйдетъ чудесная картина.

Эва немного закинула назадъ свою маленькую, красивую голову, и прищурясь смотрѣла на старушку.

— Нужно завести мастерскую и выстроить галлерею для моихъ рисунковъ. О, эта жизнь будетъ настоящимъ раемъ!.. и она спрыгнувъ съ комода, скорыми шагами начала взадъ и впередъ прохаживаться по комнатѣ. — Теперь найдется много работы, часы будутъ летѣть, а не ползти по прежнему, и дни промчатся съ быстротой молніи.

Вдругъ Эва умолкла.

— Звонокъ! закричала она, — это онъ. Скажи поскорѣе Матвѣю, чтобы онъ провелъ господина въ большую залу; я сейчасъ прійду.

Вальбурга нашла посѣтителя въ первой залѣ; онъ съ спокойнымъ любопытствомъ разсматривалъ оружіе.

— Ты что-то не очень похожъ на художника, подумала Вальбурга, которая воображала всѣхъ художниковъ съ длинными, нечесанными локонами, съ громаднымъ портфелемъ и съ бѣлымъ зонтикомъ въ рукахъ.

— Не угодно ли господину пожаловать сюда, сказала она, отпирая ближайшую изъ дверей, — графиня сейчасъ придетъ.

Норбертъ слегка поклонился, и приподнявъ красную шелковую портьеру, вошелъ въ высокую, просторную залу, съ лѣпнымъ, богато-украшеннымъ потолкомъ, съ старинною мебелью, коврами и картинами. Все было убрано со вкусомъ и поражало своей древней прелестью; стоявшія вокругъ рѣдкости могли бы привести въ восторгъ каждаго любителя коллекцій.

Не долго пришлось дожидаться Норберту; онъ услыхалъ, какъ отворилась дверь,—и быстро обернувшись замѣтилъ маленькую, бѣленькую ручку, которая приподнимала портьеру. Показался стройный станъ Эвы—и такъ какъ она минуту пріостановилась, то ея величественная фигура, выдѣляемая краснымъ занавѣсомъ, который бросалъ чудный отсвѣтъ на ея личико, такъ поразила Норберта своей благородной красотой, что онъ невольно поклонился ей гораздо ниже обыкновеннаго.

— Вы пришли за отвѣтомъ, начала тотчасъ же Эва, — я съ большимъ удовольствіемъ могу объявить вамъ, что замокъ и садъ совершенно въ вашемъ распоряженіи.

— Вы очень добры, отвѣчалъ Норбертъ, — и я беру на себя смѣлость—съ избыткомъ воспользоваться вашимъ позволеніемъ. Напримѣръ, видъ съ террасы долженъ быть неподражаемо хорошъ, а замокъ такъ живописенъ, что я жду не дождусь, когда онъ будетъ на полотнѣ. Примите мою глубочайшую благодарность, графиня, за ваше милостивое ходатайство, прибавилъ Норбертъ, сдѣлавъ уже нѣсколько шаговъ къ двери.

— Еще одно слово, воскликнула Эва, протягивая руки, какъ-бы намѣреваясь его удержать, — у меня къ вамъ будетъ большая просьба, господинъ... госп...

— Норбертъ, подсказалъ художникъ.

Эва признательно кивнула головою.

— Такая большая просьба, что едва рѣшаюсь высказать ее...

— Ваша просьба уже исполнена, перебилъ Норбертъ улыбаясь, — а потому не стѣсняйтесь особенно. Скажите мнѣ совершенно откровенно, чего вы желаете?

— Согласитесь ли вы давать мнѣ уроки рисованія?

И Эва съ умоляющимъ видомъ посмотрѣла на него.

— Уроки рисованія! воскликнулъ Норбертъ,—счастливая мысль!.. извините, блистательная, хотѣлъ я сказать. Конечно, съ большимъ, большимъ удовольствіемъ; когда же вы хотите начать? завтра, или сегодня же? Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Вы, право, такъ добры, что рѣшаетесь на такое докучное дѣло, сказала графиня, — теперь я прошу сказать ваши условія, я съ большимъ удовольствіемъ прійму ихъ.

— Какъ, условія? сказалъ художникъ съ вытянутымъ лицомъ,—то-есть иначе сказать: денежное вознагражденіе; ну, графиня, добавилъ онъ рѣшительнымъ тономъ, — я даю уроки pour l'honneur, а не изъ-за денегъ; если вы не хотите меня больше оскорблять, то пожалуйста не заговаривайте объ этомъ. Принесите вашу шляпу и карандашъ, а бумага имѣется при мнѣ. А рисовали вы прежде, или нѣтъ? прибавилъ онъ вдругъ; въ жару разговора онъ до сихъ поръ совсѣмъ забылъ ее спросить объ этомъ.

— Рисовала ли я? возразила Эва съ смущеніемъ, — да, но какъ! я никогда не брала уроковъ; горы, нарисованныя мною, выходили похожими на уродливыя, кротовыя норки, деревья—какъ растрепанныя облака; а вотъ недавно я нарисовала стадо коровъ, такъ Вальбурга спросила меня, зачѣмъ это я придѣлала овцамъ рога. Я боюсь, что вамъ понадобится со мною большое терпѣніе.

И Эва задумчиво вздохнула.

— Ну, Богъ знаетъ, сказалъ съ улыбкою Норбертъ,— во всякомъ случаѣ мы сейчасъ же отправимся. Но сначала я вамъ кое-что нарисую для копированія, прежде чѣмъ дойдемъ до большаго.

— Да, это будетъ самое лучшее, воскликнула съ

жаромъ Эва, — а въ то время какъ я буду дѣлать маленькія попытки—вы начнете рисовать съ натуры чтобы не терять вашего драгоцѣннаго времени. Я вамъ укажу великолѣпное мѣсто—и очень не далеко отсюда.

Спустя двѣ минуты, можно было видѣть, какъ учитель и ученица перешли черезъ мостъ, потомъ взошли на холмъ, пошли вдоль по тѣнистой аллеѣ, въ концѣ которой и усѣлись на каменныхъ ступенькахъ передъ маленькимъ храмомъ.

Отсюда открывался чудный видъ. Налѣво стоялъ замокъ, у подножія холма лежало темно-голубое озеро, далѣе шла величественная цѣпь альповъ, которыхъ остроконечныя вершины были увѣнчаны блестящимъ серебристымъ украшеніемъ вѣчныхъ снѣговъ. Около храма возвышались полукругомъ мощные буки и дубы, съ которыхъ раздавались сладкія пѣсни птицъ, что еще усугубляло торжественную тишину природы.

Полюбовавшись немного всею этой картиной, Норбертъ разостлалъ передъ своей милой ученицей листъ бумаги, на которой онъ нѣсколькими штрихами нарисовалъ два большіе камня—и потомъ передавъ ей въ руки карандашъ, просилъ начинать. А самъ онъ въ свою очередь принялся снимать акварелью виды окрестности, но безпрестанно оборачивалъ голову, чтобы взглянуть на личико Эвы, разгорѣвшееся нѣжнымъ, кроткимъ румянцемъ отъ усердія къ работѣ—и это личико своею чистотою и невинностію казалось ему невыразимо симпатичнымъ. Она рисовала прилежно, со вниманіемъ смотря на оригиналъ и не говоря ни слова. Норбертъ ощущалъ такое гнетущее чувство отъ этой полной тишины, ему хотѣлось слышать снова ея голосъ, который звучалъ чудесною музыкой, — и онъ ломалъ себѣ голову, придумывая, съ чего - бы начать разговоръ.

— А на зиму вы тоже остаетесь здѣсь? спросилъ онъ наконецъ, чтобы что-нибудь сказать.

Она молча, не поднимая глазъ, кивнула головкой.

— Зимой здѣсь должно - быть порядкомъ скучно, продолжалъ Норбертъ.

Тогда она подняла глаза.

— Порядкомъ, вскричала Эва, — нѣтъ, этого слова слишкомъ мало! Страшное, ужасное одиночество! Когда день за день то - же бѣлое покрывало одѣваетъ землю, птицы не поютъ, даже фонтанъ замерзаетъ и не шумитъ болѣе,—когда все тихо и мертво, солнце такъ рано заходитъ, вечера тянутся такъ безконечно долго,—мною тогда положительно овладѣваетъ полное отчаяніе.

Она уронила карандашъ, и сжимая крѣпко руки, сказала:

— Мнѣ - бы хотѣлось поглядѣть на Божій свѣтъ, мнѣ-бы хотѣлось путешествовать, послушать музыки, поглядѣть картины, изучить людей, пожить—хоть одинъ разъ пожить прежде чѣмъ умереть. Ея глаза пылали, и она казалась глубоко-разстроенною.

— А вы еще никогда не были въ свѣтѣ? спросилъ художникъ, слушавшій ее съ большимъ участіемъ.

— Никогда! и она покачала головой почти съ мрачнымъ видомъ,—постоянно сижу здѣсь взаперти, всегда одна, безъ знакомыхъ, безъ друзей. Два раза въ годъ пріѣзжаютъ къ намъ двое или трое сосѣднихъ помѣщиковъ, самые скучнѣйшіе люди, у которыхъ вмѣсто сердца какой-то огородъ, а вмѣсто мозга картофельныя гряды. Мы отдаемъ имъ визиты, больше нѣтъ ничего и никого. Дѣдушка не любитъ свѣта.

— Онъ совершенно правъ, перервалъ Норбертъ почти съ жаромъ.

— Правъ? спросила Эва съ очевиднымъ удивленіемъ.

— Да, правъ, повторилъ снова Норбертъ, — свѣтъ всегда обманываетъ и лжетъ; снаружи онъ кажется такимъ прекраснымъ, блестящимъ, обольстительнымъ; внутри же онъ полонъ нравственной испорченности, лицемѣрія, гнусности и низости.

— И вы также ненавидите людей? вскричала Эва,— но за что-же?

— Потому что я хорошо ихъ изучилъ, добавилъ коротко Норбертъ.

— Я не могу повѣрить, что люди настолько дурны, какъ мнѣ приходится слышать. Право, право, вы обманываетесь! Дѣдушку я понимаю въ этомъ отношеніи, потому что онъ много извѣдалъ самыхъ горькихъ опытовъ; но почему же всѣ-то люди должны быть непремѣнно дурными, если въ одномъ обманешься? Можетъ-быть позже вы увидите, что вы несправедливо ихъ оскорбляли.

— Боюсь, что этого никогда не случится, сказалъ Норбертъ съ грустной улыбкой.

— А какими богатыми средствами вы можете располагать!.. Вы, мужчины, можете дѣйствовать и созидать; мы-же, бѣдныя женщины, не смотря на стремленіе къ дѣятельности, должны довольствоваться мелочами.

— Богъ знаетъ еще, сказалъ почти смѣясь Норбертъ, — можетъ-быть когда нибудь придетъ то время, когда вы будете искать этого ненавистнаго уединенія, полюбите его—и будете совершенно счастливы, не видя людей и ничего не слыша объ нихъ.

— Надѣюсь, что такое время никогдане настанетъ, отвѣчала съ энергіей Эва, — до этого надо много испытать разочарованій. Однако взгляните пожалуйста на этотъ камень, что я нарисовала; кажется, онъ никуда не годится,—не правда-ли?

Художникъ поправилъ рисунокъ, и поучалъ свою ученицу почти до самаго заката солнца; наконецъ Эва вспомнила, что время уже кончить первый урокъ.

На слѣдующій день урокъ былъ назначенъ въ десять часовъ утра; Эва должна будетъ придти опять къ маленькому храму, и тамъ художникъ будетъ ожидать свою ученицу.

На мосту они разстались.

Эва побѣжала къ Вальбургѣ разсказать объ первомъ урокѣ, потомъ пошла въ залу, гдѣ дожидался ея дѣдушка, которому она передала все вкратцѣ. Когда же Эва упомянула, что художникъ отказался отъ денежной платы за уроки, то баронъ недовѣрчиво поднялъ брови.

— Это пустое притворство — для того чтобы ему заплатили побольше, растроганные его благородствомъ.

— Дѣдушка, какъ ты можешь думать подобнымъ образомъ! воскликнула молодая дѣвушка. — Если бы ты только посмотрѣлъ на него....

— Благодарю за знакомство, отвѣчалъ холодно баронъ, — давай-ка лучше займемся шахматной игрой, это гораздо веселѣе.

Эва быстро встала чтобы исполнить его желаніе, но на глазахъ ея блестѣли слезы. Эва привыкла уже къ такимъ сужденіямъ дѣдушки—и хотя ей всегда было непріятно выслушивать ихъ, но никогда они не оскорбляли и не огорчали ее такъ больно какъ сегодня. Объ этомъ

Александръ Филиповичъ Кокориновъ.

строитель и директоръ академіи художествъ (1726—1772).

СЪ ПОРТРЕТА ЛЕВИЦКАГО, НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ граверъ Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣряковъ.

она конечно не думала. Она только чувствовала это, не отдавая себѣ отчета въ своемъ чувствѣ.

Вечеръ прошелъ какъ обыкновенно. За шахматной игрой слѣдовалъ чай, потомъ каждый занялся чтеніемъ про себя, а въ десять часовъ Эва, пожелавъ дѣдушкѣ спокойной ночи, ушла въ свою комнату.

Въ эту пору Эва болѣе всего скорбѣла объ утратѣ матери. Дорогая рука не покоилась болѣе съ благословеніемъ на юной головкѣ, и тѣ уста, которыя бывало постоянно съ такою нѣжностію желали ей спокойнаго, безмятежнаго сна, были теперь навсегда холодны и безмолвны. Сегодня Эва чувствовала себя какъ-то особенно мягко настроенною. Едва Вальбурга вышла изъ комнаты, молодая дѣвушка открыла окно, и опершись обѣими ругами на подоконникъ, пристально вглядывалась въ ночную темноту. Тамъ тихо плескалъ фонтанъ, отъ цвѣтовъ струилось сладкое благоуханіе; Эва замѣтила вдали на деревнѣ чуть-мерцавшій одинокій огонекъ, который отражался въ озерѣ. Ниже и ниже склонялась головка графини и опустилась на руки; когда же Эва чрезъ нѣсколько минутъ приподняла свое личико, щеки ея были влажны, а рѣсницы мокры.

Слѣдующая недѣля пролетѣла какъ на крыльяхъ. Съ удвоеннымъ прилежаніемъ занималась Эва уроками рисованія и съ невинною гордостію радовалась на свои успѣхи. Тѣ часы, въ которые она брала уроки или болтала съ своимъ учителемъ, были самыми радостными въ ея жизни. Невыразимое довольство, ясность и какое-то радостное чувство, котораго Эва прежде никогда не испытывала, наполняли ея существо. И во внѣшнемъ образѣ жизни замѣтна была большая перемѣна. На щекахъ у нея горѣлъ яркій румянецъ, большіе глаза смотрѣли свѣтло и радостно на весь Божій міръ,—и туалетъ ея (всегда самый изысканный) теперь отличался еще большимъ вкусомъ, дабы не оскорбить, какъ она себѣ признавалась, эстетическаго чувства художника.

Съ самаго ранняго утра весело и громко звучалъ ея голосъ; ея ножки едва касались земли; —она напоминала собою (какъ однажды замѣтилъ ей Норбертъ) въ одно и тоже время Эрато и Терпсихору.

Однажды послѣ обѣда художникъ ожидалъ Эву на обычномъ мѣстѣ свиданія. Три часа, время урока, уже прошли, пробило половина четвертаго и наконецъ четыре, а Эва все еще не являлась. Норбертъ почти терялъ терпѣніе. Двадцать разъ вставалъ онъ съ мѣста и принимался прохаживаться по аллеѣ, дѣлая возможныя и невозможныя догадки. Ужъ не больна-ли Эва, или не уѣхала-ли она? а то можетъ-быть ей уже наскучили уроки рисованія, или дѣдушка не пускаетъ ее?

Такъ мучилъ онъ себя до тѣхъ поръ, пока въ концѣ аллеи показалось бѣлое платье графини. Норбертъ поспѣшилъ ей на встрѣчу.

— Ради Бога, воскликнулъ онъ, — что такое случилось? Не заболѣли-ли вы, или можетъ-быть вы забыли меня, т. е. я хотѣлъ сказать, уроки рисованія?

— Ни то, ни другое, возразила Эва, — у насъ были гости.

— Гости? ревниво спросилъ Норбертъ, —но кто-же? вѣроятно какая нибудь старая дама съ своимъ дряхлымъ супругомъ, или дочери сосѣднихъ помѣщиковъ?

— На этотъ разъ: нѣтъ, смѣясь отвѣчала Эва,— у насъ былъ очень милый молодой человѣкъ, господинъ фонъ-Моллеръ, съ которымъ я игрывала еще въ дѣтствѣ.

Норбертъ тихонько присвиснулъ.

— Я не видалась съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ, наивно продолжала Эва, — онъ удивительно какъ развился, много путешествовалъ и только-что пріѣхалъ изъ Парижа, объ которомъ онъ сообщилъ намъ много интереснаго. Свиданіе съ нимъ меня очень обрадовало. Но зачѣмъ это вы все хотите убирать? добавила Эва, очевидно удивленная, замѣтивъ, что Норбертъ укладываетъ весь рисовальный приборъ.

— Да вѣдь уже поздно теперь начинать урокъ, отвѣчалъ тотъ глухимъ голосомъ.

— Какъ поздно? мы можемъ еще почти цѣлый часъ работать. Господинъ Моллеръ разсказывалъ мнѣ также объ тѣхъ великолѣпныхъ картинахъ, которыя находятся въ Римѣ,—и обѣщалъ, если я когда нибудь поѣду въ Римъ, быть моимъ чичероне. Посмотрите-ка, перебила Эва сама себя, — сельская хижина, нарисованная мною, вышла весьма не дурно! не правда-ли? Въ Тиролѣ непремѣнно должны быть такія живописныя хижины.

— Вѣроятно и объ этомъ вамъ тоже господинъ фонъ-Моллеръ разсказалъ? прибавилъ Норбертъ, съ ожесточеніемъ очинивая карандашъ.

Выраженіе его голоса заставило Эву поднять глаза.

— Что съ вами? да вамъ вѣрно нездоровится? воскликнула она потомъ, замѣтивъ его блѣдность.— Что вы чувствуете, господинъ Норбертъ? вамъ дурно?...

Мрачное выраженіе пробѣжало по чертамъ художника.

— Да, мнѣ дѣйствительно нехорошо, отвѣчалъ онъ подавленнымъ голосомъ.

Эва сильно встревожилась и спрашивала художника, не нужно-ли ему доктора. Норбертъ старался успокоить ее. Рисованіе же на этотъ разъ положительно не ладилось. Наконецъ Эва захлопнула книгу.

— У меня сегодня ничего, ничего не выходитъ, я такъ разсѣяна. Все думаю объ чудесахъ, что мнѣ разсказывали, — и какъ-бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть ихъ!.. но увы! это невозможно.

— Молодой человѣкъ должно быть очень увлекательно разсказывалъ, сухо замѣтилъ Норбертъ.

— О, необыкновенно увлекательно! Да хотите — я васъ познакомлю съ нимъ? Онъ вѣдь скоро къ намъ опять пріѣдетъ.

— Благодарю васъ! поспѣшно отвѣчалъ художникъ, — но я не падокъ на новыя знакомства. Однако пора разойтись, становится уже довольно сыро.

— Вы положительно нездоровы, сказала Эва серіозно.—Прошу васъ, поберегите себя—и лучше не приходите завтра на урокъ.

— Если это вамъ угодно, добавилъ художникъ съ принужденнымъ поклономъ.

— Вовсе нѣтъ; напротивъ, я бы очень желала, чтобы вы пришли, если только вамъ будетъ полегче, совершенно просто отвѣчала молодая дѣвушка.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до моста.

— Ну, прощайте, сказала Эва, ласково протянувъ руку учителю, — а къ завтрему — если можете — выздоравливайте.

Норбертъ схватилъ протянутую ручку и на минуту слегка пожалъ ее, потомъ тотчасъ же выпустилъ,—и не говоря ни слова пошелъ подъ-гору.

— Или онъ боленъ, или у него какое-нибудь горе, подумала Эва, смотря съ участіемъ вслѣдъ за уходившимъ.—Если бы я могла чѣмъ нибудь помочь ему!...

добавила она потомъ со вздохомъ, задумчиво приближаясь къ замку.

— Послушай, Вальбурга, говорила молодая дѣвушка въ тотъ же вечеръ, когда старушка помогала ей раздѣваться,—ты бывало разсказывала мнѣ много разныхъ исторій, а теперь давно уже я ничего не слышу отъ тебя.

— Это происходитъ оттого, что у графини теперь только и на умѣ: рисованіе да краски, отвѣчала Вальбурга немного-обиженнымъ голосомъ.

— Ахъ, что это тебѣ въ голову приходитъ такой вздоръ! засмѣялась ея хорошенькая госпожа,—ну, садись же сюда... И подвинувъ кресло къ постели, она легко прыгнула въ него.

— Начинай же, добавила молодая дѣвушка, съ удовольствіемъ прислоняясь головой къ подушкамъ,—только интересную исторію, а то я засну. Не знаешь-ли ты чего нибудь о привидѣніяхъ? Или объ старыхъ портретахъ, которые въ полночь, когда все погружено въ глубокій сонъ, оживаютъ?.. о призракахъ, блуждающихъ по длиннымъ корридорамъ стараго замка, катая ядра и гремя цѣпями?.. наконецъ исторію о разбойникахъ со взломомъ, кражею и побѣгомъ? ну, ну, чтоже ты молчишь, неужели до сихъ поръ ничего не придумала.

— Я знаю одну исторію, сказала медленно Вальбурга,—но въ ней нѣтъ ни привидѣній, ни разбойниковъ.

— Все равно, разскажи что̀ знаешь, воскликнула Эва нетерпѣливо.

— Ты можетъ быть еще никогда не слыхала объ твоей бабушкѣ Беатѣ? добавила Вальбурга.—Внизу въ библіотекѣ виситъ ея портретъ.

— Да, молодая дѣвушка съ большими черными глазами и темными локонами.. Знаю, знаю; однажды я спросила дѣдушку, чей это такой портретъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ такъ холодно, коротко: «это портретъ моей покойной сестры»,—такъ что я больше не смѣла распрашивать. Разскажи же, что съ ней случилось?

«Давнымъ давно уже», начала Вальбурга, сложивъ руки на груди: «мнѣ было только четырнадцать или пятнадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ поступила въ услуженіе къ господину барону,—но я до сихъ поръ очень хорошо помню, какая красавица была госпожа Беата и притомъ какая добрая. Она казалось ангеломъ, слетѣвшимъ на землю; ея сердце было такое нѣжное, впечатлительное. Она лишилась матери, будучи еще совсѣмъ ребенкомъ; сестеръ у нея не было, только одни братья. Когда ея отецъ женился въ другой разъ, то Беата не сошлась съ своей мачихой; а ея сводная сестра, теперешняя баронесса Хальденъ, была еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой, такъ лѣтъ на двадцать моложе, когда Беату начали вывозить въ свѣтъ. Мачиха же была такая образованная дама, что всѣ люди съ именемъ или домогающіеся его составить—посѣщали ея домъ. На вечерахъ у баронессы собиралось разнообразное общество: музыканты, разнаго рода художники и писатели толпились въ ея гостинной—и большею частію до поздней ночи продолжались или литературные вечера, или концерты.»

«Однажды, по окончаніи одного изъ этихъ празднествъ, пошла я въ комнату къ Беатѣ, чтобы помочь ей раздѣться, такъ какъ я исправляла должность ея горничной. Но на этотъ разъ она не позволила мнѣ снять съ себя даже булавки. «Я должна учиться сама все дѣлать» сказала она мнѣ—и замѣтивъ, что я съ удивленіемъ смотрю на нее, пояснила мнѣ спокойнымъ голосомъ: «я выхожу замужъ за бѣднаго художника». Ахъ, любезная графинюшка, не могу тебѣ сказать, какъ мнѣ было нехорошо отъ этихъ словъ, потому что вѣдь я знала, какой твердый и жесткій характеръ былъ у господина барона. Но мои мольбы не привели ни къ чему; Беата хотя и кроткая была, но силу-то воли отъ отца наслѣдовала, а тотъ былъ какой-то желѣзный. Можешь представить, графинюшка, что̀ изъ всего этого вышло. Баронъ и баронесса взбѣленились; мучили Беату, запирали, лишили наслѣдства, но вдругъ въ одинъ прекрасный денекъ она исчезла».

«На слѣдующій день получаю я письмо—и въ немъ написано, что Беата вышла замужъ, совершенно счастлива и уѣзжаетъ съ своимъ возлюбленнымъ мужемъ въ Италію, больше ничего. Много ночей не спалось мнѣ, все-то я думала объ милой госпожѣ, хотѣлось мнѣ хоть разочекъ взглянуть на нее, прежде чѣмъ умру,—вѣдь я отъ чистаго сердца любила ее мою голубушку».

«Прошло восемь лѣтъ, я все еще жила у твоего дѣдушки, вдругъ однажды принесъ мнѣ какой-то мальчикъ письмо. Взглянула я на почеркъ, да такъ и себя не вспомнила, сорвала печать-то да и читаю: «Милая Валли, приходи сегодня вечеромъ въ семь часовъ ко мнѣ; но не говори объ этомъ никому ни слова. Беата».

«Насилу, насилу дождалась я, покуда день пройдетъ,—и едва только пробило половина седьмаго, я сейчасъ же отправилась въ путь. Право, если бы въ письмѣ не было означено точнаго адреса, я бы никогда не рискнула взойти въ такой грязный домъ, къ которому я подошла. Взойдя на три лѣстницы на самый верхъ, я такъ вся дрожала, что принуждена была прислониться къ стѣнѣ, а то бы не устояла на ногахъ; постучалась въ дверь, но голосъ, отозвавшійся на мой стукъ, совершенно былъ нѣ незнакомъ. А вѣдь это все таки Беата меня окликнула; но какъ она измѣнилась, постарѣла, похудѣла, обѣднѣла! Платье на ней было штопано да и перештопано, а вся мебель и комната такъ бѣдны и ветхи, что у меня просто сердце сжалось».

«Она бросилась ко мнѣ на шею, и долго мы не могли ни слова вымолвить. Наконецъ она сдержала себя, у ней всегда былъ сильный характеръ, и стала распрашивать: какъ поживаетъ отецъ, мачиха, сестры и братья».

«Она строго наказала мнѣ не говорить ни объ ея возвращеніи, ни объ нашемъ свиданіи. Я здѣсь спокойно умру, говорила она потомъ, и когда я съ ужасомъ посмотрѣла на нее, то она замѣтила: «ты мнѣ кажется не вѣришь? но я знаю, чувствую, что скоро умру. Не утѣшай меня, только одна смерть можетъ доставить мнѣ утѣшеніе».—«Но гдѣ же твой мужъ?» спросила я. Она вдругъ вся поблѣднѣла. «Онъ умеръ», отвѣчала Беата. «Бѣдное дитятко, но когда же, гдѣ и отчего?» Она разсмѣялась, но не приведи тебѣ Господь слышать когда нибудь такой смѣхъ. «Онъ умеръ въ больницѣ, и знаешь ли отъ какой болѣзни?» Она крѣпко сжала мою руку и шепнула на ухо: «отъ *delirium tremens*; знаешь ли ты, какого рода эта болѣзнь? помѣшательство отъ пьянства». «Великій Боже, милое мое дитятко, что̀ ты претерпѣла!» «Я страдала, ужасно страдала», вскричала Беата, ломая руки, «но не заставляй меня вспоминать объ томъ времени, а то я съ ума сойду. О Боже! пошли мнѣ терпѣнія, дай мнѣ силы вытерпѣть все до конца—и пошли мнѣ этотъ конецъ скорѣе, скорѣе!.....»

Эва, полупривставъ и опершись на руку подбородкомъ, съ глубокимъ вниманіемъ слушала старушку.

— Дальше! сказала она наконецъ почти шопотомъ.

«Каждый вечеръ отправлялась я къ Беатѣ, продолжала Вальбурга, — днемъ же за ней ходила сестра милосердія. Беата разсказала мнѣ, какъ она была счастлива вначалѣ своего замужества, но потомъ настали тяжелыя времена: она стала открывать въ мужѣ много недостатковъ, съ каждымъ днемъ онъ становился все грубѣе и вспыльчивѣе, такъ что жизнь для нея сдѣлалась невыносимою. Она ужасно страдала, особенно когда еще любила своего мужа. Ты не можешь понять, какая это мучительная пытка: разочаровываться постепенно въ любимомъ человѣкѣ; отъ этого вѣдь сердце разбивается, это самое величайшее горе, которое только приходится испытывать на этомъ свѣтѣ. Все остальное ничего не значитъ въ сравненіи съ подобнымъ несчастіемъ. Впослѣдствіи она относилась ко всему равнодушно. Когда ея мужъ возвращался домой въ самомъ отвратительномъ состояніи, шумѣлъ, бранился, неистовствовалъ, — она оставалась холодна и спокойна. Какъ будто свинцовая тяжесть давила ей сердце и мозгъ. Она не могла ни объ чемъ думать, стала безчувственна ко всему и даже не плакала. Только послѣ смерти мужа, когда она возвратилась сюда, растаяла ледяная кора ея сердца—и теперь она снова могла мыслить и чувствовать. Однажды, когда я по обыкновенію пришла къ Беатѣ, сестра милосердія отозвала меня въ сторону и объявила, что Беата проживетъ не болѣе двухъ дней. Мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ побѣжать къ барону и разсказать ему обо всемъ. Я какъ теперь вижу господина барона, стоявшаго у письменнаго стола, когда я взошла къ нему въ кабинетъ. «Что тебѣ нужно?» спросилъ онъ. У меня совсѣмъ закружилась голова, и я долго не могла ничего проговорить. Въ комнатѣ была такая мертвая тишина, только часы громко тикали, точно произнося: «говори скорѣй, говори скорѣй» времени мало!..—«Господинъ баронъ», сказала я наконецъ вдругъ и звуки моего собственнаго голоса ужаснули меня,—«Беата здѣсь». Онъ весь задрожалъ, какъ будто бы его ранили въ самое сердце. Но только на минуту оставался онъ недвижимъ, потомъ проговорилъ совершенно явственно и громко: «никакой Беаты я не знаю».

«Я думала, что умру съ горя, услыхавъ эти слова. Ужъ и не помню, что я ему потомъ говорила. Я бросилась передъ нимъ на колѣни, просила, умоляла его. «Пойдемте поскорѣе со мной, Беата больна, она умираетъ, она раскаялась въ своемъ проступкѣ». Потомъ я вскочила, подала господину барону его шляпу и палку и вытащила его за руку въ дверь. На улицѣ я наняла карету, мы сѣли и поѣхали. Трудно было старому барону взобраться по такимъ крутымъ лѣстницамъ; едва только подошли мы къ дверямъ Беаты, какъ услышали ужасный крикъ. «Отецъ!» звала она. «Иду», отвѣчалъ баронъ и кинулся въ ея комнату. Какого рода было это свиданіе—знаетъ только одинъ Богъ; черезъ два часа баронъ вышелъ отъ Беаты, и она уже лежала мертвая».

— Бѣдная, задумчиво сказала Эва. — Валли, спросила она внезапно, — вѣдь ея мужъ былъ пѣвецъ, не правда-ли?

— Нѣтъ, онъ былъ живописецъ, отвѣчала Вальбурга почти шопотомъ и опустивъ глаза въ землю.

Эва безпокойно повернулась на другую сторону.

— Зачѣмъ ты разсказываешь мнѣ такія грустныя исторіи? Зачѣмъ, зачѣмъ?... Спокойной ночи.... и она спрятала лицо въ подушки.

— Спокойной ночи, графиня, тихо отвѣчала Вальбурга и хотѣла уйдти изъ комнаты. Но только что она подошла къ двери, какъ Эва опять позвала ее.

— Валли! поди сюда!

Старушка вернулась. Тогда молодая дѣвушка, приподнявшись на постели, крѣпко обѣими руками обняла Вальбургу и нѣжно поцѣловала ея морщинистыя щеки.

— Спокойной ночи, кротко повторила Эва, потомъ упала на подушки и закрыла глаза.

(Продолженіе будетъ).

Александръ Филиповичъ Кокориновъ.

Зная, что за талантливая личность былъ строитель и первый директоръ воспитательнаго училища при Императорской Академіи Художествъ, архитекторъ Александръ Филиповичъ Кокориновъ, мы не находимъ ни какой натяжки считать его центромъ современнаго художественнаго движенія. Что онъ былъ главный рычагъ этого движенія въ академіи—это будетъ видно съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности въ ней. А что дѣйствуя въ академіи, онъ не оказывался бездѣйствующимъ на общество—по вліянію, связямъ, знаніямъ, авторитету и горячей любви къ искусству,—это мы постараемся доказать, проводя передъ глазами читателя факты жизни Кокоринова. Но, развивая весь яркій калейдоскопъ интересовъ и влеченій лучшаго кружка современнаго учрежденію академіи петербургскаго высшаго общества, направляемаго умомъ и водительствомъ Кокоринова, мы по необходимости должны будемъ не отдѣлять нашего дѣятеля отъ благороднаго его покровителя, равно расположеннаго къ добру—въ счастіи и невзгодахъ — Ивана Ивановича Шувалова. При управленіи Бецкаго было уже не то. На Кокоринова этотъ первый президентъ академіи смотрѣлъ далеко не такъ возвышенно какъ первый учредитель — Шуваловъ,—и оттого, предоставивъ довѣренному распорядителю своего предшественника право дѣйствовать, показывалъ не разъ неодобреніе и задерживалъ быстроту исполнительности, своею привязанностью къ канцеляризму и формамъ. Можетъ быть, дѣйствуя такимъ образомъ, Бецкой проводилъ и чужія старанія, цѣли; можетъ быть иногда (хотя съ позднимъ сожалѣніемъ и невольно) признавался себѣ въ сдѣланныхъ черезъ это ошибкахъ, но дѣло Кокоринова и его широкія планы оставались отъ того на половину отвергнутыми, на половину принятыми, но не въ свое время и не такъ исполненными какъ слѣдуетъ. Въ результатѣ же выходилъ неуспѣхъ и усиливалось больше недовѣріе къ администраторскимъ способностямъ Кокоринова. Такъ что въ девять послѣднихъ лѣтъ его дѣятельности при академіи (1763—1772) сдѣлано, сравнительно, гораздо меньше, чѣмъ въ четыре съ половиной года Шуваловскаго управленія (1758—1763). Эту разность про-

симъ не терять изъ вида, проходя изложеніе жизни Александра Филиповича Кокоринова.

Онъ родился на сибирскихъ заводахъ Демидова, гдѣ отецъ его, Филипъ Петровичъ, былъ архитекторомъ же (на которомъ именно заводѣ, точно указать не можемъ). День рожденія сына Филипа Петровича Кокоринова, однако, извѣстенъ: это—29-е число іюня, но *о годѣ* происходитъ разногласіе. Въ сказаніи Акимова, сохранившемъ число нами указанное, обозначенный 1729 годъ кажется намъ, по связи всѣхъ фактовъ служебной карьеры будущаго строителя зданія академіи, неточнымъ —а болѣе вѣрнымъ 1726. И на это вотъ основанія. Въ службу принятъ Александръ Филиповичъ Кокориновъ съ зачетомъ службы въ 1742 году, — а тогда неаристократы, даже и дворяне мелкіе опредѣлялись непремѣнно въ 16 лѣтъ, а раньше служба ихъ не считалась. Въ 1760 году, въ исповѣдной книгѣ церкви св. Симеона, самъ онъ показалъ себя 34 лѣтъ, а не 31 года,—и согласно этой первой датѣ идутъ правильно цифры годовъ во всѣ послѣдующіе годы. Такъ что и послѣдняя дата, по кладбищенской вѣдомости церкви Сампсона Страннопріимца, 12 марта 1772 г. «погребенъ 46 л. отъ роду» сходится съ нашимъ предположеніемъ и указаніями самого Кокоринова о себѣ, а не со свидѣтельствомъ Акимова, на основаніи котораго составленъ небольшой біографическій словарь русскихъ художниковъ (въ мѣсяцесловѣ на 1840 годъ).

Вѣроятно, съ воцареніемъ Елизаветы, отецъ Кокоринова переселился въ столицу, потому что въ годъ коронаціи державной дочери Великаго Петра будущій строитель академическаго зданія принятъ въ службу въ Москвѣ «архитекторіи ученикомъ». Ученіе избранной имъ художественной спеціальности шло на службѣ впрочемъ медленно, такъ что такой человѣкъ какъ онъ— отличавшійся впослѣдствіи и вкусомъ и умѣньемъ рисовать и теоретическими знаніями (Кокориновъ первый началъ ученикамъ читать по русски лекціи архитектуры),—двѣнадцать лѣтъ провелъ безъ повышенія въ архитекторскіе помощники. Онъ унтеръ-архитекторомъ произведенъ только въ 1754 году—и это слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, приписать именно вліянію Шувалова, у котораго съ этого времени Кокориновъ оказывается factotum. Произвели его въ должность помощника при гр. Растрелли именно въ то время, когда нашъ Александръ Филиповичъ самостоятельно построилъ пышный домъ своему меценату — И. И. Шувалову — на углу Невскаго и Малой Садовой. Жилище своему покровителю Кокориновъ успѣлъ вполнѣ окончить къ возврату его изъ Москвы, гдѣ онъ съ государыней и всѣмъ дворомъ провелъ цѣлые полтора года. Новоселье въ новомъ домѣ Шувалова и маскерадъ при этомъ сдѣлались извѣстными по одѣ Ломоносова (24 октября 1754 г.), одной изъ болѣе живописныхъ, вылившихся въ минуты вдохновенія нашего перваго лирика. Ни онъ, ни меценатъ-хозяинъ не могли удовлетвориться чѣмъ нибудь поверхностнымъ; слѣдовательно, Кокориновъ какъ художникъ стоялъ въ это время уже высоко. Неудивительно, что, тогда уже много могшій сдѣлать, Шуваловъ, послѣ блестящаго проявленія Кокориновымъ здѣсь несомнѣннаго таланта, еще болѣе полюбилъ своего зодчаго-хозяина, и сдѣлавъ его придворнымъ архитекторомъ съ окладомъ для того времени очень важнымъ (600 рублей тогда равнялись 3—4,000 теперешнихъ рублей серебромъ), съ учрежденіемъ въ Петербургѣ академіи художествъ, скоро опредѣлилъ его и туда.

Академію художествъ, послѣ долгихъ пререканій съ французами, профессорами искусствъ, — выписанными изъ Парижа еще въ концѣ 1757 года и не хотѣвшими жить въ Москвѣ, при московскомъ университетѣ, къ которому они и причислялись до 1764 года,—открыли въ Петербургѣ только въ мартѣ 1758 года (по указу 6 ноября 1757 г.). Въ первое время управляющимъ новымъ заведеніемъ — экономомъ и смотрителемъ Академіи — выбранъ князь Петръ Васильевичъ Хованскій, который кромѣ чванства и побужденій нагрѣть карманъ (не думая: удобно это или неудобно) не проявилъ на новомъ мѣстѣ никакихъ особенныхъ административныхъ способностей. Этотъ бѣлоручка ясно былъ не на мѣстѣ тамъ, гдѣ все еще нужно сперва устроить и завести машину, а потомъ уже развѣ довольствоваться ролью полу-празднаго обозрѣвателя, являвшагося въ недѣлю разъ, чтобы быстро облетѣвъ начинавшееся учрежденіе, расклапявшись и принявъ поклоненіе, исчезнуть безслѣдно до новаго, настолько же продолжительнаго и плодотворнаго, сеанса. Скоро замѣтилъ Шуваловъ свою ошибку въ избраніи этого барича себѣ непосредственнымъ отвѣтственнымъ помощникомъ и чаще его сталъ посѣщать начинающуюся академію, Хованскаго видя тамъ изъ десяти визитовъ развѣ по одному разу, да и тогда не слыша ничего дѣльнаго, а одни пустяки да любезности. Не они нужны были основателю перваго русскаго университета и, промаявшись съ любезнымъ шевалье, шуриномъ своего друга князя Петра Никитича Трубецкаго, около года, потерявъ въ него всякую вѣру и махнувъ рукой, — вызвалъ къ работѣ организатора разсадника русскаго исскуства—своего испытаннаго Кокоринова.

Это назначеніе, благодѣтельное для разцвѣта нашей академіи, совершилась 15 октября 1758 года, по особому имянному указу, съ назначеніемъ Кокоринова архитекторомъ академіи художествъ. Прямо конечно и Кокоринову за дѣло всего, внѣ его первоначальной спеціальности, приниматься было нельзя—и еще годъ прошелъ въ борьбѣ и уступкахъ поодиночкѣ со стороны сіятельнаго бѣлоручки и его наперсника Алексѣя Алексѣевича Константинова (впослѣдствіи зятя Ломоносова), при Хованскомъ бывшаго казначеемъ. Но всѣ эти дрязги для Кокоринова прошли удачно—и ордеромъ И. И. Шувалова, 1 ноября 1760 года, онъ сдѣлалъ инспекторомъ академіи, у котораго воли дѣлать полезное и доброе никто не ограничивалъ. Особенно послѣ формальнаго объявленія всѣмъ кому вѣдать надлежитъ, собственноручнымъ письмомъ Шувалова, что имъ Кокоринову поручена дирекція надъ академіею (письмо 21 іюня 1761 года).

Все уже было впрочемъ покорно. Плевелы, какими къ несчастію оказались первые дѣльцы, уже выполоны были съ академической нивы. Кокориновъ завелъ порядокъ въ классахъ и экзамены. Учениковъ было 60 человѣкъ, т. е. увеличилось на одну треть, съ лѣта 1758 года. Заведеніе переведено изъ 1-ой линіи, гдѣ открыли академію (въ домѣ Макаровой, близь Средняго проспекта), въ 7-ю линію въ болѣе помѣстительный домъ князя Семена Мещерскаго, съ тѣмъ чтобы, въ три года, перестроить пожалованные конфискованные 2 дома князя Алексѣя Долгорукова, для удобнаго помѣщенія здѣсь (на углу 4-ой линіи и Набережной Невы) питомцевъ со всѣми хозяйственными и техническими устройствами. Классовъ искуствъ было 4: живописный, скульптурный, архитектурный и гравировальный. Изъ научныхъ предметовъ учили ариѳметикѣ, французскому языку, да ми-

ѳологіи, исторіи, по-русски и по французски. Преподавателями обзавелись лучшими, какихъ только можно найти было въ Петербургѣ. Всѣ они были изъ кадетскихъ учителей, потому что кадетское образованіе въ то время оставляло въ столицѣ далеко за собою и частное и казенное преподаваніе, не исключая и гимназіи академіи наукъ.

(Продолженіе будетъ)

Швейцарскія сыроварни.

Основаніе и дѣятельность первыхъ швейцарскихъ сыроварень относится къ двадцатымъ годамъ текущаго столѣтія. Несмотря на тысячи препятствій и предубѣжденій, которыя въ первое десятилѣтіе встрѣтили эти учрежденія, они съумѣли, будучи ведены съ большимъ умѣньемъ и осмотрительностью, показать все свое практическое значеніе, такъ что въ настоящее время не найдется ни одного швейцарца, который сомнѣвался бы въ ихъ дѣйствительной пользѣ. Польза отъ такого производства сыра, для государства, очевидна. Чтобы доказать это примѣромъ—мы скажемъ только, что въ Бернскомъ кантонѣ работаютъ каждое лѣто 400 сыроварень, производя среднимъ числомъ за лѣто каждая 250 центнеровъ, что̀ вмѣстѣ составляетъ 100,000 центнеровъ.

Считая каждый центнеръ такого сыру въ 62 фр., что̀ довольно дешево, явится почтенная сумма въ 6.200,000 франковъ. Зимою не многія изъ сыроварень продолжаютъ свое производство—и то, по оцѣнкѣ людей знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, сыру изготовляется за это время на сумму 280,000 фр.; масла же—на 500,000 франковъ.

На нашемъ рисункѣ представлена одна изъ такихъ сыроварень.

Въ то время какъ на Альпахъ скотъ свободно пасется по тучнымъ лугамъ и пастбищамъ, въ долинахъ онъ проводитъ все время почти постоянно въ стойлахъ. Каждый вечеръ и утро послѣ того какъ коровы загнаны въ стойло, ихъ доятъ (на рисункѣ — вверху слѣва). Послѣ этого все полученное молоко сливается въ особенные сосуды присобленные для переноски, въ такъ называемыя «бренты», которые тотчасъ мальчиками или батраками переносятся въ близь-лежащую сыроварню. Раннимъ утромъ и вечеромъ можно встрѣтить на улицахъ цѣлыя сотни такихъ переносщиковъ, спѣшащихъ къ сыроварнѣ (на рисункѣ — справа и вверху). Крестьяне отдаленнѣйшихъ деревень перевозятъ молоко, конечно въ большихъ количествахъ. на тѣлегахъ.

Впродолженіе часу сыроварня буквально осаждена такими переносщиками, пока они въ строгомъ порядкѣ не выгрузятъ всего принесеннаго, которое тщательно взвѣшивается и записывается на деревянную доску.

Для вышеупомянутаго взвѣшиванія служатъ удобно-устроенныя вѣсы (на рисункѣ — внизу и справа), причемъ на одну изъ сторонъ подвижнаго рычага подвѣшивается вмѣсто чашки жестяный котелъ. Если изъ полученнаго молока не хотятъ сдѣлать такъ-называемаго жирнаго сыра, то оно выливается въ деревянные чаны и остается здѣсь впродолженіи 12 — 24 часовъ, послѣ чего съ него снимаютъ всплывшіе сливки и творогъ.

Сыроварня, обыкновенно удобно и красиво устроенное зданіе, заключаетъ въ нижнемъ этажѣ комнату для сбереженія молока, собственно сыроварню и амбаръ для храненія готовыхъ сыровъ, которые каждодневно снова просаливаются; въ первомъ же этажѣ помѣщается жилище рабочихъ на сыроварнѣ.

Конечно центръ всей сыроварни составляетъ собственно кухня, гдѣ въ огромныхъ мѣдныхъ котлахъ молоко согрѣвается до 28° Р., послѣ чего оно тотчасъ же снимается съ огня. Въ нагрѣтое до этой температуры молоко опускается размоченный телячій желудокъ, для того чтобы вызвать броженіе. Спустя 20 — 30 минутъ, когда молоко загустѣетъ, оно тщательно раздѣляется деревянной палкой на меньшія части, послѣ чего работникъ, наблюдающій за всей этой операціей, особенно устроенной мутовкой (на нашемъ рисункѣ онъ держитъ ее въ правой рукѣ) начинаетъ взбалтывать всю эту массу сначала медленно, а потомъ когда она снова поставлена на огонь—все быстрѣе и быстрѣе, до тѣхъ поръ пока творогъ, который скопляется въ видѣ комковатыхъ массъ, не раздѣлится на маленькіе шарики одинаковой величины. Когда нагрѣваніе достигло 46° или 48° Р., то котелъ—послѣ того какъ достоинство и степень плотности творога опредѣлены на ощупь — снимается съ огня, и все содержимое его помѣшивается еще впродолженіи одного часа.

Очень трудную работу, требующую большаго навыка и значительной силы, представляетъ опорожненіе изъ глубокаго котла всей заключающейся въ немъ сырной массы, потому что очень часто приготовляются сыры каждый вѣсомъ отъ 200 — 250 фунтовъ, которые при опорожненіи всей сырной массы еще значительнѣе, такъ какъ въ ней находятся еще различныя жидкости, идущія потомъ для другаго употребленія. Какъ скоро масса вынута, ее обвертываютъ особеннаго рода покрывалами,—послѣ чего, помѣстивши на устроенные для этой цѣли круги, кладутъ подъ прессъ. Обвалакивая такимъ образомъ сухими покрывалами и прессуя нѣсколько, массу освобождаютъ отъ содержащагося въ ней молока. Это полученное молоко заливается снова въ котелъ—и изъ него приготовляется уже масло втораго сорта, для чего прибавляютъ одну часть (по количеству) кислоты на сто частей взятой жидкости, и все сильно кипятятъ. На поверхности этого кипящаго молока образуется пѣна, въ которой скопляются оставшіеся еще частички жира. Пѣну эту тщательно снимаютъ—и давъ ей остыть впродолженіе 24 часовъ, смѣшиваютъ съ небольшимъ количествомъ творогу, послѣ чего изъ всего этого дѣлаютъ масло обыкновеннымъ образомъ, которое—если хорошо приготовлено—трудно отличить отъ настоящаго сливочнаго.

Теперь въ котлѣ остается одна сыворотка, къ которой снова прибавляютъ кислоты, послѣ чего черезъ нѣсколько минутъ образуются густые хлопья, которые то погружаются на дно то всплываютъ на верхъ. Эти хлопья собираютъ ситками—и уложивъ въ четырехугольныя формы, выжимаютъ. Такимъ образомъ приготовленную сыворотку ѣдятъ или свѣжей (сладкой), или если оставляютъ для позднѣйшаго употребленія, то предварительно солятъ.

Сыворотка впрочемъ рѣдко употребляется въ пищу людьми, она по большей части идетъ на кормъ свиньямъ.

Вся вышеописанная процедура относится до приготовленія такъ-называемаго жирнаго сыра. Если же зимою, что часто случается, хотятъ приготовить свѣжее масло (перваго сорта), то съ молока, отстоявшагося долгое время, снимаютъ творогъ и потомъ вертятъ его въ маслобойняхъ. Дальнѣйшее приготовленіе сыра (тощаго) изъ снятаго молока—идетъ, за исключеніемъ болѣе низкой температуры, почти такъ же какъ сказано выше.

Сыръ готовъ, и его сначала раскладываютъ въ амбарахъ на голомъ полу, а потомъ уже переносятъ въ погреба. Здѣсь уже каждый день его переворачиваютъ, обтираютъ насухо, и насыпаютъ солью; послѣднюю, для лучшаго проникновенія въ самую массу сыра, предварительно растираютъ въ порошокъ въ особенныхъ, для этой цѣли устроенныхъ, мельницахъ.

Сложенные въ погреба и амбары, готовые сыры до осени остаются почти что нетронутыми, хотя и впродолженіи лѣта нѣсколько провѣряютъ и просматриваютъ ихъ. Только осенью заключаются между пріѣзжающими купцами и владѣтелями сыроварень настоящія торговыя сдѣлки—и обыкновенно кончаются въ нѣсколько дней. Это время для крестьянина можетъ назваться самымъ мучительнымъ и большой важности, потому что отъ пониженія или повышенія цѣнъ на сыръ зависитъ главнымъ образомъ его барышъ, который онъ получаетъ будучи въ долѣ съ хозяиномъ сыроварни. Да и не удивительно, если сообразить, что цѣны на хлѣбъ очень низки и вообще сбытъ хлѣба очень незначителенъ, что та или другая цѣна на изготовленный сыръ составляетъ для крестьянина жизненный вопросъ, отъ благопріятнаго разрѣшенія котораго зависитъ благосостояніе его самого и его многочисленной семьи.

Въ Швейцаріи существуютъ двоякаго рода сыроварни, изъ которыхъ однѣ содержатся цѣлой общиной и управляются довѣренными отъ нея лицами (такія сыроварни называются артельными), другія же—и ихъ гораздо меньше—учреждаются отдѣльными лицами. Въ послѣднемъ случаѣ, эти лица скупаютъ у крестьянъ близь-лежащихъ деревень все молоко, по цѣнамъ которыя опредѣляются по обоюдному соглашенію,—и тогда уже прямой барышъ крестьянъ зависитъ непосредственно отъ владѣтеля сыроварни. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне берутъ обратно молоко, оставшееся послѣ выдѣлки жирнаго сыра. Обыкновенно при каждой сыроварнѣ существуетъ также и мелочной торгъ, что для окрестныхъ деревень составляетъ истинное благодѣяніе. Въ этотъ торгъ входитъ мелочная продажа молока, творогу, масла и сыворотки, а также и испорченнаго сыра, который покупщики бракуютъ,—и всему этому ведется особый счетъ. Выручка отъ такой торговли простирается до 90 франковъ въ день.

Что касается до числа такихъ сыроварень, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи (Бернъ, Солотурнъ, Фрейбургъ) ихъ приходится отъ 2—5 на каждую общину, причемъ годовой оборотный капиталъ каждой изъ нихъ бываетъ отъ 10,000 фр.—40,000 фр. и болѣе въ годъ.

Такимъ образомъ, эта отрасль промышленности, которая 50 лѣтъ тому назадъ почти совершенно не существовала (а если и существовала то только въ размѣрахъ потребленія внутри самой страны), достигла въ настоящее время значительнаго развитія. Швейцарскій сыръ извѣстенъ большинству европейскихъ а также и американскихъ потребителей—и по качеству своему не уступаетъ извѣстнымъ сырамъ: голландскому и лимбургскому.

Достоинство сыра опредѣляется его ноздреватостью и сочностью, а также и нѣкоторою остротою и жгучестью на вкусъ.

Нѣкоторые изъ гастрономовъ и любителей цѣнятъ въ особенности тотъ сыръ, который нѣсколько загнилъ и даже содержитъ значительное количество червей, что впрочемъ—дѣло личнаго вкуса, о которомъ, какъ говоритъ пословица, спорить нельзя.

Въ техническомъ отношеніи производство сыра тоже значительно измѣнилось противъ прежняго, когда напримѣръ температура, необходимая для выдѣлки того или другаго сорта сыра, измѣрялась непосредственно рукою рабочаго,—способъ, какъ видите, допотопный, потому-что субъективное ощущеніе тепла или холода у различныхъ людей различно, и что для одного можетъ казаться теплымъ, для другаго кажется холоднымъ. Этотъ недостатокъ устраненъ въ настоящее время введеніемъ термометра Реомюра. Особенную пользу въ дѣлѣ производства сыра принесло изобрѣтеніе Дювенномъ (Duevenne) особеннаго аппарата, посредствомъ котораго опредѣляется достоинство получаемаго молока, такъ что каждая порча или недоброкачественность его можетъ быть узнана тотчасъ же.

Можетъ-быть читатель, прочитавъ это описаніе производства сыра въ Швейцаріи, спроситъ: почему же намъ ничего не скажутъ о такихъ сыроварняхъ въ Россіи?—Къ несчастію, производство сыра въ Россіи у насъ не достигло сколько нибудь значительныхъ размѣровъ—и если существуетъ, то не какъ вывозный продуктъ а единственно лишь для мѣстныхъ потребностей и обращенія внутри государства. Впрочемъ, при этомъ надо замѣтить, что производство хотя и не имѣетъ сбыта заграницу, однако же вполнѣ удовлетворяетъ нашимъ потребностямъ и запросу, и по цѣнѣ доступно массѣ небогатаго населенія.

Лучшими сыроварнями могутъ считаться артельныя сыроварни, устроенныя при содѣйствіи Вольнаго Экономическаго общества, расположенныя, въ числѣ 20, въ губерніяхъ: Тверской, Новгородской, Ярославской, Вятской, Архангельской и въ Терской области. Всѣ онѣ устроены по образцу швейцарскихъ или гольштинскихъ а отчасти и голландскихъ—съ незначительными измѣненіями, принаровленными къ условіямъ мѣстностей, въ которыхъ находятся.

Сыръ, изготовляемый этими сыроварнями, по качеству и по низкой цѣнѣ (жирный сыръ отъ 5 р. 50 коп. до 8 р. за пудъ, тощій отъ 2 р. до 4 руб.) вполнѣ заслужилъ всеобщее одобреніе и обратилъ на себя вниманіе публики, посѣщавшей нынѣшній годъ нашу мануфактурную выставку.

Кромѣ того существуетъ еще огромное количество небольшихъ сыроварень, которыя имѣютъ сбытъ своихъ продуктовъ въ окрестныхъ городахъ.

Изъ частныхъ производителей, въ прежнее время славились Голицынскія сыроварни въ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда,—а нынѣ болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе Мещерскій сыръ, который, не имѣя чрезмѣрной остроты нѣкоторыхъ заграничныхъ сыровъ, по этому самому удобоваримѣе для желудка и слѣдовательно здоровѣе, а также и вдвое дешевле самаго простаго швейцарскаго.

Капитуляція Меца.

По настоящее время еще идутъ толки о томъ, что сдача крѣпости Меца и всей Базеновской арміи есть дѣло измѣны главнокомандующихъ, или — дѣло необходимости. Мы конечно далеки отъ того, чтобы защищать героя Мексиканской кампаніи и приписывать ему достоинства великаго полководца, признававшіяся за нимъ до того несчастнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ непонятнаго маневра, которымъ онъ заперъ всю свою армію и поставилъ ее въ безвыходное положеніе. Мы хотимъ только показать, что посреди неумолкаемыхъ криковъ объ измѣнѣ можно замѣтить нѣкоторыя черты современной войны, которыя для нынѣ сражающихся армій имѣютъ громаднѣйшее значеніе. Здѣсь выступаютъ на видъ такіе моменты, которые, будучи истинною нравственною язвою, могутъ случиться съ каждой арміей. Въ послѣдующихъ строкахъ мы постараемся объяснить только-что сказанное.

Почти что каждое несчастіе, каждый бѣдственный случай, поражавшіе французовъ въ теченіе настоящей войны, приписывались ими измѣнѣ. Фроассаръ, по ихъ мнѣнію, оказалъ себя при Форбахѣ не только неспособнымъ генераломъ, но и измѣнникомъ. Урихъ тоже измѣнилъ, хотя и доказано, что сожженная, разрушенная цитадель Страсбурга не могла долѣе оказывать сопротивленія—и держалась покуда была хотя малѣйшая возможность. При Седанѣ тоже была измѣна, не смотря на то что французская армія явилась при этомъ въ видѣ дикой толпы, распущенной, стоящей внѣ всякой дисциплины. Только одинъ Макъ-Магонъ (считавшійся съ давнихъ поръ за одного изъ лучшихъ, рыцарскихъ по характеру вождей, французскаго войска) избѣжалъ этаго нареканія послѣ пораженія постигшаго его при Вертѣ. Можетъ и онъ не избѣжалъ бы этого подозрѣнія послѣ злочастной капитуляціи Седана, если бы услужливая непріятельская граната во-время не избавила его отъ всякой отвѣтственности. Теперь постыдное подозрѣніе падаетъ и на защитника Меца — Базена.

Болѣе или менѣе въ каждой арміи, во французской же въ особенности, существуетъ легкомысленная склонность приписывать каждое пораженіе непремѣнно измѣнѣ а не превосходству непріятельской арміи,—какъ будто не случалось сотни разъ, что даже такіе великіе полководцы, какъ Фридрихъ II, Блюхеръ, Наполеонъ I и ихъ знаменитые маршалы были разбиваемы, при чемъ все-таки не переставали быть и великими полководцами и честными людьми. Примѣры глупости, неспособности, измѣны—исторія также даетъ въ большомъ количествѣ; но при этомъ каждый честный человѣкъ, прежде чѣмъ произнести строгій приговоръ, взвѣситъ всѣ тѣ побочныя, даже на первый взглядъ ничтожныя обстоятельства, при которыхъ совершился фактъ. Ибо если вождь самъ виноватъ, то онъ уже тѣмъ наказанъ, что его имя до тѣхъ поръ безупречное связывается съ постыднымъ дѣломъ; если же онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее и все-таки не могъ предотвратить несчастныхъ послѣдствій, то уже слишкомъ жестоко уничтожать и безъ того нравственно-убитаго человѣка, который бы вправѣ сказать при этомъ: «tout est perdu fors l'honneur».

Что же касается собственно защиты и капитуляціи Меца, то оказывается что въ моментъ этой послѣдней —вся армія а также 70,000-ое населеніе стояли уже у преддверій голода. Какъ скоро голодъ можетъ объяснить этотъ главный фактъ, то можно было бы и не искать другихъ причинъ, потому что (какъ искони извѣстно) голодъ—самый непобѣдимый и жесточайшій врагъ всего живущаго на землѣ, а что онъ долженъ былъ наступить въ недолгомъ скоромъ времени, можно доказать слѣдующимъ.

Впродолженіи послѣднихъ четырехъ недѣль, конина (и то дурнаго свойства) и хлѣбъ представляли единственную пищу, которою питались армія а также жители. Порціи съ каждымъ днемъ дѣлались все менѣе и менѣе (сначала 400 грам. въ сутки на человѣка, потомъ 300 грам. и еще менѣе) и при недоброкачественности не могли поддерживать постоянно равнаго и довольнаго настроенія духа осажденныхъ. Цѣны на другіе жизненные припасы были очень высоки—и доступны только немногимъ, исключительно счастливо обставленнымъ семействамъ и лицамъ. Такъ, фунтъ масла стоилъ 4 рубля, бычачье мясо и сало 2 рубля. Картофель 70 к., конина—50 коп., одно яйцо—50 коп., кружка молока —45 коп. Въ особенности сильно ощущался недостатокъ въ соли, за которую уже вначалѣ платили по *пяти рублей* за фунтъ, подъ конецъ же готовы были купить на вѣсъ золота, но ея нигдѣ не было. Собственно говоря, всѣ находившіеся въ городѣ не испытывали голода въ буквальномъ смыслѣ; но армія Базена, расположенная внѣ города и фортовъ, и предоставленная на произволъ болѣзнямъ и непогодамъ, терпѣла сильный недостатокъ въ провіантѣ. Употребляемое въ пищу конское мясо было очень дурнаго свойства, потому что бѣдныя животныя питались всякой дрянью за недостаткомъ сѣна или соломы. Всѣмъ этимъ объясняется тотъ волчій апетитъ, съ какимъ пожирали французскіе перебѣжчики данный имъ пруссаками кусокъ хлѣба.

Что касается состоянія здоровья французкой арміи въ Мецѣ, то оно, будучи однимъ изъ мотивовъ капитуляціи, въ общемъ было очень нехорошо. Неговоря уже о тѣхъ 24,000-хъ, которые были размѣщены по различнымъ лазаретамъ и домамъ, каждый день умирало нѣсколько сотень отъ тифа и госпитальной горячки, что мало-ободряюще дѣйствовало на жителей Меца.

Да и условія въ которыхъ находились войска осажденной крѣпости, не говоря уже о дурномъ питаніи, которое черезъ два дня должно было совершенно изсякнуть, потому что до 40 мельницъ, бывшія въ ходу, прекратили свое производство, — условія эти были крайне дурны. Я видѣлъ мѣстность между Сенъ-Кентеномъ и Планвиллемъ, на которой было расположена часть Базеновской арміи, — и она представляла гніющее болото, испареніе котораго заражало окружающій воздухъ. О баракахъ не было и помину, потому что не доставало необходимаго дерева, а если было такое, то уже съ самаго начала его истребили. Соломы вѣроятно тоже давно уже не было, потому что замѣчались только незначительные слѣды ея; но за то въ большомъ количествѣ виднѣлись разбросанные по всему полю трупы лошадей, отдѣльные куски мяса, полуобглоданные-полусгнившіе, на которыхъ слетались цѣлыми стаями хищныя птицы. Можно было еще довольно ясно видѣть, гдѣ и какъ были расположены палатки, которыя по большей части до половины ушли въ сырую и мягкую землю. И въ такой палаткѣ на голой

Швейцарскія сыроварни.

землѣ долженъ былъ спать несчастный солдатъ. Если заглянуть въ эти палатки, то въ каждой изъ нихъ можно было найти одного или нѣсколько мертвыхъ, которые вѣроятно умерли отъ голода или болѣзней. Вѣрнѣе, отъ того и другаго вмѣстѣ.

Какъ видитъ читатель—обстоятельствъ побуждающихъ къ сдачѣ было достаточно; иначе грозила голодная смерть и всетаки неизбѣжная капитуляція.

Къ тому-же маршалъ Базенъ командовалъ не одинъ, и капитуляція была рѣшена всѣмъ военнымъ совѣтомъ маршаловъ и корпусныхъ генераловъ, при чемъ такая личность какъ генералъ Шангарньэ приняла на себя обязанность вести переговоры. Конечно 80-ти лѣтній старецъ, имя котораго никогда и ничѣмъ не было запятнано, не избралъ бы безчестнаго пути и не подписалъ бы ничего такого, что бы хотя немного могло компрометтировать его репутацію и честное имя. Поступокъ Базена, если бы онъ имѣлъ въ своемъ основаніи измѣну, всетаки принесъ бы какія либо выгоды, если не для арміи, то лично для измѣнившаго. Если же такъ, то спрашивается, что получилъ Базенъ отъ капитуляціи? Выгодныя условія для арміи? можетъ-быть особенныя личныя почести? деньги? Ничего такого, да и пруссаки не стали бы покупать то, что они могли взять черезъ нѣсколько дней даромъ. На оборотъ, имя Базена, какъ побѣжденнаго, на вѣки останется связаннымъ съ паденіемъ «дѣвственной крѣпости». Не велика же выгода!

Если присмотрѣться ближе, то оказывается, что въ концѣ октября, при полномъ изнеможеніи солдатъ и при недостаткѣ провіанта, не могло быть и рѣчи о какой либо серіозной вылазкѣ,—при чемъ конечно очень естественно рождается вопросъ: почему вылазка не была предпринята ранѣе, почему не была сдѣлана энергическая попытка пробиться сквозь непріятельскіе ряды, въ то время когда армія была еще въ полной силѣ нравственно и физически?

Вопросъ кажется очень естественный, но если припомнить, что Базенъ (не считая всѣхъ позднѣйшихъ вылазокъ) на самомъ дѣлѣ пробовалъ 31 августа и 1 сентября порвать непріятельскую линію, то вопросъ этотъ теряетъ свой смыслъ. Громадныя потери съ обѣихъ сторонъ показываютъ всю серіозность этой тридцати-часовой битвы при Нанзивиллѣ. Многіе указываютъ притомъ, что во время этой знаменитой вылазки Базенъ долго не вводилъ всѣхъ своихъ войскъ въ битву,—и видятъ въ этомъ если не измѣну, то по крайней мѣрѣ крайнюю неспособность его. Этотъ упрекъ на нашъ взглядъ имѣетъ свою долю правды—и мы должны сознаться, что при извѣстіи о томъ громадномъ количествѣ плѣнныхъ, которое досталось въ руки пруссаковъ послѣ капитуляціи, и намъ пришло въ голову, что неужели столько войска не могло пробиться или съ честью умереть. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи тѣхъ условій, въ какихъ находилась французская армія, это оказалось совсѣмъ не такимъ легкимъ дѣломъ, какимъ оно представляется на первый взглядъ.

Предположимъ, что мы имѣемъ въ открытомъ полѣ 150,000 войска и стоимъ противъ непріятеля, у котораго 230,000, но растянутаго на десяти-часовомъ разстояніи; тогда ничего нѣтъ легче какъ съ этими 150,000 пробиться сквозь непріятельскіе ряды. Мы можемъ напримѣръ направить на центръ непріятеля три колонны по 23,000 — и прежде чѣмъ подоспѣютъ къ аттакуемымъ съ фланговъ, мы уже будемъ далеко. Но это легко, если нападающая армія находится въ открытомъ полѣ, между тѣмъ какъ въ крѣпости, въ особенности такой какъ Мецъ, это положительно невозможная и немыслимая вещь. Тутъ каждыя ворота—въ то же время дефиле, черезъ которое осажденное войско лишь постепенно выходитъ маленькими колоннами. Извѣстно, напримѣръ, что для отряда въ 30,000 человѣкъ, считая тутъ пѣхоту, кавалерію и артиллерію, чтобы пройдти черезъ узкое дефиле, необходимо болѣе восьми часовъ,—и потому понятно будетъ, что французы никогда не могли развернуть сколько-нибудь стойкаго фронта, въ особенности въ виду непріятеля, который за ними зорко и неусыпно наблюдалъ. Удивительно наоборотъ то, что французы могли противопоставить пруссакамъ 1 сентября отрядъ въ 60,000, который сначала оттѣснилъ всѣ прусскія форпосты —но потомъ когда къ этимъ подоспѣ и свѣжія силы (которыхъ французы были лишены, благодаря замедленію прихода войскъ вслѣдствіи узкости прохода въ воротахъ), долженъ былъ отступить обратно въ крѣпость. Такимъ образомъ оказывается, что вылазка въ такой крѣпости какъ Мецъ не могла привести ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ для осажденныхъ.

Намъ могутъ возразить на это, что Базенъ могъ сдѣлать вылазку изъ нѣсколькихъ мѣстъ единовременно. Но допуская и это, мы предположимъ, что дѣйствительно онъ произвелъ нападеніе изъ двухъ мѣстъ разомъ, съ каждаго колонною въ 60,000, остальныя же 30,000 оставилъ въ качествѣ гарнизона въ крѣпости. Какія же послѣдствія и выгоды могло имѣть такого рода распоряженіе? На нашъ взглядъ — никакихъ, ибо тогда вмѣсто одной битвы было бы двѣ въ двухъ различныхъ мѣстахъ, потому что пруссаки окружали крѣпость со всѣхъ сторонъ и не дали бы безпрепятственно уйдти непріятелю. Даже еслибы одна изъ колоннъ успѣла пробиться, то она этимъ нисколько бы не улучшила положенія другой, такъ какъ въ большихъ крѣпостяхъ (какова наприм. Мецъ) лучеобразно-расходящіяся дороги изъ нихъ лежатъ одна отъ другой очень далеко—и для того чтобы соединиться съ колоннами находящимся на различныхъ дорогахъ, необходимо нѣсколько часовъ, которыми непріятель (въ особенности такой какъ пруссаки) съумѣлъ бы воспользоваться и выставить противъ каждой изъ колоннъ до 100,000 еще свѣжаго неизнуреннаго войска.

Какъ видитъ читатель—и со стороны французовъ не было недостатка въ энергическихъ и часто отчаянныхъ попыткахъ пробиться; но исключительныя условія, въ какихъ находилась французская армія, обращали въ ничто всѣ эти благія начинанія. Винить въ капитуляціи Меца нужно не Базена, на котораго падаетъ теперь вся отвѣтственность за плоды нѣкогда посѣянныхъ сѣмянъ деморализаціи и казнокрадства, а тѣхъ кому эти сѣмена обязаны такимъ прекраснымъ всходомъ.

Мецъ считается однако изъ лучшихъ крѣпостей въ Европѣ—и своимъ устройствомъ и самымъ положеніемъ представляетъ одно изъ неприступнѣйшихъ укрѣпленій Франціи. Окруженная со всѣхъ сторонъ фортами, расположенными на вершинахъ горъ (которыя такимъ образомъ царятъ надъ всею окрестностью) и снабженными прекрасными далеко-берущими орудіями, крѣпость лежитъ какъ-бы въ ямѣ и едва доступна непріятельскимъ выстрѣламъ. Всѣ эти укрѣпленія выстроены по правиламъ новѣйшей фортификаціи и обнесены стѣнами, мо-

гущими выдержать самое жестокое бомбардированіе. Наполеонъ III хорошо понималъ значеніе Меца какъ крѣпости, и потому не одинъ милліонъ франковъ пошелъ на укрѣпленіе его. Но все-таки это къ несчастію ни къ чему не повело, потому что о главномъ необходимѣйшемъ для крѣпости, въ особенности на случай осады, а именно о провіантѣ и не подумали озаботиться.

Будь въ Мецѣ вмѣсто 173,000 человѣкъ только 60—70,000, хорошо снабженныхъ жизненными припасами, солдатъ,—ему не пришлось-бы сдаться на постыдную капитуляцію, и онъ могъ бы цѣлые годы выдерживать осаду и не отдать въ руки непріятеля громаднѣйшую добычу, какая въ настоящее время досталась пруссакамъ. А добыча по истинѣ богата, потому-что побѣдителямъ досталось до 10,000,000 фр. золотомъ, 180,000 ружей шасспо, 100 митральезъ, 800 полевыхъ и до 2000 крѣпостныхъ орудій и наконецъ безчисленное множество аммуниціи, патроновъ и др. вещей, которыми можно одѣлить хоть 200,000 армію.

Все выше-сказанное ясно показываетъ, что въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время Франція, въ особенности послѣ капитуляціи Меца, виновата не измѣна отдѣльныхъ военачальниковъ, а цѣлый рядъ причинъ: легкомысліе, небрежность, казнокрадство и т. д., которыя лежали въ основѣ всей системы прежняго французскаго управленія.

Политическое обозрѣніе.

Циркулярная депеша русскаго государственнаго канцлера отъ $^{19}/_{31}$ октября произвела такое сильное впечатлѣніе въ европейскомъ дипломатическомъ мірѣ, что даже поглотившая общее вниманіе нѣмецко-французская война отодвинулась на второй планъ. Газетнымъ толкамъ и сужденіямъ нѣтъ конца; мы не станемъ перечислять ихъ, потому что кромѣ нѣкоторыхъ органовъ печати, постоянно враждебныхъ Россіи, всѣ остальныя газеты сознаются, что Россія была въ правѣ поступить такъ какъ она поступила, и только возстаютъ противъ самой формы заявленія, которое, по ихъ мнѣнію, слѣдовало сдѣлать, по предварительному соглашенію съ державами подписавшими Парижскій договоръ 1856 года; то же мнѣніе высказывала офиціально и Англія въ депешѣ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ лорда Гранвилля къ англійскому послу въ С.-Петербургѣ отъ 29-го октября (10-го ноября).

Тѣже аргументы повторяетъ въ своихъ депешахъ графъ Бейстъ, какъ видно изъ обнародованной въ Вѣнѣ *Красной книги*, содержаніе которой сообщено по телеграфу отъ 24-го ноября,—что особенно странно, такъ какъ еще въ 1867 году графъ Бейстъ отъ имени своего правительства предлагалъ Россіи измѣнить статьи Парижскаго трактата, касающіяся Чернаго моря, и предложеніе это было отклонено.

Другихъ офиціальныхъ отвѣтовъ на русскую депешу мы еще не встрѣчали до сихъ поръ въ газетахъ; но сколько можно судить по всѣмъ офиціознымъ отзывамъ, они будутъ изложены ими въ смыслѣ британскаго отвѣта или въ формѣ прямого согласия прусскія офиціозныя газеты до сихъ поръ не высказывали никакого опредѣленнаго сужденія; изъ Италіи получаются извѣстія, что она протестовать противъ русского циркуляра не намѣрена; только въ австрійскихъ газетахъ встрѣчаются враждебные Россіи отзывы.

Между славянами Австріи русскій циркуляръ произвелъ общую радость, и это объяснить не трудно: все что служитъ къ пользѣ и выгодѣ Россіи—встрѣчаетъ глубокое сочувствіе въ славянскомъ мірѣ. Тоже ощущеніе, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ изъ Тура, произвелъ русскій циркуляръ въ правительственныхъ кружкахъ Франціи, хотя и по другой причинѣ: тамъ надѣятся, что великая компликація въ Европѣ—а они ожидаютъ, что заявленіе Россіи непремѣнно поведетъ къ компликаціи,—послужитъ къ облегченію ихъ участи. Что касается до Турціи, наиболѣе заинтересованной въ настоящемъ дѣлѣ, то отвѣтъ ея еще неизвѣстенъ,—и только изъ полученныхъ телеграммъ мы знаемъ, что по врученіи ей русской ноты она отвѣтила, что не можетъ дать отвѣта не посовѣтывавшись съ державами подписавшими договоръ 1856 года.

Вообще можно предположить, что заявленіе Россіи не поведетъ ни къ какому столкновенію. Требованія ея до такой степени законны, миролюбіе русскаго правительства до такой степени несомнѣнно, что едвали какое-нибудь изъ европейскихъ правительствъ можетъ серіозно поставить ей въ вину отмѣну статьи трактата, который давно уже нарушенъ былъ прочими державами, тѣмъ болѣе, что эта отмѣна необходима для безопасности ея границъ.

На театрѣ военныхъ дѣйствій, послѣ очищенія Орлеана и послѣдовавшей за тѣмъ битвы при Куломье, не было никакихъ особенно важныхъ дѣлъ, за исключеніемъ сдачи Тіонвилля, который занятъ былъ 24-го ноября нѣмецкими войсками послѣ двух-дневной бомбардировки. Подъ Парижемъ дѣла остаются все въ прежнемъ положеніи, и изъ самого осажденнаго города въ послѣднее время не было извѣстій, такъ какъ, послѣ захвата нѣмцами нѣсколькихъ аэростатовъ, отправленіе таковыхъ изъ Парижа прекратилось. Какая участь готовится столицѣ Франціи—до сихъ поръ еще не выяснилось: многія газеты утверждаютъ что мысль о бомбордировании ея оставлена, а что предполагается принудить ея къ сдачѣ голодомъ. Предположеніе это какъ бы подтверждается перемѣной въ движеніи арміи принца Фридриха Карла; по увѣренію прусскихъ газетъ, первоначальный планъ дѣйствій измѣнился: армія принца Фридриха Карла не будетъ переходить черезъ Луару и не пойдетъ на Буржъ въ обходъ Луарской арміи. Всѣ главныя силы нѣмцевъ стягиваются теперь къ Парижу, который будетъ обложенъ двойною линіей; эта вторая линія будетъ простираться отъ Этаппа на Шартръ и Дрё до Эврё и Манта.

Въ эту вторую линію вступитъ принцъ Фридрихъ Карлъ съ сѣвера, генералъ Мантейфель съ юга, а герцогъ Мекленбургскій расположится на западѣ. Послѣдній уже одержалъ значительное преимущество въ сраженіи при Дрё 18-го ноября, слѣдствіемъ котораго было отступленіе французовъ къ Манту и занятіе нѣмцами Дрё, который считается значительнымъ стратегическимъ пунктомъ.

Для дѣйствія же на югѣ Франціи, выступилъ изъ

Германіи, какъ сообщаютъ въ аугсбургской *Allgemeine Zeitung*, отъ 21-го ноября, вновь сформированный корпусъ ландвера, подъ предводительствомъ генерала Дебшуца, изъ арміи расположенной въ Глогау. По всей вѣроятности онъ присоединится къ корпусу генерала Вердера, дѣйствующаго противъ ополченій Гарибальди, главная квартира котораго находится нынѣ въ Отёнѣ; всѣ дѣйствія послѣдняго ограничиваются стычками вольныхъ стрѣлковъ съ отдѣльными нѣмецкими отрядами. До сихъ поръ самое значительное дѣло гарибальдійцевъ было при Шатиліонѣ 19-го ноября, гдѣ, по увѣренію турскихъ телеграммъ, имъ удалось захватить въ расплохъ отрядъ нѣмцевъ въ числѣ 700—800 человѣкъ. Въ Ліонѣ ожидаютъ приближенія непріятеля, строятъ укрѣпленія, вооружаются, снабжаютъ городъ съѣстными припасами и боевыми принадлежностями,—словомъ, принимаютъ тѣ же мѣры, какія приняты въ Парижѣ. Кромѣ Луарской арміи, состоящей подъ предводительствомъ генерала Ореляя де-Паладина, и Бретонской, организованной графомъ де-Кератри (въ каждой изъ нихъ, какъ увѣряютъ, отъ 60 до 80 тысячъ человѣкъ, обильно снабженныхъ ружьями и артиллеріей), французы еще имѣютъ армію впрочемъ немногочисленную на сѣверѣ, гдѣ командовалъ генералъ Бурбаки, нынѣ получившій начальство надъ особымъ корпусомъ Луарской арміи, а вмѣсто его начальство на сѣверѣ (главная квартира этой арміи въ Лиллѣ) получилъ генералъ Фаръ.

Переговоры, происходившіе въ Версалѣ, приходятъ къ окончанію. Объединеніе Германіи, вопросъ уже рѣшенный, и Баварія согласилась вступить въ новый Германскій союзъ—съ тѣмъ чтобы имѣть особое военное управленіе. Объ этомъ, какъ пишутъ изъ Мюнхена въ *Neue freie Presse*, король Лудвигъ объявилъ 19-го ноября своему совѣту министровъ. Утверждаютъ, что онъ самъ отправится въ Версаль и приметъ на себя инціативу провозглашенія короля прусскаго императоромъ германскимъ.

24-го ноября произошло въ Берлинѣ открытіе союзнаго парламента г. Дельбрюкомъ, товарищемъ графа Бисмарка по званію союзнаго канцлера. Рѣчь, произнесенная при этомъ открытіи, исчисляетъ успѣхи, одержанные оружіемъ союзниковъ, присовокупляя, что «они могли бы обезпечить миръ, если бы несчастная сосѣдственная страна имѣла настоящее правительство, тогда какъ нынѣшніе правители Франціи считаютъ свою собственную участь нераздѣльною съ участью ихъ страны. Документы, которые имѣютъ быть представленными, послужатъ доказательствомъ, что упомянутые правители сочли за лучшее истощить силы благородной націи въ безнадежной борьбѣ».

Далѣе рѣчь выражаетъ мнѣніе, что условія мира, требуемыя Германіей, должны быть соразмѣрны съ жертвами, принесенными ею, и создать противъ завоевательной политики Франціи границу, которую было бы удобно защитить. Далѣе рѣчь говоритъ слѣдующее:

«Такимъ образомъ мы исправимъ отчасти послѣдствія прежнихъ неудачныхъ войнъ—и избавимъ нашихъ южныхъ братій отъ гнета, который тяготѣлъ надъ ними, вслѣдствіе угрожающаго положенія Франціи. Союзный парламентъ конечно не откажетъ въ средствахъ, необходимыхъ для этой цѣли. Для доставленія собранію полнаго понятія о политическомъ положеніи, ему представлены будутъ сообщенія, полученныя министромъ иностранныхъ дѣлъ, относительно трактатовъ 1856 года. Союзныя правительства питаютъ надежду, что блага мира будетъ сохранены всѣмъ народамъ.

«Продолженіе войны не помѣшало мирнымъ занятіямъ. Чувство единства, оживленное общею опасностью и общими побѣдами; сознаніе положенія, которое пріобрѣла Германія благодаря Союзу; увѣренность, что только прочныя учрежденія могутъ обезпечить будущность Германіи;—внушили народамъ и государямъ убѣжденіе, что для Сѣвера и Юга необходима болѣе тѣсная связь, чѣмъ та, которую представляютъ международные трактаты. Переговоры по этому предмету привели уже къ устройству Германскаго Союза, основаннаго на соглашеніи съ великими герцогствами Баденскимъ и Гессенскимъ и принятаго единогласно союзнымъ совѣтомъ. Соглашеніе на томъ же основаніи съ Баваріей—будетъ предметомъ обсужденія. Тождество воззрѣній установившееся съ Виртембергомъ относительно общей цѣли — подаетъ намъ надежду на такое же соглашеніе».

Въ заключеніе рѣчь выражаетъ надежду, что союзный парламентъ, руководимый всегда національною идеей, будетъ содѣйствовать великому дѣлу общаго объединенія Германіи.

— —

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 20 Ноября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 48. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Россмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ «НИВА» ВЪ 1871 ГОДУ.

,,НИВА'' будетъ издаваться въ 1871 г. въ томъ же направленіи и по той же программѣ еженедѣльно какъ и въ 1870 г.

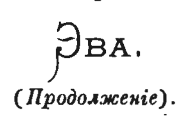
Редакція употребила всѣ усилія для улучшенія журнала и можетъ обѣщать между прочимъ новыя повѣсти В. И. КЕЛЬСІЕВА и В. В. КРЕСТОВСКАГО.

Желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ ,,Нивы'' на будущій годъ, безъ перерыва вслѣдъ за выходомъ послѣднихъ №№ за 1870 г., мы имѣемъ честь покорнѣйше просить гг. подписчиковъ (въ особенности — жительствующихъ въ **отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи**, какъ напр. въ **Сибири, Туркестанѣ**, на **Кавказѣ** и проч.) заблаговременно высылать въ контору редакціи свои требованія съ возобновленіемъ подписки на 1871 годъ, **тѣмъ болѣе, что заготовленіе адресовъ къ печати и назначеніе на нихъ трактовъ и мѣстъ—занимаютъ не мало времени.**

Подписная цѣна на 1871 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 130—150 художественно-выполненными рисунками:

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	Съ доставкой въ Петербургѣ	5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 р. 50 к.	Для иногородныхъ (съ пересылкой и упаковкой)	5 р.

Требованія и подписныя деньги покорнѣйше просимъ адресовать: **Въ контору редакціи журнала ,,НИВА'', А. Ф. Марксъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, на углу Невскаго проспекта и Большой Морской, д. Россмана, № 9 — 13.**

Эва.

(Продолженіе).

На другое утро, въ девять часовъ Эва дожидалась уже Норберта у храма — и когда услыхала его твердую, гибкую походку, яркій румянецъ разлился по ея тонкимъ чертамъ, и она еще ниже наклонилась къ своему рисунку. Послѣ первыхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, художникъ, весело усѣвшись на ступенькахъ храма, воскликнулъ: — О! здѣсь настоящая тишина и спокойствіе. Сегодня въ гостинницѣ, гдѣ я остановился, было очень шумно. Мнѣ кажется, что хозяинъ слѣдуетъ русской пословицѣ: «люби жену какъ душу, а бей какъ шубу». Съ самаго ранняго утра начались крики, брань и побои, и мнѣ окончательно не дали заснуть. Несмотря на все добродушіе, этотъ народъ ужасно грубъ.

— Да, мужчины, начала-было Эва.

— Ну ужь извините, точно такъ же и женщины, перебилъ Норбертъ полу-шутя, полу-серіозно. — Если женщина дѣйствительно добра — она лучше всѣхъ мужчинъ; если же зла, то она хуже семи дурныхъ мужчинъ; ну а ужь если груба, то въ цѣломъ свѣтѣ не найдешь болѣе ужаснаго зрѣлища.

— Совершенно справедливо, добавила Эва: — но вы должны же сознаться, что мужчины большею частію первые подаютъ поводъ къ ссорѣ и бываютъ виновни-

ками несчастныхъ браковъ. Ихъ себялюбіе, эгоизмъ, грубость и гнѣвное нетерпѣніе доводятъ часто бѣдныхъ женщинъ до отчаянія.

— Чтó вы сваливаете все на нашу голову?! воскликнулъ Норбертъ, — не могу же я не заступиться за нашъ полъ! Не вѣрьте однако, что мы виновники несчастныхъ браковъ; наоборотъ, почти всегда, изъ десяти разъ восемь женщины сами бываютъ причиною. Ихъ суетность, капризы, недостатокъ въ мудрой уступчивости и кротости,—вотъ тѣ свойства, которыя неоднократно уже разрушали семейное счастіе. Добрая и кроткая жена всегда имѣетъ большое вліяніе на своего мужа; она незамѣтно направляетъ и воспитываетъ его сердце. Я много разъ видалъ чудесные примѣры. Дурная же можетъ лучшаго мужа сдѣлать чортомъ.

Норбертъ всталъ со ступенекъ храма и быстрыми шагами принялся расхаживать взадъ и впередъ по аллеѣ. Эва смотрѣла на него съ удивленіемъ, однако черезъ нѣсколько минутъ художникъ владѣлъ собой.

— Нашъ разговоръ не совсѣмъ вѣжливъ, замѣтилъ художникъ полусмѣясь, — но когда разгорячишься, то думаешь объ одномъ только: какъ бы отстоять свое мнѣніе.

Говоря такимъ образомъ, Норбертъ открылъ альбомъ и показалъ Эвѣ свой послѣдній рисунокъ.

— Видите, графиня, остается только подпустить бѣлой краски—и рисунокъ готовъ; я думаю, что сегодня послѣ обѣда мы можемъ выбрать новое мѣсто. Но какая разсѣянность съ моей стороны! продолжалъ онъ, перебивая самъ себя, — я позабылъ захватить воды для разведенія красокъ; обыкновенно я ношу ее всегда при себѣ въ небольшой стклянкѣ.

— Этому горю легко помочь, сказала Эва, — въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда въ лѣсу протекаетъ источникъ... и она указала рукою по тому направленію, откуда слышалось легкое журчаніе и плескъ источника. Норбертъ положилъ свой альбомъ на землю, взялъ бутылку и направился къ указанному мѣсту, между тѣмъ какъ молодая дѣвушка, опершись подбородкомъ на руку, внимательно смотрѣла ему вслѣдъ.

Рисовальный альбомъ лежалъ у ея ногъ, и вѣтеръ шелестилъ его листьями. Сначала раскрылся одинъ листъ —и Эва увидала свой портретъ съ закинутою слегка головою и съ широко открытыми, какъ бы одушевленными глазами; потомъ открылся другой листъ—и она увидала себя же, сидящую у креста и смотрящую вдаль; еще новый листъ — опять была изображена Эва у приподнятой драпировки. Тутъ вѣтеръ быстро перевернулъ нѣсколько рисунковъ одинъ за другимъ—и Эва снова видѣла себя, въ профиль, во весь ростъ, въ старо-германскомъ нарядѣ, въ видѣ Нормы, ангеломъ съ развѣвающимися крыльями и съ лучезарной звѣздой на головѣ... здѣсь книга осталась открытою. Норбертъ могъ возвратиться каждую минуту; Эва еще разъ наклонилась и осмотрѣлась кругомъ,—потомъ, протянувъ маленькую ножку, подсунула ее подъ переплетъ альбома, и захлопнувъ книгу, быстро взялась за карандашъ. Художникъ приближался; сильный испугъ выразился на личикѣ Эвы, когда она, взглянувъ нечаянно на свой рисунокъ, увидала, что въ срединѣ ландшафта стояло имя Норберта. Не долго задумываясь, она разорвала листокъ въ мелкіе клочки.

— Что это вы дѣлаете? воскликнулъ удивленный Норбертъ, заставъ свою ученицу за такимъ страннымъ занятіемъ.

— Рисунокъ былъ такъ отвратителенъ, такъ нехорошо нарисованъ.... я была такъ разсѣяна, бормотала смущенная Эва.

Норбертъ проницательно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку. — Вы тоже капризны? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ! отвѣчала почти со слезами Эва. — Такъ надо было... иначе я ничего не могла сдѣлать...

Немного погодя, художникъ совершенно незамѣтно поднялъ одинъ клочекъ разорваннаго рисунка; ему попались на глаза три буквы—и это были начальныя буквы его имени.

Эва не могла себѣ объяснить страннаго поведенія своего учителя въ остальное время урока. То онъ становился неудержимо веселъ, смѣялся, передразнивалъ пѣніе птицъ, то вдругъ дѣлался серіозенъ, задумчивъ, смѣялся про себя — и не подозрѣвая, что за нимъ наблюдаютъ, безпрестанно останавливалъ взоры съ восхищеніемъ на своей милой ученицѣ. Наконецъ настало время кончать урокъ. Но художникъ намѣревался остаться у храма, увѣряя, что онъ положительно не чувствуетъ голода и подождетъ Эву здѣсь.

Не было еще трехъ часовъ, когда снова вернулась Эва, неся маленькую корзинку.

— Еще не народился такой человѣкъ, который можетъ питаться однимъ воздухомъ, говорила она смѣясь,— вы видите во мнѣ спасительницу вашей жизни... и она принялась вынимать изъ корзинки хлѣбъ, потомъ кусокъ холоднаго пирога, бифстекъ и бутылку вина. — Молчите, перебила она изъявленія благодарности Норберта, — кушайте поскорѣе, а потомъ уже мы начнемъ наше путешествіе по лѣсу. Я знаю одно мѣсто на ближайшемъ холму; оттуда видъ еще прекраснѣе, чѣмъ здѣсь. Ну, какъ вы теперь себя чувствуете? спросила Эва черезъ нѣсколько минутъ, когда художникъ осушилъ стаканъ вина за ея здоровье.

— Сильнѣе Голіафа, воскликнулъ Норбертъ, — и готовъ теперь сопровождать васъ, дивная волшебница, хоть на конецъ свѣта.

— Avanti, смѣясь отвѣчала Эва, — и будемъ надѣяться на счастливое открытіе.

Быстрыми шагами прошли они по лѣсу, потомъ вышли на большой, открытый лугъ; посрединѣ его художникъ остановился и внимательно посмотрѣлъ на небо, которое начало заволакиваться тучами.

— Ужь не боитесь-ли вы грома? насмѣшливо спросила Эва.

Они направились дальше, вошли снова въ лѣсъ, но тутъ уже трудно стало пробираться въ гористой мѣстности. Эва рѣдко нуждалась въ помощи, легко и свободно перепрыгивала она съ камня на камень, между тѣмъ какъ взоры Норберта были неудержимо прикованы къ ней.

— Наконецъ-то мы достигли желанной цѣли! весело воскликнула молодая дѣвушка, взобравшись на самую вершину скалы и стоя на краю обрыва, который круто спускался въ озеро.—О, не правда ли, какое здѣсь очаровательное мѣсто?!.. Громъ гремитъ, добавила она вдругъ и посмотрѣла вокругъ себя, какъ будто ее кто нибудь звалъ.

Страшная, темная гроза висѣла въ воздухѣ; тучи надвигались—и чѣмъ ближе, тѣмъ скорѣе.

— Надо воротиться назадъ, поспѣшно сказалъ Норбертъ, — можетъ-быть мы минуемъ дождь. Скорѣе, скорѣе, графиня!

— Да взгляните вы еще хоть разъ на окрестность, просила Эва, — а то что же мы даромъ-то проходили столько времени! Не правда-ли, это зрѣлище грозы очень эффектно?

Норбертъ разсѣянно посмотрѣлъ вокругъ себя. Одна часть горы была ярко и рѣзко освѣщена солнцемъ, между тѣмъ какъ другую уже окутала сѣрая пелена дождя, спускавшагося на всю окрестность, подобно густому покрывалу. На крыльяхъ вѣтра прилетѣла и разразилась страшная гроза. Отъ ея дуновенія деревья гнулись какъ лозы, въ дикой пляскѣ кружились сухіе листья; она хлестала по волнамъ озера, такъ что онѣ пѣнились, яростно ломала сучья, разбрасывая ихъ то въ ту, то въ другую сторону. Буря хватила до Эвы, сорвала шляпку съ ея головы и понесла эту шляпку въ пропасть; молодая дѣвушка пошатнулась и не могла устоять на ногахъ, такъ что Норбертъ поддержалъ ее, обнявъ одной рукой. Обильно падали крупныя градины, ослѣпительная молнія прорвала тучи — и превратила на мигъ все небо въ огненное море, затѣмъ снова съ страшною силою грянулъ небесный гласъ. Далеко прокатился ударъ грома, пробуждая тысячу отголосковъ. Молодая дѣвушка, опираясь на руку Норберта, чувствовала себя какъ-бы оглушенною.

— Идите скорѣй, говорилъ художникъ, и ему нужно было почти кричать для того, чтобы Эва могла услыхать его слова. — Мы стоимъ на самомъ открытомъ мѣстѣ, слѣдуйте за мной.

Крѣпко держа Эву за руку, онъ началъ вмѣстѣ съ нею спускаться съ горы.

Градъ продолжался не болѣе двухъ минутъ; за первымъ раскатомъ не было уже ни грома ни молніи, только дождь полилъ какъ изъ ведра. Путники промокли до костей. Норбертъ заботливо поглядывалъ на молодую дѣвушку, но та пришла уже въ себя и улыбаясь кивала ему головой.

Спускъ съ горы былъ чрезвычайно труденъ: вслѣдствіе дождя стало очень скользко, а мокрыя платья затрудняли всякое свободное движеніе. Норбертъ выказалъ себя неутомимымъ: онъ поддерживалъ и велъ Эву, отстраняя сучья, заграждавшія дорогу, отводилъ вѣтки, которыя чуть не хлестали въ лицо молодой дѣвушки своей мокрой листвой, — однимъ словомъ, заботился обо всемъ, чтобы облегчить для нея трудный, утомительный путь. Они миновали нѣсколько молодыхъ деревьевъ, сломленныхъ или вырванныхъ съ корнемъ.

— Сколько бѣдъ надѣлала эта гроза! сказалъ Норбертъ и потомъ прибавилъ про себя: — такъ одно несчастное дѣло разбиваетъ цѣлую жизнь человѣка.

Онъ крѣпко стиснулъ губы, покачалъ головой, какъ бы желая прогнать всѣ мрачныя мысли на то время, когда съ нимъ не было его грустнаго прошлаго, а настоящее улыбалось ему такъ соблазнительно. Спѣшно прошли они черезъ лугъ.

— Вы многое можете выдержать, сказалъ художникъ.

— Но въ настоящемъ случаѣ вы мнѣ много помогли, отвѣчала Эва и при этомъ такъ довѣрчиво взглянула на художника, что онъ невольно крѣпко пожалъ ея маленькую ручку. Она покраснѣла, и не знала нѣсколько мгновеній куда дѣвать глаза, потомъ опустила ихъ долу и въ продолженіи остальной дороги не проронила ни одного слова.

Между тѣмъ въ замокъ Эбензее, какъ разъ передъ началомъ грозы, явился гость. Господинъ фонъ-Моллернъ — высокій, сильный и широкоплечій мужчина, съ бѣлокурыми густыми волосами и бородою, — пріѣхалъ изъ своего помѣстья на верховой лошади, посидѣть и поболтать нѣсколько времени съ сосѣдомъ. Господину фонъ-Моллерну на видъ казалось лѣтъ двадцать семь или двадцать восемь; онъ много путешествовалъ, былъ хорошо образованъ, любимецъ всего околотка, уважаемый высшими и обожаемый своими подчиненными.

Кто хоть разъ слышалъ его сильный, звучный голосъ и веселый, задушевный смѣхъ, или кто встрѣчалъ его открытый взглядъ и доброе выраженіе его лица, не отличавшагося особенной красотой, тотъ не скоро забывалъ Феликса Моллерна.

«Онъ предсталъ предо мной свѣжій и сильный, подобно молодому сосновому дереву, освѣщенному яркими лучами солнца», таково было мнѣніе объ Феликсѣ одной знакомой ему сентиментальной дамы — и дѣйствительно она не ошибалась.

Молодой человѣкъ усѣлся на маленькомъ стулѣ и вовсе не скрывалъ того разочарованія, которое онъ почувствовалъ, узнавъ что Эвы не было дома. Гроза безпокоила его больше, чѣмъ барона Эбензее; тотъ былъ увѣренъ, что Эва пріютилась въ какой нибудь хижинѣ.

Неоднократно покушался фонъ - Моллернъ ѣхать на поиски графини; но никто не зналъ, въ какую сторону пошла Эва, — и онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Оба сосѣда поговорили сначала о томъ, о другомъ, наконецъ старый баронъ попросилъ своего гостя помочь ему совѣтомъ насчетъ постройки теплицъ, и когда тотъ съ удовольствіемъ изъявилъ свое согласіе, то баронъ отправился въ свою комнату за планомъ.

— Онъ хорошій, славный человѣкъ, думалъ баронъ, проходя по длинному корридору. — Эва ему нравится, такъ пускай лучше этотъ, чѣмъ кто нибудь другой.... ахъ, да вотъ и она сама является, перебилъ онъ самъ себя и поспѣшилъ къ ближайшему окну, изъ котораго можно было видѣть мостъ и дорогу до самыхъ воротъ замка. Но что такое увидалъ баронъ? Молодая дѣвушка пожала руку художника, она казалась какъ будто смущенною но вмѣстѣ съ тѣмъ и довѣрчивою, была задумчива но и весела; вотъ они дошли до самыхъ воротъ замка.... могъ-ли баронъ не вѣрить собственнымъ глазамъ?... художникъ — съ какимъ стыдомъ, съ какимъ презрѣніемъ произнесъ баронъ Эбензее это слово! — художникъ схватилъ протянутую руку, снялъ мокрую перчатку — и, о небо! онъ коснулся губами руки графини.

Баронъ стоялъ какъ пораженный громомъ. Онъ сначала ожидалъ, что Эва разсердится на дерзкаго негодяя и сдѣлаетъ ему строгій выговоръ, — но нѣтъ, ничуть не бывало: она казалось вовсе не обидѣлась, напротивъ улыбалась, слегка покраснѣвъ.

У барона закружилась голова, онъ ухватился за подоконникъ и закрылъ глаза.

Его внучка, урожденная графиня Вальденау, находится въ таинственныхъ сношеніяхъ съ какимъ то чужеземцемъ-художникомъ — о! этого баронъ не могъ пережить.

Онъ громко застоналъ, открылъ глаза, — художникъ уже исчезъ, Эва звонила въ колокольчикъ.

Твердыми, тяжелыми шагами сошелъ баронъ съ лѣстницы и встрѣтилъ свою внучку въ передней.

— Не правда-ли, вѣдь я мокра какъ мышь? смѣясь воскликнула Эва, спѣша къ нему на встрѣчу, — ты вѣрно очень безпокоился обо мнѣ, милый дѣдушка, но надѣюсь, со мной особеннаго ничего не случилось.

— Ступай-же переодѣнься поскорѣе, отвѣчалъ баронъ по возможности спокойнымъ голосомъ, — и приходи въ гостиную, у насъ молодой Моллернъ.

Потомъ прибѣжала Вальбурга, потащила Эву въ комнату, плача и жалуясь на ужасное положеніе молодой госпожи.

— Ну, успокойся же! говорила Эва почти съ нетерпѣніемъ,—я вѣдь не утонула, не сгорѣла; лучше помоги мнѣ одѣться, а то я очень озябла.

— Въ гостиной гораздо теплѣе, отвѣчала Вальбурга, набросивъ шаль на плеча молодой дѣвушки.

Эва быстро сбѣжала въ гостиную, не давая себѣ времени подумать. Фонъ Моллернъ осыпалъ ее столькими вопросами и предложеніями, что она едва успѣла отвѣчать ему. Онъ не отсталъ отъ Эвы безъ того, чтобы она не выпила стаканъ подогрѣтаго вина, развелъ посильнѣе огонь въ каминѣ, обложилъ Эву подушками со всѣхъ дивановъ, такъ что она улыбаясь просила пощады, боясь какъ бы не задохнуться. Феликсъ пробылъ въ замкѣ до девяти часовъ—и вечеръ прошелъ пріятно и незамѣтно.

Эва казалась еще красивѣе чѣмъ обыкновенно; чудная, сердечная радость свѣтилась на ея личикѣ, и въ каждомъ движеніи проглядывала очаровательная прелесть. Она спѣла нѣсколько пѣсенокъ—хотя безъ особеннаго искусства, но съ тактомъ—и голосъ ея звенѣлъ какъ серебро. Все окружающее представилось ей совершенно въ другомъ, новомъ, прекрасномъ свѣтѣ. Она смотрѣла вокругъ себя, какъ будто въ первый разъ замѣтила все великолѣпіе и комфортъ старой гостиной,— и когда стемнѣло, почти удивилась, что сегодня солнце по обыкновенію зашло.

Когда молодая дѣвушка ушла въ свою комнату и отослала служанку—она долго не могла успокоиться. Теперь она поняла, какая перемѣна совершилась въ ней,—отчего жизнь казалась ей теперь такъ обольстительна и свѣтъ такъ прекрасенъ. Волнуемая такими мыслями, она прятала въ подушки свое лицо, сплошь залитое яркимъ румянцемъ.

Не одной Эвѣ не спалось въ эту ночь. Ея дѣдушка расхаживалъ неспокойными шагами по длинной, мрачной комнатѣ, въ которой онъ жилъ. Наконецъ, послѣ нѣскольскихъ соображеній, онъ сѣлъ къ письменному столу и принялся за письмо:

«Г-жѣ баронессѣ Хальденъ.

Любезная сестра!

На этотъ разъ я обращаюсь къ тебѣ съ большой просьбой и надѣюсь, что ты мнѣ не откажешь. Мнѣ кажется, что моей внучкѣ пора уже выѣзжать въ свѣтъ —и потому я бы желалъ прислать ее къ тебѣ погостить мѣсяца на два.

Я очень хорошо знаю, что лишнее лицо потребуетъ много издержекъ въ твоемъ маленькомъ хозяйствѣ, и потому я буду высылать ежемѣсячно сумму въ триста талеровъ; ты будешь устраивать маленькіе вечера и доставлять развлеченія моей внучкѣ. На ложи въ театръ, на концерты, на туалетъ я припасу особо. Я былъ бы оченъ доволенъ, если бы ты сейчасъ же изъявила свое согласіе.

Завтра вечеромъ ты получишь мое письмо, телеграфируй мнѣ немедленно отвѣтъ; онъ дойдетъ ко мнѣ въ четвергъ—и если будетъ утвердителенъ, то Эва въ пятницу утромъ отправится въ Б., оттуда по желѣзной дорогѣ и въ три часа пріѣдетъ къ тебѣ.

Конечно, Эву будетъ сопровождать Вальбурга и останется ей прислуживать.

Кланяюсь тебѣ.

Вольфгангъ».

— Баронесса всегда нуждается въ деньгахъ — и охотно приметъ ее къ себѣ, на это я вполнѣ расчитываю, говорилъ баронъ, запечатывая письмо.

На другой день рано утромъ былъ посланъ верховой въ Б., тамъ онъ долженъ дождаться отвѣта и привести его въ замокъ.

Эва еще ничего не знала.

За завтракомъ, когда Эва все еще продолжала жаловаться на проливной дождь, баронъ сказалъ ей:—Я велѣлъ отказать учителю рисованія; нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы онъ приходилъ въ такую погоду. Я думаю, ему довольно и вчерашняго ливня.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла и замолчала. Она надѣялась брать сегодня урокъ на дому, она считала всѣ минуты до свиданія,—а теперь кто знаетъ, когда кончится это ужасное ненастье.

День тянулся медленно; Эва безпокойно бродила по всему дому, то заходя въ библіотеку, то принимаясь за рисунокъ, то подсаживалась опять къ Вальбургѣ, или печально смотрѣла въ окно и пыталась считать дождевыя капли, которыя падали на дворѣ на камни.

Въ шесть часовъ раздался звонокъ. Эва въ одно мгновеніе сильно взволновалась; глаза ея заблестѣли, щеки покрылись яркимъ румянцемъ, она откинула волосы за маленькое ушко и подслушивала у двери. Но едва только услыхала она голосъ явившагося посѣтителя, какъ тотчасъ же вернулась назадъ, хлопнула досадливо дверьми и принялась быстрыми шагами прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ. Неохотно и съ большою медленностію рѣшилась Эва уступить желанію дѣдушки, который звалъ ее въ гостиную. По дорогѣ она уже слышала сильный голосъ Моллерна.

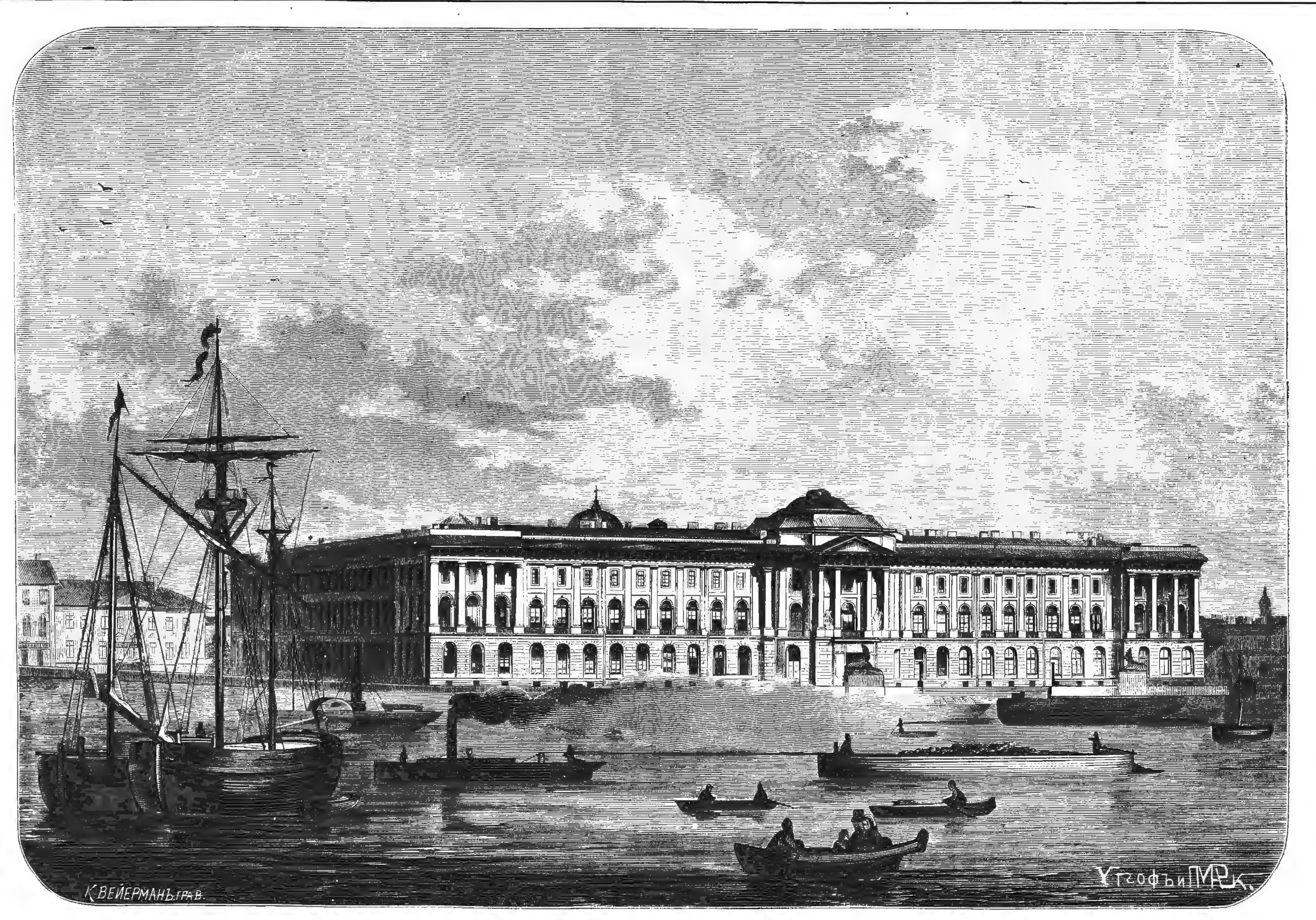
— Вѣдь вотъ онъ же пріѣхалъ несмотря ни на какой дождь! думала графиня, глядя на окрестность взоромъ полнымъ упрека, и съ недовольнымъ видомъ взошла въ гостиную.

Но противъ веселаго расположенія духа фонъ Моллерна трудно было кому-нибудь устоять.

Невольно и мало-по-малу гнетущее настроеніе Эвы перешло въ болѣе веселое, и спустя нѣсколько времени Феликсъ уже говорилъ ей: — Ну, теперь вы смотрите гораздо веселѣе, графиня; этимъ вы сняли тяжелый камень съ моего сердца: вы не повѣрите, какъ мнѣ всегда тяжело видѣть кого-нибудь грустнымъ.

— Нельзя же вѣдь постоянно смѣяться, отвѣчала Эва.

— Кто же про это говоритъ! съ жаромъ воскликнулъ Феликсъ, — но веселое настроеніе всегда можно поддерживать несмотря на всю серіозность. Конечно, я знаю, что въ жизни встрѣчается горе и заботы; но къ чему же все принимать такъ близко къ сердцу, вмѣсто того чтобы отнестись ко всему гораздо легче? Для этого вовсе не нужно быть легкомысленнымъ. А бываютъ люди, у которыхъ какая-то особенная страсть къ печальнымъ мыслямъ, киснутъ въ меланхоліи, и если смѣю такъ выразиться, лакомятся ею! Если у нихъ

Зданіе С.-Петербургской Академіи Художествъ.
Съ натуры рисовалъ П. Марковъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

нѣтъ дѣйствительной причины, что нерѣдко и встрѣчается у этихъ людей, то они создаютъ себѣ всемірное горе, дѣлаютъ изъ мухи слона — les voila heureux dans leur malheur. Охъ! добавилъ Феликсъ, покачавъ головою,—такіе люди могутъ окончательно возмутить меня меланхолическими взглядами, таинственными вздохами, созерцаніемъ луны, безцвѣтною улыбкою и романтическимъ разочарованіемъ. Въ этихъ созданіяхъ есть что-то нездоровое, слабое... и Феликсъ, глубоко вздохнувъ, поднялъ одной рукой тяжелый дубовый стулъ, какъ - бы желая удостовѣриться въ своей здоровой силѣ.

— Кажется, вы хотите предписать гимнастическія упражненія противъ такихъ ощущеній, сказала Эва съ хитрой улыбкой.

Феликсъ покраснѣлъ и проворно поставилъ стулъ на мѣсто.

— Извините, отвѣчалъ онъ, — я знаю, такъ не принято вести себя въ гостиной, но мнѣ хотѣлось немножко освѣжиться. По крайней мѣрѣ повѣрьте мнѣ, графиня, что если бы эти несчастные герои и героини ежедневно употребляли часа два на гимнастику, да два—на прогулку, то аппетитъ и сонъ скоро бы возвратились къ нимъ.

— Вѣроятно вы еще не много видѣли горя, вмѣшался баронъ, который, расхаживая по комнатѣ, однимъ ухомъ прислушивался къ разглагольствованіямъ Феликса.

— Чего не было, то можетъ случиться, отвѣчалъ молодой человѣкъ и бросивъ при этомъ косвенный взглядъ на Эву, добавилъ съ легкимъ вздохомъ: — если когда и настанетъ такое время, то, надѣюсь, я съумѣю пережить его какъ слѣдуетъ.

— Но какимъ же образомъ вы распорядитесь? сказала графиня, смотря на него съ любопытствомъ.

— Я буду страдать, не отягощая этимъ другихъ. Дѣлить горе пополамъ—по моему, значитъ не уменьшать, а напротивъ удвоивать его. Тогда уже не одинъ страдаетъ, а влечетъ за собой и другого. Вы пожалуй съ насмѣшкою отзоветесь, что это одни только принципы; но я надѣюсь доказать ихъ на дѣлѣ, если когда, Боже сохрани, придется мнѣ выносить испытаніе. Ну, однако пора въ сторону заботы, несчастія и печали! Возвысьте вашъ голосъ, графиня, и спойте намъ какую нибудь веселенькую пѣсенку.

Много бы дала Эва за то чтобы не исполнять на этотъ разъ желанія Моллерна; но теперь она стыдилась выказать себя капризною передъ этимъ человѣкомъ, одареннымъ такимъ веселымъ юморомъ. Потому она сѣла за рояль и пѣла пѣсню за пѣсней, между тѣмъ какъ Феликсъ подкладывалъ ей ноты. Если бы она могла заглянуть въ окно сквозь наступившую темноту, то вѣроятно ея голосъ потерялъ бы грустный, равнодушный тонъ, а глаза—печальное выраженіе. На дворѣ, подъ противнымъ дождемъ стоялъ человѣкъ и жадно ловилъ звуки, долетавшіе до него, какъ осужденный, который прислушивается къ пѣсни ангела. Прислонясь близехонько къ окну и скрытый густымъ плющемъ отъ нескромныхъ глазъ, смотрѣлъ онъ съ невыразимымъ чувствомъ—какъ Феликсъ наклонялся къ Эвѣ, говорилъ съ нею, подавалъ новые романсы, слушалъ ее съ сіяющимъ лицомъ; онъ видѣлъ, какъ молодая дѣвушка улыбалась, встрѣчая взоры Феликса.

Норбертъ крѣпко стиснулъ руки.

— Я недостоенъ, недостоенъ ее, бормоталъ онъ,— но все-таки она должна полюбить меня, покориться мнѣ, и—клянусь!—она будетъ моею.

Въ эту минуту взошелъ Матвѣй и доложилъ, что ужинъ поданъ. Моллернъ предложилъ Эвѣ руку, а старый баронъ шелъ сзади. Художникъ внимательно еще съ минуту заглядывалъ въ опустѣвшую комнату: огонь все еще ярко сверкалъ и свѣчи горѣли, но ему казалось что въ ней вдругъ стало холодно и мертво.

(Продолженіе будетъ).

Очерки Кавказа.

II.

Отъ Мцхета до Гори.

27-е Ноября. Пробили утреннюю зорю. Утро сырое, холодное. Съ разсвѣтомъ команда тронулась къ Мцхетской станціи, и пройдя мостъ, вступила въ ущелье по правому берегу Куры.

Отъ самой станціи открывается дикая безжизненная долина. Болотныя испаренія, которыми она переполнена, съ порывами вѣтра неслись намъ въ лицо. Глинистый грунтъ дороги представлялъ массу липкой грязи; путь затруднялся еще волнистой мѣстностью, а если и попадались мѣста ровныя, низменныя, то они представляли изъ себя болота и соленыя озера. Лошади не въ силахъ были перевозить груза, приходилось во многихъ мѣстахъ перетаскивать тяжести на рукахъ. Достойную рамку мрачной картины составляли, съ обѣихъ сторонъ, горы и возвышенія красноватаго цвѣта, какъ бы обожженной глины, безъ всякой растительности; коегдѣ, при дорогѣ, колючка и мелкій кизиловый кустарникъ, да и то при началѣ дороги;—вотъ и все, что можетъ замѣтить глазъ.

До станціи Ничбисъ-Цхальской 13 верстъ. Не смотря на такой незначительный переходъ, команда едва къ вечеру пришла на мѣсто. Крупный потъ катившійся по лицамъ солдатъ и паръ отъ лошадей— свидѣтельствовали о трудности перехода. Жилищъ только и есть: почтовая станція, три духана и одинъ небольшой буйволятникъ. Размѣстить команду было негдѣ; многимъ пришлось провести ночь подъ открытымъ небомъ и вдыхать заразительные міазмы. Я велѣлъ раздать командѣ винную порцію. Солдаты повеселѣли, и кто изъ нихъ имѣлъ лишнюю копѣйку, невольно отъ холода заходилъ погрѣться въ духанъ.

Для незнакомыхъ съ этими заведеніями — считаю нелишними слѣдующія подробности. Постройка духановъ на всемъ протяженіи почтовой дороги, какъ въ Карталиніи, такъ и въ Имеретіи, однообразна и проста. Въ склонѣ горы выкапывается яма, такъ чтобы она имѣла у нижняго краю сажень глубины, при 3-хъ длины и 2-хъ ширины (болѣе или менѣе, смотря по средствамъ хозяина). Въ ямѣ утверждаются два столба, превышающіе поверхность земли на одинъ или на два аршина; на нихъ кладется бревно, на которое по всей длинѣ, съ обѣихъ сторонъ, опираются жерди уткнутыя въ землю; хворостъ или пучки соломы настилаются на жерди и

забрасываются сверху землею; наконецъ, чтобы кровля не пропускала дождя, накладывается слой глины—вотъ ихъ устройство, заставляющее европейца удивляться, какъ такія слабыя подпоры могутъ выдерживать такую массу земли и глины. Заднюю стѣну такого строенія составляетъ толща горы; передняя сторона остается открытою, образуя большое треугольное отверстіе, половина котораго замѣняетъ окно, залѣпляемое на зиму промасленной бумагой. Сквозь эту половину отверстія виднѣются самоваръ, а передъ нимъ, на подмощенныхъ доскахъ, другія заманчивыя вещи: балыки, графины съ водкой, бишлякъ (овечій сыръ), крендели, свѣжій или, смотря по времени года, вяленый виноградъ, лимоны и даже стеариновыя свѣчи. Другая половина треугольнаго отверстія предоставляется для входа: предъ нею, за нѣсколько шаговъ, дѣлается въ землѣ спускъ съ приступочками до полу или до дна землянки. Это—духанъ. Внутри нѣтъ ни стульевъ, ни столовъ; вмѣсто всякой мебели, вдоль боковой стѣны тянется земляной низенькій уступъ, покрытый досками, на которомъ лежатъ бурдюки—со спиртомъ, краснымъ и бѣлымъ виномъ; по другую сторону, отъ окна идетъ стойка съ напитками и закусками; на полкахъ, сзади стойки, встрѣтишь двѣ-три бутылки съ надписью «*клико*» или другихъ европейскихъ винъ; тамъ же, въ банкахъ конфекты и варенья, контрабандные чай, головы сахару и ромъ [1]), стеариновыя и сальныя свѣчи, фрукты, шелкъ-сырецъ и дратва—все развѣшано на жердяхъ, поддерживающихъ кровлю. Задняя часть духана—есть завѣтная комната хозяина: тамъ его спальня, тамъ зарыты деньги. Входъ въ нее (завѣшиваемый воловьею или буйволовою шкурой, или, за неимѣніемъ ихъ, клеенкой, или чѣмъ случится) открывается только для избранниковъ. Какъ видите, это нѣчто въ родѣ подвала, довольно мрачнаго; но непріятное впечатлѣніе сглаживается среди прилива и отлива посѣтителей, при шумѣ жарящихся на желѣзныхъ прутьяхъ (шомпурахъ) *шашлыковъ* [2]). Жаль, что глиняная труба, устроенная надъ жаровнями и проведенная сквозь кровлю, не совсѣмъ очищаетъ воздухъ. — Въ такихъ то трехъ духанахъ съ вечера до утра толпились имѣющіе право за свою копѣйку глотать, съ кускомъ чего-нибудь, чадъ и дымъ.

Настала темная, холодчая, скучная ночь. Порывистый вѣтеръ производилъ въ воздухѣ заунывные звуки, сопровождаемые крикомъ голодныхъ шакаловъ, подобнымъ дѣтскому плачу; не раздавалось разудалыхъ русскихъ пѣсень; не слышно было сказокъ — солдатъ балагуровъ, и не разъигрывали засаленными картами въ фильку;—только два или три кружка полусонныхъ солдатъ, разведя слабый огонекъ, сидѣли на корточкахъ и грѣлись около него, бросая трепещущія тѣни на окружающіе ихъ предметы; да, по временамъ, слышалось фырканье лошадей, доѣдающихъ свой кормъ.

29-е Ноября. Переходъ къ селенію Ахалкалаки (17 верстъ). День былъ ясный и теплый, но къ половинѣ перехода подулъ холодный встрѣчный вѣтеръ. Дорога удобная для всякихъ экипажей; растительности никакой; вправо большое озеро; на полупути развалившійся покинутый хуторъ. На встрѣчу командѣ шелъ караванъ. Туземцы продолжаютъ перевозить товары по обычаю предковъ—на верблюдахъ и катерахъ (мулахъ), не смотря на удобство дороги для конной ѣзды. За 4—5 верстъ до станціи значительный подъемъ. Съ него взору, утомленному видомъ дикихъ безплодныхъ окрестностей, представляется отрадное зрѣлище: всѣ горы и возвышенности, тянущіяся по сторонамъ дороги, цвѣта красноватаго, обожженной глины,—и вдругъ, какъ оазисъ въ степяхъ безжизненной Сахары, является вамъ разбросанное въ живописномъ безпорядкѣ селеніе Ахалкалаки, съ фруктовыми и виноградными садами. На первомъ планѣ этой картины, на западѣ, влѣво отъ селенія (въ 2—3 верстахъ), красуется расположенное на террасахъ имѣніе какого-то грузинскаго князя, съ большимъ каменнымъ домомъ европейской архитектуры, рѣзко отличающимся отъ сельскихъ азіятскихъ построекъ. За селеніемъ открывается, на огромнѣйшее пространство, Горійская долина, прорѣзываемая Курою и замкнутая съ сѣвера кряжемъ, идущимъ отъ главнаго снѣжнаго хребта на сѣверо-западъ къ Черному морю.

Дорога лежитъ черезъ селеніе; по обѣимъ сторонамъ ея много духановъ, наполненныхъ народомъ съ блѣдными, болѣзненными лицами; сосѣднія болота распространяютъ міазмы и порождаютъ лихорадки. Вообще въ туземцахъ замѣтна лѣнь и неподвижность, какъ и у всѣхъ жителей востока. Въ концѣ селенія пробѣгаетъ быстрая рѣчка; сады орошаются проведенной изъ нея канавой. Поселенцы грузины пренебрегаютъ торговлею, какъ занятіемъ людей робкихъ и неспособныхъ къ высшей и болѣе благородной дѣятельности; промышленность и торговля—въ рукахъ армянъ. Первые—привѣтливы и гостепріимны; вторые — порабощены личнымъ интересамъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, хотя увѣренные въ безопасности, ни на мигъ не разстаются съ оружіемъ—не только въ дорогѣ, но даже и у себя дома. Если вы спросите грузина: «Зачѣмъ вы не снимаете оружія»? Онъ не задумавшись отвѣтитъ:—«Наши прадѣды ложились спать и клали съ собой винтовки, а мы носимъ только кинжалы. Развѣ мы хуже нашихъ прадѣдовъ»? Спросите объ этомъ армянина; тотъ отвѣтитъ вамъ: — «Нельзя, такъ принято ходить!» Въ сущности они вооружены на всякій случай, чтобъ быть готовыми нанести или отомстить обиду. Грузины замѣтно бѣднѣе армянъ: на послѣднихъ всегда платье лучше; поясъ, кинжалъ и винтовка—въ серебряной отдѣлкѣ.

Команда размѣстилась по саклямъ; а я занялъ чистую, меблированную комнату на станціи. Здѣсь, изъ запасовъ смотрителя, проѣзжающій найдетъ чѣмъ удовлетворить даже прихотливый вкусъ.

30-е Ноября. Переходъ къ г. Гори ($21^1/_4$ верста). Станція съ нѣсколькими строеніями и духанами находится на правомъ берегу Куры, которая здѣсь разливается на большое пространство, образуя нѣсколько рукавовъ; главное теченіе къ лѣвому берегу, на которомъ расположенъ Гори, уѣздный городъ Тифлисской губерніи, имѣющій до 4-хъ тысячъ жителей. Въ это число не включаются семейства отставныхъ солдатъ, застроившія себѣ цѣлую порядочную слободу. Черезъ Куру перекинутъ деревянный мостъ на сваяхъ, очень часто страдающій отъ внезапной прибыли водъ; поэтому здѣсь

---

[1]) Чай, сахаръ и ромъ, не смотря на бдительность таможенныхъ чиновниковъ, провозятся изъ Батума. Цѣнность ихъ тамъ слѣдующая: *око* (три фунта) чая—рубль сер.; голова сахару въ $7^1/_2$ фунтовъ—рубль сер.; *тунга* (5-ть двойныхъ бутылокъ)—рубль серебромъ.

[2]) *Шашлыкъ*. Задняя часть барана, безъ костей, рѣжется на небольшіе куски, просаливается по желанію или по вкусу и кладется на ночь въ глиняный горшокъ; на другой день жарится на шомпурѣ (желѣзный прутъ, на который нанизываются куски мяса), поворачивая его надъ угольями до тѣхъ поръ, пока ножъ будетъ свободно втыкаться въ мясо. Нѣкоторые посыпаютъ шашлыкъ во время жаренья толченымъ барбарисомъ, что придаетъ шашлыку пріятный вкусъ.

постоянно содержатся про запасъ и паромы; впрочемъ они плохо замѣняютъ мостъ—и случается нерѣдко, что быстрая рѣка рветъ канатъ, повреждаетъ паромъ, и тогда жители терпятъ большое затрудненіе въ сообщеніяхъ.

Гори (на туземномъ языкѣ значитъ гора) возвышается амфитеатромъ до подошвы горы, господствующей надъ мѣстностью; вначалѣ онъ представляется незначительной слободой, по своимъ небольшимъ деревяннымъ строеніямъ: но перейдя второй мостикъ черезъ горную рѣчку, выходите на большую улицу, ведущую къ центру города, гдѣ ужь увидите каменные дома—и вѣроятно обратите вниманіе на прекрасную архитектуру одного изъ нихъ, принадлежащаго князю Эристову [3]). Подъ старость, не имѣя дѣтей и для лучшей обороны своего царства отъ многочисленныхъ непріятелей, Давидъ-Дида раздѣлилъ его на провинціи и ввѣрилъ намѣстникамъ (Эристовамъ) изъ знатнѣйшихъ мѣстныхъ фамилій. Потомки этихъ намѣстниковъ сохранили это почетное титло въ видѣ приставки къ своимъ фамиліямъ. Представителемъ одной изъ нихъ былъ генералъ-инфантеріи князь Эристовъ, 104-хъ-лѣтній старецъ, который умеръ здѣсь въ первыхъ числахъ ноября 1863 года, оставивъ по себѣ потомство.

Улица ведетъ на площадь, съ которой начинается подъемъ на гору. По мѣстному преданію здѣсь было озеро съ пустыннымъ островомъ, служившимъ пристанью рыбакамъ. О происхожденіи горы разсказываютъ такъ:

Однажды царица Тамара была на соколиной охотѣ; любимый ея соколъ былъ спущенъ на голубя, но, увлекшись преслѣдованіемъ гусей, спустился на островъ и не хотѣлъ возвратиться оттуда, сколько его ни звали. Случившійся тутъ рыбакъ вызвался перевезть когонибудь за бѣглецомъ; но Тамара, пораженная красотой рыбака, рѣшилась переѣхать туда сама въ его лодкѣ. Костюмъ былъ болѣе чѣмъ роскошенъ для рыбака, и странно было видѣть на немъ оружіе въ серебрѣ и золотѣ. Когда онъ отчалилъ, Тамара сказала ему: «Руки твои слишкомъ нѣжны, чтобы править веслами! Скажи мнѣ, кто ты?» Тотъ отвѣчалъ: «Я князь по рожденью, рыбакъ по охотѣ, слуга по нуждѣ, а воинъ по долгу». Рыбакъ поймалъ сокола; Тамара посвятила его въ рыцари, построила ему на островѣ великолѣпный зàмокъ, гдѣ часто посѣщала его. По смерти его, Тамара ознаменовала свою скорбь повелѣніемъ—спустить воду озера въ Куру.

Достовѣрнѣе, что вода озера ушла какой нибудь трещиной, образовавшейся вслѣдствіе волканическихъ причинъ, и что зàмокъ былъ построенъ во времена владычества Генуэзцевъ надъ берегами Чернаго моря, для склада товаровъ. Зàмка не существуетъ; отъ него остались однѣ развалины, да нѣсколько полуразрушенныхъ сводовъ отъ погребовъ, въ которыхъ жители укрывались при вторженіи непріятелей. Лучше сохранились двѣ башни и стѣны, между которыми идетъ дорога къ водѣ, или скорѣе для вылазокъ, потому что и до сихъ поръ видны мѣстами слѣды колодцевъ — значитъ въ водѣ нужды не было.

Съ этихъ развалинъ намъ открылась великолѣпная панорама. Былъ ясный день; на небѣ ни облачка; солнце одѣло Эльбрусъ и Казбекъ [4]) и весь главный снѣжный хребетъ золотой парчей, тогда какъ склоны другихъ горъ отражали радужные цвѣта; между тѣмъ вся долина еще покоилась какъ-бы подъ фіолетовымъ прозрачнымъ покрываломъ, сквозь которое едва виднѣлись ближайшіе сады и рѣчки; но вотъ, съ каждой минутой, воздухъ дѣлается прозрачнѣе—и какъ-бы художественной кистью создается восхитительный пейзажъ, со всѣми малѣйшими деталями. Взоръ не успѣваетъ слѣдить за всѣми перемѣнами картины. По мѣрѣ того какъ лучи солнца болѣе проникаютъ въ изгибы горъ—открываются у подножія ихъ тучныя поляны съ причудливыми азіятскими строеніями, башнями и развалинами [5]). Взоръ не можетъ насытиться видомъ величественныхъ горъ, въ одеждѣ яркихъ цвѣтовъ, начиная отъ ослѣпительно-блестящаго бѣлаго, чрезъ всѣ полутоны, до нѣжнаго синевато-бархатистаго цвѣта. И вся эта природа—обрамленная съ сѣвера и сѣвера-востока снѣговыми, а съ прочихъ сторонъ синими горами,—кажется божественнымъ храмомъ подъ ярко-голубымъ куполомъ.

У ногъ вашихъ стелется городъ съ кривыми улицами, оврагомъ, двумя маленькими горными рѣчками, европейскими и азіятскими постройками и тремя церквами. Здѣсь квартируетъ полевая батарея. Артиллеристы встрѣтили насъ привѣтливо съ хлѣбомъ и солью. Команда была разобрана между квартирующими по частямъ; каждому выдали мясную и винную порціи. Дружба солдатъ скрѣпилась угощеніемъ и одушевленными разговорами о предстоящемъ походѣ; впослѣдствіи артиллеристы эти участвовали въ одномъ съ нами походѣ. Прохаживаясь по городу, я встрѣчалъ на каждомъ шагу женщинъ поразительной красоты: высокій ростъ, стройность стана, блестящіе черные глаза, бѣлизна лица, чудный профиль — восхитительны; тоже слѣдуетъ сказать и о мущинахъ, въ особенности о юношахъ. Европейскихъ костюмовъ не видно; дамы носятъ чадры — покрывала изъ кисеи (богатыя изъ батиста) — которыми онѣ закутываются съ головы до ногъ, чтò не мѣшаетъ имъ показывать свою красоту пріятнымъ встрѣчнымъ.

П. Я. Бугайскій

(Окончаніе будетъ).

[3]) Происхожденіе эта фамилія получила еще въ X столѣтіи. Въ странѣ Земо-Картли (названіе передѣланное со временемъ въ Карталинію) властителемъ былъ Давидъ-Дида (Великій). Овладѣвъ Грузіею и Ахалцихскимъ пашалыкомъ, онъ заботился о благосостояніи своихъ подданныхъ и привелъ подвластную страну въ цвѣтущее состояніе.

[4]) Эльбрусъ 18,566 футовъ. Въ Пятигорскѣ около Николаевскихъ ваннъ у грота Діаны была (а можетъ быть и теперь выставлена) чугунная доска, съ отлитыми буквами, гласящая, что генералъ Эммануэль восходилъ на Эльбрусъ до 15-ти тысячъ 700 футовъ и опредѣляетъ высоту его въ 16,330 футовъ надъ уровнемъ моря. Казбекъ, по грузински Мкинвари, т. е. ледяная гора, получилъ названіе отъ владѣтельнаго князя Казъ-Бека, жившаго у подножія горы въ своемъ имѣньи. Осетины называютъ его Церисти-юбъ (Христова гора), вѣроятно отъ построеннаго на половинѣ горы монастыря. Въ кавказскомъ народѣ существуетъ преданіе о Прометеѣ, прикованномъ къ скалѣ Мкинвари. Мѣстные жители и по-нынѣ приписываютъ вьюгу и завыванье вѣтровъ — стонамъ и плачу прикованнаго въ пропасти великана. Суевѣріе это такъ утверждено между жителями, что находились смѣльчаки, которые, набравъ чурековъ и бишлековъ, спускались въ пропасти, съ намѣреніемъ умилостивить великана и склонить его, чтобы удерживалъ шапку Казбека, которая будто отъ стоновъ его падаетъ на дорогу и погребаетъ подъ собой путниковъ. Отъ него же узнавали о плодородіи. Одинъ пожилой Осетинъ не шутя увѣрялъ меня, что въ молодости самъ лазилъ въ пропасть и видѣлъ великана лицомъ къ лицу—такъ же точно, какъ и меня. Не принималъ-ли онъ за великана ледяныя глыбы, напоминающія форму человѣка?

[5]) На востокъ, за станціей Чали, виденъ прекрасный монастырь Санта-Варваза, называемый грузинами Тзам-Θависси, а черкесами Учь-башъ—Мечеть, т. е. трехглавая церковь. Монастырь этотъ былъ разоренъ и ограбленъ полчищами Тимура. По возобновленіи зданія, онъ вторично былъ разграбленъ Лезгинами и оставленъ запустѣлымъ. Основаніе его приписываютъ Григорію, просвѣтителю Грузіи. Стиль Византійскій, съ примѣсью Мавританскаго и Готическаго.

Александръ Филиповичъ Кокориновъ.

(*Продолженіе*).

По классамъ искусствъ были уже третичные экзамены и конкурсы ученическіе. Двоихъ питомцевъ взрослыхъ, съ талантомъ несомнѣннымъ, по ходатайству и настоянію прозорливаго Кокоринова, отправилъ Шуваловъ (въ сентябрѣ 1760 г.) для полнаго развитія въ Парижъ. Это были первые профессора изъ русскихъ живописцевъ: Антонъ Павловичъ Лосенко (1737—1775 г.) и архитекторъ Василій Ивановичъ Бажановъ (1737—1799 г.), другъ Павла I, и первый вице-президентъ изъ Академіи Художествъ. Мѣткій выборъ Кокоринова умѣлъ привлечь въ рождающуюся академію художествъ и лучшіе таланты ихъ художественныхъ спеціальностей академіи наукъ. Граверы ея: Панинъ, Герасимовъ, Колпаковъ и офицеръ Измайловскаго полка Чемесовъ, благодаря вліянію Шувалова и любви къ дѣлу русскаго искусства Кокоринова, скоро, попавъ въ академію, высоко подняли классъ своей спеціальности, подъ руководствомъ великаго берлинскаго гравера Шмидта. Землякъ и даже знакомецъ семьи Ломоносова, талантливый Шубинъ, нашелъ у Шувалова и Кокоринова тоже пріютъ и развитіе въ академическихъ классахъ. Для нихъ, высокій распорядитель всюду гдѣ бы ни потребовалось, въ короткое время успѣлъ Кокориновъ устроить домашнее изготовленіе всякихъ художественно-техническихъ матеріаловъ—и находя все еще эту часть дѣла недостаточно развитою и долго немогущею дойти до совершенства, организовалъ обширный планъ полученія всякаго рода матеріаловъ изъ первыхъ рукъ изъза границы, не только безъ особенныхъ денежныхъ затратъ, но даже и съ выгодою для академіи (какъ увидимъ далѣе, при обозрѣніи заведенной имъ—*факторской*). Наконецъ, ужъ это одно должно бы само по-себѣ остановить наше вниманіе по Кокориновѣ, что онъ организуя новое, невиданное и неслыханное въ Россіи учрежденіе, за вѣкъ назадъ, съумѣлъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ безъ грозы и жалобъ заставить дѣлать все что должно, любить другъ друга, не терпѣть клеветы и злословія—и относиться къ дѣтямъ ласково, не запугивая ихъ жестокими наказаніями въ то именно время когда, безъ права расправляться собственноручно и непосредственно, педагоги не хотѣли понимать своей обязанности.

Попавъ въ академію и упрочивъ здѣсь свое положеніе, Александръ Филиповичъ Кокориновъ составилъ выгодную партію. Сынъ извѣстнаго горнозаводчика Никиты Демидова, д. с. с. Іокинфъ Никитичъ (род. 1678 г., ум. 5 августа 1745 г.) имѣлъ двухъ сыновей жившихъ въ Петербургѣ: Прокопія и Григорья Акинфіевичей. Послѣдній изъ нихъ (1718 — 1760) кромѣ двухъ сыновей оставилъ пять дочерей. Старшая дочь, Пульхерія Григорьевна (1741 — 1784) сдѣлалась женою Кокоринова, въ послѣдній годъ жизни отца. Бракомъ съ нею Кокориновъ пріобрѣталъ родственную поддержку довольно многочисленной фамиліи Демидовыхъ, а черезъ нихъ—входилъ въ связи со всѣми лучшими домами въ столицѣ. По всей вѣроятности, хорошія отношенія его къ Демидовымъ сложились во время постройки дома для Шувалова, при выполненіи строительныхъ работъ по дворцовому вѣдомству вообще,—такъ какъ желѣзо кровельное обыкновенно покупали у Демидовыхъ, а они съ архитекторами любили водить хлѣбъ-соль, отличаясь ласковымъ обращеніемъ и любя устроивать дѣла больше лично, чѣмъ черезъ посредство конторы.

Женитьба Кокоринова состоялась именно въ то время, когда вновь заводимой академіи отданы были домы на набережной Невы Головкинскій и Лобковича (на углу 3-ей линіи и между 3-ею и 4-ою). Въ бывшемъ Головкинскомъ домѣ, на 3-ю линію выходилъ отдѣльный флигель деревянный, въ два этажа, съ особымъ дворомъ и садомъ (на мѣстѣ существующаго мозаическаго заведенія). Этотъ флигель взялъ для себя Кокориновъ—и передѣлавъ заново къ своей свадьбѣ, сюда переѣхалъ и оставался жить здѣсь по смерть. Держа до 10 человѣкъ прислуги, Кокориновъ жилъ довольно открыто—и во всякомъ случаѣ соотвѣтственно мѣсту директора академіи, въ члены которой въ первое же время могли поступить кровные аристократы высшаго полета. Любить искусство и сочувствовать ему было тогда для русскихъ баръ модною потребностью; поэтому не удивительно, что представитель художественной администраціи и, къ тому же человѣкъ талантливый, ловкій, любезный и находчивый—какимъ былъ въ дѣйствительности Кокориновъ—въ короткое время умѣлъ сдѣлаться чуть не кумиромъ знати, направляя ея несовсѣмъ еще эстетическія наклонности въ пользу искусства, которому служилъ онъ душою и сердцемъ. Все, что можно было выполнить съ участіемъ искусства или въ чемъ только могла потребоваться помощь его, для современнаго комфорта, роскоши или общественнаго шика, Кокориновъ брался дѣлать для своихъ патроновъ-паціентовъ, вводя въ употребленіе художественныя затѣи, до того на Руси неизвѣстныя, да и послѣ не скоро привившіяся. Такъ, напримѣръ, Кокориновъ умѣлъ сдѣлать модною потребностью разсылку гравированныхъ пригласительныхъ билетовъ на вечеръ и спектакли, ввелъ въ употребленіе гравированныя визитныя карточки между петербургскою знатью. Завелъ художественные аукціоны сперва изъ произведеній учениковъ академіи, и на эти аукціоны привлекалъ въ качествѣ пріобрѣтателей столичную аристократію обоихъ половъ, введя эти покупки даже въ привычку у особъ высшаго круга. Со временъ Кокоринова салоны аристократіи стали наполняться картинами и статуями; копіи, писанныя учениками съ оригиналовъ академической и эрмитажной коллекцій, мало по-малу замѣнились мастерскими произведеніями, выписку которыхъ изъ-за границы, въ первыя пятнадцать лѣтъ существованія академіи, она сама на себя принимала. Недовольствуясь указанными нами путями возбужденія любви къ искусству, Кокориновъ не чуждался и порученій по устройству спектаклей домашнихъ, рисовалъ и проэктировалъ сцены, находилъ и рекомендовалъ декораторовъ, придумывалъ костюмы и находилъ, желающимъ, наставниковъ въ сценическомъ дѣлѣ—между артистами русской труппы Волкова, въ первое время по привозѣ въ Петербургъ помѣщенной вмѣстѣ съ академіею. Сосѣдство и взаимныя нужды и потребности скоро сблизили русскихъ актеровъ съ академическою администраціею и художественнымъ персоналомъ, гдѣ опять впереди всѣхъ выступалъ Кокориновъ, какъ личность воспріимчивая, добрая и готовая на взаимныя услуги, по средствамъ и

обстоятельствамъ для него доступныя. А ему многое было доступно, какъ посреднику между техниками всѣхъ художественныхъ спеціальностей и аристократіи, какъ мы уже сказали. Къ тому же, по мѣсту и вліянію у Шувалова, при Елизаветѣ Кокориновъ бывалъ часто во дворцѣ, не оставаясь чуждымъ и тамошнихъ сферъ. Послѣдній его подвигъ придворный, явственно обозначенный въ документахъ, относится впрочемъ къ царствованію еще Петра III; академическій фактотумъ былъ членомъ траурной коммисіи на погребеніи Императрицы Елизаветы Петровны, рисовалъ всѣ украшенія катафалка и траурной залы и костюмы для участвовавшихъ въ процессіи. Въ это время Кокориновымъ принесенъ въ Академію Художествъ карандашный портретъ Екатерины II въ траурѣ, снимокъ съ котораго въ рисункѣ, приписываемомъ Чемесову, приложенъ былъ при русскомъ архивѣ Бартенева. Раньше этого Кокориновъ писалъ спеціальный разборъ предложенія Ломоносова о памятникѣ Петру I, какъ отвѣтъ Шувалова на запросъ сената, и около того же времени давалъ какъ архитекторъ отзывы о причинѣ паденія Вознесенской колокольни и о способѣ достройки шпица Петропавловскаго собора— сгорѣвшаго отъ молніи.

Показавъ, что̀ такое былъ Кокориновъ для знати, и назначивъ его мѣсто какъ художника въ ряду архитекторовъ тогдашняго Петербурга, прежде чѣмъ излагать послѣднія минуты талантливаго зодчаго, оставившаго міръ раньше, чѣмъ бы слѣдовало, глядя на обширность его дѣятельности, — мы намѣрены изложить заслуги его, какъ строителя академическаго зданія.

Мы уже сказали прежде, что съ удаленіемъ Шувалова Кокориновъ, какъ единственное лицо по управленію академіею, облеченъ былъ Бецкимъ, по наружности, полною властью. Адресовался И. И. Бецкой дѣйствительно къ нему одному, по преимуществу. Обрабатывать свои шаткія обыкновенно предположенія давалъ Бецкой тоже, больше всѣхъ и прежде всѣхъ, Кокоринову. Но за всѣмъ тѣмъ, по какой-то трудно-объяснимой недовѣрчивости, окружалъ Кокоринова фискалами, охотно слушалъ передаваемыя на него сплетни— и въ коммиссію, учрежденную для постройки зданія академіи, посадилъ людей, плохо понимавшихъ строительное дѣло (кромѣ Деламота), съ цѣлью того же подсматриванья за дѣйствіями строителя. Такимъ былъ маіоръ Александръ Михайловичъ Салтыковъ, изъ смотрителя за матеріалами поставленный въ конференцъ-секретари, опять въ видахъ противодѣйствія власти и значенію Кокоринова. Салтыковъ этотъ впослѣдствіи оказался воромъ, былъ обличенъ въ похищеніи 10,000 р. изъ академическихъ суммъ (нестроительныхъ впрочемъ); но раньше этого Бецкій осыпалъ Кокоринова безвинно угрозами и упреками, неосновательно подозрѣвая въ присвоеніи суммы экстраординарной, употребленной на возведеніе вчернѣ зданія, за прекращеніемъ отпуска изъ казны строительной суммы, во время первой турецкой войны.

Глядя теперь на оконченный вполнѣ дворецъ Академіи Художествъ, фасадъ которой на Неву вытянутъ чуть не на сто сажень и превосходно скомпонованъ, многіе не вѣрили, что-бы это было произведеніе русскаго художника, къ несчастію не оставившаго ничего другаго выполненнаго подъ своимъ именемъ. Тщательная разработка академическихъ дѣлъ впрочемъ не оставляетъ сомнѣнія въ этомъ. Кокориновъ составилъ проэктъ, въ подражаніе казертскому дворцу, воспользовавшись отданнымъ подъ академію всѣмъ пространствомъ между линіями, гдѣ до того стояли на Неву два дома въ три этажа и домъ (на 3-ю линію) въ два этажа съ подвалами. Окна ихъ конечно не приходились на одной высотѣ. Въ каждый домъ были особыя внѣшніе входы съ подъемомъ въ нѣсколько ступеней. Наконецъ, всѣ три зданія имѣли разныя высоты этажей. Но при всѣхъ, для многихъ зодчихъ—величайшихъ, въ старину же почти непреоборимыхъ затрудненіяхъ, Кокориновъ создалъ изъ этихъ домовъ, безъ лишней ломки, стройное цѣлое, проэктные чертежи котораго даже въ деталяхъ готовы были ко дню подписанія Екатериною II-ю Устава и Привиллегіи академіи (4 ноября 1764 года). Скажемъ болѣе, проэктъ Кокоринова былъ готовъ еще весною 1764 года—и закладка назначалась въ Петровъ день того же года, но безпорядки въ Остзейскомъ краѣ, вызвавшіе посѣщеніе императрицею Риги тѣмъ лѣтомъ, а потомъ заговоръ Мировича, занявшій конецъ лѣта и все время годное для работъ,—были причиною отложенія торжества закладки зданія до 7 іюля 1765 года. Работы земляныя, какъ видно по счетамъ, выполнены были еще весною предшествовавшаго года и произведена свайная бойка. Между тѣмъ Бецкой утвержденъ президентомъ, и Кокориновымъ придумана приличная декорація фасадовъ. На Невѣ построена временная великолѣпная пристань съ подъемомъ до втораго этажа, входомъ въ который стала служить балконная дверь Подъемъ съ пристани былъ устроенъ въ формѣ бесѣдки, къ которой вели широкія отлогія съ двухъ сторонъ лѣстницы, завиваясь эллипсисомъ. Они снабжены были поручнемъ и балюстрадою со статуями.

(Окончаніе будетъ)

Охота на выдру.

Въ одинъ жаркій іюльскій вечеръ, по неровной бревенчатой плотинѣ, лежавшей между послѣдними убогими хижинами и идущей поперекъ торфяной топи, шли четыре охотника въ сопровожденіи своихъ собакъ. Цѣлью нашей было сдѣлать стоянку на молодую дичь, которая подъ руководствомъ матокъ каждый вечеръ училась летать. Пройдя мостъ, перекинутый черезъ широкую канаву, мы покинули плотину, причемъ двое изъ моихъ товарищей остались здѣсь и избрали удобный наблюдательный постъ посреди густыхъ высокихъ ивъ. Я же съ другимъ записнымъ охотникомъ, отлично знавшимъ всю эту мѣстность, направился къ глубоко-лежавшему въ топи озерку.

Около самаго края узкой канавы, наполненной красноватою, желѣзистою водою, которая отливала всѣми радужными цвѣтами, вела едва замѣтная тропинка. Намъ приходилось пробираться то между болотистыми прогалинами, то цѣлыми купами зеленыхъ острововъ, то около бездонныхъ торфяныхъ топей съ ихъ коварно-зеленѣющею поверхностію, пока мы не достигли до исполинскихъ камышей расположенныхъ по самому берегу озерка. Мой проводникъ предложилъ остаться здѣсь,

а самъ поспѣшилъ на другой конецъ озера, потому что солнце садилось и терять времени было нельзя. Бросивъ бѣглый взглядъ кругомъ себя, я замѣтилъ, что избранное мною мѣсто не совсѣмъ удобно, да впрочемъ лучшаго нельзя было найти по всему берегу; я обмялъ въ густой чащѣ небольшое пространство для стрѣльбы и закурилъ сигару. Держа ружье на-готовѣ, я тихо и спокойно сталъ дожидаться какой-либо дичи.

Если долгое время и исключительно находишься въ мѣстностяхъ, гдѣ каждый клочекъ зелени употребленъ съ пользою и старательно обработанъ, то при видѣ этой дикой и печальной топи получаешь какое то странное, гнетущее впечатлѣніе.

Въ нынѣшній вечеръ впечатлѣніе было особенно сильно, потому что и вся окружающая природа гармонировала съ общимъ видомъ. Небо было покрыто свинцово-черными тучами, и только на западномъ склонѣ его виднѣлась ярко-красная полоса. Мертвая, гробовая тишина царствовала надъ этой сѣро-зеленой равниной, на которой мѣстами замѣчались темныя точки, ольховые кусты, и тамъ и сямъ болѣе темныя полосы густыхъ камышей, разсѣянныхъ по низменному берегу озерка, съ его блестящей искрящейся поверхностью. Не видно было ни одного живаго существа, только какая-то хищная птица низко пролетѣла надъ моей головой и скрылась за холмами между дроковыхъ кустовъ. И это вѣроятно было послѣднее существо, которое нарушило эту тишину, потому что красное зарево на западѣ по немногу исчезло и перешло въ темно-сѣрое, все болѣе и болѣе сгущающееся пятно. Бѣлый, едва замѣтный сначала, туманъ надвигался все ближе и ближе и покрывалъ собою всю болотистую поверхность. Вотъ уже вершины низкой цѣпи облаковъ совершенно одѣлись въ туманъ, вся площадь представляется далеко раскинутымъ испаряющимся озеромъ, такъ что для моихъ досужихъ наблюденій остаются только близь-лежащіе предметы.

Вообще обстановку, при которой я находился, нельзя было назвать особенно пріятной и здоровой—и нужно сознаться, что только одна страсть къ охотѣ можетъ побудить человѣка, послѣ заката солнца въ іюльскій или августовскій вечеръ, остаться въ подобномъ мѣстѣ. Находясь среди рѣжущихъ камышей, липкихъ листьевъ ольхи, одною ногою по колѣно въ водѣ, другою едва держась на крошечной кочкѣ, напрасно стараешься трясти головою, напрасно пускаешь облака табачнаго дыма, чтобы избариться отъ миріадъ комаровъ, которые съ съ наступленіемъ темноты цѣлыми роями подымаются съ болотистой почвы—и все злѣе и настойчивѣе облѣпляютъ лицо и руки несчастнаго охотника. Собака, лежавшая у моихъ ногъ, начала приходить въ страшное озлобленіе; чтобы успокоить ее, мнѣ пришлось прикрыть ее своимъ холщевымъ плащомъ, такъ что изъ подъ него виднѣлись только носъ и глаза моего умнаго пса.

Вотъ пролетѣли не слышно два-три полуночника—и также неслышно исчезли въ туманѣ, на нѣсколько мгновеній отвлекши мое вниманіе отъ печальныхъ размышленій. Потомъ слышится прямо надъ головою торжественное, звучное жужжаніе рогача, который пробирается изъ близь-лежащаго дубоваго лѣса куда-то черезъ болото; французы называютъ это насѣкомое «летающимъ оленемъ». Потомъ опять все погружается въ мертвую тишину, и только слышится монотонное пѣніе комаровъ да изрѣдка шлепанье лягушекъ въ сточныхъ канавахъ.

«Фи-ти-ти-ти-ти-ти-ти-ти», слышится наконецъ въ отдаленіи, ясный, свистящій звукъ полета утокъ. Вотъ онѣ приближаются все ближе и ближе, и ихъ длинныя шеи уже замѣтны на свѣтлой полосѣ темнѣющаго неба.

Впереди летитъ матка, а за нею цѣлая вереница, вытянувшихся въ линію, молодыхъ птенцовъ, еще ненавыкшихъ въ летаньи. Многіе изъ нихъ то отстаютъ, то обоняютъ матку; другой перекувыркнется разъ или два—и снова работая изо-всѣхъ силъ крыльями, спѣшитъ занять потерянное мѣсто. Сначала онѣ были внѣ выстрѣла, такъ что стрѣлять было невозможно и нужно было дожидаться, пока онѣ не вернутся или не посчастливится ли другому охотнику добыть лакомый кусочекъ.

Цѣлыхъ пять минутъ—благодаря уткамъ—простоялъ я, притаивъ дыханіе и неподвижный какъ мраморная статуя, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за ихъ полетомъ; а комары какъ будто дожидались этого удобнаго случая—и нужно сказать правду, успѣшно воспользовались имъ. Правой рукѣ, въ которой находилось заряженное ружье, досталось въ особенности; она была буквально накрыта толстымъ слоемъ комаровъ. Я безсознательно лѣвою рукой, которою поддерживалъ стволы, провелъ по правой—и на ладони осталось четыре широкихъ мокрыхъ полосы, при ближайшемъ изслѣдованіи оказавшіяся моей собственной кровью, которую тѣмъ временемъ это безчисленное множество маленькихъ вампировъ успѣло высосать.

Въ это самое время собака моя стала внимательно прислушиваться—и вдругъ тихо-тихо высунувъ свою широкую морду изъ-подъ-плаща, толкнула меня въ ногу, какъ-бы обращая мое вниманіе на что-то происходящее. Между тѣмъ, не смотря на все мое стараніе разглядѣть что-либо, кромѣ легкаго движенія воды, которое можно было приписать плывущей водяной крысѣ, я ничего не видалъ. «Бракъ! бракъ! бракъ!»—раздался нѣсколько вправо сиплый, испуганный крикъ стараго селезня, который съ громкимъ шлепаньемъ поднялся по другую сторону озерка. Я выстрѣлилъ несмотря на тростники и туманъ—выстрѣлъ оказался удачнымъ, и несчастный селезень, перевернувшись, тяжело упалъ на берегъ.

— Couche, Паша! еще успѣешь принести, крикнулъ я, — вонъ кажется опять тянутъ утки.

Собака послушно улеглась у моихъ ногъ, между тѣмъ какъ я поспѣшно заряжалъ разряженное ружье, ломая себѣ голову надъ рѣшеніемъ того, какъ могъ пробраться селезень незамѣченнымъ на озеро, и что его такъ испугало и заставило обратиться въ бѣгство. Въ это время я услыхалъ, что мой товарищъ-охотникъ, находившійся по другую сторону озера, сдѣлалъ выстрѣлъ, затѣмъ тотчасъ же другой, что вообще служитъ дурнымъ знакомъ. Потомъ я услыхалъ, какъ онъ уськалъ свою собаку, потомъ жалобный стонъ этой послѣдней, который скоро перешелъ въ бѣшеный лай.

— Пошлите ко мнѣ вашу собаку, господинъ N, крикнулъ мнѣ охотникъ, — у меня здѣсь въ канавѣ выдра!

Несмотря на то, что требованіе это представляло извѣстную опасность для моего Паши, но такъ какъ онъ былъ порядочный драчунъ и нѣсколько навыкшій къ подобнаго рода похожденіямъ, то я его и отпустилъ.

— Впередъ, Паша, кусь его!

Онъ не заставилъ повторять дважды одно и тоже приказаніе, и однимъ прыжкомъ былъ далеко за тростниками, потомъ еще одинъ скачекъ—*и онъ былъ посрединѣ озера и несъ давно-желанную утку.* При этомъ онъ потянулъ съ собою и плащъ, которымъ былъ прикрытъ до тѣхъ поръ, и втащилъ его въ воду.

Я долженъ былъ еще ранѣе предположить, что это такъ случится, но тогда совершенно не сообразилъ.

Когда Паша́ вернулся ко мнѣ съ уткою и моимъ плащомъ, мы поспѣшили съ нимъ на помощь къ давно ожидавшему насъ охотнику.

Выдра между тѣмъ успѣла пробраться въ болото, положительно недоступное человѣку, и здѣсь окруженная собаками, которыя страшно лаями, укрылась подъ однимъ изъ ивовыхъ кустовъ.

Тутъ подошли и другіе два наши товарища; мы рѣшили спустить на выдру всѣхъ нашихъ собакъ, и этимъ разомъ покончить съ нею, потому что наступившая темнота дѣлала наши ружья не только безполезными, но даже опасными; мы легко могли убить вмѣсто выдры одну изъ нашихъ собакъ.

Мой пріятель-охотникъ утверждалъ, что выдра, вслѣдствіи его двухъ выстрѣловъ, врядъ ли будетъ въ состояніи долго сопротивляться,—пожалуй, что она уже и издохла. Но скоро это мнѣніе оказалось страшнымъ заблужденіемъ. Выдра, улучивъ удобную минуту, незамѣтно скрылась, предоставивъ собакѣ моего пріятеля лаять передъ пустымъ кустомъ, сколько ей было угодно. Собаки, пригнувъ морду къ землѣ и вынюхивая слѣдъ, бѣгали взадъ и впередъ—и наконецъ скрылись, въ туманѣ, по направленію къ плотинѣ.

По ту сторону бревенчатой плотины находилось другое, нѣсколько бо́льшее озеро—и если выдрѣ удалось достичь его, то моему охотнику не пришлось бы воспользоваться ея прекрасной шкурой. Поэтому мы поспѣшили къ плотинѣ и едва достигли ея, какъ услыхали нѣсколько выше громкій лай собаки, который то умолкая, то возобновляясь съ новою силою и приближаясь къ намъ, раздавался казалось изъ камышей, растущихъ около самой плотины. Вѣроятно выдра не могла разомъ взобраться на крутую плотину, и, тѣснимая собаками, искала болѣе удобной переправы въ близь-лежащее озеро.

Теперь изъ темноты вынырнула вторая собака; это былъ мой Паша̀, который распустивъ свой хвостъ и блестя своей черно-бѣлой шкурой, промелькнулъ какъ свѣтящійся метеоръ и скрылся въ морѣ тумана. Слѣдомъ за нимъ летѣли и двѣ другія собаки и въ одинъ мигъ нагнали и поймали бѣглеца. Тутъ начался адскій шумъ. Звѣрь дико метался—и сжавшись въ клубокъ, валялся между тростниками, такъ что они треща и ломаясь производили шумъ подобный ружейному. Но наконецъ наступила тишина. Паша̀ бросился черезъ лающую Юнону и ухватилъ за горло кусающагося, мягкаго звѣря. Мой пріятель воспользовался этимъ случаемъ—и хорошо направленнымъ ударомъ палки по головѣ покончилъ существованіе несчастнаго звѣря.

Когда же мы съ своей добычей пустились въ обратный путь, то были очень рады достигнувъ бревенчатой плотины и чувствуя твердую почву подъ ногами, потому что тѣмъ временемъ наступила такая темь, что въ двухъ шагахъ нельзя было ничего различить. Добравшись до деревенскаго трактира, мы прежде всего осмотрѣли нашихъ собакъ, и сверхъ нашего ожиданія не нашли ничего, кромѣ самыхъ незначительныхъ пораненій. Выдра оказалась самцомъ; это было толстое жирное и необыкновенно крѣпкое животное и—сколько можно было предполагать по недостатку рѣзцовъ и клыковъ—очень старое. Благодаря только этому послѣднему обстоятельству, наши собаки отдѣлались такъ дешево, потому что (сколько извѣстно) выдра кусаетъ, изъ всѣхъ нашихъ отечественныхъ хищныхъ звѣрей, всего опаснѣе и остается всегда страшнымъ и лютымъ противникомъ. Поэтому на охотѣ за выдрою нельзя употреблять лягавыхъ собакъ—и если въ данномъ случаѣ пришлось ихъ употребить въ дѣло, то единственно за неимѣніемъ другихъ, по пословицѣ, «что на безрыбьи и ракъ рыба». Мы не дошли еще до той степени спеціализированія охоты какъ англичане, у которыхъ на каждый родъ дичи и звѣрей существуетъ своя особенная порода собакъ.

Несмотря на незначительность укушеній, размѣры убитой выдры были замѣчательны.

Я убѣдился впослѣдствіи, бывавъ во многихъ другихъ мѣстахъ, что ловля рыбы, которой занимается выдра, совсѣмъ не такъ неудобна и трудна, какъ это кажется на первый взглядъ, при видѣ той быстроты съ какою передвигаются рыбы съ мѣста на мѣсто. Рыбы, по самому расположенію своихъ глазъ и вообще по всему строенію своего тѣла, не способны видѣть что́ либо *подъ* собою. Можно съ большою вѣроятностью предположить, что выдра знаетъ эту слабость своей подвижной добычи, можетъ быть инстинктивно, а можетъ быть выучивается этому впродолженіи своей практики—и вѣроятно пользуется этимъ съ выгодою для себя. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что выдра очень разумное животное, которое подобно лисицѣ приноравливаетъ свой способъ ловли къ самымъ разнообразнымъ условіямъ.

Мы надѣемся еще вернуться при удобномъ случаѣ къ описанію этого интереснаго животнаго, обычаи и нравы котораго представляютъ переходную ступень между куницей и тюленемъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ послѣднемъ обозрѣніи нашемъ мы говорили, что циркулярная нота русскаго государственнаго канцлера—объ измѣненіяхъ трактатовъ 1856 года—произвела такое впечатлѣніе въ Европѣ, что даже отодвинула на второй планъ франко-нѣмецкую войну. Съ тѣхъ поръ прошла недѣля—и переговоры по этому дѣлу, которое нѣмецкія газеты окрестили названіемъ *Pontus-Frage* (Черноморскій вопросъ), не перестаютъ волновать общественное мнѣніе Европы. Болѣе всего встревожилась Англія, что̀ видно изъ отвѣтной депеши лорда Гранвиля, хотя умѣренный тонъ циркуляра князя Горчакова и совершенно законныя требованія Россіи не могли не быть признаны въ Англіи, какъ и во всей Европѣ. Вмѣстѣ съ отправленіемъ отвѣтной депеши въ Петербургъ, британское правительство отправило въ главную прусскую квартиру въ Версаль особаго уполномоченнаго, извѣстнаго г. Одо Росселя, бывшаго долгое время британскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Римѣ, чтобы

Охота на выдру.

развѣдать мнѣніе графа Бисмарка по этому вопросу. О миссіи г. Одо Росселя сообщается много извѣстій въ различныхъ газетахъ, но за достовѣрность ихъ трудно поручиться, такъ какъ офиціальныхъ свѣдѣній о ней не имѣется. Лондонскій корреспондентъ *Independance Belge*, отъ 28-го ноября, сообщаетъ, что графъ Бисмаркъ принялъ англійскаго уполномоченнаго съ величайшею предупредительностью; но, хотя и увѣрилъ его, что между Пруссіей и Россіей не было никакого предварительнаго соглашенія и что русскій циркуляръ былъ для Пруссіи такою же неожиданностью, какъ и для остальной Европы,—однако вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что прусское правительство не будетъ противорѣчить Россіи и не дастъ никакого отвѣта на ея циркуляръ. Корреспондентъ присовокупляетъ, что и общественное мнѣніе въ Германіи повсюду высказывается въ пользу Россіи и отвергаетъ притязанія Англіи. Тогда же газеты распространили слухъ о предстоящемъ будто бы созваніи конгресса для пересмотра парижскихъ трактатовъ 1856 года—и мѣстомъ собранія этого конгресса назначали то Лондонъ, то Константинополь. Между тѣмъ на депешу лорда Гранвиля послѣдовала депеша русскаго государственнаго канцлера отъ $^{8}/_{20}$ ноября (текстъ ея помѣщенъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, отъ 19-го ноября). Для разсмотрѣнія оной собирался совѣтъ министровъ, и какъ извѣщаетъ лондонская телеграмма, 29-го ноября уже отправленъ отвѣтъ лорда Гранвиля въ самомъ миролюбивомъ тонѣ, хотя британскій кабинетъ снова высказывается противъ односторонняго нарушенія трактата. Изъ телеграммъ берлинскихъ и лондонскихъ, отъ 30-го ноября, мы узнаемъ, что Пруссія предложила свое посредничество для рѣшенія возникшихъ недоразумѣній. Офиціозная *Provinzial Correspondenz*, говоритъ что *Pontus-Frage* все болѣе и болѣе клонится къ мирному разрѣшенію, что предложеніе о созваніи конференціи одобрено уже Россіей и Англіей и что означенная конференція, по полученіи согласія прочихъ державъ, немедленно соберется въ Лондонъ.

«Въ виду этихъ фактовъ,—присовокупляетъ офиціозная газета,—едва ли можно сомнѣваться въ мирномъ исходѣ совѣщаній». Ту же надежду высказываютъ и лондонскія газеты. Телеграмма изъ Константинополя отъ 30-го ноября извѣщаетъ, что предложеніе о конференціи принято и Портой, которая (присовокупляетъ та же телеграмма) отмѣнила предписанное было ею созваніе редифовъ (резервныхъ войскъ).

На театрѣ военныхъ дѣйствій въ послѣдніе дни происходили значительныя дѣла, которыя до сихъ поръ извѣстны намъ большею частью изъ телеграммъ. 28-го ноября армія принца Фридриха Карла нанесла при Аміенѣ пораженіе сѣверной французской арміи, число которой по словамъ нѣмецкихъ газетъ простиралось до 70,000. Потери, понесенныя французами, простираются до 7,000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными; потери нѣмецкихъ войскъ простирались до 1,300 человѣкъ и въ томъ числѣ 74 офицера. Французы бѣжали въ безпорядкѣ, и Аміенъ былъ занятъ нѣмцами.

30-го ноября, было большое сраженіе подъ Парижемъ. Генералъ Трошю предпринялъ вылазку во главѣ 120,000 человѣкъ; главное нападеніе направлено было на востокъ, противъ корпусовъ виртембергскаго и саксонскаго. Французы успѣли захватить занятыя нѣмецкими войсками лѣса въ окрестностяхъ Парижа, Бонnель, Шампиньйоль, Шампиньи и Вильеръ; но послѣ битвы, продолжавшейся на многихъ пунктахъ одновременно съ двухъ часовъ по полуночи до шести часовъ по полудни, всѣ эти мѣста снова были заняты нѣмцами. Французы повидимому разсчитывали на побѣду Луарской арміи подъ Орлеаномъ, и дѣлая вылазку имѣли въ виду соединиться съ означенною арміей. Отбитые на всѣхъ пунктахъ, они принуждены были возвратиться подъ защиту своихъ фортовъ. Потеря французовъ, по указанію французскахъ источниковъ, простирается до 2,000 убитыми и ранеными; виртембергцы, по офиціальнымъ извѣстіямъ изъ Версаля, потеряли 44 офицера и 870 солдатъ; сколько выбыло изъ строя у саксонцевъ—еще не приведено въ извѣстность, а равно не извѣстны и потери прусскихъ отрядовъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи.

1-го декабря французы просили пріостановки военныхъ дѣйствій на нѣсколько часовъ для погребенія убитыхъ.

2-го декабря парижскимъ гарнизономъ была произведена новая вылазка противъ прусской позиціи между Сеной и Марной; сраженіе продолжалось восемь часовъ, и французы были отражены.

На прочихъ пунктахъ продолжались стычки, важность которыхъ еще опредѣлить трудно, такъ какъ по телеграфу сообщаются только отрывочныя свѣденія, и въ этихъ стычкахъ французскія телеграммы приписываютъ перевѣсъ французамъ, а нѣмецкія—нѣмцамъ; такъ напримѣръ, въ Мюнхенѣ получена телеграмма изъ Версаля отъ 2-го декабря, извѣщающая, что генералъ фонъ-деръ-Таннъ выигралъ сраженіе къ западу отъ Орлеана. Между тѣмъ изъ Тура телеграфируютъ въ Брюссель отъ того же числа, что Луарская армія двигается къ Парижу для освобожденія его, и что г. Гамбетта издалъ къ ней прокламацію, взывающую къ ея мужеству и выражающую надежду на успѣхъ ея дѣйствій.

Между тѣмъ въ Лондонѣ, какъ сообщаетъ Агентство Рейтера отъ 30-го ноября, распространились слухи, что между королемъ Вульгельмомъ и Наполеономъ III подписанъ мирный трактатъ, на основаніи котораго—укрѣпленія Меца будутъ срыты, Эльзасъ вмѣстѣ съ Люксембургомъ, Бельгіей и Гессеномъ составитъ нейтральное государство, и Наполеонъ возвратится во Францію во главѣ плѣнныхъ французскихъ войскъ. Тѣ же извѣстія присовокупляютъ, что императрица Евгенія (которую на дняхъ посѣтила королева Викторія) отправится изъ Англіи въ Вильгельмсгеэ, гдѣ и подпишетъ трактатъ въ качествѣ регентши. Впрочемъ, какъ говорятъ, исполненіе этого трактата послѣдуетъ лишь по взятіи Парижа, на которое нѣмецкія власти расчитываютъ въ скоромъ времени, такъ какъ въ офиціальномъ берлинскомъ *Staatsanzeiger*, отъ 26-го ноября, уже было сказано, что «по всѣмъ признакамъ война приближается къ концу».

Въ послѣднемъ обозрѣніи нашемъ мы сообщали объ открытіи въ Берлинѣ 24-го ноября сѣверо-германскаго рейхстага и изложили подробно содержаніе тронной рѣчи, прочитанной г. Дельбрюкомъ, управляющимъ, за отсутствіемъ графа Бисмарка, дѣлами союзнаго канцлерства. Кромѣ г. Дельбрюка при этомъ присутствовали въ качествѣ представителей союзнаго совѣта: баронъ Фризенъ и г. Леонгардтъ и союзные уполномоченные гг. фонъ-Гофманъ, фонъ-Бюлловъ и Кампгаузенъ. Сверхъ того, для участія въ совѣщаніяхъ вызванъ въ

Берлинъ ганноверскій генералъ - губернаторъ Фогель фонъ-Фалькенштейнъ. Засѣданія рейхстага были открыты 26 го ноября рѣчью президента г. Симсона. Затѣмъ на обсужденіе палаты представленъ былъ проектъ закона о новомъ кредитѣ для военныхъ потребностей. Говорившіе въ пользу этого проекта депутаты—Рейхеншпергеръ, Бланкенбургъ, Ласкеръ, Браунъ и Лёве,—настаивали на необходимости дать правительству средства довершить громадную борьбу, имъ начатую, съ полнымъ успѣхомъ, — и указывали, что война эта привела уже къ великому результату объединенія Германіи, и что необходимо упрочить за вновь - созидаемымъ Германскимъ союзомъ провинціи, служившія Франціи путемъ къ нападенію на германскія области. Проектъ былъ одобренъ, и правительству открытъ кредитъ во 100 милліоновъ талеровъ (окончательное утвержденіе этого проэкта послѣдовало въ засѣданіи 28-го ноября). Въ томъ же засѣданіи г. Дельбрюкъ извѣстилъ, что, по извѣстіямъ полученнымъ изъ Версаля, договоръ съ Виртембергомъ о вступленіи этого государства въ Германскій союзъ уже подписанъ и что 29-го должно было послѣдовать окончательное соглашеніе съ Баваріей, которое и послѣдовало дѣйствительно, какъ о томъ извѣстилъ телеграфъ.

Что касается до продолжительности засѣданій рейхстага, то сессія онаго, по словамъ берлинскихъ офиціальныхъ газетъ, продлится вѣроятно до половины декабря, такъ что уже въ настоящемъ году нельзя будетъ созвать прусскій ландтагъ. Послѣдній соберется тотчасъ послѣ новаго года, такъ какъ правительству необходимо, чтобы бюджетъ на 1871 годъ былъ утвержденъ безотлагательно. Затѣмъ въ теченіи января 1871 г. будетъ созванъ первый «всегерманскій парламентъ». Въ немъ будутъ засѣдать 383 члена, изъ которыхъ на Баварію придется 48, на Виртембергъ 18, на Баденъ 14, и на Гессенъ 8.

26-го ноября въ Пештѣ послѣдовало открытіе австро-венгерскихъ делегацій—и въ тотъ же день президентъ оныхъ, г. Гопфенъ, представлялся императору, которому и произнесъ отъ имени делегацій привѣтственную рѣчь; въ отвѣтъ на это привѣтствіе императоръ выразилъ надежду, что «въ виду вновь возникшихъ событій, делегаціи будутъ дѣйствовать согласно съ истиннымъ патріотизмомъ и съ совокупными жизненными интересами обѣихъ половинъ имперіи».

Въ засѣданіи делегацій 28-го ноября обще-имперскіе министры (графы Андращь и Бейстъ и баронъ Кунъ) представили делегаціямъ такъ-называемую *Красную книгу*, то есть собраніе австро-венгерскихъ дипломатическихъ документовъ, и бюджетъ общихъ расходовъ во 100 милліоновъ гульденовъ (изъ нихъ на обѣ части имперіи опредѣляется по равной суммѣ). Сверхъ того правительство испросило 60 милліоновъ гульденовъ на военные расходы. По словамъ вѣнскихъ газетъ, въ послѣднее время замѣтно особенное сближеніе между графомъ Андращемъ и графомъ Бейстомъ; что касается до цислейтанскаго министра-президента графа Потоцкаго, подавшаго было въ отставку, вслѣдствіе порицаній выраженныхъ его дѣйствіямъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ, то императоръ не только не принялъ этой отставки, но поручилъ графу Потоцкому сформировать новый кабинетъ, въ составъ котораго изъ прежнихъ министровъ вступитъ только одинъ г. Штремейеръ, и программою котораго будетъ не «сближеніе со всѣми національностями», чего домогался напрасно графъ Потоцкій, а «сближеніе съ одною Галиціей».

Выборы въ итальянскій парламентъ оказываются въ пользу правительства; всѣ министры избраны вновь; тоже самое происходило и въ Римѣ, гдѣ новый порядокъ вещей водворяется безъ всякаго нарушенія спокойствія. Кромѣ выборовъ въ общій итальянскій парламентъ, въ бывшихъ папскихъ владѣніяхъ происходили выборы въ муниципалитетъ и въ провинціальный совѣтъ—и членами ихъ назначены все люди, пользующіеся общимъ уваженіемъ и принадлежащіе къ умѣренной партіи. Въ Римѣ организована національная гвардія въ числѣ 15,000 человѣкъ, которой и поручено охраненіе города, гдѣ, по увѣренію всѣхъ римскихъ корреспондентовъ, никогда еще не бывало такого порядка, какъ въ настоящее время. Что касается до папы, то онъ по прежнему отвергаетъ всѣ предложенія итальянскаго правительства, продолжаетъ представлять себя плѣнникомъ въ Ватиканѣ, не выѣзжаетъ никуда и издаетъ протестъ противъ насильственнаго захвата его областей. Впрочемъ, онъ получаетъ назначенное ему содержаніе и сохраняетъ при себѣ весь свой дворъ и даже гвардію. Объ отъѣздѣ его изъ Рима нѣтъ болѣе никакихъ слуховъ; утверждаютъ только, что, когда прибудетъ въ Римъ король Викторъ-Эммануилъ (что̀ должно послѣдовать въ концѣ декабря), то Пій IX отправится въ одинъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ. Извѣщаютъ также, что флорентійскій кабинетъ, потерявъ всякую надежду на соглашеніе съ папой, рѣшился обратиться къ католическимъ державамъ, чтобы они установили modus vivendi и побудили папу принять оный.

Избраніе принца Амедея Савойскаго (герцога Аостскаго), втораго сына короля Виктора-Эммануила, на испанскій престолъ—есть фактъ совершившійся. По извѣстіямъ изъ Флоренціи, король принималъ уже поздравленіе съ этимъ избраніемъ отъ дипломатическаго корпуса и флорентійскаго муниципалитета, и многочисленная депутація кортесовъ уже отправилась изъ Мадрида во Флоренцію для торжественнаго поднесенія короны новому королю. Избраніе принца Амедея, въ которомъ видятъ залогъ новаго сближенія между обѣими націями, испанскою и итальянскою, встрѣчено съ восторгомъ во всей Испаніи,—и слухи о безпорядкахъ, будто бы происшедшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полуострова, офиціально опровергаются.

27-го ноября происходило открытіе румынской палаты представителей. Князь Карлъ въ своей тронной рѣчи заявилъ, что княжество сохраняетъ дружественныя отношенія со всѣми державами и что бюджетъ на 1871 годъ не представляетъ никакого дефицита.

Въ Греціи, какъ сообщаютъ въ иностранныя газеты изъ Аѳинъ отъ 14 (26-го) ноября, носятся слухи о предстоящемъ распущеніи палаты, котораго будто-бы требуетъ министерство Делигеорги, но до сихъ поръ король еще не согласился подписать декрета объ этомъ распущеніи.

P. S. Послѣднія, полученныя нами, газеты извѣщаютъ, что королю прусскому предложена корона императора Германскаго, по инипіативѣ Баваріи и Виртемберга, поддержанной и прочими членами германскаго союза. Мы не замедлимъ сообщить читателямъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла, которое, составляя эпоху въ современной исторіи Германіи, не можетъ остаться безъ вліянія и на судьбы всей остальной Европы.

Смѣсь.

Цѣлая колонія преступниковъ недавно была открыта въ Парижѣ, почти подъ окнами Тюльерійскаго дворца, а именно подъ арками моста *des Saints-Pères*. Эта шайка изъ 73 человѣкъ состояла по большей части изъ выпущенныхъ изъ тюрьмы бродягъ и преступниковъ. Они устроились подъ мостомъ хозяйственнымъ манеромъ, у нихъ нашли довольно полный инвентарь необходимѣйшей утвари, постели, платье, кухонную посуду и пр. Ихъ предводитель, нѣкто Эрнестъ Монсурье, ростомъ великанъ, у котораго почти не видать лица подъ спутанной массой волосъ и бороды. Этотъ господинъ еще въ ранней молодости былъ приговоренъ къ 20 годамъ каторги за убійство и сосланъ въ Кайенну. Тамъ онъ женился на ссыльной же, и ему удалось бѣжать съ женою и тремя товарищами. Послѣ десятидневнаго плаванія, во время котораго они страшно страдали отъ голода, они причалили къ острову Барбишъ, наворовали всего, что имъ нужно было для продолженія своего путешествія, и опять вышли въ море въ простой лодкѣ. Въ этой лодкѣ, которую швыряла по волнамъ ужасная буря, жена ссыльнаго родила дѣвочку, а сама нѣсколько дней спустя умерла. Отецъ и его товарищи, какъ могли, ходили за малюткой. Дней черезъ тридцать ихъ принялъ англійскій корабль, который высадилъ ихъ на французскій корабль, не подозрѣвая какихъ онъ везетъ пассажировъ. Они же съ ребенкомъ отправились въ Парижъ, гдѣ скоро пустили о себѣ славу.

Интересное явленіе. Извѣстно, что станціи французскаго и англо-американскаго трансатлантическаго телеграфа помѣщаются на островѣ Сентъ-Пьеръ-де-Микелонъ, въ не-очень-значительномъ отдаленіи одна отъ другой. Первая снабжена крайне-чувствительными инструментами, на которые весьма часто дѣйствовали земные токи, скрещивающіеся съ электрическими токами, служащими для сообщенія. По принятіи мѣръ противъ этого, оказалось, что эти земные токи по большей части обязаны своимъ существованіемъ американской станціи. Не смотря на то, что обѣ станціи раздѣлены другъ отъ друга нѣсколькими стами метровъ, на французской можно было удобнѣйшимъ манеромъ читать телеграммы англо-американской: онѣ сообщались черезъ посредство земли. Маленькій островокъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ на подобіе лейденской банки, которая заряжается англо-американской линіей и отчасти разряжается аппаратами французской станціи. Придавливая клавиши, американскій телеграфистъ наэлектризовываетъ весь островъ и мимо своей воли сообщаетъ французской станціи свои телеграммы.

Кухня больше приноситъ, чѣмъ мечъ.—Это можно сказать, не только объ отдѣльныхъ личностяхъ и хозяйствахъ, но и о великихъ государствахъ. Уже Лукуллу, котораго Помпей называлъ римскимъ Ксерксомъ, одна трапеза стоила болѣе 10,000 р. сер. Вителлій, котораго Тацитъ прозвалъ «царственнымъ боровомъ», однажды истратилъ на ѣду, въ теченіи семи мѣсяцевъ, 42 милліона р. Императору Вару одинъ ужинъ на 12 персонъ обошелся въ четверть милліона р. Расточительность на содержаніе рыбныхъ садковъ достигала въ древнемъ Римѣ невообразимыхъ размѣровъ. Одинъ богатый римлянинъ иногда тратилъ на прокормленіе рыбъ до 5-ти милліоновъ сестерцій (около 300,000 р. сер.). По этому Цицеронъ называлъ Лукулла, Гортензія (который кромѣ того поливалъ свои деревья виномъ) и другихъ высокопоставленныхъ гражданъ, съ такой страстью занимавшихся своими муренами, краснобородками прочими рыбами, что они забывали заботиться о государственныхъ дѣлахъ, «рыбоводами» (piscinarii) или тритонами, и говорилъ про нихъ, что если въ ихъ садкахъ есть «Mulli barbati» приплывающіе по ихъ зову, они ужъ воображаютъ, что пальцемъ неба касаются; мало того, разсказываютъ о Ведіѣ Полліѣ, одномъ изъ друзей Августа, что онъ бросалъ своихъ рабовъ на съѣденіе рыбамъ въ наказаніе за какую нибудь вину. Но не только на разведеніе рыбъ и устрицъ богатые римляне тратили чудовищныя суммы, — они платили страшныя деньги за отдѣльныхъ рыбъ, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа: Тиверій велѣлъ отнести на рынокъ и продать краснобородку огромной величины, присланную ему въ подарокъ. «Друзья мои», сказалъ онъ по этому случаю: «меня очень удивитъ, если эту рыбу не купитъ либо Апицій либо Октавій». Дѣйствительно и тотъ и другой торговали рыбу, Октавій предложилъ за нее наибольшую цѣну и этимъ пріобрѣлъ великую славу въ своемъ кружкѣ. Никому еще тогда не приходило въ голову, что сбудется знаменитое изреченіе Катона: «не можетъ существовать государство, въ которомъ за одну рыбу платятъ больше, чѣмъ за быка».

Подводная Помпея. Подъ этимъ заглавіемъ въ газетѣ «Gaulois» описаны работы, въ настоящее время производящіяся въ Бухтѣ Виго, съ цѣлью добыть съ морскаго дна опущенныя когда-то туда массы серебра. Приведемъ изъ статьи слѣдующее интересное мѣсто:

«Всѣхъ морскихъ чудовищъ, точно бабочекъ огонь свѣчи или лампы, привлекаетъ свѣтъ, распространяемый въ отдаленнѣйшую глубь водъ электрическимъ солнцемъ. Если бы спустить водолазовъ на темное дно и сказать имъ: ловите на удачу и сгребайте вилами что попадется—результаты вышли бы весьма посредственны. Но г. Базенъ изобрѣлъ аппаратъ (о которомъ мы упоминали при описаніи снаряда полк. Ванъ-деръ-Вейде), при помощи котораго онъ свѣтитъ имъ и руководитъ ихъ работами. Представьте себѣ громадную печную трубу, въ которой три человѣка удобно могутъ помѣщаться стоя. Инженеръ входитъ въ нее, надъ нимъ затворяютъ всѣ отверстія и спускаютъ его въ воду. Онъ имѣетъ сообщеніе съ кораблемъ посредствомъ рукава, доставляющаго ему свѣжій воздухъ, и телеграфныхъ проволокъ. Онъ останавливается надъ самымъ мѣстомъ, на которомъ работаютъ, и наблюдаетъ за работами. Но какъ? Вѣдь въ эту глубину проникаетъ лишь невѣрный и тусклый свѣтъ. Черезъ оконце, въ которое онъ глядитъ на морское дно, онъ направляетъ свѣтъ фонаря, въ которомъ 150 огней распространяютъ лучи во всѣ стороны. Водолазы въ своихъ пробочныхъ костюмахъ работаютъ внизу, подъ колоколомъ, а инженеръ сверху кричитъ имъ свои наставленія. Голосъ его, звукомъ похожій на голосъ чревовѣщателя, доходитъ къ нимъ точно изъ другаго міра, а они сами, съ ихъ неопредѣленными чудовищными очертаньями, двигаются на морскомъ днѣ, подходятъ, принимаютъ и исполняютъ приказанія. А исполинскія водоросли изгибаются отъ непривычнаго свѣта, удлинняются фантастическими зелеными полосами; невѣдомыя животныя вращаются около этого свѣтлаго фокуса, уставившись въ него своими блѣдно-зелеными, круглыми глазами»....

Самоубійство какъ ремесло.—Въ Нью-Йоркѣ въ настоящее время процвѣтаетъ господинъ, который кормится самоубійствомъ. Процедура слѣдующая: онъ нанимаетъ въ какой-нибудь гостинницѣ комнату, пишетъ нѣсколько словъ на лоскуткѣ бумаги, складываетъ его, кладетъ на столъ подлѣ постели, и ставитъ тутъ же стклянку съ роковой надписью: «Стрихнинъ» или «Синильная кислота». Затѣмъ ложится на постель и громко стонетъ и кряхтитъ. Слуги и сосѣди конечно врываются въ комнату, видятъ стклянку, читаютъ записку, въ которой причиной самоубійства приводятся нужда и неимѣніе работы, и, пока поспѣшно приглашенный докторъ подаетъ ученое пособіе мнимому самоубійцѣ, сострадательные жильцы устраиваютъ подписку, результатъ которой вручаютъ выздоровѣвшему тѣмъ временемъ несчастливцу.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 28 Ноября 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад., д. № 45—1

№ 49. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Вэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Эва.

(*Продолженіе*).

— Господинъ баронъ сегодня рано утромъ получилъ телеграмму, говорила на другой день Вальбурга, заплетая въ косы длинные, прекрасные волосы графини.

— Телеграмму?! воскликнула Эва, очевидно удивленная.— Откуда же? ужь не захворала ли баронесса Хальденъ, или еще что-нибудь случилось? И она сошла въ столовую скорѣе обыкновеннаго, для того чтобы застать дѣдушку за завтракомъ. Баронъ казался взволнованнымъ, и передъ нимъ лежала только-что полученная телеграмма.

— Развѣ что-нибудь случилось? воскликнула Эва, протягивая ему руку.

— И да, и нѣтъ, возразилъ баронъ, — но сядь же, я тебѣ все разскажу.

И спокойнымъ, но убѣдительнымъ голосомъ баронъ объяснилъ, что онъ считаетъ нужнымъ, даже необходимымъ показать молодой дѣвушкѣ свѣтъ, познакомить ее съ людьми и съ жизнью, что онъ писалъ объ этомъ баронессѣ Хальденъ—и вотъ сегодня получилъ отвѣтъ.

Эва сидѣла какъ окаменѣлая, широко открывъ глаза и неподвижно устремивъ ихъ въ лицо барона.

— Какой же отвѣтъ? наконецъ проговорила она.

— Твоя тетка изъявила полное согласіе, отвѣчалъ баронъ.

— Когда же мнѣ ѣхать? Вѣдь не скоро, не скоро? жалобно спрашивала Эва.

— Завтра вечеромъ баронесса тебя ожидаетъ.

Эва поблѣднѣла, и откинувшись въ кресло, закрыла глаза, но только на минуту. Потомъ она вскочила и бросилась на колѣни передъ дѣдушкой.

— Зачѣмъ же такъ скоро? шептала она, положа голову къ нему на колѣни.

— Потому что я это считаю полезнымъ, даже необходимымъ, съ горечью сказалъ баронъ.

— Но если я тебя прошу оставить меня здѣсь хоть на недѣлю, хоть на три дня... продолжала шепотомъ графиня.

Баронъ приподнялъ ея красивую головку, и съ минуту держалъ ее обѣими руками. — Не проси меня, проговорилъ онъ медленнымъ но не допускавшимъ возраженія голосомъ, — твои просьбы ни къ чему не поведутъ. Я тебѣ раньше ничего не говорилъ о моемъ планѣ, желая избавить тебя отъ мученія неизвѣстности. Теперь все рѣшено окончательно и неизмѣнно. Вальбурга будетъ тебя сопровождать и останется при тебѣ. Завтра рано утромъ въ восемь часовъ вы обѣ уѣдете. И баронъ вышелъ изъ комнаты, но остановившись въ дверяхъ сказалъ равнодушнымъ голосомъ. — Кстати, я напишу твоему учителю рисованія (онъ пріударилъ особенно на этомъ словѣ), поблагодарю его за всѣ хлопоты и пошлю гонорарій. Я не нахожу, чтобы уроки его пошли тебѣ впрокъ... и баронъ затворилъ дверь.

Съ подавленнымъ крикомъ вскочила молодая дѣвушка. — Такъ вотъ почему!.. онъ или все знаетъ, или что-нибудь подозрѣваетъ.... И она принялась расхаживать по комнатѣ, крѣпко стиснувъ руки и блистая глазами. — Я ничѣмъ не могу помочь себѣ, и никто не въ состояніи помочь мнѣ, кромѣ одного, который не хочетъ. Она обѣими руками откинула съ лица волосы.— Надо написать Норберту, шептала Эва; еще съ минуту

она простояла въ глубокой задумчивости, потомъ медленно пошла въ свою комнату, сѣла тамъ къ письменному столу и чрезъ двѣ минуты написала слѣдующія строки.

«По желанію моего дѣдушки, я уѣзжаю завтра утромъ въ Б... къ теткѣ баронессѣ Хальденъ и пробуду у нея два мѣсяца. Завтра въ восемь часовъ меня уже здѣсь не будетъ».

Когда молодая дѣвушка хотѣла написать адресъ, то вдругъ ей пришло въ голову, что она до сихъ поръ еще не знаетъ имени Норберта. Сколько разъ пыталась она его спросить, но все какъ-то не представлялось удобнаго случая. Поэтому она просто адресовала: господину Норберту—художнику», и открывъ окно, стала поджидать разсыльнаго, кому бы можно было безбоязненно вручить письмо. На тотъ случай двѣнадцати-лѣтній сынъ садовника копался въ цвѣточныхъ грядахъ; Эва подозвала его, и вложивъ въ руку новенькую серебряную монету, просила его отнести письмо какъ можно скорѣе господину художнику въ деревенскую гостинницу. Мальчикъ отправился исполнять возложенное порученіе, заботливо держа записку въ рукахъ, но на лѣстницѣ встрѣтилъ его баронъ—и увидавъ письмо, сейчасъ же догадался въ чемъ дѣло.

— Это вѣдь къ художнику? спросилъ онъ мальчика, и на утвердительный отвѣтъ взялъ у него изъ рукъ письмо, прибавивъ: — тебѣ нечего напрасно трудиться, я самъ позабочусь.

Еслибы Эва могла предчувствовать, что ея письмо даже не распечатанное превратилось въ кучку пепла въ каминѣ дѣдушки, между тѣмъ какъ полагала, что оно находится уже въ рукахъ Норберта,—то лихорадное напряженіе, томившее ее цѣлый день, разразилось бы энергической вспышкой. Но она ничего объ этомъ не знала—и укладывая вещь за вещью въ чемоданъ, то и дѣло подбѣгала къ окну, переходя отъ надежды къ отчаянію.

День, вечеръ и безсонная ночь прошли, а Эва все еще не получала отвѣта отъ Норберта, который въ свою очередь едва могъ дождаться десяти часовъ, чтобы отправиться по привычной дорогѣ въ замокъ.

Около восьми часовъ Эва сошла внизъ проститься съ дѣдушкой. Онъ содрогнулся, когда молодая дѣвушка подошла къ нему блѣдная, печальная и съ утомленнымъ видомъ.

— Давнымъ давно пора ей было уѣхать, подумалъ про себя баронъ и крѣпко прижалъ къ груди Эву.

— Милое, дорогое дитя, шепталъ онъ, цѣлуя ея холодныя губы, — да благословитъ тебя Господь, осѣнивъ Своимъ покровомъ, и да возвратитъ ко мнѣ счастливою и веселою.

Эва судорожно зарыдала и крѣпко обвилась руками вокругъ шеи дѣдушки, но только на минуту; потомъ она быстро выбѣжала изъ комнаты, прыгнула въ карету и откинулась въ самый уголъ. Вальбурга послѣдогала за ней, Матвѣй взлѣзъ на козла, кучеръ ударилъ бичемъ по лошадямъ, карета покатилась, а баронъ грустно возвратился въ уединенный, опустѣвшій замокъ.

Когда путники проѣзжали по деревнѣ, Эва выглянула изъ окна кареты... Норберта какъ не бывало.

Путешествіе было довольно печальное. Сильная буря унесла послѣдніе слѣды лѣта, дождь превратилъ влажный воздухъ въ сырую, холодную октябрьскую слякоть. Подъ каждымъ деревомъ лежали кучи гнилыхъ, пожелтѣвшихъ листьевъ, небо было сѣрое, улицы пустынны, а горы закутаны густымъ туманомъ. Дрожа отъ стужи, графиня завернулась въ пальто—и закрывъ глаза, предалась грустнымъ мыслямъ и предположеніямъ, почему Норбертъ не прислалъ ей никакого отвѣта и самъ не пришелъ. Въ это же самое время Норбертъ подходилъ къ воротамъ замка. На звонокъ отворилась дверь и слуга объявилъ, что графиня Вальденау уѣхала, а господинъ баронъ посылаетъ ему вотъ это письмо. Когда Норбертъ сорвалъ кувертъ, то онъ нашелъ въ письмѣ билетъ въ 50 талеровъ — и больше ни слова.

Въ этотъ же день художникъ уѣхалъ изъ деревни, а Матвѣй узналъ въ гостинницѣ и вѣроятно разсказалъ своему господину про необыкновенную щедрость художника, который отдалъ приходскому священнику всѣ 50 талеровъ въ пользу *мѣстныхъ бѣдняковъ*.

Въ одной изъ элегантныхъ улицъ города М. стоялъ домъ баронессы Хальденъ. Если уже высокій, внѣшній фасадъ и широкая каменная лѣстница производили большое впечатлѣніе, то это впечатлѣніе еще болѣе увеличивалось когда входили во внутренніе покои; комнаты, хотя и немногочисленныя, были просторны и убраны со вкусомъ. Особенно очарователенъ былъ сѣрый съ малиновой панелью будуаръ, который отдѣлялъ спальню отъ гостиной. Безчисленное множество фамильныхъ портретовъ и миніатюръ украшали стѣны, зеленыя, свѣжія растенія стояли у оконъ, покойныя кресла какъ бы манили къ пріятному far-niente, мягкій бархатный коверъ съ коралловыми вѣтками по свѣтло-сѣрому полю покрывалъ полъ.

Передъ открытымъ каминомъ сидѣли двѣ личности: господинъ и дама, занятые жаркимъ разговоромъ.

Дама эта была баронесса Хальденъ, нѣкогда очень красивая женщина, съ немного-рѣзкими чертами лица и съ очевиднымъ желаніемъ казаться моложе своихъ лѣтъ; господинъ же—пожилой мужчина, немного сгорбленный, съ сѣдиною, очень приторный, слѣдовательно прескучный.

— И такъ ваша племянница—графиня Вальденау? говорилъ пожилой господинъ.

— Да, ваша свѣтлость, утвердительно отвѣчала баронесса. — Я беру ее къ себѣ изъ чувства жалости, чтобы дать ей немного образованія и лоску. Судите сами, вѣдь она выросла въ деревнѣ, — такъ чего же можно ожидать?

— Я не сомнѣваюсь, что молодая особа, принятая подъ ваше покровительство, скоро сдѣлается образцомъ для всѣхъ, возразилъ принцъ Августъ, дружески качая головой. — Quand on parle du soleil... добавилъ онъ въ то время, какъ лакей отворя дверь боковой комнаты и появляясь между портьерой будуара тихонько доложилъ: «Графиня Вальденау».

Баронесса встала на встрѣчу пріѣзжей. — Милая, деревенская лепешечка! проговорила она съ любезной улыбкой, но остановилась въ удивленіи, когда, вмѣсто ожидаемаго деревенскаго увальня, молодая элегантная особа быстро подошла къ ней и цѣлуя ея руку воскликнула:—добрый вечеръ, милая бабушка!.. Дѣдушка велѣлъ передать тебѣ низкій поклонъ.

Слово *бабушка* привело въ себя хозяйку дома.

— Дай мнѣ прежде тебя представить!.. Ваша свѣтлость, будьте такъ милостивы, позвольте мнѣ познакомить васъ съ моей племянницей, графиней Вальденау.

Его свѣтлость сказалъ нѣсколько комплиментовъ

молодой дѣвушкѣ и затѣмъ откланялся, совершенно очарованный ея красотой.

— Кто этотъ старикъ? спросила Эва у тетки, когда та снова взошла въ будуаръ, проводивъ принца до самой лѣстницы.

Баронесса надменно взглянула на Эву.

— Это принцъ Августъ, дядя нынѣ владычествующаго государя, сказала съ достоинствомъ баронесса.

— Въ самомъ дѣлѣ? ну этого какъ-то въ немъ не видно, замѣтила равнодушно молодая дѣвушка.— Ну, милая бабушка...

— Называй меня лучше теткой. Слово бабушка какъ-то ужь черезъ-чуръ допотопно звучитъ. Однако дай мнѣ на себя взглянуть. Я вовсе не ожидала, чтобы ты была такого большаго роста. Да, ты выше меня, даже слишкомъ высока для женщины. Но какъ же это ты одѣта совершенно по модѣ? Развѣ у васъ въ деревнѣ есть модные магазины?

— Не совсѣмъ такъ, возразила улыбаясь Эва, — но моя прежняя добрая гувернантка живетъ теперь въ Парижѣ и высылаетъ прямо оттуда все, что̀ для меня потребуется.

— А, протянула баронесса,—такъ дай мнѣ ея адресъ, я очень пристрастна къ парижскимъ модамъ. Ну, однако чему же ты училась у гувернантки? Вѣдь она была француженка, такъ вѣроятно ты совершенно свободно изъясняешься на этомъ языкѣ?

— Такъ себѣ, отвѣчала молодая дѣвушка, — я училась у нея также музыкѣ, пѣнію и англійскому языку, а въ послѣдній годъ дѣдушка давалъ мнѣ уроки нѣмецкаго и латинскаго языка, потомъ исторіи, литературы, ботаники, даже немножко астрономіи....

— Довольно, довольно, перестань! вскричала почти въ ужасѣ баронесса.—Ты знаешь слишкомъ много для дѣвушки—латинскій языкъ, ботанику, астрономію... да какъ же ты теперь выйдешь замужъ?! Мужчины ненавидятъ ученыхъ женщинъ. Пожалуста не разсказывай объ этомъ никому; хорошо еще, что мы одни въ настоящее время!

— Но тетя, возразила Эва совершенно озадаченная, —я сюда вовсе не затѣмъ пріѣхала, чтобы выходить замужъ.

Баронесса недовѣрчиво посмотрѣла на нее.—Такъ для какой же цѣли прислалъ тебя ко мнѣ дѣдушка? Но довольно объ этомъ. Пойдемъ, я покажу твою комнату, отдохни немножко; въ шесть часовъ мы обѣдаемъ, а въ половинѣ восьмаго ѣдемъ въ оперу, если ты не будешь чувствовать себя особенно усталою.

Молча послѣдовала Эва за теткой, которая провела ее чрезъ широкій, просторный корридоръ въ очаровательную комнатку.—Вотъ это твоя маленькая гостиная, а это — баронесса открыла ковровую портьеру — твоя спальня. Осмотрись хорошенько—я надѣюсь, что тебѣ понравится у меня. Подставивъ племянницѣ обѣ щеки для поцѣлуя, баронесса вышла изъ комнаты.

Эва простояла съ минуту какъ бы ошеломленная разнообразными впечатлѣніями, которыя привелось ей испытать въ этотъ день. Путешествіе, новыя мѣста, городская уличная трескотня, другая обстановка — все это длинной вереницей проходило въ головѣ молодой дѣвушки, и смертельно измученная она бросилась на диванъ, закрыла глаза, чтобы хоть немного отдохнуть. Не успѣла она опомниться, какъ уже заснула. Прошло около часу, въ комнату тихонько взошла Вальбурга—и Эва сейчасъ же вскочила.

— Что̀ со мною, гдѣ я? поспѣшно говорила она, смущенно оглядывая незнакомую комнату,—а! да вѣдь я заснула, продолжала она,—и видѣла сонъ... какой очаровательный сонъ! Молодая дѣвушка съ грустію потупила глаза; она только сейчасъ была въ Эбензее, Норбертъ шелъ съ нею рядомъ, она чувствовала пожатіе его руки—и это былъ только сонъ!..

— Добрая Валли, сказала Эва, какъ бы опомнившись и склоня голову на грудь вѣрной служанкѣ,—какая же я однако эгоистка, даже не спросила, какъ тебѣ нравится здѣсь, гдѣ тебя помѣстили. Знаешь ли, я немного разочаровалась въ отношеніи тетки: она такая холодная, антипатичная.

— Побольше терпѣнія, милое дитя, утѣшала Вальбурга,—ко всему нужно привыкать. Сегодня тебѣ покажется все вдвое хуже чѣмъ завтра, когда ты немного освѣжишься и отдохнешь.

— Я уже отдохнула, отвѣчала графиня, — теперь пора за туалетъ. Спроси пожалуста камеристку тетушки, какой костюмъ нужно для театра; я не знаю, можетъ-быть у меня ничего нѣтъ подходящаго для этого.

Въ это время появилась сама баронесса.—Ну, что ты сегодня надѣнешь? Покажи мнѣ немного твой гардеробъ. Все прекрасно и мило, рѣшила она послѣ осмотра, — только недостатокъ въ вечернемъ туалетѣ. По платью вѣдь судятъ людей, добавила она, бросая довольный взглядъ въ зеркало и любуясь эфектомъ своего желтаго платья.—Ну, сегодня можешь надѣть голубое шелковое, а завтра позаботимся объ необходимомъ.

Въ этотъ вечеръ въ театрѣ многіе замѣтили появленіе новой, молодой красавицы, которая съ сіяющимъ лицомъ и большими лучистыми глазами наслаждалась чудной музыкой «Армиды». Въ полномъ самозабвеніи Эва забыла и людскую толпу, на которую она прежде боязливо смотрѣла, и блестящее освѣщеніе, поразившее ее сначала; она жила только музыкой.

Когда упалъ занавѣсъ, молодая дѣвушка тяжело вздохнула. «Теперь поѣдемъ», сказала она вставая—и къ счастію тетка въ это время была упоена любезностями одного знакомаго, а то Эва непремѣнно получила бы выговоръ за странное поведеніе. Пріѣхавъ домой, Эва побѣжала въ свою комнату, гдѣ дожидалась ея Вальбурга.

— Валли, говорила, она, обвиваясь руками вокругъ шеи старушки,—теперь я понимаю, что̀ такое райскія пѣсни.

Слѣдующія четыре недѣли прошли какъ четыре дня. По утрамъ Эва занималась рисованіемъ и музыкой. Особенно въ пѣніи сдѣлала она большіе успѣхи. Отъ природы одаренная прекраснымъ гибкимъ голосомъ, Эва отличалась еще тонкимъ слухомъ и неутомимымъ прилежаніемъ. Послѣ обѣда дѣлались визиты и покупки, а вечера посвящались театру и обществу. У Эвы голова кружилась отъ безчисленнаго множества незнакомыхъ именъ и лицъ, которыя она, привыкшая къ такому уединенію, должна была теперь запоминать. Баронесса была въ восторгѣ отъ громаднаго успѣха, который теперь повсюду имѣла ея племянница, между тѣмъ какъ она вообразила себѣ, что только ея наставленіямъ и примѣру обязана Эва тою спокойной веселостью, граціей движеній, любезностью, предупредительностью и живостью разговора.

Среди разнообразныхъ впечатлѣній, повторяющихся почти ежедневно, Эва сохранила только одно твердое, непоколебимое убѣжденіе: вѣру въ Норберта. Мысли ея постоянно были прикованы къ нему, и никогда сомнѣніе въ его любви не закрадывалось въ душу молодой дѣвушки. Развѣ это возможно, чтобы Норбертъ былъ въ состояніи обмануть ее—онъ, котораго она считала идеаломъ мужчинѣ? Эва смутно чувствовала, что ея письмо не дошло, или посланный потерялъ его, или же наконецъ поздно доставилъ. Она вспомнила, какъ однажды Норбертъ говорилъ, что городъ М. ему болѣе другихъ извѣстенъ и онъ часто посѣщаетъ его. Она могла встрѣтиться съ нимъ каждый день на улицѣ, въ концертѣ, въ театрѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ запала эта мысль въ голову молодой дѣвушки, она не пропускала ни одного представленія. Даже въ обществѣ замѣтили эту страсть, и одна дама шутя сказала: «дѣти по большей части всегда любятъ театръ болѣе всего». Эва посмотрѣла на нее съ такою особенною улыбкою, что дама положительно смѣшалась.

— О, простота, простота! подумала про себя графиня, — ты конечно не подозрѣваешь, зачѣмъ я такъ часто бываю въ театрѣ и кого съ такимъ нетерпѣніемъ желаю встрѣтить!

Когда заходилъ разговоръ о картинахъ и художникахъ, Эва всегда прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ, надѣясь, что упомянутъ имя Норберта, но всякій разъ обманывалась въ своемъ ожиданіи.

— Неужели онъ такъ мало извѣстенъ? думала она съ горечью, — а между тѣмъ онъ больше другихъ заслуживаетъ всеобщаго восторга и удивленія.

Каждую среду у баронессы Хальденъ давались званые вечера—и никогда не бывало у ней столько посѣтителей, какъ теперь, со времени пріѣзда графини Эвы. И дѣйствительно, тамъ проводили пріятные часы. Всякій пріѣзжалъ и уѣзжалъ когда хотѣлъ; болтали, смѣялись, занимались музыкой, играли въ карты,—однимъ словомъ, забавлялись на всѣ лады.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, передъ большой городской гостинницей стояло щегольское маленькое купэ, дожидаясь своего владѣльца, который вскорѣ вышелъ изъ курильной комнаты въ сопровожденіи своихъ товарищей, и открывая дверцы кареты, готовился сѣсть.

— Эй, Гарольдъ, сказалъ онъ вдругъ, внезапно останавливаясь, — не хочешь-ли вмѣстѣ со мной ѣхать?—я проведу остатокъ вечера у старой баронессы Хальденъ.

— Я готовъ, отвѣчалъ тотъ, — но только право боюсь, что наши платья совсѣмъ пропахли дымомъ.

— Да мы спустимъ всѣ окна, и сначала четверть часика покатаемся, это поможетъ. Отдавъ кучеру должное приказаніе, оба пріятеля усѣлись и карета покатилась. Сначала графъ Амрау спускалъ окна кареты, потомъ откинувшись въ уголъ потянулся.

— Ну? спросилъ господинъ Гарольдъ, который служилъ въ одномъ полку съ графомъ. Оба они были неразрывными пріятелями и извѣстными львами гостиныхъ.

— Я хочу тебѣ кое-что сообщить.... Но сначала позволь предложить одинъ вопросъ: какъ находишь ты племянницу баронессы Хальденъ?

— Божественную графиню Эву? Да, какъ-же мнѣ не находить ее очаровательной, плѣнительной, какъ-же не восхищаться ею!...

— Тише, тише, воскликнулъ Амрау, — вѣдь ты говоришь о моей невѣстѣ!

— Объ твоей невѣстѣ? отвѣчалъ Гарольдъ въ очевидномъ удивленіи, — да развѣ ты помолвленъ съ нею.... съ которыхъ же поръ?...

— Собственно говоря: нѣтъ, сказалъ графъ, — я еще не дѣлалъ ей предложенія — но сдѣлаю его.

— Ну, а если ты получишь отказъ? спросилъ его другъ съ волненіемъ.

— Она слишкомъ образована, чтобы сдѣлать подобную вещь, надменно возразилъ Амрау.

Теперь въ свою очередь Гарольдъ откинулся въ уголъ кареты.

— Ну, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ, — если она еще свободна, то я предложу ей руку и сердце.

— Что? воскликнулъ графъ, — такъ не годится, вѣдь я первый подалъ тебѣ эту мысль!

— Извини пожалуйста, я прежде тебя задумалъ. Но если ты первый заговорилъ объ этомъ, то и дѣлай попытку первый. Неправда-ли, честнѣе нельзя поступить?

— О, великодушный другъ, отвѣчалъ полушутя графъ, — въ награду за твое безкорыстное поведеніе, я сейчасъ-же послѣ помолвки пришлю тебѣ дюжину шампанскаго.

— Хорошо, ну а если мнѣ посчастливится, то и ты получишь отъ меня тоже самое.

— Стой! закричалъ внезапно графъ кучеру, когда они проѣзжали мимо блестяще-освѣщеннаго парфюмернаго магазина, и выскочивъ изъ кареты, черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ флакономъ eau-de-Cologne, который сейчасъ-же расплескалъ по всей каретѣ.

— Вотъ такъ отлично, говорилъ онъ, выбрасывая пустой флаконъ на улицу, — надѣюсь, теперь уничтожился запахъ табаку, и мы благоухаемъ какъ боги.

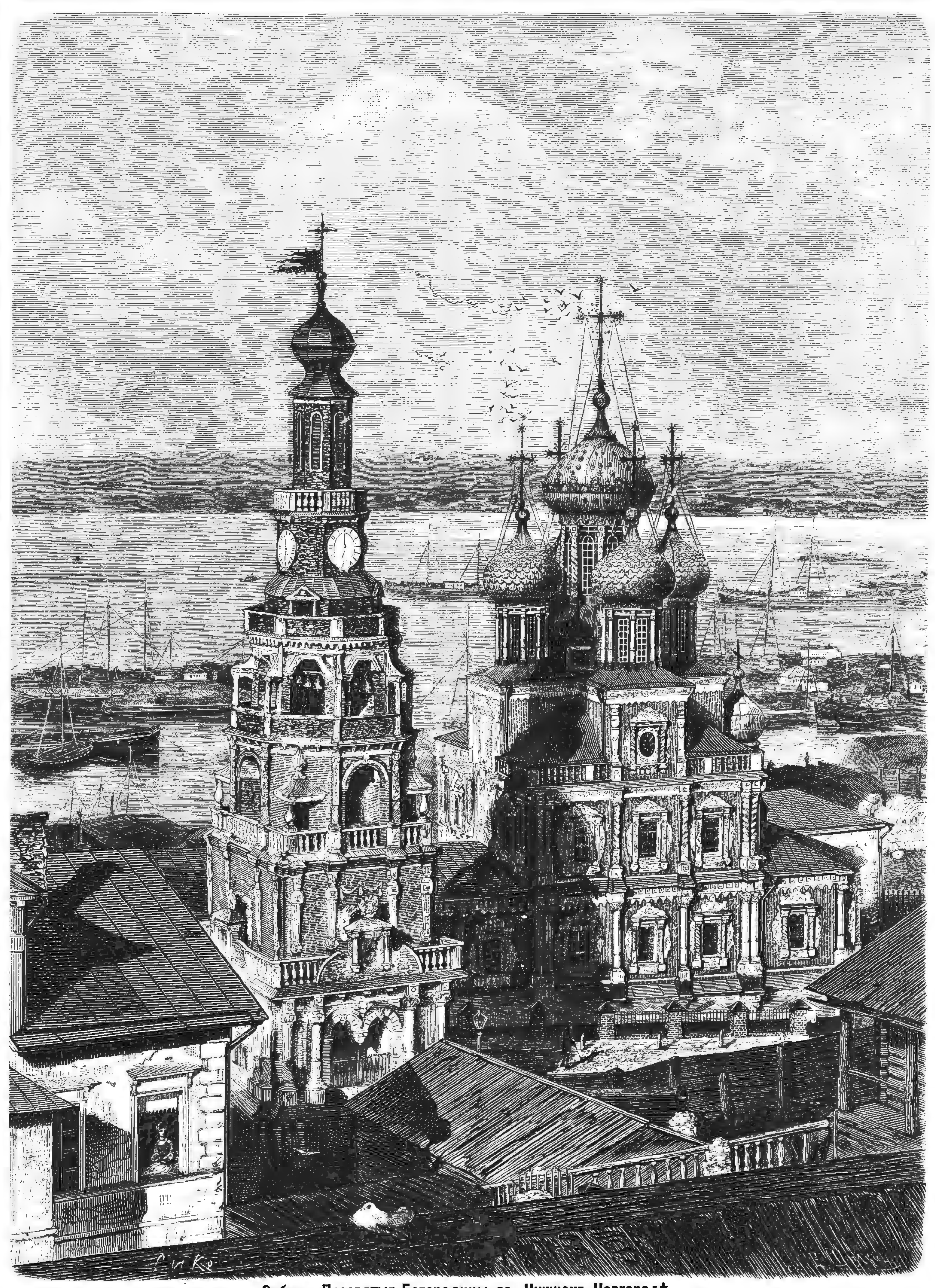
— Помилуй, ради Бога, что ты выдѣлываешь! воскликнулъ Гарольдъ, не зная куда дѣваться отъ крѣпкаго запаха духовъ,—вѣдь отъ этого задохнешься, да и глаза покраснѣютъ. И онъ закрылъ лицо платкомъ, между тѣмъ какъ его другъ хохоталъ до упаду. Въ эту самую минуту экипажъ подкатилъ къ дому баронессы, лошади остановились какъ вкопаныя, что показывало необыкновенное искусство кучера и выѣздку лошадей.

(Продолженіе будетъ).

Соборъ Пресвятыя Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ соборную церковь Пресвятыя Богородицы, извѣстную болѣе подъ названіемъ Рождественской или Строгановской. Она находится въ Нижнемъ-Новгородѣ на Рождественской, или называемой вообще, Нижнебазарной улицѣ.

Церковь эта построена иждивеніемъ именитыхъ лю-

Соборъ Пресвятыя Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ.
Съ фотографіи рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

дей Строгановыхъ, которые, какъ солепромышленники, имѣли въ Нижнемъ-Новгородѣ дома. Она освящена въ 1719 году въ честь собора Пресвятыя Богородицы, но и понынѣ извѣстна болѣе подъ названіемъ Рождественской.

По наружной архитектурѣ церковь, воздвигнутая Строгановыми, есть едвали не одно изъ великолѣпнѣйшихъ готическихъ зданій въ Россіи и имѣетъ большое сходство съ церковію Успенія Божіей Матери, что въ Москвѣ на Покровкѣ. Она построена на лѣвой сторонѣ Рождественской, или, такъ-называемой вообще, Нижнебазарной улицы (идя изъ Кремля), на скатѣ горы, и съ сѣверной стороны утверждена контрафорсомъ, на верху котораго сдѣлана терраса, почему со стороны Рождественской улицы и самая церковь кажется построенною на террасѣ. Снаружи церковь не оштукатурена, а расписана по свѣтло-красному фону темно-красными арабесками, на манеръ Московскаго Покровскаго собора (Василія Блаженнаго), и украшена витыми колоннами и множествомъ орнаментовъ, искусно высѣченныхъ изъ бѣлаго мячковскаго камня. Верхъ ея—съ пятью главами покрытыми желѣзомъ рельефно, съ различными украшеніями, и выкрашенными зеленой краской; алтарь, какъ вообще у всѣхъ церквей старинной постройки, сдѣланъ тремя выступами; надъ нимъ особая глава.

Колокольня, соединенная съ церковію небольшой галереей, или папертью, находится на южной сторонѣ церкви; въ общемъ контурѣ ея есть черты китайской архитектуры, орнаменты же еще богаче и разнообразнѣе самой церкви. На ней подъ крестомъ устроенъ флюгеръ, а внутри ея нѣкогда находились астрономическіе часы съ курантами, показывавшіе, кромѣ времени дня, фазы луны, времена года и проч.; но они испортились еще въ прошломъ столѣтіи и были замѣнены обыкновенными башенными; нынѣ же и эти не въ дѣйствіи.

Преданіе любитъ украшать исторію всякаго замѣчательнаго изобрѣтенія, всякаго замѣчательнаго зданія, необыкновенными вымыслами; оно говоритъ: въ Персіи строитель славнаго дворца, въ Россіи строитель Московскаго Покровскаго Собора, въ Стразбургѣ Мавръ Бен-азан-бекъ, устроившій знаменитые часы на колокольнѣ тамошняго собора, были ослѣплены, потому что хотѣли повторить, и въ великолѣпнѣйшемъ видѣ, свои произведенія. Такую же легенду передаетъ преданіе и о Рождественской церкви. Григорій Дмитріевичъ Строгановъ будто-бы также спросилъ строителя своей приходской церкви: «можетъ ли онъ построить зданіе еще лучше?» Строитель, не понимая къ чему клонится вопросъ, отвѣчалъ что можетъ, и его по приказанію Строганова будто-бы ослѣпили. Нѣтъ надобности доказывать, насколько это преданіе справедливо: легенды о строителѣ персидскомъ, московскомъ и Бен-азан-бекѣ существовали еще за нѣсколько столѣтій до построенія Нижегородской Строгановской церкви.

Церковь Собора Богородицы—въ два этажа, изъ которыхъ верхній предназначенъ былъ собственно для холоднаго храма (почему въ восточной стѣнѣ трапезы его сдѣланы, для соединенія съ главной частью церкви, три арки, а самая стѣна убрана великолѣпной лѣпной работой); но почему-то устройство теплаго храма, назначеннаго въ нижнемъ этажѣ, не состоялось, а вмѣсто того устроили два придѣла въ трапезѣ: съ южной стороны во имя Св. Онуфрія, а съ сѣверной во имя Св. Инокентія Иркутскаго.

Какъ великолѣпна наружность Строгановской церкви, такъ великолѣпна и внутренность холоднаго храма: иконостасъ его, въ пять ярусовъ, весь рѣзной, отзолоченъ червоннымъ золотомъ. Царскія двери—одного стиля съ прочими частями иконостаса, а иконы, за исключеніемъ двухъ мѣстныхъ, того стиля, который нѣкоторые называютъ Строгановскимъ.

Около южной, западной и сѣверной сторонъ холодной церкви идутъ хоры съ балюстрадой и рѣзнымъ золотымъ бордюромъ; подъ нимъ сдѣлана, золотыми литерами, слѣдующая надпись: «Домъ Мой домомъ молитвы нарѣчется». Стѣны въ этой церкви отдѣланы подъ различный мраморъ и украшены четырьмя живописными картинами, изображающими страсти Христовы, а выше хоровъ и самые своды расписаны водяными красками.

Всѣ знатоки живописи, видѣвшіе Строгановскую церковь, удивляются красотѣ мѣстныхъ иконъ Спасителя и Божіей Матери. Объ этихъ иконахъ есть также преданье, что будто бы она написана художникомъ Коравакомъ по заказу Петра Великаго, для Петропавловскаго или Троицкаго собора. Григорій Дмитріевичъ Строгановъ, увидя иконы, въ отсутствіи государя за границу, сталъ убѣждать Коравака уступить ихъ ему, представляя, что къ пріѣзду государя можно написать другія. Коравакъ согласился; Строгановъ, заплативъ за иконы значительную сумму, отослалъ ихъ въ церковь, строившуюся въ Нижнемъ Новгородѣ. Коравакъ же написалъ для государя другія иконы, но которыя были, въ художественномъ отношеніи, ниже первыхъ, видѣнныхъ государемъ вчернѣ, передъ отъѣздомъ за границу.

Года черезъ три послѣ того (въ 1722 году) Петръ Великій, посѣтивъ Нижній-Новгородъ, на пути въ Персію, имѣлъ квартиру въ домѣ Строганова и, 29 числа мая, слушавъ всенощную службу въ Строгановской церкви, узналъ иконы Коравака, приказалъ запечатать церковь и изслѣдовать, почему они находятся здѣсь.

О достовѣрности этого преданія нѣтъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ, но дѣйствительно церковь почему-то была запечатана въ 1722 году, и открыта уже при Екатеринѣ I-й въ 1727 году.

Трапеза не соотвѣтствуетъ ни наружности самой церкви, ни внутренней отдѣлкѣ холоднаго храма: она бѣднѣе и темнѣе всѣхъ вообще церквей нижегородскихъ; позолота одноярусныхъ иконостасовъ ея почернѣла, да и самые иконостасы очень некрасивы.

Въ церкви собора Богородицы замѣчательно еще слѣдующее.

Старинныя иконы: Владимірскія Божія Матери и св. Николая Чудотворца, какъ полагать надобно, перенесенные изъ Христо-Рождественской церкви, бывшей на краю горы надъ Успенскимъ оврагомъ, который именовался тогда Рождественскимъ ручьемъ. За тѣмъ: напрестольный крестъ, обложенный мѣдными чеканными листами, въ которомъ (какъ видно на подписи, сдѣланной на немъ) находятся части мощей угодниковъ божіихъ: Василія Ахкирскаго, Калиника, Пантелеймона, Меркурія, архидіакона Евпла, Ореста и св. Марины. Этотъ крестъ пожертвованъ въ церковь Рождества Богородицы въ 1672 году.

Деревянный крестъ, обложенный ветхими мѣдными листами; на лицевой сторонѣ его, на серебряной пластинкѣ, вырѣзано изображеніе св. Дмитрія Царевича, а внизу его надпись: «крестъ моленія Димитрія Андреевича и Григорія Дмитріевича Строгоновыхъ».

Евангеліе, писанное неизвѣстно какого года, но по тексту и формѣ буквъ полагаютъ, что въ XVI столѣтіи. Въ немъ заглавіе, зачала и стихи означены золотомъ; передъ каждымъ евангеліемъ находятся изображенія евангелистовъ, рисованныя красками и золотомъ; между ними прокладки изъ шелковой матеріи; кромѣ того оно украшено множествомъ рисованныхъ виньетокъ. Это евангеліе также пожертвовано въ 1672 году московскимъ купцомъ Иваномъ Большимъ - Щепочкинымъ.

Храмъ Соборобогородицкій былъ возобновленъ снаружи въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, на счетъ гг. владѣльцевъ Усольскихъ и Липвенскихъ промысловъ; въ то же время отдѣлана и внутренность холодной церкви.

Очерки Кавказа.

(Окончаніе).

II.

Отъ Мцхета до Гори.

Я вспомнилъ, что гостепріимные артиллерійскіе офицеры приглашали меня на вечеръ, и я отправился къ нимъ. На вечерѣ много было говорено о сдѣланныхъ и еще желаемыхъ усовершенствованіяхъ по военному искусству вообще и по артиллерійскому въ особенности; молодежь гордилась открытіями и изобрѣтеніями ума человѣческаго. Война есть губительная для человѣчества необходимость: не ужасно ли подумать, сколько ума, труда, капиталовъ и крови тратится на искусство—убивать людей, какъ будто жизнь наша и безъ того не коротка, какъ будто мало жертвъ изъ среды насъ ежедневно похищаетъ смерть и безъ войны! Но можно ли надѣяться, что необходимость эта минуется, какъ миновалась необходимость среднихъ вѣковъ, временъ *кулачнаго права*, когда каждый замокъ, каждый домъ вынужденъ былъ держать свою вооруженную силу? можно ли надѣяться, что люди найдутъ возможнымъ составить международные законы, избрать изъ среди себя международныхъ судей—мудрыхъ, безпристрастныхъ и снабженныхъ достаточною властію и силою, чтобы не дать въ обиду и малѣйшаго государства самому сильному? Пока эта необходимость существуетъ — наше ремесло благородно: не смѣютъ считать насъ, какъ нѣкоторые заикаются называть, патентованными убійцами и грабителями; мы губимъ непріятелей и надежды ихъ семействъ, чтобъ не губили нашихъ родителей, сестеръ, братьевъ, женъ, дѣтей; мы даже исполняемъ заповѣдь Христову: больше сей любви никто не имѣетъ, да кто душу свою положитъ за други свои. Что касается до *многихъ и великихъ* изобрѣтеній, я далекъ отъ того, чтобы ими восхищаться и гордиться.

Я скорѣе стыжусь за косность человѣческаго ума въ этомъ направленіи: сколько тысячъ лѣтъ человѣчество не могло изобрѣсть письменъ? а отъ изобрѣтенія письменъ не болѣе-ли 2000 лѣтъ прошло до изобрѣтенія книгопечатанія? Я наконецъ думаю, что человѣкъ вовсе лишенъ изобрѣтательности: то, что разумѣютъ подъ этою способностью, есть по - просту способность отыскивать нужныя данныя, связь ихъ между собою и съ неизвѣстными вопроса, смекать — что говорятъ данныя и какъ показываютъ путь къ неизвѣстному; словомъ — вся задача жизни, какъ человѣка, такъ и народа, и всего человѣчества, приводится къ тому, чтобы составлять и рѣшать уравненія.

При всякомъ угощеніи у туземцевъ, нашъ хлѣбъ замѣняется чуреками, приготовленіемъ которыхъ особенно занимаются грузины. Чуреки—это лепешки *круглыя* или *продолговатыя*, печеныя изъ бѣлаго тѣста, прѣснаго (а для русскихъ заквашеннаго), величиною въ тарелку, толщиною къ одному краю въ палецъ, къ другому тоньше. Приготовленіе и продажа чуреков производится въ лавкахъ, называемыхъ у нихъ *пурни*. Лавки эти очень малы; въ землѣ устроена печь, изъ которой вынимаютъ чуреки длинными, деревянными крючьями. Убранства никакого, но вездѣ чистота. За исключеніемъ этого, всею почти торговлею владѣютъ армяне. Армянскій типъ извѣстенъ: цвѣтъ лица смуглый, брови сросшіяся, глаза большею частью черные, носъ большой и нерѣдко скривленъ на одну сторону. Караванъ - серай, деревянный, весь занятъ армянскими купцами. Мнѣ случилась надобность прикупить себѣ холста, я отобралъ себѣ порядочный и недорогой и велѣлъ завернуть; но его успѣли подмѣнить дурнымъ и гнилымъ. Напрасно вернулся я въ караванъ-серай, напрасно разглядывалъ лавки и купцовъ; злодѣя своего не могъ я узнать (такъ были продавцы похожи одинъ на другого). Я вспомнилъ, что при мнѣ одного мальчика называли Саркизомъ (Сергѣемъ) и сказалъ объ этомъ, но купцы забожились, что я не у нихъ покупалъ, и что въ ихъ лавкахъ и сосѣднихъ нѣтъ никакого Саркиза. Наказанный на пять рублей за недоглядку, я закаялся покупать что нибудь у армянъ, а гнилой холстъ подарилъ бѣдному грузинскому мальчику, попавшемуся мнѣ на дорогѣ.

Когда разсказалъ я объ этомъ хозяину квартиры, пожилому грузину, тотъ даже не улыбнулся и прехладнокровно отвѣтилъ:

— Я-бы удивился, если-бъ вамъ отпустили хорошій товаръ, а обманывать имъ не диковинка, — всѣ они саркизы! во всѣхъ одинъ духъ лжи!

Хозяинъ мой—довольно интересный субъектъ: прямая, открытая физіогномія и важная осанка располагали въ его пользу; къ тому-же онъ былъ разговорчивъ и *его безъ скуки слушать можно было.*

Новоприбывшему показалось бы немножко страннымъ, что все семейство его снабжено въ избыткѣ амулетами, будто-бы предохраняющими отъ разныхъ человѣческихъ бѣдствій. Не вздумайте разувѣрять его въ этомъ убѣжденіи, если не хотите гостепріимнаго и ласковаго человѣка обратить въ лютаго себѣ врага; но обратитесь къ нему какъ можно простодушнѣе—и онъ разскажетъ вамъ не одинъ замѣчательный случай спасенія жизни, за что считаетъ себя обязаннымъ единственно этимъ амулетамъ. Привожу здѣсь одинъ изъ его разсказовъ:

— Рядомъ съ моей саклей жило одно армянское семейство; къ нему заѣзжалъ гостить молодой духанщикъ, армянинъ; увидѣлъ онъ мою дочь Маріанну, влюбился въ нее и вздумалъ свататься. «Нѣтъ, говорю я, прежде прими нашу вѣру, да брось свой духанъ, да ступай воевать за нашу матушку - родину, — тогда

Маріанна твоя». Армянинъ мой скрылся; а черезъ годъ, въ одну ночь вырѣзали все это армянское семейство до послѣдней души. Не положи я амулета надъ воротами—мнѣ бы потерпѣть пришлось. Сакли наши были схожи; но амулетъ мой отвелъ злодѣевъ отъ моего дома и наткнулъ ихъ на то семейство, гдѣ они ѣли хлѣбъ-соль, и своя своихъ непознаша.

— А дочь ваша жива? спросилъ я.

— Жива, за-мужемъ за кутаисскимъ нацваломъ (десятникомъ); вотъ и сынъ ихъ гоститъ у меня. При этомъ онъ подозвалъ хорошенькаго, лѣтъ 12-ти, мальчика и съ улыбкой самодовольствія добавилъ: — что внукъ, что дочь — одно лицо.

— А что сдѣлалось съ духанщикомъ?

— Въ тотъ же годъ его зарѣзали и ограбили лезгины.

Суевѣріе господствуетъ на Кавказѣ, въ особенности по берегамъ Чернаго моря, нетолько въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи. Мнѣ хвалился одинъ князекъ, безпомѣстный, что у него есть амулетъ, который сохраняетъ его во всѣхъ битвахъ, и что даже лошадь его, подъ градомъ пуль, всегда оставалась нераненою. У одного очень молоденькаго грузина я замѣтилъ мѣшочекъ съ чѣмъ - то и спросилъ:

— Что это у васъ!

— Земля, говоритъ.

— Какая-же земля?

— У насъ въ домѣ была поганая болѣзнь (оспа). Отецъ и вздумалъ съѣздить на гору Мкинвари и набрать тамъ земли изъ семи пещеръ (жилищъ троглодитовъ); вотъ онъ навѣсилъ ее намъ — и съ тѣхъ поръ мы не знаемъ никакой болѣзни. Одинъ только старшій братъ не хотѣлъ носить мѣшочка — за то и окривѣлъ.

— Суевѣріе! воскликнетъ какой нибудь экзотическій или доморощенный философъ съ презрительной улыбкой,—мы его давно откинули назадъ, давно свободны отъ него. — Вы свободны, велемудрый философъ! это прекрасно; свобода—вещь хорошая; но позвольте прикинуть на вѣски вашу свободу. Что она вамъ доставляетъ? Вы свободны отъ вѣры — и вмѣстѣ съ тѣмъ, чего вы не чаете, вы свободны отъ мудрости. Не поняли вы, что вѣра—не оковы ума, а неизбѣжное дополненіе ума. Не замѣтили вы, въ вашемъ высокоуміи, что не *вѣра* унижаетъ человѣка, а *вѣра лжи*. И такъ вы свободны отъ *вѣры въ истину*; поздравляю васъ съ этою свободою, но не завидую ей; по мнѣ ужь лучше, выше, полезнѣе въ дѣйствительности грузинское суевѣріе, чѣмъ ваше безвѣріе. Какое утѣшеніе принесетъ мнѣ вся ваша философія въ часъ смерти? То-ли, что я обращусь въ ничто, и дѣла мои, добрыя или злыя, могущія оставить неизгладимые слѣды между живущими, останутся для меня безъ всякаго послѣдствія, никому не долженъ я дать въ нихъ отчета? Не ошибитесь: что если рука смерти отдернетъ предъ вами завѣсу вѣчности... и вы, къ удивленію вашему, совсѣмъ противъ желанія вашего останетесь существующимъ, не отдѣлимымъ отъ вашихъ заднихъ мыслей и дѣлъ? Что тогда?...

Но мы не смѣемся надъ невинными суевѣріями. Кому, напримѣръ, какое дѣло до того, что нѣкоторые носятъ ладонъ, добытый будто-бы изъ растеній того мѣста, гдѣ живутъ горные духи, Гины. Ладонъ этотъ предохраняетъ дома отъ пожаровъ, отгоняетъ злыхъ духовъ, отнимаетъ силу у дурныхъ глазъ и благопріятствуетъ размноженію домашней скотины.

— А много-ли у васъ скотины? спросилъ я одного изъ почитателей этого амулета.

— У насъ теперь нѣтъ; но скоро будетъ много, отвѣчалъ онъ съ такою увѣренностью, которую мудрено поколебать.

И пользуются же этою наклонностію народа къ суевѣрію: пройдохи разнаго сорта, подъ видомъ странниковъ-богомольцевъ, ходятъ повсюду съ грузами такихъ амулетовъ (талисмановъ). Иные хитрецы изъ нихъ, приближаясь къ городу или селенію, прячутъ свои деньги и что у нихъ по-лучше въ дупло дерева, или закапываютъ въ землю—и чтобы не обратить на себя общаго вниманія, приходятъ всегда въ сумерки и выходятъ ночью. Обыкновеніе это не всегда приводило къ хорошему концу.

Одинъ армянинъ подстерегъ такого странника, какъ онъ хоронилъ свое сокровище,—и, какъ только тотъ ушелъ, выкопалъ мѣшокъ туго набитый серебряною монетою и ассигнаціями. Не долго думая, армянинъ переложилъ въ свои карманы интересное содержаніе мѣшочка, а мѣшочекъ наполнилъ черепками и зарылъ на прежнемъ мѣстѣ. На ту бѣду случилось проходить тутъ отставному солдату, который и присталъ къ армянину:

— Давай дѣлиться находкой.

Напрасно клялся армянинъ, что деньги — его собственныя; напрасно предлагалъ солдату три рубля—нашла коса на камень.

Солдатикъ выхватилъ его кинжалъ, и, приступя къ горлу, грозно спрашивалъ:

— Сказывай, сколько у тебя было денегъ?

— 500 рублей, отвѣчалъ испуганный армянинъ, а между тѣмъ успѣлъ припрятать ассигнаціи.

— Ладно, сказалъ солдатъ, — давай считать деньги, и если счетъ будетъ вѣренъ, ты мнѣ дашь сколько-нибудь.

Бѣдному армянину не оставалось ничего другаго, какъ повиноваться. Стали считать деньги, насчитали 300 съ чѣмъ-то.

— Не твои деньги, закричалъ солдатъ, — тутъ нѣтъ пяти сотъ!

— Мои, мои! забожился армянинъ, — вотъ тутъ же были и эти ассигнаціи.

Солдатъ выхватилъ пачку ассигнацій, отгребъ себѣ половину серебра, задалъ тумака армянину и ушелъ себѣ съ деньгами и кинжаломъ на придачу. Это впрочемъ не помѣшало армянину и солдату сдѣлаться друзьями.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о Гори. Двѣ трети населенія въ немъ грузины, которые занимаются садоводствомъ; вино очень плохое, хотя виноградъ довольно вкусенъ; есть тамъ болѣе 200 семей армянскихъ; между ними всѣ мужчины-торгаши и въ чувственности не знаютъ границъ; жены ихъ хорошія хозяйки, но неряшливы и до крайности скупы. Небольшую часть населенія составляютъ должностныя лица и русскіе поселенцы, которые занимаются огородничествомъ, разводятъ табакъ (махорку, которая однако не достигаетъ тамъ такой крѣпости, какъ русская) и сѣютъ кукурузу. Въ числѣ жителей есть и евреи (ремесленники); они имѣютъ школу, которая служитъ вмѣстѣ и молебнымъ домомъ. Не далеко отъ Гори — Кварелы — имѣніе кн. Циціанова; у него хранится рукопись «*Исторія Грузіи*», писанная Антоніемъ I, патріархомъ Гру-

зіи, кончившимъ жизнь въ изгнаніи за правовѣріе, преслѣдуемое армянами.

Климатъ суровый; частые холодные вѣтры отъ снѣговыхъ горъ съ запада очищаютъ долину отъ міазмовъ, относя ихъ къ Мцхету, оттого лихорадки здѣсь рѣдки; но рѣзкіе переходы отъ жара къ холоду и лѣтомъ подвергаютъ многихъ жестокой простудѣ.

П. Я. Бугайскій

Румынскіе авантюристы.

Земли по лѣвому берегу нижняго Дуная представляютъ для сѣвернаго европейца, посѣтившаго ихъ въ первый разъ, столько новаго и своеобразнаго, столько контрастовъ и загадокъ, что ему не легко найти ключъ къ нимъ. Уже наружная физіогномія столицы и самой страны богата противоположностями: рядомъ съ дворцомъ князя торчатъ среди города грязные обломки развалившейся монастырской стѣны и кучи мусора; въ сѣняхъ національнаго театра, по ступенькамъ ежатся зловѣщія фигуры оборванныхъ, полунагихъ цыганъ; рядомъ съ избушками построенными на сваяхъ и землянками—возвышаются на пустынной дорогѣ телеграфные столбы и протягиваютъ надъ соломенными крышами свои прямыя проволоки—первый побѣдный знакъ, поставленный здѣсь приближающейся культурой.

Еще сильнѣе выступаютъ наружу контрасты въ самомъ населеніи. У бояръ всѣ добродѣтели, которыя могли сохраниться въ нихъ по наслѣдству отъ ихъ родоначальниковъ и предковъ, древнихъ римлянъ и дакійцевъ, перемѣшались въ теченіе долгой зависимости отъ турецкаго владычества съ такимъ же множествомъ пороковъ. Великодушіе, готовность къ жертвамъ, любовь къ отечеству—и рядомъ съ этимъ лѣнь, страсть къ наслажденіямъ, хвастливое высокомѣріе,—вотъ главныя черты характера боярина. А крестьяне—тѣ еще не успѣли въ короткое время, прошедшее съ отмѣны крѣпостнаго состоянія, проснуться отъ своего отупѣнія и оглупѣнія и узнать цѣну самостоятельнаго существованія.

Жестокость и испорченность фанаріотовъ *) служила съ одной стороны страшнымъ примѣромъ для мелкихъ тирановъ въ странѣ, съ другой—придавала видъ законности и права сопротивленію. О томъ, какія понятія народъ имѣетъ о правѣ, можно заключить по кодексу, который былъ собранъ, напечатанъ и обнародованъ въ 1646 г. по приказанію тогдашняго молдавскаго воеводы Василія, прозваннаго Волкомъ. Все содержаніе этого кодекса представляетъ смѣсь кровавой жестокости съ предусмотрительною, осторожною кротостью; при нѣкоторыхъ условіяхъ, онъ даетъ до извѣстныхъ предѣловъ свободу самому преступленію. Напр. тамъ сказано между прочимъ (статья 8): «Если крѣпостной боярина или какого нибудь другого землевладѣльца, его жена или его ребенокъ, одинъ, два и до трехъ разъ украдутъ курицу, гуся или иную подобную мелочь, то они должны быть прощены.

Статья 9. «Тотъ, кто крадетъ только изъ за нужды, ради одежды или пропитанія, долженъ быть прощенъ.»

Статья 39. «Тотъ, кто увлеченный любовью обниметъ и поцѣлуетъ на улицѣ молодую дѣвушку, долженъ быть прощенъ.

Напротивъ, статья 17. «Кто измѣняетъ отечеству, тотъ долженъ быть наказанъ строже чѣмъ отцеубійца».

Мы считали нужнымъ сдѣлать сперва эти замѣчанія, чтобы показать, какъ эта страна могла до самыхъ новѣйшихъ временъ служить ареной для смѣлыхъ авантюристовъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ старались сами себѣ добыть права, закономъ не даваемыя имъ въ достаточной мѣрѣ,—и которые, стоя во главѣ отряда сообщниковъ, часто долгіе годы противились всякому орудію правительства. Если мы даже назовемъ ихъ разбойниками, то во всякомъ случаѣ они были не разбойники въ обыкновенномъ смыслѣ, а что-то въ родѣ Карла Моора и ему подобныхъ. Да будетъ позволено намъ разсмотрѣть нѣсколько ближе въ слѣдующихъ строкахъ жизнь одного изъ такихъ румынскихъ удальцовъ, дѣянія которыхъ принадлежатъ новѣйшимъ временамъ.

Черный Янко.

Изъ дико-романтической Праговской долины, гдѣ горная дорога подымается по Карпатамъ изъ Валахіи въ Семиградье, недалеко отъ гостинницы Тентавасилли, темное и узкое боковое ущелье между высокими горами внезапно выводитъ въ обширную котловину, запертую со всѣхъ сторонъ крутыми скалистыми стѣнами. Темная сочная зелень, покрывающая почву, наводитъ на заключеніе, что въ извѣстныя времена года она бываетъ затоплена разливомъ горныхъ водъ. Мутная лужа съ желтой тиной въ самомъ большомъ углубленіи—подтверждаетъ такое предположеніе.

Посреди этой котловины возвышается исполинская скала. Крутые склоны ея, кажется, до сихъ поръ остались недоступными для ноги человѣческой; всякая органическая жизнь какъ будто застыла на его суровой груди, только дрокъ да папоротникъ подымаются на своихъ качающихся стебляхъ изъ болотистой почвы у подножія скалы, да тощій мохъ ползетъ вверхъ по трещинамъ и щелямъ вывѣтрившихся камней. Орелъ и коршунъ медленно описываютъ свои круги вокругъ голой, подымающейся подъ облака, главы утеса.

Народъ зоветъ этого гиганта Pétra drakulu, т. е. Чортова скала, и связываетъ съ нимъ сказаніе объ одномъ зловѣщемъ черномъ парнѣ, который жилъ внутри утеса и находился въ союзѣ съ чортомъ. По словамъ саги, Черный Янко обязался въ теченіе 30-ти-лѣтняго срока помогать чорту разными услугами и сѣять всякое зло между людьми. За то Вельзевулъ отнесъ его на своихъ черныхъ крыльяхъ въ великолѣпное жилище на вершинѣ скалы; драгоцѣнные ковры украшали его входъ и стѣны, золотыя и серебряныя блюда блистали на столѣ, который всегда былъ такъ богато установленъ кушаньями и напитками, что тысячи бѣдняковъ моглибы надолго утолить ими свой голодъ. Со временемъ, кажется, Янко стало нравиться тамъ больше, чѣмъ между людьми. Проживши такъ 30 лѣтъ, въ теченіе которыхъ часто путешествовалъ онъ по воздуху на

*) Намѣстники греческаго происхожденія, которые до конца прошлаго столѣтія назначались и смѣнялись въ княжествахъ по произволу султана.

черныхъ крыльяхъ Вельзевула—то вверхъ на свой скалистый тронъ, то опять внизъ оттуда,—онъ рѣшилъ остаться тамъ навсегда, и нарушилъ договоръ съ чортомъ. Тогда тотъ заманилъ его на самую верхушку скалы и столкнулъ съ кручи, такъ что онъ упалъ и переломалъ себѣ кости.

Какъ видно отсюда, сага постаралась соткать волшебный плащъ и окутала имъ личность Чернаго Янко. Приподымемъ его немножко и посмотримъ безъ страха прямо въ загорѣлое лицо этому сыну пустыни.

Въ управленіе одного изъ послѣднихъ фанаріотовъ, Николай Сковицъ поднялъ оружіе для избавленія своихъ земляковъ отъ турецкаго сатрапа. Онъ былъ схваченъ и обезглавленъ на рыночной площади въ Крайовѣ, а тѣло его было брошено собакамъ. Янъ Сковицъ, прозванный въ народѣ Чернымъ Янко (Iancô Negri), пошелъ по слѣдамъ отца и рѣшился отмстить за него. Онъ бѣжалъ въ горы Сербіи и сталъ созывать храбрыхъ горцевъ на помощь и на борьбу съ турками. Но маленькая партія его была разбита, разсѣяна; самому ему пришлось опять бѣжать въ Карпаты, къ своимъ землякамъ.

Черный Янко былъ почти нечеловѣческаго роста и силы, черты у него были строгія и смѣлыя; длинные волосы дико свѣшивались на лобъ, до половины груди доходила его черная борода. Немудрено, что тѣ, кому случалось неожиданно встрѣтить его въ лѣсу, съ ужасомъ отворачивались и крестились, когда онъ, въ мохнатой медвѣжьей шкурѣ, наброшенной на плечи вмѣсто плаща, съ кинжаломъ, ножомъ и пистолетами за поясомъ, съ ружьемъ въ рукахъ, спускался въ темныя ущелья, за дичью для стола своихъ хозяевъ.

Два года прожилъ онъ между горцами. Хотя голова его была дорого оцѣнена, никто не рѣшался выдать его. Но его пламенный духъ не могъ удовлетвориться такой праздной жизнью. Въ своихъ мечтахъ онъ какъ герой шелъ во главѣ ополченія, мстилъ за своего отца и освобождалъ свою родину, — а въ дѣйствительности онъ былъ преслѣдуемый изгнанникъ, которому приходилось искать убѣжища сегодня въ одной, завтра въ другой хижинѣ. Воздухъ, которымъ онъ дышалъ въ этихъ горахъ, не былъ для него воздухомъ свободы.

Разъ вечеромъ, поднявшись въ долину, чтобы расположиться на ночлегъ въ лачугѣ близь дороги, онъ нашелъ въ ней трехъ нежданныхъ гостей. Двое, закутанные въ плащи, пріютились по угламъ въ слабоосвѣщенной комнатѣ; третій, съ золотымъ шитьемъ на воротникѣ, сидѣлъ согнувшись на скамейкѣ, спиной къ двери; онъ держалъ на колѣняхъ большой раскрытый фоліантъ и, казалось, писалъ въ немъ.

Горецъ и его жена кивнули вошедшему, чтобы онъ шелъ назадъ, но онъ уже заперъ за собою дверь. Господинъ съ шитымъ воротникомъ внезапно обернулся.

—Стой! вскричалъ онъ,—я узнаю тебя, ты Янко!

— Dara nu, domnule, eu insu mi! Да, господинъ, это я, Янъ Сковицъ, сынъ Николая Сковица, что поднялъ щитъ противъ Николы Маврокордато!

— Бандитъ! Гдѣ твои сообщники?

— Arréta-mi, domnule! Арестуйте меня, господинъ, если можете, но не спрашивайте много.

— Будешь ли ты отвѣчать, разбойникъ? закричалъ полковникъ *), выхватывая пистолетъ изъ-за пояса и направляя на него. Въ ту же минуту оба его драбанта кинулись на Янко, чтобы связать ему веревками руки и ноги. Тотъ подпустилъ ихъ совсѣмъ близко, потомъ обѣими протянутыми руками оттолкнулъ ихъ отъ себя, такъ что одинъ, зашатавшись, ударился въ стѣну направо, другой налѣво, — выбилъ однимъ сильнымъ толчкомъ ноги дверь и вышелъ на улицу. Выстрѣлъ загремѣлъ ему вслѣдъ и покатился отъ скалы къ скалѣ въ черной пустынѣ.

Цѣлые дни, цѣлыя недѣли обыскивали послѣ того всѣ ущелья въ горахъ; потомъ—пришлось отказаться отъ возможности найдти Янко.

Мы уже знаемъ, гдѣ скрывался Янко. Съ помощію длиннаго каната, который онъ закинулъ за выступъ скалы, онъ поднялся въ разсѣлину на вершину Чортова утеса. Впослѣдствіи онъ усовершенствовалъ этотъ снарядъ. Онъ укрѣпилъ нѣчто въ родѣ рукоятки въ трещинѣ скалы, закинулъ за нее одинъ конецъ каната и привязалъ къ другому деревянное сидѣнье, похожее на тѣ доски, на какихъ наши каменьщики и маляры подымаются къ самой верхушкѣ кровли или подъ крыши церквей. Шкуры убитыхъ имъ медвѣдей, волковъ и лисицъ служили ему постелью и убранствомъ для его каменной пещеры.

Онъ нашелъ себѣ подругу, раздѣлившую съ нимъ его олимпійскій тронъ; это была смуглая дѣвушка — цыганка, которую онъ страстно любилъ. Въ свѣтлыя зимнія ночи, когда покрытыя снѣгомъ, скалистыя стѣны вокругъ него сверкали въ серебристомъ лунномъ свѣтѣ, Янко вѣшалъ ружье черезъ плечо и спускался на своихъ воздушныхъ носилкахъ внизъ, чтобы обойти лѣса. Добытую дичь—если она не была нужна для ихъ собственнаго стола — Маріола носила на рынокъ или продавала боярамъ, а вырученныя деньги онъ тайно доставлялъ бѣднымъ и нуждающимся. Всюду, гдѣ градъ истребитъ посѣвы, гдѣ на скотъ нападетъ болѣзнь или пожаръ испепелитъ лачуги—онъ спѣшилъ подать помощь. Суевѣрная толпа приписывала ему только несчастія и не подозрѣвала, что отъ него исходило утѣшеніе въ бѣдѣ. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же лицѣ благословляли неизвѣстнаго благодѣтеля и проклинали чернаго злодѣя, чортова союзника. Янко, конечно, остерегался отказаться отъ своего демоническаго инкогнито — оно-то и избавляло его отъ преслѣдованій врага.

Около тридцати лѣтъ прожилъ Янко на своей вершинѣ. Надъ головой его проносились бури и непогоды, морозы и солнечный зной; волосы его посѣдѣли, силы надломились. Гоняться за нимъ уже перестали. Очень немногимъ доводилось когда нибудь увидать его, остальные начинали считать его за миѳическое явленіе. Но вотъ, въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, неурожай и суровая зима вызвали дороговизну и голодъ въ окрестностяхъ Плоешти. Имя Чернаго Янко вдругъ опять вспомнилось, народъ связалъ его съ этими несчастіями —и толпа требовала, чтобы его отыскали и сожгли.

Дѣйствительно, въ это время у Янко, помогавшаго по своему несчастнымъ, опять было много дѣла въ лѣсу. Однажды утромъ онъ вернулся въ гротъ усталый и съ небольшой раной на ногѣ: накололъ ее на охотѣ въ колючемъ кустарникѣ. Онъ указалъ Маріолѣ мѣста, гдѣ лежала убитая дичь, и велѣлъ тотчасъ отнести ее на продажу, купить на полученныя деньги мамалыги (маисовый хлѣбъ) и раздать голодающимъ.

— Позволь мнѣ остаться съ тобою, тата! Я не люблю ходить въ маленькіе дома къ людямъ, что живутъ

*) Полицейскій чиновникъ.

внизу подъ облаками! просилъ смуглый десятилѣтній мальчуганъ, одѣтый въ волчій мѣхъ, опираясь обѣими руками на узловатый костыль дубоваго дерева, который былъ выше его на половину человѣческой длины.

— Нѣтъ, сынъ, этого нельзя. Кто же стащитъ дичь внизъ, кто станетъ въ городѣ беречь твою маму, если не ты?

— И то правда, тата! Я объ этомъ и не подумалъ, сообразилъ мальчикъ.

— Счастливой дороги! крикнулъ отецъ, нѣжно простился съ женой и ребенкомъ, и спустилъ ихъ обоихъ по извѣстному уже способу. Потомъ онъ опять поднялъ носилки, и долго смотрѣлъ вслѣдъ семьѣ съ площадки скалы, пока они постепенно исчезали въ облакахъ.

Маріола знала, кому ей лучше всего продать дичь. Скоро ея маленькія сани были нагружены жизненными припасами, и съ веселымъ сердцемъ—она уже думала о томъ, какъ Янко похвалитъ ее, когда она вернется—пришла она въ предмѣстье Плоешти. Тутъ ея санки окружилъ со всѣхъ сторонъ голодный народъ, всѣ кричали и дрались за припасы, и когда запасъ ихъ наконецъ истощился, толпа стала напирать на Маріолу. «Хлѣба давай, хлѣба!» кричали тысячу голосовъ. Цыганка стояла на своихъ саняхъ, высоко надъ бушующей толпой; ея черные волосы дико развѣвались вокругъ нея, ея темные великолѣпные глаза гордо блистали, точно спрашивая, чего еще хотятъ отъ нея эти люди, которымъ она принесла пищу. Вдругъ какая-то толстая женщина протѣснилась къ ней, пристально поглядѣла ей въ глаза и пронзительно закричала: «не ѣшьте, хлѣбъ отравленъ! Это вѣдьма чернаго Янко!» Эти несчастныя слова вызвали истинную бурю. Сжатые кулаки поднялись вокругъ противъ Маріолы, надъ головой ея полетѣли каменья, нѣкоторые взбирались на сани, чтобы сорвать ее съ нихъ.

Но возлѣ нея былъ стойкій маленькій мальчуганъ въ волчьей шубѣ, и когда онъ увидалъ, что жизнь матери въ опасности, онъ съ такимъ отчаяніемъ принялся вертѣть надъ головой свой длинный дубовый костыль, описывая имъ широкіе круги, что народъ робко отшатнулся: онъ рѣшилъ, что это самъ Вельзевулъ прилетѣлъ къ ней на помощь. Волненіе уже почти утихло, когда явился исправникъ (мѣстный судья) съ своими жандармами и потребовалъ, чтобы Маріола шла за нимъ. Маленькій Янъ ни на минуту не отходилъ отъ матери. Три дня пришлось бѣдной Маріолѣ протомиться въ тюрьмѣ. Наконецъ исправникъ сталъ дѣлать ей бѣглый допросъ.

— Они называютъ тебя вѣдьмой чернаго Янко. Въ какихъ отношеніяхъ ты находишься съ нимъ?

— Господинъ, Янко любилъ меня, когда я была молода, и любитъ меня и теперь.

— Такъ онъ еще живъ? Говори, гдѣ онъ прячется?

— Господинъ, онъ живетъ подъ облаками, куда не подняться ногѣ человѣческой.

— Ты хочешь сказать въ аду, куда и ты отправишься вслѣдъ за нимъ? А ты гдѣ живешь?

— Недалеко отъ него, господинъ, тамъ въ горахъ.

— Что побудило тебя придти сюда, въ городъ?

— Господинъ, я пришла роздать мамалыгу бѣднымъ.

Потому-ли, что исправникъ не нашелъ въ ней ничего достойнаго наказанія, или онъ боялся сдѣлать что нибудь вѣдьмѣ Чернаго Янко,—только онъ велѣлъ своимъ драбантамъ ночью въ туманъ вывести ее изъ города и далъ ей наставленіе—никогда больше въ немъ не показываться.

Истомленная, полная мрачныхъ предчувствій, тащилась Маріола по снѣжной горной дорогѣ. Ея мальчикъ долженъ былъ выпрашивать хлѣба для себя и для нея въ хижинахъ, которыя тамъ и сямъ попадались по дорогѣ, до половины зарытыя въ снѣгу, и въ очень немногихъ находилось для нихъ что нибудь лишнее. Она почти не могла держаться на ногахъ, когда наконецъ добралась до подножія чортовой скалы. «Янко!» закричала она наверхъ, чтобы онъ пришелъ, опустилъ носилки и поднялъ ее, — отвѣта не было, только стѣны утесовъ сотни разъ повторили ея крикъ.

— Янко! закричала она еще разъ въ ужасной тревогѣ — и опять все тихо наверху, только орлы кружатся надъ обнаженнымъ челомъ скалы. Носилки были подняты на площадку, какъ при ея уходѣ, а канатъ висѣлъ, какъ и тогда, въ разщелинѣ скалы.

Маленькій Янъ вопросительно поглядѣлъ на мать своими темными глазами; потомъ, точно угадавъ ея нѣмое желаніе, бросился впередъ на нѣсколько шаговъ, схватился обѣими руками за канатъ и, упираясь ногами въ выдающіеся камни утеса, шагъ за шагомъ вскарабкался на страшную высоту, куда мать не рѣшалась слѣдить глазами. Еще прыжокъ—и онъ поставилъ ногу на площадку. Вдругъ онъ остановился и громко воскликнулъ. Передъ входомъ въ пещеру онъ увидалъ распростертый трупъ своего отца. Одинокій и покинутый на своемъ скалистомъ тронѣ, Черный Янко умеръ мучительной смертью Прометея.

Маріола не пережила своего горя; немного дней спустя, она умерла на томъ же мѣстѣ.

А Янъ, сынъ Яна Сковина, не захотѣлъ сойти съ трона и могилы своего отца въ маленькіе дома людей, что живутъ внизу подъ облаками. Онъ устроилъ изъ отцовскаго грота уютное жилище, выложилъ стѣны мохомъ и корою, раздѣлилъ его на нѣсколько комнатъ и приготовляетъ охотникамъ, которые послѣ утомительной волчьей и медвѣжьей травли просятъ у него пристанища, гостепріимный ужинъ и отличный ночлегъ.

Но самымъ страннымъ въ человѣкѣ, жизнь котораго мы сейчасъ видѣли, было можетъ быть то, что несмотря на свою дикую натуру, несмотря на дикія, грубыя впечатлѣнія которыми онъ жилъ въ своихъ горахъ, онъ никогда не переставалъ чувствовать глубоко-человѣчески. Черный Янко былъ поэтъ. На плоской плитѣ у входа въ пещеру были найдены стихи, вырѣзанные остріемъ кинжала, которые мы передаемъ въ вольномъ переводѣ, согласно преданію: «Маріолѣ. Когда тебѣ было шестнадцать лѣтъ, и я увидалъ тебя, твои алыя губы, твои черные волосы, твои очи, сверкающіе какъ блескъ алмазовъ,—я громко воскликнулъ: «будь моею, будь моею!»

«Теперь я изломанъ горемъ и временемъ, я изгнанъ и проклятъ и обреченъ смерти, моя нога ослабѣла и посѣдѣли мои волосы, но я еще могу воскликнуть: «я люблю тебя!»

Свѣжесть и глубина чувства — и отраднаго и вмѣстѣ грустнаго — неподражаемая простота и изящество образовъ, сжатость и сила выраженія — таковы, что отъ этихъ стиховъ не отказался бы ни одинъ изъ цивилизованныхъ поэтовъ нашего времени.

Подземная желѣзная дорога въ Англіи.

Велики и неисчерпаемы силы человѣческаго ума, и безчисленны произведенія его: изобрѣтенія, открытія, изслѣдованія и т. д. Мы гордимся въ настоящее время подземными желѣзными дорогами, подземными и подводными телеграфами, и цѣлые года трудимся надъ разрѣшеніемъ задачи: построить подъ водою и желѣзныя дороги. Идеи и проэкты, надъ которыми бы наши предки посмѣялись, блестяще оправдались на дѣлѣ и даже превзошли всякія ожиданія. Кто знаетъ, можетъ-быть лѣтъ черезъ двадцать пять у насъ будутъ паровыя машины, которыя позволятъ намъ переносится по воздуху со скоростію едва вообразимою.

Не будемъ относится къ этому, такъ какъ наши предки! Будемъ скорѣе вѣрить въ возможность чего либо подобнаго! Знаменія настоящаго являются слишкомъ въ очію—для того чтобы не возбудить довѣрія и въ послѣднемъ невѣрующемъ. Такъ напр. нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ кристальномъ дворцѣ въ Сиденгамѣ было выставлено тридцать штукъ моделей различныхъ летательныхъ снарядовъ. Между ними конечно было много такихъ, которыя не стоили серіознаго вниманія; однако было нѣсколько и такихъ, исполненіе которыхъ уже входило въ область чудеснаго, и было выше всякаго ожиданія. Что̀ бы сказали поэты, пророки, мечтатели, если бы они могли встать изъ своихъ могилъ и посмотрѣть на современныя изобрѣтенія человѣческаго ума?

Все что̀ ими допускалось какъ невозможное, чудесное, все э̀то должно осуществиться и принять осязательныя формы. Вопросъ заключается собственно въ томъ, какъ скоро это осуществится? Мы будемъ можетъ быть слишкомъ смѣлы, предполагая что это должно быть не позже какъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ.

Тогда надѣемся, мы будемъ въ состояніи сдѣлать дѣйствительно *летучій* визитъ напр. изъ Петербурга въ Одессу или Берлинъ; пока же будемъ довольствоваться имѣющимися желѣзными дорогами.

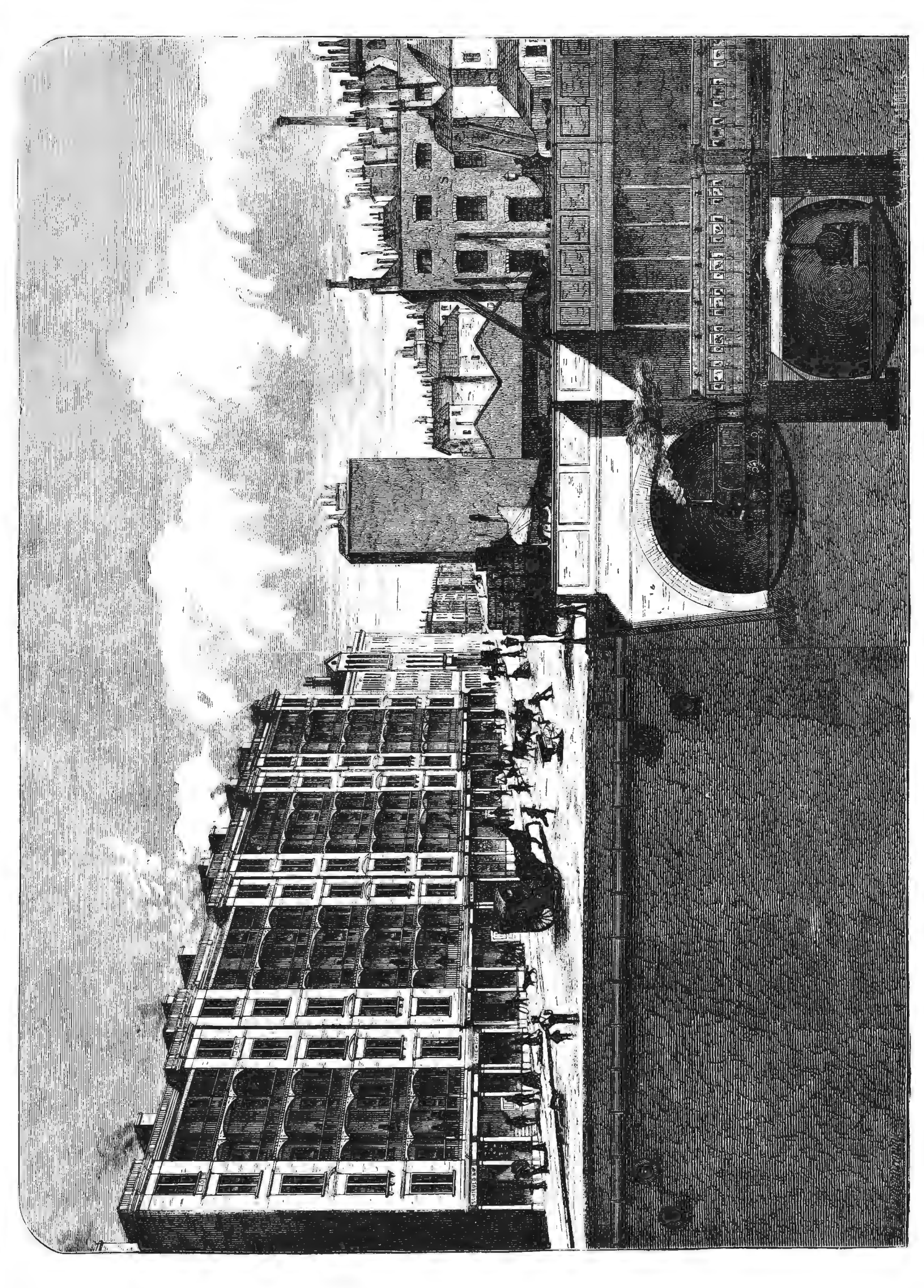
Такъ-называемая подземная желѣзная дорога въ Лондонѣ представляетъ безспорно одно изъ величайшихъ предпріятій, въ счастливомъ исходѣ котораго больше всего сомнѣвались и которое однако превзошло ожиданіе всѣхъ. Характеристическое названіе «подземная желѣзная дорога» уже съ самаго начала было измѣнено въ «Metroplitan Railway». До сихъ поръ еще однако предпріятіе это не заслуживаетъ такого сладкозвучащаго имени. На многихъ изъ станцій поѣзды отправляются каждыя пять минутъ, тогда какъ на другихъ не болѣе двухъ разъ въ часъ. Для такого города какъ Лондонъ—до сихъ поръ существующихъ линій желѣзныхъ дорогъ не достаточно. Въ нѣкоторыхъ, въ особенности въ центрѣ города лежащихъ мѣстностяхъ (каковы: округъ St. James и Вестминстеръ) населеніе необыкновенно велико. Въ Вестминстерѣ живутъ напр. до 7000 ч. и помѣщаются какъ селедки въ бочонкѣ. И это будетъ до тѣхъ поръ существовать, пока не будетъ массы новыхъ дорогъ, которыя могли бы это ядро населенія разносить по всѣмъ направленіямъ. Омнибусы совершенно недостаточны: вопервыхъ потому, что ихъ очень мало, во вторыхъ потому, что они не велики и ѣдутъ очень тихо—недостатки въ такомъ городѣ, каковъ Лондонъ, очень чувствительные. Будь вмѣсто этихъ допотопныхъ омнибусовъ на всѣхъ главныхъ пунктахъ (Банкъ, Темпль-Баръ, Ковентгарденъ, Шарангъ Гроесъ, Оксфордскій Циркъ и т. д.) побочныя вѣтви, направленныя во всѣ стороны, то тысячи существъ, которыя напиханы теперь по всѣмъ темнымъ и сырымъ угламъ узкихъ домовъ, могли бы жить гдѣ нибудь поблизости отъ города, не нарушая этимъ своихъ обыденныхъ занятій и пользуясь лучшими условіями для здоровья. Величайшіе капиталисты безплодно зарыли свои деньги въ землю, строя никому ненужныя дороги, которыя какъ бы въ наказаніе и доходу приносятъ мало, между тѣмъ какъ подъ рукою находившійся случай — постройка городской желѣзной дороги — остался ими совершенно незамѣченнымъ. Теперь только какъ будто схватились за это и начали ее пролагать. Впрочемъ существующая подземная дорога тянется почти что по прямому направленію и идетъ изъ узкой части Сити (Мургетстритъ) въ самое фешенебельное предмѣстье города: Кенсингтонъ. Нужно было двадцать такихъ линій и онѣ всѣ скоро бы окупились и давали хорошую ренту, потому что въ настоящее время существующая линія ведетъ дѣла лучше, чѣмъ многія изъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ Англіи взятыя вмѣстѣ.

На нашемъ рисункѣ представленъ самый важнѣйшій пунктъ подземной дороги, именно Клеркенвеллеровскій двойной туннель, гдѣ линіи перекрещиваются между собою. Мѣсто это находится между станціями Кингсъ-Гроссъ и Фаррингдонстритъ въ Сити. Издержки на постройку этой дороги простираются до 200,000 ф. ст., не считая тѣхъ суммъ, которыя пошли на покупку необходимыхъ принадлежностей, матеріала и т. д. На нашемъ рисункѣ, кромѣ подземнаго міра, видна и часть города, лежащаго надъ нимъ.

Намъ тотчасъ же бросаются въ глаза два огромныхъ зданія. Въ первомъ большомъ домѣ налѣво находится «Working Men's Club» (клубъ рабочихъ). Такихъ клубовъ въ Лондонѣ довольно много. Здѣсь рабочій (который ищетъ хорошаго и здороваго наслажденія, вмѣсто того чтобы пропивать по грязнымъ кабакамъ свои трудовые гроши) найдетъ различныя учрежденія, которыя дадутъ ему возможность насладиться и нравственно и физически. Тутъ находятся ресторанъ, комната для куренія, библіотека, билліардный залъ, множество комнатъ для пѣнія, танцевъ, разговоровъ и т. д.

Далѣе лежащее строеніе — это домъ для бѣдныхъ «Workhouse», очень мрачное, построенное изъ темнокоричневаго кирпича зданіе, съ весьма обширнымъ фасадомъ. Оно выстроено въ три этажа, и въ третьемъ насчитывается до 16 оконъ. Внутренность его очень проста и заключаетъ въ себѣ то же устройство, какое можно найти и въ другихъ учрежденіяхъ для бѣдныхъ. Въ 1798 году около этого зданія была устроена особаго рода съѣстная, изъ которой бѣдные мѣстнаго прихода могли получать за одинъ пенни довольно питательную пищу—въ такомъ количествѣ, что сю можно было прокормить цѣлую семью. Однако оставимъ этотъ движущійся міръ и перенесемся опять къ подземной желѣзной дорогѣ.

На нашемъ рисункѣ представлена именно та часть дороги, которая имѣетъ особенную важность. Весь туннель длиною въ одну англійскую милю — и не только представляетъ начальственную артерію всего подземнаго сообщенія, но въ то-же время служитъ и

Мѣсто скрещенія двухъ подземныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Лондонѣ.

соединительнымъ пунктомъ между другими желѣзными дорогами, которыя изъ Лондона расходятся по всѣмъ направленіямъ. Если принять во вниманіе, что на существующей односторонней и неполной линіи ежедневно перевозятся до 100,000 человѣкъ (что въ общемъ составляетъ 23,000,000 человѣкъ), то можно будетъ составить себѣ приблизительное понятіе, какъ велико должно быть число всѣхъ проэктированныхъ дорогъ, которыя должны будутъ обнять весь городъ и вѣроятно будутъ готовы года черезъ два.

Къ главнымъ работамъ общества за прошедшій годъ принадлежитъ увеличеніе или, вѣрнѣе сказать, удвоеніе вышеупомянутаго отдѣла желѣзной дороги, которое заключалось въ постройкѣ втораго туннеля. Трудности при этомъ были громадны. Нужно было нетолько отвести шлюзы и каналы (sewers and watermains), а равно снять или устранить тысячи газовыхъ трубъ, но также уничтожить и нѣкоторыя части старой линіи, не нарушая при этомъ однако прежняго сообщенія. Трудная задача была рѣшена самымъ блестящимъ образомъ, потому что поѣзды, въ числѣ 350, отправлялись по этой дорогѣ каждыя пятьдесять минутъ. Новый тунель, какъ видно на нашемъ рисункѣ, идетъ паралельно старому, однакоже лежитъ футовъ на 15 ниже этого послѣдняго. Оба начинаются у одного и того же мѣста, а именно въ Ре-Стритѣ въ Кингсъ-Гроссѣ. На рисункѣ видно именно то мѣсто, гдѣ линіи дорогъ перекрещиваются; одна идетъ въ западную сторону, другая въ восточную отъ Фаррингдонъ-Роадской станціи къ Мургетъ-Стриту, нынѣшней главной станціи въ Сити. Уступы обоихъ туннелей въ вышину теряются незамѣтно. Въ Ре-Стритѣ надъ самою дорогой построенъ мостъ, который въ тоже время составляетъ часть улицы. Постройка подобныхъ мостовъ, безъ нарушенія на это время сообщенія между станціями, составляетъ работу въ высшей степени медленную и тяжелую. Для этого, въ вышеупомянутомъ случаѣ, удвоили стѣны стараго туннеля на двадцать футовъ въ глубину — и такимъ образомъ устранили всякую возможность обрушенія или провала.

Честь этихъ сооруженій принадлежитъ инженерамъ Фаулеру, Джонсону и Борнету а также и м-ру Армстронгу, подъ руководствомъ котораго производились работы.

Но пусть читатель не думаетъ, что вся подземная желѣзная дорога есть нескончаемый туннель, потому что собственно подземная часть не длиннѣе двухъ англійскихъ миль—между тѣмъ какъ длина всей дороги простирается до пяти съ половиною миль, и мѣстами болѣе или менѣе открыта. Много и долго утверждали, что воздухъ въ подземной дорогѣ очень опасенъ нетолько для здоровья а даже и для жизни проѣзжающихъ, но позднѣйшія научныя изслѣдованія и анализъ подземной атмосферы показали всю несостоятельность этихъ предположеній.

Прошедшимъ лѣтомъ случилось, что двое изъ пассажировъ, которые только-что передъ этимъ сдѣлали подземное путешествіе, захворали и скоропостижно умерли. При одномъ изъ этихъ смертныхъ случаевъ, дѣло котораго было внесено въ судъ, вердиктъ присяжныхъ рѣшилъ, что хотя смерть и послѣдовала отъ естественныхъ причинъ, однакоже убивающая атмосфера подземной дороги ускорила и повліяла на смертельный исходъ даннаго субъекта (мимоходомъ сказать: ни одинъ изъ туннелей не длиннѣе четверти-часовой ѣзды). По требованію коронера (въ родѣ нашего судебнаго слѣдователя), послѣ обѣда и ночью тотчасъ же послѣ отхода поѣздовъ были взяты на пробу части заключающагося въ туннеляхъ воздуха и анализированы проф. Роджеромъ. Анализъ показалъ, что воздухъ содержалъ въ себѣ огромное количество кислорода, при очень незначительномъ содержаніи углекислоты а также и сѣрно-кислаго газа, такъ что онъ ни подъ какимъ видомъ не могъ быть вреденъ. Наоборотъ, изъ вѣдомости о больныхъ содержащей дорогу компаніи, оказывается, что между служащими на этой дорогѣ число больныхъ и вообще слабыхъ—сравнительно гораздо меньше, чѣмъ между служащими на другихъ желѣзныхъ дорогахъ. Во всякомъ случаѣ, причину этого надо искать въ томъ, что служащіе на этой дорогѣ несравненно менѣе терпятъ отъ холода и дождей, а также существующихъ на другихъ дорогахъ страшныхъ токовъ воздуха, которымъ подвержены служащіе тамъ. Въ особенности въ холодное и сырое время года пассажиры и служащіе на этой дорогѣ имѣютъ особенныя преимущества. Они лучше защищены чѣмъ какіе нибудь другіе, да къ тому же и кареты (вслѣдствіе постоянно-горящаго газа) всегда теплы. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ побывать хоть одинъ день на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ для того чтобы убѣдиться—какой тамъ существуетъ сильный токъ воздуха, частая причина преждевременной смерти многихъ спѣшащихъ и разгоряченныхъ путешественниковъ.

Дирекція подземной желѣзной дороги не жалѣетъ средствъ для того, чтобы насколько возможно улучшить воздухъ въ туннеляхъ. Локомотивы этой дороги устроены на этотъ конецъ совершенно особенно—а именно такъ, что употребляемые пары уходятъ не въ воздухъ туннеля, а въ большія, по обѣимъ сторонамъ локомотива придѣланныя трубы, въ которыхъ паръ снова сгущается. Въ то время когда поѣздъ идетъ туннелемъ—огонь въ паровозѣ закрывается особенною крышкою, слѣдствіемъ чего бываетъ очень незначительное потребленіе топлива. При входѣ въ туннель, давленіе пара повышаютъ до 130 фунтовъ, которое достаточно для того, чтобы провести поѣздъ черезъ проходъ быстро и безъ замедленія. При выходѣ давленіе снова понижаютъ до 80 фунтовъ. Употребляемое топливо состоитъ собственно изъ кокса (очищенный каменный уголь). Уголь выбираютъ по возможности чистый и прожигаютъ его потомъ впродолженіи 120 часовъ, дабы удалить сѣрнистыя и другія вредныя примѣси. Однако ошибаются тѣ, которые думаютъ, что своеобразный, проницающій, даже ѣдкій запахъ, охватывающій каждаго ѣдущаго подземной дорогой, происходитъ собственно отъ сгоранія кокса. Д-ръ Летби говоритъ, что подобный же запахъ происходитъ и отъ тренія тормазовъ, помощью которыхъ поѣздъ можетъ быть остановленъ на каждой станціи. Воздухъ дѣйствительно раздражаетъ гортань а также и слизистую оболочку носа, тѣмъ вызываетъ кашель и чиханіе, однакоже вдыханіе его нисколько не вредитъ здоровью. Дирекція дороги, дабы устранить даже малѣйшія неудобства, устроила надъ худшими изъ туннелей особаго рода вентилляцію, которыя является въ видѣ широкихъ трубъ, дающихъ возможность свободному доступу воздуха въ вентиллируемый ими туннель.

На многихъ станціяхъ существуютъ огромныя, широкія косыя отверстія, которыя въ случаѣ чего могутъ быть закрыты. При свѣтѣ проходящемъ черезъ эти отверстія можно очень легко читать. Темныя мѣста туннелей освѣщаются газомъ. Во всякомъ случаѣ, когда

проѣдешь по всей линіи дороги, да къ тому же если придется дожидаться на которой либо изъ станцій,—то начинаешь чувствовать помянутый ѣдкій запахъ, который дѣлается наконецъ до того нестерпимъ, что благодаришь Бога когда вырвешься на свѣжій воздухъ. Вся ѣзда отъ Сити до Кенсингтона очень не долга и продолжается всего 40 минутъ. Продолжайся она болѣе—воздухъ сдѣлался бы дѣйствительно невыносимъ. На главныхъ станціяхъ существуютъ рестораны, а также вездѣ можно получить газеты и книги, съ помощію которыхъ путь проѣзжается незамѣтно.

Политическое обозрѣніе.

Депеша русскаго государственнаго канцлера, обнародованная въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, свидѣтельствуетъ до очевидности, что заявленіе Россіи объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей Парижскаго трактата 1856 года—было вызвано только необходимостью обезопасить наши границы со стороны Чернаго моря, но отнюдь не обозначало желанія русскаго правительства уклониться отъ миролюбивой и честной политики, которою оно постоянно руководствовалось, или возбуждать снова восточный вопросъ. Это поняли наконецъ европейскіе офиціальные органы, тонъ которыхъ по означенному вопросу въ послѣднее время значительно измѣнился въ пользу Россіи. Что касается до офиціальныхъ сообщеній, то изъ отвѣтной депеши лорда Гранвиля, британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 28-го ноября, на депешу русскаго государственнаго канцлера отъ 20-го ноября, мы видимъ, что и англійское правительство, болѣе всѣхъ встревожившееся русскимъ заявленіемъ, значительно успокоилось и выражаетъ надежду на устраненіе препятствій къ обоюднымъ дружественнымъ отношеніямъ. Далѣе англійское правительство заявляетъ, что оно не имѣетъ ничего возразить противъ принятія прусскаго предложенія о конференціи и приступить къ разсмотрѣнію предложеній Россіи, какъ исходящихъ отъ дружественной великой державы. Сколько можно судить по всѣмъ извѣстіямъ, всѣ державы выразили свое согласіе на означенную конференцію, мѣстомъ собранія коей окончательно назначенъ Лондонъ. Повидимому не рѣшенъ только вопросъ, какимъ образомъ будетъ участвовать въ конференціи Франція. Участіе ея, какъ великой державы, считается необходимымъ; но такъ какъ она не имѣетъ настоящаго правительства, то присутствіе ея уполномоченнаго на совѣщаніи европейскихъ государствъ сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями, которыя до сихъ поръ не устранены. Хотя предложеніе о конференціи исходитъ отъ Пруссіи, но такъ какъ она находится въ войнѣ съ Франціей, то предположено, какъ увѣряютъ нѣкоторыя газеты, чтобы приглашенія на конференцію разосланы были Англіей.

Съ театра военныхъ дѣйствій получаются безпрерывно противорѣчащія извѣстія. Мы сообщали уже, въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи, о большой вылазкѣ парижскаго гарнизона въ ночь съ 29-го на 30-е ноября и о сраженіяхъ продолжавшихся два дня подъ Парижемъ. Полученныя затѣмъ подробности разъясняютъ до нѣкоторой степени прежнія извѣстія. Вылазка, подъ начальствомъ генераловъ Трошю и Дюкро, произведенная массой парижской арміи въ числѣ 200,000 человѣкъ, дѣйствительно имѣла въ началѣ успѣхъ. Генералъ Дюкро перешелъ Марну, занялъ три мѣстечка, находившіяся въ рукахъ нѣмцевъ,—и принудилъ послѣднихъ отступить; но они заняли крѣпкую позицію въ двухъ миляхъ отъ прежней, и, получивъ подкрѣпленія, ударили 1-го декабря на французовъ, которые и принуждены были снова отступить за Марну. 2-го декабря военныя дѣйствія были пріостановлены на нѣсколько часовъ, для погребенія убитыхъ. Число убитыхъ значительно съ той и другой стороны, но до сихъ поръ трудно опредѣлить его въ точности, такъ какъ извѣстія изъ того и другаго лагеря сильно разнорѣчатъ между собою. Вообще это послѣднее дѣло подъ Парижемъ было нерѣшительно, такъ какъ ни та, ни другая сторона не могутъ приписать себѣ побѣды, и обѣ понесли значительныя потери. Въ виду этихъ кровопролитныхъ сраженій, прусскія газеты все громче и настоятельнѣе начинаютъ требовать немедленной бомбардировки Парижа, которая, по ихъ мнѣнію, должна положить конецъ войнѣ и сломить упорство французскаго правительства національной защиты. Можетъ быть военныя начальства нѣмецкихъ армій и имѣютъ въ виду начать эту бомбардировку, такъ какъ всѣ приготовленія къ ней уже сдѣланы и войска, стоявшія въ различныхъ мѣстахъ Франціи, постепенно стягиваются къ Парижу,—но до сихъ поръ на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ извѣстій.

Что касается до дѣйствій на Луарѣ, то успѣхъ нѣмецкихъ войскъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ непосредственнымъ результатомъ его было очищеніе французами Орлеана, послѣдовавшее 4-го декабря. Успѣхомъ своимъ нѣмцы обязаны стратегическому искусству принца Фридриха-Карла, доказавшему при этомъ дѣлѣ еще разъ свои блистательныя воинскія дарованія. Луарская армія, организованная неусыпными трудами г. Гамбетты, и по его собственнымъ словамъ заключающая въ себѣ до 200,000 солдатъ при 500 орудіяхъ, выступила противъ армій принца Фридриха-Карла и герцога Мекленбургскаго—съ очевидною цѣлію прорвать непріятельскія линіи и соединиться съ парижскою арміей, которая должна была одновременно произвести общую вылазку (вылазка и была произведена, какъ сказано выше); но фланговыя движенія принца Фридриха-Карла и герцога Мекленбургскаго заставили главнокомандующаго луарскою арміей, генерала Орелля, раздробить свои силы: онъ направилъ значительные корпуса на правый и лѣвый флангъ—и растянулъ на слишкомъ большое пространство фронтъ своей арміи. Правда, онъ одержалъ нѣкоторые успѣхи при Терминье и Бонъ-ла-Роландѣ, но эти успѣхи не имѣли никакого значенія, ибо принцъ Фридрихъ-Карлъ тотчасъ же сосредоточилъ свои силы, ударилъ при Артене въ растянутый центръ луарской арміи и разбилъ его. Ударъ былъ до такой степени неожиданный, что генералъ Орелль видимо растерялся, и нетолько отступилъ въ свои укрѣпленныя позиціи, но 4-го декабря сдалъ Орлеанъ—и даже при такой странной обстановкѣ, которая свидѣтельствуетъ, до какой степени онъ упалъ духомъ. Когда наканунѣ онъ объявилъ депешей въ Туръ, что находитъ невозможнымъ держаться въ Орлеанѣ, то турское правительство

выразило свое согласіе на очищеніе этого города; но затѣмъ, Орелль прислалъ другую депешу съ извѣстіемъ, что онъ перемѣнилъ распоряженія и будетъ отстаивать Орлеанъ. Но прошло нѣсколько часовъ—и Орлеанъ былъ очищенъ, о чемъ правительству донесъ уже не самъ Орелль, а отъ его имени генералъ Пальеръ. До сихъ поръ такой странный образъ дѣйствій главнокомандующаго луарскою арміей еще не объяснился. Фактъ тотъ, что луарская армія отступила и заняла позицію за Орлеаномъ, и предводителемъ ея назначенъ генералъ Шанзи. 8-го декабря на нее снова напали соединенныя силы армій принца Фридриха-Карла и герцога Мекленбургскаго, но телеграммы, извѣщающія объ этомъ сраженіи, происходившемъ при Божанси, до такой степени разнорѣчивы, что трудно опредѣлить его положительные результаты; изъ версальской телеграммы отъ 9-го декабря мы видимъ, что нѣмцы заняли Віерзонъ, въ 25 километрахъ къ юго-западу отъ Орлеана на желѣзной дорогѣ въ Туръ, и что часть нѣмецкой арміи двигается за отступающею французскою арміей къ Буржу. Свидѣтельствомъ о новыхъ успѣхахъ нѣмецкихъ армій служитъ и то обстоятельство. что турское правительство объявило о перенесеніи своей резиденціи въ Бордо, такъ какъ пребываніе въ Турѣ оказывается ненадежнымъ. На сѣверѣ Франціи нѣмцы также одержали успѣхъ, и заняли Руанъ корпусомъ генерала Мантейфеля.

Важный вопросъ объединенія Германіи можно считать уже совершившимся фактомъ. Обсужденіе договоровъ, заключенныхъ между Сѣверо-Германскимъ Союзомъ и южно-германскими государствами, происходило въ засѣданіи сѣверо-германскаго рейхстага 5-го декабря. Общія пренія открыты были рѣчью товарища союзнаго канцлера, государственнаго министра г. Дельбрюка, который указалъ, что характеръ Сѣверо-Германскаго Союза былъ только временный, что въ статьѣ 79-й его уложенія предусмотрѣно вступленіе въ него южно-германскихъ государствъ, и что всѣ трактаты, представляемые нынѣ, клонятся къ соединенію всѣхъ членовъ Германіи въ одинъ Союзъ. Иниціативу въ дѣлѣ объединенія Германіи еще въ сентябрѣ приняла на себя Баварія, потомъ въ переговоры вступилъ Виртембергъ, и наконецъ Баденъ и Гессенъ прямо заявили о своемъ желаніи вступить въ Союзъ. Съ этою цѣлію и открылись конференціи въ Версалѣ. Предполагаемыя перемѣны въ конституціи—обозначаются усиленіемъ федеративнаго характера Союза, что проистекаетъ изъ самой сущности дѣла, и безъ признанія законнаго федеративнаго элемента присоединеніе южно-германскихъ государствъ было бы невозможно. Уклоненія отъ прежней конституціи въ новомъ Союзѣ будутъ таковы, что они нисколько не повредятъ его единству. Въ Баваріи начальство надъ войскомъ въ мирное время будетъ имѣть король, за которымъ остаются прежнія права дипломатическихъ сношеній. Баварія и Виртембергъ сохранятъ также самостоятельныя почтовое и телеграфное управленіе, что нисколько не измѣнитъ союзнаго законодательства. Большинство рейхстага выразило свое согласіе на предложеніе г. Дельбрюка,—и одинъ изъ членовъ его, г. Фриденталь, предложилъ вопросъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о назначеніи верховнаго главы Союза; г. Дельбрюкъ отвѣчалъ, что по этому предмету 3-го декабря принцъ Луитпольдъ доставилъ въ Версаль письмо короля Баварскаго, въ которомъ предлагается королю Вильгельму титулъ императора, на что выразили согласіе и прочіе государи Германіи.

Въ послѣдующія засѣданія рейхстага происходили пренія о союзныхъ договорахъ между Сѣверо-Германскимъ Сюзомъ и южно-германскими государствами. Въ засѣданіи 9-го декабря договоры утверждены при третьемъ чтеніи въ слѣдующемъ порядкѣ: съ Баденомъ, Гессеномъ, Виртембергомъ и наконецъ съ Баваріей; большинство оказалось 135 голосовъ—и противъ договоровъ подавали голоса только соціальные демократы въ числѣ 30. Въ томъ же засѣданіи президентъ г. Симсонъ сообщилъ о рѣшеніи союзнаго совѣта, по соглашенію съ южно-германскими государствами, на основаніи коего положено замѣнить наименованіе «Германскій Союзъ» словами «Германская Имперія» и 11-ю статью конституціи изложить слѣдующимъ образомъ: «Президенство Союза принадлежитъ королю прусскому, носящему титулъ «императора германскаго». Въ засѣданіи 10-го декабря это предложеніе было принято большинствомъ 188 голосовъ противъ 6-ти. Затѣмъ депутатъ г. Ласкеръ предложилъ адрессъ королю, принятый огромнымъ большинствомъ, и для поднесенія этого адресса назначена коммисія изъ 30 депутатовъ. По избраніи депутаціи г. Дельбрюкъ объявилъ сессію сѣверо-германскаго парламента закрытою.

5-го декабря открылась сессія италіянскаго парламента, которая при настоящихъ обстоятельствахъ должна имѣть также большое значеніе. Въ тронной рѣчи своей при этомъ случаѣ король Викторъ Эммануилъ указалъ на совершившееся объединеніе Италіи, на необходимость строжайшаго нейтралитета со стороны Италіи при нынѣшней войнѣ, и на вступленіе въ Римъ италіянскихъ войскъ во имя національнаго права, съ сохраненіемъ духовной независимости папы. Далѣе рѣчь извѣщаетъ о предстоящемъ вскорѣ перенесеніи столицы въ Римъ и о представленіи парламенту проектовъ законовъ объ упрощеніи администраціи, о военной реформѣ и преобразованіи управленія финансами и народнымъ просвѣщеніемъ. Въ заключеніе король возвѣстилъ объ избраніи герцога Аостскаго на престолъ Италіи.

По извѣстіямъ отъ 6-го декабря, король Амедей отправится въ Испанію въ началѣ декабря или въ началѣ января.

P. S. По послѣднимъ телеграммамъ изъ Бордо и Версаля, пруссаки заняли замокъ Шамборъ. Увѣряютъ, что они заняли также Віерзонъ, но что французы отбили у нихъ этотъ городъ. Носится слухъ, что пруссаки заняли Блуа. По извѣстіямъ изъ Тура отъ прошлаго воскресенья, они подошли къ Блуа по лѣвому берегу Лоары. Такъ какъ мостъ черезъ Лоару былъ сломанъ, то они потребовали, чтобъ городъ сдался и возстановилъ мостъ, угрожая въ противномъ случаѣ бомбардированіемъ. Гамбетта, находившійся въ городѣ, велѣлъ отвѣчать формальнымъ отказомъ. Увѣряютъ, что войска и артиллерія, сосредоточенныя въ Блуа, были въ силахъ отразить нападеніе. Городъ Блуа занятъ 13-го декабря нѣмецкими войсками.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 4 Декабря 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П.-б. Невск. пр. и Б. Морск. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 50. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногороднихъ: За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.

Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ ВЪ 1871 ГОДУ.

„НИВА“ будетъ издаваться въ 1871 году въ томъ же направленіи и по той же программѣ еженедѣльно какъ и въ 1870 году.

Редакція употребила всѣ усилія для улучшенія журнала и можетъ обѣщать между прочимъ новыя повѣсти В. И. КЕЛЬСІЕВА (автора повѣсти „Москва и Тверь“) и В. В. КРЕСТОВСКАГО.

Желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ «Нивы» на будущій годъ, безъ перерыва вслѣдъ за выходомъ послѣднихъ №№ за 1870 г., мы имѣемъ честь покорнѣйше просить гг. подписчиковъ (въ особенности — жительствующихъ въ **отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи,** какъ напр. въ **Сибири, Туркестанѣ,** на **Кавказѣ** и проч.) заблаговременно высылать въ контору редакціи свои требованія съ возобновленіемъ подписки на 1871 годъ.

Подписная цѣна на 1871 Г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 130—150 художественно-выполненными рисунками:

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	**Съ доставкою въ Петербургѣ**	5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 р. 50 к.	**Для иногороднихъ** (съ пересылк. и упаковкой)	5 р.

Требованія и подписныя деньги покорнѣйше просимъ адрессовать: **Въ контору редакціи журнала „НИВА“, А. Ф. Марксъ, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, на углу Невскаго проспекта и Большой Морской, д. Россмана, № 9—13.**

Эва.

(*Продолженіе*).

Бываютъ извѣстнаго рода люди, которые считаются веселыми и занимательными собесѣдниками въ мужскомъ обществѣ; дамамъ же они думаютъ нравиться тѣмъ, что говорятъ съ ними вычурными фразами, ломаются и позируютъ. Тогда они признаютъ себя непобѣдимыми и не воображаютъ въ своемъ эгоизмѣ, какъ они смѣшны и напыщенны. Къ такому-то сорту людей принадлежали Амрау и Гарольдъ; едва только они вышли изъ кареты, какъ уже на лѣстницѣ началось ихъ полное преобразованіе.

Немного наклонивъ станъ, придавъ съ помощью гребенки надлежащее направленіе волосамъ, оба пріятеля бросили самодовольный взглядъ въ зеркало, и потомъ уже непринужденной походкой отправились въ гостиную. Въ первой комнатѣ они встрѣтили одного молодаго офицера, ихъ однополчанина; онъ стоялъ тутъ какъ-то совершенно уединенно и радостно поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу.

— Добрый вечеръ, Гольтеръ, небрежно кивая ему головой сказалъ Амрау, и потомъ шепотомъ добавилъ: — гдѣ-же прекрасная графиня?

— Она сидитъ въ будуарѣ; но въ дверяхъ собралась такая толпа народу, что невозможно протѣсниться.

— Ну, что̀ за пустяки, пойдемъ съ нами — какъ нибудь доберемся, отвѣчалъ Гарольдъ.

Господинъ фонъ-Гольтеръ—высокій, неловкій мужчина, не отличавшійся никакими особенными качествами, но за то безконечно добродушный,—страдалъ къ несчастію ужасной застѣнчивостію. Амрау и Гарольдъ служили ему образцомъ, такъ какъ ихъ увѣренныя манеры и самонадѣянная походка возбуждали въ немъ такое благоговѣніе, что онъ усвоивалъ себѣ малѣйшія ихъ движенія. Такъ неподражаемо умѣть кланяться—и о небо! съ какой граціей сдѣлали они теперь это передъ баронессой!—такъ носить голову, такъ непринужденно употреблять лорнетъ, съ такою смѣлостью смотрѣть въ лицо дамамъ... счастливцы! Гольтеръ съ горечью посмотрѣлъ на свои длинныя ноги, и почти заскрежеталъ зубами отъ злости на самого себя, когда баронесса обратилась къ нему съ привѣтливыми словами, а онъ почувствовалъ, что покраснѣлъ до ушей. Но зачѣмъ же послѣ этого посѣщать общество и подвергать себя подобнымъ мученіямъ? бѣдный Гольтеръ! Съ тѣхъ поръ какъ онъ въ первый разъ увидѣлъ графиню Эву — покой его совсѣмъ исчезъ; съ тѣхъ поръ сдѣлался онъ вдвое застѣнчивѣе и вдвойнѣ приходилъ въ отчаяніе; но за то съ этого времени Гольтеръ не пропускалъ ни одного представленія, которое давало ему случай видѣть Эву.

Осторожно пробирался онъ теперь сквозь группы гостей, которыя мѣшали ему свободно проходить; въ одномъ кружкѣ онъ наступилъ на шлейфъ одной дамы, тутъ разорвалъ шпорами кружевной воланъ дорогаго платья, тамъ толкнулъ неуклюжими локтями въ спину одного господина—и такимъ образомъ совсѣмъ уничтоженный и взбѣшенный множествомъ извиненій, которыя ему приходилось дѣлать на каждомъ шагу, добрался наконецъ до отдаленнаго уголка будуара, и со вздохомъ облегченія опустился въ кресло, при чемъ конечно раздавилъ и смялъ въ блинъ лежавшій тутъ чей-то цилиндръ.

Какъ очаровательна показалась ему сегодня графиня Эва!.. въ темно-малиновомъ платьѣ съ бѣлыми полосами, сидѣла она въ кружкѣ мужчинъ и дамъ, оживленно болтая и играя вѣеромъ. Разговоръ шелъ объ одной знакомой дамѣ.

— Она вся какъ-будто на пружинахъ, долетѣли до слуха Гольтера слова барона Гегенберга, пожилаго веселаго господина.

— Извините пожалуйста, возразила Эва, — я вовсе этого не нахожу.

— Какъ! воскликнулъ Гегенбергъ, — однако же, она все стремится къ идеаламъ, говоритъ объ идеалахъ...

— Но вѣдь у всякаго человѣка долженъ быть свой идеалъ, отвѣчала графиня.

— О, романтизмъ юности! Вовсе этого не нужно; къ чему намъ идеалъ? что̀ съ нимъ дѣлать!

— Но, баронъ Гегенбергъ, почти съ нетерпѣніемъ перебила Эва, — вы должны же согласиться, что всякій человѣкъ стремится образовать и усовершенствовать себя.

Баронъ кивнулъ головой. — А какъ же это онъ можетъ сдѣлать, продолжала молодая дѣвушка, — если у него нѣтъ передъ глазами образца, которому бы онъ могъ подражать, уподобляться? Каждый желающій подняться надъ уровнемъ посредственности — долженъ многаго желать, даже если и не въ состояніи достигнуть. Всякій желающій достичь цѣли—долженъ сначала опредѣлить себѣ эту цѣль. Наше собственное *я* въ своемъ усовершенствованіи и законченности, великія дѣла, цѣль — вотъ наши идеалы; а желаніе и стремленіе достигнуть ихъ—возвышаютъ и мѣняютъ насъ. Конечно, существуютъ еще высшіе и болѣе прекрасные идеалы, но они не принадлежатъ къ этому міру—и потому я не стану вамъ ими докучать.

— Отлично сказано, графиня обладаетъ неслыханнымъ краснорѣчіемъ, бормоталъ Амрау, который стоялъ въ это время прислонясь къ камину, въ позѣ такъ давно возбуждавшей зависть Гольтера. Съ какимъ бы удовольствіемъ Гольтеръ сказалъ нѣсколько льстивыхъ словъ графинѣ, но увы! онъ не понялъ ничего изъ рѣчей Эвы. Нѣтъ, онъ ничего не могъ сказать; онъ можетъ только чувствовать, любить Эву вѣрно и неизмѣнно... и можетъ быть съ годами она перемѣнится.... мысли Гольтера понеслись все дальше и дальше. Онъ сидѣлъ такимъ образомъ, мечтательно устремивъ глаза въ потолокъ, между тѣмъ какъ другіе продолжали спорить объ идеалахъ. Елена фонъ Беэренъ, веселая, молодая дѣвушка, предложила каждому назвать свой идеалъ.

— Графиня Эва, вы первая начнете, воскликнула она, — я настолько скромна, что не буду васъ просить назвать вашъ личный идеалъ, но укажите намъ какой-нибудь идеалъ въ области искусства или литературы, или какое-нибудь изъ занятій, которое находите вы самымъ идеальнымъ.

— Или, или... подхватила шутя Эва, между тѣмъ какъ яркій румянецъ покрылъ ея щочки.—Сколько же вы полагаете у меня идеаловъ? Ну, чтобы удовлетворить ваше любопытство, объявляю вамъ, что я нахожу высшее идеальное наслажденіе въ мастерскомъ пѣніи.

— Хорошо; теперь ваша очередь, графъ Амрау,

продолжала Елена, — впрочемъ не трудитесь, я знаю вашъ идеалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ Амрау, кидая пламенный взглядъ на Эву.

— Да, конечно: разъѣзжать по многолюднымъ улицамъ города въ ловко-сшитомъ мундирѣ и на прекрасномъ конѣ.

Всѣ засмѣялись, а графъ казался немножко смущеннымъ.

— А вашъ идеалъ, баронъ Гегенбергъ, подшутила Елена, — хорошій обѣдъ... безъ дамъ, добавила она вполголоса,—а идеалъ господина фонъ Гольтеръ—выясняется въ эту минуту очень опредѣленно: я думаю, онъ сочиняетъ стихи. Бѣдный Гольтеръ! Какъ-будто бомба ударила его въ самое сердце, когда онъ услыхалъ эти слова; онъ покраснѣлъ до корня волосъ—и стараясь въ запутанныхъ, непонятныхъ словахъ отвлечь отъ себя общее вниманіе, онъ въ то же самое время замѣтилъ, какъ заблестѣли бѣлые зубки графини въ ея свѣжихъ устахъ. Она смѣялась — да, и смѣялась надъ нимъ. Гольтеръ схватилъ свою каску и быстро выбѣжалъ изъ комнаты, не внимая жалобамъ тѣхъ, кому онъ наступалъ на ноги,—и съ самыми невеселыми думами пробродилъ всю ночь по улицѣ.

— Елена, говорила нѣсколько позднѣе графиня Вальденау, прощаясь съ молодой дѣвушкой, — мнѣ кажется, вы сегодня обидили бѣднаго Гольтера.

— Это потому, что онъ такъ скоро убѣжалъ-то? смѣялась Елена. — Но зачѣмъ же онъ глядитъ такимъ чудищемъ? Господамъ съ такимъ скучнымъ выраженіемъ лица лучше бы сидѣть дома, а не показываться въ обществѣ. Впрочемъ, милая графиня Эва, ему принесетъ пользу, если подтрунить на его счетъ. Этимъ способомъ легче всего можно вылечить застѣнчивость.

Эва пожала плечами и замолчала, не подозрѣвая, что она сама вонзила острый кинжалъ въ сердце Гольтера.

— Я повезу тебя сегодня къ княгинѣ Верденфельсъ, говорила баронесса своей племянницѣ, сидя за завтракомъ, — тамъ есть чѣмъ потѣшить твою страсть къ искусству; князь—настоящій любитель, знатокъ и покровитель художествъ, у него прекрасная картинная галлерея. Я думаю, ты съ удовольствіемъ осмотришь ее; къ тому же бывать тамъ — въ большой модѣ между людьми хорошаго тона, такъ какъ въ обществѣ очень часто говорятъ объ этой галлереѣ. Верденфельсы—странные люди, продолжала она черезъ нѣсколько минутъ,—ты увидишь, какая красавица княгиня—и все-таки это пренесчастный бракъ. Она кокетка и очень расточительна, а онъ высокопаренъ и вспыльчивъ; онъ очень рѣдко показывается у нея, живетъ совершенно одинъ въ садовомъ павильонѣ и только изрѣдка появляется на вечерахъ своей жены—да и то кажется больше по причудѣ; я даже не думаю, чтобы они когда-нибудь видались кромѣ этихъ случаевъ. Впрочемъ объ нихъ идетъ не слишкомъ хорошая слава.

— Такъ зачѣмъ же мы ѣдемъ туда? съ удивленіемъ спросила Эва.

— Ma chère, я не могу прекратить съ ними знакомства, потому что всѣ туда ѣздятъ. Она принадлежитъ къ очень хорошей фамиліи и устраиваетъ самые блестящіе балы и рауты.

Нѣсколько часовъ спустя, карета баронессы остановилась передъ большимъ домомъ, прекрасной архитектуры, выстроеннымъ посреди сада, что давало ему нѣкоторое сходство съ замкомъ. Обѣихъ дамъ провели анфиладой роскошныхъ комнатъ и залъ, и наконецъ длиннымъ, очаровательнымъ зимнимъ садомъ въ будуаръ съ розовыми обоями и такого же цвѣта мебелью, гдѣ слуга доложилъ объ нихъ вполголоса и затѣмъ исчезъ. Княгиня, одѣтая въ темно-вишневое бархатное платье, чуть приподнялась съ длиннаго кресла, въ которомъ она лежала,—любезно поздоровалась съ баронессою, а Эву привѣтствовала съ нѣкоторою холодностію. Впродолженіи послѣдующаго затѣмъ разговора, въ высшей степени неинтереснаго, молодая дѣвушка имѣла время разсмотрѣть хваленую красоту. Княгиня была уже не первой молодости, но отличалась такой особенной пикантной наружностію, что Эва почти не могла оторвать отъ нея глазъ. Черты ея были тонки и правильны, цвѣтъ лица прозрачно-блѣдный, даже губы какъ-то безцвѣтны, волосы черны какъ смоль, а большіе темные глаза, то горѣли и блистали, то становились кроткими и томными.

Но—странное дѣло—несмотря на эту выгодную наружность, Эва почувствовала, что княгиня скорѣе отталкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ ее; — а та, съ своей стороны, изрѣдка поглядывала на графиню Вальденау какимъ-то недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Вы здѣсь очень недавно? быстро спросила княгиня Верденфельсъ у молодой дѣвушки, но такъ же скоро встала, и не дожидаясь отвѣта, предложила баронессѣ проводить ее въ картинную галлерею. Придя туда, она въ короткихъ словахъ извинилась, что должна оставить дамъ; у нея сегодня званый день и надо заняться туалетомъ.

— Ну, княгиня не такъ-то вѣжлива, замѣтила Эва, ѣдучи домой послѣ осмотра галлереи, которая свидѣтельствовала о замѣчательномъ художественномъ вкусѣ.

— Изнѣженная красотка, сказала баронесса, — да, не всѣмъ подъ силу выносить ѳиміамъ, какъ говаривалъ мой покойный мужъ.

Эва едва успѣла войдти въ свою комнату, снять шляпку и накидку, какъ ея тетка поспѣшно ворвалась къ ней.

— Наконецъ-то, наконецъ!.. кричала она, сіяя глазами и торжествующимъ голосомъ. — Милое дитя мое, дай мнѣ тебя обнять!.. и она прижала къ сердцу удивленную дѣвушку, — поздравляю тебя, ты будешь богата, въ почетѣ и счастлива. И она подала Эвѣ распечатанное письмо, которое та быстро пробѣжала.

— Приданое мы все сполна выпишемъ изъ Парижа, продолжала баронесса въ сильномъ волненіи, — какъ-то приметъ эту новость твой дѣдушка?!

— Милая тётя, начала Эва, — дѣдушка никакъ ее не приметъ, а насчетъ приданнаго тоже нечего безпокоиться, потому что я не выйду за графа Амрау.

Баронесса опустилась на стулъ.—Дитя, ты съ ума сошла!.. вѣдь это лучшая партія во всемъ королевствѣ; подумай хорошенько, почему бы тебѣ отказываться?

— По двумъ чрезвычайно-простымъ причинамъ, возразила Эва, — во-первыхъ, я вовсе не знаю графа.

— Вздоръ, ты его видѣла по крайней мѣрѣ разъ двѣнадцать, онъ такъ часто проводилъ у меня вечера, воскликнула тетка.

— Во-вторыхъ, я его не люблю.

— Сентиментальная химера, отозвалась баронесса Хальденъ, — *онъ* тебя любитъ.

— Этого мнѣ мало; пожалуйста, милая тётя, продолжала Эва рѣшительнымъ тономъ, видя, что та со-

бирается возражать, — оставимъ это и не будемъ больше говорить. Ты конечно будешь такъ добра, что напишешь графу Амрау нѣсколько строкъ, которыя отняли бы у него всякую надежду.

— Неблагодарная! чуть не со слезами воскликнула тетка, но тотчасъ же замолчала и вышла изъ комнаты.

Въ слѣдующіе дни Эва чувствовала себя какъ-то неловко въ присутствіи тетки. Баронесса едва удостоивала ее взглядомъ или словомъ—и точно такъ же молча передала ей въ одно утро карточку, въ которой княгиня Верденфельсъ приглашала баронессу Хальденъ съ племянницей на музыкальный вечеръ.

— Ты приняла приглашеніе? спросила Эва, и когда тетка только кивнула головой въ отвѣтъ, не проронивъ ни одного слова, молодая дѣвушка встала и склонилась на колѣни передъ разгнѣванной родственницей.— Милая тётя, сказала она задушевнымъ голосомъ, — пожалуйста, перестань на меня сердиться. Я не могла иначе поступить, увѣряю тебя, — и такъ, прости, что я не въ состояніи была исполнить твою волю!

Баронесса, собственно говоря, была очень рада такъ дешево отдѣлаться отъ ссоры и молчанія, которое она приписывала своему оскорбленному достоинству, хотя ей порядкомъ становилось уже скучно и тяжело. Но все-таки она не могла удержаться, чтобы не прочесть маленькой проповѣди кающейся грѣшницѣ; однако, примѣрное терпѣніе и уступчивость, съ которой былъ выслушанъ ея выговоръ, окончательно растрогали сердце баронессы—и примиреніе было заключено торжественными объятіями.

Насталъ вечеръ, назначенный для музыкальнаго собранія. Эва стояла въ своей комнатѣ, въ длинномъ газовомъ бѣломъ платьѣ, съ цвѣткомъ лотоса и двумя зелеными вѣтками аира въ волосахъ, въ античномъ изумрудномъ ожерельѣ на ослѣпительной бѣлизны шеѣ и въ такихъ же браслетахъ на изящныхъ рукахъ (эти драгоцѣнности достались ей въ наслѣдство отъ матери), и дожидалась тетки, которая по обыкновенію занималась еще своимъ туалетомъ.

— Я понять не могу, говорила Эва Вальбургѣ, смотрѣвшей въ нѣмомъ восторгѣ на свою любимицу,— я не могу понять, зачѣмъ это княгиня пригласила меня сегодня участвовать въ пѣніи. Это право ужасно, я совсѣмъ растеряюсь отъ страха, а тутъ еще тётя.... и пожавъ плечами, молодая дѣвушка сдѣлала легкую гримаску.

— Вотъ ужь не придумаю, чего тебѣ бояться-то? возразила старушка, — ты вѣдь поешь лучше всѣхъ здѣшнихъ.

— О, добрая Валли, разсмѣялась Эва, — не во всѣхъ же я найду такую поддержку, какъ въ тебѣ, и потому меня не будутъ судить съ такою снисходительностью. Однако любопытно посмотрѣть, какъ сегодня будетъ одѣта княгиня; вотъ еслибы ты видѣла, какъ она была великолѣпна третьяго дня на вечерѣ у Л. Я могу только любоваться ею, но не чувствую къ ней ни малѣйшей симпатіи.

Вошла баронесса. — Готово? спросила она. — Ну, дай-ко на тебя посмотрѣть! Очень хорошо, туалетъ изященъ, ожерелье превосходно, теперь поѣдемъ.

Молодая графиня, поспѣшно накинувъ на плечи длинную пурпуровую мантилью, быстро послѣдовала за теткой, которая, въ атласномъ платьѣ аквамариннаго цвѣта, побѣдоносно сходила съ лѣстницы.

Дворецъ князя Верденфельсъ весь былъ залитъ блескомъ и свѣтомъ. Всѣ залы отперты, зимній садъ украшенъ разноцвѣтными фонарями, тамъ и сямъ выглядывалъ очаровательный будуаръ съ покойными козетками и съ менѣе яркимъ освѣщеніемъ, какъ бы приглашая къ тихой бесѣдѣ и отдыху. Въ большомъ залѣ кромѣ Эраровскаго флигеля стояли только два ряда креселъ.

Баронесса Хальденъ пріѣхала по обыкновенію нѣсколько поздно. — Терпѣть не могу точности, говаривала она всегда, запоздавъ; — ужь это слишкомъ отзывается мѣщанствомъ!

Княгиня Верденфельсъ любезно, съ привѣтливой улыбкой, встрѣтила въ дверяхъ обѣихъ дамъ. Она была точно такъ же одѣта вся въ бѣломъ, только на шеѣ красовалось коралловое ожерелье, что̀ еще болѣе увеличивало блѣдность ея лица.

— Примите мою руку, графиня, говорилъ Эвѣ баронъ Гегенбергъ,—я проведу васъ по всѣмъ комнатамъ и поищу для васъ удобнаго мѣстечка, гдѣ бы вы могли отдохнуть до начала пѣнія. Я знаю, какое великое наслажденіе готовите вы намъ сегодня, и думаю, что это васъ радуетъ.

— Увѣряю васъ, баронъ, возразила Эва, — напротивъ, мнѣ кажется, будто я вся горю. Пѣть при такомъ множествѣ людей... нѣтъ, право это не возможно.

— Полноте, ободритесь, ободритесь, храбрость города беретъ, ce n'est que le premier pas qui coute, — ахъ, да вотъ и самъ князь Верденфельсъ. Вѣроятно онъ только-что сегодня вернулся.

— Гдѣ? спросила Эва, осматриваясь съ любопытствомъ.

— Вонъ тамъ, — нѣтъ, нѣтъ, онъ перешелъ уже въ другую комнату. Онъ мой хорошій пріятель, но прекуріозный сычъ. Я вамъ его сейчасъ представлю. И они вошли въ сосѣднюю комнату и остановились передъ большимъ столомъ, на которомъ стояли разныя рѣдкости.

— Осмотритесь немного въ этой хаотической кунсткамерѣ, это васъ займетъ, графиня. Извините, на минуту!.. и баронъ кого-то позвалъ:—Богъ помощь, дружище, давно ли ты вернулся? Кстати, я тебя сейчасъ познакомлю.... до слуха Эвы долетѣли нѣкоторыя отрывочныя слова: «очаровательное, блестящее созданіе.... первая красавица во всемъ городѣ.... всѣ ею восхищаются».

— А имя? смѣясь возразилъ другой голосъ.

— Вотъ она стоитъ здѣсь, отвѣчалъ баронъ.

Но что это... что̀ такое заставило вдругъ такъ сильно забиться сердце Эвы? Что̀ такое согнало всю краску съ ея щокъ? Отчего почувствовала она, что какъ будто ледяная струя воздуха пахнула на нее?

Она обернулась.

— Князь Верденфельсъ, графиня Вальденау, представилъ баронъ. — Извините, графиня, если я васъ сейчасъ оставлю, но вонъ принцъ Фридрихъ приглашаетъ меня составить партію. Съ этими словами баронъ поспѣшно скрылся.

Съ минуту длилась мертвая тишина... какъ-бы сквозь дымку видѣла Эва стоящаго передъ ней Норберта.

— Эва, проговорилъ онъ, — наконецъ-то!

— Наконецъ-то! повторила она и въ тоже время протянула ему руку, какъ бы ища опоры.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій,

Генералъ-фельдмаршалъ.

Рисовалъ на деревѣ съ фотографіи К. Брожъ.

— Мнѣ дурно, говорила Эва прерывающимся голосомъ, и сильная блѣдность покрыла ея лицо.

Князь Норбертъ-Верденфельсъ подалъ ей руку.

— Ободритесь, шепталъ онъ, — здѣсь такъ много народу, не выдавайте себя и слѣдуйте за мной.

Быстро и рѣшительно провелъ Норбертъ Эву въ зимній садъ. Тамъ было совершенно пусто, потому что всѣ уже собрались въ музыкальной залѣ. Молодая дѣвушка упала на стулъ, съ трудомъ дыша. Норбертъ хотѣлъ открыть окно, но такъ какъ это ему не скоро удалось, онъ нетерпѣливо сильнымъ ударомъ кулака вышибъ стекло. Свѣжій воздухъ пахнулъ въ лицо графини, и черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя. Князь Верденфельсъ, который тревожно слѣдилъ за ней, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи, теперь приблизился къ графинѣ.

— Эва! началъ было онъ взволнованнымъ голосомъ.

Но она вскочила съ своего мѣста, ея глаза горѣли, и густая краска прилила теперь къ ея щекамъ.

— Оставьте меня, князь Верденфельсъ! воскликнула Эва, — вы меня обманули, и я должна презирать васъ.

И она бросила на него взглядъ, поразившій его въ самое сердце.

— Этого вовсе не слѣдуетъ дѣлать, возразилъ Норбертъ въ сильномъ волненіи, — выслушайте меня сначала...

— Я довольно уже слышала, прервала Эва съ горькой улыбкой и отвернулась.

Тутъ раздался вдругъ чей-то голосъ:

— Объ чемъ это вы уже довольно слышали?

Эва оглянулась. Въ дверяхъ стояла княгиня.

— Всѣ уже давно ждутъ вашего пѣнія, графиня Вальденау; я васъ искала, искала рѣшительно вездѣ, наконецъ услыхала вашъ голосъ—и вотъ теперь нахожу васъ въ такомъ уединеніи.

И она досадливо смотрѣла то на Эву, то на мужа.

— Мнѣ было дурно, извинялась молодая дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ вамъ лучше совсѣмъ не пѣть? Чувствуете - ли вы себя достаточно сильной?

Гордость Эвы пробудилась. — Мнѣ кажется, я теперь совершенно оправилась и готова пѣть.

Она съ минуту холодно и твердо поглядѣла въ глаза Норберту—и слегка приподнявъ голову, спокойной, увѣренной походкой вышла изъ теплицы.

Машинально приняла она руку барона Гегенберга, который дожидался обѣихъ дамъ въ другой комнатѣ, машинально подошла къ роялю—и только взявъ въ руки ноты, она вдругъ какъ-то содрогнулась. Лелѣемая счастливыми надеждами, Эва выбрала въ этотъ вечеръ Признаніе Шумана, эту страстную, увлекательную пѣснь, которая вся дышала блаженствомъ твердо-вѣрующаго и надѣющагося сердца. Горькой насмѣшкой казалось теперь каждое слово, въ глазахъ у Эвы темнѣло, и голосъ какъ-то замеръ.

— Ну, графиня, сказалъ баронъ, приписывая замѣшательство Эвы только одному чувству страха, — ободритесь — и все пойдетъ хорошо.

Эва сдѣлала надъ собой отчаянное усиліе. Норбертъ находится можетъ - быть гдѣ нибудь поблизости — ни малѣйшій взглядъ, ни малѣйшее дрожаніе голоса не должно выдавать ему то, что она переживала. Сила воли побѣдила. Звучно и смѣло возвысила Эва голосъ, горячо и страстно, съ женственностью и ликующею радостью пропѣла она пѣсенку до конца.

Послышались громкія рукоплесканія. Всѣ были восхищены исполненіемъ, очарованы чудной красотой, когда Эва стояла съ нѣсколько-приподнятымъ взглядомъ и съ одушевленіемъ во всѣхъ чертахъ лица.

Норбертъ прислонился къ оконной нишѣ, полузакрытый альковомъ и крѣпко скрестивъ руки на груди, какъ бы желая заглушить чувства, бушевавшія тамъ. Ему хотѣлось просто застонать отъ боли, и все-таки онъ удивлялся благородной силѣ Эвы. Неужели онъ долженъ лишиться ея, неужели онъ это перенесетъ? Нѣтъ,—все, все готовъ онъ отдать, чтобы только обладать этой чудной дѣвушкой. Блуждающіе взоры Норберта остановились на мгновеніе на женѣ—и онъ затрепеталъ отъ ужаса при видѣ этой холодной, злой красоты. Подобно призраку улыбалась Эва барону Гегенбергу, который осыпалъ ее комплиментами. Всѣ, съ барономъ и Гарольдомъ во главѣ, толпились около графини, всякій хотѣлъ выразить ей свою благодарность, покуда Эва не спаслась наконецъ подъ покровъ тетки.

— Прекрасно спѣто, начала было та...

— Милая тетя, перебила графиня, — не ѣхать-ли намъ домой? А то меня заставятъ еще разъ пѣть, а я положительно не въ состояніи. Дѣйствительно, молодая дѣвушка дрожала всѣмъ тѣломъ какъ въ лихорадкѣ.

— Ты взволнована и устала, отвѣчала баронесса поднимаясь, — въ самомъ дѣлѣ поѣдемъ-ка. Ты вѣдь знаешь, я ненавижу поздно засиживаться: cela prend de la fraicheur.

Насилу могла дождаться Эва, покуда уйдетъ горничная, такъ какъ она никогда не позволяла Вальбургѣ такъ долго не спать, дожидаясь ея возвращенія. Эва подошла къ двери и заперла ее на ключь. Наконецъ-то, наконецъ она одна! Силы окончательно оставили молодую дѣвушку; она безсильно и медленно опустилась на полъ, прижавшись лицомъ къ ковру; ея волосы распустились и обильной волной покрыли бѣдное, смертельно - измученное тѣло. Тупая, нестерпимая боль грызла сердце; Эвѣ хотѣлось бы плакать, но слезы иссохли.... Такъ вотъ какой конецъ ожиданному блаженству! Ея идеалъ уничтоженъ; кумиръ, разбитый въ дребезги, лежалъ поверженный къ ея ногамъ; она была ослѣплена, обманута. Бѣдный художникъ, которому она всѣмъ пожертвовала бы. потому что считала его свободнымъ,—оказался богатымъ княземъ, связаннымъ тяжелыми узами, отъ которыхъ одна только смерть, по ея мнѣнію, могла избавить его. И такъ, все кончено, все прошло. Какъ путникъ, заснувшій въ пустынѣ и грезящій райскими сновидѣніями, при пробужденіи чувствуетъ во всемъ двойную пустоту, такъ и Эва съ внутреннимъ ужасомъ заглядывала въ свое будущее. Здѣсь долго нельзя оставаться, это она ясно сознавала, — куда же потомъ, куда? Опять въ замокъ Эбензее, гдѣ теперь все будетъ ей напоминать о минувшемъ счастіи и о глубочайшемъ горѣ?...

Эва встала съ полу, хорошенько не зная, долго-ли она тутъ пролежала. Голова ея горѣла, она приложила свои холодныя руки къ пылающему лбу и тихонько застонала. Почти безсознательно бросилась она на постель и впала въ глубокій сонъ.

(Продолженіе будетъ).

О ВСЕРОССІЙСКОЙ МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

(Окончаніе).

Оканчивая обзоръ Отдѣленія химическихъ продуктовъ, слѣдуетъ упомянуть о выставленномъ у входѣ въ него бассейнѣ изъ гутта-перчи съ фонтаномъ, изображеннымъ на нашемъ рисункѣ въ маломъ медальонѣ справа, подъ моделью памятника Ермаку (см. Нива № 26, стр. 105); это издѣліе Товарищества Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры въ Петербургѣ. Мануфактура основана въ 1860 году и производитъ до 1,317,000 паръ обуви и другихъ издѣлій, какъ - то: непромокаемыхъ тканей и одежды, рукавовъ и клапановъ, мѣшковъ, подушекъ и хирургическихъ принадлежностей, — всего на сумму 1,606,000 руб.; на фабрикѣ работаетъ 900 рабочихъ.

Верхній правый уголъ нашего рисунка представляетъ издѣлія Императорскаго фарфороваго завода, что́ близь Петербурга по шлиссельбургскому тракту. Между выставленными предметами прежде всего бросается въ глаза громадная фарфоровая ваза формы *бандо* съ живописью (похищеніе Европы, копія съ Рубенса); правильность рисунка, нѣжность и свѣжесть красокъ не оставляетъ желать ничего лучшаго при современномъ состояніи фарфороваго дѣла въ Россіи. Чрезвычайно хороши также висящіе на стѣнѣ позади вазы два большіе медальона цвѣтовъ изъ бѣлаго фарфора на блѣдно-лиловомъ фонѣ. Распространяться о болѣе мелкихъ издѣліяхъ нѣтъ надобности: они слишкомъ хорошо извѣстны русской публикѣ. Императорскій заводъ существуетъ съ 1744 года, и ежегодно выдѣлываетъ фарфоровыхъ вещей на сумму до 100,000 руб. Если въ отношеніи годоваго оборота и превосходятъ его нѣкоторые другіе производители (напр. Корниловы), то относительно техники и художественности онъ далеко оставляетъ ихъ за собою.

Въ нижнемъ правомъ углу нашего рисунка помѣщена извѣстная уже читателямъ палатка съ пятью постелями Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, украшенная бюстомъ Августѣйшей его покровительницы.

На среднемъ рисункѣ съ правой стороны изображены выставленныя въ машинномъ отдѣлѣ рыболовные снаряды и сѣти для ловли салакушки, а также модели лодокъ, служащихъ для той же цѣли. Издѣлія эти (экспонентъ Юлинъ) замѣчательны по прочности и дешевизнѣ; такъ напр. сѣть въ 33 аршина длины и 7 глубины стоитъ около 10-ти рублей.

Противоположный средній рисунокъ съ лѣвой стороны представляетъ Туркестантское отдѣленіе выставки, которое постоянно привлекало и останавливало на себѣ вниманіе посѣтителей. Здѣсь на большомъ постаментѣ, обитомъ краснымъ сукномъ, разставлена мѣдная, глиняная и чугунная посуда и домашняя утварь новопокореннаго края. Особенно замѣчательны мѣдные чайники превосходной чеканки, а также модель вершины одной изъ тѣхъ колоннъ съ капителью въ мавританско-готическомъ вкусѣ, которыми обставлены тамошнія мечети. Влѣво отъ постамента виднѣется на стѣнѣ трофей изъ нѣсколькихъ щитовъ, копій, сѣделъ и уздъ коканской работы. Въ витринахъ же расположены образцы хлопка, шерсти, пуха, льна и шолка, а также тканей изъ верблюжьей шерсти, которыя отличаются добротностью, и шелковыхъ тканей. Всѣ эти ткани, равно какъ и баснословно-дешевыя бумажныя, высланные образцы которыхъ намъ случалось видѣть на суконной фабрикѣ гг. Носовыхъ въ Москвѣ, производятся въ Туркестанѣ ручнымъ способомъ, нерѣдко на улицѣ подъ открытымъ небомъ, и въ огромномъ количествѣ. Наконецъ, на одной стѣнѣ этого отдѣла развѣшаны звѣриныя шкуры тигровыя, барсовыя и проч.

Въ верхнемъ лѣвомъ углу нашего рисунка помѣщаются изображенія рѣзной мебели въ русскомъ вкусѣ— работы г. Бюхтгера и Шутова. Первому экспоненту принадлежитъ рѣзной изъ клена туалетъ цѣной 800 руб.; второму — рѣзанные по собственнымъ рисункамъ бюро орѣховаго дерева и къ нему кресла, изъ которыхъ одно изображено лѣвѣе туалета Бюхтгера; спинку кресла составляетъ русская дуга, подлѣ нея брошена ямщицкая рукавица. Хотя въ публикѣ все болѣе и болѣе распространяется вкусъ къ произведеніямъ того искусства, которымъ въ такомъ совершенствѣ владѣли наши предки,—но издѣлія, подобныя вышеупомянутымъ, по самой цѣнѣ своей не могутъ стать общимъ достояніемъ. Гораздо доступнѣе, даже для людей сравнительно небогатыхъ, произведенія г. Татищева, Новгородской губерніи, Крестецкаго уѣзда, въ с. Увольнѣ: это тоже деревянная мебель и утварь въ русскомъ вкусѣ (шкапы, скамейки, стулья, зеркала, письменные столы, чашки, жбаны, яндовы и проч.), раскрашенная чорной, красной и золотою краской и налакированная до блеска. Не смотря на пестроту и тяжеловатость, эти издѣлія необыкновенно красивы—и съ успѣхомъ могутъ быть употребляемы для отдѣлки напр. столовой или небольшой боковой гостиной. Фабрика въ Увольнѣ основана въ 1867 году и имѣетъ до 15000 р. годоваго оборота, при сбытѣ въ Россіи и значительнаго количества за границу.

Наконецъ, въ лѣвомъ нижнемъ углу рисунка изображена декоративная палатка изъ разныхъ ситцевъ фабрики Л. Рабенека, Московской губерніи, Богородскаго уѣзда при сельцѣ Соболевѣ, основанной въ 1834 г. На фабрикѣ ежегодно окрашивается до 17,000 пудовъ бумажной пряжи и 36,000 кусковъ миткаля на сумму 1,400,000 руб. сер.; производство машинное и ручное.

Заканчивая этимъ обзоръ Всероссійской мануфактурной выставки — обзоръ далеко не полный вслѣдствіе самыхъ размѣровъ нашей статьи, мы тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи этой выставки въ торговомъ и промышленномъ отношеніи.

Съ самаго начала выставки и до закрытія мы вели себя въ отношеніи ея крайне осторожно, воздерживаясь отъ всякихъ рѣзкихъ, поспѣшныхъ сужденій и нападокъ, которыми такъ изобиловали иные органы печати. Когда же въ самой публикѣ возникали недоумѣнія и недовольства нѣкоторыми распоряженіями комитета, мы выражали надежду, что распорядители съумѣютъ устранить неудобства и поправить промахи. Теперь — иное

*) Окончаніе этой статьи появляется нѣсколько поздно, потому что, съ одной стороны, мы спѣшили помѣщеніемъ извѣстій съ театра войны, а съ другой стороны, приложивъ изображенія наиболѣе замѣчательныхъ изъ выставленныхъ предметовъ, ожидали приговора коммиссіи экспертовъ, для того, чтобы сказать послѣдне слово о выставкѣ.

дѣло; коммиссія экспертовъ закончила свои засѣданія, награды присуждены и розданы, минувшая выставка есть уже совершившійся фактъ—и въ качествѣ таковаго подлежитъ неумолимой строгости безпристрастнаго анализа. Если вообще справедливо экономическое положеніе, что административное вмѣшательство въ дѣла торговли и промышленности (стѣсняющее или покровительствующее ихъ — все равно) никогда не приноситъ пользы, а во многихъ случаяхъ — прямой вредъ, — то на минувшей выставкѣ справедливость этого тезиса выступила особенно осязательно.

Теперь уже несомнѣнно, что многимъ экспонентамъ было отказано въ помѣщеніи за недостаткомъ мѣста (такъ, наприм., одной изъ главнѣйшихъ отраслей чисторусскаго производства, парчамъ, было отведено всего на-всего два шкафа гг. Сапожникова и Сытова), между тѣмъ какъ посѣтители выставки могли видѣть множество пустыхъ мѣстъ. По этой ли или по другой причинѣ, выставка оказалась далеко не всероссійскою, такъ какъ во многихъ отдѣлахъ не было (среднимъ числомъ) и десятой доли всѣхъ представителей того или другаго производства. Что выставка не возбудила особеннаго интереса и движенія ни въ торговомъ и промышленномъ мірѣ, ни даже въ публикѣ — видно изъ самаго числа посѣтителей выставки, отмѣченнаго турникетомъ и простиравшагося до 321,897 человѣкъ.

Такъ какъ при устройствѣ выставки отнюдь не имѣлось въ виду денежныхъ выгодъ отъ сбора съ посѣтителей, то совершенно напрасно было облагать послѣднихъ разными добавочными взносами, какъ наприм. за право входа въ акварій, въ гидравлическій бассейнъ и въ музей русскихъ художественныхъ древностей. Ничѣмъ инымъ мы не умѣемъ объяснить такого ничтожнаго числа посѣтителей—при населеніи столицы въ 500 слишкомъ тысячъ жителей. Самый лѣнивый, самый равнодушный къ интересамъ національной промышленности не могъбы не забрести хоть разъ, мимоходомъ, на выставку, находящуюся почти въ центрѣ города,—еслибъ доступъ къ ней не былъ сопряженъ съ тратой весьма чувствительной для человѣка семейнаго или небогатаго, не говоря уже о рабочемъ классѣ.

Эта оплошность распорядителей относительно популяризованія выставки простиралась до того, что между прочимъ и намъ было отказано въ дозволеніи произвести фотографическій снимокъ съ отдѣленія машинъ—на томъ основаніи, что исключительное право, такъ-сказать монополія фотографированія выставленныхъ предметовъ принадлежитъ.... ужь не помнимъ кому именно.

Но, оставляя мелочи, къ которымъ относимъ и непомѣрныя цѣны въ ресторанѣ г. Танти, и непомѣрныя декораціи пивныхъ бочекъ, суконъ Штиглица и проч., перейдемъ къ существенной сторонѣ дѣла — къ дѣйствіямъ оцѣночной коммисіи при раздачѣ наградъ.

Награды эти: 1) Право употребленія на выставкахъ и издѣліяхъ *государственнаго герба* съ надписью: «за выставку 1870 года». 2) золотая медаль, 3) серебряная медаль, 4) бронзовая медаль, 5) почетный отзывъ — были распредѣлены, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, гдѣ римскія цифры означаютъ отдѣлъ, къ которому принадлежатъ выставленныя издѣлія, а арабскія — число экспонентовъ этого отдѣла удостоенныхъ одной изъ вышеназванныхъ наградъ:

ОТДѢЛЫ:	Государственный гербъ.	Золотая медаль.	Серебряная медаль.
I Ленъ, пенька и пр.	32	20	77
II Дерево и пр. . .	4	5	23
III Химич. продукты.	19	8	50
IV Руды, металлы. .	10	6	33
V Машины. . . .	8	10	38
VI Питательные прод.	12	9	41
VII Предметы учебные и художественные.	3	2	15
Итого . .	88	60	277

Опускаемъ цифры бронзовыхъ медалей и почетныхъ отзывовъ; читатель и безъ того видитъ, что наградъ роздано количество немалое, что значительно понижаетъ ихъ значеніе. Но едва обнародовали списокъ этихъ наградъ, какъ со всѣхъ посыпались протесты обойденныхъ или обдѣленныхъ экспонентовъ — и тутъ обнаружилось, что многіе получили награду низшую противъ полученной на предъидущихъ выставкахъ, хотя производство нисколько не ухудшилось, — нѣкоторые получали награду богъ-вѣсть за что (наприм. за *добросовѣстное* исполненіе работы, какъ-будто это какое-то исключительно имъ принадлежащее свойство), нашлись даже такіе, которые получили награду за другихъ (С.-Петербургскій домъ благотворительнаго общества награжденъ за печь, изобрѣтенную г. Синцовымъ) и проч. и проч.

А между тѣмъ составъ экспертныхъ коммисій вовсе не былъ такъ плохъ, какъ старался увѣрить въ томъ одинъ изъ органовъ печати, спеціально посвященныхъ выставкѣ. Въ числѣ экспертовъ (большинство которыхъ, какъ и слѣдуетъ, состояло изъ фабрикантовъ, т. е. самихъ экспонентовъ) мы встрѣчаемъ почтенныя имена профессоровъ университета и технологическаго института, горныхъ инженеровъ, химиковъ, архитекторовъ, врачей и проч.

Что же за странный разладъ теоріи съ практикой? Чѣмъ объяснить его? Не вдаваясь ни въ какія догадки о большей или меньшей безпристрастности приговоровъ, мы все-таки полагаемъ, что главною причиною погрѣшностей и недоразумѣній было отсутствіе свободы въ выборѣ экспертовъ заинтересованными лицами, т. е. самими экспонентами.

Точно такъ же мало удались и засѣданія съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и техниковъ въ залѣ Русскаго Техническаго Общества. Вопросы, поставленные на разрѣшеніе съѣзда, отличались чрезвычайной важностью и шириною; такъ, между прочимъ обсуждались мѣры для улучшенія быта фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, для содѣйствія умственному и нравственному развитію рабочаго класса, вопросъ о вліяніи тарифа 1868 года, объ измѣненіяхъ въ уставѣ фабричной, заводской и ремесленной промышленности — вопросы громадные, вѣковые, чтобъ не сказать: слишкомъ старые, — и все-таки неразрѣшенные съѣздомъ, хотя они давно разрѣшены политической экономіей.

Свобода ассоціацій, отмѣна протекціонной или запретительной системы т. е. тарифа, и возможная (если не полная) свобода торговли—вотъ отвѣтъ этой науки на всѣ три вышеупомянутые вопроса. Впрочемъ, относительно втораго, мы раздѣляемъ мнѣніе великаго англійскаго экономиста, Джона Стюарта Милля, который говоритъ, что внезапная и полная отмѣна тарифа, въ странѣ развивавшейся подъ сѣнію протекціонизма, можетъ убить всякую промышленность, подорвавъ суще-

ствующія фабрики, — но только внезапная отмѣна, а не постепенная, которая исподволь возбуждая конкурренцію, тѣмъ самымъ служитъ наисильнѣйшимъ стимуломъ къ развитію внутреннихъ производствъ.

Впрочемъ, не будемъ сѣтовать на то, что ораторы съѣзда ограничились предложеніемъ болѣе или менѣе палліативныхъ мѣръ, далеко не разрѣшающихъ ни одного изъ упомянутыхъ вопросовъ. Хорошо и то, что вопросы эти впервые заявлены публично и обсуждались. Мы надѣемся, что этотъ первый разъ не будетъ послѣднимъ—и вопросы стоящіе на очереди дождутся наконецъ надлежащаго практическаго разрѣшенія, отъ котораго единственно и зависитъ процвѣтаніе отечественной промышленности.

Какъ бы то ни было, но заканчивая нашъ краткій обзоръ мануфактурной выставки 1870 года, нельзя не помянуть ее добромъ за наглядное ознакомленіе публики съ громадными успѣхами, сдѣланными у насъ въ дѣлѣ усовершенствованія военныхъ орудій, построенія броненосныхъ судовъ и желѣзнодорожномъ, въ которыхъ главнѣйшимъ образомъ и выразился нашъ прогрессъ за послѣдніе годы, — что̀, другими словами, указываетъ на значительное развитіе нашего горнозаводства, даже немыслимое весьма немного лѣтъ тому назадъ. Этой же выставкѣ выпало на долю представить осязательное опроверженіе того ходячаго мнѣнія, что будто бы русскіе неспособны ни къ какимъ изобрѣтеніямъ. Механическо-наборныя машины гг. Княгининскаго и Якушкина, хлѣбопекарная печь г. Синцова, канатный путь для перевозки грузовъ по способу Мосолова, Нептуновъ фонарь полковника Ванъ-деръ-Вейде, фосфористые сплавы полковника Лаврова, желѣзно-стальные рельсы г. Путилова, спасительные снаряды Морскаго Вѣдомства — все это слишкомъ наглядныя доказательства противнаго.

Весьма небольшой промежутокъ времени отдѣляетъ еще насъ отъ временъ крѣпостнаго права, откуповъ и всякихъ монополій, а промышленность наша сдѣлала уже гигантскій шагъ сравнительно съ тою порою полнаго застоя. Еще немножко — и мечта догнать Западъ... по меньшей мѣрѣ перестанетъ быть несбыточной.

Парижъ въ Мадридѣ.

Общественная жизнь современнаго Мадрида сосредоточивается главнымъ образомъ на двухъ пунктахъ: политическая у пресловутыхъ Воротъ Солнца (Puerta del sol), а модная или увеселительная—на Прадо, одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ публичныхъ гуляній во всемъ мірѣ. Самый фокусъ великосвѣтства въ Прадо — это такъ-называемый «Салонъ», самая фэшіонебельная часть котораго получила названіе «Парижъ», о немъ-то собственно мы и собираемся разсказать читателямъ. Въ каждой части, простирающагося вдоль восточной стороны города на протяженіи 4—5 верстъ, тѣнистаго Прадо, мы встрѣчаемъ особую публику, придающую этой части мѣстный характеръ. Такъ настоящіе, присяжные гулающіе, которые прохаживаются медленно и съ достоинствомъ, не желая чтобъ ихъ толкали и тѣснили, болтая о добромъ старомъ времени, тамъ и сямъ останавливаясь чтобы съ наслажденіемъ вдохнуть въ себя щепотку табаку,—преимущественно вращаются въ южной части Прадо, тогда какъ пріѣзжіе и провинціалы предпочитаютъ наиболѣе оживленную часть; наконецъ, великосвѣтская публика, которая на гуляніи ищетъ интригъ, удовлетворенія тщеславія и новостей изъ мадридской chronique scandaleuse,—почти исключительно собирается въ «Салонъ». Тотъ, кто желаетъ изучить интересную физіономію этого сборища милой столичной праздности и обманчиво блестящей роскоши, долженъ прежде всего подольше пожить въ Мадридѣ, потому что прихотливое небо кастильскихъ высотъ чрезвычайно скупо даруетъ жителей хорошими днями: *tres meses de invierno y nueve meses de infierno*, говоритъ мадридская пословица, т. е. «три мѣсяца зимы и три мѣсяца ада» — да такого ада, что его не было бы никакой возможности перенести, еслибы не прелестныя грѣшницы, въ такомъ числѣ населяющія его, которыя въ свою очередь принуждены охранять свою обольстительную красоту и здоровье отъ злокачественнаго климата и его свиты—легочныхъ и другихъ болѣзней, постояннымъ глотаніемъ пилюль и микстуръ. Изрѣдка, впрочемъ, за палящимъ лѣтнимъ днемъ слѣдуетъ такой дивный вечеръ, что все народонаселеніе оживаетъ отъ прохлады, вѣющей съ Гвадарамы,—или же рѣзкій, страшно пронзительный зимній воздухъ, который, какъ говорятъ мадридцы, убиваетъ человѣка, хотя не задуетъ свѣчи *(mata un hombre y no mata un candil)*, уступаетъ мѣсто мягкой весенней атмосферѣ, при которой мадридское небо волшебно хорошо. Въ такіе-то дни и вечера жители столицы толпами высыпали на аллеи Прадо, гдѣ мадридская жизнь развертывается со всѣми своими особенностями.

«Салонъ» (гдѣ земля тщательно уравнена, утрамбована и содержится въ чистотѣ достойной паркета) раздѣляется двумя рядами блестящихъ канделябровъ на три отдѣленія, изъ которыхъ два представляютъ пѣшеходамъ соблазнительную тѣнь великолѣпныхъ платановъ и акацій, тогда какъ по средней аллеѣ, покрытой макадамомъ, медленно тянутся роскошные экипажи родовой или финансовой аристократіи, подъ надзоромъ верховой муниципальной гвардіи.

Офиціальные часы гулянья, лѣтомъ 7 — 9 ч. веч., зимою 3 — 5 ч. по пол. Но въ «Парижѣ» составляются группы изъ высшаго общества, которыя засиживаются до глубокой ночи. Тутъ многопрославленная древне-испанская *galanterie* празднуетъ свои торжества, тутъ теряются и завоевываются сердца. Къ несчастію, въ этомъ мадридскомъ Парижѣ, какъ и въ настоящемъ, женщины слишкомъ часто дѣлаютъ изъ себя ходячую выставку пестрыхъ лентъ, перьевъ и фалборокъ, нагроможденныхъ безъ всякаго вкуса. Испанка, измѣняющая (ради безобразной и безсмысленной модной шляпки, испещренной всѣми цвѣтами радуги) своей несравненной испанской мантиліи, приколотой двумя золотыми булавками и обрамляющей своими таинственными складками безукоризненный овалъ лица, совершаетъ преступленіе противъ красоты и недостойна назваться дочерью Испаніи. Мѣстами мы еще любуемся съ восторгомъ этимъ символомъ женской красоты въ Испаніи, который непремѣнно сопровождается вѣеромъ, какъ скипетромъ ея неограниченнаго могущества.

Испанка безъ вѣера такъ же немыслима, какъ турокъ безъ чубука, испанецъ безъ папироски и нѣмецкій филистеръ безъ пѣнковой трубки. Вѣеръ есть не только принадлежность—часть самой испанки, онъ сросся съ нею: утромъ это первое, что она беретъ въ руки; вечеромъ—послѣднее, что она откладываетъ. Какой-то писатель—имени не припомню—называетъ вѣеръ «микрокосмомъ всѣхъ чувствъ и страстей испанскаго женскаго міра», другой—«зеркаломъ кокетства». Эти опредѣленія вѣрны, но далеко не исчерпываютъ предмета; можно бы назвать вѣеръ еще «любовнымъ телеграфомъ» и «символомъ общественной власти испанокъ». Чтобы растолковать тайны «вѣернаго языка»—нужно быть адептомъ; а между иностранцами, могу увѣрять, весьма мало адептовъ. Не думаю впрочемъ, чтобы меня можно было обвинить въ нескромности, если я безъ утайки подѣлюсь съ читате-телями тѣмъ, что я успѣлъ узнать изъ этого таинственнаго языка въ немногихъ урокахъ. Перенесемся въ Прадо, въ Салонъ, въ среду великосвѣтскихъ сыновъ столицы, тщедушныя фигуры которыхъ, съ кокетливой, рано-созрѣвшей улыбкой на устахъ, легко и развязно скользятъ между очаровательными группами дамъ, съ небрежной граціей прислоненныхъ къ спинкамъ мраморныхъ скамей. Подходитъ новый пришелецъ—и мы замѣчаемъ, что три вѣера одновременно приходятъ въ движеніе: одинъ, изъ золотаго газа съ китайскими рисунками, съ шумомъ и быстротой молніи, точно по электрическому толчку, защелкивается въ нѣжной, дѣтской ручкѣ Доны Карменъ,—между тѣмъ какъ другая стройная фигура, вдругъ прерывая разговоръ съ однимъ господиномъ, медленно, съ опущенными глазами, закрываетъ свой темный вѣеръ,—а нѣсколько шаговъ далѣе, лихорадочная рука три раза отрывисто ударяетъ закрытымъ вѣеромъ въ лѣвую ладонь. Молодой человѣкъ останавливается, сконфуженный, взглядываетъ на Дону Карменъ—и блѣднѣетъ. Значеніе ея телеграфическаго знака онъ читаетъ и въ ея сверкающихъ глазахъ, выражающихъ бѣшеный гнѣвъ. Взоръ его переносится на обладательницу втораго вѣера и онъ слегка краснѣетъ—чуть-чуть, какъ можетъ еще краснѣть пресыщенный баловень женщинъ: въ прелестномъ личикѣ молоденькой Долоресъ онъ прочелъ стыдливость и тихое счастіе; онъ улыбается, но тотчасъ же снова омрачается, замѣтивъ грозную морщину на лбу Доны Инесы, телеграфическіе знаки которой выражаютъ необузданную ревность. Послѣ краткаго колебанія онъ обращается къ Долоресъ, между тѣмъ быстро развернувшей вѣеръ до половины, чѣмъ она даетъ ему знать, что слѣдуетъ остерегаться близкой опасности. Точно сговорившись, герой нашъ придаетъ лицу своему офиціально-добродѣтельное выраженіе и съ церемоннымъ поклономъ садится подлѣ ревнивой дамы. Она повидимому трудно подается на ублаженія; это видно по тому, какъ она свѣшиваетъ закрытый вѣеръ съ руки на снурѣ—знакъ полнѣйшей немилости. Постепенно однако удается вкрадчивымъ рѣчамъ ея обожателя настолько укротить ея гнѣвъ, что она медленно опять развертываетъ весь вѣеръ, подавая этимъ несчастному вздыхателю нѣкоторую надежду на прощеніе. Предоставимъ юношѣ выпутаться какъ знаетъ, и перейдемъ къ другой группѣ.

Роскошная женская фигура, съ блѣднымъ, тонко очертаннымъ лицомъ, граціозно наклоняется къ господину среднихъ лѣтъ и отвѣчаетъ на весьма повидимому настоятельную просьбу, тихонько пощипывая серебряную кайму своего розоваго вѣера; это значитъ, что она въ нерѣшительности: согласиться или нѣтъ. Онъ становится все настойчивѣе, наконецъ вѣеръ медленно закрывается, она легонько проводитъ имъ четыре раза по глазамъ, потомъ прикладываетъ его къ губамъ. Эта пантомима приводитъ просителя въ такой восторгъ, который онъ съ трудомъ скрываетъ: она говоритъ ему, что его ждутъ завтра, въ 4 ч. по пол., но чтобъ онъ молчалъ. Другой уходитъ менѣе счастливый: для него нѣжныя атласныя складки закрываются на половину, т. е. ему велятъ «ждать, посмотрятъ, можетъ-быть когда-нибудь въ другой разъ»; причина, почему хотятъ подумать, объясняется легкимъ прикасаніемъ вѣера къ обѣимъ ушамъ, означающимъ, что слышали на счетъ кабальеро разныя вещи неназидательнаго свойства.

Къ этимъ условнымъ знакамъ прибавлю еще слѣдующія черты. Получить изъ руки дамы вѣеръ ручкой впередъ—знакъ величайшей милости, и мужчина принимающій его, обязывается къ сладкому рабству. Не принять подарка—значитъ нанести женщинѣ несмываемое оскорбленіе. Поднять съ земли упавшій вѣеръ, дозволяется только пользующемуся благоволеніемъ. Если дама прикоснется вѣеромъ сперва къ сердцу потомъ ко лбу, она этимъ говоритъ, что отвѣчаетъ взаимностью на чувства поклонника, но что разсудокъ воспрещаетъ ей уступить влеченію сердца. Наконецъ ударъ по рукѣ закрытымъ вѣеромъ означаетъ упрекъ, напротивъ развернутымъ—поощреніе.

Всѣ эти интересныя подробности чрезвычайно трудно подмѣтить, потому что испанки маневрируютъ такъ проворно и ловко, притомъ съ такой невиннѣйшей миной, точно невзначай, что только адептъ можетъ на лету поймать эту мимику, которая для всякаго незаинтересованнаго незамѣтна и неуловима. Я самъ, признаюсь, обязанъ большей частью того, что сейчасъ сообщилъ, любезной нескромности нѣсколькихъ дамъ, отнюдь не собственному наблюденію. Желающій же самъ поучиться—лучшую школу найдетъ въ Прадо, въ части извѣстной подъ названіемъ «Парижъ въ Мадридѣ».

Морская соль

Большинство людей въ солености моря видятъ только случайность, не имѣющую ни особеннаго значенія, ни цѣли. Какъ это ложно! какъ ошибочно! Мыслящій человѣкъ усматриваетъ въ соли, содержимой морскою водою, одно изъ тѣхъ дивныхъ условій мірозданія, которыя необходимы для сохраненія вселенной, для жизни и благосостоянія ея обитателей.

Благодатное и необходимое обращеніе морской воды обусловливается главнымъ образомъ солью. Соль есть движущая сила, порождающая морскія теченія, которыя съ одной стороны несутъ теплоту и жизнь въ отдаленнѣйшія части моря, чтобы не дать имъ застыть,—съ другой, прохлаждаютъ дневной зной, пригоняя свѣжую воду съ полюсовъ къ экватору. Немногіе лишь изъ этихъ теченій извѣстны намъ (напр. Гольфстремъ и Куро-Сива, см. Нива № 43 стр. 681), да и объ этихъ немно-

гихъ мы знаемъ только то, что обнаруживается ихъ поверхностнымъ движеніемъ. Впрочемъ этого довольно чтобы дать намъ полное право предположить, что море на всемъ своемъ протяженіи находится въ обращеніи, и что ни одна капля воды его не пребываетъ на одномъ мѣстѣ, въ какихъ бы слояхъ она ни была—въ самыхъ высшихъ или самыхъ низшихъ. Доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что океанъ вездѣ почти въ одинаковой мѣрѣ содержитъ соль, и составныя части морской воды въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ почти также неизмѣнны, какъ составныя части воздуха. Есть конечно особыя, замкнутыя части моря, въ которыхъ вода болѣе или менѣе солона противъ обыкновенной нормы, но эти неправильности происходятъ часто отъ мѣстныхъ условій. Такъ, напр. въ Чермномъ Морѣ, въ которое не впадаетъ ни одна рѣка и гдѣ никогда нѣтъ дождя, вода, лишенная такого значительнаго прилива прѣсной воды, естественно солонѣе; точно такъ же вода Балтійскаго Моря прѣснѣе воды Океана, потому что оно почти совершенно отъ него отрѣзано и получаетъ очень много прѣсной воды отъ рѣкъ, тумановъ, росъ и дождей, весьма мало теряя путемъ испаренія. Химическій анализъ образчиковъ воды Атлантическаго Океана и Тихаго Океана даетъ совершенно тотъ же результатъ, не смотря на то, что эти два моря раздѣляются десятками тысячъ верстъ.

Какъ же бы это было возможно, еслибъ не существовало силъ, смѣшивающихъ воды одного пункта океана съ водами другихъ пунктовъ, и если бы, современемъ, отдѣльныя водяныя частицы не уводились въ отдаленнѣйшія мѣста?

Для этого именно существуютъ теченія, играющія большую роль въ экономіи мірозданія и, какъ все на свѣтѣ, подчиненныя физическимъ законамъ. Главнѣйшей движущей силою, сообщающей морскимъ теченіямъ ихъ быстроту, принимали до сихъ поръ теплоту. Между тѣмъ, болѣе точныя изслѣдованія доказали, что соль, содержимая въ морской водѣ, есть могущественный агентъ въ системѣ обращенія моря и что океанъ получаетъ отъ нея (черезъ посредство вѣтровъ, морскихъ животныхъ и морскихъ растеній) большую многодѣятельную силу. Еслибы лишить море его равномѣрной температуры и въ различныхъ частяхъ его придать ему температуру тропиковъ—вода у тропиковъ расширилась бы, а къ полюсамъ сжалась бы; слѣдовательно произошли бы измѣненія въ относительномъ вѣсѣ, которыя въ свою очередь должны бы породить теченія отъ холодной къ теплой водѣ и наоборотъ,—а именно такъ, что болѣе легкая и теплая вода пошла бы къ полюсамъ отъ экватора, въ видѣ верхнихъ теченій, а болѣе холодная и плотная, слѣдовательно болѣе тяжелая вода пошла бы къ экватору отъ полюсовъ въ видѣ нижнихъ теченій. Эти два теченія шли бы параллельно другъ другу—и вмѣсто того чтобы способствовать обращенію, мѣшали бы ему.

Въ объясненіе надо замѣтить, что прѣсная вода имѣетъ свойство при охлажденіи сжиматься до температуры, равняющейся 40° по фаренгейтовскому термометру, а затѣмъ расширяться до точки замерзанія. Слѣдовательно, какъ у тропиковъ такъ и въ нетропическихъ странахъ, черезъ посредство какъ тепла такъ и холода произошло бы растяженіе водяной массы, измѣненіе относительнаго вѣса было бы незначительно—и во всякомъ случаѣ морю едва ли сообщались бы настолько силы, чтобы произвести такія теченія какъ столь благодѣтельный для всего запада Европы Гольфстрёмъ. Соленая вода, напротивъ, при охлажденіи неизмѣнно сжимается до точки замерзанія, и по милости содержимой въ ней соли перемѣна температуры гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на теченіе, чѣмъ въ прѣсной водѣ.

Если теперь наблюдать за испареніемъ моря у тропиковъ, мы увидимъ, что уровень его въ такой же мѣрѣ понизится, какъ еслибъ вода была прѣсная; но такъ какъ испаряется одна только прѣсная жидкость, то остающаяся вода на поверхности сдѣлается солонѣе, стало быть—тяжелѣе. По закону природы этотъ верхній слой долженъ опуститься, въ тоже время нижніе, болѣе легкіе слои подымаются,—вслѣдствіе чего, отъ постояннаго повторенія этого процесса, устанавливается перпендикулярное обращеніе, котораго въ прѣсномъ морѣ никогда не могло бы быть.

Съ другой стороны, поглощаемые воздухомъ у тропиковъ и удерживаемые имъ въ растворенномъ состояніи водяные пары уносятся вѣтрами въ болѣе холодныя полосы, тамъ падаютъ дождемъ и принимаются моремъ и рѣками, которыя въ свою очередь тоже несутъ ихъ морю.

Черезъ это образуется верхнее теченіе прѣснѣйшей и легчайшей воды отъ полюсовъ къ экватору и другое, нижнее теченіе, солонѣйшей и тяжелѣйшей воды отъ экватора къ полюсамъ. Слѣдовательно морской соли слѣдуетъ приписать, что въ Средиземномъ и Чермномъ Моряхъ (въ которыхъ испареніе происходитъ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ въ Океанѣ) одно теченіе, нижнее, ведетъ въ Атлантическій и въ Индійскій Океаны, а другое, верхнее, приходитъ изъ этихъ двухъ океановъ. Что эти нижнія теченія дѣйствительно существуютъ—нетолько доказано фактами, но имъ нельзя не существовать, потому что иначе какъ Средиземное, такъ и Чермное Море, которыя оба гораздо болѣе изъ себя даютъ прѣсной воды, чѣмъ въ себя принимаютъ, давно были бы превращены въ соляные кристаллы.

Поэтому можно придти къ заключенію, что морскія теченія обязаны своимъ направленіемъ, протяженіемъ и быстротою преимущественно содержимой въ морѣ соли—и облегчаются переходомъ теплыхъ тропическихъ водъ къ полярнымъ странамъ и обратнымъ явленіемъ, которыми такъ существенно обусловливается европейскій климатъ. Если бы море не было солоно у тропиковъ—верхніе прогрѣтые слои не могли бы опускаться и быть уносимы теченіями къ сѣверу, чтобы тамъ смягчить зимнюю стужу. Будь море прѣсное, сколько бы его ни испарилось—нижніе слои остались бы нетронутыми, потому что процессъ испаренія не повлекъ бы за собою измѣненія въ относительномъ вѣсѣ, слѣдовательно не могло бы произойти перпендикулярнаго обращенія.

Въ заключеніе отвѣтимъ на вопросъ: «Всегда ли, съ самаго начала, море было солоно?»

Когда земля изъ жидкаго состоянія перешла въ твердое и носившіеся въ воздухѣ пары, охлаждаясь, стали осаждаться, образуемое ими море *не могло* быть солоно, потому что водяные пары, по неизмѣнному закону природы, осаждаются только въ видѣ прѣсной воды. Соль, равно какъ и прочія минеральныя составныя части, которыя нынѣшняя морская вода содержитъ въ растворенномъ видѣ, приносится морю изъ отдаленнѣйшихъ земель лишь черезъ посредство рѣкъ,—этотъ процессъ постоянно совершается и не перестанетъ совершаться, пока будетъ существовать земля. Дождь, снѣгъ, словомъ: всякая осаждающаяся атмосферическая влага сочится

сквозь различные слои земли въ рѣки, унося съ собою столько земляныхъ частицъ, сколько можетъ растворить, а рѣки несутъ ихъ въ море.

Твердыя составныя части морской воды—преимущественно слѣдующія: поваренная соль, углекислая и сѣрно-кислая известь, магнезія, сода, желѣзо, поташъ; онѣ составляютъ $3^1/_2{}^0/_0$ ея вѣса, но соль преобладаетъ—не по количеству, а только по вѣсу.

Доказательство того, что море въ началѣ не было солоно, мы видимъ въ каждомъ озерѣ, въ которое впадаетъ одна или нѣсколько рѣкъ и которое не имѣетъ другаго истока, кромѣ испаренія: такое озеро непремѣнно солоно, и вода его тожественна съ водою Океана. Но какъ только дать ему искусственный истокъ, вода его дѣлается прѣсною,—фактъ превращающій предположеніе въ положительную увѣренность.

Такъ какъ морю въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій приносились такія массы твердыхъ составныхъ частей, тогда какъ оно испаряетъ изъ себя лишь одну жидкость, то должно показаться удивительно, что составъ его всегда одинаковъ и что оно сохраняетъ всегда ту же степень разжиженности. Взглядъ на безчисленные острова Тихаго Океана, на флору и фауну моря, объяснитъ намъ это явленіе. Неустанное стремленіе природы—всюду возстанавливать нарушенное равновѣсіе—создало въ лицѣ строителей этихъ островов (коралловъ, раковинъ и растеній, населяющихъ Океанъ) средство для воспрепятствованія переполненію моря твердыми веществами и сохраненія равновѣсія океана. Кораллы берутъ изъ окружающей ихъ воды твердыя части—и этимъ мѣняютъ ея относительный вѣсъ. Облегченная водяная капля поднимается вверхъ, уступая мѣсто другой, еще насыщенной солью, которая въ свою очередь замѣняется третьей, чѣмъ порождается вѣчное чередованіе водяныхъ слоевъ. Изъ этого мы видимъ, что кораллы и пр., столь низко стоящіе въ твореніи, существенно содѣйствуютъ сохраненію мировой гармоніи. Ихъ даже можно до нѣкоторой степени считать регуляторами системы обращенія, по милости которыхъ дальній сѣверъ получаетъ теплоту, а знойные тропики — прохладу. Они строятъ себѣ жилище изъ преизбытка соли и твердыхъ частей, умираютъ, образуютъ пласты и возвращаютъ землѣ вещества унесенныя отъ нея рѣками. Они сохраняютъ чистоту и прозрачность воды океана, служатъ посредниками его обращенія и составляютъ живое начало всеобъемлющаго моря.

Обезьяны и пантера.

Красно-багровымъ блескомъ свѣтитъ тропическое солнце. Все изнуряется, все томится подъ его палящими лучами. Какая разница между жизнію лѣсовъ тропическихъ и лѣсовъ въ болѣе холодныхъ поясахъ! Здѣсь ни на минуту не бываетъ тишины, здѣсь постоянно раздаются тысячи голосовъ, и все сливается въ неумолкаемый разнородный шумъ.

Но этотъ никогда неумолкающій шумъ скоро переходитъ въ неистовый гулъ, когда въ общемъ концертѣ начинаютъ принимать участіе и обезьяны. Вотъ гдѣ жизнь, вотъ гдѣ дѣятельность! Здѣсь и скачутъ и лазятъ, кувыркаются, бѣгаютъ, играютъ, дразнятъ другъ друга,—однимъ словомъ, шумятъ и бѣснуются насколько хватаетъ силъ и средствъ. Какими ничтожными являются всѣ подражатели ихъ между людьми, въ сравненіи съ этими природными акробатами!

Вотъ предводитель одной стаи забрался на самую верхушку дерева, на самыя тонкія вѣтви его, и отсюда съ быстротою молніи прыгаетъ на другое, футахъ въ тридцати отъ перваго,—дерево, которое, согнувшись подъ тяжестію повиснувшаго животнаго, снова выпрямляется, а животное уже снова прыгнуло на слѣдующее дерево и т. д. Всѣ обезьяны въ стаѣ одна за другой продѣлываютъ тотъ же фокусъ. Зрѣлище этихъ летающихъ, одно за другимъ, животныхъ—дѣйствительно поразительно. И такъ продолжаетъ эта стая свое путешествіе далѣе, прыгая съ одного дерева на другое, съ стволовъ на вѣтки, не обращая вниманія ни на колючки, ни на терновникъ.

Но впереди всѣхъ обыкновенно идетъ предводитель, опытность и ловкость котораго дѣлаютъ его патріархомъ и властителемъ всей стаи.

«Не только общее согласіе всѣхъ обезьянъ» говоритъ Брэмъ въ своей иллюстрированной жизни животныхъ: «даетъ ему почетную обязанность предводителя, но обыкновенно она получается послѣ долгой и упорной борьбы его съ своими соперниками — самцами, принадлежащими къ той же стаѣ.

Длинныя руки и хорошіе зубы обыкновенно рѣшаютъ побѣду въ пользу того или другаго, послѣ чего всѣ остальные обязаны повиноваться побѣдителю—а кто не хочетъ, ну, того принудятъ къ этому кусаньемъ и побоями. Такимъ образомъ въ рукахъ и зубахъ побѣдителя заключается все основаніе его могущества, и потому онъ требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ безусловнаго повиновенія. Этотъ храбрый самодержецъ и патріархъ не есть впрочемъ тиранъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова; у него нѣтъ ни министровъ, ни парламента, въ его государствѣ не существуетъ ни демократовъ, ни національныхъ либераловъ. Онъ просто управляетъ помощію своихъ кулаковъ и зубовъ—и уваженіе къ этимъ орудіямъ дѣлаетъ его достоинство неприкосновеннымъ. Впрочемъ кругомъ его часто слышатся неудовольствія—и часто большой и малый, стиснувъ зубы отъ ярости, присоединяются къ оппозиціи; но все то дѣлается лишь за спиною побѣдителя—и сжатые кулаки тотчасъ же расправляются, какъ скоро замѣчаютъ приближеніе повелителя.

Вся стая шумитъ и веселится, не чуя грозы надъ собой, какъ вдругъ изъ чащи появляется страшный врагъ—пантера. Однимъ прыжкомъ вскакиваетъ онъ въ средину безпечныхъ животныхъ—и схвативъ самаго стараго, такъ начинаетъ мять бѣднягу, что у того хрустятъ даже кости.

Вся стая приходитъ въ страшный ужасъ и отчаяніе, и какъ бы по данному знаку разсыпается во всѣ стороны, не смотря на всѣ крики о помощи несчастнаго. Бѣдная жертва, при видѣ неминуемой смерти, хватаетъ своего ближайшаго друга за хвостъ, но этотъ какъ сумашедшій грызетъ руку своего повелителя, пока онъ ослабшій и безсильный не отпускаетъ его хвоста. Теперь еще не ушло время, и можно спасти несчастнаго—

и съ страшнымъ шумомъ и воемъ вся стая приближается къ отвратительному разбойнику. Одинъ стучитъ ногами, другой ломаетъ отчаянно руки, третій дразнитъ страшнаго звѣря изъ за толстаго ствола дерева, — но всѣ они въ такомъ почтительномъ и безовы, каждый видитъ себя-безпомощнымъ и спрашиваетъ: «кого же мы выберемъ». Но малу по малу всѣ оправляются, толкуютъ и наконецъ приходятъ къ какому-то рѣшенію. Вѣдь не трудно найти и избрать новаго повелителя, который бы могъ вполнѣ замѣнить

Обезьяны и пантера.

паспомъ разстояніи, на которомъ они могутъ считать себя спокойными за свое собственное *я*. Потомъ, когда звѣрь разтерзалъ и пожралъ несчастнаго вожатаго, каждый спѣшитъ, жалобно воя и крича, куда-нибудь подальше въ чащу. И долго, долго еще слышатся ихъ жалобные стоны о любимомъ «умершемъ», каждый спѣшитъ сказать похвальное слово его прежнимъ заслугамъ. Теперь вся стая стоитъ какъ бы безъ головы, каждый видитъ... стараго. Въ стаѣ замѣчается самая оживленная жизнь и движеніе; они нашли, они всѣ, всѣ избрали его, потому что его подвигъ былъ поистинѣ великъ—и врядъ ли найдется кто либо другой равный ему по заслугамъ.

И дѣйствительно, одинъ за другимъ, всѣ они—и консерваторы и либералы и даже посѣдѣвшіе демократы—всѣ отдаются въ лапы... пантеры.

Политическое обозрѣніе.

Такъ называемый Черноморскій вопросъ, все еще продолжающій занимать европейскія газеты (хотя уже не въ такой степени, какъ сначала), принимаетъ все болѣе и болѣе миролюбивый оборотъ, что̀ видно изъ послѣднихъ документовъ обнародованныхъ по этому дѣлу. Открытіе конференціи въ Лондонѣ есть, повидимому, уже дѣло рѣшеное, на которое изъявили согласіе всѣ заинтересованныя державы; послѣдуетъ она, какъ утверждаютъ, въ теченіи декабря, и членами конференціи будутъ представители европейскихъ государствъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ 1856 года, состоящіе при Лондонскомъ дворѣ, подъ предсѣдательствомъ лорда Гранвилля, британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, который на дняхъ разошлетъ о томъ приглашенія. Разумѣется, множество предположеній появляется въ газетахъ о томъ, что̀ послѣдуетъ на этой конференціи; но по всей вѣроятности, она займется исключительно лишь статьями Парижскаго трактата, отмѣну коихъ требуетъ русскій циркуляръ отъ $^{19}/_{31}$ октября. По увѣренію берлинскихъ корреспондентовъ *Köhlnische Zeitung* и *Neue freie Presse*, конференція, во избѣжаніе затрудненій, вовсе не будетъ разсматривать заявленій русскаго циркуляра; но ей будетъ предложенъ новый текстъ договора, изъ котораго будутъ просто исключены статьи Парижскаго трактата 1856 года, стѣснительныя для Россіи и отмѣны которыхъ она требовать имѣетъ полное право. Замѣчательно при этомъ, что Турція, до которой ближе всего долженъ былъ бы касаться Черноморскій вопросъ, повидимому менѣе всѣхъ имъ тревожится. Обстоятельство это константинопольскій корреспондентъ *Indépendance belge*, отъ 7-го декабря, объясняетъ тѣмъ, что условія секретной конвенціи державъ, обязавшихся въ 1856 году употребить въ случаѣ надобности свои сухопутныя и морскія силы, чтобы не допустить Россію до нарушенія статей касающихся до Чернаго моря, могли сдѣлаться для Турціи источникомъ несравненно большей опасности чѣмъ та, которая могла грозить ей со стороны Россіи. Вотъ почему отоманское правительство охотно дано согласіе на конференцію, исходъ которой, если будутъ удовлетворены законныя требованія Россіи, нисколько не ухудшитъ положенія Турціи. Подтвержденіе сказаннаго находимъ и въ константинопольской офиціозной газетѣ *Turquie*, гдѣ прямо сказано, что Турціи нечего тревожиться русскимъ циркуляромъ, такъ какъ Россія ограничивается требованіемъ содержать военный флотъ на Черномъ морѣ, что̀ отнюдь не представляетъ опасности для Турціи.

Между тѣмъ въ Европѣ возникаетъ другой вопросъ, который можетъ-быть также потребуетъ обсужденія на конференціи — это вопросъ Люксембургскій. Графъ Бисмаркъ депешей отъ 3-го декабря, адресованною сѣверогерманскому посланнику въ Гагѣ, объявилъ, что великое герцогство Люксембургское нарушеніемъ нейтралитета, обезпеченнаго ему конвенціей, заключенною въ Лондонѣ въ 1867 году, потеряло свои права, и что прусское правительство считаетъ своимъ долгомъ не стѣсняться болѣе нейтралитетомъ великого герцогства, если того потребуютъ военныя операціи. Нарушенія нейтралитета со стороны Люксембурга, по словамъ союзнаго канцлера, были слѣдующія: 1) торжественныя манифестаціи въ пользу Франціи; 2) снабженіе крѣпости Тіонвиля продовольствіемъ въ то время, когда эта крѣпость еще была въ рукахъ французовъ; 3) свободный пропускъ во Францію французскихъ офицеровъ и солдатъ, которые послѣ капитуляціи Меца пробирались черезъ территорію Люксембурга, минуя нѣмецкія позиціи и 4) устройство на Люксембургской желѣзнодорожной станціи французскимъ вице-консуломъ формально-организованнаго бюро, въ которомъ давалось средство всѣмъ бѣжавшимъ изъ плѣна французамъ присоединиться къ сѣверной французской арміи, которая такимъ образомъ увеличилось на 2000 человѣкъ.

Это заявленіе графа Бисмарка считается, по мнѣнію почти всѣхъ органовъ европейской печати, равносильнымъ присоединеніи Люксембурга къ Германіи, противъ чего сильно протестуютъ люксембургцы, съ особенною энергіей выражавшіе въ послѣднее время свою преданность своему великому герцогу (королю нидерландскому). Отвѣтъ нидерландскаго правительства на депешу графа Бисмарка намъ еще не извѣстенъ, и поэтому дѣлу въ телеграммахъ встрѣчаемъ только одно офиціальное заявленіе: люксембургская офиціальная газета опровергаетъ слухи, будто бы король нидерландскій вступилъ въ соглашеніе съ Пруссіей объ уступкѣ ей Люксембурга. Что касается до нидерландскихъ газетъ, то онѣ обсуждаютъ этотъ вопросъ весьма хладнокровно и даже высказываютъ мысль, что для Голландіи было бы гораздо выгоднѣе, если бы Люксембургъ присоединился къ Германіи, такъ какъ принадлежность его королю нидерландскому можетъ служить для него постояннымъ источникомъ затрудненій. И дѣйствительно, положеніе Люксембурга совершенно исключительное. Эта маленькая страна, въ 56 кв. миль съ 200,000 жителей, входила въ составъ прежняго Германскаго Союза, но принадлежала королю нидерландскому и владѣла одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ, гдѣ находился гарнизонъ Союза. Въ 1866 году, когда распался прежній Германскій Союзъ, Люксембургъ остался подъ личною властью короля нидерландскаго, но образовалъ независимое нейтрализованное государство по лондонской конвенціи 1867 года, причемъ и крѣпость его была срыта.

Всѣ свѣденія по Люксембургскому вопросу мы имѣемъ пока только изъ телеграммъ, и еще не извѣстно, какой отвѣтъ на прусскую ноту дадутъ державы, подписавшія конвенцію 1867 года; изъ Лондона, впрочемъ, отъ 16-го декабря телеграфируютъ, что лордъ Гранвилль высказываетъ готовность разсмотрѣть жалобы графа Бисмарка вмѣстѣ съ прочими державами, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на сомнѣнія, которыя могло бы возбудить одностороннее нарушеніе трактата. Англійскія газеты утверждаютъ притомъ, что вопросъ о Люксембургѣ будетъ переданъ на разсмотрѣніе конференціи державъ, подписавшихъ трактатъ о нейтрализаціи этого герцогства.

Съ театра военныхъ дѣйствій получаются извѣстія (до сихъ поръ еще только по телеграфу) о сраженіяхъ, происходившихъ по занятію нѣмцами Орлеана, между арміями принца Фридриха Карла и Луарскою, состоящею нынѣ подъ начальствомъ генерала Шанзи. Послѣ четырех-дневной битвы при Божанси, нѣмецкія войска заняли Блуа, и французы отступили въ Туру, около котораго уже появились передовые отряды нѣмецкой

арміи. Подробностей этихъ сраженій мы еще не имѣемъ, но сколько можно судить по результатамъ ихъ, то успѣхъ и до сихъ поръ все остается на сторонѣ нѣмцевъ, хотя новонабранныя французскія арміи дерутся храбро. Правительственная делегація, находящаяся нынѣ (какъ уже извѣстно читателямъ) въ Бордо, извѣщаетъ офиціально, что новые отряды идутъ на подкрѣпленіе Луарскихъ армій; декретомъ делегаціи порты Гавръ, Феканъ, Діеппъ объявлены въ блокадѣ для того, чтобы нѣмецкія арміи не могли получать продовольствія съ моря, и для содержанія блокады сдѣлано распоряженіе о сосредоточеніи французскихъ эскадръ близь означенныхъ портовъ.

На сѣверѣ нѣмецкія войска, по занятіи Руана, стали подступать къ Гавру, который началъ усиленно вооружаться и готовиться къ защитѣ; но, какъ сообщаютъ телеграммы изъ Бордо отъ 15-го декабря, генералъ Мантейфель не пошелъ на Гавръ, а куда онъ намѣренъ направиться — телеграммы еще не сообщаютъ.

Между тѣмъ нѣмецкимъ войскамъ сдаются послѣднія крѣпости, которыя еще держались: 12-го декабря капитулировалъ Фальсбургъ и 15-го Монмеди.

Что касается до Парижа, то подъ стѣнами его послѣ сраженій, происходившихъ въ первыхъ числахъ декабря, не было никакихъ дѣлъ, что̀ свидѣтельствуетъ, какъ энергически дѣйствуютъ его защитники. И дѣйствительно, всѣ эти сраженія, хотя не имѣвшія никакихъ положительныхъ выгодъ для французовъ, доказали, что съ Парижемъ справиться не такъ легко, какъ предполагали нѣмецкіе стратегисты. Англійскія газеты прямо называютъ обложеніе Парижа великою стратегическою ошибкой генерала Мольтке. Утверждаютъ, что тѣсное обложеніе столицы сильно повредило нѣмецкимъ войскамъ во время послѣднихъ сраженій, и что для осаждающихъ было бы гораздо выгоднѣе, еслибъ при вылазкахъ своихъ, парижская армія не могла укрыкаться подъ защитой своихъ фортовъ. Самыя нѣмецкія газеты сознаются, что невозможно было ожидать, чтобы генералъ Трошю въ два мѣсяца могъ создать такую сильную армію и такъ вооружить ее, что она выдерживаетъ съ успѣхомъ бой противъ стройныхъ и испытанныхъ нѣмецкихъ войскъ. Тѣмъ не менѣе нѣмецкія военныя начальства не думаютъ ослаблять осады Парижа, и какъ извѣщаетъ *Königsberger Zeitung*, отъ 14-го декабря, новыя дивизіи ландвера идутъ во Францію на на смѣну войскамъ, занимающимъ Эльзасъ и Лотарингію, чтобъ тѣ въ свою очередь могли присоединиться къ арміи осаждающей Парижъ.

Послѣднія сраженія и упорная защита Парижа, по извѣстіямъ изъ Лондона, сообщаемымъ въ вѣнской *Tages Presse*, отъ 10-го декабря, подали поводъ Англіи и Австріи — обратиться къ прусскому правительству съ предложеніемъ заключить перемиріе, которое могло бы повести наконецъ къ прочному миру и положить конецъ страшному кровопролитію; обѣ нейтральныя державы предлагаютъ будто бы, въ видѣ прелиминарій мира, признаніе нынѣшняго французскаго правительства, нейтрализацію Эльзаса и Лотарингіи и уплату извѣстной суммы за военныя издержки. Съ другой стороны, прусская офиціозная *Spener Zeitung* сообщаетъ, что при заключеніи мира непремѣннымъ условіемъ будетъ требованіе о срытіи укрѣпленій Парижа и его фортовъ, такъ какъ они были главною виной продолжительности кровопролитія.

Дѣло объединенія Германіи приближается къ концу. Читателямъ извѣстно уже рѣшеніе сѣверо-германскаго рейхстага; въ засѣданіи союзнаго совѣта 13-го декабря, подъ предсѣдательствомъ государственнаго министра г. Дельбрюка, были выслушаны заключенія онаго относительно договоровъ съ Баденомъ, Гессеномъ, Виртембергомъ и Баваріей, по вопросу о присоединеніи ихъ къ Германскому Союзу и о введеніи въ конституцію Союза выраженій: *Германская имперія* и *Германскій императоръ*. Вслѣдъ затѣмъ депутація изъ 30 членовъ рейхстага отправилась 13-го же декабря въ Версаль для торжественнаго извѣщенія короля Вильгельма о состоявшемся рѣшеніи.

Для окончательнаго утвержденія новаго порядка вещей въ присоединяющихся къ Германскому Союзу государствахъ созваны мѣстные сеймы (ландтаги), и 16-го декабря баденская палата депутатовъ уже утвердила единогласно договоры по общегерманскому устройству. Согласіе прочихъ ландтаговъ также не подлежитъ сомнѣнію.

Открытіе прусскаго ландтага послѣдовало 14-го декабря. Тронная рѣчь, прочитанная при этомъ, указываетъ прежде всего на счастливый ходъ войны и на патріотизмъ, одушевляющій всю Германію, — и присовокупляетъ, что правительство считаетъ своимъ долгомъ представить какъ можно ранѣе на разсмотрѣніе палаты бюджетъ. За дѣло внутреннихъ преобразованій оно обѣщаетъ приняться по возстановленіи мира, и эту задачу ему облегчитъ столь мощно пробудившаяся въ послѣднее время любовь къ отечеству.

Въ Австро-Венгріи слухи о министерскомъ кризисѣ снова умолкли — и общее вниманіе сосредоточивается на засѣданіи делегацій, собравшихся въ Пештѣ, гдѣ въ настоящую минуту находится самъ императоръ съ общеимперскими министрами. Въ засѣданіи 16-го декабря предположено было разсмотрѣніе бюджета, статьи котораго обсуждаются въ коммисіи, и потомъ 18-го декабря предположено отсрочить сессію делегацій до 8-го января.

Самымъ важнымъ событіемъ послѣдняго времени въ Австро-Венгерской монархіи было представленіе графу Бейсту меморандума, подписаннаго 90 представителями Чеховъ, въ которомъ требуется федеративное устройство имперіи и заявляется необходимость руководствоваться иностранною политикой, болѣе соотвѣтствующею интересамъ славянъ. Затѣмъ въ меторандумѣ говорится, что отнимать у Франціи территорію есть несправедливость, а мѣшать Россіи на Черномъ морѣ — есть оскорбленіе. Вслѣдствіе чего меморандумъ считаетъ анти-славянскую политику, господствующую въ Вѣнѣ, гибельною для Австріи. 15-го декабря, какъ извѣщаетъ *Warrens Correspondenz*, графъ Бейстъ возвратилъ этотъ меморандумъ г. Ригру, находившемуся во главѣ чешской депутаціи, и объявилъ ему, что для подобныхъ заявленій есть законный путь, указанный конституціей, и что онъ не потерпитъ никакого отъ него уклоненія. Чешская нація, по словамъ имперскаго канцлера, заинтересована одинаково съ прочими австрійскими племенами въ поддержаніи договорнаго права. Дѣлая манифестацію въ пользу державы, хотя и дружественной съ Австро-Венгріей, но вступившей съ нею по этому предмету въ серіозныя объясненія, чехи поступаютъ противоположно. «Никакое государство», сказалъ въ заключеніе графъ Бейстъ: «не можетъ допустить, чтобы внутреннія партіи принимали направленіе, которое, чтобъ не употребить болѣе тяжкаго слова, я назову

отреченіемъ отъ своей страны. Такія дѣйствія должны встрѣчать энергическое противодѣйствіе».

Въ засѣданіи италіянскаго парламента замѣчательныя пренія происходили по вопросу о перенесеніи столицы въ Римъ; коммисія, которой этотъ вопросъ переданъ былъ на разсмотрѣніе, постановила крайній срокъ этого перенесенія на 31-е марта. Въ засѣданіи сената 6-го декабря военный министръ внесъ новый проектъ закона объ обязательной военной службѣ для всѣхъ гражданъ.

Смѣсь.

Мышьякъ, какъ средство къ возстановленію домашняго мира. Это повидимому героическое средство недавно было употреблено въ Парижѣ съ блестящимъ успѣхомъ. Адольфъ Л* *, актеръ при одномъ изъ маленькихъ парижскихъ театровъ, давно уже жилъ въ крайнемъ несогласіи съ женою. Однажды, послѣ ссоры, превзошедшей по неистовству вседневныя размолвки супруговъ, мужъ воскликнулъ: «Лучше бы одинъ конецъ, чѣмъ далѣе влачить такое жалкое существованіе».—«И въ самомъ дѣлѣ!» согласилась жена: «я сама уже не одинъ разъ думала отравиться—и отравлюсь!»—«Въ такомъ случаѣ, давай, умремъ вмѣстѣ. Я принесу яду».—«И отлично!» Несчастный супругъ немедленно отправляется въ ближайшую аптеку, и требуетъ мышьяку для истребленія крысъ, которыя, по его словамъ, совсѣмъ одолѣли его —«Я вообще не выдаю ядовитыхъ веществъ безъ докторскаго предписанія», говоритъ ему аптекарь: «но такъ какъ я васъ знаю, то пожалуй сдѣлаю для васъ исключеніе». Съ этими словами онъ вручаетъ покупателю пакетикъ, съ увѣщаніемъ употреблять его осторожно. Прійдя домой, доведенный до отчаянія артистъ беретъ два стакана, высыпаетъ въ нихъ порошокъ и разбавляетъ его водою. Затѣмъ онъ молча подаетъ одинъ стаканъ своей женѣ, самъ беретъ другой, и оба вмѣстѣ духомъ опорожняютъ ихъ.—«Теперь кончено!» говоритъ Адольфъ и начинаетъ плакать. Жена тоже плачетъ. Наконецъ супруги прощаются и ложатся въ постели. Часъ спустя, Адольфъ спрашиваетъ жену·—«Жена! умерла ты?»—«Нѣтъ еще. А ты?». Проходитъ еще часъ; теперь уже жена дѣлаетъ тотъ же вопросъ и получаетъ тотъ же отвѣтъ. Эта сцена повторяется разъ шесть въ теченіи ночи. Когда наконецъ, въ 6 часовъ утра несчастная супруга въ послѣдній разъ спрашиваетъ:—«Адольфъ, умеръ ты?», то онъ отвѣчаетъ со вздохомъ: —«Нѣтъ, но я ужасно голоденъ».—«Я тоже», говоритъ жена. Оба встаютъ; Madame приготовляетъ кофе, а Monsieur садится съ нею кушать—и оба, ни слова не говоря, завтракаютъ съ наилучшимъ аппетитомъ. Наконецъ Адольфъ прерываетъ молчаніе:—«Милая моя, Господь Богъ насъ, видно, не хочетъ». Она испускаетъ глубокій вздохъ:—«Если ужь жить намъ еще на свѣтѣ, какъ ты думаешь, не избѣгать ли намъ отнынѣ ссоръ?»—«О, клянусь тебѣ, я все сдѣлаю, чтобъ сохранить постоянный миръ». Съ этой минуты у нихъ пошли ладъ да совѣтъ.—Аптекарь, замѣтивъ взволнованный видъ Адольфа, догадался что онъ замышляетъ недоброе,—и вмѣсто мышьяку, далъ ему магнезіи.

Археологическія новости. Изъ Рима извѣщаютъ, что въ некрополисѣ старшаго Тарквинія близь Корнето открыто много драгоцѣнныхъ древностей. Интереснѣе всѣхъ каменный гробъ, содержащій тѣло воина въ полномъ всеоружіи, и всѣ вещи, служившія ему на войнѣ и въ частной жизни. Желѣза тутъ вовсе нѣтъ—все изъ бронзы или благородныхъ металловъ. Латы состоятъ изъ гибкой бронзовой пластинки съ подкладкою изъ холста, до сихъ поръ сохранившеюся, которая покрывала правое плечо, и простиралась на грудь и спину, и изъ четыреугольной грудной пластинки съ золотымъ щиткомъ, украшеннымъ тиснеными узорами, и окаймленнымъ съ нижней стороны полосами, на которыхъ изображены птицы и фигуры въ родѣ якорей;—затѣмъ слѣдуютъ щитъ, изъ тисненой бронзы на кожаной подкладкѣ, металлическія части копья: обоюдоострый наконечникъ и другой тупой, для втыканія въ землю, и исполинская походная фляга для питія. Въ ногахъ лежали два кованыхъ бронзовыхъ сосуда, гладкая серебряная чаша безъ украшенія, двѣ деревянныя миски съ бронзовыми гвоздями, двѣ узды, бронзовыя и серебряныя булавки, отчасти выложенныя янтаремъ, два простыхъ бронзовыхъ запястья, большой перстень изъ того же металла, разныя круглыя фигуры, очевидно украшавшія попону, жукъ съ египетскими фигурами, ножъ, рукоять котораго покрыта серебряными и бронзовыми кольцами, бритва, имѣющая форму серпа. Одна маленькая серебряная булавка украшена золотой филиграной работой. Замѣчательно совершенное отсутствіе греческихъ росписныхъ сосудовъ; за то есть кувшинъ съ длиннымъ узкимъ горлышкомъ (guttus), расписанный птицами, похожими на гусей, на манеръ совершенно различный отъ греческаго. Изъ всего этого видно, что гробница эта не только чрезвычайно древняя, но принадлежитъ къ эпохѣ распространенія специально-азіатской культуры по берегамъ Средиземнаго моря. Эта рѣдкая находка принадлежитъ частному лицу.

ОПЕЧАТКА.

Въ № 49 «Нивы» подъ рисункомъ «Собора Пресвятыя Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ» вмѣсто «*гравировалъ Л. А. Сѣряковъ*» ошибочно напечатано: «гравировалъ К. Вейерманъ».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 11 Декабря 1870 г. Изданіе А. Ф Маркса въ С.-П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 51. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ: За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ «НИВА» ВЪ 1871 ГОДУ.

,,**НИВА**'' будетъ издаваться въ 1871 г. въ томъ же направленіи и по той же программѣ еженедѣльно какъ и въ 1870 г.

Редакція употребила всѣ усилія для улученія журнала и можетъ обѣщать между прочимъ новыя повѣсти В. И. КЕЛЬСІЕВА (автора повѣсти ,,Москва и Тверь'') и В. В. КРЕСТОВСКАГО.

Желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ ,,Нивы'' на будущій годъ, безъ перерыва вслѣдъ за выходомъ послѣднихъ №№ за 1870 г., мы имѣемъ честь покорнѣйше просить гг. подписчиковъ (въ особенности — жительствующихъ въ **отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи**, какъ напр. въ **Сибири**, **Туркестанѣ**, на **Кавказѣ** и проч.) заблаговременно высылать въ контору редакціи свои требованія съ возобновленіемъ подписки на 1871 годъ, **тѣмъ болѣе, что заготовленіе адресовъ къ печати и назначеніе на нихъ трактовъ и мѣстъ—занимаютъ не мало времени.**

Подписная цѣна на 1871 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 130—150 художественно-выполненными рисунками:

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	Съ доставкой въ Петербургѣ	5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 р. 50 к.	Для иногородныхъ (съ пересылкой и упаковкой)	5 р.

Требованія и подписныя деньги покорнѣйше просимъ адресовать: **Въ контору редакціи журнала ,,НИВА'', А. Ф. Марксъ, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, на углу Невскаго проспекта и Большой Морской, д. Россмана, № 9 — 13.**

Эва.

(Продолженіе).

Кому не знакомо первое пробужденіе послѣ внезапно поразившаго горя?! Сначала въ просонкахъ — какое-то боязливое предчувствіе, а когда опомнишься, вдругъ снова возстаетъ предъ нами ужасный призракъ, ярко освѣщенный дневнымъ свѣтомъ. Потомъ—медленно ползущее время, утомленная голова, измученные члены, тысячи гнетущихъ мелочей, которыя напоминаютъ объ утраченномъ счастьѣ...

Точно такъ же было и съ Эвой. Въ отвѣтъ на тревожные распросы тетки, отчего у нея такой болѣзненный видъ, который она тщетно старалась скрыть, Эва свалила все на мигрень и удалилась въ свою комнату. Тамъ она то останавливалась у окна, разсѣянно глядя на улицу, то медленно принималась ходить взадъ и впередъ. Вдругъ послышался благовѣстъ къ обѣднѣ въ сосѣдней церкви.

Почти безсознательно, молодая дѣвушка схватила шляпу и мантилью, вышла изъ дому и черезъ нѣсколько минутъ взошла въ церковь.

Церковь была совершенно пуста, торжественная тишина царила подъ ея темными сводами. Эва опустилась на колѣна; скрестя на груди руки, безъ словъ, но горячо всѣмъ сердцемъ вознеслась она молитвой къ Богу, умоляя подкрѣпить ея силы; двѣ тяжелыя

слезы скатились по щекамъ ея и канули на пыльный полъ.

Въ это-же самое утро князь Верденфельсъ послалъ спросить у жены, можетъ ли она принять его. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ пошелъ въ зимній садъ и засталъ жену за завтракомъ. Холодно поклонившись, князь въ короткихъ словахъ поставилъ ей на видъ, что они живутъ совсѣмъ розно, что ихъ характеры не сходны и что онъ живо чувствуетъ недостатокъ въ семейномъ кругѣ. «Короче,—заключилъ онъ свою рѣчь,—я считаю за самое лучшее расторгнуть такой несчастный бракъ».

Княгиня сильно перепугалась. — Разстаться?! воскликнула она дрожащимъ голосомъ.

Норбертъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Развѣ тебѣ это непріятно? я, напротивъ, думалъ, что предупреждаю твое желаніе.

Княгиня помолчала, потомъ отвѣтила все еще въ сильномъ волненіи:

— Положеніе разведенной женщины очень трудно и тяжело. Ужь лучше, если только это возможно, будемъ продолжать прежнюю жизнь.

— Для меня это совершенно немыслимо, возразилъ Норбертъ вставая, — такая жизнь убиваетъ меня. Кромѣ того есть еще особенныя причины, по которымъ я желаю развода. Обдумай хорошенько — и ты свыкнешься съ этой мыслью. Развѣ ты не охотно возпользуешься свободой? И князь вышелъ изъ зимняго сада, прежде чѣмъ жена успѣла возразить ему хоть слово.

Княгиня осталась одна, волнуемая странно-раздвоенными чувствами. — Полная свобода! да развѣ у меня теперь нѣтъ ея? развѣ я не могу дѣлать что̀ захочу, а разведенная женщина подвергается такимъ наблюденіямъ, за ней такъ слѣдятъ... И что̀ это за особенныя причины, заставляющія мужа такъ сильно желать развода?

Безумная ревность вспыхнула внезапно въ княгинѣ. Она быстро встала, ея глаза такъ и пылали.

— Нѣтъ, до тѣхъ поръ пока я въ состояніи буду пошевелить хоть пальцемъ—я не допущу этого! воскликнула она. — Здѣсь не будетъ моей соперницы!

— Ты конечно не поѣдешь со мной на вечеръ, говорила баронесса, замѣтивъ за обѣдомъ, что Эва ни до чего не дотрогивается, — дѣйствительно лучше будетъ, если ты останешься дома одна; покой — самое вѣрное лекарство отъ головной боли.

— Правда, милая тетя, кротко отвѣчала Эва, — только не засиживайся пожалуйста слишкомъ долго въ гостяхъ.

Въ восемь часовъ баронесса уѣхала, а Эва пошла въ маленькій будуаръ. Она ослабила свѣтъ лампы и помѣстилась на мягкомъ коврѣ, который лежалъ передъ каминомъ. Весело вспыхивалъ огонекъ и освѣщалъ яркимъ блескомъ прекрасное, блѣдное лицо, неподвижно устремленное на пламя. Молодая дѣвушка такъ глубоко была погружена въ свои мысли, что даже не замѣтила легкаго шороха портьеры.

Весь вечеръ бродилъ князь Верденфельсъ возлѣ дома баронессы, и увидѣвъ наконецъ, что она уѣхала одна, рѣшительно взошелъ на крыльцо съ твердымъ намѣреніемъ поговорить съ Эвой. По счастливой случайности входная дверь была только полупритворена—и онъ свободно прошелъ въ гостиную, никого не встрѣтивъ. Онъ хорошо зналъ расположеніе комнатъ, потому что прежде часто бывалъ у баронессы; такимъ образомъ Норбертъ дошелъ до будуара и остановился какъ окаменѣлый.

Эва не двигалась. Потомъ вдругъ ея губы зашевелились; — устремивъ неподвижный взглядъ на огонь, она начала вполголоса припоминать небольшое стихотвореніе, которое оканчивалось короткой строфой:

А разбитому сердцу — отрада:
Умереть... умереть...

При послѣднихъ словахъ ея голосъ задрожалъ, на глазахъ блеснули слезы, а голова склонилась на грудь.

— Нѣтъ, воскликнулъ вдругъ Норбертъ, выступая изъ темноты, — нѣтъ, зачѣмъ умирать! мы будемъ жить, долго, счастливо жить.

Эва съ крикомъ вскочила на ноги.

— Не пугайтесь и не уходите отъ меня, добавилъ онъ въ волненіи, замѣтивъ, что Эва дѣлаетъ ему знакъ удалиться протянувъ дрожащую руку, какъ-бы въ оборону. — Выслушайте меня сначала, если не хотите, чтобы я сошелъ съума.

— Говорите, сказала Эва, дѣлая надъ собой страшное усиліе, — говорите, а потомъ.... потомъ мы разстанемся навсегда.

— Удержите вашъ приговоръ, до тѣхъ поръ, покуда не выслушаете мою исторію. Князь съ минуту помолчалъ, потомъ подавленнымъ голосомъ и какъ-то отрывочно началъ разсказывать.

— Мнѣ минуло только двадцать два года, когда я въ первый разъ встрѣтилъ въ обществѣ Леонтину. Она была мила, привлекательна, привѣтлива. Будучи еще слишкомъ молодъ, чтобы не забывать внутреннихъ преимуществъ передъ внѣшними, я вообразилъ, что люблю Леонтину и женился на ней послѣ короткаго сватовства, въ которомъ все повидимому шло по моему желанію. Я считалъ Леонтину за совершенство — и потому разочарованіе, слишкомъ скоро послѣдовавшее, было вдвойнѣ ужасно. Впрочемъ, я не затѣмъ сюда пришелъ, чтобы обвинять эту женщину; позвольте-же мнѣ накинуть завѣсу на все, что̀ я испыталъ. Существованіе сдѣлалось для меня пыткою, а жизнь—адомъ. Проживя такимъ образомъ шесть лѣтъ, я уже болѣе не могъ выносить. Я переселился въ садовый павильонъ, и единственными развлеченіями для меня были живопись и путешествіе. Во время одного изъ такихъ скитаній я встрѣтилъ васъ, Эва; съ того дня мое несчастное положеніе стало вдвое тяжеле — и однако я какъ то легче переносилъ его. Ваше довѣріе ко мнѣ, ваша дѣтская наивность, которой еще не успѣло коснуться тлетворное дыханіе свѣта, поддержали меня, дали мнѣ силы. Я увидѣлъ, что жизнь безъ васъ для меня окончательно немыслима, — и я твердо рѣшился, путемъ формальнаго развода, расторгнуть тяжелыя узы и возвратиться къ вамъ съ полнымъ именемъ и полной свободой. Вѣрите ли, я никогда не смѣлъ прямо глядѣть вамъ въ лицо; я скрывалъ отъ васъ мое настоящее положеніе, но этимъ я хотѣлъ избавить васъ отъ лишней борьбы и волненій. Тотчасъ-же по утвержденіи развода, я бы явился передъ вами, все бы вамъ разсказалъ, все бы открылъ; мое счастіе, моя жизнь была бы въ вашихъ рукахъ. Но такъ не случилось, какъ я надѣялся, заключилъ Норбертъ дрожащимъ голосомъ. — Теперь вы все знаете, Эва, не гоните же меня. Онъ протянулъ ей обѣ руки.

Эва печально взглянула на него. — Князь Верден-

фельсъ, сказáла она медленно, — еслибы даже я васъ любила, я не могла бы выдти за васъ замужъ. Я католическаго вѣроисповѣданія, а вы вѣдь знаете....

Князь горячо перебилъ ея слова: — еслибы вы меня любили? Эва, ради Бога, умоляю васъ, возьмите назадъ это ужасное слово.

— Не могу, возразила молодая дѣвушка, — потому что говорю правду.

— Это невозможно! проговорилъ Норбертъ, — или и вы также обманывали меня? Но однако же, входя сюда, я увидалъ слезы на вашихъ глазахъ; а вчера — эти отчаянныя усилія надъ собой — неужели все это одна только комедія?

— Выслушайте же и меня! воскликнула Эва, — да, я сознаюсь, я васъ любила... Насколько сильна была эта любовь — теперь незачѣмъ уже говорить. Всѣмъ я готова была пожертвовать для васъ, повсюду слѣдовать за вами... Князь хотѣлъ возражать, но Эва быстро продолжала: — не буду говорить, что̀ я вытерпѣла при ужасномъ открытіи. Вы, котораго я считала выше всѣхъ, вы меня обманули. Я считала васъ свободнымъ, а вы принадлежали уже другой. Сильная буря вырываетъ съ корнемъ самые мощныя деревья; правда, вы замѣтили слезы на моихъ глазахъ, князь Верденфельсъ, — но вѣдь рана еще болитъ, хотя стрѣла уже вынута.

— Эва! воскликнулъ Норбертъ въ сильномъ волненіи.

— Мы оплакиваемъ дорогихъ мертвецовъ, добавила молодая дѣвушка, сверкнувъ глазами, — но всѣ слезы этого міра не въ состояніи ихъ воскресить. Я испытала себя; теперь въ моемъ сердцѣ—только глубокая печаль, но ни малѣйшей любви.

— И такъ, достаточно было одного дня, чтобы уничтожить такую сильную любовь? спросилъ съ горькою улыбкою князь Верденфельсъ.

— Нѣтъ, воскликнула Эва, выпрямясь во весь ростъ, съ пылающей краской въ лицѣ, — не день, не часъ даже — одна минута сомнѣнія убила эту любовь. Безъ довѣрія, развѣ можно любить? Если бы я была увѣрена въ васъ, я бы вѣрила каждому вашему слову. Вы жестоко, несправедливо поступили со мной, князь Верденфельсъ, и ужаснымъ образомъ оправдали свои слова: «свѣтъ постоянно лжетъ и обманываетъ...» Голосъ графини оборвался, она не могла далѣе продолжать.

Послѣдовала минутная пауза.

— Вы справедливы, но слишкомъ... слишкомъ строги, мрачно сказалъ Норбертъ. — И такъ, мнѣ не остается никакой надежды—и я долженъ опять вернуться къ той жизни, которую я ненавижу, презираю, и которая сдѣлала меня безконечно-несчастнымъ...

— Прощайте. Онъ страстно взглянулъ на Эву, но она осталась неподвижна. — Презирайте меня, добавилъ Норбертъ, — это совершенно исцѣлитъ вашу рану.

— Норбертъ, кротко возразила графиня, — мы такъ не разстанемся. Я буду молиться, молиться отъ всего сердца, чтобы ваша жизнь была легче прежней. Эва остановилась, задыхаясь. — Прощайте же, договорила она почти шепотомъ, протягивая ему руку. Онъ взялъ протянутую руку — и съ минуту блуждающимъ взглядомъ смотрѣлъ ей въ лицо. Потомъ наклонился, прижалъ руку къ пылающимъ губамъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

У молодой дѣвушки вырвался крикъ:—Норбертъ!.. Но отвѣта не было; она услыхала шумъ затворяющейся двери, Норбертъ ушелъ, Эва осталась одна.

Одна! Страшное чувство одиночества охватило молодую дѣвушку. Некому довѣрить горя, нѣтъ вѣрной груди, куда бы преклонить голову, нѣтъ любящей руки, которая бы осушила слезы, — Эва была одна.

Безумная тревога не давала ей покою. Эва быстрыми шагами измѣривала комнату. Какъ огненные мечи перекрещивались тысячи мыслей въ ея мозгу. Развѣ не вѣрила она въ вѣчность своей любви? точно ли эта любовь умерла теперь? какъ у ней хватило силы сдѣлать Норберта такимъ несчастнымъ? было ли несправедливо съ его стороны такъ безусловно положиться на ея любовь, что онъ дошелъ даже до обмана?.. и не болѣе ли согласно съ христіанскимъ ученіемъ—осчастливить его на всю жизнь?

Эва вдругъ остановилась. — Нѣтъ! воскликнула она, — не могу! Развѣ можно быть счастливой, живя противъ своихъ убѣжденій? не было ли-бы это ложною жертвою, ложнымъ милосердіемъ? Надо оставаться при томъ, что̀ считаешь за истину, и малѣйшій шагъ въ сторону съ этой дороги приводитъ къ заблужденію. А потомъ... развѣ этотъ обманъ не глубоко оскорбилъ эту любовь? Я уже не могу вѣрить въ него, а безъ вѣры для меня нѣтъ любви!.. Теперь скорѣе-бы вонъ отсюда, опять въ замокъ Эбензее!.. и молодой дѣвушкѣ страстно, нетерпѣливо захотѣлось вернуться въ свою спокойную, родную комнатку, къ тихой однообразной жизни.

Тутъ взошла Вальбурга. — Ну, какъ твое здоровье, милое дитя? спросила она озабоченно.

— Ахъ, Валли, я такъ устала, отвѣчала Эва съ тяжелымъ вздохомъ, опускаясь на софу.

— Такъ лучше ужь тебѣ сегодня никого не принимать, возразила старушка.

— А развѣ тамъ кто-нибудь есть? спросила Эва, быстро поднимая голову.

— Да, отгадай-ка кто: вѣдь господинъ фонъ-Моллернъ пріѣхалъ. Привезъ тебѣ письмо и поклонъ отъ дѣдушки. Я ему сказала, что ты не такъ здорова; но ему хочется хоть минутку на тебя поглядѣть, если это только тебя не затруднитъ.

— Господинъ фонъ Моллернъ! воскликнула Эва,— онъ пріѣхалъ изъ дому. Зови его скорѣе, Валли, пожалуйста!

Въ ту же минуту Феликсъ стоялъ уже предъ графиней; онъ взялъ ее за обѣ руки—и на лицѣ его выразилась такая тревога, что онъ едва могъ говорить.

— Вы больны? проговорилъ онъ наконецъ. Но Эва не могла отвѣчать. Закрывъ лицо руками, она залилась цѣлымъ потокомъ слезъ.

— Эва.... графиня! воскликнулъ испуганный Феликсъ, — что̀ случилось? умоляю васъ, скажите хоть слово! Не оскорбилъ ли васъ кто-нибудь? Тотъ будетъ имѣть дѣло со мною!.. и Моллернъ ударилъ себя въ грудь съ такою силой, что въ ней гукнуло.

Эва старалась возвратить себѣ спокойствіе.

— Господинъ фонъ Моллернъ, сказала она, — простите мое ребяческое поведеніе. Но я такъ соскучилась... еслибы вы знали, какъ я здѣсь страдаю!.. мнѣ хочется домой — но какъ же это сдѣлать? Дѣдушка хочетъ оставить меня здѣсь на цѣлую зиму, а я не могу этого выносить. Молодая дѣвушка ломала руки.

Феликсъ на минуту задумался. Онъ съ тревогой замѣтилъ, въ какомъ взволнованномъ состояніи находилась графиня.

— Баронъ Эбензее прислалъ меня сюда посмотрѣть, какъ вамъ живется. Если вы желаете вернуться домой, то я могу.... то-есть, что же собственно я могу сдѣлать? повторилъ онъ, разсѣянно глядя на Эву.

— Вы можете ему сказать....

— Да, дѣйствительно, живо продолжалъ Феликсъ,— я ему скажу, что.... что здѣшній воздухъ для васъ вреденъ, или, что неспокойная жизнь слишкомъ утомляетъ васъ,—хотя я не знаю, правда ли это. Графиня, уполномочьте меня говорить съ дѣдушкой, какъ я хочу, какъ я думаю—и тогда безъ сомнѣнія вы скоро получите позволеніе вернуться домой.

Эва согласилась на все, что онъ требовалъ, только просила, чтобы баронъ Эбензее поскорѣе увѣдомилъ сестру.

Феликсъ вскорѣ распростился. Онъ смутно чувствовалъ, что не одна тоска по родному дому привела графиню въ такое взволнованное состояніе, но конечно онъ былъ слишкомъ скроменъ, чтобы позволить себѣ какіе-нибудь разспросы. Съ первымъ поѣздомъ желѣзной дороги Феликсъ уѣхалъ въ Б... и всю ночь ломалъ себѣ голову, что бы такое могло случиться съ Эвой.

Выйдя изъ дому баронессы, съ тяжелымъ сердцемъ вернулся Норбертъ въ свой дворецъ. Онъ опять послалъ спросить, можетъ ли княгиня принять его,—и нашелъ жену сидящую на софѣ въ своемъ будуарѣ, въ розовомъ атласномъ платьѣ, исполненную красоты и блеска. На колѣняхъ она держала шкатулку, изъ которой выбирала себѣ уборъ. Мгновенно замѣтивъ разстроенный видъ мужа, она велѣла камеристкѣ выдти и оставить ихъ однихъ.

— Вчера, когда я говорилъ тебѣ насчетъ развода, началъ Норбертъ, едва дождавшись, покуда затворится дверь, — эта мысль показалась какъ-будто тяжела для тебя. Теперь я пришелъ тебѣ сказать, что перемѣнилъ свое намѣреніе, конечно если ты все еще не противъ этого.

Княгиня сильно покачала головой, и ближе наклонилась къ шкатулкѣ.

— Ну, будь по твоему!.. добавилъ Норбертъ. — Прощай, я сегодня уѣзжаю опять. И онъ вышелъ изъ комнаты.

Княгиня задумчиво смотрѣла на великолѣпный браслетъ, который она только-что вынула; двѣ крупныя слезы блистали на немъ.

— Глупость! воскликнула она вдругъ и торопливо вытерла ихъ носовымъ платкомъ,—неужели приняться за роль нѣжной супруги? — поздно.

На другое утро Эва получила телеграмму отъ дѣдушки, въ которой возвращеніе домой назначалось черезъ восемь дней. Баронесса Хальденъ была окончательно возмущена такимъ непонятнымъ капризомъ своего брата.

— Ты только-что начала-было входить въ славу! А къ новому году тебя представили бы ко двору — право это непростительно!

Но жалобы баронессы ни къ чему не привели; сундуки уже запаковали; Эва была въ какой-то лихорадочной тревогѣ, она не чувствовала ногъ подъ собою; ей не хотѣлось никого видѣть, но тетка таскала ее съ одного визита на другой. Вездѣ выражали удивленіе и сожалѣніе; обѣ дамы заѣхали и къ княгинѣ Верденфельсъ, но той не было дома.

(Окончаніе будетъ).

Остріе шпаги.

(переводъ съ нѣмецкаго).

— Ничего тутъ удивительнаго нѣтъ, старый дружище: на греческомъ языкѣ да на латыни женскаго сердца не поймаешь. Если ты не хочешь, чтобъ на тебя еще менѣе обращали вниманія въ обществѣ не смотря на твою длину, если не хочешь вѣчно сидѣть въ страхѣ и трепетѣ, не столкнешь ли сейчасъ локтемъ чайный сервизъ со стола, — выучись фехтовать и танцовать.

Эту нравоучительную нотацію мнѣ пришлось выслушать много лѣтъ тому назадъ отъ одного моего пріятеля, которому я съ глубочайшимъ сокрушеніемъ исповѣдовался въ несмѣтныхъ неловкостяхъ, совершенныхъ мною наканунѣ на вечерѣ у профессора Р., и жаловался на бездушное хихиканье молодыхъ дѣвушекъ.

Мой пріятель на этомъ не остановился: онъ далъ мнѣ адресъ одного француза эмигранта, который называлъ себя Monsieur Fernand, и я поспѣшилъ отыскать этого врача отъ застѣнчивости и неловкости. Мнѣ не трудно было найдти его квартиру; служанка провела меня въ гостиную, доложила обо мнѣ, и вскорѣ явился хозяинъ — воинственная фигура съ сѣдыми волосами, темными глазами и привѣтливой, привлекательной улыбкой.

— Добраго утра, мейнъ-герръ. Говорите по французски?

— Un peu, monsieur.

— Eh bien (разговоръ продолжался на его родномъ языкѣ) — чѣмъ могу вамъ служить?

— Мой пріятель, герръ Бергеръ, былъ такъ добръ, что далъ мнѣ вашъ адресъ. Позволю себѣ спросить, могу ли я учиться у васъ фехтованію и танцамъ?

— Прекрасно! съ величайшимъ удовольствіемъ. Когда вамъ угодно начать?

— Да хоть сейчасъ, если вы свободны.

— Отлично! я къ вашимъ услугамъ.

— Да... но... пролепеталъ я запинаясь, — я полагаю, надо намъ сперва сговориться объ условіяхъ.

— Объ условіяхъ?

— Ну да — о цѣнѣ.

— Ахъ да; такъ, такъ. Я объ этомъ не подумалъ. Тяжело объ этомъ говорить... (Видно было, какъ ему это непріятно). — Два фридрихдора за двѣнадцать уроковъ — не будетъ вамъ...

— По рукамъ! И такъ...

— Начнемте! сказалъ онъ съ видимымъ облегченіемъ. — Смѣю просить?

Онъ провелъ меня въ просторную комнату со многими окнами, единственная мебель которой состояла изъ фортепіано. На гвоздяхъ, вбитыхъ въ простѣнкахъ между окнами, висѣли фехтовальныя рукавицы, проволочныя маски, а въ углу стояло около дюжины рапиръ.

— Потрудитесь стать вотъ здѣсь. Вотъ такъ. Те-

перь держитесь прямѣе, руки свободно спустите — comme ça!

Старикъ сталъ въ позицію. У него была истинно-аристократическая наружность, но я замѣтилъ, несмотря на его благородную осанку, что онъ самую капельку хромаетъ на лѣвую ногу,—какъ мнѣ показалось, отъ затвердѣнія колѣннаго сгиба. «Любопытная штука, подумалъ я — у хромаго старика учиться фехтовать и танцовать!» Однако я сразу увидѣлъ, что онъ вполнѣ владѣетъ оружіемъ и мастеръ своего дѣла.

— На первый разъ довольно, сказалъ онъ по прошествіи получаса; — теперь танцы, если monsieur не слишкомъ усталъ.

— Нисколько.

Онъ взялъ съ фортепьяно маленькую скрипочку, и быстро вывелъ смычкомъ нѣсколько аккордовъ.

— Mademoiselle Julie Fernand, моя дочь — Monsieur Förster! проговорилъ старикъ.

Она поклонилась мнѣ по всѣмъ правиламъ искусства, и я старался отвѣтить на поклонъ какъ можно менѣе неловко.

— Жюли, продолжалъ отецъ,—у меня очень нога болитъ; ты будешь имѣть честь дать Monsieur урокъ танцованія.

— Oui, mon père.

— Прошу покорно: une, deux, trois! Потрудитесь внимательно слѣдить за ногами Mademoiselle, подражайте всѣмъ ея движеніямъ. Une, deux, trois!

Такъ продолжалось, une, deux, trois, да une, deux, trois — почти часъ. Жюли съ неистощимымъ терпѣніемъ продѣлывала и повторяла всѣ движенія, а отецъ ея то пальцемъ, то смычкомъ проводилъ по скрипочкѣ.

На роздыхѣ.

Съ картины Верещагина, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ Л. Сѣряковъ.

— Потрудитесь стать comme-ça. Посмотрите: разъ, два, три! Voilà tout. Первая, вторая, третья позиція. Нѣтъ, нѣтъ, не такъ: вторая позиція не такъ. Потрудитесь повторить. Peste! у меня нога сегодня никуда не годится. Не могу.

— Ахъ, ради Бога! я въ другой разъ — оставимъ на сегодня!

— Нѣтъ, нѣтъ — низачтò! Одну минутку!

Онъ подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и крикнулъ въ другую комнату:

— Жюли, надѣнь танцовальные башмаки и приходи въ залу, да поскорѣе.

Жюли вошла. Странная дѣвушка! Высокая, съ большими черными глазами, маленькимъ ртомъ, съ полными губками, но со впалыми щеками, а вся вообще худая и костлявая. Она давно выросла изъ надѣтаго на ней платья; выраженіе лица ея, несмотря на жесткость чертъ, было дѣтское. Словомъ сказать—десятилѣтній ребенокъ, въ увеличительное стекло принявшій видъ восемнадцати-лѣтней дѣвушки.

— Прекрасно, tres-bien, monsieur! сказалъ онъ наконецъ. — У васъ есть жизнь, есть кровь — горячая кровь, хотѣлъ я сказать; у васъ есть слухъ, вы соблюдаете тактъ—вы мнѣ принесете честь. Julie, salue monsieur!

— Bonjour, monsieur, сказала Жюли и молча вышла изъ залы.

— Когда я буду имѣть честь снова видѣть васъ здѣсь?

— Послѣ завтра, если позволите.

— Очень хорошо. Надѣюсь, что нога моя не будетъ мнѣ мѣшать. Bonjour, monsieur!

Старикъ поднялся; видно было, что нога у него болитъ, но это ему не помѣшало проводить меня до дверей и раскланяться со мной съ достоинствомъ знатнаго.

Въ назначенный день я опять явился.

— Ah, monsieur, сказалъ мнѣ старикъ, какъ только я пришелъ,—какое несчастіе! Нога моя совсѣмъ отказывается. Вашъ нѣмецкій климатъ не годится для

ранъ стараго солдата: солнце Франціи теплѣе! прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ приду въ другой разъ, возразилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ. Этого не нужно, — Жюли дастъ вамъ урокъ. Будьте добры—отворите дверь; я не въ состояніи встать съ мѣста.

Я отворилъ. Старикъ крикнулъ:

— Жюли, Жюли! Надѣвай скорѣе башмаки, да захвати нагрудникъ.

Жюли вошла, держа въ рукѣ маленькій кожаный нагрудникъ.

— Bonjour, monsieur.

— Bonjour, mademoiselle!

— И такъ, monsieur, mademoiselle вамъ даетъ урокъ, сказалъ Monsieur Fernand, надѣвая ей нагрудникъ и маску. — Теперь въ позицію! Жюли, въ позицію! Такъ.

Жюли исполняла всѣ движенія съ граціей и легкостью, повидимому унаслѣдованными ею отъ отца. Онъ же продолжалъ:

— Потрудитесь не сводить глазъ съ руки mademoiselle; на глаза еще не смотрите—это впослѣдствіи, теперь еще недовольно сильны. Теперь парируйте — хорошо! Кварту—такъ! потомъ терцію—не такъ круто, не такъ круто! колите!

Я нанесъ ударъ какъ могъ нѣжнѣе, между тѣмъ какъ Жюли, держа рапиру въ правой рукѣ, скользнула пальцами лѣвой внизъ по моему клинку, чтобы направить и поддержать его—все какъ слѣдуетъ опытному фехтовальщику.

— Ah bah, monsieur! крикнулъ старикъ,—не такъ нѣжно! Вы еще не такъ далеко ушли, чтобъ быть опаснымъ противникомъ для mademoiselle. Притяните къ себѣ мизинецъ. Теперь кварту — такъ! Парадъ! колите! Уже лучше — еще разъ!

Положеніе мое не имѣло для меня ничего пріятнаго. Этакъ ни съ того ни съ сего, изъ всѣхъ силъ колоть ребенка прямо въ грудь — какъ-то страшно было. Но нечего было дѣлать; мы продѣлывали всѣ штуки, Жюли всегда строго соблюдала всѣ правила, постоянно была на сторожѣ, парировала мои удары съ силой и граціей, такъ что я весьма скоро пришелъ къ убѣжденію, что самъ старикъ едва ли много лучше ея фехтуетъ.

Нога отца въ слѣдующія недѣли не поправилась—и все это время меня учила Жюли. Мои глаза скоро пріучились отыскивать ея глаза за проволочной сѣткой—я уже на столько успѣлъ, что наши клинки правильно скрещивались,—и я сталъ замѣчать, что дѣтское, равнодушное выраженіе лица ея постепенно исчезало, что оттѣнокъ женственности коснулся ея чертъ. Въ ея глазахъ уже не было тупаго пристальнаго взгляда ребяческаго любопытства или спокойствія опытнаго фехтовальщика—жизнью и душою засвѣтились эти глубокіе, темные, жгучіе зрачки.

Однажды я принесъ старику гостинецъ—коробку шоколаду: онъ наконецъ настолько поправился, что самъ могъ заниматься со мною. Онъ съѣлъ нѣсколько плиточекъ, потомъ отдалъ коробку Жюли и далъ мнѣ урокъ фехтованія; Жюли сидѣла тутъ же, дожидаясь урока танцованія. Когда мы кончили, старикъ весело сказалъ:

— Вотъ теперь и я шеколаду поѣмъ!

Жюли вздрогнула, точно со сна.

— Что же это такое! засмѣялся отецъ, открывъ коробку,—ты одна все съѣла? Coquine! Вотъ лакомка-то!

Она вся вспыхнула, изъ глазъ брызнули слезы, и она ничего не отвѣтила.

— Струна лопнула! опять заговорилъ старикъ, настраивая скрипку.—Жюли, пойди принеси.... впрочемъ нѣтъ, останься—тебѣ не найти. Pardon! Mademoiselle что нибудь сыграетъ вамъ, пока я ворочусь.

Онъ вышелъ, а Жюли сѣла къ инструменту; когда я открылъ его, она сказала голосомъ придушеннымъ отъ слезъ:

— Monsieur, вы не думайте, чтобъ я была жадна.

— Да вѣдь однако. возразилъ я смѣясь, — развѣ вы не скушали однѣ всю коробку?

— Правда, monsieur, но.... Въ Жюли точно происходила борьба, она запнулась, наконецъ договорила:—но съ воскресенья я ничего не ѣла, кромѣ нѣсколькихъ корокъ хлѣба, а со вчерашняго дня и этого не ѣла. Я слишкомъ была голодна. Право, я не жадная!

— Боже милостивый, Жюли, что́ вы говорите! Вѣдь вы себя изведете—можно ли дѣлать такія глупости! Въ ваши года....

— Въ мои года! Когда нечего было ѣсть! Накормивъ служанку, на меня ужь не хватало.

— Бѣдное, бѣдное дитя! Возможно-ли? А я, безсовѣстный, еще ни разу не подумалъ о томъ чтобъ заплатить отцу вашему за уроки! Что́ бы ему было напомнить мнѣ!

— Онъ скорѣе съ голоду умретъ! отвѣтила она, гордо поднимая свое орошенное слезами личико.

— Я сейчасъ заплачу ему! засуетился я.—О я слѣпой! я долженъ былъ догадаться по вашему лицу.

— Неужели я ужь такъ худа? спросила она мрачно.

— Бѣдное дитя! проговорилъ я, уклоняясь отъ вопроса.

— Дитя! Мнѣ семнадцать лѣтъ, monsieur.

— Въ самомъ дѣлѣ? Боже, какъ мнѣ жаль!... Я сейчасъ....

— Только ради Бога не сейчасъ! Я бы ни за что не сказала вамъ, но мнѣ невыносима была мысль, что вы меня примете за жаднаго ребенка. Не правда ли? вы не подадите виду отцу—онъ никогда не простилъ бы мнѣ.

— Положитесь на меня, mademoiselle.

Monsieur Fernand вернулся; струна была натянута. Онъ игралъ со свойственнымъ ему милымъ выраженіемъ лица, а мы съ Жюли выдѣлывали па́ и фигуры.

— Un, deux, trois. Julie, plus machinalement! Monsieur *учится*; а не для удовольствія танцуетъ. Plus ma-chi-na-lement! Спокойнѣе! Еще разъ! Comme ça!

Такъ протанцовали мы кадриль и вальсъ подъ звуки пискливой скрипочки; какъ только мы танцовали поживѣе, не совсѣмъ по учебному, раздавался сердитый голосъ отца:

— Plus machinalement, Julie!

По окончаніи урока я сказалъ, что вѣроятно уѣду на нѣсколько дней и просилъ M-r Fernand принять гонораръ.

— Pardon, monsieur, курсъ еще не конченъ—стало быть время есть!

— Но вы бы меня крайне обязали; я не люблю уѣзжать оставляя за собою долги.

— Bien! сухо сказалъ M-r Fernand и съ величайшей небрежностью опустилъ золотые въ жилетный карманъ, все это съ такимъ снисходительнымъ видомъ, что я внутренно посмѣялся бы, если бы не вспомнилъ разсказа Жюли. Я ушелъ, но остановился за угломъ; немного спустя служанка уже вышла съ корзинкой и скоро вернулась съ провизіей. Я съ облегченнымъ сердцемъ удалился, и

далъ себѣ слово никогда не допускать Жюли съ голоду ѣсть шоколадъ.

Этакъ черезъ недѣлю я опять къ нимъ пошелъ. Я нашелъ поразительную перемѣну: Жюли сдѣлалась цвѣтущей дѣвушкой; достаточная пища имѣла почти волшебное дѣйствіе на этого ростущаго еще ребенка, платье на ней тоже было другое, приличное ея лѣтамъ и по росту.

Въ Monsieur Fernand не было ни малѣйшей перемѣны: онъ былъ все также неизмѣнно вѣжливъ, съ трудомъ удерживался отъ снисходительности, постоянно серіозно относился къ дѣлу. Когда нога у него не болѣла, онъ самъ со мною занимался; я съ нимъ фехтовалъ, а Жюли играла, потомъ я съ нею танцовалъ—и часто часто старикъ прикрикивалъ на насъ: Plus machinalement, Julie. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, пока онъ въ одинъ прекрасный день не сказалъ мнѣ:

— Monsieur, вамъ пора прекратить уроки. Вы отлично фехтуете, и вамъ только нужна изрѣдка практика. Я далѣе не могу съ васъ деньги брать, потому что вамъ у меня болѣе нечему учиться.

Я настоятельно просилъ позволить мнѣ пройти еще одинъ курсъ, такъ какъ я еще не въ состояніи обезоружить противника.

— Хорошо, monsieur, — еще одинъ курсъ. У меня сгибъ руки такъ отвердѣлъ, какъ колѣно; поэтому вы будете заниматься съ Жюли. Рука у нея — сталь, и если вы будете въ силахъ у нея выбить оружіе, вамъ уже нечему будетъ учиться.

Я продолжалъ ходить на урокъ — но уже не съ прежнимъ увлеченіемъ. Я былъ точно преображенъ и почти не замѣчалъ, что Жюли меня то и дѣло застигала врасплохъ. Почему же? А потому, что я однажды, проводя вечеръ у родныхъ, познакомился съ одной дѣвицей, слишкомъ глубоко заглянулъ ей въ глаза — и по уши попался въ ея сѣти. О ней одной мечталъ я, о ней думалъ и день и ночь. Фехтованіе, танцы и все прочее разомъ отошло на задній планъ.

Безпрестанно теперь случалось, что Жюли выбивала у меня изъ руки клинокъ; но чтó могло такъ ее сердить? Глаза ея такъ и сверкали изъ-за маски.

— Doucement, Julie! сказалъ старикъ однажды, когда она опять съ такимъ ожесточеніемъ ударила мою рапиру, что она съ трескомъ полетѣла въ стѣну. — Monsieur кажется усталъ, лучше перестанемъ.

Передъ самой свадьбой я встрѣтилъ на улицѣ старика съ дочерью и поклонился имъ.

— Кто это? спросила моя невѣста, съ которой я въ первый разъ офиціально публично гулялъ.

— Мой учитель фехтованія и его дочь.

— Гм!.. промычала моя невѣста и всю остальную прогулку молчала.

На слѣдующій день я пошелъ къ Monsieur Fernand. Я засталъ Жюли одну; у старика были гости, и онъ пришелъ только на одну минуточку, извиниться. Жюли стала передо мною безъ маски, съ рапирой.

— Ну, Жюли, сказалъ я (послѣднее время мы называли другъ друга по имени), — сегодня въ послѣдній разъ.

— Меня зовутъ, Mademoiselle Fernand. Кто эта дама, блондинка?

— Эта дама, отвѣчалъ я, конфузливо улыбаясь,— черезъ три недѣли будетъ моей женою. Что съ вами, Жюли? Вы нездоровы?

— Ничего. Только сегодня безъ маски. Мы не дѣти, возразила она глухимъ голосомъ.

Я бросилъ маску, и мы начали. Я былъ совершенно спокоенъ; она напротивъ казалась крайне взволнованной, она бросалась на меня изступленно. Парируя одинъ изъ ея ударовъ, я замѣтилъ, что на концѣ ея рапиры нѣтъ кнопки, что она нападаетъ на меня съ острымъ оружіемъ.

— Mademoiselle, - воскликнулъ я, — вы ошиблись, ваша рапира безъ кнопки!

— Нѣтъ, не ошиблась, monsieur! отвѣтила она, сверкая глазами и нахмуривъ брови, — я сама заострила. Такъ черезъ три недѣли свадьба! Ваша невѣста любитъ ваше красивое лживое лицо — его-то она и не получитъ. Я его раздеру, какъ вы сердце мнѣ разорвали. En garde, monsieur!

— Жюли, послушайте! воскликнулъ я въ ужасѣ.

— En garde, monsieur! и глаза ея сверкнули точно у разъяренной львицы, — защищайтесь, а то можетъ кончиться тѣмъ, что совсѣмъ свадьбы не будетъ.

Она бѣшено на меня бросилась; я долженъ былъ напречь все свое искусство чтобы отводить ея удары. Но вотъ — кварта! Я плохо парирую, и ея острая рапира распорола мнѣ руку отъ сгиба до самаго плеча.

Когда она увидѣла мою кровь, она бросила рапиру и кинулась ко мнѣ. Потеря крови обезсилила меня, я упалъ на диванъ и только смогъ проговорить: «Ради Бога, Жюли, отломите остріе рапиры! Пожалуйста! милая Жюли! скорѣе!», затѣмъ лишился чувствъ.

Когда я очнулся, рука моя была уже перевязана; я слышалъ, что Жюли рыдала и понималъ ея слова, хотя не могъ шевелиться.

— Эрнстъ, дорогой Эрнстъ! говорила она, — я тебя убила! Я сама готова за тебя вынести тысячи смертей — вмѣсто того убиваю тебя! О, я злодѣйка! Эрнстъ! не умирай, не умирай!

— Успокойся, дитя. Прежде всего дай мнѣ сюда остріе отъ шпаги.

Она подала мнѣ. Я посмотрѣлъ на него: Жюли какъ иголку тонко наточила его о камень.

Вошелъ monsieur Fernand.

— Чтó случилось? испуганно спросилъ онъ.—Какъ это могло случиться.

— Очень просто, отвѣтилъ я: — кнопка отскочила во время фехтованія, мы не замѣтили, а Жюли попала въ меня.

— Какъ это неосторожно! горячился старикъ. — Въ самомъ дѣлѣ кончикъ отломленъ. Гдѣ онъ?

— Гдѣ-нибудь валяется.

— Я поговорю съ оружейникомъ. Какъ не совѣстно давать такое оружіе! Теперь я долженъ еще отлучиться къ гостямъ. Извините — Жюли съ вами посидитъ.

Онъ ушелъ. Жюли въ глубокомъ сокрушеніи сѣла ко мнѣ.

— Я отъ всей души тебя прощаю, дорогая Жюли, сказалъ я, протягивая ей здоровую руку; — люби меня и теперь, но не какъ невѣста, а какъ сестра; довѣряй мнѣ всегда какъ брату, и я буду тебя охранять и оберегать пока живъ буду.

Рыдая, она наклонилась надъ моей рукою, орошая ее жгучими слезами, потомъ подняла ко мнѣ отуманенные глаза, такъ грустно, такъ тоскливо! Но она старалась совладать съ собою, прижала мою руку къ своей груди и уныло шепнула:

— Я буду любить тебя какъ сестра.

Старикъ воротился. Скоро я почувствовалъ себя въ

силахъ ѣхать домой. Дружеское пожатіе руки старика, еще одинъ долгій, горячій взглядъ Жюли — и я вышелъ отъ нихъ.

. . . .

Десять лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло. Я сижу у своего письменнаго стола и работаю. Дѣти сегодня безсовѣстно развозились.

— Тише тамъ!

Внезапное затишье—но за тѣмъ удвоенный шумъ.

— Папа, папа! посмотри-ка, что я нашла! подбѣгаетъ ко мнѣ старшая.

— Оставь меня, Жюли, милочка — мнѣ некогда.

— Какой острый!

— Острый? — я навостряю уши. — Что у тебя такое?

— Вотъ что, папа!

— Обѣдать! обѣдать! зоветъ жена моя изъ сосѣдней комнаты.

— Пойди-ка сюда! зову я ее.

— Что тебѣ, Эрнстъ?

— Посмотри-ка, Жюли, знакомъ тебѣ этотъ кончикъ шпаги?

Жена моя краснѣетъ, глаза ея сверкаютъ, какъ десять лѣтъ назадъ. Она очень похорошѣла: изъ хилаго бутончика развернулась пышная роза.

Она улыбается, обвиваетъ мнѣ шею своей прелестной рукой, вмѣсто отвѣта я получаю поцѣлуй, другой... наконецъ я шутливо усовѣщиваю ее: «Plus machinalement, Julie!».

Рана зажила, но рукой я уже не могъ свободно владѣть. Моя невѣста объявила, что не желаетъ имѣть «мужа-калѣку», отказала мнѣ письменно — и Жюли стала моей женою. Она бросила фехтованіе — ей довольно возни съ дѣтьми, Жюли и Эрнстомъ и младшимъ, названнымъ Альфонсомъ, по покойному дѣдушкѣ.

Потогонныя средства.

Никакъ нельзя отрицать пользы такъ-называемыхъ домашнихъ или народныхъ средствъ. Но точно такъ же несомнѣнно и то, что они представляютъ много опасностей. Слѣдующихъ замѣтокъ достаточно будетъ чтобы познакомить съ раціональнымъ употребленіемъ и свойствами нѣкоторыхъ изъ наиболѣе употребительныхъ такихъ средствъ, а именно — потогонныхъ.

Во многихъ семействахъ, особенно въ деревняхъ, принято, при разныхъ болѣзненныхъ явленіяхъ, особенно при ревматическихъ и подагрическихъ страданіяхъ, головныхъ боляхъ, насморкѣ, хрипотѣ, колотьяхъ въ боку и пр., тотчасъ же давать больному потогонное. Во многихъ случаяхъ дѣйствительно весьма полезно вызвать легкую испарину, но во многихъ другихъ это чрезвычайно опасно. Такъ напр. когда готовится воспалительная или нервная болѣзнь, такія средства могутъ имѣть весьма прискорбныя послѣдствія. Поэтому нужно весьма осмотрительно приниматься за такое леченіе,—и если есть къ тому возможность, лучше даже въ легкой болѣзни не дѣйствовать безъ совѣта врача, чтобы не вызвать опасности, вмѣсто отвращенія ея.

Многія изъ этихъ средствъ принимаемыхъ для вспотѣнія до такой степени вошли въ повседневное употребленіе, что ихъ по всѣмъ правамъ можно назвать домашними.

Самое обыкновенное изъ этихъ средствъ—бузинный чай, т. е. сушеные цвѣты, зонтикообразно ростущіе на извѣстномъ, во всей Россіи попадающемся въ изобиліи, кустарникѣ, достигающемъ почти размѣровъ дерева, — бузинѣ. Цвѣты эти распускаются въ іюнѣ—и ихъ слѣдуетъ собирать весьма скоро, иначе они обсыпаются. Надо рѣзать весь зонтикъ ножницами, въ очень сухую погоду, и бросать въ корзину, но не слишкомъ долго держать въ корзинѣ, иначе цвѣты легко почернѣютъ. Ихъ навязываютъ рядами наниткахъ и вѣшаютъ въ сухомъ мѣстѣ—всего лучше на чердакѣ, или обрѣзываютъ стебли и только самые цвѣточки насыпаютъ на полъ, на бумагу, и раза два въ день переворачиваютъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, когда они на половину высохнутъ, ихъ бросаютъ въ рѣшето и досушиваютъ въ очень тепломъ мѣстѣ, напр. въ духовой печкѣ, когда огня уже нѣтъ подъ плитою, или на самой плитѣ. Высушенный бузинный чай имѣетъ свѣтлый, сѣрножелтый цвѣтъ, его всего лучше сохранять въ жестянкахъ или плотно запирающихся деревянныхъ ящикахъ. Такъ точно поступаютъ и съ липовымъ цвѣтомъ, и эти два средства имѣютъ надъ прочими то преимущество, что крайне невинны и едва ли когда могутъ серіозно повредить. Надо наблюдать, чтобы наливать какъ липовый цвѣтъ, такъ и бузину, кипяткомъ а не не просто горячей водой, и плотно закрыть чайникъ салфеткой.

Для усиленія дѣйствія бузиннаго чая—докторъ иногда приказываетъ прибавлять къ нему раствора уксуснаго кали. Уксусно-кислое кали приготовляется изъ двойнаго углекислаго кали (простое углекислое кали тоже что поташъ) и уксусной кислоты—и образуетъ снѣжной бѣлизны, слоисто кристаллическую, блестящую соляную массу, ѣдко-солянаго вкуса, которая, если оставлять ее на воздухѣ, быстро сырѣетъ и разлагается въ поташъ. Поэтому его держатъ въ наглухо закупоренныхъ стеклянныхъ банкахъ или, еще лучше, въ раствореномъ видѣ. Въ желудкѣ растворъ этотъ превращается въ поташъ, но дѣйствуетъ гораздо легче и не раздражаетъ слизистыхъ оболочекъ. Врачи прописываютъ его въ водяныхъ, страданіяхъ почекъ, воспаленіяхъ грудныхъ органовъ и пр., обыкновенно съ бузиннымъ чаемъ; безъ предписанія доктора этого средства не должно употреблять.

Въ Германіи чрезвычайно принятъ, въ видѣ потогоннаго, спермацетъ, какъ домашнее средство. Очищенный спермацетъ, какой мы получаемъ въ аптекахъ или мускатильныхъ лавкахъ, представляетъ бѣлую массу, не крѣпкую, ломкую, въ надломѣ слоисто-кристаллическую, блестящую съ перламутровыми отливами, на осязаніе скользкую, но почти не жирную, почти безвкусную, съ особеннымъ, нѣсколько приторнымъ запахомъ. Это, какъ извѣстно, — жиръ добываемый отъ одного китообразнаго, которое водится у полюсовъ, а также въ болѣе умѣренной полосѣ и достигаетъ длины 50—60 футовъ, толстая четыреугольная голова его занимаетъ не менѣе трети всего тѣла. На наружной плоскости его черепа, также и въ другихъ мѣстахъ находятся корытообразныя полости, покрытыя

сверху саломъ и жилистой кожей—то хранится спермацетъ, въ видѣ жидкаго жира пока кашелотъ живъ. По умерщвленіи его, вынимаютъ жиръ, который остывая раздѣляется на кристаллическій спермацетъ и спермацетовое масло, состоящее изъ олеина. Изъ послѣдняго то и добывается спермацетъ, кипяченіемъ и прессировкою, потомъ очищается многократнымъ промываніемъ въ водѣ и щелокѣ, и окончательно расплавляется въ его извѣстный намъ видъ.

Спермацетъ въ видѣ мази, т. е. просто въ соединеніи съ миндальнымъ масломъ—неоцѣненное средство для наружнаго употребленія: для втиранія отъ кашля, прикладыванія ко всевозможнымъ язвамъ и особенно обжогамъ. По его безвредности онъ также служитъ къ изготовленію весьма многихъ косметическихъ средствъ напр. кольдкрема, губной помады, и тѣмъ болѣе годенъ для этого, что не такъ легко и скоро протухаетъ на воздухѣ, какъ большинство другихъ жировъ. Встарину даже доктора давали спермацетъ внутрь, въ кашлѣ, страданіяхъ легкихъ, воспаленіяхъ желудка, и пр. какъ средство укрощающее боль, и уменьшающее раздраженіе. Теперь онъ совершенно выкинутъ изъ докторской практики, и дается внутрь только какъ домашнее средство, и часто, къ сожалѣнію, съ весьма прискорбными послѣдствіями. Нѣмецкіе простолюдины обыкновенно даютъ его съ можжевеловой или другой водой или съ горячимъ пивомъ, и это одно дѣлаетъ это леченіе весьма опаснымъ, особенно когда такое героическое средство даютъ не только въ простыхъ болѣзняхъ, но даже роженицамъ!

Искренно желаемъ, чтобъ сельскіе учителя, помѣщики и пр. да и вообще каждый, имѣющій дѣло съ наименѣе просвѣщенными классами людей, старались дѣйствовать въ духѣ нашихъ указаній и объяснять всю несостоятельность и даже опасность такихъ домашнихъ лекарствъ, которыхъ немало найдется по деревнямъ у такъ-называемыхъ знахарей. Что̀ же касается собственно потогонныхъ, то въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи, по деревнямъ и вообще между простолюдинами, справедливою славою пользуется русская (паровая) баня. Это дѣйствительно, по нашему мнѣнію, незамѣнимое потогонное средство.

Мистеръ Трикъ, великій охотникъ на медвѣдей.

(Охотничій разсказъ).

Въ Соединенныхъ, вѣрнѣе давно-разъединенныхъ, Штатахъ Америки, рѣдко кто удивляется чему либо. Тамъ ничего нѣтъ невозможнаго. То что для насъ, живущихъ въ нашей старушкѣ Европѣ, кажется страннымъ и непонятнымъ — для американца очень естественно и вполнѣ въ порядкѣ вещей.

Уѣзжаете вы на нѣсколько дней, оставляя вашего пріятеля занятаго или своей адвокатурой, или фабрикой,—и возвращаясь, видите его уже проповѣдникомъ, или маіоромъ важно-гарцующимъ передъ своимъ полкомъ;—вы подивитесь такому быстрому превращенію—американца же этимъ не удивите, для него это вполнѣ въ порядкѣ вещей.

Или вы были напримѣръ на балѣ у министра финансовъ и имѣли счастіе говорить съ его превосходительствомъ ровно одинадцать съ половиною минутъ, вы очень довольны этимъ—и вдругъ узнаете на другой день, что его превосходительство изволили прогорѣть и банкротъ на двадцать милліоновъ;—вы внѣ себя отъ удивленія; а янки? онъ даже не сморгнетъ при этомъ, для него это вполнѣ естественно и въ порядкѣ вещей.

Въ Сан-Франциско въ особенности мало удивляются чему либо, и однако же всѣ знавшіе Мистера Трикка были поражены, когда онъ объявилъ себя «охотникомъ на сѣрыхъ медвѣдей» т. е. разослалъ по всей Калифорніи программу въ которой соглашался во всякое время вступать въ бой съ этимъ страшнымъ звѣремъ, за что̀ въ видѣ вознагражденія требовалъ себѣ двадцать пять долларовъ за лапу убитаго животнаго.

Объявленіе Мистера Трикка не замедлило произвести достодолжнаго впечатлѣнія между обитателями Калифорніи: охотниками, фермерами и золото-искателями, но каждый кто хотя только по наслышкѣ зналъ о сѣромъ медвѣдѣ—недовѣрчиво качалъ головою и удивлялся легкомыслію Мистера Трикка.

Если бы онъ объявилъ, что выгонитъ изъ окрестности всѣхъ золото-искателей и перевѣшаетъ то или другое индѣйское племя, то этому бы не удивились и нашли бы вполнѣ въ порядкѣ вещей.

Но сѣрый медвѣдь—это такое страшное животное, можетъ быть самое страшнѣйшее изъ всѣхъ звѣрей, что цѣлыя индѣйскія племена и толпы охотниковъ бѣгутъ безъ оглядки при первомъ приближеніи его. Два такихъ звѣря могутъ держать въ страхѣ цѣлую провинцію.

Сѣрому медвѣдю сто̀итъ сдѣлать умѣренный ударъ лапою, что разорвать на части самаго здороваго человѣка или убить любую лошадь. Онъ легко можетъ унести въ зубахъ самаго большаго быка, и въ скорости не уступитъ самой лучшей лошади. Одно еще можетъ спасать отъ ярости этого звѣря — онъ не умѣетъ лазить. Но такъ какъ на пути не всегда встрѣтишь дерево или что либо другое, на что̀ можно было бы взобраться, то сѣрый медвѣдь остается все-таки страшилищемъ для каждой мѣстности—и двадцать пять долларовъ за лапу могло считаться очень умѣреннымъ вознагражденіемъ.—«Ну, желающихъ явится много,» думалъ Мистеръ Триккъ; дѣйствительно, не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ получилъ уже заказъ.

Однимъ утромъ, въ одномъ изъ горныхъ овраговъ, лежащемъ миляхъ въ восьмидесяти отъ Сан-Франциско, въ лагерѣ индѣйцевъ раздавались страшные крики и вопли. Выстрѣлы слѣдовавшіе одинъ за другимъ были слышны и въ шахтахъ, гдѣ золото-искатели, занятые въ это самое время приготовленіемъ своего утренняго кофе, сидѣли маленькими группами. «Что за шумъ?» сказалъ одинъ, внимательно прислушиваясь всторону, откуда вѣтеръ доносилъ крики: «что случилось у этихъ бродягъ? они кажется вцѣпились другъ другу въ волосы».

Золото-искатели были бы очень ради такой потѣхѣ, потому что они неособенно любили индѣйцевъ, хотя жили съ этими послѣдними дружно и мирно, за-то что они доставляли рудокопамъ дичь и другіе жизненные припасы.

Вдругъ изъ лѣсу выскочили индѣйскія женщины и и голыя ребятишки, за которыми слѣдомъ показались и сами индѣйцы съ своими длинными карабинами—и все это безъ оглядки бѣжало прямо на костры рудокоповъ. Эти также схватились за свои ружья, готовясь мужественно принять нападеніе. Но индѣйцы и не думали нападать; наоборотъ, они бѣжали все далѣе и далѣе мимо золото-искателей, которые въ удивленіи смотрѣли на нихъ и соображали возможную причину такого страннаго явленія—и можетъ - быть еще долго бы соображали, если бы причина всей этой тревоги не явилась самолично.

Это были два исполинскихъ медвѣдя, которые, будучи ранены индѣйскими пулями, страшно рыча бѣжали за испуганнымъ населеніемъ. Два человѣка, разбуженные тревогой, едва успѣли выскочить изъ своихъ палатокъ, какъ тотъ часъ же были схвачены разсвирѣпѣвшими животными и разорваны на части. Хотя въ нихъ и стрѣляли, но все-таки нужно было очистить мѣстность, въ которой неистовствовали страшныя животныя.

Тутъ уже узнали отъ индѣйцевъ, что животныя напали на нихъ совершенно неожиданно и что въ общей суматохѣ погибло четыре человѣка. Потомъ когда началась охота на страшныхъ звѣрей, то погибли еще двое самыхъ смѣлыхъ охотниковъ; при этомъ оказалось, что медвѣдей было не два а цѣлыхъ три, послѣ чего уже никому не хотѣлось возвращаться въ покинутую мѣстность.

Тотчасъ же началось общее совѣщаніе, при чемъ одинъ изъ рудокоповъ, только что вернувшійся изъ Сан-Франциско, разсказалъ о предложеніи Мистера Трикка. Общимъ голосомъ было рѣшено: не медля ни минуты послать этому отважному охотнику депутацію, съ просьбою явиться тотчасъ же на помощь. Всѣ издержки на этотъ счетъ рѣшено было покрыть подпиской, при чемъ индѣйцамъ дано было право часть ихъ выплатить мѣхами и дичью.

Два рудокопа и два индѣйца тотчасъ же отправились въ путь. Прибывъ въ Сан-Франциско, они долго искали Мистера Трикка, пока не очутились передъ его домомъ, на дверяхъ (вѣрнѣе сказать, двухъ доскахъ, которыя должны были представлять ихъ) виднѣлись два огромныхъ объявленія, въ которыхъ крупными буквами значилось: «Мистеръ Трикъ, охотникъ на сѣрыхъ медвѣдей.»,—а для того, что бы и незнающимъ грамотѣ показать, что здѣсь именно обитаетъ великій охотникъ, Мистеръ Трикъ прикрѣпилъ надъ объявленіями подходящій рисунокъ, который каждому, даже послѣднему дитяти, былъ очень понятенъ. Но такъ какъ въ это время въ Сан-Франциско не было порядочнаго рѣщика, да и рисунокъ заказанный для этой цѣли обошелся бы слишкомъ дорого,—то Мистеръ Трикъ и не задумался употребить старый рисунокъ, который скорѣе представлялъ бенгальскаго тигра умирающаго отъ слишкомъ тѣсныхъ объятій исполинской змѣи, чѣмъ сѣраго медвѣдя. При видѣ одной ужь этой картины, индѣйцы почувствовали тайный ужасъ и удивленіе къ Мистеру Трикку. Но удивленіе ихъ было бы еще больше, если бы они могли прочитать подпись къ картинѣ, которая гласила: «Здѣсь изготовляется и чинится всякаго рода платье,» подпись которую рудокопы не могли объяснить себѣ ни чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что Мистеръ Трикъ находится въ компаніи съ какимъ либо портнымъ.

Депутація вошла или, вѣрнѣе сказать, влѣзла въ комнату смѣлаго охотника, потому что, для того что-бы добраться до него, нужно было предварительно взобраться по лѣстницѣ на крышу и отсюда уже черезъ открытый люкъ спуститься въ жилище страшнаго истребителя медвѣдей. Весь домъ состоялъ собственно изъ корабельной каюты, которую прежній ея владѣтель перетащилъ на землю и здѣсь укрѣпилъ на сваяхъ, переименовавъ въ домъ, при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ получался и погребъ, какъ называлось пространство между сваями.

Когда является депутація куда либо, то лучше для нея, если она можетъ представиться вся разомъ. Поэтому для нашихъ посланныхъ было очень не удобно влѣзать одинъ за другимъ. Но они остановились безмолвны отъ удивленія, когда очутились лицомъ къ лицу съ страшнымъ охотникомъ на сѣрыхъ медвѣдей.

Это былъ маленькій горбатенькій человѣкъ, съ кривыми ногами, занятый починкою штановъ къ которымъ онъ принаравливалъ заплату. Онъ посмотрѣлъ на вошедшихъ сквозь огромныя стекла своихъ очковъ въ массивной оправѣ—и погладивъ сову, которая сидѣла на бамбуковой жерди, крикнулъ: «Ну, что угодно, молодчики?

— Намъ нужно видѣть охотника на медвѣдей, началъ, поглядывая по сторонамъ, одинъ изъ посланнѣхъ.

— Well! кивнулъ имъ въ знакъ согласія маленькій человѣкъ,—гдѣ же медвѣди?»

— Скажите намъ сначала, гдѣ охотникъ? возразилъ говорившій, все еще поглядывая по сторонамъ.

— Damn my soul! крикнулъ карапузикъ вскакивая, при чемъ онъ оказался ростомъ ровно четыре фута, —развѣ я не Мистеръ Трикъ, который объявилъ, что онъ охотится на сѣрыхъ медвѣдей! Гдѣ медвѣди, спрашиваю я васъ? Или вы думаете шутить со мною! Тогда, god damn!... При этомъ онъ схватилъ опять свои ножницы и началъ вертѣть ими съ быстротою и ловкостью обезьяны, какъ бы показывая этимъ, что онъ перерѣжетъ горло каждому, кто только рискнетъ выбраться изъ люка.

Рудокопы были страшно изумлены, однако скоро разразились громкимъ веселымъ смѣхомъ, надъ тѣмъ «случаемъ» какъ они говорили, въ который попались. Индѣйцы же не знали, что тутъ и дѣлать. Маленькій горбачъ смотрѣлъ на нихъ сквозь свои очки такимъ проницательнымъ взглядомъ, да ктому же очки и ножницы были имъ до такой степени неизвѣстныя вещи, что дикари стояли разиня ротъ и лучше бы желали выбраться отсюда по добру по здорову.

— Ну, Господи благослови мои глаза, если это вы охотникъ на медвѣдей, началъ опять одинъ изъ рудокоповъ.—Ладно! Медвѣди недалеко отсюда и уже успѣли разорвать восемь человѣкъ, изъ которыхъ можно было бы выкроить тридцать два человѣка такой величины какъ ваша милость. И такихъ медвѣдей хотите вы уничтожить?

— Сколько ихъ? спросилъ Трикъ равнодушно

— Всѣ три въ нашей мѣстности, дружокъ! отвѣчалъ рудокопъ.

Значитъ это выходитъ триста долларовъ, — считалъ Трикъ: — расходы, путевыя издержки, тоже на вашъ счетъ?

— Да! У насъ есть и деньги и полномочіе на это. Однако же какъ же вы справитесь со страшилищемъ

когда даже такой человѣкъ какъ Билль Ланго) который, мимоходомъ сказать, упряталъ бы васъ въ свой жилетный карманъ) и тотъ ничего не можетъ тутъ подѣлать?»

— Читали-ли вы когда либо Библію? спросилъ Мистеръ Трикк насмѣшника.

— Гм! я думаю, что да!

— Знаете вы исторію о Давидѣ и Голіафѣ?

— Знаю ли я!.. Гдѣ маленькій убилъ большаго камнемъ въ голову-... Однако дружище я не думаю, что вы помышляете убить сѣраго медвѣдя камнемъ въ голову... Если такъ, то совѣтую вамъ лучше оставаться здѣсь и чинить ваши штаны, потому что будь Голіафъ сѣрымъ медвѣдемъ, онъ бы съѣлъ Давида, хотя бы этотъ и бросилъ ему въ голову цѣлый мельничный жерновъ.

— Чтó я брошу медвѣдямъ въ голову, это не ваше дѣло, сказалъ Триккъ недовольнымъ голосомъ,— я уничтожу медвѣдей—и за это вы выплатите слѣдующія мнѣ деньги; хотите, хорошо,—не хотите, такъ убирайтесь къ чорту или я вытолкаю васъ!» При этомъ Триккъ снова застучалъ своимъ оружіемъ

— Ну ладно, дружище. Чтò не такъ, пеняйте потомъ на себя, дѣло ваше! возразилъ рудокопъ качая головою.—Когда вы хотите начать охоту?

— Можно запречь вашихъ лошадей? спросилъ Триккъ, смотря черезъ отверстіе на привязанныхъ внизу животныхъ.

— Да они привычны къ упряжи, только у насъ нѣтъ ни тѣлеги, ничего такого, замѣтилъ посланный.

—Ну объ этомъ ужь я позабочусь, сказалъ Мистеръ Триккъ, снова спускаясь въ люкъ,—и такъ отправимся.... медвѣди будутъ значитъ.... Можетъ быть вамъ нужно что либо изъ платья, въ такомъ случаѣ я захвачу съ собою парусины и живо смастерю необходимое?

— Ну Богъ то знаетъ нужно ли мнѣ штаны, пробормоталъ посланный, стараясь оглядѣть себя сзади, —у моего брата есть еще одна штанина, которую онъ одѣваетъ по воскреснымъ днямъ, одно воскресенье на правую, другое на лѣвую ногу. Я думаю, что лучше бы было если бы вы насъ избавили отъ медвѣдей, если вы это только можете, чѣмъ снабжать штанами.

— Well! сказалъ Мистеръ Триккъ, кивая головой,—и такъ впередъ. Помогите мнѣ вынести все это на улицу.

Депутація вылѣзла изъ люка и стала выбирать на крышу различные предметы, которые имъ подавалъ Мистеръ Триккъ.

(Окончаніе будетъ).

На волосъ отъ смерти.

Читателю конечно извѣстно, что самая увлекательная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая опасная охота—это охота на сернъ. Поэтому неустрашимый альпійскій охотникъ не пропускаетъ удобнаго случая насладиться подобной охотой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добыть себѣ довольно вкусное мясо этого прекраснаго животнаго.

Въ одно прекрасное утро, обѣщавшее въ особенности удачную охоту, два охотника, Вальхеръ и Блэзе, отправились въ горы. Взбираясь все выше и выше, они достигли наконецъ вершины Шингеля, гдѣ должны были разстаться и разойтись въ различныя стороны, назначивъ мѣстомъ свиданія одну изъ горныхъ хижинъ. Вальхеръ направился къ Гаусштоку, Блэзе же къ вершинѣ Докъ, особенно обильной обрывами и пропастями.

Скоро Блэзе замѣтилъ серну. Сердце его забилось отъ радости, и онъ не теряя времени прицѣлился. Раздался выстрѣлъ, и бѣдное животное съ жалобнымъ стономъ упало на землю. Счастливый охотникъ спѣшилъ къ своей добычѣ; но вѣроятно зарядъ былъ недостаточенъ, потому что не успѣлъ Блэзе приблизиться къ сернѣ, какъ эта вскочила и полетѣла какъ стрѣла. Перескакивая съ утеса на утесъ, она старалась скрыться отъ неустрашимаго охотника; но этотъ послѣдній разгоряченный охотой, бѣжалъ за нею слѣдомъ, не обращая вниманія ни на тропинки ни на лѣсныя дорожки.

Но вотъ серна прыгнула на утесъ шириною не болѣе фута и пропала изъ виду. Смѣлый охотникъ не задумываясь прыгнулъ за нею слѣдомъ. Но тутъ, къ своему ужасу онъ увидѣлъ, что далѣе нѣтъ дороги а возвратиться назадъ невозможно. Передъ нимъ стоялъ отвѣсный гранитный утесъ, взобраться на который было выше человѣческихъ силъ, а съ боковъ куда ни взгляни—черныя зіяющія пропасти.

Положеніе было ужасно; однако онъ тотчасъ же началъ высматривать кругомъ себя, нѣтъ ли какой тропинки; но увы! кругомъ кромѣ черныхъ пропастей, на днѣ которыхъ весело бѣжали ручейки, ничего не было видно.

Багоръ и сапоги подбитые гвоздями, такъ часто спасавшіе его отъ неминуемой смерти, были теперь совершенно безполезны.

Солнце начало уже опускаться, а помощи—крайне необходимой помощи не было ни откуда видно. Онъ пробовалъ было кричать, но въ отвѣтъ на его голосъ раздавалось лишь далекое эхо.

Одна мысль нѣсколько утѣшала его, именно что другъ его Вальхеръ, не встрѣтивъ его въ назначенной хижинѣ, будетъ искать его на этихъ вершинахъ. Но до этого пройдутъ долгіе, мучительные часы ожиданія!...

Ночь смѣнила угасающій день, и черныя облака обложили весь видимый горизонтъ. Послѣдняя надежда на помощь и спасеніе исчезла у несчастнаго. Врядъ ли кто рискнетъ искать его въ такую ночь и на такихъ негостепріимныхъ вершинахъ.

И такъ проходятъ часы за часами длинные ужасные, полные отчаянія и страха.

Чтó передумалъ за это время несчастный—трудно даже сказать. Мысли его смѣнялись одна другою подобно облакамъ. Ему вспомнилась вся его жизнь, жизнь радости и счастія, вспомнились дѣти, жена и все то что такъ дорого сердцу. И все что онъ прежде пережилъ среди своей мирной семьи—казалась ему такимъ прекраснымъ-—.. а тутъ лицомъ къ лицу стоялъ угрожающій призракъ неминуемой смерти.

Ночь миновала, и первые пурпуровые лучи солнца освѣтили холодныя вершины. Но помощи все еще нѣтъ. Силы несчастнаго начинаютъ ослабѣвать, онъ не можетъ даже держаться въ вертикальномъ положеніи—

и съ минуты на минуту готовъ упасть въ раскрытую пропасть.

Но въ этотъ мигъ на сосѣдней вершинѣ появляется съ веревкой въ рукахъ давно-жданный спаситель Вальхеръ.

Дрожащими руками Блэзе обвязалъ себя поданной ему веревкой и черезъ нѣсколько мгновеній былъ.... въ объятіяхъ своего друга.

Никто не удивлялся, что за эту страшную ночь у него посѣдѣли всѣ волосы. Нѣсколько успокоившись, онъ далъ себѣ слово никогда болѣе не охотиться, но онъ снова принялся за свое старое и любимое занятіе.

Высокопреосвященный Иннокентій

митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Іерархъ украшающій съ 5 января 1868 года кафедру святителя Петра, высокопреосвященный Иннокентій, 28 минувшаго августа вступилъ уже въ 74-е лѣто своей апостольской многотрудной жизни.

Онъ родился 28 августа 1797 г., въ Авгенскомъ Ильинскомъ приходѣ, Верхоленскаго уѣзда (въ Восточной Сибири), гдѣ отецъ его былъ пономаремъ. Шести лѣтъ, будущій іерархъ потерялъ отца и уже сиротою поступилъ въ семинарію. Тамъ мальчику Ивану Попову дали какъ водится новую фамилію — Веніаминовъ—по имени иркутскаго епископа Веніамина. Уже съ новымъ прозваніемъ, двадцати лѣтъ отъ роду, Іоаннъ (Веніаминовъ) окончилъ семилѣтній курсъ и рукоположенъ въ діакона, а черезъ четыре года, въ санъ священника къ Иркутской Благовѣщенской церкви. Здѣсь, въ своемъ приходѣ отецъ Іоаннъ Веніаминовъ сталъ по воскреснымъ днямъ, передъ литургіею, преподавать дѣтямъ катихизисъ. Затѣмъ, черезъ три года, на вызовъ преосвященнаго Михаила, задумавшаго послать проповѣдниковъ христіанства на Алеутскіе острова, первый заявилъ желаніе—и прибывъ на островъ Уналашку, провелъ здѣсь 10 лѣтъ, изучая языкъ туземцевъ и проповѣдуя имъ истины евангелія. Самъ своими руками устроилъ себѣ жилище, ревностный проповѣдникъ, переходя отъ топора и заступа къ перу, дѣтямъ составилъ азбуку алеутскаго языка и на него перевелъ евангеліе отъ Матѳея и необходимое собраніе молитвъ. Время тяжкихъ трудовъ не пропало даромъ, новый апостолъ покорилъ Христу души дикарей всей купы сосѣднихъ острововъ, построилъ первый храмъ христіанскій, завелъ училища для образованія своей юной паствы, и въ рѣдкія минуты отдыха составилъ обширное описаніе Алеутскихъ острововъ.

Высокопреосвященный Иннокентій митрополитъ Московскій и Коломенскій.
Рисовалъ съ фотографіи Швейцеръ, гравировалъ О. Ротъ.

Всѣ эти труды, какъ ни почтенны они, были у отца Веніаминова только побужденіемъ къ новымъ, не менѣе сложнымъ. Переѣхавъ въ Ситху (главное мѣсто управленія бывшей американской колоніи) апостолъ алеутовъ, занялся языкомъ новой паствы, колоніей, и у нихъ опять выполнялъ трудную обязанность миссіонера-проповѣдника въ теченіе пяти лѣтъ, изучилъ языкъ и первый познакомилъ съ нимъ ученый свѣтъ. Эту заслугу наукѣ оказалъ онъ прибывъ въ Петербургъ, осенью 1869 года, чтобы испросить средства для продолженія дѣятельности миссіи. Въ столицѣ узналъ его митрополитъ Филаретъ (Московскій), произвелъ въ санъ протоіерея и исходатайствовалъ у Св. Синода назначеніе въ начальники американской миссіи. Въ то же время, когда дѣла ревностнаго проповѣдника филолога неожиданно для него устроивались наилучшимъ образомъ, получилъ онъ письмо о кончинѣ супруги своей въ Иркутскѣ, и тогда же по убѣжденію своего покровителя (митрополита Филарета) принялъ постриженіе, съ нареченіемъ Иннокентіемъ—именемъ святаго перваго епископа Иркутскаго. Митрополитъ Филаретъ, здѣсь, на Троицкомъ же подворьѣ, скоро возвелъ Иннокентія въ санъ архимандрита, а въ началѣ 1840 г. новый архимандритъ рукоположенъ въ санъ епископа—новоучрежденной епархіи Камчатской, Курильской и Алеутской. Пребываніе іерарху назначено въ Новоархангельскѣ, на островѣ Ситхѣ, куда весною онъ и отправился. Съ назначеніемъ преосвященному Иннокентію викарія, онъ перемѣнилъ резиденцію, избравъ мѣстомъ новыхъ апостольскихъ трудовъ далекій Якутскій край. Тамъ принялся опять неутомимый архіерей за изученіе языка якутъ, число которыхъ доходитъ до 250,000. При помощи протоіерея

На волосокъ отъ смерти.

Веніамина (впослѣдствіи своего преемника на каѳедрѣ) перевелъ на якутскій языкъ евангеліе, литургію и молитвы. Въ настоящее же царствованіе обратилъ дѣятельность на Амурскій край, насаждая христіанство между монгольскими племенами. Съ этой уже пажити Христовой переведенъ мудрый пастырь на престолъ восьми-вѣковой, семихолмной Москвы, сдѣлавшись преемникомъ маститаго своего покровителя и друга.

Политическое обозрѣніе.

Извѣстная читателямъ нота графа Бисмарка о нарушеніи нейтралитета Люксембургомъ—возбудила столько разнорѣчивыхъ толковъ въ политическихъ кружкахъ и въ газетахъ, что вызвала обширную статью въ офиціальной берлинской *Nord-deutsche Allgemeine Zeitung*, отъ 19-го декабря, въ которой подробно изложены какъ положеніе люксембургскаго герцогства, установленное лондонскимъ трактатомъ 1867 года, такъ и поводы къ неудовольствіямъ противъ нарушенія трактата, возбужденнымъ въ Пруссіи, и правительствомъ и населеніемъ означеннаго герцогства. Въ сущности статья официозной газеты есть развитіе ноты графа Бисмарка — и въ заключеніе ея говорится, что Пруссія имѣетъ полное право требовать вознагражденія за убытки, нанесенные ей несоблюденіемъ нейтралитета со стороны Люксембурга. Не смотря на это объясненіе признаннаго органа графа Бисмарка, большая часть газетъ продолжаетъ утверждать, что занятіе Люксембурга прусаками, есть уже дѣло рѣшеное, а въ *Frankfurter Journal* находимъ даже извѣстіе, что для занятія этого герцогства и устройства военнаго кордона на голландской границѣ, изъ Форбаха, съ 13-го декабря двигаются отряды нѣмецкихъ войскъ, что на желѣзной дорогѣ безпрерывно подвозятся орудія и боевые матеріалы, и что къ этимъ отрядамъ долженъ присоединиться прусскій корпусъ, осаждавшій Тіонвиль.

Въ Люксембургѣ прусская нота произвела величайшее волненіе. Патріотическій комитетъ, стоявшій прежде во главѣ агитаціи противъ присоединенія герцогства къ Германіи, организовалъ общую петицію къ королю нидерландскому, въ которой жители Люксембурга умоляютъ своего короля великаго-герцога охранить ихъ независимость, и утверждаютъ, что они всегда твердо сохраняли правила своего нейтралитета, и что прусское правительство введено было въ обманъ ложными донесеніями. Петиція эта, покрытая тысячами подписей, вызвала со стороны короля слѣдующій отвѣтъ, сообщаемый въ телеграммѣ изъ Люксембурга отъ 19-го декабря: «Я одобряю во всѣхъ пунктахъ дѣйствія люксембургскаго правительства. Мы будемъ общими силами защищать лондонскій трактатъ 1867 года и охранять независимость и честь нашей страны». Вмѣстѣ съ тѣмъ люксембургское правительство отправило въ Берлинъ отвѣтъ на ноту графа Бисмарка, въ которомъ оно доказываетъ, что притязанія Пруссіи основаны на невѣрныхъ свѣденіяхъ и что Люксембургъ строго соблюдалъ всѣ правила нейтралитета. Отвѣтъ этотъ сообщенъ былъ правительствомъ люксембургской палатѣ въ засѣданіи 21-го декабря. Палата одобрила его и выразила желаніе точнаго соблюденія нейтралитета и на будущее время,—причемъ выразила мнѣніе, что положеніе Люксембурга не можетъ быть измѣнено безъ согласія самой страны и державъ, обезпечивающихъ ея нейтральное положеніе.

Изъ отвѣтовъ иностранныхъ державъ на прусскую ноту, намъ извѣстенъ только (по сообщеніямъ английскихъ газетъ) отвѣтъ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Гранвилля, въ которомъ говорится, что нарушеніе нейтралитета люксембургскими властями можетъ дать Пруссіи право не уважать нейтралитета Люксембурга во время войны; но британскій кабинетъ находитъ, что подобное нарушеніе нейтралитета не освобождаетъ Пруссію отъ постоянныхъ обязательствъ относительно державъ, гарантировавшихъ нынѣшнее положеніе Люксембурга. Нота лорда Гранвилля заключается выраженіемъ надежды, что Пруссія не прибѣгнетъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и тѣмъ облегчитъ примѣненіе къ дѣлу теоріи полюбовнаго соглашенія, изложенной въ нотѣ графа Бисмарка.

Что касается до такъ-называемаго Черноморскаго вопроса, толки о которомъ наполняли всѣ газетные столбцы, то, съ назначеніемъ конференціи по этому дѣлу, оно повидимому вступило въ миролюбивый періодъ; покрайней мѣрѣ въ газетахъ не встрѣчается ни какихъ возгласовъ противъ честолюбивыхъ намѣреній Россіи, которые впрочемъ побѣдоносно опровергло русское правительство обнародованіемъ документовъ по этому дѣлу. Вопросъ объ участіи Франціи повидимому улаженъ, такъ какъ есть извѣстіе, что представителемъ ея на конференціи будетъ г. Тьеръ. Лондонская телеграмма отъ 23-го декабря извѣщаетъ, на основаніи свѣденій изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что конференція по Черноморскому вопросу откроется въ Лондонѣ 3-го января/22-го декабря.

Дѣло объединенія Германіи вступаетъ въ свой заключительный фазисъ. Ландтаги южно-германскихъ государствъ одобрили заключеніе договоровъ, и образованіе новаго Германскаго Союза можно считать дѣломъ оконченнымъ. 19-го декабря депутація рейхстага торжественно поднесла въ Версалѣ королю Вильгельму адресъ, въ которомъ изложены желанія Германіи и предлагается его величеству титулъ германскаго императора. Въ отвѣтѣ своемъ король выразилъ благодарность рейхстагу за доставленія средствъ къ веденію войны и къ завершенію дѣла объединенія Германіи, потомъ произнесъ слѣдующія слова: «призывъ короля Баварскаго—возстановить императорскій санъ древней Германской имперіи—возбудилъ мое глубочайшее сочувствіе; но вамъ извѣстно, что въ этомъ вопросѣ, касающемся столькихъ высокихъ интересовъ и воспоминаній нѣмецкой націи, рѣшеніе мое не можетъ зависѣть отъ моего собственнаго чувства или сужденія. Только въ единодушномъ заявленіи германскихъ государей и вольныхъ городовъ, и въ согласномъ съ ними желаніи всей нѣмецкой націи и ея представителей, я увижу призывъ Провидѣнія, коему и осмѣлюсь послѣдовать въ упованіи на благословеніе Божіе».

Между тѣмъ кровопролитная война продолжается неослабно, и для веденія ея обѣ воюющія стороны напрягаютъ всѣ свои силы. Поголовное ополченіе во Франціи создаетъ все новыя арміи, а изъ Германіи двигаются на театръ войны новые корпуса. Тяжелыя осад-

ныя орудія, какъ извѣщаютъ прусскія газеты, направляются изъ Шпандау и другихъ крѣпостей къ Парижу, что̀ ясно свидѣтельствуетъ, что бомбардированіе этого города (котораго громко требуетъ общественное мнѣніе Германіи, желающей покончить скорѣе съ войной) имѣется въ виду, хотя до сихъ поръ еще нѣтъ свѣденій, когда предполагается начать это бомбардированіе. Въ газетахъ сообщаютъ также, что южно-германскимъ государствамъ дано предписаніе выставить еще 150,000 войска, и что Сѣверо-Германскій Союзъ изготовляетъ съ своей стороны новую армію въ 250,000 человѣкъ. Подъ Парижемъ, послѣ большихъ вылазокъ въ первыхъ числахъ декабря, до послѣдняго времени военныхъ дѣйствій не было, и возобновились они, (какъ извѣщаютъ телеграммы) 21 декабря. Французы сдѣлали довольно значительную вылазку подъ предводительствомъ Дюкро и Винуа, заняли мѣстечки Стенъ и Бурже, которыя послѣ жаркаго артиллерійскаго дѣла были снова отбиты нѣмцами.

Что касается до дѣйствій на Луарѣ, то послѣ четырех-дневныхъ кровопролитныхъ сраженій при Божанси, французская армія отступила на западъ, и какъ сообщаютъ телеграммы, придвинулась подъ предводительствомъ генерала Шанзи къ ле-Ману—очевидно съ цѣлію соединиться съ ополченіями, выступившими изъ Бреста и Шербурга, и попытаться исполнить съ запада тотъ планъ, который не удался Ореллю при его движеніи отъ Орлеана, то-есть пробить ряды нѣмецкихъ армій, облегающихъ Парижъ, и соединиться съ парижскою арміей, когда послѣдняя предприметъ новую вылазку всею массой. Между тѣмъ нѣмецкія войска дошли до Тура, откуда, при извѣстіи объ ихъ приближеніи, командовавшій тамъ гарнизономъ, по переселеніи правительства въ Бордо, генералъ Соль немедленно выступилъ (за что̀ онъ и лишился командованія по распоряженію г. Гамбетты); телеграмма изъ Версаля отъ 23-го декабря извѣщаетъ, что Туръ занятъ нѣмецкою дивизіей арміи принца Фридриха Карла, послѣ краткаго сопротивленія жителей. Что касается до общности военныхъ операцій, то указаніе на нихъ мы находимъ въ *Schlesische Zeitung*, сообщающей обыкновенно самыя точныя свѣденія по этому предмету. По словамъ этой газеты, движеніе нѣмецкихъ армій на югъ не пойдетъ далѣе береговъ Шера, между тѣмъ какъ на востокѣ оно остановится у осады Бельфора и на линіи Уаньйона, но что для окончательнаго преобладанія въ территоріи, обозначенной этими границами, сдѣланы будутъ еще нѣкоторыя наступательныя движенія на западъ и сѣверъ. Что касается до арміи генерала Мантейфеля, то назначеніе ея—занять какъ можно болѣе пространства между Парижемъ и западнымъ берегомъ; но она не будетъ двигаться далѣе къ сѣверу, такъ что крѣпость Лилль останется внѣ круга ея операцій. При такомъ распредѣленіи армій, присовокупляетъ *Schlesische Zeitung*, военныя власти полагаютъ возможнымъ ожидать капитуляцію Парижа, которая по ихъ мнѣнію должна послѣдовать не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ и положить конецъ войнѣ.

Министерскій кризисъ въ Греціи, котораго ожидали вслѣдствіе настоятельныхъ требованій кабинета Делигеорги о распущеніи палаты, произошелъ 19-го декабря. Вслѣдствіе рѣшительнаго отказа короля на такую мѣру, министерство вышло въ отставку, и его величество поручилъ составленіе новаго кабинета г. Комундуросу, что̀ и было имъ исполнено: самъ онъ получаетъ президенство совѣта и портфель внутреннихъ дѣлъ; министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ г. Христопуло, министромъ юстиціи — г. Котоставросъ; военнымъ — г. Боцарисъ; юстиціи — г. Сотиропуло; морскимъ — г. Паргиросъ.

Смѣсь.

Озонъ. Что каждое дѣйствіе должно имѣть причину и что мы постоянно подлежимъ внѣшнимъ вліяніямъ—едва ли требуется напомнить читателю; во всякомъ случаѣ, въ собственныхъ интересахъ мы должны знакомиться съ враждебными и благопріятными намъ силами, которыми природа дѣйствуетъ на насъ, и потому приглашаемъ читателя не оставить своимъ вниманіемъ слѣдующую замѣтку. Ему конечно по опыту извѣстно, какъ жестоко и часто насморкъ и кашель терзаютъ бѣдное человѣчество. Вина обыкновенно сваливается на простуду, на холодный воздухъ; между тѣмъ, по самымъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, причина весьма часто совсѣмъ другая, а именно: бунтъ кислорода—этого жизненнаго начала, которое содержится въ воздухѣ. Этому взбунтовавшемуся кислороду химики даже присудили особое имя: они называютъ его «озономъ»—отъ греческаго глагола, означающаго «пахнуть». Озонъ дѣйствительно имѣетъ особый запахъ, который дѣлается намъ замѣтенъ, когда воздухъ сильно пропитанъ электричествомъ, почему существуетъ предположеніе, что озонъ есть наэлектризованный кислородъ. Какъ бы тамъ ни было, озонъ есть газъ, съ весьма сильнымъ химическимъ дѣйствіемъ, который, по основной сущности своей, есть ничто̀ иное какъ кислородъ, однако по свойствамъ своимъ опять-таки значительно разнится отъ кислорода. Знаменитый химикъ Шёнбейнъ открылъ озонъ, но только въ новѣйшее время ближе узнали его свойства и дѣйствія; вообще химикамъ съ нимъ было много хлопотъ, прежде чѣмъ они даже на половину уяснили себѣ что̀ это такое, да и теперь еще далеко не всѣ загадки разрѣшены. Впрочемъ, для объясненія сильнаго химическаго дѣйствія озона, держатся главнымъ образомъ слѣдующихъ взглядовъ. Всякая матерія состоитъ изъ очень маленькихъ частицъ, называемыхъ атомами; атомы соединяются между собою въ группы, которыя называютъ молекулами; молекулы нѣкоторыхъ первобытныхъ матерій состоятъ изъ двухъ атомовъ—а то изъ трехъ, изъ четырехъ, и пр. Смотря по тому: легче ли или труднѣе атомы, составляющіе молекулы, отдѣляются другъ отъ друга—химическое дѣйствіе матеріи болѣе или менѣе сильно. Далѣе, нашли помощью крайне тонкихъ изслѣдованій, что молекулъ кислорода состоитъ изъ двухъ атомовъ, а молекулъ озона изъ трехъ, впрочемъ одинаковыхъ. Химическая сила озона основана на томъ, что одинъ изъ трехъ атомовъ, изъ которыхъ состоитъ его молекулъ, чрезвычайно легко отдѣляется и въ то же мгновеніе весьма легко химически соединяется съ другими газами, остальные же два атома составляютъ уже молекулъ простаго кислорода. Эти же бродячіе атомы имѣютъ удивительную воздухоочистительную силу, и обладаютъ ею въ большей степени, чѣмъ что̀ либо другое, и на совершенно своеобразный манеръ. Они очищаютъ воздухъ отъ всякихъ міазмовъ и дѣлаетъ его здоровѣе для насъ, когда являются въ умѣренномъ количествѣ. Замѣчено, что заразительныя болѣзни никогда не зарождаются въ такое время, когда въ воздухѣ много озона—въ озоновые періоды, по выраженію метеорологовъ. Далѣе доказано, что воздухъ въ открытыхъ мѣстахъ содержитъ больше озона чѣмъ въ городахъ — это одна изъ причинъ почему деревенскій воздухъ такъ здоровъ. Но если этихъ атомовъ въ воздухѣ носится слишкомъ большое количество, они становятся несносны,— и если, съ одной стороны, тѣмъ сильнѣе очищаютъ воздухъ и

уничтожаютъ всѣ вредныя испаренія, за-то съ другой вызываютъ нѣкоторыя болѣзненныя явленія. Такъ замѣчено, что удары и падучая болѣзнь свойственны озоновымъ періодамъ: ударовъ бываетъ на 80° больше въ такіе дни, когда воздухъ содержитъ много озона. Катарры, раздраженіе и воспаленіе дыхательнаго горла тоже характеризуютъ озоновые періоды. Образованіе озона объясняется электричествомъ; его можно и искуственно произвести. Дешевый способъ изготовленія этого газа быть можетъ имѣлъ бы большую цѣну для бѣлильнаго промысла.

На роздыхѣ

Прилагаемый на стр. 805 рисунокъ, исполненный на деревѣ г. Шпакомъ по эскизу перомъ пр. Верещагина, и гравированный Л. А. Сѣряковымъ, изображаетъ малоросса-сборщика на построеніе храма; старикъ утомленный долгою ходьбою по жарѣ присѣлъ отдохнуть и разсѣянно слушаетъ тутъ же примастившагося мальчугана, который беззаботно и весело щебечетъ ему что-то... Не распространяясь болѣе о рисункѣ, который говоритъ самъ за себя, мы надѣемся, что знатоки рисовальнаго и граверскаго искусства отдадутъ должное этому небольшому, но истинно-художественному произведенію.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПРИ ЭТОМЪ НОМЕРѢ ПРИЛОЖЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1) для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ — **отъ журнала «Дѣтское Чтеніе».**
2) для городскихъ подписчиковъ: — **отъ магазина «Европа».** **отъ торговаго дома И. А. Кумберга.**
3) для иногородныхъ подписчиковъ — **отъ книжн магаз. Екшурскаго. отъ книжной торговли Шигина.**

Дозволено цензурою 18 Декабря 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 52. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Вэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" ВЪ 1871 ГОДУ

„НИВА" будетъ издаваться въ 1871 году въ томъ же направленіи и по той же программѣ еженедѣльно какъ и въ 1870 году.

Редакція употребила всѣ усилія для улучшенія журнала и можетъ обѣщать между прочимъ новыя повѣсти В. И. КЕЛЬСІЕВА (автора повѣсти „Москва и Тверь") и В. В. КРЕСТОВСКАГО.

Желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ «Нивы» на будущій годъ, безъ перерыва вслѣдъ за выходомъ послѣдняго № 52 за 1870 г., мы имѣемъ честь покорнѣйше просить гг. подписчиковъ (въ особенности — жительствующихъ въ **отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи,** какъ напр. въ **Сибири, Туркестанѣ,** на **Кавказѣ** и проч.) заблаговременно высылать въ контору редакціи свои требованія съ возобновленіемъ подписки на 1871 годъ.

Подписная цѣна на 1871 Г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 130—150 художественно-выполненными рисунками:

Безъ доставки въ Петербургѣ .	**4 р.**	**Съ доставкою въ Петербургѣ.** . . .	**5 р.**
Безъ доставки въ Москвѣ . .	**4 р. 50 к.**	**Для иногородныхъ** (съ пересылк. и упаковкой)	**5 р.**

Требованія и подписныя деньги покорнѣйше просимъ адрессовать: **Въ контору редакціи журнала „НИВА", А. Ф. Марксъ, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, на углу Невскаго проспекта и Большой Морской, д. Россмана, 9—13.**

Эва.

(Окончаніе).

Восемь дней истекли. Эва выѣхала изъ города М., прибыла въ замокъ Эбензее, дѣдушка въ восторгѣ прижалъ ее къ груди—и радость свиданія развлекла графиню на первые дни. Эва обѣгала по всему дому, обошла всѣ любимыя мѣстечки, посѣтила садовыхъ работниковъ, и пасторъ былъ приглашенъ отпраздновать ея возвращеніе—къ торжественному обѣду, что̀ случалось очень рѣдко, одинъ или два раза въ годъ. Моллернъ пріѣзжалъ почти каждый день, то къ обѣду, то къ вечеру,—иногда на цѣлый день, иногда-же на полчасика. Его оживленный юморъ, его сердечное добродушіе, простое, милое обращеніе веселили всѣхъ его знакомыхъ. Также Эва и баронъ Эбензее чувствовали на себѣ благодѣтельное вліяніе посѣщеній Моллерна, съ нетерпѣніемъ ожидали всегда его пріѣзда—и не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ молодой человѣкъ сталъ получать выговоры отъ графини, если поздно пріѣзжалъ, или рано откланивался. И дѣдушка началъ какъ-то оттаявать, онъ пускался въ различныя разсужденія съ Феликсомъ; сельское хозяйство, политика, литература, все поочередно составляло предметъ ихъ бесѣдъ,—такимъ образомъ часы летѣли быстро и незамѣтно. Даже и зимніе вечера, которыхъ Эва прежде такъ боялась, казались короче, когда молодая дѣвушка, уютно помѣстясь въ креслѣ, со вниманіемъ прислушивалась къ умной бесѣдѣ обоихъ мужчинъ; на Эву налѣтало такое полное спокойствіе, такой блаженный миръ, что ей казалось ужь нечего больше и желать. Она не доискивалась причины, почему Моллернъ такъ часто, даже въ самую дурную погоду пріѣзжалъ къ нимъ—и если хоть малѣйшее смутное предчувствіе прокрадывалось къ ней въ душу, она сейчасъ же заглушала его въ самомъ зародышѣ. Эва думала, что совсѣмъ покончила съ жизнію, между тѣмъ какъ она только-что начинала жить. Но эта привольная жизнь скоро прекратилась; Феликсу надо было ѣхать къ роднымъ, которые передавали ему все имѣніе, и провести зиму въ Меранѣ. Вскорѣ послѣ его отъѣзда, въ началѣ февраля, начались сильныя мятели, продолжавшіяся нѣсколько дней. Дороги сдѣлались непроходимы, бѣлая снѣжная пелена разостлалась по всей окрестности, горы закутались туманомъ, повсюду царствовала мертвая тишина и безмолвіе, только голодныя вороны жалобно и печально прыгали по снѣгу, да бѣдные воробьи и зяблики собирались цѣлыми стаями подъ окошкомъ Вальбурги, и она ихъ нѣсколько разъ въ день кормила.

Эва впала въ глубокую апатію и мрачное равнодушіе. Музыка и рисованіе ей надоѣли, она мало читала, мало работала—и Вальбурга тревожно замѣчала, какъ блѣднѣли щеки молодой графини и какъ рѣдко появлялась у ней улыбка. Вѣрная служанка собралась наконецъ съ духомъ и разсказала обо всемъ барону. Тотъ выслушалъ печально ея жалобы.«Она сама должна выйти изъ этого болѣзненнаго настроенія,—сказалъ онъ потомъ,—мы-же ни чѣмъ не можемъ помочь».

Однажды Эва поджавшись сидѣла въ большомъ креслѣ, которое стояло у окна. Работа выпала у нея изъ рукъ, но она ничего не замѣчала, неподвижно устремивъ глаза на замершую окрестность. Глубокая печаль сквозила во всѣхъ чертахъ ея прекраснаго лица. Непонятное, ей самой до сихъ поръ необъяснимое чувство шевелилось въ ней. Она думала, что груститъ о потерянномъ счастіи, о блаженномъ прошедшемъ, между тѣмъ какъ дѣло касалось до настоящаго и будущаго.

Однако она знала, что уже не любитъ болѣе Норберта, и что еслибы онъ теперь явился передъ ней совершенно свободнымъ—она никогда бы не рѣшилась отдать руку тому человѣку, который обманомъ завладѣлъ ея любовью.

Размышленія эти были прерваны приходомъ Вальбурги. «Любезная графиня, начала она умоляющимъ голосомъ,—ты бы немножко прогулялась. Сидишь цѣлую недѣлю дома, совсѣмъ пожелтѣла. А Матвѣй мнѣ невзначай проболтался, что ты ничего и не кушаешь. Воздухъ и движеніе пойдутъ тебѣ въ прокъ. Посмотри-ка, вонъ тамъ въ саду Матвѣй прочистилъ для тебя дорожку, пройдись хоть полчасика».

Послушно позволила себя графиня одѣть и укутать. Вальбурга надѣла на нее пурпуровую накидку, а голову заботливо увернула капюшономъ. Слабая улыбка скользнула по лицу молодой дѣвушки. «Я не замерзну. Прощай, милая старушка; если я не вернусь, то вели искать меня въ снѣгу»—и Эва вышла изъ дому.

Два раза принималась она прохаживаться по означенной дорожкѣ, но ей наконецъ надоѣло это ограниченное пространство—и она направила шаги къ лѣсу, съ трудомъ отыскивая дорогу, которая вела подъ гору. Сѣверный вѣтеръ дулъ ледянымъ холодомъ, Эва вязла въ глубокомъ снѣгу, хрустѣвшемъ у ней подъ ногами, наконецъ она совсѣмъ заблудилась и пошла совершенно по другому направленію. Она озябла, промокла, устала. Странное чувство безсилія овладѣло ею. Стоило ли ворочаться домой? Что ее тамъ ожидаетъ? Неужели жизнь пойдетъ все такъ же, безъ всякой перемѣны? Та же безцѣльность, то же душевное одиночество? Лучше остаться здѣсь и заснуть. Кругомъ такая тишина; кто бы ее разбудилъ?

Вдругъ раздался свистокъ и чей-то голосъ закричалъ: «Цезарь! Цезарь!»; большая Сенъ-Бернадская собака выбѣжала изъ рощицы — и невдалекѣ отъ Эвы показался господинъ фонъ-Моллернъ верхомъ на лошади.

— Графиня!... воскликнулъ онъ въ совершенномъ изумленіи,—какъ вы сюда попали? васъ-ли это я вижу дѣйствительно? Вы вѣдь сбились съ дороги.

Онъ соскочилъ съ лошади, бросилъ поводъ на сукъ дерева и поспѣшилъ къ молодой дѣвушкѣ, которая едва могла пробраться сквозь чащу.

— Подождите; смотрите, осторожнѣе ступайте по моимъ слѣдамъ, теперь еще одинъ прыжокъ—и все благополучно. Но скажите мнѣ, ради Бога, что̀ съ вами случилось?

— Я пошла гулять, прервала улыбаясь Эва, стряхивая снѣгъ съ накидки.

— Прекрасная прогулка! ворчалъ Моллернъ.—Если бы вы не такъ промокли, я бы посадилъ васъ на лошадь, но вамъ необходимо теперь сдѣлать побольше движенія, чтобы согрѣться.

Феликсъ повелъ лошадь, и они пошли дальше.

— Какое счастіе, что я сегодня такъ рано выѣхалъ! А то вы вѣроятно не нашли бы дороги домой, потому что туманъ спускается, и скоро совсѣмъ стемнѣетъ. Ну что̀ вы подѣлывали безъ меня, графиня?

— Чу!... сказала Эва, вдругъ останавливаясь и протягивая впередъ руку. Кругомъ была мертвая тишина.— Это безмолвіе, это одиночество, продолжала дѣвушка,— душатъ меня. Даже самый воздухъ, какъ мнѣ кажется, напитанъ свинцомъ. Вы спрашиваете, чѣмъ я занималась? Рѣшительно ничѣмъ. Я не рисовала, не пѣла, ничего не работала, ничего не читала. Занятія потеряли для меня всякій интересъ, потому что я ими не приношу другимъ никакой пользы.

— Графиня, вы не можете этого сказать! воскликнулъ Моллернъ.

— Прежде было лучше, продолжала печально Эва,— прежде жила со мной моя милая мама, потомъ при мнѣ была воспитательница. Подумайте, вѣдь я теперь совершенно одна! Графиня замолчала.

— Эва, сказалъ взволнованный Моллернъ,—только одно слово—и все пойдетъ по другому. Я люблю васъ — будьте моей женой.

Эва вздрогнула. Въ головѣ у ней все какъ-то вдругъ перепуталось, потомъ она сдѣлала надъ собой усиліе.

— Господинъ фонъ Моллернъ, возразила она кротко,—этого не можетъ быть. Вы такъ добры, что заслуживаете жену, которая любила бы васъ всѣмъ сердцемъ. Я уважаю и цѣню васъ, но любить.... Она покачала головой.

— Эва, сказалъ Феликсъ, сжимая ея руку,—вы такъ перемѣнились ко мнѣ противъ прежняго.... неужели есть другой счастливѣе меня?

— Нѣтъ, отвѣчала графиня, отворачивая свое вспыхнувшее лицо,—теперь все прошло, мое сердце.... «оно совершенно свободно» хотѣла она сказать, но слова не шли съ языка.

Моллернъ глубоко вздохнулъ; они молча продолжали путь, оба погруженные въ печальныя мысли.

— Вотъ и замокъ, проговорилъ наконецъ Феликсъ, какъ бы пробуждаясь отъ глубокаго сна.—Прощайте, Эва, мы теперь долго не увидимся.

Онъ сжалъ ея руку на прощанье, отвернулся, прошелъ уже нѣсколько шаговъ, но еще разъ вернулся назадъ.

Эва неподвижно стояла на мосту.

— Прошу васъ, графиня, идите скорѣе домой; вы простудитесь, если еще долже простоите здѣсь въ холодномъ промокшемъ платьѣ.

Его самоотверженная заботливость проникла въ самое сердце графини; безъ него—она это теперь ясно, до боли ясно почувствовала вдругъ,—жизнь невыносима.

— Феликсъ!.. воскликнула она въ волненіи,—не уходите отъ меня. Вы мой единственный другъ, я не могу жить безъ васъ, — будьте со мной снисходительнѣе.

Прошло четыре года. Стоитъ май мѣсяцъ, все цвѣтетъ и зеленѣетъ, яркая свѣжая зелень буковъ и березъ выглядываетъ изъ сосноваго бора, луга покрыты цвѣтистымъ ковромъ, воздухъ благоухаетъ, а небо синѣетъ бездонной глубиной. Это такой день, въ который сердце человѣка, подавленное вновь пробуждающимся величіемъ природы, грозитъ разбиться, —когда не насмотришься вдоволь, не налюбуешься.

По проселочной дорогѣ, ведущей отъ Б. въ замокъ Эбензее, катилась почтовая карета; въ ней сидѣлъ путешественникъ, въ которомъ мы узнаемъ, не смотря на глубокія морщины и на пробивающуюся сѣдину въ волосахъ, Норберта Верденфельса.

Не безслѣдно прошли надъ нимъ эти послѣдніе годы. Несчастнѣйшій человѣкъ въ глубинѣ души—скитался онъ изъ одной части свѣта въ другую. Въ Индіи получилъ онъ извѣстіе о внезапной смерти жены—и хотя ея кончина сначала невольно поразила его, но потомъ передъ глазами Норберта открылась такая блаженная будущность, что черезъ нѣсколько дней онъ возвратился на родину. Сильная лихорадка, которую онъ схватилъ, задержала его на два мѣсяца въ Каиро. Наконецъ онъ снова оправился, поспѣшилъ въ городъ М., гдѣ пробылъ не болѣе двухъ дней, никого не видя, кромѣ своего повѣреннаго, которому онъ передалъ необходимыя распоряженія относительно наслѣдства жены. Княгиня отказала мужу все состояніе, до тѣхъ поръ покуда онъ не женится вторично,—въ такомъ случаѣ оно переходило къ одному отдаленному родственнику.

Норбертъ распорядился продать свой дворецъ, для того чтобы уничтожить всѣ воспоминанія о покойной женѣ; сердечной чистотѣ его невѣсты должно было соотвѣтствовать заново-сооруженное и собственно ей посвященное святилище.

Въ тотъ день, когда мы его снова встрѣчаемъ, онъ съ самаго ранняго утра выѣхалъ изъ М.; теперь было уже послѣ-обѣденное время, и Норбертъ все ближе и ближе достигалъ цѣли своего путешествія.

Прошло цѣлыхъ четыре года, онъ ничего не зналъ объ Эвѣ, у него не доставало духу написать ей, или собрать какія нибудь свѣденія; онъ хотѣлъ самъ явиться къ ней, быть собственнымъ своимъ ходатаемъ, разсказать ей, какъ много онъ страдалъ, какъ много пережилъ—и вотъ теперь его единственною цѣлью будетъ: составить ея счастіе.

Однажды князю пришло въ голову, не выѣхала ли Эва изъ замка Эбензее; онъ сейчасъ же освѣдомился на почтѣ въ Б., живъ ли еще баронъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ хозяинъ,—что́ ему дѣлается, здоровехонекъ, ржавѣетъ себѣ въ своемъ гнѣздѣ. И внучка съ нимъ живетъ.

Норбертъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ и уѣхалъ, ни объ чемъ больше не распрашивая.

Вотъ онъ проѣхалъ деревню, проѣхалъ и по берегу озера. Какъ ему здѣсь все было знакомо!—Стой! закричалъ онъ почтарю и выскочилъ изъ кареты на самой окраинѣ лѣса.—Подожди, покуда я вернусь, или пришлю тебѣ что-нибудь сказать!.. и быстрыми шагами пошелъ на гору. Сердце Норберта сильно билось, когда онъ добрался до вершины горы, языкъ прилипалъ къ гортани, и колѣни подгибались. Болѣзнь отняла у него порядочный запасъ силы. Онъ свернулъ съ тропинки и бросился подъ тѣнь плакучей ивы, чтобы немножко отдохнуть и собраться съ силами.

Ива стояла возлѣ моста; Норбертъ, заслоненный густыми свѣсившимися вѣтвями, лежалъ какъ будто въ зеленой бесѣдкѣ и могъ между тѣмъ свободно видѣть, что́ происходило во дворѣ замка.

Ворота были отворены; сначала вышелъ баронъ и внимательно посмотрѣлъ на дорогу.

— Ничего еще не видать! сказалъ онъ.

— Неужели ничего? отвѣчалъ другой голосъ.

Норбертъ судорожно ухватился рукой за траву, которая росла и прозябала вокругъ него. Это былъ голосъ Эвы. Вскорѣ показалась и она сама—и взявъ дѣвушку за руку, медленно пошла по мосту.

Норбертъ смотрѣлъ на нее съ безумнымъ восторгомъ. Она была еще прекраснѣе прежняго, ея глаза весело бли-

стали, на губахъ играла счастливая улыбка. Норберту показалось, что она даже выросла.

Вдругъ послышался топотъ скачущей лошади. Эва быстро побѣжала по мосту, махая платкомъ.

— Наконецъ-то, наконецъ! воскликнула она, когда подъѣхавшій всадникъ быстро осадилъ лошадь, соскочилъ и обнялъ одной рукой стройную талію графини.— Наконецъ-то ты вернулся, милый, милый мой! Цѣлыхъ десять длинныхъ дней ты пропадалъ!

Норбертъ болѣе ничего не слыхалъ. Онъ вскочилъ на ноги, держась за дерево. Его умъ какъ будто помрачился; онъ неподвижно смотрѣлъ, какъ счастливые люди взошли во дворъ замка, смѣясь и болтая,—и какъ потомъ съ большимъ вниманіемъ разсматривали что-то такое, что́ Вальбурга вынесла изъ дому, заботливо держа въ рукахъ.

Норбертъ вдругъ ударилъ себя рукой по лбу и захохоталъ горькимъ, короткимъ смѣхомъ. — Дуракъ, бормоталъ онъ, — какъ это я раньше объ этомъ не подумалъ! Онъ быстро повернулся, вышелъ изъ своей засады и поспѣшилъ на гору какъ можно скорѣе.—Почтарь, сказалъ онъ, когда тотъ поспѣшилъ къ нему на помощь, — за кого вышла замужъ графиня Эва Вальдепау? — За господина фонъ-Моллернъ, добраго, образованнаго... — Поѣзжай! перебилъ его Норбертъ, бросаясь въ карету.

Бичъ хлопнулъ, и Норбертъ навсегда покинулъ то мѣсто, которое сдѣлалось для него адомъ, тогда какъ онъ надѣялся найдти рай.

А Эва? Эва была счастлива — объ счастливыхъ нечего и говорить.

Рождество Христово.

(Рисунокъ Доре).

Прилагаемый рисунокъ Доре изображаетъ вертепъ виѳлеемскій, въ которомъ родился Спаситель міра. Божественный Младенецъ покоится на колѣнахъ Пречистой Дѣвы, прислонившейся къ яслямъ, которыя служили Ему колыбелью. Вокругъ святаго семейства тѣснятся пастыри, пришедшіе на поклоненіе Искупителю рода человѣческаго. У ногъ Богоматери видѣнъ агнецъ — эмблема Божественнаго Страдальца за грѣхи людей.

Считаемъ излишнимъ распространяться о художественности выполненія превосходныхъ иллюстрацій Доре къ священному тексту Библіи.

Въ одномъ изъ нумеровъ нашего журнала за 1870 г. (см. «Нива» № 31, стр. 485, Спаситель на засѣянномъ полѣ) мы уже ознакомили читателей съ мастерскимъ карандашомъ Доре, переданнымъ граверомъ Паннемакеромъ въ Гальбергеровскомъ (нѣмецкомъ) изданіи Библіи, къ которому приложено безчисленное множество рисунковъ неистощимаго художника. Изданіе это, какъ мы уже говорили, гораздо дешевле французскаго (почти на $1/3$ цѣны) и стоитъ въ Россіи около 30 рублей.

Мистеръ Триккъ, великій охотникъ на медвѣдей.

(Окончаніе).

Сначала появился огромный коробъ съ сукномъ, иголками и нитками, самоваръ, зонтикъ, ящикъ съ сигарами и огнивомъ, одѣяло и въ заключеніе огромная клистирная трубка. Однако же ружья или карабина, которымъ можно было бы убить медвѣдей, не было видно, несмотря на нетерпѣливое ожиданіе присутствовавшихъ. Къ большому удивленію индѣйцевъ, когда наконецъ и самъ Мистеръ Триккъ вылѣзъ изъ люка и заперъ его, при немъ даже не было и тѣхъ большихъ ножницъ, которыя они считали за что-то въ родѣ двойнаго бови *).

Спустившись внизъ, онъ вытащилъ «изъ погреба» низенькую крѣпкую тѣлегу, на которой стучала цѣлая связка желѣзныхъ полосъ и прутьевъ, съ придѣланными на концахъ отверстіями для винтовъ. Тутъ же находился и ящикъ съ заключенными въ немъ винтами, запорами и другими вещами. Потомъ онъ вытащилъ три упряжи изъ толстыхъ канатовъ и кусковъ сукна, какъ видно собственнаго издѣлія, при чемъ просилъ запречь лошадей, тѣмъ временемъ какъ онъ сходитъ и позаботиться еще кой-о-чемъ.

Качая головой и смѣясь, принялись посланные за дѣло, между тѣмъ какъ Мистеръ Триккъ исчезъ за угломъ и скоро снова появился съ кувшиномъ водки и двумя окороками. Мальчикъ слѣдовавшій за нимъ несъ три жестяные кувшина, которые Мистеръ Триккъ, очень осторожно и заботливо завернувъ, спряталъ въ одинъ изъ ящиковъ тѣлеги.

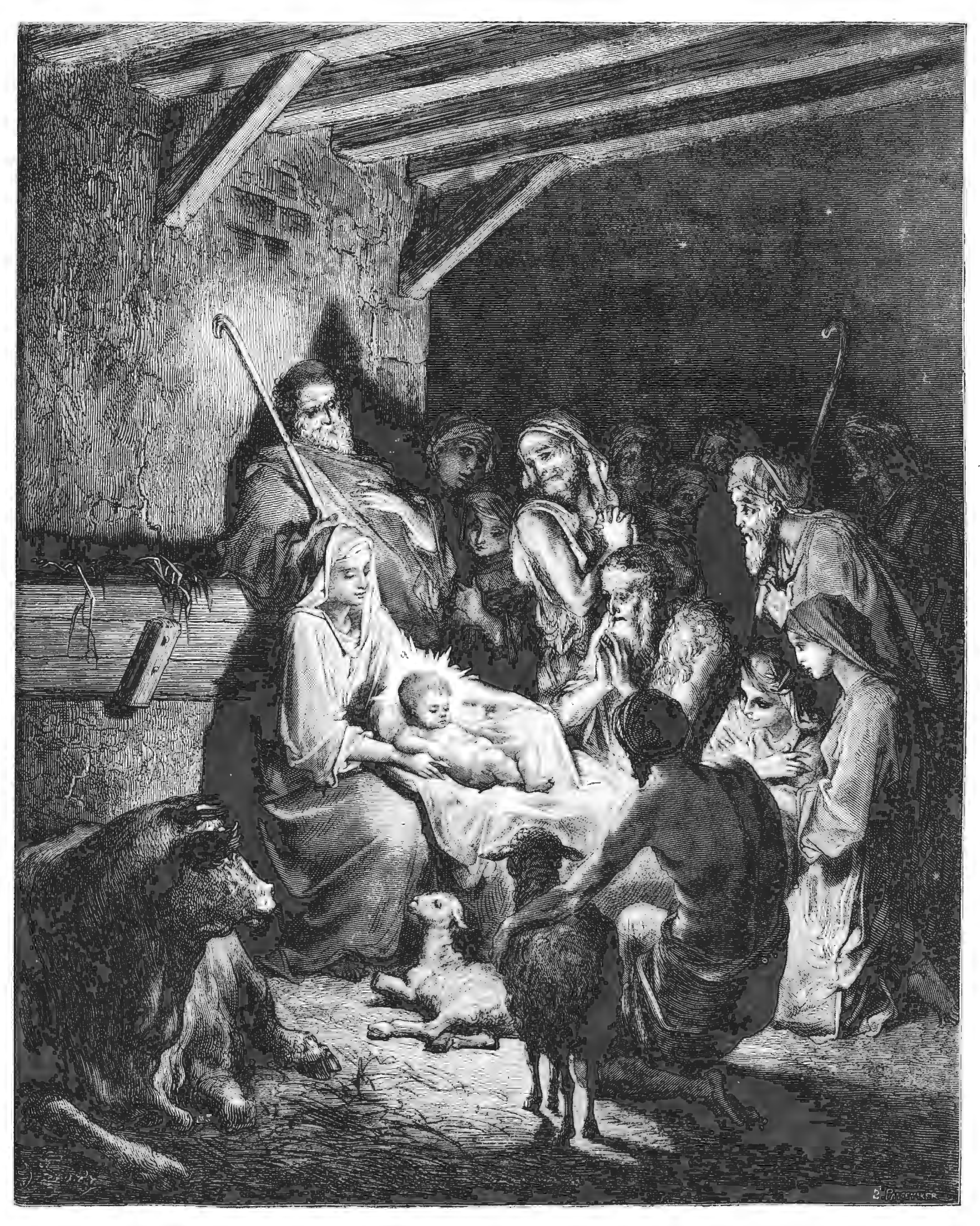
— Ну теперь, братцы, впередъ! крикнулъ Триккъ, послѣ того какъ каждому изъ присутствовавшихъ поднесъ по стакану водки и снова бережно спряталъ бутылку.

Это былъ довольно странный поѣздъ. Впереди верхами ѣхали рудокопы, лошади которыхъ въ свою очередь тянули тѣлегу. На этой послѣдней важно возсѣдалъ, подобно большой обезьянѣ, самъ М-ръ Триккъ. Сзади шествіе заключали оба индѣйца, бывшіе внѣ себя при видѣ того, какъ М-ръ Триккъ спряталъ въ карманъ свои вторые глаза. Они начинали считать его за колдуна. Кромѣ того М-ръ Триккъ обладалъ удивительнымъ талантомъ острить—и горе было тому, кто осмѣливался остановиться, чтобы полюбоваться на этотъ интересный поѣздъ, или дѣлалъ не совсѣмъ выгодныя замѣчанія на счетъ его, — цѣлый потокъ самыхъ колкихъ, ядовитыхъ остротъ обрушивался на виновнаго.

Ѣхавшіе верхами едва держались на лошадяхъ отъ смѣха — и такъ продолжался путь до самаго конца города.

Здѣсь они встрѣтили цѣлое стадо поросятъ, которое отправлялось въ городъ на продажу. «Стой!» крикнулъ

*) Bovie-knife, родъ большаго ножа.

Рождество Христово.

(Рисунокъ Доре).

М-ръ Триккъ: «мнѣ нуженъ одинъ для медвѣдей. Вѣдь нужно и имъ сдѣлать какой либо подарокъ», и онъ дѣйствительно купилъ одного, съ очень чистымъ голосомъ, который онъ испробовалъ ущипнувъ за хвостъ.

Такимъ образомъ путешествіе продолжалось далѣе, при чемъ М-ръ Триккъ услаждалъ слухъ своихъ спутниковъ различными пѣсенками, изъ которыхъ одна была смѣшнѣй другой. Наконецъ расположились на ночлегъ, развели огонь, сжарили ветчины, сдѣлали грогу, и наѣвшись вплотную, улеглись соснуть, чтобы съ разсвѣтомъ снова отправиться въ путь, и въ тотъ же день достигнуть мѣста, гдѣ находились медвѣди.

Когда депутація съ знаменитымъ охотникомъ прибыла къ мѣсту назначенія, то ее встрѣтили не радостные крики, а цѣлый потокъ ругательствъ и проклятій. Думали увидѣть великана—а вмѣсто него вдругъ карликъ, котораго каждый изъ присутствовавшихъ могъ свалить однимъ щелчкомъ. Поэтому ругательства сыпались нетолько на посланныхъ но и на новоприбывшаго, который впрочемъ не замедлилъ отвѣтить на нихъ съ лихвою, чѣмъ и заставилъ умолкнуть недовольныхъ. «Ну, если у него такіе же кулаки, каковъ языкъ», замѣтилъ одинъ изъ рудакоповъ, «тогда медвѣдямъ несдобровать»!

Однако М-ръ Триккъ утверждалъ, что «время — деньги», и потому тотчасъ же принялся за дѣло. Онъ вытащилъ изъ тѣлеги желѣзные полосы и прутья, и началъ ихъ свинчивать между собою. Цѣлое селеніе глядѣло съ нѣмымъ удивленіемъ и разразилось громкими криками одобренія, когда изъ этихъ разрозненныхъ полосъ вышла огромная клѣтка, на подобіе тѣхъ клѣтокъ какія употребляются для попугаевъ, съ большимъ кольцомъ посрединѣ, обтянутымъ сѣтью и неподвижно прикрѣпленнымъ четырьмя цѣпями.

—Ухъ!..крикнулъ удивленно одинъ изъ индѣйцевъ,— онъ хочетъ поймать ихъ въ нее. Однако, прошепталъ онъ качая головою,—врядъ ли удастся.

Между тѣмъ М-ръ Триккъ внимательно осматривалъ свою клѣтку, пробовалъ ея замки и винты, поворачивалъ и туда и сюда, бросалъ, потомъ снова подымалъ, и казалось оставшись доволенъ, объявилъ, что завтра рано утромъ онъ начнетъ охоту—и если только медвѣди заблагоразсудятъ явиться къ нему, то онъ надѣется покончить съ ними къ полудню, не позже.

— Заблагоразсудятъ явиться къ нему? Сѣрые медвѣди — къ этому карлику! разсуждали бронзовые отъ непогодъ и вѣтра рудокопы; однако всѣ дожидались съ такимъ нетерпѣніемъ другаго дня, съ какимъ врядъ ли имъ приходилось дожидаться чего-либо. Чтò занимало ихъ въ особенности — это оружіе, съ которымъ М-ръ Триккъ долженъ былъ выступить на охоту.

Едва забрежжилось утро, въ которое великій охотникъ долженъ былъ показать свое искусство, какъ уже все селеніе было на ногахъ. М-ръ Триккъ влѣзъ въ клѣтку, повѣсилъ въ сѣти три жестяные кувшина, потомъ прикрѣпилъ къ кольцу окорокъ и бутылку съ виномъ (все лакомые куски для медвѣдей, какъ думали индѣйцы) и наконецъ вытащилъ изъ ящика давно-всѣми-ожидаемое оружіе — огромную клистирную трубку, появленіе которой не только не разъяснило дѣло, но наоборотъ возбудило еще большее удивленіе.

Между присутствовавшими были очень не многіе, которые понимали истинное назначеніе этой вещи—и тѣ были удивлены и не могли понять, чтó былъ намѣренъ дѣлать съ нею М-ръ Триккъ. Употребить ее въ дѣлѣ съ медвѣдями такъ, какъ ее обыкновенно употребляютъ? Нѣтъ, это было бы дѣло неслыханное и невозможное — дѣло еще ни разу не случавшееся съ сѣрыми медвѣдями.

Остальные изъ жителей, въ особенности индѣйцы, смотрѣли на эту вещь какъ на особаго устройства пушку, дѣйствія которой они ожидали съ возрастающимъ нетерпѣніемъ.

Послѣ того какъ клѣтка была поставлена на тѣлегу, М-ръ Триккъ запряталъ въ мѣшокъ поросенка, опустилъ въ карманъ нѣсколько сигаръ, и лошади двинулись впередъ къ мѣсту, гдѣ находились медвѣди.

Путешествіе длилось три часа, причемъ ѣхали такъ скоро, какъ только позволяла дорога. Прибывъ на мѣсто, узнали отъ заранѣе высланныхъ развѣдчиковъ, что медвѣди находятся въ шахтахъ, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ работали рудокопы.

М-ръ Триккъ велѣлъ остановиться и спустить клѣтку на землю, влѣзъ самъ туда и плотно заперъ двери. Потомъ отдавъ поросенка одному изъ лучшихъ наѣздниковъ, приказалъ ему: подъѣхавъ возможно ближе къ медвѣдямъ, заставить визжать поросенка. Какъ только медвѣди услышатъ, онъ долженъ тотчасъ же скакать назадъ и отдать ему животное, послѣ чего уже начнется самая потѣха.

Рудокопъ, принявъ на себя это небезопасное порученіе, тотъ же часъ двинулся по направленію къ шахтамъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные размѣстились на ближайшихъ деревьяхъ, откуда они могли удобно наблюдать за всѣмъ тѣмъ, чтò будетъ происходить, а въ случаѣ нужды даже и оказать помощь.

М-ръ Триккъ уже съ часъ сидѣлъ въ своей клѣткѣ и закурилъ уже вторую сигару, когда крикъ раздавшійся съ деревьевъ возвѣстилъ о прибытіи наѣздника. Вскорѣ показался и этотъ послѣдній, который едва успѣлъ передать поросенка Трикку и снова пустился во весь опоръ далѣе. Триккъ прижалъ поросенка, который испустилъ при этомъ пронзительный пискъ. На деревьяхъ подняли адскій крикъ—и медвѣди, привлеченные этой музыкой, не замедлили появиться на самое мѣсто дѣйствія. Сидѣвшій въ клѣткѣ какъ только замѣтилъ ихъ, тотчасъ же усѣлся въ кольцо, которое, будучи укрѣплено четырьмя цѣпями, позволяло ему находиться постоянно въ срединѣ, какъ бы клѣтку ни поворачивали. Триккъ откупорилъ одинъ изъ кувшиновъ и наполнилъ содержащейся въ немъ жидкостью свою клистирную трубку.

Едва онъ успѣлъ покончить съ этимъ, какъ два медвѣдя бросились на его клѣтку и начали яростно грызть желѣзныя полосы, тогда какъ третій за одинъ разъ проглотилъ выпущеннаго поросенка. Ему конечно было лучше чѣмъ двумъ его другимъ товарищамъ, которые не только ломали свои зубы о желѣзныя полосы, но къ тому еще, время отъ времени, получали изъ трубки Трикка цѣлыя струи жидкости, приходившейся имъ вѣроятно не особенно по вкусу, потому что они еще яростнѣе бросались на клѣтку, желая разорвать ее на части. Но послѣдняя была такъ хорошо устроена, что Триккъ въ своемъ кольцѣ находился въ полнѣйшей безопасности. Впрочемъ сидѣть М-ру Трикку было не совсѣмъ удобно, потому что разсвирѣпѣвшія животныя катали и бросали ее то туда, то сюда. Въ такомъ положеніи каждому другому на мѣстѣ М-ра Трикка, будь то рослый здоровый человѣкъ, было бы очень трудно удержаться на своемъ мѣстѣ. Но М-ръ Триккъ былъ

какъ будто для того рожденъ. Самое тяжелое въ немъ былъ, безспорно, его горбъ, къ которому какъ бы въ видѣ добавленія прикрѣплялась громадная грудная клѣтка и едва замѣтный животъ, и все это крѣпко держалось на длинныхъ ногахъ. При этомъ Триккъ обладалъ неимовѣрною силою въ рукахъ—и былъ, какъ всѣ подобные ему люди, въ высшей степени смѣлый и неустрашимый малый.

Поэтому онъ держался въ своей клѣткѣ на такомъ разстояніи, что его не могли достать когти животныхъ, которыя просовывали свои лапы сквозь желѣзную рѣшетку. При этомъ онъ зорко смотрѣлъ за своими кувшинами, курилъ сигару—и пользуясь каждою удобной минутой, поливалъ изъ своей трубки свирѣпѣющихъ животныхъ, ярость которыхъ не знала границъ.

Старый индѣецъ (который ранѣе думалъ, что Триккъ хочетъ заманить животныхъ въ клѣтку) едва замѣтилъ назначеніе трубки, какъ тотъ же часъ крикнулъ: «ухъ!» и пришелъ къ тому заключенію, что Триккъ поливалъ медвѣдей «огненной водой», т. е. водкой, чтобы такимъ образомъ ихъ напоить пьяными.

Онъ втайнѣ завидовалъ животнымъ и очень бы желалъ, чтобъ и на него охотились такимъ же манеромъ. Однако же жидкость, которою М-ръ Триккъ угощалъ своихъ лохматыхъ пріятелей, была не «огненная вода», а «петролейное масло»; на немъ то и основывался весь планъ охоты, потому что когда въ кувшинахъ не оказалось болѣе ни одной капли жидкости, Триккъ отложилъ трубку въ сторону, вынулъ изъ кармана длинный фитиль, зажегъ его отъ своей сигары, и потомъ съ величайшимъ хладнокровіемъ поднесъ къ вымасленнымъ петролеумомъ животнымъ.

Всеобщій крикъ торжества раздался при этомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла: животныя горѣли какъ пукъ соломы, и яростно катались по землѣ.

Впрочемъ и М-ръ Триккъ могъ легко превратить себя въ жаркое, потому что загорѣлась и клѣтка, и великій охотникъ пропалъ въ облакахъ чернаго дыму. Но такъ какъ присутствіе духа не покидало его ни на минуту и онъ предвидѣлъ это уже заранѣе, то, открывъ дверь своей клѣтки, онъ съ быстротою молніи бросился вонъ и взлѣзъ на первое попавшееся дерево, откуда тоже началъ радостно вторить окружающимъ. Теперь уже индѣйцы спустились съ деревьевъ и съ своими томогавками бросились на полуобгорѣвшихъ, измученныхъ животныхъ, что̀ все-таки было дѣломъ не совсѣмъ безопаснымъ, потому что ослѣпленныя животныя, яростно катаясь, хватали все что̀ имъ попадалось по дорогѣ.

Наконецъ обгорѣлые медвѣди были убиты, и радостные крики индѣйцевъ и рудокоповъ разнеслись далеко по горамъ. Имъ отвѣчали изъ дали тѣмъ же, ибо все населеніе со страхомъ ожидало исхода битвы, чтобы снова возвратиться на старое пепелище.

М-ръ Триккъ, сидя на плечахъ двухъ рослыхъ ребятъ, открывалъ шествіе — онъ былъ героемъ дня. Великаны, выгнанные медвѣдями изъ ихъ жилищъ, смотрѣли съ уваженіемъ на маленькаго портнаго, ко корый показалъ имъ, что его разумъ сильнѣе ихъ кулаковъ.

Такъ какъ въ окрестности не было болѣе медвѣдей, то М-ръ Триккъ принялся за иголку и снабдилъ рудокоповъ необходимымъ платьемъ. Онъ пробылъ здѣсь съ мѣсяцъ и покинулъ селеніе — съ четырьмя стами долларовъ въ карманѣ.

Три черепа и лапы убитыхъ животныхъ онъ прибилъ къ своимъ дверямъ, въ ожиданіи новыхъ заказовъ, которыхъ и не замедлило явиться около тридцати. Особенный остроумно - придуманный снарядъ далъ ему возможность тушить пожаръ въ своей клѣткѣ.

Въ настоящее время онъ очень зажиточный человѣкъ—и извѣстенъ по всей Калифорніи за великаго охотника на сѣрыхъ медвѣдей.

Александръ Филиповичъ Кокориновъ.

(Окончаніе).

На высотѣ площадки временной пристани, фасады академическихъ домовъ съ Невы составляли сплошную декорацію, какъ бы одного зданія, нижній этажъ котораго состоялъ изъ выступа, служившаго террасою и поддерживаемаго двадцатью - четырьмя арками (каждая въ сажень ширины). Въ аркахъ подвѣшаны были фестоны, а сверхъ антаблемана разставлены—попеременно, на балюстрадѣ выступа, — статуи и вазы съ цвѣтами. На этой террасѣ былъ главный входъ въ Академію, а по сторонамъ его, къ среднему этажу (главному апартаменту) пристроены были два балкона для музыкантовъ (по шести сажень длиною), драпированные зеленымъ штофомъ. На фонѣ его ярче выдѣлялись серебряныя трубы и литавры, въ рукахъ трубачей «въ богатой либереѣ». Надъ входомъ въ Академію на маломъ балконѣ выставлена была въ нишѣ лѣпная група натуры-наставницы художниковъ, представленной въ видѣ матери, объясняющей геніямъ дѣтямъ технику живописи, скульптуры и архитектуры. Малый же балконъ поддерживали 12 коринѳскихъ колоннъ, росписанныхъ подъ зеленый мраморъ, съ золочеными капителями надъ ними; на осьми консоляхъ утверждена была на карнизѣ императорская корона, а подъ нею, въ щиткѣ съ двумя рогами изобилія, рѣзной золоченый вензель Императрицы въ знакъ высочайшаго ея покровительства. Терраса была крытая и служила мѣстами для зрителей церемоніи. Сверхъ же террасы, 78 оконъ верхняго этажа убраны были подзорами изъ полосатаго полотна. Наружная декорація соотвѣтствовала украшенію внутренности комнатъ, чрезвычайно затѣйливому и праздничному, гдѣ всюду блистала позолота, лѣпные рельефы и яркая живопись. Въ первой залѣ отъ входа были хоры, гдѣ помѣщены 95 человѣкъ музыкантовъ и пѣвчихъ придворныхъ. Двѣ галлереи, слѣдующія за этой залою, уставлены старыми картинами и служили по окончаніи церемоніи столовыми. Въ слѣдующей залѣ справа выставлены были работы членовъ Академіи, а за нею, въ конференцъ-залѣ, кромѣ картинъ, всѣ стѣны убраны были гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ; противъ оконъ стоялъ тронъ, на эстрадѣ изъ трехъ ступеней; надъ трономъ же — портретъ императрицы въ ростъ, подъ балдахиномъ малиноваго бархата. Противъ трона, на столѣ, покрытомъ бархатомъ же, положены были оригиналъ привилегіи съ уставомъ, академическая пе-

чать (изображенная на портретѣ Кокоринова — на планѣ зданія), балотировальникъ и дипломы, которые раздавались въ день инавгураціи. На набережной передъ зданіемъ Академіи поставлена въ строй рота Ея Величества л.-гв. преображенскаго полка; а на Невѣ — двѣ императорскія яхты.

Въ восемь часовъ утра приведены были изъ воспитательнаго училища въ главное зданіе воспитанники малолѣтніе со своими наставниками и надзирательницами и поставлены были съ академическими учениками вмѣстѣ на крыльцѣ — ожидать и встрѣтить государыню. Приглашенныхъ за день, билетами, представителей всѣхъ отдѣловъ высшей администраціи—встрѣчали отряженные для того профессоры-академики, указывая мѣста; первые проведены были духовныя лица, прибывшія въ 8 часовъ — раньше всѣхъ. Весь соборъ ихъ прошелъ прямо къ мѣсту закладки церкви—и облачась тотчасъ же совершилъ водосвятіе. Къ мѣсту заложенія храма вела изъ первой залы галлерея, въ 4 сажени ширины и въ 37 саженъ длины, съ порталомъ на концѣ, за которымъ начинался подъемъ въ семь ступеней на площадку, гдѣ поставлены два намета, для священнодѣйствія и императрицы со свитою. Ея Величество съ государемъ цесаревичемъ выѣхала изъ зимняго дворца на императорской шлюбкѣ, ровно въ десять часовъ утра—и какъ только шлюбка поворотила къ Академіи, то президентъ Академіи И. И. Бецкой съ членами вышли на пристань и приняли высочайшихъ гостей, по вступленіи на нижнюю ступеньку лѣстницы. На балконахъ грянули трубы и литавры, и въ тоже мгновеніе двинулись внутрь Академіи воспитанники и остановились въ галлереѣ, живымъ баллюстрадомъ по сторонамъ, чтобы дать проходъ государынѣ между рядами своими. Великая шла медленно объ руку съ Августѣйшимъ сыномъ своимъ, и во дверяхъ галлереи окроплена была преосвященнымъ архіепископомъ С.-Петербургскимъ, приложась къ кресту, подданному митрополитомъ Новгородскимъ, вышедшими на встрѣчу Ея Величеству. Пѣвчіе пѣли псалмы 112-й и 83-й, и государыня слѣдовала за святителями къ мѣсту закладки, гдѣ остановиться изволила, имѣя за собою цесаревича и президента, а далѣе членовъ Академіи. По утвержденіи креста святителями, Екатерина II собственноручно положила камень, закрывающій ящикъ съ доскою надписи и монетами, при 31 выстрѣлѣ съ яхтъ и громѣ трубъ съ литаврами. Дѣти пропѣли, въ заключеніе «Тебе Бога хвалимъ» и законоучитель Вел. Кн. Павла Петровича іеромонахъ Платонъ (въ послѣдствіи митрополитъ Московскій) произнесъ краткую рѣчь, заключивъ ее благодарнымъ обращеніемъ къ монархинѣ и моленіемъ «премилосердаго Господа, дабы Онъ сіе благословенное тщаніе увѣнчалъ дѣйствительнымъ плодомъ». Проповѣдникъ замолкъ; старшій святитель осѣнилъ, благословляя на четыре стороны, крестомъ; протодьяконъ произнесъ многолѣтіе—и снова грянулъ съ яхтъ 51 выстрѣлъ. Духовенство подошло благодарить и поздравлять государыню, воспитанники двинулись въ конференцъ-залу, и за ними направилась монархиня съ академическими членами впереди. Пройдя по конференцъ-залѣ, мимо мѣстъ занятыхъ дипломатическимъ корпусомъ и дворомъ, Екатерина II сѣла на тронъ, повелѣвъ президенту взять привилегію, а конференцъ-секретарю читать этотъ залогъ монаршихъ милостей къ художникамъ. Съ окончаніемъ чтенія послѣдовалъ 71 выстрѣлъ съ яхтъ, въ то время, когда президентъ именемъ монархини роздалъ дипломы профессорамъ и академикамъ. Получившіе дипломы тогда же подводимы были президентомъ поодиночкѣ къ государынѣ и цѣловали ея державную руку, становясь на одно колѣно. Съ окончаніемъ этого представленія, конференцъ-секретарь Салтыковъ произнесъ на французскомъ языкѣ Ея Величеству рѣчь, мотивы которой написаны были по русски А. П. Сумароковымъ. Выслушавъ это пышное привѣтствіе, Екатерина II оставила академическое празднество, при пѣніи и музыкѣ съ хоръ кантаты, сочиненной на этотъ случай.

Мы привели здѣсь подробности пышнаго торжества (дѣйствительно невиданнаго въ тогдашнемъ Петербургѣ и надолго сдѣлавшагося предметомъ безчисленныхъ пересказовъ, со стороны бывшихъ и небывшихъ на немъ) именно потому, что всѣ церемоніи и всевозможныя украшенія, такъ же какъ сооруженіе пристани съ декораціями фасадовъ, придуманы однимъ Кокориновымъ—и только опробованы и разрѣшены членами Церемоніальной Коммиссіи, подъ начальствомъ президента.

Кокориновъ настоялъ на открытіи академическаго зданія для осмотра его, со всѣми его украшеніями и художественными предметами, желающимъ посѣтителямъ всѣхъ сословій въ теченіи недѣли, безъ всякихъ формальностей. Впослѣдствіи, ежегодно, подобныя «открытія Академіи» для публики повторялись, срокомъ отъ 29 іюня по 7 іюля включительно. Цѣль была въ виду одна — заохотить народъ и сдѣлать для него искусство доступнымъ.

Розданные при торжествѣ, присутствовавшимъ, медали и жетоны выбиты (или лучше сказать вылѣплены) также по рисунку Кокоринова, сочиненному еще въ 1762 году и посланному на утвержденіе И. И. Шувалову, въ Москву, вмѣстѣ съ образцами проэктовъ медалей для награжденія учениковъ. Такъ что, куда ни посмотри, безъ участія А. Ф. Кокоринова ничего не дѣлалось. Онъ, получивъ въ день открытія дипломъ профессора архитектуры, продолжалъ править директорскую должность, заботясь не только о хозяйствѣ чисто академическомъ,—соблюденіи возможнаго казеннаго интереса при покупкахъ оптомъ,—но даже объ устройствѣ лучшимъ образомъ дѣлъ и своихъ подчиненныхъ. Уговоривъ президента оказать пособіе всѣмъ служащимъ при Академіи, для пріобрѣтенія, напримѣръ, новыхъ форменныхъ кафтановъ съ прочими принадлежностями, ко дню открытія, чтобъ не ударить въ грязь лицомъ передъ избранною публикою,—Кокориновъ съумѣлъ одѣть всѣхъ на славу, не забывъ и себя. Сиреневый атласный камзолъ съ золотымъ шитьемъ и бѣлый гро-де-туровый кафтанъ съ дорогою собольею опушкою — какъ верхъ современнаго щегольства — сшилъ себѣ тогда же величавый Кокориновъ, истративъ 700 рублей т. е. ровно годовой окладъ жалованья на одинъ этотъ костюмъ, всего послѣ открытія надѣвавшійся имъ по три раза въ годъ: въ годовое собраніе, въ свои имянины и въ день пасхи. На портретѣ, нами помѣщенномъ, написалъ Кокоринова Д. Гр. Левицкій въ парадномъ этомъ костюмѣ, едвали не въ годовое собраніе (1769), когда онъ представлялъ детальные чертежи на утвержденіе Академіи и имѣлъ при себѣ академическую печать. Изъ документовъ видно, что въ залѣ конференціи, подлѣ директорскаго кресла, у стола, дѣйствительно стоялъ дорогой съ бронзою и рѣзбою шкафъ, купленный послѣ Е. С. Куракиной, — для бумагъ и денегъ.

Соображая всѣ эти подробности и фигуру почтеннаго

директора, вставшаго съ кресла и что-то горячо говорящаго (какъ показываетъ оживленное лицо его и понятное движеніе руки, указывающей на планъ и вмѣстѣ на ту сторону шкафа, гдѣ хранилась академическая казна, подъ его ключемъ и печатью) о докончаніи постройки дворца изящныхъ искуствъ, чѣмъ, по справедливости, можно назвать зданіе Академіи, имъ сооруженное.

Предварительныя работы по постройкѣ его начались еще съ весны 1764 года. По высочайше-утвержденному штату, на строеніе (по 40000 р. въ годъ) отпущено изъ казны до начала первой турецкой войны (по октябрь 1769 года) — когда остановлены работы за невозможностью удѣленія чего-либо впредь изъ государственнаго казначейства на этотъ предметъ—всего 220000 рублей. Да еще получено «пошлинныхъ и процентныхъ денегъ», съ капиталовъ академическихъ и контрактовъ (при заключеніи ихъ съ подрядчиками), за то же время, 2541 р. 89 коп. Громадное строеніе было бы между тѣмъ далеко не окончено, по смѣтному назначенію, при истрачиваніи однихъ этихъ средствъ; а оставлять дѣло въ такомъ положеніи, когда отъ каждаго года должны накопляться невыполненныя работы, а за наемъ нанятыхъ домовъ выплачивались тоже куши исправные, Кокориновъ не могъ допустить какъ опытный экономъ и хорошій администраторъ. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ испросилъ разрѣшеніе президента—разъ на всегда—покрывать недочеты штатной суммы сбереженіями отъ ежегоднаго бюджета содержанія. Такъ и дѣлалъ пока было можно, время отъ времени сообщая подозрительному Бецкому о ходѣ постройки и своихъ субсидіяхъ изъ экстраординарной суммы (которою назывались остатки отъ бюджета, между прочимъ покрывавшіе и производство пенсіоновъ) Но заимствованій «заимообразно» изъ остатковъ на продолженіе чисто строительныхъ работъ, по октябрь 1869 года, накопилось между тѣмъ 53,996 рублей, 22 коп. Эта значительность итога, при докладѣ въ то именно время, когда казна круто отказывала въ дальнѣйшей дачѣ на постройку, — возмутила и испугала президента. И. И. Бецкой же, къ несчастію въ числѣ другихъ качествъ характера, имѣвшихъ мало общаго съ великодушіемъ и широтою взгляда,—обладалъ еще развитыми въ высшей степени (какъ мы замѣтили уже) подозрительностью, легковѣріемъ и неблагодарностью къ людямъ, которыхъ считалъ онъ ниже себя, по положенію въ свѣтѣ или другимъ условіямъ. Мало того, умственное превосходство допускалъ онъ только до извѣстной степени—и то когда этимъ превосходствомъ можно было пользоваться такъ-сказать келейно, о чемъ бы никто не могъ и догадаться, относя блистательный ходъ учрежденія непосредственно къ руководству и точному направленію волею главнаго начальника. Кокориновъ можетъ-быть былъ неосторожень, а потому и виноватъ въ томъ, что явно, или по крайней мѣрѣ видимо для многихъ, выставлялъ свою личность самостоятельнаго администратора по Академіи. И это тѣмъ было обиднѣе его патрону, занимавшему, какъ извѣстно, слишкомъ высокое положеніе въ обществѣ, — что представители аристократіи, начиная съ верхушекъ ея, давно уже, въ своихъ нуждахъ до Академіи, привыкли итти прямою дорогою, обращаясь къ Кокоринову и какъ бы не догадываясь, что онъ только приставникъ фирмы, а хозяинъ—другое лицо. Прямо остановить такую ненормальность существующаго порядка, положительнымъ приказаніемъ Кокоринову: не принимать на будущее время въ подобныхъ обращеніяхъ никакого участія и направлять ихъ куда должно—Иванъ Ивановичъ Бецкой не рѣшился. Онъ ожидалъ потерпѣть полное фіаско отъ своей братьи—и, чего добраго, сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ, и безъ того нещадившихъ его наивныя, подъ часъ, распоряженія или несвоевременныя и неумѣстныя требованія; не возставая же явно, предоставлялъ дѣламъ итти обычною чередою—только, съ своей стороны, все больше и больше придираясь къ Кокоринову въ пустыхъ формальностяхъ. Для пользы дѣла и спокойствія ихъ обоихъ—начальника и подчиненнаго—конечно было бы лучше всего откровенное объясненіе, безъ сомнѣнія оставшееся бы кромѣ ихъ обоихъ никому неизвѣстнымъ; нѣтъ сомнѣнія, Кокориновъ бы не подалъ затѣмъ случая къ неудовольствію на себя. Но этого отъ Бецкаго вытянуть и нельзя было ни за что на свѣтѣ. А желалъ онъ, вѣдь, на самомъ дѣлѣ очень немногаго и могъ благодушествовать затѣмъ, даже самолично осыпая похвалами своего Александра Филиповича, какъ дѣлалъ относительно другаго дѣльца Княжнина. Стоило Кокоринову подносить къ подписи Ивана Ивановича изготовляемые отвѣты разнымъ князьямъ и графамъ о выполненіи имъ даваемыхъ ему порученій. Измѣни онъ форму, вмѣсто себя ставя Академію и вмѣсто своей подписи давая подмахнуть «И. Бецкой»,—дѣло было бы въ шляпѣ и всѣ довольны. Кокориновъ попалъ бы скоро въ генералы—и разверзлись бы передъ нимъ всѣ Амальтѣины рога изобилія, монаршихъ милостей. А тамъ, дѣлай что хочешь. Даже и совсѣмъ безконтрольно. И объ этомъ бы—какъ было въ началѣ, пока И. И. Бецкой не возымѣлъ колики подозрѣній,—онъ сталъ мало заботиться. Валяй, что знаешь — только бы лучше и шире развивался въ ростъ академическій организмъ. Случись же такая напасть — недогадливость со стороны благороднаго Кокоринова. Отъ сколькихъ бы непріятностей и терновыхъ уколовъ умной головы его—избавила тутъ маленькая догадка! Безъ нея же, все что онъ надѣлалъ, положимъ, президенту нельзя было стереть съ лица земли или запретить; Бецкой самъ настолько понималъ, что дѣлаетъ молодецъ хорошо — и идти противъ, значитъ показать всѣмъ, что онъ закрываетъ глаза, сбираясь скатиться въ пропасть. Но, не отмѣняя распоряженій, онъ встрѣчалъ ихъ кислою миною. Находилъ всегда надобность подумать, не рѣшиться, остановить у себя и продержать недѣлю-другую, ничего не высказывая. Когда же «растрата» (какъ онъ выражался послѣ 1769 года) послѣдовала, президентъ счелъ нужнымъ нарядить нѣсколько коммисій, въ сущности переливавшихъ изъ пустаго въ порожнее, но будто ревизовавшихъ другъ друга, повѣрявшихъ счеты по строенію, и пр. — вѣроятно очень уже тщательно, потому что повѣрка, за пять лѣтъ или чуть не пятнадцать, окончилась въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, при второмъ уже директорѣ «съ воли», не изъ художниковъ. До «затраты», когда организовалъ Кокориновъ *факторію* художественной торговли въ Петербургѣ при Академіи—и просилъ особаго для нея бухгалтера, требованіе это найдено излишнимъ. А когда учредились коммисіи безполезныхъ, какъ оказалось, учетовъ, найдено необходимымъ взять бухгалтера-мастера своего дѣла, который началъ преподавать ученикамъ художествъ итальянскую бухгалтерію, и для этого учебнаго предмета устроили общеобязательный классъ. Но ни бухгалтеръ Брунбергъ, ни конференцъ-секретарь Салтыковъ и Фелькнеръ — мастера кляузъ, не нашли пятна въ дѣлахъ Кокоринова.

За что́ же выносилъ этотъ мученикъ долга, родившійся вѣкомъ раньше и отъ того стоявшій въ пониманіи вещей особнякомъ,—за что же страдалъ онъ въ медленной пыткѣ цѣлыхъ три года своей недолгой вообще, хотя черезъ-чуръ обильной благими послѣдствіями, труженической жизни?

Находитъ коммисія, что много заплочено вдругъ за желѣзо—президентъ призываетъ Кокоринова, начинаетъ родъ процеса по формѣ,—конечно тутъ же и разбиваемаго въ прахъ отвѣтами директора-строителя. Тѣмъ не менѣе, по поводу уплаты за желѣзо Демидовымъ, однофамильцамъ или родственникамъ жены Кокоринова, въ концѣ концовъ, Бецкой заключаетъ рѣчь напоминаніемъ «по обязанности», что житье не по средствамъ, какъ кажется, даетъ поводъ, *со стороны*, предполагать у Александра Филипповича большіе капиталы, взятые за женою. Что́ общаго тутъ, спросите вы, съ дѣломъ и съ объясненіями? И намъ казалось бы тоже; а бѣднякъ получаетъ пилюлю въ дружескомъ совѣтѣ начальника. Находитъ опять коммисія затрудненіе: провѣрить *счеты по кухнѣ*, затѣмъ что хотя остатокъ отъ года виденъ и значительно, но цѣны не сходятся съ справочными по таксѣ. Опять призываніе для объясненій.

— Мы отдаемъ поставку съ торговъ оптомъ, конечно ниже справочныхъ; оттого меньше и издерживаемъ.

— А?! И опять внушеніе президента, зачѣмъ же не приложены при отчетѣ годовомъ тѣ цѣны, по которымъ ставились припасы,—чтобы коммисія не затруднялась ревизіей.

Есть контракты, подлинные, съ цѣнами; изъ нихъ все видно!

— А!?...

И такихъ ничтожныхъ предлоговъ, для призыва и выслушанія оскорбленій, ни чѣмъ незаслуженныхъ, выносилъ бѣдный Александръ Филипповичъ Кокориновъ, въ два года (1770—1771), не одинъ десятокъ. Не удивительно, что онъ къ концу 1771 года сталъ на себя не похожъ. Съ одной стороны на каждомъ шагу обиды, съ другой—отчаяніе видѣть когда нибудь свое твореніе, зданіе академіи, доконченнымъ.

Этой двойственной пытки не вынесла и желѣзная, сама по себѣ, натура Кокоринова, для котораго, какъ истиннаго художника, интересъ его соціальной профессіи стоялъ всегда выше требованій семейныхъ, личныхъ и служебныхъ. Онъ сталъ худѣть, задумываться и заговариваться. Его стали лечить отъ меланхоліи. Между тѣмъ, признаки худосочія дѣлались также явными. Онъ жаловался на неопредѣленную боль — невыносимость страданія въ сердцѣ, происходившаго отъ нервнаго разстройства. Лежалъ часто въ постелѣ и никуда почти не выходилъ. Говорили, что у него пухнутъ ноги, и вѣрили, что водяная. А онъ страдалъ духомъ и нервами. Надъ больнымъ учрежденъ былъ впрочемъ легкій надзоръ—и люди ночевали въ передней въ большемъ числѣ, чѣмъ обычно. Но эти пассивныя мѣры не предупредили зла. Въ ночь съ 9-го марта—когда, вѣроятно, душевныя терзанія бѣдняка дошли до высшаго пароксизма,—страдалецъ тихонько одѣвшись вышелъ незамѣченный изъ дома и направился на чердакъ недостроеннаго академическаго зданія. Утромъ 10-го марта 1772 года, безплодно переискавъ исчезнувшаго Кокоринова въ его домѣ, стали бѣгать и кликать его всюду и—одинъ изъ сторожей, поднявшись на чердакъ, нашелъ трупъ директора—въ петлѣ. Всѣ враги его живаго онѣмѣли и потерялись при этой катастрофѣ, ими непредчувствованной. Академія просила высокопреосвященнаго Гавріила, прежде всего, похоронить тѣло съ христіанскими обрядами,—на что́, узнавъ самую суть дѣла, просвѣщенный іерархъ далъ наконецъ свое согласіе, назначивъ и Самсоновское кладбище мѣстомъ погребенія. Въ церковной книгѣ этого кладбища записано для соблюденія decorum, со словъ распорядителей погребенія, что несчастный умеръ «отъ водяной». Дать это показаніе помогло свидѣтельство духовниковъ, священника Симеоновской церкви Іоанна Николаева, дѣйствительно причащавшаго больнаго въ началѣ января, когда, при опухоли ногъ, считали его больнымъ водяною, такъ какъ онъ тяжко дышалъ и пульсъ бился слабо.

Марта 13-го, рано по утру (часовъ въ семь) началась въ академической церкви заупокойная литургія—послѣдняя услуга праху бывшаго неутомимаго труженика. Священнодѣйствіе совершилъ академическій духовникъ и законоучитель, архимандритъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, съ пѣвчими изъ воспитанниковъ, при безчисленномъ множествѣ почитателей покойнаго, начиная отъ представителей высшей аристократіи и кончая купцами, съ семействами ихъ, наполнявшими всѣ залы и корридоры академическаго зданія. Послѣ отпѣванія и трогательнаго прощанія, причемъ всѣ члены Академіи плакали чуть неназрыдь (не было одного Бецкаго, какъ извѣстно, боявшагося покойниковъ), тѣло вынесли изъ церкви воспитанники и передали художникамъ, несшимъ попеременно (какъ положено въ церемоніалѣ), сперва по Большому проспекту до собора Андрея Первозваннаго, а оттуда по шестой линіи, до Малаго проспекта, останавливаясь передъ соборомъ и церковью Благовѣщенія, для служенія литій. Послѣ второй изъ нихъ воспитанники отведены обратно въ Академію; тѣло поставили на колесницу,—до того ѣхавшую праздно сзади, — отвезли къ Сампсону на кладбищѣ. Надъ прахомъ Кокоринова, Академія въ томъ же году построила гробницу съ облицовкою бутовымъ камнемъ и, сверхъ нея, съ досками надписей; теперь ни ихъ ни облицовки не существуетъ, но сохраняется кирпичный оставъ могилы, тѣхъ размѣровъ какъ значится въ академическихъ счетахъ заказа памятника, не далеко отъ праха Волынскаго, съ юго-западной стороны церкви. Этотъ обглоданный оставъ долженъ быть признанъ дѣйствительно за его гробницу.

Но горевать не стоитъ никому, кромѣ развѣ изыскателей, что казенной надписи и топорныхъ виршей мѣстнаго піиты не сохранили для насъ люди и время. Память о Кокориновѣ осталась въ сооруженномъ имъ зданіи, нами также данномъ въ вѣрномъ рисункѣ своимъ читателямъ, хотя уже въ окончательномъ видѣ до котораго не дожилъ первый строитель. При немъ былъ иначе нѣсколько главный входъ: главной двери не было. Былъ одинъ сквозной проемъ съ рѣшеточною загородкою, сквозь которую заносился зимою снѣгъ въ *вестибуль*, тоже открытый со всѣхъ сторонъ вольному протоку вѣтра. Парадная лѣстница во второй этажъ была построена Фельтеномъ — третьимъ директоромъ Академіи послѣ Кокоринова, тоже строителемъ *), въ восьмидесятыхъ

*) Онъ оставилъ въ Петербургѣ: зданія стараго ломбарда, церкви лютеранскія св. Анны и св. Екатерины, да Армянскую на Невскомъ); сверхъ того построилъ классическую гранитную рѣшетку Главнаго Штаба.

годахъ минувшаго вѣка. Колонаду на ней съ хорами или обходомъ, по верхнему этажу, прибавилъ президентъ Оленинъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. А въ послѣднее время въ ней еще произошли перестройки при общей передѣлкѣ всего зданія. Фельтенъ достроилъ и плоскій куполъ подъ срединою главнаго фасада, закончивъ его статуею Минервы, изваянною профессоромъ Прокофьевымъ изъ дерева (гипсовое подражаніе ей осталось надъ боковымъ фасадомъ Императорской Публичной Библіотеки, отъ сквера надъ входомъ). Въ тридцатыхъ годахъ, К. А. Шонъ построилъ на Невѣ пышную гранитную пристань, на которой поставлены привезенные изъ Ѳивъ (египетскихъ) колоссальные сфинксы.

Одновременно съ постройкою пристани, Толь соорудилъ двѣ громадныя античныя галлереи—во всю ширину флигелей на Неву, рѣзко опредѣленныхъ тремя выступами (начиная отъ 4 й линіи): конференцъ залы, залы большихъ собраній и библіотеки. Послѣ нихъ отдѣлали церковь въ срединѣ задняго фасада, обращеннаго въ садъ, тоже увѣнчаннаго куполкомъ съ крестомъ, указателемъ храма. При послѣдней перестройкѣ этого же главнаго зданія, получили также опредѣленное и неопредѣленное назначеніе музеевъ: нижній (вокругъ всего круглаго внутренняго двора, равняющагося объемомъ внутренности купола Петровской базилики Микель-Анджело) для скульптуры; средній (на третью линію, по Невѣ и круглому двору) для живописи собственно; а верхній, (по круглому двору) для класса и музея архитектуры.

Мы сочли эти подробности необходимыми при напоминаніи читателямъ зданія Академіи Художествъ, построеннаго Кокориновымъ. Черты же его вѣрно передала намъ кисть несравненнаго Левицкаго, успѣвшаго, какъ мы уже замѣчали, не только сохранить сходство, но придать этому сходству живость—движеніемъ фигуры и жестомъ понятнымъ безъ особенныхъ догадокъ.

Прямыхъ потомковъ нашъ незабвенный Кокориновъ не оставилъ по себѣ. У него была одна дочь — Настасья Александровна, умершая въ дѣвицахъ (род. 17 Апр. 1763 г. и ум. 5 Октября 1785 г.) и погребенная на старомъ кладбищѣ Невскаго монастыря подлѣ матери, какъ и она скончавшаяся рано.

П. П—въ

Письмо Карлейля

Въ перепискѣ Давида Штрауса съ Ренаномъ и прокламаціяхъ Виктора Гюго мы познакомили читателей съ образомъ мыслей передовыхъ людей Германіи и Франціи—относительно франко-прусской войны. Нынѣ, точно такъ же воздерживаясь отъ всякаго личнаго взгляда на прилагаемый документъ, мы позволимъ себѣ представить образчикъ англійскихъ сужденій объ этой войнѣ — и притомъ исходящій отъ одного изъ самыхъ крупныхъ политическихъ мыслителей туманнаго Альбіона.

Въ газетѣ *Times* помѣщено весьма длинное письмо сэра Томаса Карлейля, которое помѣщаемъ съ нѣкоторыми сокращеніями. Отчетливость главныхъ положеній автора вполнѣ обрисовываетъ его proffession de foi по вопросамъ международнаго права и государственнаго; наконецъ, высказываясь по поводу франко-прусской войны, каждая мысль автора пріобрѣтаетъ еще большій интересъ.

Вотъ это письмо:

«Если дешевое сожалѣніе и участіе газетъ къ низвергнутой Франціи—могутъ быть названы хорошей чертой человѣческой природы, то уже никакъ не въ настоящемъ случаѣ; эти чувства, вызванныя исключительно вопросомъ о присоединеніи Эльзаса и Лотарингіи, обращенныя всею тяжестію на побѣдителя, представляютъ много ложнаго, празднаго и опаснаго. Со стороны Англіи подобныя чувства обличаютъ огромное незнаніе исторіи воюющихъ державъ и того вреда, который Франція причинила Германіи. Въ настоящемъ кризисѣ задача Германіи—не въ томъ чтобы рѣшить вопросъ о степени великодушія и состраданія къ низвергнутому врагу, но въ томъ чтобы здраво предусмотрѣть, на основаніи прошедшаго, что этотъ побѣжденный врагъ можетъ предпринять въ будущемъ, когда опять встанетъ на ноги. Въ этомъ отношеніи, опытъ послѣднихъ 4-хъ столѣтій далъ Германіи самыя точныя указанія, о которыхъ въ памяти у Англіи не осталось, какъ видно, и слѣда.

У насъ хорошо знаютъ, однако, какъ революціонная Франція и Наполеонъ I поступали съ Германіей; но большинство какъ видно, не придаетъ этому, большаго значенія, и думаетъ что въ этотъ періодъ Германія была въ первый разъ угнетаема Франціей. Въ сущности это было только послѣднее угнетеніе замыкающее собою цѣлый рядъ предыдущихъ, или вѣрнѣе предпослѣднее. такъ какъ мы думаемъ, что настоящее кровавое столкновеніе — плодъ новѣйшей французской фантазіи или «Взятіе Берлина»—будетъ напослѣднее.

Ни у одной націи не было такого дурнаго сосѣда какъ у Германіи въ послѣднія 4 столѣтія; Франція въ теченіи всего этого времени была самымъ алчнымъ, ненасытимымъ, наглымъ, падкимъ на поживу сосѣдомъ. До сихъ поръ еще ни одинъ безпокойный и дерзкій сосѣдъ не былъ такъ жестоко и постыдно наказанъ. Послѣ четырехъ сотъ лѣтъ тяжкихъ отношеній, Германія ощущаетъ нынѣ высокую радость при видѣ честно-побѣжденнаго ею врага. Было бы глупо съ ея стороны—не воздвигнуть надежный оплотъ между собой и подобнымъ сосѣдомъ теперь, когда это ей такъ легко.

Я не знаю ни одного естественнаго закона, ни одного изъ постановленій небесныхъ, которые бы освобождали одну Францію, не въ примѣръ другимъ, отъ отъ обязанности возвращать заграбленное достояніе,—когда собственникъ, у котораго оно отнято силою, въ состояніи отобрать его. Это могли воображать себѣ только французы.

Эльзасъ и Лотарингія были вѣроятно похищены въ силу подобной божественной миссіи. Хитрая политика Ришельё и длинныя руки Людовика XIV — вотъ единственныя основанія правъ на владѣніе этими нѣмецкими землями. Ришельё и Тюреннъ оторгли ихъ отъ Германіи, а Людовикъ *Великій* сдѣлалъ остальное. При этомъ произошло не мало всякаго рода правъ нарушеній. Даже Англія протестовала противъ безстыдныхъ Соединенныхъ-Камеръ, но гордое и насмѣшливое отклоненіе вмѣшательства было единственнымъ отвѣтомъ

великаго Людовика. Надпись на монетахъ во время его царствованія—свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ называлъ себя *excelsus super omnes gentes dominus*.

Страсбургъ былъ также отнятъ силою, а Мецъ обманнымъ образомъ въ видѣ залога. Король Вильгельмъ отнялъ теперь эти земли у Франціи,—и я говорю, что будетъ весьма справедливо, разумно и практично, если Германія оставитъ ихъ за собой и постарается укрѣпить свои старыя Вогезы, чтобы избавить себя отъ дальнѣйшихъ французскихъ посѣщеній.

Французы страшно кричатъ противъ насилія и «униженія чести»; газетные политики также вторятъ въ одинъ голосъ: «не унижайте Францію, оставьте ея честь неприкосновенной!» Но развѣ честь можетъ быть спасена, если Франція будетъ отказываться заплатить за побитыя ею стекла въ домѣ сосѣда. Вотъ этотъ отказъ и составитъ ея безславіе. Честь Франціи можетъ быть только спасена глубокимъ раскаяніемъ, и твердымъ рѣшеніемъ съ ея стороны не повторять того, что она дѣлала до сихъ поръ, или, вѣрнѣе, поступать прямо противоположно тому, какъ она поступала.

Только подъ этимъ условіемъ Франція можетъ достигнуть своего прежняго величія—и въ этомъ случаѣ даже большаго чѣмъ при Наполеонѣ первомъ, а впослѣдствіи при Наполеонѣ третьемъ. Тогда мы добровольно будемъ платить дань нашимъ уваженіемъ, преклонивъ голову предъ граціозными и прекрасными качествами, которыми природа надѣлила сыновъ Франціи. Въ настоящее время Франція кажется намъ все болѣе и болѣе безумной, достойной порицанія и сожалѣнія—даже презрѣнія. Она отказывается здраво посмотрѣть на факты, которые столь осязательно возстаютъ предъ ея глазами, и на наказаніе, которое она добровольно навлекла на себя.

Среди развалинъ государственнаго порядка и страшной анархіи,—такъ что среди этого хаоса нельзя отличить гдѣ голова и гдѣ ноги, — всѣмъ руководитъ и заправляетъ мятежная чернь и министры летающіе на воздушныхъ шарахъ, наполненныхъ въ видѣ баласта самой позорною ложью; военно-фантастическія прокламаціи этого правительства, которое пробавляется изодня въ день лживыми заявленіями, свидѣтельствуютъ, что оно готово охотнѣе согласиться на безконечное кровопролитіе, нежели измѣнить, въ качествѣ чистѣйшихъ республиканцевъ, начертанный путь, по которому они должны вести отечество; —словомъ, я не знаю до сихъ поръ ни одной націи, которая обезславила бы себѣ такъ, какъ Франція.

Если бы Франція имѣла среди газетныхъ политиковъ истиннаго друга, то совѣтъ его былъ бы такой: возврати все что слѣдуетъ, и избѣгай въ будущемъ всякаго столкновенія съ своимъ непріятелемъ. Франція должна бы помнить изрѣченіе, которое говоритъ, что ложь ведетъ людей ко вратамъ вѣчной смерти, и воспрещается всѣмъ безъ различія Единственное спасеніе ея въ томъ, чтобы преклониться предъ совершившимся фактомъ, который она навлекла на себя добровольно, и признать справедливость вполнѣ заслуженнаго наказанія за то, что позволила себѣ оскорбить сосѣда спокойнаго, гуманнаго, мирно-развивающаго свои политическія учрежденія, — она, позлащенная и блестящая сверху анархія.

Едва разбита была одна рота изъ этой кровавой македонской фаланги, какъ тотчасъ-же показался наружу страшный оставъ соціальнаго организма—и всѣ увидѣли, сколько лѣни, анархіи и всякихъ скверностей заключалъ онъ въ себѣ. Чѣмъ скорѣе будетъ признанъ неумолимый совершившійся фактъ что Франція безсильна предъ побѣдителемъ—тѣмъ лучше. Это весьма горькій фактъ для славолюбивой страны, но мы надѣемся, что въ этой націи сохранилось еще достаточно любви къ правдѣ, достаточно честности чтобы примириться съ подобнымъ фактомъ.

Количество завѣдомой лжи, въ которой такъ сильно упражнялась, съ іюля нынѣшняго года, Франція офиціальная и неофиціальная,—имѣетъ въ себѣ нѣчто ужасное, поражающее. И увы! все это еще можетъ-быть чрезвычайно ничтожно въ сравненіи съ самообольщеніемъ и ложью, которыя такъ долго царили среди французовъ; эти качества теперь еще сильнѣе, ядовитѣе, и не смотря на это, онѣ не признаются еще опасными; наиболѣе печальный симптомъ, по нашему мнѣнію, — это роль, какую играли ея геніальные мужи предшествующаго поколѣнія, желавшіе стать пророками и строителями своего отечества. Они думали, что лучи свѣта, бросаемые Франціей, разсыпаютъ среди другихъ націй дары божественнаго разума. Франція—это новый Сіонъ вселенной; а все печальное, грозное, полубѣшеное, порожденное большею частью точно адомъ, что извергнуто было французской литературой за послѣднія 50 лѣтъ,—все это должно считаться новымъ евангеліемъ, благословеніемъ и святою миссіей для блага сыновъ человѣческихъ.

Каковы пророки, таковъ и народъ.

Самоправедная правда ихъ кажется ложью, и даже теперь въ моментъ глубокаго паденія эти люди видятъ спасеніе только въ лжи и въ геройски-шутовскихъ выходкахъ.

Это ихъ героизмъ. Они воображаютъ себя спасителями человѣчества, искупительной жертвой за грѣхи всѣхъ народовъ. Я желалъ бы, чтобъ французы спросили самихъ себя: не могутъ ли они произвести Картуша для всѣхъ народовъ?

Картушъ имѣлъ конечно нѣкоторыя хорошія свойства, ему удивлялись, его оплакивали; много хорошенькихъ дамъ вымаливали себѣ локоны его волосъ, когда неумолимая висѣлица покончила его жизнь, — но спасенія для него все-таки не воспослѣдовало.

Лѣтъ сто съ небольшимъ тому назадъ, въ Англіи господствовало довольно сильное желаніе отторгнуть отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію—и даже была сдѣлана разъ по этому поводу одна серіозная попытка. Лордъ Картеръ называвшійся позднѣе Чарльзъ Гренвиль (не предокъ, впрочемъ, теперешняго высокопочтеннаго однофамильца) приложилъ всѣ свои силы къ этому дѣлу и указываетъ на дѣйствительныя средства къ достиженію этой цѣли. Многія говорятъ, что онъ былъ наиболѣе даровитый изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ Англіи предъ лордомъ Чатамомъ, что онъ хорошо зналъ интересы Германіи, языкъ ея, исторію, и что навѣрно достигъ бы желаемаго результата, если бы почтенный герцогъ Нью-Кесльскій не сбилъ его съ сѣдла, какъ говорятъ, и не постарался предать забвенію всю его дѣятельность. Теперь Германія и Бисмаркъ желаютъ того-же самаго—и это не должно казаться удивительнымъ. Послѣ стольких вызововъ и такихъ побѣдъ, подобное требованіе весьма справедливо, разумно, и даже умѣренно. Нельзя не отдать должное уваженіе умѣренности и прозорливости графа Бисмарка; настой-

Битва при ле Бурже.

чиво идетъ онъ къ своей цѣли,—не требуя лишняго, но твердо рѣшившись не довольствоваться малымъ.

Я увѣренъ, что онъ получитъ Эльзасъ, и если успѣетъ отнять еще часть Лотарингіи, то окажетъ этимъ услугу не только своему отечеству, но и намъ и цѣлому міру — даже самой Франціи.

Анархическая Франція получаетъ теперь первый тяжкій урокъ—и хорошо будетъ, если она извлечетъ изъ него пользу. Если нѣтъ—то она получитъ другой, и затѣмъ опять новый, пока наконецъ не выучится».

Битва при Ле-Бурже.

(30 октября 1870 года).

Изъ всѣхъ происшедшихъ за послѣднее время битвъ подъ Парижемъ, одна особенно замѣчательна тяжелыми потерями съ обѣихъ сторонъ и тѣмъ упорствомъ, съ какимъ оба врага отстаивали каждый клочекъ земли. Это битва при Ле-Бурже.

Деревня Ле-Бурже лежитъ на большой дорогѣ изъ Компьена въ Парижъ и находится отъ послѣдняго въ четырехъ—пяти верстахъ, подъ защитою пушекъ фортовъ С. Дени и Обервиллье.

Находясь какъ разъ въ срединѣ между четырьмя другими деревнями: Дюньи, Бланъ-Мениль, Дранси и Ла Курнёвъ, изъ которыхъ двѣ первыя заняты пруссаками а двѣ послѣднія еще находятся во власти французовъ, она съ самаго начала обложенія Парижа непріятельской арміей—служила яблокомъ раздора между обѣими враждующими сторонами.

Еще 20 сентября прусская гвардія заняла ее, причемъ дѣло не обошлось безъ потерь. Тотчасъ же были устроены баррикады и нѣсколько земляныхъ валовъ—съ цѣлію воспрепятствовать нападеніямъ со стороны французовъ.

Однако французы уже 27 сентября напали нѣсколькими коллонами изъ Обервилльи и окрестныхъ деревень, оттѣснили непріятеля въ Понтъ-Иблапъ, и занявъ такимъ образомъ Ле-Бурже воспользовались сдѣланными со стороны пруссаковъ укрѣпленіями.

Окруженная со всѣхъ сторонъ стѣнами садовъ и парковъ, деревня имѣла четыре выхода, посреди которыхъ и были выстроены вновь каменныя баррикады. Пять тысячь пѣхоты и одна баттарея картечницъ составляли гарнизонъ этой новой крѣпости.

Нѣсколько дней спустя, пруссаки снова попытались завладѣть потерянной деревней, однако должны были отступить съ значительнымъ урономъ.

Пруссаки видѣли очень хорошо, что съ незначительными силами врядъ ли удасться взять это, почти что неприступное, укрѣпленіе; а потому 29 октября была двинута противъ Ле-Бурже вся вторая гвардейская дивизія, со всею пѣхотою, артиллеріей и кавалеріей. Пѣхота направилась къ деревнѣ тремя коллонами, тогда какъ артиллерія стала въ центрѣ позади Иблана, а кавалерія прикрывала наружный флангъ. Въ $7^1/_2$ часовъ артиллерія открыла огонь—и ей тотчасъ же отвѣчали до ста орудій съ французскихъ фортовъ и укрѣпленій. Однако прусскія орудія черезъ полчаса должны были замолчать—изъ боязни повредить своимъ же войскамъ, которыя развернутымъ фронтомъ подвигались къ баррикадамъ.

Недоходя ста шаговъ до послѣднихъ, прусская пѣхота открыла огонь, на который ей отвѣчали еще болѣе сильнымъ—такъ что ряды наступающихъ быстро рѣдѣли. Пруссаки бросались направо и налѣво, наконецъ нашли ворота, которыя при помощи піонеровъ были тотчасъ же разрушены — и нѣмцы вступили въ первый дворъ.

Но здѣсь пруссаки встрѣтили еще болѣе мужественную защиту. Каждое окно, дверь, щель—все служило помощью осажденнымъ; они отстаивали каждый шагъ своей родной земли, и пруссакамъ стоило не малыхъ, даже можно сказать очень большихъ жертвъ завоеваніе этой небольшой деревушки.

Скоро бой, начавшійся на улицахъ, перешелъ въ дома, куда заперлись осажденные.

Каждую комнату, каждый погребъ приходилось брать силою. Пруссаки рубили двери—и ворвавшись уже нещадили никого. Стоны, крики, ружейные и пушечные выстрѣлы—все это сливалось въ одинъ общій страшный концертъ. Казалось, общей битвы нигдѣ не было, а были тысячи маленькихъ сраженій. Французская артиллерія продолжала свой огонь, несмотря на то что онъ приносилъ не малый вредъ ея собственнымъ войскамъ, и прекратила только тогда, когда замѣтила отступленіе своихъ войскъ къ югу.

Въ три часа битва кончилась и побѣда осталась за пруссаками: но какихъ жертвъ это стоило!

Пруссаки лежали не рядами а цѣлыми кучами—и до такой степени обезображенные, что въ нихъ едва можно было признать человѣческій образъ. На большой дорогѣ валялось всякаго рода оружіе, осколки гранатъ, и цѣлыя тысячи труповъ.

Политическое обозрѣніе.

Счастіе не измѣняетъ, по прежнему, нѣмецкому оружію; искусная стратегія нѣмецкихъ вождей приноситъ должный успѣхъ, побѣды слѣдуютъ за побѣдами;—но конечный результатъ войны еще повидимому далеко впереди: укрѣпленія Парижа, стойкость его населенія, дисциплина, образованіе новыхъ армій, возникающее народное единство, не смотря на множество партій — вотъ что замедляетъ окончательное торжество нѣмецкаго оружія на французской землѣ. Конечно, это только данныя предсказывающія лучшее будущее, — оно отчасти сомнительно, но во Франціи въ него сильно вѣруютъ.

Сраженіе 12 декабря у Понтъ-а-Нуайель принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ событій въ нынѣшней кампаніи; послѣднія телеграммы говорятъ, что перевѣсъ остался на сторонѣ нѣмцевъ, и что генералъ

Федербъ отступилъ сначала къ Аррасу а потомъ къ Витри. Цѣль генерала Федерба состоитъ въ томъ, чтобы занять мѣстность окруженную небольшими крѣпостями и обезпечить за собой, въ случаѣ потери этой позиціи, сильную крѣпость Лилль. Движеніе арміи генерала Мантейфеля, которая заняла уже Вервинъ и Сенъ-Кантенъ, клонится къ тому, чтобы воспрепятствовать французской арміи занять названную мѣстность, лежащую среди крѣпостей сѣверной Франціи, и окруживъ ее, отрѣзать путь къ Парижу.

О движеніяхъ войскъ на Луарѣ нѣтъ положительныхъ свѣденій, сраженій не было; очевидно, что обѣ арміи готовятся къ рѣшительному бою, такъ какъ пруссаки сосредоточиваютъ на лѣвомъ берегу Луары свои войска. 18-й и 20- корпусай подъ начальствомъ Бурбаки стараются затруднить сообщенія арміи Вердера съ остальными нѣмецкими войсками; въ Вогезахъ войска Гарибальди и отряды вольныхъ стрѣлковъ стремятся къ той же цѣли. Такимъ образомъ, усилія трехъ армій направлены къ тому, чтобы отвлечь непріятельскія силы отъ Парижа и разбивать ихъ по частямъ, пока генералъ Трошю не найдетъ возможнымъ сдѣлать большую вылазку. Оборона Парижа преимущественно разсчитана на прибытіе подкрѣпленій изъ провинцій; на это возлагаетъ надежды само населеніе этого города, которое, по послѣднимъ извѣстіямъ, мужественно переноситъ лишенія и чрезвычайно спокойно духомъ.

Извѣстія, полученныя отъ 23-го декабря изъ главной квартиры, сообщаютъ о вылазкѣ французскихъ войскъ изъ Парижа. 20-го, поздно вечеромъ, генералъ Подбѣльскій донесъ королю Вильгельму, что въ сѣверной части парижскихъ укрѣпленій происходитъ передвиженіе войскъ, которое указываетъ повидимому на то, что непріятель желаетъ произвести большую вылазку. Утромъ, 21 числа, это предположеніе вполнѣ подтвердилось, такъ какъ продолженіи ночи французы измѣнили расположеніе своихъ постовъ, и открыли довольно сильную канонаду по всему осажденному пространству. Чрезъ нѣсколько часовъ пруссаки замѣтили, что главныя усилія французскихъ войскъ были направлены на гвардію, расположенную между Бурже и лѣсомъ Бонди. И дѣйствительно, французы направили къ Бурже 3 пѣхотныя дивизіи и 30 батарей съ 130 пушками. Цѣлый дождь ядеръ и картечи вскорѣ покрылъ дорогу въ Сенлисъ, на которой была расположена прусская гвардія. Въ то же время сильные французскіе отряды аттаковали Бурже, но были отброшены гвардейской пѣхотой. Французы были скоро принуждены отказаться отъ этой попытки, и отступить къ фортамъ. Саксонцы также сражались очень храбро.

Укрѣпленныя высоты Монтъ-Аврона были заняты нѣмецкими войсками 17-го числа; эта позиція довольно выгодная, потому что даетъ возможность обстрѣливать большое пространство, на которомъ находятся три форта. Но Монтъ-Авронъ имѣетъ и свои невыгоды; онъ лежитъ слишкомъ близко отъ форта Росни, котораго батареи могутъ открыть огонь по расположеннымъ тамъ нѣмецкимъ войскамъ, если только этотъ фортъ не подвергнется сильной аттакѣ съ противоположной стороны. Во время вылазки 29 ноября, Монтъ-Авронъ былъ занятъ артиллеріей генерала Дюкро и войсками его, которыя отступили въ Росни.

Schlesische Zeitung, обозрѣвая военныя событія и расположеніе нѣмецкихъ войскъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ Франціи, говоритъ, что если Парижъ не сдастся на капитуляцію чрезъ нѣсколько недѣль, то необходимо будетъ начать новую кампанію, подобную той, которая ознаменовалась побѣдами при Орлеанѣ и Амьенѣ. Дѣйствительно, какъ бы предчувствуя, что война затянется на долгое время, нѣмецкіе главнокомандующіе требуютъ постоянно новыхъ подкрѣпленій изъ Германіи. Конечно, отражать вылазки парижскаго гарнизона или одерживать небольшія побѣды на Луарѣ—не значитъ еще довести страну до невозможности сопротивляться; можно полагать успѣхъ обезпеченнымъ за нѣмецкимъ оружіемъ только въ случаѣ, если побѣдитель займетъ своими войсками часть южныхъ провинцій, и будетъ въ состояніи препятствовать образованію новыхъ армій.

Чрезвычайно легко утверждать, какъ дѣлаютъ это нѣкоторыя газеты, что Пруссіи было лучше всего заключить миръ послѣ Седана, и удовольствоваться тѣмъ что предлагала ей Франція,—но мы думаемъ, что въ качествѣ побѣдительницы и державы защищающей неприкосновенность своей территоріи отъ нападенія врага—ей это было невозможно. Съ самаго начала можно было предвидѣть, что кампанія неминуемо приметъ характеръ народной борьбы съ обѣихъ сторонъ, и что только окончательное униженіе побѣжденнаго въ состояніи будетъ удовлетворить побѣдителя. Вслѣдствіе этого мы чрезвычайно недовѣрчиво можемъ отнестись къ словамъ корреспондента газеты *Times*, который пишетъ, что въ прусской главной квартирѣ легко откажутся отъ пріобрѣтенія части Лотарингіи,—что требовали прежде,—и удовольствуются Эльзасомъ и разрушеніемъ крѣпостей находящихся на бельгійской границѣ. Абсолютно невозможнаго тутъ нѣтъ ничего, особенно если принять въ расчетъ то обстоятельство, что графъ Бисмаркъ поднялъ довольно энергично Люксембургскій вопросъ. Кровавая драма разыгрывающаяся теперь на берегахъ Луары и подъ Парижемъ—обставлена многими политическими вопросами второстепенной важности, и Люксембургъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ.

Такъ называемый Черноморскій вопросъ, возбудившій такія опасенія въ Сенъ-Джемскомъ кабинетѣ, принимается англійской публикой гораздо болѣе хладнокровно. Англичане народъ гордый, они любятъ чтобы всѣ трепетали предъ рычаніемъ британскаго льва—но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ и разсчетливый. И правительство, и публика, слѣдуя принципамъ экономическимъ, готовы повидимому сложить съ себя опеку надъ Турціей и отказаться на будущее время отъ гарантированія неприкосновенности всевозможныхъ иностранныхъ территорій. Къ тому же, побѣды Пруссіи и совершающаяся сдѣлка для пріобрѣтенія Суэзскаго канала—открываютъ новыя блестящія перспективы для торговаго могущества Англіи. Египетъ, Аравія—страны богатыя и, что важнѣе всего, лежатъ по дорогѣ въ Индію. Это заманчиво. Отношенія между Россіей и Портой совершенно дружественны—и турецкое правительство безъ сомнѣнія убѣдилось, что отказъ Россіи признавать нѣкоторыя статьи трактата 1856 года, ограничивающія владычество ея на Черномъ морѣ, не имѣетъ ничего общаго съ Восточнымъ вопросомъ.

Послѣ завтра должна собраться конференція въ Лондонѣ по Черноморскому вопросу. Роль Англіи на конференціи—въ виду сильнаго соперничества на морѣ съ Соединенными Штатами и всегда готоваго возникнуть Элебемскаго вопроса,—конечно будетъ довольно миролюбивая; къ тому же и непосредственные экономическіе интересы на материкѣ Европы побуждаютъ ее къ умѣрен-

ности; роль Австріи, повидимому, будетъ менѣе гармонировать съ миролюбивымъ намѣреніемъ рѣшить возникшія затрудненія на Черномъ морѣ. Сильная репрессія, которой подвергались газеты въ Чехіи въ началѣ 50-хъ годовъ и впослѣдствіи, породила въ ней большое неудовольствіе и вызвала нѣкоторыя симпатіи, на которыя графъ Бейстъ еще такъ недавно жаловался въ отвѣтѣ на непринятый имъ адресъ отъ чеховъ. Было время въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, когда симпатіи чеховъ принадлежали ихъ общему отечеству; но преобладаніе Венгріи поохладило ихъ. То же самое можно сказать и о полякахъ, тѣмъ болѣе что министерство графа Потоцкаго готово пасть. Согласить народности, живущія въ Австріи, по всѣмъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики — оказывается слишкомъ трудно.

Графъ Бейстъ безъ сомнѣнія весьма искусный дипломатъ и парламентарная знаменитость; вслѣдствіе этого весьма немудрено, что сила обстоятельствъ заставитъ его стать по Черноморскому вопросу на тотъ путь прямодушнаго соглашенія, на которомъ онъ уже встрѣтилъ такъ любезно новую Германскую имперію.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Къ нашимъ читателямъ.

Прошелъ уже годъ со дня перваго появленія нашего журнала. Насколько «Нива» нравилась нашимъ читателямъ — въ настоящее время обсудить этого мы еще не можемъ; это покажетъ новый годъ. Во всякомъ случаѣ, съ нашей стороны было сдѣлано все, что хотя нѣсколько могло помочь выполненію задачи нашего журнала: доставить занимательное и вмѣстѣ поучительное чтеніе. Если намъ хотя отчасти удалось выполнить нашу трудную задачу — это будетъ служить намъ лучшей наградой и вмѣстѣ съ тѣмъ побужденіемъ къ новымъ усиліямъ для усовершенствованія какъ литературной такъ и художественной стороны нашего изданія.

Въ новомъ 1871 году будутъ помѣщены между прочимъ оригинальная повѣсть: «Панъ Пшепендовскій» В. В. Крестовскаго и большой историческій романъ В. И. Кельсіева (автора повѣсти «Москва и Тверь»).

Что касается рисунковъ, мы можемъ указать на превосходный портретъ Е. И. В. Государя Императора, «Морской видъ» проф. Айвазовскаго (спеціально для «Нивы» рисованный имъ на деревѣ), «Псаломщиковъ» Маковскаго, «общій видъ Нижняго-Новгорода» и мн. др.

Дозволено цензурою 18 Декабря 1870 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск. д. № 9—13.** Типогр. **А. Траншеля.** Невск. и Влад. д. **№ 45—1.**

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА

Въ С.-Петербургѣ, на углу Невскаго проспекта и Малой Конюшенной, д. Рива, № 26.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Статистическая таблица ГОСУДАРСТВЪ И ВЛАДѢНІЙ ВО ВСѢХЪ ЧАСТЯХЪ СВѢТА,

О. ГЮБНЕРА,

передѣланная на русскій языкъ съ 17-го нѣмецкаго изданія, съ переложеніемъ монетъ, вѣсовъ и мѣръ на русскій счетъ,

А. МАРКСОМЪ.

Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.; наклеенная на коленкорѣ 1 р. с., съ пер. 1 р. 50 к.

Содержаніе таблицы слѣдующее:

Пространство, образъ правленія, имя владѣтеля или правителя каждаго государства, число обитателей, государственные доходы, расходы и долги, находящіяся въ обращеніи бумажныя деньги, произведенія земли, ихъ вывозъ и привозъ, монеты, вѣсъ и мѣры по русскому счету, замѣчательнѣйшіе города въ каждомъ государствѣ, съ показаніемъ числа находящихся въ нихъ жителей и пр. и пр.

Таблица эта вмѣщаетъ въ себѣ, въ сжатомъ видѣ, всѣ интереснѣйшія статистическія свѣдѣнія всѣхъ частей свѣта.

Такъ какъ таблица эта предназначена собственно для Россійской Имперіи, то иностранная метрологія переведена на русскій счетъ и обращено особое вниманіе на вѣрность статистическихъ цифръ.

Цифры выставленныя въ ней провѣрены по самымъ послѣднимъ источникамъ, и потому могутъ назваться самыми вѣрными изъ доселѣ существующихъ.

Таблица эта была рекомендована Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для всѣхъ гимназій.

КУМЫСЪ,

ЕГО ФИЗИЧЕСКОЕ И ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ДѢЙСТВІЕ.

СОЧИНЕНІЕ

Д-ра Э. Штальберга,

ДИРЕКТОРА КУМЫСО-ЛЕЧЕБНИЦЫ ВЪ МОСКВѢ.

Цѣна 60 коп.; съ пересылкою 70 коп.

Авторъ этой книги уже 12 лѣтъ употребляетъ съ большимъ успѣхомъ кумысъ, какъ средство для излеченія чахотки, малокровія и т. п., и поэтому можетъ быть признанъ авторитетомъ этой спеціальности.

Въ этомъ сочиненіи, впервые представленъ точный, подробный разборъ леченія кумысомъ. Д-ръ Штальбергъ опровергаетъ въ немъ то мнѣніе, что леченіе это возможно только въ степяхъ, и доказываетъ фактически, что кумысъ можетъ быть приготовленъ и не въ одннхъ степяхъ, и что леченіе ихъ несравненно болѣе удобно и комфортабельно по близости большихъ городовъ (какъ напримѣръ: Москвы, Кіева), такъ какъ здѣсь больному не приходится испытывать неудобствъ длинной дороги.

Эта же книга вышла также на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ:

DER KUMYS

SEINE PHYSIOLOGISCHEN UND THERAPEUTISCHEN WIRKUNGEN.

von Dr. E. Stahlberg.

Preis **60** k., mit Versendung **70** k.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ-ИЗДАТЕЛЬ **А. Ф. Марксъ.**

ПОЛНѢЙШІЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ВСѢХЪ

на 1870 годъ.

Изданіе В. Е. Генкеля.

Календарь этотъ, предназначенный для дѣловыхъ людей всѣхъ сословій и званій, заключаетъ въ себѣ, въ сжатомъ видѣ, всѣ справочныя свѣдѣнія, необходимыя для каждаго въ житейскомъ быту. Въ приложеніяхъ помѣщены: I. Портреты: **Государя Императора Александра II** и **Кн. Горчакова**, Президента **Гранта** и вице-през. **Кольфекса**, короля **Георгія I** и **Ризаса Рангаве**, султана **Абдулъ-Азиса** и вице-короля **Измаила-Паши**, регента маршала **Серрано** и маршала **Прима**, англійск. министра **Гладстона** и **Брайта**.— II. Алфав. справ. перечень государей русскихъ и замѣчательныхъ особъ ихъ крови, сост. **М. Д. Хмыровымъ** (205 историко-біограф. статей).—III. Некрологъ 1868 1869 г. — IV. Перечень правит. узаконеній 1868—1869. — V. Происшествія, случаи и открытія 1868—1869.

Цѣна **1** р. съ пер. **1** р. **30** к.; въ папкѣ **1** р. **30** к., съ пер. **1** р. **50** к.; въ англ. переплетѣ **1** р. **50** к., съ пер. **1** р. **80** к. При требованіи 5 или болѣе экземпляровъ, за пересылку не прилагается.

Требованія адресуются: Вас. Егор. Генкелю, въ С.-Петербургѣ, у Пѣвческ. моста, въ домѣ Утина, кв. № 37.

Buch & Antiquariats-Handlung von

A. FLUTHWEDEL & C°

in Riga.

Kataloge BILLIGER (auch zu Festgeschenken geeigneter) Bücher, stehen bei Einsendung der Adresse GRATIS und franco zur Verfügung.

Съ 1 января 1870 г., въ Кіевѣ,

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ПАРОВОЗЪ“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Внутреннее обозрѣніе.
2. Иностранная политика. — Телеграммы.
3. Научный отдѣлъ. Статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ и литературы.
4. Смѣсь. Небольшія статьи о современной общественной жизни въ Россіи и за границей.
5. Разнаго рода объявленія.

Газета «ПАРОВОЗЪ» будетъ выходить три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ.

Редакція не дѣлаетъ никакихъ особыхъ обѣщаній, кромѣ того, что она расширитъ свою газету внутреннимъ содержаніемъ, по внѣшнему виду, и употребитъ особое стараніе въ правильной разсылкѣ своей газеты, какъ по г. Кіеву, такъ и по почтѣ.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

За годъ 5 р., съ пересылкою и доставкою 6 руб. Отдѣльные нумера продаются по 5 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ; на Подолѣ, въ главной конторѣ редакціи газеты «ПАРОВОЗЪ». Въ С.-Петербургѣ, на Невск. пр., въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова.

Редакторъ-издатель **Н. Сементовскій.**

ИЗДАНІЯ В. ГОЛЬДШМИДТА,

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

подписка на 1870 годъ.

48 нумеровъ съ рисунками до **2000**, посвященнымъ модамъ, рукодѣлью и литературѣ.
24 прибавленія съ выкроичными рисунками бѣлья, накидокъ, платьевъ, дѣтскаго гардероба и разныхъ рукодѣлій, съ подробнымъ описаніемъ, всѣхъ этихъ предметовъ.
24 вырѣзныхъ изъ бумаги выкроекъ.
12 парижскихъ раскрашенныхъ модныхъ картинокъ.
6 печатанныхъ красками узоровъ для вышиванія по канвѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ		На 6 мѣсяцевъ	
Въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ безъ доставки	6 р.	Въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ безъ доставки	3 р. 50 к.
» » » съ доставкою	7 »	» » » съ доставкою	4 » — »
Съ пересылкою въ другіе города *)	8 »	Съ пересылкою въ другіе города	4 » 50 »

*) за пересылку 90 коп. за упаковку 1 р. 10 к.

*) за пересылку $52^1/_2$ коп. за упаковку $47^1/_2$ коп.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА

СЪ КАРТИНАМИ.

«Дѣтская Библіотека» состоитъ изъ 12 томиковъ, изъ которыхъ каждый украшенъ 4 литографированными и рѣзанными на деревѣ рисунками, въ раскрашенной оберткѣ и заключаетъ лучшія сочиненія Фр. Гофмана, Бехштейна и др.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

1) **Честность прежде всего**, разсказъ Фр. Гофмана.
2) **Графъ и вожакъ медвѣдей**.—Береговое право. Его же.
3) **Семейная драма**. Его же.
4) **Лучшая школа**.—Рождество, его же.
5) **Подарки на рождество**.—Арапка или украденное дитя.—Щедрая рука.—Золотое сердце.—Маленькій буянъ.
6) **Феликсъ или великодушный юноша**.
7) **Приключенія дѣтства**.
8) **Петя и Вася**, или наказанные лакомки.
9) **Бабушкины сказки**.—Сочиненіе Бехштейна. Изл. для маленькихъ русскихъ читателей П. Дунинъ.
10) **Сказки Бехштейна**. Изложилъ для маленькихъ русскихъ читателей П. Дунинъ.
11) **Игорная книжка для дѣвочекъ**. Содержаніе: I. Игры и увеселенія въ комнатѣ. — Различныя игры съ бумагой и деревянными палочками.—Живопись и рисованье —Ручныя тѣни.—Опыты по физикѣ.—Игры въ фанты.—Всевозможныя загадки съ разгадками.—Математическія задачи и загадки. II. Игры и увеселенія на воздухѣ. — Игры въ мячи. — Катанье на конькахъ.
12) **Игорная книжка для мальчиковъ**. Содержаніе: I. Игры и увеселенія на воздухѣ. — Упражненія въ бѣганьи. — Прятки и жмурки. — Упражненія въ скаканьѣ и прыганьѣ. —Игры въ мячи.—Игры въ шары.—Игра въ кости.—Игры въ волчокъ. II. Игры и увеселенія въ комнатѣ.—Оптическія забавы и тѣни.—Акустическія игры.—Фокусы съ водой.—Маленькій физикъ и механикъ. — Забавы и опыты изъ высшей натуральной магіи.—Различныя математическія задачи и загадки.—Игры въ фанты.—Разныя загадки и вопросы.

Въ № 11 и 12 будетъ помѣщено, кромѣ 4-хъ большихъ картинокъ, по 70-ти политипажей въ текстъ.

Цѣна каждому томику отдѣльно 30 коп. сер., съ перес., **50** к. При выпискѣ же болѣе 4 книжекъ прибавляется по **10** к. за каждый томикъ.

ПОПУЛЯРНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ:

1) *Гигіена беременности и уходъ за новорожденнымъ. Цѣна 1 р. 50 к. сер.*
2) *Душа и тѣло ребенка въ различныя поры его развитія.* Руководство къ тѣлесному и нравственному воспитанію дѣтей. *Цѣна 1 р. 50 к. сер.*
3) *Діэтетика преклоннаго возраста.* Искусство сохранить силы и здоровье въ преклонныхъ лѣтахъ. *Цѣна 30 к.*
4) *Уходъ за кожей и волосами.* Искусство сохранить красоту и здоровье этихъ органовъ. *Цѣна 30 к.*
5) *О вліяніи мѣстности, жилища; климата и погоды на здоровье человѣка. Цѣна 25 к.*
6) *О вліяніи одежды, пищи и напитковъ на здоровье человѣка. Цѣна 1 р. с.*
7) *О содержаніи и сохраненіи зубовъ.* Соч В. Фрикова. *Цѣна 25 коп.*
8) *Домашняя и врачебная гимнастика* для лицъ обоего пола вообще и для женщинъ и дѣтей въ частности. Съ 60 рѣзанными на деревѣ рисунками. *Цѣна 1 р. 50 к.*
9) *Геморрой въ различныхъ видахъ проявленія и леченіе его съ новѣйшей точки зрѣнія науки. Цѣна 1 р. 50 к.*

КАЖДАЯ КНИЖКА продается **отдѣльно** за пересылку прилагается **20** к. Цѣна всѣхъ книжекъ вмѣстѣ съ **пересылкою** 8 р.

Требованія на «НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ», на «ДѢТСКУЮ БИБЛІОТЕКУ» и на «МЕДИЦИНСКУЮ БИБЛІОТЕКУ» адресуются: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію «НОВАГО РУССКАГО БАЗАРА» на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Голландской церкви кв. № 22.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 4 декабря 1869 г. Типографія А. И. Траншеля, на углу Невск. и Владим. д. № 45—1.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА

Въ С.-Петербургѣ, на углу Невскаго проспекта и Малой Конюшенной, д. Рива, № 26.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ГОСУДАРСТВЪ И ВЛАДѢНІЙ ВО ВСѢХЪ ЧАСТЯХЪ СВѢТА,

О. ГЮБНЕРА,

передѣланная на русскій языкъ съ 17-го нѣмецкаго изданія, съ переложеніемъ монетъ, вѣсовъ и мѣръ на русскій счетъ,

А. МАРКСОМЪ.

Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.; наклеенная на коленкорѣ 1 р. с., съ пер. 1 р. 50 к.

Содержаніе таблицы слѣдующее:

Пространство, образъ правленія, имя владѣтеля или правителя каждаго государства, число обитателей, государственные доходы, расходы и долги, находящіяся въ обращеніи бумажныя деньги, произведенія земли, ихъ вывозъ и привозъ, монеты, вѣсъ и мѣры по русскому счету, замѣчательнѣйшіе города въ каждомъ государствѣ, съ показаніемъ числа находящихся въ нихъ жителей и пр. и пр.

Таблица эта вмѣщаетъ въ себѣ, въ сжатомъ видѣ, всѣ интереснѣйшія статистическія свѣдѣнія всѣхъ частей свѣта.

Такъ какъ таблица эта предназначена собственно для Россійской Имперіи, то иностранная метрологія переведена на русскій счетъ и обращено особое вниманіе на вѣрность статистическихъ цифръ.

Цифры выставленныя въ ней провѣрены по самымъ послѣднимъ источникамъ, и потому могутъ назваться самыми вѣрными изъ доселѣ существующихъ.

Таблица эта была рекомендована Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для всѣхъ гимназій.

КУМЫСЪ,

ЕГО ФИЗИЧЕСКОЕ И ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ДѢЙСТВІЕ.

СОЧИНЕНІЕ

Д-ра Э. Штальберга,

ДИРЕКТОРА КУМЫСО-ЛЕЧЕБНИЦЫ ВЪ МОСКВѢ.

Цѣна 60 коп.; съ пересылкою 70 коп.

Авторъ этой книги уже 12 лѣтъ употребляетъ съ большимъ успѣхомъ кумысъ, какъ средство для излеченія чахотки, малокровія и т. п., и поэтому можетъ быть признанъ авторитетомъ этой спеціальности.

Въ этомъ сочиненіи, впервые представленъ точный, подробный разборъ леченія кумысомъ. Д-ръ Штальбергъ опровергаетъ въ немъ то мнѣніе, что леченіе это возможно только въ степяхъ, и доказываетъ фактически, что кумысъ можетъ быть приготовленъ и не въ однихъ степяхъ, и что леченіе ихъ несравненно болѣе удобно и комфортабельно по близости большихъ городовъ (какъ напримѣръ: Москвы, Кіева), такъ какъ здѣсь больному не приходится испытывать неудобствъ длинной дороги.

Эта же книга вышла также на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ:

DER KUMYS

SEINE PHYSIOLOGISCHEN UND THERAPEUTISCHEN WIRKUNGEN.

von Dr. E. Stahlberg.

Preis 60 k., mit Versendung 70 k.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ-ИЗДАТЕЛЬ **А. Ф. Марксъ.**

ПОЛНѢЙШІЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ВСѢХЪ

на 1870 годъ.

Изданіе В. Е. Генкеля.

Календарь этотъ, предназначенный для дѣловыхъ людей всѣхъ сословій и званій, заключаетъ въ себѣ, въ сжатомъ видѣ, всѣ справочныя свѣдѣнія, необходимыя для каждаго въ житейскомъ быту. Въ приложеніяхъ помѣщены: I. Портреты: **Государя Императора Александра II** и **Кн. Горчакова**, Президента **Гранта** и вице-през. **Кольфекса**, короля **Георгія I** и **Ризаса Рангаве**, султана **Абдулъ-Азиса** и вице-короля **Измаила-Паши**, регента маршала **Серрано** и маршала **Прима**, англійск. министра **Гладстона** и **Брайта**.— II. Алфав. справ. перечень государей русскихъ и замѣчательныхъ особъ ихъ крови, сост. **М. Д. Хмыровымъ** (205 историко-біограф. статей).—III. Некрологъ 1868 1869 г. — IV. Перечень правит. узаконеній 1868—1869. — V. Происшествія, случаи и открытія 1868—1869.

Цѣна **1** р. съ пер. **1** р. **30** к.; въ папкѣ **1** р. **30** к., съ пер. **1** р. **50** к.; въ англ. переплетѣ **1** р. **50** к., съ пер. **1** р. **80** к. При требованіи 5 или болѣе экземпляровъ, за пересылку не прилагается.

Требованія адресуются: Вас. Егор. Генкелю, въ С.-Петербургѣ, у Пѣвческ. моста, въ домѣ Утина, кв. № 37.

Buch & Antiquariats-Handlung von

A. FLUTHWEDEL & C°

in Riga.

Kataloge BILLIGER (auch zu Festgeschenken geeigneter) Bücher, stehen bei Einsendung der Adresse GRATIS und franco zur Verfügung.

Съ 1 января 1870 г., въ Кіевѣ,

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ПАРОВОЗЪ“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Внутреннее обозрѣніе.
2. Иностранная политика. — Телеграммы.
3. Научный отдѣлъ. Статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ и литературы.
4. Смѣсь. Небольшія статьи о современной общественной жизни въ Россіи и за границей.
5. Разнаго рода объявленія.

Газета «ПАРОВОЗЪ» будетъ выходить три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ.

Редакція не дѣлаетъ никакихъ особыхъ обѣщаній, кромѣ того, что она расширитъ свою газету внутреннимъ содержаніемъ, по внѣшнему виду, и употребитъ особое стараніе въ правильной разсылкѣ своей газеты, какъ по г. Кіеву, такъ и по почтѣ

ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

За годъ 5 р., съ пересылкою и доставкою 6 руб. Отдѣльные нумера продаются по 5 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ; на Подолѣ, въ главной конторѣ редакціи газеты «ПАРОВОЗЪ». Въ С.-Петербургѣ, на Невск. пр., въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова.

Редакторъ-издатель **Н. Сементовскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 4 декабря 1869 г. Типографія А. И. Траншеля, на углу Невск. и Владим. д. № 45—1.

Съ 1-го Января 1870 года въ С.-Петербургѣ будетъ издаваться:

Подписная цѣна за годовое изданіе въ 104 печатныхъ листа или 52 еженедѣльныхъ нумера со 104 художественно-выполненными рисунками:

въ Петербургѣ безъ доставки . . . . . . **4 р.**	съ доставкою на домъ въ Петербургѣ . . . **5 р.**	для иногороднихъ съ пересылкою и упаковкою **5* р.**

Приступая къ изданію нашего журнала, мы прежде всего должны опредѣлить его характеръ, какъ журнала, предназначаемаго для семейнаго чтенія. Семейная жизнь есть первоначальное поприще всякаго человѣка. Семья составляетъ постоянное и тѣсно-связанное общество, котораго члены передаютъ другъ другу понятія, познанія и опытъ жизни; въ то-же время каждая семья, находясь въ связи съ другими семьями и обществомъ, съ государствомъ и всѣмъ человѣчествомъ, пользуется ихъ національною и общечеловѣческою мудростью, знаніями, открытіями и изобрѣтеніями, приспособленіями и усовершенствованіями, — успѣхи которыхъ преимущественно зависятъ отъ преемственной передачи и обмѣна между людьми ихъ мыслей и понятій, знанія и искусствъ — чему въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ періодическія изданія. Человѣчество — главный жилецъ и работникъ на землѣ, журналъ — разсказчикъ о его жизни и работахъ, а семья — вмѣстѣ и ученица у человѣчества и учительница новыхъ своихъ членовъ.

При такомъ взглядѣ на журнальное дѣло, мы очевидно не можемъ допустить на страницахъ „НИВЫ“ ничего противнаго требованіямъ религіи и нравственности, какъ незыблемыхъ основъ русскаго семейнаго начала, — никакой полемики, проистекающей изъ борьбы политическихъ мнѣній и соціальныхъ вопросовъ, а тѣмъ болѣе — полемики личностей и мелочныхъ дрязгъ, унижающей достоинство журнала. Держась своей программы, журналъ нашъ будетъ посильно содѣйствовать правильному и здоровому развитію русской мысли, распространяя общеполезныя свѣдѣнія и прокладывая себѣ дорогу въ каждое русское семейство во имя началъ народнаго патріотизма и общеевропейской цивилизаціи — направленія, которыя все болѣе и болѣе крѣпнутъ въ нашемъ отечествѣ, съ тѣхъ поръ какъ Россія стала мощнымъ и равноправнымъ членомъ въ семьѣ Европейскихъ государствъ.

*) Примѣчаніе: Цѣна 5 р. с. составляется изъ платы:

За годовое изданіе	4 р.
За пересылку.	— » 60 к.
За упаковку, бандероль, печатный адресъ и проч.	— » 40 »
Итого . .	5 р. — к.

Память сердца.

Съ картины Сентэна рисовалъ Н. А. Богдановъ, рѣзалъ на деревѣ граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ.

Покровскій Соборъ (Василій Блаженный) въ Москвѣ.

Рисовалъ К. О. Брожъ, рѣзалъ на деревѣ граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ.

ПРОГРАММА.

1. *Оригинальные* **повѣсти** *и* **разсказы**, *какъ историческіе, такъ и бытовые;* **стихотворенія** *извѣстныхъ русскихъ авторовъ*; **повѣсти** *и* **разсказы** *переводные.*

2. **Біографіи замѣчательныхъ дѣятелей.**

3. **Описанія замѣчательныхъ историческихъ событій и эпизодовъ**, *преимущественно изъ русской исторіи.*

4. **Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки древнихъ и новыхъ народовъ,** *преимущественно русскаго.*

5. **Путешествія.**

6. **Новѣйшіе успѣхи естествовѣденія; картины животной и растительной жизни.**

7. **Статьи, относящіяся до народнаго здравія, общественной и домашней гигіены.**

8. **Очерки изъ міра юридическаго; замѣчательные процессы.**

9. **Ежемѣсячное политическое обозрѣніе.**

10. **Фельетонъ.**

11. **Смѣсь, извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, анекдоты и частныя объявленія.**

Образцомъ формата, бумаги, печати и рисунковъ служитъ это объявленіе; каждый еженедѣльный нумеръ **„НИВЫ“** будетъ состоять изъ **четырехъ** подобныхъ полулистовъ (т. е. изъ двухъ цѣлыхъ печатныхъ листовъ).

Первый нумеръ **„НИВЫ“** отпечатается **въ концѣ Ноября сего года** въ весьма большомъ количествѣ экземпляровъ и будетъ раздаваться въ редакціи **безплатно**, по требованію всякаго, имѣющаго намѣреніе ближе ознакомиться съ нашимъ изданіемъ. Иногородныхъ издатель покорнѣйше проситъ обращаться къ нему съ требованіями высылки этого нумера и съ подробнымъ обозначеніемъ фамиліи и адреса требователя, съ приложеніемъ десятикопѣечной почтовой марки на пересылку.

Задача **„НИВЫ“**, какъ иллюстрированнаго журнала для семейнаго чтенія, по разнообразію сходна съ задачами издающихся — въ Германіи *„Gartenlaube“*, во Франціи *„Journal pour tous“*

Многіе изъ извѣстныхъ русскихъ литераторовъ обѣщали намъ свое сотрудничество, какъ то: *Д. В. Аверкіевъ, Б. Н. Алмазовъ, Н. Боевъ, И. Я. Вацликъ, М. С. Гольденвейзеръ, В. И. Кельсіевъ, В. В. Крестовскій, С. М. Любецкій, Н. А. Любимовъ, А. Н. Майковъ, А. Ѳ. Писемскій, Н. Н. Страховъ, П. К. Щебальскій* и др., а также художники: *гг. М. Микѣшинъ, Зичи, К.* и *В. Маковскіе, П. Марковъ, Пановъ, Н. А. Богдановъ, К. О. Брожъ,* ксилографы: граверъ Е. И. Величества *Л. А. Сѣряковъ* и *К. Вейерманъ*, и спеціальный корреспондентъ въ Москвѣ: *Л. А. Гойдуковъ.*

Сверхъ того, мы обратились къ русскимъ писателямъ съ просьбою объ участіи ихъ въ соискательствѣ предлагаемой нами нижеслѣдующей **преміи — 1000 рублей** за повѣсть или разсказъ изъ русской жизни или русской исторіи, которые будутъ найдены издателемъ наиболѣе соотвѣтствующими задачѣ журнала **„НИВЫ“**. Имя автора, получившаго премію, будетъ объявлено нами какъ въ нашемъ изданіи, такъ и во всѣхъ большихъ газетахъ. Повѣсть же или разсказъ появится на страницахъ **„НИВЫ“**.

Кромѣ того, право на изданіе **„Живописнаго Сборника“** съ 1870 г. перешло въ нашу собственность. **„Жив. Сборн.“**, оканчивая свое существованіе въ концѣ 1869 г., сливается съ нашимъ журналомъ, почему покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **„Жив. Сборн.“** въ будущемъ году адресовать требованія въ контору редакціи **„НИВЫ“**.

Подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ:** въ Конторѣ Редакціи: на углу Невскаго проспекта и Малой Конюшенной улицы, домъ Рива № 26, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ **Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ.

Редакторъ В. КЛЮШНИКОВЪ. Книгопродавецъ-издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Желающіе подписаться отрѣзываютъ нижепомѣщенный бланкъ и, съ приложеніемъ подписныхъ денегъ, высылаютъ его въ Редакцію **„НИВЫ.“**

Подписной Бланкъ.

Въ Контору Редакціи журнала „Нива“

Въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, домъ Рива, № 26.

Нижеподписавш.................., *требуя* *экземпляр*........... *журнала* **„НИВА“**, *прилагаетъ* *рублей, съ тѣмъ чтобы журналъ этотъ высылался по слѣдующему адресу:*

Имя, отчество и фамилія: *Адресъ:*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 24 Октября 1869 г. Типографія и Литографія Траншеля, на углу Невск. и Владим. просп., д. № 45—1.

II годъ. О подпискѣ на 1871 годъ. годъ II.

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1871 ГОДУ, ПОДЪ ТОЮ ЖЕ РЕДАКЦІЕЮ, ВЪ ТОМЪ ЖЕ НАПРАВЛЕНИ И ОБЪЕМѢ, ПО ТОЙ ЖЕ ПРОГРАММѢ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО КАКЪ И В 1870 Г.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 130 — 150 художественно-выполненными рисунками:

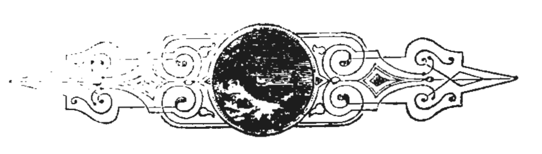
Безъ доставки въ Петербургѣ.	**4 р.**	Съ доставкой въ Петербургѣ	**5 р.**
Безъ доставки въ Москвѣ . .	**4 р. 50 к.**	Для иногородныхъ. . . { съ пересылкой и упаковкой .	**5 р.**

Лестное и благосклонное вниманіе русской читающей публики, которымъ пользовалась «НИВА» въ первый годъ своего существованія, поставляетъ намъ въ непремѣнную обязанность, на этотъ второй годъ нашего изданія, употребить тѣмъ бóльшія усилія для улучшенія нашего журнала.

Все же обѣщанное въ прошлогоднемъ объявленіи объ изданіи «НИВЫ» было нами выполнено болѣе чѣмъ добросовѣстно; такъ напр. вмѣсто обѣщанныхъ **ста четырехъ** художественно-выполненныхъ рисунковъ мы помѣстили ихъ гораздо большее количество.

«НИВА» неуклонно стремилась къ своей цѣли: служить для семейнаго чтенія, поставивъ себѣ задачею — какъ можно болѣе разнообразить содержаніе статей, для того чтобы каждый читатель могъ найдти на ея страницахъ нѣчто интересующее его; мы старались всѣми силами содѣйствовать распространенію любви къ отечествовѣденію помѣщеніемъ историческихъ повѣстей и разсказовъ, и знакомить читателей съ новѣйшими успѣхами европейской цивилизаціи, излагая полезныя знанія въ общедоступной формѣ по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Въ отчетахъ о текущихъ событіяхъ политической жизни «НИВА» приняла исходною точкою своихъ воззрѣній ту великую роль, которую Россія занимаетъ въ семьѣ европейскихъ государствъ. Вѣрная своей программѣ, «НИВА» никогда не давала мѣста на своихъ страницахъ мелкой полемикѣ личныхъ счетовъ и ни разу не уклонилась отъ главнѣйшаго своего назначенія: быть семейнымъ журналомъ, т. е. не заключающимъ въ себѣ ничего противнаго религіознымъ воззрѣніямъ, нравственности и кореннымъ, исконнымъ обычаямъ русской семьи.

На слѣдующихъ шести страницахъ читатели найдутъ образцы нашихъ рисунковъ.

Іоаннъ III и татарскіе послы.

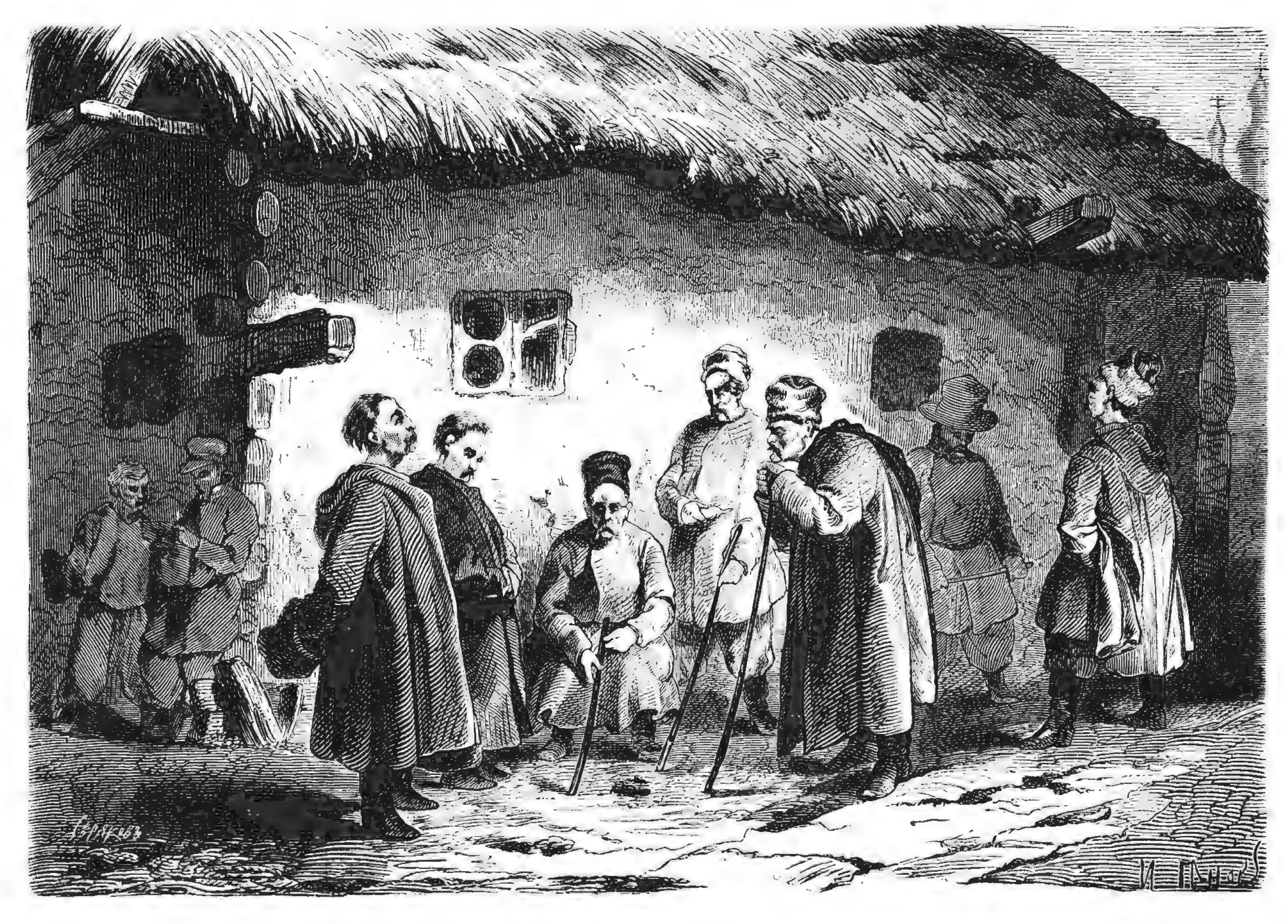
Оригинальный рисунокъ на деревѣ профессора К. Е. Маковскаго гравир. К. Вейерманъ.

На роздыхѣ.

(Сцена изъ малороссійскаго быта.)

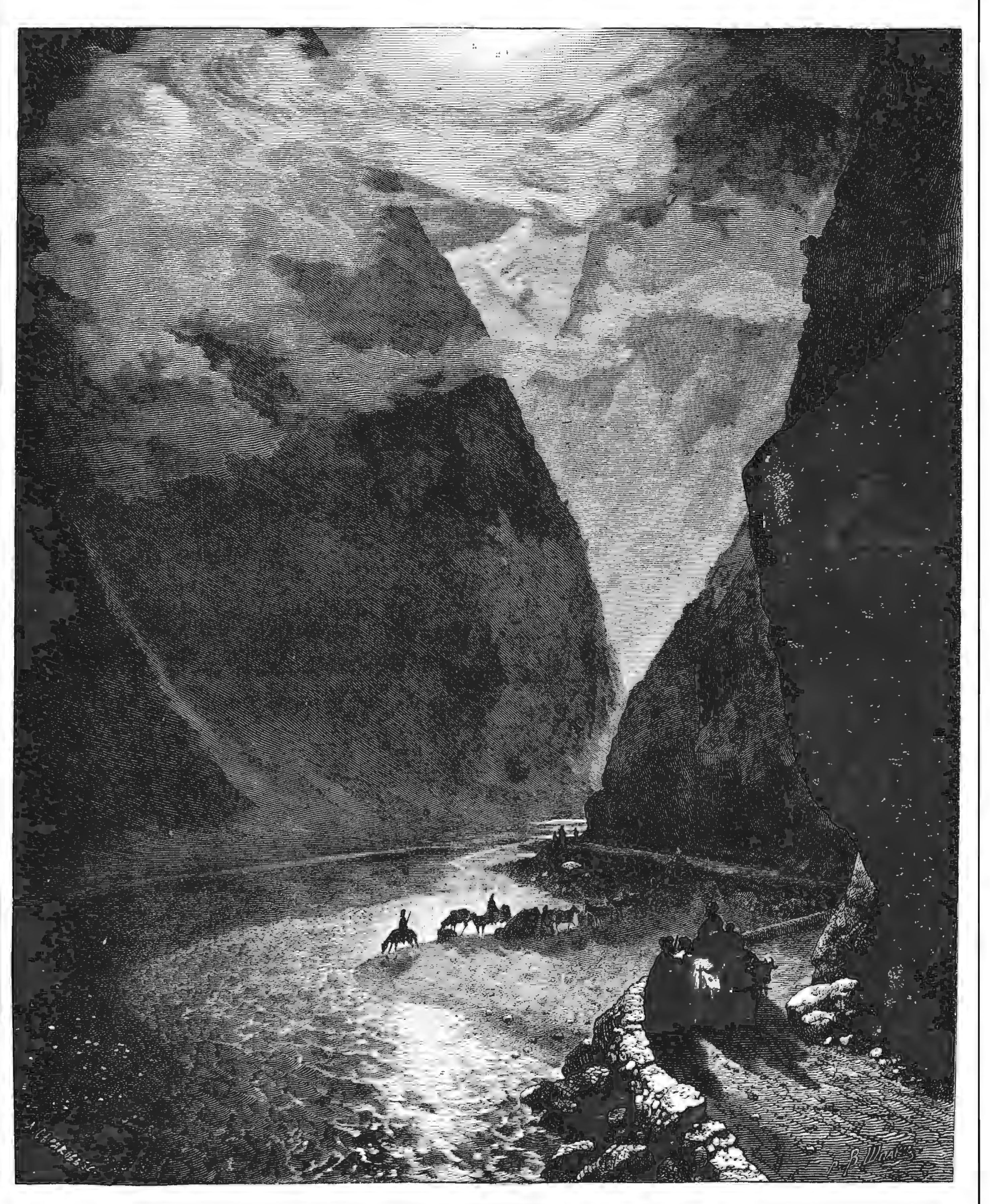
Съ оригинальнаго эскиза перомъ пр. Верещагина, рисовалъ В. Шпакъ, на деревѣ рѣзалъ граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ.

Се діло треба разжувати.

(малороссійская сходка.)

Съ факсимиле Т. Шевченко рисовалъ И. Пановъ, гравировалъ Л. А. Сѣряковъ.

Дарьяльское ущелье.

Оригинальный рисунокъ съ картины профессора П. К. Айвазовскаго, одобренный авторомъ.

Рисов. на деревѣ В. Шпакъ; гравир. Л. А. Сѣряковъ.

НИВА

Гулянье на Адмиралтейской площади во время масляницы.

Съ оригинальной картины пр. К. Е. Маковскаго, рисунокъ на деревѣ исполненъ самимъ авторомъ, гравированъ Л. А. Сѣряковымъ.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Рисовалъ В. Шпакъ; гравировалъ Л. А. Сѣряковъ.

Въ „Нивѣ“ за прошлый 1870 г. напечатаны (по порядку помѣщенія): стихотворенія А. Н. Майкова, повѣсти В. В. Крестовскаго (Подъ каштанами Саксонскаго сада), В. И. Кельсіева (Москва и Тверь), комедія Д. В. Аверкіева, статьи С. М. Любецкаго, Н. Н. Страхова, П. К. Щебальскаго и др., не считая повѣстей, разсказовъ и популярныхъ статей переводныхъ. Собственно въ редакціонныхъ статьяхъ мы старались не пропустить ни одного замѣчательнаго факта современной общественной жизни, каковы были: прорытіе Суэцкаго канала, сооруженіе Тихоокеанской желѣзной дороги, Всероссійская мануфактурная выставка и наконецъ Прусско-французская война, въ виду которой мы замѣнили наше ежемѣсячное политическое обозрѣніе еженедѣльнымъ.

Въ будущемъ 1871 году въ „Нивѣ“ будутъ участвовать: гг. *Д. В. Аверкіевъ*, *Б. Н. Алмазовъ*, *Н. Боевъ*, *Е. А. Бѣловъ*, *И. Я. Вацликъ*, *Д-ръ Ф. Гезеллiусъ*, *Л. А. Гойдуковъ*, *Г. П. Данилевскій*, *В. И. Кельсіевъ*, *В. В. Крестовскій*, *А. И. Кобякова*, *А. И. Коптевъ*, *С. М. Любецкій*, *О. Н. Ливчакъ*, *Н. А. Любимовъ*, *А. Н. Майковъ*, *А. Ѳ. Писемскій*, *П. Н. Петровъ*, *Н. Н. Страховъ*, *И. С. Тургеневъ*, *М. Б. Чистяковъ*, *А. П. Шевяковъ*, *П. К. Щебальскій*, и др., а также художники: проф. *И. К. Айвазовскій*, *Зичи*, *К.* и *В. Маковскіе*, *П. Марковъ*, *Пановъ*, *Н. А. Богдановъ*, *К. О. Брожъ*, *В. Шпакъ*, ксилографы: граверъ Е. И. Величества *Л. А. Сѣряковъ* и *К. Вейерманъ*.

Въ числѣ прочихъ литературныхъ произведеній мы можемъ обѣщать на будущій годъ новую историческую повѣсть В. И. Кельсіева (автора повѣсти „Москва и Тверь“, имѣвшей большой успѣхъ въ средѣ нашихъ читателей) и новый разсказъ В. В. Крестовскаго, находящійся уже въ портфелѣ редакціи.

ПРОГРАММА.

1. Оригинальные **повѣсти** и **разсказы**, какъ историческіе, такъ и бытовые; **стихотворенія** извѣстныхъ русскихъ авторовъ; **повѣсти** и **разсказы** переводные.
2. **Біографіи замѣчательныхъ дѣятелей.**
3. **Описанія замѣчательныхъ историческихъ событій и эпизодовъ**, преимущественно изъ русской исторіи.
4. **Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки древнихъ и новыхъ народовъ**, преимущественно русскаго.
5. **Путешествія.**
6. **Новѣйшіе успѣхи естествовѣденія; картины животной и растительной жизни.**
7. **Статьи, относящіяся до народнаго здравія, общественной и домашней гигіены.**
8. **Очерки изъ міра юридическаго; замѣчательные процессы.**
9. **Ежемѣсячное политическое обозрѣніе.**
10. **Фельетонъ.**
11. **Смѣсь, извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, анекдоты и частныя объявленія.**

Образцомъ формата, бумаги, печати и рисунковъ служитъ это объявленіе; каждый еженедѣльный нумеръ „**НИВЫ**“ будетъ состоять изъ **двухъ** подобныхъ листовъ.

Первый нумеръ „**НИВЫ**“ отпечатается въ весьма большомъ количествѣ экземпляровъ и будетъ раздаваться въ редакціи **безплатно**, по требованію всякаго, имѣющаго намѣреніе ближе ознакомиться съ нашимъ изданіемъ. Иногороднихъ издатель покорнѣйше проситъ обращаться къ нему съ требованіями высылки этого нумера и съ подробнымъ обозначеніемъ фамиліи и адреса требователя, съ приложеніемъ десятикопѣечной почтовой марки на пересылку.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ Конторѣ Редакціи: на углу Невскаго проспекта и Большой Морской, домъ Россмана № 9—13, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ **Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ.

Покорнѣйше просимъ заблаговременно высылать подписныя деньги — и по возможности прямо въ Контору Редакціи ибо лишь въ такомъ случаѣ мы можемъ ручаться за правильную и аккуратную отправку нашего журнала по почтѣ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**. Издатель **А. Ф. Марксъ**.

Желающіе подписаться отрѣзываютъ нижепомѣщенный бланкъ и, съ приложеніемъ подписныхъ денегъ, высылаютъ его въ Редакцію „**НИВЫ**“.

Подписной бланкъ.

Въ Контору Редакціи журнала „НИВА“ (А. Ф. Марксу).

Въ С.-Петербургѣ, на углу Невскаго проспекта и Большой Морской, домъ Россмана № 9—13.

Нижеподписавш..........., требуя .... экземпляр........... журнала „НИВА“ прилагаетъ .... рублей, съ тѣмъ чтобы журналъ этотъ высылался по слѣдующему адресу:

Имя, отчество и фамилія: *Адресъ:*

Дозволено цензурою. С-Петербургъ. 29 Октября 1870 г. Типографія и Литографія А. Траншеля, на Невск. и Владим. пр., д. № 45—1.